
ИСТОРИЯ
СИБИРИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АН СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ

ИСТОРИЯ СИБИРИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1968

ИСТОРИЯ СИБИРИ

ТОМ ВТОРОЙ

СИБИРЬ В СОСТАВЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1968

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ

А. П. ОКЛАДНИКОВ (главный редактор),
В. И. ШУНКОВ (главный редактор),
В. А. АВРОРИН, Э. В. ГОГОЛЕВ (зам. главного редактора),
Г. А. ДОКУЧАЕВ, В. И. ДУЛОВ, А. И. КРУШАНОВ,
Ф. А. КУДРЯВЦЕВ, И. И. МАТВЕЕНКОВ, А. П. ПОТАПОВ,
Г. А. ПРУДЕНСКИЙ, И. М. РАЗГОН,
В. А. СОСКИН (ответственный секретарь),
П. Т. ХАПТАЕВ (зам. главного редактора)

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТОМА

В. И. Шунков (редактор), *В. А. Александров, Э. Я. Бояршинова,*
О. Н. Вилков, М. М. Громыко, Б. О. Долгих,
А. Н. Копылов (ответственный секретарь), *Ф. А. Кудрявцев*

1644
1967 (подписное)

Предисловие

Второй том «Истории Сибири» хронологически охватывает большой этап исторического развития Сибирской земли — с середины XVI до середины XIX в. Присоединение Сибири к Русскому государству с конца XVI в. обусловило коренной перелом в ее истории, отразившийся на этническом развитии и всех сторонах жизни местного населения и приведший к тому, что в относительно короткий срок Сибирская земля со слоем этнически разнообразным населением, среди которого стали численно преобладать русские, превратилась в органическую часть многонационального Российского государства. Проследить эти многообразные процессы на протяжении трех столетий и их результаты было основной целью при написании данного тома. Естественно, что исследование указанных процессов и прежде всего проблемы включения Сибири в состав Русского государства, ее хозяйственное освоение, исторические судьбы коренного сибирского населения определили структуру тома.

Присоединение Сибири и ее заселение преимущественно русским населением не представляются чем-то исключительным в истории России. Наоборот, именно со второй половины XVI в. и особенно на протяжении XVII в. наряду с Сибирью происходило присоединение и политическое упрочение в составе государства обширных областей Среднего и Нижнего Поволжья, южнорусских земель («Дикого поля»), Донской земли, а позднее — так называемой Новороссии и земель современного Ставрополья: эти окраинные территории активно заселялись и хозяйственно осваивались русским, частично украинским и другим населением из районов, расположенных ближе к центру. Эти взаимосвязанные процессы политического и колонизационного характера, происходившие в принципе одновременно, обусловливались конкретными историческими обстоятельствами. Сложность и их внутренняя противоречивость заключались в том, что если расширение границ государства и объектов феодального грабежа осуществлялось в интересах господствующего феодального класса России, то колонизационные движения отражали попытки широких народных масс вырваться из-под ига феодального гнета. Приблизительно с середины XVII в., когда, по определению В. И. Ленина, в России начался новый период ее истории, быстрое развитие мелкого товарного производства, появление мануфактур, развитие рыночных связей и начало формирования всероссийского рынка стали оказывать существенное влияние на экономику окраинных областей, в частности Сибири.

С включением окраинных (в значительной части не населенных) территорий в состав государства и последующим их заселением на них начала распространяться господствующая в России феодальная система социально-экономических отношений с необходимыми атрибутами административного, фискального и судебного управления.

Поэтому рассматривать историю Сибири со второй половины XVI в. невозможно вне политических, социальных, экономических и культурных

явлений, свойственных России в целом. Признание общности этих явлений отнюдь не исключает возможность существования местных особенностей, порожденных природными условиями, бытовым укладом населения, индивидуальными чертами его хозяйства. Вне учета местной специфики невозможно конкретно понять исторический путь, пройденный Сибирью. Поэтому авторский коллектив стремился к конкретизации материала, свидетельствующего об общих и частных явлениях в развитии Сибири и ее отдельных районов. Такой подход обусловил и внутреннюю периодизацию истории Сибири феодального периода, принятую в томе.

Структура и материалы тома отражают уровень современного советского сибиреведения. Успехи исследовательской мысли в этой области исторических знаний, особенно за последние 10—15 лет, позволяли в целом достаточно полно отразить в томе основные проблемы истории Сибири. Если материал первого тома «Истории Сибири» свидетельствует о процессах, характеризующих этническую историю и социально-экономическое развитие коренных народов Сибири с древнейших времен до их присоединения к Русскому государству, то в настоящем томе большее внимание уделено населению русскому. С одной стороны, это объясняется тем, что в советской историографии история коренных сибирских народов XVII—XIX вв. относительно более полно разработана, тогда как многообразные исследования по истории русского населения Сибири рассматриваемого времени требуют еще известного обобщения, необходимого для дальнейшей разработки истории Сибири. С другой стороны, хозяйственная деятельность русских переселенцев в Сибири явилась основным фактором, ускорившим ее социально-экономическое развитие, и именно поэтому она заслуживает более подробного освещения. Некоторые вопросы, монографически до сих пор не исследованные, не могли быть в данном томе исчерпывающе освещены. Пристального внимания заслуживает проблема культурных и этнических взаимовлияний у народов Сибири, до сих пор не подвергавшаяся всестороннему исследованию. Особое значение в этой проблеме имеет вопрос о влиянии русского населения на изменение хозяйства коренных народов и о его роли и месте в этногенетических процессах. Требуют дальнейшего изучения история русской колонизации в первой половине XIX в., быт русского населения в XVII—XIX вв. и система управления Сибири в первой половине XIX в.

Авторский коллектив, ставя своей основной целью рассмотрение социально-экономической истории сибирских народов в составе Русского государства и истории заселения и освоения Сибири русским населением, считал нецелесообразным подробно касаться дипломатических сношений с соседними азиатскими государствами и народами, так как эти вопросы относятся в большей степени к общим проблемам внешней политики России.

* * *

Второй том «Истории Сибири» подготовлен авторским коллективом в следующем составе:

Введение — В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков.

Раздел первый, гл. I, 1 — З. Я. Боярщинова, В. И. Шунков, 2 — В. А. Александров, 3 — Б. О. Долгих, Л. П. Потапов; гл. II, 1 и 2 — В. И. Шунков, 3 — Л. П. Потапов, Н. Н. Степанов (использован также материал, представленный Э. В. Гоголевым); гл. III, 1 — В. И. Шунков, 2 — А. Н. Копылов, 3 — В. А. Александров; гл. IV, 1 — А. Н. Копылов, Б. П. Полевой, 2 — А. Н. Копылов (использован также материал, представленный Е. К. Ромодановской).

Раздел второй, гл. V, 1 — З. Я. Боярщинова, 2 — З. Я. Боярщинова, М. М. Громыко, 3 — М. М. Громыко, Э. Г. Карпенко, 4 — О. Н. Вил-

ков, М. М. Громыко, 5 — Л. П. Потапов, Н. Н. Степанов; гл. VI, 1 — О. Н. Вилков, Ф. А. Кудрявцев, 2 — О. Н. Вилков; гл. VII, 1 — А. Н. Комылов (использованы также материалы, представленные Е. К. Ромодановской и М. Г. Альтшуллером), 2 — Н. Н. Степанов.

Раздел третий, гл. VIII, 1 — В. А. Александров, В. И. Бочарникова, А. Д. Колесников, Ф. А. Кудрявцев, 2 — В. И. Бочарникова, Г. П. Жидков, Ф. А. Кудрявцев, Ф. Г. Сафронов, 3 — Т. И. Агапова, З. Г. Карпенко, Ф. А. Кудрявцев, А. С. Нагаев, 4 — Ф. А. Кудрявцев, 5 — Л. П. Потапов, Н. Н. Степанов; гл. IX — Т. И. Агапова, В. И. Бочарникова, Ф. А. Кудрявцев, А. С. Нагаев (использован также материал, представленный Ю. Б. Стракачом); гл. X, 1—3 — В. Г. Кардов, 4 — Б. Г. Кокошко, 5 — В. Г. Кардов (использован также материал, представленный А. В. Дуловым); гл. XI, 1—2 — В. Г. Кардов, Б. Г. Кокошко, 3 — Ю. С. Постнов, 4 — В. Г. Кардов.

Заключение — В. И. Шунков.

Карты составлены Б. О. Долгих («Этнический состав народов Сибири в конце XVII в.») и А. А. Гольденбергом («Походы землепроходцев и научные экспедиции XVII—XVIII вв.»). Иллюстрации подготовили Н. Н. Покровский и Л. М. Русакова. На последней стадии работы в редакции тома принимал участие Н. Н. Покровский.

Указатели составлены А. М. Грязновой (именной) и Т. С. Мамсик (географический).

Научно-организационную и техническую работу по подготовке тома к изданию вела Л. М. Русакова.

В рецензировании и обсуждении рукописи приняли активное участие Н. Г. Аполлова, А. А. Гольденберг, В. И. Греков, С. С. Дмитриев, А. А. Преображенский, П. Г. Рындзюнский, Ю. А. Тихонов, С. М. Троицкий (Москва), Ю. А. Лимонов (Ленинград), В. Г. Изгачев (Чита), М. К. Одинцова (Иркутск), Н. Я. Савельев (Барнаул), Ф. Г. Сафоонов (Якутск), П. Н. Павлов (Красноярск), Е. Н. Евсеев (Омск), С. С. Лузачев (Томск), И. И. Комогорцев, Н. Н. Покровский, Ю. Б. Стракач (Новосибирск).

Введение

Основные направления в исследовании истории Сибири складывались по мере развития отечественной научной мысли и изучения источников. Интерес к Сибири и ее коренному населению, стремление осмыслить значение ее присоединения к России активно проявлялись уже в XVII в. Именно с того времени внимание отечественной историографии было постоянно приковано к Сибири более, чем к какой-либо иной окраинной территории Русского государства. По мере присоединения сибирской территории и вхождения в состав России местных народов, в архивах центральных правительственных учреждений, ведавших Сибирью (с 1637 г. в Сибирском приказе) начало скапливаться огромное количество официального материала, содержавшего богатейшие данные о зауральских территориях. Разнообразная переписка, распросные речи, различные описания походов, путешествий, дипломатических и административных поездок, росписи и чертежи в местных воеводских центрах и в самом Сибирском приказе подвергались обработке и обобщению в практических целях — при организации сети ясачных зимовий, при решении дипломатических и военно-стратегических вопросов, для нужд землеустройства, организации ямской службы, при поисках полезных ископаемых и т. п. В результате создавались крайне ценные материалы прежде всего по географии Сибири и сопредельных с ней территорий, по расселению местных народов. Систематически проводимая картографическая работа отразилась в составлении в самом конце XVI в. чертежей Оби и некоторых других рек западной части Западной Сибири, включенных в состав знаменитого «старого» чертежа Русского государства, в создании множества маршрутных чертежей Сибири XVII в., сводных чертежей Сибири 1667, 1673, 1684—1687 годов и, наконец, ценнейших чертежных книг С. У. Ремезова, которые явились высшим достижением ранней сибирской картографии, еще не имевшей математической основы. Определенным итогом бюрократической деятельности по обобщению данных о Сибири была «Окладная книга Сибири», составленная в 1697 г. и представляющая собой справочник, содержащий краткие исторические, географические, топографические, демографические и экономические данные.

Наряду с многочисленными материалами административно-прикладного назначения с конца XVI в. и на протяжении XVII в. создавались летописные повести. Их появление отражало живейший интерес русских людей к начальному периоду истории присоединения Сибири. В этих повестях поход Ермака в Сибирь получал принципиально различные интерпретации. В Кунгурской повести главной действующей силой в этом событии представлялись олицетворявшие народные массы казаки, по своей инициативе начавшие знаменитый поход. В других подобных по характеру произведениях отражались официальные взгляды, доказывалась историческая

правомерность присоединения Сибири к царским владениям и идеологическая обусловленность распространения православия (Есиповская летопись) или проводились взгляды, обосновывавшие первостепенные заслуги Строгановых в покорении Сибири и их неотъемлемые права на ее эксплуатацию (Строгановская летопись).

Так, еще в процессе присоединения Сибири к России начинали складываться концепции, в которых выражались различные социальные оценки происходивших событий. В основе летописных повестей находились материалы, оставленные непосредственными участниками похода Ермака. Более сложными по составу были произведения, написанные во второй половине XVII в. Ю. Крижаничем, Н. Спафарием и С. Ремезовым. В них взгляды на присоединение Сибири, отраженные в летописных рассказах, получили дальнейшее развитие. Ю. Крижанич в своем произведении «Политика», написанном на основе разнообразных свидетельств, собранных им в Тобольске от очевидцев сибирских событий, выдвигал уже разностороннюю программу экономического развития Сибири как составной части Русского государства. Та же мысль проводилась Н. Спафарием в его «Путешествии через Сибирь...», где он уделил много места различным советам по развитию в рамках правительственной деятельности сибирской экономики и, в частности, земледелия. Наконец, к наиболее выдающемуся произведению того времени — «Истории сибирской», к самом конце XVII в. составленной С. У. Ремезовым, присоединение Сибири представлялось как результат христианско-просветительской деятельности самодержавного государства. Труд С. У. Ремезова был основан на массе разнообразного материала (летописях, чертежах и географических описаниях, преданиях, в том числе и татарских, и других источниках). Элементы научно-исторического подхода к явлениям, научная критика и сопоставление исторических, этнографических и географических источников, стройность схемы значительно отличают труд С. У. Ремезова от более ранних летописных повестей.

Феодальная русская историография XVII в. присоединение Сибири обосновывала христианско-просветительскими целями, а волю провидения считала **движущей силой исторического процесса**. Эта средневековая идеологическая концепция была общей и для составителей летописных повестей, и для Ю. Крижанича, и для С. У. Ремезова. Однако в рамках этой концепции они по-разному подходили к решению некоторых вопросов. Так, если сибирские летописи, придерживавшиеся официально-церковного направления, лишь передавали проявлениям «идолопоклонников», то Ю. Крижанич и Н. Спафарий со своих, конечно, позиций задумывались о возможном изменении экономического и культурного состояния местных племен, Э. Избранд Идес в своем труде отразил ценные наблюдения об их быте и занятиях, а С. У. Ремезов специально интересовался местными древностями, отражавшими историю аборигенов, и посвятил описанию коренных народов специальный труд, дошедший до нас в кратких изложениях И. Черепанова. Так или иначе, но зародившаяся сибирская историография уже в XVII в. выдвигала принципиальные вопросы истории Сибири, пытаясь объяснить причины присоединения Сибири к России и значение этого события как для России в целом, так и для Сибири и ее населения.

Систематическое изучение Сибири, начатое при Петре I путем организации экспедиций, неизмеримо расширило документальную базу исследований и научный горизонт ученых XVIII в. Несмотря на то что работа этих экспедиций должна была прежде всего отвечать государственным, в том числе и внешнеполитическим, задачам имперской России, она дала колоссальные материалы по истории, географии и этнографии Сибири. На протяжении всего XVIII в. Сибирь исследовалась шире, чем

какая-либо иная часть Российской империи. Географические исследования были направлены на поиски северных путей через Ледовитый в Тихий океан и на поиски путей через бассейн Иртыша в Индию; кроме того, уже при Петре I по всей Сибири были развернуты широкие геодезические работы, материалы которых были использованы при издании «Атласа Всероссийской империи» И. Кирилова (1734 г.) и «Атласа Российского», изданного Академией наук в 1745 г. Первая и вторая Камчатские экспедиции (1725—1743 гг.), академические экспедиции 1768—1774 гг. (П. Палласа, И. Фалька, И. Лепехина), организованные в значительной степени под влиянием М. В. Ломоносова, исследования во второй половине XVIII в. в Северном Ледовитом океане и особенно в Северо-Восточной Сибири имели мировое значение для истории культуры.

В расширении источниковой базы для истории и этнографии Сибири особое место принадлежит выдающемуся русскому историку В. Н. Татищеву и одному из крупнейших историков-сибиреведов Г. Ф. Миллеру. В 1734 г. В. Н. Татищев, находясь в Екатеринбурге, разработал обширную тематическую анкету географического, исторического, этнографического, археологического, лингвистического и антропологического содержания, разослал ее по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губернии и тем самым положил начало первому в России опыту по созданию методически руководимой сети корреспондентов и сбору научного анкетного материала о народах Сибири. В дальнейшем В. Н. Татищев составил грандиозный план сочинения «Истории и географии российской», в котором необходимость многостороннего изучения страны и ее народов подробно обосновал «пользой государственной» и связал с нуждами административного управления.

Одновременно началась работа по выявлению и научной систематизации сибирского архивного и летописного материала. Находясь в составе Камчатской экспедиции, Г. Ф. Миллер в 30-х годах XVIII в. разобрал и описал дела сибирских архивов. Огромное количество привезенных в Петербург копий документов составили один из ценнейших фондов по истории Сибири. Если с именем В. Н. Татищева связано начало собирания сибирских летописей, то с именем Г. Ф. Миллера — первый опыт по их изучению и классификации. Классификацией летописей, сличением списков, выявлением их источников Г. Ф. Миллер создал основы внешней и внутренней источниковедческой критики. В результате источниковедческого анализа летописей Г. Ф. Миллер создал научно обоснованную схему их возникновения. Этот анализ был продолжен в дальнейшем многими исследователями и вызвал оживленную, полную еще не завершенную дискуссию. О сложности такого анализа можно судить хотя бы по тому, что критическое исследование летописей все еще остается не завершенным. Наряду с этим Г. Ф. Миллер одним из первых проводил в Сибири сбор русского и туземного фольклора, а также лингвистического, археологического и этнографического материала. Основу его главного труда «История Сибири», законченного к середине XVIII в., составляют архивные материалы. Однако исследовательская методика Г. Ф. Миллера строилась на сочетании разнотипных источников. Это позволяло ему выдвигать новые научные проблемы. На лингвистическом материале он стремился разрешить этногенетические вопросы, этнографические данные привлекал для исторических выводов, в частности о расселении сибирских народов. Неуклонно следуя научно проверенным показаниям источников, Г. Ф. Миллер был далек от широких обобщений. Он придерживался теологической концепции божественного промысла, столь характерной для русской историографии XVII в., которую дополнил идеей «государственной пользы».

Вся схема истории Сибири, созданная Г. Ф. Миллером, была подчинена доказательству государственной целесообразности ее захвата, утверждению плодотворности самодержавного начала и действий правительственной администрации, прославлению успехов экспансии, открывающей новые экономические возможности для русской феодальной власти. Обоснованная Г. Ф. Миллером канва правительственной и отчасти промышленной колонизации Сибири оказала огромное влияние на официальную дворянскую и буржуазную историографию власть до XX в.

Наряду с общими работами по истории Сибири в XVIII в. началось создание трудов, посвященных описанию отдельных областей и народов Сибири (Г. Новицкого и В. Зуева о ханты, манси, ненцах; Г. Стеллера о Камчатке и др.). Классическим в этом отношении был опубликованный в 1756 г. труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», переведенный вскоре на английский, французский, немецкий и голландский языки и полное сохраняющий значение первостепенного источника по этнографии и истории камчадалов.

Большая и успешная практическая работа по изучению полярных областей Сибири и северной части Тихого океана, проводимая на протяжении XVIII в. русскими исследователями, отразилась и в сибиреведческой историографии, в которой впервые была поставлена проблема великих русских географических открытий на севере и северо-востоке Азиатского материка. Ее разработка связана с именами Г. Ф. Миллера и в еще большей степени М. В. Ломоносова, не только много сделавшего для доказательства возможности Северного морского пути и его значения для России, но и высказавшего замечательные догадки о природе северных морей, подтвердившиеся только в результате исследований советских полярников. В первой половине XIX в. работы целой плеяды полярных русских исследователей XVIII в. были продолжены в северо-восточной части Тихого океана (И. Крузенштерн, Ф. Литке) и Сибири (Ф. Врангель) и также имели значение для этнографического изучения местных народов.

На протяжении XVIII в. были выявлены основные типы источников по истории Сибири, заложены основы их научной критики, выдвинуты определенные схемы исторического процесса, занявшие прочное место в дореволюционной сибирской историографии. В конце XVIII в. по инициативе Н. И. Новикова в «Древней Российской Вивлиофике» началась публикация исторических и статистических материалов по Сибири.

С конца XVIII в. официозная схема присоединения Сибири, созданная Г. Ф. Миллером, перестала удовлетворять передовую научную и общественную мысль в России. Уже А. Н. Радищев в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» высказал новое, демократическое объяснение процесса присоединения Сибири. Он коренным образом разошелся с официальной дворянской исторической концепцией, в противовес Г. Ф. Миллеру связывал присоединение Сибири с процессами народной колонизации и считал, что основной силой в этом историческом событии был русский народ.

С начала XIX в. по мере постепенного экономического и общественного развития Сибири, а вместе с тем и сибирской буржуазии проблематика изучения Сибири претерпевала существенные изменения. С этого времени по мере развития сибирской интеллигенции в разработке истории Сибири начинали принимать участие местные научные и общественные силы. С 1818 г. неутомимый собиратель сибирских источников Г. И. Спасский начал издавать в Петербурге «Сибирский вестник» (с 1827 г.— «Азиатский вестник»), в котором были опубликованы некоторые сибирские летописи и другие материалы (анонимная «История Сибири», при-

надлежавшая, как позднее выяснилось, Ю. Крижаничу и др.). Видное место заняла Сибирь на страницах журналов «Московский телеграф» и «Отечественные записки».

Наиболее ярко новые задачи, выдвигавшиеся в сибиреведческой литературе, прослеживаются в научном творчестве одного из крупнейших историков Сибири П. А. Словцова (1767—1843). Юность и большую часть своей долгой жизни П. А. Словцов провел в Тобольске, где создал фундаментальный труд «Историческое обозрение Сибири», вышедший в свет в 1838—1844 гг. В этом труде он впервые попытался раскрыть внутреннюю сторону процесса русской колонизации Сибири, определить хронологические этапы этого процесса и показать возможно полнее все стороны местной административной, экономической и культурной жизни. П. А. Словцов много ездил по Сибири и хорошо ее знал. Одним из первых в историческом труде он применил прием статистического исследования. Труд П. А. Словцова, вышедший в свет в момент осознания местных потребностей и нужд, оказал огромное влияние на развитие общественно-политической мысли в Сибири. Областнические течение, возникшее в 1860-х годах, провозгласило П. А. Словцова первым сибирским патриотом и своим идейным отцом. Правильно поставленную задачу — дать полную и систематически изложенную схему внутренних процессов, которыми сопровождалось продвижение русских по Сибири, — П. А. Словцов выполнить, конечно, не смог. Помимо общей теоретической слабости, его труд показал также, что известные в то время материалы по истории Сибири слишком малы для решения выдвинутых задач.

Книга П. А. Словцова была не единственной попыткой обобщить многообразные данные о Сибири. В начале XIX в. было издано несколько официальных статистических работ, а в 1854 г. вышел подробный трехтомный труд Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири», в котором наряду с географическими данными был отражен официальный материал о народонаселении, промыслах и торговле, управлении. Одновременно большое внимание уделялось естественноисторическим описаниям. Наиболее ярко оно отразилось в трудах таких крупных ученых, как А. Гумбольдт и А. Миддендорф, собиравших материал во время своих путешествий по Сибири.

На развитие общественной мысли в Сибири безусловное влияние оказали декабристы. Их взгляды и публицистические труды занимают существенное место в сибирской историографии XIX в. Декабристы были носителями идей демократической национальной культуры. Поэтому в их взглядах о путях развития производительных сил Сибири и уничтожения отживших социальных устоев отражались не только буржуазные воззрения о свободной эксплуатации огромного Сибирского края, но и забота о нуждах местного населения и его культурном развитии. Значительный след в сибиреведении как исследователь-бурятовед оставил декабрист Н. А. Бестужев, описавший быт бурят и доказавший широкие возможности их духовного развития наравне с передовыми в культурном отношении народами Европы. Роль русских переселенцев в исследовании Сибири, в великих географических открытиях на востоке и в заселении сибирских земель подчеркивал в своих работах декабрист Г. С. Батеньков.

Существенное влияние на развитие сибирской историографии оказали революционно-демократические взгляды М. В. Петрашевского и А. И. Герцена, видевших в вольно-народной колонизации решающий фактор заселения и освоения Сибири.

Во второй половине XIX в. в сибирской историографии отчетливо проявилась идейная борьба, обусловленная быстрым развитием буржуазных отношений в России. Значительно расширяется документальная база, эпизодическая публикаторская деятельность заменяется систематической

работой по изданию исторических материалов. Успехи источниковедения содействовали конкретизации исследовательской работы, охватывавшей новые проблемы сибирской истории и конкретной действительности. Внимание к географическому фактору и колонизационным движениям в многовековой истории России, ярко отразившееся в концепциях крупнейших историков того времени С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, было свойственно и собственно сибирской историографии. Однако в противовес точке зрения С. М. Соловьева и теоретиков «государственной школы» Кавелина и Чичерина о самодовлеющей роли государства, воплощающего в своей истории всю историю жизни народа, новый взгляд высказал А. П. Щапов, один из видных представителей демократического движения 1850—1870-х годов. Выступая против торжества государственного начала в историческом процессе, А. П. Щапов главным фактором в истории считал народ и свое понимание истории России трактовал как столкновение народа с государством, а особенности истории народной жизни объяснял последствиями колонизационных передвижений, в результате которых народные массы попадали в разные исторические условия, а свою очередь и обусловливавшие областные особенности народной жизни и национальных типов. Он фактически впервые поставил вопрос о необходимости глубокого изучения истории русского и коренного населения Сибири и их хозяйственных и бытовых связей. Подходя с этих позиций к истории Сибири, А. П. Щапов, с одной стороны, стремился раскрыть социальную и колониальную сущность правительственной политики в Сибири и доказывал решающую роль народной колонизации в освоении Сибири, а с другой стороны, на основе этнографических и антропологических материалов, характеризовавших русское население Сибири, боролся против националистической ограниченности славянофилов, трактовавших о неизменных «самобытных устоях» в жизни русского народа.

Взгляды А. П. Щапова о целесообразности федеративного устройства страны, определявшегося, по его мнению, историческими судьбами развития народа, были восприняты идеологами областничества — течения, имевшего существенное значение в общественной жизни Сибири. Это противоречивое в своих общественно-политических взглядах течение сочетало отдельные элементы народнических представлений со специфическими притязаниями вырастающей сибирской буржуазии на безраздельную эксплуатацию Зауралья. Правильно разоблачая колониальную политику царизма, эксплуатацию и ограбление сибирских народов, областники приходили к глубоко неверному и вредному противопоставлению России и Сибири, доказывали, что Сибирь развивается «особыми» путями, и на этом основании делали далеко идущие сепаратистские выводы. Позднее, переродившись, подобно народничеству, областничество, как политическое течение, закономерно оказалось после 1917 г. в рядах контрреволюции. Черпая из исторического прошлого факты, нужные для утверждения «сибирского патриотизма» и мысли о «самобытном» развитии Сибири, областники односторонне и тенденциозно рассматривали ее присоединение к России как историческое несчастье для местных народов, принесшее им только насилие и горе. В тех же целях они ошибочно провозглашали русское старожильческое население Сибири особым этническим типом, выработавшимся под воздействием естественно-климатических условий и в результате активного смешения с местными народами. Последний тезис был ими воспринят у А. П. Щапова. Правильная и интересная мысль А. П. Щапова об особенностях этнического развития русского населения Сибири привела их к неверному выводу о сложении там особого этнического типа.

Острая полемика, развернутая во второй половине XIX в. областниками о путях развития Сибири, имела и положительные стороны. Их пуб-

ландистика, направленная против колониального угнетения «инородцев», на отмену ссылки в Сибирь, превращенную царизмом в край каторги, производила немалое впечатление на развивавшееся общественное мнение. С другой стороны, их обращение к историческому прошлому Сибири и стремление к анализу протекавших там процессов способствовало выдвижению новых научных проблем и разработке новых исторических материалов.

Из активных деятелей областнического движения свой след в сибирской историографии прежде всего оставили Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, много сделавшие для изучения сибирских древностей, для этнографического изучения местных народов, а также для популяризации знаний о Сибири. В работах Н. М. Ядринцева (прежде всего «Сибирь как колония») ставились такие проблемы, как колониальная политика царского правительства в Сибири, влияние колонизационного движения на состояние и хозяйство коренных народов, пути и перспективы их культурного развития; в работах С. С. Шашкова выдвигались вопросы социальной истории («Рабство в Сибири»). В большом и богатом свежим архивным материалом исследовании В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири» анализировались причины неудач административных изменений начала XIX в. Постановка таких проблем была безусловным достижением сибирской историографии, но областническая односторонность и тенденциозность в освещении собранного материала и в выводах не только умаляли научное значение работ областников, но и в ряде случаев сводили их на нет.

Развитие источниковедения и археографии во второй половине XIX—начале XX в. способствовало усилению исследовательской работы в области сибиреведения. Еще в 40-х годах XIX в. Археографическая комиссия приступила к публикации документов по истории Сибири XVII в. в изданиях «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим». В дальнейшем источники по истории Сибири публиковались в трудах Общества истории и древностей российских, в «Русской исторической библиотеке» и других изданиях. В 1880-х годах вышли в свет два тома «Памятников сибирской истории XVIII в.». Археографическая комиссия опубликовала такие важнейшие источники, как «Чертежную книгу Сибири...» С. У. Ремезова, Кунгурскую летопись, и в 1907 г. осуществила выпуск отдельного тома, включающего основные сибирские летописи — Строгановскую, Есиповскую, Ремезовскую. Русское географическое общество опубликовало «Путешествие через Сибирь...» Н. Спафария. В 1890 г. А. Титов при финансовой поддержке сибирского библиофила Г. Юдина выпустил препоходный сборник документов по истории Сибири («Сибирь в XVII в.»), куда вошел перевод сочинения Ю. Крижанича «История Сибири». Издания материалов по истории сибирских городов XVII—XVIII вв. и разрядных книг по Сибири положили начало разработке отдельных типов архивных источников.

Заметно активизировалась в самой Сибири краеведческая работа, значительную роль в которой сыграл организованный в 1851 г. Сибирский отдел Русского Географического общества. В сибирских изданиях публиковались выявлявшиеся местные архивные и летописные материалы (так называемые городские летописи). Определенным итогом изучения таких источников явилось прекрасное исследование И. И. Тыжнова «Заметки о городских летописях Сибири» (1898 г.).

В самом конце XIX в. был завершен Н. Н. Оглоблиным великолепный археографический труд в четырех томах — «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», ставший основой для дальнейших монографических исследований и сохраняющий поныне значение важнейшего справочного издания по наиболее богатому в нашей стране

фонду сибирских архивных материалов. В конце XIX в. особенно заметно проявился интерес к монографическому изучению истории русского населения Сибири конца XVI—начала XVIII в.

Можно полагать, что внимание к истории русского населения объяснялось усилившимся переселенческим движением в Сибирь, в связи с которым была развернута (в практических целях) большая работа по исследованию форм землевладения и порядка землепользования. Наибольшего внимания заслуживала попытка П. Н. Бутинского исследовать процесс складывания русского населения и развития его хозяйства в различных географических условиях Сибири с конца XVI и до середины XVII в. Исследования П. Н. Бутинского («Заселение Сибири и быт первых ее насельников», 1889 г.; «К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд», 1893 г.), предпринятые по существу с правильно поставленной целью и выгодно отличавшиеся относительным для того времени богатством свежего разнотипного материала, тем не менее не позволяли судить о каких-либо закономерностях в складывании русского населения и о значении его деятельности в хозяйственном освоении Сибири. Это объяснялось не только методологическим несовершенством работ П. Н. Бутинского, но и неумением[illegible] колоссальный архивный материал. В своей книге «Заселение Сибири...» он сумел привести только отдельные сведения о различных категориях складывавшегося русского населения и его деятельности. Правда, его отдельные наблюдения существенно развивали имевшиеся представления о [illegible] Сибири. П. М. Головачев попытался рассмотреть роль феодального государства и народных масс в заселении Сибири. Он правильно отметил, что в Западной Сибири заселение было двоякого вида — правительственное и вольно-народное, но предпочтение отдавал первому. Более правильными были его наблюдения по вопросу о взаимоотношениях между русским и коренным населением и их бытовом сближении. В эти же годы в целой серии работ, основанных на архивном материале, Н. Н. Оглоблин впервые в сибирской историографии отразил народные движения в XVII в.

К XX в. дворянское и буржуазное сибиреведение имело длительную и довольно богатую историю, обобщенную А. Н. Пыпиным в IV томе его известного труда «История русской этнографии» (1892 г.). Если к этому времени официальная историография пришла к полному упадку, нашедшему свое логическое завершение в компилятивных и крайне ограниченных по привлеченным материалам трудах В. К. Андриевича, то буржуазное сибиреведение только подошло к мысли о необходимости многостороннего монографического изучения истории присоединения Сибири и начало лишь формулировать свои ближайшие задачи в этом направлении, отраженные, в частности, в статьях П. М. Головачева. Классовая и методологическая ограниченность, явно недостаточная источниковедческая база для монографических исследований препятствовали представителям буржуазной историографии разрешить коренные вопросы истории народов Сибири XVII—начала XIX в.

* * *

Подлинно научная трактовка истории присоединения Сибири к России и истории населяющих ее народов с конца XVI и до середины XIX в. принадлежит советской исторической науке.

Становление основной проблематики и ее научное разрешение осуществлялось в советском сибиреведении с 1920-х годов по мере усвоения марксистско-ленинской методологии, преодоления устоявшихся, но ошибочных положений буржуазной науки, расширения источниковой базы и совершенствования методики научного исследования. В дальнейшем со-

ветские исследователи сконцентрировали свое внимание на нескольких узловых проблемах истории Сибири.

Колоссальная всесторонняя практическая работа по социалистическому преобразованию жизни народов нашей страны, в том числе и народов Сибири, была начата Советским государством с первых лет его существования. Сложность этой работы усугублялась сохранением у этих народов с дореволюционных времен различных укладов (в том числе и крайне отсталых) общественных и хозяйственных отношений, сущность которых можно было определить только научным путем. Поэтому советские ученые основное внимание уделили прежде всего истории коренных народов Сибири. В большинстве своем эти народы не оставили письменных источников, позволяющих восстановить их историю. Дореволюционное сибиреведение лишь накопило значительный этнографически-описательный и фольклорный материал и некоторые данные археологического и лингвистического характера о народах Сибири, что было совершенно недостаточно для воссоздания истории сибирских народов. Слабость научной методики и ограниченность методологии, отсутствие ясного представления об основных этапах истории человеческого общества и недостаточность исторической критики привели к тому, что буржуазные ученые стали трактовать эти народы как «неисторические».

Огромным достижением советской исторической науки было воссоздание истории этих народов. Это стало возможно в результате комплексного изучения, в том числе в полевых экспедиционных условиях, разнообразных по характеру источников — архивных, этнографических, лингвистических, народно-поэтических, антропологических. Уже к концу 1920-х годов выдающийся советский историк С. В. Бахрушин блестяще доказал рядом своих работ возможность раскрытия истории коренных народов Сибири в XVII в. путем глубокого изучения сохранившихся архивных документальных материалов. После его работ этот вид источников неуклонно и широко привлекался при исследовании истории всех народов Сибири. Скрупулезная обработка всяких книг — весьма сложного типа архивных источников — позволила раскрыть важнейшую проблему этнической истории сибирских народов в такой переломный для них этап развития, каким был XVII век. Выдающимся образцом такого исследования, основанного на архивных материалах и опирающегося на данные этнографии, была выпущенная Б. О. Долгих в 1960 г. книга «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке»; ее данные о расселении и составе сибирских народов имеют первостепенную важность для исследования всех последующих этнических процессов в Сибири и полностью опровергают выдвинутый областниками тезис о вымирании коренных сибирских народов после их присоединения к России. Также путем сочетания документальных и этнографических источников шли и другие советские ученые, разрабатывавшие многообразную историю отдельных сибирских народов (С. А. Токарев, А. П. Поталов, М. Г. Левин, А. П. Окладников, Н. Н. Степанов, И. С. Вдовин, И. С. Гурвич и др.).

К настоящему времени советскими учеными воссоздана история большинства сибирских народов, благодаря чему они впервые обрели возможность познать свое прошлое. Успеху этой работы, имеющей большое значение для духовного развития сибирских народов, в немалой степени способствовало создание в советский период в ряде автономных республик и крупных культурных центрах Сибири научно-исследовательских учреждений, на базе которых проводится также и подготовка национальных научных кадров.

В 1930—1940-е годы и особенно на протяжении послевоенного периода наибольшей разработке подверглась история бурятского и якутского

народов, народов Алтая, Тувы и северо-востока Сибири. Наряду с крупными монографиями А. П. Окладникова (Очерки из истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв., 1937), Ф. А. Кудрявцева (История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в., 1940), П. Т. Хантаева (Краткий очерк истории бурят-монгольского народа, 1942), С. А. Токарева (Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., 1945), А. П. Потапова (Очерки по истории алтайцев, 1953; Происхождение и формирование хакасской народности, 1957), И. С. Гурвича (Этническая история северо-восточной Сибири, 1966) итоги многолетних, в том числе полевых, исследований по истории бурятского, якутского, тувинского народов были обобщены в коллективных трудах — История Бурятской АССР (в двух томах), История Якутской АССР (в трех томах), История Тувы (в двух томах). Воссоздание истории отдельных народов Сибири было важным этапом в развитии сибирской историографии. Был введен в научный оборот огромный свежий фактический материал, и осмыслена история народов в свете марксистско-ленинской методологии. Вне зависимости от различной трактовки отдельных событий и различных частных выводов, к которым приходили исследователи, основные положения, выдвинутые и аргументированные советскими учеными, имели принципиальное значение для понимания истории сибирских народов. В их работах было установлено, что социально-экономические отношения у сибирских народов накануне их присоединения к России по своему уровню были намного ниже господствовавшей в России системы развитых феодальных отношений. С этим выводом был органически связан другой не менее важный вывод о добровольном характере присоединения сибирских народов к России. Путем тщательного анализа материала советские ученые установили, что военные столкновения между русскими служилыми людьми и местными жителями, имевшие место в процессе присоединения Сибири, вызывались обычно позицией отдельных представителей местной родоплеменной верхушки, возмущением местного населения тяжестью феодального гнета или злоупотреблениями царской администрации, но не противодействием сибирских народов в целом установлению российского подданства. Такой аспект исследований позволял, с одной стороны, признать присоединение сибирских народов к России фактом огромной исторической важности прежде всего для этих народов, обусловившим наиболее благоприятные условия для их социально-экономического и культурного развития, а с другой стороны, подорвать ненаучные великодержавные представления и развеять буржуазно-националистические тенденции, противопоставлявшие интересы русских и местных народных масс.

О развитии хозяйства и культуры сибирских народов в условиях совместной жизни с русским народом прекрасно свидетельствуют материалы обобщающего труда серии «Народы мира» — «Народы Сибири» (ред. М. Г. Левин и А. П. Потапов, 1956 г.), «Историко-этнографический атлас Сибири» (ред. М. Г. Левин и А. П. Потапов, 1961 г.), а также ряда монографических исследований, посвященных истории и этнографии отдельных народов.

Значительно медленнее исследовалась другая сторона проблемы присоединения Сибири к России, в которой отражалась роль феодального Российского государства и русских народных масс в присоединении, заселении и хозяйственном освоении сибирских земель. Начало таким исследованиям было положено еще в 1920-х годах С. В. Бахрушиным. В многочисленных трудах впервые на основе огромного количества архивных данных административного делопроизводства конца XVII—начала XVIII в. он затронул почти все стороны социальной, экономической, политической и культурной жизни русского населения и выдвинул свою точку зрения об основных движущих силах присоединения Сибири к Рос-

сии. Справедливо признавая очень большое значение в истории русского народа колонизационным движениям, великолепно воссоздав в своих «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (1927) направление путей из европейской части России в Сибирь, выяснив их колонизационное, экономическое и административное значение и наметив этапы проникновения русских в различные районы Сибири, С. В. Бахрушин отдал дань некоторым старым ошибочным представлениям. Он понимал необходимость направить острие исследований не на изучение правительственной деятельности, а на экономические процессы, связанные с колонизационными движениями. Однако весьма ярко охарактеризовав деятельность в Сибири русского торгово-промыслового населения, С. В. Бахрушин отвел первостепенную роль в заселении Сибири торговому капиталу. Эта точка зрения приводила к тому, что, с одной стороны, С. В. Бахрушин обходил значение сельскохозяйственной деятельности русского населения в развитии Сибири, являющейся в условиях феодализма ведущей формой производства, а с другой стороны, недооценивал стремления феодального класса России к расширению объектов феодальной эксплуатации и грабежу сопредельных территорий, осуществляемых государственным аппаратом. Именно эта слабая и неверная часть схемы С. В. Бахрушина уже в 1930-х годах подверглась критике в советской историографии. Однако в этой критике, прозвучавшей, в частности, в предисловии к ценной в документальном отношении публикации «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» (1936 г.), проявилась крайне выраженная односторонняя тенденция рассматривать присоединение сибирских народов только в ракурсе колониальной экспансии, а в пагубных последствиях феодального грабежа во всех его формах и проявлениях видеть единственный результат этого присоединения.

В послевоенные годы в советском сибиреведении определилось иное направление в изучении проблемы присоединения Сибири. В 1946 г. в книге «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в.» В. И. Шунков обосновал и в 1956 г. в «Очерках по истории земледелия Сибири (XVII в.)» развил свою точку зрения, способствовавшую дальнейшему развитию творческой мысли в области сибиреведения. Она заключалась в том, что основой развития производительных сил Сибири после ее присоединения к России признавалось сельское хозяйство русских земледельцев, составлявших уже к концу XVII в. большую часть всех переселенцев. При такой постановке вопроса становилось возможным конкретно показать подлинную роль народных масс и оценить значение русской колонизации в целом и земледелия в частности, как ведущей формы хозяйства, имевшей в дальнейшем определяющее влияние на хозяйство и образ жизни местных коренных народов. Тем самым подтверждался тезис о плодотворном и в основном мирном характере русского присоединения и освоения Сибири, о прогрессивности ее дальнейшего развития, обусловленного совместной жизнью русского и аборигенных народов. Идеи народной земледельческой колонизации получили дальнейшее обоснование в других трудах, посвященных отдельным областям Сибири XVII—XIX вв. (В. Н. Шерстобоев, Иамская пашня, т. I—II, 1949—1957; З. Я. Боришнова Население Томского уезда в первой половине XVII в., 1950; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в., 1956 и Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.), 1961; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., 1965; А. Н. Копылов. Русские на Енисее в XVII в., 1965). Эти труды свидетельствуют о том, что в Сибири с XVII в. распространялись и становились господствующими более высокие социально-экономические отношения, характерные для всей России. Под влиянием общественного

строя России происходило и последующее развитие Сибири как составно и неотъемлемой части единого государства. Успех в решении проблем присоединения Сибири в огромной степени определялся привлеченны новым и разнотипным архивным материалом, без которого дальнейша разработка сибирской проблематики становилась невозможной. Отдел ные попытки обобщения рассматриваемой проблемы, предпринятые в п слевоенные годы на основе лишь опубликованных материалов, по сво результатам не отвечали стоявшим перед сибиреведением задачам.

Изучение истории сибирского земледелия с XVII в. показало, что г мере утверждения в Сибири системы феодальных отношений явлени характерные для социально-экономической и внутриполитической жизн всей России, оказывались характерными и для Зауралья. Обратившис к этим явлениям, советские сибиреведы пришли к выводу о том, что, н смотря на специфические ландшафтные, климатические и хозяйственн условия, социально-экономическое развитие Сибири с XVII в. определ лось общими для России процессами; как и в сельском хозяйстве, вкоп ное значение в развитии местного ремесла и промышленности, в образ вание местных рынков и во втягивании их в образующуюся систем всероссийского рынка имела деятельность русского населения. Это обст тельство обусловило особое внимание к истории русских переселенце Изучение передовых для Сибири форм хозяйства и всей многообразно деятельности русского населения в свою очередь привело к необходимост учета демографических данных, свидетельствующих о территориальн размещении переселенцев, о преимущественных направлениях колониз ционных явлений. В последние годы стремление показать жизнь и тр довую деятельность русского переселенца XVII—XVIII вв. во всем ра нообразии, причем в различных климатических и ландшафтных условия привело к созданию ряда исследований, в которых рассматривался цель комплекс взаимообусловленных проблем. В 1964 г. была опубликована м нография В. А. Александрова «Русское население Сибири XVII—нача XVIII в.», в которой на примере Енисейского края хозяйственное о воение сибирской территории прослеживается в связи с процессом обр зования старожильческого русского населения, ставшего органической даже численно преобладающей частью всего населения, а различные я ления в его жизни рассматриваются в конкретной связи с аналогичны общерусскими явлениями. Существенным вкладом в изучение пробл русского заселения и земледельческого освоения Западной Сибир в XVIII в. явилась названная выше работа М. М. Громыко. Скрупуле ный анализ обширного материала сибирского таможенного делопроизво ства позволил О. Н. Вилкову (см. его работу: «Ремесло и торговля З падной Сибири в XVII в.», М., 1967) показать на примере Тобольск становление сибирского областного рынка, экономически связанно с Центральной Россией, другими сибирскими торговыми центрами и с предельными государствами. История сибирской промышленности, ее о ганизация и социальная природа также рассматриваются в связи с про лемами заселения и хозяйственного освоения Сибири русским народо (Т. И. Агапова, М. М. Громыко, З. Г. Карпенко и другие автор Комплексное исследование по социально-экономической истории Средн Сибири в XVII в. (земледелие, промышленность и торговля) осущест лено в отмеченной книге А. Н. Копылова.

Обратившись еще в 30-х годах к изучению народных волнений в С бири, советские исследователи показали их классовую направленност эти движения отражали не только протест русского и коренного насе ния против различных злоупотреблений местной администрации, как в представлялось буржуазным исследователям, но и, прежде всего, боры против системы национального угнетения и феодального гнета, котор

сопутствовала всему процессу присоединения Сибири и так или иначе была связана с крупнейшими народными движениями в европейской части России XVII—XVIII вв. (А. П. Окладников, Ф. А. Кудрявцев, С. В. Бахрушин, В. А. Александров, А. А. Кондрашенков).

Проблема заселения Сибири русскими в настоящее время привлекла внимание и антропологов, которые впервые развернули исследования по изучению этнической истории переселенцев.

Наконец, особенно в послевоенные годы советские ученые обратились к полузабытой в XIX и начале XX в. истории научных открытий в Сибири. Наиболее глубоко подверглись изучению географические открытия в Сибири и северной части Тихого океана, совершенные русскими землепроходцами, и особенно — освоение русскими мореходами XVII—XVIII вв. арктических морей. Многочисленные исторические, географо-исторические, этнографо-исторические исследования А. И. Андреева, А. В. Ефимова, Б. О. Долгих, М. О. Косвена, Л. С. Берга, А. А. Гельденберга, В. И. Грекова, М. И. Белова, В. А. Дивина и других ученых, богатые новым архивным, в том числе картографическим материалом, непреложно показали, что присоединение Сибири к России повлекло за собой многочисленные открытия, обогатившие мировую науку. Впервые в 1964 г. под редакцией А. В. Ефимова издан прекрасный «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.», содержащий 194 карты, многие из которых были выявлены составителями в различных архивохранилищах нашей страны. Этот атлас свидетельствует не только о развитии географических представлений о Сибири в XVII—XVIII вв., но и о достаточно высоком уровне культуры русских путешественников и картографов того времени.

Исследования проблемы присоединения Сибири сопровождались не только критическим осмыслением нового материала, но и плодотворной археографической и источниковедческой работой, выявлением и учетом новых источников, выработкой новой методики, введением в научный оборот, особенно в послевоенные годы, таких сложных и трудноизучаемых типов источников, как ясачные и переписные книги, документы таможенного делопроизводства и т. п. Еще в 1932—1936 гг. М. П. Алексеев издал в двух частях своеобразную научную хрестоматию «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (XIII—XVI вв.)», в которой огромную библиографическую ценность представляют обширные комментарии, относящиеся к авторам публикуемых произведений и самим произведениям. Несмотря на то что западноевропейская наука сведения о Сибири черпала главным образом из русских источников, ее сведения зачастую представляли немалый интерес. Поэтому публикация М. П. Алексеева серьезно обогатила советское сибиреведение. Публикаторская деятельность крупного знатока истории Сибири А. И. Андреева сделала доступными для широких научных исследований критически проверенные тексты сочинений В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, А. Н. Радищева, целиком или частично посвященные Сибири. В послевоенные годы получили распространение тематические издания архивных документов, посвященные открытиям в Сибири русских землепроходцев (издания под редакцией А. В. Ефимова, М. И. Белова, В. Н. Салова) а также издания памятников устного поэтического творчества северных народов, собранных советскими исследователями. Интересный опыт по привлечению там для выяснения этнической истории сибирских народов принадлежит Ю. Б. Симченко (1956).

Еще в 1920-х годах А. М. Ставрович и С. В. Бахрушин продолжили начатое в XVIII в. изучение сибирских летописей. С. В. Бахрушин показал существование единого протографа, лежавшего в основе разноречивых сибирских исторических повестей. Источниковедческое изучение сибирских

летописей в советское время было продолжено А. И. Андреевым, А. А. Введенским, В. Г. Мирзоевым и другими исследователями. Активное развитие творческой мысли в области источниковедения и историографии Сибири феодального периода привело к созданию обобщающих трудов. Богатейшие данные о сибирских источниках были собраны А. И. Андреевым в «Очерках по источниковедению Сибири» (вып. 1, XVII в., 1-е изд. — 1940 г., 2-е — 1960 г.; вып. 2, XVIII в. 1965 г.). Эти очерки, представляющие собой образец тщательного разыскания, исследования и критики источников, заложили прочную основу советского источниковедения Сибири. Опыты С. В. Бахрушина по обобщению историографических взглядов в области сибиреведения продолжены в настоящее время В. Г. Мирзоевым в монографиях «Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века» (1960), «Историография Сибири (XVIII в.)» и «Историография Сибири (1 пол. XIX в.)». Одним из первых шагов по обобщению исследовательской работы в области фольклористики можно считать книгу Я. Р. Кошелева «Русская фольклористика Сибири» (1962).

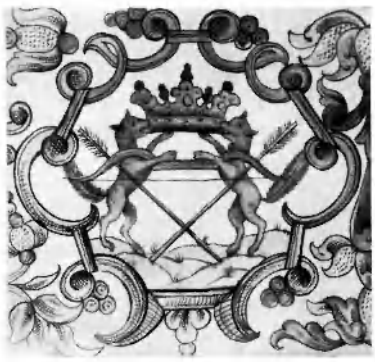
Введению в научный оборот новых материалов и обобщению научных данных по истории Сибири весьма способствуют многочисленные исследовательские работы последних лет, систематически выпускаемые в свет в различных тематических сборниках, подготавливаемых научными учреждениями Новосибирска (серия Сибирского отделения АН СССР — «Материалы по истории Сибири»), Томска, Якутска, Красноярска, Иркутска и других городов.

Состояние советского сибиреведения позволяет приступить к еще более полному обобщению имеющегося материала. В настоящее время Сибирь играет огромную роль в экономическом и культурном строительстве нашей страны, и перед советским сибиреведением стоит задача показать весь исторический путь сибирского населения на разных этапах его развития.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СОСТАВЕ РОССИИ

XVI – НАЧАЛО XVIII в



Герб Сибири. Из жалованной грамоты 1690 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Присоединение Сибири к Русскому государству

1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ЕЕ ЗАСЕЛЕНИЕ

Во второй половине XVI в. Русское государство изживало последствия феодальной раздробленности, окончательно оформлялось как государство централизованное, охватывавшее земли европейской части страны с русским и нерусским населением. Давние связи и общение русского народа с жителями Зауралья, пути, проложенные на восток промышленными и торговыми людьми, подготовили процесс присоединения Сибирского края к России.

Стремление найти постоянный источник пушнины, составлявшей в то время немалую долю приходной части бюджета страны и ценившейся на внешнем и внутреннем рынке, усиливало попытки русского правительства к продвижению границ государства на восток. Этому способствовали также установившиеся еще с конца XV в. дипломатические отношения с тюменским ханом Ибаком и данническая зависимость некоторых угорских племенных объединений нижнего Прикамья. В середине XVI в. были налажены связи с правителями Сибирского ханства Елигером и Бекбулатом, которые еще в большей степени расширили представления русского правительства о пушных богатствах Сибири и укрепили надежду сделать постоянными поступления сибирской пушнины в царскую казну. Завоевание Казани и Астрахани и добровольное присоединение к Русскому государству ряда народов Поволжья и Среднего Приуралья открывали для правительства возможность продвижения и в Зауралье.

С другой стороны, развернувшиеся во второй половине XVI в. английские и голландские экспедиции в поиски Северного Ледовитого океана, усиленные поиски иностранными купцами «северного пути в Индию» настораживали правительство Ивана IV, боявшегося превращения северной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию.

В то же время ликвидация господства ногайских феодальных властителей на Волге, вхождение башкиров и других народностей Среднего Приуралья в состав России открывали для русских людей и особенно для крестьян, искавших в бегстве на окраины освобождения от феодального гнета и эксплуатации, более короткие и удобные пути на восток.

Начало присоединения огромнейшего Сибирского края к Русскому государству относится к концу XVI в., когда развернулось переселение русских в Зауралье и его освоение, и первую очередь крестьянами и ремесленниками. Этот процесс, в целом знаменовавший распространение новых для Сибири социально-экономических отношений и внедрение новых типов хозяйственной деятельности, протекал в различных районах не всегда одинаково. Интенсивность этого процесса, имевшая свои особенности в различные хронологические периоды, зависела от ряда обстоятельств — вну-

триполитических, связанных с миграционными движениями из Европейской России, и внешних, влиявших на начало этих движений. Различные природные условия в отдельных районах Сибири определяли своеобразие заселения и складывающейся хозяйственной жизни.

К началу присоединения Западной Сибири к Русскому государству коренные ее жители находились еще на стадии первобытнообщинного строя, в большей или меньшей степени затронутого процессом разложения. Только у так называемых тобольских татар родоплеменные отношения сохранялись, слившись с примитивной государственность — Сибирское ханство.[1]

В начале 60-х годов XVI в. (1563 г.) территория Сибирского ханства была захвачена ханом Кучумом, который свергнул правителей местной татарской династии (тайбугинов), перенес свою центральную ставку в укрепленный городок Кашлык (Сибирь) на берегу Иртыша, обложил данью (ясаком) местное население ханства, завоевал угорские племена по нижнему Иртышу и тюркоязычное население Барабинской степи.

О захвате Сибирского ханства Кучумом в Москве стало известно летом 1563 г. Прежние вассальные отношения сибирских правителей к России были нарушены. Занятое борьбой с многочисленными внешними врагами, правительство Ивана IV стремилось урегулировать отношения с Кучумом мирным путем. В то же время к обороне восточных границ оно привлекло богатейших предпринимателей Строгановых, имевших вотчины в Пермском крае.

Царская грамота (22 января 1564 г.) предписывала Строгановым построить на Каме ниже городка Канкора новый укрепленный пункт (позднее названный Орлом-городком или Кардеганом), чтобы в Пермскую землю не могли «безвестно» пройти военные отряды Кучума. Крепости Канкор и Кардеган фактически были оборонительными сооружениями на восточных рубежах государства, построенными по указанию правительства.

В 1558 г. вотчины Строгановых были расширены. За Яковом Строгановым закреплялись земли в бассейне р. Чусовой. В то же время Строгановы обязывались поставить на берегах Чусовой и Сылвы сторожевые пункты против набегов «нагайских людей и иных орд».[2]

Возобновление в 1571 г. переговоров с Иваном IV со стороны Кучума было своеобразным дипломатическим маневром, рассчитанным на то, чтобы выиграть время и усыпить бдительность русского правительства. Посольство Кучума приехало в Москву после разорения и сожжения крымскими отрядами Девлет-Гирея московского посада. Среди жителей столицы распространялись также слухи о неудачах и поражениях русских отрядов на фронтах Ливонской войны.

Возвратившись в Кашлык, участники посольства сообщили Кучуму о своих наблюдениях, сделанных в Москве, рассказали об усилении агрессивности крымских татар, за спиною которых стояла султанская Турция. Все это было в интересах Кучума, не желавшего допустить восстановления вассальных отношений Сибирского ханства к России. По-видимому, в 1572 г. Кучум еще не имел достаточных сил для открытой борьбы против Русского государства, поэтому он согласился на вассальную зависимость от русского царя; Кучум принял царского посланника Третьяка Чубукова и обещал собрать с населения ханства дань в казну Ивана IV.

Открытые враждебные действия Кучума начались летом 1573 г. Вооруженные отряды его стали группироваться на восточных склонах Уральских

---

[1] О хозяйстве, общественном строе нерусского населения Западной Сибири к моменту включения его в состав России, о давних связях русских людей с жителями Зауралья см.: История Сибири, т. I. Л., 1967, стр. 353—372.

[2] ДАИ, т. 1. СПб., 1846, № 119, стр. 173.

гор, на границе кочевий Кучума и ногайских мура. В июле сибирские татары во главе с племянником Кучума, Маметкулом, вторглись в вотчины Строгановых. В Сибирском ханстве по указанию хана был убит Третьяк Чубуков. Начались набеги на селения «данных людей» Русского государства — хантов и манси, которым военачальники Кучума запретили платить дань в ясаку казну. Часть взрослого угорского мужского населения была привлечена в военные отряды сибирского хана.[3]

Кучум полностью ликвидировал отношения вассалитета Сибирского ханства к русскому царю. Возникла угроза отторжения от России тех районов Зауралья, население которых считалось данниками России с конца XV—начала XVI в.

Правительство Ивана IV 30 мая 1574 г. направило Строгановым новую жалованную грамоту, закреплявшую за ними земли по восточным склонам Урала, по р. Тоболу, его притокам и область «Тагчеев».[4] Строгановы обязывались поставить в новом районе крепости, в которых «снаряд вогняной и пушкарей и пищальников и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати»,[5] и собирать походы против сибирского хана, используя для этой цели наемных казаков и отряды, набранные из местных жителей строгановских вотчин. Царская грамота разрешила строить сторожевые опорные пункты на берегах Иртыша и Оби, где «пригодится для береженья и охочим на опочив», (т. е. для отдыха).[6] Жителям этих крепостей разрешалась безоброчная охота и рыбная ловля. Таким образом, намечалось распространение строгановских земельных владений в пределах Зауралья, а вместе с тем и укрепление позиций правительства в Западной Сибири. Выполнение этой задачи было делом довольно сложным.

Набеги в район Прикамья продолжались. Используя недовольство манси Строгановыми, мансийский мурза Бербелий Аггаев в 1580 г. разграбил русские селения на берегах р. Чусовой, а в 1581 г. князек Кихек захватил и сжег Соликамск, разорил в Прикамье слободы и деревни, увел их жителей. Вотчины Семена и Максима Строгановых тяжело пострадали. Затем князек Кихек после ожесточенного сражения был разбит служилыми людьми Строгановых.

В этой обстановке Строгановы, используя данное им правительством право набирать ратных людей, сформировали наемный казачий отряд. Командовал отрядом атаман Ермак Тимофеевич. В истории похода Ермака в Сибирь много до сих пор остается неясного и спорного. Сведения о биографии самого Ермака скудны и противоречивы. Одни историки считают Ермака донским казаком, пришедшим со своим отрядом к Строгановым с Волги, другие — жителем Приуралья, посадским человеком Василием Тимофеевичем Аленины (Олениным)-Повольским.[7] Далеко не ясны хронология похода и количество его участников. По мнению большинства исследователей, поход начался в 1581 г. Недавно В. И. Сергеев, основываясь на анализе Ремезовской летописи, предложил новую хронологическую схему похода. Он считает возможным датировать начало похода 1 сентября 1578 г. и намечает его отдельные этапы на протяжении последующих лет. Так или иначе, Ермак, поднявшись по р. Чусовой и перевалив Уральский хребет, двинулся дальше вниз по течению рек восточных склонов Уральских гор — сначала по Тагилу, а затем по Туре. В районе Епанчинских юрт казаки после трехдневного сражения одержали победу над

[3] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М., 1937. Приложения, стр. 339.
[4] «Тагчеевы» С. В. Бахрушин называл район по р. Туре. (См.: С. В. Бахрушин. Русское продвижение за Урал. Научные труды, т. III, ч. I, М., 1955, стр. 142).
[5] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложения, стр. 339—340.
[6] Там же, стр. 344.
[7] А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, стр. 100—109.

отрядами мурзы Епанчи, а затем заняли бывшую ставку тюменского хана Чимги-Туру. Сибирские летописи отмечают крупное сражение на берегу Тобола у юрт Бабасана (в 30 верстах ниже устья Тавды), где против казачьей дружины выступили отряды Кучума во главе с Маметкулом. Серьезное сражение произошло и у Долгого яра. Недалеко от устья Тавды у озера, соединенного с Тоболом протокой, дружине Ермака пришлось выдержать сражение с отрядами мурзы Карачи.

В. И. Сергеев считает, что, укрепившись в городке Карачи, Ермак направил группу казаков во главе с Иваном Кольцо к Строгановым за боеприпасами, продовольствием и служилыми людьми. На нартах и лыжах, приобретенных у местных жителей, казаки добрались до вотчины Максима Строганова. Весной 1582 г. Строгановы направили с Иваном Кольцо 300 служилых людей, дали продовольствие, какое-то количество боеприпасов и даже пищаль, отлитую в Орле-городке.[1]

Между тем казачья дружина не предпринимала наступательных операций ни весной, ни летом 1582 г., ожидая прибытия подкреплений из строгановских вотчин. Только с возвращением Ивана Кольцо казаки в сентябре 1582 г. двинулись по Тоболу. Дойдя до впадения Тобола в Иртыш, отряд начал подниматься вверх по Иртышу. Здесь после ряда сражений казаками было захвачено укрепление Атика-мурзы, и в 20-х числах октября начались бои на Чувашенском мысу (мыс Подчеваш). Предводитель кучумовых войск Маметкул был ранен и переправлен в лодке на противоположный берег Иртыша. Среди татар началось замешательство, оно усилилось, когда подвластные Кучуму хантыйские и мансийские князьки отвели своих воинов с поля сражения и тем самым облегчили казакам победу.

О дальнейшей борьбе с Ермаком на подступах к Кашлыку не могло быть и речи. В ночь с 25 на 26 октября 1582 г. Кучум с ближайшими родственниками и мурзами, захватив наиболее ценное имущество и скот, бежал из своей ставки в степь. Казаки Ермака тотчас заняли опустевший Кашлык (городок Сибирь).

Весть о разгроме и бегстве Кучума быстро распространилась среди коренного населения Западной Сибири. Ханты и мансийские предводители территориально-племенных объединений, татарские мурзы поспешили явиться к Ермаку с дарами, заявить о своем желании принять русское подданство. Уже на четвертый день после взятия Кашлыка к Ермаку прибыли ханты с р. Демьянки (притока Иртыша) со своим князцом Бояром. Затем явились мансийские посланцы из Яскалбинских волостей, князец Инбердей с «товарищи». Приехал татарский князек Суклем и некоторые татарские мурзы.

Принимая привезенные подарки (пушнину и съестные припасы), Ермак награждал прибывших представителей знати ответными дарами, договаривался с ними о включении подвластной им территории в состав Русского государства.

В декабре 1582 г. Ермак отправил группу казаков во главе с Иваном Кольцо с донесением о взятии русскими ратными силами ставки Кучума. Жители Яскалбинских волостей доставили казакам оленьи упряжки и сопровождали их «подчьей» дорогой через горные перевалы до Прикамья.

Между тем бежавший в степи Кучум не сложил оружия. Маметкул в ноябре 1582 г. неожиданно напал на небольшую группу казаков, возвращавшихся с рыбной ловли на Абалацком озере, и почти полностью истребил ее. Ермак организовал погоню за Маметкулом и нанес ему по-

[1] В. И. Сергеев. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака. Вопросы истории, 1959, № 1, стр. 126.

ражение на Шаншинском урочище. Весной 1583 г. казаки разгромили ставку Маметкула на берегу Вагая и пленили его самого.

Разгром ставки Маметкула значительно ослабил силы Кучума, положение которого осложнялось еще и тем, что против него вела борьбу уцелевший сын Бекбулата тайбугин Сейдяк. В то же время от Кучума «отъехал» его приближенный мурза Карача, захвативший кочевья по р. Оми. Карача, притворно называя себя союзником Ермака, попросил у него помощи в борьбе с Кучумом и Ногайской ордой. Ермак, посоветовавшись с товарищами, направил к Карече 40 казаков во главе с вернувшимся из Москвы Иваном Кольцо. Осенью 1583 г. прибывшие в ставку Карачи казаки были убиты. В марте 1584 г. Карача, собрав в татарских улусах [illegible] воинственные глаза вооруженных всяких людей, двинулся к Кашлыку и «сильна казаком Ермаку» — плохо укрепленном городке. Положение осажденных оказалось отчаянным. Продовольствия не было. Карача рассчитывал «их уморить гладом». Казаки предприняли смелую вылазку из осажденного городка и напали [illegible] на лагерь Карачи. Нападение было произведено ночью, и прежде чем татары успели [illegible] за оружие, [illegible] они сильно смешались [illegible]. В бою были убиты два сына Карачи. Сам Карача с немногими татарами едва успел [illegible] бегством.[9]

Ермак. (Из «Истории Сибири» С. У. Ремезова).

Силы казачьего отряда постепенно уменьшались. Правительство Ивана IV, получив донесение о взятии Кашлыка, решило направить в Сибирь отряд из 300 служилых людей под начальством С. Д. Болховского и И. Глухова. Комплектование отряда, проходившее в Приказе, было закончено в конце 1583 г. Не рискуя отправлять служилых людей зимним путем на конях, царь приказал [illegible] их до весны. Строгановым предписывалось [illegible] к весне 15 стругов «со всем судовым запасом», которые б струги и [illegible] по 20 человек в каждом.[10]

Весной 1584 г. отряд выступил из [illegible] в далекий путь и только к осени прибыл в Кашлык, истощив в пути [illegible] с зимней продовольственные запасы.

---

[9] Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 35, 36, 61, 146, 147, 286, 287, 331—333, 337, 340.

[10] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложения, стр. 343.

Зимой 1584/85 г. в Кашлыке начался сильный голод. Летописцы со
щают. «Мнози от гладу изомроша московстии вои и казацы; и воево
князь Семен Болховской тож умре». Число казаков и служилых лю
в бывшей столице Сибирского ханства резко сократилось. Только весн
положение несколько улучшилось. Автор Строгановской летописи
шет: «Мнози языцы окрест живущии Татаровя и Остяки и Вогул
приношаху к ним многия запасы и от ловитв своих от зверей и от пт
и от рыб со велкое довольство изобильно».

Кочевавший со своим улусом в степях Кучум собирал силы, вызыв
к себе татарских мурз, требуя от них помощи для борьбы с русски
Стремясь выманить казаков из укрепленного городка и напасть на
внезапно, Кучум стал распространять слухи, что им задержан торгов
караван бухарцев, направлявшийся в Кашлык. Эти провокационные слу
дошли до Ермака. С отрядом в 150 человек Ермак на стругах спеш
двинулся вверх по Иртышу и дошел до татарских юрт Шиш-гамак, р
положенных у впадения р. Шиша в Иртыш. Из расспросов татар вы
нилось, что бухарского каравана на Иртыше не было. Казаки предпо
жили, что бухарские купцы задержаны Кучумом на Вагае; они поверну
обратно, попылыи вниз по течению Иртыша до устья Вагая, а затем
Вагаю поднялись до Атбашского селения. Здесь окончательно выясн
лась ложность известий о бухарском караване. Казаки двинулись в
ратный путь. Во время ночевки на берегу Иртыша близ устья Вагая
ряд подвергся неожиданному нападению Кучума. Почти все казаки бы
перебиты. Раненный в рукопашной схватке с татарами Ермак пробил
к берегу, но неудачно прыгнул на край струга. Струг перевернулся. В
желом панцыре Ермак не смог плыть и утонул. Это событие, по све
ниям летописцев, произошло в ночь с 5-го на 6-е августа 1585 г.[11]

Когда в Кашлыке были получены вести о гибели Ермака и находя
шихся с ним казаков, команду над оставшимися принял Матвей Мещер
Остатками московского отряда командовал помощник С. Д. Болховско
Иван Глухов. В общей сложности в Кашлыке оставалось не более 150
ловек. Сибирские летописи сообщают, что казаки с М. Мещеряком
стрельцы с И. Глуховым покинули Кашлык и двинулись вниз по Иртыш
и Оби до притока Оби р. Соби, а оттуда северной дорогой вернули
в Россию. Автор Строгановской летописи (по списку Спасского) называ
другой путь продвижения русских, покинувших Кашлык, — по Иртышу
Тобола и вверх по течению Тобола до р. Туры. Здесь казаки встрети
новый русский отряд, направленный правительством в Сибирь под в
мандой И. Мансурова, вернулись с ним на Иртыш и заложили в ус
Иртыша в поставленном укрепленном лагере (Обском городке). Обск
городок просуществовал с 1585 по 1594 г. О нем говорится в летопи
Саввы Есипова, в царской грамоте 1586 г. угорскому князьку Лугую
в «Наказе» 1594 г. Ф. П. Барятинскому и В. Аничкову. После уничт
жения Обского укрепления соратники Ермака, очевидно, переселили
в другие русские городки, построенные в конце XVI в. в Западной
бири. Сохранились документы, повествующие о том, что в 20-е год
XVII в. в Тюмени, Тобольске и других сибирских городах жили кони
казаки, находившиеся в Зауралье с «самого Сибирского взятья».[12] Изв
стно, что тобольский архиепископ Киприан, составляя Синодик, расси
шивал участников похода Ермака «како они приидоша в Сибирь и т.
с погаными были бои и ково где убили погании на драке». Казаки сост
вили «Написание», в котором рассказали о борьбе казачьей дружин

[11] Сибирские летописи, стр. 31, 32, 37—40, 77, 83, 86, 142, 148, 149, 288, 339, 3
[12] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложения, стр. 344, 345.
[13] ЦГАДА, СП, кн. 1, лл. 25, 26; кн. 6, лл. 137—137 об., 183 об.

против сибирского хана Кучума.[14] Вполне понятно, что составить такое «Написание» могли только очевидцы и участники происходивших при Ермаке событий.

Поход казачьей дружины Ермака сыграл большую роль в подготовке процесса присоединения территории Зауралья к Русскому государству. Он открыл возможности широкого хозяйственного освоения Сибири русскими. В результате действий казачьей дружины был нанесен непоправимый удар господству Кучума в Сибирском ханстве. Бежавший в степи Кучум продолжал борьбу с Русским государством еще несколько лет, но Сибирское ханство после взятия Ермаком ханской ставки фактически перестало существовать. Отдельные татарские улусы откочевали с Кучумом, но большая часть западносибирских татар перешла под покровительство России. В состав России вошли ранее подвластные Кучуму башкиры, манси, ханты, жившие в бассейнах рек Туры, Тавды, Тобола и Иртыша, было окончательно закреплено за Россией хантыйское и мансийское население левобережной части нижнего Приобья (Югорская земля).

Таким образом, начало присоединения и освоения Сибири было положено не правительственными отрядами, а выходцами из народа — донскими и волжскими казаками с Ермаком во главе, освободившими ханто, манси, башкир, западносибирских татар и других от ига потомков чингисидов, хозяйничавших в Сибирском ханстве. Царское правительство использовало победу для распространения своей власти на Сибирь. «Последний монгольский царь Кучум», по словам К. Маркса, «был разбит *Ермаком*» и этим «была заложена *основа азиатской России*».[15]

Поход казачьей дружины в Сибирь и разгром Кучума воспеты народом в устном поэтическом творчестве. Поэт-декабрист К. Ф. Рылеев посвятил одну из своих «Дум» гибели руководителя казаков храброго Ермака. Стихотворение Рылеева «Смерть Ермака» стало народной песней. Разгром хана Кучума расчистил дорогу для массовой народной колонизации края.

После гибели Ермака и ухода казаков из бывшей кучумовой ставки Кашлык заняла сын Кучума Алей, пытавшийся восстановить власть узбекских шейбанидов над населением Западной Сибири. Против Алея выступил потомок тайбугинов Сейдяк. Борьба шейбанидов и тайбугинов разгорелась с новой силой, нанося урон хозяйству местного населения. Сейдяку удалось выбить Алея из ханской ставки и завладеть Кашлыком. Он завязал связи с мурзой Карачей и султаном одной из казахских орд, враждовавших с Кучумом.

Малочисленный отряд И. Мансурова не вступал в борьбу с Сейдяком. Соотношение сил изменилось с подходом в 1586 г. в Сибирь нового отряда с воеводами В. Сукиным и И. Мясным во главе. На берегу р. Туры на месте старого татарского укрепления Чимги-Туры была построена русская крепость, названная Тюменским городом. Участники отряда В. Сукина и И. Мясного были направлены в Сибирь на постоянную службу; многие из них в Тюменском городе «поставиша домы себе».[16]

Тюменские воеводы обложили ясаком татарские улусы по Туре, Исети, Пышме и среднему Тоболу. Расположенный на старинной караванной дороге из Средней Азии в Поволжье, Тюменский город стал быстро заселяться русскими людьми и сделался торговым центром Западной Сибири.

По указанию из Москвы, воеводы Тюменского города В. Сукин и И. Мясной скомплектовали отряд во главе с Данилой Чулковым и дви-

[14] Сибирские летописи, стр. 163.
[15] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 166.
[16] Сибирские летописи, стр. 154, 257, 291.

нули его вниз по Тоболу для строительства нового русского укрепления неподалеку от бывшей ханской ставки — Кашлыка. Местом для возведения русской крепости Д. Чулков выбрал высокий берег Иртыша против устья Тобола. Построенный здесь в 1587 г. городок, названный Тобольским, представлял собою небольшое укрепление с деревянными стенами, под защитой которых располагались избы служилых людей.

Отсюда началось наступление против Сейдяка и его сторонников, в котором принимали участие служилые люди, прибывшие с Д. Чулковым для строительства Тобольска, а также стрельцы И. Мансурова и казаки М. Мещеряка, находившиеся в Обском городке. После ряда сражений Сейдяк был пленен и отправлен в Москву, а Кашлык постепенно перестал существовать.

Поскольку одним из основных стимулов русской колонизации Сибири на начальном этапе была пушнина то, естественно, продвижение шло в первую очередь и главным образом в таежные и тундровые районы Сибири, наиболее богатые пушным зверем. Продвижение именно в этом направлении было обусловлено также исключительно слабой заселенностью тайги и тундры и угрозой опустошительных набегов для лесостепных и степных районов Южной Сибири со стороны кочевников казахских и монгольских степей.

В XVI в. наиболее изнуренной дорогой в Сибирскую землю был путь по притоку Камы р. Вишере. Далее через горные [illegible] путь шел по рекам восточных склонов Урала — Лозьве и Тавде. Для освоения и закрепления этого пути на р. Лозьве в 1590 г. был построен Лозьвинский городок. Через него ехали назначенные в сибирские городки воеводы, служилые люди и крестьяне-переведенцы (направляемые по царскому указу), везли запасы продовольствия и боеприпасы. В царских указах, вновь назначенным в Сибирь воеводам обязательно предписывалось идти через Лозьву.[17]

Добравшись зимою санным путем до Лозьвинского городка, русские люди ждали там начала навигации и «на весне», когда «лед скростца», двигались на построенных в Лозьве судах, стругах, дощаниках и лодках вниз по Лозьве, Тавде и Тоболу до Тобольска. В дальнейшем от Тобольска по Иртышу и Оби добирались до Березова и Сургута, от Сургута вверх по течению Оби — до Нарыма и Кетского острога. От Тобольска вверх по Иртышу ездили до Тары, вверх по Тоболу — до Тюмени. В экстренных случаях донесения сибирских воевод из обских городов (Нарыма, Сургута, Березова) направлялись древней северной Зырянской дорогой.

В начале 1593 г. развернулось наступление против враждебного России пелымского князька Аблагирима, союзника Кучума. Для этой цели в Чердыни началось комплектование отряда, воеводами которого были назначены Н. В. Трахениотов и П. И. Горчаков. Кроме строгановских ратных сил, в его состав вошли служилые люди, собранные в северных уездах Русского государства, а также манси, живущие в Приуралье. Сопротивление Аблагирима было сломлено, подвластная ему территория вошла в состав России; младший сын Аблагирима Таутай и внук Учет в качестве пленников отправлены в Москву. Летом 1593 г. участники отряда начали строительство на берегу р. Тавды около устья Пелыма нового русского укрепления, получившего название Пелымского городка. Тем самым был обеспечен путь между Лозьвинским городком и Тобольском.

---

[17] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложения, стр. 346—354, 363—366; ЦГАДА, СП, кн. 1, лл. 1—6, 24—31 об., 34—43.

Часть отряда с П. И. Горчаковым осталась в Пелымском городке для ви..ления караульной службы и взимания ясака с коренного населения района, а другая часть отряда с Н. В. Трахаиотовым отправилась в Тобольск.

В составе первых жителей Пелыма были не только стрельцы, но и переведенцы — Кавгополя, Перми и Вятки крестьяне. Царский наказ Горчакову обязывал воеводу устроить под новым сибирским городком крестьянскую слободу, выделив переведенным крестьянам места под дворы и наделы под пашни. Крестьяне предполагалось использовать для обработки «государевой пашни», урожай с которой поступал бы в казенные житницы.

Крестьян-переведенцев обязывали взять с собой лошадей, крупный рогатый скот, сохи и семена на первый посев. Из 49 переведенцев 20 направили на жительство в Зауралье с семьями, остальным предложили ехать без жен и детей, взяв с собой лошадей, необходимый сельскохозяйственный инвентарь и семена. Семьи этих переведенцев предполагали перевести позднее, когда новосела устроятся на новом месте.

Царский наказ обязывал Горчакова выделить участки для хлебопашества оставленным на жительство в Пелыме стрельцам, с тем чтобы «всякой был хлебопашец, и хлеба не нозить». Воевода должен был привлечь местных жителей (манси и татар), занимавшихся земледелием, обложить их хлебным оброком, освободив от уплаты ясака пушниной.

Таким образом, наказ Горчакову содержал ряд положений, направленных к организации хлебного производства в Сибири, с тем чтобы уменьшить количество доставляемого из европейской части государства продовольствия для снабжения служилых людей. В дальнейшем, вплоть до конца XVII в., правительство неукоснительно требовало от воевод сибирских городов создания и расширения казенной запашки, обеспечения обработки ее крестьянами, увеличения запашки служилых людей с целью сокращения раздаваемого им хлебного жалования. Попытки администрации сибирских городов привлечь местных жителей к производству хлеба для нужд казны успеха не имели. Коренное сибирское население по-прежнему занималось охотой и рыболовством, частично скотоводством. Лишь немногим группам жителей Западной Сибири в XVI—XVII вв. было знакомо земледелие, являвшееся подсобным к охоте и рыболовству занятием.

После разгрома Кучума дружиной Ермака создались условия для заселения русскими крестьянами и посадскими людьми бассейнов Туры, Тавды и нижнего течения Тобола. Упоминания в официальных актовых материалах и некоторые косвенные указания свидетельствуют, что в конце XVI в. шло переселение крестьян в Сибирь и по их собственной инициативе. Царский наказ предписывал Горчакову взять с собой в Зауралье не только переведенцев, но и ижемского крестьянина Истому Харитонова с его семьей и имуществом, пожелавшего переселиться в Сибирь. В Сибири Горчаков должен был разыскать двух беглых людей окольничего А. П. Клешнина (Кудеяркa Иванова и Василия Севастьянова), самовольно ушедших в Зауралье с казаками. В начале упоминается также о том, что при строительстве нового городка Горчаков может встретиться с терскими казаками, которых рекомендовалось привлечь на «государеву» военную службу или занербовать в число посадских людей. В Чердыни в 1593 г. была зарегистрирована поручная запись дьячка Тимофея Евтюгина, из которой известно, что 10 устюжан и жителей Перми Великой заявили о своем желании переселиться в Сибирь на постоянное жительство и служить стрельцами в новом городе. Все они в 1594 г. прибыли в городок Пелым.

Прибывший с Н. В. Трахаиотовым из Пелыма в Тобольск отряд был пополнен тобольскими служилыми людьми и по распоряжению из

Москвы, полученному летом 1593 г., направлен на строительство между Иртышом и Обью для строительства русского административного центра в пределах территории, заселенной обскими хантами и ранее носившей название Югорско", земли. Местом для нового города Трахániотов избрал берег Сосьвинской Сосьвы примерно в 20 км от впадения ее в Обь. Здесь проходила древний путь из Руси в Приобье, который после названное Зырянской дорогой, или Русской тропой. Он начинался от р. Вымь, шел к старому городку по р. Сысве Ляпину и далее вдоль Северной Сосьвы на восток до Оби.

Ранее районы XV в. осваивались русскими людьми из коми-зырянами. К моменту прихода на Северную Сосьву отряда Трахániотова в устье р. Вогулки имелись две русских и зырянских деревни. Рядом лежало заброшенное старинное угорское укрепление, называвшееся по-хантыйски Сугмут-ваш, по-мансийски Халь-ушъ, т. е. Березовый город.[18] Построенный экспедицией Трахániотова на этом месте русский административный центр так и стал называться — Березов.

В феврале 1594 г. из Москвы была направлена небольшая группа служилых людей с воеводами Ф. П. Барятинским и В. Аничковым для закрепления в составе России земель Приобья выше устья Иртыша. По распоряжению правительства березовский воевода Трахániотов послал в Обской городок на соединение с экспедиционным отрядом Барятинского и Аничкова березовских служилых людей и кодских хантов. Соединенный отряд направился вверх по течению Оби в пределы «княжества» Бардака. Хантыйский князек Бардак добровольно принял русское подданство и оказал помощь русским в постройке крепости, в центре подвластной ему территории на правом берегу Оби при впадении в нее р. Сургутки. Новый город на Оби стал называться Сургутом. Все селения хантов в Приобье выше устья Иртыша вошли в состав нового Сургутского уезда. Сургут стал опорным пунктом царской власти в Приобье в борьбе с селькупским союзом племен, известным в источниках под именем Пегой орды. Для усиления сургутского гарнизона все служилые люди из Обского городка с вооружением были переведены в Сургут на постоянное жительство, «а Обской город велети розломать и зжечи и вперед ему не быти».[19]

Попытки обложасичивания селькупов Приобья предпринимались, по-видимому, тобольскими воеводами еще до основания Сургута. При этом этого было не только постоянное стремление царского правительства расширить число ясачных плательщиков в Сибири. Сохранившиеся письменные документы дают возможность полагать, что представители селькупских земли, впоследствии Воней, были связаны с ингильским князем Кашлыком Кучумом, который в 1596 г. «подкочевал» к территории Пегой орды и собирался весной 1597 г. совершить набег на Сургутский уезд. Для предотвращения возможного союза Вони с Кучумом сургутские служилые люди по указанию воевод построили в центре Пегой орды русскую крепость — Нарымский острог.

Вслед за Нарымским острогом на берегу правого притока Оби р. Кети был поставлен Кетский острог. Дата его сооружения точно не установлена. П. Н. Буцинский называет предположительно 1602 г.[20] С основанием Кетского острога представители воевод из Сургута и Нарыма начали собирать ясак с населения бассейна р. Кети, продвигаясь на восток к Енисею.

[18] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 270, 281, 282; Приложения, № 349, 351—353, 362.

[19] ЦГАДА, СП, оп. [illegible].

[20] П. Н. Буцинский. К истории Сибири. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков, 1893, стр. 24—28.

Между тем в 90-е годы XVI в. в лесостепной полосе Западной Сибири продолжалась борьба с остатками орды Кучума. Кучум со своими сторонниками кочевал в бассейне Иртыша, совершая набеги на татарские улусы, признавшие власть русского царя. Для предотвращения разорительных набегов Кучума правительство решило построить на Иртыше у впадения в него р. Тары новый опорный пункт. Сооружению крепости на Иртыше придавалось большое значение. Экспедиционный отряд, который был направлен для строительства этой крепости, насчитывал свыше 1500 человек. Кроме того, в него были широко привлечены для борьбы против Кучума представители коренного сибирского населения. Возглавлял отряд А. В. Елецкий. Основные строительные работы по сооружению крепости закончились летом 1594 г. Русская крепость на Иртыше возле речки Аркарки получила [illegible] да. В составе постоянного тарского гарнизона было оставлено 320 человек.

Татарские улусы по Иртышу от Тобольска до Тары были включены в состав вновь образованного Тарского уезда. До основания Тары жители ряда иртышских улусов были двоеданцами: они платили ясак пушниной тобольским властям и дань Кучуму. Сборы дани обычно сопровождались разорительными вторжениями кучумовых сборщиков в юрты местного населения. Под защитой Тарской крепости жители Прииртышья получили возможность избавиться от гнета Кучума.

Основное назначение Тарского города заключалось в организации обороны русских владений в Прииртышье от притязаний степных кочевников, окончательном разгроме кучумовых орды и [illegible] ясака в царскую казну с местного населения. Служилые люды Тары выполняли военно-сторожевую службу в пограничном со степью районе, наносили ответные удары Кучуму и его сторонникам, расширяли подвластную русскому царю территорию.

Тарские воеводы, выполняя указания правительства, пытались завязать с Кучумом переговоры. В 1597 г. ему была отправлена царская грамота, которая призывала Кучума прекратить борьбу с Россией и принять русское подданство. Русское правительство обещало закрепить за ним кочевья по Иртышу. Переговоры не дали положительных результатов. Тарским воеводам стало известно, что Кучум готовится к набегу на русские селения и ведет переговоры о военной помощи с Ногайской ордой и Бухарским ханством. После этого воеводы Тарской крепости получили из Москвы распоряжение организовать военный поход против орды Кучума. Скомплектованный Андреем Воейковым отряд из русских служилых людей и служилых татар Тары, Тобольска и Тюмени вышел в поход в августе 1598 г. После ряда небольших сражений со сторонниками Кучума и зависимыми от него людьми в районе Барабинской степи отряд Воейкова внезапно напал на главное стойбище Кучума, находившееся недалеко от устья речки Ирмени, левого притока Оби. Жившие по соседству в левобережье средней Оби чатские [illegible] и [illegible] мыки (телеуты) не успели оказать ему помощь. Ставка Кучума была разгромлена, а члены ханской семьи [illegible] в плен.[1] В бою погибли многие представители знати, родственники Кучума и свыше 150 рядовых воинов. Около сотни татар, [illegible] к Оби, [illegible] переплыть ее, но многие из них утонули.[2] Кучуму с небольшой группой воинов удалось бежать.

Дальнейшие сведения о Кучуме носят разноречивый характер. В некоторых источниках говорится о том, что Кучум утонул в Оби, другие сообщают, что бухарцы, заманив его «в Колмаки, оманом убили».[3] С. У. Ремезов же в своей летописи упоминает о столкновении Кучума с калмыц-

[1] АИ, т. II. СПб., 1841, док. № 1, стр. 1—4.
[2] Там же, док. № 1, стр. 3.
[3] РИБ, т. II. СПб., 1875, док. № 99, стр. 283.

кими тайшами на Иртыше, после которого Кучум бежал с «малыми людми в Нагайскую землю жити», где и был убит.[24]

Разгром Кучума на Оби в 1598 г. имел большой политический эффект. Народности и племена лесостепной полосы Западной Сибири увидели в Русском государстве силу, способную защитить их от разорительных набегов кочевников Южной Сибири и вторжения ойратских, узбекских, ногайских, казахских военачальников. Чатские татары спешили заявить о своем желании принять русское подданство и объясняли, что раньше не могли это сделать потому, что боялись Кучума. Полный разгром кучумовой орды произвел громадное впечатление на зависимое и полузависимое от нее население, занимавшее район Барабы. Приняли русское подданство барабинские и теренинские татары, ранее платившие дань Кучуму. В составе Тарского уезда были закреплены улусы, располагавшиеся в бассейне р. Оми.

В начале XVII в. эуштинский князец Тоян приехал в Москву и обратился с просьбой к правительству Бориса Годунова взять под защиту Русского государства селения томских татар в нижнем Притомье и поставить в их земле русскую крепость.[25] Со своей стороны Тоян обязался помогать царской администрации нового города в обложении ясаком соседних с томскими татарями тюркоязычных групп.

В марте 1604 г. в Москве окончательно было принято решение о строительстве города на берегу р. Томи. Воеводы сибирских городов получили указания о комплектовании экспедиционного отряда под начальством Г. И. Писемского и В. Ф. Тыркова. Формирование отряда происходило в Сургуте. В него были включены тобольские и тюменские служилые люди, нельмские стрельцы, тобольские татары и кодские ханты. С началом навигации 1604 г. отряд отправился из Сургута на судах вверх по Оби до устья р. Томи и далее вверх по Томи до земель томских татар князца Тояна.[26]

Местом для сооружения укрепленного пункта был избран высокий мыс горы на правом берегу Томи у впадения в Томь речки Ушайки против Тоянова «городка», расположенного на левом берегу Томи. К концу сентября 1604 г. строительные работы по сооружению Томского города в основном окончились. Часть прибывших с экспедиционным отрядом людей была отправлена к прежнему месту службы, другая — оставлена в новой крепости на постоянное жительство. Вслед за ратными людьми в Томске, как и в других сибирских городах, появились русские крестьяне и ремесленники. В начале XVII в. Томск был самым восточным городом Русского государства. Прилегающий к нему район нижнего течения Томи, средней Оби и Причулымья вошел в состав Томского уезда.

В 1618 г. служилые люди Томского города, собирая ясак с тюркоязычного населения Притомья, заложили в верхнем течении Томи новое укрепление — Кузнецкий острог. В бассейне правого притока Оби р. Чулыма были поставлены небольшие остроги — Мелесский и Ачинский. В острожках находились казаки и стрельцы, выполнявшие военно-караульную службу и оберегавшие местных жителей от вторжений киргизских князьков и зюнгарских Алтын-ханов.

Как на Иртыше, так и в Приобье продвижение в степи Южной Сибири и предгорья Алтая столкнулось со встречным движением кочевников. Здесь шла упорная борьба отдельных ойратских объединений и союзов как между собой, так и с монгольскими Алтан-ханами и казахскими ханами за пастбищные угодья и зависимых данников. Эта борьба приводила

---

[24] Сибирские летописи, стр. 352.
[25] ЦГАДА, СП, кн. 1, лл. 134—137 об.
[26] Там же, кн. 11, лл. 479—489 об.

к передвижению различных групп кочевников по степным районам, наносила большой урон местному населению лесостепной полосы Западной Сибири.

В конце XVI в. произошло изменение официальных сухопутных путей из европейской части России в Сибирь.

Во второй половине 90-х годов XVI в. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов предложил проложить новую сухопутную дорогу в Сибирь, южнее пути через Лозьвинский городок. Прокладка ее началась в 1597 г. Новая дорога шла от Соликамска через горные перевалы на верховья р. Туры. В 1598 г. в верховьях р. Туры был поставлен Верхотурский городок, в строительстве которого участвовали жители Лозьвинского городка (плотники, крестьяне, стрельцы), переведенные в Верхотурье по ...тво. В связи с превращением движения по старой дороге Лозьвинский городок был уничтожен. С прокладкой новой дороги Верхотурье стало на протяжении всего XVII в. «главными воротами в Сибирь», через которые шли «все официальные сношения Москвы с Зауральем».[27] От Верхотурья дорога шла вниз по р. Туре до Тюмени. Для обеспечения перевозок грузов из Верхотурья в Тюмень в 1600 г. на р. Туре, на месте юрта татарского мурзы Епанчи, был основан Туринский острог, который должен был защищать также селения местных жителей и русских переселенцев от вторжений ногайских мурз и других кочевников в этот район.[28] На постоянное жительство в Туринск с тюменским головой Ф. Яновым прибыли 50 служилых людей. Из Казани правительство перевело туда 55 семей крестьян и 6 семей ямщиков и дало указание Ф. Янову путем вербовки в северорусских уездах европейской части страны и сибирских городах расширить число ямщиков в Туринске до 50 и крестьян до 100 семей. Уже весной 1600 г. под Туринском существовала «государева пашня», появились собственные посевы крестьян, ямщиков и служилых людей.

В районе, прилегающем к Туринскому острогу, еще до прихода сюда русских местные жители занимались земледелием. Однако его размеры были невелики. К 1601 г. было известно только 12 селений, жители которых занимались хлебопашеством. Подавляющее большинство аборигенов этого района земледелия не знало и вносило в казну ясак пушниной. Царская администрация, стремясь использовать в своих целях хлебопашество туринских татар и манси, запретила распределять «татарские пашни» (т. е. обработанные участки земли) между русскими поселенцами.[29] Однако неразвитость земледелия у коренных жителей Западной Сибири не позволяла царскому правительству в сколько-нибудь широких размерах использовать нерусское население для производства хлеба, необходимого для снабжения ратных людей сибирских городов. Продовольствие приходилось завозить из северных уездов государства. В то же время со... аналка вблизи русских крепостей в Сибири.

К началу XVII в. почти вся территория Западной Сибири от Обской губы на севере до Тары и Кузнецка на юге стала составной частью России. Выросли русские административные центры — города и остроги. Это были Верхотурье, Туринск и Тюмень, расположенные по берегам р. Туры; Пелым на берегу р. Тавды у впадения в нее р. Пелыма; Тара и Тобольск на берегу р. Иртыша; Березов, Сургут и Нарым на р. Оби; Кетский острог на р. Кети; Томск и Кузнецк на р. Томи. Многие из них в XVII в. стали центрами сформировавшихся уездов.

С образованием в середине 30-х годов XVII в. Джунгарского ханства, объединившего многие ойратские феодальные владения, обстановка на ино-

[27] С. В. Бахрушин. Русское продвижение за Урал, стр. 147.
[28] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Приложения, стр. 383.
[29] Там же, стр. 384.

ных рубежах русских владений в Западной Сибири стала менее напряженной. Между Россией и Джунгарией завязались торговые и дипломатические связи. Калмыцкие лошади и крупный рогатый скот находили сбыт среди русского населения Тюменского, Тарского, Тобольского и Томского уездов. Возникавшие столкновения удавалось урегулировать в основном мирным путем.

Изучавший историю Джунгарии И. Я. Златкин отмечал, что основным противоречием, порождавшим конфликты между Россией и Джунгарией, был вопрос о сборе ясака с енисейских киргизов, тувинцев, чулымских тюрков, северных алтайцев, барабинцев и других обитателей этого района. Возникла даже идея двоеданства и двоеподданства, выдвинутая в 1640 г. джунгарским правителем Батур-Хунтайджи.[30]

Практически в южных уездах Западной Сибири (Тарском, Томском, Кузнецком и др.), так называемых «порубежных» волостей, жители долго платили неокладной ясак в царскую казну и одновременно алман джунгарским сборщикам. Князьки порубежных волостей то откочевывали в пределы владений джунгарских феодалов, то возвращались на старое место жительства.

Присоединение Западной Сибири к Русскому государству было не только политическим актом. Более существенную роль в процессе включения Сибири в состав России играло хозяйственное освоение территории русским народом, развитие производительных сил, раскрытие производственных возможностей богатейшего по природным ресурсам края.

Уже с 90-х годов XVI в. развернулся массовый приток переселенцев из европейской части страны в Сибирь. Сюда бежали, спасаясь от растущего феодального гнета, черносошные, помещичьи и монастырские крестьяне. Порвавшие с феодальным тяглом на старом месте жительства, они назывались «гулящими людьми». В Сибирь прибывали завербованные воеводами сибирских городов посадские люди и крестьяне северных уездов, а также ссыльные.

В течение XVII—начала XVIII в. русский народ проделал титаническую работу по хозяйственному освоению редко заселенного края, создал в тундре и тайге сотни населенных пунктов (зимовий, деревень, слобод, сел, острогов и городов). Особенно интенсивно осваивались уезды Тобольский, Верхотурский, Туринский, Тюменский и частично Тарский. Здесь сосредоточивалась основная часть сибирских земледельцев. К началу 70-х годов XVII в., по преуменьшенным официальным данным, в этих уездах числилось 7586 крестьянских дворов, в которых насчитывалось 16 959 человек мужского населения (крестьян-тяглецов, их детей, братьев, племянников).[31]

Подавляющая часть западносибирского населения сложилась из вольных переселенцев. Правительственная деятельность по переводу и ссылке на пашню не дала существенных результатов.

Наряду с административными центрами — городами и острогами — вырастали крестьянские слободы и отпочковавшиеся от них деревни. По данным переписи 80-х годов XVII в., в Верхотурском уезде в ведомстве Невьянской слободы было 49 деревень, в ведомстве Арамашевской слободы — 22 деревни. Перепись 1710 г. показала, что только в одном Тобольском уезде было 58 слобод с примыкавшими к ним многочисленными деревнями. В этих слободах, по неполным данным, жили 41 437 человек мужского пола, из них 29 423 крестьянина.[32]

---

[30] И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, стр. 197.

[31] ЦГАДА, СП, стлб. 885, лл. 54—74.

[32] В. [illegible] Ивантов. [illegible] черки по [illegible] колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 21, 93, 94, 114—116.

В последнее 30-летие XVII в. русские переселенцы на восточных склонах Урала интенсивно заселяли долину р. Мияс, притока Исети, где возникают слободы Усть-Миясская, Окуневская, Верхняя Миясская, или Чумляцкая, митрополичье село Воскресенское. Эти слободы обрастали деревнями. По переписи 1710 г., здесь было 632 крестьянских двора.[33]

Появились новые крестьянские слободы по Ишиму и Иртышу в пределах Тарского уезда (Аевская, Бергамацкая, Коркина, Татмыцкая и др.). Татмыцкая слобода на Иртыше была расположена на 60 верст южнее г. Тары. К началу XVIII в. она была самым южным русским поселением в этом районе; в ней насчитывалось 142 двора.[34] Это было обычное крестьянское селение, типичное для Западной Сибири конца XVII—начала XVIII в.

К концу XVII в. в Западной Сибири преобладающей группой русских жителей были уже не служилые люди, а крестьяне и ремесленники, занятые производственной деятельностью. «Ведомость сибирских городов» 1701 г. отметила в Западной Сибири 6442 семьи служилых людей, 1944 семьи посадского населения и 9342 семьи пашенных, оброчных и монастырских крестьян.[35]

Русские переселенцы оседали не только в западных уездах Зауралья, но продвигались по Оби и ее притокам дальше на восток. Закрепившись в Приобье, земледельцы начали осваивать район к западу от р. Томи (бассейн р. Ини, Поросы, нижнее течение р. Шегарки). В 80-х годах XVII в. для организации обороны русских поселений и поселений чатов и телеутов по берегам Оби ниже и выше устья р. Томи было решено построить новый острог. Он был возведен летом 1684 г. на высоком берегу Оби в устье р. Уртама, с трех сторон обнесен тыном, имел две башни с проезжими воротами и вооружен тремя пушками и затинной пищалью.[36] Под защитой Уртамского острога выросла Уртамская слобода. В 1690 г. в районе острога жили 77 крестьянских семей, насчитывавших 181 лицо мужского пола.[37]

В начале XVIII в. началось хозяйственное освоение притоков Оби — Оюша, Умрева и Чауса. В 1703 г. в бассейн Оюша и Умрева были переведены 11 крестьянских дворов (40 душ мужского пола) из Сосновского острога Томского уезда. Близ устья Умрева был основан Умревинский острог, около которого сложилась крестьянская слобода. Она заселялась выходцами из слобод Тобольского уезда и пришельцами из-за Урала. Шли в Умревинскую слободу через Тару и Барабинскую степь переселенцы, привлеченные слухами о свободной (никем не занятой) и плодородной земле. В 1707 г. в Умревинской слободе числилось 127 душ мужского пола.[38]

В 1709 г. в истоках р. Оби была основана русская Бикатунская крепость (г. Бийск), вскоре уничтоженная кочевниками и восстановленная в 1718 г. несколько выше устья р. Бии.

Выше Умревинского острога по Оби был поставлен ряд небольших русских укреплений. К числу их относился Чаусский острог (позднее Колы-

---

[33] Н. В. Устюгов. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. Тамбов, 1959, стр. 34, 35.

[34] А. Д. Колесников. Из истории заселения Среднего Прииртышья. Известия Омского отдела Географического общества, вып. 3 (12), 1963, стр. 143—144.

[35] ЦГАДА, СП, кн. 1354, лл. 152—402.

[36] ГАТО, ф. Уртамского острога, оп. 1, д. 1, лл. 12, 39, 40, 85, 85; д. 3, лл. 207—215.

[37] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 266.

[38] Там же, стр. 66, 67.

вань), построенный в 1713 г.[39] Район, прилегавший к Чаусскому острогу, стал быстро заселяться русскими крестьянами, которые шли сюда из Поттомья с выпаханных земель Сасновского острога, с земель Урумского и Умревинского острогов и главным образом с запада через Барабинскую степь. В ближайшей к острогу округе стали возникать деревни и села.

Южнее Чаусского острога в 1716 г. около устья правого притока Оби р. Берди был построен Бердский острог,[40] после чего началось интенсивное земледельческое и промысловое освоение русскими переселенцами нового района Приобья. Первой ревизией 1719—1722 гг. в верхнем Приобье учтено 34 русских населенных пункта, в которых жили 1178 крестьян мужского пола.[41]

Успешное земледельческое и промысловое освоение Верхнего Приобья и междуречья Оби и Иртыша вновь обострило русско-джунгарские отношения. Глава Джунгарии Цэван-Раптан возобновил старую практику посылки сборщиков дани (ламана) и те войска, которые снимались ранее подвластными России (Бараба и Северный Алтай). В августе 1709 г. ойратские зайсаны осадили Кузнецк, сожгли ближайшие к нему русские деревни и в 1710 г. захватили и разгромили Бикатунскую крепость. Ясачные волости Кузнецкого уезда были разорены. В 1714 г. Цэван-Раптан заявил свои претензии на территорию и коренное население Красноярского, Кузнецкого, Томского уездов и Барабинской степи.

Правительство России стремилось к мирному урегулированию спорных вопросов с Джунгарией, посылало для переговоров своих представителей и принимало в Петербурге и Москве джунгарских послов. Одновременно давались указания кузнецкому коменданту Б. Синявину строить и укреплять острожки в Приобье, вести переговоры с телеутской знатью и ойратскими зайсанами о «размене» пленниками, об усилении торговых связей.

В это время сибирский губернатор М. Гагарин сообщил правительству, что в джунгарских владениях имеются значительные золотые россыпи («песочное золото») и в районе г. Яркенда (Еркета) производится его добыча. По распоряжению Петра I в Тобольск был направлен подполковник И. Д. Бухолц, которому предстояло организовать отряд и двинуться с ним вверх по Иртышу в пределы джунгарских кочевий на поиски залежей золота.[42]

Экспедиция Бухолца, насчитывавшая 2902 человека, двинулась из Тобольска в июле 1715 г. на 59 речных судах; значительная часть драгун ехала верхом на лошадях.[43] В том же году около Ямышевского озера Бухолц построил Ямышевскую крепость, которая вскоре была осаждена большим джунгарским отрядом. Длительная осада и начавшиеся среди участников экспедиционного отряда болезни заставили Бухолца уничтожить крепостные сооружения и отступить вниз по Иртышу до устья Оми, где в 1716 г. он заложил Омскую крепость.

Сменивший Бухолца полковник Ступин восстановил Ямышевскую крепость в 1717 г. и для обеспечения сообщения между Омской и Ямышевской крепостями в том же году основал на Иртыше крепость Железинскую. В 1718 г. на Ильине была построена Семипалатинская крепость.

В 1720 г. майор Лихарев из Тобольска с отрядом в 440 человек дошел до озера Зайсан и на обратном пути построил Усть-Каменогорскую крепость на правом берегу Иртыша у впадения в него р. Ульбы.

---

[39] ГАТО, о. Уксанского острога, оп. 1, д. 1, лл. 2—10.

[40] ЦГАДА, ф. Кузнецкой комендантской канцелярии, оп. 1, д. 4, л. 116.

[41] Ю. С. Будкевич. Первое поселение на Алтае, Альманах «Алтай», Барнаул, 1964, № 1 (28), стр. 100.

[42] ИСЗ, т. V, № 2811, стр. 105, 106.

[43] Историческое известие об Омской области. Рукопись неизвестного автора начала XIX в. Научн. библ. Томск. унив., инв. 785, л. 12 об.—13.

Таким образом, к 20-м годам XVIII в. правобережье Иртыша от устья Оши до Устья Ухобы было закреплено за Россией. Для поддержания связи между путешествующими крепостями в последующие годы были построены промежуточные форпосты, и в результате чего образовалась оборонительная линия, ограждавшая русские владения в Барабинской степи. Вероятно, Тарейская и присоединенные части Алтая от набегов джунгарских и иных кочевников.

Русское посольство 1722 г. во главе с Л. Измайловым в Джунгарию и джунгарское посольство Дорджи 1724 г. в Петербург способствовали систематическому русско-джунгарскому общению. Документально зафиксированы сведения о пребывании Цыганова в ставке в 1723 году и Ремезова в 1725 году.

Джунгарская власть, видя потерю ясырей как своих данников и вспомогательную военную силу, заставила телеутских зайсанов организовать перекочевки телеутов с междуречья Оби в его верховьях за границы джунгарских кочевий. Русские власти упрекали этих зайсанов, обвиняя в измене. Однако они объясняли свои действия тем, что не могут не подчиняться джунгарам, так как живут на их земле. Однако часть телеутов осталась в районе Кузнецкого и Томского уездов и не ушла в Джунгарию. Однако часть телеутов ушла в пределы Джунгарии, в основном из насильственного переселения в джунгарские районы. Часть телеутов самовольно ушла в Джунгарию. Оби или в районе впоследствии стали называться и другими тем русским острогом.

Постепенно в Верхнеобской степи стали появляться русские деревни. Основные районы этого освоения – это верховья Иртыша и по течению Оби. В западном районе Барабы появились деревни: Сорокатово, Новотроицкое, Чановка и Ордынское. В Приобье возникли селения: Новосибирское, Бакшеевское, Вагинское и другие.

Несмотря на огромные трудности для этого переселения (трудная дорога в дальние, опасность военных действий), земледелие и животноводство Западной Сибири русским населением с конца XVI – начала XVII в. развивалось успешно.

Лишенные возможности в этих районах заниматься в прежней степени скотоводством и отгонным, русские земледельцы освоили подсечное хлебопашество «залежное» и постепенно от него перешли к трехпольной, создали земледельческое производство и прочную основу для оседлой жизни.

Хозяйственная деятельность русских переселенцев в Западной Сибири оказалась благоприятное воздействие на коренное население края.

3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ЕЕ ЗАСЕЛЕНИЕ

Присоединение к России огромных пространств Восточной Сибири происходило с перерывами на протяжении первой половины XVII в.: окраинные территории на юге, востоке и северо-востоке Сибири вошли в состав России во второй половине XVII в. Камчатка в присоединении к ней затянулся к рубежу конца XVII – первой половины XVIII в.

Присоединение Восточной Сибири началось с занятия Енисея, продолжалось с ним энергией и планомерностью шло. Во второй половине XVI в. русские промышленники из Поморья стали проникать в Обскую губу и далее на восток в нижнее течение Енисея. Промысловое предпринимательство осуществлялось охотниками из-за, которые в конце XVII в.

---

* Хлебопашество в Восточной Сибири Орлова Е. Земледелие и скотоводство местного населения в XVII в. Томск, 1965. (Указаны лишь те работы, которые имеют ценность)

были уже традиционными. Промышленники проходили в указанный район или морским путем (через Югорский Шар, Карское море и полуостров Ямал), или «чрезкаменным» путем (через Урал) в его различных вариантах.[45] В 1616—1619 гг. русское правительство, опасаясь проникновения в устье Оби кораблей английских и голландских компаний, запретило пользоваться морским путем, что, впрочем, не нарушило промысловых связей с низовьями Оби и Енисея.[46]

Промысловое освоение этого района осуществлялось одновременно с освоением более северных арктических областей. Известно, например, что Строгановы основали свою факторию на Новой Земле не ранее середины XVI в.[47]

Целые поколения поморских промышленников преемственно были связаны с пушными промыслами в Енисейском крае. Их деятельность была начальным этапом в процессе образования там постоянного русского населения и установления тесных взаимоотношений с местным населением. Промышленники основали там многочисленные зимовья и даже «городки», служившие опорно-перевалочными пунктами, устанавливали с местными жителями разнообразные связи — экономические, бытовые, а иногда и родственные. Известно, что в самом начале XVII в. один из родов хантыйских энцев назывался родом Яши Вологжанина.[48] В первые десятилетия XVII в. русские промышленники стали энергично осваивать районы по крупнейшим восточным притокам Енисея — Нижней и Подкаменной Тунгуске, а также продвигаться вдоль побережья Северного Ледовитого океана к устью р. Пясины, до северо-восточных берегов Таймыра.[49] В первой половине XVII в. малоцвейными промышленниками были основаны на Енисее Дубчесская слобода (1637 г.), Хантайская слобода, выросшая из зимовья (1626 г.), заимки в верховьях Нижней Тунгуски и другие населенные пункты с постоянным населением.

Правительственная деятельность по установлению политического господства началась только на рубеже XVII в. Летом 1600 г. из Тобольска по Оби и Обской губе двинулись к устью Таза первые воеводы кн. М. М. Шаховской и Д. Хрипунов со 150 служилыми людьми. Русские промышленники, стремясь сохранить за собой монопольное право на эксплуатацию местных пушных промыслов, по-видимому, сумели организовать выступление самодийских племен против установления над ними политического господства царского правительства. В бою, происшедшем где-то в районе устья Таза, воеводы потерпели поражение, но все же сумели укрепиться в каком-то промысловом городке. В 1601 г. на берегах Таза был основан город Мангазея, ставший местным административным центром и важнейшим торгово-перевалочным пунктом. Приблизительно до 30-х годов XVII в. в Мангазее зимовало до тысячи промышленников, готовившихся к очередному промысловому сезону и составлявших там подавляющую часть русского населения.

Основную часть коренного населения Мангазейского уезда в это время составляли предки трех современных этнических групп северных сами-

---

[45] С. В. Бахрушин. Пути в Сибирь в XVI—XVII вв. Научные труды. т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 72—120.

[46] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, стр. 24, 25.

[47] А. А. Введенский. Дом Строгановых, стр. 52—58; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, М., 1956, стр. 1[illegible]—[illegible].

[48] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 130, 133.

[49] А. П. Окладников. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.—Л., 1948; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Сборник статей. Л.—М., 1951.

дийцев — нганасанов, тундровых и лесных энцев, предки современных кетов-остяков и предки современных эвенков-тунгусов. Объясачивание этого населения, раздробленного и не имевшего сколько-нибудь прочных племенных организаций, затянулось тем не менее вплоть до 1630-х годов. К 1607 г. на нижнем Енисее были основаны Туруханское и Бибатское (Имбацкое) зимовья, и ясачный режим был распространен на большинство энецких и остяцких родов.[50] Тунгусские родовые объединения, обитавшие к востоку от Енисея, до середины 20-х годов XVII в. ясачного режима практически не знали. После образования в Мангазее в 1625 г. постоянного гарнизона (100 служилых людей) местные власти, частично опиравшиеся и на промышленников, создали сеть ясачных зимовьев, охватившую весь Мангазейский уезд, и процесс объясачивания коренного населения в нижнем течении Енисея, по Подкаменной и Нижней Тунгуске, на Пясине, Хете и Хатанге к 1634 г. был в целом завершен.[51] Только северная группа самодийского населения — юраки (ненцы) вошла в состав ясачного населения с середины XVII в.[52] Таким образом, рассматриваемая территория политически вошла в состав Русского государства к моменту, когда пушные промыслы русских промышленников и их экономические связи с местным населением были уже в расцвете. Постоянное промысловое русское население начало складываться в Мангазейском уезде к середине XVII в. По мере удаления на восток основных районов пушных промыслов Мангазея с 30-х годов стала терять свое значение торгово-перевалочного пункта, и ее роль перешла к Туруханскому зимовью в нижнем Енисее. Оседавшее там промысловое население, во второй половине XVIII в., концентрировалось в местах, удобных для рыболовства, прежде всего по берегам Енисея ниже Туруханска, заселило низовья Пясины, Хеты и Хатанги, постепенно осваивая для постоянного жительства прибрежные районы Ледовитого океана. С р. Таза русское население ушло на восток в 60-х годах, и Мангазея была тогда же заброшена. К 1721 г. русское население в Мангазейском уезде насчитывало с женщинами и детьми до 1,5—2 тыс. человек.[53]

Проникновение русских в бассейн среднего течения Енисея началось с XVII в. После основания в бассейне Оби Сургута (1594 г.) и Нарыма (1596 г.), а несколько позже Томска (1604 г.) и Кетска (1602 г.) отряды служилых людей по речным системам Вах-Елогуй, Тым-Сым и по р. Кети вышли к Енисею. Одновременно с основанием Мангазеи в первое десятилетие XVII в. вошли в состав России немногочисленные родовые объединения остяков, а также аринцы, обитавшие вверх по Енисею в районе, где позднее был основан Красноярский острог.[54] В это время туда приходили и русские промышленники,[55] хотя массовый приток русского населения начался только с середины 1620-х годов. Присоединение этих районов тормозилось противодействием некоторых тунгусских, бурятских, обратских и киргизских князцов, рассматривавших приенисейское население как подвластное им и беспощадно его разорявших. Тунгусские князцы оказали

---

[50] В. А. Александров. Русские инородческие Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 16—18.

[51] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 121—124.

[52] Там же, стр. 120; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 23, 24.

[53] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., гл. 3.

[54] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 224; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 34.

[55] А. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 24.

сопротивление служилым людям при постройке Маковского и Енисейского острогов (1618 и 1619 гг.). Особенно упорно вел борьбу князец Тасей. Однако его непримиримая позиция не встречала поддержки со стороны других представителей родо-племенной тунгусской верхушки.

В 1628 г. на Ангаре в устье р. Рыбной сотник П. Бекетов нанес поражение «немирным» тунгусам и, вероятно, заключил с ними соглашение; тунгусские князцы получили право самостоятельно собирать ясак со своих родо-племенных групп и сдавать его ясачным сборщикам и окончательно присоединились к России.[56]

Таким образом, присоединение питских, варгаганских и приангарских тунгусов, как и асанов, обитавших по притоку Ангары — р. Тасеевой, произошло на протяжении 20-х годов XVII в.[57] К этому времени Енисейский острог становится важным перевалочным центром для русских промышленников, а около него стало развиваться русское сельское хозяйство. Складывавшееся с 1620-х годов постоянное русское население на среднем течении Енисея первоначально концентрировалось вокруг Енисейского острога. До середины XVII в. русские деревни и заимки возникали на основных промысловых и торговых путях, тянувшихся из Западной Сибири через Маковский острог к Енисейскому и от него далее на восток по Ангаре или на север вниз по Енисею. Во второй половине XVII в. после сооружения в 1669 г. Кемского и Бельского острогов наиболее интенсивно стал заселяться бассейн Кеми и Белой, привлекавший переселенцев «великими и хлебородными» полями, обилием покосов и строевым «красным лесом». Вторым наиболее заселенным районом был район между Енисейском и устьем Ангары и третьим — по нижней Ангаре и ее притоку Тасеевой, от которой к югу тянулись Канские степи.

К 1719 г. в Енисейском уезде насчитывалось 120 деревень. Общая численность русского населения уезда к этому времени достигала 18 тыс. человек (мужского и женского пола).[58]

Подавляющая часть населения всего Енисейского края сложилась в результате стихийного народного переселения; в Мангазейском уезде оно образовалось из русских промышленников. В Енисейском уезде наиболее интенсивное заселение в XVII в. происходило в 1640-х и в конце 1660-х — начале 1670-х годов, т. е. в моменты обострения классовой борьбы в европейской части России. Ссыльные растворялись среди массы русских переселенцев.[59]

Присоединение к Русскому государству мелких тюркских племенных образований — тубинцев, аринцев, камасинцев, моторцев и других, обитавших в бассейне Енисея ниже Красноярска, затянулось на долгие десятилетия. До конца XVII в. в этом районе шла ожесточенная борьба, вызванная агрессией киргизских князцов, опиравшихся на сильные политические образования, сложившиеся в Западной Монголии, сначала на Алтын-хана, а во второй половине XVII в. — на джунгарских ханов. До 1640 г. она осложнялась вторжениями в бассейн р. Кана сильного бурятского князца Оилана. Агрессия киргизских и бурятских князцов распространялась по Енисею даже на территорию остяцких родов. Упрочение русской государственности в этом районе несло безопасность местному населению от грабительских поборов, препятствовало их физическому унич-

---

[56] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 40; А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 34, 35.

[57] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 191—204.

[58] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 92—119.

[59] Там же.

тожению, обеспечивало распространение земледельческого русского хозяйства. В 1628 г. русские власти после четырехлетней подготовки основали на Енисее Красноярский острог, который в дальнейшем стал основным оплотом русской обороны Енисейского края на юге. После основания этого острога борьба с киргизскими князцами обострилась и продолжалась до 1642 г. Она сопровождалась чуть ли не ежегодными набегами киргизских отрядов на окрестности Красноярска, осадами самого острога, истреблением и угоном в плен коренного и русского населения, захватом скота и лошадей, уничтожением посевов. Местное население, не раз угонявшееся киргизами или уходившее с ними под давлением их угроз, как правило, всякий раз после воинских успехов красноярских служилых людей стремилось вернуться назад на свои «породные» земли. Только в 1642 г. томские отряды под начальством Н. Тухачевского и красноярцы, возглавлявшиеся М. Кольцовым и С. Колобовским, в решительном бою за р. Белый Июс (приток р. Чулыма) нанесли киргизским князцам поражение. Однако в результате этой победы только аринцам и в 1647 г. качинцам удалось окончательно войти в состав России.

Присоединение населения по р. Кану к Русскому государству началось сразу же после постройки Красноярского острога, но в борьбе с тубинскими и бурятскими князцами и отрядами Алтын-хана русским служилым людям удалось укрепиться там только с 1636—1637 гг., когда был сооружен Канский острог. После победы над киргизскими князцами красноярские отряды атаманов М. Кольцова и Е. Тюменцева совместно с аринцами, качинцами и канским населением в августе 1645 г. после тяжелого трехнедельного похода на восток где-то «промеж Ои реки» нанесли сокрушительное поражение бурятскому князцу Онлану и принудили его дать «шерть навечно». Спустя семь лет, в 1652 г. красноярское ополчение, состоявшее в основном из ясачных людей (аринцев, качинцев и др.), разбило младших родственников Онлана и окончательно обезопасило басейн К[illegible] с востока.[88]

В 1660-х годах киргизские князцы, опираясь на усилившихся джунгарских ханов, в 1667 г. разгромивших Алтын-хана, возобновили войну. Среди них выделялся своей энергией в организации грабительских набегов Ереняк, сын Ишея, одного из инициаторов борьбы с русскими в 1620—1640-х годах. Эта война была наиболее длительной и тяжелой из всех военных столкновений, которые происходили на юге Сибири с кочевыми феодальными образованиями. Киргизские и тубинские князцы стремились не только вернуть под свою власть местное коренное население, искавшее спасение в русском подданстве, но и разорить районы интенсивного русского заселения. На протяжении 60—90-х годов XVII в. енисейские и красноярские власти вынуждены были проводить серьезные фортификационные работы, усиливать артиллерию остротов и гарнизон Красноярска. В 1667 г. отряды Ереняка и джунгарского тайши Сенге осадили Красноярск. Такая же осада последовала в 1679 г. В 1673 г. киргизские отряды дошли до Бельского острога (на р. Кеми), где были отбиты героически оборонявшимися казаками во главе с А. Клеопиным. В 1677—1678 гг. тубинцы захватили Канский острог, а затем осадили Тасеевский острог. Однако это не могло остановить русского продвижения в степь. Походы на юг томских и красноярских служилых людей в 1680 и 1682 гг. не имели успеха. Только в 1692 г. красноярский отряд численностью около 750 человек, среди которых было 182 русских добровольца (крестьян и посадских людей) и 87 ясачных людей, под командой

---

[88] С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды, т. IV. М., 1959, стр. 40—44; Е. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 47—52.

В. Многогрешного разгромил тубинских князцов, вторгшихся в Канскую землю. В 1701 г. последовал новый большой поход красноярских, кузнецких и томских служилых людей в степь. Красноярский отряд во главе с С. Самсоновым (728 человек) дошел до устья Абакана, где имел тяжелые бои с киргизами. Решительность и последовательность русского наступления заставила киргизских князцов искать мира (1701 г.).[61] Становилось очевидным, что киргизская и джунгарская агрессия терпела крах, чего не могли не понимать ее инициаторы. Кроме того, джунгарский владетель Галдан (Бошокту-хан), вступивший в войну с маньчжурами из-за Северной Монголии, после ряда блестящих военных успехов был отброшен маньчжурами от Великой Китайской стены, потерпел тяжелое поражение и в 1697 г. погиб. При этих обстоятельствах дальнейшая борьба киргизских князцов с Россией могла расцениваться преемником [illegible] — его племянником Цеван-Рапташем как слишком опасная. Поэтому в 1702 г. Цаван-Рапташ увел часть енисейских киргизов из Абаканской степи в долину р. Или.[62] Оставшееся коренное население, составлявшее затем [illegible] здешество [illegible] ос. ник Абаканского (1707 г.) и Саянского (1709 г.) остротов окончательно обеспечивала безопасность русскому и ясачному населению Енисейского края.

Неблагоприятные внешние обстоятельства сильно задерживали сельскохозяйственное освоение Красноярского уезда. На протяжении всего XVII в. русское население осваивало земли южнее устья Ангары по Енисею вплоть до Казачинского порога, где с конца 1630-х годов стали возникать селения. Во второй половине XVII в. там образовался сельскохозяйственный микрорайон с центром в селе Казачинском. К 1700 г. в Красноярском уезде было 42 деревни; расположены они были главным образом на более безопасном правом берегу Енисея, причем только две из них — чуть выше Красноярска. По данным 1710 г., в Красноярске и его уезде проживало около 8 тыс. человек русского населения.[63] Дальнейшее продвижение русских на юг по Енисею в Минусинскую котловину относится к XVIII в.

Освоение русскими нижней и средней части бассейна Енисея было важным этапом в процессе присоединения к России народов Сибири, населявших бассейн р. Лены и Прибайкалья. Присоединение Якутии и Бурятии к России началось почти одновременно, но происходило в своеобразных условиях и имело свои особенности. Впервые в Якутию русские промышленники проникли в начале 20-х годов XVII в. из Мангазеи, по Нижней Тунгуске. На их сведения о богатстве новой «земницы» обратили внимание мангазейские власти. В конце 1620-х годов во время похода С. Навацкого по Нижней Тунгуске далее на восток был отправлен небольшой отряд служилых людей во главе с А. Добрынским и М. Васильевым и проводником промышленным человеком Алимпом Тефиловым Лупачко. Есть указание, что этот отряд дошел до р. Алдана. По данным, привезенным участниками этого похода, мангазейский воевода А. Ф. Палицын составил в 1632 г. записку о путях на «великую реку» и в 1633 г. передал ее в Москве в приказ Казанского дворца. Чуть раньше, в 1629—1630-х годах, енисейский воевода С. И. Шахонской на основании м. терналов, собранных енисейскими служилыми людьми (М. Перфил[illegible]ным,

---

[61] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 52—58; С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 209—224; А. П. Потапов. 1) Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 68; 2) Краткие сведения истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 51; В. А. Ватин. Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913, стр. 19—21.

[62] И. Я. Зольников. История Джунгарского ханства, стр. 329, 330.

[63] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начало XVIII в., стр. 96, 113—117.

П. Бекетовым) в 1627—1629 годах во время походов вверх по Ангаре, в свою очередь составил «роспись именную рекам и новым земляцам и князцом», в которой уделил внимание более южным путям с Енисея на Лену.[64] Еще до возвращения отряда Добрынского из Енисейска через Ангару на Лену прошли отряды служилых людей В. Бугра (1628 г.) и И. Галкина (1630 г.), а из Мангазеи — отряд П. Юрлова и С. Ефремова (1629—1630 гг.). Наибольшую энергию проявил атаман Галкин, который достиг Якутской земли весной 1631 г. После ряда столкновений с якутскими князцами он дошел до Алдана. Летом того же года ему на смену прибыл из Енисейска стрелецкий сотник П. Бекетов. Первоначально тойонская знать попыталась отстоять исключительное право на эксплуатацию своих сородичей и активно выступала против отрядов служилых людей, начавших объясачивание местного населения. В 1632 г. Бекетов поставил на Лене острог «против якуцкого князца Мымакова улуса и меж иными многими улусами среди всей земли» и начал посылать служилых людей для сбора ясака в различные районы Якутии (вниз по Лене и «Жиганы», на Вилюй, Алдан, Олекму). Галкин, вновь прибывший в Якутию в 1633 г. на смену Бекетову, в 1634 г. перенес острог с низменного берега на более удобное место, но не изменил местоположения этого опорного пункта «на многих на больших дорогах в иные земляцы». Острог по-прежнему часто страдал от половодья. Поэтому в 1643 г. по распоряжению воеводы П. Головина он был перенесен на Зюков луг, расположенный в 70 верстах от старого острога вверх по Лене. Новый острог был назван Якутским.[65]

В конце 1633 г. якутские князцы, по-видимому, извещенные о выступлении бурятских князцов против русских отрядов, попытались объединиться. В январе 1634 г. отряды кангаласцев, катулинцев, бетунцев и других родов, численностью до тысячи человек, нанесли поражение отряду Галкина в количестве 50 человек и около двух месяцев осаждали его в Ленском остроге. Противоречия среди родо-племенной верхушки привели к распаду их объединения.[66] В 1636 г. некоторые якутские князцы во главе с кангаласцами и бетунцами вновь начали активную борьбу, опять осадили Ленский острог и снова потерпели неудачу. Служилые люди под началом Ивана и Никифора Галкиных перешли в наступление и после ожесточенного штурма овладели острожками кангаласцев. В те же годы (1634—1638) прибывший из Тобольска через Мангазею Вони Шахов объясачил местные племена до Вилюя.

Эта борьба, в которую были втянуты и родовые улусные люди, отнюдь не отражала всей сути процесса присоединения Якутии к России. Отряды русских служилых людей были настолько немногочисленны, что, несмотря на превосходство в вооружении, практически не могли установить контроль над местным населением. Даже наиболее крупные отряды Галкина, Бекетова и Шахова состояли из 30—50 человек. Далеко не все якутские роды принимали участие в борьбе. Ее обострение сплошь и рядом объяснялось межплеменной розней, стремлением отдельных князцов использовать русские отряды в междоусобных распрях. В 1634 г., например, во время выступления кангаласцев и поддерживавших их других князцов против Галкина берегонский тойон Логуй перешел на сторону русских. При вторичном выступлении в 1636 г. кангаласцы направили свой удар

---

[64] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. М.—Л., 1960, стр. 20; С. Р. [illegible] XVI—XVII вв. Научные труды, т. III, ч. ., М., 1955, стр. 121. 2) Андрей Федорович Палицын Тем[illegible] стр. 192.

[65] История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 31—32. Ф. Г. Сафронов Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 19—20.

[66] О. В. Попова. Из истории якутского народа. Якутск, 1945, стр. 67—72; Якутия в XVII в. Очерки. Якутск, 1957, стр. 31—35.

прежде всего против Логуя. Тогда же отряд Д. Копылова объясачил алданских якутов при активной поддержке мегинцев и кангаласцев.

Неудачи якутских князцов показали сложность борьбы с русскими служилыми людьми, но она не была основной причиной прекращения их сопротивления: во время восстания 1642 г. якуты быстро уничтожили отряды ясачных сборщиков, по численности не уступавшие отрядам, действовавшим в Якутии в 1630-х годах. Большая часть якутского населения быстро убедилась в выгодности мирных связей с русским населением, пришедшим в Якутию, — промышленниками и торговыми людьми. При всех «неправдах», чинимых русскими промышленниками, неэквивалентном обмене, вооруженных столкновениях на промыслах выгоды от контакта с ними были главным стимулом, ускорившим присоединение Якутии к России. Русские промышленники, впервые проникшие в Якутию, и в дальнейшем, как правило, опережали отряды служилых людей. Уже к началу 1630-х годов, т. е. в момент расцвета пушного предпринимательства на Енисее, в Якутию стали приходить сотни русских промышленников. До официального установления в Якутии воеводской власти на Лене широко развернули свою деятельность крупнейшие «дома» первостатейного русского купечества. Например, приказчики гостя Н. Светешникова организовывали промыслы на Лене уже в 1631—1632 гг., располагая для этого огромными средствами.[67] Знаменитый Е. Хабаров свою предпринимательскую деятельность на Лене начал, по его словам, тогда же, в 1632 г.[68] Вывоз на «Русь» якутской пушнины в огромном количестве начался в 1635—1637 гг.[69] Таким образом, наиболее серьезные столкновения между князцами и служилыми людьми не отразились на начале расцвета русских пушных промыслов в Якутии. В 1630—1640-х годах приток русского населения в Якутию был более сильным, чем в последующие десятилетия XVII в. В 40-х годах его численность равнялась уже десятой части численности коренного населения; оно составило основу сложившегося позднее русского старожильческого населения Якутии. В 1650-х годах в Якутии вместе со служилыми людьми находилось от 1,5 до 2 тыс. русских людей.[70] Через Якутск в эти годы проходило ежегодно свыше тысячи промышленников.

Соперничество фактически самостоятельных в своих действиях отрядов ясачных сборщиков, которое приводило в некоторых случаях к взиманию ясака по два-три раза в год, к грабежам, «насильствам» и вооруженным столкновениям, ускорило установление на Лене воеводской власти. В 1641 г. в Якутию прибыл первый воевода стольник П. П. Головин. Образование Якутского воеводства завершало начальный этап процесса присоединения Якутии к России.

Основная масса якутов, вошедших в состав России в 1632—1636 гг., проживала компактным массивом в центральной части Якутии по обоим берегам Лены.[71] Присоединение других групп якутского населения и юкагиров на севере и северо-востоке, а также тунгусского населения, обитавшего на востоке, в областях, прилегающих к Охотскому морю, было свя-

---

[67] В. А. Александров. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641 г.). Проблемы общественно-политической истории России и [illegible] статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова, М., 1963; И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в. Сибирский этнографический сборник, V, М., 1963; С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 29; Якутия в XVII в., стр. 19.

[68] Ф. Г. Сафронов. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене. Уч. зап. Якутск. гос. пед. инст., вып. IV, 1955, стр. 78, 79.

[69] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 225, 226.

[70] И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в., стр. 74, 75, 77.

[71] [illegible] М. [illegible] О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 353 и сл.

зано в основном с тем же процессом промыслового предпринимательства. Оно затянулось до середины XVII в. и было ознаменовано замечательными географическими открытиями русских промышленников и служилых людей, часто поднимавшихся в поход «своей мочью», т. е. на свои средства.

В 1633 г. русские служилые и промышленные люди во главе с И. Ребровым и М. Перфильевым впервые вышли по Лене к Ледовитому океану. Следуя далее на восток морским путем, они достигли устья Яны, а затем Индигирки и открыли Юкагирскую землю. Одновременно через Верхоянский хребет была открыта сухопутная дорога к верховьям Яны и Индигирки (С. Харитонов, П. Иванов).[72] Вслед за тем возникли Верхоянское (1638 г.) и Нижнеянское (1642 г.) зимовья на Яне, Подшиверское (1639 г.), Уяндинское (1642 г.) и Олюбенское (1641 г.) на Индигирке, Алазейское (1642 г.) на Алазее. В 40-х годах русские землепроходцы М. Стадухин и другие проникли на Колыму и основали Средне- (1643 г.), Нижне- (1644 г.) и Верхне-Колымское (1647 г.) зимовья. Наконец, к 1648 г. относится знаменитый морской поход С. И. Дежнева и Ф. А. Попова, в результате которого русские мореходы впервые обогнули крайнюю северо-восточную оконечность Азиатского материка, открыли пролив, разъединяющий его с Америкой, и прошли им в Тихий океан. Выброшенные на берег, они добрались до устья Анадыря и основали в 1649 г. здесь зимовье. В 1650 г. на Анадырь сухопутным путем прошли с Колымы М. Стадухин и С. Моторо. Эти замечательные экспедиции отражали общее направление промыслово-предпринимательского движения, которое в 40-х годах стало охватывать новые северо-восточные районы. В 1640—1650-х годах значительная часть промышленных и торговых людей сосредоточивалась именно на северных реках. В 1643 г. на Оленеке их было не менее 136 человек, в Жиганском зимовье в низовьях Лены — 461. В 1647 г. на Колыме, где собралось 396 промышленников, состоялась ярмарка. В 1652 г. с Индигирки был отпущен на промыслы и в Якутск 141 человек.[73] Коренное население (юкагиры и якуты) бассейнов Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Анадыря было охвачено ясачным сбором приблизительно с 1635 г. В общем же обязачивание продолжалось до середины XVII в.

Продвижение от Лены на восток на территории, населенные в основном тунгусскими и отчасти якутскими племенами, и к берегам Охотского моря началось еще в процессе присоединения Якутии в 1630-х годах. Впервые к берегам Охотского моря вышел служилый человек И. Москвитин с группой казаков, входивших в состав томского отряда Д. Копылова. Москвитин был отправлен Копыловым из основанного им на Алдане Бутальского зимовья в 1638—1639 гг. Следуя по рекам Мае и Улье, он вышел к Охотскому побережью.[74] На побережье Охотского моря Москвитин основал зимовье в устье р. Ульи.

Из-за климатических и природных условий на большей части территории Якутии русское освоение носило преимущественно промысловый характер. С упадком соболиных промыслов русские промышленники на протяжении второй половины XVII в. стали уходить из Якутии. Однако на дальних реках в наиболее выгодных для зверового и рыбного промыслов районах стали оседать отдельные группы промышленников, которые уже к концу XVII в. образовали на Анадыре, Колыме, в низовьях Лены и Оленека постоянное русское население.[75] В начале 1640-х годов русскими

[72] Якутия в XVII в., стр. 52; ЦГАДА, СП, стлб. 303, лл. 119—124.
[73] И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в., стр. 75, 76.
[74] Н. Н. Степанов. Русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке и ее материалы о тунгусских племенах. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 108, 1959, ист. науки, стр. 185—216; Якутия в XVII в., стр. 62—64.
[75] И. С. Гурвич. Русские на северо-востоке Сибири в XVII в., стр. 82—90.

были выявлены в Якутии районы, в которых было возможно ведение сельского хозяйства. Приблизительно с середины XVII в. и на протяжении его второй половины в устье Олекмы, около Якутска, на среднем течении Амги, в устьях Витима и Пеледуя появились русские пашни, имевшие впоследствии существенное влияние на хозяйство якутов.[76]

С населением крайнего северо-востока и Камчатки (чукчи, коряки, аскимосы, ительмены, курильские айны) впервые вошли в соприкосновение якутские казаки и промышленники. Некоторые группы коряков и ительменов (камчадалов) стали платить ясак уже в конце XVII в. Первые группы русских стали проникать к северным берегам Охотского моря (Гижигинской и Пенжинской губам) с середины XVII в., но только в 1697—1699 гг. В. В. Атласов прошел весь Камчатский полуостров и составил его географическое и этнографическое описание. Почти тогда же начались попытки русских торговцев «со многими товарами» пройти в «новую Камчадальскую землю».[77]

Во втором десятилетии XVIII в. в результате плаваний И. П. Козыревского (1711—1713 гг.), Фильксева и Татаринова (1720—1721 гг.) и других русских служилых людей были присоединены к России Курильские и Шантарские острова. Чукчи и азиатские эскимосы окончательно приняли русское подданство в конце XVIII в.[78]

Присоединение Бурятии к России, начавшееся также в конце 20-х годов XVII в., осложнялось внешними обстоятельствами. Бурятские князцы подчиняли себе часть ангарских эвенков и даже стремились овладеть приенисейским тюркским населением. В свою очередь буряты подвергались постоянным набегам монгольских и ойратских феодалов. Широкие слои бурятского населения безусловно были заинтересованы в союзе с русскими, чтобы с их помощью оградить себя от постоянных грабительских вторжений более сильных южных соседей, а также расширить торговые связи. Той же позиции придерживалась и значительная часть бурятских князцов. Однако они не желали терять своих данников и противились их включению в общую систему ясачных отношений, устанавливаемую русскими властями. Межплеменная рознь среди бурят усложняла обстановку, что использовали ойратские и монгольские феодалы. Поэтому присоединение Западной Бурятии затянулось до середины XVII в.[79]

Первые попытки проникнуть по Ангаре в Бурятию были предприняты в 1625—1627 гг. из Енисейска. Атаманам В. Тюменцу и М. Перфильеву не удалось преодолеть Шаманских порогов, но они собрали интересные данные о Бурятской земле, ее богатствах, внутриполитическом положении и торговых связях. По словам Перфильева, Братская земля многолюдна, богата соболями, бобрами и скотом и «бухарских товаров, дорогов и кинзяков и зенденей и шелков... много, а серебра де добре много, а коней и коров, и овец и нелбудов (верблюдов, — *Авт.*) бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу, и ждут брацкие люди к себе ... государевых служилых людей, а хотят тобе, великому государю, брацкие люди поклонитися и ясак платить и служилыми людьми торговати».[80]

Бекетов, впервые прошедший в 1628 г. в Западную Бурятию к окинским, а затем усть-удским бурятам, был встречен там миролюбиво и

---

[76] Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.), стр. 13—30.

[77] ЦГАДА, СП, кн. 1328, л. 37.

[78] Б. Л. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 549 и сл.

[79] А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов; Е. М. [illegible] Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, стр. 15 и сл.

[80] ЦГАДА, СП, стлб. 12, л. 88—90.

получил ясак. Однако насилия отрядов Я. Хрипунова и красноярских казаков, последовавших в Бурятию в 1629 г., вызвали противодействие местного населения. В ходе основания Ленского (Илимского, 1630 г.) и Братского (1631 г.) острожков и расширения ясачного обложения позиции бурятских князцов начала меняться, несмотря на стремление русской администрации опереться именно на бурятскую родо-племенную верхушку. В этот момент бурятские князцы, с которых русские власти стали требовать уплаты ясака в полном объеме, сумели удержать под своим влиянием зависимых от них тунгусов и выступили против русских отрядов. В 1634 г. они сумели одержать победу над отрядом Д. Васильева и сожгли Братский острог. Посланный из Енисейска в 1635 г. Н. Радуковский с отрядом в 100 человек восстановил острог в устье р. Оки, но в 1638 г. «братские» князцы вновь «учинились непослушным».[81] Однако в это время князцы начали постепенно терять связи со своими тунгусскими данниками, а улусные буряты стали устанавливать постоянные мирные отношения с русскими.

Ленский волок с середины 30-х годов XVII в. был основной дорогой в Якутию, по которой ежегодно проходили сотни русских промышленников и «гуляющих» людей, пришедших непосредственно из-за Урала, а также русских крестьян, переселявшихся далее на восток из более западных областей Сибири. Некоторые из них оставались в Бурятии и основывали там земледельческие поселения. Наиболее успешно русское земледелие стало развиваться около Братского острога, где были «места пожные пашенные теплые». До 1652 г. в Илимском крае (Нижне- и Верхне-Илимские, Усть-Кутская, Усть-Киренская, Орленская, Тутурская волости) поселился 121 русский крестьянин.[82] После поражения князца удинских бурят Онлана и основания в 1648 г. для защиты от набегов монгольских феодалов Удинского острога бурятское и тунгусское население западных районов Прибайкалья все более и более общалось с русскими и в хозяйственном отношении.

Бурятское население районов, прилегающих непосредственно к Байкалу, вошло в контакт с русскими с начала 1640-х годов, когда в верховьях Лены был основан Верхоленский острог (1641 г.). Некоторые верхоленские и ольхонские бурятские князцы пытались сохранить свое исключительное право на эксплуатацию улусного населения,[83] однако в целом бурятское население само предлагало «мириться» и выплачивало ясак. Сразу же после постройки Верхоленского острога окрестные буряты уплатили значительный ясак, а в 1643 г. прибайкальские буряты-хоринды и батулинцы предложили ясак при первом же появлении отряда Курбата Иванова.

Серьезные конфликты произошли у верхоленских бурят со служилыми людьми в 1644—1647 гг. Основной причиной обострения отношений было самоуправство атамана В. Колесникова, посланного из Енисейска со служилыми людьми «проведывать пути» за Байкал. В конце 1644 г. возмущенные буряты осадили Верхоленский и Осинский остроги и направили удар на сельскохозяйственные русские поселения. В развернувшейся борьбе служилые люди отстояли остроги благодаря помощи, присланной из Ленского острога.[84]

В 1654 г. в устье р. Унги на Ангаре Д. Фирсовым был построен Балаганский острог.[85] В 1661 г. на правом берегу Ангары Яковом Похабовым

[81] А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов, стр. 44—82.
[82] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, стр. 244.
[83] ЦГАДА, СП, стлб. 274, лл. 54—76; стлб. 402, ч. II, лл. 158—171.
[84] Там же, стлб. 190, лл. 485—498; стлб. 222, лл. 325—328; стлб. 241, лл. 146—173; стлб. 244, лл. 123—126; стлб. 274, лл. 54—61, 338—352, 474—480; стлб. 290, лл. 28—35; стлб. 303, лл. 68, 69, 109—116.
[85] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 95.

был построен Иркутский острог, ставший административным центром Ир
кутского уезда и важным торговым пунктом Восточной Сибири.[86] Пос
ройка этих опорных пунктов ускорила присоединение ангарских бур
к России и содействовала укреплению безопасности всего бурятского н
селения. С середины XVII в. западномонгольские феодалы стали усил
вать набеги на бурятские земли, что ускорило окончательное вхо
дение всего западнобурятского населения в состав России. Этот фа
имел огромное значение для дальнейшей истории бурят и развития и
культуры. С 1672 по 1735 г. число верхоленских бурят возросло бол
чем вдвое.[87]

С продвижением русских в Прибайкалье стало развиваться земледе
лие. Первые сведения об этом крае относятся к 1630-м годам. Во вт
рой половине XVII в. в Прибайкалье по мере образования русского по
стоянного населения образовался ряд земледельческих микрорайонс
с центрами в Илимске, Иркутске, Братском, Усть-Кутском, Киренско
Верхоленском, Балаганском острогах, Нижне- и Верхне-Илимских, Тутур
ской, Бирюльской и других слободах и волостях.[88]

По росписи сибирских городов 1701 г., на юге Якутии, в Илимском
Иркутском уездах насчитывалось более 950 крестьян дворовладельцев.

Первые сведения о Забайкалье и племенах, там проживающих, д
вольно рано стали известны русским. В 1638 г. из Енисейска был посла
отряд служилых людей во главе с М. Перфильевым для «проведы
вания» «новых землиц» по Витиму. Из Олекминского острожка Пе
фильев в 1639 г. прошел по Лене до Витима и поднялся вверх по нему д
устья р. Ципы. От местных тунгусов служилые люди собрали интересней
шие сведения о племенах, обитавших в верховьях Витима и по Амур
По их словам, по Амуру жили «многие даурские пашенные люди».[90] В дал
нейшем русские стали проникать в Забайкалье с севера, из Якутии, и с з
пада, из Енисейского уезда. Попытки Е. Бахтеярова в 1641 г. выйт
в Приамурье по Витиму, а А. Маломонка — по Алдану не удались.
В 1643 г. отряд промышленников и служилых людей С. Скороходова пр
шел вдоль берегов Байкала и вышел к р. Баргузин, где и погиб в столк
новении с тунгусами.[92] В начале 1640-х годов в Енисейске были известн
пути даже в Приамурье — через Байкал, далее по р. Баргузин, на Ера
плисеск, далее в даурские [illegible].[93] Результаты этих поисков «новых
руководствовались отряды В. Колесникова и И. Похабова (1644 г.), ушед
шие за Байкал вместе с промышленными людьми. В 1645—1647 гг. он
установили в Забайкалье мирные контакты с бурятским и тунгусским на
селением и монгольскими князцами, стремившимися распространить сво
власть на местное население. Похабов и посланец Колесникова Я. Кулако
в 1646—1647 гг. заключали далее мирные соглашения с сильным монгольским
Цецен-ханом.[94] В далее [illegible] монгольские ханы вступали заинтересова
шиеся дипломатическими и торговыми связями с Россией, как правило, из

[86] А. Н. Копылов. О дате основания Иркутска. Историк СССР, 1960, № 5
стр. 165—166.
[87] Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, стр. 35—38; Б. О. Дол
гих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 284, 285.
[88] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 163 (карта).
[89] ЦГАДА, СП, кн. 1354, лл. 323 об.—324, 335, 349 об.
[90] ЦГАДА, СП, стлб. 75, лл. 633—642; стлб. 226—228, л. 299.
[91] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в
стр. 579.
[92] История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 96; ЦГАДА, СП, стлб. 13
лл. 477—484.
[93] ЦГАДА, СП, стлб. 136, лл. 716—718.
[94] Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, стр. 46 и сл.; ЦГАДА
СП, стлб. 226—228, лл. 258—283.

бегали серьезных столкновений с русскими и не препятствовали присоединению к России забайкальских бурят и тунгусов. Быстрота, с которой происходило присоединение забайкальского населения к России, объяснялась прежде всего стремлением восточных бурят и значительной части тунгусов получить защиту от набегов монгольских феодалов и расширить торговые связи с русскими. Уже к середине XVII в. в Забайкалье находились значительные партии русских промышленников. В 1647 г. был основан Верхне-Ангарский острог. В 1648 г. Галкин построил на р. Баргузин Баргузинский острог и привел в русское подданство тунгусское население, жившее в верховьях Витима, у озер Еланинских и Буленай и по р. Маме; в 1652 г. возник Баунтовский острог. На следующий год сотник П. Бекетов поднялся вверх по р. Селенге, на водоразделе рек Хилка и Ингода и озера Иргень он основал Иргенский острог, а затем отправил казачьего десятника Урасова в устье р. Нерчи, где был основан Нерчинский острог. Еще раньше, в 1650—1651 гг. впервые был собран ясак с населения, обитавшего на р. Шилке.[35] В 1658 г. был построен Телембинский острог, затем Кучидский (1662 г.), а в 1666 г. — Удинский и Селенгинский. Все эти остроги образовали сеть укреплений, которые защищали Забайкалье от внешних набегов и содействовали хозяйственному освоению этого района русским населением.

Путь на Амур (с Алдана) был обследован экспедицией Василия Пояркова (1643—1646 гг.). Он с Алдана прошел по Учуру, Гоному и далее через волок к рекам Бринде и Зее, а затем вниз по Амуру, где после зимовки в «земле гиляков» совершил морское плавание вдоль Охотского побережья к устью р. Ульи; оттуда он вернулся в Якутск. Этот поход, давший много сведений об Амуре и живших на его берегах населении, не повлек за собой присоединения Приамурья к России. Другой путь (до устья Аргуни) был разведан Семеном Косым и другими промышленными людьми. Гораздо большее значение в дальнейшем имел путь на Амур с Олекмы по Тугирскому волоку, обследованный в 1647—1648 гг. служилыми людьми Василием Юрьевым и Алексеем Олениным.[36] Этим путем воспользовался в 1649 г. известный землепроходец и «опытовщик» Е. П. Хабаров-Святицкий. Его поход, материально поддержанный якутским воеводой Д. Францбековым, привлек много «охочих» людей и завершился официальным присоединением Приамурья к России. Е. П. Хабаров прошел из Якутска по Олекме и на протяжении 1650—1653 гг. находился со своим отрядом на Амуре. Независимые даурские князцы оказали Е. П. Хабарову сопротивление. Столкновения с ними нанесли хозяйству местного населения урон, который был весьма усугублен вторжением маньчжурских войск на Амур в 1652 г. Известия о богатстве Даурской земли вызвали сильнейший колонизационный поток русского населения из других областей Восточной Сибири на Амур (Енисейского и Прибайкальского краев). Переселение на Амур русских промышленников, «гулящих» людей и пашенных крестьян, стремившихся уйти от феодального гнета в новые земли, было важнейшим последствием похода Е. П. Хабарова, имевшим для судеб приамурского населения огромное значение. Первые партии переселенцев начали появляться на Амуре уже в начале 50-х годов. Одновременно русское правительство приняло решение установить в Приамурье свою администрацию, центром которой в 1658 г. стал Нерчинский острог.

Маньчжурской династии Цин путем военного выступления удалось задержать в 50-х годах XVII в. распространение русской колонизации по

---

[35] ЦГАДА, СП, кн. 288, лл. 1—8
[36] Якутия в XVII в., стр. 64—66.

Амуру и спровоцировать выступление коренного населения в районе р. Шилки. Однако в 60-х годах маньчжурские войска, насильственно переселявшие в долину р. Сунгари дауров и дючеров, ушли с Амура, и русское население возобновило сельскохозяйственное освоение опустевших приамурских земель от Нерчинска до Албазина и устья р. Зеи. Наиболее крупный сельскохозяйственный район возник вокруг Албазинского острога, основанного в 1665 г. русским населением, пришедшим туда под руководством Н. Черниговского после восстания в Илимском уезде.

Таким образом, присоединение Забайкалья и Приамурья (до устья р. Зеи) завершилось в 60-х годах XVII в. С конца 70-х и на протяжении 80-х годов положение в Забайкалье и в Приамурье вновь осложнилось в результате активизации агрессивной политики маньчжурской династии Цин. В 80-х годах русскому населению пришлось вынести тяжелую борьбу с маньчжурскими войсками на Амуре, особенно около Албазина, и с монгольскими отрядами в Забайкалье, прежде всего около Селенгинского острога. Решительная позиция бурятского и тунгусского населения, выступившего совместно с русскими в защиту своих «породных» земель, в большой степени помогла русским властям организовать оборону Забайкалья и добиться заключения Нерчинского мирного договора (1689 г.). В то же время, спасаясь от маньчжурского ига и кровавой междоусобной борьбы халхских и ойратских феодалов, монгольское население начало уходить в пределы России.[97]

Угрозы русским поселениям в Забайкалье и на Амуре со стороны маньчжур требовали серьезных оборонительных мероприятий и сосредоточения военных сил. Поэтому служилые люди в Забайкалье и Приамурье в XVII—начале XVIII в. составляли значительную часть населения.[98]

Вместе с тем с первых шагов русских в Забайкалье и Приамурье началось мирное земледельческое освоение края. Его осуществляли «всяких чинов люди», бежавшие от феодального гнета из других районов страны, ссыльные и переводные крестьяне и посадские люди и, наконец, служилые люди, среди которых земледельцы составляли заметную прослойку. Сельскохозяйственное освоение края началось и развивалось по пути главного направления русского продвижения в Забайкалье и на Амур. Первые пашни в Забайкалье возникли в районе Баргузинского и Кабанского острогов, в Кударинской степи и в Ильинской слободе на Селенге. Уже в 50-х годах XVII в. появились пашни по рекам Шилке и Нерче, в 60-е годы — в районе Албазина. К началу 80-х годов русские земледельческие поселения продвинулись до впадения р. Зеи в Амур. Одновременно развивались поселения на пути от Байкала до Албазина, особенно в районе Нерчинского острога.

По условиям Нерчинского договора русским поселенцам на Амуре пришлось покинуть часть освоенной ими территории. Однако этот договор, задержав дальнейшее продвижение земледелия на восток, искусственно ограничив его верховьями Амура, не уничтожил и не остановил его развития. По подсчетам В. И. Шункова, площадь десятинной пашни под Нерчинском (в основном очаге верхнеамурского земледелия) с 1685 по 1714 г. увеличилась в 16 раз. Наличие этого верхнеамурского гнезда русского земледелия в течение всего XVIII в. позволило позднее (в XIX в.), в условиях изменившейся политической обстановки, приступить к развертыванию земледелия на всем течении Амура.[99]

---

[97] История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, стр. 99—101; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, стр. 60 и сл.

[98] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 187.

[99] Там же, стр. 194—197, 205, 206.

Присоединение Сибири к Русскому государству было не только политическим актом. Русские, появившиеся в XVII в. на новых землях в бассейне Тихого океана и Ледовитого, под покровом которого лежат огромные пространства территории Сибири, не сразу заселили и освоили эти земли. Уже в ходе присоединения Сибири происходило смешение пришельцев и коренными сибирскими землями. Русскому государству, Западной русской и Восточной Сибири — это XVII в. Западной, прежде и раньше, но в XVII в. русское население коренным образом изменил новые земли. Рост населения зад и Восточной Сибири много отставал, чем в Западной. По данным переписи сибирских городов 1701 г., в Восточной Сибири насчитывалось до 7 тыс. самый русский город в Западной Сибири — около 16 тыс. Более приближенные 80—100 тыс. человек второго века. В начале XVIII в. это **продолжало интенсивно расти.** По данным Сибирского собрания 1710 г. в пределах княжества Сибирь (без Енисейска, Мангазеи, Семи Кижской, Якутии, Камчатки и Витим) проживали около 312 672 человек русских, из них 137 410 душ мужского пола и 135 432 души женского пола (54 690 человек в Западной Сибири и 65 908 человек в Восточной Сибири). Процент семьянах среди этого населения был относительно (в первой половине 1679 г.) в целом проживание всей Сибири насчитывало 241 тыс. душ мужского пола. По этим данным, в 72 тыс. дом проживалось на коренное исконное население и 169 тыс. — на русское население. Как видно, в конце первой четверти XVIII в. не менее 70% населения Сибири составляли русские поселенцы.

Вхождение Сибири в состав Союза, начало в относительно короткое время, обусловлено не только политикой феодального русского правительства, направленной на **захват новых территорий и расширение сферы** его власти, но только устремлениями русского купеческого капитала, но и **складывавшимися многообразными хозяйственными связями между** сибирскими народами и территориями. Несмотря значительными народами, **присоединение различных районов** Сибири находилось в прямой зависимости от интенсивности русской народной колонизации, начавшейся с **хозяйственного освоения** русскими переселенцами сибирской земли.

Необходимость борьбы с [illegible] **требовала больших** затрат, **потребовала** немалых усилий, **обусловила** и экономических связях и свою очередь побуждали сибирские народы к объединению с русским народом. Таким образом **процесс присоединения** Сибири к Русскому государству был явлением многосторонним, обусловленным целым рядом обстоятельств исторического развития русского и сибирских народов.

3. МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В XVI—XVII вв. в состав сибирской России вошли крупные этнические [illegible] западной Азии: [illegible] и западные [illegible] (38 601 человек), [illegible] (35 280 человек), [illegible] — с [illegible] (34 701 человек), [illegible]

А. Кузнецов. Заселение Сибири до Петра Великого по переписным кн[illegible] // ИЗ. ОИД, 1941, вып. 6/8, 28 (Библиография). — Там же.

М. Жидков. С. Ф. Платонов. Лекции по истории России XVII — нач. XVIII в. Спб., 1913, с. 145.

Данные о населении Сибири конца XVII — начала XVIII в. приведены по книге: П. Н. Пилявский. История Якутии с середины XVII в. до конца XIX в. Якутск, 1958, с. 11.

(5600 человек). В границах Русского государства находились также северные тюркоязычные (49 700 человек) и монголоязычные (37 200 человек) группы населения, часть маньчжуров и южных тунгусов, нивхов, айнов. Некоторые группы населения Сибири в рассматриваемый период откочевали или были насильственно уведены южными соседями в сопредельные районы, но были и такие группы, которые подкочевывали к границам Русского государства и постепенно входили в его состав.

Самым значительным событием в этнической истории Сибири этого периода было формирование стабильного русского населения, образование больших территорий с преобладанием русских земледельцев, прежде всего в Западной Сибири. Определенное влияние на этнические процессы оказали города, центры 20 сибирских уездов, многочисленные крепости (остроги) и ясачные зимовья, основанные русскими служилыми людьми в процессе присоединения сибирской территории к России. Русские промышленные люди, жившие менее компактно и бывшие более подвижными по сравнению с русским земледельческим населением, тем не менее сыграли огромную роль в освоении обширных пространств Сибири. Если земледельцы образовывали в бассейнах Оби, Енисея, Лены и Амура значительные этнические массивы, то промышленные люди небольшими группами проникали в самые глухие районы и повсеместно вступали в контакты с коренными жителями.

В итоге в конце XVII в. русское население Сибири по своей численности уже преобладало над коренным. Вместе с русскими усилилось продвижение за Урал народов Поволжья (татар, башкир, чувашей) и Севера (коми). Сюда же царское правительство высылало группы военнопленных (поляков, шведов, литовцев, украинцев). Все это способствовало росту многонациональности сибирского населения.

На северо-западе Сибири продолжалось распространение ненцев по полосе тундры на восток. В конце XVII—начале XVIII в. они заняли низовье Таза, где раньше кочевали энцы, и стали регулярно кочевать у западных берегов нижнего Енисея, Енисейского залива и по всей тундре между Обью и Енисеем, оттесняя тундровых энцев дальше на восток. Ненцы поглотили значительное количество аистовского населения низовьев Оби, которое, воспринимая у ненцев оленеводство и кочевой образ жизни, быстро сливалось с последними. По этнографическим данным XX в., среди сибирских ненцев не менее 12% происходит от таких ассимилированных ненцами хантов и не менее 8% — ассимилированных ненцами энцев. Целый ряд ненецких родов происходит от хантов и энцев. Энцев же теснили с юга селькупы, переселявшиеся с середины XVII в. с Тыма и верховьев Ваха на Таз. Под их давлением лесные энцы переселялись также на Енисей и продвигались вниз по его течению.

На Таймыре в XVII в. произошла консолидация племени авамских нганасан из двух ранее самостоятельных племен так называемой «нисидской самоядн», кочевавшей в бассейне Пясины, и тавгов, кочевавших в бассейне Хатанги и в низовьях Анабары. В бассейне одного из притоков Хатанги р. Котуя, в районе озера Ессей в начале XVIII в. распадается племя северных тунгусов-ванядов (маятов). Часть его ассимилируется якутами, часть переселяется на север в тундры Таймыра. Здесь они начинают ассимилироваться нганасанами. Впоследствии из них образуется новое нганасанское племя недюжинных нганасан.

В лесотундровой и таежной части Обь-Енисейского Севера сформировалась этническая группа лесных ненцев. К югу от остальных северных самодийцев — ненцев, энцев и нганасан — бассейн средней Оби занимают селькупы (3200 человек). Ранее подвергшиеся влиянию тюрков, они испытывают теперь заметное русское влияние. Дальнейшая тюркизация отмечается у южных самодийцев (2300 человек) — моторов, камасинцев,

кашинцев, карагасов, кайсотов и других древних саяно-алтайских племен. Ближайшими соседями селькупов по Енисею и позже Тазу продолжают оставаться кеты.

Среди обских угров (18 тыс. чел.) значительной русской ассимиляции в XVII в. продолжают подвергаться манси, вступившие ранее в контакты с русскими на европейской территории — к западу от Урала. Усиливается русское влияние и среди хантов, при этом лесные ханты продолжают теснить сельКупов дальше на восток, а тундровые, как отмечалось, подвергаются ассимиляции со стороны ненцев. С падением Сибирского ханства слабеет татарское влияние на хантов и манси. Часть западносибирских татар ассимилирует обских угров, другие остаются в местах интенсивного русского заселения и подвергаются ассимиляции или откочевывают за пределы Русского государства.[103]

На территории, примыкавшей с севера к Алтае-Саянскому нагорью, наиболее значительными были передвижения тюркоязычных и монголоязычных групп населения, оттеснявших дальше к северу древних насельников или завершавших их ассимиляцию.

По обоим берегам Оби, в Прииртышских степях и к юго-западу от Томска кочевали телеуты. В XVII—XVIII вв. они урагтили единство, часть их оказалась в Кузнецких степях, в северной Шории, часть — в степных предгорьях Алтая (по долине Катуни и ее притоков). Некоторые тюркоязычные кочевники из бассейна Иртыша и, в частности, с Тобола попадают на Чулым к кызмыльцам и на Енисей к качинцам, о чем повествуют предания. Свидетельством этому служит и наличие у кызмыльцев группы картыял, некогда представлявшей собой большую тюркоязычную группу, входившую в состав Золотой орды. С распадом золотоордынского ханства большая часть аргынов вошла в состав племен, из которых формировались казахи.

В связи с уходом бо́льшей части енисейских киргизов, в начале XVIII в. качинцы из-под Красноярска распространились по степям левобережья Енисея. Несколько шорских родов (каргинцы, кыйлы, кобыйцы, шорцы) переселились с Кондомы и Мрассы в верховья рек бассейна левобережья Абакана, где стали смешиваться с сагайцами. Койбалы освоили низовья Тубы и продвинулись выше по Енисею в правобережные степи Абакана. Сагайцы с верховьев Июса и Томи поднялись вверх по Абакану. Тувинские племена (мады, кучугеты, соржаки, точи, саяны и др.), кочевья которых ранее широко заходили на северные склоны Саян, сосредоточились в основном в южной части, заходя в долину Катуни на Алтае и вступая в контакты с телеутами и другими тюркоязычными племенами, сложившимися позже в группу южных алтайцев. Часть тувинских племен в правобережье Енисея по-прежнему осваивала таежные — южные и северные — склоны Саян. Из них формировалась этническая группа тувинцев-тоджинцев, тесно связанных с частью карагасов — современных тофаларов.

Как уже отмечалось, карагасы и другие в прошлом самодийские племена подверглись в этот период значительной тюркизации. Часть из них впоследствии вошла в состав северных алтайцев (например, челканцы, кумандинцы и др.), остальные сливались с будущими хакасами. Например, группы тубинцев сливались с качинцами. Русской администрацией из числа ранее самодийскоязычных мотористов и некоторых тюркизированных же кетских групп (например, байкотовцев) были образованы кой-

[103] В дальнейшем здесь формируется новое татарское население, в значительной мере пополняемое из-за Урала. Русские источники именуют многочисленные тюркоязычные группы к востоку от Иртыша одним собирательным именем «татары». Фактически же подавляющее их большинство состояло из различное по происхождению и языку тюркизированное группы более древнего сибирского населения.

балы — по имени моторского князька Койбала. Койбалы затем тоже приняли участие в формировании хакасов.

В качинской среде полностью ассимилировались кетоязычные в прошлом аринцы, яринцы и остатки енисейских киргизов, избежавших переселения в Джунгарию. Часть кетоязычных племен была, кроме того, ассимилирована русскими (котты) и эвенками (асаны). Все это и вынуждало кетов, еще не подвергнувшихся ассимиляции, продвигаться на север.

В XVII—начале XVIII в. бурятские племена (27 тыс. человек) — булагаты, эхириты, хонгодоры, хоринцы, табунуты — и другие местные монголоязычные группы населения сблизились в единый бурятский народ, а название «братские люди», буряты, как их называли русские в Прибайкалье, распространилось и на Забайкалье. Произошли также переселения бурят, живших к западу от Байкала, на восток. Наиболее известным из этих переселений был переход значительной группы родов Ашехабатского, Харанутского, Бумал-Готолского, Алагуева, Бабаева, Курунчинского из булагатов, Чекорутского, Олзонова из эхиритов. Имело место возвращение из Монголии уходивших туда хоринцев, табунутов и хонгодоров и переселение в Россию таких групп, как атаганы, сортолы и хатагины. Все они вошли в состав бурятского народа.

Из числа хоринцев, вновь распространившихся в начале XVIII в. на территорию, ранее принадлежавшей им Агинской степи в Забайкалье, образовалась в дальнейшем этническая группа агинских бурят. В их состав частично вошли и ассимилированные бурятами конные эвенки Забайкалья. Контакты забайкальских бурят и эвенков между собой и с русскими значительно усилились после заключения договора в 1727 г. с Китаем о сферах влияния на пограничных территориях. Для охраны южной границы России в Забайкалье создавались бурятские и эвенкийские казачьи отряды.

Приангарские эвенки испытали большое давление со стороны монголоязычных бурят, до прихода русских активно продвигавшихся из Прибайкалья к Енисею. С появлением русских эта часть эвенков продолжала расселяться к северу от Ангары, а в XVIII в. некоторые группы перешли Енисей и кочевали сначала в бассейнах Сыма, Дубчеса, Кети, а позже и Турухана.

Передвижения различных групп северных тунгусов происходили также к востоку и северо-востоку от Байкала. Часть из них расселялась по Амуру и даже переходила на его правый берег — за пределы России. В забайкальских степях господствовала этническая группа конных эвенков, в бассейне Амгуни — негидальцев. На побережье Охотского моря складывалась своеобразная культура «пеших эвенков», а по соседству с ними — оленных эвенов (ламутов). Значительным было продвижение оленных групп эвенов по всей территории от Лены до Колымы, прежде занятой юкагирами.

Юкагирские племена (5 тыс. человек) — ходынцы, чуванцы, анаулы, алазеи и другие — значительно сократили свою территорию. Они испытывали сильное давление с трех сторон: с юга (северные тунгусы), с востока (чукчи) и с запада (якуты). В конце рассматриваемого периода юкагиры сохранились лишь в виде небольших островков среди этого населения.

Самым важным в бассейнах Лены и соседних северных рек стало дальнейшее расселение тюркоязычных якутов (28 тыс. человек). К западу от Лены они вытеснили или ассимилировали различные группы северных тунгусов, к востоку — юкагиров. После образования центральной группы денско-амгинских якутов сформировалась вилюйская группа. В низовьях Лены, в бассейне Оленека и Анабары шло формирование этнической группы якутов-оленеводов. К началу XVIII в. уже в основном сформи-

ровалась территория современной Якутии, но отдельные группы якутов продолжали свое движение на запад, восток и юго-восток. В то же время уже складывалось представление и о едином якутском народе.

При участии якутов, северных тунгусов и юкагиров осуществлялось проникновение русских и к народам крайнего северо-востока. Среди северо-восточных палеоазиатов (26 тыс. человек) — чукчей, коряков и ительменов — наиболее сильное сопротивление русским оказали чукчи. Через землю коряков русские проложили путь к Камчатке и вступили в более тесные контакты с коряками и ительменами.

По вопросу о расселении чукчей существует две точки зрения. И. С. Вдовин[104] считает, что западной границей чукотской территории был Чаун, южной — Анадырь; на востоке чукчи жили по берегам Берингова моря, на севере — Ледовитого океана. В прибрежных районах чукотские поселения перемежались с эскимосскими. Б. О. Долгих[105] считает чукотской территорией в XVII в. лишь внутреннюю часть полуострова, все оседлое население Чукотки от залива Креста до Шелагского мыса было еще эскимосским. Под именем чукчей нередко в русских источниках фигурируют эскимосы, у которых были общие с чукчами черты хозяйства и культуры. В одном из первых сообщений об эскимосах говорится: «...а против того носу есть два острова (острова Ратманова и Крузенштерна в Беринговом проливе, — *Авт.*). А на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб».[106] Здесь под именем «чухчи» фигурируют эскимосы, так как обычай прорезывания губ для закрепления украшений из кости и камня был распространен только у них.

Приход русских не остановил продвижения оленных групп чукчей на запад, продолжавших теснить и ассимилировать юкагиров. Не помогла и постройка Нижнеколымского и Анадырского острогов, взявших юкагиров под свою защиту. Это стало одной из причин русско-чукотских военных столкновений, причем на стороне русских и юкагиров выступили оленные коряки, также теснимые чукчами. Береговые чукчи и коряки продолжали ассимилировать эскимосов (4 тыс. человек), не исключено также и обратное воздействие эскимосов, в особенности на чукчей.

Ближайшими соседями коряков были ительмены, широко расселившиеся на Камчатке. К приходу русских (конец XVII в.) они были в значительной мере ассимилированы южнокамчатские айны. Взаимоотношения ительменов с чукчами и коряками в северной части полуострова остаются неясными.

В это же время монголоязычные дауры и тунгусоязычные дючеры были выведены китайцами в Маньчжурию. Это стимулировало перемещение сюда новых групп северных тунгусов. Особенно активными были нанайцы, расселявшиеся вверх по Амуру.

* * *

Появление на огромных просторах Сибири русских существенно изменило этнографическую карту уже в XVII в. и оказало влияние на миграционные и этнические процессы в среде местного населения. Например, изменения в расселении и консолидация бурятских и якутских племен стали возможны в значительной степени благодаря тому, что прекра-

[104] И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-восточной Азии во 2-й половине XVII в. и начале XVIII в. Изв. ВГО, т. 76, 1944, вып. 5.

[105] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 551—552.

[106] Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Вопросы истории изучения и освоения Арктики, Л., 1964, стр. 131.

тились межродовые и межплеменные столкновения, что были определены границы народов и государства в целом. Немаловажную роль сыграло и то, что в местах своих новых поселений буряты, якуты и некоторые другие народы имели поддержку в лице русских служилых и промышленных людей; поддерживала их и царская администрация.

К началу 20-х годов XVIII в. в некоторых местах, где были особенно тесны взаимные хозяйственно-культурные контакты, чаще всего при совместном проживании, уже шел процесс частичного слияния отдельных племен с местным русским населением (например, качинцев под Красноярском, телеутов в Кузнецких степях). Этот процесс охватывал хозяйство, различные стороны культуры и быта, содействовал смешанным бракам, но, как правило, не приводил к утрате родного языка населения. Влияние этого процесса в отношении языка выражалось только в распространении двуязычия, местами и многоязычия, с постепенным усилением роли русского языка. В некоторых районах, более изолированных от территорий земледельческого заселения, немногочисленные группы русских, оказавшиеся в инородной этнической среде, испытывали сильное влияние со стороны коренного населения. Впоследствии это приводило к образованию особых этнических групп русского народа.

В основном же большинство миграций и этнических процессов в среде коренного населения Сибири было продолжением процессов, имевших место еще до прихода русских и отражавших развитие социально-экономических отношений самих сибирских народов. Среди важных последствий присоединения к России следует отметить ускорение процессов формирования новых этнических общностей у народов, стоявших накануне прихода русских на различных этапах разложения первобытнообщинного строя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хозяйственное освоение Сибири русским населением и народы Сибири

С конца XVI в. началось систематическое заселение Зауралья русским народом и освоение им совместно с народами Сибири ее неисчерпаемых природных богатств. За «каменем», т. е. за Уралом, лежала огромная территория площадью более 10 млн кв. км. На просторах Сибири, по подсчетам Б. О. Долгих, жило примерно 236 тыс. человек нерусского населения.[1] На каждого из них приходилось в среднем более 40 кв. км площади с колебаниями от 3 до 300 кв. км. Если учесть, что при охотничьем хозяйстве на каждого едока в умеренном поясе требуется всего 10 кв. км угодий, а при самом примитивном животноводстве у скотоводческих племен лишь 1 кв. км, то станет ясным, что коренное население Сибири к XVII в. было еще далеко от освоения всей площади этого края даже при прежнем уровне хозяйствования. Перед русским народом и коренным населением открывались огромные возможности в деле освоения еще не использованных пространств как посредством расширения прежних форм хозяйства, так и, в еще большей мере, путем его интенсификации.

Более высокие производственные навыки русского населения, уже много веков занимавшегося пашенным земледелием, стойловым животноводством и подошедшего вплотную к созданию мануфактурного производства, позволили ему внести немалый вклад в дело хозяйственного освоения природных богатств Сибири.

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ПРОМЫСЛЫ

Одной из самых замечательных страниц истории освоения Сибири русским населением в XVII в. было создание им основ сибирского пашенного земледелия, превратившего позднее край в одну из основных житниц России. Русские, перевалив за Урал, постепенно знакомились с большими природными богатствами нового края: полноводными и рыбными реками, богатыми пушным зверем лесами, хорошими, пригодными для хлебопашества землями («здесь плодопитательно»[2]). Вместе с тем они не нашли здесь привычных им возделанных полей. Указаниями на отсутствие хлеба, на испытываемый русскими пришельцами голод («едим траву и коренья») пестрят первые русские описания даже тех районов, где позднее заколосятся тучные нивы.[3]

[1] Для данного расчета используется максимальная цифра коренного населения, исчисленная Б. О. Долгих (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 617). В исследованиях В. М. Кабузана и С. М. Троицкого приводится значительно меньшая цифра (72 тыс. душ мужского пола — см. стр. 55, 183 данной книги).

[2] Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 59, 60, 109, 110, 177, 178, 242.

Эти первые впечатления не были обманчивыми, несмотря на неоспоримые свидетельства наличия у части местного населения земледельческих навыков, сложившихся задолго до прихода русских. Дорусское земледелие Сибири может быть отмечено лишь для немногих мест преимущественно южной части Сибири (Минусинская котловина, речные долины Алтая, дауро-дючерское земледелие на Амуре). Некогда достигшее относительно высокого уровня, оно в силу ряда исторических причин испытало резкий упадок и фактически было разрушено задолго до прихода русских поселенцев. В других местах (нижнее течение Тавды, нижнее течение Томи, среднее течение Енисея, верхнее течение Лены) земледелие носило примитивный характер. Оно было мотыжным (за исключением земледелия тобольских татар), отличалось немногочисленным составом культур (кырлык, просо, ячмень и реже пшеница), очень малыми посевами и столь же ничтожными сборами. Поэтому земледелие повсеместно восполнялось собиранием дикорастущих съедобных растений (сарана, дикий лук, пион, кедровый орех). Но, восполненное собирательством, оно всегда было лишь вспомогательным занятием, уступая место ведущим отраслям хозяйства — скотоводству, рыболовству, охоте. Районы примитивного земледелия перемежались районами, население которых не знало земледелия совсем. Огромные массивы земли еще никогда не трогала ни кирка, ни мотыга. Естественно, что подобное земледелие не могло стать источником пищевых запасов для прибывшего русского населения.[3]

Русскому земледельцу с его знанием сохи и бороны, трехпольного севооборота, применением удобрения, пришлось, используя свои трудовые навыки, закладывать в этих местах по существу новое хлебопашество и развивать его в незнакомой географической среде, в окружении неизвестного неземледельческого населения, в условиях тяжелого классового гнета. Русскому крестьянину предстояло совершить героический, огромного исторического значения подвиг.

Размещение русского населения в Сибири в первое столетие определялось явлениями, мало связанными с интересами развития сельского хозяйства. Поиски драгоценной пушнины, бывшие одним из самых серьезных стимулов раннего продвижения русских в Сибирь, неизбежно вели в районы тайги, лесотундры и тундры. Стремление правительства закрепить за собою местное население как поставщика пушнины приводило к постройке городов и острогов в узловых пунктах его расселения. Этому же способствовали и гидро-географические условия. Наиболее удобный речной путь, связывавший Запад и Восток, шел по местам сближения печорской и камской речных систем с обской, а затем енисейской с ленской и пролегал в той же полосе заселения. Политическая обстановка на юге Сибири затрудняла движение в этом направлении. Таким образом, в начальный период русские появились в полосе либо совершенно недоступной для земледелия, либо малопригодной для него, и только в южной части своего расселения (лесостепь) нашли благоприятные условия. Именно в этих районах и создаются первые очаги сибирского земледелия. Первые упоминания о распашке относятся еще к XVI в. (пашни тюменских и верхотурских русских деревень по р. Туре). Придя в Сибирь с другими целями, русские обратились к земледелию в первые же годы своего продвижения на восток, так как продовольственный вопрос в Сибири сразу встал очень остро. Его пытались первоначально разрешить путем завоза хлеба из европейской Руси. Хлеб везли с собою правительственные отряды, торгово-промышленные люди, отдельные переселенцы. Но это не решало вопроса о питании постоянного русского населения Сибири. Не разрешили его и

[3] П. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 34, 35.

ежегодные поставки хлеба в Сибирь. Обязанностью поставлять «сошные запасы» были обложены северорусские города с их уездами (Чердынь, Вымь-Яренская, Соль-Вычегодская, Устюг, Вятка и др.). Кроме того, дополнительно были организованы правительственные закупки хлеба в Европейской России. Подобная организация хлебоснабжения далекой окраины страдала крупным недостатком, так как поставка запасов в Сибирь обходилась необычайно дорого и занимала длительное время: провоз хлеба от Устюга до берегов Тихого океана длился 5 лет.[4] При этом стоимость хлеба увеличивалась в десятки раз, а часть продовольствия по пути погибала. Стремление государства переложить эти расходы на плечи населения увеличивало феодальные повинности и вызывало сопротивление. Удовлетворить полностью спрос на хлеб подобная организация поставок не могла. Население постоянно жаловалось на нехватку хлеба и голод. Кроме того, правительство нуждалось в хлебе для обеспечения служилых людей, которым оно выдавало «хлебное жалованье».

Наказы сибирским воеводам в течение всего XVII в. наполнены указаниями о необходимости заведения государственной пашни. В то же время население распахивало землю по собственной инициативе. Этому способствовал и состав населения, прибывавшего в Сибирь. В значительной части это было трудовое крестьянство, бежавшее из центра от феодального гнета и мечтавшее о занятии привычным делом. Таким образом, в качестве начальных организаторов сибирского земледелия выступали феодальное государство, с одной стороны, и само население — с другой.

Государство стремилось завести в Сибири так называемую государеву десятинную пашню. Объявив всю сибирскую землю государевой, правительство предоставляло ее непосредственному производителю материальных благ для пользования на условии обработки за это государевой десятины. В наиболее частом виде государева десятинная пашня выделялась особым полем, обрабатываемом государевыми крестьянами, которые получали за это землю для «собинной» пашни из расчета 4 десятины на 1 десятину казенной запашки.[5] Государево поле обрабатывалось крестьянами под непосредственным наблюдением приказчиков. В других случаях государева десятина непосредственно присоединялась к «собинным» участкам. И хотя при этом не было территориального разделения барщинного и крестьянского полей, приказчик наблюдал за обработкой только государевой десятины (обычно наиболее урожайной) и сбором с нее хлеба. Случаи обработки крестьянином только государева поля с получением «месячины» (продовольственного хлеба) в Сибири были немногочисленны.[6] Зато уже в XVII в. имели место случаи замены обработки государевой пашни (барщины) внесением хлебного оброка (натуральной рентой). Однако барщинный труд для сибирского крестьянина в течение всего XVII в. был господствующим.

Специфической особенностью Сибири явилось то обстоятельство, что феодальное государство в своем стремлении завести барщинное хозяйство столкнулось с отсутствием крестьянского населения. Использовать местное население в качестве феодально-обязанных хлебопашцев оно не смогло из-за отсутствия соответствующих производственных навыков у аборигенов. Отдельные попытки в этом направлении, предпринятые в начале XVII в. в Западной Сибири, не имели успеха и были быстро оставлены. С другой стороны, заинтересованное в получении пушнины государство стремилось сохранить охотничий характер хозяйства местного населения. Последнее

[4] Там же, стр. 314.
[5] Там же, стр. 417.
[6] ЦГАДА, СП, кн. 2, л. 426; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1946, стр. 174, 175.

должно было добывать пушнину, а производство хлеба ложилось на русских переселенцев. Но малочисленность русских стала основным препятствием в деле разрешения хлебных затруднений.

Вначале правительство пыталось преодолеть это затруднение путем насильственного переселения крестьян из Европейской России «по указу» и «по прибору», создавая тем самым одну из ранних групп сибирского крестьянства — «переведенцев». Так, в 1590 г. были направлены в Сибирь в качестве пашенных крестьян 30 семейств из Сольвычегодского уезда, в 1592 г. — крестьяне из Перми и Вятки, в 1600 г. — казанцы, лаишевцы и тетюшцы.[7] Мера эта оказалась недостаточно эффективной, а кроме того, она ослабляла платежеспособность старых уездов, обходилась дорого крестьянским мирам и вызывала поэтому протесты.

Другим источником получения рабочей силы на государеву пашню явилась ссылка. Сибирь уже в XVI в. служила местом ссылки на поселение. Часть ссыльных направлялась на пашню. Эта мера действовала в течение всего XVII и перешла в XVIII столетие. Количество ссылаемых бывало особенно значительным в периоды обострения классовой борьбы в центральной Руси. Но и этот способ обеспечения земледелия рабочей силой не дал ожидаемого эффекта. Ссыльные частично погибали во время невероятно тяжелого пути. Отметка «умерли в дороге» — нередкое явление в росписи ссыльных. Некоторые уходили в посады и гарнизоны, другая часть насильно посаженных на пашню людей, нередко не имевших достаточных навыков, сил и средств, «бродила меж двор» или бежала в поисках свободы и лучшей жизни дальше на восток, а иногда обратно на Русь.

Наиболее эффективным явилось привлечение на государеву пашню лиц, прибывших в Сибирь на свой страх и риск.

В некотором противоречии с общим строем феодального государства, прикреплявшего крестьянина к месту, правительство уже в XVI в. предлагало сибирской администрации призывать в Сибирь «охочих людей от отца сына и от брата брата и от сусед суседов».[8] Таким образом пытались одновременно и сохранить тягло на месте, и перебросить в Сибирь излишнюю рабочую силу. При этом район выселения ограничивался поморскими уездами, свободными от поместного землевладения. Затронуть интересы помещиков правительство не решалось. Правда, в то же время правительство несколько расширяет свою программу, предлагая призывать в пашенные крестьяне «из гулящих и всяких охочих вольных людей».[9] В эту категорию лиц могли попадать и попадали выселенцы не из поморских уездов, а беглецы из районов помещичьего землевладения. Самовольное переселение в Сибирь тяглого и зависимого населения не могло не обратить на себя внимания правительства и землевладельцев. С начала XVII в. идут дела о сыске бежавших в Сибирь, возбуждаемых по челобитьям землевладельцев. Правительство вынуждено было принять ряд запретительных мер вплоть до сысков и возвращения беглецов.

В этом вопросе правительственная политика в течение всего XVII в. сохраняет двойственный характер. Закрепляя крестьян за помещиком и тяглом в центральных районах, правительство было заинтересовано и в прикреплении крестьян к развиваемому тяглу в Сибири. Вот почему, несмотря на ряд запретительных указов и громких сыскных дел, сибирская воеводская администрация смотрела сквозь пальцы на приход из Руси новопоселенцев. Считая их «вольными», «гулящими» людьми, она охотно верстала их в государевы пашенные крестьяне. Этот приток в Си-

---

[7] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири..., стр. 13, 14.
[8] ЦГАДА, СП, кн. 2, лл. 96, 97.
[9] Там же, ф. Первотурского уезд. кого суда, стлб. 42

бирь беглецов, уходивших от растущего в центре феодального гнета, пополняя сибирские деревни и определяя характер их населения.

Общий итог переселения крестьян в Сибирь к концу XVII в. оказался довольно значительным. По окладной книге Сибири 1697 г. насчитывалось свыше 11 400 крестьянских дворов с населением более чем 27 тыс. человек мужского пола.[9]

Уйдя с насиженных мест, при этом часто тайком, проделав огромный и тяжелый путь, большинство беглецов приходило в Сибирь «душой и телом» и было неспособно завести самостоятельно крестьянское хозяйство. Воеводская администрация, желая организовать государеву запашку, вынуждена была прийти им в какой-то мере на помощь. Эта помощь выражалась в выдаче подмоги и ссуды. Подмога являлась безвозвратной помощью, денежной или натуральной, для устройства крестьянином собственного хозяйства. Ссуда, также денежная или натуральная, имела ту же цель, но подлежала обязательному возврату. Поэтому при выдаче ссуды оформлялась заемная кабала.

Точные размеры подмоги и ссуды установить трудно; они варьировались в зависимости от времени и места. Чем острее была потребность в рабочих руках, тем выше были подмога и ссуда; чем больше был приток переселенцев, тем меньше была подмога и ссуда; иногда ссуды не выдавались совсем. В 30-е годы в Верхотурском уезде в подмогу («чем крестьянин мог дворцом поселитца, пашню распахать и всяким заводом завестися») давали по 10 руб. деньгами на человека и сверх того по 5 четей ржи, 1 четь ячменя, 4 чети овса и пуду соли. Иногда в этом же уезде выдавали в подмогу лошадей, коров, мелкий скот. На Лене в 40-е годы подмога достигала 20 и 30 руб. «деньгами и по 1 лошади на человека.»[10] Выдававшаяся наряду с подмогой ссуда была обычно меньше, а иногда равнялась ей.

Наряду с подмогой и ссудой новопоселенцу предоставлялась льгота — освобождение от несения феодальных повинностей на тот или иной срок. Правительственные указания давали местной администрации широкую возможность менять размеры подмоги, ссуды и льготы: «... а ссуду им и подмогу и льготу давать смотря по тамошнему делу и по людям и по семьям с порукою и примеряся к прежним годам». Размеры, их, очевидно, ставились также и связь с размерами налагаемой на новопоселенца государевой десятинной пашни, а последняя зависела от величины и зажиточности семьи. В XVII в. наблюдается тенденция к постепенному уменьшению подмоги и ссуды со стремлением при благоприятных условиях обойтись совсем без них. Это отнюдь не говорит о больших размерах предоставляемой помощи в начале. Наличие многочисленных крестьянских челобитных о трудности возвращения ссуды, большое число дел о ее взыскании и факт значительного недобора приказными избами ссудных денег говорят скорее об обратном. Дело в том, что цены на крестьянский «завод» (рабочий скот, ральники и пр.) были очень высоки. Во всяком случае подмога и ссуда давали возможность пришлому люду приступить к организации сперва «собинного» хозяйства, а затем, по истечении льготных лет, и к обработке государева десятинного поля.[11]

Так возникали в Сибири государевы деревни, населенные государевыми пашенными крестьянами.

Одновременно шло устройство крестьянских поселений другими путями. Известную роль в этом направлении сыграли сибирские монастыри.

[10] Там же, СП, вн. 1354, лл. 218—406; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 44, 70, 86, 109, 199, 201, 218.

[11] П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 71.

[9] ЦГАДА, СП, стлб. 344, ч. I, л. 187 и сл.; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири..., стр. 22—29.

В течение XVII в. в Сибири возникло более трех десятков монастырей. Несмотря на то что они возникали в условиях весьма сдержанного отношения правительства к росту монастырского землевладения, все они получали земельные пожалования, земельные вклады частных лиц, кроме того, монастыри прикупали землю, а иногда просто ее захватывали. Самым значительным землевладельцем такого типа был тобольский Софийский дом, начавший получать земли уже с 1628 г. За ним следовали тридцать пять монастырей, возникших на всей территории Сибири от Верхотурья и Ирбитской слободы до Якутска и Албазина. В отличие от среднерусских монастырей они получали в свое владение земли незаселенные, но с правом «призывать в крестьяне не с тягла и не с пашен и не крепостных людей». Пользуясь этим правом, они развернули деятельность по устройству на монастырские земли новопришлого населения на условиях аналогичных тем, которые практиковались при устройстве государевой десятинной пашни. Так же как и там, монастыри выдавали подмогу и ссуду и предоставляли льготу. Согласно порядным записям, новопришлец обязывался за это с монастырской земли «не сойти» и обрабатывать монастырскую пашню или вносить в монастырь оброк и выполнять другие монастырские «изделия». По существу дело шло о самопродаже людей в монастырскую «крепость». Таким образом, беглец из Руси и в Сибири на монастырских землях попадал в те же условия, от которых он ушел с прежних мест. Результаты деятельности сибирских монастырей по закабалению пришлого населения следует признать значительными. К началу XVIII в. за сибирскими монастырями числилось 1082 крестьянских двора.[1]

Наряду с указанными двумя путями шло и самоустройство пришлого населения на землю. Часть переселенцев бродила по Сибири в поисках заработка, пробавляясь временными работами по найму. Какое-то количество людей прибывало в Сибирь для работы по добыче пушнины на промыслах, которые организовывали русские богатеи. Впоследствии мы находим их в числе государевых крестьян. Этот переход к хлебопашеству происходил либо путем официального поверстания в крестьяне и отвода воеводской администрацией участка земли для «собинной» пашни с определением размера повинностей (государева десятинная пашня или оброк), либо путем захвата земли и самовольной обработки ее. В последнем случае при очередной проверке такой хлебопашец все равно попадал в число государевых крестьян и начинал выплачивать соответствующую феодальную ренту.

Таким образом создавалось основное ядро сибирских земледельцев. Но крестьяне не были одиноки в своих земледельческих занятиях. Острая недостача хлеба в Сибири XVII в. побуждала и другие слои населения обращаться к хлебопашеству. Наряду с крестьянами землю пахали служилые и посадские люди.

Сибирский служилый человек в отличие от служилых Европейской России, как правило, не получал земельных дач. И это вполне объяснимо. Незаселенная и необрабатываемая земля не могла обеспечить служилому человеку существования и выполнения им службы. Поэтому здесь служилый человек перестал денежным и хлебным жалованьем[2] в зависимости от служебного положения он получал в среднем от 10 до 40 четей хлебных запасов на год. Примерно половина этого числа выдавалась овсом с расчетом на подкормку лошадей. Если считать средний состав семьи в 4 человека, то (при содержании в четь 4 пудов) на одного человека приходилось от 5 до 20 пудов ржи на год. Причем основная часть служилых людей — рядовые, получавшие наименьшие оклады, — получала на 1 едока по 5 пудов в год. Даже при аккуратной выдаче хлебного жалованья размеры ок-

[1] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 46, 47, 368—374.

лада плохо обеспечивали потребности семьи в хлебе. Практически же выдача хлебного жалованья производилась со значительными задержками и недодачами. Вот почему служилый человек в Сибири часто принимался пахать сам и вместо хлебного жалованья предпочитал получить земельный надел.

По Тобольскому разряду к 1700 г. 22% служилых людей служили не за оклад, а с пашни; в Томском уезде в это время пашню имело 40% служилых людей и т. д.[14] Естественно, что обращение служилых людей к земледелию сдерживалось и их основным занятием, и местом несения службы. Значительная часть отбывала службу в районах, непригодных для земледелия. По ведомости сибирских городов начала XVIII в. 20% всякого чина жалованных людей имели собственную запашку.

Занималось земледелием и посадское население, если места его сосредоточения находились в доступной для этого полосе. Так, даже в Тобольске, район которого в XVII в. считался малопригодным для земледелия, в 1624 г. 44.4% посадских людей имели пашню. В Томске к началу XVIII в. почти все тяглое население занималось земледелием, а по Енисейскому району 30% посадских людей имели пашню. Посадские, как и служилые, поднимали пашню своими средствами.[15]

Таким образом, значительная часть русского населения Сибири в XVII в занималась земледелием, и это позволило уже тогда заложить в Сибири его прочные основы. Деятельность переселенцев проходила в суровых и новых для русского земледельца природных условиях и потребовала гигантского напряжения сил. Отчесление русского населения в XVII в. в северные районы делало эти условия еще более трудными. Принесенные в Сибирь привычные представления сталкивались с суровой действительностью, и нередко пришелец в борьбе с природой терпел поражения. Сухие заметки воеводских и приказчичьих отписок или крестьянских челобитных, пестрящие указаниями на то, что «хлеб позяб», «была засуха», «от морозов и от камени хлеб озябает», «земля песок и трава не растет», «хлеб водою вымыло»,[16] говорят о трагедиях, о жестоких ударах, наносимых природой еще несокрушимому, только что складывающемуся хозяйству. На этом трудном пути земледелец обнаружил большую настойчивость, сметливость и в конечном счете вышел победителем.

Первым шагом был выбор мест под пашню. С большой осмотрительностью русский хлебопашец определял почвенные, климатические и другие условия. Силою воеводских изб, приказчиков и самих крестьян — людей к таким делам «хлобычных» — выбирались земли «добрые», «хлеб чають будет родитца». И наоборот, браковали земли непригодные, «хлебной пашни не часть, земля де и среди лета вся не растаяла».[17] Выделенным пригодным землям делались описи, а иногда и чертежи. Уже в XVII в. закладывалось начало описания пригодных для земледелия территорий и делались первые попытки картографирования земледельческих угодий.[18]

Если «досмотр» производился воеводской администрацией, то по ее инициативе организовывалась государева и «собинная» пашни. Сами же крестьяне, «досмотрев» добрую землю, обращались в воеводские избы с просьбой об отводе им выявленных пригодных участков.

---

[14] Там же, стр. 50, 78.

[15] Там же, стр. 51, 76, 131. (Данные о тобольском посадском земледелии предоставлены О. Н. Вилковым).

[16] Там же, стр. 264; В. Н. Шерстобоев. «Илимская пашня», т. I. Иркутск, 1949, стр. 338—341.

[17] ЦГАДА. СП, столб. 113, лл. 86—93.

[18] Там же, вн. 1351, л. 68.

Помимо пригодности для земледелия, участок должен был обладать другим условием — быть свободным. Русские пришельцы попадали на территорию, на которой издавна обитало коренное население. После присоединения Сибири к России русское правительство, объявив всю землю государевой, признало за местным населением право на пользование этой землей. Заинтересованное в получении ясака, оно стремилось к сохранению хозяйства аборигенов и платежеспособности этого хозяйства. Поэтому правительство проводило политику сохранения за ясачными их земельных угодий. Русских людей предписывалось селить «на пустых местах, и у ясачных людей угодий не отнимать». При отводе земель обычно производились расследования, «порозжее ли то место и не ясачных ли людей». В большинстве случаев к участию в таком «обыске» привлекалось местное ясачное население — «тутошние люди».[19]

В сибирских условиях это требование о сочетании земельных интересов русского и местного населения оказалось в целом осуществимым. Размещение на территории более 10 млн кв. км, помимо 236 тыс. человек местного населения, добавочно еще 11 400 крестьянских дворов не могло вызвать серьезных затруднений. Несомненно, что при слабой организованности землеустройства, а иногда и при полном отсутствии какой-либо организации его могли происходить столкновения интересов русского и коренного населения, как происходили они и среди самого русского населения. Однако эти столкновения не определяли общей картины. В основном землеустройство шло за счет свободных земель.

Такие земли подыскивались обычно вблизи рек, ручьев, чтобы «и... мельницы устроить можно», но и с условием, чтобы «водою не топило».[20] В силу того что сибирское земледелие развивалось в XVII в. в лесной или реже в лесостепной полосе, подыскивали свободные от лесных зарослей поляны (елани), чтобы освободиться или по крайней мере уменьшить необходимость трудоемкой расчистки леса под пашню. Небольшие по своему составу в XVII в. сибирские крестьянские семьи стремились избегать расчистки лесных участков, обращаясь к ней лишь в исключительных случаях.

После выбора участка наступал, быть может, наиболее тяжелый период его освоения. При первых шагах часто не было знания и не было уверенности не только в наиболее выгодных приемах земледелия, но и в самой его возможности. Широкое распространение получили пробные посевы «для опыта». Этим занимались и воеводская администрация, и крестьяне. Так, в Кетском уезде посеяли в 1640 г. «для опыту немного». Опыт оказался удачным, рожь выросла «добра». На этом основании пришли к выводу: «...пашне в Кетском остроге быть большой мошно».[21] Заключение это было излишне оптимистическим. Большой пашни в Кетском уезде организовать так и не удалось, но возможность земледелия была доказана. Удачный опыт служил толчком к развертыванию земледелия в данной местности. Так, сын одного из таких «опытовщиков» рассказывал: «...отец мой, приехав из Илимска, в Нерчинской хлебной пахоте учинил опыт и хлеб сеял... И по тому опыту хлеб в Нерчинску родился, и на то смотря тутошние жители учали пашню разводить и хлеб сеять... А прежде того в Нерчинску хлеба не родилося и пахоты не было».[22] Иногда опыт давал и отрицательные результаты. Так, опытные посевы около Якутского острога в 40-х годах XVII в. привели к выводу, что «на весну долго дожжей не живет и рожь выдывает ветром»,

---

[19] РИБ, т. II, СПб., 1875, док. № 47. ДАИ, т. VIII, № 51, IV; В. И. Шунков. Очерки [illegible] олоки [illegible] — [illegible]

[20] ЦГАДА СП. [illegible] лб. 91, лл. 80 81; стлб 113, л. 386.

[21] Там же, стлб. 113, л. 386.

[22] Там же, кн. 1372, лл. 146—149.

в целом больше ранней земледельческой культуры. Печальный опыт, организованный правительством, привода к выводу о том, что введение государственной десятинной пашни в каждом месте должно быть предварительно хорошо изучено. Сделав вывод — крестьяне в основном вновь поселенных районов должны были жить на землях, где они могли получать урожаи, — правительство собою катастрофическое положение крестьянского хозяйства на новом месте.

Таким образом, выбор места поселения, связанный с преимущественной пригодностью для данной земледельческой или другой сельскохозяйственной культуры, русский человек естественно стремился перенести в свою работу по освоению новой территории. В XVII в. на сенокосных полях появились новые посевы и кроме того, местные жители стали увеличивать пашню за счет залежей. На старопашенных землях на переделах выращивали капусту, огурцы, лук, чеснок, репу. В них же время определялось и их размещение по территории Сибири и соотношение посевных площадей, занятых различными культурами. Это размещение сложилось не сразу. Оно явилось результатом освоенных и заселенных человеком, которым занимался русское население Сибири в течение всего рассматриваемого периода. При этом размещение не было однозначным. Последующее время вносило в него значительные коррективы. К концу XVII в. Сибирь имела преимущественно овальной страной. На отдельных полях в зависимости от местных почв, рек и все-таки очень ощутимо ведущей культурой в Сибири. Пшеница выделялась по урожаю и по значительных количествах, так и в незначительных — очень. В Приуралье, Зауралье и Нерчинском уездах рожь также заняла монопольное положение и на Лене нее существовала в одном и единственном. Не говоря уже о том, что кроме ржи, овса и ячменя местными и другие культуры.

Вместе с местными культур русский земледелец принес в Сибирь и приемы их возделывания. В центральных районах страны в это время господствовала паровая система земледелия и форма трехполья, при которой в отдельных местах переложная и подсечная системы. Подсечная система в Сибири XVII в. не получила широкого распространения. Переложная система также не получила широкого распространения. Пашенные люди меняют, а занимают под пашню свои земли, где они работают.[4] При широком распространении перелога он и для XVII в. не оказался единственной системой земледелия. Постепенное сокращение площади свободных пахотных мест и трудности экономического применения перелога в условиях Сибири привели к усложнению паровой системы земледелия и ее дальнейшему развитию. На Лене и Лене с многочисленными новыми поселениями Сибири, как это первое показал П. Н. Шарапов,[5] утверждается двуполье. Однако постепенно, как свидетельствуют документы, и результате того, что большая часть пашни выпахалась, появляется больше свободных «сегодня» мест по переделам, что и приводит к трехпольной системе и другим приемам. Подсечное, и как его называли местные действующая и хозяйственная традиция, записанная в Руси. На территории и монастырских полях Западной и Средней Сибири для XVII в. типичным является наличие земель и трехпольной земли. Они имели свои границы и для крестьянских полей. Вместе с тем господствующей системой земледелия трехполье системы. Вот почему, говоря, что в XVII в. — наблюдая своеобразие земледелия, констатировали

---

[4] Там же. Л. 274, 274 об.; 88–89; 92–93; Шарапов А. Очерки по истории земледелия Сибири. С. 247–254.

[5] П. Н. Шарапов. Очерки по истории земледелия Сибири. Ч. 274–280.

[6] Шарапов А. С. 247–254.

[7] П. Н. Шарапов. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 509–509.

что в Сибири пашут «не против русского обычая». Однако же несомненно стремление использовать и в сибирских условиях этот обычай.[27]

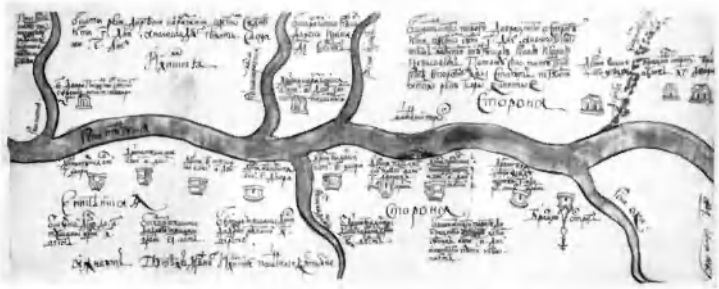
Наряду с полевым земледелием возникло приусадебное. В усадьбе «позади дворов» находились огороды, огородцы и конопляники. Огороды упоминаются не только в деревнях, но и в городах.

Для расчистки земли пользовались совой с железными сошниками. Для боронования употреблялась деревянная борона. Из другого сельскохозяйственного инвентаря постоянно упоминаются серпы, косы-горбуши, топоры. В значительной части этот инвентарь выдавался в порядке подмоги новопоряженным крестьянам или покупался ими на сибирских рынках, куда он поступал с Руси через Тобольск. Дальняя доставка делала этот инвентарь дорогим, на что постоянно жаловалось сибирское население: «... в Томском и в Енисейском, и в Кузнецком, и в Красноярском острогах одни сошники купят по 40 алтын, а косу в 20 алтын».[28] Эти трудности разрешались по мере развития русского ремесла в Сибири.

Наличие рабочего скота было непременным условием существования крестьянского двора. Выдача подмоги и ссуды включала в себя выдачу средств на приобретение лошадей, если они не выдавались натурой. Обеспечение тягловой силой русского земледелия происходило довольно легко в тех районах, где оно могло опираться на коневодство местного населения. Покупали лошадей у местного населения или у южных кочевников, пригонявших скот на продажу. Сложнее обстояло дело в тех районах, где таких условий не было. В этих случаях скот перегонялся издалека и стоил дорого. В Енисейске, куда лошадей пригоняли из Томска или Красноярска, цена лошади доходила в 30-х и 40-х годах XVII в. до 20 и 30 руб.[29] С течением времени пашенная лошадь стала стоить столько же, сколько и в Европейской России, т. е. в том же Енисейске в конце века лошадь покупали уже по 2 руб. и дешевле.[30] Наряду с лошадьми упоминаются коровы и мелкий домашний скот. Трудно определить насыщенность скотом крестьянского двора в XVII в. Но уже в середине века однолошадные крестьяне считались крестьянами «молодшими», т. е. малоимущими. К «заводным», «прожиточным» относили крестьян, имевших не менее 4 лошадей.[31] Участки под покосы отводились или захватывались. Если пашня и покосы закреплялись, как правило, за крестьянским двором, то участки под выгоны обычно отводились деревне в целом. При наличии больших свободных земельных площадей пахотные поля и покосы огораживались, скот же пасся свободно.

Сибирские деревни были различны по своим размерам. В Верхотурско-Тобольском районе, где сосредоточивались основные массивы десятинных пашен и где крестьянские поселения возникли ранее, чем в других районах, уже в XVII в. существуют сведения со значительным количеством дворов. Некоторые из них превращались в сельскохозяйственные центры (слободы). В них жили приказчики, наблюдавшие за работой крестьян на государевых полях, стояли государевы амбары для ссыпки хлеба. Вокруг них располагались тяготевшие к ним малодворные деревни. Количество таких деревень было велико, особенно в более восточных и позже заселяемых районах. В Енисейском уезде в конце 80-х годов XVII в. почти 30% всех деревень составляли однодворки, а в Илимском уезде в 1700 г. таковых было почти 40%. Дву- и трехдворные деревни составляли в Ени-

[27] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 289—294.
[28] ЦГАДА, СП, столб. 1673, л. 21 и сл.; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 296.
[29] ЦГАДА, СП, столб. 112, л. 59.
[30] Там же, кн. 1003, л. 375 и сл.; л. 407 и сл.
[31] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 298.



Чертеж деревень на границе Енисейского и Илимского уездов XVII в.

сийском уезде 37%, а в Илимском уезде — 39%.[32] И хотя в течение веков наблюдается тенденция к разрастанию сибирской деревни, которая в позднее проявится в появлении больших сел, осуществляется с замедлением. Вырвать в лесистой и горнотаежной полосе у суровой природы крупные массивы пригодных земель было трудно. Поэтому и рассыпались в малых их нам однодворные и двудворные деревни. То же обстоятельство вынуждало к жизни и так называемые «выселки полные». Вновь найденные удобные участки земли иногда находились вдали от крестьянского двора, куда для полевых работ лишь «наезжали». В течение века средние размеры обрабатываемой крестьянским двором земли обнаруживали тенденцию к падению: в начале века они достигали 5—7 десятин, а к его концу по разным уездам колебались от 1,5 до 3 десятин в поле.[33] Это падение нужно поставить в связь с тяжестью феодального гнета, легшего на плечи сибирского крестьянина. Успешно справлявшийся с суровой природой в годы льгот, подмог и ссуд, он отступал потом перед тяжестью обработки десятины — в пашни и других повинностей.

Конкретные результаты земледельческого труда русского населения за XVII—начало XVIII в. сказались в ряде явлений.

Возделанные пашни появились почти на всем протяжении Сибири с запада на восток. Если в конце XVI в. русский крестьянин начал пахать на самом западе Сибири (западные притоки р. Оби), то в середине XVII в. и второй его половине русские пашни были на Лене и Амуре, а в начале XVIII в. — на Камчатке. За одно столетие русская соха прошагала бороздой от Урала до Камчатки. Естественно, что эта борозда шла вдоль основного пути продвижения русских с запада на восток по знаменитой водной дороге, связавшей великие сибирские реки: Обь, Енисей, Лена, Амур (по Туре, Тоболу, Оби, Кети, Енисею с ответвлениями по Илиму на Лену и на юг к Амуру). Именно на этом пути сложились основные земледельческие очаги Сибири XVII в.

Наиболее значительным из них и старейшим был Верхотурско-Тобольский район, в котором осела основная масса земледельческого населения. В пределах 4 уездов этого района (Верхотурского, Тюменского, Туринского и Тобольского) в начале XVIII в. находилось 75% всех сибирских крестьян-дворохозяев, проживавших в 80 слободах и сотнях деревень.[34] В этом районе, быть может ранее, чем где-либо, мы наблюдаем отход крестьянского населения от основной транспортной линии и стремлении обосноваться в «угожих пашенных местах». К началу XVIII в. земледельческие поселения, тянувшиеся ранее по р. Туре (водной магистрали, связывавшей Верхотурье через Тобол с Тобольском), уходят к югу. Уже в первые десятилетия XVII в. начинают пахать по р. Ницу, затем по рекам Пышме, Исети, Миасу. Деревни распространяются к югу по Тоболу, Вагаю, Ишиму. Это движение идет, несмотря на неустойчивое положение на южных границах. Набеги «воинских людей», угон скота, поджог хлеба не могут прекратить наступление пашни на юг и лишь заставляют земледельца присоединить к сохе и косе оружие. В этом ярко проявляется тенденция к превращению земледелия из явления, сопутствующего движению населения, в самостоятельный стимул миграции.

В конце века 5742 крестьянских двора возделывали в Верхотурско-Тобольском районе около 15 тыс. десятин в одном поле (из них более 12 600 десятин «собинной» запашки и более 2300 десятин государевой десятинной пашни). Общая запашка по району (крестьянская, посадских и служилых людей) составляла около 27 000 десятин в одном поле.

---

[32] Там же, стр. 103—105; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. 1, стр. 36.
[33] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 413—415.
[34] Там же, стр. 36.

Очень трудно, хотя бы приблизительно, определить количество хлеба, поступавшего с этих десятин. Слабые знания об урожайности сибирских полей XVII в. (кстати сказать, очень колеблющейся) лишают нас возможности произвести точные расчеты. Можно лишь предположить, что валовой сбор по району превышал 300 тыс. четырехпудных четей.[35] Этого количества было достаточно, чтобы удовлетворить потребности в хлебе всего населения района и выделять излишки для снабжения других территорий. Не случайно проезжавший через этот район в конце века путешественник-иностранец отметил с удивлением и большое число жителей, и плодородные, хорошо обработанные почвы, и наличие большого количества хлеба.[36] А местный житель имел право сказать, что здесь «земля хлебородна, овощна и скотна».[37]

Вторым по времени образования был Томско-Кузнецкий земледельческий район. Первые пашни появились сразу же вслед за основанием в 1604 г. города Томска. Район был расположен к югу от водной магистрали, шедшей по Оби и Кети на Енисей, поэтому основной поток населения шел мимо. Этим, очевидно, объясняется довольно скромный рост числа земледельческого населения и запашки. Новоприселенные земледельческие поселения располагались вдоль р. Томи и отчасти Оби, не отступая далеко от г. Томска. Лишь небольшая группа селений образовалась в верхнем течении Томи, в районе г. Кузнецка. Всего в начале XVIII в. в районе (Томский и Кузнецкий уезды) насчитывалось 644 крестьянских семьи. Общая запашка достигала в это время 4600 десятин в одном поле, а общая величина хлебного сбора едва ли была более 51 тыс. четырехпудных четей. Тем не менее Томский уезд к концу XVII в. обходился уже своим хлебом; потребляющим уездом оставался Кузнецкий. Сдвиг земледелия к югу, к Кузнецку, здесь не означал стремления обрабатать плодородные земли, а лишь сопутствовал продвижению военно-служилого населения, не обеспеченная его хлебные запросы.

Значительно большими были успехи земледелия в Енисейском земледельческом районе. Расположенный на основной сибирской магистрали, он быстро превратился во второй по значению район хлебопашества. Основная масса поселений возникла по Енисею от Енисейска до Красноярска и по Верхней Тунгуске, Ангаре и Илиму. К началу XVIII в. здесь было 1918 крестьянских дворов с населением примерно в 5730 душ мужского пола. Сибирская крестьянская и посадская запашка по району составляла не менее 7500 десятин в одном поле. Валовой сбор хлеба был более 90 тыс. четырехпудных четей.[38] Это давало возможность прокормить население и выделять часть хлеба для отправки за пределы района. В бесхлебные или малохлебные уезды — Мангазейский, Якутский, Нерчинский — наряду с хлебом «верховых» сибирских городов (Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск) пошел и енисейский хлеб. Николай Спафарий писал в конце века: «Енисейская страна вельми хороша. И дал бог изобилие всякое, хлеби много и добрыя и иное пищное за многолетство».[39]

В XVII в. было положено начало созданию двух самых восточных земледельческих районов Сибири: Ленского и Амурского. К 30—40-м го-

---

[35] Там же, стр. 45, 54, 56.

[36] Relation du voyage de M-r I. Ibrand... par le Sieur Adam Brand. Ch. III, IV. Amsterdam MDCXCIX.

[37] ЛО ГПБ, Эрмитажное собр., № 237, л. 12.

[38] Э. И. Боярщинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. Тр. Томск. гос. унив., т. 112, сер. ист.-филолог., стр. 135; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 73, 81, 86, 88, 109, 145, 152, 158.

[39] Н. Спафарий. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Зап. РГО, отд. этногр., т. X, вып. 1. СПб., 1882, стр. 186.

дам XVII в. относятся первые попытки завести пашню в «соболином краю» — Ленском бассейне. Земледельческие селения расположились по Лене от верховьев (Бирюльская и Банзюрская слободы) и до Якутска; большая часть их находилась к югу от Киренского острога. Именно этот район стал хлебной базой огромного Якутского воеводства. Избранд Идес сообщал: «Окрестности... где река Лена... берет свое начало, и страна, орошаемая маленькой рекой Киренгой, изобилуют зерном. Вся Якутская провинция ежегодно им питается».[40] В этом утверждении есть и доля преувеличения. Несомненно, что хлеб с верховьев Лены поступал в Якутск и далее на север, но хлеб этот не удовлетворял запросов населения. В течение всего XVII в., как и позднее, хлеб в Якутское воеводство завозился из Енисейского и Верхотурско-Тобольского районов. Но значение создания Ленского земледельческого района отнюдь не определяется размерами пахотных площадей и величиной сбора хлеба. Пашенные поля появились в краю, до этого не знавшем земледелия даже в его первичных формах. Ни якутское, ни эвенкийское население не занималось земледелием. Русский человек впервые поднимал здесь землю и совершал переворот в деле использования природных богатств края. Через 40—50 лет после появления первых русских пашен в далекой Западной Сибири на р. Туре заколосились нивы на Лене. Русские сеяли не только в более благоприятных условиях верховьев Лены, но и в районе Якутска, и на среднем течении Амги. Здесь, как и в районе Заварухинской и Дубчесской слобод на Енисее, как на Оби в районе Нарыма, Тобольска, Пелыма, были заложены основы земледелия, севернее 60° северной широты.

На Амур русские земледельцы вышли после крушения дорусского дауро-дючерского земледелия. Здесь предстояло возродить хлебопашество. Уже в XVII в. были созданы его первые очаги. Движение земледелия здесь шло от Енисейска через Байкал, Забайкалье и на Амур. Пашни возникли около острогов на пути Иркутск — верховья Амура. Может быть, самым ярким моментом были успехи русского земледелия, связанные с Албазином. Возникнув не по правительственному указу, Албазин содействовал развитию русского земледелия в виде «собинных» запашек. За «собинными» пашнями последовала организация и государевых десятин. От Албазина земледелие продвигалось и далее на восток, достигнув района впадения Зеи в Амур. Земледельческие поселения отнюдь не ограничивались пашнями под стенами острогов. Небольшие «заимки», деревни и слободы были разбросаны вдоль рек иногда на очень далеком расстоянии от стен укрепленных мест. Таковы слободы Арунгинская, Удинская, Куенская и Амурская, а также деревни Панова, Андрюшкина, Игнашина, Озерная, Погадаева, Покровская, Ильинская, Шингалова по Амуру и др. Таким образом, во второй половине XVII в. было положено начало прочной традиции русского земледелия на Амуре, связывающей работу по освоению этой территории в XVII в. с амурским земледелием конца XIX и начала XX вв. Переселенческая волна докатывалась до этого удаленного района уже значительно ослабев, поэтому количественные результаты земледелия по сравнению с Верхотурско-Тобольским и Енисейским районами были невелики. Тем не менее мысли о том, что в данном районе «пашенных мест гораздо много», что места эти «подобны русским самым добрым землям», наполняют все описания района.

Стремлению освоить полнее и шире эти места, где земля «черносотью в человеческий пояс», помимо удаленности от жизненных центров страны, мешала также сложность политической обстановки. От этой сложности страдал и русский земледелец, и коренной житель Амура. Пришлые воин-

[40] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII—XVII вв. 2-е изд., Иркутск, 1941, стр. 530.

ские лю, и «у русских людей и у ясашных иноземцев не кулем соболи вынимают и с лабазов мясо и сало говяжье и муку увозят, а их де русских людей и ясашных иноземцев побивают». Сопротивление малочисленного населения деревень и заимок пришлым воинским людям не могло быть значительным, хотя земледелец в своей привязанности к возделанной им пашне был упорен. Не раз после очередного нападения, когда «всех разорили без остатку, и домишки и крестьянский завод потрабили и всякое строение пожгли», когда люди «разбежались по лесам только душою и телом»,[41] население вновь возвращалось к своим пожженным и потоптанным полям, вновь вспахивало землю и засевало к нее зерно. И все же эти события не могли не задержать земледельческого освоения района. Условия Нерчинского договора не уничтожили русского земледелия всего района в целом, и даже его наиболее восточной части (сохранилась Амурская слобода), все же они надолго задержали начавшийся в XVII в. процесс распашки земель.[42]

Таким образом, русское земледелие в XVII в. захватило огромную территорию. Его северная граница шла севернее Пелыма (слобода Гаринская), пересекала Иртыш ниже впадения в него Тобола (Бронниковский погост), проходила через Обь в районе Нарыма и затем отступала на север, пересекая Енисей в месте впадения в него Подкаменной Тунгуски (Заварухинская деревня), выходила в верховья Нижней Тунгуски (Чечуйские деревни), шла вдоль Лены до Якутска и заканчивалась на р. Амге (Амгинские деревни). В первой половине XVIII в. эта северная граница русского земледелия ушла на Камчатку. Южная граница начиналась на среднем течении р. Миас (слобода Чумляцкая), пересекала Тобол южнее современного Кургана (слобода Утяцкая), через верховья Вагая (слобода Усть-Ламинская) выходила на Иртыш в районе г. Тары, пересекала Обь южнее Томи и уходила к верхнему течению Томи (Кузнецкие деревни). Енисей южная граница пересекала в районе Красноярска, а затем шла к верхнему течению р. Оки и Байкалу. За Байкалом она у Селенгинска пересекала Селенгу, шла на Уду и затем на Амур до впадения в него Зеи.

И хотя в этих пределах сложилось лишь пять довольно разрозненных земледельческих очагов, внутри которых малодворные или однодворные деревни находились друг от друга на значительных расстояниях, основная задача хлебоснабжения была разрешена. Сибирь начала обходиться своим хлебом, отказавшись от завоза его из Европейской России. В 1685 г. с поморских городов была снята повинность поставлять в Сибирь сошные запасы. Оставалась лишь задача перераспределения хлеба внутри Сибири между производящими и потребляющими районами.

Сибирский хлеб становится предметом потребления и местного населения, правда в XVII в. еще в незначительных количествах. Это обстоятельство вместе с первыми еще единичными попытками обращения к земледелию по русскому обычаю свидетельствовало о начале крупных изменений, намечавшихся в жизни коренных народов Сибири под влиянием трудовой деятельности русских поселенцев. Важно отметить, что обращение к земледельческой деятельности аборигенного населения шло по линии создания собственных хозяйств крестьянского типа. Привлечения коренных жителей к обработке полей в русских хозяйствах мы не наблюдаем. Земледельческих плантаций с подневольным трудом коренного населения Сибирь не знала. На государевых десятинных пашнях и крупных запашках сибирских монастырей в качестве подневольного работника выступал

---

[41] ЦГАДА, СП, стлб. 974, ч. II, л. 129.
[42] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 203—206.

тот же русский переселенец. Это его руками, его трудом и потом Сибирь превращалась в хлебородный край.

Наряду с занятием земледелием русское население вложило свой труд и в развитие исконно существовавших в Сибири пушных и рыбных промыслов. Хронологически эти занятия по всей вероятности предшествовали земледельческим и восходили еще к тем временам, когда русские промышленники эпизодически появлялись на территории Сибири до присоединения ее к Русскому государству. После присоединения, когда феодальное государство само организовало изъятие из Сибири пушнины путем взимания ясака, а русское купечество получало пушнину путем ее скупки, развертывалась и непосредственная добыча пушнины и рыбы русскими пасечниками. В земледельческих районах эта деятельность являлась подсобной. В северных районах, в полосе тайги, лесотундры и тундры, создавались специальные предприятия по добыче пушнины. Развитие русских промыслов стало делом частной инициативы различных слоев населения, так как феодальное государство занимало сдержанную позицию в этом вопросе из-за боязни ослабить налогоспособность местного охотничьего населения.

Действительные богатства и легендарные рассказы об изобилии сибирских лесов пушным зверем высокого качества («шерсть живого соболя по земли сп волочит») влекли промысловое население уже «опромышленного» в значительной степени европейского севера в новые районы. Первоначально таким районом была вся лесная Сибирь. Затем в связи с оседанием русского населения в доступной для земледелия полосе в этих частях количество пушного зверя уменьшилось. Развертывание земледельческих поселений и пушные промыслы уживались плохо, так как «от стука и от огня и от дыма всякий зверь выбегает». Поэтому с течением времени промысловое население уходило в северную неземледельческую полосу. В первой половине XVII в. промысловики ежегодно сотнями шли в район низовьев Оби и Енисея, позднее они стали уходить в низовья Лены и далее на восток. Часть их на долгие годы задерживалась в этих районах, часть оставалась в Сибири навсегда, иногда продолжая занятия промыслами, иногда меняя их на другие работы. Это население оседало обычно временно в северных сибирских острогах, превращая их периодически в достаточно многолюдные промысловые центры. Наиболее ярким примером была «зла окаянная» Мангазея, в которой в середине XVII в. скапливалось не по одной тысяче русских людей: «... и Мангазее торговых и промышленных людей бывало много, человек по 1000 и по две и больше».[43] Большое количество промысловиков проходило также через Якутск. Так, в 1642 г. якутская таможенная изба отпустила на соболиные промыслы 839 человек. В. А. Александров[44] насчитывает в 30—40-х годах XVII в. в одном мангазейском уезде до 700 человек взрослого мужского постоянного населения, занимавшегося преимущественно промыслами.

Промысловое население шло в Сибирь из Поморья, с которым эти районы связывал древний водный путь из Руси в Зауралье, известный под названием печорского, или чрезкаменного, пути: из Устюга на Печору, с Печоры на Обь и затем по Обской и Тазовской губе на Таз и далее на восток. Оно приносило с собой свои промысловые навыки. Охота на соболя шла «русским обычаем» — при помощи кулём (ловушек) или собак и сетей (обметов). Коренное же население охотилось при помощи лука. Об этом говорит В. Д. Поярков, описывая охоту коренного населения Амура: «... добывают... де те собаки так же как и иные Сибирские и

[43] С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1933, стр. 298.
[44] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1946, стр. 218.

Ленские иноземцы, стреляют из луков, а иного промыслу, как промышляют Русские люди, с обозы и с хлебником, сидеть не любят».[36]
Наиболее производительной считалась охота кулёмами.

Еще С. В. Бахрушин отметил, что по социальному составу приезжее в Сибирь промысловое население делилось на 2 группы.[45] Главная его масса формировалась из промысловиков, над которыми стояли немногочисленные, но экономически более сильные торговые люди. Те и другие шли в Сибирь по собственной инициативе в надежде найти удачу в промысле, первые — путем личного труда, вторые — путем вложения капитала в промысловые предприятия. Некоторые предпочли заниматься промыслом на свой страх и риск в одиночку. Несмотря на всю рискованность подобного способа, кое-кто находил удачу и надолго оставался промысловиком-одиночкой. К таковым, очевидно, стоит отнести вторично упомянутого П. Коптякова, промышлявшего на Лозьве-реке, обзаведшегося собственными «путиками» и в конце концов поверставшегося в ясачные люди. Немногочисленная количественно категория русских ясачных людей, отмеченная документами XVII в., очевидно и образовывалась из таких промысловиков-одиночек.

Чаще промыслы организовывались на артельных началах. Несколько промысловиков объединялись («складывались») в одну артель на общих началах с последующим дележом добычи. С. В. Бахрушин подробно описал промысловые предприятия, организуемые капиталистами русскими торговыми людьми, вкладывавшими в них значительные средства и нанимавшими необеспеченных рядовых промысловиков. Предприниматель снабжал наемного человека (покученика) продовольствием, одеждой и обувью, охотничьим снаряжением («промышленных запасов»), средствами передвижения. Взамен покучения, «покрутившийся» на определенный срок, обязан был отдать предпринимателю большую часть добычи (обычно $^2/_3$), выполнять все необходимые работы. На время покруты покученик становился подневольным человеком. Он не имел права покинуть хозяина до истечения срока покруты и был обязан выполнять все поручения хозяина или его приказчика — что «де хозяева велят делать и он де их слушает». По показаниям самих покученников, «их де дело невольное».[47] Ватаги покученников в зависимости от средств предпринимателя были довольно значительны. Известны ватаги в 15, 20, 30 и 40 человек.

К сожалению, по состоянию источников выяснить общее количество промысловиков, действовавших в Сибири на тот или иной год XVII в., не удается. Во всяком случае численность промысловиков была значительно меньше численности других категорий русского населения, в первую очередь служилых людей, крестьян и посадских. Преобладание количества промысловиков над количеством служилых людей, отмеченное для Мангазеи, было явлением исключительным и не отражало общего положения в Сибири в целом.

В. А. Александров на основе указанных сопоставлений приходит к небесспорному выводу, что ясачный сбор в годы расцвета пушного промысла во много раз уступал общей добыче русских промысловиков. По его данным, по Мангазейскому уезду в 1640—1641 гг. промысловиками было добыто 1026 сороков соболей, в казну же поступило 282 сорока. Правом на ношение только 119 сорокам отступили от ясака, в 163 сорока — в качестве десятинной пошлины, взятой с промысловиков в порядке промыс-

[36] ДАИ, т. III, № 12, стр. 30—37; ЦГАДА, ф. Якутский приказный архив, оп. 63, дд. 355—362.
[45] С. В. Бахрушин. Мангазейская морская община в XVII в., стр. 180.
[47] С. В. Бахрушин. Пашуты на соболиных промыслах XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 198—212.

лового налога и обложения продажи мехов. Таким образом, в эти годы всех состоялось не более 10% всего выноса мехов из уезда. Аналогичные цифры приведены по 1641—1642, 1639—1640 и другим годам. Положение несколько изменилось во второй половине века в связи с упадком промысла.[48]

Основными организаторами промысловых предприятий были крупнейшие русские купцы — гости, члены гостиной сотни. На основе этих предприятий вырастали крупнейшие для XVII в. капиталы (Ревякиных, Босых, Федотовых-Гусельниковых и др.). Владельцы этих капиталов оставались в Европейской России. В самой Сибири задерживался мелкий промысловый люд. Даже в удачные годы основная часть добычи шла в руки организаторов промыслов, отдельным же покрученикам попадала лишь незначительная часть. В «плохие» же годы, в годы промысловых неудач, покрученик, не имевший запасов и работавший из небольшой доли, попадал в тяжелое, иногда трагическое положение. Не имея возможности ни вернуться обратно в Европейскую Россию, ни перебиться до организации новой ватаги, он бродил «меж дворов» и жил «по наймам» на сезонных сельскохозяйственных работах, попадая в конце концов в разряды сибирских крестьян или посадских и служилых людей.

Другим следствием деятельности русских промысловых предпринимателей было резкое «опромышление» одного промыслового района за другим. Уже в первой половине XVII в. соболь начал исчезать в Западной Сибири, к 70-м годам отмечается резкое падение соболиных промыслов на Енисее, позднее то же явление наблюдается на Лене. Резкое падение запасов соболя приняло столь угрожающий характер, что правительство уже в XVII в. начало принимать меры по ограничению охоты на него. В 1684 г. был издан указ о запрещении охоты на соболя в уездах Енисейского разряда и Якутии. В Сибири ярко проявлялась картина, типичная и для ряда других стран. Накопление капитала в одном месте приводило к истощению природных богатств в другом, за счет хищнической эксплуатации богатств которого шло это накопление. Следует лишь отметить, что в пушном промысле, как и в земледелии, эксплуатируемым непосредственным охотником был не коренной житель, а все тот же русский пришлец — покрученик. Впрочем, охотничье хозяйство коренного населения этих мест безусловно страдало от уменьшения запасов соболя. Положение смягчилось тем обстоятельством, что другие виды пушного зверя, менее ценные с точки зрения русского человека и европейского рынка, не подвергались истреблению. Соотношение территории промысловых угодий и величины промыслового населения (коренного и русского) было все еще таким, что обеспечивало добычей и тех, и других. В этом, очевидно, нужно видеть причину того, что и в районе промысловой деятельности русского населения, и в районах земледельческих очагов наблюдается, как правило, рост численности коренного населения, за исключением колебаний, вызываемых чрезвычайными явлениями (эпидемии, миграции и т. д.). В этом отношении интересны подсчеты Б. О. Долгих, в частности, по Мангазейскому уезду.[49]

Несколько иной характер имел рыбный промысел. Протяженность больших и малых сибирских рек грандиозна. Богатство этих рек рыбой было отмечено русским человеком при первом же знакомстве с Сибирью. Рыбный промысел существовал и раньше, являясь для части коренного населения основной отраслью хозяйства. Широко был распространен он и в непосредственных подступах к Сибири. В начале северного печорского

[48] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 217—241.

[49] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 119—160.

пути находились «рыбные ловища». Здесь запасались сушеною и соленою рыбой ватаги, шедшие за Урал. Жители европейского севера, занимавшиеся рыболовством и у себя на родине, шли этими местами и несли с собою не только рыбные запасы, но и трудовые навыки. Бесхлебье Сибири в первые годы ее освоения, наличие и позднее громадных бесхлебных районов делали рыбу важным продуктом питания. Рыбный промысел развивался на всей территории Сибири, но особенно в бесхлебных районах. Наличие тонь, езовищ и заколов отмечается повсеместно. Ими владели крестьяне, посадские и служилые люди, монастыри. Правда, они редко встречаются в актах, оформляющих право владения. Иногда они подразумеваются под другими терминами. Так, в дарственных сибирским монастырям упоминаются озера, речки, угодья — несомненные места рыбной ловли. Изредка имеются и прямые указания. Например, в делопроизводстве Верхотурской приказной избы за период с 1668 по 1701 г. отмечен ряд земельных сделок, охвативших 31 объект. Среди них наряду с пахотными землями, сенными покосами, звероными угодьями упоминаются и рыбные ловли. Малочисленность подобных упоминаний свидетельствует, очевидно, о том, что закрепление за отдельными лицами рыболовных мест в XVII в. не получило распространения. По всей вероятности, закреплялись за отдельными лицами или деревнями те рыболовные места, где вкладывался человеческий труд (езовища, заколы).

Рыбу ловили «про свой обиход» и на продажу. В первом случае всегда, а часто и во втором случае рыболовство для русского человека было дополнительным занятием. Иногда же, в силу специфических условий, оно становилось основным или единственным средством существования. Это происходило при большом спросе на рыбу. Скопление значительного количества промышленных людей, отправляющихся на промыслы, резко повышало спрос на сушеную и соленую рыбу, являвшуюся важным источником питания самих промышленников и единственным кормом для их собак. По этой причине шла крупная добыча рыбы у Тобольска, в низовьях Енисея, на среднем течении Енисея и в других местах. По данным В. А. Александрова, в 1631 г. в Мангазейской таможне было явлено 3200 пудов соленой рыбы и 871 беремя юколы, в том же году в Туруханском зимовье было зарегистрировано более 3000 пудов рыбы и 1106 беременей юколы. Промыслом занимались крестьяне, посадские и промышленные люди. Какая-то часть промышленных людей устойчиво из года в год летовала на рыбных промыслах.[50]

Организация рыбного промысла напоминала организацию охотничьего, с той, однако, разницей, что в рыбном промысле одиночки были более частым явлением. Иногда рыболовы объединялись в небольшие группы на паях, приобретая в складчину карбас и невод. Источники отмечают и значительные рыболовные экспедиции, организуемые капиталистыми людьми, нанимавшими покрученков. Как и на соболиных промыслах, покрута на рыбных превращала нанявшегося в зависимого человека, обязанного «во всем хозяина чтить и в чем не ослушаться».

Орудиями лова были невода («седла неводные», «бредни»), иногда очень больших размеров — до 100 и более саженей, мережи и пущальницы. Упоминание о существовании особых пущальниц местного происхождения свидетельствует, что обычно орудия лова делались «по русскому обычаю».

Таким образом, развитие русского рыбного промысла дало серьезную добавочную продовольственную базу, имеющую особо важное значение в северных бесхлебных районах. В отличие от пушного промысла рыбный

[50] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 222.

промысел не привел в XVII в. к оскудению рыбных запасов. Жалоб на исчезновение рыбы до нас не дошло. Русский рыбный промысел не создавал угрозы давнему рыболовству местного населения. Как и охотничий, он внес в Сибирь некоторые элементы нового, не известные ранее коренному населению. Основной рабочей силой в нем был также подневольный русский человек.

2. РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ

Приток русского населения в Сибирь вызывал необходимость обеспечения его не только продуктами питания, но и промышленными изделиями. Несомненно, что какое-то количество их, необходимое на первое время, везли сами переселенцы. Затем потребность в них удовлетворялась путем завоза этих продуктов из Европейской России или соседних азиатских стран и выработкой их на месте.

Если феодальное государство проявляло некоторую активность в снабжении населения хлебом (снабжение хлебом служилых людей, организация государственной десятинной пашни и т. п.), то вопрос о снабжении населения промышленными изделиями разрешался почти исключительно самим населением.

Некоторым количеством промышленных изделий русское население обеспечивала домашняя промышленность местного населения. Русские получали от местного населения кожу и кожевенные изделия (кожи выделые, юфти, камысы), пушнину и меховые одежды (шубы лисьи, шубы беличьи, шубы заячьи, исподы, одеяла, малахаи, рукавицы и др.), лодки и рыбную снасть, некоторое количество металлических изделий в районах местных кузнечных промыслов. Но поступление этих предметов ни по своему ассортименту, ни по своему количеству, а иногда и по качеству не отвечало запросам русского населения.

Эти запросы частично удовлетворялись завозом промышленных изделий из Европейской России, так же как и первые потребности в хлебе. Но если завоз хлеба был организован феодальным государством, то поставку промышленных изделий взяли в свои руки торговые люди. Все товары, завозимые ими из Европейской России, шли под общим названием «русских товаров». О. Н. Вилков, приводя перечень поступавших в первой половине XVII в. в Тобольск товаров, приходит к обоснованному выводу, что «в конце XVI—начале XVII в. Сибирь находилась в полной, в безраздельно полной экономической зависимости от метрополии»[31]. В Тобольск ввозились ткани всех видов, разнообразная готовая одежда (шубы, епанчи, ангелеи, однорядки, сукманы, штаны, чюйки, кушаки, рукавицы и т. п.), обувь (сапоги, коты, башмаки и т. д.), предметы домашнего обихода (сковородки, блюда, тарелки, ложки, солонки и т. д.), металлы и металлоизделия (сошники, косы, серпы, топоры, пилы, сверла, гвозди, ухваты и т. д.), галантерея, парфюмерия, предметы культа, канцелярские принадлежности, пряности, фрукты и т. д. Основная часть этих товаров была отечественного происхождения. Их поставляли почти все города Европейской России. Особенно важное место в этих поставках занимали торгово-ремесленные центры, такие как Великий Устюг, Соль-Вычегодская, Лальск, Вага, Пенежма, Яренск, Холмогоры, Ярославль, Москва, Вятка, Соликамск, Казань, Кострома, Галич. Меньшую часть составляли товары западноевропейские и азиатские (Средняя Азия, Китай).

В основном завозом товаров в Сибирь в течение всего XVII в. занима-

[31] О. Н. Вилков. Тобольск в системе складывающегося всероссийского рынка в XVII в. (Канд. дисс., рукопись). Новосибирск, 1965, стр. 132.

лись торговые люди центральной России, среди которых были представители крупнейших торговых домов (Федотовы, Ревякины, Никитины, Босые и др.). Завозя в Сибирь русские товары и вывозя из Сибири сибирские товары (главным образом пушнину), эти торговые дома совершали крупные операции и наживали большие состояния. По данным С. В. Бахрушина, в 1698 г. из Сибири к Г. Р. Никитину было привезено товаров и рухляди по московской оценке на 35 741 руб. с копейками.[52] К. В. Базилевич, характеризуя деятельность Босых, писал, что у них упоминается не менее 100 торговых агентов (прикащиков и сидельцев).[53]

Но как бы ни были крупны эти операции, они не могли по многим причинам удовлетворить полностью запросы населения Сибири. Составленный О. Н. Вилковым список поступавших в Тобольск предметов[54] дает возможность отметить его неясных явлений. При многочисленности внесенных в список названий (386) в нем отсутствуют некоторые предметы, наличие которых в Сибири в то время неоспоримо засвидетельствовано источниками. Так, в списке под 1639—1640 гг. нет веревок (есть лишь веревочки нитяные, нити), лодок, соли, гончарных изделий. С другой стороны, некоторые изделия поступали в незначительном количестве, явно не соответствующем потребности (например, кафтанов и шуб бараньих поступило всего 197, холщевых рубах 1311, шапок мужских и женских 228). Это может быть объяснено лишь тем, что уже к 1640 г. потребность в ряде изделий удовлетворялась в какой-то мере местным производством.

На месте сразу же развертывалось строительное дело. Постройка жилищ производилась самими поселенцами. Строительство более крупных сооружений (острогов, воеводских изб и т. д.) возлагалось на то же население в форме феодальной повинности — «государевых изделий». Строительное дело занимало существенную часть в повинностях населения. Иногда оно исполнялось всем «миром» непосредственно, иногда население собирало для исполнения этого дела деньги и нанимало на них непосредственных исполнителей. Так, постройка Катайского острога обошлась приписанным к нему крестьянам в 500 руб., постройка Колчеданского острога — в 400 руб. Часть населения специализировалась на плотницком деле. Переписные книги Енисейского посада 1609 г. отметили наличие на посаде двух плотников.[55] Были они и в других городах (Тобольск, Томск и др.). Вначале количество плотников было невелико, но уже, например, в 1720 г. в Тобольске отмечено 30 плотников.[56] Этот рост количества специалистов-плотников, очевидно, был связан не только с ростом потребности в них. Очевидно, в первый период плотницкое дело в большей мере совмещалось с другими занятиями. И лишь позднее в связи с изменением структуры общества происходит выделение отдаленных групп специалистов, в том числе и плотников. К началу XVIII в. наряду с плотниками появляются и каменщики. Последние в 1720 г. зарегистрированы не только в городах, но и слободах. Так, например, в Невьянской слободе жили 3 каменщика.

---

[52] С. В. Бахрушин. 1) Агенты русских торговых людей XVII в. Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 134—159; 2) Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. Научные труды, т. III, 1955, ч. 1, стр. 226—231.

[53] К. В. Базилевич. Крупные торговые предприятия в Московском государстве в первой половине XVII века. Ист. АН СССР, VII сер., Отд. общ. наук, 1932, № 9, стр. 783—811.

[54] О. Н. Вилков. Решение и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967, стр. 86—112, 121.

[55] А. Н. Кизилов. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи русского населения Енисейского уезда в XVII в. Новосибирск, 1965, стр. 137.

[56] О. Н. Вилков. Решение и торговля..., стр. 75.

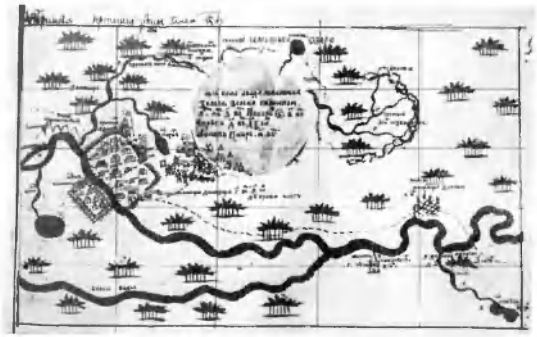
Основными путями сообщения в Сибири на протяжении всего XVII в. были водные магистрали. Переброска тяжелых грузов происходила исключительно по ним. Необходимость обеспечения водных путей речным, а в отдельных местах и морским флотом вызвала быстрое развитие судостроительного дела. Основное движение в Сибири шло с запада на восток. Великие же сибирские реки (Обь, Енисей, Лена) текли с юга на север. Сближение боковых притоков позволяло использовать эти мощные речные системы и для движения судов с запада на восток, с перельемами р[illegible] [illegible]ородеях, где грузы перебрасывались волоком, обычно вьюками. Суда через волоки не проходили. Поэтому для каждой речной системы создавался свой флот. Судостроительство, как правило, концентрировалось вначале по движению с запада каждой речной системы. Так возникли Верхотурское, Красноярское, Усть-Кутское плотбища. Впрочем, суда строились и в других пунктах. Кроме легких волок, служивших для местного сообщения, строились суда большей грузоподъемности (дощаники, барки, лодьи, каюки, лодки набойные для рек и кочи, позднее боты для морского хода). Судов строили довольно много. Только для обеспечения переброски казенных грузов в Сибирь на Верхотурье и в слободах по Туре ежегодно строили по 70, 80, 90, 100 и более дощаников и лодей. Для постройки казенных судов правительство в обязательном порядке привлекало крестьян. Наряду с выполнением этой повинности посадские люди и крестьяне строили суда и по собственной инициативе — для своих нужд и на продажу промышленным людям.

В судостроительном деле, как и в строительном, формировались кадры, специализировавшиеся в нем. Переписная книга Енисейского уезда 1719 г. отметила наличие пяти дворов записных плотников с населением в 14 человек. Переписная книга 1670 г. учла в самом Енисейске 6 посадских людей, специализировавшихся на постройке судов. В 1691 г. на плотбищах на р. Муке и у устья Куты на строительстве десяти дощаников и двух барок было занято 24 плотника во главе с доставщиком Ф. Григорьевым. Всегда держали плотников-судостроителей и в Верхотурье. Когда в 1698 г. начали делать дощаники в Туринске и Тюмени, то воеводы этих городов запросили инструкции из Верхотурья, плотникам которого судостроительное дело было «как обычай». Аналогичную картину мы наблюдаем и в других областях.

Распространение посевов конопли свидетельствует о стремлении крестьянского хозяйства получить сырье для выработки пеньки, веревок, тканей. В том же направлении действовала и сибирская воеводская администрация. Тобольский воевода П. И. Годунов в 1668 г. приказал увеличить посевы конопли, чтобы отказаться от покупок веревок в Европейской России. В Ирбитской слободе в 1676—1677 гг. с крестьян было собрано на паруса 344 аршина холста, годом раньше верхотурские, подгородние, тагильские, невьянские, ницинские, арамашевские и ирбитские крестьяне были обязаны поставить 2192 аршина холста.[87] Таким образом, производство этих изделий прочно входило в состав домашней крестьянской промышленности. Почти полное отсутствие завоза на Европейской России гончарных изделий и позднее появление на посадах малочисленных специалистов-гончаров (по Тобольску на 1624 г. отмечен всего лишь 1 горшечник и лишь на 1720 г. упомянуто 8 гончаров) свидетельствует, что и гончарное производство зарождалось и довольно длительное время оставалось в сфере домашней промышленности.

Одновременно начался процесс формирования кадров специалистов-ремесленников, для которых ремесло становилось основой существования. Выше упоминалось уже о существовании записных плотников, судострои-

[87] ЦГАДА, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 24, л. 11.



Добычи сала близ-Ямышевского острога. Рис. С. У. Ремезова.

телей, гончаров. О. Н. Вилков приводит интересную биографию тобольского пашенного крестьянина Степана Кичарова, который свои земледельческие занятия сочетал с производством и торговлей лодками. На тобольском рынке он выступал в качестве продавца хлеба, лодок, пушнины. Позднее он начал торговать русским и китайским товаром. В тобольских таможенных книгах он стал именоваться уже не тобольским пашенным крестьянином, а «тобольским жителем». На его примере прослеживается превращение крестьянской домашней промышленности в ремесло, а ремесла в мелкотоварное производство с постепенным отделением от земледелия.[58]

Этот процесс охватывает одну отрасль производства за другой. В течение XVII в. в Сибири возникают кожевенно-обувное, деревообделочное, нищенское, металлообрабатывающее, портняжное, гончарное, ювелирное и другие производства. О. Н. Вилков делает весьма интересное наблюдение о постепенном сокращении ввоза в Сибирь ряда ремесленных изделий из Европейской России. Анализируя поступление русских товаров на тобольский рынок с 1639 по 1695 г., он приходит к заключению, что из общего ассортимента привозимых товаров в 386 наименований 216 наименований исчезли совсем, а по 46 сократился объем товарной массы (продукция портных, шапочников, рукавичников, кожевников, ремесленников, сапожников, мыловаров, овчинников, свечников, мыловаров, деревообделочников и др.).[59] Эти перемены были вызваны, отсюда, становлением и ростом местного производства. Конечно, нельзя переоценивать этого явления. По целому ряду предметов потребления Сибирь оставалась в полной зависимости от Европейской России. Примером могут служить текстильные товары. Ткани по-прежнему составляют основную долю ввоза.

Рост местного сибирского производства изделий сопровождался рядом важных явлений.

Быстро растет специализация. Исследователи этого вопроса (О. Н. Вилков, А. Н. Копылов, Е. И. Заозерская и др.) в основном большое количество специалистов, которых им удалось зарегистрировать по сибирским материалам. Так, ими отмечены: в области кожевенно-обувного производства — кожевники, ровдужники, строгальщики кож, сыромятники, юфтники, скорняки, овчинники, чеботари, сапожники, котошники, башмачники, шорники; в области деревообделочного производства — бочкари, кадошники, чановщики, вепренники, окончинники, столяры, становники, хомутники, гребенщики, решетники, рогожники; в области металлообрабатывающего производства — кузнецы, котельники, удощники, безменщики, уделщики, пановники, медники, сосудинные, посудники, водоволочники, сошщники и т. д. Столь дробная специализация если и не является доказательством отрыва данных отраслей производства от сельского хозяйства и других промыслов, то несомненно свидетельствует о производстве этих предметов не для собственных нужд, а на заказ или на рынок.

Регистрация воеводской администрацией подобных специалистов несомненно говорит о том, что ремесленная специальность стала основой их существования или по крайней мере наиболее характерной частью занятий. Таким образом, в Сибири выделяется особый слой ремесленного населения. Этот слой населения образовывался из ремесленников, приходивших из Европейской России, оседавших в Сибири и использующих здесь свои трудовые навыки. С другой стороны, он выделялся и из среды сибирского крестьянства. Эта часть населения была вначале малочисленна. Бесхлебье Сибири в первые десятилетия вынуждало население в первую оче-

[58] О. Н. Вилков. Ремесло и торговля ... стр. 68, 69.
[59] Там же, стр. 121, 137—162.

роль [illegible] или сочетать земледелие с другими занятиями. Обеспеченность Сибири своим хлебом создала более благоприятные условия для роста и этой категории населения.

Наряду с развитием ремесла и промыслов в Сибири начинает создаваться и добывающая промышленность. Наибольший интерес представ-

Железоделательный цех. Из «Служебной церковной книги» С. У. Ремезова.

ляет добыча самосадочной соли на Ямыш-озере в Западной Сибири. Соль добывалась также в Енисейском крае. Соляные источники были обнаружены на р. Тассеевой и на притоке Усолье. Предприятия А. Жилина, добывающие соли в 1639—1677 гг., и предприятия Спасского и Троицкого монастырей — в течение всего XVII в. являлись центрально-точными мануфактурами значительных для того времени масштабов. В отдельные

годы добыча соли этими мануфактурами превышала 6 тыс. пудов, а в 1675—1676 гг. Жидины, Спасский монастырь и И. Ушаков добывали вместе около 90 тыс. пудов.[1] Значительно меньшее значение имел промысел на р. Мане. Другим значительным местом добычи соли был район устья р. Куты в Якутском уезде, где добыча поднималась до 8 тыс. пудов в год. И, наконец, в XVII в. был открыт знаменитый Кемпендяйский соляной источник на Вилюе, ставший основным местом соледобычи в Якутии («а соль бела как снег ... а и ядь прикусив зело и человеку не вредит»[2]). Задача обеспечения Сибири местной солью была разрешена уже в XVII в.

В этот же период начинается добыча металлических руд и выплавка металлов. Добыча металлов была известна в Сибири и до прихода русских. Широкой известностью пользовались в XVI—XVII вв. разработки железа в Кузнецком уезде: «кузнецкие татары были торазды делать всякое кузнечное оприч пищалей». Воевода Василий Пушкин в 1646 г. сообщал в Москву, что «у иноземцев Якутов их якутское дело железо есть самое доброе, а плавять... не по многу, не на большое дело, на свои якуцкие» нужды. Добывали железо также буряты. Незначительные размеры добычи металлов местным населением вызвали потребность в поисках месторождений и в организации добычи металлов русским населением. Первые результаты были достигнуты на западе. Известны попытки устройства казенных железных заводов в Туринске (1623 г.), на р. Ницце (1639 г.), на Неве (1670 г.). По данным 1720 г., в подгородних деревнях г. Тобольска насчитывалось 55 кузнецов и, кроме того, в 14 тобольских слободах еще 175.

В 1628 г. и позднее железная руда была обнаружена в Енисейском уезде. На основе этих открытий развивается местный железорудный промысел. Енисейские кузнецы начинают уже в XVII в. обеспечивать железными изделиями (сошники, косы, топоры, заступы, сверлы, подковы, пешни, пробои, скобы, «гвоздяе», бердыши, пики и т. д.) не только потребность самого Енисейска, но и поставляют изделия в другие уезды.[62]

Начиналась выплавка железа и в Якутском уезде. В 1686 г. железная руда была добыта вблизи самого Якутска. Следует отметить и робкие попытки добычи других металлов (медь, серебро). Результаты этой деятельности русского населения сказались уже в XVII в. Таможенные книги Тобольска и Енисейска говорят о том, что завоз из Европейской России железных изделий во второй половине XVII в. резко сократился.

Добыча соли и металлов развивалась в местах их рождений, а эти месторождения, как правило, не совпадали с городскими поселениями. Обслуживало эти производства в какой-то мере окрестное крестьянство (приписка крестьян к железным заводам, поставка дров, угля). Иногда крестьяне выступают в качестве предпринимателей. Так, крестьянин Дубческой слободы Енисейского уезда занялся плавкой железа в домнице и получил даже льготу, освобождавшую его от уплаты оброка. В конце XVII в. в 20 деревнях Енисейского уезда у крестьян и у уездных посадских людей было 36 кузниц.

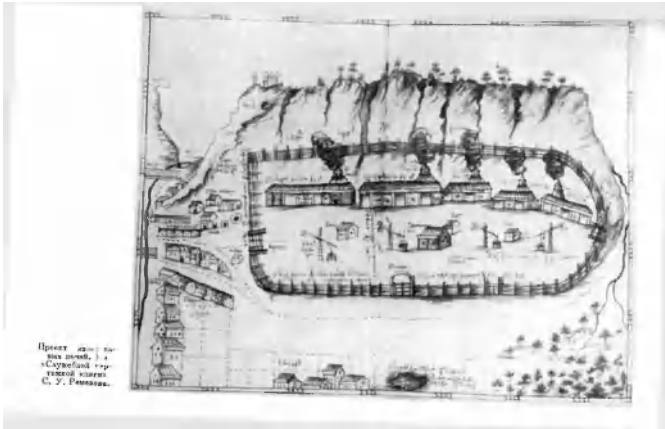
Вместе с тем выделялся слой специалистов, т. е. бросавших занятия сельским хозяйством. Так, на Усть-Кутском солеваренном заводе работал солевар с годовой оплатой в 30 руб., его помощниками были подварки. На заводе работали кузнецы (чинили и ковали црены), наемные крышки-

---

[1] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 63.

[2] Якутия в XVII в. Якутск, 1953, стр. 428—430.

[62] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 245—247.



Проект [illegible] ных печей, [illegible] «Служебной [illegible] тяжной книги» С. У. Ремезова.

дроворубы. При попытке создать Нерчинский сереброплавильный завод выписали из Енисейска «рудознатца и плавильщика», а вместе с ним и двух кузнецов.

Так формировались промышленные кадры Сибири, рассеянные еще по городам, деревням и своеобразным крестьянским полупромышленным селениям. Концентрация этих кадров проходила очень слабо. По сведениям 1720 г., в Томском уезде на 390 ремесленников, живших в самом городе, насчитывалось 130 ремесленников, живших в уезде. По Тюмени на 140 городских ремесленников приходилось столько же деревенских. Та же картина имела место и в других городах. Промышленное производство в большинстве случаев было мелким. Даже в железоделательной промышленности изготовление металлоизделий производилось в небольших домницах и кузницах. В 1689—1690 гг. в Енисейске с 17 плавилен было получено десятинного железа несколько более 10 пудов, т. е. общая выплавка едва ли превышала 100 пудов. Каждая же плавильня дала от 6 до 7 пудов. В редких случаях один кузнец владел 2 кузницами. Владельцы кузниц сами рубили лес, жгли угли, плавили железо и выделывали из него изделия.[83] Это в какой-то степени относится и к другим отраслям производства: кожевенному, портняжному, хлебопекарному. Лишь изредка встречались более крупные производства, владельцами которых являлось феодальное государство и иногда частные лица. К таковым относились строительство судов (государевы плотбища), соляная промышленность (государевы и частные варницы), винокуренная и пивоваренная промышленность (преимущественно казенная), отчасти кожевенная. Примером может служить кожевенное предприятие в Тобольске гостиной сотни торгового человека Степана Третьякова, которое в начале XVIII в. обрабатывало ежегодно от 500 до 2 тыс. кож. В пивоваренной и винокуренной промышленности наиболее крупным было предприятие енисейских посадских людей Ушаковых. В предприятиях подобного типа, поставлявших на рынок значительные партии товаров, работали и наемные люди. На четырех кожевенных предприятиях Тобольска в начале XVIII в. работали только наемные люди.

Характерной чертой сибирского ремесла этого периода являлось совмещение ремесла с другими занятиями. Так, в Томске ремеслом занималось 39 посадских людей, 267 служилых людей и казаков и 18 крестьян, в Тюмени — 22 посадских человека, 110 служилых людей и 4 крестьянина, в Таре — 5 посадских и 98 служилых людей, в Тобольске — 47 посадских и 115 служилых людей. Несколько иную картину дает Енисейск и Верхотурье, в которых ремесленников из посадских было больше, чем из служилых людей.[84] Мы не имеем сведений, являлось ли ремесло посадских людей их единственным занятием. Но если даже предположить условно, что это так, то прочная связь ремесла с другими занятиями несомненна.

Эта рассеянность ремесла и совмещение его с другими занятиями предполагает сильную распространенность работы ремесленника на заказ, а не на рынок. Характер источников затрудняет выявление подобных сведений, но ряд материалов свидетельствует все же об этом. Прямое упоминание о работе некоторых енисейских ремесленников «из найму» говорит о работе на заказчика. Такие сведения имеются и по другим городам. Постепенно это население концентрируется в городах и существенно меняет их первоначальный облик.

---

[83] Там же, стр. 246.

[84] Е. И. Заозерская. К вопросу о зарождении капиталистических отношений в металлургической промышленности России начала XVIII в. Вопросы истории, 1949, № 6, стр. 70—84.

Большинство сибирских городов XVII в. возникло как административно-военные центры. Причем, в одних случаях их административное значение играло определяющую роль, в других — на первый план выступала их военная роль. Поэтому первопоселенцем их постоянного населения были служилые люди, осуществлявшие и военные, и административные задачи. Так, в Енисейске, основанном в 1619 г., еще в 1626—1627 гг. посадских людей совсем не было.[65] Первоначальными жителями Томска были служилые люди из экспедиционного отряда, строившего Томский острог.[66] Служилые, коли были первоначальными жителями и Тюменского, и Тобольского острогов. Вслед за этим первоначальным ядром, а иногда и одновременно с ним, появлялись и другие категории населения.

В северных районах, где основой экономической жизни была пушнина, это были промышленные и торговые люди, участники пушных промыслов и торговли пушниной. Роль промышленного населения в таких городах, как Мангазея, была выявлена С. В. Бахрушиным и позднее В. А. Александровым, отметившими существование мирской организации промышленного населения в Мангазее уже в начале XVII в.[67] Появление в сибирских городах вслед за служилыми людьми промышленно-торгового люда отмечено В. И. Сергеевым. По его мысли, «наблюдается некоторая особенность в начальном развитии сибирских городов. Если обычно в феодальном городе необходимой предпосылкой развития торговли должно было служить развитие ремесел, а в иных случаях и промыслов, то в сибирских городах... происходит сосредоточение торговли, возникшей первоначально лишь на базе специфически негородского промысла пушнины».[68]

В других районах, где в силу благоприятных почвенных и климатических условий в XVII в. начинает интенсивно развертываться земледелие, сибирский город связан с развитием сельского хозяйства. Среди его жителей появляются земледельцы. И дело не ограничивается занятием земледелием служилых и посадских людей. Любопытным примером в этом отношении является г. Томск. Томский острог был основан в 1604 г., а в 1605 г. под его стенами появились первые вскопанные поля, обработанные присланными «по указу» крестьянами из Верхотурья. «Государево поле» находилось в непосредственной близости к острогу.[69] В составе населения самого города в течение всего XVII в. отмечаются оброчные люди, которых З. Я. Боршманова справедливо сближает с оброчными крестьянами. Связь же города с сельским хозяйством проявлялась в том, что городское население (служилые и посадские люди) занималось хлебопашеством, огородничеством и скотоводством. В том же Томске еще в середине XVIII в. жители города имели 3293 лошади и 3049 голов крупного рогатого скота. Горожане держали в своих руках около 9% всего уездного поголовья лошадей и более 7% крупного рогатого скота. Наличие в городах дворов крестьян отмечено также по Тобольску и другим городам. Следует отметить, что некоторые остроги возникали на основе крестьянских поселений. Так, Ильинская слобода на Селенге не имела острога.

---

[65] А. И. Копылов. Русские на Енисее в XVII в., стр. 28.

[66] Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954, стр. 6, 7.

[67] С. В. Бахрушин. Мангазейская мирская община в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 315—328. В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., стр. 66.

[68] В. И. Сергеев. Основные вопросы Западной Сибири (до середины XVII в.) (Автореф. канд. дисс.). М., 1962, стр. 3.

[69] Очерки истории города Томска, стр. 12.

В конце XVII в. и в начале XVIII в. становится значительной концентрация ремесленного населения в ряде сибирских городов. Так, в Тобольске в 1624 г. 77.6% всех дворов приходилось на долю служилых и церковнослужилых людей и лишь 16.8% дворов принадлежало посадским и гулящим людям. К концу XVIII в. соотношение изменилось. Военно-административного населения в городе теперь было 64.8%, а посадского — 35.2%. В абсолютных числах посадское население достигло 1217 человек. По данным 1720 г. одних ремесленников в городе было 665.[70] По ведомости 1720 г. в Енисейске насчитывалось 117 ремесленников, а в Томске — 380.[71] В г. Енисейске в 1669 г. из 168 городских посадских людей 95 человек занимались ремеслом. Вместе с тем следует отметить, что часть ремесленников жила вне города, по слободам.

Таким образом, связь ремесла с деревней, а иногда с сельским хозяйством выступает в XVII в. весьма очевидно, она будет прослеживаться и позднее. Город как ремесленный центр в XVII в. еще только формируется. Этот процесс не охватил все известные нам в XVII в. сибирские города. Некоторые из них сохраняют лишь административное значение с очень слабо развитым ремеслом и торговлей.

Для сибирской промышленности этого времени, как уже отмечалось, было характерно мелкое ремесло с работой на заказчика. Вместе с тем развивается и довольно широкое производство на рынок. На этой основе создается укрупненное производство с применением наемной силы, иногда достигающее формы мануфактурного производства. В Сибири XVII в. мануфактуры еще немногочисленны и, как правило, неустойчивы. Разорились енисейские солепромышленники Жилины, та же судьба постигла Ушаковых. Материальной базой превращения мелкого ремесла в более или менее крупное производство было соединение ремесла с торговлей.

Наряду с развитием промышленности экономическую жизнь Сибири XVII в. характеризует и бурное развитие торговли. Некоторые исследователи (В. И. Сергеев) не без основания считают торговлю наиболее ранним явлением в экономике Сибири после ее присоединения к Русскому государству. При этом имеется в виду, разумеется, что скупка пушнины у коренного населения намного уступала по своему значению другим методам извлечения пушнины из Сибири (промыслы, ясак).

Торговые операции в Сибири развертывались в различных направлениях. Одно направление связано с установлением торговых связей Сибири с Европейской Россией, другое — с образованием местных сибирских торговых связей. Последние формировались путем выделения хозяйствами крестьян и посадских людей части создаваемых ими продуктов на продажу.

Неравномерность развития земледелия в Сибири (наличие хлебопроизводящих и хлебопотребляющих районов) требовала перераспределения хлеба как между районами, так и внутри них. Последнее вызвалось тем, что в внутри хлебопроизводящих районов имелось население, не занимавшееся земледелием. Это перераспределение осуществлялось изъятием части хлеба у крестьянства феодальным государством в порядке феодальных повинностей с последующим распределением этого хлеба по усмотрению власти.

Иногда государство, испытывая недостаток хлеба, организовывало его закупки, которые производились либо агентами воеводской администрации, либо путем сдачи подрядов частным лицам на поставку хлеба. Государственные закупки хлеба были характерны для всего XVII в. и дости-

---

[70] О. Н. Вилков. Ремесло и торговля..., стр. 74, 75, 76.
[71] Е. И. Запарская. К вопросу о зарождении капиталистических отношений..., стр. 75.

гали значительных размеров. Отдельные подряды на закупку нескольких тысяч пудов хлеба не были редкостью.

Наряду с этим уже в первой половине XVII в. происходит перераспределение хлеба путем его продажи самими крестьянами частным лицам. В качестве покупателей выступало неземледельческое население сибирских городов и бесхлебных уездов и проезжие торгово-промышленные люди, приобретавшие хлеб для обеспечения своих промышленных ватаг. В этой торговле намечаются явно две струи. С одной стороны, это мелкие покупки с чисто потребительскими целями, покупки «что есть». Они совершались и на городских рынках и в деревнях: «купят меж собою что помалу». Среди таких покупателей, правда, еще редко, уже в XVII в. появляются и представители местного коренного населения. С другой стороны, имели место закупки крупные, предназначенные для перепродажи, снабжения промысловых ватаг и для винных и пивных вар. Таким образом, на хлебном рынке Сибири в это время появляется фигура скупщика, стоящая между земледельцем и потребителем хлеба. В качестве этих скупщиков выступают и крестьяне, и посадские люди. Скупщики эти пока еще немногочисленны, по крайней мере немногие из них оставляли след в документации. Но среди них появляются уже и яркие фигуры. Так, селенгинский казак В. Веснин в 1687 г. закупил 1890 пудов хлеба, селенгинский служилый человек Андрей Яковлев в 1682 г. закупил 1000 пудов. Особо крупными деятелями на хлебном рынке были енисейские посадские люди Ушаковы, закупавшие в течение ряда лет по несколько тысяч пудов.

И хотя мелкие закупки шли по деревням, хотя именно в деревни для покупки хлеба направляли своих агентов воеводы и подрядчики, города с их значительным количеством служилого и посадского населения, а также промышленного люда постепенно становятся центрами хлебной торговли, куда стягивается хлеб из деревни. Здесь же шла и продажа хлебопекарных изделий. Именно в городах переписные книги отмечают пряничников, калачников, пирожников, хлебников.

Поступление на городские рынки живого скота и кож говорит о том, что и сферу товарооборота входили и продукты животноводства. Так, из Тюмени в Тобольск везли рожь, ржаную муку, солод, овес, овсяную крупу, толокно, ячмень, ячневую крупу, горох, пшеницу, пшеничную муку, коровье масло, говяжье сало, свиное и говяжье мясо, гнали скот (коров, нетелей, быков). Тобольские кожевники скупали по соседним деревням скот на кожу. К концу XVII в. в торговле скотом наблюдается та же картина, что и в торговле хлебом. Между покупателем скота и его продавцом появляется скупщик.

Анализ торговых путей, связывающих Тобольск с другими центрами, явно выходит [illegible] Тобольске [illegible] сельскохозяйственной округи. Уже тот факт, что в течение XVII в. происходит серьезное сокращение движения по местным тобольским дорогам жителей Европейской России с одновременным усилением движения по ним сибиряков, свидетельствует об усилении связей Тобольска с другими городами и их округами. О том же говорит факт усиления к концу XVII в. движения по местным тобольским дорогам, связывающим этот город с Верхотурьем, Туринском, Тюменью, Тарой.[75] Таким образом, формируется довольно большая сельскохозяйственная округа, тянувшаяся к Тобольску уже не только как к административному, но и как к торгово-ремесленному центру. Подобную картину можно наблюдать и в отношении других городов (Томска, Енисейска и др.). Притягивая с округи сельскохозяйственные

[75] О. Н. Вилков. К вопросу об экономических связях сибирского города с прилегающей округой в XVII в. Изв. Сибирск. отд. АН СССР, 1966. № 1. Сер. общ. наук, вып. 1, стр. 105—113.

продуктам, город отдавал этой округе часть своих ремесленных изделий. Свидетельством этому служит наличие в сибирских городах к концу XVII и началу XVIII в. такого количества ремесленников, что количество вырабатываемой ими продукции превышало потребности самого населения города.

Торговые связи выходили за пределы экономических районов и связывали одну округу с другой. Так, например, хлеб, закупленный в Верхотурско-Тобольском районе, шел на север и северо-восток по направлению на Березов, Мангазею, Туруханск. В Енисейске закупали хлеб для посылки в тот же Туруханск, а со временем в Нерчинск. Енисейский посадский человек Ушаков закупал хлеб для Мангазеи и Удинска.[73] Енисейские кузнецы работали на Мангазею, Илим и Даурские остроги. Таким образом, уже в XVII в. намечается формирование общесибирских торговых связей на основе собственного сибирского производства. Эта внутрисибирская торговля находилась преимущественно в руках самих сибирских жителей. На ее основе создавались и первые сибирские капиталы.

Очень интенсивны были торговые связи Сибири с европейской частью России. Тобольские таможенные книги дают громадный перечень ввозимых товаров. Здесь и предметы первой необходимости, и предметы роскоши. Большей частью это предметы отечественного производства, но имеются среди них и западноевропейские товары. Поступив через Архангельск в Россию, они затем попадали и в Сибирь. Некоторое количество товаров поступало с юга (средневазиатские ткани). Наибольшие партии составляли товары для рядового населения (холст, сермяжное сукно, холщевые рубахи, штаны, сапоги и т. д.). Прежнее мнение о превалирующем значении западноевропейских товаров, предназначенных для верхов сибирской администрации, сейчас не находит подтверждений. Общим для всех товаров является то, что они были готовыми изделиями. Сырье в их составе почти полностью отсутствует. Взамен в Россию шла почти исключительно пушнина. И хотя в течение XVII в. ассортимент ввозимых и вывозимых товаров несколько менялся, основной характер товарообмена, свойственный колониальной торговле, сохранялся. Эта особенность подчеркивается и составом купцов. Все столетие торговлю с Русью держали в своих руках торговые люди с Руси. Очень часто они сами и не появлялись в Сибири, поручая проведение торговых операций своим агентам, иногда довольно многочисленным. Таких представителей русских торговых домов можно было видеть по всей Сибири, от Верхотурья до Якутска и Нерчинска. Операции эти, иногда в сочетании с организациями пушных и других промыслов, давали значительный доход. На пушных промыслах и торговле с Сибирью вырастали крупные капиталы, владельцы которых входили в состав верхушки русской торговой знати. Не раз высказывалась мысль о роли Сибири в процессе первоначального накопления в России. Наблюдения за характером торговли с Сибирью подтверждают это мнение.

Особое место в торговле с Сибирью занимала пушнина. Пушные промыслы и торговля пушниной привлекали в Сибирь значительное количество русских людей. Среди них бывали и представители крупных торговых домов, и мелкий люд. Не являясь постоянными жителями сибирских городов, они наполняли их и районах, богатых пушниной, или по пути к ним. Не будучи связанными с развитием производительных сил Сибири, эти города достигали временами значительного расцвета и затем по истощении запасов пушнины в районе приходили в упадок. Наиболее ярким примером была «златокипящая» в период расцвета Мангазея, прекратившая затем существование. Подобную участь испытал и Туруханск.

[73] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири, стр. 303—339.

Развитие торговли накладывало еще один отпечаток на сибирский город. Построенные казной гостиные дворы, многочисленные частные лавки на торговых площадях с их оживленной толпой резко меняли облик сибирского города, который к концу XVII в. окончательно терял свое стратегическое значение. Сохраняя административное значение, он все больше приобретал черты торгово-ремесленного центра. Менялся и внешний облик города. Еще сохранялись остроги, некоторые даже обновлялись в конце XVII в., но жизнь все активнее уходила на посад, который приобретал иногда грандиозные размеры. Так, новый каменный двухэтажный Тобольский гостиный двор, построенный в 1704—1706 гг., имел в длину 50 и в ширину 40 саженей с 4 башнями и 2 воротами. В нем помещалось 67 лавок, 27 погребов и таможня. Общая площадь его равнялась 2000 кв. саженям. По своим размерам он лишь на одну треть уступал Московскому гостиному двору. Кроме того, в Тобольске был еще один гостиный и «полянский» двор. К этим дворам примыкали торговые площади, на которых размещались торговые ряды с частными торговыми помещениями. Таковых в Тобольске в 70-е годы XVII в. насчитывалось не менее 264. Но Тобольск был наиболее ярким явлением. Торговая жизнь других городов была значительно слабее. Торговых помещений, подобных тобольским торговым рядам, в них не было. Дело обычно ограничивалось наличием базарной площади с торговыми лавками и складами.

Наблюдения за торговой и ремесленной деятельностью в Сибири XVII в. свидетельствуют об активной роли русского населения в ее экономическом развитии. Экономические связи Сибири с европейской частью России постепенно включали Сибирь в формирующийся всероссийский рынок, делая Сибирь неотъемлемой частью России. На основе общественного разделения труда создавались местные областные рынки и устанавливались экономические связи между ними. Некоторые предметы товарной продукции сибирской деревни и города (хлеб, металлоизделия, соль, кожа и др.) становятся предметами общесибирского торга. В товарооборот постепенно вовлекается и местное коренное население.

Отмеченные явления наряду с созданием сибирского пашенного земледелия означают решительный шаг в деле развития производительных сил Сибири. В то же время они явились основой экономического сближения и значительной мере изолированных ранее районов и сделали Сибирь участницей экономической жизни России в целом. Нельзя не отметить и еще одно важное явление. Если пушное дело и поставка русских товаров в Сибирь находились в основном в руках феодального государства и богатеев Северной и Центральной Руси, то сибирская ремесленная промышленность создавалась инициативой и трудами русского трудового населения (крестьяне, посадские люди, низы служилых людей). Их дея тельность не только обеспечивала потребности русского населения, но и создавала предпосылки для глубоких изменений и в жизни местного коренного населения.

3. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ НАРОДОВ СИБИРИ

С приходом русских в хозяйстве и общественном строе народов Сибири происходят изменения тем более заметные, чем теснее были их хозяйственно-культурные связи с русским населением. Эти связи были значительными в районах, где сформировались компактные группы русского населения, и слабее на окраинах, в особенности у народов Алтае-Саянского нагорья, находившихся в состоянии двоеданства.

Широкий хозяйственный комплекс развивался у западносибирских татар. Главными их занятиями были охота и рыбная ловля. В степных районах, особенно в Барабинской степи, было развито и скотоводство: разводили лошадей, крупный рогатый скот. Существовало в примитивной форме и земледелие.

Домашняя промышленность включала такие отрасли, как обработка кожи, изготовление войлока, выделка оружия. Обмен между отдельными группами татар был развит слабо.

Татарские поселения (улусы) строились по территориальному принципу.[24]

После присоединения Западной Сибири к России правящая татарская знать утратила свою политическую независимость, но сохранила многие права и привилегии. Нуждаясь в военной силе, царское правительство создало особый разряд так называемых служилых татар, в который и вошла татарская знать. Служилые татары были в составе русских гарнизонов в Тобольске, Тюмени и Таре. Их насчитывалось до 350—400 человек.

Служилые татары каждого города составляли особый отряд во главе с татарским головой, назначаемым воеводой. Они участвовали в военных походах русских войск, несли сторожевую и караульную службы, ходили в дальние походы на Ямыш-озеро за солью, помогали в постройке острогов, несли повинности по ямской гоньбе, выполняли обязанности толмачей и т. д. Получали татары хлебное и денежное жалованье. При этом они сохраняли свои земельные владения, были свободны от ясака, а также имели некоторую власть над черными людьми и право владения рабами — полоняниками.

Во второй половине XVII в. татарская служилая знать постепенно теряет свои привилегии, ее земельные владения все уменьшают, и она становится фактически в одинаковое положение с ма сой русского мелкого служилого люда.

Основная масса татарского населения платила ясак. Важнейшей тенденцией их экономической жизни был постепенный переход к оседлости в связи с ростом земледелия, которое развивалось под влиянием русских. Платя ясак, масса татарского населения продолжала нести повинности и в пользу татарской верхушки.

Документы XVII в. отмечают в татарском населении значительное количество людей «скудных», «нужных», «бедных» и «закребетников».

Среди западносибирских татар господствующей религией являлось мусульманство, они были суннитами. Широкое распространение имели и доисламские верования. Верили в духов — «хозяев», существовал культ деревьев. Сохранялись и жертвоприношения. Татарская знать и мусульманское духовенство старались искоренить доисламские верования и внедрить мусульманство. Борьба новой религии со старой нашла отражение в ряде исторических преданий. В XVII—начале XVIII в. среди татар начинает распространяться христианство. Русское правительство проводило политику христианизации среди татар весьма осторожно, боясь вызвать недовольство.

Богатое народное творчество татар в это время стало известно русским. Татарские легенды и предания, а также и другие произведения татарского фольклора были использованы С. Ремезовым в «Сибирской истории». Им же были использованы и проповеди мусульманских духовных лиц.[25]

---

[24] Подробно об этом см.: История Сибири, т. 1. Л., 1967, стр. 353—427.

[25] С. В. Бахрушин. Тюркские легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова. Исторические известия, 1916, № 3—4.

Главными занятиями хантов и манси, как и селькупов, были охота и рыболовство. В южных районах, под влиянием татар, ханты и манси занимались скотоводством, а на Тавде и Пелыме, у манси было примитивное земледелие, сходное с татарским. В низовьях Оби ханты, подобно ненцам, изучали стада оленей.

Общественные отношения хантов и манси, как и селькупов, перед вхождением их в состав Русского государства можно характеризовать как отношения развитого патриархально-родового общества, когда создаются более или менее устойчивые племенные группы, в особенности у хантов и манси, и складываются предпосылки классовой дифференциации.

Патриархальный род состоял из отдельных больших и малых семей. Большой семьей являлся, видимо, «юрт» угров, объединявший братьев, детей, племянников с их семьями. В наиболее многочисленных «юртах» жило несколько семей; такие «юрты» были поселками — сельской общиной в специфических северных условиях. «Юрты» объединялись в так называемые волости. Можно отметить, например, волости Кондинскую, Лозьинскую, Казымскую, Демьянскую, Кодскую, Куноватскую. Границы некоторых из них совпадают с границами современных диалектов хантов и манси. Так, Казымская волость соответствует казымскому диалекту хантыйского языка, а Обдорская волость — обдорскому диалекту.

Такие волости в XVI—XVII вв., видимо, представляли племенные группы обских угров. Здесь сохранились и черты военной демократии — были военные вожди и военная организация, народные собрания. Однако некоторые наиболее южные волости в то время были, возможно, просто территориальными объединениями.

В угорском обществе налицо была значительная имущественная дифференциация, существовали богатые и бедные, было и патриархальное рабство, источником которого служили межплеменные войны. Во главе волостей стояла родо-племенная верхушка (князья, мурзы). В ряде районов в XVI в. власть племенных вождей еще сохраняла выборный характер, но в некоторых местах она стала уже наследственной. С. В. Бахрушин видел в племенной верхушке угорского общества феодальную знать.[75] Однако в источниках XVI—XVII вв. нет данных о феодальной земельной собственности, феодальной зависимости населения от князцов.

Родо-племенная верхушка сосредоточила в своих руках значительные богатства. Главным источником обогащения были межплеменные войны и войны с соседями — ненцами, татарами, селькупами и другими народами. Так, в 1600 г. кондинские манси жаловались на кодских ханты-ских вождей (князцов): «И изнеча дей князь Игичеевы люди приходят к нам в Конду, их побивают и жены их и дети емлют к себе в юрты по-прежнему в холопи и юрты де их пустошат».[77]

Ханты по нижнему течению Иртыша и манси по притокам Тобола — Тавде и Туре — находились в XVI в. в зависимости от Сибирского татарского царства. Она выражалась в уплате ясака и в военной помощи. После разгрома Кучума Ермаком «данные» ханты и манси (т. е. платившие дань Кучуму) «от Кучумова повеления и рамента отступища» и добровольно перешли в русское подданство.

После присоединения Западной Сибири к Русскому государству ханты и манси были обложены ясаком. Особое положение до середины XVII в. занимали кодские ханты, которые в конце XVI в. и в первой половине XVII в. участвовали в военных походах русских отрядов и вместе с ними строили острожки. Ясак они не платили. Это были так называемые слу-

---

[75] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 110—114.

[77] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 386.

жялись остяки. Их племенные вожди сохранили свои привилегии и получили право собирать ясак с нескольких волостей в свою пользу.

Установление ясака и налаживание регулярной торговли с русским населением содействовали дальнейшему развитию пушного промысла у хантов и манси. В обмен на пушнину к ним поступали предметы первой необходимости, в первую очередь железные изделия, хлеб, ткани. У южных манси под влиянием русских продолжало развиваться земледелие.

Характерными для религии обских угров были анимистические представления.

В XVIII в. начинается массовое крещение хантов и манси. Политику насильственной христианизации проводил тобольский митрополит Филофей Лещинский. Миссионерские экспедиции были проведены в 1704, 1707, 1712 и последующих годах. Участником некоторых из них был Г. Новицкий, назначенный впоследствии надзирателем за исполнением новокрещенными в Кондинской волости христианских обрядов. Наступление христианства, разорение традиционных «мольбищ» вызывали сопротивление коренного населения.

В 1717 г. восставшими кондинцами был убит Новицкий.[79]

Христианизация хантов и манси в начале XVIII в. оказалась формальной. Наряду с выполнением христианских обрядов значительные массы населения продолжали поклоняться прежним богам и тайно выполняли языческие обряды.

Широкое развитие у угров получило устное народное творчество (сказки, песни, предания). Хантыйский и мансийский героический эпос повествует, например, о подвигах богатырей, о столкновениях с самодийскими племенами, о междоусобных столкновениях.[80]

Важную роль в хозяйстве тундровых ненцев и энцев и в меньшей степени нганасан играло оленеводство. Оно сочеталось с охотой, причем наиболее популярной, в особенности у нганасан, была охота на дикого оленя. У лесных ненцев и энцев, северных селькупов оленеводство лишь дополняло главные занятия охотой и рыболовством (не было оленей у нарымских селькупов). Отдельные группы прибрежных ненцев, по-видимому, занимались морским зверобойным промыслом.

К приходу русских ненцы, энцы и нганасаны в полной мере сохраняли патриархально-родовую организацию. У них были отчетливо выражены основные институты, характерные для родовой организации (фратриальное деление[81] и экзогамия, родовое распределение промысловых угодий и оленеводческих пастбищ, обычаи родовой взаимопомощи, кровной мести). У северных самодийцев патриархальный род был основной социальной единицей. У отдельных групп (например, нганасан) были сильны пережитки материнского рода. Судя по всему, у северных самодийцев уже намечались и черты имущественной дифференциации, в особенности у оленеводов. Родовые отношения вытеснялись территориальными у южных селькупов и в местах совместного их проживания с русскими.

В XVII в. самодийцы были обложены ясаком, который платили обычно пушниной. Оленьи значительные группы родов, кочевавших в тун-

---

[79] Подробно об этом см.: История Сибири, т. I, стр. 358, 359.

[80] И. И. Огрызко. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941.

[81] S. Patkanov. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, S.-P., I—II, 1897—1900; С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. Живая старина, СПб., 1897, вып. III—IV. В Финляндии в Венгрии издан ряд сборников угорского эпоса, где имеются подробные героический эпос.

[81] Подробно черты фратриального деления угров отмечены [illegible] были обнаружены В. П. Евдокимом и Г. Д. Вербовым в 1920—1930-х годах. Черты фратриального деления ретроспективно были выявлены также у хантов, мансе, селькупов, нганасан.

Способы передвижения в Сибири. Езда на оленях с нартами и езда на собаках. Гравюра книги N. Witsen. Noord en Oost Tartarye..., Amsterdam, 1692.

[illegible] рыболов, [illegible] [illegible] [illegible]

к широкому развитию военного дела. «Люди вонсты, боем жестоки», — отзывались о них казаки.[84] «К войне они склонные и на соседей своих часто нападают», — говорится в другом источнике.[85]

Ясак в XVII—XVIII вв. северные тунгусы платили пушниной под аманатов-заложников. Пушнину также обменивали у русских торговцев на муку, табак, котлы, ножи и другие железные товары. Этот обмен во второй половине XVII—начале XVIII в. играл уже настолько существенную роль, что от него зависело все хозяйство эвенков и эвенов. В одной из своих челобитных они писали: «А которые де соболишки в ясак... не годны, плохие и вешние... и мы де на те соболишка для своих нуж с ясачными сборщики на муку ржаную и на котлы и на топоры и на ножи и на железо прутовое торгуем, для тово что де тех товаров у нас иноземцов в нашей земли нет, и купить негде; а только де нам тех товаров не купить и нам де великих государей ясаку промышлять не на чем и помереть де нам голодною смертию».[86]

В религии эвенков, как и других народов Сибири, переплетались элементы ранних этапов развития религиозных представлений. Эвенки одухотворяли все явления природы. В каждом чуме имелись собственные идолы, грубо обтесанные из дерева. Существовали охотничьи и оленеводческие религиозные обряды. Главную роль в них играли шаманы.

Эвенкийский фольклор охватывал разнообразные виды творчества: песни, мифы, рассказы о животных, загадки, сказания, легенды. Особый интерес представляют эвенкийские сказания о героических битвах древних богатырей, предания о столкновениях с якутскими и бурятскими племенами и т. д.

Основным занятием якутов было разведение лошадей и крупного рогатого скота, в северных районах под влиянием эвенков развивалось также оленеводство. Якуты совершали сезонные перекочевки, а на зиму для скота запасали сено. Большое значение сохраняли рыболовство и охота. Бесскотные бедняки (балыксыты) жили одним рыболовством. Занимались охотой, добывая пушнину и мясо. Из домашних ремесел высокого уровня достигло кузнечество. Русские давали высокую оценку изделиям якутских кузнецов: «у иноземцев якутов... железо есть самое доброе, а плавят они на железо ис каменья не по многу, не на большое дело... делают пальмы и ножи». Часть железных изделий якуты обменивали эвенкам на пушнину для сдачи ясака.

Якуты делились на племена и родовые группы. В 40-х годах XVII в. у них было выделено 35 ясачных волостей, сохранившихся до начала XVIII в. Царская администрация не вмешивалась во внутреннюю жизнь волостей. Якутский род был патриархальным и состоял из отдельных больших и малых семей. Из родовых институтов сохранились кровная месть, родовые советы. Состав рода пополнялся чужеродцами, находившимися в экономической зависимости от наиболее мощных хозяев. Во главе родов, общин и племен стояли тойоны-старейшины и военные вожди, сосредоточившие в своих руках большие стада и лучшие покосы.

Якутский фольклор называет время, предшествовавшее появлению русских на территории Якутии, «кыргыс—уйэтэ» (кровавых битв) — временем военных столкновений между отдельными племенами и родами. Военные вожди стояли во главе родовых дружин, в составе которых были и конные отряды. Захваченных пленных обращали в рабов (кулутов).

Кроме тойонов и рабов, документальные материалы XVII—начала XVIII в. отмечают «улусных людей» — основную массу якутского свободного населения, «вскормленников», «захребетников» и «живущих подле».

[84] Там же, стр. 99.
[85] Избрант Идес. Путешествие и журнал... ДРВ, ч. IX, М., 1789, стр. 453.
[86] История Якутской АССР, т. II, стр. 101, 102.

О характере взаимоотношений между отдельными группами якутского населения и социальной структуре якутского общества в период присоединения якутов к Русскому государству в советской исторической литературе были высказаны различные точки зрения.[87]

С. В. Бахрушин и С. А. Токарев считали, что в якутском обществе еще до прихода русских шли процессы разложения первобытнообщинного строя и зарождения классовых отношений. С. В. Бахрушин утверждал, что развитие якутского общества шло по линии формирования феодальных отношении. В «захребетниках» и «живущих подле» он видел феодально-зависимых людей и указывал, что уже в это время существовал «хасаас» — отдача тойонами скота бедным соплеменникам как разновидность отработочной ренты.[88] С. А. Токарев считал, что «общественное развитие якутского народа перед приходом русских шло в направлении формирования ранне-рабовладельческого строя», а вхождение Якутии в состав Русского феодального государства способствовало развитию у якутов феодальных отношений.[89]

По мнению А. П. Окладникова, якутскому обществу XVI—XVII вв. уже были известны «классовые противоречия, разгоревшиеся внутри патриархально-родового общества». Однако эти противоречия не были противоречиями рабовладельческого общества. Примитивное скотоводческое хозяйство не могло послужить базой для массового использования рабского труда, а тем более для превращения его в основу производства. Древнее патриархальное рабство не могло перерасти в рабство античного типа. Оно оставалось укладом «и к тому же не первостепенным по удельному весу в производственных отношениях». Рядом с ним существовал второй уклад — феодальный в виде разнообразных форм эксплуатации тойонами их собственных сородичей. Отмечая переплетение патриархально-родовых связей с формирующимися феодальными, А. П. Окладников характеризует в целом общественные отношения якутов в период прихода русских на Лену как отношения полупатриархальные-полуфеодальные.

Особую позицию в оценке якутского общества того времени занял Б. О. Долгих. По его мнению, у якутов в эпоху их присоединения к России основу общественно-экономического строя все еще составлял патриархально-родовой строй. «Такие явления, — пишет он, — как патриархальное рабство, имущественное неравенство, выделение родовой знати, семья в качестве основной хозяйственной ячейки, укладываются в рамки патриархально-родового строя». Б. О. Долгих считает также, что такие факты в жизни якутского общества XVII в., как наличие «захребетников», «живущих подле», существовали на поздних этапах патриархально-родового строя, на грани его перехода к классовому обществу.

Якутское общество после прихода русских идет в направлении развития феодальных отношений — в этом согласны все исследователи. Распространение ясака и на «холопов» делало невыгодным применение рабского труда. Через ясачные отношения в якутском обществе шли процессы феодализации. Этому способствовала также христианизация якутов, в первую очередь зажиточной верхушки.

---

[87] С. В. Бахрушин. 1) Исторические судьбы Якутии; 2) Очередные задачи исторического изучения Якутии. Научные труды, т. III. ч. 2, М., 1955, стр. 25, 26, 267, 268; С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 185, 186, 204; А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 397—400; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 362. См. также: История Сибири, т. I, стр. 387—395.

[88] Сам термин появился позже. С. А. Токарев считал «хасаас» лишь потенциальной формой феодальной эксплуатации.

[89] Якутия в XVII в. Якутск, 1953, стр. 7.

Широко используя авторитет тойонов для укрепления своего положения в Якутии, царское правительство укрепляло их власть. В 1677 г. последовал указ о привлечении тойонов к судебно-административной деятельности. Указом 1678 г. тойоны были привлечены к сбору ясака. На них были возложены и полицейские функции по поддержанию порядка. Усиление власти тойонов в якутском улусе содействовало дальнейшему сосредоточению лучших земель в их руках, росту их экономического могущества и расширению эксплуатации «улусных людей».

Представители народов России (A — якут, B — калмык, C — остяк, D — тангут). Гравюра из книги: N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. . . Amsterdam, 1692.

Вместе с тем общение якутского народа с русскими людьми, их экономические связи способствовали дальнейшему развитию производительных сил в якутском обществе. У русских людей якуты научились обрабатывать землю. Первые попытки завести земледелие относятся ко второй половине XVII в. Широкое распространение получили новые орудия труда, укрепились и развились обменные связи.

Духовная культура якутов ярко отражала уровень их общественно-экономического развития. Якуты одухотворяли природу и видели в ней проявление сил духов: хозяев (иччи), добрых (айыы) и злых (абасы), последние делились на духов верхнего и нижнего миров. Посредниками между людьми и духами были шаманы (ойууны) — белые и черные. Существовали промысловые и родовые культы, сохранялись пережитки тотемизма. Каждый род признавал священными или лебедя, или гуся, или ворона, и их не употребляли в пищу.

Вместе с тем сложился пантеон общеплеменных богов во главе с Юрюнг айыы-тойоном. Среди богов наиболее почитаемыми являлись Дьылга-хаан — божество судьбы и рока — и Илбис — бог войны. Шаманы (ойууны) были посредниками между людьми и богами. В одном из описаний начала XVIII в. читаем: «Якуцкой народ по своему обыкновению имеет шаманов. А у шаманов платье, которое при шаманстве, обвешено вкруг железными трубцами; и промеж трубок, и по долу и по рукам веслые ремешки по полуаршину; да они ж и за болящих отдают жертву бесам, скот бьют, не источая кровь, мясо едят сами, а кожи с костями вешают на деревья».[90]

У якутов богато было представлено устное народное творчество — песни, обрядовая поэзия, эпические произведения, сказки, легенды, предания, загадки. Содержание его отражало быт якутов, борьбу с суровой природой, взаимоотношения с соседними племенами.

Героические поэмы (олонхо) и исторические предания рассказывают о предках якутов Омогое и Элэйе, о взаимоотношениях якутов с тунгусами и другими народами, о приходе русских и основании Якутска и т. д. «Предания и исторические рассказы содержат повествование о реальных событиях, связанных с деятельностью конкретных лиц, отражают хозяйственные и культурные достижения народа. Они возникали на основе непосредственных впечатлений от исторической действительности и принимали форму живых рассказов участников и очевидцев событий и явлений».[91]

Весной якуты собирались на праздник — ысыах — в честь духов-хозяев природы и небесных богов. Во время праздника проводились различные состязания и спортивные игры, пелись песни, исполнялись танцы. На таких праздниках обычно выступали олонхосуты — народные певцы.

У юкагиров русские источники отмечают «оленные» и «пешие» группы. «Пешие» занимались охотой и рыболовством, разводили собак («люди сидячие, а ездят де они на собаках»).[92] «Оленные» юкагиры имели оленей, но в небольшом количестве, и оленеводство у них имело в основном транспортное значение. «Кормились» юкагиры прежде всего от «рыбных» и «звериных кормов». Большое значение имела охота на диких оленей на Анадыре, Колыме, Индигирке. На сезонные «юкагирские оленные промыслища» сходились в одно место юкагиры многих родов.

У юкагиров преобладали каменные и костяные орудия труда, хотя изредка были и железные, поступавшие путем обмена от северных тунгусов, якутов и русских.

«Предание о приходе русских к юкагирам», записанное В. И. Иохельсоном, начинается ярким изображением материальной культуры юкагиров: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами нартенные (люди) были. Лето когда наступало — (они) с челноками были. Так жили».[93]

Общественный строй юкагиров был патриархально-родовым, но сохранялись и пережитки материнского рода. Имущественная дифференциа-

---

[90] Н. Бакаи. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области по второй четверти XVIII в. Изв. Восточно-Сибирск. отд. Русск. географ. общ., т. XXV. № 4—5, Иркутск, 1895, стр. 94.

[91] Исторические предания и рассказы якутов (издание подготовил Г. У. Эргис), ч. 1. М.—Л., 1960, стр. 13, 14.

[92] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. Сб. документов, М., 1951, стр. 143.

[93] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. Образцы народной словесности юкагиров (тексты с переводом), ч. I. СПб., 1900, стр. 74.

ция была менее выражена, нежели у тунгусов. Существовало патриархальное рабство.

Установление торговых связей с русскими людьми имело для юкагиров большое значение. Юкагиры предъявляли большой спрос на различные железные изделия и украшения. Уже первый якутский воевода П. Головин доносил в центр: «...а опричь ...одекую (стеклянных бус, — *Авт.*) и железа юкагири иных товаров никаких не покупают».[94]

Ясак юкагиры платили под аманатов, причем не всякий аманат гарантировал уплату ясака. Так, когда в 1650 г. на Индигирке русские служилые люди, захватив юкагирского «малого», потребовали уплаты ясака, юкагиры «отказали, нам той малой ненадоть, а у нас боканов много». Зато под аманатов из «лучших людей» юкагиры платили ясак даже тогда, когда те умирали. В 1652 г. в одном из зимовий юкагиры просили после смерти своих аманатов, «чтобы де казаки аманатского костия не покинули, под костие де ясак привезем, только живы будем».[95]

В религиозных воззрениях юкагиров был ярко выражен культ покровителей промыслов — «хозяев» животных, растений, деревьев. Особенно распространен был культ лося. Шаманы не только были руководителями религиозных обрядов и посредниками между населением и духами, но часто стояли во главе родов и племен. Умерших шаманов почитали: «оных шаманов у мертвых обрезывают тело, а кости в составах целы обшивают в платье, кое сшито из кож оленьих, на головах шапки обнизывают корольками синими, также вешают и на грудях по подобию, как на живых, и возят всегда с собою».[96]

Фольклор юкагиров дает яркий материал о культуре народа. Особенно интересны исторические предания о межродовых войнах, о столкновениях и связях с эвенами, чукчами, коряками, о первых встречах с русскими и т. д.[97]

В хозяйстве и общественных отношениях народов Чукотки и Камчатки было много общих черт. Береговые чукчи и коряки («сидячие»), а также эскимосы жили оседло и занимались преимущественно охотой на морского зверя, коряки, — кроме того, еще и рыболовством. «Оленные» чукчи и коряки занимались оленеводством и кочевали в глубине Чукотки, к северу от Камчатки и на самом полуострове. Большое значение для «оленных» чукчей имела охота на дикого оленя. Основным занятием ительменов было рыболовство, дополняемое охотой и собирательством, некоторые группы вели также промысел морского зверя.

Материальная культура у этих народов была более отсталой в сравнении с другими народами Сибири. Русские застали здесь в полном смысле каменный век. Население пользовалось каменными топорами, каменными и костяными наконечниками для стрел и т. д.

В социальном строе исследователи ретроспективно выявили у них ряд черт материнско-родового строя (пережитки матрилокальных поселений и группового брака, характер культа огня). Вместе с тем с приходом русских при господстве патриархальной семьи продолжалось укрепление чисто территориальных отношений.

У ительменов, эскимосов, приморских чукчей и коряков патриархальные семьи объединялись в селения, поселки, представлявшие собой тер-

---

[94] Н. Н. Степанов. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, № 48, Л., 1939, вып. 5, стр. 56.

[95] История Якутской АССР, т. II, стр. 107.

[96] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Научные труды, т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 18.

[97] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, стр. 186.

риториальные объединения, во главе которых стояли вожди (русские называли их тойонами). Аналогичным объединением у кочевых чукчей и коряков было стойбище. Возникали и более крупные объединения, стимулом для чего служила военная опасность.

В религиозных воззрениях северо-восточных народов также было много общих характерных черт.

Ительмены верили в духов-хозяев леса, гор, рек, моря и т. д. Устраивали праздники и религиозные церемонии для обеспечения удачной охоты, рыболовства — китовый праздник, медвежий праздник и др. Самым большим праздником был осенний праздник, завершавшийся «очищением» — прохождением сквозь обручи из березовых прутьев. Для защиты своих юрт от злых духов ставили перед ней «ажушки» — столбики с грубо обтесанными человеческими головами, а в самой юрте «уриндачей» — колья с изображением человеческих голов и «хантаев» — идолов, наполовину человекообразных, наполовину рыбообразных. Было представление и о создателе мира — Кутхе. Специалистов шаманов не было. Шаманские обряды мог совершать каждый. Обычно их совершали старые женщины.

Шаманство на Камчатке отмечал еще В. Атласов: «... есть ... их же братья — шеманы, вышеманят, о чем им надобно: бьют в бубен и кричат».[98] Позже Линденау писал, что коряки «молятся солнцу и луне, поклоняются также огню, воде и своему Кутхнняху».[99] Кутхиняху был, видимо, аналогичен ительменскому Кутхе.

У чукчей также существовала вера в духов-«хозяев» (кэлет) рек, леса, моря. С ними были связаны многие религиозно-магические обряды. У приморских чукчей главным религиозным праздником считался праздник в честь Кэреткуна — «хозяина» моря и морских зверей. Был также праздник байдары — ранней весной, праздник голов — летом, после окончания ловли тюленей. У оленеводов главный праздник был связан с осенним забоем оленя. В мифах большую роль играл ворон. Шаманство было развито, были специалисты-шаманы.

Характерной чертой религиозных воззрений эскимосов был культ женских божеств — владычицы морей, владычицы земли и животных, владычицы воздуха. Главным божеством была Нумичагау — «подводная владычица». При добыче кита, моржа совершались религиозно-магические обряды. Верили в добрых и злых духов. Важное место в их верованиях занимал культ ворона.

Весьма близко к оседлым народам северо-востока примыкали и нивхи. Основными занятиями у них было рыболовство, морской зверобойный промысел и охота. Из ремесел характерными занятиями было изготовление одежды из рыбьей кожи и звериных шкур, обработка железа (изготовление орудий охоты, рыболовства, утвари, оружия). Жили в селениях (улусах) зимой в землянках, летом в клетях на сваях. Ездили на собаках. Делились на патриархальные роды и имели выборных старейшин.

Материалы об айнах и приамурских тунгусах крайне скудны и ограничиваются главным образом данными о расселении. Характерно, например, показание спутников Поярκова об айнах: «Да гиляки (нивхи, — *Авт.*) де сказывали им служилым людям: есть де подле моря черные люди. А называют их де куями. А живут де они подле моря по правую сторону. А какой де у них товар есть и тово де они не ведают».[100]

---

[98] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, Л., 1935, стр. 31.

[99] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 511, II, тетр. 6, лл. 7, 8, 67.

[100] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 601.

Своеобразный хозяйственный комплекс сложился у бурят. У западных бурят (в Предбайкалье) скотоводство было полуоседлого типа, с заготовкой корма на зиму; у восточных (в Забайкалье) — типичное кочевое, пастбищное, сходное с монгольским. Подсобное значение имели охота и рыболовство. У западных бурят существовало и примитивное земледелие. Сеяли просо, гречу, ячмень. В некоторых районах буряты добывали железо. Бурятские металлические украшения для одежды и сбруи, ножи, оружие имели широкое распространение у соседей и охотно использовались русскими.

Бурятские племена делились на роды, во главе которых стояла родо-племенная знать (нойоны). Особенно было велико ее значение у восточных бурят, у которых существовала разветвленная система титулов и званий («тайши», «зайсаны», «шуленги», «даруги», «засулы»). Часто бурятские роды назывались в русских источниках улусами. Названия родов (улусов) во многих случаях были образованы от собственных имен возглавлявших эти роды нойонов. Иногда несколько родов были объединены в более крупные группировки — сотни (у булагатов, эхиритов).

Бурятская родо-племенная знать часто нападала на соседей. Некоторые из них становились зависимыми от бурят, платили им дань. Пленников обращали в рабов (холопов). Резкая разница в положении свободного бурята и раба подчеркнута в так называемой «Бурятской правде» — нормах обычного права балаганских бурят, записанных в 1693 г. За убийство свободного, согласно этим нормам, уплачивалось 66 голов скота, за убийство раба — 1 голова.[101]

Общественные отношения бурят накануне вхождения их в состав Русского государства большинство исследователей определяет как патриархально-феодальные. Особую позицию занимает Е. М. Залкинд, который считает, что в это время у бурят были еще дофеодальные отношения. Вместе с тем он подчеркивает, что бурятское общество — «общество с далеко зашедшим процессом классообразования, где власть сосредоточена в руках князцов, родо-племенной знати или удачливых предводителей дружин».[102]

Сторонники признания патриархально-феодальных отношений считают, что в это время существовала отработочная форма эксплуатации бурятской знатью свободных неимущих «улусных людей». Пастбищные угодья хотя и оставались в общинной собственности, но фактически находились в руках знати. За право получения скота на выпас «улусные люди» пасли скот и обрабатывали продукты скотоводства в хозяйствах бурятской знати. Вызревание феодальных отношений было особенно заметно у восточных бурят-скотоводов.

Присоединение бурят к Русскому государству вызвало глубокие изменения в их хозяйстве и социальных отношениях бурятских племен. Буряты избавились от опасности порабощения и истребления монгольскими феодалами, совершавшими до этого опустошительные набеги на их территории. Прекратились многочисленные кровопролитные столкновения бурятских племен между собой и между бурятами и эвенками. Буряты стали воспринимать навыки земледельческой культуры и быта русского народа.

В конце XVII в. к забайкальским бурятам проникает ламаизм. Его принесли монгольские и тибетские ламы. Бурятские нойоны благосклонно встретили ламаизм, так как шаманизм, выросший в условиях ро-

[101] С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Исторический архив, II. М.—Л., 1939, стр. 45.

[102] Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, стр. 272.

дового общества, уже не удовлетворял их. Ламаизм лучше укреплял положение феодализирующейся верхушки. В Забайкалье, у восточных бурят, устраиваются ламаистские молельни, религиозные школы. В это же время среди западных бурят распространяется христианство.

На хозяйство и социальный строй народов Саяно-Алтайского нагорья накладывало отпечаток их зависимое положение от монгольских феодалов: телеуты, например, зависели от западномонгольских, или джунгарских ханов, енисейские киргизы и тувинские племена — от Алтын-ханов, феодальной знати Северной Монголии. Иногда киргизы были одновременно данниками Алтын-ханов и джунгарских тайшей. Кроме того, они еще платили ясак русскому царю. Феодальная зависимость была весьма тяжелой. Она не только лишала племена политической самостоятельности, но и ложилась тягостным бременем на их слабую экономику, так как все они должны были платить феодальным владыкам большие натуральные поборы продуктами своего хозяйства (скотом, пушниной, железными изделиями), нести трудовые повинности.

Телеуты, енисейские киргизы, тувинские (за исключением тоджинцев, обитавших в тайге) и некоторые другие тюркоязычные племена (например, качинцы, сагайцы) занимались в основном экстенсивным пастбищным скотоводством (разводили овец, коров, лошадей и даже верблюдов), дополняемым охотой. В русском документе 1616 г. о хозяйстве енисейских киргизов говорится: «Страна их кочевная... Лошадей и коров много; а хлеба не сеют и не родится».[103]

У некоторых групп (например, тувинцев-тоджинцев, тофаларов, камасинцев) было развито оленеводство, но главную роль в хозяйстве играла охота. У ряда охотничьих племен (коттов, асанов, шорцев) большое хозяйственное значение имела заготовка диких съедобных растений и кедрового ореха.

Земледелие особенно заметно развивалось у чулымцев. Телеуты, несмотря на кочевой образ жизни, засевали небольшие участки преимущественно ячменем, используя в качестве земледельческих орудий мотыгу и примитивную соху. Земледелие было известно также аринам и качинцам. Шорцы, бельтиры, северные алтайцы в дополнение к охоте занимались мотыжным земледелием, рыболовством, плавкой железа и изготовлением железных изделий.

Кузнечное дело было развито у ряда племен. О металлургии шорцев говорит документ 1622 г.: «На Кондоме и на Брассе (Мрассе, — *Авт.*) реке стоят горы каменные великие и в тех горах емлют кузнецкие ясачные люди каменья, да то каменье разжигают на дровах и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеяв сыплют понемногу в горн, и в том сливается железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи, рогатины и сабли и всякие железные, опричь пишалей, и те пансыри, и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, а иные ясак дают колмацким людям железом же».[104]

У относительно крупных скотоводческих групп, возможно, преобладали патриархально-феодальные отношения, более характерные, по мнению Л. П. Потапова, для енисейских киргизов и телеутов,[105] вся терри-

[103] ЦГАДА, ф. Мунгальских дел, стлб. 1616, л. 44; СП, стлб. 380, л. 89.
[104] ЦГАДА, СП, кн. 136, л. 352.
[105] По мнению Б. О. Долгих, для киргизского общества XVI—XVII вв. был характерен патриархально-родовой строй на высшей ступени развития. В этом случае в киргизских князцах, именовавшихся так русскими, следует видеть родо-племенную аристократию, господствовавшую как в своих племенах, так и над окружающими племенами — данниками (кыштымами). По-видимому, черты раннефеодальных отношений прослеживались у тувинцев-скотоводов. См.: История Тувы, т. I, М., 1964, стр. 198—238.

тория которых делилась на несколько улусов. Во главе находились мелкие князья — верховные распорядители земли и населения. Князю были подвластны жизнь и имущество населения. Русские документы говорят об «улусных мужиках», или «черных людях», которых эксплуатировали князья. Упоминаются и пленники-рабы, или «холопи» (по русским источникам). Широко была распространена у киргизской знати раздача в долг зависимому от них населению лошадей, кож, шкур, войлока, одежды и пр. Долги эти собирались пушниной. Знати подчинены были также некоторые данники-кыштымы, представляющие собой различные родо-племенные группы, неоднородные в социальном отношении. Например, качинцы четко делились на две группы: князцов и «лутчих людей» (т. е. наиболее состоятельных) и «улусных мужиков». Первые представляли собой зажиточную верхушку, вторые — рядовых людей, зависимых от своей знати.

Данники киргизов, проживавшие в Мелесской волости (землице) по р. Чулым, жаловались, например, в 1621 г. русскому царю, что киргизские князья приходят к ним «по трижды и по четырежды годом, и с них емлют ясак, и жен и детей за ясак емлют в полон». Таких данников, или, как их называют русские документы, «ясачных мужиков», а по-киргизски «кыштымов», некоторые киргизские князья якобы имели от 500 до 1000 человек. Русские документы упоминают еще «холопей» — рабов.

Общественное устройство у киргизов характеризовалось иерархической структурой. Во главе киргизов находился старший князец, именуемый в русских документах «начальным», которому в известной мере подчинялись остальные. Киргизские князья иногда собирались для решения общих дел, особенно военных, где принимали совместные решения. В свою очередь енисейские киргизы находились в зависимости от крупных монгольских феодалов, которые обращались с ними как со своими «кыштымами» и распоряжались их жизнью и имуществом. Непослушание киргизских князей наказывалось карательными экспедициями.

В общественном устройстве охотничьих племен можно проследить господство патриархально-родовых отношений, хотя и на стадии разложения. Здесь четко прослеживается социально-экономическая ячейка общества — патриархально-семейная община во главе с князцом, как его именуют русские источники.

По религии народы Южной Сибири оставались шаманистами. Культ неба, гор и рек, посвящение домашних животных различным духам, жертвоприношения лошадей и овец, шаманские камлания при лечении больных и т. п. были широко распространены здесь и не подвергались влиянию ни ламаизма, ни христианской религии. Попытка насильственного насаждения православия была предпринята в 1716—1717 гг. в отношении чулымцев, но она не дала ожидаемых результатов, и крещеное население продолжало жить старыми религиозными представлениями.

* * *

В конце XVI—начале XVIII в. народы Сибири находились на различных стадиях разложения первобытнообщинного строя. У большинства из них были патриархально-родовые отношения, у некоторых (северных самодийцев, юкагиров и др.) явно прослеживались черты материнского рода. Под влиянием Русского феодального государства процесс разложения первобытнообщинных отношений ускорился, углубилась социальная дифференциация.

Только у части сибирских татар к приходу русских была сложившаяся государственность (Сибирское ханство), но при этом феодальные

отношения тесно переплетались с родо-племенными. Своеобразным было положение енисейских киргизов, которые находились под гнетом монгольских феодалов и сами имели данников среди многочисленных племен Южной Сибири. Их общественные отношения в отдельных случаях могут быть, по-видимому, охарактеризованы как полуфеодальные. В той или иной мере черты складывавшихся ранних феодальных отношений прослеживаются у бурят и якутов. В этом главную роль сыграла политика царизма, опиравшегося на родо-племенную знать в угнетении основной массы общинников. В руках знати царизм сосредоточивает сбор ясака и отчасти судопроизводство. По наследству передается не только власть, но и право распоряжения угодьями. Важным орудием в руках царизма и местной знати в борьбе с трудовым населением за укрепление своего господства становится христианство.

В хозяйстве народов Сибири повсеместно сочетались разные отрасли: на юге развивалось скотоводство и земледелие с элементами промыслового хозяйства; на севере господствовало охотничье-рыболовное хозяйство в сочетании с оленеводством. Этот комплекс сложился еще в условиях господства натуральной формы хозяйства и был обусловлен замедленным ростом производительных сил, в особенности в более изолированных районах. Развитие хозяйственной специализации отдельных групп населения сдерживалось из-за постоянных военных столкновений и отсутствия сколько-нибудь устойчивых экономических связей на обширных пространствах Сибири.

Присоединение Сибири к России привело к изменениям в расселении сибирских народов, определило дальнейшее развитие производительных сил края, ускорило процессы общественного развития аборигенного населения. Существенные сдвиги наметились у различных народов Сибири в материальной культуре (срубное жилище русского типа, вспомогательные постройки, новые орудия труда и транспортные средства, одежда русского образца и пр.). Положительным было и то, что в рамках единого Русского государства в системе складывающегося и развивающегося всероссийского рынка быстрее преодолевалась изолированность народов Сибири, устанавливались тесные связи с русскими культурными центрами, возникшими на огромной территории от Урала до Тихого океана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Социальные отношения, управление и классовая борьба

1. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В сибиреведческой литературе не раз высказывались мысли об особом характере социальных отношений среди русского населения Сибири, резко отличавших Сибирь XVII в. от основной территории Русского государства. В основном эта мысль сводилась к отрицанию наличия в Сибири феодальной эксплуатации. Это приводило, по мнению ряда исследователей, к особому пути развития Сибири, формированию особого уклада общественной жизни Сибири и особого типа сибиряка. То или иное решение вопроса о наличии и степени развития в Сибири феодальных отношений связывалось историками либо с весьма важными и далеко идущими политическими выводами (сибирские областники), либо с выводами общетеоретического порядка об особом пути развития Сибири (часть советских историков).

При решении вопроса о наличии в сибирской деревне феодальных отношений основное внимание должно быть уделено выяснению характера землевладения в Сибири и характера взаимоотношений между владельцем земли и непосредственным производителем материальных благ. При этом следует учесть указание К. Маркса: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям ... в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают или, вернее, тогда не существует никакого налога, которых был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».[1] Феодальная собственность на землю может принадлежать и отдельным феодалам (частным земельным собственникам), и феодальному государству. Отсутствие или слабое развитие частной земельной собственности в том или ином районе еще не означает отсутствия в нем феодальной собственности на землю вообще.

К. Маркс, касаясь взаимоотношений феодального собственника на землю и непосредственного производителя материальных благ, отмечает: «... ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем" средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосред-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 354.

ственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчиться до простого оброчного обязательства».[2] Различие степени несвободы непосредственного производителя материальных благ не меняет существа взаимоотношений между ним и феодальным земельным собственником.

Особые исторические условия, в которых развивалась Сибирь, привели к слабому развитию в ней частного землевладения. Причиной этого были не только дальность и природное своеобразие края, но и слабая заселенность, отсутствие рабочей силы, при помощи которой крепостник смог бы использовать сибирские просторы. Сибирский губернатор Долгорукий доносил в 1728 г. Сенату: «В Сибири земли к удовольству имеется довольно. Только что от одной земли служить им (дворянам) неможно понеже людей и крестьян, коими ту землю заселить, у них не имеется и купить негде».[3] Многие представители крупного дворянства Центральной России, попадавшие в Сибирь на временное «кормление» в качестве воевод и их товарищей, обнаруживали стремление обзавестись землями и осесть здесь. Постоянные же кадры сибирских служилых людей, прибранных в большинстве в самой Сибири из гуляющих людей и ссыльных, не имели условий для обзаведенния крупным хозяйством.

Кроме того, сильная московская центральная власть сознательно проводила политику, препятствующую широкому развертыванию частного землевладения. Сибирь с первого момента вхождения ее в состав Русского государства стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Большую часть территории Сибири московское правительство стремилось сохранить в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение им основной феодальной обязанности — уплаты ясака. Объявив себя сувереном и собственником земли, правительство требовало за пользование этой землей ренту продуктами — пушниной. Таким же сувереном и земельным собственником оно стало в отношении русских земледельцев, оседавших в Сибири. Фонд возделанных земельных площадей обеспечивал поступление необходимого для снабжения правительственных отрядов продовольствия в виде отработочной или продуктовой ренты. Поэтому имевшиеся обработанные земли правительство усиленно оберегало от захвата частными лицами. Эта тенденция, определившаяся в XVII в., поддерживалась и позже. Претензии сибирских служилых людей добиться общего признания за ними права на землю и крепостных встречали отказ со стороны правящих кругов империи.

Тем не менее было бы ошибкой полностью отрицать для Сибири наличие частного землевладения. Оно существовало с первых же шагов русской колонизации. Учитывая трудность получения больших хлебных партий, правительство шло на замену выдачи хлебного оклада представлением служилому человеку участка земли, т. е. соглашалось на службу служилого человека не с оклада, а с пашни. При этом не было установлено строгого соответствия между размером участка и окладом. Количество пахотной земли могло быть увеличено при условии дополнительной выплаты за лишние десятины. Помимо земли под пашню, отводились и угодья: покосы, лес и т. п. Земля отводилась служилому человеку обычно по его «приписку» на правах условного владения. Источником образования частных земельных владений служилых, помимо государева жалования, являлся захват. Полученную землю служилый человек не должен был ни закладывать, ни продавать, ни «вложить» в монастырь.

[2] Там же, стр. 353.

[3] В. Косованов. Частное землевладение в Енисейской губернии. Сибирские записки, 1917, № 6, стр. 22—53.

Но в действительности залог, вклад, продажа, покупка, передача по наследству получили достаточно широкое распространение.[4]

При запрещении в Сибири безусловной частной собственности на землю установилась практика ее признания правительственными актами в отдельных случаях. Это противоречивое положение исчезает в начале XVIII в. Правительственные указы от 23 марта 1711 г. и от 17 марта 1731 г., уравнявшие поместные и вотчинные земли, послужили основанием для закрепления безусловной частной собственности и в Сибири.

Обычно земельные участки сибирских служилых людей были невелики. Они не превышали нормы, исчисляемой соответственно размерам хлебного оклада: 18 десятин для высших чинов (дети боярские) и 4 десятины для рядовых служилых людей (пешие казаки). В этот расчет входит лишь пахотная земля. К ней почти всегда прирезывались угодья. Поэтому общая площадь, отводимая служилому человеку, была несколько выше. Пашня рядовых служилых людей была близка и по своим размерам и организационными формами хозяйства к «собинной» пашне зажиточного крестьянина и даже крестьянина средней зажиточности, так как обеспечивалась рабочей силой самой семьи служилого человека. Поэтому нет оснований в социальном облике таких служилых людей отыскивать черты, сближающие их с феодалами-землевладельцами.

Однако в Сибири складывался и другой тип земледельческих хозяйств. В них земельный участок достигал размеров, свидетельствующих о привлечении к его обработке дополнительной рабочей силы. Так, по показаниям иркутских служилых людей, данным в Сибирском Приказе, крупный хлебный подрядчик Алексей Ушаков имел в Иркутском уезде на острове, верстах в 50 от города, заимку «мерою будет в длину верст з 10, а поперег на версту». В заимке имелось «пашенных крестьян и работных людей дворов з 10». Первые из них пахали на хозяина десятинную пашню, вторые работали на соляной варнице.[5] В литературе не раз упоминался факт владения крупной заимкой известным Ерофеем Хабаровым. Енисейский сын боярский Дм. Галкин владел деревней с участком земли в 226 десятин, из которых 37 десятин было под пашней; енисейский пятидесятник Иван Москвитинов в деревне Елагина имел 306 десятин, из которых пахал 54 десятины.[6] Факты наличия у служилых людей достаточно крупных земельных участков могут быть отмечены и по другим уездам.[7]

Процесс образования служилого землевладения, отмеченный для XVII в., продолжался и в XVIII в. Интересные примеры этого приведены в статье В. Косованова. По его сведениям, енисейский стрелецкий голова Карп Самойлов получил в середине XVII в. землю в зачет половины хлебного оклада. Полученный участок он быстро сумел увеличить путем прикупки земли у сына боярского Бернешлева и приобретения заложенной ему и невыкупленной земли казачьего десятника Москвитинова. У последнего К. Самойлов взял заимку с пахотной землей «да с пашенными крестьяны с Демкой Кареевым с товарищами». В результате К. Самойлов владел 250 десятинами, на которые его сыновья получили данные. Внук его Алексей Самойлов прикупил подле Енисейска деревню Трескину вместе с двумя семьями крепостных в составе десяти человек и получил очень крупный земельный участок в Канском уезде, на котором он создал село Рождественское. В 30-х годах XVIII в. у Са-

[4] ЦГАДА, СП, стлб. 450, лл. 323—325; кн. 1086, лл. 41—53, 54—81.
[5] ЦГАДА, ф. Иркутской приказной избы, стлб. 505, лл. 9, 10.
[6] Там же, СП, кн. 942, лл. 41—63.
[7] Там же, кн. 1371, лл. 1—28.

мойлова числилось более 150 тыс. десятин. В 1703 г. енисейский дворянин Сухотин основал на принадлежавшем ему участке деревню Тичину, заселив ее вывезенными с Руси крепостными. После нового пожалования в 1712 г. за Сухотиным числилось 54 тыс. десятин.[8] Ряд фактов частного владения землями в Тобольской и Томской губерниях приведены в статье А. Барабоя.[9]

Приведенные выше данные не дают права говорить о широком распространении в Сибири развитого частного землевладения феодального типа ни в XVII в., ни в более позднее время. Но они свидетельствуют о наличии тенденции к образованию и развертыванию частной феодальной земельной собственности, тенденции, естественной в одной из областей феодального государства.

Несомненно больших успехов, нежели сибирские служилые люди, в деле приобретения земель достигли за XVII в. сибирские монастыри. К концу века в Сибири существовало более трех десятков монастырей. Наиболее крупным землевладельцем этой категории был Тобольский Софийский дом. Достаточно сказать, что Софийский дом имел крестьянских дворов больше, чем было дворов государевых крестьян в таких уездах, как Томский и Кузнецкий. Значительные земельные владения имел Тобольский Знаменский монастырь. Другие сибирские монастыри обнаруживают ту же тенденцию к образованию своих земельных владений.

Образование монастырских земельных владений происходило в Сибири теми же путями, что и в других районах феодальной Руси. Наряду с пожалованием земельных участков правительством широко использовались вклады частных лиц, перекупы и захваты. С царских пожалований первому сибирскому архиепископу Киприану и начались земельные владения Софийского дома в Тобольске.[10] Архимандрит Верхотурского Никольского монастыря Варлаам при допросе показал, что монастырь владеет деревнями по государевой грамоте 1621 г.[11] Рафаилова пустынь в 3 верстах от Исетского острога, построенная в 1657 г., владела землею по «тюменской данной за государевой тюменской печатью».[12] В 1682 г. при досмотре земель сибирского митрополита Павла писцу Л. М. Поскочину предъявили «две данные выписки за государевой тобольскою печатью 182 г. да 185 г. да за приписью дьяков».[13] Невьянский Богоявленский монастырь владел своей заимкой по данной с Верхотурья стольника и воеводы Ивана Хитрово за приписью подьячего Федора Каменского,[14] на другие заимки имелись данные «ис Тобольска стольника и воеводы Петра Годунова за приписью дьяка Михаила Постникова».[15] Пожалованная земля была основной частью земельных владений сибирских монастырей.

Широко притекали в монастыри и земельные вклады. В выписке Сибирского Приказа о софийских домовых вотчинах вслед за указанием о пожаловании землями Киприана идет перечень «вкладных пашен».[16] Архимандрит Тобольского Знаменского монастыря Варлаам в 1641 г. предъявил в приложение к своей сказке 12 данных на отдельные земельные участки, принадлежавшие монастырю. Вкладчиками в боль-

[8] В. Косованов. Частное землевладение в Енисейской губернии, стр. 22—53.
[9] А. Барабой. Борьба крепостных крестьян Западной Сибири за волю. Вопросы истории, 1948, № 1, стр. 77—83.
[10] ЦГАДА, СП, кн. 151, л. 40 и сл.
[11] Там же, кн. 487, лл. 121—160.
[12] Там же, кн. 1605, лл. 139—146.
[13] Там же, кн. 1086, лл. 221, 222.
[14] Там же, кн. 487, лл. 196—264.
[15] Там же.
[16] Там же, стлб. 573, л. 48 и сл.

шинстве случаев были тобольские служилые люди или их наследники. Земли передавались «на помин души». Иногда эта формулировка прикрывала погашение долговых обязательств. В других случаях вклад обеспечивал принятие вкладчика в монастырь.[17]

Часть земельных участков приобреталась монастырями путем купли, и право владения таким участком подтверждалось предъявлением купчей. Первый организатор софийского хозяйства Киприан вслед за получением жалованных вотчин поспешил прикупить к ним деревни у тобольских служилых людей. При проверке прав владения Тобольского Знаменского монастыря архимандрит Варлаам предъявил пять купчих.[18] В переписных книгах 1679 г. за Мангазейским Троицким монастырем была отмечена в Енисейском уезде земля, купленная у посадских людей.[19]

Монастыри производили захваты как пустой земли, так и земли, уже имевшей хозяина (ясачного человека или русского). Позднее этот захват пытались узаконить получением соответствующей документации, или владели занятой землей без всяких подтверждений.[20]

Рост монастырского землевладения проходил в условиях сдерживающей правительственной политики. Уже в 1644 г. «государь указал: ... вперед в Софийский дом и в сибирские монастыри во всех сибирских городах всяким русским служилым людям и татарам и остякам никакие земли з деревнями и сенных покосов и всяких угодий за вклад давать и закладывать не велел никоторыми делы, чтоб архиепископ и в монастырях архимандриты и игумены и строители с братьею в Сибири никакими землями без его государева указу не владели». В случае нарушения установленного порядка указ предписывал полученные монастырями земли «имать безповоротно безденежно», а отдавшим земли полагалось «чинить жестокое наказание».[21] Неоформленные царскими указами и воеводскими дачами монастырские земли иногда действительно отбирались.[22] Однако и в условиях этой определившейся уже в XVI в. политики московского правительства сибирские монастыри, развертывавшие свою деятельность в основном в XVII в., сумели в это столетие увеличить размеры своего землевладения значительно более, нежели землевладельцы светские. Соотношение численности крестьян монастырских и крестьян государевых наглядно говорит об этих успехах.[23]

Условия землепользования государевых крестьян в Сибири были в ряде черт такими же, как и в черносошных районах России. Пользование землей обусловливалось тяглом. Тягло в принципе не должно было прекращаться, хотя не исключалась возможность замены одного тяглеца другим. С этим сочеталось представление о верховном владельце всех земель — государе, за пользование землями которого и неслось тягло. В Сибирском Приказе утверждали, что Русского «государства природный человек безоброчно и безданно никакими землями и угодьями не владеет». Условность такого «владения» подчеркивалась формулой: «теми землями владеть против десятинного тягла» и «тех земель не продать и не заложить в монастырь и к церкви не отдать».[24]

[17] Там же, кн. 151, лл. 37, об. — 38.
[18] Там же, кн. 151.
[19] Там же, кн. 1399, лл. 220—223.
[20] Там же, стлб. 450, лл. 37, 38.
[21] Там же, стлб. 573, л. 48 и сл.
[22] Там же, лл. 465, 466.
[23] На монастырских и митрополичьих землях к концу XVII в. сидело до 14% всего крестьянского населения Сибири.
[24] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1946, гл. II.

Таким образом, Сибирь XVII в. знала три типа феодального землевладения русского населения: землевладение отдельных лиц (некоторых представителей служилой верхушки), монастырское землевладение и землевладение феодального государства.

Во всех трех указанных типах земельных владений использовался труд лично зависимых людей. Наименее заметно эта форма труда выявляется для хозяйств служилых людей. В тех случаях, когда условия позволяли служилому человеку увеличить свой участок, наблюдается привлечение рабочей силы со стороны: «работных» людей, живших «в наймах», половников, захребетников, крепостных и т. д.

Одним из обращающих на себя внимание явлений сибирской жизни XVII в. было привлечение на сельскохозяйственные работы рабочей силы по «найму». «Наймом» пользовались как служилые люди, так и другие категории населения. Сибирские служилые люди не раз отмечали, что без «найма» им невозможно вести свое хозяйство.[25] Попытка переписать ярыжных и устроить их в государево тягло вызвала протест тобольских служилых людей, указывавших, что перепись привела к бегству ярыжных и что «в том учинилось им оскорбленье, потому что пахали де они пашни наемными людьми и впредь де им пашни пахать некем».[26] С аналогичной челобитной в 1605 г. выступали верхотурские служилые люди.[27] Под давлением служилых людей, жаловавшихся, что «за безлюдством жать и прятать хлеба наймовать никого не добудут», енисейский воевода Ф. Полибин в 1648 г. велел объявить по торгам, чтобы всякие промышленные и гулящие люди жили без «всякого сумленья... и на всякую работу наймовались».[28] В докладе Сибирского Приказа 1643 г. даются сведения о привлечении служилыми людьми Тобольского и Томского разрядов наемных людей для обработки их пашен.[29] Эту мысль подтверждают томские служилые люди в своей челобитной 1636 г.[30]

В исторической литературе не раз делались попытки трактовать употребление источниками довольно раннего времени термина «наем», как показателя появления элементов уже не феодальных отношений. Эти попытки имели место и в сибиреведческой литературе. Между тем отдельные случаи «найма» рабочей силы известны и для периода раннего феодализма. Поэтому к упоминаниям о привлечении рабочей силы по найму в Сибири XVII в. необходимо отнестись с большой осторожностью.

Часть наемных работников в хозяйствах сибирских служилых людей была «срочными работниками», бравшимися в хозяйство на летнее время. Срочные работники упоминаются наряду с другими работниками, феодальная зависимость которых от своих хозяев выступает совершенно очевидно. Сибирские служилые люди XVII в., не задумываясь, ставили их в один ряд: «И наши работники: и строчные и кабальные и дворовые люди» (челобитная илимцев 1657 г.).[31] Более того, они распространяют на срочных работников те же требования, что и на другие категории зависимых людей. Так, в упомянутой челобитной илимцы негодуют на то обстоятельство, что «строчные и кабальные и дворовые люди заворовав и забрався из строков убегают в Якуцкой присуд. А те приказные люди тех воровских людей не выдают». В 1669 г. илимцы жаловались на селенгинцев, что последние тайным образом приходят в Илимский

---

[25] ЦГАДА, СП, стлб. 264, лл. 1—17.
[26] Там же.
[27] АИ, т. II, СПб., 1841, док. № 51.
[28] ЦГАДА, СП, стлб. 289, лл. 109, 110.
[29] Там же, стлб. 1673, лл. 21—118.
[30] Там же, стлб. 53, лл. 154—160.
[31] Там же, стлб. 470, лл. 342—348.

уезд «и людишек наших и наемных работных людей воровским своим вымыслом и обманом бежать подговаривают и к себе призывают... И наемные и дворовые людишки наши ... бегают... Да Енисейского ж уезда ангарские пашенные крестьяне тех людишек наших и наемных работных людей в деревнях своих утаивают и укрывают до приезда селенгинских служилых людей, у себя в таях держат».[32] Стремление придержать у себя срочного работника, поставить его в ряд с дворовыми людьми здесь совершенно очевидно. Увеличение срока найма на несколько лет, оформленное жилой записью, окончательно превращало краткосрочного работника в длительно зависимого человека.[33]

Феодальный характер «найма» срочного работника хорошо раскрывается «строшной жилой записью», поданной пашенным крестьянином Сосновского острога Томского уезда Иваном Зубовым для записи в записную книгу г. Томска в 1702 г.: «Лета от Р. Х. 1702 году февраля в 6 день томский посадский человек Омельян Васильев сын Титов, поступился я в Томском же Сосновом острогу пашенному крестьянину Ивану Павлову сыну Зубову строшным своим детиною Сергушкою Силантьевым Скурихиным, которого я Омельян детину скупил у томского сына боярского Никиты Лаврова на полпята года, а скупу за него Сергушку я Омельян дал ему Миките 10 рублев денег. И ему Ивану того моего срошного держать у себя в сроке те вышеписанныя полпята года». Далее излагаются условия обычной жилой записи, которая заканчивается словами: «В том я Емельян на ту Сергушкину крепость и поступную дал». Особый характер феодального «найма» превращал «свободного» человека в человека зависимого на время, а иногда и навсегда. Условия жилой записи и биографии таких наемных людей показывают, что их положение немногим отличалось от положения дворового крепостного человека.

Феодальный характер таких категорий рабочей силы (как дворовые, крепостные) едва ли может вызывать какие-либо сомнения. Растущие хозяйства части сибирских служилых людей основывались на феодально зависимом труде.

Среди закрепощаемых и закрепощенных людей сибирских дворян и детей боярских были как представители местного населения, так и русские. Отмена в 1654 г. запрещения 1624 г. «в Сибири и Астрахани всяким людем татар и татариченков покупать» делала законным закрепощение местного населения.[34] Но нужно учесть, что закрепощался почти исключительно ясырь, так как ясачным человеком правительство не было намерено поступаться. Записные книги сохранили записи купчих на дворовых людей «колмацкой породы», на «полонных женок и девочек» и т. д. Однако уже приведенный выше материал свидетельствует, что тенденция закрепощения отнюдь не ограничивалась местным населением. Некоторое представление о соотношении в составе крепостных русских людей и местного населения дает выпись из сказок о душах мужского пола 1719 г. по Березову: из общего количества дворовых людей (38) был 1 самоед, 15 остяков и 22 русских.[35]

Количество таких зависимых людей в Сибири в связи с малыми размерами частных хозяйств было невелико. Некоторые из них были заняты дворовой работой, другие — в сельском хозяйстве.[36] Поскольку сибирские служилые люди не сумели освоить сколько-нибудь значительные территории, то они не сумели и закрепостить какую-то часть сибир-

[32] Там же, стлб. 813, лл. 9—11.
[33] Там же, кн. 1428, л. 269а и сл.
[34] Там же, стлб. 446, лл. 268—270.
[35] Там же, кн. 1621, л. 258 об.
[36] Там же, кн. 1371, л. 1 и сл.

ского крестьянства. Тем не менее необходимо признать тот факт, что хозяйство сибирских служилых людей в тех случаях, когда оно достигло размеров, требовавших эксплуатации чужого труда, было феодальным как по способам приобретения земли (государева дача за службу и захват), так и по способам эксплуатации труда.

В монастырских хозяйствах в качестве рабочей силы использовались монастырские крестьяне, половники, трудники, срочные наемные работники, бобыли и отчасти вкладчики. Из всех этих категорий основной рабочей силой в сельском хозяйстве монастырей были монастырские пашенные и оброчные крестьяне. Процесс образования контингента монастырских крестьян в Сибири аналогичен процессу образования контингента государевых пашенных и оброчных крестьян. В процессе формирования монастырского крестьянства почти не играл никакой роли организованный перевод монастырских крестьян из европейской части страны. Вновь организуемые сибирские монастыри, за редким исключением, не являлись ответвлениями центральных монастырей. Возникая независимо от них, они самостоятельно на месте разрешали задачи, связанные с организацией хозяйства. Сибирские монастыри устраивали на своих землях гуляющих людей с предоставлением им, как и в государевых селах, льготных лет от несения повинностей в пользу монастыря и с выдачей иногда подмоги для первоначального устройства.[37]

Надельное «собинное» хозяйство монастырского крестьянина, которым он пользовался на условиях несения повинностей в пользу монастыря, в то же время обеспечивало выполнение крестьянином этих повинностей. Основной обязанностью крестьянина при этом было внесение оброка (рента продуктами или денежная) или обработка монастырских десятинных пашен (рента отработочная). Часть крестьян Невьянского Богоявленского монастыря, Троицкой Рафаиловой пустыни, Верхотурского Никольского монастыря выделяла владельцам «с посевов своих хлеба пятый сноп».[38] Крестьяне Тобольского Знаменского монастыря платили четвертый сноп.[39] Крестьяне Исетской слободы Устюжского Архангельского монастыря платили в монастыри «половину хлеба».[40] Натуральный оброк был основной формой крестьянских повинностей. Лишь незначительная часть монастырских крестьян переводилась в XVII в. на денежный оброк.[41]

Некоторые сибирские монастыри имели свою, «барскую» запашку.[42] Обязанности крестьян по работе на барщине обычно определялись в порядных записях лиц, «поряжавшихся во крестьяне».[43] Иногда отработка на монастырском поле комбинировалась с оброком.[44] Помимо основной повинности, монастырские крестьяне были обложены рядом «изделий». Мирской выборный «старостишко» села Покровского Невьянского Богоявленского монастыря в челобитной об освобождении крестьян села от участия в починке стен и башен города Верхотурья перечислял следующие «изделия» в пользу монастыря: 1) готовят известь на постройку соборной церкви и «всякое домовое каменное дело» митрополита сибирского Игнатия; 2) ежегодно высылают в митрополичий двор на дворовые поделки по пять человек; 3) строят в монастыре шесть колесных мельниц; 4) прудят мельничные пруды «на больших» реках; 5) косят на

---

[37] Там же, кн. 7, л. 127; кн. 853, лл. 185—191; кн. 1086, л. 261 и сл.
[38] Там же, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 23, лл. 161, 162.
[39] Там же, СП, кн. 1086, лл. 12—40.
[40] Там же, кн. 1086, л. 261 и сл.
[41] Там же, л. 186.
[42] Там же, кн. 487, л. 165 и сл.; кн. 1086, л. 54 и сл.
[43] Там же, ф. Иркутской приказной избы, стлб. 20, л. 1.
[44] Там же, СП, кн. 487, л. 182 об. и сл.

монастырь сено «всеми головами дни по два в неделю з женишками и з детишками своими»; 6) снимают монастырский сев и возят в монастырь хлеб, «всеми головами и жнем и молотим»; 7) готовят дрова на монастырский расход и в заимки; 8) делают крупы и толокно; 9) возят навоз. Перечень заключается обобщающей фразой: «всякие их монастырские дворцовые работы робим и строим. И от тех всех работ немерных разоряемся в конец».[45]

Отработочная, натуральная, натурально-денежная или, наконец, денежная ренты отбывались монастырским крестьянином с его надельного участка в условиях возраставшей зависимости. Эта зависимость — прикрепление крестьянина к земле, к монастырю — оформлялась крестьянской записью или внесением крестьянина в переписные книги монастыря.

Кажущимся несоответствием типичной картине феодального хозяйства сибирских монастырей могут прозвучать указания на выполнение некоторых сельскохозяйственных работ наемными работниками. Монастыри, находящиеся на большой дороге из Руси в Сибирь, имели возможность довольно широко использовать эту форму труда. Но и в них «наемные работники» не были основной рабочей силой. Контингент наемных работников служил также одним из источников постоянной зависимой рабочей силы. Особой формой превращения вольного гулящего человека в зависимого было вкладничество, при котором «вкладом» служил труд человека.

Помимо срочных работников, монастырские книги упоминают просто работников, работных людей. К последним не применялись термины ни «наемный», ни «гулящий человек». Они были закреплены за монастырем, так же как и крестьяне, отличаясь от последних тем, что не имели «собинного» хозяйства и пашни. По своему социальному положению и хозяйственной деятельности монастырские работники тождественны дворовым людям светских владельцев.

Очень близки к работным людям по своему положению «монастырские детеныши», «трудники», «служебники». Социальную природу «монастырских детенышей» исследовал Б. Д. Греков. Он пришел к выводу, что «монастырские детеныши» использовались как на сельскохозяйственных, так и на других работах. В их состав включались либо лица, с детства попадавшие на иждивение монастырей, либо часть работников, привлеченных в монастырь по найму или другими способами.[46] С этим определением согласуются материалы и по сибирским монастырям. Упомянутые в переписной книге Долматова монастыря 1669 г. «трудники» также делают «всякую работу». Двое из них дали на себя записи, остальные жили без записей.[47] Термин «монастырские работники» одного варианта челобитной Невьянского Богоявленского монастыря заменен термином «служебники» в другом варианте.[48] Очень близки к пашенным монастырским крестьянам были монастырские «половники». «Половники» упоминаются в переписных книгах почти всех монастырей. Это пришлые в Сибирь люди, оседавшие на монастырской пашне.

Довольно пеструю картину представляли собой монастырские бобыли, которые отмечаются почти по всем монастырям. Пестрота состава бобылей, не раз уже привлекавшая внимание исследователей, имеет место и в сибирских монастырях. В немногих случаях бобыль, не имея своего двора, живет по подворьям. В иных случаях он имел свой двор и свое «собинное» хозяйство. Разнообразны и повинности бобыля в отношении

[45] Там же, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 23, лл. 161—163.
[46] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 695—711.
[47] ЦГАДА, СП, кн. 535, лл. 25—80.
[48] Там же, стлб. 65, лл. 265, 266, 272.

монастыря. Но для всех них является общей одна черта — принадлежность монастырю: это не просто бобыли, это монастырские бобыли.[49]

Таким образом, сибирские монастыри в поисках рабочих рук для своих хозяйств кабалили как русское (главным образом), так и местное население. Используя различные формы, они втягивали в свои феодальные хозяйства закрепощаемых ими людей в значительных количествах.

Основной массой русского сельского населения Сибири в XVII в. были так называемые государевы крестьяне. Вопрос о социальной природе сибирской деревни XVII в. в целом решается в зависимости от того, как будет решен вопрос о социальной природе сибирских государевых крестьян.

Сибирское крестьянство XVII в. — молодое крестьянство, история которого не выходила за пределы одного столетия. Жители сибирских деревень и сел XVII в. пришли из разных мест России. Неоднократно высказываемая мысль о поморском происхождении сибирского крестьянства в общем может быть принята, но требует некоторых корректив. В Сибирь шло население и из других районов страны. Поморье для вольных переселенцев, даже по их показаниям, было хотя и основным, но отнюдь не единственным местом происхождения. По-видимому, при опросах за поморян выдавали себя и те, кто не хотел напоминать о своем уходе из районов поместного землевладения. Лица же, попадавшие в Сибирь насильственно, путем ссылки, обычно происходили из центральных районов.

Как правило, в Сибирь шли одиночки, сбиваясь иногда в небольшие группы. Нам неизвестны примеры переселения в Сибирь целых волостей или хотя бы целых селений. «Мир» должен был оставаться на месте и отпускал в Сибирь законно лишь нетяглых людей. В связи с этим в сибирских деревнях и селах в XVII в. собирались лица, прибывшие из разных мест.

Пестрый по своему происхождению люд часто оседал на сибирских землях так же в одиночку, как он и приходил в Сибирь. Здесь сталкивались государственный крестьянин Поморья, крепостной крестьянин среднерусских и южнорусских вотчин, монастырский крестьянин из монастырских вотчин Центральной Руси, служилый человек по прибору, военнопленный и т. д. Представляя различные слои русского общества, они были объединены одной общей чертой — все они пришли из феодальной Руси, почти все они уходили от возраставшего феодально-крепостнического гнета и искали в Сибири облегчения от него. Здесь, в Сибири, они постепенно спаивались в более или менее однородную массу «сибирских государевых крестьян», неизбежно подчиняясь тем условиям и требованиям, которые здесь к ним предъявлялись.

Пришлый люд оседал на земле и создавал деревни в условиях энергичной правительственной деятельности по освоению Сибири и по созданию местной хлебной базы, обеспечивавшей существование в Сибири военных гарнизонов, администрации и т. д. Если московское правительство не сумело организовать переселение из Руси, то оно оказалось в состоянии подчинить своему воздействию самостоятельно идущий поток переселенцев. Правительственная деятельность шла по уже не раз испытанному пути организации крупных хозяйств — так называемой государевой десятинной пашни. При этом принципиально не имело значения, достигалось ли это путем создания выделенных целыми массивами государевых полей, как это было во всех уездах Тобольского разряда, в Томском и Енисейском уездах, или путем выделения дробных участков, разбросанных по отдельным крестьянским хозяйствам, как это было

[49] Там же, кн. 1086, лл. 12—40.

в Илимском и Якутском уездах. В том и другом случаях существовало «государево» хозяйство со своей администрацией, со своими расходами и доходами, обеспечивавшее потребности служилого люда. С этим хозяйством и сталкивался переваливший через Урал выходец из того или иного района Руси. Он находил здесь не просто необозримые просторы земель, но земли если и не принадлежавшие частным земельным собственникам, то имевшие хозяина в лице государства, которое было одновременно и земельным собственником, и сувереном. От этого хозяина он должен был получить участок земли, у него же он искал и «помощи» при первоначальном заведении хозяйства.

При обоих указанных выше вариантах новопоселенец за предоставление права пользования участком земли для личного, «собинного» хозяйства и за предоставленный в какой-то форме (ссуда, подмога) сельскохозяйственный инвентарь обязан был обрабатывать известное количество земли «на государя». Таким образом, надел и отработка были непременными условиями существования как государева хозяйства, так и хозяйства крестьянского.

Указанные взаимоотношения поселенцев и хозяина земли — государства четко фиксировались сначала в порядных и поручных записях, а позднее в переписных и дозорных книгах. Новопорядчик обязывался «двором поселитца и заимка на себя пашня распахать и всяким крестьянским заводам завестись», «быти в пашенных крестьянах... пашня государева пахать... и поделки делатн», «никаким воровством не воровать, зернью и карты не играть и не бражничать», «в государеве пашне радеть». Как правило, включалось также обязательство «никуда не збежать».[50]

Последнее обстоятельство говорит о личном прикреплении порядившегося к владельцу, в данном случае к государству. Отдельные порядные, правда, при известных условиях, как бы сохраняют за крестьянином право перехода.[51] С этим согласуются случаи сдачи тягла. Несмотря на это, общая идея крестьянской крепости, выраженная словами поручных и порядных «никуда не збежать», заключается в стремлении подчинить себе порядок жизни сибирской деревни XVII в.

Прикрепление самих крестьян распространяется со временем и на членов их семей. В 1691 г. в Верхотурье разбиралось дело о «сходе» сына подгороднего пашенного крестьянина Боровского. В допросе последний показал, что «уезжал в Верхотурского уезда в Арамашевскую слободу не убегом, ради скудости своей, покормитца». «И будучи в Арамашеве, жил у дяди своего и молотил из найму хлеб, а в государеве десятинной пашне без него оставался отец его и тое пашни свой повыток отец ево пахал сполна, сеял и жал и измолотил, изделия всякие делал и поборы платил. И отпускал де ево для наемные работы покормитца в Арамашеву отец его, а не убегом он уходил».[52] Обе стороны, и приказчик, и ответчик, исходили в этом деле из одного и того же положения: уходить крестьянину с того места, на которое он посажен, нельзя. Эта же мысль лежит в основе дела М. Агеева с товарищами. В 1631 г. Агеев был направлен на пашню в Енисейский уезд, а в 1637 г. задержан как беглый крестьянин Енисейского уезда в г. Тобольске. Свой уход из Енисейска беглецы объяснили тем, что они не были пашенными крестьянами и, таким образом, сохраняли право перехода: «подмоги де и ссуды им воевода А. Племянников ничево не дал

[50] Там же, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 10, л. 119; СП, стлб. 534, лл. 108—124.
[51] Там же, СП, кн. 535, л. 120.
[52] Там же, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 43, лл. 135, 136.

и на пашню были не посажены».[53] И опять-таки обе стороны исходят из одной и той же мысли: крестьянин обязан сидеть на отведенном ему участке. Одной из обязанностей приказчиков крестьянских слобод была борьба с уходом крестьян.[54]

В обобщенной форме мысль о запрещении крестьянского перехода в Сибири была высказана в выписи Сибирского Приказа 1636 г. Выпись указывает, что в государевых наказах сибирским воеводам писалось, чтобы крестьяне «никаким воровством не воровали и из Сибири к Руси и никуда не бегали».[55] Естественно, что особенно ярко сказывалась крепость в отношении лиц, попавших в крестьяне из ссыльных. Уход «государева» крестьянина рассматривался как преступление, за которое накладывалось наказание «безо всякие пощады».[56]

Другим способом прикрепления крестьян являлось их принудительное переселение. Точно так же как помещики центральных уездов страны переводили своих крестьян из одной вотчины в другую, сибирская администрация переводила пашенных крестьян из уже относительно заселенных западных уездов в уезды восточные. Практика переселения сибирских крестьян началась довольно рано. Уже в 1632 г., в тот момент, когда в Верхотурском уезде было всего 470 крестьянских дворов, царской грамотой воеводе Ф. Бояшеву указывалось: отобрать и отослать в Томский город и Томского разряда остроги 100 крестьянских семей «заводных, прожиточных и семьянистых лутчих людей». От подневольного переселения попытались избавиться 60 крестьян с Тагила и Невьи, бежавших на Русь.[57] Во второй половине XVII в. стали практиковать переселение крестьян уже из Енисейского уезда.[58]

Крупное переселение было произведено по грамоте 1687 г. В этом году тобольскому воеводе А. Головину с товарищами было велено переписать всех крестьян, поселившихся в Тобольском уезде после переписи Л. Поскочина. Всего было переписано 589 дворов с населением в 1494 человека. В 1688 г. было указано всех переписанных, «дав им дощаники ... послать с провожатыми ... в Иркутск и в Енисейск и велено тех людей поселить на пашню». В том же году из Тобольска отплыло 14 дощаников с 583 крестьянами. Остальные «по разбору» были оставлены в Тобольске. По дороге 25 человек бежали. Остальные были в разное время поселены в Иркутском уезде по рекам Белой, Оёку и в других местах.[59] В 1701 г. иркутский воевода Н. Ф. Николев сообщал в Москву о том, что в Нерчинск прибыли направленные Тобольском 100 семей верхотурских пашенных крестьян. Приведенный материал свидетельствует о явлении, неизбежном для данной организации хозяйства. Крестьянина, наделенного землей, ведущего свое «собинное» хозяйство, иначе нельзя было бы заставить обрабатывать «государево поле».

Государево тягло выполнялось под непосредственным наблюдением слободской администрации. Наказные памяти, которые получали приказчики слобод и волостей при назначении, говорят о самой мелочной опеке над крестьянином, в первую очередь над его трудом на «государевом поле». По наказной памяти 1697 г. Кирилл Усов, назначенный приказчиком в верхнеангарские деревни, был обязан принять у прежнего приказчика пашенных крестьян; «досмотреть» на десятинных пашнях рожь; измерить десятинные пашни «триаршинною саженью»; про-

[53] Там же, СП, стлб. 83, лл. 552—554.
[54] Там же, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 1280, лл. 1—8.
[55] Там же, стлб. 60, лл. 68—87.
[56] Там же, кн. 1227.
[57] АИ, т. III, док. № 172, 179.
[58] ЦГАДА, СП, стлб. 307, лл. 29—31.
[59] Там же, стлб. 1214, ч. I, лл. 216—233.

верить, все ли крестьяне пашут десятинную пашню сполна; наблюдать, чтобы десятинные пашни выпахивались «намягко»; определять правильный срок начала уборочных работ; вести учет сжатого хлеба в сотницах, составляя ужинные книги; наблюдать за засевом государевых полей и вести посевные книги и пр.[60] Сохраняя в основном тот же характер, другие наказы приказчикам или опускают некоторые детали, или, наоборот, вводят новые.[61]

За всеми конкретными правилами стояло общее указание: «в десятинной пашне искать всякой прибыли», непрерывно увеличивать количество хлеба, получаемого с пашни путем привлечения на нее новых крестьян, увеличения эксплуатации и улучшения способов ведения хозяйства. Все это давало в руки приказчиков сибирских слобод и волостей, которыми были в большинстве случаев дети боярские, огромную власть не только над крестьянским трудом, но и над личностью крестьянина. Деятельность приказчика сибирской слободы выходила за пределы деятельности административно-фискального чиновника и превращала его в организатора и руководителя более или менее крупного хозяйства, ведущегося силами подневольного труда. Зависимость непосредственного производителя материальных благ, занятого в таком хозяйстве, от руководителя этого хозяйства раскрывается еще очевиднее при рассмотрении условий жизни и деятельности земледельца в его личном «собинном» хозяйстве.

Ряд наказных памятей предписывает приказчикам вмешиваться и в «собинное» крестьянское хозяйство. Естественно, что эти указания имели общий характер, но именно поэтому они и ставили личное хозяйство крестьянина под приказчичий надзор. Наказ И. Похабову 1648 г. предлагает ему смотреть за тем, чтобы крестьяне «и свои пашни пахали неоплошно».[62] Большинство указаний по «государевой пашне», данных в 1698 г. приказчикам илимским воеводой Ф. Качановым, распространено и на «собинную» крестьянскую пашню. Наказ разъясняет, что приказчик должен добиваться подъема «собинного» хозяйства, а для этого необходимо, чтобы крестьяне работали «со всяким прилежанием усердным правым радением без лености, проча своему житию и пашенными своими прибытки богатели». Обычное для всех памятей указание об огораживании полей отнесено здесь также и к собинным крестьянским полям.[63] Подобное внимание к «собинной» пашне характерно для памятей и по другим районам, например, для Маковского острога. Наказная память приказчику Кудинской Красной слободы Я. Остафьеву, подчеркнувшая необходимость пахать десятинную пашню «от своих крестьянских пашен особ», также обращает внимание приказчика на необходимость наблюдения за «собинными» пашнями.

В выписи 1636 г. мысль о наблюдении за «собинным» крестьянским хозяйством дана в обобщенной форме: «а в государевых наказах, каковы даны сибирским воеводам, написано: велено к пашенным крестьянам устроить прикащиков... и наказы им давать как им государева пашня пахать и пашенных крестьян ведать ... жили б они себе проча, пашни на себя пахали перед прежним с лишком».[64] В основе этого внимания лежало желание иметь крестьян «прожиточных», которые могли бы десятинную пашню пахать «без недопашки» и всякие изделия делать «без недоделки». Наказ И. Качину обнаруживает явное беспокойство, что крестьяне из-за «своей несмышленности» могут прийти

[60] Там же, ф. Иркутской приказной избы, стлб. 406, лл. 1—7.
[61] Там же, стлб. 287, л. 49.
[62] Там же, СП, стлб. 227, лл. 230—240.
[63] Там же, кн. 1222, лл. 1—34.
[64] Там же, стлб. 60, лл. 68—87.

«в нужду и бедность», отчего может оказаться «большая недопашка» на десятинной пашне.[65]

Приказчики получали право определять размеры «собинных» пашен «смотря по семье и по заводу». В тех случаях, когда указания по «собинной» пашне не выполнялись, приказчику предписывалось «ленивых и нерадивых смирять».[66] Приказчик должен был «мужиков к прилежанию пахоте с угрозами принуждать».[67] Излишки хлеба и скот крестьянин продавал с ведома приказчика, который мог и запретить продажу.[68] Интерес к «собинному» хозяйству приводил воевод и приказчиков к вмешательству в семейные дела крестьян, вплоть до вопросов брака. Так, илимский воевода П. Бунаков в отписке 1657 г., перечисляя свои заслуги в деле развертывания земледелия, сообщал, что он «промышленного человека на вдове пашенного крестьянина женил и в пашню построил, да одново холостово пашениово крестьянина И. Ефимова на иноземке крещеной девке законным браком потому ж женить велел».[69]

Зависимость крестьянина от приказчика увеличивалась еще и тем обстоятельством, что последний выполнение своих хозяйственных функций сочетал с выполнением функций административно-полицейских. Наказные памяти поручают приказчику наблюдение за тем, чтобы крестьяне «жили б меж себя бессорно и друг над другом никакова лихова дела и коварства не чинили и друг друга не обижали»; не пили и не бражничали, пива и браг не варили, в зерна и карты, шахматы и лодыги не играли, и были бы «в трезвости»; не держали у себя в домах табак и китайский шар; «скоморохов с домрами с гуслями и с волынками и со всякими играми у себя б не принимали»; «ворожей, мужиков и баб к больным и ко младенцам в дом к себе не призывали»; «в первый день луны б не смотрели», «в гром на реках и озерах не купались», «с серебра подолом не умывались»; а кроме того, чтобы «воровских бунтов и кругов и драк и убийства и краж» и «шатости и измены б в крестьянах» не было.[70] Наказные памяти передают в руки приказчика разбирательство и решение всех хозяйственных, полицейских дел и суд в исках в размерах 5—10 руб., а по некоторым памятям и больше. Необычайно широкий и не совсем определенный круг обязанностей приказчика по наблюдению за крестьянином отдавал фактически под его контроль как хозяйственную деятельность крестьянина, так и его личную жизнь.

Приказчик имел право применять меры принуждения. В самой общей формулировке это право определялось как право приказчика «смирять» пашенных крестьян. Наказы и другие источники расшифровывают это право «смирять» как широкую градацию наказаний от простого «уговора» до применения штрафа, телесных наказаний и заключения. По верхотурской памяти 1699 г. предписывалось произвести досмотр полей и в случае обнаружения неубранного хлеба виновников бить батогами «нещадно».[71] По иркутской памяти того же года предписывалось «бить батоги нещадно» за «нерадение на пашне» тех, у кого будет недопашка или кто «учнет пахать и боронить плохо».[72] Приказчику верхнеангарских деревень предлагалось определять наказа-

[65] Там же, кн. 1222, лл. 1—34.
[66] Там же, стлб. 1422, лл. 373—374.
[67] Там же, кн. 1222, л. 12.
[68] АИ, т. III, док. № 107; т. V, док. № 103.
[69] ЦГАДА, СП, стлб. 470, лл. 367, 368.
[70] АИ, т. IV, док. № 35; ЦГАДА, СП, кн. 1222, лл. 24—33; кн. 1372, лл. 20—22 и др.
[71] ЦГАДА, ф. Верхотурского уездного суда, стлб. 7, лл. 123—127.
[72] Там же, ф. Иркутской приказной избы, № 287, л. 49.

ние в зависимости от проступка: «крестьяном чинить смотря по вине, бить батоги нещадно»,[73] «крестьян унимать и смотря по вине и тамошнему делу наказание им чинить хто чего доведетца».[74]

Эти инструкции усердно выполнялись и определяли строй жизни пашенной деревни. В 1655 г. в Тюмени выяснилось, что пашенные крестьяне пахали десятинную пашню «худо», не установили городьбы вокруг полей и пускали на поля «животину без опасенья». В связи с этим староста и десятские были посажены в тюрьму, а четырех выборных крестьян били батогами.[75] В своем «хозяйстве» приказчики обзаводились батогами, кнутами, железами, тюрьмами. Известный приказчик Братского острога Х. Кафтырев приспособил под тюрьму амбар, держал «в железах» крестьянку Орину. В этот амбар он посадил и своего недруга балаганского приказчика Чемазова, которого в амбаре поднимал на дыбу.[76] Приказчик того же острога И. Похабов приспособил под тюрьму баню, куда сажал крестьян «в дым».[77] Крестьяне Тагильской слободы жаловались на своего приказчика не столько за то, что он их сажает в тюрьму (это, очевидно, было в порядке вещей), а за то, что он их в тюрьме «морозит на смерть вместо пытки... велит шубы снимать, а сажает в одних зипунах и не велит давать ни пить, ни есть». Пашенные крестьяне Бирюльской волости показывали про приказчика П. Халецкого, что последний «садил крестьян в колоды» и «бил батоги». И опять-таки протест вызывал не самый факт заключения в колоды и битье батогами, а несправедливость наказания, стремление этим путем «смучить» с крестьян «коня и коровы и хлеб и кабалы».[78] В этих слободских амбарах-тюрьмах, кроме козел, батогов, кнута, имелись для виновных и колоды, и кандалы.[79]

Тяжесть положения сибирских крестьян несколько ослаблялась при переводе их с ренты отработочной на ренту натуральную или денежную. В Сибири сказалось в полной мере сформулированное К. Марксом общее положение об особой грубости отработочной ренты. Через отработочную ренту прошло крестьянство всех районов Сибири. Всюду, где возникало земледелие и где появлялся земледелец, феодальное государство возлагало на него обязанность обрабатывать десятинную пашню. Первое время отработочная рента была единственной формой ренты во всех районах Сибири. С течением времени наряду с ней появляется рента продуктами и рента денежная. Но до конца XVII в. рента отработочная оставалась господствующей. В самом конце века по сводной ведомости 1698—1699 гг. пашенные крестьяне составляли 85% всех сибирских крестьян.

Своеобразие условий, заключавшихся в основном в слабом развитии частного землевладения, приводило к тому, что феодальный характер эксплуатации непосредственных производителей материальных благ не достиг в Сибири тех самых грубых форм феодальной зависимости, которые были характерны для помещичьих крестьян Центральной Руси. В Сибири, например, не получила распространения торговля крестьянами. Вместе с тем господство в Сибири XVII в. отработочной ренты со всеми вытекающими отсюда последствиями отличало положение сибирских государевых крестьян от положения черносошных крестьян Руси. По-видимому, сибирские государевы крестьяне XVII в. были ближе к дворцо-

[73] Там же, лл. 1—7.
[74] Там же, СП, кн. 1372, лл. 20—22.
[75] Там же, стлб. 344, 1, лл. 219—220.
[76] Там же, кн. 951, лл. 182—269.
[77] Там же, стлб. 589, л. 1 и сл.
[78] Там же, ф. Иркутской приказной избы, стлб. 223 (278), лл. 34—37.
[79] ДАИ, т. VI, № 17 и др.

вым крестьянам Европейской России. В обоих случаях развертывалось государево (дворцовое) хозяйство, и там и здесь крестьяне могли вести свое личное хозяйство лишь под условием работы на государевом (дворцовом) поле, были прикреплены к обрабатываемому участку земли, а их труд и жизнь проходили под суровым присмотром и контролем приказчиков.

Однако переход сибирских государевых крестьян на оброк значительно менял их положение. Приказчик оброчной слободы, сохраняя свои административные, фискальные и судебные функции, все же терял повод для непосредственного вмешательства в производственную деятельность земледельца. Эти тенденции увеличения хозяйственной самостоятельности сибирского крестьянства проявились более отчетливо в последующий период.

2. УПРАВЛЕНИЕ

В развитии форм феодального государства в России XVII в. являлся переходным от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Основными тенденциями в управлении страной в это время были централизация и усиление царской власти. Приказы как органы центрального управления переживали пору своего расцвета. Возглавляемые видными царедворцами, они управляли какой-нибудь отраслью государственного хозяйства, либо определенной территорией. На местах усиливалась система воеводского управления. Страна делилась на уезды, во главе которых стояли воеводы, подчиненные приказам.

В XVI в. Сибирь как новый край Русского государства управлялась Посольским приказом, а с 1599 г. — Приказом Казанского дворца, под управлением которого к началу XVII в. были сосредоточены все восточные окраины страны.[80]

Однако территория сибирской окраины Русского государства быстро увеличивалась, а управление ею усложнялось. Поэтому царским указом от 19 февраля 1637 г. было образовано новое центральное учреждение — Сибирский приказ. С 1 апреля 1637 г. Сибирский приказ уже функционировал. Во главе его был поставлен князь Борис Михайлович Лыков. В 1670 г. Сибирский приказ был переведен из Кремля на территорию отстроенного Нового гостиного двора в Китай-городе и размещен в бывшей таможне, где и находился до своей окончательной ликвидации в 60-х годах XVIII в.

Сибирский приказ был центральным учреждением с областной компетенцией. В отличие от типичных областных приказов (четей) с их основной финансовой функцией по сбору налогов он на протяжении всего XVII в. имел очень широкие полномочия: ведал вопросами административными, финансовоподатными, таможенными, военными и в известной мере даже дипломатическими (по сношениям с Китаем, с монгольскими, казахскими и калмыцкими правителями). Сибирский приказ назначал воевод и таможенных голов, выдавая им особые наказы, ведал обороной Сибири и снабжением служилого населения (от вооружения и боеприпасов до продовольствия), судом всего русского и ясачного населения, осуществлял прием и хранение сибирской пушнины, руководил казенной торговлей с Китаем и реализацией сибирской пушнины в Европе.

Аппарат Сибирского приказа, как и других центральных учреждений, состоял из судьи (начальника) приказа, дьяков и нескольких десятков

[80] См.: А. Н. Копылов. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI—XVII в. Изв. Сибирск. отд. АН СССР, 1965, № 9, сер. общ. наук, вып. 3, стр. 80—88.

подьячих. Дьяки заведовали столами (отделами), подьячие выполняли канцелярскую работу.

Для оценки, хранения и продажи пушнины в Сибирский приказ ежегодно выбирались несколько целовальников и «купчин» из членов привилегированных торговых корпораций (гостей и гостиной сотни) в порядке отбывания ими казенных служб. Для обработки пушнины в Сибирском приказе имелись скоропяки.

Должность судьи Сибирского приказа занимали виднейшие представители московской бюрократии Никита Иванович Одоевский (1643—1646 гг.), Алексей Никитич Трубецкой (1646—1662 гг.), окольничий Родион Матвеевич Стрешнев (1663—1680 гг.), боярин и князь Иван Борисович Репнин (1680—1697 гг.), думный дьяк Андрей Андреевич Виниус (1697—1703 гг.). В 1704—1705 гг. обязанности судьи Сибирского приказа выполнял Федор Юрьевич Ромодановский, одновременно являвшийся судьей Преображенского приказа, а с 1706 г. — князь Матвей Петрович Гагарин, с образованием Сибирской губернии ставший первым ее губернатором.[81]

В структуре и делопроизводстве Сибирского приказа не был выдержан какой-либо единый принцип, что вообще было свойственно системе приказного управления. Управлением Сибири ведали территориальные «столы», а реализацией пушнины и внутриприказными делами — функциональные подразделения приказа. Так, в 1699 г. в структуре Сибирского приказа наряду с Томским, Ленским и Мангазейским столами упоминаются расценная, купецкая и казенная палаты. Расценная палата ведала приемом и оценкой пушнины и других товаров; купецкая — «государевыми купчинами», торговавшими казенными товарами (главным образом пушниной) внутри страны и за границей; казенная — денежной казной приказа. Территориальный принцип, положенный в основу деления по столам, проводился непоследовательно. Распределение дел между столами было случайным и не совпадало с административным делением Сибири на разряды.

Основной единицей административного деления Сибири, как и европейской части страны, в XVII в. был уезд.

Местные социально-экономические особенности и удаленность от центра обусловили некоторую специфику управления Сибири. Органы сословно-представительного самоуправления русского населения в Сибири были в зачаточном состоянии, и вся полнота власти находилась в руках воевод. Дворянских сословных учреждений (в первую очередь губных старост) в силу отсутствия крупного частного землевладения в Сибири вообще не было. Царское правительство не разрушало внутреннюю организацию аборигенных народов, а стремилось опереться на нее, привлекая на свою сторону родо-племенную знать. Поэтому уездное деление Сибири опиралось, с одной стороны, на систему русских военно-административных центров и крестьянских поселений, с другой — на родо-племенную организацию аборигенного населения.

Формирование уездов в Сибири шло последовательно по мере включения в состав Русского государства новых территорий. Управлять Сибирью — далекой и огромной «государевой вотчиной» — на обычных началах было очень трудно. Поэтому здесь рано сложилось областное деление (разряды), в известном смысле предварившее губернское управление XVIII в.

Уже с конца XVI в. в Москве стремились к созданию непосредственно в Сибири административного центра, главенствующего над дру-

[81] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 89; ЦГАДА, ф. Московского архива Министерства юстиции, оп. 1, № 8315, лл. 5, 6.

гими уездами. С постройкой в 1587 г. Тобольска роль такого центра была отведена ему. В наказах воеводам других сибирских городов предписывалось всякие дела согласовывать с тобольским воеводой, который в свою очередь должен был сообщать о них в Москву. Такой порядок был необычным для административной практики Русского государства и встречал сопротивление со стороны уездных воевод, но систематическое и настойчивое проведение его в жизнь довольно скоро выработало определенную традицию.

К началу XVII в. Тобольский разряд окончательно сложился и включал в себя все уезды тогдашней Сибири. До 1629 г. в него входили Березовский, Верхотурский, Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Мангазейский, Нарымский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский уезды. В 1629 г. был образован второй разряд — Томский. К нему отошли Енисейский, Кетский, Кузнецкий, Нарымский, Сургутский, Томский уезды и вскоре образованный затем Красноярский уезд. Назначение (1638 г.) и приезд на Ленский волок (1639 г.) первых якутских воевод следует считать началом образования Ленского разряда.[82] Под власть якутских воевод был поставлен выделенный из Енисейского уезда Ленско-Илимский край. В 1648 г. Ленский разряд был разделен на два уезда — Якутский и Илимский.[83] Наконец, к 1677 г. относится официальное образование еще одного разряда — Енисейского, в составе Енисейского, Мангазейского и Нерчинского уездов. Фактически этот разряд сложился уже в середине XVII в. В 1681 г. к нему был присоединен Красноярский уезд, поскольку он «от Томского в дальном разстоянии, а к Енисейску ближе».[84] В 1682 г. в Енисейском разряде прибавились Иркутский и Албазинский уезды. Первый образовался из Иркутского «присуда» Енисейского уезда, а второй выделился из Нерчинского.[85] Таким образом, на протяжении XVII в. в Сибири оформились 20 уездов.

Несмотря на образование других разрядов, Тобольск сохранял положение главного города Сибири. С 1621 г. он стал центром вновь учрежденной Сибирской архиепископии. За тобольским воеводой оставалось общее руководство всеми вооруженными силами Сибири, продовольственным снабжением «непашенных» городов, обеспечение сибирской окраины боеприпасами и вооружением, старшинство в решении вопросов внешнеполитических и торговых сношений с соседними государствами. Руководящее положение Тобольска в Сибири поддерживалось также тем, что первыми (главными) воеводами туда обычно назначали родовитых представителей боярства, близких к царскому двору. Нередко это были лица, находящиеся в родстве с царствующим домом. Иногда назначение в Тобольск цари использовали в качестве благовидного способа для устранения из Москвы неугодного вельможи.

Широкие полномочия тобольских воевод при знатности их происхождения, как писал С. В. Бахрушин, «создавали им в Сибири особый ореол власти. В глазах сибиряков тобольский воевода нередко заслонял собою фигуру далекого царя».[86] В другие разрядные города бояре назначались

[82] Во всяком случае в 1643 г. в докладе Сибирского приказа царю называются три разряда — Тобольский, Томский и Ленский (ЦГАДА, СП, стлб. 1673, л. 111).

[83] Илимский уезд на протяжении XVII—первой четверти XVIII в. несколько раз менял свою подчиненность, переходя под верховенство сначала Енисейска, затем Якутска и Иркутска.

[84] ЦГАДА, СП, оп. 4, № 125, л. 20.

[85] А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 84; П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958, стр. 119.

[86] С. В. Бахрушин. Воеводы тобольского разряда в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 253—262.

реже. В уездах воеводами большей частью были стольники, московские дворяне и стряпчие.

Наиболее яркими тобольскими администраторами были Ю. Я. Сулешев (1623—1625 гг.) и П. И. Годунов (1667—1670 гг.). Сулешев провел ряд мероприятий финансового порядка. Он установил твердое соотношение крестьянских наделов с размерами обрабатываемой ими государевой пашни, увеличив при этом тягловые повинности; ввел зачет земельных участков служилых людей за их хлебное жалованье, унифицировал и понизил денежные оклады служилых людей; ввел взимание в казну «выдельного» хлеба с пашен всех земледельцев; осуществил ряд мероприятий в области таможенного дела. Годунов начал строительство сибирских оборонительных линий и реорганизовал войско, введя полки драгунского строя и поселения беломестных казаков.

Четкого разграничения прав и обязанностей разрядных и уездных воевод не было. Как те, так и другие получали назначение на должность и [illegible] в Москве и после смены отчитывались в Сибирском приказе.

Права и обязанности воевод в Сибири охватывали военные, судебно-административные, полицейские, финансово-податные и все другие стороны управления, вплоть до дипломатических сношений (в отдельных случаях) с правителями соседних народов.

Разрядный воевода обязан был обеспечивать оборону всей области и содействовать распространению власти русского царя на новые земли, представлять в Москву отчетную документацию за весь разряд. Для выполнения военных задач он наделялся правом мобилизации воинских команд из других уездов разряда. Он имел право требовать от уездных воевод своевременного представления отчетной документации, мог выговаривать им при каком-либо «нерадении» по службе. В случае злоупотреблений разрядный воевода имел право даже отстранить от должности и арестовать уездного воеводу. Однако последнее удавалось редко, так как реальных возможностей для осуществления этого права разрядный воевода не имел, поскольку уездный воевода был начальником воинского гарнизона своего уезда. Когда уезд лишался воеводы по болезни или смерти, разрядный воевода был обязан до присылки из Москвы нового воеводы [illegible] кого-либо из служилых людей [illegible] эту должность. До 1635 г., а затем в конце XVII и начале XVIII в. разрядные воеводы назначали в уездные центры таможенных голов и выдавали им [illegible].

Уездный воевода по всем вопросам управления должен был сноситься с разрядным воеводой. Лишь «о больших делах» ему надлежало писать непосредственно в Москву, в приказ, с одновременным сообщением об этом разрядному воеводе.

Все это в известной мере ставило уездного воеводу в подчиненное положение по отношению к воеводе разрядному. Но на практике степень подчиненности была весьма различной. Она определялась многими факторами, немаловажное значение среди которых имели чины и родовитость воевод, их характеры и волевые качества, дальность расстояния уездного центра от разрядного. История Сибири XVII в. имеет немало ярких примеров разногласий и ссор между уездными и разрядными воеводами. Первые отвергали притязания разрядных рассматривать их как подчиненных, жаловались на вмешательство во внутренние дела уезда; вторые жаловались на непослушание уездных воевод их «указу».

Сибирские воеводы обладали более широкими, чем их коллеги в европейской части страны, полномочиями.

Воеводе рекомендовалось управлять уездом по данному ему наказу «и по своему высмотру, как будет пригож и как бог вразумит». В разрядные города назначались по 2 воеводы и 1—2 дьяка. В уездные города,

зав правило, назначали одного воеводу и в «товарищи» ему дьяка или «подьячего с повинными» (с правом подписывать официальные документы). В истории Сибири XVII в. немало случаев, когда воеводскими «товарищами» назначались их [illegible].

Срок пребывания в Сибири разрядных и уездных воевод до 1621 г. не был регламентирован и колебался от 1 до 6 лет. В 1621 г. для них был установлен двухгодичный срок, а с 1635 г. — четырехлетний. С этого года смена воевод обычно производилась одновременно. Позднее правило четырехлетней службы не всегда соблюдалось последовательно. Царский указ 1695 г. предписывал посылать воевод в Сибирь на 4—6 лет.

Сибирский уезд делился на русские «присудки» (слобода или острог с прилегающими деревнями, починками) и на ясачные волости. Воевода управлял уездом при помощи аппарата съезжей (приказной) избы, приказчиков слобод, острожков и родо-племенной знати ясачного населения. В разрядных центрах съезжая изба называлась еще приказной палатой, а по своей структуре и штатам она (особенно тобольская) стремилась копировать Сибирский приказ. Аппарат съезжей избы, возглавляемой дьяком или подьячим с приписью, состоял из нескольких подьячих, ведавших делами столов (ясачный, денежный, хлебный и т. д.), и приставов. Дела между столами съезжей избы делили по функциональному признаку.

В выполнении своих функций по управлению уездом воевода опирался прежде всего на воинский гарнизон. Служилые люди выполняли обязанности приказчиков острогов и пашенных слобод, собирали ясак, транспортировали и охраняли казенные грузы, конвоировали ссыльных людей, обороняли уезд от «ни иных» соседей Сибири. Заместителями воеводы по управлению воинским гарнизоном были стрелецкие, казачьи и татарские головы, а также «ротмист[illegible]» [illegible] командовали «немцами и литвой»). Они назначались Сибирским приказом обычно из верхов местных служилых людей, но иногда присылались из других мест.

Посадское население городов имело своих мирских и цеховых (например, «гузнецких») старост, которые помогали воеводам распределять между посадскими людьми оброки, казенные службы и «наделки», а также выступали в качестве представителей посадского мира в случае коллективных челобитий. Посадский мир без воеводы не мог принять нового писаря или отпустить старого. Старосты, а также сотники, пятидесятские и десятские, выбираемые по предписанию воеводы посадским миром, исполняли полицейские функции, но не обладали никакими судебными правами. Исполнение этих должностей было по существу одной из повинностей посада в пользу феодального государства. Их «выбор», скрепленный подписями посадских людей, гласил: «...будучи им у правления государевых дел, не пить и никаким воровством не воровать, из города... не убежать. И буде о и у отправления государевых дел какое похищение учинят и то все взять на нас посадских людех».[47]

В острожки и слободы, удаленные от уездного центра, [illegible] назначал управителей, так называемых приказчиков, из числа детей боярских и других лиц командного состава гарнизона. Приказчик в своем «присуде» был воеводой в миниатюре. Обязанности приказчика перечислялись в «наказной памяти», которая выдавалась ему в воеводской съезжей избе. Иногда приказчики, особенно в крупные острожки, назначались и получали «наказные памяти» непосредственно в Сибирском приказе.

В крестьянские слободы назначались особые приказчики пашенных крестьян. Наряду со служилыми людьми на эти должности иногда назна-

[47] Из «выбора» старосты, сотника, пятидесятского [illegible] в г. Тюмени в 1721 г. (АТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, № 3377, л. 1—1 с.).

чались и посадские люди. Основная их обязанность заключалась в том, чтобы следить за исправным выполнением государевыми пашенными крестьянами повинностей и за расширением казенной запашки. В помощь приказчику крестьянский мир обязан был выбирать целовальников, (для приема и хранения хлеба), старост, пятидесятских и десятских (для выполнения полицейских функций).

Выборные представители крестьян в данном случае выступали не столько участниками мирского самоуправления, сколько дополнительным бесплатным аппаратом правительственной администрации.

Процесс окрестьянивания рядовой массы служилого населения Сибири уже в XVII в. нашел свое отражение и во внутреннем управлении уезда. В конце XVII в. слободские приказчики пашенных крестьян имели «под присудом» крестьян, уездных посадских людей и обязательно беломестных казаков там, где они были.

Деление уезда на слободские «присудки» не было стабильным. Воеводы часто дробили их на более мелкие части, чтобы увеличить свои доходы от поборов при назначении приказчиков.

Особыми административными единицами в составе Сибирского уезда были ясачные волости. Разгромив татарские ханства в Поволжье, а затем в Сибири, русские власти заимствовали от них ясак как форму обложения местного населения. В Сибири ясак уплата стал главной формой эксплуатации коренного нерусского населения. В буквальном переводе на русский язык термин «ясак» означает дань, которая уплачивается в знак подданства.

На первых порах ясак, взимаемый царской администрацией в Сибири, ничем не отличался от дани, которую выплачивало местное население более сильным племенам или государственным образованиям, в «кыштымной» зависимости от которых оно находилось до прихода русских. Но с закреплением и развитием Сибири в составе Русского государства ясачная подать уже в XVII в. претерпела существенные изменения, постепенно превращаясь в ренту, уплачиваемую местным населением в пользу феодального государства за пользование землей и другими ясачными угодьями.

Русская практика взимания ясака в Сибири знала две формы — окладной и неокладной ясак. Окладной ясак — это постоянный, зафиксированный размер сбора с той или иной волости («землицы»); неокладной ясак — неопределенный — сколько возьмется. Окладным ясаком облагались те группы ясачного населения, которые уже упрочились в русском подданстве и были учтены переписными ясачными книгами. Жители территорий, которые, в силу их отдаленности от русских опорных пунктов, пограничного положения и т. п., были еще не прочно закреплены в русском подданстве, платили неокладной ясак, часто в том размере, в каком они сами находили это нужным для поддержания дружеских отношений с русскими властями. В последнем случае ясак нередко носил характер обычного торгового обмена. В ясачном сборе русских в Сибири в XVII в. вообще присутствовали элементы торгового обмена, поскольку его обязательно сопровождали «государевы подарки». Ясачным людям выдавали сукно, ткани, котлы, хлеб, водку, дешевые украшения (бисер, одежй).

Ясачный взнос состоял из собственно ясака — обязательного платежа — и добровольных приношений, так называемых «поминков» (государевых, воеводских, дьячих). Со временем «поминки» стали так же обязательны, как ясак, и полностью с ним слились.

Ясак принимали преимущественно пушниной (соболиный оклад). Иногда его брали рыбой, скотом, оленьими роздугами (шкурами). По мере истребления соболей стали принимать меха лис, бобров и других пушных зверей, а также разрешать уплату ясака деньгами, что несом-

ции, свидетельствовало и о втягивании коренного населения в товарно-денежные отношения.[48] В Западной Сибири, где запасы ценного пушного зверя истощались значительно раньше, чем в Восточной Сибири, к на-чалу XVIII в. доля взносов ясака деньгами доходила до полови-ны.[49] Но правительство было заинтересовано в поступлении в казну сибирской пушнины и с большим нежеланием относилось к переводу ясачных пла-тельщиков на денежный оброк. Поэтому в основных пушнопромысловых районах (Якутский, Мангазейский, Енисейский уезды) замена пушного ясака денежным в XVII в. была исключительной редкостью.

Размер ясачного оклада одного охотника в разных частях Сибири был далеко не одинаков. Он колебался от 1 до 10—12 шкурок соболей. Самый большой ясачный оклад (10—12 соболиных шкурок) был у остя-ков Нарымского, Томского и Енисейского уездов, а самый маленький (1 шкурка) — у камчадалов, ненцев, тувинцев и некоторых групп бурят. При этом даже представители одной родо-племенной группы, жившие в разных уездах, платили по-разному; еще чаще не одинаковым был раз-мер ясака с разных народов в одном уезде. С остяков Мангазейского уезда брали в два раза меньший ясак, чем с их сородичей в соседнем Енисейском уезде. В Енисейском уезде остяки платили по 10—12 собо-линых шкурок, тунгусы — по 5, а буряты — по одной.[50] Отдельные группы аборигенов Западной Сибири были освобождены от ясака за обязатель-ство выполнять ямскую службу.[51]

Отмеченные различия в ясачном обложении зависели от целого ряда причин. Главные из них — учет русской правительственной адми-нистрацией военно-политической обстановки и природно-хозяйственных условий жизни отдельных групп и народов.

По стоимостном выражении размер ясачного платежа был меньше по-винностей сибирского крестьянина или посадского человека.[52] Но если учесть разницу в уровне развития производительных сил русского населения и аборигенных обитателей края, а также насилие, которым сопровождался процесс сбора ясака, следует признать, что фискальный гнет у нерусских народов Сибири был не легче, если не тяжелее, чем у тяглых сословий русского населения края.

Ясак, как правило, собирался при посредстве местной знати. Его либо доставляли «лучшие люди» непосредственно в уездный центр (или в острог, где находился приказчик), либо за ясаком отправлялись в ясач-ные волости специальные сборщики. В том и другом случае ясачным лю-дям «дли спору» выдавали отписи (расписки) в получении с них ясака. Для обеспечения регулярности сбора ясака в уездном центре и в острож-ках существовали аманатские избы, где содержались заложники от ясач-ных родов и волостей.

Сохранив и использовав в Сибири ясачное обложение, царская адми-нистрация использовала и традиционные формы внутреннего управления коренных народов, стремясь при этом опереться на родо-племенную знать путем освобождения от ясака и оставления за ней всех старых привиле-

---

[48] В. И. Шунков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. Советская Азия, кн. 3—4, М., 1930, стр. 184—197; кн. 5—6, стр. 261—271; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958, стр. 192—196.

[49] В. И. Шунков. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в., стр. 270.

[50] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 818—823; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Тр. Ин-та этногр., нов. сер., т. 55, М., 1960, стр. 30, 146—169, 265, 296, 452—467, 569; С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. Сибирские огни, 1927, № 3, стр. 104—109; ЦГАДА, СП, столб. 402, л. 116.

[51] Очерки истории города Томска. Томск, 1954, стр. 10.

[52] В. Огородников. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв., стр. 80.

гий. Так, кучумовские «мурзы и мурзичи» в большинстве своем были приняты на царскую службу и составили особую группу «служилых юртовских татар».

Учитывалось и управлялось ясачное население по волостям, которые назывались по имени своего князька, родового старшины, «лучшего человека» или по географическому наименованию места жительства.

Во внутреннее устройство ясачных волостей царские власти не вмешивались, и их управление строилось на основе обычного права. Суд по мелким исковым и другим делам до 2 руб. вершила родовая знать. Судебные дела об исках от 2 до 10 руб. (с конца XVII в. — до 5 руб.) решал приказчик совместно с представителями ясачных людей. Более крупные дела, а также криминальные (убийства, бунт, «измена») и «смесные» дела русских и ясачных людей судил сам воевода.[59] При этом с ясачных людей, в отличие от русских, предписывалось не брать судные пошлины.[60]

Политику опоры на «лучших ясачных людей» правительство настойчиво проводило и в XVIII в., постепенно расширяя их привилегии в сравнении с рядовыми массами ясачных людей.[61]

Система воеводского управления, сосредоточивавшая в руках одного лица судебную и исполнительную власть, предоставляла широкие возможности для злоупотреблений, особенно в Сибири, вдали от контроля центра. Воеводское управление XVII в. сохраняло еще многие черты кормления. Воеводы, казачьи и стрелецкие головы, приказчики за свою службу не получали казенного жалованья. Кроме того, им строго запрещалась предпринимательская и торговая деятельность. Но это не мешало им за время службы значительно улучшить свое материальное состояние.

В Сибири было широко развито преподношение «в почесть». Когда приезжал новый воевода, ему все население подносило дары. В дальнейшем воеводам в почесть приносили пушнину, хлеб, товары, драгоценности в различные праздники, в том числе в дни рождения воеводы и членов его семьи, а также при каждом воеводском объезде уезда. Всевозможные челобитчики также подносили воеводе подарки, что уже скорее было взяткой. Сибирские воеводы легко переходили грань между «почестью» (добровольным приношением) и неприкрытым грабежом. Они облагали население различными поборами в свою пользу, недодавали служилым людям жалованье, а крестьянам «подмогу», вымогали взятки всевозможными средствами, вплоть до арестов и пыток, незаконно курили и продавали вино, наконец, запускали руку в государственную казну.[62]

Воеводы особенно наживались от ясачного сбора, незаконного винокурения и нелегальной торговли. Сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665—1666 гг. «всех воевод и таможенных голов неправды их и плутости сыскать», выявил массу злоупотреблений. Многие воеводы, посылая служилых людей для сбора ясака, обязывали их торговать воеводскими товарами. В Сургуте воевода отбирал для себя у ясачных людей черных лисиц. Якутские воеводы за отправку на сбор ясака брали взятки у служилых людей, наживая в результате этого огромные состояния. Охлопков выяснил, что воевода Михаил Семенович Лодыженский вывез

---

[59] Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск, 1956, стр. 49; В. Ogородников. Русская государственная власть в сибирские инородцы в XVI—XVIII вв., стр. 87, 88.

[60] АО ААН, ф. Левенталя, оп. 1, № 8, лл. 1—2.

[61] Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа, стр. 130—132; Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в., стр. 49—52.

[62] С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды, т. IV, М., 1959, стр. 170—178; А. Н. Копылов. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. В кн.: Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962, стр. 55, 56; ЦГАДА, СП, оп. 4, № 73, лл. 9, 10.

из Якутска 537 «сороков» шкурок соболей, а Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов — 573 «сорока». Последний за 7 лет службы в Якутске только «в посулех» от якутов получил более 100 «сороков» соболей, за что богатых якутов он освобождал от ясачного сбора и записывал князцами. Якутские приказные люди в свою очередь на службе в ясачных зимовьях занимались винокурением и «прежа ясачного платежа» выменивали на вино у ясачных людей пушнину, разоряя ясачных людей и наживая в год по 60 и более «сороков» соболиных шкурок.[97]

Воеводы брали «окупы» за назначение для сбора ясака со всех служилых людей — от приказчика до рядового по разработанной таксе. Приказчик Жиганского зимовья платил якутскому воеводе 300 руб., подьячий и толмач — по 40 руб., рядовые служилые — по 6 руб. Суммы взяток с отдельных ясачных «приказов» колебались в 60-х годах XVII в. от 20 до 600 руб., в конце века — от 100 до 1200 руб. По подсчетам сыщика Ф. Качанова, якутские воеводы в конце XVII в. только «окупу» от ясачных сборщиков получали в год 6209 руб., «опричь того, что из волостей присылают и приносят соболями и иною мяхкою рухледью».[98] Приказные же люди брали взятки с нижестоящих служилых людей.

Общая картина управления в Сибири была такова, что, когда на место воеводы попадал более или менее порядочный служака, в серьезность его намерений мало кто верил. В 1655 г. в Енисейск на место Афанасия Филипповича Пашкова был прислан новый воевода Иван Павлович Акинфов. Наряду с другими злоупотреблениями Пашкова Акинфов обнаружил, что его предшественник присваивал деньги за квасной откуп и только таким образом за 5 лет прикарманил 1000 руб. казенных денег. Акинфов потребовал, чтобы Пашков внес эти деньги в казну. Но последний рекомендовал новому воеводе самому поступать так же и, кроме того, просил его, придравшись к чему-либо, посадить в тюрьму лиц, которые подают на Пашкова челобитье за разные притеснения. С этой целью Пашков несколько раз приходил к Акинфову, предлагая ему большие взятки. Когда же Акинфов решительно отказался принять взятку, заявив «так плутать не хочу», Пашков его «матерно бранил», угрожал и, наконец, осадил воеводу в городе, используя даурский полк, формировавшийся под его командованием для похода в Приамурье.[99]

Получившие назначение в Сибирь воеводы должны были выявлять при смене старого воеводы его злоупотребления, доносить о них в Москву и самим не «жесточить» население. Однако они сами обычно скоро усваивали богатый опыт предшественников и стремились его приумножить.

В целях пресечения злоупотреблений местной администрации правительство время от времени организовывало сыски, иногда охватывавшие ряд уездов. Так, в 1696 г. в Сибирь была направлена большая сыскная комиссия во главе с думным дьяком Даниилом Леонтьевичем Полянским и дьяком Даниилой Андреевичем Берестовым «для розыскных дел... на Тару, в Сургут, в Мангазею, в Илимской, в Якуцкой... Велено в тех городех про ясачной и десятинной и таможеной пошлиной многой недобор, от чего со 190-го году учал умолкуца, и про воеводцкие многие неправды и налоги к сибирским служивым и к торговым людем и про грабительства розыскивать».[100] Комиссия избрала местом своего пребывания Енисейск, работала несколько лет и выявила многочисленные факты коррупции воеводской администрации в Сибири. Некоторые воеводы были наказаны. Но в целом это ничего не изменило.

---

[97] ЦГАДА, СП, стлб. 582, лл. 30—34.
[98] Там же, кн. 1225, лл. 25—102.
[99] Там же, стлб. 1560, лл. 111—123.
[100] Там же, оп. 4, № 154, лл. 71, 72.

В управлении Сибири видное место занимали вопросы регулирования торговли.[31] Заинтересованное в нормализации экономической жизни новой «государевой вотчины» царское правительство в конце XVI в. освобождало в Сибири от таможенных пошлин как русских, так и среднеазиатских (ногайских и бухарских) купцов. Но по мере освоения новой территории и налаживания торговых связей ее с южными соседями и с европейской частью страны правительство стало облагать пошлинами русских, и затем в среднеазиатских купцов, видя в таможенных сборах немаловажный источник поступлений в казну пушнины и денежных средств. В 1597 г. было предписано брать у русских торговых людей в казне с привозных их «русских» товаров десятую часть и «десятую пошлину с сибирских товаров ото всякого зверя от девяти десятое». В наказы воеводам с этого времени стал включаться пункт об организации сбора таможенных пошлин. Таможенные головы первоначально назначались из служилых, но вскоре их заменили более опытные в торговых делах посадские люди.

В начале XVII в. были построены первые таможни (в Верхотурье, Тобольске, Тюмени, Сургуте, Таре, Березове, Мангазее). Расширился и круг взимаемых пошлин. Наряду с «сибирским платежом» десятой пошлины стали брать «против русских и поморских городов» всевозможные проезжие и торговые пошлины.

В отличие от европейской части страны, где воеводам не назначалось «вступатца в таможенное дело», в Сибири до начала 20-х годов XVII в. вся деятельность таможен проходила под непосредственным руководством воевод. Таможенный голова назначался воеводой и полностью был ему подотчетен, а воевода часто вмешивался в процесс сбора пошлины. Иногда сбор пошлины поручался тому же приказчику, который посылался для яса [illegible] сбора.

С 20-х годов XVII в. таможенные головы в Сибири стали назначаться Приказом Казанского дворца (в Тобольск и Верхотурье) или Тобольским разрядным воеводой (во все другие таможни) и снабжаться в Тобольске специальными наказами, в которых излагались принципы и порядок взимания таможенных пошлин, их состав и размеры. При этом уездным воеводам запрещалось вмешиваться в процесс сбора пошлин. Однако воеводы продолжали злоупотреблять своим правом контроля за деятельностью таможенных голов. Тогда в главные торговые центры Сибири — Тобольск, Енисейск, Верхотурье, Мангазею, Томск и Сургут — с 1635 г. стали посылать таможенными головами торговых людей из поморских городов и наказы им выдавать непосредственно в Москве. В наказы было записано, что осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконно провозимых товаров находится в «одноличном» ведении голов, которые должны были доносить в Москву, если воевода «в таможенное дело учнет вступатца и тем чинити таможенному делу какую поруху и государеве казне убыль». Эта мера несколько уменьшила произвол воевод в таможенном деле, но не дала больших положительных результатов.

В 1645 г. торговцы и промысловики во главе с виднейшими и влиятельными гостями и коллективном челобитье подняли вопрос о злоупотреблениях сибирских воевод в таможенном управлении и добились принятия правительством «Уставной таможенной грамоты 1646 г.». По этой грамоте во всех сибирских городах, кроме Тобольска, осмотр товаров и [illegible] проезжих грамот осуществлялась только таможенными головами. Это усилило относительную самостоятельность таможенных голов и спо-

---

[31] См. А. Н. Копылов. Таможенная политика в Сибири в XVII в. В сб.: Русское [illegible] в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961, стр. 330—370

собствовало сокращению помех в развитии торговли. Но у воевод по-прежнему оставалось право надзора за таможенными головами, которые обязаны были воеводе сдавать собранные пушнину и деньги и давать финансовый отчет.

Заботясь о регулярном поступлении ясака и о том, чтобы ясачных людей «не ожесточити и не отбыти от государя», правительство освобождало их от уплаты таможенных пошлин.

Чтобы оградить казну от недобора ясака и пресечь возможное уклонение русских торговцев от уплаты таможенных пошлин, правительство разрешало торговлю с ясачными людьми только на гостиных дворах и лишь после окончания сбора ясака. На практике эту установку трудно было проводить в жизнь в силу постоянных контактов между ясачными и русскими людьми.

Пользовались льготами по сравнению с русскими и бухарские купцы. Основная сибирская пошлина — «десятая» (10%) — заменялась для них «двадцатой» (5% от стоимости товаров). С целью компенсации за трудности и тяготы службы служилым сибирским людям также предоставлялись таможенные льготы при небольших торговых операциях.

Торговлю наиболее ценными мехами правительство монополизировало. Лучшие сорта соболей, лисиц и бобров, а с 1697 г. — все сорта соболей промысловики обязаны были продавать в казну.

Русское государство в XVI—начале XVII в. имело сложную и запутанную систему таможенных сборов, унаследованную от периода феодальной раздробленности. Эта система распространялась правительством и на Сибирь, но с некоторыми особенностями: для Сибири вводилась десятипроцентная пошлина. Поступления от десятой пошлины составляли основную часть всех таможенных сборов в Сибири; она была много тяжелее основной торговой пошлины европейской части страны (так называемой рублевой).

В середине XVII в. в Русском государстве, в условиях начала складывания всероссийского рынка, была проведена таможенная реформа, ликвидировавшая внутренние проезжие пошлины и унифицировавшая торговые пошлины. На Сибирь эти изменения в то время не были распространены. Правительство не хотело лишаться высоких доходов от сибирской торговли.

Положение изменилось только к началу 80-х годов XVII в. В результате успехов местного земледелия и ремесла усилились внутрисибирские экономические связи, Сибирь стала превращаться в органическую часть Русского государства. С другой стороны, истощение пушных богатств и быстрый рост русско-китайских экономических связей изменили торговую конъюнктуру. При дальних поездках в Иркутск и Нерчинск «для китайских торгов» торговых людей стесняли устаревшие таможенные порядки в Сибири. В 1685—1686 гг. они стали требовать распространения на Сибирь общерусского таможенного законодательства. В этих условиях правительство вынуждено было пойти на реформу таможенного дела в Сибири.

Реформа имела четыре этапа: 1) отмена в 1687 г. проезжих пошлин; 2) введение в 1689 г. для Сибири дополнительных статей к Новоторговому уставу 1667 г.; 3) введение первого таможенного кодекса для Сибири — статей 1693 г.; 4) введение таможенного устава для Сибири 1754 г.

Основной, принципиальный вопрос реформы — ликвидация проезжих пошлин — был решен на первом этапе. Позднее речь шла главным образом о степени распространения десятой пошлины, об унификации ее сборов, об увеличении или об уменьшении тяжести обложения, о кодификации таможенного дела в Сибири.

Царский приговор 13 декабря 1686 г., явившийся итогом двух коллективных челобитий торговых людей (1685 и 1686 гг.), отменил взимание в Сибири проезжих и других мелких пошлин, но оставил сибирскую десятую пошлину. Таким образом, принципиально уравняв таможенные порядки в центре страны и в Сибири, правительство сохранило процентное различие в пошлинах.

Ссылка на Новоторговый устав 1667 г. и противоречивость указаний Сибирского приказа о новом порядке сбора, по времени совпавшие также с отменой ранее практиковавшихся в Сибири завышенных таможенных оценок товаров, повели к большой путанице на местах и к падению доходов от таможенных сборов. Обеспокоенное этим руководство Сибирского приказа составило в 1689 г. так называемые «пополненные» (дополнительные) статьи, которые, по мнению авторов, должны были служить дополнением к Новоторговому уставу 1667 г. и отражать специфику Сибири. Но и после этого увеличения таможенных сборов не последовало.

Тогда по указанию судьи Сибирского приказа И. Б. Репнина в 1693 г. был разработан для Сибири первый специальный таможенный устав, охватывающий все стороны внутренней и внешней торговли. Он установил жесткий порядок и очень высокие пошлины. Введя ряд новых сборов и ограничений, среди которых наиболее тяжелыми были «перекупная» десятая и десятая с каждой последующей перепродажи основных товаров сибирского рынка — пушнины, моржовых клыков и китайских товаров, устав 1693 г. сильно увеличил тяжесть таможенного обложения в Сибири по сравнению со всеми предыдущими периодами. Это была попытка казны восполнить упадок всяких доходов за счет купеческого капитала, которая, однако, не дала желаемых результатов.

Через 5 лет правительство признало, что установленные пошлины для купцов были «тягостны», так как «со всякого рубля сходило пошлин по 10 алтын», и они «в Сибирь для торгов ехать отказали». В 1698 г. правительство вынуждено было принять «новые статьи, которые б торговым приезжим и тамошним жителям были сносны». Перекупная десятая пошлина и десятая пошлина «с прицепки» (при перемещении внутри Сибири) были отменены; сбор десятой пошлины с товаров приезжих купцов устанавливался только в двух «порубежных» пунктах (Верхотурье и Нерчинске). Статьи (таможенный устав) 1698 г. значительно облегчили торговые связи Сибири с европейской частью страны и с Китаем.

В условиях складывавшегося всероссийского рынка и втягивания в него сибирской окраины правительство вынуждено было унифицировать и кодифицировать таможенную систему Сибири. Но реформа проводилась с большими колебаниями с 1687 по 1698 гг. и закончилась компромиссным решением вопроса — барьер между Сибирью и европейской частью страны в виде сбора десятой пошлины был в конечном счете все же сохранен.

Процесс приспособления аппарата управления к задачам абсолютной монархии, начатый в XVII в., был завершен государственными административными преобразованиями первой четверти XVIII в.

Начало петровских административных реформ почти не затронуло Сибирь. Реформа городского управления 1699 г. не была распространена на территорию Сибири под предлогом слабости сибирских посадов.[102] Однако нежелание правительства вводить в Сибири городское самоуправление скорее всего было продиктовано внутриполитическими опасениями, порожденными городскими восстаниями 90-х годов XVII в.

---

[102] ЦГАДА, ф. Преображенского приказа, оп. 2, стлб. 719, лл. 8—50; М. М. Богословский. Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах. Уч. зап. Инст. истории РАНИИОН, т. II, М., 1927, стр. 219, 220.

Реорганизация управления Сибири началась при проведении первой областной реформы. Среди 8 губерний, образованных по указу от 18 декабря 1708 г., учреждалась Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. Сибирский приказ, как и другие приказы, потерял значение центрального государственного учреждения. Он превратился в Московскую канцелярию Сибирской губернии, а все его функции по управлению Сибирью перешли к сибирскому губернатору. Московская канцелярия Сибирской губернии ведала пушниной и китайскими товарами, присылаемыми из Сибири, и занималась их реализацией, а также выполняла поручения сибирского губернатора.

Первым губернатором Сибирской губернии был назначен судья Сибирского приказа князь М. П. Гагарин, бывший в то время также московским комендантом и именовавшийся «Московский комендант и генерал-президент, сибирский провинциальный судья». Открытие губернии затянулось, и Гагарин только во второй половине 1711 г. выехал в Тобольск, получив 6 марта 1711 г. официальный титул сибирского губернатора.

Под властью сибирского губернатора была объединена огромная территория, в том числе Приуралье. Ранее существовавшее уездное деление не было затронуто, но воеводы, теперь называвшиеся комендантами, стали назначаться не центральной властью, а сибирским губернатором и были по-прежнему подотчетны.

Первая областная реформа затронула и таможенное управление Сибири. С именем губернатора М. П. Гагарина связан новый поворот таможенной политики в сторону усиления пошлинного обложения торговли. Таможенные чиновники в Сибири, на протяжении предыдущего столетия настойчиво добивавшиеся независимости от воевод, в начале XVIII в. снова были поставлены под опеку местной администрации. С введением губернского деления таможенные головы стали именоваться «ученными» надзирателями. Назначались они губернатором (в губернии) или комендантами (в уездах) и были им подотчетны. Прочие сотрудники таможни (подьячие, целовальники, сторожа) теперь именовались канцелярскими, ларечными и другими «таможенными служителями».

С целью увеличения дохода в казну от сибирской торговли М. П. Гагарин в 1713 г. пересмотрел таможенный устав 1698 г., считая, что он создал льготные условия для торговых людей, особенно для тех, кто торговал внутри Сибири; Гагарин отменил его и ввел новый устав 1713 г. По этому уставу в Сибири опять вводился дополнительный сбор десятой «перекупной» пошлины при перепродаже товаров, кроме хлеба и прочих съестных припасов. С товаров же и пушнины, вывозимых за границу, равно и с вывозимых из-за границы, устанавливался двойной сбор десятой пошлины. Возвращаясь к жестким нормам таможенного обложения, авторы устава провозглашали: «А естли приезжим купецким людем то пошлинное взятье будет в тягость и им в том прежде ни ныне никто не посылал для того промыслу; кому тягостно тот не будет ездить».[185]

Таким образом, правительство еще раз пыталось в какой-то мере поправить напряженные войной до предела финансы путем усиленного обложения купеческой торговли в Сибири.

Сбор пошлин по новым таможенным правилам 1713 г. был начат не сразу и не везде одновременно. Так, в Иркутске по статьям 1713 г. пошлины стали впервые брать только в 1716 г. Вероятно, новый порядок таможенного обложения в Сибири, введенный в 1713 г., не пережил своего основного автора М. П. Гагарина, казненного за злоупотребление властью в 1721 г. В 1722 г. сибирский губернатор Алексей Михайлович Черкас-

[185] ЦГАДА, СП, кн. 1596, лл. 30—37.

ский требовал от таможенных властей и воевод неукоснительного соблюдения таможенных правил, установленных статьями 1698 г.[104] В дальнейшем устав 1698 г. действовал в Сибири с незначительными изменениями вплоть до отмены в 1753 г. внутренних таможен.[105]

Образование коллегий и вторая областная реформа сблизили местное управление Сибири с общерусским. Первоначально (в 1719 г.) Сибирь была разделена на 3 провинции: две пригородские (Вятская и Соликамская) и одну собственно сибирскую (Тобольскую). Затем (в 1724 г.) из Тобольской провинции выделились еще две — Енисейская и Иркутская.[106]

В провинциях и уездах (дистриктах), как и в европейской части страны, появились новые должностные лица, ведавшие определенным кругом вопросов и подчиненные непосредственно центральным коллегиям: комиссары, земские комиссары, рентмейстеры, фискалы. На Сибирь была распространена судебная реформа, по которой в провинциях учреждались надворные, а в уездах — нижние суды. Но надворные суды были образованы только в центрах двух сибирских провинций — Тобольске и Енисейске. Наконец, по второй городской реформе (1721—1724 гг.) городское население Сибири впервые получило право на самоуправление.[107]

В управление ясачным населением Сибири ни первая, ни вторая областные реформы не внесли ничего принципиально нового.

В результате административных реформ первой четверти XVIII в. Сибирь получила в целом единообразное с другими частями Российской империи местное управление при сохранении специфики управления ясачным населением и некоторых особенностей таможенной политики.

Новая система управления бюрократизировала аппарат, но не уменьшила его злоупотребления. Управление первого сибирского губернатора М. П. Гагарина закончилось новым грандиозным сыском о злоупотреблениях сибирских властей. В 1717 г. была учреждена под руководством генерал-майора и лейб-гвардии майора И. Д. Дмитриева-Мамонова Комиссия для розыска о злоупотреблениях сибирского губернатора М. П. Гагарина и «других той губернии управителей».[108] Член комиссии капрал Максим Пущин, проводя сыск в Удинске, в частности, выяснил, что право повышать служилых людей в чинах сибирская администрация широко использовала для личной наживы. При этом действовало неписаное правило, по которому служилый человек при поверстании на службу или повышении в чине обязан был давать взятку в размере годичного денежного оклада коменданту, воеводе или губернатору, оформлявшему его продвижение. Такие показания дало абсолютное большинство допрошенных сыщиком людей.[109]

Работа Комиссии Дмитриева-Мамонова охватила территорию всей Сибири; она закончилась отстранением от должностей ряда сибирских администраторов и публичной казнью губернатора М. П. Гагарина. Но даже такие меры устрашения наиболее зарвавшихся представителей царской администрации не могли ликвидировать или хотя бы значительно ослабить произвол местных властей.

Как приказная система XVII в., так и чиновничье-бюрократическая система XVIII в. были орудием классового господства феодалов над тру-

---

[104] ГАТОТ, ф. Тюменской таможни, № 103, лл. 22, 23.

[105] Г. Ф. Миллер. Описание о торгах сибирских. СПб., 1756, стр. 15, 169.

[106] Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841, стр. 3; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, стр. 332—340.

[107] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. 3. М., 1900, стр. 335.

[108] ЦГАДА. СП, кн. 1624, лл. 26 об.—61.

лящимися массами населения, забитыми и лишенными каких-либо гражданских прав.

Из сказанного следует, что естественным состоянием для государственного аппарата феодальной России был произвол и беззаконие.

3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Классовые противоречия в Сибири проявлялись повсеместно в процессе вхождения ее в состав России, заселения русскими переселенцами, распространения феодальных отношений и учреждения системы управления. Несмотря на известное своеобразие причин, вызывавших выступления местного ясачного и переселявшегося русского населения и отчасти форм их проявления, классовая борьба в Сибири в целом отражала протест широких народных масс против социального угнетения, осуществлявшегося царским правительством в интересах господствующего класса феодалов. Порожденная социальными противоречиями, свойственными феодальному обществу, классовая борьба в Сибири отражала антифеодальные устремления, присущие всем народам России того времени, и, усиливаясь по мере роста производительных сил, развития феодальных отношений, гнета и эксплуатации, была связана с крупнейшими народными движениями в европейской части России.

Поскольку частновладельческого крестьянства в Сибири было очень немного и оно играло незначительную роль в местной экономической и общественной жизни, феодальный гнет в Сибири осуществлялся непосредственно административным аппаратом. По отношению к ясачному населению феодальный гнет осуществлялся на основе системы так называемого ясачного режима.

Классовые противоречия между русским населением и правительством проявлялись уже в самом процессе переселения. Переселенческое движение в Сибирь, в разные степени как и на юг, в «дикое поле» и в Поволжье, порождалось антифеодальными устремлениями широких народных масс. Основная масса переселенцев уходила в Сибирь в надежде избавиться от феодального и крепостнического гнета, а официальные власти, с одной стороны, стремились ограничить это переселение, и, с другой стороны, поставить переселившихся в Сибирь в условия господствующих в России общественных отношений. Стремление русских переселенцев избавиться от вводимых царской администрацией феодальных повинностей вызывало внутри самой Сибири массовые народные передвижения в новые необжитые районы, главным образом на восток.

Общественный порядок в Сибири и его своеобразие основывались на закрепощении трудящихся масс государством, причем тяжесть правительственной политики испытывали все социальные группы постоянного русского населения. Классовые возмущения сибирского крестьянства были направлены против прикрепления к земле и против натуральных повинностей, выражавшихся прежде всего в отработке «десятинной пашни» (барщины). Посадское население испытывало непосильный для него тягловый гнет, усугублявшийся, помимо оброка, натуральными повинностями (подводной, ямской, строительной и т. п.) и многочисленными выборными «службами».

Противоречивый характер имели выступления «приборного» служилого населения Сибири. Комплектуемые в основном из русских переселенцев, выходцев из крестьянства или посадской среды, приборные служилые люди — стрельцы и казаки — составляли в Сибири вооруженную опору правительства. На протяжении всего XVII в. в среде приборных служилых людей стойко сохранялись традиции и нормы казацкого самоуправления, занесенные в Сибирь, по-видимому, еще со времени похода Ермака

и сосуществовавшие наряду с порядками официального воинского устройства. Стрельцы и казаки составляли заметную, иногда даже преобладающую группу русского населения во всех сибирских городах и представляли существенную силу. Связанные с системой административного управления и непосредственно осуществляющие сбор ясака, служилые люди предъявляли известные претензии на участие в феодальном ограблении (в частности, на ясырь). Недостаточное материальное обеспечение, постепенное сокращение льгот (запрещение мелкой беспошлинной торговли и торговых операций в ясачных волостях и др.) вызывали раздражение приборных людей. На этой почве вспыхивали их бунты, в которых наряду с озлоблением против местной администрации проявлялись мотивы классового характера. Во второй половине XVII в., по мере того как служилые приборные люди в известной своей части становились земледельцами, правительство все более и более начинало сближать их с тяглыми слоями населения. Приборное служилое население получало не менее и менее выгод от своего положения «государевых служилых людей» и все сильнее испытывало гнет феодального государства. В силу своей воинской организации служилые люди становились наиболее действенной силой в антифеодальном протесте, охватывавшем трудовые слои русского населения.

Наконец, значительная группа непостоянного русского населения — промышленники — непрерывно испытывала фискальный гнет.

Выступления ясачных людей были направлены прежде всего против непосредственного усиления ясачного гнета и «насильств» воеводского управления. С постепенным уменьшением пушных ресурсов ясачные люди, будучи не в силах выполнять свои обязательства перед казной и погашать возрастающие недоимки, все более и более разорялись и попадали в кабалу к представителям своей родо-племенной знати или к русским ростовщикам. Уже в XVII в. были известны случаи, когда ясачные люди не только выступали против феодального управления, но и поднимались на борьбу против своей родо-племенной верхушки.

Таким образом, движения социального характера сибирского населения порождались многообразными противоречиями между широкими массами русских и ясачных людей и феодальной властью. Весьма существенную роль в обострении классовых противоречий играла деятельность административного аппарата, прежде всего воевод, а также приезжего купечества, местных монастырей, выделявшейся верхушки служилых и посадских людей, а отчасти и крестьянства. Несмотря на строжайшие правительственные запрещения, сибирские воеводы, а за ними и низшие чины местной администрации развивали в Сибири бурную ростовщическую, торговую и предпринимательскую деятельность, разоряли и опутывали местное население кабальными обязательствами, используя свое служебное положение в разного рода «насильствах», «неправдах» и «великих накупах». Активность всех этих экономически сильных элементов отражалась на всех слоях сибирского населения.

Известное своеобразие народным движениям во второй половине XVII в. придавало участие в них раскольников и ссыльных. В Сибири они по-прежнему выступали против официальной церкви и светских властей. Выступления раскольников не ограничивались пассивными формами протеста — самосожжением. Идеи активной части раскольничества переплетались со стихийным стремлением русских переселенцев уйти в такие «крепи», где можно было бы жить вне тягостной опеки воевод. При всей пестроте состава ссыльных и их относительной малочисленности среди них было немало антифеодально настроенных элементов, которые и в ссылке обнаруживали готовность бороться, особенно в моменты обострения классовой борьбы.

Сложное переплетение противоречий отражалось на формах, движущих силах и побудительных причинах народных движений.

Весьма своеобразно проявился протест русских промышленников в 1600 г. против распространения воеводской власти на районы по р. Тазу и в низовьях Енисея. Они сумели организовать выступление местных самодийских племен, которые разбили в районе устья р. Таза отряд служилых людей, прибывших с воеводами М. М. Шаховским и Д. Хрипуновым. Это противодействие представителей промысловой колонизации феодальной власти в основе своей было вызвано социальными мотивами. Именно так это было понято и правительством, предписавшим новым, присланным в 1601 г. воеводам усмирять «всех московских городов торговых людей», если они и впредь будут препятствовать установлению административной власти.[110]

Значительно определеннее проявился классовый характер движения тех же мангазейских промышленников в 1631 г.[111] Внешним поводом к нему послужило весьма характерное для Сибири XVII в. столкновение местных воевод Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына. Когда между воеводами началась «пражда и брань большая», мирская организация промышленников, представлявшая их интересы в финансовых платежах, призвала воевод покончить «розни». Эта позиция мангазейского «мира» объяснялась стремлением обезопасить себя от воеводской анархии. По мере того как вражда между воеводами перерастала в вооруженную борьбу, мангазейский «мир», скрепивший единство своих членов «единашной записью» и призвавший к «единению» туруханский «мир», решительно принял сторону А. Ф. Палицына и осадил запершегося в Мангазейском остроге со служилыми людьми Г. И. Кокорева. Осада продолжалась с февраля по май (или июнь) 1631 г., после чего промышленники и связи с открывшейся навигацией уехали в Туруханское зимовье для сборов к очередному сезону охоты; с ними выехал из Мангазеи и А. Ф. Палицын. В этом движении особый интерес представляет политическая активность «мира». Возмущение мангазейских промышленников было направлено против феодального режима управления и «напрасного гонительства» местной администрации во главе с Г. И. Кокоревым. Предводитель мангазейской голытьбы Петр Ботев прямо заявил, что «им до государей далеко»,[112] подчеркивая правомочность «мира» решать вопросы местного управления.

Иные движущие силы проявились в конце 1620-х годов во время восстаний в Енисейске и Красноярске. Основную часть русского населения в этот период в названных острогах составляли служилые люди. Внешне их возмущение характеризовалось чертами казачьего своеволья. Восстание в Енисейском остроге вспыхнуло в мае 1626 г.[113] Служилые люди под начальством атамана Василия Алексеева уклонились от похода на «немирного» тунгусского князца Тасея. Они «круг взяли и запись меж себя одиначную написали и руки к записи приложили и крест меж собою целовали, что им ево Ондрея (воеводу А. Ошанина, — *Авт.*) ни в чем не слушать и под суд не даватца» и «в снежную избу приходили с шумом и ево ляпали и за бороду драли и хотели убить... и торговых и промышленных людей били не одно время и по дорогам ставили заставы, чтоб им

---

[110] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в., М., 1946, *стр.* 17, 18.

[111] См.: С. В. Бахрушин: 1) Мангазейская мирская община в XVII в.; 2) Андрей Федорович Палицын. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, *стр.* 175—197, 297—330.

[112] С. В. Бахрушин. Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири). Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, *стр.* 323.

[113] ЦГАДА, СП, *стлб.* 11, л. 64, 66; С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды, т. IV, стр. 13—16.

не пропустить отписок в Тобольск».[114] 9 мая 1626 г. казаки захватили острог и осадили двор воеводы А. Ошанина, в котором он отбивался вместе с торговыми людьми. Через три дня стороны пришли к соглашению, по которому А. Ошанин согласился «жесточе не чинить», а восставшие — слушаться воеводу. В ходе этих событий казаки то грозили бежать «неведомо куда», то действовать по «своему указу». Сыск, начатый прибывшим из Тобольска с отрядом служилых людей сыном боярским Б. Аршинским, показал, что возмущение выходило за рамки своеволия и было вызвано антагонизмом воеводского управления и приезжих торговцев не только с казаками, но и с русскими крестьянами, рядовыми промышленниками и ясачными людьми. Казаки обвиняли воеводу, тесно связанного с торговцами, в незаконных торговых операциях и в различных «насильствах». Их поддержали местные крестьяне, у которых воевода конфисковывал лошадей для перевоза товаров торговых людей. Промышленники жаловались на торговых людей, которые «податей никаких не тянут и изделий не делают». Ясачный князец Енен жаловался на воеводу за то, что он заставляет его людей перевозить товары купцов.[115] Чтобы не обострять отношений, Б. Аршинский увез в Тобольск только 10 казачьих «заводчиков», которые там были заключены в тюрьму. Вскоре под благовидным предлогом А. Ошанин был отозван из Енисейска; тем не менее в 1630 г. воевода С. Шаховской сообщал в Москву о «великой шатости» в Енисейске между служилыми людьми.[116]

Приблизительно такая же картина имела место и в Красноярске. Самовольный поход на Ангару красноярских казаков в 1629 г., сопровождавшийся неповиновением воеводской власти, был чинен о казацким походом «за зипунами», облеченным самими казаками в форму привода «государевых непослушников брацких людей под великого государя». С другой стороны, это движение было связано с событиями в Енисейске.[117] По всей вероятности, красноярские казаки поддержали выступление атамана В. Алексеева, так как в 1627 г. они разгромили на р. Кети суда уплывавшего из Енисейска воеводы А. Ошанина, а также торговых и промышленных людей.[118] Столкновения служилых людей в Красноярске с воеводской властью произошли и в 1641—1642 гг., когда атаман Д. Злобин «с товарищи» в съезжей избе «резал на смерть» воеводу А. Баскакова.[119]

К 1620—1640-м годам относятся первые вспышки возмущения сибирского крестьянства против натуральных повинностей по обработке «государевых полей». В 1626 г. на этой почве крестьяне западносибирской Ницынской слободы убили приказчика, а в 1632 г. туринские крестьяне отказались обрабатывать пашни, которые воевода Г. Волынский попытался прибавить к уже имевшимся десятинным полям. Тогда же крестьяне Тагильской слободы (Верхотурский уезд) отказались пахать прибавочную пашню, а в 1633 г. совместно с крестьянами Невьянской слободы воспрепятствовали сыску в своих слободах беглых крестьян.[120] В 1648 г. произошли выступления пашенных крестьян в Ирбитской слободе против местного подьячего-ростовщика и в Тагильской слободе — против приказчика. Столкновение служилых людей с воеводским управлением произошло в 1639 г. в Тобольске. Местные и березовские казаки, наряженные на

---

[114] ЦГАДА, СП, стлб. 12, лл. 18—35; стлб. 83, лл. 832—836.
[115] Там же, стлб. 12, лл. 36—52, 61, 66, 481, 512.
[116] Там же, стлб. 12, лл. 558—562.
[117] А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 51, 52.
[118] ЦГАДА, СП, стлб. 113, ч. II, лл. 342—344; стлб. 12, лл. 459, 470; стлб. 159, лл. 260—262.
[119] Там же, стлб. 113, ч. II, лл. 342—344, стлб. 250, лл. 404—406.
[120] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в., стр. 221—223.

службу в Якутию, добились выплаты жалованья, как полагалось в таких случаях, вперед на весь срок похода, т. е. на два года.[121]

Отчетливо классовый, по своеобразный характер носило волнение в 1636 г. кодских ханток против своих угнетателей князей Алачевых, которые сохраняли известную автономию по управлению своими соплеменниками. Испытывая тяжесть двойного гнета, кодские ханты направили свой социальный протест именно против своих князей, побуждавших их исполнять государственные повинности и одновременно обиравших их в свою пользу. Собравшиеся в городке Кармин-Югам «для мирского совета», ханты подали царю челобитную о том, что «за князем Дмитрием Алачевым в ясаку отнюдь... быть невозможно», и добились права уплаты ясака непосредственно в казну.[122] Это волнение свидетельствовало об углублении социальных противоречий в среде местных народов и о позиции широких народных масс в процессе ликвидации власти местной племенной верхушки.

Отдельные выступления служилых людей, крестьян, промышленников и ясачных людей по мере укрепления феодальной власти в Сибири и усиления феодальной эксплуатации стали перерастать в более сложные движения. На протяжении второй половины 1630-х и в 1640-х годах такие движения были особенно характерны для Томского уезда и Якутии. Еще в 1634 г. в Томском уезде был раскрыт «заговор» служилых людей (из числа ссыльных), холопов и пашенных крестьян, собиравшихся перебить местную администрацию и бежать в европейскую часть страны. Эта «шатость» привела через три года к открытому восстанию, в котором проявился протест приборного войска против системы феодального управления, причем этот протест вылился в совместную борьбу служилых и посадских людей и крестьян с экономически сильной городской верхушкой, группировавшейся около воеводы И. Ромодановского.

Сибирские воеводские власти неоднократно пытались сократить расходы на содержание ратных людей. Ромодановский начал сокращать, а частично и вовсе лишать казаков хлебного жалованья и заменять его земельным окладом. Раздражение служилых людей переросло в восстание, когда присланные из Тобольска хлебные запасы воевода не передал «войску», а отдал под контроль местных детей боярских и зажиточных казаков, которые к тому же держали в своих руках хлебную торговлю. Служилые люди отправили в Москву челобитную с просьбой сохранить прежний порядок их обеспечения и 12 апреля 1638 г. «отказали» воеводе Ромодановскому. Они создали свои органы управления — «круги и советы», призвали к объединению посадских людей, уездных крестьян и ясачных людей и попытались установить связь с тобольскими служилыми людьми. Правительство не рискнуло обострять отношения, отозвало воеводу, разослало его сторонников по другим сибирским городам и сохранило старый порядок обеспечения служилых людей.[123]

Однако через 10 лет эти противоречия вновь привели к восстанию во главе с теми же руководителями, что и в 1637—1638 гг. Воевода О. Щербатов также попытался сократить оклады хлебного жалования служилым людям. Недовольство служилых людей усиливалось также ликвидацией их сословных привилегий (запрещение холопить ясачных людей, стеснение в торговле с ясачными людьми).[124] Недовольство местных

---

[121] ЦГАДА, СП, отдб. 75, лл. 13—17.

[122] С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 130, 131.

[123] З. Я. Бояринцева. Волнения в Томске в XVII веке. Вопросы истории. 1956, № 6, стр. 112; Н. Н. Оглоблин. Томский бунт 1637—1638 годов (очерки из жизни XVII века). Исторический вестник, 1901, № 7, стр. 229—250.

[124] ЦГАДА, СП, отдб. 377, лл. 272—275.

крестьян в это же время было вызвано увеличением объема барщинных работ на десятинных полях и другими натуральными повинностями. Восстание в Томске началось в апреле 1648 г. Внешне оно напоминало «мангазейскую смуту» 1631 г., так как восстание населения, используя вражду между Щербатовым и другим воеводой Бунаковым, поставило последнего формально во главе управления, а Щербатова осадило в его дворе. Дворы зажиточных служилых людей были разгромлены, сторонники Щербатова посажены в тюрьму. Восставших служилых и посадских людей поддержали крестьяне и часть ясачных остяков. Томский «мир» объявил борьбу с хлебной спекуляцией и призвал население Кузнецка, Нарыма, Красноярска, Енисейска захватывать власть в свои руки. Известия о Московском восстании в июне 1648 г., полученные в Томске в декабре, еще более усилили движение.[125] Агитация томских повстанцев имела успех в Кузнецке, где вспыхнулась смута большая, и особенно в Нарыме, где служилые люди и местные крестьяне были резко настроены против ростовщика попа Якова Исакова.[126] Яков Исаков сбежал в Тобольск, а воевода хотя и не был низложен, но фактически властью не обладал. К весне 1649 г. инициативой в Томске овладели умеренные элементы из среды служилых людей, и восстание погасло.

Правительство только в 1650 г. применило репрессии в отношении наиболее активной части нарымских служилых людей, а в 1651 г. — к «заводчикам» томского восстания, которых в 1654 г. выслали в Якутск, где в 1690-х годах их дети приняли участие в заговоре против воеводы.[127]

С усилением ясачного режима росло недовольство якутских, тунгусских и бурятских племен в Якутии и Прибайкалье. Защищая свои охотничьи угодья, они вступали в столкновения с русскими промышленниками. С конца 1620-х годов начались столкновения между тунгусскими племенами и промышленниками, а затем ясачными сборщиками на Нижней и Подкаменной Тунгуске. В 1639—1640 гг. в верховьях Лены и Илима и по Киренге ясачные тунгусские племена, поддерживаемые бурятами, отказались платить ясак и вступили в вооруженную борьбу с ясачными сборщиками; тогда же на Алдане произошло выступление бедигейской части якутских улусов и тунгусов против промышленников.[128]

В марте 1641 г. началось крупное восстание верхоленских тунгусов, опиравшихся на бурят. Якутский воевода П. П. Головин вынужден был послать против них отряд В. Власьева, насчитывавший 103 служилых человека.[129] Методы осуществления феодальной политики, применявшиеся П. П. Головиным, человеком жестоким и самовластным, еще более обострили определившиеся противоречия и вызвали крупнейшее за весь XVII в. восстание якутского населения. Поводом к нему послужила начатая воеводой перепись скота у якутов с целью усиления ясачного обложения и расширения круга плательщиков. Первоначально заранее подготовленное восстание имело успех. В феврале 1642 г. отряды русских ясачных сборщиков — Воина Шехова, Алексея Гнутого, Осипа Галкина, Остафия Михалевского, Григория Летнева были уничтожены. Одновременно уничтожались и русские промышленники, находившиеся на промыслах. Восстание охватило многие районы Якутии. В начале марта более 700 восставших попытались осадить Якутский острог. Неудача осады и проявившиеся к этому времени межплеменные разногласия привели к тому, что отдельные племена отказались примкнуть к восстанию (на-

[125] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. Исторические записки, т. 59, 1957, стр. 271—273.
[126] ЦГАДА, СП, стлб. 377, лл. 20—24.
[127] Там же, стлб. 220, лл. 52, 53, 139—147.
[128] Якутия в XVII в., Якутск, 1953, стр. 39.
[129] ЦГАДА, СП, стлб. 75, лл. 460—465; стлб. 115, лл. 238, 239.

пример, сильный боротонский князец Логуй, кангаласские тойоны); якутские князцы начали искать соглашения с Головиным. Наиболее активная часть восставших вынуждена была перейти к оборонительной тактике и к маю 1642 г., несмотря на героическое сопротивление, погибла в своих острожках в борьбе с перешедшими в наступление отрядами служилых людей. Головин беспощадно расправился с восставшими и после многочисленных изощренных пыток повесил 23 человека.[130] Разгром восстания, приведший к разорению многих якутских улусов, далеко не сразу подавил классовый протест ясачных людей.

Во время якутского восстания 1642 г. обострились отношения в среде русского населения, находившегося в Якутии. Помощники Головина воевода М. Глебов и дьяк Е. Филатов, по-видимому, не согласные с его методами утверждения ясачного режима, выступили против него, в результате чего в Якутске началась довольно обычная воеводская «смута». Головин обвинил Глебова и Филатова в «измене» и в участии в подготовке восстания якутов. Конечно, это обвинение Головина было лишено оснований, но события, разгоревшиеся в самом Якутске, вряд ли объяснялись только враждой двух воеводских партий. Головин обвинил в «научении» якутов не только своих ближайших помощников, но и вообще русское население: «в русских... во многих людях измена большая и научение иноземцам от русских людей на всякое дурно многое».[131] В обстановке напряженного положения в ясачных волостях Головин в самом остроге посадил в тюрьмы более сотни русских.[132] Можно думать, что наряду с борьбой внутри самого воеводского управления в Якутске назревало острое недовольство промышленников и торговых людей, вызванное не только «многим оскорблением и жесточью» Головина, но и усилением воеводской власти. Когда в Якутске стало известно о смене Головина, служилые люди готовы были убить воеводу, его людей и торговцев.[133] Приезд новых воевод В. И. Пушкина и К. О. Супонева ненадолго смягчил обстановку. Плохо и недостаточно обеспечивавшиеся продовольствием якутские служилые люди попали в кабалу к торговым людям и «не по одно время» готовы были уйти из Якутска. Летом 1647 г. 400 служилых людей пришли к съезжей избе и с «большим шумом» потребовали полной выдачи жалованья. Испуганные власти пошли им навстречу. Однако наиболее радикально настроенная часть казаков и присоединившиеся к ним промышленные и дворовые люди захватили у торговых людей суда и хлебные запасы и уплыли вниз по Лене. В дальнейшем они добрались до Анадыря, где и обосновались.[134]

В середине XVII в. движения русского населения приобрели массовый характер в Прибайкалье. Характерной их особенностью была органическая связь классового протеста с переселенческими движениями. Слухи, распространившиеся после похода Е. Хабарова, об угожих амурских землях послужили толчком к массовым переселенческим движениям, особенно активно проявившимся в 1650—1660-х годах. Начало было положено в 1652—1653 гг. крестьянами и служилыми людьми Илимского и Верхоленского острогов. Наиболее ярким моментом в классовом протесте было восстание, начатое 25 апреля 1655 г. в Верхоленском остроге служилыми людьми во главе с атаманом М. Сорокиным. По казачьим тради-

[130] О. В. Попова. Из истории якутского народа (первая половина XVII века). Якутск, 1945, стр. 79—91; Якутия в XVII веке, стр. 288—298.
[131] ЦГАДА, СП, стлб. 258, л. 208.
[132] Там же, стлб. 146, лл. 246, 401—415.
[133] Якутия в XVII в., стр. 245, 246.
[134] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 270. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. В. С. Орлова. М., 1951, стр. 26—30, 223—230; ЦГАДА, СП, стлб. 290, лл. 65, 66.

циям, восставшие целовали крест под знаменем в «кругу» и решили уйти на Амур от «насильств» илимского воеводы Б. Оладьина, чтобы там «служить особо, а у государевых воевод под начальством не быть». Чтобы воевода не узнал о начале восстания и не помешал подготовке судов к походу, они расставили караулы по дорогам и привлекли на свою сторону ясачных людей. В мае восставшие разорили Усть-Кутскую ярмарку, где захватили товары крупнейших купцов — О. Филатьева, К. Босого, Шорина. В то же время другой отряд скупщиков людей под руководством брата М. Сорокина — Якова осадил Илимск, а затем двинулся также на Амур. Главную массу восставших, насчитывавших более 300 человек, составляли местные крестьяне, промышленники, покрученики торговых людей и иные «многие бродящие люди». Якутский воевода М. Лодыженский писал в Москву в конце 1655 г., что в течение 1652—1653 гг. из Илимского уезда «мало не все» крестьяне ушли в Даурию. Илимский воевода Б. Оладьин тогда же писал, что «многие воровские русские люди пошли из сибирских городов в Даурскую землю и на Тунгуске реке дорогу заперли..., а на весну де в 164 г. (1656 г.) мню всех сибирских городов чают побегу многих людей в Даурскую землю».[136] Одновременно перед казаками, следовавшими с воеводой А. Ф. Пашковым в Нерчинск, выступал с бунтарскими проповедями знаменитый протопоп Аввакум, направлявшийся в даурскую ссылку.[138]

Одновременно обострился протест ясачного бурятского населения против системы феодального управления. Разраставшееся недовольство ясачного населения к 1658 г. переросло в восстание, направленное против приказчика Братского острога И. Похабова, своими «мучительствами», издевательствами и прямым грабежом восстановившего против себя и ясачных людей, и русских крестьян, и казаков. Весьма показательным фактом было совместное челобитье 5 июня 1658 г. русских пашенных крестьян Братского острога и ясачных бурят (князца Бахайка и других со своими улусами) на Похабева. Однако до совместного вооруженного выступления против него дело не дошло. Еще зимой 1658 г. среди бурятского населения состоялась «дума лучших людей» относительно общего выступления против властей. Восстание начали буряты около Балаганского острога. В конце июня 1658 г. их поддержали окинские и осинские буряты. Слабость этого движения заключалась во внутренних классовых противоречиях. Бурятские князцы не рискнули вступать в вооруженную борьбу с русскими властями и решили уйти в Монголию, в то время как рядовые улусные люди опасались покидать свои «породные» земли и оказаться под властью монгольских феодалов, которые в свою очередь угрозами «подазивал» бурят перейти к ним. Поэтому восстание не приобрело широкого размаха, а ушедшие в Монголию буряты, несмотря на противодействие монгольских князей, в 60-х годах XVII в. стали возвращаться назад.[137]

В тех же 1660-х годах движение русского населения на восток связано было с восстанием в Илимском уезде. Илимские крестьяне, промышленные люди, якутские и нерхоленские казаки, возмущенные ростовщическими и торговыми операциями илимского воеводы А. Обухова и его окружения, летом 1665 г. убили воеводу, следовавшего с Усть-Киренской

---

[136] Н. Оглоблин. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина. *Русская старина*, 1896, № 1; В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 274; ЦГАДА, СП, стлб. 471, ч. I, лл. 206—218, 223—226; ч. II, лл. 262—317, 337—351, 367—370, 376—378, 392.

[137] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 275.

[138] А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов, стр. 96—158.

ярмарки, и захватили товары гостя А. Гусельникова и других купцов. Восставшие под руководством сельского Н. Черниговского ушли на Амур, где основали Албазин; вслед за этим среди местного населения начались новые сборы к «даурским побегам».[138]

Переселенческие движения внутри самой Сибири, столь ярко сочетавшиеся с активным классовым протестом в Прибайкалье, отражали общий процесс заселения русским народом Сибири. По материалам, относящимся к Енисейскому краю, можно судить, что особенно большой размах переселение в Сибирь приняло приблизительно с 1640-х годов и в годы, предшествующие Крестьянской войне 1670—1671 гг., в годы самой войны и в годы, последовавшие после нее. Именно в это время правительство начало препятствовать переселению, устанавливало заставы и запрещало сибирской администрации принимать переселенцев, не имевших «памятей» из «русских» городов. Но все эти меры успеха не имели. В самой Сибири бегство как форма протеста против феодального угнетения наблюдалось повсеместно. В Туринском уезде, например, из 170 крестьян — 49 человек в 1634 г. были «в бегах». В Енисейском уезде к 1676 г. ушла половина крестьян, проживавших там в 1654 г.[139]

На протяжении 1660—1680-х годов крупных восстаний в Сибири не было, но отдельные вспышки классовых движений, выступления ссыльных и бежавших в Сибирь раскольников, отказ населения исполнять феодальные повинности, бегство в еще необжитые районы Сибири, наконец, возмущения всяких людей прослеживаются систематически. Воеводские власти в свою очередь разыскивали в Сибири «разинских воров» и «воровские письма» из числа восставших и внимательно следили за слухами о московских событиях 1680-х годов, носившимися среди сибирского населения.

В 1668 г. тобольскому воеводе П. И. Годунову пришлось столкнуться с шумным протестом служилых людей против их перевода на пашню.[140] В том же году якутские служилые люди выступили против своей верхушки — детей боярских и потребовали от воеводы И. П. Барятинского провести сыск об их предпринимательской деятельности. За этим выступлением на протяжении последующих двадцати с лишним лет в Якутске последовало еще три «заговора» (1677, 1683 и 1690 гг.) служилых, промышленных и отчасти посадских людей. Все эти «заговоры» были направлены против торговых людей, взвинчивавших цены на хлеб, и воеводского управления, тесно связанного с ними. Как правило, служилые и промышленные люди предполагали поднять восстание и, захватив имущество и товары «лутчих людей», убить из-под воеводской власти на дальние «заморские» зимовья, как это было уже в 1647 г.[141] В 1676 и 1682—1683 гг. нерчинские и албазинские казаки упорно отстаивали право иметь самоуправление, с тем чтобы не записать от представителей воеводского управления, которое, помимо «насильств», ставило местное население в экономическую зависимость и принуждало его покупать у них «дорогою ценой» хлеб, вино и т. п.[142] В 1685 г. подняли «бунт» илимские крестьяне, измученные различными феодальными повинностями.

[138] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 275, 276.

[139] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв., стр. 242 и сл.; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII вв., стр. 102.

[140] С. Б. Бахрушин. Великие Тобольского разряда в XVII в. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 291—293.

[141] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 277, 278; Н. Оглоблин. Якутский розыск о делах боярских детей и казаков. Русская старина, 1897, № 8.

[142] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 278.

В 1670—1680-х годах заметную роль в выступлениях социального характера начали играть раскольники. В это время массовый характер приняли самосожжения. Одним из центров раскольничества был Тюменский уезд, где в 1687 г. на одной заимке собралось более 300 человек, некоторые из них приехали из «русских и понизовых» городов. Они соглашались разойтись только в случае, если сибирский митрополит их «в раскольном во всем деле простит». Окруженные сильным отрядом казаков, они почти все сожглись 24 октября 1687 г.[143] «Гарь», в которой погибло 128 человек, произошла в 1688 г. на Пышме в Другановой деревне; в 1689—1690 гг. в Томском уезде в ските сожглось 170 человек; тогда же горели «раскольщики» в Енисейском, Красноярском и других уездах.[144] Помимо самосожжения, раскольники прибегали к активной борьбе, к агитации среди местного населения, к демонстративным выступлениям против официальной церкви во время церковных служб (Енисейск, Красноярск, Тюмень).[145]

Наибольшую активность в борьбе с ясачным режимом и это время проявляли тунгусские племена. В 1674 г. произошло восстание тунгусов Кендигирского и Чекагирского родов, пытавшихся захватить Баунтовский острог.[146] В 1677 г. охотские тунгусы, возмущенные грабежом приказчика Ю. Крыжановского, [illegible] одно из наиболее крупных восстаний ясачных людей. В январе 1678 г. более тысячи человек различных тунгусских родов пытались захватить острог и «пошли валом на приступ... и стрел на острог полетело со всех сторон что комаров». Спустя два года охотские тунгусы целиком уничтожили отряд из 39 казаков, шедший из Охотска в Якутск с ясачной казной.[147] Наконец, в 1683 г. восставшие тунгусы уничтожили служилых людей в Енисейском зимовье, г. [illegible] 1686 г. тунгусы осаждали Тонтерское зимовье и уничтожили около него 37 служилых и промышленных людей.[148] Межплеменная рознь и капитуляция тоновов парализовали возможность крупного движения среди якутского народа. Между тем в 1680-х годах обстановка в Якутии была очень напряженной, и местные воеводы [illegible] она опасалась возмущения «великого множества» якутов, доведенных [illegible] отчаяния ясачными сборщиками.[149]

Классовые противоречия в Сибири, с особой силой сказавшиеся в конце XVII в., были закономерным результатом укрепления аппарата государственной власти и феодальных отношений.

Уже в 1690-х годах тобольский воевода С. И. Салтыков посылал в Москву тревожные вести о масштабах бегства местных русских крестьян, принимавшего организованные формы под влиянием широко распространявшихся «воровских писем». В 1690-х годах из некоторых западносибирских слобод ушло до половины местного населения. В отдельных случаях пашенные крестьяне «отказывали» своим приказчикам и «учинялись сильны и непослушны».[150]

Крупнейшие восстания охватили в это время всю Восточную Сибирь. Движения народных масс являлись продолжением классовых выступле-

---

[143] ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 3, XVI—XXV, стр. 15—23.

[144] ЦГАДА, СП, кн. 958, л. 373 об.; стлб. 1052, ч. 1, лл. 200—206, кн. 1504, лл. 133 об.; стлб. 1066, лл. 78—83; И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898, стр. 54, 131, 142 и др.

[145] ЦГАДА, СП, стлб. 913, ч. 1, лл. 204, 205; стлб. 1035, ч. 2, лл. 370—377; ДАИ, т. X, № 3, I—V, стр. 8—10.

[146] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 122, стр. 367, 368.

[147] Там же, т. VII, 1859, № 61, I—IV, X; т. X, 1867, № 78, V, VIII; т. XI, СПб., 1875, № 7.

[148] Там же, т. X, № 78, VII, стр. 351—353.

[149] Якутия в XVII в., стр. 298—303.

[150] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в., стр. 215—219.

ний в центре страны (крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, событий в Москве и в южных областях в 1680-х годах).

Наиболее активной силой были широкие слои русского населения; совместно с ним фактически впервые стали активно выступать и ясачные люди. Территориальная разобщенность русского сельского населения, многочисленного, но разбросанного на огромной территории Восточной Сибири, не позволяла ему играть определяющую роль в этих восстаниях. Городское посадское население, экономически не сильное и далеко не всегда составлявшее большинство среди населения городов, также не могло возглавить движения. Поэтому, как правило, руководящее положение в восстаниях по-прежнему занимали служилые приборные люди, частично связанные с городскими торгами и промыслами, а частично с уездным земледельческим хозяйством. Несмотря на активное участие восставших отдельных городов действовать согласованно и поддерживать между собой связь, разделявшие их пространства в сотни и тысячи верст были важнейшим фактором, препятствовавшим объединению всех сил этого народного движения. Оно охватило почти всю наиболее интенсивно заселенную русскими людьми часть Восточной Сибири. Как правило, движения повстанцев были направлены против представителей воеводского управления; идея бегства от воеводского гнета заменялась идеей его уничтожения и создания местных органов самоуправления. Специфической особенностью организации восставших было сочетание казачьего самоуправления и мирских сходов, контролировавших выборных представителей управления. Наиболее радикальные плебейские элементы объединялись в «войсковых советах» (или «кругах»), и служилая и посадская верхушка стремилась захватить руководство в приказных избах и сконцентрировать местное управление именно в них.

Открытое народное движение 1690-х годов в Восточной Сибири началось в Бирюльской слободе. В конце 1691 г. пашенные крестьяне вступили в борьбу с приказчиком П. Халецким и поддерживавшими его зажиточными крестьянами. В феврале 1692 г. они «отказали» ему, поставили нового приказчика, уничтожили найденные кабалы и добились победы; иркутские власти не рискнули применить против них военную силу [15].

В мае 1695 г. в Красноярске началось одно из самых крупных и длительных сибирских восстаний. Служилые люди, составлявшие безусловное большинство в городе и в уезде, после ряда «кругов», «дум» и «советов» «отказали» воеводе А. Башковскому, конфисковали его имущество в счет компенсации за не раз удерживавшиеся жалованье, послали в Москву жалобу с изложением его «насильств» и организовали свое управление. Крестьянское, посадское и ясачное население поддержало казаков. Вплоть до 1700 г. восставшие упорно боролись против восстановления воеводской власти и выступали против всех присылаемых в Красноярск воевод. После свержения А. Башковского власть была передана двум выборным «судьям», находившимся под контролем «совета» служилых людей и «думы» всех восставших. В августе 1695 г. в Красноярск прибыл новый воевода — М. Башковский, родной брат предшествующего. Его попытка начать «сыск и расправу» привела в ноябре к новому вооруженному выступлению населения. М. Башковский заперся в крепости и на протяжении 10 месяцев находился в осаде. В феврале 1696 г. енисейский воевода М. И. Римский-Корсаков попытался прислать в Красноярск временного воеводу Ф. Тутолмина, но восставшие не передали ему власть. Воевод поддерживала только незначительная группа, слабо или вовсе не связан-

[15] Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1959, стр. 55—63.

ная с сибирским населением и возглавлявшаяся ссыльным украинским полковником В. Многогрешным, братом бывшего гетмана.

Во главе создавшего управления в Красноярске встала местная служилая верхушка, которая сохранила это положение за собой и после того, когда население города и уезда выбрало вместо двух «судей» семь. Однако после начала осады М. Башковского отдельные участники восстания начали изменять «мирскому делу». В августе 1696 г. в Красноярск прибыл новый воевода — С. Дурново. Однако и его попытке восстановить воеводскую власть окончилась также неудачно. Уже в конце 1696 г. Дурново вместе с служилыми людьми из числа ссыльных, видя всеобщую «шатость», заперся в остроге, а возбужденное население обсуждало вопрос о том, чтобы «осадных людей всех вырубить». Приезд из Москвы в Енисейск думного дьяка Д. Полянского с широкими полномочиями для расследования дел, связанных с возмущением сибирского населения, не «утишил» красноярцев. Дурново бежал в Енисейск. Попытка самого Полянского прибыть в город окончилась неудачей. Восставшие остановили его судно на Енисее и заставили вернуться в Енисейск. Окончательно «утишил» восстание только новый воевода М. С. Мусин-Пушкин в 1700 г., предложивший возложить ответственность за «смятение» на «злых» воевод, их окружение и ссыльных, роль которых в народных движениях казалась правительству особо опасной.[152] Как и в Бирюльской слободе, в Красноярске во время этих событий среди восставших не раз вспоминалось имя Степана Разина, служившее символом в борьбе с феодальными порядками и феодальным управлением.

Спустя полгода после начала событий в Красноярске, вспыхнуло восстание в Нерчинске. В этом восстании основную роль (в еще большей степени, чем в Красноярске) играли приборные служилые люди. 8 октября 1695 г. нерчинские служилые люди и «иных чинов жители» арестовали воеводу — Антона Савелова и передали все управление в руки двух выборных — представителей служилой верхушки. Князь П. Гантимуров, возглавлявший местное тунгусское население, отказался признать нерчинское управление и препятствовал, по-видимому, объединению ясачного населения с восставшими. Однако ясачные тунгусские люди искали защиты от притеснения со стороны иркутской служилой верхушки именно у нерчинских казаков. Правительство было очень обеспокоено восстанием в пограничном Нерчинске. Вся ответственность за это восстание была возложена на воеводу Савелова. Новому воеводе С. Николеву далеко не сразу удалось обрести в городе всю полноту власти. Потерпев неудачу в борьбе против воеводского управления, нерчинские служилые, промышленные и гулящие люди в 1700 г. вновь собирались поднять восстание и, объединившись с удинскими и аргунскими казаками, уйти по Амуру на острова Тихого океана.[153]

Красноярские и нерчинские повстанцы стремились установить связи с другими восточносибирскими городами. Вести о начале открытого движения имели решающее значение для начала других восстаний. В 1696 г. восстания охватили Прибайкалье и Забайкалье. В январе восстал Братский острог. Участники этого восстания прямо указывали на события в Красноярске и Нерчинске как на образец, которому они следовали. Незадолго до начала восстания в острог прибыл из-за Байкала ссыльный крестьянин Т. Копытов. Он поддерживал связь между населением Братского острога и забайкальскими казаками. Оттуда он приплыл в Ени-

[152] С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Научные труды, IV, стр. 178—192; Н. Оглоблин. Красноярский бунт в 1695—1698 гг. Журнал министерства народного просвещения, 1901, № 5, стр. 25—70.

[153] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 286, 287, 305.

сейск и надеялся попасть в Красноярск, но был задержан.[134] Братское восстание по составу своих участников было наиболее демократическим. В нем тесно объединились местные служилые и посадские люди, пашенные крестьяне и окрестные ясачные буряты, представители которых скрепили своими подписями «выбор», т. е. документ, определявший круг обязанностей избранных «судеек» по административному управлению острогом. Служилая и ясачная верхушка в этом восстании участия не принимала.[135]

Спустя месяц восстание началось в забайкальских острогах — Селенгинском, Удинском, Илгинском, Кабанском, Баргузинском.[136] Оно охватило главным образом приборных людей и характеризовалось сложной и острой борьбой в самом лагере повстанцев. Она шла между «домовитыми» казаками, т. е. служилой верхушкой, и низачьей голытьбой. Забайкальцы были единственными, кто попытался территориально расширить рамки восстания путем военного похода, но внутренняя борьба ослабила их и не позволила добиться успеха. В апреле 1696 г. служилые люди забайкальских острогов заключили между собой договор. Натерпевшись от воевод и приказчиков, они поставили своей задачей бороться «за одно вместе» против самоуправства и экономического давления начальных людей, за право «войскового совета» «чинить управу» при «всяких неправдах и ссорах». Казаков поддержало ясачное бурятское и тунгусское население, к ним присоединились холопы. В мае 1696 г. отряд забайкальцев (свыше 200 человек) под предлогом получения жалованья переправы Байкал и подошел к Иркутску. Наиболее радикально настроенная часть казаков предполагала «заглянуть за пазуху» тем, кто заперся в Иркутске, т. е. поднять в городе восстание и свергнуть воеводу Афанасия Савелова. Сильная иркутская служилая верхушка сама предполагала «отказать» воеводе, но побоялась казачьей голытьбы и удержала городское население от выступления. К забайкальцам присоединилась только отдельные беглецы из города холопы и посадские люди. Штурмовать Иркутск забайкальцы не решились и ушли назад, разгромив по пути зимовки детей боярских и лояльных казаков. Эта неудача их не остановила; в марте 1697 г. их отряд появился в предбайкальских Илгинской и Тутурской волостях и поддержал восстание верхоленских казаков, крестьян и ясачных людей.

Между тем служилая верхушка Иркутска в 1697 г. отказала воеводе Савелову. Поводом к этому послужил приезд в Иркутск жены и малолетнего сына С. Полтева — нового воеводы, умершего по дороге. Провозгласив воеводой младенца, иркутское население избрало его «товарищем» пользовавшегося большим влиянием в городе сына боярского И. Перфильева. Он возглавлял управление Иркутска вплоть до приезда нового воеводы в октябре 1698 г.

Не менее сложно проходило восстание в Илимске. Оно началось в июне 1696 г. безусловно под влиянием красноярских событий. В нем принимали участие двое красноярцев, которые, по-видимому, были связующим звеном между восставшими Красноярска и Илимска. Движущими силами в восстании были «войско», «миро» посадских людей и уездное крестьянское население, но возглавила его местная служилая

---

[134] Там же, стр. 285.

[135] А. П. Окладников. Очерки по истории land. бурят-монголов, стр. 139 и сл.; В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 287—289; Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в., стр. 69—72.

[136] В. А. Александров. 1) Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., стр. 294—302; 2) Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962, стр. 351—375.

мерщика. Еще в конце 1663 г. местное население отправило своих представителей в Москву добиваться смены воеводы Б. Чемшеева, якобы «оказавшего с предпринимателями-иноземцами. Но хлопоты не привели к желаемому результату. В мае 1695 г. Б. Чемшеев прибыл чуть ранее прибытия в Кунгурский острог, где население встретило его враждебно. В июне, вслед за Б. Чемшеевым, в Пермь, он был сменен. Воеводство от своей вины служилых и посадских людей, крестьян и даже представителей местного управления Чемшеев оценил в значительную сумму (впоследствии И. И. Кичин и подьячий Г. С. Устюжанинов не привлекут себе для государевых всяких приказных дел и для сбора за сделание и указное раскрашение. «Расценка» эта может считаться типичной в целом для воеводского произвола. Взятки, как можно видеть, были почти всегда «мирскими» подарками. Восстания, упомянутые в указе, имели различные предпосылки, спровоцировал выступления и алчные запросы Б. Чемшеева и ряда иных руководящих местных деятелей.[38]

В 1699—1700 гг. правительство Петра I усилило мероприятия по его подавлению. Понимая невозможность массовых репрессий, они признали определенную гибкость и стремились, с одной стороны, не обострять антифеодального протеста сибирского населения и с другой стороны, укрепить и упорядочить централизующий аппарат власти. Все иные за местными были конфискованы на казну, земли и другие недвижимости местных управителей. В отношении восставших репрессии были применены только в отношении вождей и организаторов, а также лиц — особенно в столицах. Стремясь не оттолкнуть местных служилых людей и предполагая иными методами решить их насущные экономические, политические и социальные проблемы, правительство отказалось от «массовых» полицейско-административных казней особенно за «сидельство» в происшедших людных и преступлениях.[39]

На Камчатке несильственное выражение всего протеста против произвола и насилия сборщиков также вызвало в 1707 г. массовое вооруженное восстание, продолжавшееся несколько лет. В долине Авачи камчадалы убили сборщиков ясака и сожгли Большерецкий острог.

Из Якутска по подавлению волнений на Камчатке выступил отряд под начальством Ф. Б. Атласова. Алчный, корыстолюбивый, самовластный и жестокий Атласов вызвал недовольство рядовых казаков. В многочисленных, адресованных якутскому воеводе, казаки жаловались, что Атласов присвоил себе часть причитающегося им денежного жалованья, ясачную рухлядь денег вместо и также. Казаки писали, что с дружины руководимой отрядом, собрали на его нужды приказчики. Ведено-Камчатского острога Семена Лошкина. Арестованный казаками Лошкин сумел бежать в Нижне-Камчатский острог.

Якутский воевода, получив сообщения о событиях на Камчатке, направил на место свергнутого казаками руководителя отряда сына боярского Петра Чаринова, а в 1709 г. — пятидесятника Осипа Хрипина. Восставшие сначала убили Чаринова на реке от Нижне-Камчатского к Верхне-Камчатскому острогу, однако сменил Атласова и его люди, а Чирикова схватили при его возвращении в Якутск у Ленивой губы, сковали железными кандалами и бросили в р. Камчатку.[40] Разрушились и немногочисленные представители воеводского правления, взявшие полномочия

---

[38] В. А. Александров. Материалы о городах сибирских в Смуте и конце XVII в., стр. 378—382.

[39] В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири в конце XVII — в начале XVIII в., стр. 209—297.

[40] Там же, стр. 306, 307.

[40] Дневник Сибирской экспедиции XVIII в., кн. 1, стр. 412—419. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., 1949, стр. 443, 444.

волнения большерецких камчадалов, восстановили разрушенный ими Большерецкий острог, пытались наладить регулярные сборы ясака с местных жителей.

Ликвидация восстаний конца XVII в. облегчалась тем, что все восставшие, не исключая казачьей голытьбы Забайкалья, не выступали против правительства и даже в ходе восстаний искали в Москве удовлетворения своих требований. При всем своеобразии сибирские восстания отражали антифеодальный протест народных масс. Выступления сибирского населения против феодального гнета имели свои объективные результаты. Правительству не удалось полностью осуществить личное прикрепление сибирских крестьян к определенному участку земли; на протяжении всего XVII в. оно вынуждено было не увеличивать, а уменьшать у них объем барщинных работ и допускать право распоряжения занятой землей и даже полной сдачи тягла. В отдельных случаях правительство разрешало также уменьшать суммы оброчных платежей, вносимых посадскими людьми (например, годовой оброк в Енисейске в 90-х годах был сокращен наполовину). В известной степени в интересах ясачного населения правительство в 1684 г. запретило русским промышленникам вести соболиный промысел, стало устанавливать полный запрет любой охоты в «угодьях» ясачных людей и вырубки там лесов под пашню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Начало изучения Сибири. Культура края

1. НАКОПЛЕНИЕ НАУЧНЫХ СВЕДЕНИЙ О СИБИРИ

Специальные научные экспедиции в Сибирь лишь с XVIII в. Но и до этого пытливые русские землепроходцы собрали в Сибири множество различных сведений, имевших большое значение для науки.

Благодаря ранним русским северным походам «за камень» (Урал) уже в XVI в. в Западной Европе появились основанные на русских источниках первые географические карты с изображением нижней Оби. Несмотря на то что русские земли посещали, особенно иностранцы, начали посещать эти районы еще с XI в., все же в течение длительного периода в самой России о Сибири распространялись в преимущественно полуфантастические сведения. Так, в сказании начала XVI в. «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех разных» приведены утверждения, что за Уралом живут необыкновенные люди: одни — «без голов», а «рты у них есть посредине груди», другие (самоеды) — «все в то проводят в водех, трети — спят по подземельи» [1] и т. д. Только благодаря тонкому анализу Д. Н. Анучина удалось более или менее правильно определить, какие имелись реальные данные легенды и каковы были полуфантастического «Сказания».

Быстрое накопление вполне достоверных сведений о Сибири началось со времени исторического похода Ермака и особенно после назначения первых сибирских царей. Правительство обязывало «начальных людей» Сибири тщательно собирать сведения о путях сообщения, пушных богатствах, месторождениях полезных ископаемых, взаимоотношениях населения, численности, численности и различных местного населения, его взаимоотношениях с соседними народами. От руководителей отрядов, отправлявшихся из вновь занятой местности укрепленные пункты, требовалось также составление чертежей местности и построенных острогов.

Сбор сведений о новых землях обычно начинался с опроса местных жителей. Ценному в научном, как правило, участвовали «толмачи» — знатоки местных языков. Участники походов и свои «скаски» основывали и челобитных дополняли и уточняли эти сведения личными наблюдениями. Впоследствии и другие местные «начальные люди» нередко расспрашивали участников походов и записи или их отписки. Так возникали «распрос-

---

[1] А. Тахтаев. Сибирь в XVII веке. Сборник отдельных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890, стр. 3—6.

[2] Д. Н. Анучин. К истории познания Сибири до Ермака. Древности, т. XIV, М., 1890, стр. 229.

ные речи» и «сказки» землепроходцев. Наиболее важные документы воеводы пересылали в Москву со своими отписками, в которых сжато обобщали собранные сведения. Таким образом накапливалась географический, этнографический, экономический, исторический и другой материал.

Стремительно продвигаясь в глубь Сибири, землепроходцы прежде всего интересовались речными путями и удобными волоками между реками. Так, например, казаки, строившие в 1619 г. Енисейский острог, в том же году сообщали в Москву про безымянную «великую реку» (Лену), до которой от Енисейска «ехать до волоку 2 недели, да тем де волоком идти 2 дня».[3] К середине XVII в землепроходцы знали буквально все крупные реки Сибири и их главные притоки, имели общее представление о их водном режиме, были хорошо знакомы с труднопроходимыми участками пути, особенно с районами порогов.

У берегов Сибири русские рано стали осваивать морские пути. В конце XVI в. они ходили на судах по опасной Обской губе к устью р. Таз, а в 30-х годах XVII в. начали впервые совершать плавания в самой восточной части Ледовитого океана — от устья Лены. В 1648 г. Семен Иванович Дежнев и его спутники, обогнув Чукотку, первыми из европейцев прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки.

Довольно быстро русские землепроходцы получили представление и о морях Дальнего Востока. 1 октября (н. с. — 11) 1639 г. И. Ю. Москвитин и его товарищи коротким плаванием из устья р. Ульи к р. Охоте положили начало русскому тихоокеанскому мореходству, а в навигацию 1640 г., сооружив два восьмисаженных коча, москвитины совершили плавание до района устья Амура и «островов Гиляцкой орды» — островов Сахалинского залива, населенных оседлыми нивхами.[4] Значительно расширил представления русских о Тихом океане один из первооткрывателей Колымы — М. В. Стадухин. В 1651 г. он, пройдя по суше с Анадыря на Пенжину, плыл в течение двух навигаций по северной части Охотского моря до Тауйской губы, а затем в 1657 г. до р. Охоты. Он же одним из первых узнал от местных жителей и о существовании «носа» между Анадырем и Пенжиной, т. е. полуострова Камчатка,[5] правда, истинные размеры этого полуострова стали известны не сразу. Тем не менее уже в середине XVII в. в Москве знали, что с востока «новая Сибирская землица» тоже всюду омывается «морем-акияном».

Во время плаваний в Ледовитом и Тихом океанах мореходы вели различные наблюдения. По очертаниям берегов запоминали пройденные морские пути, следили за направлением ветров, дрейфом льдов, морскими течениями. Они уже тогда умели пользоваться «мачтовой» и определять общие контуры не только малых, но и больших полуостровов. В отписке С. И. Дежнева 1655 г. оказалась довольно точная характеристика местоположения «Большого каменного носа» (Чукотского полуострова) от Анадыря: «а лежит тот Нос промеж сивер на полуношник»,[6] т. е. в секторе между двумя направлениями — на север и северо-восток. «Нос повернет круто к Онандыре реке под летов.[7] Фраза эта означает, что Дежнев относил начало Чукотского полуострова с южной стороны к заливу Креста (район горы Матачингай), что соответствует представлениям

---

[3] РИБ, т. 11, СПб., 1873, док. № 121, стр. 374.

[4] Материалы отделения историко-географических знаний Географического общества СССР, вып. 1, А, 1962, стр. 64—67.

[5] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов [illegible] Сост. М. И. Белов. А.—М., 1952, стр. 263.

[6] ДАИ, т. 19, СПб., 1851, док. 2, стр. 26.

[7] См. фотокопию документа: Вестн. ЛГУ, 1962, № 6, сер. геолог. и геогр., вып. 1, стр. 149.

современных географов.[4] Так впервые были получены достоверные сведения о крайней северо-восточной части Азии, наиболее близко расположенной к Северной Америке.

В XVII в. анадырские казаки первыми проведали о существовании Аляски. Для них она была «островом зубатых» (эскимосов), или «Большой землей»; тогда они еще не знали, что Аляска является частью Америки.

Ценные сведения были собраны в XVII в. о странах, непосредственно к югу от Сибири. Наиболее ранние сообщения о путях из Сибири в Среднюю и Центральную Азию были получены от среднеазиатских купцов-посредников, так называемых «бухарцов», часть из которых осела в Западной Сибири. Они же помогли русским проведать пути в Китай, получить ранние сведения о тибетцах и даже о далекой Индии.

В расширении представлений о южных странах большую роль сыграли довольно частые русские посольства, в которых активнейшее участие принимали сибирские служилые люди. Так, томский казак Иван Петлин, первым совершивший в 1618 г. путешествие в Китай, представил в Москву статейный список, в котором подробно описал путь своего следования, а также «чертеж и роспись про китайскую область».[5]

Немало сведений о народах, живших к югу от Сибири, русские получили от местных жителей. Важные известия о Монголии и о новых путях в Китай были получены от селенгинских тунгусов и бурят. От аборигенов Амура русские узнали в 1643—1644 гг. о маньчжурах, а в 1652—1653 гг. — о японцах («чужемах»), ближайшие поселения которых в то время находились в южной части о-ва Хоккайдо («Иессо»).[6] Большое значение для расширения представления русских о южных народах имели казачьи походы 1654—1656 гг. на правые притоки Амура — Аргунь, Комару, Сунгари («Шингал») и Уссури («Ушур»). Через Аргунь был открыт новый более короткий путь в Китай, по которому позднее ходили к Пекину посольства Игнатия Милованова (1672 г.) и Николая Спафария (1675—1677 гг.).

Наиболее подробный и богатый материал был накоплен в XVII в. о внутренних районах Сибири — о местном населении, фауне, флоре, поселениях и пр.

При сборе ясака служилые люди интересовались численностью, этническим и родовым составом местного населения, местоположением поселений. Кроме того, их сообщения содержат богатые сведения о социальных отношениях у местных народов, образе жизни — о таежных и речных промыслах, об орудиях охоты и средствах передвижения, о домашних животных, об устройстве жилищ. Все эти данные до сих пор представляют большую ценность для исследователей, особенно для этнографов.

Из природных богатств, привлекавших в XVI—XVII вв. в Сибирь русских людей, на первом месте была пушнина («мягкая рухлядь»). На русском и мировом рынках в XVI—XVII вв. особенно ценились меха соболей, бобров, чернобурых лисиц. Среди русских людей в Сибири было немало опытных звероловов. Они хорошо знали районы пушнопромысловых угодий, изучили повадки соболя и других зверей, владели различными способами охоты на них, умели обрабатывать пушнину и считались сведущими ценителями различных ее сортов.

Успешно охотились и на морского зверя — перлу, тюленей, а позднее и китов. Но русских особенно интересовал моржовый клык («рыбий

---

[4] Б. П. Полевой. О полном тексте двух описок Семена Дежнева 1655 года. Изв. АН СССР, сер. геогр., 1965, № 2, стр. 102—110.

[5] Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966, стр. 41.

[6] [illegible]. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, стр. 31.

зуб»), который ценился в XVII в. весьма высоко и продавался в некоторые страны востока. Поэтому когда в середине XVII в. на северо-востоке Сибири были открыты богатые моржовые лежбища, ими сразу заинтересовалась Москва.

Землепроходцы были также знатоками сибирских рыбных богатств. В своих сообщениях они перечисляют самых различных рыб. Так, в ноябре 1645 г. спутники В. Д. Поярковa рассказывали в Якутске, что в устье Амура есть не только красная рыба, но «и осетер и колушка большая и малая и сазан и стерляди и сом и севрюга».[11] Большое впечатление на русских производили рыбные богатства рек Охотского побережья. «В «скаске» казака Н. И. Колобова, участника похода И. Ю. Москвитина, говорилось: «... только невод запустить и с рыбою никак не выволочь. А река быстрая, и ту рыбу в той реки быстредью убивает и выметывает на берег, и по берегу ее лежит много, что дров, и ту лежачюю рыбу ест зверь».[12]

Среди землепроходцев были так называемые «травники», которые занимались поиском и сбором растений «для лекарственных составов и водок». Особым спросом пользовались зверобой, «волчье коренье», ревень.

Куда бы ни проникали сибирские землепроходцы, всюду их интересовали полезные ископаемые.[13] Прежде всего они начали собирать сведения о соляных источниках. До нас дошли подробные описания (XVII в.) казенного соляного промысла на оз. Ямыш (20-е годы) и соляных варниц Е. П. Хабарова на р. Куте (30-е годы). В конце 30-х годов были найдены соляные ключи в Енисейском уезде на притоках р. Ангары, Тасеве и Манзе. В конце 60-х годов соль была найдена недалеко от Иркутска (Усолье).[14]

Уже с начала XVII в. в Сибири велись поиски руд, особенно железных, медных и серебряных. С 20-х годов успешные поиски железной руды вел томский рудознатец кузнец Федор Еремеев. Как сообщил в Москву томский воевода, из руды, найденной Еремеевым, «родилося... железо добро».[15] В середине XVII в. «самое доброе и мягкое» железо выплавлялось из руды, найденной около Красноярска, а также в районе Енисейска. Медную руду русские нашли на Енисее и в Западной Сибири.

Наиболее настойчиво разыскивалась серебряная руда. Первые поиски были неудачными, но во второй половине XVII в. в Забайкалье были найдены достаточно богатые месторождения. Здесь были построены знаменитые Нерчинские заводы. Уже тогда русские знали, что в районах месторождений серебряных руд часто встречается свинец, а иногда и олово. Отписки землепроходцев сообщают и о поисках «горючей» серы, селитры

---

[11] ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, столб. 43, л. 362.

[12] Там же, оп. 2, столб. 66, л. 1. Полный текст этой «скаски» см.: Н. Н. Степанов. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке. Изв. ВГО, т. 90, 1958, № 3, стр. 446—448.

[13] Обзор опубликованных сообщений XVII в. о полезных ископаемых Сибири дается в книге А. В. Хабакова «Очерки по истории геологоразведочных знаний в России» (ч. 1, М., 1930), в архивных документах Сибирского приказа — в статье Н. Я. Новомбергского, А. А. Гольденберга и В. В. Тихомирова «Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в.» (в кн.: Очерки по истории геологических знаний, вып. 8, М., 1959, стр. 3—63).

[14] Ф. Г. Сафронов. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956, стр. 13; А. П. Кошаков. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965, стр. 186—189; В. А. Александрович. Русские заселения Сибири XVII—начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, стр. 248; ЦГАДА, СП, столб. 113, лл. 210, 211; столб. 344, лл. 333—336; столб. 908, лл. 117—136, 371—376.

[15] Подробнее о деятельности Ф. Еремеева см.: А. Р. Пугачев. 1) Федор Еремеев — первооткрыватель железных руд Сибири. Вопросы географии Сибири, сб. 1, Томск, 1949, стр. 105—121; 2) Кузнец-рудознатец Федор Еремеев. Томск, 1961.

и даже нефти.[16] Значительными были успехи в поисках оконной слюды. В середине XVII в. слюда добывалась в нижнем Приангарье (в верховьях рек Тасеевой и Кизыки). В 80-х годах были открыты богатейшие месторождения слюды на берегах Байкала. Тогда же в разных частях Восточной Сибири добывали горный хрусталь и собирали различные «узорочные камешки».

Русские землепроходцы свои открытия стремились отразить на географических чертежах. На протяжении XVII в. были созданы сотни таких чертежей. К сожалению, почти все они погибли. Но по немногим случайно сохранившимся чертежам и особенно «росписям» к ним видно, что они иногда имели довольно значительную нагрузку: помимо рек, гор и населенных пунктов, на них часто изображались «пашенные места», «рыбные угодья», «черные леса», волоки и даже «аргишницы» — пути, по которым переходили аргишом «оленные люди».

Некоторые из местных чертежей XVII в. представляли особую ценность. Так, в 1655 г. по указанию Дежнева был составлен первый «Анвинамре чертеж с Анюя реки и за Камень на вершину Анандыри и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где выплывает энерь».[17] В 1657 г. спутники Стадухина сделали первый чертеж северной части Охотского моря.[17]

Среди составителей чертежей XVII в. были самобытные мастера своего дела. Таким, например, был первооткрыватель Байкала и преемник Дежнева по Анадырскому острогу Курбат Иванов, составивший первые чертежи верхней Лены, озера Байкала, Охотского побережья и некоторых других районов Восточной Сибири.[18] К сожалению, многие исключительно богатые сведения о Сибири и соседних народах, собранные в XVII в., оказались потерянными в архивах и не были использованы «служилыми» картами при работе над созданием сводных чертежей и описаний Сибири.

Составлением обобщающих сибирских чертежей в России начали заниматься довольно рано. Известно, что еще в конце XVI в. был создан какой-то «чертеж Сибирской от Чердыни».[20] В 1598—1599 гг. в Сибири были сделаны чертежи, положенные в основу сибирской части знаменитого «старого» чертежа Московского государства.

В 1626 г. из Москвы в Сибирь была послана грамота «Тобольскому городу и всех сибирских городов и острогов в Тобольску начертити чертеж». Получив это предписание, тобольский воевода А. Хованский немедленно направил во все сибирские города и остроги к воеводам соответствующие распоряжения: «... велел мы тем городам и острогом и около тех городов и острогов рекам и урочищам начертити чертежи и написати на росписи».[21] Как были проведены эти работы, пока не известно. Некоторые исследователи полагают, что составленная в 1635 г. «Роспись сибирским городам и острогам», возможно, была приложением к такому общему чертежу всей известной тогда части Сибири.[22]

Сибирь до берегов Тихого океана впервые была изображена на чертеже 1667 г. За неимением местных чертежей многих районов Сибири тобольс-

---

[16] См.: ДАИ, т. 10, стр. 327.

[17] Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Вопросы истории изучения и освоения Арктики. Л., 1964, стр. 139.

[18] ДАИ, т. 4, 1851, док. № 47, стр. 120, 121.

[20] Б. П. Полевой. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.). Изв. ВГО, т. 92. 1960. № 1, стр. 46—52.

[21] ЧОИДР, 1894, кн. 3, смесь, стр. 16.

[22] РИБ, т. VIII, 1884, стлб. 410—412.

[17] Ю. А. Акишев. «Роспись» первого общего чертежа Сибири (опыт датировки). Проблемы источниковедения, VIII, М., 1959, стр. 343—360. Текст «росписи» см.: А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 9—22.

ский воевода И. И. Годунов организовал опрос «всяких чинов бывалых людей». После обобщения этих сведений о них составил «чертеж всей Сибири» и к нему составлена чертежная книга. Анализ текстов дает основание предположить, что «чертеж всей Сибири» был сделан в виде своеобразного атласа, в котором все подробности уже были отражены на особых маршрутных чертежах рек и путей.[1] 26 октября 1667 г. «чертеж всей Сибири» был отправлен в Москву.[2] А в феврале 1668 г. на основе этого чертежа живописец Станислав Лопуцкий сделал в Москве еще один чертеж Сибири.[3] Летом 1673 г. при воеводе И. Б. Репнине и Тобольске были проведены новые картографические работы: составлен новый чертеж Сибири и тобольский вариант чертежа всего Московского государства.[4]

В дальнейшем уточнении общих географических представлений Сибири важную роль играл глава русского посольства в Китай Н. Г. Спафарий, которому правительство поручило от Тобольска по дороге до пограничного китайского города изображать все земли, города и путь на чертеже и составить подробное описание Сибири.[5] В 1677 г. Спафарием в Посольский приказ была подана «Книга в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого предела Китайского».[6] В этом подробном сочинении помимо детальных описаний главных рек Сибири—Иртыша и Оби, Енисея и Лены, кроме того, к составленному Спафарием описанию Китая было присоединено отдельное описание Амура (один из тех маршрутных описаний, которые под названием «Сказание о великой реке Амуре»[7] Гитза же и Николаевский привел бы представляет в целой чертеж Сибири.

В развитии сибирской картографии большую роль сыграли переписи населения и земель, так называемые «дозоры». Во время наиболее раннего «дозора» начала 80-х годов XVII в. были сделаны немало чертежей, на основе которых около 3—4 годы были составлены новые уточненные чертежи всей Сибири.

К середине 80-х годов XVII в. относится и появление нового подробного географического описания Сибири — «Описания нового земли Сибирского государства, в котором что время и какими случаем досталося ко Московское государство и какой ей земли отделяется».[8] В. Спафарий в бумагах Н. Спафарий-Милеску — внучатого племянника Н. Рычкова в 1684—1687 гг. — нашлось более сжатое изложение этого «Описания» и маршрутных книг Польского чертежа Лены, который было отправлено «Описание». Имеются все основания предполагать, что это описание «Описания» было сделано в виде географического дополнения к маршрутно-полному чертежу Сибири взамен традиционной «росписи».

---

[1] См. подробно: Б. П. Полевой. Грамота о «Годуновском» чертеже Сибири 1667 г. // ВИ. 1969, стр. 204—210; 1970, № 4, стр. 124—132.

[2] ЦГАДА. СИ. опись 911, ч. 92.

[3] См. этот вопрос подробно: Г. А. Ростовцев в докладе в Географическом обществе СССР 14 ноября 1950 г.

[4] См.: Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и комментарии Н. Н. Скрынниковой. М.—Л., 1950, стр. 104—155.

[5] Материалы карт Сибири от Тобольска до Пекина и плана Пекина русского посольства Николая Спафария в 1675 годах. Дорожный дневник Спафария с вариантами и комментариями Ю. В. Арсеньева. Лейпциг, 1910 на отд. отт.: 1882, т. X, вып. 3. Прилож., кн. IIIе.

[6] Там же, стр. 1—214. Наиболее подробный анализ географических взглядов Н. Г. Спафария см.: Ф. М. Аносов. Спафарий и Россия XVII века. Краеведческий альманах. Сборник по истории географических знаний. М.—Л., 1940, стр. 127—161.

[7] Д. Таузе. Сибирь в XVII веке, стр. 107—113.

[8] Там же, стр. 25—100. Более точный текст исследования в 1907 г. в сборнике Хабаровского музея.

Описание маршрута этого же: S. Baba. Voice ad th der Yakutsk Expedition (Bibliotheca Orientalis, 1940, S. 42—49. Неизвестный чертеж воспроизведен в статье: T. D. Dagrove. Spatharii Descript. of Siberia (Imago Mundi, vol. IV, Stockholm, 1947, 160

Обнаружение за границей нескольких чертежей Сибири показывает, кой большой интерес проявляли к ней иностранцы. В XVII в. в Западной Европе появился и ряд сочинений со сведениями о Сибири. Наиболее полный их обзор дан академиком М. П. Алексеевым.[32] В сообщениях иностранцев чаще всего достоверное перемешалось с домыслами. Наиболее правдивые сочинения принадлежали перу тех, кто сам побывал Сибири. Особенно содержательна «История о Сибири» Юрия Крижанича (1680 г.),[33] прожившего 15 лет в ссылке в Тобольске. Там Крижанич встречался со многими сибирскими землепроходцами, что позволило у собрать достоверные сведения о Сибири. Крижанич, в частности, отмечает, основываясь на данных о русских походах середины XVII в., что [illegible] и Тихий океаны «ничем друг от друга не отделяются, но [illegible] [illegible] [illegible]

ских Сибири и подписать внизу, от которого города до которого сколько верст или дней езду, и **уезды всякому городу определить** и описать в котором месте какие народы живут и живут также с которой стороны **и порубежным местам какие люди подошли».**[1] В «наказе» был установлен размер для «годового» (уездных) чертежей 2 × 2 аршина и для чертежа всей Сибири 4 × 3 аршина.

Работы по **составлению чертежей были повсеместно начаты** в том же 1696 г. В Тобольске они производились в 1696—1697 гг. с примера, по описным чертежам Иркутскому уезду были получены в Иркутске 2 декабря 1696 г., а готовый чертеж был отправлен в Москву 28 мая 1697 г.[2] «Иркутский чертеж по Кудинской слободы... по государеву указу... писал» енисейский подьячий Москвы Григорьев Иванов.[3] В **Тобольске чертежные работы были возложены** на С. У. Ремезова, который заплатил до 1698 г. описные чертежи по уездам сыну Тобольску, слободам и острожкам городов в разных судах писал.[4]

Для составления своего чертежа Сибири С. У. Ремезов лично объехал в 1696—1697 гг. многие районы Западной Сибири. К осени 1697 г. Ремезов составил настенный чертеж части Сибири» и дополнительную к нему «географическую черновую книгу — специальный атлас сибирских рек.[5] Систематический и такой же чертеж части Сибири получил высокую оценку в Москве.

Осенью 1698 г. Ремезов во **время своего пребывания** в Москве создал два общих чертежа всей Сибири, один — на белой китайке, другой — на хлопчатой бязи, размером 9 × 4 аршина. Нет работы Ремезов выполнил с таким совершенством. Они были полны с **восемнадцати чертежей**, при чем ранее в Сибирский приказ не различались городов Сибири. Затем сделал «обращаемой» чертеж на **белой китайке размером** 4 × 2 аршина и другой 6 × 4 аршина на хлопчатой бумаге для царя. Кроме с городовых чертежей и книги с **«обращаемого» общего чертежа** Сибири Ремезов тоже с собой в Тобольск при отъезде туда в декабре 1698 г.[6] Не этот раз Ремезову было велено составить в Тобольске удобную для подвозящий книги **чертежей** всех **сибирских городов** («Чертежную книгу»), предназначенную сделать еще ряд новых чертежей. Эту работу Ремезов окончил в середине Семидесятых. Аксенов и Иванов и доставил ее только 1701 г. **Чертежная книга** Сибири 1701 г. содержит на 24 листах двухсторонней бумаги имела предисловие («Послание до **ласкового читателя»**) и 23 **географических чертежа**, объединенные по **которым была «городовыми»** чертежами.[7]

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1593, стр. 217.

[2] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. М.—Л., 1960, стр. 98.

[3] ЦГАДА, ОП, опись 1442, д. 734.

[4] А. И. Кальмаков. К биографии С. У. Ремезова. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 247. Недавно установлены названия целого ряда чертежей, составленных С. У. Ремезовым еще в 90-х годах XVII в. (см. А. А. Преображенский. Семен Ульянович Ремезов. М., 1965, стр. 29—30).

[5] S. U. Remezov. Atlas ot Sibirii Iroda, ed. and introduction by L. Bagrow. Imago Mundi, Suppl. 1). Cambridge, 1958. Табличный перечень этих чертежей, составленный самим С. У. Ремезовым, был впервые опубликован лишь в 1910 г. (А. О. Богдановъ. Списокъ чертежей С. У. Ремезова 1697 «географіей» подлинника географического (описного сутью), а потому он и назван описью «Книгописательской книгой», большими исследователей принято это название.

[6] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, стр. 111.

[7] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. О «ласковой книге» см.: А. А. Преображенский. Семен Ульянович Ремезов, стр. 36—49, а также: Б. Н. Полевой. О подлинной Чертежной книге Сибири С. У. Ремезова 1701 г. Сообщения науки о Земле, доклад. книга. Докл. Пед. секции. Сибири и Дальнего Востока. 1961, вып. 7, стр. 62—71.

Ремезовы оставили после себя еще один ценный памятник картографии XVII—начала XVIII в. — «Служебную чертежную книгу». В этот сборник чертежей и рукописей вошли копии «городовых» чертежей 1696—1699 гг., ранних чертежей Камчатки 1700—1713 гг. и другие чертежи конца XVII—начала XVIII в.[45]

Многочисленные чертежи Ремезовых всегда поражали исследователей обилием самых разнообразных сведений о Сибири. До сих пор этими чертежами живо интересуются не только историки, но и географы, этнографы, археологи и лингвисты, особенно топонимисты. И все-таки для начала XVIII в. картография Ремезовых была уже «вчерашним днем развития науки».[46] Их чертежи не имели математической основы и часто отражали недостоверные или неверно понятые известия XVII в. В начале XVIII в. государственные интересы требовали составления точных географических карт, сделанных не «иконниками» или «изографами», а получившими специальную подготовку геодезистами. Во втором десятилетии XVIII в. в Западной Сибири успешные съемки проводили Петр Чичагов и Иван Захаров,[47] в Восточной Сибири — Федор Молчанов. На Дальнем Востоке и Тихом океане составлением первых карт на математической основе занялись геодезисты Иван Евреинов и Федор Лужин.[48]

Русские землепроходцы начали проникать на Камчатку еще с середины XVII в., но лишь в результате исторического похода В. В. Атласова 1697—1699 гг. они получили реальное представление о промысловых богатствах этого полуострова и установили, насколько далеко он простирается в океан.

Атласов привез с Камчатки занесенного туда бурей японца Денбея, от которого в России были получены новые сведения о Японии.

Важную роль в получении первых подробных сведений о Курильских островах сыграл И. П. Козыревский, руководивший двумя первыми русскими плаваниями на эти острова (1711 и 1713 гг.). Необходимость возмещения скудеющих промысловых запасов Сибири побуждала правительство Петра I организовывать на Дальнем Востоке все новые и новые поисковые экспедиции.

В 1716—1719 гг. здесь под руководством якутского воеводы Я. А. Елчина велась подготовка большой морской экспедиции, так называемого Большого Камчатского наряда. Улучшалась дорога от Якутска к Охотску, разведывались морские пути, систематизировались сведения о Камчатке и Курилах. Экспедиция Большого Камчатского наряда не состоялась, но карты Камчатки и сведения, собранные Елчиным, были представлены в Сенат и использовались при подготовке и осуществлении экспедиций Евреинова и Лужина, а также знаменитых Камчатских экспедиций второй четверти XVIII в.[49]

Направляя из Петербурга на Дальний Восток геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, Петр I сам «испытал» их знания и поручил описать Камчатку с прилегающими к ней водами и землями и «все на карту исправно поставить». Геодезистам при этом особо предписывалось установить, «сошлася ли Америка с Азией».

Евреинов и Лужин в сентябре 1719 г. прибыли на Камчатку, а в 1720—1721 гг. совершили путешествие вдоль западных берегов Камчатки и Курильской гряды. Карта и отчет Евреинова являются главным

[45] РО ГПБ. Эрмитажное собр., № 237.
[46] Д. А. Голденберг. Семен Ульянович Ремезов, стр. 198.
[47] Е. А. Княжецкая. Первые русские съемки Западной Сибири. Изв. ВГО, 1966, вып. 4, стр. 333—340.
[48] Е. Гетев. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
[49] В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 9—12.

нием планов населенных пунктов, расписывали дома, церкви, сочиняли различную «литературу» и т. д. На рынках Тобольска, Енисейска, Верхотурья, Тюмени, по крайней мере с 40-х годов XVII в., стали появляться грамматики, азбуки, псалтыри, часословы, что несомненно было вызвано повысившимся спросом на литературу.[61] Спрос на «учительные» книги особенно повысился в конце XVII—начале XVIII в. Руководители Сибирского приказа, обратив на это внимание, стали закупать учебную литературу в Москве и посылать ее сибирским воеводам для продажи «с прибылью». Так, в феврале 1703 г. начальник Сибирского приказа А. А. Виниус распорядился купить на Печатном дворе 200 азбук, 100 часословов, 50 псалтырей «учительных» и послать их в Верхотурье для продажи с прибылью «из приказной избы верхотурским всяких чинов людем для научения детей».[62] Примечательно, что через год в верхотурской смете отмечался особенно значительный спрос на азбуки.[63]

Главной формой народного просвещения в допетровской Руси было обучение у частных «мастеров» грамоты. В этом отношении Сибирь не представляла какого-либо исключения. До начала XVIII в. здесь не было школ, а в качестве частных учителей выступали писцы, подьячие, церковнослужители и просто грамотные люди. Обучение было примитивным и имело целью практически-прикладную грамотность (учили читать и писать). Но в XVII в. и здесь уже были люди с тягой к более широким знаниям, которые достигали значительных успехов либо путем самообразования, как С. У. Ремезов, либо продолжали обучение в крупных культурных центрах Руси, как Андрей Нестеворский, отправившийся из Тобольска в Киев «книжного ради учения».[64]

Во второй половине XVII в. в ходе борьбы официальной церкви с ересями и расколом началось движение за повышение культурно-образовательного уровня русского духовенства, а в конце века правительство Петра I взяло курс на подготовку грамотных светских кадров, необходимых для осуществления широко задуманной программы государственных преобразований в России. Эти новые веяния времени в области культуры, связанные с обострением классовой борьбы и становлением абсолютизма, захватили и Сибирь.

В 1702—1703 гг. в Тобольске при архиерейском доме была открыта первая в Сибири и вторая в России провинциальная школа для подготовки низшего звена церковнослужителей (после школы в Ростове, 1702 г.).[65]

Указ Петра I о ее открытии был послан в Тобольск еще в 1697/98 г. митрополиту Игнатию. Но последний вскоре попал в опалу, и открытие школы затянулось. По царскому указу от 9 января 1701 г. в Тобольск был послан «приказным человеком и дьяком» в Софийский митрополичий дом дворянин Андрей Иванович Городецкий. Ему велено было «для утверждения и расширения словес божиих на Софийском дворе, или где приличнo, построя училище», обучать детей служителей церкви «грамоте, а потом словесной грамматике и прочим на словенском языке книгам».[66] На учительские должности рекомендовалось подыскать «искусных мир-

---

[61] Н. Н. Оглоблин. 1) Книжный рынок в Енисейске в XVII в. Библиограф, 1888, № 7—8, стр. 282—284; 2) Из архивных мелочей XVII в. Библиограф, 1890, №№ 2, 3—6; ЦГАДА, СП, кн. 44, лл. 137, 183, 184, 248, 275.

[62] ЦГАДА, СП, отд. 5, № 217, лл. 1—2 об.

[63] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. 1. М., 1895, стр. 220.

[64] ЧОИДР, 1891, кн. 1, отд. V; Н. С. Юрцевский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923, стр. 8.

[65] Н. С. Юрцевский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 9.

[66] ЦГАДА, СП, кн. 1350, лл. 500—501.

ских добрых людей» на месте или в каком-либо другом городе. К приезду в Тобольск нового [illegible] митрополита (Филофея Лещинского) училище, видимо, в основном было выстроено. Летом 1702 г. Филофей писал, что училищные здания «строением приходят в совершенство» и дети для обучения собираются, но нет нужных книг.[67] Тобольский воевода Михаил Черкасский в том же году доложил в Сибирский приказ об окончании строительства школы и отметил, что она располагается на Софийском дворе при Троицкой церкви.[68]

Филофей намеревался в открываемой им школе организовать обучение по образцу юго-западных духовных школ. По его приказу в 1702 г. ездил в Киев митрополичий сын боярский Еремей Иванов с поручением приобрести для тобольской школы «церковных треб и книг грамматических», а также завербовать «дьяка черного и архидьяконы, да учителей латинской науки двух, спевакон 4 человек, студентов 2 человек».[69] В Печорском монастыре он приобрел 206 учебных и богослужебных книг.[70]

В школу принимали детей церковнослужителей. Обучали их преимущественно начальной грамоте: читать (букварь, часослов, псалтырь), писать и петь церковные службы. С 1703 по 1726 г. здесь обучилось 33 человека. Из них 4 человека были уволены от церковной службы, а остальные 29 поступили на дьяконские и причетнические должности.[71] Тобольскую школу церковь стремилась использовать и для подготовки миссионеров из детей местных народов.[72] История народного образования Сибири в основных чертах повторяла ход просветительного дела в центральных областях России, а школьное обучение началось с открытия духовных школ.

Важными показателями для характеристики развития культуры в Сибири являются круг чтения и появление местной и привозной литературы.[73]

О литературе, имевшей хождение в Сибири в XVI—начале XVIII в., известно мало. В основном это сведения о богослужебных книгах, распространявшихся официальным путем. Каждый новый острог вскоре обзаводился церковью, попом и необходимыми для культовых служб книгами. Для этой цели Сибирский приказ закупал в Москве апостолы, евангелия, псалтыри, минеи, требники.[74] В 1639 г. первые якутские воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов везли с собой из Москвы книги «в два острога к двум церквам».[75] Книги церковнослужебного характера с прибавлением учебной литературы (азбук, грамматик) привозили в Сибирь и купцы.[76]

Состав монастырских и церковных библиотек Сибири (о светских библиотеках этого периода сведений нет) был ограничен церковно-служебными книгами, богословскими и житийными сочинениями, с очень небольшими вкраплениями учебной литературы. Так, из 77 книг митро-

---

[67] Там же, л. 500—500 об.

[68] Там же, оп. 5, № 608, л. 1.

[69] Н. Н. Оглоблин. Бытовые черты начала XVIII в. ЧОИДР, 1904, кн. 1, отд. 3, Смесь, стр. 15—16.

[70] ЦГАДА, СП, кн. 1350, л. 502.

[71] П. Пекарский. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб, 1862, стр. 120.

[72] А. Г. Баланов. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л., 1936, стр. 22—24.

[73] См.: Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур. Исследования по языку и фольклору, вып. 1, Новосибирск, 1965, стр. 223—254.

[74] Н. Н. Оглоблин. Из архивных мелочей XVII в., №№ 2, 5—6.

[75] ЦГАДА, СП, стлб. 75, лл. 49, 75, 95.

[76] Н. Н. Оглоблин. Книжный рынок в Енисейске в XVII в., стр. 282—284.

полита Игнатия только 4 выходили за рамки сугубо церковной литературы: «Алфавит» (Азбуковник), 2 лечебника и «История Сирская».[77]

Церковная литература распространялась также в среде рядового духовенства и у мирян. Наряду с переписываемыми богословскими сочинениями особым интересом пользовались жития святых, игравшие роль своеобразной беллетристики. Из переводных преобладали жития Евстафия Плакиды, Марии Египетской, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского, Алексея божия человека. Среди русских житий наибольшее распространение имели биографии подвижников северного края — новгородских (Варлаама, Иоанна), архангельских (Антония Сийского), соловецких (Зосимы и Савватия, митрополита Филиппа), устюжских (Прокопия Устюжского). Рассказы о святынях северного края преобладают и среди сказаний о монастырях и чудотворных иконах. По-видимому, северорусская литературная традиция была ближе русскому населению Сибири, сформировавшемуся в основном за счет выходцев из северных районов страны. Она поддерживалась и первыми сибирскими архиепископами — Киприаном и Нектарием, приезжими с собой из Новгорода не только книги, но и книжных людей. В их числе был и Савва Есеевв, автор сибирской летописи, справедливо называемой первым сибирским писателем.

Состав историко-географической литературы в Сибири отличался значительной пестротой. Среди географических сочинений преобладали космографии и литература хождений (Трифона Коробейникова, игумена Даниила, Василия Гагары). В группе исторических сочинений обращает на себя внимание большое число хронографов, в том числе хронограф конца XVII в., переписанный С. У. Ремезовым и его старшими сыновьями. Имели хождение исторические повести о Мамаевом побоище, о Темир-Аксаке (Тамерлане), о взятии Царьграда.

Главное место не только в читаемой, но и в собственно сибирской (по происхождению и тематике) литературе XVII—начала XVIII в. занимают летописи. В них особенно ярко проявилось творчество самих сибиряков. Развивая традиции древнерусского летописания, сибирские летописи претерпели известную эволюцию и уже в XVII в. представляли собой своеобразные исторические повести «о взятии Сибири». Первым видом сибирской летописи обычно считают «Синодик» тобольского архиепископа Киприана (около 1622 г.), составленный на основе более раннего «Написания, как приидоша в Сибирь», созданного либо непосредственными участниками похода Ермака в Сибирь, либо с их слов. Из летописей первой половины XVII в. сохранились две: Есиповская (составлена в 1636 г. тобольским подьячим Саввой Есиповым) и Строгановская (написана неизвестным автором, близким к дому Строгановых). Можно говорить о широком распространении этих произведений уже в XVII в., причем пометы на рукописях свидетельствуют о том, что сибирские сочинения читались не только в Сибири, но и в России.[78]

В конце XVII—начале XVIII в. в Тобольске работал один из выдающихся деятелей русской культуры С. У. Ремезов — историк, этнограф, картограф, художник, архитектор и строитель. Историки считают его первым историком и этнографом Сибири, архитекторы — первым сибирским градостроителем и основоположником инженерной графики Урала и Сибири, картографы выделяют ремезовский этап в развитии сибирской картографии. «Хорографическая чертежная книга», «Чертежная книга Сибири», «История сибирская», «Описание о сибирских народах и гра-

[77] Н. Н. Оглоблин. Библиотека сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. СПб. 1893, стр. 3—5.

[78] Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв.... стр. 236—237.

Автограф С. У. Ремезова. «Победа на Кучума царя».

ней их земель», проектирование и строительство уникальных сооружений Тобольского Кремля — таков краткий перечень основных работ этого ученого-самоучки.[79] Его «История сибирская» (Ремезовская летопись) отличается от предыдущих летописных повестей элементами научного подхода к историческим событиям и привлечением нового круга источников, в том числе народных легенд и преданий.

Помимо летописей, собственно сибирская литература представлена рядом повестей. Наиболее ранним произведением является «Повесть о Таре и Тюмени» (написана в 1635—1642 гг., видимо, в г. Томске). Автор ее — очевидец описываемых событий, близкий к церковным кругам. В повести сказалось влияние русских воинских повестей XVI—XVII вв., писавшихся в духе «торжественной» литературы.[80]

В XVII—начале XVIII в. под влиянием известных в Сибири общерусских сказаний был создан ряд повестей-легенд о местных чудесах и житий первых сибирских святых. Так, сказание об Абалацкой иконе (1640-е годы) испытало воздействие повести о знамении Новгородской иконы богородицы, а повесть о явлении иконы богородицы в Тобольске (1660-е годы) написана в подражание сказанию о Казанской иконе.[81] Сибирские жития конца XVII в. Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского, отражающие быт и социальную борьбу в среде русского населения Сибири, подобно большинству поздних русских житий, представляют собой не подробную биографию святого, как требовали законы жанра, а перечень их посмертных чудес, которые описывались разными людьми и в разное время, постепенно пополняя уже существующее произведение.[82]

Довольно широкое распространение в Сибири христианской легенды, в то время как этот жанр в центральных областях России стал уже изживать себя, объясняется тем, что в отдаленной Сибири церковь и в XVII—XVIII вв. продолжала играть большую роль, поскольку она активно помогала царизму закабалять коренные народы Сибири и боролась с расколом, который в то время являлся одной из форм классового протеста крестьянства. К концу XVII в. Сибирь превратилась в один из главных районов распространения раскольников, поэтому общей идейной направленностью христианских легенд была борьба с «ересью».

Заметную роль в литературной жизни Сибири играли лица с ярко выраженным литературным дарованием, временно оказавшиеся в Сибири на службе или в ссылке. Так, в Сибири (в 1622—1625 гг. в ссылке в Тобольске и в 1629—1630 гг. воеводой в Енисейске) был князь С. И. Шаховской, видный литературный деятель первой половины XVII в. Вероятно, в период тобольской ссылки им была написана «Повесть известно сказуема на память великомученика Димитрия», посвященная теме убийства царевича Димитрия в Угличе, с искусно составленным введением о мученичестве и гонениях вообще.[83]

Тобольским воеводой в 1609—1613 гг. служил князь И. М. Катырев-Ростовский, которому приписывается «Повесть книги сея от преж-

---

[79] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, гл. 2, 4, 8; Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов; Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.

[80] М. Н. Сперанский. Повесть о городах Таре и Тюмени. Тр. Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, т. I, Л., 1932, стр. 13—32.

[81] Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв..., стр. 240.

[82] С. В. Бахрушин. Легенда о Василии Мангазейском. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 331—354.

[83] История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 60; К. Газенвинкель. [illegible] сибирских деятелей. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. 1, Тобольск, 1893, стр. 79, 80.

ану лет» (1628 г.) — одно из наиболее ярких [illegible] и культурно. Часто исследователей, однако, привлекает его провокационно крутому северному деспоту — **гоголевскому служилому человеку** (С. М. Соловьев), **созданному особую редакцию** Хронографа, куда вошли и эти повести.[8]

Около 30 лет в Тобольске провел в ссылке Юрий Крижанич, один из **виднейших публицистов** XVII в., **перу которого принадлежит интересное описание Сибири и ряд философских сочинений.** Ученые спорят в Сибири и самой Русской земле около XVII в. — пустынник Авраамий (с 1653 по 1662 г.). Описание сибирских пейзажей (особенно «Байкальских мотивов») — одно из самых красочных мест его «Жития и житий» с чем самое художественное описание Сибири, отмеченное до конца XVII в. Ивана Аввакумом языка и фольклор старообрядческого населения Забайкалья, как он неоднократно говорил на примере в переписке ссыльных.[9]

Среди **сибирских митрополитов** выделялся своей литературной деятельностью Иоасаф Мелетовский (1711—1721 гг.), одно из наиболее ярких представителей «барочного» христианства, воспитанник **были воспитанники Киево-Могилянской** духовной академии.

Русские поселенцы в Сибири перенесли из Европейской России, песни и предания, существовавшие с Руси. Немалую из них приобрела здесь местная среда (**древнерусские богатыри охотились** в лесах на распространенных в Сибири зверей, ездили по тайге). Особенно заметно здесь **традиции русского фольклора старообрядческое население**, в свадебных и других обрядах которого наиболее отчетливо **сохранилась северно-русская традиция.**

Начиная с XVII в. в Сибири **были широко распространены** исторические песни «Взятие Казани», «Ермак», песни о Ермаке. Сотника Ранова, у чей **свидетельствует сибирские летописи** того времени. Наиболее полный вариант песни о покорении Ермаком Кучумова царства записан Кирша Даниловым, составителем им, грандиозным песенником-сборником в 1722—1724 гг. на Урале. В нем же сборнике К. Данилов записал еще две песни: «Поход селенгинским казакам» («А-та славным сыне батюшком, за Байкалом морем») и «На Сибирской Украине по Донской стороне». Основой четвертой второй песни «повествующая» о трудностях, связанных с освоением Приамурья.[10] Сибирский **складывался** и другие песни о местных событиях.

Первыми **носителями** народного театрального искусства русских **в Западные были скоморохи**, появившиеся на северных **землях** Русского государства вместе с **первыми поселенцами** в конце XVI в.

Скоморошество на Руси было распространено с древних времен. Монахи, **пришлые**, конечно, по-своему **хорошо** были **знакомы** простым людям. Православная же **церковь** преследовала скоморохов, считая их **посла** на Север, **посла** — в Сибирь.

Когда в середине XVII в. **царское правительство** в союзе с **обитателями** в стране **социальных противоречий пошло** после жестоких мер к **истреблению скоморошества**, последние вновь уже **значительное** ра-

---

[8] В. С. Истрин. Опыт **отсенки** историографии. — Ученые записки Института истории, т. II, в. 2. Пг., 1922, с. 1—84; С. Ф. Платонов. Старые сказания. Сборник статей и **мат.** М. Н. Любавского. М., 1917; А. Елеонский. Сирот Бобров и Сибирская летопись. Сборник статей по истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, стр. 289—295.

[9] А. Б. Романов. Протопоп Аввакум и [illegible] Забайкалье. ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1962, стр. 351—363.

[10] А. А. Горелов. [illegible] Кирши Данилова, изд. 2-е, Л., 1963, стр. 7, 8, 24. Кто **был автор** сборника «Древние российские стихотворения». Русская литература, Материалы и исследования, т. VII. М.—Л., 1962, стр. 297—311; [illegible] Т. М., 1959, стр. 427.

пространение в Сибири. Популярность народных зрелищ здесь в значительной мере объяснялась тем, что широкие слои населения видели в обличительных сатирических представлениях живой отклик на уродливые явления сибирской действительности — произвол воевод-лихоимцев, неправедный суд, корыстолюбие и невежество священников.

В 1649 г. в сибирских городах была получена царская грамота, предписывавшая применять к скоморохам такие же меры, какие были приняты в 1648 г. в Москве и других городах: уничтожать домры, гусли и прочие инструменты и наказывать скоморохов батогами. Однако высочайшие указания не помогали. В 1653 г. архиепископ Симеон жаловался в Москву, что в Сибири «умножилось всякого беззакония», в том числе «скоморошества и всяких игр бесовских и кулачново бою и на качелях качаютца и иных всяких неподобных дел умножилось много».[87]

Скоморохи как деятели народного театра представляли самые разнообразные направления народного искусства. Среди них были песенники, плясуны, музыканты, жонглеры, клоуны, дрессировщики животных (медведей, собак), кукольники. Сибиряки не только хорошо принимали скоморохов. Они сами любили различные игры, пение, пляску. В архивных документах отмечается их увлечение шахматами, катанием на лыжах с гор, «шаром и мечем и бабками и городками и шахардою и свайкою», борьбой, кулачными боями, лошадиными скачками. По вечерам устраивались, по выражению церковников, «бесовские игры», во время которых рядились в маски, пели песни, плясали «и в ладони били».[88]

Используя любовь народа к зрелищам, церковь противопоставляла скоморошьим представлениям и народным играм свой театр. Появление в Сибири первого церковного театра относится к началу XVIII в. и связано с именем митрополита Филофея Лещинского. Воспитанник Киевской духовной академии, он перенес в Сибирь многие традиции староукраинской культуры, в том числе театр. Театральные представления в Тобольске начались почти одновременно с открытием духовной школы, во всяком случае не позднее 1705 г.[89] В качестве актеров выступали преподаватели и ученики тобольской архиерейской школы, а ставились духовно-назидательные пьесы. Сцена устраивалась на площади вблизи архиерейского дома. При этом церковники стремились привлечь в качестве зрителей возможно большее число народа.[90]

Живопись в Сибири XVI—начала XVIII в. была представлена преимущественно иконописным искусством. Неверно распространенное мнение, что потребности населения Сибири в иконописной продукции вплоть до середины XIX в. почти исключительно удовлетворялись привозной продукцией.[91] В Сибири очень рано развилось иконописное дело, и по крайней мере с середины XVII в. ее потребности в иконописи в основном удовлетворялись местными художниками.

Первые иконописцы в Сибири были выходцами из Европейской России. Так, в самом начале XVII в. в Сибирь переселился из Устюга Великого «иконник» Спиридон, родоначальник известного в XVII—XVIII вв. в Тюмени купеческого дома и автор популярной тюменской иконы «Знамения божия матери» (Знаменская церковь). В начале

---

[87] ЦГАДА, СП, стлб. 400, лл. 410, 411; см. также: АИ, т. IV, СПб., 1842, стр. 1[illegible]

[88] ЦГАДА, СП, стлб. 400, лл. 1—7.

[89] А. И. Сулоцкий. Семинарский театр в старину в Тобольске, ЧОИДР, 1870, кн. [illegible]

[90] П. Г. Маляревский. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957, стр. 12—18; Б. Жеребцов. Театр в старой Сибири (страница из истории русского провинциального театра XVIII—XIX вв.). Зап. Гос. инст. театрального искусства им. Луначарского, М.—Л., 1940, стр. 120, 121, 130.

[91] ССЭ, т. I, стр. 933.

XVII в. имена из Европейской России в Сибирь попадали относительно редко. Известный иконописец Симон Ушаков, приглашенный в Тобольск при архиепископе Макарии, единственное появление которого в Сибири было связано с его работой в области иконописного искусства в первое десятилетие XVII в.[1]

Иконописцы были также в монастырях и до нас почти не дошли. Среди монастырей, где художественное творчество было особенно интенсивным, Тобольский Знаменский монастырь. Основанный в 1620 г. архиепископом Киприаном, он уже в 1623 г. имел каменную церковь Знамения, а в 1630 г. — каменную церковь Николая Чудотворца. Монастырь был богато украшен иконами, фресками, резьбой. Здесь работали иконописцы Иван Ефимов, Иван Ларионов, Иван Ермолаев, Иван Ефимов, Иван Ларионов, Иван Ермолаев, Иван Ефимов, Иван Ларионов, Иван Ермолаев,

иллюстрировал рисунками в красках, на которых даны ценные для этнографии изображения различных представителей аборигенного населения Сибири. Эти рисунки затем широко использовались в иностранных изданиях о Сибири, в частности Витсеном во втором издании его книги (1705 г.)

Русская архитектура в Сибири до конца XVII в. была представлена исключительно деревянным зодчеством, которое можно разделить условно на три группы: крепостное, церковное и гражданское.

Занятие новой территории сопровождалось постройкой укрепленных пунктов — острогов, внутри которых располагались основные казенные здания (воеводская и таможенная избы, амбары, церковь, тюрьма, гостиный двор). Острог обычно был небольших размеров, с общей протяженностью стен 200—300 сажен, и представлял собой четырехугольник (иногда шести- или восьмиугольник).[100] Строили либо «стоячий острог» (первоначально такими были все остроги в Сибири), либо из бревенчатых горизонтальных двухстенных связей. Высота стен была различной. В Якутске острожная стена состояла из 30 венцов, в том числе 20 до облама (выступавшей вперед верхней части) и 10 — облам. Общая высота стены Якутского острога составляла 3 сажени (около 6.5 м), Иркутского — 2.5, Илимского — 2 сажени.[101]

По углам и кое-где в стенах острога стояли башни (обычно 4, 6 или 8), возвышавшиеся над уровнем стен. Среди них были глухие и проезжие (с воротами). Самые высокие башни Якутского острога имели 42 венца до облама и 8 — облам. Башня обычно представляла собой высокий сруб с четырех-, шести, или восьмиугольным основанием (чаще четырехугольник). Она вершилась шатровой крышей с вышкой. Среди острожных башен выделялась архитектурной изысканностью восьмиугольная проезжая башня Иркутского острога, верх которой имел три уступа, увенчанных шатром. Балконы над воротами проезжих башен обычно являлись надвратными церквами или часовенками и увенчивались крестом и маковицей. Большое внимание обращалось на декоративную сторону строительства: высокие шатры на башнях, орлы, часовенки.

Из памятников крепостного деревянного зодчества в Сибири до нас дошли две башенки Братского острога (1654 г.), крепостная Спасская башня в Илимске (XVII в.), башня Якутского острога (1683 г.), Бельская «дозорная» башня (начало XVIII в.).

В сибирской церковной архитектуре XVI—начала XVIII в. были две основные группы храмов.

Первая представлена наиболее древним и наиболее простым видом церковных строений северорусского происхождения, так называемым клетским храмом. Типичным образцом этого вида церковного зодчества была Введенская церковь в Илимске (1673 г.). Она представляла собою два поставленных рядом сруба, один из которых (восточный) несколько выше другого. Каждый сруб был покрыт двускатной крышей. На крыше восточного сруба (клети) находился небольшой четверик, покрытый «бочкою», повернутой поперек главной оси здания. Бочка несла на круглых шейках две «луковичные» главки, обитые чешуею. Церкви такого типа были распространены во многих районах Сибири.

Другим типом старорусских построек, привившихся в Сибири, была шатровая церковь. Она обычно состояла из обширного четырех- или

---

[100] М. К. Одинцова. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVII век). Иркутск, 1958, стр. 46; В. И. Кочедамов. Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв. Ежегодн. Тюменск. обл. краевед. музея, вып. III, Тюмень, 1963, стр. 86, 87; ЦГАДА, СП, стлб. 25, лл. 41, 42.

[101] М. К. Одинцова. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири, стр. 45.

ьмигранника, заканчивающегося вверху восьмигранной пирамидой виде шатра. Шатер увенчивался небольшим куполом луковичной рмы. Шатровые колокольни имели верхолепская Богоявленская 661 г.), иркутская Спасская (1684 г.) и другие церкви.

Кроме того, в Сибири были широко распространены, как уже отмечалось, «надвратные» церкви, стоявшие над острожными и монастырскими воротами. Для этого вида типична надвратная церковь в Киренске (169[illegible]).

Большой интерес представляют покрытия церквей, имеющие чисто циональные русские архитектурные мотивы: бочки, кубы, маковицы. о нашего времени сохранилась покрытая «бочкой» и «маковицей» Каинская церковь в Иланске.[illegible]

Стены и башни Якутского острога. Фотография 70-х годов XIX в.

Следует отметить одну любопытную черту церковных храмов в Сибири: под ними обычно располагались торговые лавки, которые церковники сдавали в аренду.

Гражданская деревянная архитектура Сибири XVI—XVIII вв. отличалась большой простотой и строгостью. Дома и избы как деревенских, ак и городских жителей строились из больших бревен, толщиной не менее 35—40 см, рубились они топором в «обло» с выемкой в верхнем ревне. Крыша большей частью была высокой, двускатной. Вверху, на ыке скатов, концы досок перекрывались толстым выдолбленным снизу ревном — «охлупнем» («шеломом», «коньком»). Своей тяжестью он принимал всю конструкцию крыши, придавая ей необходимую прочность. онец «охлупня» обычно выдавался вперед и иногда декоративно обрахтывался.

Окна в домах были небольшие, 50—70 см высотой, квадратной и иногда круглой формы: в них вставлялась слюда, которая в Сибири добывалась в достаточном количестве. Оконная рама обычно была деревянной, иногда — железной. Во многих домах сибиряков в XVII в. печи опились «по белому» (имели выводные кирпичные трубы). Уже в это ремя в Сибири была распространена русская печь, наиболее эффективная из существовавших в те времена отопительных систем (коэффициент

[illegible] Там же, стр. 55—56.

полезного действия такой печи — 25—30%, при 5—10% в западносибирских печах).[16]

Внутри избы обычно стоял прямоугольный стол; вдоль стен располагались лавки, и вверху делали для хозяйственных нужд под потолком над входной дверью устраивался специальный настил — «полати», где спали в зимнее время.

Деревянная церковь русскими поселенцами Якутска (Якутия). XVII в.

Сибирские города, основанные в XVI—XVIII вв., строились обычно как острог, расположенный на высоком берегу, вокруг которого группировался посад. Архитектурный облик сибирского города мало чем отличался от северорусского. В нем наблюдалась та же смена стилей, что и в Москве, только происходила она с некоторым запозданием — старинные шатровые колокольни и деревянные дома строились до второй половины XVIII в. и позже, а формы барокко применялись до 30-х годов XIX в.

[16] Там же, стр. 18, 24—25.

Среди городских строений несколько выделялись по размерам и архитектурному оформлению таможенные и приказные избы, гостиные дворы, воеводские дома. Воеводский дом обычно имел в разных своих частях два или три этажа. По описанию 1697 г., воеводский дом в Енисейске представлял собой трехэтажное здание: первый этаж составляли «жилые подклети», на которых стояла «двойня»; над ней возвышалась «вышка», «перед вышкою сени, да чердак, да повалыша старая о четырех житьях». Во дворе находилась воеводская баня («мыльня»), которая топилась «по белому», и печь ее была даже с изразцовой отделкой.[104]

Софийский собор в г. Тобольске. 1686 г. Современный вид.

Каменное строительство началось в Сибири в конце XVII в. Одним из первых был сооружен Софийский двор в Тобольске (1683—1688 гг.). Это был целый комплекс — большой собор, колокольня и крепостная стена с башнями.[105] В конце XVII в. в целях борьбы с очень частыми в сибирских городах пожарами было велено все казенные здания строить из камня. Но за неимением «мастеров каменных дел», и из-за нехватки сил и средств каменное строение удалось развернуть лишь в начале XVIII в. и только в двух городах — Верхотурье и Тобольске. В других местах в это время ограничивались постройкой отдельных зданий, например, в Тюмени — казенных амбаров с церковью над ними (1700—1704 гг.).[106]

Составление проекта и сметы нового каменного города в Тобольске было поручено в 1697 г. С. У. Ремезову. В июне 1698 г. он был вызван в Москву для защиты своего проекта. Здесь Ремезова направили для обучения «каменному строению» в Оружейную палату, после чего поставили во главе всего строительного дела в Тобольске, «для того что ему

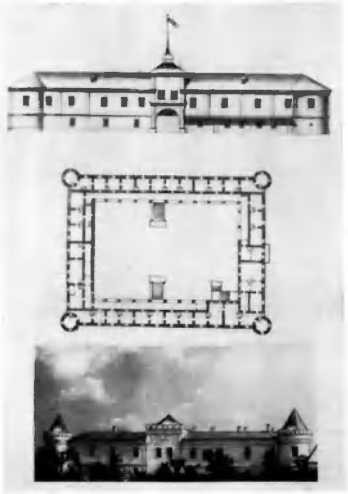
---

[104] ЦГАДА, СП, кн. 1148, лл. 79—81.

[105] В. И. Кочедамов. 1) Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв., стр. 92; 2) Тобольск (как рос и строился город). Тюмень, 1963, стр. 25—34.

[106] В. И. Кочедамов. Строительство Тюмени в XVI—XVIII вв., стр. 93.

ложие чертежи делать на обычай, и как сваи бить и глину разминать, и на гору известь и камень и воду и иные припасы втаскивать, и о том



Первоначальный вид, план и современный вид Гостиного двора в г. Тобольске.

ему на Москве в Сибирском приказе пространно и довольно сказано, и мельничные колеса на пример ему на Москве показывал». Ремезову «в пример» была дана также «строения печатная книга фряжская».[107]

[107] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, стр. 103, 109.

«Служебная чертежная книга» Ремезовых содержит среди других материалов проекты зданий Тобольска и представляет собой одно из первых русских руководств по архитектуре.[108]

Некоторые каменные здания этого времени были сделаны еще в духе допетровского шатрового стиля. Среди них интересны бывший гостинный двор и две башенки с частями северной стены в Тобольске и несколько шатровых колоколен в Тобольске, Тюмени, Енисейске, Таре. Большинство же каменных построек: гостинные дворы, административные здания, крепостные постройки, жилые дома — строилось уже в новом стиле московского или украинского барокко.[109]

Русские деревни с характерными силуэтами высоких крыш, заканчивавшихся «коньками», традиционные башни острогов, церкви с их «бочками» и «маковицами», наконец, каменное строение по опыту Москвы и других городов — все это образцы русского национального зодчества, показывающие неразрывную связь архитектуры центра и далекой сибирской окраины России.

* * *

Быт русских поселенцев в Сибири организовывался «по русскому обычаю». Вместо юрт, полуземлянок и примитивных деревянных жилищ аборигенных обитателей края они строили дома с деревянным полом, с печами и слюдяными окнами. Поскольку леса и земли в Сибири было много, дома строили крупнее, чем в европейской части страны.[110] Характерной чертой русского быта сибиряков была баня. Она, как и на Руси, использовалась не только в санитарно-гигиенических, но и в лечебных целях.

Но первые русские поселенцы в Сибири в силу необычайно суровых климатических условий и частых голодовок сильно страдали от цынги, оспы, различных «горячек» и других болезней, которые из-за отсутствия квалифицированной помощи часто принимали эпидемический характер.[111]

До начала XVIII в. врачи в Сибири были лишь в составе крупных военных экспедиций, посылаемых непосредственно центральным правительством, в официальных посольствах в Китай и при дворе тобольских воевод. Так, у тобольского воеводы М. Я. Черкасского в 1702 г. жил доктор немец Готфрид Георгий Херургус.[112]

В начале XVIII в., когда в армии и на флоте стали вводить должности лекарей и открывать госпитали, появились лекари и лазареты в воинских гарнизонах Сибири. Наиболее крупные лазареты были открыты в 1720 г. в Омской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостях. Это имело важные последствия. Уже в начале XVIII в. лекари крепостей Иртышской линии начали санитарно-гигиеническое изучение местности, включая исследование болезней, распространенных среди коренных жителей края.[113]

---

[108] История европейского искусствознания от античности до конца XVIII века. М., 1963, стр. 349.

[109] В. И. Кочедамов. Строительство Тюмени в XVI—XVII вв., стр. 97, 98.

[110] В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. стр. 162—166; М. К. Одинцова. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири, стр. 18—22.

[111] Е. Д. Петрова. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, стр. 38.

[112] Н. Н. Оглоблин. Бытовые черты начала XVIII в., стр. 16.

[113] Б. Н. Палкин. Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений в районах Прииртышья и Горного Алтая в XVIII в. Здравоохранение Казахстана, Алма-Ата, 1954, № 3, стр. 31, 32.

Однако подавляющая масса населения Сибири и в начале XVIII в. медицинской помощи от государства не получала. Население лечилось народными средствами, в первую очередь лекарственными травами. В XVII в. русские в Сибири знали и широко использовали лечебные свойства вероробоя, сосновой хвои, черемши, девятильника, березовых почек, малины, шиповника, белены, «листвянной губы» и других растений. От китайцев они узнали о лечебных свойствах ревеня, а от предков хакасов — «волчьего корения». Кроме того, использовали лекарства животного (мускус) и минерального («каменное масло») происхождения, а также лечебные свойства источников минеральных вод. Московские власти в XVII в. и позднее в поисках новых лекарственных средств неоднократно обращали взоры к Сибири и требовали от местных воевод сыска, заготовки и доставки в Москву лекарственных растений. Сведения о лечебных свойствах некоторых из них в Москве были получены впервые от сибиряков (например, о зверобое в начале 30-х годов XVII в.). Иногда сибирских «травников» вызывали на работу в Москву.[114] Сибиряки в XVI—начале XVIII в. несомненно значительно обогатили русскую народную фармакопею.

* * *

Русское население принесло в Сибирь не только свои формы социального устройства и трудовой организации, но и свою национальную культуру, которая, приспосабливаясь к местным условиям, продолжала развиваться как составная часть общерусской культуры.

---

[114] Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья, стр. 30—4; Н. Н. Оглоблин. Выгонные тарты XVII в. *Русская старина*, 1892, № 10, стр. 165; ЦГАДА, СП, стлб. 49, л. 414; оп. 4, № 169, л. 1.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

20-80-е годы XVIII в.

Однако подавляющая масса населения Сибири и в начале XVIII в. медицинской помощи от государства не получала. Население лечилось народными средствами, в первую очередь лекарственными травами. В XVII в. русские в Сибири знали и широко использовали лечебные свойства вяеробои, сосновой хвои, черемши, девятильника, березовых почек, малины, шиповника, белены, «клистенной губы» и других растений. От китайцев они узнали о лечебных свойствах ревеня, а от предков хакасов — «полчьего коренья». Кроме того, использовали лекарства животного (мускус) и минерального («каменное масло») происхождения, а также лечебные свойства источников минеральных вод. Московские власти в XVII в. и позднее в поисках новых лекарственных средств неоднократно обращали взоры к Сибири и требовали от местных воевод сыска, заготовки и доставки в Москву лекарственных растений. Сведения о лечебных свойствах некоторых из них в Москве были получены впервые от сибиряков (например, о вяеробое в начале 30-х годов XVII в.). Иногда сибирских «травников» вызывали на работу в Москву.[114] Сибиряки в XVI—начале XVIII в. несомненно значительно обогатили русскую народную фармакопею.

* * *

Русское население принесло в Сибирь не только свои формы социального устройства и трудовой организации, но и свою национальную культуру, которая, приспосабливаясь к местным условиям, продолжала развиваться как составная часть общерусской культуры.

---

[114] Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья, стр. 30—41; Н. Н. Оглоблин. Цветные чернила XVII в. Русская старина, 1892, № 10, стр. 163; ЦГАДА, СП, стлб. 49, л. 414; оп. 4, № 169, л. 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Производительные силы и социально-экономическое развитие

1. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

В течение XVII в. огромнейший, слабо заселенный коренными жителями Сибирский край был пройден русскими землепроходцами «встречь солнца» до побережья Охотского моря и прочно закрепился в составе России. Северная и восточная границы Русского государства в пределах Сибири почти совпадали с естественными географическими границами северной части Азиатского материка.

Иначе обстояло дело в южных районах Сибири. Русское продвижение на юг в XVII в. столкнулось со встречным наступлением маньчжурских, монгольских и джунгарских феодалов и было приостановлено.

С начала XVIII в., после ухода части енисейских киргизов и телеутов джунгарским правителями на юг в долину р. Или, началось заселение русскими бассейна Енисея южнее Красноярска, Северного Алтая и Верхнего Приобья. В XVIII в. русское заселение охватило прежде всего южносибирские земли. Царское правительство старалось избегать здесь всякого рода конфликтов и военных столкновений. Оно пыталось наладить регулярные торговые связи с кавказами, Джунгарией, Китаем, среднеазиатскими государствами и даже Индией. Одновременно происходило укрепление южных границ путем постройки систем крепостей.

Создание линии иртышских крепостей в еще большей степени способствовало заселению русскими лесостепных районов. Из таежных, неблагоприятных по климатическим условиям для хлебопашества уездов, освоенных русскими земледельцами еще в XVII в., началось переселение крестьян в лесостепи. Появляются деревни вблизи Омской крепости, куда переселялись крестьяне из Тюменского уезда. Здесь возникают Омская и Чернолуцкая слободы, деревни Большая Кулачинская, Малая Кулачинская, Красноярская, Милетина.[1]

В 30-е годы XVIII в. западнее Иртыша сложилась Ишимская укрепленная линия. В ее состав входило до 60 укрепленных поселков. Она начиналась у Чернолуцкого острога (несколько ниже Омской крепости), шла к крепости Большерецкой, Зудиловскому острогу, Коркинской слободе (Ишиму), крепостям Усть-Ламинской и Омутной, далее проходила южнее Кургана к острогу Лебяжьему.[2]

Территория лесостепи, лежащей южнее Ишимской линии до р. Камышловой и горько-соленых озер, оставалась в 30-е годы XVIII в. ни-

[1] А. Д. Колесников. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. Изв. Омского отд. географ. общ., вып. 6 (15). Омск, 1964, стр. 67.

[2] С. В. Бахрушин. Русское продвижение за Урал. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 160. А. Д. Колесников дает несколько иное направление Ишимской линии (см. А. Д. Колесников. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в., стр. 68).

кем не заселенной. Лишь изредка здесь появлялись татары-звероловы, русские промысловики, крестьяне и казаки, приходившие для охоты и рыбной ловли.[3] К середине XVIII в. к северу от р. Камышловой и горько-соленых озер появились русские селения.

После смерти джунгарского правителя Галдан-Церена в 1745 г. в Джунгарии разгорелась борьба между отдельными группами феодалов. Обострение внутриполитической обстановки в ханстве привело к передвижениям кочевий отдельных кошонов и наступлению их на казахских скотоводов, которые были потеснены к северу в ишимские и прииртышские степи. События в Джунгарии и сведения о подготовке военного похода в Джунгарию маньчжурскими феодалами побуждали царское правительство усилить оборону сибирских рубежей.[4] Правительство России в 1745 г. перевело на сибирскую линию регулярные воинские части (два пехотных и три конных полка) под начальством генерал-майора Киндермана.[5] По указу Сената, с 1752 г. началось строительство новой линии укреплений, получивший название Пресногорьковской, или Горькой, которое было закончено в 1755 г. Линия началась от крепости Омской на Иртыше, шла на запад через крепости Покровскую, Николаевскую, Лебяжью, Полуденную, Петропавловскую, Скопинскую, Станкову, Пресновскую, Кабанью, Пресногорьковскую к Звериноголовской. С постройкой Пресногорьковской линии расположенная северное Ишимская линия утратила свое значение. Огромный район лесостепи между старой Ишимской и Пресногорьковской линиями по Ишиму, Вагаю и Тоболу, благоприятный для хлебопашества, стал активно заселяться и осваиваться русскими земледельцами. Уже к середине XVIII в. происходило интенсивное переселение на Пресногорьковскую линию крестьян из районов Тобольска, Тюмени и других территорий. Только в 1752 г. свыше 1000 крестьян Тобольского, Ишимского и Краснослободского дистриктов заявили о своем желании переселиться в район линии.[6]

После перехода алтайских промышленных предприятий Демидовых в руки царского Кабинета русские владения на Алтае были расширены и укреплены. В конце 50-х годов XVIII в. сложилась Кольванская линия укреплений. Она проходила от Иртыша вдоль его притока Убы до владений в нее речки Шемаиихи. Далее линия шла через форпост Шемаиику, Змеиногорский рудник, Колывапский завод и до деревни Моралихи. В 60-е годы XVIII в. оборонительные сооружения на Алтае были несколько сдвинуты к югу. Новая линия получила название Колывано-Кузнецкой. Она шла от Усть-Каменогорска через ряд форпостов (Красноярский, Убинский, Тигерецкий, Чарышский, Антоньевский) к крепостям Ануйской, Катунской, Бийской и до г. Кузнецка.[7]

Под защитой оборонительных линий расширялась горная и металлургическая промышленность Кабинета на Алтае, шло заселение и освоение русским крестьянством плодородных земель южной части Западной Сибири.

Прибывшие в Сибирь крестьяне в подавляющем своем большинстве были беглыми — из помещичьих имений, казенных (черносошных) зе-

[3] А. Д. Колесников. Заселение русской лесостепи Приртышья в XVIII в., стр. 68.

[4] Н. Г. Апполова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960, стр. 93.

[5] См.: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, стр. 431—433.

[6] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, стр. 23, 93.

[7] Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-заселенцы Томского края и разные особенности и условия их жизни и быта. (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898, стр. 44; см. также ГАЛК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 1, д. 666, лл. 513—518.

мель севера Европейской России. Главной причиной, толкавшей крестьян к уходу в Сибирь с обжитых мест, было стремление уйти от растущего бремени феодальных повинностей и устроиться на свободных от частных владельцев землях. Именно в это время в России крепостное право приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.[8] Русским переселенцам приходилось преодолевать огромные трудности, связанные не только с огромными пространствами и бездорожьем. В значительно большей степени тормозило крестьянское переселение в Сибири господство феодальных отношений в стране, личная зависимость крестьян от помещиков, прикрепление крепостных к земельным наделам.

Размеры вольнонародной колонизации Сибирского края в феодальную эпоху обратили на себя внимание ряда дореволюционных исследователей (П. Н. Бутинского, Н. Н. Оглоблина, Н. М. Ядринцева, В. К. Андриевича и др.). Многие из них подчеркивали наличие в составе русского населения Сибири беглых крестьян, порвавших с феодальным тяглом на прежнем месте жительства. Д. Н. Беляков отмечал, что особенно большие масштабы бегство крестьян в Сибирь приобрело в первой четверти XVIII в. в связи с войнами и петровскими преобразованиями, тяжелым бременем легшими на русский народ. Беляков писал: «Трудно за Петровское время отыскать документ, касающийся внутреннего быта крестьян, где бы отсутствовали правительственные жалобы на крестьянские бегства. Крестьяне бежали от податей, от военной службы, от казенных работ... Напрасно на тех путях, по которым шли беглецы, правительство ставило заставы. Утекцы умели пробираться по глухим тропам, минуя заграждения».[10]

Определить хотя бы приблизительно общее количество бежавших в Сибирь крестьян не представляется возможным. По вполне понятной причине вновь прибывшие скрывали факт своего бегства от феодального собственника. В документах встречаются лишь отдельные сведения о появлении в том или ином населенном пункте пришельцев из европейской части страны. Тем не менее периодически проводимые в XVIII в. ревизии населения (I ревизия — 1719—1722 гг., II — 1744—1745 гг., III — 1762—1763 гг., IV — 1781—1782 гг. и V — 1795—1796 гг.; табл. 1) неизменно показывали существенное увеличение русского населения в Сибири, причем его прирост был значительно выше, чем по стране в целом (в стабильных границах 20-х годов XVIII в.).

ТАБЛИЦА 1

Рост населения Сибири в XVIII в. (в тыс. душ мужского пола)[9]

Ревизии	Всего население	В том числе		Количество русских крестьян	% крестьян из общего русского населения
		коренное население	русские		
I	241	72	169	102	60.3
II	300	109	193	155	78.2
III	393	132	261	216	85.3
IV	502	149	353	318	91.7
V	595	183	412	338	82.0

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

[9] Данные по ревизиям 1 и 2 взяты из кн. М. Кабузана и С. М. Троицкого. См.: Кабузан, С. М. Троицкий. Изменения населения Сибири в XVIII в. В сб.: Сибирь XVII—XVIII вв., Новосибирск, 1932, табл. 3 (стр. 146), табл. 5 (стр. 158).

[10] Д. Н. Беляков. Первые русские крестьяне-переселенцы... стр. 20.

С 1719 по 1795 г. население Сибири выросло в 3,4 раза, при этом **крестьянское население** — в 3,3 раза.

Наиболее интенсивно в XVIII в. **русские осваивали** восточную часть Западной Сибири (Тобольская губерния), когда по темпу становления переселенцев **на европейской части** России, но и **начинавшаяся интродукция части крестьянского населения** по районам Тобольской губернии (табл. 7).

В пределах территории Тобольской губернии с 1719 г. по 1795 г. русское население увеличилось в 1,9 раза (при этом крестьянское — в 2,1 раза), на юге же причем в пределах Тобольской губернии русское городское выросло в 3,4 раза (крестьянское — в 7 раз) и в пределах Иркутской — в 2,8 раза (крестьянское — в 4,1 раза).

Наиболее интенсивный приток русского населения в Сибирь **приходился** в 1760—1780 гг., причем в это **время масса переселенцев** очевидно

таблица 2

Русское население Сибири в XVIII в. по губерниям (в тыс. душ мужского пола) [1]

Районы	Русские					
	Старожилы		Ссыльные		Пришлые	
	всего (русские)	в том числе крестьяне	всего (русские)	в том числе крестьяне	всего (русские)	в том числе крестьяне
I (1719)	101	70	42	17	27	16
II (1744)	195	143	56	41	264	84
III (1762)	314	99	82	71	62	55
IV (1782)	367	126	221	104	79	74
V (1795)	494	333	349	219	79	56

оказалась мало заселенные восточные и южные районы. В то же время в северных таежных и тундровых районах происходило резкое снижение русского населения. В Тобольском уезде, наиболее населенном в XVII в., русское население за 1762 – 1782 гг. уменьшилось на 30%, а в Тюменском и Тюменском выросло крайне незначительно. В Березовском уезде русское население за 1760—1780-е годы сократилось на четверть.[2]

Говоря о росте населения в течение XVIII в., следует не упускать из виду, что Сибирь была слабо заселена. По данным ревизий, все население Сибири (в ревизских душах мужского пола) составляло в процентах России (в границах 20-х годов XVIII в.) к 1719 г. 3,1%, к 1744 г. — 3,4%, в 1762 г. — 3,7%, в 1782 г. — 4,2%, в 1795 г. — 4,2%.[3] Фактически **осваивался** и **трудом относительно небольшой** район русских людей (в несколько десятков тысяч человек) осваивался огромнейший край, **основывались** новые поселения, **прокладывались** грандиозные по **своей протяженности** трактовые дороги, **расширялось** земледелие, **постепенно сдвигавшееся** к югу, создавались торговля и мелкая ремесленная промышленность.

Строительство крепостей по Иртышу и **создание** Иртышской укрепленной линии **в значительной мере предотвращало** набеги джунгарских племен и Барабинскую степь, кочевье Пущёве и Северный Алтай.

---

[1] Для **удобства сопоставления** цифровые материалы переведены по административному делению начала XIX в., когда в Сибири существовали три губернии: Тобольская, Томская, Иркутская. Таблица составлена по данным П. М. Кабузана и С. Н. Троицкого. См.: П. М. Кабузан, С. Н. Троицкий. Динамика населения Сибири в XVIII в., табл. 5 (стр. 69).

[2] М. М. Громыко. Земледел Сибирь в XVIII в., стр. 35, 45.

[3] В. М. Кабузан. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII—первой половины XIX века (1719–1858 гг.). Историч. зап. М., 1959, стр. 12. Приняты авторами.

Пестрое в этническом отношении население Алтая в первой половине XVIII в. испытывало значительное воздействие соседнего кочевнического государства Джунгарии. Некоторые северные алтайцы, населявшие верхнего Приобья и группы барабинских татар оставались «двоеданцами». Южные алтайцы были в полном подчинении Джунгарии. Джунгарское государство не создало на Алтае прочного административного аппарата и держало алтайцев в подчинении через местную знать и наезжих чиновников. Взимание дани с алтайских племен происходило во время периодических набегов, являвшихся по сути дела грабительскими военными набегами.

К середине XVIII в. Джунгария ослабла в связи с постоянными междоусобицами местных феодалов и военными поражениями, наносимыми ей маньчжурскими войсками. В 1755—1756 гг. императорские войска произвели набег на значительную часть джунгарской территории. «Захват этот, — писал Л. П. Потапов, — сопровождался большими жестокостями по отношению к населению».[14] Спасаясь от преследований китайских отрядов, подвластные Джунгарии алтайцы и часть джунгарского населения прикочевали к русским пограничным крепостям. В 1756 г. 12 алтайских зайсанов обратились к царскому правительству с просьбой принять их и их людей в русское подданство. Просьба зайсанов была удовлетворена.[15] К ноябрю 1756 г. жители 13 тысяч кибиток добровольно приняли подданство России.

Вступили в русское подданство и джунгары Прииртышья. В 1757 г. в ведомстве Омской крепости числилось 747 калмыков, в Усть-Каменогорской — 277.[16]

После окончательного разгрома Джунгарии китайскими войсками 1758 г. положение на южной границе Сибири продолжало оставаться тревожным. Правительство строило укрепления, привлекало новые кадры для несения военно-сторожевой пограничной службы. Для пополнения гарнизонов южных сибирских крепостей в 1763—1764 гг. было сформировано несколько конных и пеших отрядов из возвращенных в Россию беглых раскольников (старообрядцев), обитавших в районах Стародубья и Польской Ветки. Они были водворены преимущественно в ведомство Усть-Каменогорской крепости по притокам Иртыша — Убе, Ульбе и Глубокой, частично — в Барабинской степи. Почти тогда же на сибирские оборонительные линии перевели значительное число донских казаков, входя их в состав «линейного казачества». В начале 70-х годов XVIII в. в укрепленных пунктах пограничной полосы расселили 150 сосланных в Сибирь запорожских казаков.

После падения Джунгарского государства царское правительство смогло присоединить к России южных алтайцев, обитавших по верхнему течению Иртыша у впадения Ульбы, Бухтармы и Нарыма, а также верхнем течении Бии, Катуни и в районе Телецкого озера.[17]

В 1760 г. из Усть-Каменогорской крепости была направлена экспедиция майора Шанского вверх по Иртышу, а затем по Бухтарме до ее истоков. В 1763 г. в устье Бухтармы была основана русская крепость (Бухтарминская), но в долине р. Бухтармы не было предпринято строительства линии укреплений.

Колывано-Кузнецкая линия была усилена новыми укреплениями и переименована в Бийскую казачью линию. Южнее русских пограничных укреплений кочевали алтайцы. Постепенно за линией укреплений

[14] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 179.
[15] Там же, стр. 179—181.
[16] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. ЧОИДР, кн. 4, М., 1866, стр. 103, 108.
[17] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 180.

в долинах рек и горных ущелий стали селиться и русские, главным образом беглые из алтайских промышленных предприятий мастеровые и заводские крестьяне, а также пришельцы из разных районов страны, бежавшие от своих феодальных владельцев.

Горный район Алтая, лежавший за укрепленной линией, получил название Беловодья, т. е. «края вольного, обильного и удобного для поселения», как писал об этом краевед середины XIX в. С. И. Гуляев.[18] Русские поселенцы Беловодья в XVIII в. назывались «каменщиками», т. е. жителями горной страны — «Камня». «Каменщики» в Беловодье селились в глухих, труднодоступных местах, занимались рыбной ловлей, били маралов и диких коз, зимою охотились на соболя и белку. «Промышленные избушки» «каменщиков», разбросанные чаще всего поодиночке, находились в ущельях Листвяжного хребта, Холзуна и Катунских белков. Жили русские пришельцы и в долине р. Бухтармы.

«Каменщики» первоначально состояли преимущественно из беглых мастеровых и солдат; среди первых поселенцев Беловодья были исключительно мужчины, селившиеся по несколько человек в каждом жилье. Лишь постепенно в селениях «каменщиков» стали появляться женщины, образовывались семьи.

Добытую пушнину и шкуры жители Беловодья выменивали на зерно, скот, одежду у китайцев и русских, тайно приезжая в селения, расположенные вблизи пограничной линии. Соль добывали в соленых озерах вблизи Иртышских укреплений. В небольших размерах они занимались хлебопашеством и скотоводством. Тесно связанные общими интересами борьбы за сохранение вольной жизни, стремлением укрыться от царской администрации, жители Беловодья жили замкнуто, взаимно поддерживая и помогая друг другу. В экстренных случаях для решения общих дел, а также для ведения суда «каменщики» собирались «на общий сход». В их среде царили установленные коллективом твердые порядки и традиции, за нарушение которых виновного наказывали, привязывая к маленькому плоту и пуская его по быстрой Бухтарме. Высшей мерой наказания было изгнание из общества «каменщиков».[19]

Усиленные поиски рудных месторождений, проводимые администрацией Колывано-Воскресенских заводов, привели в 1784 г. к открытию в долине Бухтармы медного рудника.[20] В 1791 г. Г. Зырянов нашел по речке Березовке (притоку Бухтармы) богатое месторождение полиметаллов, получившее название Зыряновского. Открытый Зыряновский рудник был самым южным из рудников Алтая.[21]

Вольная жизнь «каменщиков» Беловодья пришла к концу. Не желая быть возвращенными на заводы или попасть в число приписных крестьян, они начали переговоры с чиновником Приезжевым об условиях принятия ими «русского подданства». Правительство Екатерины II, заинтересованное в упрочении рудных районов Алтая в составе России, «простило» «каменщикам» бегство в Беловодье, приняло их в русское подданство и освободило от всех заводских повинностей и рекрутских поборов. Это было оформлено особым протоколом 25 июня 1792 г.[22] «Каменщики» были приравнены к нерусскому населению Алтая, обложены ясаком, а позднее, по уставу Сперанского, причислены к разряду осед-

---

[18] З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 годах. Новосибирск, 1963, стр. 98.

[19] Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-поселенцы..., стр. 42; З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность ..., стр. 99.

[20] Н. В. Алексеевич. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв. Автореф. дисс. А., 1961, стр. 6.

[21] З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность, стр. 65.

[22] Там же, стр. 99.

дых «инородцев». Всего в начале 90-х годов XVIII в. числилось до 30 поселков «каменщиков», в которых 205 мужчин объявились правительству в 1792 г. (фактически их было значительно больше).

Существование оборонительных линий из крепостей, форпостов и редутов создавало благоприятную обстановку для хозяйственного развития местных народов и русского населения Сибири. Линии имели двойственный характер: служили военными укреплениями и в то же время были цепью русских поселений на юге. Здесь четко выступает сочетание военного и мирного освоения края.

Царское правительство, создавая сибирские укрепленные линии, первоначально переселило туда часть служилых людей из Тюмени, Тары, Тобольска, Томска и других городов. Они стали называться «линейными» казаками в отличие от «городовых», составлявших гарнизоны городов. На их плечи легло первоначальное хозяйственное освоение южных районов. Кроме военно-караульной службы и работ, связанных с укреплением [illegible], они занимались земледелием, скотоводством и рыболовством.

Увеличение числа войск, к середине XVIII в. расквартированных в сибирских крепостях, вызывало затруднения в снабжении их продовольствием. Необходимый провиант поступал с «десятинной пашни» в виде хлебного оброка с земледельцев и закупался на сибирском рынке. Сложившийся в XVII в. главный хлебопроизводящий район Сибири (Верхотурско-Тобольский) лежал далеко, и доставка зерна и муки на линии была сопряжена с большими трудностями. Ежегодно более двух тысяч крестьян отрывались от хозяйства в летний период для перевозки муки, крупы и овса в верхнеиртышские крепости.[23] Имела место попытка заготовлять продовольствие и фураж в Томском и Кузнецком уездах.[24] В связи с приписной кузнецких и томских крестьян с 1747 г. к кабинетским предприятиям Алтая повинность по поставке продовольствия на сибирские линии была с них снята.

По распоряжению генерал-майора Киндермана была предпринята попытка завести казенную пашню вблизи крепостей; для ее обработки привлекались казаки и солдаты. Казенная запашка имелась около Омска по Иртышской линии и на Алтае (у Кабановой защиты, Катунской и Ануйской крепостей и в деревне Тырышкиной). Охватывавший всю Западную Сибирь неурожай 1749 г. привел к резкому сокращению посевов при крепостях. Совмещать военно-караульную службу с хлебопашеством для казаков и солдат было трудно, и попытка развития земледелия воинскими пограничными частями успеха не имела. Правительству пришлось поставить вопрос о заселении южных районов крестьянами.

Стремление русских хлебопашцев в степные районы, ставшие безопасными от вторжения кочевников после строительства укрепленных линий, обнаружилось еще в 40-е годы XVIII в. В 1745 г. 29 семей крестьян Бердского, Чаусского острогов и Белоярской слободы обратились к командующему сибирскими линиями генералу Киндерману с просьбой разрешить им переселяться в недоимочно Усть-Каменогорской крепости. В 1746 г. Киндерману передали свое прошение, составленное на имя Сената, крестьяне Ишимского, Яуторовского и Тарского уездов (всего 200 человек мужского пола), которые подыскивали около Усть-Каменогорска удобные для хлебопашества места. В 1747 г. под защитой Омской крепости находилось уже около тысячи ревизских душ — 697 разночинцев и 285 крестьян.[25]

---

[23] Н. В. Алексеенко. Русская колонизация рудного Алтая..., стр. 6, 7.
[24] Документы Бердского острога. Научная библиотека Томского университета, рукописный отдел, инв. 796, лл. 33, 57, 88 и др.
[25] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. II. СПб., 1886, стр. 29.

Освоение новых земель под хлебопашество в пограничном районе было делом трудным, поэтому в 1752 г. Сенат принял решение переселять к строящимся крепостям только крестьян-добровольцев, освобождая их на три года от уплаты податей и оброка.[28] Сибирская губернская канцелярия направила во все уезды распоряжение: выявить из пашенных и оброчных крестьян и из разночинцев, желающих переселиться в районы Иртышской линии, Бийской крепости, Кузнецкой и Колыванской линий, а также в районы верхнего течения Оби.[29] Больших результатов это предписание не дало. Тюменский воевода сообщал, что вплоть до 1758 г. «никого и [illegible] в тюменской воеводской канцелярии не явилось, а от соцких в подаче о том рапортов не оказалось».[30] Причина подобного явления крылась, по-видимому, в том, что [illegible] **ство для новых переселенцев по Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиям установило норму обработки казенной пашни при крепостях: на каждого взрослого крестьянина (мужского пола) отводилось «не ниже десятины в каждом поле»; пахать «сверх того про свое довольствие» разрешалось «кто сколько может».[31] Кроме того, крестьян отпугивала угроза приписки к Колывано-Воскресенским заводам. Серьезным препятствием к заселению южных линий крестьянами в 50-е годы XVIII в. была также тревожная обстановка в пограничных районах.**

В связи со слабой заселенностью Сибири русскими царское правительство в XVIII в., несмотря на требования помещиков, фактически не принимало мер к прекращению вольно-народной колонизации края. Случаев возвращения беглых крестьян в европейскую часть почти не было. Сибирская администрация стремилась лишь выявить новых пришельцев, чтобы обложить их подушной податью и оброком и расселить в районах, имевших для правительства особо важное значение (кабинетские земли, трактовые дороги, пограничные линии). Правительство видело в крестьянском переселении возможность не только расширения доходов казны за счет феодального оброка, взимаемого с хлебопашцев «вместо помещичьего дохода», но и решения задачи продовольственного снабжения войск на пограничной линии и горнозаводского населения Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов и рудников.

Бригадир Андрей Беар, возглавлявший комиссию по передаче демидовских предприятий на Алтае в ведение царского Кабинета, в своем рапорте 1745 г. указывал, что даже самовольное заселение крестьянами новых мест выгодно для правительства, так как обеспечивает хозяйственное освоение территории. Задача администрации — лишь направлять это переселение в нужные для правительства районы.[32]

Предложение Беара было принято правительством. Чтобы заселить территорию кабинетских владений на Алтае, было предпринято массовое принудительное переселение всех вновь пришедших в Сибирь добровольцев, выявленных после генералитетской переписи и второй ревизии. В указе от 1 мая 1747 г. говорилось: «Оные пришлые люди чьи бы они не были, должны зарабатывать на заводах: первое — подати государственные по 70 копеек, другое — подати помещиковы по 40 копеек».[33]

В феврале 1748 г. Беар потребовал, чтобы сибирская губернская канцелярия незамедлительно выявляла пришельцев во всех уездах и отправляла под конвоем в Барнаул. Местами сбора выявленных колонистов

---

[28] ПСЗ, т. XV, № 11124, стр. 538.
[29] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 467, л. 32 об.
[30] Там же.
[31] ПСЗ, т. XV, № 11101, стр. 509, 510.
[32] Ю. С. Буымгин. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Ч[illegible] и Алт[illegible] до 1763 г. Вопросы истории Сибири, вып. 1, Томск, 1964, стр. 17.
[33] Там же, стр. 20.

были Тобольск, Тара, Иркутск, Кяхта, Нерчинск и другие пункты. Однако далеко не все выявленные новые переселенцы были переведены на Алтай. Так, например, в списке 1750 г. названо поименно 2336 ревизских душ, назначенных к переселению; из них действительно прибыло и было поселено на Алтае лишь 1670 человек. Остальные по различным причинам не прибыли. Одни из них были оставлены местной администрацией на прежнем поселении, так как они обзавелись хозяйством, и воеводским канцеляриям было невыгодно терять платежеспособных тяглецов. Другие умерли перед отправкой или в пути на Алтай. Часть бежала во время пересылки. Подобное переселение продолжалось вплоть до 1754 г. Подавляющее большинство приведенных в Барнаул с конвоем было расселено по деревням в бассейне Чарыша и Алея, остальные были оставлены непосредственно на заводах и рудниках. Некоторые переселенцы были признаны в Барнауле негодными к поселению по старости, увечью или малолетству и отправлялись колывано-воскресенским начальством обратно. Такими грубыми, бесчеловечными, типично крепостническими приемами царская администрация в Сибири проводила перераспределение вольных колонистов по территории края, обеспечивая приписными крестьянами промышленные предприятия на Алтае.

Насильственно согнанные на Алтай крестьяне приживались с большим трудом. Так, в деревне Большой Курье три года спустя после вселения переведенных из Иркутска 11 семей и 3 одиноких крестьян «не оказалось ни одного полностью построенного двора. Было 4 избы без крыши, одна недостроенная, а строительство одной избы только начато... Из-за недостатка средств крестьяне объединялись по нескольку семей и строили одну избу».[32]

О необходимости ускоренного заселения района, прилегающего к оборонительным линиям Алтая и притрактовой полосы в Барабинской степи, правительству неоднократно докладывали местные воинские власти и сибирский губернатор Ф. И. Соймонов. В 1760 г. появились два сенатских указа о заселении наиболее важных районов Сибири. Первый из них — «О заняти в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бахтурме и далее до Телеуцкого озера; о построении там в удобных местах крепостей и о заселении той страны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим речкам, впадающим в оные, и в Иртыш реку, русскими людьми до 2000 человек». Согласно указу, сибирским властям рекомендовалось заселять этот район крестьянами и разночинцами Тобольской провинции, выразившими желание переселиться, а также государственными крестьянами Устюжской и Вятской провинций, находящимися в Сибири временно «для своих промыслов». Переселенцам предоставлялась трехлетняя льгота в уплате подушной подати и оброка.[33] Проведение в жизнь сенатского указа о заселении Алтая и верхнего Иртыша добровольцами не дало больших результатов. В 1760 г. из Тобольской провинции пожелало переселиться 211 ревизских душ. В последующие 1761 и 1762 гг. переселились лишь отдельные семьи.

Согласно другому сенатскому указу 1760 г., помещикам предоставлялось право «за предерзостные поступки» отправлять своих дворовых людей и крестьян в Сибирь в зачет рекрутов (табл. 3). Отправлять полагалось с семьями здоровых мужчин не старше 45 лет, пригодных к хлебопашеству. За членов семьи помещик получал от казны денежное вознаграждение: за мальчика до 5 лет — 10 руб., от 5 до 15 лет — 20 руб. (с 15 лет и старше отправлявшийся в Сибирь зачитывался за

[32] Там же, стр. 21—23, 26.
[33] ПСЗ, т. XV, № 11124, стр. 537, 538.

рекрута): за женщин устанавливалась плата в половинном размере.[34] Этот указ был одним из самых ярких примеров произвола и насилия над личностью крестьянина в феодальную эпоху. Варварские условия жизни ссыльных во время длительного и тяжелого пути в Сибирь приводили к тому, что далеко не все отправляемые доходили до назначенного места. По признанию сибирского губернатора Чичерина, в Сибирь попадала лишь четвертая часть.[35]

Сосланные в Сибирь помещиками дворовые люди и крестьяне попадали в группу так называемых посельщиков. Часть посельщиков на новом месте жительства пользовалась трехлетней льготой от уплаты подушной подати и оброка, а затем они приравнивались в правовом положении и по своим обязанностям к государственным крестьянам. По дошедшим до нас документам трудно точно определить число посельщи-

ТАБЛИЦА 3

Количество и размещение переселенцев, присланных в зачет рекрутов (в ревизских душах)[36]

Округ	Количество государственных крестьян		% переселенцев к общему числу государственных крестьян
	всего	из них посельщиков, присланных в зачет рекрутов	
Омский	21699	1086	5.0
Ишимский	23085	1745	7.6
Курганский	23721	1708	7.2
Каинский	5040	4985	98.6
Итого . . .	76545	9524	12.5

ков, прибывших в Сибирь на основании сенатского указа 1760 г. Переписная ведомость по Томскому округу, например, указывает, что в период III ревизии (1762—1763 гг.) в 7 селениях жили посельщики (494 мужчины, 54 женщины), «присланные из России от помещиков в зачет рекрут, которые почитаются наряду с государственными крестьянами». В 1781 г. в тех же селениях посельщиков насчитывалось 562 мужчин и 373 женщины.[37] В Тарском уезде за три года (1765—1767) было поселено 1317 человек. В 1782 г. в 13 деревнях этого уезда жило 3009 ссыльных мужчин и 2730 женщин.[38]

Главная масса ссыльных в зачет рекрутов оседала в пределах Западной Сибири, в округах Каинском, Омском, Курганском и Ишимском. Об этом дает представление табл. 3, составленная по данным Тобольской казенной палаты 1781 г.

Крестьяне, присланные помещиками из европейской части страны, использовались в канцелярией Тобольского наместничества главным образом для поселения в Барабы в районе Московско-Иркутского тракта.

---

[34] Там же, № 11166, стр. 583.

[35] А. Д. Колесников. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в., стр. 94.

[36] ГАТОТ, ф. Тобольской казенной палаты, оп. 11, д. 170, лл. 191—196, 217—248, 277—286, 724—734.

[37] ГАТОТ, ф. Тобольской казенной палаты оп. 11, д. 170, лл. 498—518.

[38] А. Д. Колесников. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в., стр. 72.

До середины XVIII в. Барабинская степь была очень слабо заселена русскими. Прокладка Московско-Иркутского тракта потребовала создания станций (поселений, обслуживающих нужды тракта). Назначенный в 1757 г. сибирским губернатором Ф. И. Соймонов добился указа о переводе в Барабу для обслуживания главного сибирского тракта свыше 1500 ямщиков из Демьянского и Самаровского ямов (расположенных в низовьях Иртыша и по Оби).[39] Правда, осуществить в полном объеме намеченный перевод ямщиков на главный тракт сибирской администрации так и не удалось.

Состав русского населения в Барабинской степи пополнялся в 60-е годы XVIII в. за счет ссыльных в Сибирь помещичьих крестьян, выведенных из Польской Ветки, беглых из России раскольников и пришельцев по собственной инициативе.

В 1762 г. сенатский указ предписывал сибирскому губернатору Соймонову обратить внимание на принудительное заселение следующего за Барабой участка тракта от Чаусского острога до Томска и от Томска до села Тулуна, лежавшего на рубеже Иркутской провинции. Этот участок сибирской гужевой магистрали предполагалось заселять крестьянами и разночинцами Красноярского и Енисейского уездов, освободив их от уплаты подушной подати и оброка и записав их всех в ямщики, а вместо них зачислить в сословие государственных крестьян такое же количество ямщиков, живущих по деревням между Верхотурьем и Тобольском.[40]

На участке тракта от р. Оби до Томска с 1768 г. возникло семь деревень ссыльнопоселенцев (606 ревизских душ), а от Томска до Красноярска было поселено 289 ревизских душ семьями.[41]

В 1771 г. в Западной Барабе было 25 деревень, население которых состояло из семьями помещичьих крестьян и беглых. Тогда же в Восточной Барабе существовало 12 деревень ссыльных поселенцев, в которых, по неполным данным, проживало свыше 500 человек (взрослых).[42]

Сенатский указ от 6 августа 1762 г. разрешал заселять ссыльными Прииртышье от Усть-Каменогорской крепости до Омска. Заселение Прииртышья проводилось в целях облегчения доставки провианта воинским командам, расквартированным в Верхне-Иртышских крепостях.[43]

Первые итоги русского заселения пограничной полосы южной Сибири были подведены в докладе Сената Екатерине II 16 декабря 1765 г. Материалы для этого доклада подготовил командующий сибирскими укрепленными линиями генерал-поручик Шпрингер. Он сообщил, что «для размножения хлебопашества» Пресногорьковская и Кузнецкая линии заселяются отставными солдатами и казаками, на Иртышской линии в ведомстве Усть-Каменогорской крепости поселялись крестьяне-добровольцы из Тобольской провинции и прибывшие из европейской части страны ссыльнопоселенцы, в том числе и отправленные помещиками в зачет рекрутов крестьяне и дворовые люди. Всего, по данным Шпрингера, на Пресногорьковской линии в 1765 г. было 436 хлебопашцев (годных к земледелию работников мужского пола); на Иртышской линии из числа освобожденных «колодников» — 144 человека; в Усть-Каменогорском ведомстве прибывших из России поселыцикон — 520 человек; на Кузнецкой линии из отставных солдат — 63 человека. Таким образом, на всех линиях насчитывалось 1163 земледельца (взрослых мужчин).

---

[39] ПСЗ, т. XV, № 11185, стр. 620.
[40] Там же, т. XVI, № 11633, стр. 44, 45.
[41] Н. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. IV. Екатерининское время. СПб., 1897, стр. 77.
[42] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 102, 103, 121.
[43] ПСЗ, т. XVI, № 11633, стр. 39—41.

Кроме того, в ближайшем к Бийской крепости округе сосредоточилось до 200 крестьянских семей, прибывших по своей инициативе.[44]

Несмотря на наличие в пограничной полосе более тысячи хлебопашцев, решить полностью вопрос о продовольственном снабжении воинских частей правительству пока не удавалось. Новый сибирский губернатор Д. И. Чичерин, как и Шпрингер, объяснял незначительные размеры посевов «обыкновенной тамошних крестьян леностью к пашне» и с сожалением говорил о том, что русские поселенцы предпочитают заниматься ловлей зверей и рыбы. Малые размеры крестьянских запашек, отсутствие хозяйственных построек в дворах поселенцев являлись, конечно, не результатом «лености» и нерадения, а серьезных трудностей освоения на новом месте. Подавляющее большинство пришельцев в пограничной полосе (отставные солдаты, освобожденные «колодники», отправленные в зачет рекрутов помещичьи крестьяне) не имели необходимых для сельскохозяйственного производства орудий труда, рабочего скота и денежных средств для обзаведения на новом месте. Правительственная ссуда была слишком мала, да и давалась она далеко не всем хлебопашцам. Сибирская администрация вместо действительной помощи в организации крестьянского хозяйства пыталась стимулировать увеличение посевных площадей мерами военного надзора и принуждения, но она не могла упрочить хозяйственное положение поселенцев и существенно повлиять на увеличение хлебопашества. Даже губернатор Чичерин в 1765 г. вынужден был в своем донесении Сенату признать нерезультативность принятых им мер и с горечью заключить: «...но ленивство их (крестьян, — *Авт.*) все превозмогло и никакого в том успеха нет».[45]

В 30-е—80-е годы XVIII в. возникло значительное число новых населенных пунктов, появились рабочие поселки при алтайских и нерчинских заводах и рудниках, выросли административные центры, крепости, ямщицкие станки на тракте, слободы, села и деревни. Основная масса переселенцев размещалась в южных районах Сибири. Туда же передвигалось и старожильческое население. В результате заселения русскими пришельцами южной части сибирской территории сложились новые уезды, преобразованные во второй половине XVIII в. в округа: Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Омский, Каинский, Ачинский. В образованной в 1779 г. Колыванской области, включавшей кабинетские владения в Западной Сибири, было 4 уезда, из них два старых, сформировавшихся еще в XVII в. (Томский и Кузнецкий), и два новых (Барнаульский и Бурлинский).[46] О количестве селений в Колыванской области свидетельствует табл. 4.

Таким образом, из всех русских селений Колыванской области 55.6% сосредоточилось в уездах, сформировавшихся в течение XVIII в.

Постепенное смещение русского населения к югу характеризуют также данные Тобольской казенной палаты. По этим данным, в 1763 г. в пределах будущего Тобольского наместничества числилось русских земледельцев (крестьян, поселыщиков, отставных солдат и солдатских детей, ямщиков и др.) 141 194 ревизские души, из них в округах: Омском, Ишимском, Курганском, Ялуторовском, Каинском и Ачинском — 78 989 ревизских душ, что составляло 55.9% ко всему земледельческому населению. В 1781 г. на территории наместничества были 188 833 ревизские души русских земледельцев, из них в указанных выше округах — 114 859, или 60.8%.[47] Эти цифры свидетельствуют, что в период между

---

[44] В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. IV. Приложение № 6, стр. 259, 260.

[45] Там ж., стр. 264.

[46] ПСЗ, т. XX, № 14868, стр. 814—816.

[47] ГАТОТ, ф. Тобольской казенной палаты, оп. 11, д. 170, лл. 13—734.

III и IV ревизиями в южном районе Тобольского наместничества число хлебопашцев выросло на 144.1%, в то время как в старых более северных округах наместничества, осваиваемых русскими хлебопашцами еще с конца XVI—начала XVII в., количество земледельцев увеличилось только на 118.9%. В целом по наместничеству русское сельское население возросло на 133.7%.

Внутренняя миграция крестьян в Сибири сыграла огромную роль в хозяйственном освоении края, в создании новых земледельческих районов, в развитии промыслов, ремесла и промышленности.

По своей инициативе русские земледельцы, жившие в Сибири, заселяли Барабу, Прииртышье, среднее и верхнее Приобье, Минусинскую котловину, долины рек Алтая, территорию Прибайкалья и Забайкалья.

ТАБЛИЦА 4

Количество русских селений в Колыванской области в 1782 г.[49]

Уезд	Неприписанных к заводам	Приписанных к заводам	Всего
Томский	64	254	318
Кузнецкий	33	211	244
Барнаульский	95	290	385
Бурдинский	53	266	319
Всего	245	1021	1266

Просмотр ревизских сказок, составленных по Ялуторовскому дистрикту в 1782 г., показывает, что между III и IV ревизиями здесь появилось 90 новых деревень, в которых было выявлено 5742 ревизские души крестьян, переехавших сюда из разных мест самовольно.[49] Кроме того, в новозаводимой Лебяжьей слободе и подведомственных ей 10 деревнях поселились, по указанию администрации, 1882 ссыльнопоселенца (поселыщика).[50] В Верхне-Суерской слободе и подведомственных ей деревнях жили 386 мужчин и 363 женщины, из них самовольно прибыли «и живут своими домами» 140 мужчин и 134 женщины. Иными словами, свыше 36% жителей составляли вновь прибывшие крестьяне.[51] Такую же картину можно наблюдать и в других южных округах Тобольского наместничества.

В Восточной Сибири в пределах Иркутской губернии продвижение русского земледельческого населения к югу было меньшим, чем в Западной Сибири. Илимский уезд в течение почти всего XVIII в. занимал среди прочих уездов Иркутской губернии первое место по количеству крестьян.[52] Заселению более благоприятного для хлебопашества по климатическим условиям южного района препятствовала общая неустроенность границы по Амуру.

---

[49] Таблица составлена по Списку населенных мест Колыванской области за 1782 г. (Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 115—138).

[50] ГАТОТ, ф. Тобольской казенной палаты, оп. 12, д. 6, л. 8; д. 8, лл. 80 об.—85 об.; д. 9, л. [illegible]; д. 12, лл. 11—32; д. 13, лл. 74 об.—106; д. 18, лл. 32—227 об.; д. 17, лл. 32—157; д. 16, лл. 33—277; д. 14, лл. 16—126.

[51] Там же, оп. 12, д. 7, лл. 1—125 об.

[52] Там же, оп. 12, д. 19, лл. 13—39 об.

[53] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, стр. 39.

Как и в Западной Сибири, в восточных областях освоение земель было связано с передвижением крестьян из освоенных и более густонаселенных районов в районы малолюдные, но пригодные для земледелия. Одни переселения проводились местными властями по особым указам правительства, другие происходили самовольно, по инициативе самих земледельцев. В Восточной Сибири часть крестьян направлялась администрацией в Нерчинский горный округ для создания там казенной запашки. По данным В. Н. Шерстобоева, на протяжении 1722—1745 гг. местные власти предприняли несколько переселений крестьян из Илимского уезда. Основная часть переселяемых — 426 ревизских душ направлялась на Аргунь, 58 душ мужского пола — в Якутск, в Охотск, на Камчатку.[53] Из ленских волостей Илимского уезда переводили крестьян в Иркутский и Балаганский уезды.

Большинство русских в северо-восточной Сибири оседало в бассейне р. Лены. В 30—80-е годы район расселения русских расширяется, а количество их возрастает. Заселяются 34 станка (станции) Иркутско-Якутского тракта ссыльными крестьянами верхоленских деревень. В конце XVIII в. по берегам Лены имелось 39 русских деревень, в которых проживало около 2100 крестьян мужского пола.[54] На Охотском побережье и Камчатке русских было меньше, чем на Лене. Однако и там среди редко разбросанных стойбищ местных жителей появились русские селения (зимовья и остроги). К числу их относились: на Охотском побережье — Охотск, основанный как исачное зимовье еще в 1647 г. и превращенный в 30-х годах XVIII в. в русский порт, и Тауйский острог; Яйск (1739 г.) у южного входа в Пенжинский залив; Гижигинск (1752 г.) около устья р. Гижиги; Аклонский острог на берегу р. Пенжины; на Камчатке — Тигильский острог, основанный в начале XVIII в. у устья р. Тигиль; Большерецкий острог на берегу р. Большой; Петропавловская гавань (1740 г.), Нижне-Камчатский и Верхне-Камчатский остроги.[55]

Охотско-Камчатский край остро ощущал недостаток продовольствия, особенно хлеба, в связи с трудностью доставки грузов в Охотск и далее на Камчатку. Продовольствие предварительно доставлялось в Якутск, оттуда перевозилось по проложенному с конца 1729 г. тракту к Охотску, а из Охотска на небольших морских судах — в камчатские селения. Даже в первой четверти XIX в. цена пуда хлеба (стоившего в Иркутске 1 руб.) на Камчатке доходила до 14 руб.[56]

В 1731 г. Иркутская канцелярия дала указание администрации Охотско-Камчатского края завести, где возможно в этом суровом по климатическим условиям районе, казенную запашку. В 30—40-е годы на Охотское побережье было переселено несколько сотен семей с верховьев Лены и Ангары. Перевод крестьян был насильственный: сельские общества выбирали по жеребьевке «молодых, здоровых и прожиточных» крестьян, обязанных с семьями и имуществом переселиться в далекий край. Переселенцам давалась небольшая денежная и продовольственная «подмога», иногда земледельческие орудия труда. Переведенные крестьяне были поселены первоначально в трех пунктах Охотского края: около Удского острога, на правом берегу р. Ини возле ее устья и по Охотскому тракту в 70 верстах от Охотска.

---

[53] Там же, стр. 29, 41.

[54] Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 30, 31, 32, 63, 64, 143.

[55] Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край. (Пути сообщения, заселение, земледелие и земледелие до революции). Якутск, 1958, стр. 39—52.

[56] Там же, стр. 39.

Вид Петровской Павловской Ставки, съ Северной стороны 1798 года

План Петропавловской ставки, 1798 г.

Пробные посевы не увенчались успехом. Озимая и яровая рожь, овес и ячмень погибали от инея и холодной росы. Урожай давали только овощные культуры: репа, редька, брюква, капуста и лук. Неудача попыток развития хлебопашества вынудила переселенцев-крестьян обратиться к охоте и рыболовству как основным видам занятий.[37]

В 30-е годы XVIII в. была предпринята попытка произвести опытные посевы зерновых и овощных культур и на Камчатке. С берегов Лены были переселены около 30 семей крестьян, водворенных между сопкой Ключевской и Нижне-Камчатским острогом. Около Верхне-Камчатского острога в 1743 г. возникла деревня Милькова.

С. П. Крашенинников, член академической экспедиции, пробывший на Камчатке с 1737 по 1741 г., на основе собственных опытов убедился, что, несмотря на плодородные почвы, сырая дождливая погода и ранние заморозки мешают созреванию злаковых культур; из овощей давали урожаи репа, редька и свекла.[38] Переселенные на Камчатку крестьяне страдали от систематических неурожаев и поэтому постепенно забрасывали хлебопашество, переходя на занятия рыболовством, охотой и морским промыслом. Решить проблему снабжения русских жителей хлебом путем развития хлебопашества на Камчатке в XVIII в. не удалось.

Острова, омываемые Ледовитым океаном (Медвежьи, Ляховские), побережье Охотского моря, острова Шантарские, Курильские, Командорские, Алеутские, а также Аляска и западное побережье Америки привлекали внимание купцов и промысловиков богатством своих пушных и морских промыслов (бобров, лисиц, голубых песцов, морских котиков, моржей, нерпы).[39]

На островах Ледовитого океана в районе между устьями Индигирки и Колымы организовали промыслы Никита Шалауров и купец Иван Ляхов. По ходатайству последнего в 1773 г. правительство Екатерины II закрепило за Ляховыми исключительное право промыслов на всех Ляховских островах.

С 40-х годов XVIII в. начинается промысловое освоение Алеутских островов, начало которому положил крестьянин Емельян Басов, развернувший промыслы на острове Медном. В 1745 г. компания купцов (Яков Чупров, Афанасий Чабаевский и Никифор Трапезников) отправляет на Алеуты корабль под командой тобольского крестьянина Михаила Неводчикова, который открыл остров Атту и зазимовал там. Промыслы на Командорских островах захватил московский купец Андрей Серебренников. На островах Охотского моря добыча морских котиков производилась сообща.

Гряда Курильских островов осваивалась также русскими купцами, которые учредили здесь промыслы с 1743 г. Особенно разбогатели на Курильских промыслах в 60-е годы XVIII в. якутские купцы Захаровы. В 70-х годах XVIII в. на Курильских островах начинает торгово-промысловую деятельность рыльский мещанин Г. И. Шелихов. В 1776 г. Шелихов отправил свое первое торговое судно к берегам Америки. С первой половины 80-х годов XVIII в. он начинает промысловую деятельность на островах Кадьяк и берегах Аляски. В 1788 г. штурман Прибылов, отправившийся в плавание на корабле Шелихова с командой из 40 промысловиков, открыл в Беринговом проливе группу островов, названных позднее Прибыловыми, пробыл там в течение двух лет и вы-

---

[37] Там же, стр. 63—80.

[38] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 193—197.

[39] С. В. Бахрушин. Русское продвижение за Урал. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 138.

вез огромную добычу: 40 тыс. котиков, 6 тыс. голубых песцов, 2 тыс. бобров, 1 тыс. пудов моржовых клыков, 500 пудов китового уса.

В 1787 г. Г. И. Шелихов основал торгово-промысловую компанию, названную Американской. В ней участвовали иркутские купцы Шарапов, М. Сибиряков, Петр и Иван Мичурины, И. Сизов и др. В то же время крупные иркутские купцы во главе с С. Мыльниковым учредили Иркутскую коммерческую компанию. В 1798 г. она соединилась с компанией Шелихова.[80] Принятая под покровительство центральной власти, она в 1799 г. получила название Российско-Американской компании и до 60-х годов XIX в. владела частью Северной Америки и островами в северной части Тихого океана.

Несмотря на колонизаторскую политику царского правительства, систему взимания ясака с нерусского населения, выкачивание пушнины купцами и промысловиками, приводившие к опустошению промысловых охотничьих угодий в некоторых районах сибирской тайги, в целом в Сибири не происходило уничтожения охотничьего и рыболовецкого хозяйства коренного населения. Не было создано и сельскохозяйственных плантаций, где бы эксплуатировался труд коренных насельников. Попытки обрабатывать казенную пашню силами вогулов-манси и сибирских татар потерпели неудачу уже в конце XVI—начале XVII в.

Русские крестьяне, посадские люди и казаки сближались с местными жителями в бытовом отношении, вступали в брачные связи. Имело место взаимовлияние приемов хозяйственной деятельности, русские промысловики воспринимали местные приемы охоты, рыбной ловли, езды на оленях и собаках. Коренные жители постепенно втягивались в земледельческое производство, заимствовали у русских крестьян приемы хлебопашества, заготовки сена на зимний период для скота, устройство бревенчатых изб и т. д.

Русские люди, пришедшие из европейской части страны в Сибирь или переселившиеся из одного района в другой по тем или иным хозяйственным соображениям, сыграли огромную роль в развитии производительных сил, в освоении целинных земель, в создании домашней промышленности, ремесла и промыслов, в развитии торгово-денежных связей и оказали положительное воздействие на улучшение приемов хозяйственной деятельности коренного сибирского населения.

Увеличение количества русских жителей происходило как за счет вольнонародной колонизации (в подавляющем большинстве в виде крестьянского переселения), так и путем ряда правительственных мероприятий. Правительство стремилось принудительно заселить наиболее важные для него в хозяйственном и военно-стратегическом отношении районы: тракт, территория горных рудников и металлургических заводов, прилежащие к укреплённой линии земли. Оно отправляло в Сибирь ссыльных донских и запорожских казаков, возвращенных в Россию беглых раскольников, использовало для освоения края помещичьих крестьян и дворовых людей, направляемых владельцами за «предерзостные поступки» в зачет рекрутов, производило принудительное перераспределение русского населения по территории края.

В результате в 80-х годах XVIII в. Сибирь имела свыше миллиона человек (обоего пола) населения, десятки тысяч населенных пунктов, крупное по масштабам XVIII в. металлургическое производство в Алтайском и Нерчинском горных районах. Сибирские земледельцы использовали под хлебопашество сотни тысяч десятин земли, снабжали про-

---

[80] Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958, стр. 65.

дуктами миллионное население края. В 30—80-е годы XVIII в. русский народ проделал огромную работу по дальнейшему освоению Сибири, по раскрытию ее производственных возможностей.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ. КРЕСТЬЯНСТВО

К началу XVIII в. сибирское хлебопашество в основном уже удовлетворяло потребности русских жителей Сибири в хлебе. Самый ранний по времени возникновения земледельческий район, Тобольский, располагался преимущественно в таежной полосе Западной Сибири. Он включал уезды Верхотурский, Тобольский, Тюменский, Туринский, а также имевшие незначительную пашню Пелымский и Тарский.[61] Заселение земледельцами южных лесостепных и степных районов тормозилось постоянными вторжениями кочевников и стало возможным лишь в XVIII в.

В течение XVIII в. (особенно во второй половине) происходит продвижение русского земледелия в более южные, благоприятные по почвенно-климатическим условиям районы как Западной, так и Восточной Сибири. Русские переселенцы осваивали под хлебопашество лесостепные и степные пространства по Тоболу, Ишиму, правобережью Иртыша, в Барабинской степи, по средней и верхней Оби, на Алтае, по Енисею в пределах Красноярского уезда (в том числе Минусинские степи), верхнему течению Ангары и в Забайкалье.

Темпы роста посевных площадей заметно увеличились в 60-х годах XVIII в. Ведомость губернатора Д. И. Чичерина, представленная Екатерине II 13 сентября 1767 г.,[62] содержит данные о размерах пашни (в десятинах) по всей Западной Сибири, за исключением Томского и Кузнецкого уездов (почти все крестьяне этих уездов были приписаны к Колывано-Воскресенским заводам[*] — следовательно, не учитывались в ведении сибирского губернатора) и неземледельческих районов — Пелыма, Березова, Сургута и Нарыма с Кетским острогом. По остальным девяти уездам представлены полные сведения:

Тобольский уезд	24909
Тюменский уезд	24123
Туринский уезд	17041
Верхотурский уезд	4519
Самаровский ям	77
Тарский уезд	22310
Ишимский дистрикт	4307[6]
Якуторвский дистрикт	3[illegible]257
Крыловскобинский дистрикт	2566
Итого	303876

Причиной активизации роста посевных площадей мог бы быть большой приток переселенцев. Однако данные о «вновь поселенных» за эти годы исключают такое предположение. В Тобольском уезде на 16 тыс. учтенных ревизией за два года всего 40 «вновь поселенных». Значительно количество новых поселенцев только для Тарского уезда — 1317 человек в 1765—1767 гг.,[63] но по размерам прироста пашни его превосходит другие уезды, и потому список нет «вновь поселенных» в эти двухлетие.

[61] См. выше, стр. 72, 75.
[62] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 130.
[*] См. там же.

Следовательно, причину нужно искать в другом. В 1762 г. для государственных крестьян Сибирской губернии сбработка казенной десятинной пашни была заменена денежным оброком. В сенатском указе говорилось: «... и впредь со всех брать в казну с написанных по последней ревизии душ, сверх настоящаго семигривеннаго подушнаго сбора, с каждой души по рублю при подушном сборе».[84] В связи с этим в руки крестьян попадала земля, занятая прежде десятинной пашней. Но, во-первых, это была уже обрабатывавшаяся земля, которая не могла войти в число новой пашни; во-вторых, к этому времени она составляла сравнительно небольшую площадь.[85]

4900 десятин в поле, или 14 700 десятин примерно всей казенной пашни на Западную Сибирь, не могли играть решающей роли в освоении земель ни до 60-х годов, ни после отмены барщинных работ на десятинной пашне. В подавляющем большинстве уездов казенная запашка была ничтожной; несколько более заметное место она занимала только в Краснослободском и Исетском ведомствах. Размеры десятинной пашни свидетельствуют о том, что процесс земледельческого освоения региона в XVIII в. основывался на индивидуальном крестьянском хозяйстве, а не на запашке феодального собственника земли — государства.

Отмена десятинной пашни могла сыграть роль стимула роста хлебопашества в другой сфере: она давала возможность увеличить свою вспашку или объявить об уже имеющихся увеличениях без риска вызвать этим возрастание отработок на казенной земле. Это обстоятельство можно было бы считать решающим, если бы вплоть до отмены десятинной пашни сохранялось соответствие размеров «собинной» запашки и обрабатываемой доли в казенном поле. Но в течение XVIII в. десятинная пашня превращается в отработочную повинность, не зависевшую от размеров держания. Еще в 1721 г. сибирский губернатор Черкасский приказал определить размеры отработок крестьян на двор независимо от количества земли, находящейся в пользовании у того или иного земледельца.

По данным ответов воеводских канцелярий на анкету Г. Ф. Миллера (1739—1743 гг.), соответствие между площадью собственной пахоты крестьян и десятинной пашней тоже отсутствует. Размер десятинной пашни соотносится в этих ответах с числом душ пашенных крестьян.[86]

В Тюменском уезде десятинная пашня в XVIII в. сохранялась только в Подгородном стане и до 50-х годов XVIII в. составляла лишь 224 десятины в поле.[87] Сопоставление посевных и ужинных книг этого уезда за 1739—1751 гг. показывает, что ни размер десятинной пашни в целом, ни распределение ее по отдельным деревням и отдельным крестьянам не менялись в течение всего этого периода. Во всех документах — посевных, ужинных и умолотных книгах — одни и те же крестьянские имена с постоянными размерами долей отработок в казенном поле переходят из года в год, из книги в книгу. Эта доживающая свой век форма феодальной ренты, застывшая, неподвижная, не была связана с реальным ростом крестьянской пашни.

Губернатор Ф. И. Соймонов сетовал на то, что в Тарском уезде на одной десятине казенной пашни числилось по два, три и даже пять дей-

---

[84] ПСЗ, т. XVI, № 11633, стр. 41.

[85] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 136; Р. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., стр. 146 (табл. 3).

[86] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. II, лл. 31—33, 100—102, 133—139, 188—192; ч. III, лл. 4, 59, 60, 77, 78; ч. IV, лл. 24, 25.

[87] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 625, лл. 11—35; д. 628, лл. 1—8; д. 627, лл. 9—12; д. 629, лл. 1—30; д. 630, лл. 11—30.

ственных работников.[68] Характерно, что в период предпринятой Соймоновым в конце 50-х годов XVIII в. попытки расширить десятинную пашню предписывалось выделять на каждого годного работника по десятине в поле.[69] Размер отработок на казенных землях и в этом случае не связывался с собственной запашкой крестьянина.

При таком характере, который носила десятинная пашня в Сибири во второй четверти и в середине XVIII в., отмена ее не могла вызвать резкого увеличения посевных площадей. Гораздо большую роль сыграл в этом отношении произведенный одновременно перевод всех (оброчных и пашенных) крестьян Сибирской губернии на денежный оброк. Повсеместное введение денежной ренты бесспорно стимулировало рост крестьянского хозяйства. Оно явилось одной из причин более интенсивного (и по темпам роста пашни, и по уровню товарности), чем в предыдущий период, развития земледелия Западной Сибири со второй половины 60-х годов XVIII в. Однако, чтобы не переоценить роль этого фактора, следует иметь в виду, что свыше 50% феодально-зависимых земледельцев на государственных землях Западной Сибири платили денежный оброк уже к началу 40-х годов XVIII в. (об этом см. ниже, стр. 218).

Секуляризация церковных земель 1764 г. тоже способствовала развитию хозяйства монастырских крестьян, ставших экономическими, и, следовательно, росту пашенных земель. Она коснулась значительного отряда крестьянства (свыше 14 тыс. ревизских душ в 1762 г.),[70] почти равного по числу пашенным крестьянам. Но усиление роста пашни охватило и те уезды, где монастырских крестьян было очень мало или совсем не было.

Для южных вновь осваиваемых уездов существенным фактором, стимулировавшим рост пашенных земель с 60-х годов XVIII в., явилось завершение строительства Ново-Ишимской (к 1755 г.) и Колывано-Кузнецкой (к началу 60-х годов) укрепленных линий.

Толчком к более интенсивному росту пашни во второй половине 60-х годов послужила также угроза проведения межевания и те возможности по использованию неосвоенных земель, которые открывал правила Генерального межевания. Манифест 20 сентября 1765 г. устанавливал правила для составления межевой инструкции. Дела сибирских воеводских канцелярий за 1766 г. изобилуют крестьянскими челобитными об отводе добавочных пашен и покосов, основывающимися на этих правилах. Крестьяне и разночинцы, державшие которых составляли менее 8 десятин пахотных земель на каждую ревизскую душу в семье, просили закрепить за ними подысканные ими необработанные земли. Иногда это делина, иногда пыморочная земля, иногда «чужая земля», лежащая «впусте» и составляющая излишек у нынешнего владельца, согласно нормы межевания.[71]

В условиях Сибири при отсутствии земельного голода провозглашение определенной нормы земельного владения[72] приводило не к перераспределению их ли, а к расширению обрабатываемых площадей в целом. Те, за кем уже были закреплены значительные участки, спешили расширить пашню за счет своей прежде пустовавшей земли, что бы не от-

---

[68] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 49, л. 1 об.

[69] ПСЗ, т. XVI, № 11633, стр. 98—44.

[70] В. М. Калуцкий. С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., табл. 5 (стр. 153).

[71] ГАТОТ, ф. Томской воеводской канцелярии, о. 1, св. 163, д. 2259, лл. 1—82; д. 2261, лл. 6—76; д. 2262, лл. 3. 11—19, 15—20; ср.: 149, д. 2070, лл. 1—7 и др.

[72] Следует отметить, что вопреки официальным правилам, включавшим в душевую норму — 8 десятин — все виды угодий (пашни, сенокосы, пастбища, леса и усадебные участки), сибирская практика второй половины XVIII в учитывала только пахотные земли.

няли как неиспользуемую. Угроза межевания, которое закрепит границы держаний, побуждала состоятельных спешить с расширением запашки и за счет новой земли. Хлебопашцы же, имевшие земли меньше, чем они могли освоить, получили законное основание требовать «дополнения». И, наконец, те, кто самовольно фактически раньше увеличил пашню, теперь оформлялся это юридически, побуждаемые либо опасением потерять распаханные земли при межевании, либо появившимся законным основанием для бо́льшего надела.

В официальных документах отражался не только фактический рост пашни в том или ином году, но и расширение площадей, осуществленное реально раньше, а оформленное юридически только в этом году. Начальству было выгодно изображать в сводных ведомостях обрабатывавшиеся раньше, но не зафиксированные пашни, как распаханные вновь. Вызвано это было тем, что после перевода всех государственных крестьян на денежный оброк правительство активизировалось в проведении мер по расширению крестьянского хлебопашества в Сибири, так как теперь не было десятинной пашни, гарантировавшей в каждом часе поступление хлеба на казенные нужды. 11 июля 1763 г. Ф. И. Соймонов и Д. И. Чичерин в совместном докладе предлагали разрешить раздачу в Сибири земель всем желающим и покупать хлеб в казну у хлебопашцев по «хорошей цене». «Посредством чего чаятельно, что купцы и прочие разного звания жители, видя непременную покупку в казну хлеба и при том довольную за труды плату, конечно, не оставят хлебопашества размножать собственно сами или наемными работниками и ставить довольное число в казну провианта: равным образом и крестьянство, усмотря, что хлебопашество не меньше им прибыли приносить будет, нежели промыслы звериные, может прилежнее то и размножить». Сенатская контора по указу императрицы рассмотрела эти предложения и согласилась с ними, с существенной, однако, оговоркой: отводить земли беглым крестьянам запрещалось.

На основе этого решения крестьянам Сибирской губернии было разрешено заявлять о нераспаханных излишках земель других владельцев и просить их для себя.[73] Д. И. Чичерин, ретиво принявшийся за реализацию этой программы, применил в своих циркулярах и угрозы по отношению к тем, кто не распахивает достаточного количества земли, а его подчиненные — местные сибирские власти — спешили докладывать о росте пашенных земель в их ведомстве.

Решения дел о выделении пахотных земель свидетельствуют о том, что отмежевывались значительные участки: не только по 8 (иногда [illegible]), но и [illegible], по которым до этого пашня совсем не числилась.[74] Такие размеры пашен, выделяемых по челобитным в связи с правительственными мерами по расширению хлебопашества в Сибири и подготовкой Генерального межевания, свидетельствуют о том, что с этими стимулами было связано ускорение роста посевных площадей во второй половине 60-х годов XVIII в. Однако достигнутый в результате этого сдвига уровень не смог бы сохраняться и позднее повышаться, если бы не основывался на всем ходе социально-экономического развития региона, которое обусловило и рассмотренные уже факторы (отмену десятинной пашни, секуляризацию церковных земель, укрепление южных границ).

Соотношение обрабатываемой земли и земледельческого населения было самым высоким в хлебном Ишимском дистрикте. Второе после

---

[73] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 49, лл. 6—12 об.
[74] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 149, д. 2076, лл. 1—7; св. 165, д. [illegible], лл. 21—76; д. 2262, л. 3; св. 165, д. 2286, лл. 30, 31 и др.

Ишимского дистрикта место по средней наделенности пашней занимал Туринский уезд, хотя удельный вес его в производстве хлеба Западной Сибири в целом был невелик (15 тыс. десятин пашни в 1767 г.). Тюменский уезд к 1767 г. по средней наделенности пашней обогнал Тарский. Это обстоятельство служит убедительным свидетельством того, что районы старого земледелия, освоенные XVII в., обладали еще большими возможностями расширения пашни при том же уровне техники. Эти возможности в значительной мере реализовались во второй половине XVIII в. Даже в Тобольском уезде, более северном и потому менее удобном для земледелия, чем Тюменский, пашня расширялась. Но средняя наделенность обработанной землей в этом северном районе оставалась низкой.

Недостаток удобных земель испытывал только Верхотурский уезд, относительно которого говорилось, что «за малоимением земель умножить пахоты негде», поэтому крестьяне этого уезда нанимались на работы к зажиточным крестьянам Ишимского, Ялуторовского и Краснослободского дистриктов, где русское земледелие в XVIII в. сделало поразительные успехи. В росте пашни Ишимского и Ялуторовского дистриктов, а также Тарского уезда проявилось продвижение на юг земледельческого района. В 1767 г. Ишимский и Ялуторовский дистрикты имели большую запашку, чем весь Верхотурско-Тобольский земледельческий район к концу XVII в.[75]

В 70—80-е годы XVIII в. посевная площадь продолжает возрастать. К концу 80-х годов озимыми и яровыми культурами (без пара) в различных районах Западной Сибири было засеяно следующее количество земли (в десятинах):[76]

Тобольское наместничество (без Ачинского уезда)	331542
Кузнецкий уезд	19645
Колыванский уезд	38863
Бийский уезд	56326
Семипалатинский уезд	14453
Верхотурский округ	8776
Шадринский округ	40272
Долматовский округ	40060
Итого	549939

Итог этот представляется весьма значительным, если учесть крайне низкий уровень сельскохозяйственной техники и общие социально-экономические условия феодальной России. Разумеется, по отношению к потенциальным возможностям Западной Сибири освоена была лишь небольшая часть земель.

В 1788 г. в пределах территории Тобольского наместничества (без Ачинского уезда) и Колыванской губернии под посевами было занято примерно 477 192 десятины.[77] Население (русское) этой территории составляло (исходим из показателей IV ревизии[78] с учетом примерного прироста за 6 лет, вычисленного по среднему ежегодному приросту между

[75] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 139—140; ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 53, л. 130.

[76] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 59, лл. 29, 30 об.; д. 60, ч. II, лл. 104—108, 112. В ведомости указано количество выезжанного зерна по всем культурам раздельно. Площадь посева вычислена тем из растета наиболее распространенных в этот период в русском норм высева: рожь — 1 четверть на 1 десятину, ячмень и пшеница — 1,5 четверти, овес — 2 четверти.

[77] Вычислено по данным о количестве выезжанного зерна.

[78] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., табл. 5 (стр. 153).

IV и V ревизиями) 712 870 человек. Значит, на душу населения в 1788 г. приходилось примерно 0.67 десятины посева или 1 десятина всей пашни. В отдельных уездах средний надел на душу населения мог быть много больше, так как общий показатель снижается за счет неудобных для земледелия районов. Так, к началу 80-х годов в Тюменском уезде, насчитывавшем 150 населенных пунктов, числилось около 30 тыс. жителей. В это время в уезде было 57 564 десятины официально учтенной пашни.[79] Следовательно, на душу населения здесь приходилось около двух десятин пашни.

Заметно возрастает средний надел пашни на душу земледельческого населения. В юго-восточной части Западной Сибири, на территории Колывано-Кузнецкой губернии, к концу XVIII в. на один крестьянский двор приходилось в среднем около 9 десятин пашни (включая условно вычисленную площадь пара), а на одну ревизскую душу хлебопашцев — около 5 десятин пашни.[80] Доля же пашни на душу населения здесь была сравнительно низкой в силу значительности процента не связанного с земледелием населения: на 106 863 ревизские души[81] приходилось 162 405 десятин, т. е. по 0.8 десятины на одного человека.

Во второй половине 60-х—80-х годах XVII в. расширение посевных площадей стимулировалось не только колонизационным притоком и естественным приростом населения. Это расширение пашни было вызвано социально-экономическим развитием края. Увеличение среднего размера площади возделываемой земли на душу населения было связано с ростом производства хлеба на рынок.

В пределах Восточной Сибири развитие земледелия в 30—80-х годах XVIII в. проходило в более ограниченных по сравнению с Западной Сибирью размерах. Там было меньше земледельческого населения и меньшее количество возделываемой земли, но закономерности соотношения роста населения и динамики посевных площадей, выявленные для западных районов Сибирского края, в известной мере могут быть распространены и на восточную часть.

Из уездов, образовавших в XVIII в. Иркутскую провинцию, а затем и губернию, в Илимском (Киренском) уезде хлебопашество было наиболее развито. По материалам III ревизии (1762 г.), из 30 209 ревизских душ крестьян и разночинцев Иркутской губернии в Илимском уезде жили 10 068 крестьян и 2070 разночинцев.[82] Здесь земледельцы должны были приспосабливаться к естественно-географическим условиям таежного гористого края, с континентальным климатом и коротким вегетационным периодом (около 90 дней). Почти все пашни располагались по долинам рек, обычно на южных и восточных склонах гор и увалов, не спускаясь к подошве и не подымаясь на вершины.[83]

Крестьянские посевы Илимского уезда составляли в 1722 г. около 4 тыс. десятин; в 1765 г. — свыше 6.5 тыс.; в 1774 г. — около 9 тыс. При господствовавшей в Илимском уезде системе двухполья общий объем возделываемой пашни в 1774 г. составил около 18 000 десятин. Русское население уезда увеличивалось главным образом за счет естественного прироста и росло медленнее, чем в Западной Сибири. По данным В. Н. Шерстобоева, в Илимском уезде числилось русских жителей обоего пола: по

---

[79] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 29, д. 554, лл. 1—3, 86—88.

[80] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 305—310, 313—327, 330—340, 342—350, 352—356, 359—365, 369—374.

[81] Там же, лл. 179—187. Сведения V ревизии.

[82] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 35.

[83] В. Н. Шерстобоев. Земледелие северного Предбайкалья в XVII—XVIII вв. Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1, М., 1952, стр. 280.

I ревизии (1719—1722 гг.) — 14 400 человек, по II ревизии (1744—1745 гг.) — 20 698 человек, по III ревизии (1762—1763 гг.) — 25 412 человек, в 1774 г. — 28 500 человек. За время с 1722 по 1774 г. население удвоилось, а площадь посевов выросла в 2.25 раза. Рост посевных площадей несколько обгонял возрастание числа русских жителей. Но и 1774 г. на душу населения приходилось в среднем только 0.3 десятины посева. Такой размер посева мог покрыть потребности уезда в хлебе лишь в годы очень хорошего урожая. Если же крестьян постигал неурожай, то они не только «приходили в несостояние», но «испытывали голодовки и сокращали посевы».[84] При этом на крестьянах Илимского уезда до 1733 г. лежала обязанность ежегодно поставлять в казну «провиантский хлеб», т. е. хлебный оброк по 60 пудов с каждого двора. Этот хлеб отправлялся в Якутск и на Камчатку.

В 1728 г. хлебный оклад по всем волостям уезда был определен в 47 580 пудов. Хлебные сборы в казну болезненно отражались на крестьянах. Так, например, в 1757 г. в Чечуйской волости с 332 десятин снятый урожай около 44 пудов с десятины. Валовой сбор составил 14 590 пудов. На семена для будущего посева и на питание требовалось 12 355 пудов; остаток от урожая — 2235 пудов, а оклад хлебных платежей государству по этой волости составил 4079 пудов, следовательно, крестьяне не могли внести оброчных платежей, не затронув продовольственного запаса. Частые неурожаи увеличивали недоимки по хлебным сборам. Хлебное обложение суживало хлебный рынок. Отмена хлебных платежей крестьян Иркутской губернии в 1775 г. и перевод их на уплату денежного оброка не замедлили сказаться на расширении пашни и последние десятилетия XVIII в., увеличении количества товарного хлеба, создании более широких и свободных рыночных связей.

В связи с административными преобразованиями уезда (перенос уездного центра в Киренск в 1774 г. и передача южных развитых в сельскохозяйственном отношении волостей Иркутскому уезду) представляется возможным проследить расширение посевных площадей только по оставшимся в пределах уезда старым семи волостям. По ним в 1774 г. посев составлял около 2300 десятин, а к 1789 г. увеличился до 5352 десятин.

Сопоставляя количество русского населения Киренского (Илимского) уезда по материалам V ревизии с количеством десятин посева в 1795 г., нетрудно убедиться, что в год проведения ревизии на душу в среднем приходилось почти 0.7 десятины (8500 душ обоего пола и 5724 десятины посева). Средняя наделенность пашней возросла по сравнению с 1774 г. в два раза.[85]

Еще более быстрыми темпами росли посевные площади в южных уездах Восточной Сибири, особенно в районе иркутско-тулунских лесостепей. Илимский (Киренский) уезд постепенно терял государственное значение и производстве хлеба, уступая место южным уездам Прибайкалья и Забайкалья. Однако огромные массивы пригодных для распашки земель еще не были вовлечены в сельскохозяйственное производство. Прогресс земледелия задерживался всем строем русского феодального общества.

В орудиях земледельческого труда в Сибири в течение XVIII в. не происходит существенных изменений. Деревянная соха с железными сошниками, как и в XVII в., остается основным средством обработки земли. В этом легко убедиться, обратившись к источнику, рисующему положение дел в самом конце рассматриваемого периода — в 1790 г. Топографическое описание Тобольского наместничества для всех уездов стереотипно

[84] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 196, 197, 200.
[85] Там же, стр. 202—204, 303, 334.

повторяет: «Землю пашут сохами на лошадях». Кроме сохи, фигурируют бороны, серпы, и деревянные молотила на вертлюгах. Последние были распространены по всей территории.[86]

Состав сельскохозяйственных культур также не претерпел значительных изменений. Сеяли рожь, ячмень, овес, пшеницу, просо, полбу, гречиху; широко был распространен горох; из технических культур возделывались лен, конопля, в Тюменском и Кузнецком уездах — табак; из огородных — капуста, морковь, огурцы, лук, чеснок, редька, свекла, репа, хрен, бобы, укроп, мак, тыква, кое-где дыни.[87] С 60-х годов XVIII в. появляются посадки картофеля, но они до конца века были незначительными.[88]

Климатические и почвенные различия районов огромнейшего Сибирского края влияли на соотношение этих культур, на большую или меньшую успешность высева каждой из них. Так, пелымская воеводская канцелярия сообщала в 1741 г., что в недолистье Пелыма в достаточном количестве родится только ячмень.[89] В Тарском уезде был исключительно высок удельный вес пшеницы — свыше 17% (в Харьковской и Киевской губерниях пшеница занимала в это время только 12% от посева зерновых).[90] При аналогичных климатических и почвенных условиях ассортимент хлебных культур был полнее в более обеспеченных хозяйствах.

Рожь всюду (за исключением небольших северных очагов земледелия) оставалась, как и в XVII в., преобладающей культурой. На территории Тобольского наместничества, значительная часть которого состояла из северных уездов таежной полосы, рожь (озимая и яровая вместе) охватывала почти 56% посевных площадей, в Колыванской губернии на вновь освоенных лесостепных и степных землях — свыше 58%; в Шадринском и Далматовском округах — более 60%.[91]

Соотношение яровых и озимых в отдельные годы нарушалось, особенно в связи с расширением пашни. Но, как правило, по всей территории от Урала до Енисея яровые существенно преобладали над озимыми, составляя 63.5% посевных площадей. При этом удельный вес ржи был весьма значителен. В этом проявлялась специфика Сибири, так как в большинстве губерний России яровая рожь занимала незначительное место в хозяйстве. Близкие по размерам к яровой ржи площади занимал овес. Сравнительно высок был в Западной Сибири удельный вес пшеницы — 13%. В Европейской России ее превосходили в этом отношении только Уфимская, Саратовская и Симбирская губернии.[92]

В таком хлебном уезде Восточной Сибири, как Илимский, XVIII в. внес существенные изменения в структуру посевов в сторону сокращения доли озимой ржи при увеличении доли пшеницы, ячменя и овса (фуражной культуры).[93]

Вопрос о системе земледелия в XVIII в. не может быть решен единообразно для всей сибирской территории. Применительно к районам ста-

---

[86] ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 21 об., 41, 52, 60 об., 92 об., 108 об., 129 об., 137, 162 об.—163, 175.

[87] Ответы на анкеты В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, Академическую 1760 г.; сведения И. П. Фальк; ведомости сибирских губернаторов и воеводских канцелярий.

[88] ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 19, д. 439, лл. 6, 13, 20, 21; ф. Чусовского волостного правления, оп. 1, д. 26, лл. 534—540, 549, 604, 605, 612, 613.

[89] ЦГАДА, ф. Сибирской губернской канцелярии, оп. 3, д. 186, лл. 2, 3.

[90] Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 339.

[91] Донесения наместников и губернатора А. Алябьева, Б. Миллера и Келтеевского. ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 59, лл. 29, 30 об.; д. 60, ч. II, лл. 104—108, 112; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 147.

[92] Сопоставление с Европейской Россией по данным Н. А. Рубинштейна (см.: Н. А. Рубинштейн. Сельское хозяйство России..., стр. 332—339).

[93] В. Н. Шеретобоев. Земледелие северного Предбайкалья..., стр. 293.

рого заселения Западной Сибири, расположенным в таежной полосе, документы изобилуют свидетельствами о наличии трехполья. Иногда паровая система сочеталась с залежной землей. В источниках встречаются записи такого типа: «... пашни имеет 4 десятины в поле, а в лесех потому ж, залежной и выпаханной земли 5 десятин».[84] В Восточной Сибири применялось двуполье, сложившееся там еще в XVII в. (поле зерновых и поле пара). Земледельцам Иланского уезда было знакомо и трехполье, но оно применялось изредка «как один из возможных (а не обязательных) путей использования отдельных полевых участков».[85]

Следовательно, на территории таежной полосы, где существовали участки давнего заселения с появившимися уже элементами относительной земельной тесноты, а также там, где при наличии земельного простора все равно тайга заставляла ценить очищенную от леса и обработанную землю, в XVIII в. преобладала паровая система. Преобладание паровой системы не исключало применения залежей. Постепенно складывалась залежно-паровая система.

Сочетание паровой системы с перелогом или залежью не следует рассматривать как более низкую организацию земледелия в сравнении с чистым трехпольем. Трехпольный севооборот дает возможность лишь временно сохранять плодородие почвы, а далее он сопровождается нарушением структуры, распылением и, наконец, полным истощением почвы. Этот процесс может быть заторможен обильным удобрением. Другим способом избавления от истощения почвы может служить периодическое забрасывание пашни наряду с применением трехпольного севооборота. Л. В. Милов справедливо поставил вопрос о сочетании элементов залежи и перелога с трехпольем как о системе земледелия, свойственной уровню развития производительных сил позднего феодализма. Но возможно это сочетание только там, где есть резерв пашенных земель.[86] Именно такие условия и были в Сибири в XVIII в.

На вновь осваиваемых в XVIII в. степных и лесостепных просторах складывалось залежное земледелие. Применялись различные варианты этой системы от перелога с его длительным забрасыванием пашни, включая залежь на более короткий срок, и до залежно-паровой системы с присущими ей значительными элементами трехполья.

Ценные свидетельства о системах земледелия в Западной Сибири на рубеже 60—70-х годов XVIII в. оставил И. П. Фальк.[87] Суммируя его наблюдения, можно сказать, что по всей южной части Западной Сибири — от Исетской провинции до Кузнецкого уезда — Фальк встречал в начале 70-х годов XVIII в. залог — пашни, которые были оставлены хлебопашцами на несколько лет. Местами это сочеталось с трехпольным севооборотом.

На десятинной пашне и в южных степных районах применялось трехполье. Многолетнее существование этой системы без удобрений приводило к тому, что казенная пашня «выпахивалась без остатку». Возникала необходимость перенести ее на новое место, забросив прежнюю пашню в залежь. В случае отсутствия рядом удобных земель селение целиком переносилось на новое место.[88] Ф. И. Соймонов в качестве причины низких

---

[84] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 168, д. 2313, л. 227.
[85] В. Н. Шретер Зоев. Земледелие говорного Преображенья..., стр. 294.
[86] А. В. Милов. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. Четвертая сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961, стр. 99—101.
[87] И. П. Фальк. Записки путешествия 1768—1774 гг. СПб., 1824, стр. 320; А. А. Кондратенков. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962, стр. 10.
[88] ЦГАДА, ф. Тарской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 87, лл. 1—4.

урожаев на десятинной пашне указывал, что «на многих местах эти земли не пашутся».[99]

Близкая к запискам И. П. Фалька характеристика систем земледелия дается в «Топографическом описании Тобольского наместничества 1790 г.». В Якуторовском уезде вспаханную землю оставляли «лежать впусте» 5—10 лет, потом опять распахивали. В Ишимском уезде тоже фигурирует «залежная» земля. Для Омского уезда «Топографическое описание» рисует такую систему земледелия: на целине снимали урожай 3—4 года подряд; потом давали этой земле год «отдых»; затем снова засевали 3 лет подряд и, наконец, совсем забрасывали. Забрасывание земель на длительный срок отмечается и для Каинского уезда: земля считалась здесь годной к посеву не более пяти лет; «после того оставляют впусте, покудово она придет в первобытное состояние, которое продолжение иметь должно не менее 25 лет».[100]

В Томском уезде, по данным «Топографического описания», земли «нового залога» (после залежи) родила «с переменою» (при чередовании озимых и яровых) 6—7, а на худших землях — 4—5 лет подряд. Земли не удобрялись, «по вымашке» переходили на другую территорию.[101]

В Колывańской губернии в это же время земля в некоторых местах забрасывалась не менее чем на двадцать лет. В связи с тем, что срок использования пашни был меньше (5—6 лет максимум),[102] каждое хозяйство должно было иметь возможность пользоваться площадью в три-четыре раза большей, чем реально используемая. Такой способ земледелия был возможен только при очень больших земельных просторах Южной Сибири. В этом, по-видимому, кроется и секрет странного, на первый взгляд, но обычного для Сибири сочетания на редкость крупных размеров крестьянских земельных держаний со средней обеспеченностью крестьянин.

О том, что трехполье в Сибири, как правило, не имело классических форм, говорит, в частности, слабая распространенность удобрения полей навозом. Даже в Тюменском уезде, который для сибирских условий можно назвать классическим уездом паровой системы, удобрение навозом применялось не во всех деревнях.[103]

Нормы высева в пределах Западной Сибири были в среднем ниже, чем в Европейской России: [104] для ржи норма колебалась от 8 до 12 пудов на десятину, овса — от 16 до 22, пшеницы и кчменя — от 12 до 20 пудов.[105] В Восточной Сибири нормы высева были несколько выше.[106] Как правило, в северных районах на десятину высевали зерна больше, чем в южных. Иногда в одном и том же районе, и одних и тех же условиях нормы различались в зависимости от степени истощения почвы. Ф. И. Соймонов в конце 50-х годов XVIII в. дал распоряжение о повышении нормы на каждой десятинной пашне в связи с возможной почвы: «... в происходящий нов исключением начной сев, то есть на десятине рзи по четверти, овса по две, отменить, приказать взять в рассу-

---

[99] Там же, ф. Кабинета Екатерины II, оп. 3, д. 194, л. 1.
[100] ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 32, 60 об., 92 об., 175.
[101] Там же, л. 162 об., 163.
[102] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 199 об., 340.
[103] ГАТОТ, ф. Тюменской городской канцелярии, оп. 1, ед. хр. 149, д. 2084, лл. 3—33.
[104] Сел. Очерки истории СССР. Период феодализма. России во второй четверти XVIII в., стр. 38.
[105] ЛОИИ, ф. Канцелярии и архивы Академии наук, оп. 10а, д. 107, л. 102 и годовой доходных канцелярий.
[106] В. И. Шорстобоев. Ишимская пашня, с. II, стр. 288, 289.
[107] Здесь, как и вообще в данном параграфе, речь идет о восемнадцатых четвертях.

жении выпаханных земель не запахивали раз в год, а два, три, даже пять четыре четверти на десятину или гораздо чем меньше, считая по добрым землям[7]. Это расположение выпахивалось плугом.

Великим элементом агротехники считалась двоякая перепашка земли. Пахали два, а иногда и три раза, как при полевой системе, так и при введении в оборот **залежи, и в лесных, и в степных районах**[8].

Подобно картину производственных приемов на двух отдельных земледельческих дачах по Тобольскому уезду дает «Топографическое описание 1790 г.»: «Землю пашут сохою на лошадях и разделяют по местам по **способности скотоводства** неровно, а в иных местах и без удобрения с перепашкой через год и два и приготовляют к посеву только мягкия земли, спашут и удобряют под навоз, а после засеют и отработают, и еще пробавят, а потом дают хлеб, а это раз забирают паровой под яровой хлеб пашут и боронят только в каждое поле, а под озимой около августа месяца хлеб посевают говорят в августе, и жнут сеяного в июне и потом сваливают в суслоны, и на гумнах молотят **несколько времени сколят** с гумна в гумно и кладут, и для молотьбы кладут в овинах, и вымолачивают по **чертлюгах молотилами** и тот рубили обмолачивают, и отдевают по полям на ветру. Хорошей считалась полоть голубицкая на 4 вершка»[10].

Для этой **колебания урожайности** в Сибири были очень велики. По сделанному этим описанием урожаев (в пудах с десятины) **выражались следующими величинами:**

Рожь	Овес	Ячмень	Пшеница	Просо	Гречиха
1733—1749	28,2	27,1	50,5	28,0	41,5	38,5
1765—1774	30,1	30,0	49,0	36,0	44,0	42,0
1750—1790	31,2	31,3	46,2	35,9	45,3	42,6
1790	31,1	30,8	51,0	37,1	47,2	37,2

Самые большие контрасты в урожаях на территории Сибири выявлялись тем, что высокие показатели сбора хлебопашества земель были в **лучших природных условиях**, как, например, пашни в северной части по территории тайги и лесостепи и степи. В менее благоприятных для земледелия районах русского населения только в отдельных местах он встречающихся почвах. По **мере увеличения срока заселенности южных** районов интенсивность и урожайности уменьшались. Причем некоторые повторяющиеся урожаи крайне **низкие** и единичные урожаи **развития производительных** сил. Все это не **было велико значение природных условий производительность труда** и хлебопашество находится почти сравнимой с уровнем агрокультуре (стр. 51).

Урожаи в южных районах Сибири непосредственно после их заселения земледельцами приближались по своим высоким показателям к лучшим урожаям в **европейской части страны**. Но по **мере выравнивания урожайности** высокие урожаи (вследствие географических различий остальных, но они давали меньшую разницу), по уровню сблизились с европейскими территориями.[11]

Как и в Европейской России, сельское хозяйство Сибири в XVIII в. страдало от недородов, что характерно для феодального общества

---

[7] ГАТОТ, ф. Тюменской походной канцелярии, оп. 1, св. 398, д. 4324, л. 73 об.; ЦГИДА, ф. Законодательных актов, д. 9107, л. 21 об., 41, 80 об., 90, 102 об., 129 об.

[8] Там же, л. 21 об., 102 об.

[9] Н. Н. Ш-ров и Зосим. **Земледелие сибирского предпринимат...**, стр. 398.

[10] См. данные урожайности за первой половине XVIII в. в кн.: И. А. Фуксов. Сельск. хозяйство Сибири, стр. 153, 156.

ТАБЛИЦА 1

Урожайность в разных частях Тобольской губернии в 1790 г. (в амбарах)[117]

Уезды	Озимь	Яровые	Овсяные	Ячменные	Озимь	Яровые
Тобольский	4.1	9.7	3.6	4.1	4.2	2.7
Тюменский	4.7	9.5	3.4	3.3	3.6	3.2
Ялуторовский	5.1	3.3	2.3	2.0	2.3	6.1
Туринский	3.9	3.9	3.0	5.6	3.1	2.2
Курганский	6.6	5.5	6.0	10.0	10.0	7.8
Ишимский	6.9	6.8	4.5	6.9	4.6	3.6
Ишимский	31.0	4.4	2.3	8.7	3.0	2.4
Тарский	8.0	15.5	15.5	3.9	4.1	5.9
Каинский	8.1	10.5	10.0	9.0	5.6	3.0
Ачинский	4.2	4.2	1.0	4.4	4.7	4.5
Барнаульский	3.0	2.5	2.3	2.5	1.9	1.1
Колывано-Воскресенский	2.9	3.9	—	5.2	0.5	
Томский	9.5	8.2	7.9	8.2	7.0	5.5
Средняя урожайность по губернии	6.0	8.1	4.9	4.0	4.3	3.9

вообще. Но они не были монокультурными, т. е. не охватывали всю разнообразную по природным условиям территорию или большую ее культуру, что свидетельствовало бы о **кризисе сельского хозяйства.** Некоторые области отличались отдельные местности и часть культур, являясь результатом неблагоприятных климатических условий при отсутствии определенного уровня агрокультуры.

Итоги развития земледелия к концу 80-х годов XVIII в. выразительно представлены в цифрах, отражающих объем хлебной продукции. В 1788 г. при среднем урожае сам-4 валовой сбор хлеба составил **(в восьмипудных четвертях):**[118]

Тобольское наместничество (без Алтая)	1228 980
Бийский округ	272 019
Колывано-Воскресенский уезд	128 825
Кузнецкий уезд	104 092
Семипалатинский округ	21 963
Верхотурский округ[119]	80 972
Итого	2 345 931

Объем сбора зерна будет сопоставлен с **выведенным выше** (при сравнении числа пашни и населения) числом русского населения — 712 878 человек, если к объему **валового сбора прибавить урожай** Красноярского уезда (176 018 четвертей),[120] а к числу **населения прибавить** жителей Верхотурского уезда (21 709 человек по IV ревизии).[121] На всю сумму валового сбора — 2 613 839 четвертей — заметным рас-

---

[117] ГАТОТ, ф. Тобольского наместничества, оп. 1, д. 118, лл. 105—323.

[118] Сведения по данным о посеве и сборе ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 60, и II, д. 112, д. 39, лл. 19—30 об.).

[119] В Шадринском и Далматовском округах в этом году была неурожай, поэтому принятые будет не правильно их по отношению для расчетах, так как тут были хлебные районы, имевшие обычно избыточный хлеб.

[120] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 59, л. 30.

[121] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Динамика населения Сибири в XVIII в., стр. 145.

ход на посев — 623 874 четверти.[118] Чистый годовой сбор составил 1 989 965 четвертей.

Сибирская статистика XIX в. исходила из нормы потребления в 20 пудов, т. е. 2.5 четверти хлеба на человека. Этот показатель представляется достаточным, так как во всех районах Западной Сибири в XVIII в. еще очень большую роль играли такие дополнительные источники питания, как рыболовство, охота, сбор ягод и грибов, которые, безусловно, снижали норму потребления хлебных продуктов. В таком случае расход на потребление составит: 2.5 четверти × × 734 587 (чел.) = 1 836 467 четвертей. Если же учесть потребление не только русского, но и коренного населения Западной Сибири (41 164 ревизские души по IV ревизии),[119] то при более низких нормах расхода на душу последнего (для некоторых народов хлеб еще не стал основой питания) чистый годовой сбор зерновых покроет потребности всего региона.

Разумеется, обеспеченность хлебом региона в целом не означала равномерного распределения, нисколько не исключая нужду в хлебе определенной части населения. В данной связи представляет интерес объем продукции как показатель уровня, достигнутого земледелием Западной Сибири к концу 80-х годов XVIII в.

Далеко не вся избыточная продукция реализовалась крестьянином на рынке, становилась товаром. Большие расстояния, плохие дороги, отсутствие крупных промышленных центров, господство феодального строя в стране в целом — все это тормозило превращение избыточного сельскохозяйственного продукта в товар, мешало полной реализации возможностей, которые несли с собой сдвиги в земледельческом освоении края. Следует учитывать также резкие колебания урожайности в разные годы. Частые неурожаи заставляли средних и зажиточных крестьян оставлять резервный запас зерна в хозяйстве (для Сибири XVIII в. характерны запасы, скопившиеся в течение нескольких лет).

Источники не дают возможности определить точно, какая часть избыточного хлеба Сибири поступала на рынок. Но на основании имеющихся сведений можно с уверенностью говорить о наличии значительного хлебного рынка, который особенно оживился в результате замены в 1762 г. натурального оброка денежным. Часть крестьян целиком перешла на занятие промыслами, увеличивая тем самым количество покупателей хлеба.[120]

Важным потребителем хлеба были воинские части, расквартированные в крепостях и форпостах пограничных линий Южной Сибири. На годовое содержание регулярного войска в Западной Сибири в середине 40-х годов XVIII в. полагалось 58 512 четвертей ржи, 2496 четвертей круп, 102 996 четвертей овса и 1 354 680 пудов сена. Оброчный и десятинный хлеб составлял небольшую долю в этих расходах, остальное закупалось у населения. Закупки хлеба производились в Ялуторовском, Краснослободском, Ишимском, Тарском, Тюменском и Тобольском дистриктах.[121] Закупали хлеб для воинских частей представители администрации, пытавшиеся навязать крестьянам свои цены. Но уже в 40-х го-

---

[118] Подсчитано по ведомости А. Алябьева, Б. Миллера и Колтовского, представленным Екатерине II. (ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 59, лл. 29—30 об.; д. 60, ч. II, лл. 104—108, 112).

[119] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., стр. 155.

[120] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 33, л. 67.

[121] Подсчитано по: Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. ЧОИДР кн. 4. 1866, М., стр. 32—34.

дах стали применяться подряды.[122] Позднее закупка хлеба для войска непосредственно у крестьян или на рынке специально выделенными военнослужащими все более заменяется системой подрядов. Заключался контракт со скупщиком, который обязывался доставить хлеб на место потребления.[123] Скупщик проникал в систему казенных заготовок продовольствия не только через официально заключаемые подрядные договоры. Офицеры, посланные для закупки хлеба у крестьян, сами нередко прибегали к посредничеству скупщиков.[124]

После отмены десятинной пашни и замены натурального оброка денежным подряды становятся почти единственным способом пополнения казенных хлебных магазинов. Только в том случае, если не находилось желающих взять подряд, прибегали к закупкам непосредственно на торгах. Это случалось при задорожании хлеба, когда скупщики находили невыгодным для себя брать казенный подряд.[125]

Одним из основных каналов, по которым расходился товарный хлеб сибирской деревни, было снабжение горнозаводских поселков. В известной мере это относилось к западным уездам, прилежащим к Уралу (там существовали экономические связи другими с начальными заводами), но главным образом — к юго-восточной части Западной Сибири и южной части Средней Сибири, к снабжению Колывано-Воскресенских заводов, где активизации большой торговли зерном способствовало и первые годы существования полное отсутствие пошлин. Возникнув в благоприятном для земледелия районе, заводские поселки в декабрьский период становятся местами притяжения хлебной торговли земледельческой округи не только потому, что крестьянин находил покупателя в самом поселке, но и как защищенное от нападений место, где удобен торг. В 30-х—начале 40-х годов XVIII в. на Колывано-Воскресенских заводах шла крупная торговля с калмыками, которые приезжали туда небольшими караванами с табунами скота и другими товарами, а покупали главным образом хлеб.[126]

С переходом Колывано-Воскресенских заводов в руки Кабинета число жителей заводских и рудничных поселков на Алтае выросло. Спрос на продовольствие и в первую очередь на хлеб увеличился. Число мастеров, подмастерьев и рабочих по всему комплексу рудников и заводов к началу 90-х годов составляло 8083 человек (взрослые работники). С учетом отставных мастеровых, ссыльных, лекарей, учителей это число увеличивается до 8570.[127] Так как в данном случае учитывались только работники, а не все лица мужского пола, это число нужно умножить по меньшей мере на четыре, чтобы получить все нуждавшееся в хлебе население заводских поселков. Оно составляло примерно 34 280 человек, т. е. превосходило население многих крупных сибирских уездов. Исходя из этой цифры и принимая за норму потребления 2,5 четверти хлеба в год на душу населения, получили ориентировочное количество зерна, необходимого для поселков Колывано-Воскресенских рудников и заводов — 85 700 четвертей. Правда, многие из мастеровых имели свои огороды — это снижало их потребность в хлебе. Но зато мы не учли живших в поселках купцов, ремесленников, мещан-домовладельцев, отставных чиновных. Большинство из этих групп населения не имело своей пашни, являлось потребителем хлеба.

[122] ЦГАДА, ф. Бийской крепости 4270, оп. 1, ч. 1, с. 3, лл. 335 об.; ч. 11, д. 5, лл. 175, 223 об.

[123] Там же, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 57, лл. 5 об.—6.

[124] Там же, ф. Бийской крепости, оп. 1, ч. 11, д. 16, лл. 112—113.

[125] Там же, ч. 1, д. 60, лл. 122—123 об.

[126] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 193, л. 20, оп. 2, д. 9, л. 33.

[127] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 1, д. 151, лл. 183 об. – 186 об.

Жители заводских поселков получали хлеб из двух источников: из казенных запасов и посредством покупки на вольном рынке. Казенные запасы в свою очередь пополнялись тоже двумя способами: из поставок по обязательной, установленной заводом, цене и посредством покупки заводскими агентами или поставок откупщиками «по вольным ценам». По мере роста пашни и количества избыточного хлеба в округе растет удельный вес рыночного хлеба. Увеличивается также доля покупок хлеба самими работниками.

Произведенный крестьянами Сибири в XVIII в. хлеб использовался также в качестве сырья для винокуренной промышленности. Частные винокуренные заводы сосредоточивались преимущественно в юго-западных районах Западной Сибири. На территории Колывано-Воскресенских заводов Кабинет вводил ограничения, препятствовавшие развитию винокурения. В конце 60-х годов три зауральских винокуренных завода, снабжавшихся сырьем из Ялуторовского и Краснослободского дистриктов, Тюмени, Туринска, Верхотурья и Исетской провинции, потребляли в год 56 тыс. четвертей хлеба, который шел исключительно через вольный рынок. Енисейская провинция снабжала свое винокурение.[128] Илимский хлеб также поставлялся на многочисленные мелкие винокуренные предприятия.[129]

Районы, имевшие избыточный хлеб, кормили население северных уездов, где земледелие было недостаточно развито или совсем не существовало в силу климатических условий. И. П. Фальк писал о хлебопашцах Томского уезда: «Они сеют хлеб сверх их потребностей и отпускают его в Колыванские заводы, а особливо в холодныя страны нижней Оби, Нарыма, Сургута, Березова и проч.».[130] Хотя русское население в северной части Сибири было малочисленно, все же по мере роста контактов коренных жителей тайги и тундры с русскими потребление хлеба аборигенами растет.[131] Поэтому северные уезды поглощали в XVIII в., по-видимому, уже заметную часть избыточной продукции земледельческих районов.

Транспортные сложности делали практически невозможным снабжение западносибирским хлебом тех районов Восточной Сибири, в которых ощущался хлебный дефицит. Исследование В. Н. Шерстобоева показало, что в течение XVIII в. илимский хлеб являлся основой снабжения всего северо-востока Сибири: Якутского края, Охотского края и Камчатки. Среди крестьян начинали появляться подрядчики-хлеботорговцы, бравшие на себя обязательства по довольно крупным поставкам хлеба в Якутск. После отмены хлебного обложения илимских крестьян в 1773 г. все дело сплава хлеба в Якутск и переброски его на северо-восток Сибири сосредоточивается в руках частных предпринимателей.[132]

Свидетельство Г. Ф. Миллера о продаже на Колывано-Воскресенских заводах в 30—40-х годах хлеба калмыкам[133] дает представление еще об одном самостоятельном канале сбыта сибирского товарного хлеба в XVIII в. Этот путь сбыта представляет особенный интерес, так как он означал выход за пределы Сибири, снабжение продукцией сибирского хлебопашества южных соседей скотоводов. Позднее местом торговли с южными соседями становятся иртышские крепости.[134]

---

[128] [illegible] ф. Верхотурского уездного комиссариата оп. 1, д. 14, лл. 14, 15 об.
[129] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 495—505.
[130] И. П. Фальк. Записки путешествия, ч. 6, стр. 544.
[131] Народы Сибири. М.—Л., 1956, стр. 582, 668, 691, 716, 717.
[132] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 289—302, 484, 489 и др.
[133] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 20; оп. 2, д. 9, л. 33.
[134] ЦГАДА, ф. Вийской крепости, оп. 1, ч. II, д. 5я, л. 359 об.

В октябре 1759 г. влиятельный султан Среднего Жуза Аблай писал командиру Уйской военной линии полковнику П. Родеше: «Прошу ж я и народ мой, чтоб дозволить в крепости Святаго Петра киргисам выменивать муку и крупу». В 1761 г. представителям и родственникам Аблай-султана в Петропавловской крепости было отпущено 537 пудов хлеба. Такое же количество муки и крупы им отпускали ежегодно в 1762—1774 гг. Коллегия иностранных дел положительно относилась к «выпуске за границу с тамошней стороны хлеба к азиатцам». В 1763 г. по поводу хлебной торговли на Уйской дистанции в Коллегии писали: «... киргизцы, кои пред сим только мясом и молоком питались, ныне довольно и хлеба покупать начинают и что чрез хлеб скорые с той стороны сыщется польза, нежели чрез все другия способы».[135]

Контроль властей и таможни мешали свободному развитию хлебной торговли в крепостях. Поэтому крестьяне пограничных районов вступали в непосредственные торговые сношения с соседями вопреки многочисленным запретам.[136] В силу контрабандного характера торговли объем ее не поддается даже ориентировочному учету. Но можно с уверенностью говорить о наличии выхода хлебных излишков за пределы страны.

На основных потребителей западносибирского товарного хлеба, которые поддаются ориентировочному учету, в 80-х годах XVIII в. шло: на горные заводы и рудники (когда идущий на заводы хлеб был бесспорно товарным) — 85 700 четвертей; на снабжение войска — не менее 164 тыс. четвертей (это цифра середины 40-х годов, в 80-х она могла быть большей, но не меньшей); на винокурение — не менее 56 тыс. четвертей уже в конце 60-х годов. Если прибавить к этому 25 тыс. четвертей,[137] как минимальный объем хлеба, потреблявшегося в северных беспашенных районах, то получим ориентировочно 330 700 четвертей. В этом расчете не учтены три существенных канала сбыта: товарный хлеб, который приобретала часть городского и сельского населения (кроме заводских поселков), не имевшая своей пашни; хлеб, идущий за южную границу; хлеб, поступающий на Урал. Та часть товарного хлеба, которую удается ориентировочно учесть, составляла 13.5% от валового сбора 1788 г.

Второй важнейшей отраслью крестьянского хозяйства (после хлебопашества) являлось животноводство. Оно обеспечивало нормальное развитие крестьянского двора, давало крестьянину необходимую тяглую силу для возделывания полей, для перевозки грузов, снабжало крестьянскую семью молочными продуктами, маслом, салом, мясом, овчинами и кожей. Переписей скота, как правило, в XVIII в. не проводилось. Источники чаще сообщают о падеже скота в результате эпизоотий и бескормицы как в отдельных дворах, так и по деревням и волостям в целом. В четырех ленских волостях в 1765 г. на одну лошадь приходилось 0.7 десятины посева. В. Н. Шерстобоев объясняет столь высокую обеспеченность полеводства тягловой силой ... тяжелыми условиями разработки пашни в таежной местности.[138] В Кузнецком уезде в 1759 г. в 1513 дворах крестьян и разночинцев числилось 4362 рабочие лошади. Следовательно, на один двор в среднем приходилось по 2.8 головы рабочего скота. Более поздние данные по некоторым слободам Кузнецкого уезда, учитывающие все конское поголовье, дают картину распределения лошадей, очень близкую к нашим показателям. В 1786 г. в деревнях

---

[135] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, стр. 602, 673, 678, 679.

[136] ЦГАДА, ф. Енисейской крепости, оп. 1, ч. II, д. 6, лл. 596 об., 652.

[137] Население Березовского уезда в начале 80-х годов — 12 500 человек; Сургутского — около 4700 человек; Нарымского — около 3000 человек.

[138] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 240.

Чарышской, Верхотомской и Легостаевской слобод, где числилось 1292 двора при ясных крестьян, было 8.73 лошади: в среднем на один двор приходилось 6.4 головы.[139]

Частые падеж и скота сильно сокращали поголовье, нанося тяжелый урон сельскохозяйственному производству.

Почти во всех районах Сибири у русских крестьян подсобными занятиями была охота и рыбная ловля. В Пелымском уезде большая часть крестьян и разночинцев занималась преимущественно лесными и рыбными промыслами.[140] По сообщению тюменской канцелярии, крестьяне некоторых деревень «в лесах в своих же дачах промышляют всякого зверя ... и все оное продают разным проезжим купцам и бухарцам».[141] Даже в степных районах Исетского, Ялуторовского и Ишимского дистриктов водилось много горностаев. Отвечая на Академическую анкету 1760 г., канцелярии этих ведомств отмечали «рыбный» и «звериный» промыслы.[142] Для Тарского уезда современники подчеркивали значение рыболовства и особенно пушного промысла в крестьянском хозяйстве. Причем это относилось не только к лесной, но и к степной части Среднего Прииртышья. В Омской крепости продавали проезжим купцам лисиц и волков. В Чернолуцкой, Татьмыцкой и Бертамацкой слободах тоже «избыточествовали от звериного промыслу».[143]

И. П. Фальк, описывая Томский уезд начала 70-х годов XVIII в., заметил, что многие крестьяне сочетают сельское хозяйство с пушным промыслом и рыболовством.[144] В такой же мере это может быть отнесено и к Кузнецкому уезду.[145] Многочисленны сведения о крестьянской охоте на зверей и птицу по всей территории кабинетских владений на Алтае. Окончив летние сельскохозяйственные работы и убрав урожай с полей, приписные крестьяне отправлялись поздней осенью на «звериный промысел». Часть продукции, полученной во время охоты, реализовалась на рынке или продавалась скупщикам на месте жительства.[146]

Пушной промысел и рыболовство были характерны и для Илимского уезда. У большинства крестьян эти промыслы не входили за рамки подсобного занятия. Но некоторые зажиточные крестьяне вели добычу пушнины и рыбы в крупных размерах, выдавая товарную продукцию на рынок.[147] Большую роль в XVIII в. играли охота и рыболовство в хозяйстве русских крестьян Якутии,[148] Прибайкалья и Забайкалья.[149]

Как правило, продукты рыбной ловли использовались крестьянами в своем хозяйстве в качестве дополнительного продукта питания. Сообщая о рыбной ловле крестьян, чиновники сибирских канцелярий обычно добавляли: «рыбу ловят на свое домовое продовольствие, а не на продажу».[150] Но встречаются в документах упоминания и о продаже рыбы.

---

[139] ГААК, ф. Колыванской горной экспедиции, оп. 1, д. 175, лл. 681—704; д. 372, лл. 47, 56, 129—139, 149—167.

[140] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, л. 38.

[141] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2081, л. 14.

[142] ААН, ф. Канцелярии и комиссии Академии наук, оп. 10г, д. 181, лл. 25, 28 об.; д. 180, л. 18 об.

[143] Там же, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, л. 232 об.

[144] И. П. Фальк. Записки путешествия ..., стр. 544.

[145] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 150, л. 65; д. 183, л. 99.

[146] ГААК, ф. Колыванской горной экспедиции, оп. 1, д. 634, лл. 368 об., 369, 505, 506, 529—533; ф. Канцелярии Колыванско-Воскресенского горного начальства, оп. 1, д. 175, л. 174; д. 141, л. 623; д. 264, л. 85; д. 248, л. 81; д. 102, л. 733 и др.

[147] В. Н. Шерстобоев, Илимская пашня, т. II, стр. 323—325.

[148] Ф. Г. Сорокин, Русские [illegible] в Якутии, ..., стр. 343, 346.

[149] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, Улан-Удэ, 1954, стр. 121, 122.

[150] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2081, лл. 7, 8; ГААК, ф. Колыванской горной экспедиции, д. 634, лл. 368 об., 369, 370, 505, 506, 529—533.

В ряде деревень посадские люди делали сети и неводы для промысла рыбы и сбывали ее на местных торжках и городских базарах.[151]

Для размола зерна и выделки круп в сибирских деревнях применялись водяные и, реже, ветряные мельницы. Последние встречались главным образом в южных степных районах Западной Сибири и на Алтае. Водяные мельницы в XVIII в. были двух видов: более производительные «колесчатые», т. е. с наливным (в отдельных случаях с подливным) колесом, и мелкие «мутовчатые», т. е. с рабочим лопастным валом. «Мутовки» сооружались на мелких водостоках и работали преимущественно весною при большой воде. По данным В. Н. Шерстобоева, в Иланском уезде почти в каждом селении была небольшая мельница.[152] На «колесчатых» мельницах за сезон размалывалось 1500—2000 пудов зерна. Размол обычно стоил 20—23 коп. за 100 пудов. «Мутовчатые» мельницы за сезон размалывали несколько сотен пудов зерна и, как правило, удовлетворяли потребности 2—3 дворов.

В таежной полосе Сибири среди подсобных крестьянских промыслов широкое развитие получила обработка дерева. Как и в XVII в., жители деревень, расположенных по берегам больших сибирских рек, строили дощаники, струги, барки, паножки и другие средства передвижения по воде. Для «казенной» надобности и на продажу гнали смолу и деготь, сбывая на базарах свою продукцию кадками и ведрами. Делали телеги, колеса, дуги, сани-обшивни (обшитые лубом, которое, как правило, приобретали «с базару»), сани-дровни без обшивки на низких «копыльях», различную посуду: кружки, жбаны, бочки, кадки, решета, большие чаны.[153]

В бассейне реки Туры и в некоторых других районах, где росли липы, крестьяне летом снимали с лип кору и приготовляли из нее лубье и мочало. Из лыка вили веревки, из мочала плели поясы и рогожи. Всю продукцию сбывали на тюменском и тобольском рынках.[154] Крестьяне Липчанской волости Тюменского округа брали в аренду у татар Киндерских юрт (в 150 верстах от волости) липняки, чтобы снимать кору и изготовлять лубье и лыко.[155] В некоторых районах Сибири был развит хмелевой промысел.

Крестьянки из льна и конопли делали пряжу, ткали из нее тонкие и толстые холсты. Часть толстых холстов окрашивалась в вываренной из ольховой и березовой коры краске. Из овечьей шерсти делали пряжу, вязали из нее чулки, варежки, ткали грубошерстное сукно. Мужчины из овечьей шерсти катали войлоки. Из холста шили рубашки, порты, сарафаны, верхники, из сукон — зипуны. Произведенная продукция в значительной мере потреблялась в самом крестьянском хозяйстве. Часть ее реализовалась на ближайшем рынке. На воскресную и праздничную одежду состоятельные крестьяне покупали китайку и привозное сукно, из которых шили сарафаны, зипуны и т. д.[156] В ряде сибирских деревень было развито овчинно-шубное производство, дающее товарную продукцию.[157]

В деревнях было широко распространено кузнечное дело.[158] В Тюменском уезде в 20-х годах XVIII в. в городе было 13 кузниц,

---

[151] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2081, лл. 14, 16, 17.
[152] В. Н. Шерстобоев. Иланские пашни, т. II, стр. 315.
[153] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 149, д. 2081, лл. 5—11 об.
[154] ААН, ф. Канцелярии и комиссии Академии наук, оп. 10а, д. 162, л. 48 об.
[155] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 149, д. 2081, лл. 14—17.
[156] Там же, ф. Тобольской казенной палаты, оп. 11, д. 180, л. 109.
[157] Там же, оп. 11, д. 180, лл. 60, 61.
[158] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 1697, л. 23.
[159] ААН СССР, ф. Канцелярии и комиссии Академии наук, оп. 10а, д. 181, л. 25 об.

а в уезде — 16, причем последние принадлежали преимущественно оброчным крестьянам.[159] Крестьяне Енисейского уезда добывали железную руду кустарным способом и продавали ее в городе.[160] По Иланскому уезду в 1736 г. из 25 кузниц 20 было крестьянских.[161]

Повсеместно в Сибири крестьянство занималось первичной обработкой кож, сбывавшихся на рынок. Отдельные крестьянские семьи выделывали из кожи ремни, шлеи и узды для лошадей, шили кожаную обувь. Эта продукция также находила сбыт на сибирском рынке.

В силу дальности сибирских расстояний извоз превращался в самостоятельный и значительный крестьянский промысел. Особое развитие он получил во второй половине XVIII в. В селениях, расположенных по Московско-Иркутскому тракту, «доброконные» крестьяне в зимнее время были заняты перевозкой купеческих кладей. Вольнонаемный крестьянский извоз использовался на рудниках и металлургических заводах.[162] Служили для крестьян подспорьем и перевозки на водных магистралях.

Земля в Сибири принадлежала государству. Исключение составляли территории, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам (провозглашенные императорской собственностью, находящейся в ведении Кабинета), земли церковных вотчин (до их секуляризации) и очень немногочисленные помещичьи владения. Соответственно и крестьянство делилось на три основные категории — государственные (самые многочисленные), приписные[163] и монастырские (с примыкавшими к ним по характеру феодальной зависимости немногими помещичьими крестьянами).

Феодальным собственником основной массы земель являлся государь как воплощение феодального государства. Все лица, фактически пользовавшиеся землей на этой территории, т. е. являвшиеся держателями земельных участков, несли за это определенную повинность — платили феодальную ренту верховному собственнику земли.

В Сибири до петровского указа о государственных крестьянах имелись две группы казенных крестьян. Одна из них — пашенные — была связана с отработочной формой феодальной ренты, другая — оброчные — платила в казну оброк преимущественно в натуральной форме. Пашенные и оброчные крестьяне составили в Сибири основной костяк сформированного сословия государственных крестьян, но оно пополнялось и из других источников, в частности за счет притока вольных переселенцев из Европейской России. Выявленные при очередной ревизии переселенцы-хлебопашцы облагались денежным оброком. Н. М. Дружинин справедливо отмечал, что в России «сословие государственных крестьян превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения».[164]

Несмотря на введенный для государственных крестьян России оброк в денежной форме по 4 гривны с каждой ревизской души, пашенные крестьяне Сибири вплоть до начала 60-х годов XVIII в. по-прежнему обрабатывали казенную десятинную пашню, а хлебооброчные платили в казну провиант.[165]

Иногда пашенные крестьяне сохраняли свое название и после пере-

---

[159] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 1697, л. 17.

[160] В. Т. Карцов. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII—начале XIX в. Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, Абакан, 1963, вып. IX, стр. 101.

[161] Н. Н. Шерстобоев. Иланская пашня, т. II, стр. 322.

[162] ГААК, ф. Колыванской горной экспедиции, оп. 1, д. 634, лл. 36в об.—370, 505, 506.

[163] О приписных крестьянах см. ниже, стр. 231.

[164] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, стр. 45.

[165] Здесь не рассматриваются бесошенные уезды — Верхоленский, Нарымский и др.

вода на денежную ренту. С фактами коммутации ренты — перевода крестьян с отработок десятинной пашни на уплату четырехгривенного сбора деньгами — сталкиваемся в документах с первых же лет после под шн[illegible]ге ок[illegible]да.

В конце 30—начале 40-х годов XVIII в. десятинная пашня в некоторых уездах (Тобольский, Ишимский) совсем отсутствовала; в других (Верхотурский, Тарский, Ялуторовский) — занимала ничтожную площадь; в третьих (Краснослободский дистрикт, Исетская провинция) — была довольно значительной. Какая-либо равномерность в ее распределении по административным единицам совершенно отсутствовала. Во многом это зависело от условий, в которых возникала государева запашка при первичном заселении каждой территории, а также от позиции местных властей в последующие периоды. По Западной Сибири (без Томского и Кузнецкого уездов) десятинная пашня составляла в это время 4900 десятин в одном поле; на ревизскую душу пашенных крестьян приходилось около четверти или трети десятины в поле.[166]

Ежегодная повинность оброчного крестьянина в одних уездах составляла в среднем 2 (Шадринский, Туринский, Исетская провинция) и даже 3 (Тарский) четверти зерна с ревизской души, в других — 1 четверть и 3—5 четвериков.[167]

Игнорирование степени хозяйственной мощности крестьянских дворов являлось самым большим пороком хлебооброчного обложения XVIII в. Такой порядок обложения переобременял маломощные и средние крестьянские хозяйства, приводил к постоянным недоимкам по хлебным сборам и вызывал справедливые жалобы крестьян.[168]

И пашенные, и оброчные крестьяне несли указанные повинности сверх подушного оклада в 70 коп., который уплачивало все податное население России. Был ли это четырехгривенный денежный оброк, или приравнивавшийся к нему натуральный, или же отработка на десятинной пашне — все расценивалось в официальных документах как повинность за владение землей. Подушный характер сборов, отсутствие соответствия размеров ренты и площади земли затушевывают это отношение, но в документах, оформлявших расширение крестьянского держания, оно выступает достаточно четко.[169] Приобретение земли, которой пользовался до этого пашенный или оброчный крестьянин, влекло за собой уплату его повинностей (сверх тех, которые нес уже новый владелец).

При установлении количества крестьян, плативших в 30—начале 40-х годов XVIII в. оброк в денежной форме, следует учитывать не только тех из них, кто официально в это время носил название государственных крестьян, но и разночинцев. В течение большей части XVIII в. (вплоть до IV ревизии) в Сибири наряду с государственными крестьянами большую роль в экономической жизни играет категория непосредственных производителей, имевшая сословное название — разночинцы. В XVII в. этот термин почти не употреблялся. В силу своей принадлежности только к одному веку и сибирской специфичности эта группа оказалась обойденной нашей литературой. Между тем при изучении аграрной истории Сибири не учитывать ее невозможно, так как это привело бы к искажению данных о доле крестьянства в распределении земельных держаний, к ошибкам при сопоставлении с XVIII в., с одной стороны, и XIX в. — с другой.

---

[166] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 136, 184, 185.

[167] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. II, лл. 31, 32, 100—102, 133—139, 188—197; ч. III, лл. 59, 60, 71, 77, 78; ч. IV, лл. 16 об., 24, 25; ч. VI лл. 112 об.; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 185. В Ялуторовском, [illegible] шимском и [illegible]елымском [illegible] л.

[168] В. Н. [illegible]ростов[illegible]. Ишимская пашня, т. II, стр. 335, 336, 337.

[169] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 163, д. 2250, лл. 1—3 об.

Положение разночинцев, занимавшихся хлебопашеством, было «палогично положению той части государственных крестьян, которая платила денежную форму ренты. Они платили не только подушный оклад (70 коп.), но и денежный оброк (40 коп.). Первая повинность являлась по существу государственным налогом. Вторая же — рентой за пользование землей, принадлежавшей феодалу (в данном случае государству). Именно введением четырехгривенного оброка, равного по размеру оброку помещичьих крестьян, государство подчеркнуло свои права на землю и феодальную зависимость государственных крестьян. Наличие такого же оброка у хлебопашцев-разночинцев показывает, что они являлись крестьянами-держателями земли и были феодально зависимы от собственника этой земли — государства.

Разночинцы имели самостоятельное сословное название потому, что отличались от государственных крестьян генетически: они не были наследственными пашенными и оброчными государственными крестьянами. Большая часть их вела свое происхождение от служилых людей XVII в., осевших на пашню. Официальная документация юго-западных уездов отождествляла разночинцев с отставными служилыми.[170] Ряды их пополнялись по тогдашнему разного типа пришлыми элементами, а также нанятыми отставными служилыми и их детьми.[171]

Наличие категории разночинцев отражало специфику сибирской обстановки — оседание на землю военных и приток из Европейской России непосредственных производителей, оторвавшихся от своих сословий. По мере перевода государственных крестьян на денежной оброк различия между этими двумя группами стираются. С другой стороны, царская администрация пыталась усилить нажим на разночинцев: в Томском и Кузнецком уездах разночинцы наравне с крестьянами были приписаны к алтайским заводам;[172] в Нерчинском уезде в середине 50-х годов их старались привлечь к обработке казенной пашни;[173] в Тюменском уезде разночинцы участвовали в обмолоте казенного урожая и изготовлении из казенного зерна круп и муки.[174] Официально слияние было оформлено во время IV ревизии.

По данным ответов воеводских канцелярий на анкеты В. Н. Татищева и особенно Г. Ф. Миллера, по двенадцати уездам (т. е. по всей территории Западной Сибири без Томского и Кузнецкого недоместв [175]) общее количество государственных крестьян, плативших денежный оброк, и разночинцев составляло свыше 33 500 ревизских душ.[176] На этой же территории 16 243 ревизские души выполняли казенную барщину на десятинной пашне, а 11 210 ревизских душ государственных крестьян были на натуральном оброке. Это означает, что в конце 30-х годов на денежной ренте было уже свыше 54% государственных крестьян; около 27% выполняли отработки на десятинной пашне; остальные платили натуральный оброк.

Из изложенного расчета становится ясно, какие существенные коррективы вносит в характеристику крестьянства группа разночинцев. Мы учли при расчетах всех разночинцев; между тем часть из них в городах

---

[170] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. II, дл. 191 об. — 193.
[171] Н. А. Найденов. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885, стр. 98—101.
[172] ПСЗ, т. XV, № 11184, стр. 619.
[173] Там же, № 10801, стр. 164, 165.
[174] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2075, лл. 7, 15; д. 4224, л. 66.
[175] Государственные крестьяне Кузнецкого и Томского уездов в 40—60-х годах были полностью приписаны к Кольывано-Воскресенским заводам, поэтому не должны учитываться при о сем ре ни ни ные ны государственных крестьян.
[176] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 166.

занималась ремеслом, следовательно, должна быть исключена из группы хлебопашцев. Но таких разночинцев насчитывалось несколько сотен (см. раздел 4 данной главы), поэтому изъятие их не изменит существа рас-

Доля денежной ренты в последующий период возрастала. По признанию Сената, к 60-м годам XVIII в. на казенных десятинах работало не больше десятой части всех сибирских земледельцев.[177] Десятинная пашня вытеснялась натуральным или денежным оброком. В 1743 г., например, была заменена хлебным оброком десятинная пашня во всей Исетской провинции.[178] Губернатор Ф. И. Соймонов жаловался, что воеводы самовольно меняли характер повинностей.[179]

В конце 50-х—начале 60-х годов произошел короткий рецидив обращения феодального государства к отработочной ренте в Сибири.[180] Эта безуспешная попытка возродить изжитый всем ходом социально-экономического развития края институт вызвала такой протест со стороны крестьян, что закончилась отменой в 1762 г. не только десятины, но и натурального оброка, и заменой их единым денежным оброком — фиксированной денежной рентой. Показательно, что решающую роль в борьбе за более прогрессивную форму ренты сыграли крестьяне осваиваемых на юге хлебных районов, где высокий уровень товарности хозяйства был несовместим с архаичной формой ренты.[181]

Обеспокоенное ростом недоимок по хлебным платежам правительство, несмотря на противодействие провинциальных канцелярий, настаивавших на сохранении хлебных сборов с крестьян, с 60-х годов начало переводить и восточносибирских хлебопашцев на уплату денежного оклада. Но в Восточной Сибири этот процесс затянулся и был завершен только в 1773 г.

Помимо рассмотренных основных форм феодальной ренты, существовали еще отработочные повинности государственных крестьян, связанные с навозом, строительными работами, сопровождением казенных дощаников и пр. Эти дополнительные отработки тяжелым бременем ложились на крестьянство и нашли широкое отражение в наказах крестьян в Комиссию 1767 г. по составлению нового Уложения.[182]

Особую форму платежей феодальному собственнику земли — государству составляли денежные взносы за пользование так называемыми оброчными угодьями. «Оброчные статьи» — рыболовные угодья (озера, реки), мельницы, некоторые сенные покосы, хмелевые угодья — сдавались в аренду всем желающим. Договор заключался на определенный срок с точным указанием размера ежегодного денежного взноса — оброка. По истечении срока лицо, пользовавшееся каким-либо видом этих угодий, могло быть заменено другим. При этом казна стремилась повысить размер оброка (в данном случае — арендной платы), для чего устраива-

---

[177] ПСЗ, т. XVI, № 11860, стр. 296.

[178] А. А. Кондратенков. Крестьяне Зауралья по наказам в Комиссию 1767 г. Уч. зап. Курганск. пед. инст., Курган, 1963.

[179] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 49, лл. 1, 2.

[180] Подробнее об этом см.: Н. М. Шепуков. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири. Материалы по истории Сибири. Сибирь в период феодализма. Вып. 2. Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965, стр. 177—185.

[181] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 49, лл. 3 об., 4.

[182] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб. 1901; Н. В. Горбань. Западносибирское крестьянство по наказам в Комиссию 1767 г. Изв. Омского отд. геогр. общ. СССР, вып. 3 (10), 1960; В. И. Макарова. Крестьянство Сибири по наказам в Комиссию 1767 г. Вопросы истории Сибири. АГПИ, 1961; А. П. Кондратенков. Крестьяне Зауралья по наказам в Комиссию 1767 г.

лись «торги» — своеобразный аукцион, аналогичный торгам на казенные [illegible] и другие поставки или откупа.[181]

Платежи за пользование угодьями не были связаны с зем[illegible] пользованием крестьянина. Размеры их менялись вне зависимости от формы и размера феодальной ренты. Уплата была не обязательной повинностью, а выражением своеобразной формы аренды у государства. Рыболовные угодья, мельницы, дополнительные сенокосы индивидуально содержали на оброке обычно зажиточные крестьяне или посадские. Часто деревня всем «миром» платила оброк за ловлю рыбы в реке или озерах, за пользование естественными плантациями хмеля или за другие «оброчные статьи».[182]

Состав государственных крестьян Сибири пополнялся за счет ссыльных из европейской части страны, приток которых, как указывалось выше, особенно увеличился с 60-х годов XVIII в. Посаженные на землю ссыльные получили в Сибири название посельщиков. По истечении трехлетнего льготного срока они фактически переходили на положение государственных крестьян, хотя официально учитывались еще некоторое время в качестве особой группы населения.

После проведения секуляризации церковных владений в 1764 г. в сословие государственных крестьян вошли по существу так называемые экономические крестьяне (хотя они сохраняли свое прежнее название вплоть до середины XIX в.) — бывшие церковные или монастырские. Последние были одной из групп частновладельческого феодально-зависимого населения России и, в частности, Сибири. По данным первых трех ревизий за Уралом их насчитывалось:[183]

	I ревизия (1719—1722 гг.)	II ревизия (1744—1745 гг.)	III ревизия (1762—1763 гг.)
Ревизские души	2775	11604	14291
% ко всему русскому населению Сибири	4.59	3.79	3.64

Церковными феодальными вотчинниками Сибири в XVIII в. были Тобольский Архиерейский (Митрополичий) дом и монастыри: Долматов Успенский, Тобольский Знаменский, Кондинский Троицкий, Невьянский Богоявленский, Верхотурский Николаевский, Тюменский Троицкий, Киренский Троицкий, Братская Спасская пустынь, Томский Алексеевский, Чукотский Спасский, Енисейский Спасский, Енисейский Рождественский, Иркутский Вознесенский, Иркутский Знаменский, Посольский (на Байкале), Селенгинский Троицкий и др. К 1719 г. число крестьян и бобылей Тобольского Митрополичьего дома составляло 2652 ревизские души.[184] В 1762 г. в четырех его вотчинах насчитывалось 3592 ревизские души.[185] Сравнение сведений, содержащихся в отчетах монастырей на анкету Г. Ф. Миллера (давали, как правило, число монастырских крестьян по I ревизии, а не фактическое к моменту составления ответа), с данными II ревизии показывает такой рост количества зависимых крестьян по отдельным монастырям («ревизских душах»):[186]

---

[182] ЦГАДА, ф. Верхотурского уездного комиссарства, оп. 1, д. 154, л. 198 об.; д. 207, лл. 1, 3, 4 об., 5.

[183] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 181, д. 2415, лл. 60—69.

[184] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., стр. 153.

[185] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. 1, лл. 14—16 об.

[186] ГАТОТ, ф. Тобольской духовной консистории, 1762 г., д. 26, л. 50 об.

[186] См. ответы на анкету Г. Ф. Миллера и данные II ревизии в кн.: Д. Н. Беляков. Старинные монастыри Томского края. Изд. Томск. унив., вып. 13, Томск, 1898; ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. 1, лл. 18, 21 об.—24, 27—31 об., 72—47 об., 71—72 об., 75—76 об.

	I ревизия	II ревизия
Тобольский Знаменский	1878	2140
Дионисий Успенский	1900	2182
Невьянский Богоявленский	511	657
Верхотурский Николаевский	450	548
Рафаила Тришин	Нет сведений	581
Тюменский Троицкий	365	530
Тарский Знаменский	393	456

Сибирские монастырские крестьяне (как вообще частновладельческие крестьяне феодальной России) были лично несвободны, подлежали административной и судебной власти своих церковных вотчинников. Феодальная рента монастырских крестьян в XVIII в. выступала во всех трех формах, но денежная играла незначительную роль. Отработочная рента выражалась в барщине на монастырских полях и работах, не связанных с пашней: в поставке подвод, строительстве барок, дощаников, переработке монастырского сырья и хозяйственных товаров, золотошве дров и строительных материалов. Основной формой эксплуатации монастырских крестьян, упорно сохраняемой церковными феодалами, была пятина, «натой сохи или иногда сукном», на территориально неоднородных основаниях.[1]

Положение монастырских крестьян было значительно хуже, чем положение государственных. Поэтому в условиях Сибири побеги их были делом обычным. Но и монастыри, со своей стороны, проявляли необыкновенную настойчивость и упорство в отыскании и возвращении беглых, не жалея на это средств и труда и под тем или иным предлогом. Случалось, что агенты монастырей выслеживали беглецов спустя много лет после побега, когда они давно уже числились на другом месте в новом юридическом положении (государственными крестьянами, посадскими и пр.) и иногда были даже зачислены в ином сословии учреждений. При этом монастырь не только возвращал себе бывших крепостных с их семьями, но и взыскивал породнившихся с ними за этот период свободных, так как требуемые с этих лиц «выводные деньги» — 50 или 25 руб. — были непомерной суммой для крестьянского хозяйства.[2]

В 50-х годах XVIII в. усилились волнения сибирских монастырских крестьян, отказы выполнять повинности, жалобы на произвол духовного начальства и Тобольскую канцелярию монастырских сыскных дел. Волнения церковных крестьян имели место по всей России. В первой половине 1762 г. правительство Петра III предприняло окончившуюся неудачей попытку секуляризации монастырских владений. Кроме создания Коллегии экономии, ведавшей монастырским и церковным имуществом, во всех церковных вотчинах был введен рублевый оброк с ревизской души взамен всех других видов повинностей (при сохранении обязательной для всех податных сословий подушной подати).

Указ о секуляризации вызвал бурю негодования со стороны духовенства. Екатерина II уже в августе 1762 г. реставрировала права духовенства на земельные владения. Коллегия экономии упразднялась, все доходы с духовных вотчин отдавались в полное распоряжение церковных феодалов. На усмотрение архиереев было предоставлено право выбора: сохранить для крестьян рублевый оклад, либо вернуться к прежним повинностям. Сибирские церковные феодалы оставили введенный Петром III рублевый оклад и в то же время восстановили прежние повинности.[3] Положение крестьян резко ухудшилось. Отмена первой секуляризации вызвала новую волну выступлений. Монастырские крестьяне Сибири требовали перевода их в число государственных и установления рублевого де-

[1] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 222—249.

[2] РАТОТ, ф. Тобольской духовной консистории, 1762 г., д. 146, лл. 4, 6, 24 об.; д. 10, лл. 62—64 об.; д. 20, л. 63.

нежно о оброка без других феодальных повинностей. Они стихийно осуществляли эту программу. Борьба продолжалась вплоть до окончательной секуляризации церковного землевладения.[191]

Экономические крестьяне от государственных отличались вначале не только генетически, но и большим размером денежной ренты: они платили 1 руб. 50 коп. оброка (государственные в эти годы платили рублевый оброк). В 1768 г. это различие было уничтожено — установлен единый оброк в 2 руб. (с подушным окладом в 2 руб. 70 коп.).[192] Однако и после этого экономических крестьян не слили с сословием государственных; на протяжение всего XVIII в. они остаются номинально самостоятельной группой. В 1790 г. в Ялуторовском уезде насчитывалось 3506 ревизских душ экономических крестьян, в Ишимском — 231, в Тюменском — 4782, Туринском — 22, Томском — 123.[193] Охватывая потомков монастырских и митрополичьих крестьян, экономические крестьяне в Сибири не впитывали в свой состав пришлого населения. Увеличение их количества происходило только за счет естественного прироста. IV ревизия выявила в Сибири 17 266 экономических крестьян, или 3.13% к общему количеству русского населения; к моменту проведения V ревизии их было 18 872 ревизские души, или 3.17% к числу русских жителей.[194]

В составе хлебопашцев на государственных землях Сибири была также группа ямщиков, которые не платили оброка. Формой ренты за пользование землей для них являлась ямская гоньба. Сенатский указ 1755 г. отмечал, что ямщики «против государственных крестьян и разночинцев ничего не платят, а кроме одной в их местах ямской и почтовой гоньбы, не исправляют».[195] В Верхотурском уезде в 1753 г. на 50 ямских «паев», или «вытей», приходилось 2273 десятины пашни; «во излишестве» сверх «паев» зафиксировано было около 300 десятин, отдельно учитывались еще самовольно прирезанные 100 десятин — всего 2673 десятин. Кроме того, ямщики этого яма использовали луга на 59 тыс. копен (в этом подсчете не учтены были пар и залежи).[196] В Тюменском уезде в 1780 г. насчитывалось 1740 ревизских душ ямщиков, во владении которых находилось 7516 десятин пашни.[197]

Хлебопашеством занималась и часть посадского населения. В то время как земледелие крестьян и разночинцев официально рассматривалось как естественное состояние этого сословия, в землевладение ямщиков встречало поражения только в том случае, если их земли пустовали, против занятия хлебопашеством посадских людей (купцов и ремесленников) принимались меры, не достигавшие, впрочем, результата.[198]

Под влиянием русского хлебопашества земледелием начинали заниматься и некоторые группы коренного нерусского населения. В 1767 г. в Тобольском уезде имели пашню 8269 ревизских душ «инородцев», в Тарском — 5173, в Тюменском — 2286, в Верхотурском — 682, в Туринском — 150. Всего в этих пяти уездах земледелием занималось 16 560 ревизских душ коренного населения.[199] Эту цифру следует сопоставить

---

[191] Н. В. Горбань. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. Уч. зап. Омского пед. ин-та, вып. 4, 1930; ГАТОТ, ф. Тобольской духовной консистории, оп. 1, д. 26.

[192] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, стр. 269.

[193] ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 35, 47 об.; 55, 71 об., 89 об., 103 об., 122 об., 133 об., 170 об., 179.

[194] В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в., стр. 153.

[195] ПСЗ, т. XIV, 1830, № 10449, стр. 411.

[196] ЦГАДА, ф. Сибирской губернской канцелярии, оп. 1, д. 61, лл. 1, 2, 155.

[197] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 147, д. 2056, лл. 49—51.

[198] Там же, оп. 1, д. 2253, л. 5.

[199] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 130

с 1113 человеками тюменских и тарских татар, которые имели запашку в конце XVII в.[200] Земледелие нерусского населения в этом районе Сибири сделало большие успехи в XVIII в.

В Ишимском, Краснослободском и Ялуторовском дистриктах этой категории земледельцев совсем не было. В Кузнецком часть татар занималась хлебопашеством, сочетая его со скотоводством. Еще в большей степени это относится к Томскому уезду.[201] По сведениям И. П. Фалька, земледельцы из суштинских татар, селившихся вблизи Томска, сеяли ежегодно озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень и овес, «каждаго по 20 до 40 пуд», и держали по 10—20 лошадей, 5—8 коров, 10—20 овец.[202] В Илимском уезде число ясачных (преимущественно из новокрещеных), занимавшихся хлебопашеством, было немногочисленно.[203] К середине века складывается земледелие у кудинских бурят; появляется оно и у бурят Идинско-Балаганского района.[204]

Ясачные, имевшие пашенную землю, пользовались ею на правах феодальных держателей, т. е. платили за это ренту государству-феодалу. Обычно это был натуральный оброк, называвшийся «хлебным ясаком», иногда — денежный оброк. Так, тюменские татары платили хлебный ясак ячменем, по 4 четверти с осьминой.[205] Занимавшиеся торговлей бухарцы в Таре имели пашни и платили за них денежный оброк.[206] В тех случаях, когда земля, обрабатывавшаяся ясачным, переходила к новому владельцу-русскому, последний продолжал платить ясак. В документах, связанных с «русскими ясачными», подчеркивается, что ясак уплачивается за пользование землей.

Своеобразной категорией феодально-зависимого сибирского крестьянства являлись выписные казаки. В связи с тем что регулярное войско не справлялось с несением службы в беспокойном пограничном районе, растянувшемся на тысячи километров, и усилие ние войска требовало от государства больших расходов на продовольствие, к несению военной службы стали привлекать часть местного крестьянства. В 1751 г. таких выписных казаков числилось 7700 человек.[207] Это была одна из наиболее обремененных повинностями групп держателей.

Правительственные распоряжения XVIII в., касающиеся держателей на казенных землях, подчеркивали отсутствие у последних права свободно распоряжаться своими участками, отчуждать их. В каком соответствии с этим законодательством стояла практика поземельных отношений? Для ответа на этот вопрос наиболее благоприятны материалы районов традиционного земледелия, не затронутых к то же время ирригацией и кабинетским предприятием на Алтае. Появившаяся уже здесь относительная земельная теснота способствовала развитию сделок, объектом которых являлась земля, поэтому фактические возможности держателя могут быть здесь прослежены наиболее полно.

Разумеется, применительно к любому району Сибири в XVIII в. можно говорить только об относительной земельной тесноте. В Тюменском и Тобольском уездах в XVIII в. практиковались самовольное освоение пашни

---

[200] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956, стр. 54.
[201] И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 526, 545.
[202] Там же.
[203] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 634—639.
[204] История Бурят-Монгольской АССР, т. I, стр. 121.
[205] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 57, д. 897, лл. 38 об.
[206] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, л. 244.
[207] В. И. Петров. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества. В сб.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв., Новосибирск, 1965.

захват земли с последующим оформлением прав на нее. При этом захватывались не только выморочные, но и «порожние» земли. Оформление захваченной земли иногда происходило спустя много лет, когда фактическое ее использование обнаруживалось случайно. Однако в 1759 г. Тюменская канцелярия писала о «крайнем в Тюменском недостатке пашенных земель, сенных покосов и прочих угодьев оскуднении»; об этом говорилось в связи с составлением списка крестьян и разночинцев, желающих переселиться в Ишимский дистрикт.[208] Наряду с относительной земельной теснотой на развитие земельных сделок влиял здесь общесибирский фактор: ценилась обработанная земля. При наличии свободных земель на обработанную всегда находились охотники.

Среди документов района давнего заселения в изобилии встречаются «челобитные, купчие, договорные письма, выписки из журналов канцелярий, решения, рапорты и другие материалы, касающиеся разных форм отчуждения земли держателями. Всех родов сделки с землей отражены и в книгах записи крепостных контор: купли-продажа, заклад, «поступление» за долги, раздел, передача по договорному письму. В отношении крестьян применялся термин «владеть» землей, иметь землю «во владении». Если такая земля была получена по наследству, о ней говорили как о «природной своей земле». К держателям из государственных земель применялся также термин «иметь в дачах», «получить в дачу». Наряду с этим считалось правомерным владеть землей «по крепостям», т. е. в результате сделок купли-продажи или передачи за долги, оформленных соответствующими документами — «кулечей крепостью», «поступной крепостью» и др.

В отличие от указов центра эти документы, отражавшие практику земельных операций, исходили из того, что держатель имел право распорядиться своей землей, как ему заблагорассудится — продать, заложить, отдать в аренду. Право государства при этом сохранялось, так как повинности исполнял новый владелец.[209] Операции крестьян и других держателей с землей — продажа, заклад, долгосрочная аренда — в условиях вотчинной собственности на эту землю государства порождали сложные запутанные случаи: на один участок предъявляли права разные лица; иногда в качестве свободной или выморочной захватывалась или продавалась чужая земля и т. п. Разбором такого рода дел полны материалы воеводских канцелярий.

Противоречие между тенденцией русского феодального государства подчеркнуть исключительность своих прав на казенные земли и ограничить права непосредственных производителей, с одной стороны, и практикой частноправовых сделок держателей на этих землях в Сибири, с другой, было закономерно. По существу в этом проявились противоречия феодального способа производства как частный случай преломления в конкретных сибирских условиях особенностей феодальной собственности на землю.

При развитых товарно-денежных отношениях в тех местах, где крупное хозяйство самих феодалов оказывается непригодным, возникают такие формы владения непосредственного производителя землею, при которых он, платя феодальную ренту, имеет широкие возможности распоря-

---

[208] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2250, лл. 1—3, 84, 85; д. 2253, л. 31; д. 2259, л. 47 об.; д. 2260, л. 1; д. 2273, лл. 14—18; д. 2274, л. 12 об.; д. 2276, лл. 25, 35; д. 2277, л. 62, 83; д. 2280, л. 9 об.; д. 2293, лл. 73 и сл.; д. 2295, лл. 2, 3 об.; д. 2296, л. 63; д. 2305, лл. 1, 34, 35; д. 816, л. 5 об.; д. 2277, лл. 82, 83; д. 2318, лл. 62—65 об.

[209] Там же, д. 2271, лл. 5, 6 об.; д. 2275, л. 9; д. 2288, л. 38; д. 2305, л. 96; д. 2316, л. 1; д. 2393, л. 2, д. 2400, лл. 1—2; д. 2401, л. 50; ф. Тюменской крепостной конторы, д. 16, л. 4 об.; д. 20, лл. 56 об.—92; д. 37, лл. 1—34; д. 42, л. 4 об.; д. 42, лл. 1—6, 8 об., 10 об., 13; д. 52, лл. 55, 80 об.—100; д. 59, лл. 4, 6 об.; д. 63, л. 1.

жения держанием: продать, заложить и пр.[210] Ярко выраженной формой такого типа держания являлась французская цензива накануне буржуазной революции. Аналогичный вариант имел место в Сибири XVIII в., но с той оговоркой, что в условиях произвола дворянского самодержавия любой государственный крестьянин или другой держатель легко могли стать объектом насилия со стороны органов власти.

На основе широких владельческих прав крестьян в районах, где существовала относительная земельная теснота (Верхотурский, Тобольский, Тюменский уезды), развивались арендные отношения. При этом имела место как потребительская аренда, вызванная необеспеченностью землей, так и аренда, рассчитанная на привлечение наемной рабочей силы и увеличение товарности хозяйства.[211]

В Сибири на государственных землях складывались более благоприятные условия для развития хозяйственной самостоятельности крестьян, чем в центральных районах России. Фактические возможности распоряжения землей могли способствовать формированию фермерского хозяйства. Пойдет ли крестьянское державное по этому пути или закабалится и обеднеет мелкотоварного — это зависело от таких экономических факторов, как степень развития сельскохозяйственного рынка, дорог, наличия свободных рабочих рук, развитых промышленных центров, концентрации населения. Окраинное положение Сибири было тем объективным условием, которое тормозило развитие этих экономических факторов.

Хлебный рынок в XVIII в. достигает значительных размеров особенно после 60-х годов. Обслуживался он только крестьянским хозяйством (за ничтожным исключением) в отличие от Европейской России, где товарный хлеб давало и помещичье хозяйство. И все-таки емкость рынка была недостаточной, чтобы стимулировать интенсивное развитие широкого слоя сельской буржуазии.

Специфика Сибири, которая давала крестьянину возможности расширения своей земли, максимальные (в пределах феодальной собственности на землю) права распоряжения ею, большую хозяйственную самостоятельность, в то же время содержала в себе такое существенное препятствие для перехода к более прогрессивным формам ведения хозяйства, как узость рынка рабочих рук. Земельный простор оборачивался и отрицательным фактором. Важнейшая сторона первоначального накопления — отделение непосредственных производителей от средств производства — тормозилась в силу изобилия основного средства производства — земли. Разумеется, одной земли для ведения хозяйства недостаточно, и поэтому слой бедняков создавался и при земельном просторе, но процесс этот шел гораздо менее интенсивно. Кроме того, крестьянин, который по бедности не в состоянии был поднять пашню, мог здесь прокормиться пушным промыслом или рыболовством на продажу, предпочитая это найму к зажиточному соседу.

Далеко зашедшее имущественное неравенство в среде сибирских крестьян и служилых людей было характерно уже для XVII—начала XVIII в. В XVIII в. оно проявляется в более широких масштабах и входит в сознание современников как обычное массовое явление. Термин «неимущие», относимый к части государственных крестьян, проходит в официальной документации через весь XVIII в. В узком смысле его употреблялся по отношению к тем, кто не имел пашни и двора. В широ-

[210] С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении. Средние века, вып. V. М., 1954, стр. 13.

[211] ГАТОТ, ф. Тюменской крепостной конторы, д. 72, лл. 5, 6 об.; ф. 47, оп. 1, д. 2364, л. 66 об.; ЦГАДА, ф. Сибирской губернской канцелярии, оп. 1, д. 70, л. 1; ф. 1467, оп. 1, д. 44, л. 7 об.; ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 21 об., 93.

ком смысле термин «неимущие» администрация относила ко всем недостаточно обеспеченным крестьянам.[212]

Изучение вопроса расслоения сибирского крестьянства требует особенно осторожного подхода к имущественным показателям в силу специфики сибирских условий. Иногда группы крестьян, владевшие достаточным для пропитания количеством земли, оказывались источником наемной рабочей силы. С другой стороны, при выделении группы зажиточных крестьян, хозяйство которых не может обходиться без наемной рабочей силы, в ряде случаев не должен приниматься во внимание такой показатель, как размер пашни. Когда источники позволяют выяснить состав семьи малоземельных крестьян, часто оказывается, что земля могла быть обработана силами семьи. Иногда же крупное хозяйство, выросшее на основе многочисленной семьи, перерождалось в предпринимательское, обрабатывавшее значительное число десятин с применением наемного труда.[213]

Выразительным показателем наличия крестьянской верхушки, переходившей к предпринимательству, является деятельность скупщиков и поставщиков хлеба из крестьян. Отдельные представители крестьянской верхушки переходили в купеческое сословие. В 1767 г. в Тобольске насчитывалось 106 ревизских душ купцов, недавно вышедших из крестьян, в Таре — 90, в Тюмени — 83, в Томске — 55, в Верхотурье — 32, в Нарыме и Кетске — 30 и в Кузнецке — 27. Всего по перечисленным городам числилось 423 купца, в недавнем прошлом бывших крестьянами.[214]

С 60-х годов упоминания о наемном труде в крестьянском хозяйстве применительно к наиболее хлебным и в то же время ближайшим к Уралу районам носят такой характер, который позволяет говорить о сравнительной широте этого явления. В сводной ведомости 1767 г. о росте пашенных земель в Тобольской губернии, об Ишимском, Краснослободском и Ялуторовском дистриктах сказано: «Во оных трех дистриктах для умножения пашни содержат наемных людей из Верхотурского уезду».[215] Единичные случаи не попали бы в такую ведомость. Это было достаточно широкое явление, признанное властями; речь шла о переходе в одного уезда в другой на заработки, причем на заработки в земледелии.

Именно такой уезд, как Верхотурский, где существовала земледельческая тесьма и куда в то же время шел постоянный приток населения из-за Урала, мог стать местом средоточия свободных рабочих рук, а три хлебных дистрикта, где существовали возможности для расширения пашни и развивалось товарное земледелие, — местом применения наемной рабочей силы. Сочетание этого явления с деятельностью тех крестьян Ишимского и Ялуторовского уездов, которые брали подряды на поставку хлеба в крепости или, скупая хлеб на месте, везли продавать его в Тобольск, дает основание говорить о наличии процесса социального расслоения крестьянства, а не только имущественной дифференциации. Однако представляется затруднительным определить масштабы этого процесса для XVIII в. В том же Верхотурском уезде ведомости 1772 г. показывают для крестьянских хозяйств семи деревень хорошую обеспеченность рабочей силой подавляющей части дворов.[216]

«Топографическое описание» Тобольского наместничества 1790 г. рисует широкую картину отходничества западносибирского крестьянства на

---

[212] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, с. с. 28, д. 534, лл. 1—15; св. 149, д. 2077, лл. 50, 51; оп. 29, д. 552, л. 3 об.; св. 35, д. 518, лл. 4—9; ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 60, ч. 1, л. 126 об., 128.

[213] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, д. 2261, лл. 5—7; д. 2278, лл. 1—3; д. 548, л. 8.

[214] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 131.

[215] Там же, л. 130.

[216] Там же, ф. Верхотурского уездного комиссарства, оп. 1, д. 186, лл. 55, 56 об.

заработки. Но об отходе на земледельческие заработки прямо говорится только при описании Каинского уезда: «Бедного состояния отходят по пашпортам в соседственные округи по найму для крестьянских работ, а особливо в Колывано-Воскресенские заводы, сколько во оных по вольной плате в казенные заводские работы, а наибольшее к разным людям в услужение». Для всех остальных уездов в качестве основной формы отхода по паспортам «Топографическое описание» называет извоз или сплав на судах купеческой и казенной клади. При этом речь идет не о подрядах на доставку, а о наемной работе бедных крестьян: фигурируют термины «в найме», «для работ» и пр. Особо оговаривается для Тобольского, Ялуторовского и Курганского уездов сплав, а для Томского — извоз хлеба. В Туринском, Тобольском и Курганском уездах из бедных крестьян рекрутировались сезонные наемные работники рыболовных промыслов. В Томском, Тюменском и Туринском уездах отходники использовались на вспомогательных работах на заводах — «рудных и винокуренных»; в Омском — на добыче соли. На сплав соли отходили в Курганском, Омском и Ялуторовском уездах; отход по паспортам на плотничьи работы упоминается в описании Тобольского и Ялуторовского уездов.[217]

Источник не позволяет оценить размеры отходничества количественно. Но «Топографическое описание» вообще отражало явления характерные, а не единичные. Отходничество свидетельствует о распространении наемного труда в регионе, однако он находил применение, по-видимому, преимущественно в неземледельческих промыслах, особенно на транспорте, который в силу огромных сибирских расстояний поглощал большое количество рабочей силы.

Указанные явления развивались в Сибири в связи с социально-экономическими процессами, происходившими в стране в целом. В последнее тридцатилетие XVIII в. в России происходят существенные сдвиги в развитии капиталистических отношений. Наметившийся в 60-х годах на зауральской окраине перелом в товаризации сельского хозяйства был одним из проявлений общего хода экономического развития.

3. ГОРНОРУДНАЯ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧИХ КАДРОВ

В горнодобывающей и металлургической промышленности Сибири, как и других частей страны, в XVIII в. появились крупные для своего времени предприятия мануфактурного типа. Мелкое товарное производство уже не могло удовлетворять спрос населения и государства на металлы. В то же время развитие мелкого производства уже подготовило переход к концентрации значительного числа производителей на одном предприятии с углубленным разделением труда, т. е. переход к новой форме, обеспечивающей большие масштабы производства. В условиях крепостнической России с ее ограниченным рынком свободных рабочих рук эта форма производства приобрела своеобразные черты.

Начальные шаги крупного металлургического производства делались в России еще в первой половине XVII в., но интенсивное развитие началось после толчка, который дала этой отрасли Северная война.[218] Строительство на Урале заводов, снабжавших металлом армию и флот, подго-

[217] ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 35 об., 36, 48, 55 об., 73, 90 об., 104, 124, 134, 171 об., 180. Уезды Колыванской губернии не вошли в это описание.

[218] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 4.

товило появление сибирской металлургии. На Урале сформировались кадры первых квалифицированных рабочих сибирской промышленности. Там же вырос капитал и накопился организационный опыт горнозаводского предпринимательства Демидовых.

Одновременно в Сибири создались условия, благоприятные для освоения недр южной части края. Строительство в 1716—1720 гг. крепостей по Верхнему Иртышу, особенно самых восточных из них — Семипалатинской и Усть-Каменогорской, — сделало более доступной для русского населения территорию по левым притокам верхней Оби. Для жителей Томского и Кузнецкого уездов стали возможны разведки полезных ископаемых. С 1718 г. поступают первые известия о месторождениях медной руды. В 1718—1719 гг. и позже были открыты богатые месторождения полиметаллических руд группой рудоznатца С. Костылева.[219] Инженер В. Геннин, управляющий уральскими заводами, в январе 1726 г. представил в Берг-коллегию запрос о строительстве заводов по р. Алею, «но на оное никакой в коллегии резолюции не воспоследовало».[220]

Пока бюрократический аппарат раскачивался, предприимчивый Акинфий Демидов весной 1726 г. получил разрешение на добычу медной руды и строительство заводов в Томском и Кузнецком уездах, на землях, которые «лежат впусте».[221] Пробная выплавка меди началась в 1726 г., а в сентябре 1729 г. на р. Белой, недалеко от Колыванского озера, вступил в действие медеплавильный Колыванский завод Демидова; позднее был выстроен Барнаульский завод.[222]

В 1736 г. другим предпринимателям было запрещено вести работы там, где находились рудники Демидова.[223] В 1739 г. Демидов добился от Берг-директориума, заменившего Берг-коллегию, разрешения на разработку угля «подле реки Том под городом Кузнецким» и поиски «в объявленных и в других местах Томского, Кузнецкого и Енисейского ведомств оного угольев и других металлов и минералов».[224] Каменный уголь упоминался в этом документе в связи с тем, что еще в 1721 г. рудознатцем М. Волковым было открыто месторождение угля в Кузбассе, на территории современного г. Кемерова.[225]

Демидову с помощью царского правительства удалось захватить огромную территорию в бассейне Оби — «ведомство Колывано-Воскресенского завода» А. Демидова простиралось с севера на юг почти на 400 верст, с востока на запад на 200 с лишним верст. Оно охватывало земли от р. Касмалы на северо-западе до р. Ульбы на юге, от р. Алея на западе до Оби на востоке.[226] На этой территории в 1730—1740-х годах разрабатывались Змеевский, Воскресенский, Плоскогорский, Пихтовый, Гольцовский, Медвежий и еще несколько небольших полиметаллических рудников.[227]

Колыванский, или Колывано-Воскресенский, завод Демидова был хорошо оборудованным для того времени предприятием. На заводе была

---

[219] ЦГАДА, ф. Сената, д. 1527, л. 21 об.; Л. Малеев. Алтайский горный округ. Русская старина, № 8, 1909, стр. 307—312.

[220] ГАНО, Копия рукописи И. Веймарна «Гисторическое, критическое и наставительное изъяснение о Колывано-Воскресенских заводах...», 1766, стр. 9—15.

[221] Там же, стр. 16; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 854, л. 95.

[222] П. Г. Любомиров. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. XVII, XVIII и начало XIX в. Л., 1937, стр. 112; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. т. 1. М.—Л., 1949, стр. 186.

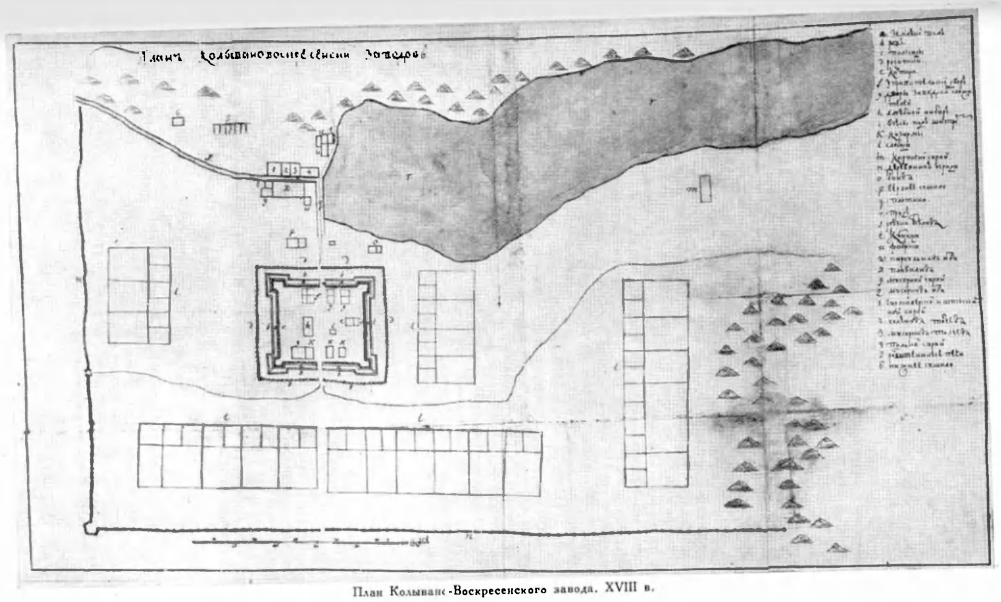
[223] ПСЗ, изд. 1-е, т. 10, № 7548.

[224] Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. М.—Л., 1952, стр. 108.

[225] З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность..., стр. 41.

[226] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 6, папка 2026, л. 141.

[227] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 47, л. 7.



План Колыванс-Воскресенского завода. XVIII в.

плотина на р. Белой; плавильная с пододействующими мехами для подачи воздуха в плавильные горны; обжигальная, где обжигали полученный после рудной плавки полупродукт — роштейн; гармахерская для выплавки чистой меди; пильная мельница (пододействующая лесопилка); кузница; котельная, где выделывали медную посуду, и другие цехи.[228]

Завод охранялся крепостью, построенной для обороны от набегов казахских и джунгарских феодалов, а также возможных выступлений мастеровых и крестьян, приписанных к заводам. В 1744 г. был пущен Барнаульский завод, выстроенный при впадении р. Барнаулки в Обь.[229] Количество выплавленной меди на заводах Демидова колебалось от нескольких сотен до нескольких тысяч пудов в год.[230]

Алтайские заводы Демидова представляли собой предприятия мануфактурного типа, на которых было сконцентрировано значительное число рабочих, осуществлялось разделение труда, преобладало ручное производство, частично применялась механизация наиболее трудоемких процессов с помощью водяных колес, приводивших в действие воздуходувки, молоты, толчеи, пилы. На алтайских заводах и рудниках с самого начала применялся труд вольнонаемных рабочих. Указ 31 марта 1726 г. о строительстве заводов на Алтае разрешал Демидову нанимать работных людей с паспортами «вольной ценой». Из-за недостатка пришлых людей с паспортами демидовские приказчики нанимали беспаспортных беглых крестьян. Берг-коллегия 9 августа 1727 г. по существу легализовала наем беглых, разрешив селить при алтайских заводах «пришлых, кои живут в лесах и у калмыков, и шатающихся по селам дворцовых, и монастырских, и помещиковых людей, и крестьян, кои в подушный оклад не написаны».[231]

В 1745—1747 гг. из 4879 ревизских душ крестьян, работавших на алтайских заводах, «пришлых и не знающих родства» было 3979 человек; из 736 «мастеровых и работных людей и заводских обывателей» мужского пола было 254 «пришлых и не знающих родства».[232] Они поступали на завод по вольному найму, но при содействии правительства при первой же ревизии прикреплялись к предприятиям. Недостаток свободных рабочих рук приводил к тому, что предприниматель стремился закрепить работников за предприятием, используя для этого феодальное государство. Наемный труд превращался в принудительный.

Указ от 12 ноября 1736 г. разрешал А. Демидову оставлять на своих уральских и алтайских заводах пришлых и беглых государственных, помещичьих и монастырских крестьян, обучившихся мастерству, но с обязательством платить за них подушную и оброчную подать. Указом от 29 марта 1738 г. пришлым и беглым крестьянам, учтенным переписью 1735 г. на заводах Демидова, предписывалось «быть при его заводах вечно».[233]

Не довольствуясь прикреплением к заводу недавних вольнонаемных работников, Демидов добивался приписки к алтайским заводам государственных крестьян. В августе 1727 г. Берг-коллегия разрешила Демидову приписать к алтайским заводам 400—500 дворов крестьян Кузнецкого уезда. В 1742 г. было разрешено приписать к Барнаульскому заводу 200 дворов государственных крестьян.[234]

---

[228] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 6, папка 2025, л. 59 (план завода 1733 г.).
[229] Там же, д. 854, л. 93 об.; ГААК, ф. 163, оп. 1, св. 13, д. 214, л. 7 об.
[230] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 47, лл. 10—14; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 854, л. 94.
[231] ГАНО, Копия рукописи Вейкарта..., л. 26.
[232] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых..., стр. 228.
[233] ПСЗ, № 7548 (в указе от 29 марта 1738 г. приведена резолюция императрицы Анны Ивановны от 12 ноября 1736 г.).
[234] ГАНО, Копия рукописи Вейкарта..., стр. 26—27.

Кузнецкая воеводская канцелярия сообщала в 1743 г., что из крестьян уезда к демидовским заводам приписаны 1702 ревизские души,[235] составлявшие свыше 40% государственных крестьян уезда. При передаче заводов Кабинету оказалось, что Демидов к 1747 г. успел приписать уже 4286 ревизских душ крестьян Кузнецкого уезда.[236] 569 приписанных А. Демидовым крестьян жили непосредственно при заводах — Барнаульском, Шульбинском и Колыванском. Остальные приходили и приезжали на заводы на время отработок.

Мастеровых, постоянно живших при заводах и рудниках и работавших на них весь год, было в несколько раз меньше, чем крестьян. Демидов переводил их со своего Невьянского завода на Урале, по его просьбе мастеровых присылали с казенного Екатеринбургского завода и, наконец, обучали на Алтае из пришлых и не знающих родства людей.[237]

Приписные крестьяне отрабатывали на заводах подушный оклад. Длительное отсутствие работников подрывало их хозяйство в деревне. Повинности приписных крестьян делились на конные и пешие: конные работы заключались в перевозке руд, угля, извести, горнового камня и других материалов и выполнялись крестьянами ближайших к заводам деревень; пешие работы были самыми разнообразными. В связи с недостатком кадровых мастеровых крестьяне иногда выполняли основные горные и плавильные работы, рубили дрова, жгли древесный уголь, применявшийся к [illegible] горнах.

За отработки крестьянам зачитывался подушный оклад «по плакату», так называлась государственная такса, установленная указом 13 января 1724 г. Время, затраченное крестьянами на дорогу от заводов и возвращение, не [illegible] за сотни верст от места работ и проводили в пути по 10—12 дней.[238]

Перевод вольнонаемных мастеровых на положение «вечноотданных» и приписка к демидовским заводам государственных крестьян [illegible] массовое сопротивление с их стороны.[239]

Главный начальник Горных заводов Урала и Сибири В. Н. Татищев установил, что Демидов захватил богатейшие месторождения, содержащие не только медь, но и серебро, и золото. В 1735 г. алтайские заводы были отобраны в казну. Однако в 1736 г. Демидов при помощи Бирона вернул себе все эти заводы и в начале 40-х годов рискнул нелегально развернуть выплавку серебра на Алтае.[240] Но тайная выплавка серебра продолжалась недолго. Работавший у Демидова штейгер Ф. Трегер бежал, захватив образцы руд, и в начале 1744 г. передал их императрице Елизавете Петровне. При опробовании в рудах обнаружили серебро и золото. Почти одновременно А. Демидов поднес императрице слиток серебра весом в 27 фунтов и просил о новой привилегии — изъятии его предприятий из ведения [illegible] местных и центральных властей, «чтоб... быть со всеми заводы, с детьми, мастеровыми и работными людьми ... под ведением [illegible] кабинете». Соответствующий милостивый указ был [illegible] 24 июля 1744 г., но вместе с тем просьба Демидова послужила поводом для передачи его алтайских заводов под управление царского Кабинета и

[235] ААН. ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 150.
[236] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 209.
[237] ГААК. ф. С. И. Гуляева, св. 3, д. 47, л. 4; св. 13, д. 214, лл. 6, 8.
[238] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 47, лл. 6, 7.
[239] См. ниже, стр. 313, 314.
[240] ПСЗ, 1830, т. IX, №№ 6559, стр. 290—296; ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 47, л. 12; ГААК, ф. Колыванской горной экспедиции, св. 3, д. 47, л. 7; И. Ф. Герман. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. 1, СПб., 1797, стр. 236—237; А. Малеев. Алтайский горный округ, стр. 318, 319, 322; В. А. Рожков. А. Н. Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах. Горный журнал, т. 3, 1891, стр. 343, 344.

перехода их в царскую собственность, что отнюдь не входило в планы Демидова и было для него тяжелой неожиданностью.

Комиссия бригадира Беэра, посланная на алтайские заводы по указу 17 мая 1744 г., отстранила от управления приказчиков Демидова. Опытная плавка руд, произведенная Беэром, показала высокое содержание в них серебра и подтвердила наличие золота. В 1745 г. Беэр привез в Петербург с Алтая 44 пуда 22 фунта серебра и 12 фунтов золота.[241] Фактически алтайские рудники и заводы были отобраны у Демидова в 1744 г., хотя конфискация их была оформлена в мае 1747 г.[242]

С передачей алтайских заводов в ведение Кабинета начинается новый этап их развития. При господстве крепостнических отношений в стране, в условиях отдаленной окраины, где создавались дополнительные трудности из-за недостатка рабочих рук и дороговизны дальних перевозок, обращение на службу заводам возможностей, которыми располагал царь как глава государства, сыграло на определенном этапе положительную роль в развитии промышленности.

Действующие заводы и рудники стали расширяться. Началось строительство новых предприятий к востоку и югу от Змеиногорского рудника, Колыванского и Барнаульского заводов — первоначальных центров горнозаводской промышленности Алтая. Большую часть серебра и золота, поступавших из Сибири в XVIII в., давал Змеиногорский рудник. Верхние охристые руды Змеевой горы первоначально отличались исключительным богатством: в пуде руды содержалось от 20 до 76 золотников серебра.[243]

Историк А. Л. Шлёцер сравнивал Змеевский рудник с прославленными серебряными рудниками Латинской Америки. По словам Шлёцера, с открытием Змеевского рудника в России возник второй Потоси и наступил серебряный век. После перехода заводов к Кабинету добыча змеиногорских руд быстро выросла, но, достигнув высшего уровня в 70-х годах XVIII в., стала медленно снижаться в связи с падением содержания серебра, углублением шахт и увеличением трудностей добычи руд. С 1747 по 1793 г. добыча руд выросла в 30 раз (с 38 591 до 1 131 466 пудов), а количество серебра, содержащегося в добытых рудах, увеличилось лишь в 14 раз (с 66 до 952 пудов).[244]

Вокруг Змеиногорска возникли новые рудники — Петровский, Семеновский и другие, значительно уступавшие, однако, Змеевскому по времени и масштабам разработки.

С 80-х годов стало разрабатываться мощное Салаирское полиметаллическое месторождение, обнаруженное в 1781 г. «искашным татарином» Нарышевым и рудознатцем Д. Поповым, расположенное в 160 верстах к северо-востоку от Барнаула. В 1786 г. в 160 верстах к югу от Змеиногорска поисковая партия Ф. Риддера открыла богатое месторождение серебро-свинцовых руд, получившее название Риддерского, но втот и другие южные рудники также давали в десятки раз меньше руды, чем Змеиногорский.[245]

Разрабатывались преимущественно месторождения, богатые серебром. Медные и свинцовые руды, даже наиболее богатые, добывались в незначительных размерах. Добыча железных руд в Западной Сибири по срав-

---

[241] И. Ф. Г е р м а н. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. 1, стр. 237—238; Г. С п а с с к и й. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833, стр. 32—34, 89—90.

[242] ПСЗ, т. XII, № 9403, стр. 700.

[243] Г. Е. Щ у р о в с к и й. Геологическое путешествие по Алтаю. М., 1846, стр. 75.

[244] З. Г. К а р д е н к о. Горная и металлургическая промышленность..., стр. 64.

[245] И. Ф. Г е р м а н. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. 3. СПб., 1801, стр. 43—58, 87.

...ению с Уралом была показана. Для единственного кабинетского железоделательного предприятия — Томского завода — в начале 80-х годов выплавлялось ежегодно около 110 тыс. пудов железных руд из разных месторождений.[28]

Полиметаллические рудники выросли в крупные для своего времени предприятия, доставлявшие ежегодно десятки и сотни тысяч пудов руды. О крупных размерах производства свидетельствует и количество рабочих, занятых на отдельных рудниках. На Змеиногорском руднике в 1773 г. было 1500 горнорабочих, а в январе 1794 г. — 3220.[29] На Салаирских рудниках в 1793 г. было занято 760 рабочих.[30]

Капиталистические условия по уровню производства представляли собой полукрепостные. Осуществлялось разделение труда между наемными рабочими-вертухаями, углесжигателями, плотниками, кузнецами и пр. При добыче и обработке руды преобладал ручной труд. Для подъема руд применялись ручные и конные воротки. На крупнейших рудниках строились вододействующие рудоподъемные, водоотливные, рудодробильные и промывальные установки. На Змеиногорском руднике в 1748 и 1752 гг. были построены два конных — вододействующих рудотолчейных и промывальных сооружения для извлечения золота из бедных серебряных руд.[31] В 1765—1769 гг. под руководством заводского подмастерья К. Д. Фролова были построены еще три подобных.[32] В 1783 г. на Змеиногорский подземный Змеиногорского рудника, по проекту и под руководством К. Д. Фролова была устроена мощная водоотливная машина, приводившаяся в действие 18-метровым наливным колесом, установленным в подземной выработке. Во второй половине 80-х годов подобная же водоотливная машина для подземных руд и водоотливная были построены на Екатерининской и Преображенской шахтах.[33]

Старейший металлургический завод Алтая — Колывано-Воскресенский — в 1739 г. вынужден был закрыть окрестные леса были вырублены уже с 1740 г. вновь как и окрестностях завода подрос, давший уже высококачественное Выкалывающий завод, построенный для производства меди, также перешел в Кабинету был переоборудован для выплавки серебра и стал крупнейшим сереброплавильным заводом Западной Сибири. Рост добычи руд привел к постройке в 1765—1764 гг. новых заводов — Павловского и Суздальского Нижне-Суетского.

Перевозка сибирской меди в Европейскую Россию представляла значительные трудности. Но нельзя было отказаться от выплавки меди, поскольку в добывающих рудах, наряду с серебром, она содержалась в значительном количестве.

В 1761 г. было решено начать чеканку медной монеты с гербом Сибирского царства (для отбора), которая имела бы хождение только в Сибири.[34] Для плавки медных пятаков, подготовленных на Алтайских заводах и Алтайских медных руд в был построен Суетский завод. С 1764 г. на нем

---

[28] Там же, стр. 134—136.

[29] П. И. Рычков. Топография оренбургская. — стр. 475; Г. Ф. Миллер. Описание Российской Империи. 1806, I, S. 552.

[30] П. К. Сухарев. Сведения о сибирских рудниках и заводах. — Т. 7, стр. 79; см. Д. Г. Кашинцев. Горная и металлургическая промышленность... стр. 62.

[31] ЦГАДА СССР, ф. Кабинет Е. И. В., оп. 1/1478, д. 235, л. 20.

[32] К. С. Бортников, П. Ф. Соболевский. Строительство вододействующих рудников на Алтае в XVIII в. М., 1955, стр. 002, 003, 113, 112.

[33] И. Шатов. Рудничное строение завода и меди на Алтайских заводах. Горный журнал, т. I, 1844, стр. 281; ПСЗ, т. XVI, № 11963, стр. 445, 446.

[34] Штемпельные рисунки — продукт деревенской рудной плавки, представляющих собой грубые куски меди, серебра, олова и других металлов, содержащихся в полиметаллических рудах. Назначение металлов определялось по штемпелю путем последующих анализов.

стали выплавлять и серебро. С 1766 г. при Сузунском заводе открыл монетный двор, чеканивший сибирскую медную монету, а с 1781 г. он ста выделывать монету общероссийского образца.[284]

Через 10 лет после постройки Сузунского завода, в 1774—1775 г., бы построен пятый — Алейский сереброплавильный завод в верховья р. Алея, притока Оби, к югу от Барнаула, ближе к серебряным руди

Сибирские медные монеты Сузунского монетного двора.
Из колл. И. Ф. Рымкова.

кам. В 1783 г. в изгибе, по местному выражению «локте», Алея и с верхнем течении был построен шестой — Локтевский медеплавильный з вод, который должен был снабжать медью Сузунский монетный двор, в действительности стал преимущественно серебросплавильным заводом.

Производство драгоценных металлов являлось главной задачей пр приятий Кабинета. Но для оборудования рудников и заводов были нес

[284] ПСЗ, т. XXII, № 16312, стр. 523.
[285] ГААК, ф. С. И. Гуляева, св. 3, д. 47, лл. 15, 16; ф. 1, оп. 2, св. 46, д. 102 л. И. Ф. Г е р м а н. Сочинения о сибирских рудниках и заводах... ч. 1, стр. 26.

…одимы чугун, железо и сталь. Доставка их с Урала и с Ирбинского завода (на р. Ирбе, в бассейне Енисея) обходилась слишком дорого. Поэтому в 1771 г. был построен седьмой — Томский железоделательный завод на р. Томь-Чумыш.

Общий объем выплавки драгоценных металлов с таким алтайским заводами показан в табл. 6.

Караваны, ежегодно прибывавшие в Петербург с Алтая, направлялись на Монетный двор, где из серебра и золота чеканились монеты. Стоимость драгоценных металлов по так называемым «передельным» ценам возмещалась царскому Кабинету в виде ассигнаций за вычетом задолженности Кабинета государственному казначейству, кредитовавшему цар-

ТАБЛИЦА 6

Выплавка драгоценных металлов на алтайских заводах[256]

Годы	Золото		Серебро	
	пуды	фунты	пуды	фунты
1747—1749	3	37	205	1
1750	4	18	179	11
1755	12	8	260	36
1760	6	31	244	14
1765	21	5	220	39
1770	30	31	950	29
1775	38	30	990	14
1780	26	2	755	32
1785	15	30	543	34
1790	20	35	968	25

ские предприятия. На Сузунском монетном дворе с 1770—1790 гг. ежегодно чеканили медной монеты на сумму от 200 до 300 тыс. руб.[257]

Благодаря хищнической разработке исключительно богатых месторождений полиметаллических руд и беспощадной эксплуатации подневольных рабочих мастеровых и крестьян, Алтайский горнозаводской комплекс в XVIII в. приносил своим коронованным владельцам баснословные доходы при незначительных капитальных вложениях. Каждый затраченный рубль в 1747—1776 гг. возмещался 4—5 руб. дохода в год.[258]

На металлургических заводах преобладал ручной труд, и только воздуходувки и кузнечные молоты работали от водяных колес. Паровые двигатели не применялись, хотя механик Барнаульского завода И. И. Ползунов еще в 1766 г. сконструировал пароатмосферный двигатель, приводивший в движение меха плавильных печей. Заводские печи работали исключительно на древесном угле, несмотря на то что было известно несколько месторождений каменного угля вблизости от Томского завода.

Современники различали три основные группы работников алтайских заводов в рассматриваемый период: прикрепленные к заводу работники на жалованьи, приписные крестьяне, работники по сдельному или подневольному найму. Различие между ними строго проводилось во всей официальной документации.

Первую группу составляли постоянные работники, живущие при заводе, получавшие твердо установленную заработную плату и выполнявшие работу, требовавшую определенной квалификации. Это была разнос-

---

[256] С. Шодуэр. Обозрение [illegible] в пользу употребляемых в горных промыслах, ч. 1. СПб., 1837, табл. 18.

[257] Там же, табл. 14.

[258] ПСЗ, т. XV, № 11185, стр. 616, 617—624; т. XXII, № 16312, стр. 521, 522.

родная по характеру труда, оплате и правовому положению группа. Она включала и высокооплачиваемых служащих, и канцеляристов, но основную ее массу составляли квалифицированные производители — мастеровые. Каждый работник этой группы находился на строгом учете. Количество работников разных специальностей на отдельном заводе, их оклады — все предусматривалось специальным постановлением, своего рода «штатными расписаниями».

Источники пополнения Колывано-Воскресенских заводов квалифицированными работниками, получавшими жалованье, были различными. Верхний слой специалистов, получавших офицерские звания, формировался из небогатых дворян и разночинцев, направленных на заводы из учебных заведений.[259] Проникали в этот слой и дети мастеровых, прошедшие специальную подготовку.[260] Иностранные мастера работали по контракту, заключавшемуся на определенный срок.[261] Часть «служителей» поступала по распоряжению центральной администрации из более старых районов горно-добывающей и металлургической промышленности — с Олонецких заводов, с Урала. С развитием алтайского комплекса рудников и заводов вновь открывающееся предприятие получало квалифицированные кадры за счет других предприятий. Солдаты прикрепленных к заводам команд также частично использовались в производственном процессе, получали заработную плату и приобретали определенную специальность.[262]

К работе на заводе привлекались дети заводского населения. По мере увеличения срока существования заводов этот небольшой вначале внутренний источник рабочей силы приобретал все большее значение. С раннего возраста их приучали не только к обучению в заводских школах, но непосредственно к производству. В марте 1765 г. канцелярия горного начальства писала Кабинету, что «мастеровые и прочих находящихся в заводской службе людей дети, которые придут в возраст до 15 лет и выше, все определяются в комплект к ремеслам и никогда оное пропущено не бывает». В то же время канцелярия жаловалась на малое количество «взрослых» детей,[263] недостаток которых администрация компенсировала привлечением малолетних. Так, в 1768 г. оказалось, что дети 10—12 лет, подлежащие набору в школу при Барнаульском заводе, уже второй год работают на монетном дворе при Нижне-Сузунском заводе.[264]

Массовым источником пополнения основного состава непосредственных производителей — мастеровых были наборы из приписных крестьян «в счет рекрутов». После многолетних настояний Колыванского горного начальства, жаловавшегося на недостаток постоянных рабочих, 12 января 1761 г. был издан указ, установивший надежный источник пополнения мастеровых: рекруты, набиравшиеся из приписных крестьян, обращались в мастеровых.[265] Кабинетские заводы и рудники получили возможность систематически пополнять рабочие кадры. Рекрутские наборы из приписных крестьян назначались произвольно Кабинетом. В январе 1765 г. в ответ на запрос канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, жаловавшегося на отсутствие мастеровых для строящихся заводов, Кабинет

---

[259] ГАНО, Копии грамотки Вейкарта, стр. 106, 114, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 96, лл. 95—116.

[260] Там же, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 1, лл. 95 об., 96, 115 об., 116 и др.

[261] В 1747 г. предписывалось заключать с иностранными контрактами на «вечную службу» с условием содержания их к старости и инсталы пищими иделом и деньгами. Но это оговорили даже тех мастеров, которые уже работали на заводах к действующий период. С 1761 г. заключаются временные контракты.

[262] ГАНО, Копии грамотки Вейкарта, стр. 174.

[263] Там же.

[264] Там же, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 36, лл. 155—157, 176, 177.

[265] ПСЗ, т. XV, № 11183, стр. 616, 619.

заявил, что «остается натуральнейший и кратчайший способ, взять к новым заводам и к наполнению прочих мест из заводских крестьян людей молодых здоровых, и к тем мастерствам и работам, к коим они надобны, способных, столько, сколько оных по необходимости потребно».[264]

Так как отбор крестьянской молодежи производился в счет «будущих рекрутских наборов», то количество забираемых на завод было ограничено только спасением разорить окрестные деревни. Канцелярия горного начальства указывала Кабинету на невозможность набрать всех недостающих работников за счет рекрутов из приписных крестьян, «от чего не токмо в хлебопашестве великое умеиьшение, и тем крестьянам знатное отягощение, но и самое разорение. Ибо они по взятию в ту службу пребывая в оной безотлучно, в знатном отдалении, совсем от домов и от хлебопашества навсегда отлучаются».[267]

В 1765 г. было взято в счет рекрутов по одному человеку с сотни.[268] Материалы IV ревизии свидетельствуют о неравномерности распределения по деревням количества взятых на заводы в счет рекрутского набора со времени предшествующей ревизии. Так, в селе Легостаевском из 102 ревизских душ, зарегистрированных III ревизией, было взято в рекруты к 1782 г. 13; в деревне Шипкиной из 86 — 3; в деревне Медведской из 71 — 4; в деревне Мостовой из 45 — 4; в деревне Шипуновой из 37 — 2; в деревне Китеревской из 33 — 1; в деревне Суседовой из 20 — 1.[269]

Эта неравномерность объясняется, по-видимому, принципом, которым руководствовались при отборе. Принцип этот четко изложен в предписании канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в связи с рекрутским набором 1765 г.: «присылать годных по очереди, от семи или по выбору мирских людей, а паче таких, которые пашен и постоянных крестьянских домов, и пожитков не имеют, сделяются по степям и озерам, к хлебопашеству и домоводству не радеют».[270]

Зажиточные крестьяне, которые фактически решали вопросы, предоставленные «мирскому согласию», отправляли на заводы по рекрутскому набору бедноту. Были даже случаи возврата обеспеченного крестьянина, попавшего на завод по рекрутскому набору, и замены его безземельным крестьянином.

Уход обедневших крестьян в заводские мастеровые через рекрутский набор не избавлял их от уплаты долгов богатым односельчанам. Заводские документы хранят записи о взимании с некоторых мастеровых денег в пользу крестьян приписной деревни в счет долга, возникшего, когда мастеровой «был еще во крестьянах». Иногда долг был настолько крупным, что уплата его растягивалась на несколько лет и выливалась в ежемесячные вычеты, существенно сокращавшие размер и без того скудной заработной платы.[271]

Таким образом, дифференциация в среде крестьян приписной деревни накладывала отпечаток на характер наборов на заводы «в счет рекрутов». Крестьян, которые попали сюда в результате обезземеливания из Европейской России или других районов Сибири и не успели или не смогли завести на новом месте самостоятельное хозяйство, а также коренных местных крестьян, обедневших или совсем разорившихся под тяжестью завод-

---

[264] ГАНО, Копия рукописи Вейкарта, стр. 172.
[265] Там же, стр. 175—176.
[266] Там же.
[267] Там же, ф. Бердюжен острога, д. 6, лл. 130—235 об.
[268] Там же, Копия рукописи Вейкарта, стр. 177.
[269] Там же, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 34, л. 7; д. 1, стр. 298, д. 33, стр. 235, 236.

ских отработок, насильственно превращали в заводских мастеровых. По существу отделение их от средств производства было одной из сторон процесса первоначального накопления, но в силу специфических условий России они привлекались на предприятия методами внеэкономического принуждения.

Уход на завод по рекрутскому набору означал полный разрыв с сельским хозяйством, превращение в «работного человека». В отличие от тех приписных крестьян, которые только отрабатывали подушную подать на заводских работах, рекруты резко меняли весь строй своей жизни, вливаясь в состав постоянно живших при заводе работников «на жалованье». Они приобретали трудовые навыки одной из заводских специальностей и никогда уже не возвращались к хлебопашеству. Рекрутские наборы на заводы охватывали не только крестьян, но и другие податные сословия на подведомственной заводам территории — посадских, цеховых, разночинцев.[272]

Численность мастеровых после 1761 г. стала быстро увеличиваться. По штатам начала 70-х годов, в округе Колыванских заводов было уже около 5500 мастеровых. Большинство было занято на рудниках, где числилось 2915 рудокопов и 257 промывальщиков.[273]

В данных «примерного штата чинов» за 1781 г. указано, что на Барнаульском заводе насчитывалось 480 работников «на жалованье», Павловском — 303, Нижне-Суэунском — 357 и Алейском — 77.[274] Из них «нижних служителей» (т. е. за вычетом офицеров, медиков, учителей, приказных и унтершихтмейстеров) — соответственно 425, 276, 322 и 77.

Распределение по специальностям и видам работ свидетельствует о высокой степени разделения труда на заводах. Только непосредственно в процессе плавки участвовали мастеровые не менее десяти специальностей (шмельцеры, форлейферы, ауфтрайгеры, абтрейберы, шплейзеры, пелломыльщики, гармахеры, обжигальщики, мусоротолчельщики, гитенпрейберы), каждая из которых требовала определенных производственных навыков.

Внутри специальностей существовала сложная квалификационная иерархия: мастер, подмастерья, ученики первой статьи, ученики второй статьи, рядовые работники первой статьи, рядовые работники второй статьи. Так, по штату 1781 г. предусматривался слесарный мастер, слесарный подмастерье, слесарные ученики первой и второй статьи и слесари первой и второй статьи. Не всегда и не по каждой специальности эта дифференциация осуществлялась полностью. По многим видам работ, требовавшим небольшого количества людей высокой квалификации (взятие проб, производство воздуходувных мехов, якорное дело, работы на плотине, маркшейдерские работы), в списках фигурируют только мастера с подмастерьями и учениками или, чаще, подмастерья с учениками — без рядовых работников. По более простым и массовым видам работ (шмельцеры, форлейферы, ауфтрайгеры и др.) производилось деление только на работников первой и второй статьи.[275]

Все звенья квалификационной иерархии имели различную заработную плату. В 1767—1768 гг. на Нижне-Суэунском монетном дворе токарный подмастерье получал 30 руб. в год, в то время как токарные ученики — от 18 до 20 руб.; инструментальный подмастерье получал 50 руб., а инструментального дела ученик — от 5 до 12 руб. и т. д. Очень велика была

---

[272] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 163, л. 30.
[273] И. П. Фальк. Записки путешествия. . ., стр. 509.
[274] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 1, лл. 89 об. — 94 об.
[275] Там же, л. 92 об.; д. 2, лл. 25—29; д. 34, лл. 88—91 и др.

разница между окладом мастера и ученика (пробирный мастер — 120 руб., пробирный ученик — от 9 до 18 руб.)[275]

Учениками, как правило, были взрослые полноценные работники, а не дети.[277] Часто проработав несколько лет по одной специальности, становились учениками в другой, более квалифицированной. Характерные в этом отношении выписки из формулярного списка выглядят таким образом: в 1786 г. из Томского завода на Нижне-Суэунский завод направляется кузнечный ученик Федор Голубцов, 32 лет, из крестьян; с 1773 г. был «запасным служителем», с 1777 г. — молотобойцем, с 1781 г. — кузнечным учеником.[278] Рядовыми работниками и учениками оставались по многу лет. Продвижение по квалификационной иерархической лестнице отнюдь не было обязательным и систематическим, так же как и знание не всегда соответствовало мастерству работника. Администрации было выгодно удерживать на низкооплачиваемой должности мастерового, давно уже выполнявшего более квалифицированную работу. Для многих препятствием к продвижению являлась неграмотность. Правда, в 50—80-х годах горные школы подготовили немало грамотных работников из детей мастеровых, но все-таки приток непосредственно из неграмотной деревни оставался основным источником рабочей силы. Среди 884 работников Салаирских рудников в 1795 г. было лишь 10 человек грамотных (1.2%), в том числе 7 из детей мастеровых и 1 из крестьян.[279]

Основная часть мастеровых, постоянно находившихся при заводах, получала твердо фиксированную заработную плату. Но на некоторых видах работ применялась сдельная оплата, которая могла чередоваться с выплатой жалованья. На Нижне-Суэунском монетном дворе применялась сдельная оплата мастеровых, чеканивших монету, и «запасных служителей», использовавшихся на подсобных работах. Угольщикам при сдельной оплате полагалось 10—12 руб. за двадцатисаженную кучу. При этом каждый должен был выжечь три таких кучи в год. За уголь, выжженный сверх нормы, мастеру платили по 2 коп., угольщикам — по 15 коп с короба; за невыполнение нормы взыскивали с мастера по 4 коп., с угольщиков — по 21 коп. с короба.[280]

Характер труда мастеровых (высокая степень разделения труда, работа в большом коллективе), заработная плата, отсутствие других источников существования — эти черты сближают их с работниками капиталистической мануфактуры. Но в то же время мастеровые были прикреплены к заводу, их труд был подневольным. Даже для перехода с одного предприятия на другое внутри алтайской горно-заводской системы требовалось особое разрешение начальства. При крайнем дефиците рабочей силы, который постоянно испытывали сибирские заводы и рудники, данный завод мог отпустить мастерового на другое предприятие только в обмен на аналогичного работника. Поэтому переводы с Барнаульского завода на Нижне-Суэунский, с Томского — на Новопавловский и т. п. по личной просьбе работника осуществлялись, как правило, в порядке обмена работниками.[281] Потребность в людях была такова, что и представители высшего слоя «служителей», носители офицерских званий, среди которых были и дворяне, не имели права самовольно уйти с заводов или перейти с одного

---

[275] Там же, д. 56, лл. 5, 31.

[277] Ср. положение на Олонецких заводах: См: А. Я. Булатусов. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958, стр. 133—138.

[278] ГАНО, ф. Сузунский горной конторы, оп. 1, д. 56, лл. 24, 25.

[279] ГАКО, ф. Салаирской горной конторы, оп. ?, д. ??.

[280] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 56, л. 204; д. 1, лл. 381—384; д. 57, лл. 93—96.

[281] Там же, д. 57, лл. 24, 25, 195 и др.

завода на другой. Для этого требовалась особая причина, например тяжелая болезнь, подтвержденная соответствующей справкой.[182]

Выплата заработной платы создавала для квалифицированных мастеровых некоторую материальную заинтересованность в работе.[183] Не случайно большинство побегов совершали работники, исполнявшие неквалифицированные, низкооплачиваемые виды работ, и редко были случаи бегства мастеровых, овладевших сложной специальностью.[184]

Приписные крестьяне, работавшие на заводах в счет подушной подати, выполняли обычно вспомогательные работы: вырубку леса и рубку дров для жжения угля, перевозку руды, угля, флюсов и пр. Количество приписных крестьян после передачи заводов Кабинету резко возросло. А. Безру, принимавшему заводы, поручалось дополнительно приписать деревни Белоярской и Малышевской слобод и Бердского острога, все деревни Бийской крепости и сверх того селить вблизи «пришлых в Сибирь», чтобы они отрабатывали на заводах «государственные подати». В результате заводы получили рабочую силу еще тридцати восьми новых деревень, а также не приписанную еще часть старых деревень. Новая группа приписных 1748 г. включала 4664 человека. Следовательно, непосредственно при передаче заводов казне число приписных крестьян было удвоено. При этом приписка захватила частично и Томский уезд: из новых деревень две принадлежали к Чаусскому, а семь — к Сосновскому острогам этого уезда.[185]

Следующий этап наступления на крестьян ближайших к заводам территорий произошел в 1760 г., когда приписали 396 деревень Томского и 42 Кузнецкого уездов, а также всех крестьян, подселившихся за это время в прежде приписанные деревни. Это составило 4192 ревизские души по Кузнецкому и 13 499 — по Томскому уездам. Одним указом была приписана 17 691 ревизская душа. Общее количество приписных теперь достигло 26 641. Вслед за этим в 1761 г. были приписаны все оставшиеся еще свободными от отработок крестьяне Томского и Кузнецкого уездов, в результате чего два года спустя III ревизия зафиксировала в ведении Колывано-Воскресенских заводов свыше 39 тыс. ревизских душ приписных крестьян.[186]

Район Колывано-Воскресенских заводов был настолько привлекателен для крестьян-переселенцев сочетанием обилия свободных земель и благоприятных для земледелия и скотоводства природных условий, что вольная колонизация его продолжалась, несмотря на явную угрозу заводских отработок для всех селившихся здесь. Способствовало этому также строительство укрепленной линии. Кроме того, заводские поселки и контакты со степняками обеспечивали возможность сбыта хлебных излишков.

Основная масса крестьян, селившихся в Бийском, Колыванском и Кузнецком уездах между III и IV ревизиями, приписывалась к заводам. В этом убеждает сравнение переписей приписных крестьян по деревням. Табл. 7 отражает число приписных деревень на территории, которая в период III ревизии входила в Томский и Кузнецкий уезды Тобольской губернии, а в 1781 г. при создании Колыванского наместничества перешла в его состав. При этом 10 616 приписных крестьян Томского уезда, учтен-

---

[182] Там же, д. 56, л. 51 и др.

[183] Ср.: В. Я. Кривогов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959, стр. 4—11.

[184] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 34, лл. 65, 77, 129, 133, 134 об., 152, 163, 166, 190 и др.

[185] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, л. 189—198 об.; ГАНО, Копии рукописи Вейдарна..., стр. 75.

[186] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 134 об., 189—198 об.

ным III ревизий, остались за пределами Кольчинского ведомства, а 28 758 ревизских душ Томского и Кузнецкого уездов вошли в него.[57] Эта территория была поделомочневой заводам при всех изменениях в административном делении, поэтому процесс возникновения новых деревень в условиях горнозаводских служебных лучше всего проследить именно здесь.

На основной территории родовом в заводов в течение 20 лет возникло 242 новых населенных пункта. Они возникали в результате вольной крестьянской колонизации территории и отселения от старых деревень за счет естественного прироста (семейные переселения — «посыльщики» — учитывались отдельно). О вольном характере заселения говорит и срав-

ТАБЛИЦА 1

Количественные данные переписи и приписки по 4 заводам[58]

Уезд и земская контора или изба[59]	Состоит по III ревизии	Приписных крестьян по III ревизии (ч. д.)	Деревень, возникших с III до IV ревизии	Численность населения в этих деревнях (ч. д.)
Томский уезд				
Средняя земская контора	151	4914	30	615
Чертинская земская контора	33	1969	13	491
Кузнецкий уезд				
Кузнецкая земская контора	172	5282	18	439
Белорская земская изба	117	5136	26	1040
Берская земская изба	64	3526	56	2017
Малышевская земская изба	59	3789	58	2469
Прилепская земская изба	57	2655	22	775
Балтуга земская изба	38	1489	19	429
Итого	691	28758	242	8277

нительно небольшой размер деревень — в среднем 34 ревизские души; при этом некоторые деревни, возникшие вскоре до IV ревизии, имели всего 6—10 жителей.[60]

Общее количество приписных крестьян на этой территории в период от III до IV ревизии возросло от 28 758 до 42 401 ревизской души,[59] или на 49%. Из 13643 ревизских душ прибыло 8277 составили крестьяне вновь образованных деревень. Остальные 5366 приходятся на естественный прирост в старых деревнях и небольшое пополнение с юга.

Таким образом, на территории, подконтрольной заводам, где в начале 60-х годов была осуществлена приписка для горнозаводских обработок почти всех государственных крестьян, в последующий период продолжалась вольная крестьянская колонизация, занявшая в дополнение к естественному приросту приписанного к заводам крестьянства.

Акт приписки к заводам означал изменение формы феодальной эксплуатации крестьян. Все приписанные крестьяне были феодально-зависимыми и до момента приписки к заводам, но приписка завела их собой от-

---

[57] Там же, оп. 2, д. 131, л. 135.

[58] Таблица составлена по сведениям ведомостей Кольчинской земской палаты. ГААК, ф. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 137—166 об.

[59] По специализированной деревне, существовавшему в период III ревизии.

[60] ГААК, ф. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 137—166 об.

[61] Там же, лл. 134 об., 135.

работочную форму ренты в виде заводских работ, связанную с отрывом от сельскохозяйственных занятий на значительное время. Сам факт отработочной ренты не был новым для государственных крестьян Сибири, однако интенсивная приписка к заводам проходила в условиях роста товарности крестьянского хозяйства, развития товарно-денежных отношений, когда сибирские крестьяне стремились к замене отработочной ренты денежной. Введение отработочной ренты в ее наиболее неудобной для крестьянского хозяйства форме несомненно ухудшало положение крестьян.

Об этом свидетельствует и упорное сопротивление крестьян против заводских отработок, принимавшее самые различные формы, — от самоокружения приписываемых к заводам раскольников, побегов приписных крестьян, в частности, в неподвластный царской администрации район долины Бухтармы, до систематических отказов «исправлять положенные на них работы» или нарушений сроков выхода на работу.[295]

Но приписка к алтайским заводам не приводила к превращению государственных крестьян в крепостных. Юридически положение приписных оставалось близким к положению государственных крестьян. Официальная документация рассматривала их как особую часть государственных крестьян. В ответах сибирских воеводских канцелярий на анкету Г. Ф. Миллера приписные крестьяне указываются как одна из групп государственных крестьян.[296] В ведомостях губернатора Д. И. Чичерина, отражающих изменения в населении Сибирской губернии от II до III ревизии, крестьяне, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам, помещены под рубрикой «государственные крестьяне и разночинцы», в то время как в этих же ведомостях крестьяне частных заводов Демидовых на восточных склонах Урала записаны под рубрикой «помещиковы и дворовые».[297]

В более поздней документации это отношение к приписным как группе государственных крестьян сохраняется. Колыванская казенная палата делит в конце века государственных крестьян на «приписных к заводам» и «не приписных к заводам».[298]

Прикрепление приписных крестьян к земле носило ограниченный характер. Если приписной крестьянин совсем покидал пределы района, находившегося в ведении Колывано-Воскресенских заводов, он считался беглым. Но и остальные государственные крестьяне Сибири тоже преследовались за побеги и не могли оставлять свои наделы. Внутри же этого района крестьяне фактически могли перемещаться по собственной инициативе, заводить хозяйство на новом месте.

Материалы ревизий свидетельствуют о многочисленных перемещениях крестьян в уездах, целиком приписанных к заводам. Подчеркивается вольный характер перехода («переехал собой»), в отличие от переводов по указу Канцелярии горного начальства.[299] Ревизские ведомости называют ряд новых деревень, основанных самовольно крестьянами, переехавшими из старых деревень этого района.[300]

---

[295] ГАНО, ф. Судунской горной конторы, оп. 1, д. 1, л. 239—239 об.; д. 34, лл. 35—35 об., 163; Т. И. Агапова. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII—60-е годы XIX в.). Уч. зап. Кабардинск. гос. пед. инст., вып. 7, 1955, стр. 99.

[296] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481.

[297] Там же, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, лл. 131, 244—252.

[298] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, д. 151, лл. 134 об., 167.

[299] ГАНО, ф. Бердского острога, оп. 1, д. 6, лл. 160—167 об., 178—191 об., 130—159 об., 198—208 об., 230—235 об.

[300] Там же, лл. 174—177 об., 192—197 об., 209—216 об.

Такие перемещения были возможны благодаря большим пространствам свободных земель, а в силу подушной системы обложения администрация смотрела на это сквозь пальцы, так как повинности сохранялись за переехавшими крестьянами.[298] Недаром А. Н. Радищева поразили частые и свободные переселения крестьян в плодородной части Западной Сибири: «Доселе крестьяне нередко переселялися из одной округи в другую, пытая щастия, и в том им не возбраняли».[299]

Приписные крестьяне Колывано-Воскресенских заводов пользовались большей хозяйственной самостоятельностью, чем помещичьи крепостные. Заводская администрация меньше, чем помещик, интересовалась тем, в каком размере, где и как ведет свое хозяйство крестьянин. Отличались приписные крестьяне от крепостных и тем, что признавались субъектами гражданского и публичного права. Они не лишались, например, права принесения присяги.

В условиях полной зависимости всех категорий крестьянства от феодальной государственной власти юридическое положение приписных крестьян было очень непрочным. Оно менялось на протяжении второй половины XVIII в.: степень подчиненности их заводской администрации то возрастала, то понижалась. С 1747 г. при заводах существовала контора земского суда, но она занималась только делами, связанными непосредственно с заводами, в частности, с хищением и порчей казенного имущества. В остальном приписные крестьяне были по-прежнему подведомственны гражданским органам — воеводским канцеляриям. В 1761 г. одновременно с припиской всех крестьян Томского и Кузнецкого уездов к Колывано-Воскресенским заводам были расширены судебные функции Канцелярии горного начальства. В 1766 г. заводским конторам предписывалось не вмешиваться «в земские дела, и крестьянские разбирательства, распоряжения и установления».[300]

Наиболее благоприятным в этом отношении для приписных крестьян был период между 1779 и 1797 гг. В 1779 г. была упразднена Канцелярия горного начальства. Ее функции по управлению заводами и рудниками перешли к Колыванской горной экспедиции, входящей в состав Казенной палаты, а судебные и административные функции — к губернским и уездным [illegible].[301]

В 1781 г. в указе императрицы Пермскому и Тобольскому генерал-губернаторам запрещалось приставам «казенных промыслов и заводов» наказывать «приписанных казенного ведомства крестьян», а предписывалось маловажные дела оставлять выборным «и другим из сельских начальников», а крупные передавать на суд в нижние «расправы». В случае неявки крестьян на заводские работы следовало обращаться в нижние земские суды. Постановление Горного совета Колывано-Воскресенских заводов от 1784 г. повторило этот указ.[302] Павел I в марте 1797 г. восстановил Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства, а с нею и тенденцию к судебной зависимости приписных крестьян от заводской администрации.

Объем заводских отработок приписных крестьян определялся размером подушного оклада и официальными расценками оплаты соответствую-

---

[298] Там же, оп. 1, д. 5, лл. 88, 89; д. 6, лл. 174, 175 об., 192—197 об., 209—216 об.

[299] А. Н. Радищев. Описание Тобольского наместничества. Полн. собр. соч., т. 3, М.—Л., 1952, стр. 134.

[300] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 34, л. 66—66 об.; Копия рукописи Небольцова, стр. 100, 187.

[301] Н. Зобнин. Приписные крестьяне на Алтае. Алтайский сборник, вып. I, Томск, 1894, стр. 9.

[302] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 57, лл. 17, 18, 60.

щих видов работ, с одной стороны, и потребностью завода в рабочих руках, с другой. С 1760 г. подушный оклад составлял, как известно, 1 руб. 70 коп. Администрация заводов требовала с каждой ревизской души выполнения работ, которые оценивались в эту сумму. Так, вырубка одной сажени дров на выжиг угля или обжиг штейнов оценивалась в 25 коп. по нормам 1724 г., в 32 коп. — по нормам 1779 г. и в 45 коп. — по указу 1784 г.; для отработки подушного оклада на заводских судах нужно было проработать 32 дня. Если завод не использовал крестьян в работах на всю сумму подушного оклада, то оставшееся занималось деньгами. Например, в 1767 г. на Нижне-Сузунском заводе крестьянами было выполнено работ на 2895 руб. 81,5 коп. Остальная часть подушного оклада была взыскана деньгами. Отработанная сумма складывалась из таких основных работ: вырубка 4200 саженей дров на уголь (по 25 коп. сажень) — 1050 руб.; подвоз к заводу 19 540 пудов руды — 136 руб.; подвоз 57 225 пудов штейнов — 286 руб.; укладка 175 куч дли выжига угля — 595 руб.[230]

Самым тягостным для крестьян в заводских отработках был длительный срок, отрывавший их на 1—2 месяца от сельскохозяйственных работ. Срок удлинялся за счет переезда от деревни к заводу. Вследствие малой плотности населения к Колывано-Воскресенским заводам приписывали наряду с прилежащими и очень отдаленные деревни. В 1782 г. среди приписанных деревень были отстоящие от ближайшего завода или рудника на 150, 190, 240 верст, а в Томском недомстве — на 300, 400 и даже 695 верст. Дни, затраченные на проезд от слободы до завода, «проходные дни», оплачивались крестьянам по окончании работ. В указе 1769 г. запрещалось зачитывать «проходные дни» в отработку подушного оклада. Мотивировалось это решение тем, что для дальних деревень половина суммы подушного оклада была бы тогда зачтена до приезда крестьян на завод и некому было бы выполнить работы.[304]

Крестьянская война 1773—1775 гг. вынудила правительство уменьшить повинности приписных крестьян. Манифест 21 мая 1779 г. ограничивал повинности приписных крестьян рубкой дров, возкой руд, угля и других материалов и вдвое увеличивал расценки за работы против плаката 1724 г. Летом конному работнику стали платить 20 коп., пешему — 10 коп., зимой соответственно 12 и 8 коп. в день.[305] Теперь для выполнения повинностей крестьянин затрачивал в два раза меньше времени, чем до 1779 г.

Подушный оклад значительно вырос (в 1768 г. по 2 руб. 70 коп., в 1783 г. — по 3 руб. 70 коп.), а приписные крестьяне отрабатывали на заводах по-прежнему по 1 руб. 70 коп. Но теперь эти отработки не освобождали их от уплаты подушной подати.

Так как весь комплекс Колывано-Воскресенских заводов представлял собой единую централизованную систему, распределение приписных крестьян по заводам и видам работ производилось Канцелярией горного начальства, а позднее Горным советом централизованно в зависимости от предполагаемого годового объема работ на каждом предприятии. В 1787 г. по ведомости Горного совета предполагалось использовать на заводских работах в течение года 30 917. 75 душ крестьян (из них 19 599.75 — на конных и 11 318 — на пеших работах).[306] Распределение же по заводам и по видам работ показано в табл. 8.

---

[303] Там же, оп. 1, д. 56, лл. 36, 37; д. 2, л. 39; д. 35, лл. 169, 170.

[304] Там же, д. 1, лл. 232—235; д. 3, лл. 62 об., 63; д. 35, л. 135.

[305] ПСЗ, т. XX, 1830, № 14878, стр. 823.

[306] Дробное число душ вызвано тем, что при составлении ведомости исходили из объема работ, переводя его по каждым разделам в соответственно размеру подушной подати в количество душ.

ТАБЛИЦА 8

Распределение приписных крестьян в 1787 г. по Колывано-Воскресенским заводам (в ревизских душах)[307]

Заводы	Перевозка		Вырубка дров		Всего
	угля	флотов и руд	жжет угля	сбыт жгейдов	
Барнаульский	5862	195	3177	284	9518
Новопавловский	2683	153	1906	110	4852
Нижне-Сузунский	5614	161	2503	305	6383
Локтевский	1871	133.5	953	—	2897.5
Томский	130	—	1440	—	1570
Алтайский	10	28	662	40	740
Рудянка	110	470.25	138	—	4957.25
Итого	14220	5379.75	10579	739	30917.75

Большое количество приписных крестьян не означает, что они составляли основную рабочую силу заводов. Реально только часть приписных крестьян и притом не все свое рабочее время выполняли заводские отработки. Они оставались крестьянами, источником средств существования для них было по-прежнему сельское хозяйство. Приписные крестьяне являлись только одной из трех категорий непосредственных производителей в горнорудной промышленности Западной Сибири, к тому же использовавшейся на вспомогательных работах. Основной производственный процесс выполнял я мастеровыми.

Сопоставление объема проделанных приписными крестьянами за год работ (в переводе на человеко-дни, согласно принятым тогда официальным нормам и расценкам) с количеством работников на жалованьи данного завода показывает, что именно последние являлись ведущей рабочей силой, несмотря на незначительное количество постоянных рабочих по сравнению с номинальным числом приписных крестьян. Так, на Нижне-Сузунском заводе в 1767 г. числилось 4916 приписных крестьян; за год ими было выполнено в счет подушной подати различных неквалифицированных работ на 2895 руб. Исходя из существовавшей в этот период оплаты полного дня работы приписного крестьянина (5 коп. за день пешему работнику и 10 коп. за день работнику с лошадью), можно установить, что эта сумма соответствовала оплате примерно 150 человек, если бы они были полностью загружены в течение года. Постоянных работников на жалованьи на Нижне-Сузунском заводе в это время было 295 человек. Следовательно, как реальная сила в осуществлении процесса производства «штатные» работники в этом конкретном случае примерно в два раза превосходили приписных крестьян.

При оценке значения приписных крестьян как рабочей силы заводов и заводских отработок в жизни приписной деревни, следует помнить, что приписная деревня оставалась производительницей сельскохозяйственных продуктов, кормившей целый комплекс крупных предприятий и пограничные военные силы этой территории (см. выше, стр. 210—213).

Заводские отработки крайне отрицательно сказывались на хозяйстве маломощных крестьян, доводя их подчас до полного разорения. Зажиточные же крестьяне сокращали срок отработок, приводя по нескольку лошадей для перевозки угля и руды, или совсем не участвовали в за-

[307] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 2, л. 189 об.

водских работах, нанимая работников из деревенской бедноты. В 1766 г. в указе канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства отмечалось: «Обыкновенно домовитые и исправные крестьяне стараются, чтобы положенную на них работу поскоря исправить и возвратиться в свой дом, для того приводят с собой по две и три лошади».[208]

Отработочная рента, да еще в одном из худших ее видов — в заводских отработках, в условиях сибирских дальних расстояний — была настолько обременительной повинностью, что оказывалось выгоднее заплатить наемному работнику сумму, в несколько раз превышающую размер подушного оклада. В указе, разосланном в 1778 г. из казенного департамента Колыванской области по заводским конторам, говорилось, что приписные крестьяне, «нанимая между собой работников за положенные на них по числу подушного оклада работы платят цены вчетверо и более окладова».[209]

Это был своеобразный путь коммутации ренты и в то же время путь проникновения в скрытой форме наемного труда на заводы. Возврат к отработочной ренте в связи с появлением заводов был вызван развитием крупного производства в условиях крепостнического государства, с одной стороны, и наличием свободных земель, поглощающих отделенных от средств производства непосредственных производителей, с другой. Но отработочная рента вступила в острое противоречие с уровнем хозяйственного развития приписанных к заводам деревень. Это противоречие и проявилось, в частности, в найме крестьянами работников для заводских работ.

Так как нанятому для заводских отработок человеку платили сумму, по меньшей мере в четыре раза превышающую подушный оклад, т. е. 6 руб. 80 коп.,[210] то крестьянин-наниматель, чтобы выручить эту сумму, должен был продать 27.5 пудов муки (по 25 коп. за пуд) или свыше 4 пудов топленого сала (по 1 руб. 60 коп. за пуд). Ясно, что не каждому крестьянину это было под силу.

Из заводской документации видно, что некоторые крестьяне нанимались выполнять заводские работы за 5—6 ревизских душ.[211] Отработка за один подушный оклад требовала пребывания на заводе в течение полутора-двух месяцев. Следовательно, такой найм сопровождался полным отрывом от сельскохозяйственных работ на год. Очевидно, на это могли идти только крестьяне, потерявшие хозяйственную самостоятельность. Таким образом, характер выполнения заводских отработок свидетельствует о далеко зашедшем имущественном неравенстве в приписной деревне, перераставшем в социальное расслоение.

В 80-х годах заводская администрация много внимания уделяла крестьянскому найму, стремясь оградить себя от возможных недоразумений, навести порядок в учете отработок наемными лицами и контроле за ними. Указом 1782 г. разрешалось одному человеку наниматься на вырубку дров за две ревизские души, а на вывозку угля — за три-четыре. В 1784 г. Горный совет пытался ввести большие ограничения в найме приписными крестьянами за себя работников. Запрещалась отработка одним человеком за нескольких и требовалось присутствие нанимателя: «... может всякой крестьянин в помощь себе для скорейшего окончания работы нанимать посторонних сколько хочет, но не иначе как вообще с собою»; «...впредь вольные вощики без хозяев сами по себе к возке угля допущены не будут».

---

[208] Там же, д. 56, лл. 36, 37, 95—116; д. 34, лл. 94, 95.
[209] Там же, д. 1, л. 239.
[210] Существовала и плата наемным работникам продуктами.
[211] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 1, лл. 242, 328.

Наряду с наймом зажиточным крестьянином для заводских отработок бедняка из своей же деревни существовала другая форма замены приписного труда наемным. Особенность этой формы раскрывается из мотивировочной части того же постановления Горного совета, который обеспокоен тем, что вместо приписных крестьян уголь возят «вольные люди в надежде той, что крестьяне к той воске расположенные у них покупают дорогою ценою». Речь идет о продаже вольными возчиками зачетных квитанций приписным крестьянам. Вольный возчик угля получал от приемщика ярлык, свидетельствующий о том, что сдано определенное количество коробов, а потом продавал эту квитанцию приписному крестьянину, пришедшему на завод для отработок. Администрацию это беспокоило в связи с усложнением учета.[312]

Эта форма замены приписного труда наемным развивается в систему подрядов, которая получила широкое развитие на Алтайских заводах позднее, в конце XVIII — первой половине XIX в.[313] Подрядчики, используя труд нескольких вольнонаемных возчиков, выполняли перевозки за большое количество ревизских душ: оплачивалось все это приписными крестьянами.

Вольнонаемный труд использовался на металлургических заводах и путем непосредственного найма работников самой администрацией. По свободному сдельному или поденному найму работники набирались, как правило, на трудоемкие, но не требовавшие высокой квалификации работы. На некоторых видах работ (например, производство древесного угля) «вольножелающих» использовали параллельно с низшим, наименее квалифицированным слоем мастеровых, на других (перевозка руды) — параллельно с приписными крестьянами.

В докладе управляющего Кабинетом А. В. Олсуфьева (1761 г.) о мероприятиях, необходимых для улучшения работы Колывано-Воскресенских заводов, наряду с мерами по расширению состава мастеровых и дополнительной приписке крестьян предлагалось «работы такие, кои дешевле быть могут по найму, нежели определенными людьми, получающими жалованье, исправлять наймом».[314] Это же отношение администрации в отдельных случаях к поденному и сдельному найму как к средству приобретения более дешевых рабочих рук встречалось и в 80-х годах.[315] Однако в этот период при широком применении вольнонаемных на работах, которые до манифеста 21 мая 1779 г. исполнялись приписными крестьянами, обнаружилось достаточно отчетливо, что труд последних «несравненно против вольных наймов дешевле».[316] Оплата вольнонаемных работников превышала и оплату штатных мастеровых. Так, плата постоянным угольщикам была повышена в апреле 1784 г. с 10 до 12 руб. за выжиг одной двадцатисаженной кучи. «Вольножелающим» платили за ту же работу 15 руб.[317]

Определяющей причиной привлечения «вольных из разных людей охотников» была потребность в рабочих руках, которую не могли удовлетворить ни мастеровые, ни приписные крестьяне. Документы изобилуют жалобами администрации на недостаток рабочих рук и свидетельствуют о связанных с этим трудностях на протяжении всего XVIII в.

---

[312] Там же, д. 1, лл. 389 об., 390—392.
[313] Н. Зобнин. Приписные крестьяне на Алтае, стр. 46, 47.
[314] Доклад был сдобрен и передан управителю заводов Порошину как программа его действий. ГАНО. Копия рукописи Веймарна ..., стр. 110.
[315] ГАНО. ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, ... 2, л. 95 об.; д. 56, л. 183.
[316] Там же. Протокол заседания Горного Совета от 25 апреля 1784 г., д. 57, л. 73 об.
[317] Там же, д. 57, лл. 55—58, 85 об.

Но и применение наемного труда, ограниченное узостью рынка рабочих рук, не дало выхода из этих затруднений.

В 80-х годах вольнонаемный труд широко применялся на перевозках, жжении угля, разборке руд. За 1783 г. вольными возчиками было перевезено с рудников на заводы 2 474 569 пудов руды.[215] В протоколе заседания Горного совета 18 февраля 1785 г. было записано следующее решение: «К вывозке угля нанять вольнонаемных охотников для Барнаульского — на одиннадцать тысяч, Павловского — на семь тысяч, Сузунского — на десять тысяч пятьсот коробов». Речь шла о трех самых крупных в этот период заводах алтайского комплекса.

Вспомогательные работы, на которых использовались вольнонаемные, занимали значительное место в общем объеме работ заводов и рудников. Так, на одном только производстве угля на алтайских заводах предполагалось в 1785 г. использовать труд 531 вольнонаемного. На Нижне-Сузунском заводе в это время на выжиге угля работало примерно 150 «вольноподрядившихся разного звания людей».[216]

Источником наемной рабочей силы служили крестьяне и мещане ближайших к заводам поселений и заводских поселков. И. П. Фальк, посетивший Алтай в 1771 г., отмечал вольную перевозку руд в качестве важного источника заработков жителей заводских поселков.[217] В 1780 г. правитель Колыванской области Б. И. Мелер подчеркивал участие в вольнонаемной транспортировке сырья приписных крестьян, которые «имея можно сказать все достаточное число лошадей, промышляют ими возкою на заводы руды ... не по наряду, но по добровольной плате, установленной бывшею канцелярнею горного начальства по шести копеек с пуда, за каковую цену все крестьяне охотно тем промышляют и как скоро время кому от пашни дозволит, так скоро и едут за рудою, имея по пяти и по десяти лошадей на человека».[218]

Сибирским рудникам и заводам требовались квалифицированные мастера, техники, инженеры. Они прибывали на Алтай с Урала, из Западной Европы, готовились на месте из сыновей мастеровых, солдат горных офицеров (так называли инженеров и техников). Первым источником пополнения технических кадров Колыванских заводов стали казенные заводы Урала, откуда прибыли видные новаторы техники И. И. Ползунов, К. Д. Фролов и др.

Русские дворяне неохотно ехали на далекий Алтай. Кроме того, квалифицированных специалистов в стране в целом не хватало. Многие командные посты в сибирской промышленности заняли немецкие инженеры, преимущественно саксонцы. Они сыграли там положительную роль, передавая технический опыт западноевропейских горняков и металлургов. Вместе с тем немецкие специалисты, работая на руководящих должностях и поддерживая друг друга, иногда тормозили выдвижение русских кадров, как это имело место с Ползуновым и Фроловым.

Нужда в квалифицированных рабочих, мастерах, техниках заставила администрацию Колыванских заводов по примеру Урала открыть школы при крупнейших заводах и рудниках. Горные школы и горное училище в Барнауле сыграли большую роль в формировании местной технической интеллигенции и явились существенной вехой в культурной жизни Сибири.

---

[215] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 342, лл. 21—23.

[216] ГАНО, ф. Сузунской горной конторы, оп. 1, д. 2, лл. 25, 46, 62 об., 63, 79—79; д. 57, лл. 265—347. Исходим из оплаты по 15 руб. за двадцатисаженную кучу и из расчета по 3 таких кучи на человека в год.

[217] И. П. Фальк. Записки путешествия... стр. 495, 498.

[218] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 317, л. 3.

В Сибирской горнозаводской промышленности складывалась прослойка местной технической интеллигенции, разнородной по социальному составу, хотя Кабинет очень неохотно присваивал офицерские чины талантливым специалистам-техникам из непривилегированных сословий. Так, солдатский сын И. И. Ползунов начал службу в 1742 г., в первый офицерский чин шихтмейстера получил в 1759 г. — через 17 лет. Сын мастерового К. Д. Фролов начал работать в 1744 г., и был утвержден шихтмейстером через 23 года, в 1767 г. Большинству работников в аналогичном положении так и не удалось дослужиться до классного чина и получить свободу. Дворянские сыновья получали чин шихтмейстера через 1—2 года действительной службы, независимо от их способностей. Численность прикрепленных к заводам техников и служащих значительно превышала число вольнонаемных горных офицеров и чинов-ников.

Почти все усовершенствования и изобретения в промышленности Алтая принадлежали талантливым механикам, выдвинувшимся из подневольных мастеровых. И. И. Ползунов в 1763—1766 гг. создал универсальный паровой двигатель, применение которого могло бы вызвать революцию в горнозаводской промышленности Алтая, резко увеличить производительность труда и, по словам изобретателя, уменьшить «народную тягость», «облегчая труд по нас предлущим».[252] Горное начальство, разрешив Ползунову построить «огненную машину», ничего не сделало для внедрения ее в производство. Более широкое применение нашли гидравлические установки К. Д. Фролова.[253] Однако в целом феодальный строй во второй половине XVIII в. препятствовал механизации горной и металлургической промышленности Сибири.

Возникновение и развитие крупного комплекса рудников и заводов оказывало влияние на всю социально-экономическую жизнь края. К концу XVIII в. размеры округа Колывано-Воскресенских заводов достигали 390 600 квадратных верст, превышая площадь Англии, Голландии и некоторых других стран Западной Европы. На территории заводского округа в настоящее время расположены Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области, часть Томской области РСФСР и Восточно-Казахстанская область Казахской ССР. Округ Колывано-Воскресенских заводов представлял своего рода государство в государстве, имел свою администрацию, суды, собственную военную силу. Военные команды, расквартированные в заводских и рудничных поселках, подчинялись управляющим заводами и рудниками. Местная администрация подчинялась находившемуся в Петербурге Кабинету, ведавшему хозяйственными и другими делами императорской фамилии. Частным промышленникам запрещалось добывать руды и заводить «огнедействующие» предприятия в округе. Управление алтайскими предприятиями осуществляла начальник заводов, в канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, которая в 1747—1748 гг. находилась в Колывани, с 1749 г. была переведена в Барнаульский завод (Барнаул), ставший центром округа.

Возле кабинетских заводов и рудников выросли многолюдные по тому времени поселки. В Змеиногорске в 1771 г. жило 2449 ревизских душ, в том числе 1500 рабочих; в Барнауле — 2846 ревизских душ, на Павловском заводе — 879 ревизских душ, на Сузунском — 1120 ревизских душ (без раскольников).[254]

---

[252] В. В. Данилевский. И. И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. М.—А., 1940, стр. 378. Приложение № 4 (записка И. И. Ползунова 1763 г.).

[253] О развитии науки и техники см. ниже, стр. 323—343.

[254] И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 455, 473, 497, 498, 501—504, 509, 528.

Енисей, где на Алтае развивался в XVIII в. второй район металлургии, с двумя **другими сибирскими центрами** — на Енисее и в Нерчинском округе.

В 1736 г. по левому берегу Енисея у горы Синей-Туры возник первый Майский медный рудник, а в 1737 г. последовал именной указ Сенату об основании завода для плавки майских руд. Строительство этого завода на р. Аскизе было закончено в 1740 г. Аскизинский (Алтайский) металлургический завод располагался между Саянами и Абаканскими степями, что обеспечивало его защиту от нападений диких горных феодалов. Однако отсутствие хлеба решало проблему питания, и туда отправлялись из Енисея. Вслед за **Майским были открыты** новые **богатые месторождения** меди (Сорокс и Вазнесенск), расположенные на левом берегу Аскиза.

Однако большие затруднения вызывало обеспечение заводов рабочей силой ввиду **крайней малочисленности и разбросанности населения** прилегающей территории. Уже в 1745 г. Аскизинский завод был закрыт. По-видимому, это было связано с подготавливавшейся передачей Алтайских заводов Демидову. Кабинету. Продолжать выплавку меди в полуголодном и малонаселенном **Енисейском районе после перехода в** ведение царского Кабинета алтайские заводы казались нецелесообразным.

Возникновение медеплавильного завода на Енисее положило начало **Ирбинский чугуноплавильный и железоделательный завод**, который начал действовать в 1758 г. и вскоре сильно превзошел Аскизинские предприятия. Ирбинское месторождение медных полиметаллических руд и этом районе публицисты и писатели и русские путешественники XVIII в. называли «сущим рудником». Ирбинский завод производил в 1740 г. свыше 28 тыс. пудов чугуна и литья, в 1741 г.— свыше 32 тыс. пудов, а в 1742 и 1743 гг. это последнее число превышало 7 и 8 тыс. пудов, а в 1744 г. снизилось до 1699 пудов. Причину такого сокращения производства В. Г. Карпов, исследовавший деятельность Ирбинского предприятия, видит в характере реализации заводской продукции. За пять лет **работы менее одного процента продукции** поступало по местной рынок, в Красноярский острог, 61 % которой пошел на нужды самого завода, остальное — на другие казенные заводы. Плачевная деятельность Ирбинского завода причинила казне значительный убыток. **Потребление самим предприятием** основной массы производимого металла было оправдано на первых порах, обеспечивая его оборудованием. Но завод не **имел перспектив развития: местный район сбыта** был крайне ограничен, а дальняя транспортировка очень дорога. Завод был закрыт одновременно с Аскизинским.[1]

В 1757 г. на Ирбинском заводе начинается в связи с пуском Колывано-Воскресенского комплекса, и в 60-х годах он вновь работает, **снабжая железом кабинетские** предприятия. После окончания Гавинского металлургического завода Ирбинский был передан как вотчинный подарочный частный завод **московскому купцу Ивану** Григорьевичу Сапожникову, переселенцу в Сибирь еще из новгородских пятин. Уже в 1773 г. И. Г. Сапожников основал кирпичный и промышленность начал **строительство стеклянного завода в Иркутске**, а в 1774 г. Вице-коллегия утвердила условия передачи ему Ирбинского завода: в течение пяти лет он должен был **выплатить стоимость** всех **припасов**. А в течение десяти

---

[1] П. Е. Алабин. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начале XIX вв. М. 1847, стр. 306, 307; В. Г. Карпов. Металлургическая промышленность Западной Сибири... стр. 95—101.

[2] В. Г. Карпов. Металлургическая промышленность Сибири. Спб. стр. 98—101.

всех строений. Казна же обязалась обеспечить заводчика рабочей силой из расчета по 300 человек.[327]

Действительно, уже в 1775 г. на завод были присланы 285 человек в зачет рекрутов. Плавка началась только в 1780 г. и к 1789 г. было произведено на Ирбинском предприятии Савельева 170 809 пудов чугуна. Как и другие частные мануфактуры Сибири, это предприятие оказалось очень неустойчивым. И. Г. Савельев, владевший еще одним металлургическим предприятием в Восточной Сибири — Ключе-Воскресенским медеплавильным заводом (пущен в 1775 г.), к концу 80-х годов разорился. Предприниматели сталкивались с узостью местного рынка, который с успехом обслуживался мелкими товаропроизводителями. Не случайно восточносибирские заводчики с особенным упорством добивались запрещения ручных горнов.[328]

Аналогичной была судьба Езагашского металлургического завода, основанного под Красноярском верхотурским купцом А. Ф. Власьевским, который создал капитал на винокурении и подрядах. Завод работал с перебоями с конца 50-х годов до 1807 г., но по большей части выпускал ничтожно малую продукцию, испытывая крайние затруднения из-за недостатка квалифицированной вольнонаемной рабочей силы и конкуренции мелкотоварного производства енисейских кузнецов.[329]

Третий центр горной и металлургической промышленности Сибири сложился в XVIII в. в Нерчинском округе, в Забайкалье. С 1704 г. на р. Алтаче (Серебрянке), притоке Аргуни, начал действовать старейший в Сибири Нерчинский сереброплавильный завод (работы по строительству этого завода были, по-видимому, начаты в 1689 г.).[330] Нерчинский, Погадаевский и Кудунский серебряные рудники, снабжавшие этот завод, были открыты при помощи бурят и тунгусов по следам древних копей. Первоначально выплавка серебра производилась в небольших тиглях при помощи ручных мехов. Объем продукции был незначительным, [illegible] в 1705 г. [illegible] в 20-х годах XVIII в. С 1705 до 1713 г. на Нерчинском заводе выплавили немногим более 57 пудов серебра, при этом производительность возросла от 1 до 11 пудов в год. В 20-х годах уровень производства снизился, а с 1731 г. плавка была совсем приостановлена.[331] Это была скорее проба эксплуатации нерчинской руды, а не экономически значимое производство.

Через несколько лет Нерчинский казенный завод возобновил работу. Особое внимание проявило правительство к этому району в 50-х—начале 60-х годов, когда были посланы в Нерчинск новые группы мастеровых и увеличилась приписка крестьян. Тем не менее производительность предприятия оставалась небольшой: с 1751 по 1762 г. было произведено только 1 380 пудов серебра, с максимальным годовым выходом продукции в 176 пудов (1762 г.). Серебро это было золотосодержащим. Отделение золота производилось в Петербурге.

---

[327] Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и предприниматели. М., 1962, стр. 319, 320; В. Г. Кирсов. Металлургическая промышленность Средней Сибири..., стр. 111.

[328] Н. Н. Павленко. История металлургии в России..., стр. 321—326; В. Г. Кирсов. Металлургическая промышленность Средней Сибири..., стр. 112—113.

[329] Е. И. Кожевников. Из истории черной металлургии Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. В кн.: Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962, стр. 115, 116; Н. Н. Павленко. История металлургии в России..., стр. 317, 318; В. Г. Кирсов. Металлургическая промышленность Средней Сибири..., стр. 101—104; Н. Г. Люсенина. Очерки по истории русской промышленности, стр. 387, 388. [illegible] Сельскохозяйственные [illegible] в XVII в. Уч. зап. Читинск. пед. инст., вып. IX. Чита, 1963, стр. 76.

[330] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 77, л. 59; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России..., стр. 85.

Для снабжения черным металлом серебряных рудников и завода в Нерчинском горном округе, как и в Алтайском комплексе, был построен железоделательный завод на р. Аргке (Ирке).[332] По мере роста добычи руды в 60-х годах возникают новые небольшие сереброплавильные заводы: в 1763 г. — Дучерский (на р. Кулукче, недалеко от впадения в Нижнюю Борзу), в 1764 г. — Кутомарский (на притоке Средней Борзы — Кутомаре), и 1767 г. (1769?) — Шилкинский (на притоке Шилки — р. Чалбуче) и Куренсельминский (на притоке Газимура — р. Куренсельме). Вододействующие колеса здесь начали применяться только в 70-х годах, но из-за маловодья рек и позже меха приводились в движение конной тягой.[333]

Помимо серебра, Нерчинский район давал свинец. Десятки тысяч пудов свинца ежегодно вывозилось в округ Колыванских заводов, где использовались при выплавке серебра.

В конце 80-х годов в Забайкалье был построен новый чугуноплавильный и железоделательный Петровский завод, знаменитой Ирменский в снабжении Нерчинского комплекса железом и изделиями из черного металла. Но деятельность этого предприятия выходит за хронологические рамки данной главы.[334]

К Нерчинским заводам приписывались переселившиеся и ссылавшиеся в Забайкалье крестьяне. В 1750 г. в этом горном округе числилось 2080 ревизских душ приписных крестьян. Наряду с перевозкой руд и другими вспомогательными работами существенным в их повинностях был удельный вес обязательных хлебных поставок, так как проблема продовольственного снабжения стояла здесь особенно остро. В отличие от Колывано-Воскресенских заводов здесь широко использовался также труд каторжан.[335]

Выработка металла нерчинской группой сереброплавильных заводов в целом возросла от 30 пудов в 1763 г. до 590 (6193) пудов в 1774 г., но после этого года началось снижение объема продукции.[336] По-видимому, дело было не только и не столько в истощении рудников, на которое жаловалась администрация заводов, сколько в отдаленности предприятий от развитых и густозаселенных районов страны. С трудностями дальней транспортировки и с обеспечением производства рабочей силой в условиях господства феодальных отношений не могло справиться даже государство, которое располагало большими, чем частные лица, возможностями привлечения подневольного труда.

За пределами трех рассмотренных основных районов горной и металлургической промышленности Сибири возникали только отдельные небольшие рудники и заводы, по большей части недолговечные. Среди них следует упомянуть первые железоделательные заводы Восточной Сибири — Тельминский и Тамгинский, возникновение которых было связано с подготовкой и проведением экспедиции В. Беринга. Первый был построен в 1732 г. на притоке Ангары р. Тельме и выпускал металлическое оснащение для судов экспедиции, а также сельскохозяйственные орудия и другие изделия для местных потребителей. Однако снабжением экспедиции вскоре занялся завод, построенный на р. Тамге, в 30 верстах

---

[332] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 389, 390.

[333] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 326/487, д. 363, л. 208; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 442, 443.

[334] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 326/487, д. 368, л. 3; И. И. Комогорцев. Из истории черной металлургии..., стр. 116—117; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 143.

[335] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 315/476, д. 88, л. 3; оп. 326/487, д. 368, лл. 3, 4.

[336] П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 444.

от Якутска (ближе к месту строительства экспедиционных кораблей), а [illegible] Тельминского предприятия было приостановлено; в 1736 г. оно было продано купцу — устюжанину Якову Бобровскому «с товарищи», которые использовали его для своей Тельминской суконной мануфактуры.

Тамгинский завод действовал до 1744 г. Затем после многолетнего перерыва, во время которого администрация безуспешно пыталась найти желающих купить его, завод возобновил работу на короткий срок в 50-х годах. Оба завода были «колотушечными», т. е. такими, на которых железная руда переплавлялась в горнах в крицы, а последние проковывались молотками и «дельное» железо[53]. Качество железных изделий таких заводов не имело преимуществ перед продукцией ручных сыродутных горнов ремесленников.

Низким качеством характеризовались и изделия Ангинского (Ланинского) металлургического завода, хотя он обладал большей мощностью, имел доменную печь и выпускал не только железо, но и чугун. Основал его в 1738 г. в 12 верстах от озера Байкал на берегу р. Анги иркутский купец Федор Ланин. На Ангинском заводе было организовано литье чугунных котлов, кувшинов, чаш в расчете на местный сбыт.

С появлением предприятия Ф. Ланина связано запрещение ручных горнов в Восточной Сибири. Аналогичные запреты практиковались и в других металлургических районах России. Феодальное государство пыталось такими методами избавить крупные казенные и добившиеся привилегий частновладельческие предприятия от конкуренции мелкотоварного производства. Указом Иркутской провинциальной канцелярии 1741 г. все ручные горны были запрещены (к этому времени здесь было официально зафиксировано 14 горнов). Но запрет не означал фактического прекращения производства ремесленников. Ланин жаловался, что «всякого чина люди в Иркутской провинции в острогах и слободах плавят кричное железо печками тайно». К 1753 г. предприятие Ланина потерпело крах, и иркутская администрация с облегчением (заводчик повысил цены на металл не только на вольном рынке, но и в своих поставках казне) снова разрешила мелкое производство металла. Часть ремесленников и крестьян получила уже такое разрешение раньше.[53a]

Ангинский частный завод, как и его енисейские собратья, не смог справиться с дефицитом квалифицированной рабочей силы, с конкуренцией мелкого производства на местном рынке. Сыграло отрицательную роль и неудовлетворительное качество рудной базы предприятия.

В целом горнорудная и металлургическая промышленность Сибири сделала в XVIII в. значительные для своего времени успехи главным образом за счет крупных кабинетских и казенных предприятий, основывающихся преимущественно на подневольном труде.

4. ГОРОДА. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Сибирские города, возникнув как военные укрепленные пункты, игравшие одновременно роль административных центров (при этом сбор ясака был ведущей военно-административной функцией), переживают

---

[53] В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 69; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 389; И. И. Комоторцев. По истории черной металлургии..., стр. 109—111.

[53a] Н. Н. Павленко. 1) Развитие металлургической промышленности в России..., стр. 471, 472; 2) История металлургии в России..., стр. 314—318; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 389.

затем длительный процесс становления в качестве городов в социально-экономическом значении этого термина, т. е. процесс превращения в центры ремесла и торговли. Некоторые из них ко второй четверти XVIII в. прошли уже значительный путь ремесленно-торгового развития. Многие потеряли к этому времени военное значение.

В Сибири процесс становления городов обладал значительными особенностями по сравнению с центральной Россией, в силу того что начинался в условиях довольно развитых уже товарно-денежных отношений при наличии сформировавшихся городов в других районах страны. Поэтому в основе его лежало не только отделение ремесла от сельского хозяйства, но и перемещение посадского населения из Европейской России за Урал. Большая роль пришлого ремесленно-торгового населения в жизни сибирского посада не исключала пополнения его за счет процесса отделения ремесла от земледелия в самой Сибири. Существенными источниками роста посадского населения являлись также естественный прирост и ссылка.

Роль каждого из основных источников пополнения сибирских посадов определялась местом данного города в административно-политической и социально-экономической жизни края и его географическим положением.

Углубление общественного разделения труда в Сибири приводило к увеличению числа горожан за счет выходцев из сельской местности и к росту количества посадских людей в сельских населенных пунктах. Но рост посадского населения сдерживался трудностью перехода крестьянина в городское сословие. Для этого нужны были согласие крестьянского «мира», разрешение местного начальства и, наконец, согласие посадского «общества». Платежеспособного крестьянина старалась придержать сельская община, заинтересованная в нем в связи с существовавшей системой раскладки податей. А маломощного не хотела принимать городская община из тех же соображений. До очередной ревизии крестьянин, перешедший в посад, должен был платить подати и по старому, и по новому своему сословию.

Эти сложности тормозили, но не останавливали процесс. Зажиточные крестьяне были в состоянии преодолеть трудности оформления в новое сословие, а беднота уходила в город в нарушение законных формальностей. Однако движение в город в Сибири сдерживалось наличием свободных земель и потребностью сельского хозяйства в наемном труде. Соответственно замедлялось формирование рынка свободных рабочих рук.

Накопление капитала городской верхушкой в условиях феодализма шло замедленными темпами. Для сибирского купечества трудности усугублялись конкуренцией купцов из Европейской России и стремлением правительства ограничить рост частных капиталов на зауральской окраине. Показателен доклад губернатора Д. И. Чичерина в 1767 г. Екатерине II, в котором он писал: «Приезжающее из России купечество, разъезжая по Сибири, обвадачивают промышленников и скупают от них всякого зверя, так что сибирское купечество, будучи малокапитальны, препятствовать им в том не могут».[339] Между тем торговля пушниной для Сибири была одним из важнейших источников формирования капитала.

Когда в 1738 г. встал вопрос о снятии запрета на вексельный перевод денег из Сибири и в Сибирь (в отличие от других районов страны через Урал деньги можно было перевозить только наличными, заплатив таможенную пошлину), императорский Кабинет высказался против отмены запрета. Он опасался злоупотреблений со стороны сибирских воевод и губернаторов, которые под видом купцов смогут переводить свои деньги

[339] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, лл. 117, 118.

«и другие подлоги для своего обогащения делать». Но особенный интерес представляет другое опасение Кабинета: «Когда в Сибири у партикулярных людей деньги умножатся и будут таможния товары покупать против нынешнего дороже, тогда и в казенном торгу будет помешательство».[340]

Тем не менее в XVIII в. происходила концентрация значительных капиталов у отдельных представителей городской верхушки, особенно в наиболее развитых из сибирских городов. Накопленные преимущественно в торговле, они вкладывались частично в промышленность.

Рассмотрим, как проявлялись названные явления в конкретном ходе социально-экономического развития отдельных городов.

Непосредственно прилежащий к Уралу район таежной полосы Западной Сибири, подвергнувшийся заселению и первичному освоению русскими в предшествующий период, располагал более благоприятными, чем другие части края, возможностями контактов с развитым центром страны. В этом западном районе старого заселения в рассматриваемый период было четыре города: Верхотурье, Тюмень, Тобольск и Тюмень.

Существенной вехой в жизни Верхотурья в середине XVIII в. явилась отмена таможни. До этого времени Верхотурье являлось важным пунктом на самом оживленном пути через Урал. После 1761 г. город теряет это значение. Однако на внутренней жизни Верхотурья, в частности на динамике и составе населения, эта перемена отразилась меньше, чем можно было ожидать. Дело в том, что и в период существования знаменитой Верхотурской таможни ее деятельность не была органически связана с внутренней жизнью города. Внешний облик оживленного торгового центра, выразительно описанный С. В. Бахрушиным,[341] который Верхотурье принимало в зимние месяцы, был по существу только иллюзией активности. Для большинства купцов, пересекавших Урал, это был не более как вынужденный простой около таможни, не связанный с их коммерческими операциями.

По материалам анкеты В. Н. Татищева, Верхотурье 30-х годов XVIII в. вырисовывается как небольшой городок (430 дворов). Правда, в нем были каменные церкви и гостиный двор с 27 кладовыми-лавками и тремя сводчатыми палатами. Это великолепное торговое помещение предназначалось исключительно для приезжих купцов. Свои, верхотурские, торговали в деревянных лавках. Но приезжие, точнее проезжие, использовали гостиный двор более как склад для своих товаров на время ожидания таможенного осмотра и удобного пути, чем место торговли. Г. Ф. Миллер, давая советы русским купцам по поводу сибирской торговли, предупреждал их, что Верхотурье своим купечеством не славится.[342] В конце 30—начале 40-х годов XVIII в. 111 дворов в Верхотурье были посадскими;[343] из посадских очень многие имели капитал, приближающийся к 1000 руб. Непосредственно с деятельностью таможни была связан узкий круг должностных лиц.[344]

В силу отсутствия широкой связи хозяйства города и окрестностей с купеческими караванами существование таможни не принесло Верхотурью расцвета, но и упразднение ее не вызывало упадка. Население города, в частности ремесленно-торговое, в XVIII в. росло, хотя и медленно.

[340] ЦГИА СССР, ф. Именных указов и высочайших повелений Сената, оп. 1, д. 51, л. 448.

[341] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 108, 109.

[342] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. 21, оп. 5, д. 183, лл. 7, 10; оп. 2, д. 9, лл. 11, 16.

[343] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. III, лл. 2 об., 22 об.

[344] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 7; оп. 2, д. 9, л. 11.

В 1751 г. только по питейным и таможенным доходам с Верхотурья поступило 1,8 рубля в деньгах.[2] В 1931 г. в Верхотурье насчитывалось 31 склад и 266 лавочек и ларьков.[3] Сокращению товарных и людских потоков, связанных с пушной (32 двора хлебных охотников в начале 18-го века[4], 140 ящиков в 1751 г.) и рыбной торговлей, способствовало также и **ослабление нагрузки водного пути** по Туре. Все вышеназванные причины привели к тому, что в 1840 г. в Верхотурье

На оставшемся существенную роль внутреннего развития города и сказалась **крупных предприятий металлургической промышленности**. Верхотурье было связано с **уральскими заводами** с самого начала их возникновения: его купечество и администрация нашли выгодное для **предела своего ухода служили** принадлежащие **правительственной** инициативой вложение в промышленность.[5] Свои металлы (в той числе, которые шли в казенную торговлю) заводчики сбывали Верхотурье. Даже в первой половине XVIII в. когда часть металлического металла еще шла в обложение, города еще продолжали в Тобольск и Тюмень, тех пор в Верхотурье их было сколько-нибудь заметного ранее. В 1781 г. по сказкам Верхотурья только 93 **государственных крестьян были приписаны к заводам**.[6] В то время как **население уезда около** в 60–80-х **годах почти исключительно** и почти с **потребностью заводов** и рабочих рынка, **город развивался только как административный центр**, место концентрации земель (например, немецкого и [illegible] и мелкой торговли местных обычно внутреннего оборота.[7] Недаром в 80-х годах отмечал, что в Верхотурье, которую мирового значения по сравнению с тем, что было в прошлом веке.[8] Впрочем, отдел был прибыльным. Не говоря о **ремесленных изделиях**, в **Верхотурье** велась небольшая торговая операция, в частности скотом.[9]

Сильное на фоне **мало интенсивной ремесленно-торговой жизни** в Верхотурье **второй половины XVIII** в. **выделялись отдельные крупные предприниматели**, русской буржуазии. В отличие от своих собратьев, **верхотурский купец Максим Пономарев**. Уже в начале 90-х годов он **занимался винокурением** и **виноторговлей**, по-видимому.[10] Большой оборотный **капитал** был **вложен** им **в** [illegible] отдал **Каменный** такой отрасли казенных **поставок**. Позднее М. М. Пономарев стал крупным **заводовладельцем**, **владельцем** заводов в **уральской металлургии**.[11] **Верхотурские купцы** Смолин и Заплатин и Пономарев **Замятин тоже занимались винокурением и поставками вина в казну**,

---

[illegible] Сборник [illegible] Свердловск, 1940, с. 57–67.

но в меньших, чем Походяшин, масштабах.[359] Власьевский, помимо винокуренных предприятий, владел Язагажским металлургическим заводом.[360]

Положение Верхотурья на стыке промышленного Урала и осваиваемой Сибири при определенных благоприятных возможностях выдвигало наиболее активных и ловко приспосабливавшихся к условиям феодального государства богатых горожан в ряды буржуазии. Но их капиталы и их деятельность не были связаны с экономикой Верхотурья, которое оставалось мелким и медленно развивавшимся провинциальным феодальным городом.

Особым типом населенного пункта, связанного с торговлей, являлась в Верхотурском уезде прославившаяся ярмарками Ирбитская слобода. Возникшая в 1632 г. при впадении р. Ирбита в Ницу как поселение крестьян, «прибранных» верхотурским слободчиком Иваном Спицыным, она успешно развивалась в качестве центра земледельческого очага.[361] Спустя 10—15 лет становится довольно известной Ирбитская ярмарка, признанная царским указом 1643 г. Первоначально она притягивала только жителей соседних деревень и слобод, затем здесь начинают останавливаться проезжие купцы, отклоняющиеся от обычной Бабиновской дороги на Верхотурье.[362] Значение дороги из Европейской России на Кунгур и Ирбит усиливалось по мере заселения Нижнего Поволжья и Уфимского края, с одной стороны, и развития Екатеринбургского горного округа, с другой.[363] Из Тюмени путь на Ирбит шел через Усть-Ницынскую слободу, Краснослободский острог, Верхненицинскую, Чубаровскую и Киргинскую слободы. Этот короткий (166 верст) «слободской» путь был удобен и безопасен в силу обилия русских поселений.

Стремление купцов обойти Верхотурскую таможню превратило удобно расположенную Ирбитскую слободу в место крупного торга. Со второй половины XVII в. на Ирбитской ярмарке появляются китайские и бухарские товары. И для купцов европейской части России, и для сибирских купцов выгодно было продать и купить товар в Ирбите — «на границе» — это сокращало расходы на перевозки.

Несмотря на многочисленные правительственные запреты, стремившиеся из фискальных соображений сосредоточить весь транзит в Верхотурье, роль знаменитой Ирбитской ярмарки увеличивалась в течение XVIII в. На время ярмарки в Ирбитскую слободу въезжал верхотурский воевода с таможенными служителями. При этом нередко воевода затягивал начало ярмарки, вымогая таким образом подарки у купцов. В течение трех ярмарочных недель сбор пошлины производился только в Ирбите, и тогда туда ехали также и через Верхотурье. Уже в конце 30—начале 40-х годов XVIII в. годовой таможенный сбор в Ирбите часто приближался по размерам к верхотурскому, а иногда и несколько превосходил его.[364]

О размере притока купцов в Ирбитскую слободу на время ярмарки позволяют судить такие данные: в 1734 г. с 18 по 26 января здесь побывали купцы из 26 европейских и уральских городов, 8 сибирских, кроме того, бухарские купцы из Средней Азии.[365] Ими были предъявлены в таможне российские, западноевропейские, китайские, сибирские,

[359] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 144.
[360] П. Г. Рычков. История металлургии в России..., стр. 316—318.
[361] П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 50, 51.
[362] А. Хитрово. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872, стр. 5—14.
[363] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 109—111.
[364] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. III, лл. 13 об.—20 об.
[365] Там же, лл. 50 об.—51 об.

среднеазиатские, персидские и турецкие товары, всего 225 наименований.[366]

Превращение в крупный торговый центр наложило отпечаток на облик прежде тихой пашенной слободы. Большой деревянный гостиный двор имел в 30-х годах 91 внутреннюю лавку и 58 лавок во дворе, но и этих помещений не хватало. За гостиным двором и у церкви строилось множество временных лавок из досок для мелочной и продуктовой торговли. Всю слободу обнесли деревянным частоколом с двумя воротами, охраняемыми караулом, чтобы никто не проехал без таможенного сбора.[367] В 1770—1771 г. в Ирбите насчитывалось уже свыше двухсот больших лавок.[368]

Своих купцов в Ирбите были единицы. Население самого города оставалось немногочисленным. Это были в основном мещане и цеховые, которые обслуживали приезжающих на торг. К торгу приспособилась вся жизнь населенного пункта. Если ответ на эллеровскую анкету показал свыше двух тысяч крестьянского населения в слободе и приписных к ней деревнях,[369] то к 80-м годам крестьян в городе совсем не было.[370]

Меньшим по населению, но почти таким же старым городом, как Верхотурье, был центр соседнего Туринского уезда. Возникнув первоначально как ям и очаг государевой пашни,[371] Туринск и в XVIII в. оставался местом, где «народ больше упражняется в хлебопашестве». В ответе на академическую анкету 1760 г. подчеркивалось слабое развитие ремесел в Туринске. Упоминаются кожевенное и мыловаренное производства, но оговаривается, что они «самые малые». Относительно портных и сапожников тоже отмечается «самое малое число» их.[372] В 1765 г. из 130 разночинцев и из 186 крестьян ремеслом занимались только по 11 человек из каждого сословия.[373]

К IV ревизии из 1077 ревизских душ податного населения Туринска 367 были крестьянами. Ямщики и мещанско-цеховая группа охватывали каждая примерно по четверти городского населения.[374] Если учесть роль хлебопашества в хозяйственной жизни ямщиков и мещан (бывших разночинцев), то значительность аграрного профиля в занятиях населения Туринска не оставит сомнений.

Деятельность уральских заводов затронула этот город еще в меньшей степени, чем Верхотурье. Непосредственно она проявилась только в появлении горсточки приписных крестьян. Зато в качестве поставщиков сельскохозяйственных продуктов туринские купцы становятся частыми посетителями Невьянских заводов Демидова. Торговали также соболями низкого качества из лесов Западного Зауралья[375] и привозными мелочными товарами. Некоторые из туринских купцов занимались «отъезжей» торговлей внутри Сибири,[376] а также продавали на Ирбитской ярмарке продукты соседних уездов. Важным источником дохода для состоятельных туринцев служили рыбные промыслы в низовьях Оби.

---

[366] Там же, лл. 44—50.
[367] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 11 об.; оп. 2, д. 9, л. 19.
[368] А. Х[illegible] К[illegible] Ирбита и Ирбитской ярмарки, стр. 39.
[369] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. III, лл. 4 об., 32 об.
[370] Там же, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 60, ч. I, лл. 15—17 об.
[371] П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников, стр. 62—65.
[372] ААН, ф. Канцелярии и комиссии Академии наук, оп. 10а, д. 184, л. 63 об.
[373] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 88 об.
[374] Там же. Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. III, лл. 56 об., 57.
[375] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, лл. 14, 98 об.; оп. 2, д. 9, лл. 23, 1[illegible]
[376] Туринцы выезжали, в частности, в северные города Западной Сибири. В Пелы[illegible] торговали китайской крашеной, холстом и пр. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 132, л. 43.

сочетавшимся с закупкой рыбы у местного населения. С этой целью снаряжались на паях ежегодно суда, которые ходили через Тобольск до Сургута и Березова. Пайщиками были не только купцы, но и богатые мещане.[377] Топографическое описание Тобольского наместничества 1790 г. отразило отходничество крестьян Туринского, Тобольского и даже Курганского уездов на рыболовные промыслы туринских купцов.[378]

В начале 60-х годов XVIII в. под Туринском была построена бумажная мануфактура, вырабатывавшая 700—1000 стоп писчей бумаги в год. Но принадлежала она верхотурскому купцу Осипу Коновалову (с 1775 г. Максиму Походяшину).[379]

Первый[380] русский город в Сибири Тюмень имел уже в первой четверти XVIII в. нарядное и сложное по составу население. По переписным книгам 1719 г. в Тюмени было 982 двора, примерно половина которых принадлежала лицам, несущим военную службу, отставным от военной службы и членам их семей. Город вырос как средоточие военно-служилого населения. И ремесленно-торговые, и земледельческие занятия жителей играли на первом этапе второстепенную роль. Но к началу рассматриваемого периода большую часть «военней» группы составляли уже отставные от службы и дети служилых, вышедшие из военного состояния. Жители были в подавляющем большинстве хлебопашцами.[381] Ремесленно-торговая группа, несмотря на малочисленность (64 двора), уже несла в себе элементы, которые определяли экономическое лицо города на следующем этапе. Фактический размер этой группы превосходил официально учитывавшийся в составе сословия, так как часть отставных служилых занималась ремеслом и торговлей. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что через 15—16 лет после рассмотренной переписи несколько тюменских разночинцев со значительным капиталом перешли в купечество.[382]

В третьей четверти XVIII в., когда становится более активным процесс превращения Тюмени в собственно город в социально-экономическом смысле этого слова, продолжался приток в купечество выходцев из тюменских разночинцев и крестьян. Сохранились свидетельства за 1765 г., отражающие переход большой группы тюменских крестьян и разночинцев в купеческое сословие. Многие из них переходили целыми семьями.[383]

Г. Ф. Миллер в своих рекомендациях российским купцам о сибирской торговле говорит о Тюмени 30-х годов XVIII в. как месте изготовления важных сибирских товаров — мыла и кож. Тюменское мыло считалось лучшим в Сибири. Из кож было развито производство яловых, в том числе юфти.[384]

На протяжении XVIII в. ремесло в Тюмени развивалось, охватывая все большую часть городского населения. На фоне мелкого производства появлялись крупные мастерские, вырастающие в мануфактуру.[385] Ведомость 1763—1764 гг. об имуществе тюменских посадских и цеховых,

---

[377] М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего..., т. VI, кн. IV. М., 1786, стр. 286.

[378] ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 19107, лл. 36, 134.

[379] Э. В. Участкина. Сибирские бумага и ее водяные знаки. Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, № 9, 1965, вып. 3. Новосибирск, стр. 92, 93.

[380] Не считая Обского городка, построенного около 1585 г., но не развившегося в сколько-нибудь значительное населенный пункт и через десять лет совсем заброшенного.

[381] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири... стр. 49.

[382] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 156, д. 2141, лл. 2—4.

[383] Там же, д. 2147, л. 21.

[384] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, лл. 82, 128; оп. 2, д. 9, лл. 137, 232.

[385] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, св. 318, д. 3598, лл. 2, 5, 7.

подлежащем оброчному обложению, перечисляет 37 кожевен, 24 из них принадлежали посадским, 13 — цеховым.[368] Это соотношение свидетельствует о преобладании такого пути развития раннекапиталистических отношений в промышленности, при котором предпринимателем становится купец, а не ремесленник.

Числом цеховых никак не исчерпывалась вся масса городских ремесленников. К 60-м годам ремесло стало основным средством существования многих крестьян города и особенно разночинцев. Всего в Тюмени в 1765 г. было 824 разночинца. Даже по заниженным данным 23% их занималось ремеслом.[367] В самостоятельную профессию выделились строгальщики, подвергавшие кожу первичной обработке. Среди разночинцев не было собственно кожевников, а строгальщиков было довольно много. Скорее всего, это люди, не имевшие собственной мастерской и нанимавшиеся в чужие мастерские. Сильно развитое кожевенное дело способствовало расширению сапожного ремесла. Большую группу среди ремесленников-разночинцев Тюмени составляли чарошники (88 человек) — изготовители особого вида дешевой мягкой кожаной обуви.

Высокий уровень развития ремесла и большую степень специализации рисует ведомость 1775 г., охватывающая ремесленников г. Тюмени из числа посадских и цеховых.[368] Около 40 различных профессий были представлены 813 ремесленниками (только из числа посадских и цеховых). Причем эти многочисленные профессии группировались в основном в двух сферах: обработка кож (155 человек) и изготовление кожаных изделий (157 человек) и обработка дерева и продуктов лесных промыслов (386 человек). Это обстоятельство свидетельствует о порайонной специализации ремесла, а также о выходе тюменской продукции за пределы местного рынка. В то же время внутри этих двух видов ремесленных работ — кожевенных и лесообрабатывающих — дифференциация по специальностям была очень велика, и процесс выделения новых специальностей продолжался. У кожевников, кроме строгальщиков, в самостоятельную профессию выделились сыромятники. Очень многочисленны чарошники (120 человек). Не менее дифференцирована и обработка лесного сырья: зольники, смольщики, дегтярники, рогожники (рогожи делались из лубяной части коры). Среди ремесленников, производящих деревянные изделия, обращают на себя внимание профессии, самый факт существования или многочисленность которых вызваны природными условиями Сибири: санники (100 человек) и мастера, делающие лыжи (11 человек). Помимо двух основных профилей, в Тюмени хорошо представлена обработка металлов, в частности ювелирное дело. Мыловарение не получило дальнейшего развития в 70-х годах.

По мере развития ремесла увеличивается и удельный вес ремесленников в составе всего населения города. Если в 1719 г. по числу дворов посадские составляли только 6,5% населения Тюмени, то к началу 80-х годов купцы, мещане и цеховые образуют 48% всех тюменских жителей.[369] Изменения в составе населения за этот период проявились и в сокращении действительного военно-служилого населения (в первой четверти века офицеры и казаки составляли еще свыше 20% населения, в начале 80-х годов они составляют только 4 %) и в полном исчезновении отставных от военной службы и членов семей военных как особой группы населения (они влились в другие сословия — мещан, цеховых, крестьян и пр.).

---

[368] Там же, св. 181, д. 2417, л. 83—89.
[369] ЦГАДА, ф. Сибирского г. никаза и управления Сибирью, д. 35, л. 88.
[370] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 147, д. 2056, л. 41 об.
[371] Там же, св. 29, д. 554, лл. 1—3, 86—88.

Рост доли посадских шел главным образом за счет сокращения военно-служилых элементов, а не хлебопашцев. Земледельческое население города тоже росло и абсолютно, и относительно. Крестьяне всех категорий вместе с тяглыми людьми составляли, по подворной переписи 1719 г., около 11%. В конце 80-х годов XVIII в. собственно крестьянская группа охватывала 24% жителей Тюмени. Кроме того, хлебопашеством по-прежнему занимались не только крестьяне. Самый размер пашни, принадлежащей горожанам Тюмени в это время, свидетельствует о значении земледелия в занятиях населения. Жителям города принадлежало свыше 3 тыс. десятин пашни и свыше 700 десятин покосов. Под крестьянскими держаниями было меньше половины этого количества. Остальной землей владели ямщики, мещане и др. Следует иметь в виду, что для некрестьянских групп городского населения наличие земельного владения в 70—80-х годах XVIII в. отнюдь не всегда означало, что хлебопашеством занимались сами владельцы. Часть их вкладывала деньги в землю наряду с вкладами в другие чисто городские сферы экономики.

Наряду с увеличением роли торгово-ремесленного населения в целом внутри него происходят изменения, связанные с зарождением капиталистического уклада. Процесс формирования тюменской буржуазии во второй половине XVIII в. уже достаточно заметен. Не случайно в XIX в. Тюмень становится самым типичным буржуазным городом Сибири.[390]

Среди тюменских посадских начала 50-х годов были сравнительно крупные (для сибирских условий) купцы, выходившие за пределы местного рынка. Иногда в одних руках сочетались кожевенный или мыльный промыслы с торговлей разными товарами.[391]

Семьи, действующие совместно в области торговли и промышленности в течение многих лет, прослеживаются как характерное явление среди посадского населения Тюмени. Григорий Перевалов поставлял казне вино со своего винокуренного завода, а также брал подряды на доставку леса и соли. Петр Перевалов вел в 30-х годах крупную торговлю китайскими, западноевропейскими и русскими тканями, табаком, красками для кожевенного производства, промышленными изделиями русских городов и сельскохозяйственными продуктами.[392] Другая семья такого типа — Колмогоровы. Егор Колмогоров в 1737 г. был старостой тюменских посадских.[393] Василий Колмогоров в 1747 г. владел недавно выстроенным винокуренным заводом. Иван Васильевич Колмогоров в начале 50-х годов торговал разными товарами, а в начале 60-х годов упоминается в качестве хозяина кожевенной мастерской.[394] Федор Васильевич Головков, тюменский посадский, в 40—50-х годах имел собственный винокуренный завод. Матвей Головков в эти же годы владел мыловаренным производством и вел торговлю разными товарами. Одной из самых богатых и влиятельных торгово-промышленных семей в Тюмени были Стукаловы. Семен Стукалов был бургомистром города и первостатейным купцом.[395] Алексей Стукалов в 1742—1743 гг. предъявил в таможню товаров и денег на 3038 руб. В этой же таможенной справке фигурирует и Афанасий Стукалов.[396] Нажив капитал в торговле, Стукаловы начинают вкладывать его в промышленность. В начале 50-х годов

[390] Г. Н. Потанин. Города Сибири. В кн.: Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908, стр. 252; Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. Очерки экономико-географической географии (XVII—первая половина XIX в.). М., 1949, стр. 168—171.

[391] ГАТОТ, ф. Тюменский ямской канцелярии, оп. 318, д. 3598, л. 6.

[392] Там же, ф. Тюменской приказной конторы, оп. 1, св. 1, д. 37, л. 12.

[393] Там же, лл. 12—24.

[394] Там же, ф. Тюменской комиссарской канцелярии, оп. 181, д. 2417, лл. 83—89.

[395] Там же, ф. Тюменской ратуши, оп. 9, д. 254, лл. 1, 2.

[396] Там же.

Афанасий Стукалов имел мыловарню.[397] В то же время они помещают деньги в земельную собственность, скот, рыбные промыслы. В 40-х годах все Стукаловы сообща владели «отъезжими» рыбными промыслами.[398] Сочетание промышленно-торговой деятельности с помещением капитала в сельское хозяйство особенно проявилось в 50—60-х годах в связи с именем Ивана Алексеевича Стукалова,[399] самой значительной сферой приложения капиталов которого было винокурение, сыгравшее вообще немалую роль в обогащении формирующейся буржуазии западного района. Когда в 1769 г. губернатор Чичерин по указанию свыше подыскивал поставщиков вина в связи с приближающимся окончанием контракта казны с графом Шуваловым, Стукалов в числе нескольких других западносибирских купцов предложил свои услуги. Он брался поставлять с 1771 г. 7574 ведра ежегодно по цене, сниженной на 25% по сравнению с шуваловской.[400] Этот заводчик-предприниматель, использующий наемный труд, владелец крупных казенных подрядов, землевладелец, скотовладелец и ростовщик в течение нескольких лет был бургомистром магистрата Тюмени.

Стукаловы, Колмогоровы, Головковы, Переваловы и другие, держа в своих руках ведущие должности городского управления и являясь органической частью аппарата феодального государства, использовали его для своего обогащения. В их деятельности переплетались черты представителей патрициата феодального города и нового формирующегося класса капиталистического общества. Торгово-промышленная верхушка города не противостояла феодальному государству, как противостоит буржуазия на более высокой ступени своего развития. Важным источником их обогащения служила система казенных откупов и подрядов, во многих случаях потребителем продукции их предприятий выступало государство. В то же время на их мануфактурах применялся наемный труд; те же казенные подряды осуществлялись методами капиталистической эксплуатации.

Переходная эпоха, преломленная в призме сибирских условий, определила, как и в других социальных явлениях XVIII в., это сочетание, казалось бы, противоречивых черт. В обстановке осваиваемой редко населенной окраины феодальные отношения выступали в незавершенном, не оформленном полностью состоянии. Здесь еще шел процесс их складывания, процесс феодализации. Но поскольку окраина не развивалась совершенно самостоятельно, а составляла часть целого, на неразвитые формы феодальных отношений наслаивались элементы нового строя, разлагающие феодальную формацию.

В социальной структуре Тюмени это наслоение элементов нового на не завершившую свой путь предшествующую стадию проявлялось следующим образом: возможности развития этого феодального города еще отнюдь не были исчерпаны и тем не менее городская торгово-промышленная верхушка обладала чертами, свойственными средневековому патрициату на стадии разложения, когда на фоне очень интенсивных товарно-денежных отношений идет процесс первоначального накопления, появляются капиталистические формы эксплуатации.

В целом Тюмень к концу 80-х годов XVIII в. была достаточно развитым для России этого периода городом, прошедшим за короткий срок путь от военно-административного и земледельческого населенного пункта до подлинно феодального центра ремесла и торговли с элементами капиталистических отношений.

[397] ГАТОТ, ф. Тюменской воеводской канцелярии, оп. 1, св. 318, д. 3616, лл. 1, 2.
[398] ГАТОТ, ф. Тюменской таможни, ст. 9, д. 254, л. 2.
[399] Там же, ф. Тюменской крепостной конторы, оп. 1, св. 2, д. 52, лл. 15, 16.
[400] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 144.

Самым крупным городом Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода оставался Тобольск. Административный и церковный центр края резко отличался внешним обликом от других городов. Он единственный из всех имел каменный кремль на горе, внутри города. На верхнем посаде в 30-х годах XVIII в. высилось пять гражданских каменных зданий: губернская канцелярия, дом митрополита, архиерейский приказ, казенные кладовые палаты, цейхгауз. Кроме того, в городе было 6 каменных и 8 деревянных церквей. На верхнем посаде стоял Рождественский, на нижнем — Преображенский монастыри. Деревянных гражданских домов насчитывали в 30-х годах 3105. В устье р. Курлюмки, на мысу, стояли большие соляные амбары.[401]

Тобольск обладал лучшим в Сибири каменным гостиным двором, восторженно описанным Г. Ф. Миллером. Построенный на верхнем посаде, он имел два этажа, занятые многочисленными лавками и кладовыми с каменными сводами: на нижнем этаже — 35 торговых лавок и 27 погребов для товаров, на верхнем — 32 лавки и 3 светлицы. Там же помещалась и таможня. Местные жители имели на нижнем посаде 161 деревянную лавку.[402]

Как показали последние исследования О. Н. Вилкова, город уже в XVII в. развивался не только как административный центр, но как средоточие значительного ремесла и крупной торговли, занимал видное место в системе складывающегося всероссийского рынка.[403] Это значение Тобольска сохранялось и усиливалось в XVIII в.

В 1736 г., по официальным сведениям, почти половину дворов города занимали лица, так или иначе связанные с административно-канцелярской или военной службой — в прошлом или настоящем. В губернском городе, естественно, жило больше, чем в других сибирских городах, дворян. Соответственно резиденция сибирского митрополита определяла значительный процент духовенства. Посадские и цеховые как сословие насчитывали 2315 ревизских душ (25% населения), из коих цеховых было 404, а посадских — 1911.[404] Эти данные о сословной принадлежности не совпадали с реальными занятиями жителей, часть посадских занималась хлебопашеством, в то же время очень многие разночинцы были ремесленниками.

Дальнейшее пополнение состава цеховых ремесленников шло как за счет пришлых из-за Урала, так и за счет местных выходцев из других сословий. По спискам III ревизии,[405] среди лиц, не числившихся прежде в цеховых, а теперь подлежащих записи в это сословие, по Тобольску из 53 человек 19 были выходцами из Европейской России (крестьянские дети Архангельской губернии и ссыльные поселенцы), а 34 — из местных жителей, принадлежавших к крестьянскому и служилому сословиям.

Группа купцов, мещан и цеховых насчитывала в Тобольске, по ведомости 1782 г., 3109 человек мужского пола (из 5737 ревизских душ всего податного населения города). Она может быть приближенно сопоставлена с 2315 душами мужского пола цеховых и посадских, указанных в ответах на миллеровскую анкету в 30-х годах.[406] Можно говорить о росте, в рамках сословных данных, ремесленно-торгового населения на 34%. При этом из числа купцов в ведомости 1782 г. выпали бухарские и татарские

---

[401] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, л. 6 об.
[402] Там же, д. 183, лл. 5 об., 6; оп. 2, д. 9, лл. 6—10.
[403] О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.
[404] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. II, л. 19.
[405] Переписная книга тобольских цеховых по третьей ревизии. В кн.: Н. А. Найденов. Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., стр. 130—143.
[406] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. II, л. 19.

торговцы, не учтены и ремесленники из ссыльных и отставных служилых. Ссыльные составляли довольно большую группу населения губернского центра (725 ревизских душ в 1782 г.), несмотря на то что основным местом ссылки стала Восточная Сибирь.

В отличие от Тюмени рост ремесленно-торгового населения в Тобольске не сопровождался параллельным увеличением количества хлебопашцев. Слишком северная тобольская пашня с освоением южных районов становилась бесперспективной. Крестьянское население города даже сокращается.

С губернским положением города, его крупными размерами и ролью церковного центра было связано существование таких профессий, как иконописцы, золотых дел мастера, кирпичники. Разнообразнее и полнее, чем в Тюмени, представлены в Тобольске специальности, связанные с производством изделий из металлов: кузнецы, слесари, бронники, котельники, медники, оловянщики, проволочники. Детализирована была специализация в производстве ювелирных изделий и каменных украшений (мастера по черни, чеканке, гранению и пр.).

Материалы академических анкет, не исчерпывающие, по-видимому, всех ремесленных специальностей, насчитывали их в Тобольске в 60-х годах XVIII в. 43. Многие из них группировались вокруг обработки одного типа сырья (кожевенные, ювелирные), что является показателем высокого уровня разделения труда, с одной стороны, и наличия порайонной специализации, с другой. Тюменско-Тобольский район в целом специализировался на кожевенном деле. В Тобольске был специальный «сапожный» торговый ряд, где продавали только разные сорта кож и обуви.[407] Выработка деревянных изделий в Тобольске не была так развита, как в Тюмени, зато здесь определенно прослеживается специализация на предметах роскоши. Развитие таких видов ремесел в Тобольске, как скорняжное и косторезное дело, в значительной мере основывалось на экономических связях с коренными народами обского севера.

Особо следует оговорить роль сословия разночинцев в развитии тобольского ремесла во второй-третьей четвертях XVIII в. Учитывая занимавшихся ремеслом разночинцев, следует прийти к выводу, что число тобольских ремесленников 60-х годов XVIII в. необходимо удвоить. По III ревизии цеховых ремесленников было указано 493, да после подачи первых сказок приписано еще 50,[408] поэтому с прибавлением 410 разночинцев (ремесленников из ведомости Д. И. Чичерина 1765 г.) получим 953 человека. Это число не может быть завышенным, так как Чичерин отобрал из разночинцев только тех, для кого ремесло действительно являлось средством существования, а III ревизская перепись исключила из цеховых лиц, фактически выбывших по разным причинам, в частности перешедших в крестьянство. В то же время в этом расчете не учтены ремесленники, числившиеся в разрядах крестьян, инородцев и ямщиков. Можно с уверенностью сказать, что в середине 60-х годов в Тобольске было около 1000 ремесленников.

В массе ремесло представляло собой мелкотоварное производство. В отдельных отраслях, в частности в кожевенном деле, крупная мастерская перерастала в капиталистическую мануфактуру. Не случайно в ответах на анкету 1760 г. кожевенное и мыловаренное производства выделяются как особые, лишь вслед за ними идет перечень других ремесел.[409]

Разбогатевшие тобольские горожане применяли новые, капиталистические формы эксплуатации также на винокуренных заводах. Но распо-

[407] ААН. ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, лл. 5 об., 6.
[408] Н. А. Наденова. Тобольск..., стр. 182.
[409] ААН. ф. Канцелярия и архивы Академии наук, оп. 10а, д. 178, л. 4 об.; л. 183, л. 55 об.

лагались эти предприятия обычно в сельской местности, иногда даже не в своем, а в смежном уезде.[410] Группа тобольских купцов, объединенная в компанию «Василий Корнильев с товарищи», предложила в 1769 г. правительству поставлять ежегодно около 43 тыс. ведер вина в различные пункты Тобольской губернии, в том числе и такие отдаленные, как Березов. Несмотря на значительные капиталы, компания В. Корнильева потерпела поражение на объявленном губернатором аукционе винных поставок. Победителем вышел уже упоминавшийся выше купец и заводчик М. Походяшин. Это была победа капитала, приспосабливающегося к условиям феодального государства, использующего старые формы эксплуатации труда, охотнее идущего на компромиссы, над капиталом, пытавшимся более решительно, революционно вторгаться в экономику. Дело в том, что группа В. Корнильева предложила целую программу развития винокурения в Западной Сибири. Программа отражала противоречия между монополиями феодального государства в сибирской экономике и крепнущим частным предпринимательством. Тобольские дельцы просили разрешить строительство винокуренных заводов на территории горнозаводского округа, заготовку дров и строительного леса в пределах этой же территории, ничем не ограниченный наем рабочих на винокуренные заводы из приписанных к горным заводам крестьян, «свободных от казенных работ».[411] Программа испугала правительство своей сложностью, новшествами и посягательством на монополию императорских рудников и заводов. Походяшин же ставил одно, более приемлемое условие — освобождение от поставки в казну четвертой части меди со своих заводов. Он намерен был сохранить прежнюю систему, но прибрать ее к своим рукам, купив у графа Шувалова все винокуренные заводы.[412] Взяв на себя весь подряд целиком, Максим Походяшин поставлял ежегодно свыше 100 тыс. ведер вина в разные города Тобольской губернии[413] примерно на 80—90 тыс. руб. (будучи уже не верхотурским, а тобольским купцом).

В 1745 г. в 15 верстах от Тобольска была основана первая в Сибири частная бумажная фабрика.[414] В Тобольской переписной книге 1754 г. среди лиц, «вновь явившихся» после ревизии, фигурирует под 1748 г. ее владелец — тобольский посадский Евсей Медведев. В 1772 г. на бумажной мануфактуре было 45 работников и один мастер из ссыльных. По подсчетам Фалька, ежегодное содержание предприятия стоило 1300—1400 руб. В 1778 г. Медведевы продали половину мануфактуры (а в 1793 г. и остальную часть) Василию Корнильеву, который в 1789 г. открыл на ее базе первую в Сибири частную типографию.[415]

Одному из тобольских купцов принадлежал стекольный завод в 26 верстах от города.[416] В промышленные предприятия, расположенные вне города и даже уезда, вкладывали свои средства и некоторые из тобольских дворян. В «Описании Тобольской губернии», хранящемся в «портфелях» Миллера, упоминается медный завод у реки Логвы (Верхотурский уезд), принадлежавший тобольскому дворянину Залюжикову.[417] А. П. Матигоров, сын тобольского дворянина, совместно с Я. Ма-

---

[410] ГАТОТ, ф. Тюменской крепостной конторы, св. 1, д. 37, лл. 2, 24, 26; ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. VI, лл. 76—79.

ЦГАДА. ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, лл. 140—143 об.

[411] Там же, л. 3[illegible].

[412] Там же, л. 144.

[413] И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 399.

[414] З. В. Участкина. Сибирская бумага и ее водяные знаки. Изв. СО АН СССР, № 9, сер. общ. наук, вып. 3, 1965, стр. 90.

[415] И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 399.

[416] ЦГАДА. Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 502, л. 119.

тигоровым владел стекольной фабрикой на реке Коктеле, в Ялуторовском уезде.[418]

В обогащении верхушки тобольских жителей видное место занимали подряды на соль, которые существовали наряду с вываренной добычей и доставкой соли. Соляные подряды, как и винные, приобретались на публичных торгах. Купивший подряд доставлял соль в Тобольск с озера Ямыш «своим коштом» на дощаниках и барках, «своими наемными работными людьми». В конце 30-х—начале 40-х годов частные подрядчики поставляли в год по 80—100 тыс. пудов, примерно половину всего привоза соли (70—100 тыс. пудов доставляли служилые люди).[419]

Огромную роль в жизни тобольского посада в течение XVIII в. продолжала играть торговля. В 30-х годах в городе было семь специальных «торжищ»: на верхнем посаде — гостиный двор и мясной ряд, на нижнем — ряды для торговли китайскими, русскими, сибирскими и западносибирскими товарами, а также сапожный, хлебный, мясной и рыбный ряды.[420] Обычный торг в Тобольске шел ежедневно.[421] Крупный торг российскими и чужеземными западными товарами шел главным образом весной, когда прибывшие из-за Урала купцы ожидали в Тобольске вскрытия рек, чтобы отправиться дальше на восток. Сибирскими и китайскими товарами торговали в конце лета, когда, возвращаясь из восточносибирских городов и с китайской границы, купцы ожидали здесь зимнего пути на запад. С наступлением зимы приходили калмыцкие и бухарские караваны и оставались торговать в Тобольске почти всю зиму.[422] Таким образом, торговля привозными товарами шла круглый год.[423]

Из Тобольска в Енисейск и обратно ходило в 30-х—начале 40-х годов 20—25 судов грузоподъемностью в 2 тыс. пудов и больше.[424] На восток суда уходили с тонкими и сермяжными сукнами, юфтью, холстом, пестрядью, штофом, медной, оловянной и стеклянной посудой, обувью, украшениями, сахаром, воском, вином, специями, красителями и другими товарами. Возвращались с атласами и камками, китайкой, чаем, лаковой и фарфоровой посудой, сибирской пушниной, слюдой и другими товарами.[425]

Основными центрами, связанными с Тобольском, а через него и со всею Сибирью, в Европейской России были Москва, Казань, Архангельск, Устюг, Лальский посад, Макарьевская ярмарка. Западноевропейские товары (голландские, английские, немецкие, французские и др.) шли в Сибирь главным образом через Архангельск. Среди них первое место занимали сукна, расходившиеся в самой Сибири и перепродававшиеся китайцам, монголам, калмыкам и бухарцам. Шелковые западноевропейские ткани, тафты, камки, бархат, тонкое полотно (голландское и шабское), кисея сбывались за Уралом в ограниченном количестве, так как с ними успешно конкурировали более дешевые китайские шелка, парча, и полотно. Возрастает ввоз западных вин (французских, португальских, испанских) в связи с развитием сибирских городов и ростом потребностей городского населения.

Другое направление грузов — с юга по Иртышу и Тоболу. Оттуда в губернский центр шли в основном хлеб, соль и лес. По мере освоения

---

[418] Там же, портф. 461, ч. II, л. 171 об.

[419] [illegible]

[420] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, лл. 5 об., 6.

[421] Там же, л. 10.

[422] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 6; оп. 2, д. 9, лл. 5, 10.

[423] Там же, лл. 22 об., 31.

[424] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, лл. 8 об., 9 об.

юго-западного района значение этого потока товаров усиливалось.[425] С юга же в Тобольск поступали бухарско-калмыцкие товары, в том числе и вывезенные среднеазиатскими купцами из Индии и Китая бумажные ткани, золото песочное и в слитках, серебро, драгоценные камни.[426]

Наименее интенсивным было северное направление — по Нижнему Иртышу и Оби. Из Тобольска на север шли соль, хлеб и промышленные изделия (сибирского производства и вывезенные из-за Урала), с севера возвращались с лесом, дровами, пушниной, рыбой, оленьими кожами, моржовой костью и пр.[427]

Вплоть до отмены таможен при Тобольске существовало несколько застав для таможенного контроля: Липовская, в 96 верстах от Тобольска по Тюменскому тракту на р. Тоболе, в Липовском погосте; Адбашская, в 97 верстах по Тарскому тракту, в Адбашском остроге; Ницынская, в 52 верстах, на Иртыше, в Ницынских юртах; товары, сплавляемые водным путем, осматривались на Самаровском яму (в устье Иртыша).[428]

Тобольские купцы вели торговлю с приезжими купцами и сами выезжали в разные сибирские города (Иркутск, Енисейск, Кяхту, Березов и др.), на Ирбитскую ярмарку, в Среднюю Азию, в европейскую часть России (главным образом на Макарьевскую ярмарку).[429] Березов, в частности, привлекал их возможностями обогащения на неравноцветной торговле с коренным населением обского севера — хантами, манси и ненцами.[430] По наблюдениям Г. Ф. Миллера, в 40-х годах товар, [illegible] ный из-за Урала, мог быть продан в Тобольске на 25% дороже покупной цены. Гораздо большие прибыли давал обмен на севере и востоке.[431]

Сибирская торговля в целом отличалась неравномерностью прибылей. Недостаточно развитый рынок, замедленное из-за дальности поступление информации, тяжелые условия транспортировки — все это приводило к тому, что, получив в одном случае огромную прибыль, купец терпел убытки в другом. Завезенный в отдаленные места товар при отсутствии спроса спускался по любой цене, так как везти его обратно было еще убыточнее. Тем не менее Г. Ф. Миллер в начале 40-х годов XVIII в., оценив в «Описании торгов сибирских» все трудности зауральских операций, пришел к такому заключению: «Однако вообще сказать можно, что обыкновенным образом барыш гораздо превосходит наклад и что, следовательно, русский купец от сибирского торгу всегда другую прибыль получает».[432]

В отличие от рассмотренных городов, которые развивались на территории давнего заселения, Тара в течение всего XVII в. играла роль форпоста русского продвижения на юг, оставаясь под угрозой вражеского нападения, среди земель, почти не заселенных русскими. После строительства Омской, а затем и других верхнеиртышских крепостей положение меняется, и в 30-х годах XVIII в. город имел уже значение не только военно-административного, но и земледельческого, а также в ограниченных размерах ремесленно-торгового центра, круг деятельности которого несколько выходил за рамки своего уезда.

---

[425] Там же, оп. 5, д. 152, лл. 207 об., 208; ф. Канцелярии и комиссии Академии наук, оп. 10а, д. 181, лл. 25 и 28 об.

[426] Там же, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, лл. 61 об.—72 об.

[427] Там же, оп. 5, д. 152, л. 35; д. 183, лл. 18 об., 98, 128

[428] Там же, оп. 5, д. 183, л. 18 об.; оп. 2, д. 9, лл. 29, 30.

[429] Там же, оп. 5, д. 152, лл. 8 об., 9 об. О торговле тоболяков на Макарьевской ярмарке в первой половине XVIII в. см.: Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. (По материалам внутренних таможен). М., 1958, стр. 117, 155—160, 167 и др.

[430] ДАН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, лл. 18 об., 125 об., 215, 216.

[431] Там же, лл. 90 об., 91.

[432] Там же, л. 91 об.

Через Тару проходили два важных торговых пути — сухопутная дорога из Тобольска на Томск и Енисейск и водная дорога по Иртышу через Ямышевскую и Семипалатинскую крепости в Джунгарию. Поэтому город в 30—50-х годах был местом значительной торговли проезжих купцов. Калмыцкие и бухарские купцы привозили в Тару специально, русские купцы торговали здесь преимущественно проездом. Сами тарчане ездили на Ирбитскую ярмарку со среднеазиатскими товарами и возвращались с русскими, вели активную торговлю в Ямышевской крепости, где распродавалась часть товаров калмыцких и бухарских караванов.[433] Но со второй половины 60-х годов ремесленно-торговая деятельность Тары пришла в состояние застоя. Как только было завершено строительство Ново-Ишимской линии, местные сибирские власти и казахские старшины сразу же стали просить русское правительство разрешить на ней «сатовку» (меновой торг). Зимой 1759/60 г. такая торговля была разрешена. Важнейшим центром ее становится крепость св. Петра. Вслед за непосредственным обменом с ближайшими казахами началась торговля с караванами из Средней Азии и из Китая. Казахи пригоняли лошадей, быков, баранов, привозили овчины, мерлушки, меха. Купцы из Тобольска, Тюмени, европейской части России выменивали все это на железные котлы, вертела, сукна, шелковые ткани, платки, позументы, иглы, нитки, бисер и другие промышленные товары. Торг этот русские купцы считали очень выгодным, так как лошадей они тут же, без затрат на доставку, перепродавали в драгунские полки. Петропавловская крепость к концу 80-х годов XVIII в. выросла в значительный центр торговли с Востоком, оттянувший на себя частично прежние торговые связи Тары. Другая часть среднеазиатских товаров, продававшихся прежде в Таре, оседала в Усть-Каменогорской крепости.[434]

Почти одновременно с началом торговли на Ново-Ишимской линии Таре был нанесен другой удар. Московско-Сибирский тракт на участке от Тобольска до Томска шел первоначально через Тару. В 1763 г. эта основная сибирская дорога пошла после пересечения Ишима на юго-восток, на Омскую крепость, затем вдоль Оми.[435] Дело было не только в заболоченности старого участка дороги. Необходимо было приблизить Московско-Сибирский тракт к новой укрепленной линии и к крепости, расположенным по Верхнему Иртышу. Заселение берегов Оми закрепило новый вариант дороги.

Земледельческое освоение Тарского уезда в XVIII в. увеличило значение города как рынка сельскохозяйственных продуктов. По этой линии и пошла экономическая жизнь Тары в дальнейшем.[436]

Важнейшую роль в освоении восточной части Западной Сибири сыграл г. Томск. Возникнув как военно-административный центр, он скоро стал центром пашенного земледелия, которое к концу XVII в. достигло значительных успехов. Жители города сочетали хлебопашество с несением военной службы или занятиями ремеслом.[437] Большую роль в жизни посадских и служилых людей играли промысловая охота и рыбная ловля.[438] Собственно городские занятия возникают сначала в незначительных размерах. По мнению исследователя истории Томска и его

---

[433] Там же, д. 152, лл. 252 об., 253.
[434] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, лл. 112, 113.
[435] Р. М. Кабо. Города Западной Сибири..., стр. 143, 144.
[436] Там же, стр. 195, 196.
[437] З. Я. Боршинова. Население Томского уезда в первой половине XVII века. Тр. Томск. гос. ун-та, т. 112, сер. ист.-филолог., Томск, 1950, стр. 122—138; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири..., стр. 75—82.
[438] З. Я. Боршинова. Население Томского уезда..., стр. 138—141.

уез, а Э. Я. Боярщиновой, в первой половине XVII в. товарно-денежные отношения здесь только начинали развиваться.[439]

Положение Томска было благоприятно для развития города. Он был окружен разнородными хозяйственными территориями (таежно-промысловая, пастбищно-животноводческая, горно-промысловая и др.), стоял на пересечении водных и сухопутных путей, связывающих Западную и Восточную Сибирь и ведущих в Мариинскую и Кузнецкую тайгу, в лесостепную Барабу, в предгорья Алтая. С другой стороны, благоприятным факторам противостояли условия, тормозившие развитие этого города. Напряженная в военном отношении обстановка, отдаленность от центральной части страны, разбросанность на огромной территории первых центров заселения — все это замедлило становление Томска как собственно городского центра.[440]

В 1747 г. во всем Томском уезде был 171 официально признанный цеховой. К III ревизии число их выросло до 294.[441] Из этих цеховых И. П. Фальк к самому Томску отнес только 115 человек. Более интенсивно развивалась в XVIII в. в Томске торговля. Торговые суда, направляющиеся из Тобольска в Енисейск, обычно заходили в Томск. В течение всего года приходили калмыцкие и бухарские товары, «от которых город получает великую прибыль».[442] Из Кяхты и Иркутска привозили китайские товары, из европейских городов России — дорогие ткани, вина и другие товары.[443] Значителен был рынок пушнины, скота, хлеба. Российские купцы скупали здесь сибирские товары. В начале 70-х годов в Томске пушнина стоила в два раза дешевле, чем на Ирбитской ярмарке. Местные томские купцы ездили с товарами в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, в Кяхту, в Джунгарию.[444] С развитием торговли в верхнеиртышских крепостях томские купцы начинают выезжать и в эти торговые центры.[445]

Существенную роль в развитии томской торговли, а также в какой-то мере и промыслов, сыграло то обстоятельство, что через город прошел Сибирский тракт. В 1785 г. в Томске 176 купцов были связаны с иногородней торговлей. Тракт накладывал отпечаток на занятия жителей Томска и тем, что значительная часть их занималась извозом. Томские подрядчики, располагавшие несколькими десятками или даже сотнями ямщицких подвод, производили перевозки больших партий грузов по тракту, эксплуатируя труд зависевших от них ямщиков.[446]

Вторым после Томска центром заселения восточной части Западной Сибири был Кузнецк, который оказался самым южным опорным пунктом русских, выступавшим в XVII в. за пределы общей границы заселения. По уровню развития ремесла город мало отличался от деревень. Если на начальном этапе военная угроза и экономическая оторванность мешали ему развиваться в настоящий город, то в первой половине XVIII в. положение Кузнецка в стороне от Московско-Сибирского тракта закрепило это состояние. Подобно тому как купцы больших сибирских городов

---

[439] Там же, стр. 143—151.

[440] Р. М. Кабо. Города Западной Сибири, стр. 45, 59, 93.

[441] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 131.

[442] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 21; оп. 2, д. 9, л. 34.

[443] Там же, оп. 5, д. 150, лл. 24 об., 25.

[444] Там же, л. 25; И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 541, 544; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири..., стр. 58; Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России, стр. 157, 160.

[445] Г. И. Потанин. Материалы для истории Сибири. ЧОИДР, М., 1867, кн. 2, стр. 238.

[446] Э. Я. Боярщинова. Томск в XVII—XVIII веках. В кн.: Очерки истории города Томска (1604—1954). Томск, 1954, стр. 34.

ездили в слободы или села с промышленными товарами, а в них скупали пушнину или сельскохозяйственные продукты, так томские купцы приезжали иногда в Кузнецк с цветными и сермяжными сукнами, китайкой и пр.[44]

Возникновение комплекса Колывано-Воскресенских рудников и заводов с их большими административными правами лишило Кузнецк его единственного отличия от сел и слобод — роли настоящего центра крупного уезда. К тому же промышленные поселки оттягивали на себя возникающее в округе заводов ремесленно-торговое население и рынок сельскохозяйственных продуктов. Кроме казаков, канцелярских служащих и духовенства, все остальные жители Кузнецка в начале 70-х годов XVIII в. были крестьянами, сочетавшими сельскохозяйственные занятия с мелкой торговлей и ремеслами. «Главный здесь промысел есть сельское хозяйство, и большая часть жителей должны по примеру прочих поселян, заработывать подушныя подати на Барнаульских заводах».[45] К 90-м годам XVIII в. Кузнецк приходит небольшим селом, которое только в силу традиции продолжает называться городом.

Значительным своеобразием отличались города, расположенные в северных тундровых районах Западной Сибири. К ним название города может быть применено тоже только условно, но они сыграли видную роль в истории Сибири как опорные пункты освоения труднодоступных по природным условиям территорий и как центры экономических связей с коренными народами севера.

В Сургуте, по сведениям миллеровской анкеты, насчитывалось 165 дворов.[46] Этот город был не больше среднего села тюменско-тобольского района. Здесь была сосредоточена администрация с соответствующей канцелярией, небольшие военные силы и духовенство, обслуживающее русских жителей и занимающееся миссионерской деятельностью среди коренного населения. В Сургуте, как и в Нарыме и Кетском остроге, крестьяне совсем отсутствовали. Не было и ремесленно-торгового населения (мыло, например, ввозилось в Березов и Сургут из Тюмени, Тобольска или Томска).[47] Несколько более, чем в других городах северного района, развито было ремесло в Пелыме.

Основным в жизни всех северных уездов был пушной промысел. Назначением городов типа Сургута с их военно-административно-церковным населением оставался прежде всего сбор ясака. Далеко не вся пушнина шла в казну, много ее скупалось частными лицами. В Сургут и Нарым специально для торговли ездили редко, но проездом купцы скупали там «мягкую рухлядь».[48]

Самым значительным торговым центром севера Западной Сибири был Березов. В XVIII в. на березовском рынке торговали соболями, песцами, обскими белками и другой пушниной. В Березовском уезде песцов промышляли исключительно ненцы и ханты. У них же скупали и оленьи кожи. Привозили ненцы в Березов и такой редкий и ценный товар, как моржовую кость, которую добывали между Обью и Печорой. Самым массовым поставщиком «бобровых струй» по наиболее дешевой цене считались обские ханты. Из Березова вывозили в Тобольск и другие города летом сушеную, а зимой мороженую рыбу.

Тобольские купцы сталкивались на Обском севере с сильными конкурентами — крупными московскими купцами. Настоящим бичом Обского

---

[44] ААН, ф. Канцелярия и комиссия Академии наук, оп. 10а, д. 191, 1761 г., л. 145 об.

[45] И. П. Фальк. Записки путешествия..., стр. 528.

[46] ЦГАДА, Портфели Г. Ф. Миллера, портф. 481, ч. III, л. 188.

[47] Г. Ф. Миллер. Описание торгов сибирских. ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 183, л. 128; оп. 2, д. 9, л. 232.

[48] ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, д. 152, л. 40; д. 183, лл. 18, 19.

севера был, например в 30-х годах московский купец Гребенщиков, получивший монополию на поставку для армии лосиных кож. Во всех сибирских городах, связанных с лосиным промыслом, Гребенщиков насадил своих приказчиков, строго следивших за сохранением монополии. Там, где ясак платили лосиными кожами, Гребенщиков скупал этот товар по казенной ясачной оценке.[452]

В Березове скупкой продукции лесных и морских промыслов у коренного населения занимались и местные купцы. По II ревизии их зарегистрировали 9, по III — 16 человек.[453] В 80-х годах XVIII в. Березов насчитывал не более 150 дворов. Большую часть жителей составляли казаки. Однако роль его как центра торгового обмена с коренными жителями севера в какой-то степени возросла.

Города Восточной Сибири характеризовались чертами, свойственными всем сибирским городам этого периода, но обладали по сравнению с западносибирскими некоторой спецификой, вызванной экономико-географическими особенностями этой части края и большей отдаленностью от центра страны. В условиях феодализма заметно проявлялись различия в экономическом развитии Западной и Восточной Сибири.

Самым крупным городом Восточной Сибири оставался до последней трети XVIII в. Енисейск, находившийся в узле важнейших водных дорог, в местах плодородных, богатых зверем и рыбой, с развитым и сильно. Как показали исследования А. Н. Копылова, в нем уже в XVII в. далеко зашел процесс развития торгово-ремесленной функции города.[454] Наибольшего расцвета город достиг в середине XVIII в. В это время он был одним из крупнейших городов не только Сибири, но и всей России.

По числу посадских Енисейск занимал 9—10 место в стране и стоял впереди других сибирских городов.[455] По своей численности эта группа еще в начале XVIII в. сравнялась с военными, а затем и превзошла их.[456] В 1744 г. в Енисейске насчитывалось 3375 ревизских душ посадских, из них 1427 жили в городе, а 1948 — в деревнях.[457] В 1790 г. в городе жило 1749 ревизских душ посадских.[458] В 1765 г. в Енисейске было 143 купца первой гильдии, 600 — второй и 609 — третьей. Из них 49 вели торговлю в Кяхте.[459]

Славу города в XVIII в. составляла знаменитая августовская ярмарка. Она собирала купцов из Москвы, Вологды, Торопца, Устюга, Соликамска, Казани, Астрахани, Тобольска, Томска, Красноярска,

---

[452] Там же, оп. 5, д. 183, лл. 18 об., 98 об., 104, 106—107 об., 117 об., 118, 123, 124 об., 125 об.; оп. 2, д. 9, лл. 201, 220, 225; А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства, ч. 1, М., 1801, стр. 387—391.

[453] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа и управления Сибирью, д. 35, л. 131.

[454] А. Н. Копылов. 1) Енисейский земледельческий район в середине XVII в. и его значение для снабжения Восточной Сибири хлебом. Тр. Моск. гос. ист.-арх. инст., т. 10. М., 1957, стр. 115—134; 2) Таможенная политика в Сибири в XVII в. Русское государство в XVII в. М., 1961, стр. 330—370; 3) Условная оценка товаров в сибирских таможнях в XVII в. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 73—78; 4) Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск, 1965.

[455] А. А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 80—99, 102—111.

[456] Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 430.

[457] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал и феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 53, 74.

[458] Н. В. Латкин. Енисейская губерния. ..., стр. 430—435.

[459] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири..., стр. 131; В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. III, Елизаветинский период (1742—1762 гг.), Томск, 1887, стр. 95; В. В. Воробьев. Города южной части Восточной Сибири. (Историко-географические очерки). Иркутск, 1959, стр. 24.

Иркутска, Якутска. К августу возвращались торговцы, отправлявшиеся с началом навигации вниз по Енисею на конкурс Туруханскую ярмарку. Торговля велась в основном в обмен русских, китайских и среднеазиатских товаров на пушнину.[46] Она производилась и иностранцами после 1761 г. двухэтажном каменном гостином дворе с 114 лавками.[47] Кроме ярмарочной торговли, в Енисейске была и постоянная городская торговля.

В городе успешно развивался ремесленного, мелкого товарного производства. Число ремесленников возросло со 117 человек 20 специальностей в 1720 г. до 401 человек по меньшей 90 специальностей в 1760 г.[48] Наиболее распространенными ремеслами были кузнечное, медное, оружейное, кожевенное, валяльное, суконное, серебряное, токарное, резное, деревообрабатывающее, гранильное, слесарное, скорняжное, седельное, каменное, сапожное, шапочное, ткацкое, иконописное, плотницкое, каменное, кирпичное, кузнечное, шорницкое. Енисейск, являвшийся узлом речных путей, имел значительное судостроение.[49] И 60-е годы город был существенным на всю Восточную Сибирь крупным пунктом выработки железных изделий. Кричал, указал, значительное количество, производимое енисейскими кузнецами, удовлетворяли не только местные потребности, но шли в Иркутск, Якутск, Нерчинск, даже частично на Нижнеудинские заводы.[50]

Расположенный на р. Усолке в 175 верстах от Енисейска Троицкий соборный монастырь с ежегодной производительностью в 1783—1790 гг. в 45—56 тыс. пудов глиняной посуды Канск, Енисейск, Туруханск и др. округа.[51]

В XVIII в. сложились благоприятные условия для развития Красноярска. Так как преобладающая масса инородцев енисейских земель, уведенных калмыками в 1703 г. в пределы Тянь-Шаня; отодвинулась на значительное расстояние южная граница; были построены поясняющие Красноярск с юга Караульный, Абаканский и Саянский острожки, заселены и хозяйственно освоены русскими плодородные степи и лесостепи Минусинской котловины, начался разработка рудных богатств Хакасии; был проведен Енисейский тракт, который вскоре в районе города пересекали рудные магистрали. В результате население Красноярска стало быстро расти. В 1735 г. там проживало около 1000 человек, в 1772 г. — 2023, в 1789 г. — 2815 и в 1795 г. — 2964 человека. Увеличивалось и ремесленное производство.[52]

---

[46] А. М. Щапов. Географический словарь Российского государства, ч. 2. М., 1805, стр. 419—422. Д. Б. Берхгольц. Дневник камер-юнкера..., стр. 75—79, 46, 47. Э. Я. Кодзинский. Города в XVII—XVIII вв., стр. 54.

[47] П. Пекарский. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. 1840 года. М., 1993, стр. 144; А. И. Середкин. Енисейская губерния, с. 1. Спб., 1865, стр. 126.

[48] Е. И. Заблоцкая. К вопросу о возникновении капиталистических отношений в мелкой промышленности России XVIII века. Вопросы истории, 1947, № 9, стр. 73. И. А. Гвоздев. Исторические изыскания Сибири, кн. II, стр. 76.

[49] Г. А. Спасский. Исторические обозрения Сибири, ч. II, стр. 70. А. М. Щапов. Географический словарь Российского государства, ч. 2, стр. 419. П. С. Шешуков. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, изд. 1, СПб., 1798, стр. 431—434. П. Пекарский. Записки об Енисейской губернии..., стр. 145.

[50] П. Г. Демидов. Очерки по истории русской промышленности, стр. 386. Н. Г. Щапов. Записки по Енисейской губернии..., стр. 192—193.

[51] Н. В. Латкин. Енисейские очерки..., стр. 426. И. С. Пальм. Путешествие..., с. III, изд. 1, стр. 192. П. М. Терентьев. Сибирь в Европейской литературе. Опыт по истории Сибири XVIII в. М., 1896, стр. 27. Н. А. Скворцов. Очерки из жизни города Красноярска. В кн.: Очерки по городу Красноярску. 1926. Красноярск, 1927, стр. 11. М. М. Васильевский. Статистическое воззрение Сибири, составленное по печатным сведениям, дополненным из мест знакомством и другими достоверных источников. СПб., 1840, стр. 266. В. В. Воронцов. Горнозаводской Алтай..., стр. 90; ЦГИА, ч. II, стр. 1029.

Однако формирование города как торгово-ремесленного центра [illegible] Енисейск, Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Троицкосавск, Кяхта, Тобольск и Иркутск, Нижнеудинск, Красноярск, Томск, Барнаул, Бийск, Каменск, Колывань, Тара, Тюмень, Ишим, Ялуторовск, Курган, Верхотурье, Пермь, Екатеринбург, Кунгур, Оренбург, Уфа, Самара, Саратов, Царицын, Астрахань, Ставрополь, Таганрог, Ахтырка, Харьков, Изюм, Бахмут, Славяносербск, Луганск, Новый Айдар, Старый Айдар, Луганский завод, Каменный Затон, Новый Затон, Сумы, Ромны

В 1700 г. в Иркутске было 726 ревизских душ, в 1722 г. — 3447, в 1744 г. — 4079, в 1791 г. — 9522. В городе насчитывалось 939 дворов в 1735 г., 1153 — в 1769 г. и 1508 — в 1791 г. К концу века Иркутск имел свыше двух десятков каменный зданий. Рост городского населения сопровождался увеличением удельного веса посадских: с 15% (110 человек) в 1700 г. до 50% (2021 человек) в 1744 г. В 1769 г. посадским принадлежало свыше 51% всех городских домов.[473] К этому времени городские сословия составляли основную часть населения Иркутска. По величине посада он стоял в середине XVIII в. на третьем месте в Сибири и на семнадцатом в России.[474]

В формировании иркутского посадского населения очень существенна была роль пришлого элемента. Между I и II ревизиями посад вырос на 1579 человек. Из этого числа на долю выходцев из Европейской России приходилось 33.8% (535 человек), естественного прироста — 30.9% (488 человек), переселенцев из других мест Сибири — 12.6% (199 человек), обывателей г. Иркутска — 17.5% (277 человек) и сельских жителей прииркутских слобод — 5% (80 человек).[475]

Значительную часть посада составляли купцы. Согласно [illegible], поданным в Уложенную комиссию 1767 г., в Иркутске числилось (без малолетних) 1388 купцов.[476] Однако с выведением из состава купечества в 1775 г. торгующих мещан, оборотный капитал которых не превышал 500 руб., к 1791 г. осталось только 242 купца всех трех гильдий.[477]

В середине XVIII в. многие иркутские купцы имели кожевенные, мыльные и рыбные промыслы, кузницы и соляные варницы. Они скупали пушнину, юфть, скот и выменивали их в Кяхте на чай, шелк, китайку и пр.; торговали в Иркутске, Енисейске, Тобольске, Якутске, в Охотском порту и на Камчатских островах; посещали Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, Казань и Москву.[478] Иркутские купцы домогались исключительного права торговли в городе, крае и даже в Кяхте.[479] В этих требованиях, носивших печать средневекового сепаратизма и феодальных приемов ограждения от конкуренции, было стремление избавиться не только от [illegible] соперников сибирских городов, но прежде всего от купечества Европейской России. Они добились только предписания приезжим купцам по окончании иркутской ярмарки «ни под каким уже видом и никому кроме здешних купцов в розницу единственно свои провозимые российские и европейские продукты не продавать».[480]

В течение XVIII в. возрастала роль Иркутска и в системе складывающегося всероссийского рынка. Иркутская ярмарка начала функционировать с 1768 г. и проходила дважды в год (с 15 марта по 1 мая и

---

[473] Иркутск. Его [illegible] и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. [illegible] 5: Первое столетие Иркутска. Сборник материалов для истории города. СПб., 1902, стр. 14, 173—175; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958, стр. 67; Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947, стр. 21, 46.

[474] А. А. Кизеветтер. Посадская община..., стр. 104, 116.

[475] Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883, стр. 37—38; В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, кн. III, стр. 309—313. (Прош[illegible]ы [illegible]ны [illegible]

[476] А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 50; Е. П. Силин. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947, стр. 160; ГАИО. [illegible] истории русско-китайской торговли, ф. Иркутской земской избы, д. 11, л. 126.

[477] Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск, стр. 83.

[478] В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, стр. 74; ЦГАДА, Государственный архив, Р. XIX, д. 40, л. 160.

[479] Наказы Иркутской губернии. В Сборнике РИО, т. 134, СПб., 1911, стр. 394—398.

[480] ГАИО, ф. Иркутской земской избы, д. 6, л. 117; Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 63.

с 15 ноября по 1 января). Купцы Европейской России[481] доставляли сюда преимущественно товары отечественного производства. Среди китайских товаров преобладали текстильные изделия и чай разных сортов. Собственно Сибирь поставляла Иркутской ярмарке свою промысловую, земледельческо-скотоводческую[482] и промышленную продукцию. Самым ценным и ходовым товаром была пушнина, представленная здесь более полно и разнообразно, чем на западносибирских торгах. Ярмарка мобилизовала сельскохозяйственные продукты из таких отдаленных мест, как абаканские, качинские, минусинские.[483] К концу 80-х годов здесь можно было найти иркутское, красноярское, енисейское железо и металлические изделия (топоры, кайла, ножи, косы-горбуши, серпы, заступы, лемехи, котлы, чаши, кувшины и т. д.),[484] иркутские деревянные, стеклянные и фаянсовые изделия, вино, соль, сукно, полотно, платки, ленты, шляпы, кушаки, пляжи, мыло, чожи и кожевенные изделия,[485] томские кожи, мыло, грубый холст,[486] кузнецкий холст, красноярские сальные свечи,[487] витимскую и байкальскую слюду, нерчинский свинец, серебро, золото. В 1784 г. на Иркутской ярмарке было представлено 348 видов товаров,[488] среди которых основное место принадлежало российским привозным изделиям и предметам сибирского производства. Общая стоимость всех товаров, поступивших на декабрьскую ярмарку в середине XVIII в., составляла от 1.5 до 2.7 млн руб. 60—70% этих товаров распродавалось в городе в двух гостиных дворах и 467 лавках, а оставшиеся отправлялись в Якутию и Забайкалье.[489] Иркутские купцы контролировали также ленскую сплавную (в селе Качуг в верховьях Лены) и Якутскую ярмарки. Существенную роль в их доходах играли торгово-промысловые экспедиции на Алеутские острова и Аляску.

Количество цеховых ремесленников в Иркутске возросло с 271 в 1744 г. до 726 в 1769 г. и 742 в 1779 г., а удельный вес их в составе городского мужского населения поднялся с 6.6% в 1744 г. до 18% в 1769 г.[490] Среди цеховых ремесел наибольшее разнообразие профессий имели деревообработка, металлообработка, кожевенно-скорняжное, дело и обработка пищевых продуктов. Для удовлетворения всех потребностей городских жителей в ремесленных изделиях, по мнению Иркут-

---

[481] А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства..., ч. 2, стр. 802.

[482] В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. IV, стр. 281—283; Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 50—52; Е. Зябловский. Землеописание Российской империи..., ч. V, стр. 78, 79.

[483] В. А. Ватин. Минусинский край..., стр. 105, 108, 127, 153—159, 163; И. Пестов. Записки об Енисейской губернии..., стр. 40; Е. Зябловский. Землеописание Российской империи..., ч. V, стр. 28—30.

[484] И. И. Комогорцев. Из истории черной металлургии..., стр. 105, 107, 109, 110, 112, 114—116; В. Г. Карцов. Металлургическая промышленность Средней Сибири..., стр. 104, 112, 113.

[485] В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. IV, стр. 173—179, 184; А. Мартос. Письма о Восточной Сибири. М., 1827, стр. 138—143; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск, стр. 43—45; М. Н. Баккаревич. Статистическое обозрение Сибири..., стр. 322, 323; А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства..., ч. 2, стр. 800.

[486] Э. Я. Бояршинова. Томск в XVII—XVIII вв., стр. 34.

[487] И. Пестов. Записки об Енисейской губернии..., стр. 40; Е. Зябловский. Землеописание Российской империи..., стр. 34.

[488] Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 50—52; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск, стр. 63; ГАИО, ф. Иркутской земской избы, дд. 25, 32, 42.

[489] В. В. Воробьев. Города южной части..., стр. 54; А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства..., ч. 2, стр. 796, 802.

[490] Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 46, 52; В. Н. Шерстобоев. Иллюстрация, т. II, стр. 39. Иркутск. Материалы для истории города..., стр. 41—48; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск, стр. 52.

свой винный погреб (1760 г.), ремесленникам **«надлежало покупномить»** ночей стрельбой.[69]

На базе развития ремесла и мелкого товарного производства в Иркутске и его **окрестностях возникают предприятия мануфактурного типа.** Вскоре, сразу же после кругой пушки, выковки, маховцев, клепчиков и других, упомянутых в **«Топографическом описании» Иркутского** наместничества и карте расположенных заводов,[70] будущих новоселов на реке, особенно полезен, дающий за прядью шестого сорта.[71] **Выше были перечислены** (см. стр. 250—251) металлургические предприятия в районе Иркутска. Одно из них в 1726 г. было превращено в суконную мануфактуру. Купцы — основатели Якуб Бобровский, Иван Кирюхин и трое московских купцов (Андрей Мамонтов, Денежный Пастухов и Алексей Гремин), объединившись в компанию с 1741 г., получили **разрешение открыть в районе Иркутске суконную фабрику.** Она в короткое **Тельминский железоделательный завод** год, в свою (вскоре) купцами и будет. Судьба Тельминской суконной мануфактуры лишний раз **печать неустойчивости, которой отмечена деятельность частных металлургических предприятий** в Сибири. В 1741 г. многочисленные **конкуренция правовых сукон,** столкнувшаяся с **местной администрацией** привели к тому, что мануфактура в 1764 г. **фактически перестала функционировать. В возмещение долга казне** она была продана в 1775 г. Ее **опрякошам, которым тоже не удалось широко развернуть дело.**[72]

В 1747 г. **на** выше Иркутска, по левую сторону Ангары, **основан** Спасским Преображенским **богом** основан для **небольшого** мануфактурой, **стекоделательная** и **кирпичного.** На **первой выделывалась посуда** на зеленого стекла, на другой — плитка и кружки из **китайского** белого. В 1791 г. на **стекольном заводе** работало около 30 человек. В 1793 г. иркутский купец Сидоров приобрел **основную фабрику,** принадлежавшую ранее московскому купцу Мамонтову. Сибиряки знают Матвеевых-предпринимателей, на своих **предприятиях** использовавших труд **вольнонаемных работников** по договорам начальные и выплачивать платежи и деньги, **самым добрым мастерством.**[73]

В 1764 г. в 40 верстах от Иркутска по направлению к Байкалу у речки Талицы **купцами-мануфактуристами** поселившимися Сибири Ершовой (Кириллом) Ламмановым и **капитальным** купцом Александром Вершининым **(будущим главным правителем русских поселений** на северо-западных берегах Америки) **были основаны Талицинская фаянсовая фабрика и стеклоделательный завод.**[74] На **заводах** производство при высоких спросах более широкие применяли открытие Ламмана — **самым** поташа главнейшей сырья. Производство обслуживалось 31 **работником,** среди которых были 20 **ссыльных.**[75]

---

[69] См. А. Кузнецов, Г. П. Сидоров. Иркутск, стр. 51.

[70] **«Топографическое описание Иркутского наместничества** на основе данных, собранных лично и известных русской географии **публикуется** ДИГ, см. кн. 2, 1851, № 1, отд. 2, стр. 1—32; М. Н. Бекаревич. Статистическое описание Сибири, стр. 321; Г. Давыдов. Замечания Российской империи ... ч. V, стр. 82, 83; М. Щеглов. Географическое описание Российского государства ... ч. 2, стр. 9; М. Н. Бекаревич. Статистическое описание Сибири ... стр. 324; Е. И. Сенковский. Жизнь и ... стр. 175.

[71] И. Давыдов. Первая публикация документов. Тальянская мануфактура. В «Известиях по истории русской промышленности, стр. 165—165.

[72] Н. Д. Сидоров. Историческое описание Сибири, кн. II, стр. 227; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Мамонтов. Иркутск, стр. 43, 45.

[73] А. Мамонтов. Письма о Восточной Сибири, стр. 158.

[74] Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Бекарев. Иркутск, стр. 11.

Усольский соваренный завод, расположенный на берегу р. Анчуры в 67 верстах от Иркутска и принадлежащий до 1765 г. Иркутскому [illegible] несенскому монастырю, располагал 8 рассольными колодцами и 9 вар[illegible]цами. Завод вывозил ежегодно для снабжения Иркутского и Нижнеудинского округов до 150 тыс. пудов соли.[498]

При всем многообразии торговых связей Иркутска, с несомненной развитости его ремесла, появлении частных предприятий мануфактурного типа масштаб торгово-промышленных капиталовложений был невелик. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что учрежденная в Иркутске в 1779 г. для финансирования торгово-промышленной деятельности сибирского купечества контора Государственного банка (с капиталом в 500 тыс. руб.) функционировала только в течение 10 лет, а затем была закрыта из-за слабого обращения капиталов.[499]

Особое место в жизни Сибири, да и России в целом, занимал Кяхтинский форпост, заложенный в июне 1728 г. и ставший во второй половине XVIII в. фактически единственным местом обмена русских товаров на китайские, так как второй пограничный торговый пункт — Цурухайту — имел ничтожные обороты.[500] Форпост состоял из двух частей — крепости, обнесенной со всех сторон палисадом с батарейными бастионами на углах, и слободы, окруженной частоколом.[501]

Во второй половине века были приняты некоторые меры, способствовавшие развитию Кяхты. В 1743 г. «не положенным в подушный оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты» разрешили селиться на Кяхте с освобождением на несколько лет от уплаты податей и рекрутского набора. С 1745 г. разрешение на поселение в Кяхте получили купцы, ремесленники и крестьяне из Московской, Казанской, Архангелогородской губерний и сибирских городов.[502] Купцы Европейской (в 1754 г.) и Азиатской (в 1769 г.) России получили право уплачивать пошлину в Кяхтинской таможне не деньгами, а мехами.[503] Для торговавших в Кяхте купцов Европейской России срок уплаты пошлин по векселям в Москве и Петербурге был продлен в 1781 г. до года (с платежом 6%), а в сибирских городах — до 9 месяцев (со взиманием 4%). Особенно существенны были постановления 1762 г., которыми ликвидировались частные монополии, казенная караванная торговля и отменялся запрет частным лицам обменивать у китайцев мягкую рухлядь на [illegible] ар[illegible]

С 1768 по 1774 г. число кяхтинских купцов возросло с 380 до 488, в цеховых — с 874 до 908.[505] В результате увеличения постоянного торгово-ремесленного населения в Кяхте в 1774 г. возник магистрат.[506] Расширялась и застройка. В 1772 г. в Кяхте деревянных, гостиный двор насчитывал уже 80 лавок и тогда же был заложен каменный гостиный

---

[498] И. К. Андреевич. Исторический очерк Сибири, т. IV, стр. 183.
[499] Там же, стр. 197, 198.
[500] [illegible] Торгово-мытой полит[illegible], стр. 65, 66; Е. П. Сидин. Кяхта в XVIII веке, стр. 26, 29, 40; П. С. Паллас. Путешествие..., ч. III, прил. 1, стр. 150—152; Ф. Ф. Матюшк. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб. 1881, стр. 25.
[501] П. С. Паллас. Путешествие..., ч. III, прил. 1, стр. 149, 150.
[502] ПСЗ, т. XII, № 9206, стр. 445.
[503] Там же, т. XIV, № 10212, стр. 53—55; Е. П. Сидин. Кяхта в XVIII в., стр. 94.
[504] ПСЗ, т. XXIV, № 17251, т. XVI, № 11630, стр. 31—36; А. М. Самойлов. Исторические и статистические исследования о кяхтинской торговле. Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением Русского географического общества, кн. II. СПб., 1854, стр. 5—7; П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 1. СПб., 1904, стр. 85.
[505] Е. П. Сидин. Кяхта в XVIII в., стр. 91.
[506] ПСЗ, т. XIX, № 14179, стр. 1003.

двор; имелась церковь, казармы, гауптвахта, комендантский дом, амбары, таможенный двор (с 6 [illegible] каменные дома для приезжих купцов и около 120 обывательских дворов.[507]

Постановления середины XVIII в., обусловленные социально-экономическими сдвигами в стране, способствовавшие развитию торговли в масштабах всей России (отмена внутренних таможен, учреждение купеческого банка), благотворно сказались и на торговой деятельности Кяхты. В 1757—1761 гг. торговый оборот здесь составил 5 665 227 руб. при среднем ежегодном — 1 333 045 руб.; в 1769—1773 гг. — 11 257 086 руб. при среднем ежегодном — 2 251 417 руб.; в 1780—1784 гг. — 30 416 744 руб. при среднем ежегодном в 6 083 348 руб.[508] Всего с 1755 по 1785 г. здесь было обменено товаров на 66 175 184 руб.[509] Эта сумма могла быть больше, если бы частые перерывы в торговле не лихорадили деятельность Кяхты. С 1728 по 1792 г. 12 таких перерывов составили 15 с лишним лет. Причиной их служили нарушения обеими сторонами пограничных правил, установленных Кяхтинским трактатом 1728 г. (не соблюдались соглашения о выдаче перебежчиков, наказании контрабандистов и т. д.)

До отмены монополии казны на вывоз пушнины купечество сбывало через Кяхту кожи и кожевенные изделия, скот, грубошерстные сукна, овчины, овчинные шубы, железные товары. С 1762 г. пушнина стала доминировать среди купеческих товаров, составляя в 1768—1785 гг. 85% от общего вывоза.[510] Большой спрос на российскую пушнину со стороны маньчжурской и китайской знати способствовал развитию пушных промыслов Сибири и втягиванию коренного и русского населения края в товарно-денежные отношения. Значение вывоза пушнины в Китай увеличивалось еще и тем, что с конца XVII в. сокращался экспорт ее в Западную Европу, в связи с широким распространением там шерстяных и шелковых тканей и конкуренцией североамериканской пушнины. Кроме того, сбыт сибирских пушных товаров в Западную Европу и Переднюю Азию был неудобен из-за отдаленности.[511] Экспорт в Китай через Кяхту положительно сказался также на развитии некоторых отраслей отечественной промышленности (пряжевенного производства, суконоделия) и явился дополнительным стимулом роста торговых связей России с Западной Европой.

Среди предметов импорта через Кяхту в 1768—1785 гг. доминирующее место занимали китайские хлопчатобумажные и шелковые ткани, составлявшие почти $^2/_3$ всего ввоза.[512] Особенно большую роль играла китайка. Постоянно расширявшийся импорт тканей стимулировал развитие китайской хлопчатобумажной и шелковой промышленности.[513] Среди

---

[507] П. С. Паллас. Путешествие..., т. III, пол. 1, стр. 149; ПСЗ, т. XIV, № 10281, стр. [illegible]—[illegible].

[508] Краткий [illegible] развития и теперешнего состояния пути: [illegible] вья с Китаем сношений через Кяхту. Издание кяхтинского купечества. М., 1896, стр. 20.

[509] Н. Семевский. Новейшие любопытные и достоверные известия о Восточной Сибири, из чего многое доныне за бывшее всем известно. СПб., 1817. Примечания..., стр. 169. (Подсчеты сделаны нами. — *Авт.*; полных данных до 1755 г. нет).

[510] Третья сотня основавшихся, расширяя и совершенно заселяя новые места с Китаем сношений... стр. 20.

[511] О. Н. Вяткина. Китайские товары на российском рынке в XVII в. История СССР, 1958, № 1, стр. 124.

[512] А. А. [illegible]. [illegible] торговли [illegible] (1702 г.). Полн. собр. соч., т. II, стр. 213; Е. П. Сизов. Кяхта в XVIII в., стр. 151.

[513] Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, стр. 72; А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, стр. 219; А. М. Самойлов. Исторические и статистические исследования..., стр. 14; А. Семенов. Известия исторических сведений о российском [illegible] мануфактурности с половины XVII столетия до 1858 г., ч. 3. СПб., 1859. Приложение 3, стр. 477; Е. П. Сизов. Кяхта в XVIII в., стр. 148.

шелковых тканей были наиболее известны камки ... [illegible] В XVIII в. в связи с ухудшением качества китайских шелковых тканей, увеличением импорта шелковых материй из Западной Европы и ростом отечественного шелкового производства ввоз этих тканей ... Китай стал сокращаться: на [illegible] он в российском импорте через Кяхту составлял с 23,5% в 1727 году 20,2% в 1761 г. 12,4% и 1771 г.[11]

Шелкоткацкие предприятия Сибири пользовались исключительно китайским шелком. В Тобольске, Тюмени, Томске, Иркутске и других местах ... шили дорогие ткани, шили кафтаны, шубы ... Удельный вес ... в общем ввозе китайских товаров через Кяхту составлял в 1773—1781 гг. 9,2% (14,8 тыс. руб.).[12] Еще в XVIII в. при ее отце сказалось развитие данилинской торговли [illegible] ... за [illegible] ... по нашим данным).[13]

Перебоями больших товарных масс в Кяхту и на Ирбитскую ярмарку способствовало развитию сибирского [illegible] и роли. Соответственные товары [illegible] и купцам сельскохозяйственной и промышленной продукцией [illegible] натуральное хозяйство, в денежные отношения. Однако ввоз китайки задерживал развитие сибирского [illegible] ...

Главный [illegible] Кяхтинского района в общей торговле России возрос с 7,3% в 1760 г. до 8,1% в 1775 г. В [illegible] России [illegible] ограничены по доле Кяхты приходилось в 1758—1760 гг. 69,6%.[14]

Обслуживание восточносибирской ярмарки и внутренней торговли и перевозок было в XVIII в. одним из основных занятий иркутского купечества. Сибиряки и Верхнеудинцы. В последней с 1788 г. [illegible] лучила [illegible] летней ярмарки. Иркутская торговля производилась в этих [illegible] ... и Бударинской слободе, где с 15 декабря и до 1 января приезжие купцы продавали и обменивали свои [illegible] товары.[15]

С переносом почти всей торговли в Кяхту и Киренск значение имело их положение второстепенного города. Добыча серебра и свинца, торговля, ремесло и заезжие [illegible] этим приток населения ... [illegible] управление заводами Нерчинского округа находились в 290 верстах и только от города. Нерчинского заводского [illegible] ... с ними [illegible] и горнозаводская Нерчинск несколько приобщался к деятельности горнозаводского округа.

Главные пути от [illegible] до начала [illegible] XVIII в. в Тюмень, Невьянский [illegible] и этом [illegible] неудобство [illegible] Ишимска. Город [illegible] затоплялся разливами Ишима. В [illegible] к городу ... ездили по [illegible] Ишиму [illegible] Ни [illegible] Ишимска [illegible] ... [illegible] ... [illegible] ...

лем 94. Большая часть посадских проживала в деревнях, ведя небольшое крестьянское хозяйство или работая по найму.

Богатый хлебом Илимский уезд был благоприятен для развития винокуренной промышленности. Однако на всех уездных винокурнях в 1747 г. было выработано всего 442½ ведро вина. С передачей в 1756 г. всей винной продажи по Иркутской провинции (кроме Камчатки) на десятилетний откуп обер-прокурору Сената А. И. Глебову в Илимском уезде было сохранено винокурение только на Илгинском заводе, который поставлял в 1760 г. Якутску 10 589 ведер вина. Значительное место в промышленности Илимского уезда занимало также солеварение, которое с 1751 г. прибрали к своим рукам иркутские купцы Ворошиловы. С 1768 г. при средней ежегодной добыче соли в 14 685 пудов И. Ворошилов подрядился поставлять в Якутск ежегодно более 4—5 тыс. пудов соли.[820]

Функции административного центра перешли от Илимска к Киренску, оказавшемуся в центре Илимско-Ленского земледельческого района и на ленской торговой артерии, по которой с проведением Сибирско-Московского тракта и хозяйственным освоением южного Предбайкалья пошел основной поток грузов в Якутск, Охотск, на Камчатку и Аляску. Однако самостоятельного торгово-ремесленного значения Киренск не приобрел. Даже сбыт крестьянской продукции его округи тяготел в XVIII в. к Якутской ярмарке.

В 1769 г. на Якутскую ярмарку (учреждена в 1768 г.) было доставлено на 150 тыс. руб. промышленных товаров.[822] Обороты ярмарки в целом в конце XVIII—начале XIX в. превышали 2500 тыс. руб.[823] Происходила она ежегодно в два срока: в июне—августе и в декабре.[824] Здесь бывали купцы из многих городов Европейской России и Сибири с русскими, иностранными и собственно сибирскими товарами. Под купеческой кладью ежегодно прибывало в Якутск от 7 до 32 судов. Крестьяне из Иркутского, Верхоленского, Усть-Киренского (бывшего Илимского) и реже далеких Яренского и Важского уездов привозили в основном хлебные продукты. С крестьянскими товарами ежегодно приплывало в Якутск от 25 до 50 судов. Основную поклажу казенных судов составляли спирт, вино и соль.[825] К моменту прибытия верхоленских судов местные и оставшиеся здесь на зиму иногородние купцы и приказчики подвозили в Якутск пушнину, моржовые клыки и мамонтовую кость. Якуты поставляли на ярмарку, кроме мягкой рухляди, скот, мясо, масло, молоко, сало, кожи и оленьи шкуры, дичь, рыбу, ягоды, сено, изделия из мамонтовой кости, деревянную посуду.[826]

Ремеслом в Якутске занимались как русские, так и якуты. Среди них были представлены мастера не менее 23 специальностей, но только отдельные отрасли носили товарный характер. Значительное развитие получило, в частности, якутское кузнечное ремесло, существовавшее до прихода русских.

---

[820] В. Н. Шергин. Илимская пашня, ч. II, стр. 476, 501, 506, 509.

[821] А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства..., ч. 7, М., 1809, стр. 349.

[822] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, М., 1948, стр. 108.

[823] М. Д. Чулков. Историческое описание Российской империи, т. III, кн. I. М., 1783, стр. 349.

[824] В. Н. Шергин. Илимская пашня, т. II, стр. 466—491; История Якутской АССР, т. II, М., 1957, стр. 89, 90.

[825] А. М. Щекатов. Географический словарь Российского государства..., ч. 7, стр. 349; А. Семенов. Изучение литературных сведений..., т. V, стр. 940; Ф. Г. Сафронов. Город Якутск в XVII—начале XIX веке. Якутск, 1957, стр. 42, 60; Г. П. Башарин. История денежных отношений в Якутии. М., 1956, стр. 181.

Круглый год шло движение по Иркутско-Якутскому тракту, предназначенному для перевозки почты, грузов и пассажиров. Несмотря на трудности пути, возрастало движение и по Охотскому вьючному тракту (927 верст), устроенному для перевозки грузов Камчатской экспедиции Витуса Беринга, а в конце века получившему важное значение в связи с деятельностью Российско-Американской компании. В середине XVIII в. для перевозки отправляемых в Охотск грузов ежегодно требовалось 4—5 тыс. лошадей, а уже в конце века в порядке гужевой повинности на перевозках грузов по этому тракту было занято 6—10 тыс. якутских лошадей и 1200—1600 проводников.[527]

Две сухопутные дороги соединяли Якутск с р. Колымой. К востоку от Колымы на берегу Большого Анюя с 70-х годов была завязана постоянная торговля с чукчами. Анюйские ярмарки устраивались обычно в конце зимы. Несколько лет спустя ярмарка была перенесена на берег Сухого (Малого) Анюя, куда было удобнее добираться на собаках, оленях и лошадях из-за отсутствия глубокого снега.[528] Анюйскую, или Чукотскую, ярмарку, расположенную в 250 верстах от Нижне-Колымска, посещало ежегодно в конце XVIII в. от 300 до 600 чукчей, русских, якутов, юкагиров и коряков. На табак, котлы, топоры, ножи, копья, огнива, иглы, жестяную и деревянную посуду, бисер, ткани и т. д. русские купцы выменивали черных и чернобурых лисиц, песцов, куниц, выдр, бобров, рысей, медвежьи шкуры, меховую одежду, моржовые клыки и ремни, сапные полозья из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи и готовую одежду из оленьих шкур. Чукчи служили посредниками в торговле между русскими и жителями Аляски, выменивая у последних меха бобров, куниц и рысей.[529] Обороты ярмарки, продолжавшейся обычно три дня, достигали 200 тыс. руб.[530]

Официальное признание на территории к востоку от Енисея в XVIII в. более двух десятков крупных и средних ярмарок[531] свидетельствует о значительном вовлечении самых окраинных восточных районов в общероссийскую торговлю.

Единственным портом и судостроительной верфью на Тихом океане в XVIII в. был Охотск. Он служил базой изучения и хозяйственного освоения северо-восточной и северо-западной частей Тихого океана. Через Охотск поддерживались регулярные связи с Камчаткой, островами Тихого океана и северо-западным побережьем Америки. Большая часть его населения состояла из военной или морской службе. Основные занятия были связаны с корабле-строением, мореходством и промыслом морского зверя, а также с обслуживанием местной и транзитной торговли. В 18 верстах к югу от города действовал солеваренный завод с тремя варницами, на котором ежегодно вываривалось из морской воды до 2 тыс. пудов соли, идущей на снабжение населения Охотско-Камчатского края.[532]

Посад восточносибирских городов XVIII в. экономически был относительно малолюдным. Но и здесь, как и в Западной Сибири, отдельные

---

[527] История Якутской АССР, т. II, стр. 69, 148; Богородская Сибирь. Экономико-географическая характеристика. М., 1963, стр. 133.

[528] В. Г. Богораз. Чукчи. Материальная культура. Ч. 1. Л., 1934, стр. 33.

[529] Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири. М., 1952, стр. 186—188, 239, 247, 254, 261; Ф. П. Врангель. Путешествие..., стр. 174—176, 358; В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1, стр. 31, 62.

[530] Ф. П. Врангель. Путешествие..., стр. 178.

[531] Словарь учрежденных в России приказов и торгов. В кн.: Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788, ч. IV, стр. I—CXXV.

[532] А. И. Алексеев. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск, 1956, стр. 57, 58, 108.

представители городской верхушки наживали значительные капиталы, занимаясь внутренней и внешней торговлей, казенными подрядами и поставками, ростовщичеством, промыслами пушного, морского зверя и рыбы, славом судов по Байкалу и рекам, промышленным предпринимательством, а также арендой оброчных статей — рыболовных, сенокосных и других угодий. Показательны в этом отношении иркутские купцы Сибиряковы. Василий Сибиряков — кулец, рудопромышленник, будущий депутат Законодательной комиссии 1767 г., производил в 60-х годах XVIII в. крупные поставки закупленного у крестьян хлеба для Нерчинских винокуренных и горных заводов. Хлеб перевозили наемные работники. М. В. Сибиряков имел рудники и сереброплавильный завод в Нерчинском горном округе.[523] Алексей и Михаил Сибиряковы в 1773—1793 гг. владели Тельминской суконной мануфактурой.[524] В 1773 г. М. В. Сибиряков подрядился поставить в Якутск 16 400 пудов муки;[525] в 1774 г. он же и иркутский купец Киселев взяли у казны на откуп на четыре года грузоперевозки по Охотскому тракту.[526] Вместе с иркутскими купцами Шараповым, И. Сизовым, Петром и Иваном Мичуриными, А. Пахолковым и другими М. В. Сибиряков был пайщиком организованной в 1787 г. Г. И. Шелиховым Американской торгово-промысловой компании.[527] Участвовали Сибиряковы и в Кяхтинской торговле.[528] По словам современника, Сибиряковы «держали в руках весь Иркутск, а через него и всю Восточную Сибирь. Они занимали должности городских голов города Иркутска и заставляли трепетать обывателя».[529]

* * *

Основанные как военно-административные центры в условиях слабозаселенной и неразвитой экономической окраины, сибирские города постепенно вступали на путь превращения в собственно город в социально-экономическом смысле этого термина, в средоточие ремесла и торговли. При сохранении стратегической и административной роли на видное место вначале выдвигается хлебопашество, а ремесленно-торговые занятия охватывают небольшую часть населения. Для большинства из них (за исключением наиболее северных) земледелие оставалось в течение всего XVIII в. важной стороной экономической жизни.

В то же время в городах, лежащих на важнейших транспортных путях и оказавшихся в наиболее благоприятных экономико-географических условиях, в 20—80-х годах XVIII в. интенсивно растет ремесленно-торговая часть жителей, пополнялась как пришельцами из-за Урала, так и выходцами из других сословий сибирского сельского и городского населения.

В одном случае (Тобольск, Енисейск и др.) развитие населенного пункта в феодальный ремесленно-торговый центр довольно далеко зашло уже в течение XVII в. и продолжалось в XVIII в. В другом случае (Иркутск, Тюмень и др.) XVIII в. застает город на начальной стадии этого процесса, и к 80-м годам он интенсивно проходит немалый путь в этом направлении. В третьем варианте (Красноярск, Якутск и др.) в рассмат-

---

[523] Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. Иркутск, стр. 47, 49—51.
[524] А. Маргасс. Письма о Восточной Сибири, стр. 219.
[525] В. Н. Шерстобоев. Ленинская пашня, т. II, стр. 300.
[526] История Якутской АССР, т. II, стр. 149.
[527] Е. П. Силин. Китта в XVIII в., стр. 170; Иркутские летописи (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911, стр. LXX, 179. Тр. Вост.-Сиб. отдела ВГО, № 5.
[528] Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 54.
[529] Цит. по: Ф. А. Кудрявцев. Историк бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). Очерки. М.—Л., 1940, стр. 103.

ривавшей период поселение только становится [illegible] военно-административного [illegible]. В третьем случае (Тулун, Усть-Илимск и др.) становлению административного [illegible] поселение перед [illegible] так и не [illegible] в XVIII в. [illegible] оставалось большинство [illegible] слабо [illegible] административными функциями.

В процессе формирования городского населения отличаются и категории городов Сибири. В ряде городов представители коренного населения составляют заметную часть посада.

Основная масса городского населения была обременена многочисленными податями и сборами. Подушная подать выполнялась так и по другим податям, для крупных торговых людей. Каждый плательщик должен был уплатить сумму, полученную от умножения числа душевых окладов на установленную законом подушную ставку (1 руб. 20 коп.). Но так как раскладка подушной подати внутри посада производилась по «сошкам», городам и слободам учитывалось еще богатство их плательщиков, количество, участвовавших, больших, средних и мелких торговых по подушной подати прежних лет. С 1747 по 1767 г. по купцам Иркутского наместничества числились недоимки в 4[illegible] руб., а по мещанам и цеховым — 2[illegible] руб.), то средний размер подушной ставки увеличивался в [illegible] раз. В 80-х годах XVIII в. иркутским цеховым приходилось платить подушной подати по 1 руб. 28 коп. с души.

Сверх подушной подати на различные местные нужды раскладывались (содержание городских магистратов, ратуш, земских изб, школ, больниц, мостов, городское благоустройство и т. п.). Кроме того, приходилось угощать начальство в дни тезоименитств, делать подношения и подкуп чиновников, плата которых как общество не хотело [illegible] и т. д. Таковой городским посадам из посада повелось и постойная повинность по размещению войск.

Обременительными для малоимущего посада были и обязательные службы в качестве сидельцев в государственных и частных лавках и винных погребах, в губернских канцеляриях; для зажиточных казенных откупов, при сборе таможенных пошлин [illegible] и т. д. Выборное служили также бурмистров, ратманов, подвойных (в городских магистратах) старших, старост, сотников, десятников, городовых (в земских избах); они выбирались своими же посадскими и сборщиков подушных и строгих сборов, смотрителей лавок, надзирателей за мерными товарами и земских квартирмейстеров, сторожей в тюремные квартиры, караульщиков. Исполнение служеб отзывались в ряде или даже в шести городах.

К началу [illegible] по внешним возможностям [illegible] платеж в долг [illegible] податную задолженность или покрыть служебную растрату, [illegible] мелись часто кабалостными мерами заклада. Практиковалась отдача [illegible] в [illegible] и кабальное рабство купцу. [illegible] долгов начале растягивался на долгие годы, а иногда без [illegible]. За бегство закабаленный подлежал ссылке на [illegible] работы. Систему расширяли и неоспоримыми доказательствами [illegible]

[illegible] Пушкин. [illegible] Петр. [illegible] Кондратьев Г. Адаптация. Пермь, [illegible]. Шумаков [illegible] [illegible] 143, 174—199; [illegible] Г. Адаптация. Иркутск, [illegible].

[illegible] Кунгурцев, Г. [illegible] Пермь, [illegible].

[illegible] Шишкина. Пермский [illegible] [illegible] 473.

[illegible] Пушкин. [illegible] 465; Гапов, [illegible] [illegible] Ф. А. Кондратьев Г. [illegible] [illegible] Бурлацев Е. [illegible] Омутов [illegible]

лись подушка, по сенатским указам 1736 и 1763 гг. она получила дал
нодательное подтверждение и уточнение.[545]

Во второй половине XVIII в. в связи с переменами в государственны
финансах и управлен[ии], изменениями социально-экономическими сдвигам
в стране, происходило сокращение служб и п[ереход]ов [из] [тя]
ления. Отмена внутренних пошлин в 1754 г. и введение в 1765 г. отку
ной системы питейных сборов, при которой сам откупщик должен был с
держать цаемных служителей, освободили посадских людей от выбора
своей среды таможенных голов, целовальников и других доля костных ан
и от материальной ответственности за их «недоборы». Но и п[осле] об[ъяв]
пий занятость посадских лю[дей] по разным службам с[тала]
тельнее.[546]

Реформы 70—80-х годов XVIII в., выделившие купечество из общ
массы городского населения и оформ[ившие] его в сословие с особы
правами, отвечали некоторым просьбам купцов, [выс]
Уложенной комиссии 1767 г. В частности, иркутское купечество получил
просимое «от разных интересных служб увольнение», т. е. освобожден
от служб по казенным денежным сборам при материальной ответствен
ности сборщиков за недоимки.[547] Набиравшее силу иркутское купечест
стремилось даже в какой-то мере контролировать деятельность губерна
торов, добиваясь смещения неугодных. По их жалобам было смещен
как отмечал иркутский городской голова В. П. Сукачев, 5 или 6 губе
наторов.[548]

Между купцами разных городов возникала конкуренция, в котор
проявлялись черты чисто феодального городского сепаратизма. Так, в ко
курентной борьбе иркутского и енисейского купечества последнее стрем
лось использовать феодальные методы: просило в наказе 1767 г. о моноп
лиях на торговлю в Енисейском и Туруханском уездах, на водное сообщен
между Иркутском и Енисейском, на винокурение и виноторговлю.[549]

Рост численности сибирского городского населения в рассмотрени
период сопровождался изменениями в социальной структуре и сословно
составе. Заметно сократилась военно-служилая часть горожан. Отставны
военные и их дети вливаются в число ремесленников, хлебопашцев, ку
пов. Во многих городах увеличился удельный вес посадского населени
В то же время идет не только имущественная, но и социальная диффере
циация посада. В наиболее развитых из городов, несмотря на незавершен
ность развития в рамках феодального города, существовали в рассматр
ваемый период элементы капиталистических отношений.

В процессе первоначального накопления капитала в Сибири в XVIII
большую роль играла торговля, особенно внешняя торговля с Востоко
и внутренняя торговля основным сибирским товаром — пушниной, осн
вавшаяся в значительной части на неэквивалентном обмене с коренны
населением. В обеих этих сферах формирование местных капиталов, торм
зилось активной конкуренцией купечества Европейской России. На мес
ных рынках купцы и зажиточные крестьяне значительные средства и
живали на торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктам
Видное место в торговых оборотах начинают занимать и некоторые изд
лия местного ремесла.

---

[545] ПСЗ, т. IX, № 7013, стр. 884—886; Очерки истории СССР. Период фео
лизма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957, стр. 196.

[546] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 474; А. А. Кизеветте
Посадская община ... стр. 102—111, 176—185; Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вен
ринз. Иркутск, стр. 51—52.

[547] Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 69.

[548] В. П. Сукачев [illegible] и жительстве и остроге и культурном ро
центре Восточной Сибири. М., 1891, стр. 23.

[549] Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск, стр. 69.

Потенциальные (на уровне первоначального накопления уже реальные) представители формирующейся буржуазии, действуя в условиях феодального деспотического государства и к тому же такой его окраины, где особенно заметно проявлялся диктат властей в хозяйственных вопросах, приспосабливались к этим условиям: они использовали систему откупов и казенных поставок, свое участие в городском управлении и связи с высшей сибирской администрацией. Государственные откупа и поставки были важным источником первоначального накопления.

Транспортные перевозки, водные и сухопутные, приобретавшие особенное значение на огромных пространствах Сибири, тоже становились сферой накопления и приложения капитала, в которой довольно широко применялся наемный труд. Находил он применение и в промыслах, в частности в охотничьем и некоторых районах на капиталистических началах рыболовном промысле.

Накопленные в торговле, откупах, казенных поставках и других сферах капиталы частично вкладываются в промышленные предприятия мануфактурного типа. Однако узость рынка сбыта, который часто оказывается пригодным только для мелкотоварного производителя, трудности обеспечения рабочей силой, недостаточность оборотных средств и другие обстоятельства, вызванные господством феодального строя в стране и условиями малозаселенной окраины, приводят, как правило, к неустойчивости, недолговечности таких предприятий.

Существование феодально-крепостнических отношений в стране в целом в сочетании с сибирскими особенностями тормозили и развитие второй, важнейшей стороны процесса первоначального накопления — отделение непосредственных производителей от средств производства. Крепостное право и система феодальных ограничений по отношению к государственным крестьянам и посадскому населению препятствовали миграции в Сибирь из Европейской России. Крестьяне, которые приходили все-таки в Сибирь и которые в местах выхода были лишены средств производства, постепенно оседали по большей части на землю, так как за Уралом существовал обширный резерв незанятых земель. Это же обстоятельство сильно ослабляло возможности притока свободных рабочих рук из местных деревень в сибирские города и на промышленные предприятия, расположенные в сельской местности. Крайняя узость рынка свободных рабочих рук приводила к тому, что предприниматели использовали подневольные формы труда — кабальные долговые отработки в городе, труд приписных крестьян, крепостных и семьяных на частновладельческих мануфактурах.

Сибирь на протяжении рассмотренного периода все более втягивается в систему всероссийского рынка. Развитию связей, в частности, способствовало строительство Московско-Сибирского тракта, который облегчал транспортировку товаров, ускорил обороты торгового капитала. Однако многие черты торговли (слабая связь между отдельными местными рынками Сибири, большая разница в ценах отдаленных друг от друга районов, замедленность информации о рыночной конъюнктуре, преобладание ярмарочной формы торговли, значительное место меновых операций товара на товар и др.) свидетельствуют о неустойчивости и недостаточной развитости рынка.

5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СИБИРИ

В 20—80-х годах XVIII в. на всей территории Сибири продолжались в основном те же миграционные и этнические процессы, что и в предшествующем периоде. Главным оставалось дальнейшее расселение русских,

проникавших в относительно изолированные районы, увеличение их общей численности и установление более тесных этнических контактов с народами Сибири. В тех местах, где аборигенное население оказывалось среди русских в меньшинстве, интенсивнее шли процессы его ассимиляции. Сама ассимиляция носила ненасильственный характер. В некоторых районах (например, на Таймыре, в Якутии, на Камчатке) продолжалось формирование своеобразных этнических групп русского народа, воспринимавших элементы хозяйственно-культурного уклада местного населения».

На северо-западе Сибири значительное место в общих миграционных процессах занимало дальнейшее переселение манси из-за Урала, однако и на сибирской территории продолжалось довольно быстрое их обрусение. Продолжалось также распространение ненцев на восток и ассимиляция ими энцев. Одновременно энцев теснили вниз по Енисею и селькупы, продвинувшиеся с Таза. После манси наиболее значительному обрусению подвергались татары и селькупы.

В северных районах хозяйство манси и хантов было близко к тундровому оленеводческому хозяйству ненцев. Ханты, жившие по Оби и ее притокам, и манси, жившие по западным притокам Оби и лесным склонам Уральского хребта, занимались главным образом охотой и рыболовством. В хозяйстве южных хантов и манси сказывалось влияние, с одной стороны, степной скотоводческой культуры — они разводили лошадей и рогатый скот, и, с другой стороны, русской земледельческой культуры. Запашки южных хантов и манси с течением времени становились все крупнее. В хозяйстве селькупов и кетов преобладали охота и рыболовство. У нарымских селькупов и южных кетов постепенно получает распространение разведение лошадей, рогатого скота и огородничество, у северных селькупов и кетов — разведение оленей. В хозяйстве нганасан, тундровых ненцев и энцев наряду с охотой все более значительную роль приобретало оленеводство.

В XVIII в. отмечается значительное имущественное расслоение у оленеводческих народов. Так, у хантов низовий Оби отмечается наличие следующих групп: «достаточных», «среднего состояния» и «бедных». Первые имели от 500 до 1000 оленей, люди среднего состояния — от 100 до 300 оленей и, наконец, имеются бедные, у которых «ни одного оленя не бывает». Достаточные давали бедным по 2—10 оленей, и бедные из своей промысловой добычи «платят тем хозяевам ... половину, а другую довольствуются сами».[60] У березовских хантов, относящихся к достаточным, отмечаются оленные стада «по тысяче, по две, по три и по четыре».[61] Подобное же положение отмечено и у ненцев: у «скуднейшего от 10, у богатого стадо до 3 тысяч езжалых».[62]

Социальные отношения обских угров характеризуются в это время наличием сельской общины в южных районах и сохранением родовой в северных. Община — и родовая, и сельская — состояла из отдельных семейных хозяйств, обладавших своими угодьями. Часть земли находилась в общинном или родовом владении. «Живут они, — писал про манси П. С. Паллас, — обыкновенно по лесам семьями или роднею вместе: и каждая семья присваивает своему владению столько земли, сколько окрестные соседи за ловлею объезжать не позволят».[63] То же отмечал и

---

[60] Б. Кочаков. Из истории народов Западной Сибири во 2-й половине XVIII в. Исторические архив, т. 1, М.—Л., 1946, стр. 213.

[61] Л. Г. Андреев. «Сведения о жизни и управлении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода мелких иноверцев». Советская этнография, 1947, № 1 — 2.

[62] В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.—Л., 1947, стр. 32.

[63] П. С. Паллас. Путешествие..., ч. II, пол. 1. СПб., 1786, стр. 326, 327.

И. И. Лепехин: «Всякий семьи или кунт только и своих детей имеет рибу и промышлять позволяется».[1] Общины усвоили своих новых членов и «подворицу» для малых детей по своим старым воззрениям.

На Оби, по свидетельству В. Н. Зуева, сохранились «большие семьи», в составе которых было до пяти брачных пар.[2]

Много общего в общинной жизни тогда и теперь нашли в общественном строе остяков. Более устойчивость и неизменность среди славянских, в первую очередь русских, оставались родовые связи и остаточные генеалогические воззрения. Однако здесь имеется переход от чисто родственных отношений к территориальным.

Большое значение в экономике народов северо-западной Сибири получили торговля с русским населением. У нижнеобских хантов имеется множество слов, что они усвоили у русских купцов, только шубы, сукна цветные и русские холщовые вещи, товары, посуд, кнопе, котлы, пушки, ножи, замки для промысла звериного, котлы медные и железные, конопель, шило аршинное.[3]

Спрос русских товаров значительно вырос у угров, можно сказать без значительно расширить. Торговый подъем и активизм меновой характер: «...меняют на разные вещи, мехи, медвежьи, медвежьи и лисьи покрышки».[4] Уже в XVIII в. народы северо-западной Сибири платили пушниной и деньгами. Торговые связи и культурное общение с русскими принесли с большими изменениями в хозяйстве и быте народов. Так, И. И. Лепехин писал о манси: «Одеваются и обращаются с русскими вещи у них и дружбы ищут, и мудрено от одежды русской известно русской отличие не имеют, при том они за полезнейшее свое, или может быть за нечищение их в убеждении, что в одежде принадлежащее покупают у русских незнающих».[5] И далее он же отмечал: «...мои они следственно живут с русскими единственно, что более они спорятся в более применяет к земледельческому». Например, в как называемом Зотудейском городке. 25 верст не доезжая до Тавдинской слободы, где погулячей от русских крестьян как обычаи нравы, так и во всех хозяйственных приемах различить не можно».[6] У телпосских манси вместо старинных кур с прямыми носами в основной массе с русскими носами. Начинает распространяться и новое оружие — русское огнестрельное оружие.

В XVIII в. усиливается процесс христианизации хантов, манси и селькупов. По указу определены князь инородческие князи. Однако медленно распространялось христианство среди вогулов ясаку и отдаленных районах.

Крещение, однако, имело формальный характер: крещеные продолжали соблюдать прежние языческие обряды и праздники своих богов. В 70-х годах XVIII в. отмечается, что новокрещеные «потчевно делают идолослужение и шаманствуют».[7] Церковь не власти упорно пытались искоренить старые языческие обряды, не останавливались перед силой. Так, в 1748 г. сургутские власти усердно разыскивали местонахождение «шайтанов», в числе сыскивали идолов на р. Хыш-Юган (Кыш-Юган.), тщательно «под пристрой» допрашивая хантов. Когда на поиски «шайтана» были посланы служилые, ханты оказали им сопротивление, за что 31 человек были

---

[1] И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия... Ч. II. СПб., 1772, стр. 253.
[2] В. Ф. Зуев. Материалы для описания Сибири XVIII в., стр. 29.
[3] В. Н. Зуев. Из истории народа Ленского Севера..., стр. 216.
[4] Там же.
[5] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 3. Описание кочевых инородцев, издаваемое Академ. СПб., 1822, стр. 33, 81, 82.
[6] А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 31.

«биты плетьми».[560] На иконы христианских святых население переносило свои обычные представления об идолах и обращалось с ними соответствующим образом. Так, в 1754 г. новокрещеные села Уватского обвинялись в том, что «бросали и топтали святые образа ... понеже сего году зимним временем и весною при происходящих их промыслах как зверя, так и рыбы у них мало было».[561]

Церковная администрация явилась новым эксплуататором местного населения. Используя свое положение, церковники выступали в роли торговцев и ростовщиков, «причиняя новокрещеным ... обиды, беря у них за долги, пожитки, присваивая покосы и избивая прихожан».[562] В 1772 г. сосвинские манси жаловались на поборы духовенства и показывали, что «пришли в крайнее изнеможение и ясашного платежа несостояние».[563]

А. Н. Радищев, побывавший в 1790—1792 гг. проездом в ссылку в Тобольске, показал эксплуатацию народов Севера торговцами и представителями церкви и резко осудил ее. «Сии зверские ростовщики выманивают у них летом запасенную ими пищу за дешевую цену, а при начале зимы продают им ее же чрезмерно дорого. Таким образом, нещастные сии бывают жертвою плутовства городских жителей. Другое утеснение бывает им от неистовства священных служителей. Разъезжая по почтовому без платежа прогонов из одного селения в другое, пьют и едят даром и выманивают у сих простаков все, что только можно... Уверяли меня, что священники безмерно берут [плату] за все духовныя требы».[564]

Все более широко расселялись по территории Сибири северные тунгусы, подвергавшиеся в результате этого ассимиляции и принимавшие активное участие в формировании различных этнических групп. Так, на северо-востоке из числа оленных и «пеших» (Охотского побережья) эвенков и отунгушенных юкагиров продолжали складываться эвены. На Таймыре оленные эвенки, некогда составлявшие одно целое с северо-восточными группами (роды Эджен, Долган и др.), продолжали якутизироваться и впоследствии стали основой тюркоязычных долган. В занятиях (коневодство, скотоводство), в образе жизни, в культуре «конные эвенки» Забайкалья все больше сближались с восточными бурятами. В той же Бурятии оленные группы эвенков были достаточно изолированы и полностью сохраняли свою традиционную культуру. Обрусение эвенков шло более интенсивно в Приангарье. Носило оно ненасильственный характер.

У эвенков скотоводов имущественное расслоение было более значительно, чем у «пеших» эвенков. Наряду с крупными скотоводами, которые «конные свои табуны целыми тысячами считают», имелись и такие, которые «насилу одну лошадь и несколько рогатых имеют, а у многих и того нет».[565] Бедные эвенки «из нужды живут в русских деревнях, нанимаются на работу поденно у крестьян и на нерчинских заводах для своего пропитания».

Во главе родов стояли даруги и зайсаны, обычно выбиравшиеся из «богатых людей» и утверждавшиеся русской администрацией.

В системе взимания ясака у эвенков, как и у прочего коренного населения Сибири, в это время произошли существенные изменения.

---

[560] В. Г. Карцов. Очерк истории народов северо-западной Сибири. М., 1937, стр. [illegible]

[561] И. И. Огрызко. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941, стр. 79.

[562] В. Г. Карцов. Очерк истории народов северо-западной Сибири, стр. 75.

[563] И. И. Огрызко. Христианизация народов Тобольского Севера, стр. 126.

[564] А. Н. Радищев. Описание Тобольского наместничества. Полн. собр. соч., т. 3. М.—Л. 1952, стр. 136—137.

[565] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 156.

В 1769 г. у них была отменена система аманатов, а ясак повышен. Ясак поступал и мехами, и деньгами — в зависимости от результатов охоты, развития в том или другом районе товарных отношений и т. д. Ясак по-прежнему поступал нерегулярно. По одному из свидетельств второй половины XVIII в., эвенки платили «без росписи ... што у них случится зверем: соболя, росомаху, волков, медведину, лисицу, полониками лисицами, белками, оленьими кожами и камасами». Если же промыслы бывали неудачны, «то не платят года два и три».[566]

Известную помощь в сборе ясака оказывала родовая верхушка, пользовавшаяся в связи с этим некоторыми выгодами. Так, ясачным сборщикам предписывалось собирать ясак «по достатку, но так, чтобы богатые и бедность не приходили». Помогая собирать ясак, родовая верхушка злоупотребляла этим. Собранные в ясак меха она [illegible] для себя и для своей корысти по дорогой цене».[567] Так было, однако, далеко не всюду. Князцы не пользовались значительными правами в тунгусском обществе. Род всегда мог лишить князца его права и даже казнить его за преступления. Так, по одному из свидетельств этого времени, «есть же у них родовые князцы и старшины, однако они, когда хотят, слушают, а ежели в чем только усмотрят проступок, то искоренядют и убивают».[568]

Общение с русскими приводило ко все большему внедрению в быт русских товаров. Так, с киренских тунгусах, в районе Верхней Лены, сообщалось в это время, что «ружьи и пороху имеют весьма достаточно ... табаку и правианту имеют во удовольствие, ибо они торгуют с киренскими крестьянами».[569]

В связи с проникновением в быт изделий русской металлургии кузнечное дело у эвенков падало. «До сего имели они между собою кузнецов, но и сие истребляется, поелику могут все потребные железные вещи в селениях и городах купить», — писал современник. Однако так было не во всех районах расселения эвенков. В местах, отдаленных от русских поселений, стойко держались собственное кузнечное дело, прежние собственные орудия и т. д. Так было, в частности, на Охотском побережье. Здесь, как отмечалось, «огнестрельного ружья весьма боятся и не точию кому на них огнестрельным оружием стрелять, но и в руки себе брать всегда опасаются».[570]

Миграционные и этнические процессы на северо-востоке Сибири в XVIII в. во многом определялись чукотско-русскими отношениями. В [illegible] в [illegible] а также в [illegible] о [illegible] — [illegible] военной силой. Однако походы Шестакова и Павлуцкого в 30—40-х годах [illegible]. В 60-х годах военные действия против чукчей были прекращены, а Анадырский острог — военная база на северо-востоке и плацдарм наступления на чукчей — ликвидирован. Присоединение чукчей во второй половине XVIII в. было совершено мирными средствами, в первую очередь экономическим, торговым путем.

Чукчи «с удивительной быстротой из „немирных" превратились в „мирных"».[571] В 1788 г. была открыта Анюйская ярмарка, сыгравшая большую роль в развитии торговых связей на северо-востоке. В торговый оборот ярмарки, который достигал сотен тысяч рублей, были втянуты чукчи, эс-

---

[566] Е. Л. Страхов. Акты архивов Якутской области с 1630 г. по 1888 г., т. 1. Якутск, 1916, стр. 295.

[567] История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 211.

[568] Е. Д. Страхов. Акты архивов Якутской области..., т. 1, стр. 295.

[569] Там же, стр. 307.

[570] Ведомость, учиненная о нравах эвенцких и Охотском уезде народов октября 28 дня 1720 года. Российский магазин, 1792, ч. 1, стр. 575.

[571] В. Г. Богораз. Чукчи, стр. 52.

кимосы, коряки и другие народы. Позже были открыты Туманская, Марковская (на Анадыре) и другие ярмарки. В 1789 г. чукчи и азиатские эскимосы были официально приняты в русское подданство.

В XVIII в. крайне обострились взаимоотношения чукчей с юкагирами и коряками. Целью нападения чукчей на юкагиров был захват мест промысла диких оленей на Анадыре, а на коряков — оленных стад. Частично эти нападения были связаны с тем, что юкагиры и коряки служили проводниками в русских военных отрядах, посылавшихся на Чукотку, а частично и участвовали в этих походах в виде вспомогательных военных сил. В этих войнах с юкагирами и коряками чукчи захватили бассейны Анадыря и Чауна, проникли к западу от Анадыря на юкагирскую территорию — на Анюй, до Колымы, и на корякские территории к югу от Анадыря. В расселении этих — чукчами немалое значение имело и стремление приблизиться к Анюйской ярмарке, которая в то время стала играть большую роль в их хозяйственной жизни.

Оттоны корякских оленных стад значительно способствовали тому, что оленеводство у чукчей превратилось в самостоятельную и важную отрасль хозяйства. Вместе со стадами оленей чукчи забирали в плен коряков и юкагиров, которые и были у них на положении рабов (пастухами). Большое значение в хозяйстве оленных чукчей продолжала сохранять охота на дикого оленя на Анадыре, Амгуэме и в других местах («ловят оленей и запасают себе пищу»).[572]

Между оленными чукчами и прибрежными охотниками на морского зверя (чукчами, эскимосами и др.) установился регулярный обмен. Этот обмен, а также торговля с соседними народами, и прежде всего с русскими, быстро развивавшаяся во второй половине XVIII в., вызвали появление у чукчей особой группы торговцев, «поворотчиков», совершавших ежегодные поездки с торговыми целями.

Основной ячейкой чукотского общественного строя была семейная община во главе со старшим мужчиной. Поселки «сидячих чукчей» состояли из нескольких семейных общин во главе с так называемыми тойонами.[573] Аналогичным объединением у оленных чукчей было стойбище. Г. Сарычев, наблюдавший жизнь чукчей в 80-х годах, писал: «Вообще как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством или дружбой. Особенных властей, или начальников не имеют, а почитают в каждом таковом обществе одного, которой богатее прочих; и имеет большее семейство».[574]

Имущественная дифференциация была резче выражена у оленных чукчей. Казак Кузнецкий, пробывший у чукчей в плену два года и близко познакомившийся с жизнью оленных чукчей, сообщал о Анадырске в 1756 г.: «... по всю ту ... бытность было примечено, что оленей у чукчей не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у прочих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает». Он же подчеркивал отсутствие единого, общего вождя у чукчей и большой авторитет зажиточной, имущей верхушки. «Чукчи главного командира над собою не имеют, а живет всякой лутчей мужик своими родниками собою и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оле-

---

[572] И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей. Уч. зап. ЛГУ, вып. 1. История и экономика Крайнего Севера СССР. № 113, А. 1950, стр. 76.

[573] Так именовали их русские, заимствуя термин из якутского языка.

[574] Г. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану..., ч. II. СПб., 1802, стр. 106—107.

ней».[575] То же отмечал позже и Г. Сарычев, подчеркивая вместе с тем, что такие «старшие» не обладают большой властью, «дальнего повиновения» им «не оказывают», они могут только «преподавать советы и воздерживать от дерзостей или худых поступок одними словами», но не имеют власти принуждать.[576]

Члены семейной общины, поселка и стойбища были связаны взаимопомощью, единством религиозных обрядов и кровной местью.

Во время войны чукчи выбирали себе «предводителя». Как подчеркивал Мерк, это «не принято у них ни в каких других случаях». При военном вожде был совет из старших. «При приближении к чужой земле ... вожак собирает совещание самых опытных стариков».[577]

В отличие от чукчей, которые не были обложены регулярным ясаком и во второй половине XVIII в., коряки платили ясак еще с конца XVII—начала XVIII в. Тяжесть ясака заставляла их не один раз поднимать восстания. Как военная база правительства в «Корякской земле» в 1752 г. была построена Гижигинская крепость. Борьба, однако, не затихала. Одним из крупнейших было восстание коряков «Пенжинского моря» в 1752 г. В 1763 г. ясачное обложение коряков несколько уменьшили и было разрешено частично вносить ясак деньгами.

Хозяйственная структура и социальные отношения у коряков и чукчей были во многом сходными. Различались коряки оленные и «сидячие» (охотники на морского зверя). Между обеими группами издавна существовал обмен. Имела место имущественная дифференциация, в особенности среди оленеводов. «Тот власть некоторую имел, который был оленьим богатее», — писал С. П. Крашенинников об «оленных коряках».[578] Более подробные данные о социальной верхушке коряков дает Я. Линденау. Каждая группа, как он сообщает, имела своих князцов. После смерти князца его место занимает сын, а если линия вымирает, то выбирают нового вождя. Деятельность вождей заключалась большею частью в грабежах и войнах с оленными тунгусами (эвенами) и чукчами. Самую ценную часть награбленного вождь забирал себе. Остальное делили между простыми воинами. Любопытно указание Линденау, что каждый член рода должен был из своей добычи на охоте уделить известную часть вождю.[579]

В XVIII в. (как и в XVII в.) эскимосы в источниках нередко называются чукчами, обычно «пешими» или «сидячими». Культура азиатских эскимосов была однотипной с культурой приморских оседлых чукчей. Однотипными были промыслы, жилище, предметы материальной культуры. По данным Мерка (он описал летние и зимние жилища эскимосов), «в одной юрте собираются все родичи».[580]

Азиатские эскимосы были тесно связаны с чукчами. С оленными чукчами у них существовал оживленный обмен. Эскимосы принимали участие в военных походах чукчей. В конце XVIII в. с появлением русских ярмарок эскимосы были втянуты в торговые связи с русскими. Русские товары, особенно медные и железные котлы, железные ножи и табак, получили большой спрос среди эскимосов.

Сведения о юкагирах первой половины XVIII в. содержатся в русских сообщениях о военных столкновениях юкагиров с чукчами и коря-

---

[575] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935, стр. 181.

[576] Г. Сарычев. Путешествие флота..., стр. 106, 107.

[577] И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей, стр. 95.

[578] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 457.

[579] I. Lindenau. Beschreibung der Koraeken, ihre Sitten und Gebraeuchen welche unter ihnen selbst geachtet und durch Nachrichten erfahren. S. 10. (ЦГАДА). Следует отметить, что «родом» у коряков и чукчей русские называли территориальные группы того времени. Это терминологию усвоил и Линденау.

[580] Г. А. Меновщиков. Эскимосы. Магадан, 1959, стр. 25.

ряда. Так, в 1764 г. чукчи полностью разгромили анадырских юкагиров. Имущество, захваченное чукчами у юкагиров, было оценено специальной комиссией на сумму более чем 9000 руб.

Это лишь два интересных материала об экономике юкагиров середины XVIII в. В частности, они раскрывают значительную имущественную дифференциацию у юкагиров. Стоимость имущества князца анадырских юкагиров была оценена в 1988 руб., в то время как стоимость имущества рядовых юкагиров была оценена в 69, 64, 59 руб. и менее. Наиболее богатые имели по 275–300 оленей, бедные по 5–6 оленей. В числе захваченных вещей имеются орудия и инструменты русского производства — топоры, пилы, гвозди, железо, ножницы и т. д.[28]

Чукотско-юкагирские войны подорвали хозяйство юкагиров. Окончательно в численности юкагиров во второй половине XVIII в. произошел перелом в пользу русских. К концу XVIII в. юкагиры представляли собой несколько обедневших изолированных территориальных групп. Уголовный кодекс, составленный по «Уложению царя Алексея Михайловича», гласил:

В первой половине XVIII в. русские познакомились с тазами, которые составляли коренное население Нижнеколымского острога. Русские называли их «ламутами». Тазы жили также на южной оконечности Камчатки и на Сахалине. Они занимались морским звероловным промыслом (на острове Сахалин, кроме того, и другими видами), рыболовством и оленеводством. Одежда и обувь были из кожи, кости и дерева. Тазы вели меновую торговлю с итальменами и японцами. У них существовала родовая организация. Важнейшие функции рода и власть родовых старшин, глав малой большой патриархальной семьи.

Большое влияние под влиянием русских оказалось и на итальменов. Еще в начале века они жили в землянках, но уже в середине XVIII в. Крашенинников — были юрты и зимние. Из них они делали теплое, плоское, очень строгое. Зимой и летом.[29] Более ительменам родовыми общинами оседло и оседлость — сохранился, несмотря на эпидемии ведьмы — выжившие и детям — палаций (поселение). В коллективном владении рода находились рыболовные, охотничьи и даже угодья. Родовые старшины имели первостепенное значение. Патриархальный брак сменил матрилокальный: дети от последнего и сохранились яркие пережитки в виде временного, до брака, пребывания жениха в семье невесты. Сохранился и иной через материнско-родственников — пережитки групового брака, женские дома в Большой, сохранился характер этого брака. Социальные отношения у ительменов этого времени представляют собой яркий образец первобытнообщинного строя, где встречаются явления равенства и умеренности. Были между ними равенство, никто никому повелевать не мог, и никто сам собою не был другого выше, — писал С. П. Крашенинников.

Уже в середине XVIII в. обозначилась большая зависимость русской культуры от более и бит отставания. Говоря о самобытной культуре ительменов, тот же С. П. Крашенинников указывает: «Только после этого последовала великая перемена. Сперва, которые время принялся свой обычаи, переходить, и наконец всего их ... [illegible] во всем российскому людями последовать, насмехаясь многие предков своих, отцов-ских, трубости и смешного». Ительмены начали употреблять металлическую посуду, и как стали строить избы и ходить по русскому

---

[28] Н. Г. Гурвич. Хозяйственный уклад рода в середине XVIII в. Сибирский этнографический сборник. II. М.–Л., 1957, стр. 249–252. Ср. также замечания Н. Н. Миклухо-Маклая. Соч., т. 5, 2000.

[29] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 130.

обыкновению».[583] Входила в быт русская одежда. В связи с проникновением русской посуды у ительменов исчезало древнее самобытное гончарное производство. В ряде районов общение с русскими приводило к ассимиляции ительменов, этому способствовала и насильственная христианизация.

XVIII в. в истории ительменов — время тяжелой колониальной политики царизма. Здесь, в отдаленной Камчатке, где не было даже того минимального контроля над действиями местной администрации, который был в Западной и Восточной Сибири, особенно вопиющ был произвол и поборы администрации. Ительмены неоднократно восставали против гнета и злоупотреблений. Особенно сильны были по своему размаху восстания

Камчадал едет на собаках. С карты начала XVIII в.

1731 и 1741 гг. Войны и эпидемии оспы значительно сократили численность ительменов. Так, с 1761 по 1781 г. (время от III до IV ревизии) число ительменов уменьшилось более чем вдвое. Налоговое бремя за этот период, однако, не уменьшилось, а увеличилось.

В середине XVIII в. русским стали известны и алеуты, жившие на островах Алеутской гряды. Основным их занятием была охота на морского зверя. Развито было также рыболовство. Орудия алеуты изготовляли из дерева, кости и камня. Железные изделия попадали к ним, так же как и к айнам, редко. Промышленник Серебренников сообщал об алеутах в 1753 г.: «Ножи их были почти все каменные и редко кто имел железные, оружия не знали они никакого, кроме стрел с каменными или костяным вострием, кои спускали они с особливой деревянной дощечки».[584]

Алеуты жили в полуземлянках, вмещавших несколько родственных семей. Общественные отношения характеризовались чертами патриархально-родового строя. Во главе родов стояли старейшины. Во владении рода находились промысловые угодья. Существовала кровная месть. Между отдельными родами были часто войны за овладение промысловыми угодьями. Пленных обращали в рабов.

После установления русской администрации на Алеутских островах алеутов обложили ясаком, который они платили шкурами бобров и коти-

[583] Там же, стр. 366, 372, 373.
[584] А. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946. стр. 241.

ков. Установление русской власти на островах обусловило прекращение межродовых войн, однако появление здесь русских промышленников привело к закабалению алеутов. В то же время к ним проникали более совершенные орудия и средства промысла. Алеуты познакомились, в частности, с огнестрельным оружием. В 70-х годах XVIII в. на острова были завезены лошади и рогатый скот.

В XVIII в. продолжалось дальнейшее расселение якутского народа главным образом на северо-западе (Анабар и Хатанга) и северо-востоке (Яна, Индигирка, Колыма). Хозяйственный комплекс якутов оставался в основном прежним. Основу составляло скотоводство (лошади, рогатый скот), на севере разводили оленей. Занимались рыболовством, охотой, в том числе и охотой на пушного зверя, в немногих якутских хозяйствах сеяли ячмень, овес, ярицу. Шел быстрый процесс имущественной дифференциации якутского общества, начавшийся значительно раньше. У якутов резко различались четыре группы: 1) «лучшие якуты», «богатые родники», как правило, это якутская знать, «тойоны», сосредоточивавшие в своих руках и различные административные посты; 2) рядовые якуты — свободные самостоятельные общинники; 3) свободные общинники, потерявшие свою экономическую самостоятельность, зависимые от якутов первой группы, — «работники», «скотники», «захребетники» и др.; 4) несвободное население — рабы (холопы).

Группа юридически несвободных (холопов) заметно сокращается, но при этом увеличивается слой якутской бедноты, которая больше других слоев населения страдала от гнета царизма и от эксплуатации «своих» тойонов. Большую роль сыграл указ 1733 г., направленный на ликвидацию рабства в Сибири. Правительство, издавая указ, исходило из интересов фиска и требовало, чтобы те ясачные люди, которые были «неволею побраны и разпроданы», отпускались в прежние места.[585] Для широкого ознакомления населения с указом предписывалось прибить указ к столбам в Якутске и во всех острогах и зимовьях.

Несмотря на то что указ 1733 г. ударил по интересам якутских тойонов, экономическое и политическое значение верхушечной группы неуклонно возрастало. Царизм, опираясь в проведении своей политики в Якутии на тойонов, охотно шел на дальнейшее увеличение их прав и привилегий, если это не затрагивало интересов фиска.

Указом 1732 г. были подтверждены судебные права якутских тойонов. Им было предоставлено право судить «малыя ссоры» (дела о калыме, воровстве, драках). Вместе с тем предусматривалось право русской администрации принимать жалобы от населения на неправильные решения якутских старшин. Указом 1732 г. судебные права тойонов были значительно расширены, а русская администрация лишалась права «пересуживать» решения суда тойонов. И одновременно тойонам было дано право устанавливать телесные наказания, наказывать «батажьем или, по важности вины, плетями», а также «смирять содержанием в кандалах или в деревянных смыках».[586]

Изменения в системе обложения якутов, проведенные правительством во второй половине XVIII в., содействовали дальнейшему росту экономического благосостояния тойоната и укреплению его юридических прав и привилегий. Якутская ясачная комиссия провела перепись мужского населения и резко увеличила ясачное обложение. Сбор ясака был передан якутским князцам и старшинам с отчислением в их пользу двух процен-

---

[585] ПСЗ, т. IX, № 6407, стр. 131, 132.

[586] Е. Д. Стрелов, акты архива Якутской области..., т. 1, стр. 177, 178, 195, 196.

ясачного сбора и виде подарков в случае испрашного внесения ясака. Было разрешено сдавать ясак пушниной или деньгами, что стало использоваться теми же князцами, взимавшими с якутов ясак либо пушниной, либо деньгами в зависимости от рыночных цен на пушнину.

Если раньше раскладку ясака в роде производили по достаткам и промыслам, то теперь была установлена тесная связь обложения с землепользованием. В центральных улусах Якутии были установлены границы наслегов, и в 1770—1782 гг. были составлены ведомости по распределению сенных покосов. Все плательщики ясака были распределены на пять разрядов, и наделе[ны] сенокосными угодьями — важнейшими землями в скотоводческом хозяйстве якутов — поставлено в зависимость от уплаты ясака. Для плательщиков ясака были установлены соболиный и лисичный оклады, платили также половину, треть или четвертую часть оклада.[587]

Созданная «классная система» землепользования не нарушала интересов тойонов, а, наоборот, способствовала дальнейшему расширению их земельных владений и укреплению их авторитета и власти в якутском улусе. Тойоны производили зачисление в ясачные разряды и, пользуясь своим авторитетом и правами, предоставленными царской администрацией, захватывали лучшие земли. Жалобы обиженных якутов на самоуправство тойонов были крайне редки «по причине страха», как отмечается в одном документе 90-х годов XVIII в.[588]

Власть тойонов над якутской улусной массой еще более усилилась с введением так называемой системы «видов» или «билетов», согласно которой ни один якут не имел права выехать за пределы своей волости без разрешения своего князца. «Билет» выдавался на определенный срок и с указанием цели поездки.

В якутском обществе в XVIII в. развивались феодальные отношения, хотя сильны были остатки патриархально-родового устройства — традиции родового деления якутов, семейно-брачные нормы, общественные праздники и пр. Подавляющая масса якутов оставалась свободной и вела самостоятельное хозяйство. Сохранилось общинное землепользование на пастбищные, лесные и сенокосные угодья. Основными формами эксплуатации были «хасаас» и отработки. Своеобразие якутского общественного строя заключалось в том, что по сравнению с русским феодалом-помещиком якутский тойон, оставаясь членом общины, не имел крепостных, не имел и тех прав на свою землю, какие имел русский помещик. Сосредоточив в своих руках лучшие земли и хозяйничая на них, якутский тойон не мог их ни продать, ни заложить, ни обменять. Эксплуатируя «улусных» якутов, якутский тойон не имел на них никаких юридических прав. Сознавая ограниченность и неполноту своих прав, якутский тойонат настойчиво добивался юридического оформления своего главенствующего положения в якутском улусе, стремясь получить такие же права, как и русские помещики-дворяне.

Якутские тойоны добились разрешения на участие в работе Уложенной комиссии 1767 г. и послали туда депутатом кангаласского князька Сыравнова, который обратился в Сенат с прошением, где обосновывал необходимость дальнейшего расширения прав и привилегий тойонов. В ответ на просьбу правительство создало для якутов новое звание — «улусный голова», присвоив вначале это звание кандидатам в Уложенную комиссию — выборщикам Сыравнова. Улусных голов позже стали избирать из самых богатых и влиятельных глав родов и наслегов. Они ведали всеми вопросами раскладки платежей по улусу.

---

[587] Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск, 1956, стр. 86, 87.

[588] Описание Якутской провинции 1794 г. РО ГПБ, Эрмитажное собр., № 238, тетр. 6, л. 72.

В 1789 г. голова Боргонского улуса Аржакон подал записку Екатерине II под названием «План о якутах», в которой просил даровать якутским тоюнам дворянские права, отменить земельные переделы, учредить должности якутского областного головы или якутского областного предводителя, назначить исправниками лиц, знающих якутские обычаи и якутский язык, учредить школы для якутских детей на казенный счет. Последние три пожелания были признаны Екатериной II возможными для осуществления, хотя и не были выполнены. Первые два были отвергнуты, так как их принятие означало бы уравнение якутских тойонов с русским дворянством, на что самодержавие, выражавшее классовые интересы русских крепостников-помещиков, пойти не могло.

В XVIII в. якуты были крещены. Особенно активно христианизация стала проводиться с 1731 г., когда была организована Иркутская епархия. Из Иркутска в Якутию посылались миссионеры. Новокрещеные получали подарки и некоторые льготы, в частности освобождение от ясака и повинностей на пять лет, позже (с 1763 г.) — на три года. Однако крещение было лишь формальным, якуты обычно оставались верны старым обрядам, сохранялось шаманство.

В 30—80-х годах XVIII в. происходили существенные изменения в хозяйстве и социальных отношениях у бурят.

В Предбайкалье стала распространяться циклическая форма кочевания, состоявшая в регулярных перекочевках по временам года (2—4 раза в год). Здесь же у западных бурят развивается сенокошение и даже начинается переход к земледелию. У русских заимствуются первые сельскохозяйственные орудия — сохи, косы-горбуши и т. д. В связи с этим в отдельных районах население переходит к оседлости. Здесь появляются постройки «по русскому обыкновению» — избы, амбары.

В Забайкалье по-прежнему преобладает кочевой тип хозяйства. Здесь буряты кочевали почти каждый месяц. Однако имеет место также переход к оседлости, хотя и в значительно меньшей степени, чем в Предбайкалье.

Из ремесел по-прежнему большое значение имел кузнечный промысел. «Железные их вещи с серебреною насечкою, — пишет Георги, — славны по всей России, под именем братской работы».[584] Они находили широкий спрос среди русского населения Восточной Сибири. В целом бурятское ремесло (выделка кож, войлоков, изделия из дерева) имело характер домашней промышленности.

Социальные отношения у бурят (особенно восточных групп) характеризуются дальнейшим усилением феодальных отношений. Такие родовые пережитки, как деление по родам, «родовые угодия», обычаи взаимопомощи, в большей степени сохранялись на западе.

У всех групп бурят росло имущественное неравенство. Наряду с богатой верхушкой, владевшей тысячами голов рогатого скота, лошадей, овец, верблюдов и коз, были «весьма бедные», которые «служили у других». «Между оными есть довольно и таких бедных — ни одной скотины не имеют и на платеж ясака и к пропитанию себе промышляют они, живя у русских людей в работах и при необыкновенности к тем работам — за малое жалованье», — отмечается в одном из источников 60-х годов.[585]

Наиболее резко имущественное неравенство проявлялось у восточных бурят. «В поколениях, на западной стороне Байкала кочующих, кто имеет до ста скотин, тот и достаточен, а кто до пяти сот, тот весьма богат.

---

[584] И. И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. IV. СПб., 1799, стр. 29.

[585] В. Гиренко. К вопросу о феодальных отношениях в истории Бурят-Монголии. В сб.: К истории Бурят-Монголии, М.—Л., 1935, стр. 177.

Но между даурскими (забайкальскими) бурятами некоторые имеют и до тысячи верблюдов, до четырех тысяч лошадей, от двух до трех тысяч рогатаго скота, до восьми тысяч овец и по нескольку сот коз».[561]

Характерными формами эксплуатации бурятской верхушкой трудового населения являлись отдача скота на ыныс, ростовщическое кредитование скотом и деньгами за отработки, поборы при собирании ясака. В 1781 г. на суглане нойонов 11 хоринских родов было составлено «степное уложение», где была сделана попытка кодифицировать нормы обычного права. В записанных статьях нашли яркое выражение формы эксплуатации в бурятском обществе этого времени. Здесь предусмотрены строгое взыскание за неуплату ссуды в срок вплоть до наказания розгами, отдача должника в кабалу и отдача «имения» должника в уплату заимодавцу.

Царская администрация, систематически опиравшаяся на верхушку бурятского общества в проведении своей политики, предоставила ей за это всяческие права и привилегии. Еще инструкция С. В. Рагузинского 1728 г. декларировала принцип невмешательства русских властей в судебные дела бурят, за исключением крупных уголовных дел. В инструкции указывалось, что дела среди бурят надлежит «судить своими начальниками». Инструкция предусматривала даже межродовой суд, разрешая для разбора более серьезных дел «выбирать» из трех родов по два начальника в качестве особой судебной коллегии, являвшейся и последней судебной инстанцией («и чем оные осудят, на том стоять»).[562]

Степная аристократия, владельцы больших стад скота, стояла во главе родов, объединений родов («поколений», как их называл Георги), племенных групп. С 40-х годов XVIII в. создаются «степные конторы» и при них забанные съезды (сугланы). В родовых объединениях создаются мирские избы. На все эти органы во главе с тайшей, зайсанами и шуленгами возлагалась раскладка, сбор и сдача в казну податей и распределение повинностей. Руководящая роль в сборе ясака бурятской верхушки еще более укрепила ее привилегированное положение в бурятском обществе.

В XVIII в. у восточных бурят, где наиболее резко были обнажены социальные противоречия, господствующей религией становится ламаизм. Ламаистская (буддийская) религия — религия классового общества — здесь оказалась лучшим, нежели шаманизм, идеологическим орудием укрепления власти нойонов. Крупными центрами ламаизма в Забайкалье стали Цонгольский и Гусиноозерский дацаны (монастыри).

Политика царского правительства по отношению к ламаизму была двойственной и противоречивой. С одной стороны, царизм, проводя политику христианизации народов Сибири, старался проводить ее и в Бурятии и выступал тем самым против распространения ламаизма (христианство насаждалось главным образом среди западных бурят). С другой же стороны, царизм, заинтересованный в поддержке его политики бурятской знатью, вынужден был считаться с ее интересами, в частности с защитой ею ламаизма. В этих условиях ламаизм добился значительных успехов. В 1741 г. указом царского правительства во главе всех бурятских лам был поставлен настоятель Цонгольского дацана. Позже он получил звание банчдо-хамбо-ламы.

Значительно продвинулись в социально-экономическом развитии народы, обитавшие в верховьях Оби и Енисея. Это было связано с переселением енисейских киргизов джунгарскими ханами в Джунгарию и расселением хакасских, тувинских и алтайских племен на освободившихся землях.

---

[561] И. И. Георги. Описание..., ч. IV, стр. 28.

[562] В. Н. Басин. Историческая выписка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. ЧОИДР, 1875, кн. 2, стр. 34, 35.

Большую роль играли здесь оседлые русские поселения. Русские люди, особенно крестьяне, осваивая в хозяйственном отношении огромную территорию этой части Сибири, несли сюда более передовые формы и методы ведения сельского хозяйства, более высокий быт и культуру. Тесные взаимоотношения русских крестьян и промышленников с коренным населением Южной Сибири способствовали возникновению здесь устойчивых экономических и культурных связей.

Это сказалось особенно ярко в развитии земледелия, оседлого стойлового скотоводства, некоторых видов домашних промыслов, ремесел и средств передвижения. Земледелие появилось или стало развиваться почти всюду, где этому не препятствовали природные условия.

О развитии земледелия под влиянием русских крестьян свидетельствуют различные источники XVIII в., в том числе и материалы академических экспедиций. Большая часть тюркоязычных групп степей и лесостепей Причулымья жила оседло и занималась земледелием. Здесь сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес и коноплю, держали лошадей, коров и «российских овец». Зимой скот находился на стойловом содержании, что стало возможным с развитием сенокошения, ознакомленного со всеми его техническими приемами у русских крестьян. Появился оседлый быт, оседлое утепленное зимнее жилище с печью-чувалом и окнами. Стала распространяться одежда русского образца. Это не означает, что население бросало промысел зверя и рыбную ловлю. «Зверовать» они уходили на своих оседлых селений на лыжах или на лошадях в ближайшие таежные районы. Также не оставили они и заготовки кедрового ореха. Белок теперь уже стреляли из шомпольных ружей, которые приобретали у русских.

Значительная часть чулымских племен, в состав которых входили ранее тюркизированные самодийцы и кеты, подвергалась обрусению. Оно происходило на естественной, а не на насильственной основе. Некоторые группы впоследствии вошли в состав хакасов-кызыльцев.

Ближайшими соседями хакасов-кызыльцев были сагайцы, которые после ухода енисейских киргизов переселяются в степные районы бассейна Абакана и начинают весьма успешно заниматься скотоводством, в особенности коневодством. По свидетельству Г. Ф. Миллера, в XVIII в. сагайские лошади считались лучшими в Сибири. Сагайцы продавали русским иноходцев по цене от 30 до 50 руб.

Земледелие начинает занимать большое место и в хозяйстве бельтиров. Под влиянием русских они переходят от мотыжного земледелия к пахотному, сеют хлеб и заготавливают сено, что способствовало подъему скотоводства. Сочетание охоты (в горной тайге) и скотоводства (в степях между Абаканом и Енисеем) с земледелием было характерно для койбалов. Они даже продавали хлеб своим соседям. Земледелие распространилось и среди степных камасинцев.

Качинцы после переселения киргизов также расширили пастбищное скотоводство. Они разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и широко занимались продажей скота. Некоторые из них ежегодно продавали от 50 до 100 быков. Они же продавали русскому населению и лошадей, причем богатые качинцы — даже в рассрочку. Большие успехи были достигнуты ими и в отношении земледелия. Они сеяли все виды злаков, какие были известны местным русским крестьянам, и, кроме того, продолжали сеять дикую гречиху — кырлык. В земледелии практиковались способы и приемы русской крестьянской техники обработки земли и сбора урожая. Охота, особенно на пушного зверя, и теперь продолжала занимать видное место в хозяйственной жизни качинцев. Почти каждый охотник имел ружье, но продолжали применяться еще лук и стрелы. Сохранили значение (у сагайцев и бельтиров) большие облавные охоты на косуль и оленей, длившиеся по нескольку недель. В коллек-

тивных видах охоты принимали участие сотни людей и добыча делилась поровну, обеспечивая все население большим количеством превосходного мяса. Рыболовство и кузнечный промысел в рассматриваемое время у качинцев отсутствовали.

Земледелие распространилось и в верховьях Оби. К середине XVIII в. по Бие до Телецкого озера, в низовьях Кондомы и Мрассы северные алтайцы и шорцы сеяли яровой хлеб, в том числе и ячмень. Сеяли даже горох, сажали табак. При этом они не оставляли скотоводства и охотничьего промысла. Даже охотники-шорцы, обитавшие в верховьях Таштыпа, Еси, Теи, настолько развили скотоводство, что наиболее состоятельные из них ежегодно продавали по 5—10 быков. Шорцы и северные алтайцы продолжали заниматься кузнечным делом, добычей и плавкой железной руды. У южных алтайцев преобладало скотоводство, но развивалось также и хлебопашество.

Социально-экономическое развитие южносибирских народов сопровождалось ростом имущественного неравенства, появлением новых форм эксплуатации, в том числе с использованием наемного труда. Так, богачи-качинцы имели по 30—40 табунов одних только лошадей, не считая стад крупного рогатого скота и овец. Они вели хозяйство, эксплуатируя труд бедняков — своих соплеменников или представителей других племен. Богачи-бельтиры жестоко обращались со своими работниками-соплеменниками.

Однако та часть населения южного Алтая, которая не вошла в состав русского государства (южные алтайцы, тувинцы), находилась в еще более тяжелом положении. Гнет азиатских феодалов, постоянные феодальные войны и набеги разоряли население, уменьшали его численность. Изолированность от экономических и культурных центров, отсутствие культурно-экономических связей с более развитыми соседями способствовали здесь застою экономики и культуры.

* * *

В рассматриваемый период социально-экономическое развитие народов Сибири характеризовалось прежде всего расширением сферы их хозяйственной деятельности, появлением новых отраслей, увеличением товарной продукции хозяйства. Одновременно растет имущественное неравенство и эксплуатация бедных тружеников. Этот процесс протекал в период, когда в Сибири установились мирная жизнь, благотворно сказывалось влияние русской народной культуры. В то же время социальные противоречия значительно обострялись в условиях политического, экономического и национального угнетения сибирского населения со стороны царского правительства и его административного аппарата, тесно связанного с местной зажиточной верхушкой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Управление и классовая борьба

1. УПРАВЛЕНИЕ

На протяжении 20—80-х годов XVIII в. управление Сибири вместе с управлением других областей России претерпевало существенные изменения. Происходило дальнейшее укрепление диктатуры дворянства посредством создания более централизованного и бюрократического аппарата чиновничье-дворянской монархии.

Созданные по второй областной реформе 1719—1725 гг. местные учреждения не были централизованы и, с точки зрения интересов господствующего класса, неудовлетворительно выполняли свои функции, особенно финансовые. Поэтому в 1727—1736 гг. была предпринята новая перестройка областных учреждений.

Основные положения нового областного управления были изложены в указах 24 февраля и 15 марта 1727 г.[1] и в изданном 12 сентября 1728 г. наказе «губернаторам, воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать».[2] Последующие узаконения только лишь дополняли созданный этими законодательными актами областной аппарат власти, просуществовавший с некоторыми изменениями вплоть до «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 7 ноября 1775 г.[3] Указ 27 августа 1740 г. о выработке специальной для губернатора Сибири инструкции «с довольным изъяснением» [4] не был, видимо, выполнен.

Узаконения 1727—1728 гг., сохранив в основном сложившуюся в первой четверти XVIII в. систему государственного управления, дали всем областям России, в том числе и Сибири, однообразное, трехстепенное административно-территориальное, впервые строго централизованное деление.

Основной административной единицей этого деления была губерния. Она состояла из провинций, которые в свою очередь подразделялись на вновь учрежденные уезды. В провинциях и городах была восстановлена единоличная власть воевод, подчиненных в свою очередь полномочным губернаторам. Так как вся власть на местах соединялась в одном лице (в провинции — воеводы, в губернии — губернатора), то надворные суды, переписные канцелярии, специальные финансовые органы, фискалы отменялись.

Сибирскую губернию по-прежнему возглавлял губернатор со всей полнотой административной, полицейской, судебной, финансовой, хозяйственной и военной власти. В качестве помощников он имел двух вице-губернаторов. Губернатор и вице-губернаторы назначались Верховным тайным

[1] ПСЗ, т. VII, №№ 5017, 5033.
[2] Там же, т. VIII, № 5333.
[3] Там же, т. XX, № 14392.
[4] Там же, т. XI, № 8218.

советом (1726—1730 гг.), а затем Кабинетом ее императорского величества (1731—1741 гг.) из кандидатов, представляемых Сенатом.[5] С 12 декабря 1741 г. они стали назначаться Сенатом.[6] Иногда губернатор получал право выбрать себе вице-губернатора. Губернаторы и вице-губернаторы назначались, как правило, из верхов дворянства.

Срок пребывания в должности сибирского (тобольского) губернатора точно определен не был. Ему подчинялись провинциальные, уездные (городовые) и пригородные воеводы. Наказом 1728 г. право непосредственного сношения с центральными учреждениями имел только губернатор. Право до указа самостоятельно отстранять от дел пригородных воевод губернатор получил в 1727 г., а провинциальных и городовых — в 1740 г.[7]

Все финансы губернии находились под наблюдением губернатора. Он контролировал деятельность провинциальных и городовых воевод по сбору подушной подати. До 1736 г.[8] подушная подать собиралась земскими комиссарами через сельских старост и приказчиков при содействии полковых чинов. Для сосредоточения всех финансовых дел в руках губернаторов и воевод указом 26 января 1736 г. сбор подушной подати полностью был передан в их ведение, а полковые чины устранялись от ее сбора. Дистрикт как единица обложения уничтожался. Подушная подать стала собираться не по расположению полков, а по уездам. Постоянными помощниками губернатора при сборе подушной подати стали отставные офицеры, назначаемые Военной коллегией. С привлечением к подушному сбору отставных офицеров выборные земские комиссары прекратили свое существование. Бюрократизация и централизация финансового аппарата была усилена.

Кроме подушного сбора, под непосредственным контролем губернатора Сибири находилась финансовая деятельность ратуш (магистратов), подчиненных с 1727 г. воеводам и губернаторам «для лучшего посадского охранения».[9] Губернатор имел право ревизовать их финансовые отчеты и добиваться получения «окладов сполна по таможенным и другим сборам».[10] Кроме того, губернатор получал от них, как и от воевод, ежемесячные рапорты о ходе разных сборов и мог даже арестовывать бургомистров. Подобный контроль центральной администрации за финансовой и за прочей деятельностью ратуш и магистратов не способствовал развитию городов.

Губернатору принадлежало право разрешать отдачу сборов, кроме ратушных, на откупа; разрешать заключение подрядов; входить в центральные учреждения с представлениями о введении или отмене каких-либо сборов, кроме подушных; наблюдать за ведением всей приходной и расходной отчетности; следить за выдачей жалованья по ассигнациям Камер-коллегии и контролировать все прочие финансовые дела губернии. Широкими были и судебно-полицейские полномочия губернатора. Его юрисдикция распространялась на все судные и розыскные дела. Он являлся единственной апелляционной инстанцией на суд провинциальных и городовых воевод, апробировал решения воеводских судов о смертной казни и каторжных работах, судил бурмистров и побуждал их быстрее решать подсудные дела, принимал жалобы на поведение и действия магистратов, руководил борьбой с классовым протестом, иностранным шпионажем, с расколом и другими «ересями», осуществлял надзор за сохранением общественного порядка и благоустройства, т. е. за состоянием караульной службы, проти-

[5] Там же, т. VII, № 5017; т. XI, № 8218.
[6] Там же, т. XI, № 8480.
[7] Там же, т. VIII, № 5017; т. XI, № 8017.
[8] Там же, т. IX, № 6872.
[9] Там же, т. VII, № 5033.
[10] Там же, т. VIII, № 5333.

вопожарных мер, за чистотой на улицах и в торговых рядах, за мерами и весами, за подозрительными домами и т. п. На судебные решения губернатора можно было жаловаться в Юстиц-коллегию, но наказать губернатора за неправильный судебный приговор мог только Сенат. В 1728—1737 гг. коллегии были лишены даже права без представления Сенату налагать на губернаторов денежные штрафы.[11]

В практической деятельности сибирский губернатор нередко превращался из полноправного правителя в полновластного хозяина, действовавшего по своему собственному усмотрению и не считавшегося с правительственными указами.

Исполнительным органом при губернаторе была губернская канцелярия с секретарем во главе. В ней сосредоточивались дела всех упраздненных в 1726—1727 гг. земских и рентмейстерских контор, надворных судов, судебных комиссаров, рентмейстеров и камериров.[12] Дела всех упраздненных местных учреждений были распределены в губернской канцелярии по отделам.

В ведении канцелярии находилась непосредственная охрана интересов господствующего класса, а именно, подавление народных движений, борьба с нарушителями «порядка», т. е. полицейские меры, отправление суда. На нее же возлагались противопожарные и санитарные мероприятия.[13]

Губернская канцелярия была завалена делами по сыску беглых и возвращению их на место жительства. В ней же происходили регистрация купли и продажи дворовых, регистрация отпусков на заработки, выдача паспортов и т. д. Большое место в деятельности губернской канцелярии занимали военные дела (набор рекрутов, сбор лошадей, выполнение различных требований Военной коллегии, снабжение воинских частей, определение солдат на постой и т. д.).

Немалая часть деятельности губернской канцелярии была связана с местной хозяйственной [illegible] — земледелием, торговлей, промыслами, ремеслами, мануфактурами. Она же обеспечивала деятельность научных экспедиций, наблюдала за образованием и т. д.

Через канцелярию губернатор осуществлял контроль за деятельностью провинциальных и уездных властей, ратуш и магистратов. Провинциальные воеводы со своими канцеляриями были средним звеном в губернской иерархии. Поскольку губернатор из-за своей отдаленности не всегда мог контролировать действия городовых воевод, то их должны были «надзирать» провинциальные воеводы. Самостоятельно провинциальный воевода наложить взыскание на городового не мог. Он лишь доносил губернатору о проступках, совершенных городовым воеводой. В руках провинциальных воевод была сосредоточена власть над всеми жителями. По уголовным делам суду провинциального воеводы подлежало все население провинции независимо от социального происхождения, за исключением духовенства и подсудных непосредственно Юстиц-коллегии солдат и офицеров гвардии. Гражданский суд областных учреждений был сословно ограничен. Суд над купечеством в первой инстанции принадлежал ратушам, а с 1743 г. — восстановленным городовым магистратам. При этом если воевода находил их решение неправильным, то рассматривал дело сам. Крестьяне духовных вотчин судились в первой инстанции по гражданским делам у своих приказчиков. Дела государственных крестьян

---

[11] Там же, т. X, № 134.

[12] Рентмейстерская контора (казначейство) с камериром была оставлена лишь в Тобольске. Иркутская рентерея, упраздненная в 1726 г., в 1754 г. была восстановлена [illegible] с 1748 г. составляла примерно 300 тыс. руб. П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. I. СПб., 1886, стр. 218; ПСЗ, т. XIV, № 10300).

[13] ПСЗ, т. VIII, № 5333; т. X, № 7298; т. XII, № 8956.

в мелких спорах и тяжбах разбирались приказчиками и сельскими старостами. Все остальные гражданские дела рассматривали воеводы. Дела политического характера решала только Канцелярия тайных розыскных дел. Судебные постановления провинциального воеводы могли быть обжалованы губернатору.

В полицейской области провинциальный воевода содействовал губернатору в охране классовых интересов дворянской монархии, помогал в надзоре за безопасностью господствующего крепостнического общественного «порядка», наблюдал за санитарным, противопожарным, религиозным и нравственным состоянием провинции. С 30-х годов XVIII в. в Сибири, как и в других местах, стала учреждаться «для лучшего порядка и уравнения обывателей в постоях» полиция. Она была поставлена на бюджет ратуш, но «под ведомство... губернаторов и воевод».[14] В Тобольске полиция была создана в 1733 г., в Иркутске — в 1757 г.[15]

В экономической области провинциальный воевода отвечал за состояние земледелия, промыслов, ремесла, мануфактур, торговли, путей сообщения и за своевременное и точное поступление сборов в казну.

Низшим звеном губернской администрации был город с уездом. Во главе уезда стоял городовой воевода. В пределах своей компетенции он также единолично решал все административные, хозяйственные, финансовые, судебные, полицейские и военные дела. В его подчинении находилась уездная и волостная администрация. Он назначал и смещал голосовых приказчиков, отрешал от дел или понижал в должности служителей воеводской канцелярии, контролировал выборы крестьянской администрации, в том числе и выборного мирского приказчика, который с середины XVIII в. занял место назначаемого воеводой приказчика. Воеводе подчинялась и ратуша. В отношении суда уездный воевода имел равные права с провинциальным воеводой. По уголовным делам ему было подсудно все население уезда. Но особенно он был обязан заботиться об искоренении в уезде «разбойников и воров» и своевременно пресекать «разбойничьи собрания многолюдством».

Управление уездом воевода производил через уездную воеводскую канцелярию, которая работала под его непосредственным руководством и организационно была сколком с губернской и провинциальной канцелярий. Канцелярия делилась на столы (повытья) во главе с канцеляристами (подьячими). Число столов изменялось в зависимости от объема работы и от нужд управления.

Канцеляристы, подканцеляристы и пищики воеводской канцелярии назначались воеводой. Изредка они могли избираться и самими канцелярскими служителями. Наблюдение за работой канцелярии воевода обычно возлагал на своего товарища, а в случае отсутствия такового — на подьячего «с приписью». Кроме канцелярских служителей, в воеводской канцелярии работали так называемые счетчики, обязанностью которых было ведение учета и хранение казенных денег и ценностей. Они выбирались посадскими людьми и заменяли собой прежних целовальников.

Социальное происхождение канцелярских служителей было различно, но основную массу их составляли выходцы из служилых людей. Так, в 1755 г. в плимской воеводской канцелярии из 16 служителей 8 человек происходили из казаков, а 4 — из приказных служителей. При проведении первой областной реформы (1708—1710 гг.) в штаты была включена значительная группа бывших заштатных городов Сибири.

В 1727 г. с целью экономии казенных средств правительство оставило в этих городах, не числившихся в допетровских штатах, на государствен-

[14] Там же, т. X, № 724.

[15] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 1, стр. 219; ПСЗ, т. XIV, № 10769.

ном жалованьи только воевод и их товарищей, а дьяки и подьячие по классовой логике феодального правительства должны были довольствоваться «добровольными» приношениями просителей. Казенные средства экономились за счет дополнительного узаконенного обирательства народа. Это лишний раз свидетельствует о лицемерии многочисленных правительственных указов с предписаниями местным властям «не чинить» населению «никаких обид и налог».

Канцелярские служители этих городов стали получать жалованье только с 1763 г. Но и после этого была сохранена большая разница в оплате «верхов» и «низов» воеводской канцелярии.

Централизация управления и многообразность вопросов, рассматриваемых воеводской канцелярией, неизбежно создавали обширное делопроизводство. Движение дел начиналось с указов губернских учреждений, вызывавших ответные рапорты о получении и исполнении указов. Во исполнение предписаний губернской власти воеводская канцелярия рассылала по волостям свои указы и получала ответные рапорты, доношения и заявления. Так, через илимскую воеводскую канцелярию за время с 1725 по 1774 г. прошло не менее 200 тыс. самых разнообразных по объему и содержанию дел, причем на каждый день в среднем приходилось более 10. Число их в течение XVIII в. заметно увеличивалось.[16]

В этом огромном бумажном ворохе основное место принадлежало переписке воеводской канцелярии с волостными приказными избами. Воеводские указы и ответные рапорты, доношения и заявления волостей составляли 81.5% всей корреспонденции канцелярии. Указы губернских учреждений и ответные рапорты воеводской канцелярии составляли только 18.5%[17] этой деловой корреспонденции. Данное соотношение отражает основную обязанность воеводской канцелярии — руководить работой волостных приказных изб и контролировать их деятельность. Руководство это происходило по указам вышестоящих учреждений и при строгой отчетности перед ними. Бюрократическая машина действовала полным ходом.

Показательно распределение исходящей из приказных изб корреспонденции по [illegible] отделам илимской воеводской канцелярии. По данным 1732 г. 29.2% ее оседало в денежном повытье, 21.4% — в хлебном, 20.6% — в судном, 13.5% — в разрядном, 11.1% — в подушном, 2.9% — в соляном, 0.9 — в ясачном и 0.4% — в счетном. Следовательно, воеводская канцелярия была огромным насосом для выкачивания денег, хлеба и т. д.

Волостную приказную избу возглавлял приказчик. До середины XVIII в. он назначался городовым воеводой из служилых людей и являлся его агентом. Помощниками приказчика в его хозяйственной деятельности были целовальники, а в полицейской — старосты, сотские, пятидесятники и десятские. Они ежегодно выбирались крестьянами из своей среды, но являлись не их представителями, а агентами приказчика.

После ликвидации десятинной пашни постепенно менялся порядок управления волостями. Приказчики и целовальники, ранее занимавшиеся всеми делами, связанными с десятинной пашней, постепенно стали упраздняться. Несколько усилилась роль крестьянской администрации. Во главе волостей стали не воеводские, а избираемые на волостном сходе мирские приказчики. С этого времени приказная изба стала называться мирской избой. Выборный приказчик, сотские и старосты, ведавшие хозяйственными и другими делами того или иного крестьянского селения, составляли крестьянскую администрацию волости.

---

[16] В. И. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II. Иркутск, 1957, стр. 75.
[17] Там же, стр. 75. (Проценты вычислены нами. — *Авт.*).

После своего утверждения выборные получали из воеводских канцелярий инструкции типа прежних наказов приказчикам. Выборные обязаны были исполнять указы об искоренении «воров и разбойников», собирать подати и недоимки, производить «суд и расправу» по мелким делам; дела же об убийстве, воровстве и грабежах предписывалось отсылать в воеводскую канцелярию.

Ясачные волости возглавлялись шуленгами, которые избирались всеми и утверждались воеводами. Шуленги ведали сбором ясака и выносили решения по всем мелким хозяйственным, административным и судебным делам. Права и обязанности их напоминали права и обязанности мирских приказчиков. Действовали они также по наставлениям губернаторов и воевод. После передачи сбора ясака в руки князцов, зайсанов и тойонов помощниками шуленг стали выборные сборщики ясака из состава коренного населения.[16]

Во второй половине 20-х годов XVIII в. не избежали реорганизации и органы местного городского самоуправления. В 1727 г. Главный магистрат, возглавлявший ранее все городовые магистраты, был уничтожен, а городовые магистраты были подчинены губернаторам и воеводам, что превратило их в придаток царской администрации. По указу 5 июля 1728 г.[17] городовые магистраты с несменяемыми бургомистрами были заменены ратушами с ежегодно перевыбираемыми бурмистрами. Это обеспечивало легкую смену нежелательных для царской администрации бурмистров и мешало укреплению их авторитета.

Таким образом, эти реформы в ущерб интересам купечества ставили городские выборные органы под полный контроль дворянской администрации. При этом губернаторам и воеводам было вторично подтверждено запрещение вмешиваться в выборы и отменять их.[18]

Общее направление правительственной политики по отношению к органам городского самоуправления нисколько не изменил и указ 21 мая 1743 г., который восстановил Главный магистрат в Петербурге и магистраты в других городах.[19] Местные магистраты по-прежнему остались в зависимости от губернаторов и воевод. Власть феодальной администрации особенно сильно проявлялась при несвоевременном выполнении магистратами их обязанностей по денежным платежам и сборам. В таких случаях губернатор и воевода могли держать бургомистров под арестом до тех пор, пока недоимка не будет погашена.[20] В Тобольске и Иркутске были восстановлены губернские магистраты, а в Енисейске — провинциальный. В большинстве остальных городов остались, видимо, ратуши.[21] Количественный состав самих магистратов и ратуш определялся численностью того или иного посада. Они ведали, как и ратуши прочих губерний, хозяйственными, налоговыми, рекрутскими, правовыми и организационными делами своих посадов. Каждая ратуша занималась распределением пашенных, сенокосных, пастбищных и рыболовных угодий, мест в гостином дворе, казенных подрядов, откупов и поставок, раскладкой, сбором и отсылкой подушных денег, выполнением рекрутской, подводной, дорожной, постойной повинностей, раскладкой и исполнением разных магистратских денежных сборов и повинностей, выбором лиц к казенным и земским службам, сбором таможенных, винных, пивных, соляных и прочих денег,

---

[16] Там же, стр. 137; Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 135, 136, 384, 385, 619—623.

[17] ПСЗ, т. VII, №№ 5017, 5142; т. VIII, № 5302.

[18] Там же, т. X, № 7728; т. VIII, № 5333; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 465.

[19] ПСЗ, т. XI, № 8734.

[20] Там же, т. XII, № 9149, т. XIII, № 9765.

[21] Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Ветхарях. Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1958, стр. 55; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, стр. 464—466.

ведением приходо-расходных книг, судом посадских людей по гражданским делам, распределением посадских по караулам, следила за чистотой в городах, за исправным состоянием мостовых, караулен, рогаток и других полицейских сооружений, за порядком на рынках, за правильностью мер и весов, вела регистрацию правительственных указов и предписаний «главных команд,» и принимала меры к их исполнению, выдавала паспорта купцам, уезжавшим для торговли в другие города, занималась приписной лиц к сиому городу и увольнением их в другие места. В ведении ратуши находились также «сиротский» и «словесный» суды, первый из которых решал вопросы, связанные с опекой над малолетними, наследованием имущества, усыновлением, а второй являлся низшей судебной инстанцией, разбиравшей мелкие споры между горожанами.[24]

Практически вся деятельность магистратов и ратуш осуществлялась земскими избами и земскими старостами.

В условиях развивавшегося общероссийского рынка и формирования в недрах феодального способа производства капиталистического уклада правительство вынуждено было в некоторой степени идти навстречу интересам купечества. Оно выделило купечество из общей массы городского населения в особое сословие, освободило купцов от подушной подати и обременительных и тяжелых казенных служб, заменило купцам рекрутскую повинность однопроцентным сбором с капитала, избавило купечество первых двух гильдий от телесных наказаний, отменило внутренние таможни, учредило купеческий банк, ввело откупную систему питейных, табачных, таможенных и других сборов, уничтожило торговые монополии и разрешило свободу промышленного предпринимательства.[25] Проводя эти мероприятия, правительство стремилось приобрести дополнительную опору в верхушке развивающейся буржуазии.

Но благополучие самого купечества и органов его самоуправления в условиях феодально-крепостнических порядков при хозяйничании в провинции дворян было весьма неустойчиво. Примером этому является деятельность сибирского «следователя» П. Н. Крылова в 1758—1760 гг., посланного в Иркутск обер-прокурором Сената А. И. Глебовым со специальной целью — заставить иркутских купцов отказаться в пользу Глебова от винного откупа. Прибыв в Иркутск, Крылов арестовал и заковал в цепи семьдесят четыре купца, в том числе председателя и членов магистрата, опечатал лавки, дома и все находившееся в них имущество первостатейных купцов и начал «следствие», по ходу которого привлек к делу еще сто иркутских купцов. В результате «следствия» Крылов «вымучил» у 120 иркутских купцов «добровольного приношения» на сумму 155 295 руб. «Крыловский погром», сопровождавшийся ничем не прикрытым разграблением имущества и неописуемыми зверствами, обошелся иркутскому купечеству, по свидетельству современника иркутского купца А. Сибирякова, в 300 тыс. руб. и разорил многих купцов. Крылов же отделался лишением чинов, и то не за грабежи, насилия, казнокрадство, пытки и умерщвление на дыбе купца Вичевина, а за арест иркутского вице-губернатора Вульфа и за прикрепление к государственному гербу дощечки со своей фамилией.[26]

---

[24] ПСЗ, т. VIII, № 5333; т. IX, № 6584; т. X, №№ 7211, 7877; т. XI, № 8734; т. XII, №№ 8955, 9033; т. XIII, № 9754; т. XIV, № 10222, т. XVII, № 12721; т. XVIII, № 13247.

[25] В. Н. Щ е г о л е в. Именная пашня, т. II, стр. 465; ПСЗ, т. XIII, № 10164; т. XIV, №№ 10312, 10497; т. XIII, № 10078; т. XII, №№ 8791, 9348; т. XVI, № 11610, т. XX, №№ 14775, 14527, 14509; т. XXI, № 15721; т. XXII, № 16188; М. Ч у л к о в. Историческое описание российской коммерции. . , т. III, кн. 1, М., 1785, стр. 324, 344.

[26] С. С. Ш а ш к о в. Иркутский погром в 1758—1760 гг. Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 652—666; П. М. Г о л о в а ч е в. Выписка из летописи о Крылове. Иркут-

Центральным учреждением, ведавшим Сибирью, был восстановленный 20 декабря 1730 г. Сибирский приказ, подчинявшийся Сенату. До его восстановления Сибирь управлялась на общих основаниях со всеми остальными губерниями. Ведали ею отраслевые коллегии, подчинявшиеся Сенату. Снижение доходов от торговли и от поступления в казну пушнины Сенат объяснял тем, что Сибирь «не в таком смотрении состоит как прежде сего бывало», когда в Москве был особый Сибирский приказ, из которого во все сибирские города назначались воеводы, непосредственно сносившиеся с приказом. Доводы Сената о бесконтрольной деятельности администрации, «особливо в таком дальнем краю», где «ни о чем не видно, как воеводы поступают, доходы денежные и ясачные сбирают и которые из них исправны и не исправны», убедили императрицу Анну Ивановну в необходимости восстановления Сибирского приказа в Москве.[27]

Восстановив Сибирский приказ, правительство урезало его права по сравнению с XVII в. Из компетенции Сибирского приказа были изъяты горные, металлургические, мануфактурные предприятия, ямская служба, воинские команды (с 1748 г.) и посольские сношения с сопредельными с Сибирской губернией восточными странами. Некоторые вопросы внешней торговли и пограничной таможенной службы Сибирский приказ вынужден был решать совместно с Коммерц-коллегией и Коллегией иностранных дел.[28] В более полном объеме полномочия Сибирского приказа были сохранены в делах административных, финансовых и торговых, но и то под контролем Сената.

Сибирский приказ руководил действиями сибирской администрации и контролировал ее. С мнением Сибирского приказа считались при открытии или закрытии путей сообщения с Сибирью и таможенных застав. Под его контролем находились таможенные, кабацкие и другие сборы. Сибирский приказ разрешал промысел пушного зверя в Сибири и на островах Тихого океана, ведал сибирскими откупами и отправкой казенных караванов в Китай.[29]

В ходе этих административных изменений Сибирская губерния первоначально была изъята из-под непосредственного подчинения Камер-коллегии, Штатс-конторы и Ревизион-коллегии и полностью перешла в ведение Сибирского приказа.[30]

В 30-х годах XVIII в. было обращено особое внимание на социальный состав сибирской администрации. Именным указом от 12 января 1739 г. Сенату повелено «выбрать воеводами из знатного шляхетства добрых и пожиточных и совестных людей, и, росписав, кому из них в котором городе быть, отправить туда без всякого замедления».[31] В последующие годы воеводами сибирских городов были, как правило, лица только дворянского происхождения. Получив такие большие полномочия, Сибирский приказ, находившийся «в дирекции» генерала П. И. Ягужинского, стал претендовать на особое положение в системе государственных учреждений. Тогда Сенат указом 20 августа 1734 г. предписал Сибирскому приказу ежемесячно сообщать Камер-коллегии и Штатс-конторе «о приходе и расходе денежной казны и всяких товаров», а в Ревизион-коллегию «посылать счеты» и «без ассигнаций Штатс-конторы ... как денег, так и товаров ... ни в какие расходы, кроме именных указов ... не употреблять».[32] Деятель-

---

ские лихолетье 1758—1760 гг. М., 1904, стр. 32; Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Сидоров. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947, стр. 64—67.

[27] ПСЗ, т. VIII, № 5659.

[28] Там же, т. IX, №№ 6376, 6713; т. X, № 7498; т. XII, № 9519; т. XX, № 52.

[29] Там же, т. VIII, №№ 5659, 6163, 6319; т. IX, №№ 6320, 6319.

[30] Там же, т. VIII, № 6227; т. IX, №№ 6355, 6617, 7107; т. X, №№ 7465, 7498, 7644, 7741; т. XI, № 8234; т. XII, №№ 8554, 9400, 9543, и др.

[31] Там же, т. V, № 3730.

[32] Там же, т. IX, № 6617.

ность Сибирского приказа, не имевшего с некоторыми центральными учреждениями четкого разграничения обязанностей, не принесла ожидаемых результатов и была прекращена 15 декабря 1763 г. Дела упраздненного Сибирского приказа передавались по соответствующим коллегиям и канцеляриям, а пушнина и товары — в Кабинет. Сибирь снова стала управляться на общих основаниях с прочими губерниями.

Теперь при руководстве делами Сибирской губернии, подчинявшейся коллегиям и Сенату, губернатор опирался не только на «Наказ губернаторам и воеводам» от 12 сентября 1728 г., но и на «Наставление губернаторам», изданное 21 апреля 1764 г. Екатериной II в дополнение к этому наказу. «Наставление губернаторам» по сравнению с «Наказом» повышало авторитет губернаторов, а также содержало некоторые идеи «просвещенного» абсолютизма. Губернатор «как поверенная от императрицы особа и как глава и хозяин всей врученной в его смотрение губернии» обязан был исполнять только указы императрицы и Сената и мог быть наказан только ими, но не Коллегиями. О важных делах губернатор должен был доносить параллельно Сенату и императрице. «Наставление» 1764 г. и «Наказ» 1728 г. силу свою утратили только с введением губерний-наместничеств. На протяжении XVIII в. правительство по административно-полицейским соображениям несколько раз изменяло административное деление Сибири.

Указом 29 апреля 1727 г. Вятская и Соликамская провинции были переданы из Сибирской губернии в Казанскую,[33] а в 1738 г. была отделена Исетская провинция, и Сибирская губерния стала состоять из Тобольской (города с уездами — Тобольск, Верхотурье, Туринск, Пелым, Тюмень, Тара, Березов, Сургут, Нарым, Томск, Кузнецк; крепости — Камышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская и Железинская), Енисейской (города с уездами — Енисейск, Туруханск, Красноярск) и Иркутской провинций (города с уездами — Иркутск, Верхоленск, Селенгинск, Удинск, Илимск, Баргузин, Ильинский острог, Балаганский острог, Нерчинск, Якутск с Камчаткой).[34] Распределение городов по провинциям предоставлялось на усмотрение сибирского губернатора, как будет «удобнее по местным условиям».[35] В 1731 г. из состава Якутского уезда выделили самостоятельный Охотский уезд, в ведомство которого было передано Охотское побережье и Камчатка.[36]

30 января 1736 г. обширная Сибирская губерния, в которой «единому губернатору, за дальним расстоянием городов и слобод, великая неспособность» «в управлении имелась», была разделена на две не зависимые друг от друга административные единицы.[37] Иркутская провинция была сделана самостоятельной и вверена особому вице-губернатору, подчиненному непосредственно Сибирскому приказу. Сибирский губернатор по-прежнему управлял только Тобольской и Енисейской провинциями. Таким образом, было положено начало административного деления Сибири на Западную и Восточную.[38]

19 октября 1764 г. Екатерина II повелела Сенату «в рассуждении великой обширности нашего Сибирского царства ... учинить в оном вторую губернию» — Иркутскую.[39] Определение местных административных гра-

---

[33] Там же, т. VII, № 5065.
[34] Ю. В. Готье. Историк областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. I. М., 1913, стр. 110; ПСЗ, т. X, № 7347; т. XI, № 8794; т. XII, № 8900.
[35] ПСЗ, т. VII, № 4916.
[36] Там же, т. VIII, № 5733.
[37] Там же, т. IX, № 6876.
[38] Там же, т. XI, № 8017.
[39] Там же, т. XVI, № 12269; т. XX, № 14241.

ему переезжать на усмотрение своих губернаторов. После утверждения представленных мне материалов Сибирь до 1773 г., т. е. до начала Пугачевского восстания, состояла из 4 губерний: Тобольской, Иркутской, Колывано-Барнаульской, Нерчинской горной округи. Тобольская губерния делилась на 7 провинций: Тобольскую, Тюменскую, Верхотурскую, Ирбитскую, Тарскую, Кузнецкую и Томскую; уездов в Енисейском производстве с Енисейском и Красноярским уездами. Иркутская губерния состояла из Иркутской провинции с Иркутским, Нерчинским, Илимским и Якутским уездами, Нерчинской горной округи с Нерчинским и Удинским, Селенгинская — Селенгинского и Нерчинского уездами и Якутской провинции с Якутским, Илимским, Анадырским и Охотским уездами. Кроме провинций и городов с уездами, в губернии имелись Камчатская...

Губернская реформа Екатерины II, проведенная под председательством Е. Пугачева в 70-х годах XVIII в. внутренним политическим самоуправлением была направлена к дальнейшему укреплению дворянского господства управления страной. В этих целях и для усиления роли провинциального дворянства в управлении было принято в 1775 г. «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи».

При губернии получила преобладание устройство. Губернский управляющий губернатор, назначаемый императором, был главой губернского правления, было учреждено: казенная палата, контора финансово-хозяйственных функций, казначейство, палаты гражданского и уголовного суда и Верхний земский суд, призор общественного призрения, медицинский управляющий, прокурором, начальником и бухгалтерии.

Для суда и расправы в губернии учреждались суды во главе с земским исправником с заседателями. Уездом управлялись на Комиссарства, заведовавшие в уездах полиции комиссарии. Судебными делами ведали уездный суд и Нижний расправы.

Полицейские функции в городах осуществляли городничие. Для суда и расправы в городах учреждались магистраты. Они подчинялись как исполнительные органы земской избы, имевшие трех старост земский суд — коллежскому, магистрату и духовного. По главе городского магистрата стояла выборная бургомистр, ратман и членов магистратского присутствия. В конце XVIII в. в городах появились городские думы, которые ведали городским управлением. Подчинялись смежно судебной стороне по земельного хозяйства.

В небольших случаях две или три губернии объединялись под управлением генерал-губернатора или генерал-губернатора.

В 1782—1783 гг. в Сибири было учреждено три наместничества — Тобольское, Колывано-Барнаульское и Иркутское. Во главе этих наместничеств были управители, а Сибирь была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую. Губернии делились на области, области — на уезды.

В низовых местностях расселений и сборов податей, выполнялись полицейские функции, были учреждены земские избы. Земские избы состояли из выборных сотских и десятских. Без их ведома единственно ни один человек не имел права отлучаться куда-нибудь из своего дома, кроме выезда на пашню и покоса, отлучаться без приказа в другие волости и уезды. Все, кто

---

[1] Ф. 1, оп. 1, XX, 3606, 14241, 14243, 10. В. Гитин. История областных управлений в России. — Т. 1, изд. 1864—1924.

езжавшие за тридцать и более верст от места своего жительства, должны были иметь письменный вид (отпускное свидетельство). Крестьянин, приезжавший в уездный город за покупками или для других целей, обязан был сообщить о своем пребывании здесь исправнику, земскому суду или стряпчему (помощнику прокурора). Крестьяне, желавшие отлучиться на заработки в другие места, должны были получить с одобрения мирской избы и под поручительство односельчан «подкормежные». Мирская изба вела «верные записки» о материальном положении крестьян, отмечая состоятельных и неимущих. Это делалось «сохранно и закрыто». При рекрутских наборах мирской избе предписывалось наряжать в рекруты из «непостоянных» (неимущих) людей, хотя бы и вне очереди, а состоятельных оставлять. Они должны были, если подлежали очередной рекрутчине, выплачивать за ушедших в рекруты казенные денежные сборы и частные долги. Земли, оставшиеся после рекрутов, полагалось «разделить тем, кто в них скуден».[41] Мирские избы непосредственно подчинялись Нижнему земскому суду, а через него высшим административным органам.

Для сельского управления были характерны административно-полицейская опека над крестьянами как податным сословием, применение кабальных мер при взыскании казенных сборов (отдача в работу), опора на зажиточную верхушку деревни.

В области управления народами Сибири вплоть до 1822 г., когда было принято «Положение об управлении инородцев», сибирская администрация руководствовалась частными актами и прецедентами административной практики. Первыми актами в области управления были шерти (присяги) местных князцов в XVII в. о подданстве. Они обязывались за себя и за улусных людей «быть в вечном холопстве», платить своевременно и полностью ясак, ходить вместе с государевыми людьми «войною на непослушников». Князцы подчинялись воеводам, приказчикам, но сохраняли самостоятельность в области внутреннего управления.

В первой половине XVIII в. руководящим актом была инструкция Посольской канцелярии графа Саввы Рагузинского пограничным дозорщикам от 27 июля 1728 г. Она была составлена для управления приграничным бурятским населением, но распространялась и на другие народы. По инструкции, малые дела (споры о калыме, воровство, драки и пр.), за исключением «кремниальных» (политических) дел и убийств, подлежали суду родовых начальников. Более важные дела передавались суду уездных земских комиссаров. Ясак собирался натурой или деньгами, сбор производился через родовых начальников.

Вторым документом, определявшим порядок управления и суда для сибирских народностей, была инструкция секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. для урегулирования ясачных сборов. Основные положения этого документа соответствуют «Инструкции пограничным дозорщикам»: 1) «ближайшее управление по улусам, стойбищам, наслегам и пр. предоставлено бывшим тогда князцам и других наименований почетным людям», 2) им же предоставлены суд и расправа «во всех делах тяжебных и маловажных уголовных».[42] При раскладке податей и повинностей, для решения земельных, судебных и других дел собирались сугланы (сходы), руководствовавшиеся нормами обычного права. Сбор ясака, выполнение казенных повинностей и другие мероприятия проводили улусные, родовые и межродовые (зайсаны, тайши) начальники, ставшие проводниками политики самодержавия. Род считался основной административной единицей, за которой закреплялись ясачные плательщики.

Формально инструкции пограничным дозорщикам и секунд-майору

---

[41] ГАИО, ф. Красноярского Нижнего земского суда, оп. I, д. 3, л. 8.
[42] С. Прутченко. Сибирская окраина. СПб., 1899. Приложение, стр. 176.

Щербачеву ограничивали вмешательство чиновников во внутренние дела народов Сибири («дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли»). Фактически же «все управление ...перешло большею частию в зависимость Земских Чиновников и подало повод к великим злоупотреблениям».[40]

Родовые и межродовые начальники получали значительные привилегии в области управления и суда. Свое административное положение они использовали для внеэкономической эксплуатации подчиненных им улусных людей. Ясак эти начальники собирали «с обильным приращением» в свою пользу, взыскивали «темные» (незаконные) поборы, добивались внесения в «степные уваконения» норм, которые по существу утверждали ростовщичество и ростовщическое закабаление.

В атмосфере закабаления и бесправия народных масс чиновники вносили в управление сибирскими окраинами империи нравы помещичьей вотчины. Бесправие народа, почти неограниченные полномочия «сибирских сатрапов» (выражение декабриста В. И. Штейнгеля), их бесконтрольность, удаленность от центра — все это создавало почву для административного произвола и самых вопиющих возведенных в систему злоупотреблений, против которых в отдельных случаях вынуждена была даже выступать центральная власть.

Уже указывалось, что первый сибирский губернатор князь М. Гагарин был «за несказанное воровство» повешен в Петербурге в 1721 г.[41] В 1736 г. «за законопротивные поступки» был казнен через отсечение головы первый вице-губернатор Иркутской провинции А. Жолобов. Сменивший Жолобова вице-губернатор А. Плещеев «был в канцелярских делах несведущ, вспыльчив, корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетьми и кнутом и притеснял приказных служителей, приверженцев любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна».[42] Иркутский губернатор Немцов был человек «неблагонамеренный, употреблявший непомерную строгость собственно для того только, чтоб брать более взяток и наживать более денег». Крайним самодурством отличался крестник Екатерины II начальник Нерчинских горных заводов В. В. Нарышкин. Он растрачивал казенные деньги, завел «гусарский полк» из уголовных каторжан. Поссорившись с иркутским губернатором Немцовым, Нарышкин решил овладеть Иркутском и расправиться со своим врагом. «Войско» Нарышкина отправилось из Нерчинского завода к Иркутску. Дорогой звонили в колокола, палили из пушек, били в барабаны, захватывали обозы с товарами, устраивали пиршества, обирали местных жителей. Нарышкину не удалось добраться до Иркутска, он был арестован верхнеудинским воеводой и отправлен в Иркутск, а затем в Петербург. Екатерина II, узнав о самодурстве Нарышкина, назвала его «шалуном». Расплачиваться же за эти «шалости» пришлось забайкальским мастеровым и приписанным к заводам крестьянам. Убытки, причиненные казне Нарышкиным, стали восполняться усилением эксплуатации работников на казенных заводах и рудниках.

Многочисленные жалобы на злоупотребления и произвол сибирских сатрапов обыкновенно игнорировались центральной властью. Когда же эти злоупотребления принимали такие масштабы, что сильно затрагивали интересы казны, в Сибирь направлялись ревизии, но они обычно не достигали положительных результатов, а иной раз ревизоры оказывались еще хуже ревизуемых.

---

[40] Там же.

[41] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 174.

[42] Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Тр. Вост.-Сиб. отд. РГО, № 5. Иркутск, 1911, стр. 50.

Колоритной фигурой был сибирский губернатор Ф. И. Соймонов. Он выдвинулся еще при Петре I, когда составил карту Белого моря и дал описание Каспийского берега. При императрице Анне Иоанновне Соймонов занимал пост вице-президента Адмиралтейской коллегии. В 1740 г. за участие в дворянской группе, боровшейся против немецкого засилья во время бироновщины, Соймонов был отдан под суд. Его били кнутом и сослали в каторжную работу на Охотский солеваренный завод. Императрица Елизавета возвратила ему свободу, но Соймонов прожил в Сибири еще 16 лет. В 1757 г. его назначили сибирским губернатором. Шесть лет Соймонов провел в этой должности, отличаясь от других сибирских управителей образованностью, честностью, вниманием к нуждам края. Он организовал морскую школу в Нерчинске, добился постройки маяка и гавани на Байкале, укрепления Омской пограничной линии, прокладки главного сибирского тракта через Барабинскую степь, измерил фарватер р. Шилки, разведывал пути по Амуру. Соймонов опубликовал несколько статей о Сибири.

Безусловно, такой администратор, как Соймонов, был исключением. Система управления определялась режимом крепостнического государства, основанного на самовластии царя, дворянства и чиновников и бесправии народных масс. В этой атмосфере и появились сибирские сатрапы, подобные Гагарину, Жолобову, Плещееву, Немцову, Нарышкину и другие.

2. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Усложнение социально-экономической жизни Сибири в 20—80-х годах XVIII в. существенно отразилось на движущих силах, характере и организации народных выступлений. Как и ранее, слабое развитие в Сибири частного землевладения, большая по сравнению с центральной частью России личная свобода и хозяйственная самостоятельность населения, огромное количество незанятых и пригодных для хлебопашества земель в известной степени сглаживали остроту социальных конфликтов. Большие пространства, плохие пути сообщения, слабая плотность и сильная разбросанность населения, его многонациональный состав и многоукладность хозяйства отрицательно сказывались на размахе, интенсивности и организации народных движений. Антагонистические противоречия, свойственные феодальному обществу, проявлялись здесь не между крестьянами и помещиками, а между широкими массами трудящегося населения и сибирской администрацией. В XVIII в. с появлением в Сибири собственной казенной, кабинетской и частной горной, металлургической, солеваренной, винокуренной, кожевенной, стеклодельной, бумажной, шелкоткацкой и иной мануфактурной промышленности состав участников народных движений стал пополняться мастеровыми, работными людьми и приписными крестьянами. Движущей силой народных движений становились не приборные служилые люди, которые с созданием в начале XVIII в. регулярных вооруженных сил на основе рекрутских наборов сошли со сцены, а приписные, монастырские и государственные крестьяне и работные люди. Солдаты регулярной армии стали более послушным орудием в руках абсолютистского феодально-крепостнического государства, чем приборные служилые люди XVII в. В целом же для Сибири в рассматриваемый период в большей степени были характерны не активные, а пассивные формы классовой борьбы, проявлявшиеся в подаче челобитных, в отказе от выполнения работ и несения разнообразных повинностей, в бегстве и т. п.

По уровню социально-экономического развития отдельные районы Сибири отличались друг от друга. Наиболее развитыми были районы, при-

мыкавшие к заводскому Уралу. Именно там классовая борьба проявлялась в наиболее активных формах.

По степени активности можно наметить несколько этапов развития форм классового протеста на этих территориях: этап, предшествующий Крестьянской войне (преимущественно 50—60-е годы), Крестьянскую войну 1773—1775 гг. и период после ее поражения (1775—1780 гг.).

Первый этап характеризовался переходом от пассивных форм борьбы к вооруженным выступлениям. Особенностью таких выступлений был их локальный характер, преимущественно пассивно-оборонительная тактика. Наиболее активно участвовали в борьбе в этот период приписные крестьяне, работные люди, мастеровые, крестьяне духовных вотчин, государственные крестьяне, а также ясачное население северо-востока Сибири, в протесте которого антифеодальные моменты переплетались с антиколониальными.

Как уже было отмечено, развертывание мануфактурной промышленности в Сибири проходило путем массовой принудительной приписки государственных крестьян к частным, кабинетским и казенным заводам. Число сибирских приписных крестьян увеличилось с 1747 по 1766 г. с 60 339 до 110 729 душ мужского пола.[46] Приписка к заводам ухудшала положение крестьян и вызывала массовый протест с их стороны. В своих челобитных, которыми они завалили местные и центральные органы феодально-крепостнического государства, а также и в наказах в Комиссию 1767 г., приписные крестьяне требовали освобождения от заводских работ и возвращения их в прежнее состояние.[47] В то же время крестьяне требовали снижения норм отработки, повышения оплаты труда и ее уравнения с оплатой вольнонаемным работникам, прекращения издевательств, мучений, побоев и взяток. Все это были антифеодальные по своему характеру требования. Нередко крестьяне для подкрепления своих челобитных отказывались от выполнения заводских работ. Весной 1759 г. приписные крестьяне Юрмыцкой и Куяровской слобод, возмущенные издевательством демидовского приказчика Волкова, отказались от выполнения заводских работ. В январе 1760 г. приписные крестьяне Чубаровской, Утецкой, Баричевской слобод и Маслянского острога «в требуемые заводские работы не бывали». Неявка крестьян к заводским работам была велика и на Колывано-Воскресенских и других сибирских заводах.[48] Нередко случались побеги, принимавшие массовый характер.[49] Некоторые приписные крестьяне из рас-

[46] В. И. Макаров. Крестьяне Сибири по наказам в Комиссию 1767 г. Вопросы истории Сибири. Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 222, Л., 1961, стр. 160.

[47] В. И. Макаров. Крестьяне Сибири по наказам в Комиссию 1767 г., стр. 161—162. А. А. Кондратьевский. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962, стр. 27—31, 65; З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1963, стр. 48—54, 72—80; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Русское заселение и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, стр. 208—221; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949, стр. 382—386; Т. И. Агеева. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях, конец XVIII—60-е годы XIX в. Уч. зап. Кабардинск. гос. пед. института, вып. 7, 1955, стр. 99; И. И. Комогорцев. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период). Новосибирск, 1965, стр. 116—117; В. И. Семенский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 2, СПб., 1901, стр. 307, 434—449, 518—526, 459, 551, 552.

[48] А. А. Кондратьевский. Очерки по истории крестьянских восстаний в Э.-урале..., стр. 43—45; Н. М. Ядринцев. Приписные крестьяне на Алтае. Алтайский сборник, вып. I. Томск, 1894, стр. 24—25; В. Г. Карпов. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII—начале XIX в. Уч. зап. Хакасск. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, вып. IX, Абакан, 1963, стр. 97.

[49] З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири..., стр. 54, 95, 96; И. И. Комогорцев. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири..., стр. 123.

кольников, разуверившись в возможности избавиться от феодально-крепостнической эксплуатации, приписным начальства и редкоторых гонений, подвергали себя самосожжению: в Кузнецком ведомстве в 1745 г. сожглись 124 человека, в 1746 г. подвергли себя самосожжению почти все жители деревни Усть-Чарышской, в 1756 г. сожглись 172 человека деревни Мальцевой Ошской волости и 175 человек в деревне Мамуровой Чаусской волости.[59] Малая эффективность пассивных форм борьбы побуждала приписных крестьян к вооруженной борьбе. Вооруженные выступления приписных крестьян захватили в 1759—1762 гг. Верхотурский, Туринский, Камышловский, Екатеринбургский, Шадринский, Краснослободский уезды.[61]

Наиболее крупные вооруженные выступления приписных крестьян произошли в Бариевской слободе и Масленском остроге Шадринского уезда. Поводом к выступлению послужила высылка крестьян на работы на вновь основанный Аляш-Уфимский завод. Здесь был установлен караул, собирались вооруженные крестьяне и производились своего рода военные смотры и учения. В соседние районы рассылались приглашения присоединиться к выступлению. Всем ходом движения руководила мирская изба. В феврале 1761 г. в селения, охваченные волнениями, прибыли 500 донских казаков и 300 солдат с пушкой. Но крестьяне отказались идти на работу. 30 октября в Масленский острог была собрана часть крестьян, которых окружили войском. Крестьяне стали на колени и заявили: «Хоть головы всем нам рубите, а к Демидову на работу не пойдем». После массовой порки часть крестьян согласилась идти на работу, другая же часть засела во дворе мирской избы и приготовилась к борьбе. 8 декабря в Масленском остроге произошла кровавая схватка крестьян с правительственным войском. Крестьяне оказывали отчаянное сопротивление и ранили 52 солдата. Сопротивление окончательно было подавлено лишь в марте 1762 г. Это выступление было наиболее ярким из всех волнений приписных крестьян в изучаемое время.[62]

Волнения приписных крестьян заставили правительство в 1763 г. несколько улучшить их положение, в частности, расписать крестьян по ближайшим к их местожительствам заводам, закрепить каждую группу крестьян за одним определенным заводом, установить новые ставки оплаты работы, позволить крестьянам обращаться в суд с жалобами на злоупотребления заводчиками властью и т. д.[63]

В результате волнений 1762 г. мастеровые и работные люди Приуралья также добились удовлетворения некоторых своих требований. Эти люди, попавшие в перепись 1722 г., были признаны не крепостными, а государственными крестьянами и должны были работать только за подушный оклад, а сверх его «по вольной цене». Добились они и повышения оплаты труда.[64]

Антифеодальную направленность носили и выступления крестьян духовных вотчин Сибири. Приспособление монастырского, церковного и архиерейского хозяйства к развивающимся товарно-денежным отношениям сопровождалось расширением монастырской и церковной запашки и вело к увеличению разнообразных барщинных, натуральных и денежных повин-

---

[59] Г. Н. Потанин. 1) Материалы для истории Сибири. ЧОИДР, кн. 4, 1866, стр. 11; кн. 2, 1867, стр. 231; А. С. Пругавин. Самоистребление. Никольские вступления и фанатизм и расколы. Русская мысль, 1883, кн. 1, стр. 89, 105.

[61] А. А. Кондрашенков. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 42—67; История Урала, т. 1, Пермь, 1963, стр. 134, 135.

[62] История Урала, т. 1, стр. 134, 135; А. А. Кондрашенков. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 42—67.

[63] ПСЗ, т. XVI, № 11798.

[64] З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири..., стр. 53—54, 96 и др.; Б. В. Каденгауз. История хозяйства Демидовых..., стр. 374—379; История Урала, т. 1, стр. 136, 137.

ностей крестьян. По сравнению с 20-ми годами XVIII в. барщинные повинности монастырских и церковных крестьян возросли к началу 60-х годов примерно в 2 раза.[55]

Усилившиеся в 50-х годах волнения церковных и монастырских крестьян Сибири, как и по всей России, заставили Петра III в начале 1762 г. провести секуляризацию монастырских и церковных владений. Земельные владения церквей и монастырей передавались в пользование крестьянам, переходившим в ведение Коллегии экономии. Крестьяне освобождались от барщины и натурального оброка.[56]

Указ вызвал бурю негодования со стороны духовенства, и 12 августа 1762 г. Екатерина II восстановила права духовенства на земельные владения,[57] что в свою очередь вызвало новую волну крестьянских выступлений. Особенно упорный, в некоторой степени организованный характер носила борьба монастырских крестьян Далматова Успенского монастыря. Их сопротивление монастырской феодальной эксплуатации переросло в июне 1763 г. в вооруженную борьбу. Около 700 далматовских крестьян окружили монастырь и держали его в осаде с перерывами до марта 1764 г.[58] Борьба продолжалась вплоть до окончательной секуляризации церковного землевладения.[59]

Необходимо отметить, что в это время среди сибирского крестьянства в ходе народных движений отчетливо стало проявляться имущественное расслоение. Зажиточные группы крестьян зачастую оказывались в правительственном лагере. При восстании крестьян Далматова монастыря «первостатейные крестьяне», эксплуатирующие труд бедняков, поддерживали монастырское начальство и оказались не в стане осаждающих, а вместе с осажденными монахами. После подавления восстания они помогали властям ловить укрывшихся в лесах крестьян.[60] Крестьяне не мирились с отступничеством от «мира» «первостатейных» крестьян и стремились с ними расправиться. В декабре 1762 г. восставшие крестьяне митрополичьего села Воскресенского «учинили нестерпимые нападения» на 16 «первостатейных» крестьян за дачу ими подписки о послушании и за выдачу зачинщиков и активных участников антифеодального выступления. Подобные расправы с зажиточными крестьянами происходили и в других слободах.[61] Некоторые отзвуки этой социальной розни и борьбы внутри крестьянства отразились и в крестьянских наказах в Законодательную комиссию 1767 г.[62]

Не остались в стороне от антифеодальной борьбы и государственные крестьяне Сибири. Намбольший протест с их стороны вызывало отбывание подводной, дорожной, строительной, постойной и прочих натуральных повинностей в пользу государства. Тяжесть этих натуральных повинностей особенно возросла в XVIII в. в связи со строительством Московско-Сибирского тракта и других дорог, крепостей на южных оборонительных ли-

---

[55] А. А. Кандрашенков. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 32.

[56] ПСЗ, т. XV, №№ 11441, 11481, 11496.

[57] Там же, т. XVI, № 11643.

[58] А. А. Кандрашенков. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 74—90.

[59] М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в., стр. 249.

[60] А. А. Кандрашенков. Очерки по истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 87; Н. В. Горбань. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. Уч. зап. Омск. пед. инст., вып. 4, сер. исторические, Омск, 1949, стр. 81, 161.

[61] Н. В. Горбань. Движение крестьян духовных вотчин..., стр. 122, 149, 155; А. А. Кандрашенков. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье..., стр. 55, 77, 83, 84—85.

[62] М. М. Марченко. Общественно-политические отношения в Сибири во 2-й половине XVIII в., накануне крестьянских восстаний. Уч. зап. Новосибирск. гос. пед. инст., 1943, вып. 1, стр. 34—35.

ниях и других укреплений. Страдали они и от злоупотреблений начальст
от различных феодальных ограничений в свободе передвижения, в зан
тиях торгово-промышленной деятельностью. Против всего этого боролн
они подачей челобитных, посылкой ходоков, побегами, самовольными пер
селениями, самовольной сменой слободского начальства, наконец, воор
женной борьбой.

Уже со второй половины XVII в. западносибирские крестьяне стали
вопрос о замене повинностей, связанных с обработкой десятинной пашн
фиксированным хлебным и денежным оброком. Под их нажимом и ряда
ных уездах Западной Сибири в 30—50-е годы XVIII в. десятинная паш
и мелочная регламентация со стороны сельской администрации были с
менены. Перевод крестьян на хлебный и денежный оброк в условиях ра
вивающихся товарно-денежных отношений позволили им расширить в н
вестной степени хозяйственную самостоятельность. Попытка сибирского г
бернатора Ф. И. Соймонова в 1758 г. всех сибирских крестьян, «которы
не только губернаторы, но и воеводы увольняли с казенных пашен на м
лые оброки, определять по-прежнему на казенную пашню» вызвала ре
кий протест.[63] Летом 1760 г. крестьяне Курганской, Утицкой и Усть-Сус
ских слобод Ялуторовского дистрикта и Абацкой слободы Ишимско
листрикта отказались от дальнейшей обработки десятинной пашни и пос
безуспешных подач челобитных в Сибирскую губернскую канцелярию с
освобождении их от этой пашни совместно с тарскими и красноярооб
скими крестьянами обратились в Сенат. Сибирская губернская канцелярия
потребовала от управителей Ялуторовского и Ишимского дистриктов ар
стовать и препроводить в Тобольск «зачинщиков» и выборных челобитч
ков. В ответ на проведенные аресты крестьяне оказали открытое сопр
тивление воинской команде и разбили ее.[64] Для усмирения крестьян бы
послан новый усиленный отряд солдат и казаков. Начались пороки и воен
ные суды. 2 декабря 1760 г. Сенат выслал в сибирскую губернскую ка
целярию печатный указ с требованием полного повиновения крестьян
обработки ими казенной пашни. Между тем сопротивление крестьян р
сло. Сенат 5 августа 1762 г. предписал ликвидировать десятинную пашн
Было предписано собирать с крестьян «написанных по последней ревизи
душ сверх настоящего семигривенного подушного сбора с каждой души п
рублю».[65] По отдельным областям Сибири процесс перевода крестьян
денежный оброк затянулся до 1773 г.

Сибирское крестьянство, добившееся своей борьбой перевода с бар
щины на денежный оброк, облегчило свое положение и создало более бла
гоприятные условия для дальнейшего развития товарно-денежных отноше
ний.

Не остались в стороне от антифеодальной борьбы и выписные казаки
которые в отличие от государственных крестьян несли не только все кре
стьянские повинности, но и службу за свой счет в пограничном районе
Своими многочисленными челобитными, отказами идти на службу и по
бегами крестьянство протестовало против назначения и выписные казак
но добилось оно только того, что было поставлено на солдатское довольст
вие.[66] Поэтому они активно участвовали в Крестьянской войне 1773–
1775 гг. в Приуралье.

---

[63] Н. М. Шелухова. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Си
бири. В кн.: Экономика, управление и культура Сибири в XVI—XIX вв., Новосиб
бирск, 1965, стр. 178—180.

[64] ПСЗ, т. XV, № 11152.

[65] Там же, т. XVI, № 11633.

[66] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. ЧОИДР, кн. 4, 1866
стр. 29. 31. В. К. Андриевич. Исторический очерк Сибири, т. III. Томск, 1887
стр. 114—117.

Сунул перед «бунтами» заставил русское купечество и предпринимательскую прослойку Сибирь как и всей России, обратиться к абсолютистскому правительству и военным мерам. Городская торгово-предпринимательская верхушка сумела парализовать в XVIII в. некоторые стеснительные меры. Устав об экспорте, в обязанности отступление в середине первой XVIII в. отказаться выступлений.

Кроме того, сословно своим рядом учреждение в сибирских городах губернской администрации привело к усилению городского административно полицейского аппарата.

Тяжесть ясачного режима, кроме «промышленных» охотничьих угодий и неупорядоченности самого ясачного обложения, приносила в злоупотребления администрации при сборе ясака, всестороннюю и торговой работы со стороны как местной власти, так и русского купечества вызывали со стороны ясачного населения протест. Наиболее распространенной формой протеста была подача челобитных, основную массу которых составляли жалобы на разорение вследствие злоупотребления местной администрации сбора ясака. Только в городе Якутске за полвека было подано ясачного интереса находилось под судом с 1753 по 1762 г. 1500 чел.[1] Попытки правительства в целях отвлечения доходов какие борьбы со злоупотреблениями[2] не давали результатов. Обо этому одной начальнике и казнокрадам приходили другие. «Европейским» языком народ в переводе Ф. И. Соймонов, — пишется обида грабительства и разорения не только не прекращается, но еще на час возрастают.[3]

Национальный гнет, тяжелые поборы, грубый произвол местных начальников привели к ряду движений народов на северо-востоке Сибири. Наиболее сильно они были связаны социальными причинами. Коренные народы уничтожали представителей администрации. К враждебности ко всей толще русского населения, крестьян и ясачных, они относились доброжелательно.[4] В 1731—1732 гг. произошло восстание ительмов, или Камчадалов, с продолжительно организованному выступлению должен был предшествовать указ из Ижинско-Камчатского острога в Анадырь Дата Гавриила с остатками приказчиков из Большерецка, экспедиции Шестакова. После его ухода на Камчатке оставались лишь небольшие группы служилых, разбросанные по отдаленным удаленному друг от друга острогам. Сразу после отплытия судна из Ижинск-Камчатск 20 июля 1731 г. на северной Камчатке, жители почувствовали отсутствие. К Ижинск-Камчатску подошли восставшие и стали осаждать дом церковника Иосафа, наиболее ненавистное им острога. Когда разгневанные ительмов казаки ворвались за острог, восставшие проникли в острог и окружили его. Однако бог не защищал, задержанный встречным ветром, не успел выйти и открыть ворота. Для подавления восстания в «Гаврилах» было послано 77 человек с пушками. После двухдневной осады 29 июля взято Ижинск-Камчатск. Руководителю восстания Федору Кар-ну и еще нескольким участникам восстания удалось бежать на острова. С помощью оставшихся им людей поселились к морю в у входа в Кихси встретились с высланным от

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1, д. 19, лл. 238, 230.

[2] ПСЗ, 1-е собр., т. XIV, № 10067, т. XVI, № 12196, т. XVI, № 11699.

[3] Архив Русской АССР, т. II, М., 1927, стр. 134.

[4] М. С. Гурвич. Антифеодальная борьба ясачных Сибири, М., 1962, стр. 95—122.

[5] Национальная политика царизма на Камчатке в XVIII — XIX вв., стр. 47—48; С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949, стр. 687—697; А. Гребенщиков. Исторический очерк важнейших событий на Камчатке. Морской сборник, 1860, т. 4, стр. 125; С. В. Обручев. Очерки по истории русских открытий и исследований на Камчатке, М.—Л., 1951, стр. 91—98; М. С. Гурвич. Антифеодальная борьба, стр. 95.

лами карателей. После сражения во время переговоров карателям удалось обманом захватить Харчина. Руководство восстанием принял на себя Годгоч, который отправился вверх по рекам Камчатке, Козыревской и Шапиной для нового сбора ительменов, с тем чтобы захватить Верхне-Камчатский острог. Однако, подойдя к Машурину острогу, восставшие поняли, что служилые люди оповещены о начавшемся восстании и что внезапно захватить остроги им не удастся. С этого момента восстание распалось на ряд отдельных мелких очагов, с которыми служилым людям пришлось бороться свыше двух лет, ибо всюду они встречали отчаянное сопротивление. Восстание было жестоко подавлено. Карательные отряды прошли по рекам Камчатке и Аваче и по западному побережью п-ва Камчатки. Только на р. Воровской было убито 170 ительменов.

Восстание, а особенно падение ясачного сбора серьезно обеспокоили правительство. На Камчатку была направлена следственная комиссия во главе с полполковником Мерлиным и майором Павлуцким, которая провела расследование и казнила не только руководителей восстания, но и комиссара Новгородова, пятидесятника Штинникова и трех приказчиков. Чтобы создать впечатление о неизбежности наказания к действиям сборщиков ясака, казнь была проведена публично в основных трех камчатских острогах. Казаки, виновные в злоупотреблениях, были приговорены к телесным наказаниям. Узаконенные на месте поборы в пользу приказчиков были отменены. Эти меры, а также понесенные восставшими тяжелые потери не позволили наиболее активно настроенной части ительменов продолжать борьбу с царской администрацией. В 1741 г. они подняли новое восстание, но оно имело территориально ограниченный характер (по рекам Утхолока и Подкагирной) и было быстро подавлено.

В 40-х годах XVIII в. инициатива борьбы перешла к коряка̀м, мужественно и упорно боровшимся до середины 50-х годов. В 1745 г. восстали пежинские коряки. Они перебили большую группу служилых людей и пытались овладеть Акланским острогом. Летом 1746 г. коряки перебили часть жиланского гарнизона на рыбной ловле. Уцелевшие служилые люди едва добрались до Анадырского острога. Акланский острог был выжжен коряками в 1748 г., где они захватили пушку и ружья.

С 1748 по 1751 г. с переменным успехом действовал против восставших отряд Белобородова. В 1751 г. большой поход против восставших тайговосских коряков совершил капитан Шатилов. В этой экспедиции участвовало 200 анадырских солдат, казаков и промышленников, 70 коряков и юкагиров. Тайговосские коряки, оказавшие Шатилову ожесточенное сопротивление, были разбиты, мелкие селения согласились платить ясак и выдали восемь аманатов. Однако тотчас на борьбу поднялись тигильцы. К ним присоединилась часть оленных пежинских коряков. Восставшие сожгли Тигильскую крепость и взяли в плен ее гарнизон. Очевидно, этот же отряд взял Ивашкинский и Русановский остро̀жки и перебил там ясачных сборщиков.

С тигильскими событиями, возможно, связано вооруженное выступление корякских аманатов в Анадырском и Охотском острогах. В ночь с 8 на 9 июля 1751 г. 15 коряков-аманатов во главе с Айвуланом Омьятовым убили 5 служилых людей и бежали из Анадырского острога на Камчатку. В 1753 г. коряки в количестве 300 человек осадили построенную в 1752 г. Тигильскую крепость. Осада кончилась для восставших поражением. В бою был смертельно ранен Айвулав.

В 1752 г. восстали аманаты-коряки в Охотской крепости, подавить которых местные власти сумели только с помощью пушек.[72]

---

[72] Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., стр. 111, 112, 115—120, 121—124, 161—163; А. Сгибнев. Исторический очерк..., Морской

Последнее восстание коряков произошло в 1756 г. В дальнейшем коряки, лишившиеся в результате карательных экспедиций и набегов чукчей значительной части боеспособного населения, вынуждены были отказаться от открытой борьбы. В этом отношении некоторое влияние оказали и уступки царизма, в частности, царская администрация отказалась от насильственного крещения коряков и передала сбор ясака в руки корякских старшин.[73]

Царское правительство, обеспокоенное выступлениями коренных народов Сибири и сокращавшимся поступлением ясачных сборов, провело в 1763—1769 гг. реформу ясачной системы. Ясак стал собираться с целых родов, общин и селений при круговой поруке. Сбор ясака был передан зажиточной верхушке коренного населения (князцы, тойоны, шуленги), а низовая русская администрация была от этого отстранена. Раскладка ясака была представлена на усмотрение самих сородичей, а фактически — зажиточной верхушки. Аманаты-заложники были выпущены на свободу. Было разрешено в случае отсутствия пушнины оплачивать ясак деньгами. За исправный и бездоимочный сбор ясака местная верхушка получала подарки и знаки отличия — кортики, медали. Наиболее влиятельные князцы были сделаны членами Нижних земских судов.[74] Все это способствовало привлечению верхушки коренного населения на сторону царизма и обострению социальных противоречий между богатыми и бедными внутри самих родов, улусов, селений и ясачных волостей коренного населения.

С общим ходом Крестьянской войны 1773—1775 гг. органически были связаны выступления населения приуральских районов Сибири. Эти выступления были преимущественно крестьянскими, и них, за незначительным исключением, активное участие принимали все слои крестьян. Как правило, крестьяне охотнее восставали при наличии вооруженной опоры в лице пугачевских отрядов. Как и во время других крестьянских движений, видную роль сыграли в это время мирские избы. Опираясь на них, крестьяне организовывали сопротивление карателям, проводили смотры своих сил, поддерживали связь с соседними районами, вершили суд и расправу на своей территории.

Специфической особенностью распространения Крестьянской войны в Сибири являлась относительная узость территориального охвата ею сибирской территории. Проведенные правительством незадолго до этого такие мероприятия, как замена десятинной пашни денежной формой ренты, секуляризация монастырского и церковного землевладения, реформирование ясачного обложения, снятие некоторых ограничений с торгово-промышленной деятельности, предоставление купечеству некоторых сословных прав и т. п. притупили на время социальные противоречия в Сибири.

Первыми вестниками о событиях на Яике были яицкие казаки, сосланные в Иркутск и Нерчинск за участие в восстании 1772 г. Рассказы о восстании разносились местным населением по селениям, далеко отстоящим от сибирского тракта (Барабинская степь, Канский погост, Колыванские заводы).

Известия, разносимые посланцами самого Е. И. Пугачева, крестьянами, возившими хлеб в пограничные крепости, а также солдатами, посылаемыми

сборник, 1889, кн. 3, стр. 63—65, 69; С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики..., стр. 59—64; И. С. Гурвич. Этническая история..., стр. 105—106.

[73] С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики..., стр. 62—63; И. С. Гурвич. Этническая история..., стр. 106—107. И. В. Шегалов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, стр. 272; И. Булычев. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, стр. 251—263.

[74] История Якутской АССР, т. II, стр. 133—140, 206, 207; И. С. Гурвич. Этническая история..., стр. 65.

из Оренбурга в Челябинск, Тобольск и другие города с донесениями о действиях Пугачева, подготавливали крестьян, посельщиков, выписных казаков и работных людей к восстанию против феодально-крепостнического строя и явились толчком к появлению в октябре 1773 г. повстанческой группы западносибирских крестьян, действовавшей под командованием Григория Рябова, бежавшего из нерчинской каторги и называвшегося Петром III.

Несмотря на решительные меры сибирских властей, схвативших Г. Рябова и его помощников, задушить повстанческое движение все же не удалось. В январе—феврале 1774 г. поднялось население Ялуторовского и Краснослободского дистриктов, Тюменского, Туринского и Верхотурского уездов. В Ялуторовском дистрикте, например, из 12 слобод активно участвовали в восстании 11 слобод и более 178 деревень с населением свыше 16 850 душ мужского пола.

В феврале 1774 г. восстанием был полностью охвачен и непосредственно граничивший с территорией Екатеринбургского горнозаводского ведомства Краснослободской дистрикт. Затем повстанческое движение стало распространяться в Тюменском, Туринском и Верхотурском уездах. Таким образом, в короткое время возник большой повстанческий район с тесными внутренними связями между восставшими.

В Туринском уезде против восставших крестьян активно выступила Ирбитская слобода. Зажиточная часть населения этой слободы, поддержанная из Туринска, сумела не допустить выступления бедняцких слоев и послала свой отряд для подавления восстания в Зайковской деревне.[75] Предательское поведение Ирбитской слободы было достойно оценено самодержавием, переименовавшем ее в город Ирбит.

Восставшие крестьяне в первую очередь избавлялись от представителей царских властей. Старые формы правления заменялись новыми. Во главе селений ставились выборные лица (атаман, «смотритель» и др.). Они выполняли как гражданские, так и военные обязанности.

Крестьянская война в Западной Сибири продолжалась около двух месяцев. Местным властям удалось создать из части зажиточного, особенно городского населения (купцы, цеховые, ямщики) крупные карательные отряды, которые вместе с регулярными частями разгромили отряды восставших крестьян.

Поражение Крестьянской войны в Сибири было обусловлено неблагоприятно сложившейся к весне 1774 г. общей обстановкой. Особенно неблагоприятно сказалось на сибирских восстаниях поражение повстанцев в Екатеринбургском и Исетском промышленно-заводских повстанческих районах, на боевые силы которых непосредственно опирались сибирские повстанцы.

Во второй период Крестьянской войны (апрель—июль 1774 г.), когда вновь созданная Пугачевым и его сторонниками повстанческая армия двигалась в направлении Сибири, сибирские крестьяне были снова готовы восстать.

Поражение армии Пугачева в мае 1774 г. под Троицкой крепостью исключало возможность выступления сибирских крестьян, которые, не имея военной поддержки, не смогли самостоятельно подняться против крепостников и их государства. Тем не менее 9 октября 1774 г. генерал-майор А. Скалон доносил П. И. Панину из Челябинска, что «яд Пугачева», коснувшийся Сибирской губернии, «и по ныне еще не исчевает, ибо живу-

---

[75] А. И. Акбердинов. Восстания сибирских крестьян в период Крестьянской войны 1773—1775 гг. В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 211.

...ые по Барабинской степи иноверцы и некоторые заводские крестьяне «верности сумнительные».[34]

Отказы крестьянской знати хантов и манси... поиски мастеровых и ...ство от выполнения заводских повинностей. Нередки были случаи групповых побегов по 10—15 ...[35]

После поражения крестьянской войны 1773—1775 ... открытых вооруженных выступлений в Сибири не было, но на заводах и рудниках Алтая было неспокойно. Распространялись слухи о том, что Пугачев жив, что появился новый спасский «отец» — Металлик.[36]

«Бедные колодники» — бывшие пугачевские «полковники» Мартын Зотов, Федор Чумаков, Шилин Шилимп Мартынов устроили в Змеиногорской горной конторе с целью побега и возобновления борьбы ... заключенных пропагандистов. Участники ... вновь решили бежать на границу «в Киргизскую замацку», т. е. в Казахские степи, вовлечь в восстание казахов, захватить крепости Иртышской линии, после чего с присоединившимися солдатами и казаками уничтожить ненавистную для горнозаводской Сибири границу и идти с ними «в оренбургские степи, больше колыбель крестьянской войны». Побег не удался, и дерзкие планы особенно беспощадно расправились с ...[37]

Широкое участие заводских крестьян Урала в движении 1773—1775 гг. ... в ряде работ по истории ... Однако ... ряд ... ведет 21 мая 1779 г. манифест, полностью ...ивший бывшности помещичьих крестьян, в том числе приписных к Сибирским заводам.[38]

Осенью ... годов 1781—82 гг. возникло движение среди приписных крестьян, которые отказались ... на заводские работы. В отдельных волостях проходили бурные сходы. Крестьяне дружно отвергали ... ставили цензов с выходом на работу и ... освобождения своих выборных людей, взятых под ...ражу. Движение перебросилось в Кунгурский уезд Пермской губ., по которой ... явилось 2080 сословных крестьян, было ...ставлено 216 2/16 крестьян Белоярского ведомства, назначенных для ... в Ирбитскую ярмарку, ... явилось 1251 человек. Из 942 кузнецких крестьян, «нарядженных» ... Невский завод, 22 октября явилось лишь 3 человека. Это движение сыало подавление ... крестьян и ... Правительственным указом от 26 февраля 1783 г. крестьяне отдаленных волостей Тюменского и Каинского уездов были ... работы ...[39]

Движение приписных крестьян против заводских работ не прекращалось и в последующие годы. Указ Колывано-Воскресенского горного правления от 4 мая 1788 г. Виюскому земскому суду свидетельствует о ... в ... году ... в Алтайских заводах 4695 человек.[40]

Продолжались ... и по сибирским заводам. В 1795 г. крестьяне ... заводов отказались ... на ...[41] Приписные крестьяне ...

---

[34] ... ед. хр. 301, 312, 317, 318. Тургенев. Известия Западной Сибири о Пугачевском деле. 1773—1774 гг. — Русский архив, 1872, № 10, стр. 129—163.

[35] Г. Р. Кондратьев. Горное и металлургическое производство Западной Сибири ... стр. 97; М. Г. Сахаров. Побеги заводских и приписных крестьян против ...ского гнета на Нижнетагильских ... в Западной Сибири в 70—80-х годах XVIII в. — Вопросы истории Сибири ... 1977. Томск, 1977, стр. 111—112; В. В. Кубанцев. Томск, 1961, стр. 37—38.

[36] Г. С. Зорин. К ... Пугачевщины ... — Сибирь в ... России XVIII ... Краеведческие записки, вып. 1. Томск, 1960, стр. 87—90; ... ед. хр. 82, 93.

[37] ... ед. хр. 355, № 7887.

[38] Г. Р. Кондратьев. Горное и металлургическое производство Западной Сибири, стр. 99.

[39] М. Е. ... Побеги людей мастеровых и приписного приставства ... — стр. 40—42.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Культура края и исследование Сибири

1. КУЛЬТУРА

Культурная жизнь Сибири в 20—80-х годах XVIII в., как и в XVII в., отражала (с некоторым, правда, опозданием) культурные процессы, протекавшие в центре страны. Вместе с тем в это время в образовании, литературе, архитектуре, искусстве края также стали проявляться свои особенности, складываться местные стили, школы.

Значительные сдвиги произошли в грамотности, в народном образовании. Появились светские школы, сначала элементарные цифирные и гарнизонные, затем профессиональные (геодезические, навигацкие, горнозаводские, медицинские) и, наконец, общеобразовательные — Главные и Малые народные училища.

Духовные школы в 20-х годах XVIII в. имелись в центах обеих сибирских епархий (Тобольской и Иркутской). В Тобольске в 1727 г. обучалось 57 учеников в школе при архиерейском доме ... монастыре. В 1743—1748 гг. митрополит Антоний Нарожницкий преобразовал архиерейскую школу в семинарию. При Екатерине II Тобольская семинария была одной из восьми в России с полным восьмиклассным курсом. Кроме того, здесь существовали экстраординарные (сверх обычных) классы татарского языка и иконописи. Срок обучения в зависимости от способностей учащегося колебался от 10 до 20 лет.[1]

В 1765 г. в Тобольской семинарии обучалось 200, в 1791 г. — 285 человек. В первый класс иногда поступало до 100 человек, а в старших оставалось по 8—10.[2] Большой отсев объяснялся трудностью обучения и высоким спросом на минимально грамотных людей со стороны церкви и гражданских ведомств.

Первая ... школа в Восточной Сибири на 25 учеников была открыта в 1725 г. при Иркутском Вознесенском монастыре по указанию «начальников экспедиций», чтобы дать монахам-миссионерам в ней обучаться русской грамоте и монгольскому языку. В 1737 г. школа была преобразована в типично славяно-русскую, а в 1740 г. — в латино-русскую. Функционировала она до 1746 г. В 1780 г. в Иркутске была открыта вторая в Сибири семинария.[3]

---

[1] Н. С. Юрцовский. Очерки истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923, стр. 11—13; А. Анхимецкий. Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия. ЖМНП, ч. CCCII, кн. 1905, июль; газета «Народное образование», стр. 6—22; Ф. Ф. Шамахов. Первые школы в Западной Сибири. Уч. зап. [illegible]. ... VII, Томск, 1949, стр. 40—49.

[2] Н. С. Юрцовский. [illegible] в Сибири, стр. 11—13; Е. М. Дверецкая. Связи Иркутска с Монголией. Зап. Иркутск. обл. краевед. музея, вып. 2, Иркутск, 1961, стр. 261; В. И. Андреев. Из истории раз-

Кроме тобольских и иркутской, в первой половине XVIII в. были открыты школы при Верхотурском Никольском, Якутском и Енисейском Спасских, Томском Алексеевском и при некоторых других монастырях. В конце 50—60-х годов XVIII в. митрополит Павел Конюскевич довел число духовных школ только в Тобольской епархии до 15.[4]

Созданные как чисто сословные, духовные школы поставляли кадры и для гражданских учреждений, в том числе педагогические для позднее открывавшихся гражданских школ.

Иркутская и Тобольская семинарии занимали видное место в культурной жизни Сибири. При них были собраны богатые для своего времени библиотеки, в которых, помимо книг на русском и иностранном языках, хранились уникальные рукописи. В Тобольской семинарии продолжались театральные представления, начатые в архиерейской школе Филофея.

После петровских указов 1706 и 1710 гг., требовавших крещения всех подданных России «иноверцев», русская церковь широко развернула в Сибири миссионерскую деятельность. Еще в 1715 г. митрополит Филофей предписал настоятелю Верхотурского Никольского монастыря готовить миссионеров из детей ханты и манси. Позднее было налажено обучение детей народов енисейского севера в школе Мангазейского Троицкого монастыря.[5] Особенно энергично церковь действовала в 40—60-х годах XVIII в. на Камчатке. В 1743 г. Синод направил туда специальную миссию во главе с иеромонахом Иоасафом Хотунцевским. В ее состав, кроме 12 священников, были включены для занятия учительских должностей 7 студентов московской Славяно-греко-латинской академии. Всего к середине XVIII в. миссия открыла на Камчатке и Курильских островах 20 школ, в которых обучалось несколько сот человек. Эти школы преследовали религиозно-просветительские цели. Но они давали некоторые основы грамоты и в этом плане оказали, безусловно, положительное влияние на культурное развитие далекой окраины царской России. В 40—60-е годы камчатские школы подготовили немало псаломщиков, дьячков, канцелярских служителей и даже учителей. Однако успехи школьного дела на Камчатке были временными и весьма относительными. Местные власти не соблюдали указ Сената о льготах учащимся из ясачного населения. Школы ютились в холодных, грязных и тесных помещениях, не обеспечивались самым необходимым, а с отъездом духовной миссии с конца 60-х годов начали приходить в упадок. К 1779 г. число школ на Камчатке сократилось до четырех (40 учеников), в 1783 г. осталась одна школа, а вскоре и она закрылась.[6]

Светские школы в Сибири, как и в европейской части страны, появились несколько позже духовных. В 1714—1716 гг. во все губернии для открытия цифирных школ были командированы ученики Московской навигацкой школы. В частности, в Сибирскую губернию в 1716 г. были посланы Никита Пилецкий и Яким Лодойников. По данным Сената, среди цифирных школ, открытых в 1716—1722 гг. в 42 городах империи, значится Тобольская, по числу учащихся (224) стоявшая на втором

---

[4] Н. Пеняфонтов. О каменных летописях и славяно-русских письмах в Тобольской епархии. Тобольские епархиальные ведомости, 1885, № 20, стр. 449—461; № 21 и 22, стр. 471—496; Д. Г. Колуцев. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск, 1961, стр. 6.

[5] П. Пекарский. Введение к истории просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862, стр. 108—120; А. Г. Базанов. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский север). Л., 1936, стр. 19—20.

[6] А. Г. Базанов. Школы на Камчатке в XVIII в. Советский Север, т. 2. Л., 1939, стр. 179—193.

шись.[1] Есть сведения о существовании в начале 80-х годов XVIII в. цифирной школы в Омске[2], получил **широкого распространения цифирные** школы в Сибири не получили. Известно, что и в учрежденной Россию после смерти Петра I школе математических наук в Тобольске в 1744 г. были сосредоточены **гарнизонными солдатскими школами. Последние оказались** единственным типом начальной церковной школы, которой отдавали **приоткрыл помещичьему государству».**[3]

Гарнизонные школы в отдельных местах России существовали еще в первой половине XVIII в. Одной из первых была Тобольская гарнизонная школа. В 1713 г. в ней числилось 43 ученика.[4] Сенатским указом 1732 г. было предписано открывать такие школы повсеместно.[5] В 30-40-х годах XVIII в. **гарнизонные школы появились** в Тобольске, Семипалатинске и за Байкалом, а в 50—60-х годах — в Уфимске, Оренбурге, Петропавловской, **Нышевской, Бийской крепостях** и в других местах Сибири.[6] Число учащихся в них за пятнадцать лет XVIII в. было значительным. **Школы указанных четырех крепостей были рассчитаны** на 400 учащихся, в Тобольской — на 500. Правда, по-видимому, не всегда число этого контингента выполнялось. В 1747 г. в трех школах насчитывалось в Тобольске 300 учащихся, в Уфимске 100, в Оренбурге 60 учеников, из классов насчитывалось 300 человек.[7]

Обучали в **гарнизонных школах** элементарной грамоте, военному делу и различным ремеслам — кузнечному, художественному, столярному, плотничному. Вспомогательными помещениями в школах (Омске и Тобольске) **были** кузницы, где школа изготовляла гвозди и хозяйственную работу в армии. Иногда им **удавалось продолжить** свое образование.[8]

Несмотря на **элементарность обучения** и суровый казарменный режим, **гарнизонные школы** в XVIII в. играли положительную роль в некоторых местах, где по тем временам было более высокого уровня. Так, в городе Сибирского военного округа Омске в 60-х годах XVIII в. по программе гарнизонной школы обучали математике, геометрии и черчению.[9] В 1780 г. здесь **все** 60 учащихся **были выделены** «Высшую школу для подготовки переводчиков и толмачей татарской, калмыцкой, монгольской и маньчжурской языков.[10]

Экспедиционное обследование и развитие горной промышленности Сибири вызвали к жизни **профессионально-технические школы**. В их по-

---

[1] Г. Ф. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 27.

[2] История Омского ГУСР, т. II, М., 1957, стр. 214.

[3] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1955, стр. 466.

[4] ЦГАДА, ОП, кн. 4, № 2211, л. 6 об.

[5] ПСЗ, т. VIII, № 5692.

[6] С. С. Шестаков. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 28—30; В. Н. Аношин. Просвещение города Оренбурга, стр. 105; Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII в., стр. 124—125; Школа на Камчатке в XVIII в., стр. 125—129.

[7] С. 34, 35 описи; Г. Ф. Юдовский. Появление горнозаводского пролетариата Западной Сибири в середине XVIII в., стр. 40; Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII в., стр. 124—125.

[8] Г. Ф. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 26, 27; С. С. Шестаков. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 28—30; Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII—XVIII в., стр. 124—125; Школа на Камчатке в XVIII в., стр. 125—129.

[9] Г. Ф. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 26, 27; С. С. Шестаков. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 28—30; Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII—XVIII в., стр. 124—125; Школа на Камчатке в XVIII в., стр. 125—129.

[10] Г. Ф. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 26, 27; С. С. Шестаков. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 28—30; Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII—XVIII в., стр. 124—125; Школа на Камчатке в XVIII в., стр. 125—129.

* Г. Ф. Юдовский. Западносибирское горнозаводское население XVIII в., стр. 12—13; ЦГАДА, Военно-походная канцелярия, кн. 4-111, л. 44 (имеется в виду Омск). Д. Н. Кобеляцкий.

* Статья написана старшим научным сотрудником Г. Ф. Юдовским.

дах по инициативе командира Камчатской экспедиции В. Беринга были открыты две навигацкие школы на несколько десятков учащихся в Охотске и Якутске.[18] Наряду с казачьими детьми здесь учились дети якутов и русских крестьян.[19] По уровню постановки работы Якутская и Охотская школы сначала мало отличались от обычных цифирных. Лишь с 1755 г. в них стали преподавать специальные мореходные дисциплины. Однако здесь готовили только младшее звено мореходов.[20]

В 1745 г. в Иркутске была открыта школа для подготовки специалистов геодезического профиля.[21] В 1754 г. губернатор Мятлев преобразовал ее в школу навигации и геодезии с контингентом учащихся в 50 человек, а его опальный друг и сподвижник Петра I Ф. И. Соймонов одновременно открыл навигацкую школу на 35 учеников в Нерчинске. В 1765 г. последняя была присоединена к Иркутской. Учащимся Иркутской и Нерчинской школ преподавали арифметику, черчение, геометрию, геодезию, архитектуру, судостроение и мореходство. Секунд-майор Татаринов, возглавивший в 1758 г. Иркутскую школу, ввел в ней также преподавание иностранных языков и выхлопотал присвоение выпускникам обер-офицерских чинов.[22]

Воспитанники Иркутской и Нерчинской школ использовались не только на морской и геодезической службе, но и в других ведомствах, особенно часто в горной промышленности Сибири. Иногда их направляли даже в европейскую часть страны.[23]

Однако в конце 80—начале 90-х годов Иркутская школа стала приходить в упадок. В 1787 г. иркутский и колыванский генерал-губернатор Якобий писал в Сенат, что со смертью в 1783 г. майора Татаринова подготовка морских штурманов в Иркутской навигацкой школе прекращена из-за отсутствия других квалифицированных преподавателей.[24] В 1795 г. последние 22 ученика навигацкой школы были переведены в Иркутское Главное народное училище.[25]

В Западной Сибири существовали геодезические школы, близкие по своей программе к навигацким. В 1758 г. такая школа была открыта в Тобольске, а несколько позже — в Томске.[26]

Во второй половине XVIII в. в Колывано-Воскресенском и Нерчинском горных округах появились школы для подготовки специалистов горного дела и квалифицированных рабочих. В 1753 г. в Барнауле при Канцелярии горного начальства была открыта по типу уральских комбинированная словесная и арифметическая школа с горнозаводской специализацией.[27] Через 10 лет она насчитывала 111—113 учеников, которые за-

---

[18] Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 32; С. Ф. Елисеев. Развитие народного образования в Якутии и помощь русского народа. В сб.: Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955, стр. 173; А. Г. Баландин. Школы на Камчатке в XVIII в., стр. 179.

[19] С. Ф. Елисеев. Развитие народного образования в Якутии..., стр. 173.

[20] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6219, лл. 183а—188.

[21] ЛО ААН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 5, № 142, л. 69 об.

[22] Я. Корейша. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789—1905), вып. 1, Иркутское главное народное училище (1789—1805). Иркутск, 1910, стр. 60—63; Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 33—34; Е. Д. Петрей. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959, стр. 18—19.

[23] Я. Корейша. Исторический очерк..., вып. 1, стр. 61—63.

[24] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6219, лл. 183—224 об.

[25] Я. Корейша. Исторический очерк..., вып. 1, стр. 63.

[26] Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 35.

[27] А. В. Смолин. Из истории горно-технического образования и педагогической деятельности В. В. Петрова на Алтае во второй половине XVIII в. Тр. научн. конфер. по истории черной металлургии Кузбасса, Кемерово, 1957, стр. 231.

нимались в классах словесном, арифметики, геометрии, тригонометрии, а отдельные учащиеся изучали физику, немецкий язык, знакомились с [illegible]ванием.[20]

В 1761 г. школы, подобные Барнаульской, были открыты при Змеиногорском руднике и Ирбинском заводе, а затем на новых Павловском, Сузунском и Заонаульском заводах. В 1781 г. в шести школах округа обучалось около 800 человек.[22]

Алтайские горнозаводские школы хорошо снабжались учебниками и необходимыми инструментами. Часть выпускников (иногда параллельно с учебой в школе) проходила ученичество на предприятиях, где шла их дальнейшая профессиональная подготовка под руководством лучших специалистов. Прошедшим такое ученичество присваивали горные чины. Алтайские горнозаводские школы не только решали проблему подготовки квалифицированных кадров для промышленности, но были первыми очагами светского образования на Алтае. Несколько позже, чем на Алтае, появились такие школы в Нерчинском горном округе. Первая из них была открыта в Нерчинске в 1758 г.[30]

Выросшая горная и металлургическая промышленность России остро нуждалась в инженерно-технических кадрах. Единственное Центральное Екатеринбургское училище не могло удовлетворить потребности всей страны, тем более что оно давало только средне-техническое образование. Подготовка инженеров за границей и привлечение иностранных специалистов также не решали проблему. Поэтому в 1773 г. в Петербурге было открыто Высшее горное училище, а в 1779 г. принято решение открыть горное училище в Барнауле. Оно начало функционировать во второй половине 80-х годов. Будучи средним учебным заведением, Барнаульское училище по программе мало отличалось от Петербургского. Срок обучения в Петербургском училище был 7, а затем 8 лет, в Барнаульском — 5—6 лет. Выпускники последнего, рекомендованные для продолжения учебы в Петербургском училище, зачислялись там в старшие классы и через 2—3 года получали диплом инженера.

Кадры отечественных медиков готовились в XVIII в. преимущественно в госпитальных медицинских школах. Первая такая школа в Сибири появилась в середине XVIII в. при госпитале в Барнауле. Предписание об ее открытии получил еще в 1751 г. главный лекарь Колывано-Воскресенских заводов А. Эшке. Но фактически Барнаульская медицинская школа стала функционировать только в 1758 г., когда приехал новый главный лекарь Н. Г. Ножевщиков, один из выдающихся медиков России XVIII в. Ножевщиков экзаменовал имевшихся при Эшке трех «госпитальных учеников» и по его представлению Медицинская канцелярия произвела их в 1759 г. в подлекари.[31]

По распоряжению Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в медицинскую школу были переведены 9 учащихся Барнаульской горнозаводской школы, отобранные Ножевщиковым. Латинскому языку их обучал дьякон Федор Омский, рисованию и арифметике — учитель горнозаводской школы Иван Морозов, а медицинским наукам — сам Ножевщиков.[32]

---

[20] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 1, № 323, лл. 99—266.

[21] Д. В. Смолин. Из истории горно-технического образования..., стр. 233.

[22] Т[illegible], стр. 231.

[23] Б. Н. П[illegible]. Русские госпитальные школы XVIII в. и их воспитанники. М., 1959, стр. 18—20.

[32] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 1, № 323, лл. 60—71.

В течение XVIII в. школа выпустила около 60 врачей, успешно работавших на заводах округа и во многих других районах Сибири.[34]

Медицинских работников во второй половине XVIII в. готовили отдельные врачи-энтузиасты и в госпиталях Нерчинского горного округа: Егор Томилов — в Нерчинском заводском, а затем в Дучерском, Петр Лебедев — в Селенгинском, Алексей Малков — в Кутомарском, Осип Кричевский — в Нерчинском, Иван Реслейн — в Удинском.[35]

«Регламент Главному Магистрату» 1720 г. предусматривал открытие городскими обществами на свои средства общеобразовательных «градских» школ. В Сибири первая такая школа была открыта в 1781 г. в Иркутске. В нее набрали 135 учеников. Обучали их чтению, письму и пению. Однако к концу 1787 г. количество учащихся сократилось до 40 человек, а в 1789 г. последние 20 влились в состав Главного народного училища.[36]

В 80-х годах XVIII в. правительство Екатерины II впервые предприняло попытку ввести в стране всесословную общеобразовательную школу. Был разработан устав двухступенчатой народной школы, предусматривавший открытие в уездных центрах двухклассных Малых и в губернских — четырехклассных Главных народных училищ. Наблюдение за народными училищами возлагалось на местные Приказы общественного призрения, а их содержание — на городские общества.

В 1788—1790 гг. в Сибири было открыто 13 народных училищ: 3 Главных (в Тобольске, Иркутске, Барнауле) и 10 Малых (в Тюмени, Туринске, Таре, Кузнецке, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Верхнеудинске, Томске, Нарыме).[37] Открытие народных училищ привлекло внимание городских обществ и вызвало у них известный энтузиазм. Но скоро потребовались материальные затраты, и отцы города охладели к народному образованию. В 1788 г. в 3 класса Тобольского Главного народного училища поступило 88 учеников. В 1792 г. их было уже 149, а к началу 1796 г. осталось только 76, так как в 1795 г. городское общество отказало училищу в финансовой поддержке.[37] Барнаульское Главное народное училище вообще скоро закрылось, так как не в состоянии было конкурировать с лучше обеспеченными горнозаводскими школами Алтая и Горным училищем. Несколько лучше было положение Иркутского Главного народного училища, получавшего поддержку богатого местного купечества.

Поставленные в полную финансовую зависимость от городских обществ, народные училища испытывали в своей работе большие трудности. Тем не менее Тобольское и Иркутское Главные народные училища дожили до преобразования их в начале XIX в. в гимназии. Вы-

---

[34] А. Колкин. Первое медицинское учебное заведение в Сибири. Сибирские огни, 1999, № 7, стр. 170; В. Н. Палкин. Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений в районах Приангарья и Горного Алтая в XVIII в. Здравоохранение Казахстана, Алма-Ата, 1934, № 3, стр. 53—56.

[35] А. Колкин. Первое медицинское учебное заведение в Сибири, стр. 170.

[36] Я. Корейша. Исторический очерк..., вып. 1, стр. 26.

[37] Н. С. Юрцинский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 40; Ф. Ф. Шамаков. Первые школы в Западной Сибири, стр. 65; Я. Корейша. Исторический очерк..., вып. 1, стр. 5—6; Н. Н. Баклай. Справочка из истории народного образования Восточной Сибири в конце XVIII в. Сибирский сборник, Иркутск, 1894, вып. 4, стр. 22—29; С. Н. Замахаев и Г. А. Цветаев. Тобольская губернская гимназия..., стр. 3—15; А. В. Сапаев. Из истории горно-технического образования..., стр. 231; Д. Г. Жилудев. Краткая история школ Красноярского края..., стр. 7; Н. Пилецкий. Народное образование в г. Якутске и Якутском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк). Енисейск. Тобольск, губ. музей, вып. 2, 1894, стр. 2—6.

[37] С. Н. Замахаев и Г. А. Цветаев. Тобольская губернская гимназия..., стр. 3—13.

пускники Главных народных училищ пополняли ряды канцелярских служащих, шли на военную службу в младших офицерских чинах, готовились к учительским должностям в Малых народных училищах. Оба училища готовили учащихся по полной программе, предусмотренной уставом. Кроме того, в Тобольском училище изучали татарский язык, а в Иркутском — монгольский, китайский, маньчжурский и с 1792 г. японский.

Тобольское и Иркутское Главные народные училища стали объединять вокруг себя местные культурные силы. В обоих училищах были созданы библиотеки, а при Тобольском издавался первый в Сибири журнал.

Финансовые трудности еще больше отражались на работе Малых народных училищ. Некоторые из них (Красноярское, Кузнецкое) из-за отказа местных дум в финансировании вскоре закрылись, а другие влачили жалкое существование. Лишь отдельные, как Енисейское и Тюменское, находившиеся в старых экономических центрах края, дожили до преобразования в первой четверти XIX в. в уездные.[38]

К началу 90-х годов XVIII в. важнейшие административные и экономические центры Сибири Тобольск, Барнаул и Иркутск имели сравнительно широкую для своего времени сеть учебных заведений. В Тобольске было 4 учебных заведения с общим количеством учащихся не менее 500 человек (Главное народное училище, семинария, гарнизонная школа, школа геодезии), в Иркутске — 5 (Главное и Малое народные училища, семинария, гарнизонная школа, школа навигации и геодезии) с количеством учащихся около 300 человек,[39] в Барнауле — 3 (Горное училище, горнозаводская и медицинская школы). Однако в целом в Сибири регулярное образование делало только первые шаги. Оно имело целью обеспечить грамотными кадрами казенные нужды и потребности церкви и носило характер служебной повинности всех сословий, за исключением крестьян. Что же касается потребности населения в практически-прикладной грамоте, то она по-прежнему удовлетворялась преимущественно путем частного обучения. Не только купцы, но даже дворяне и служилая бюрократия предпочитали более дешевое обучение у частных мастеров грамоты, а мелкие чиновники и церковнослужители часто обучали детей сами. Частные школы были в основном в городах. По сообщению А. И. Сулоцкого, в 40—50-х годах XVIII в. в Тобольске успешно работали частные школы двух учителей из ссыльных.[40] В 1795 г. учителя Тобольского Главного народного училища только в трех обследованных ими частях Тобольска (третьей, четвертой и пятой) обнаружили 10 частных «непозволенных домашних училищ», в которых обучался 71 человек, «по большей части мещанских детей».[41] Основываясь на этих данных, директор народных училищ надворный советник Докторов в донесении правителю наместничества А. В. Алябьеву писал, что частные учителя, среди которых немало ссыльных «за преступления», из соображений личной выгоды «опорачивают способ наук в Главно-народном училище преподаваемой, и тем самым, обольщая невежество сограждан, обращают их, что они к ним отдают своих детей охотнее, нежели в училище, учрежденное для общего просвещения». В этой связи Правление Тобольского наместника 30 января 1796 г. издало указ, который, со

---

[38] А. В. Смолин. Из истории горно-технического образования..., стр. 231; Н. Н. Бахан. Страничка из истории народного образования..., стр. 26—29; Д. Г. Жолудев. Краткая история школ Красноярского края, стр. 7; ГАТОТ, ф. Тюменской городской думы, № 844, лл. 1—2, № 600, лл. 5—7.

[39] В. И. Андреев. Из истории развития школ Иркутска, стр. 83—84.

[40] А. И. Сулоцкий. Тобольская архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии. Иркутские епархиальные ведомости, 1875, Прибавления, № 3, стр. 26.

[41] ГАТОТ, ф. Тюменской комендантской канцелярии, оп. 1, № 56, лл. 14, 21.

ссылкой на устав народных училищ, грозил штрафом за каждого ученика тем, кто осмеливается обучать детей частным образом в городах губернии, где имеются народные училища. Нет сомнения, что частные домашние «училища», подобные тобольским, существовали и в других городах Сибири. Когда в 1781 г. из Академии наук поступил запрос о потребном количестве экземпляров изданий «гражданской азбуки» для «публичных и приватных школ», в Тюменскую воеводскую канцелярию подали заявки ямской выборный на 25 экземпляров для ямщиков и комендантская канцелярия на 12 экземпляров для местной администрации.[42] При подготовке к открытию народных училищ в Красноярске было выявлено более 60 детей, занимающихся у частных учителей, а в Кузнецке — около 80.[43]

Известную роль в обучении грамоте русского населения Сибири, особенно крестьян, играли старообрядцы. В борьбе против официальной церкви расколоучители использовали свою грамотность для обучения крестьянских детей в целях распространения своего учения.[44] Однако в целом грамотность в сибирской деревне XVIII в. по сравнению с городом распространялась, как и прежде, очень слабо.

Положительным явлением в культурной жизни Сибири 20—80-х годов XVIII в. было появление ряда библиотек, начиная от учебных и кончая публичными. К числу наиболее ранних относится библиотека Тобольской духовной семинарии (1748 г.), складывавшаяся еще с открытия в начале XVIII в. архиерейской школы. Ценные фонды собраны были в библиотеке при Иркутской духовной семинарии — от латинских рукописей и старопечатных книг до монгольских и тибетских ксилографов с обширным отделом журналистики.

В 1764 г. в Барнауле, при Правлении Колывано-Воскресенских горных заводов, А. И. Порошин открыл библиотеку, скоро ставшую одной из крупнейших в России технических библиотек. В начале XIX в. в ее фондах насчитывалось 7152 тома на русском, немецком, латинском, английском и других языках.[45] Барнаульская библиотека регулярно комплектовалась новейшей научно-технической литературой.[46] Вскоре библиотеки были открыты на Змеиногорском руднике и Локтевском сереброплавильном заводе.[47] Алтайские библиотеки, созданные как горнотехнические, комплектовались затем довольно разносторонне. Наряду с физико-математической и технической литературой в них поступали произведения исторические, географические, литературно-художественные.

В 1782 г. в Иркутске открылась первая в Сибири публичная библиотека. Академия наук отправила для нее 1304 книги. В 1789 г. эта библиотека перешла в ведение Иркутского Главного народного училища, но сохранила свой публичный характер.[48]

В XVIII в. в Сибири уже имелись частные собрания книг у отдельных гражданских лиц. Так, И. П. Фальк, побывавший в Тобольске, видел библиотеку из 400 книг у К. А. Черепанова (брата автора знаменитой летописи), в которой имелись книги по математике, механике, исто-

---

[42] Там же, № 4812, лл. 1—5 об.

[43] Н. Н. Белов. Страницы из истории народного образования... стр. 24; Н. С. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 57.

[44] Д. Н. Беляков. Старший раскол в пределах Томского края. Томск, 1905, стр. 18.

[45] Н. Я. Савельев. Кольма Дмитриевич Фролов. Жизнь и деятельность замечательного русского изобретателя. Свердловск, 1950, стр. 68—69.

[46] Н. Вальчур. Из истории технических библиотек на Алтае. Библиотекарь, 1953, № 3, стр. 43.

[47] Н. Я. Савельев. Кольма Дмитриевич Фролов..., стр. 67.

[48] В. Е. Васильченко. Очерки истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв. М., 1948, стр. 124.

рии и другим наукам.[42] Большое собрание книг было у тобольских купцов Корнильевых.

Развитие библиотечного дела наряду с общими сдвигами в экономической и культурной жизни края не могло не способствовать расширению читательских интересов сибиряков и распространению книг среди более широкого круга лиц. Но не следует слишком переоценивать эти сдвиги. Церковные книги (служебные и назидательные) по-прежнему составляли основную часть читаемой литературы.

Среди [illegible] ставить [illegible] нимать [illegible] дения церковных деятелей конца XVII—начала XVIII в. (Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского), отличавшиеся яркой публицистической направленностью.[53] Несколько расширился круг исторических сочинений. По-прежнему были популярны хронографы. Кроме того, пользовались спросом «Синопсис», «Церковные анналы Цезаря Барония», «История о Казанском царстве», «Житие Петра Великого».[54]

Светская литература, кроме исторической, была представлена в Сибири довольно слабо. «Беллетристические» произведения были тесно связаны с агиографией. В Сибири читали и переписывали рассказы и притчи из патериков (Скитского, Египетского, Лимониса), сказания и легенды о монастырях и чудотворных иконах. Наиболее многочисленную группу повествовательной литературы составляют произведения нравоучительного содержания — Пчела, Великое зерцало, Звезда Пресветлая, популярные в среде старообрядцев дидактические повести — о Варлааме и Иоасафе, о царе Агее, о царице и львице, о двенадцати снах царя Шаханши (Мамера), о Вавилонском царстве. Популярность их усиливалась тем, что в ряде повестей поднимались животрепещущие для Сибири темы — о праведном судье, о справедливом царе.[55]

Широкое распространение раскола в Сибири влияло на характер местных литературных вкусов. Центрами распространения в Сибири сочинений старца Авраамия, братьев Денисовых, дьякона Александра, «выговца» Трифона Петрова и другой старообрядческой литературы были скиты и пустыни, одновременно являвшиеся школами для крестьянства.[56] Борьба церкви с «возмутительными» раскольничьими сочинениями во многих случаях перерастала в борьбу против всякой рукописной литературы. В 1760 г. тобольский митрополит Павел II (Конюскевич) издал указ о запрещении служителям культа читать любые рукописные книги, кроме евангелия.[57] В этом плане показательно дело о иеромонахе Вассиане, «который, оставя порученное ему дело, чинил безумное любопытство», т. е. читал рукопись «о титуле султана турецкого» — одну из сатир, созданных в среде Посольского приказа XVII в. Глубоко патриотические, обращенные против внешних врагов Русского государства, эти пародийные сочинения не имели антифеодальной или антигосударственной направленности, но митрополит Павел II усмотрел в поступке Вассиана недопустимый грех и приказал, «для памяти ему» и чтобы «других не соблазнял, сто ударов настоящих плетьми учинить».[58]

---

[42] Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824, стр. 402, 403.

[43] Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. Исследования по языку и фольклору, вып. 1. Новосибирск, 1965, стр. 229.

[44] Там же, стр. 237—239.

[45] М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в., М., 1962, стр. 87; Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков..., стр. 240—243.

[46] Д. Н. Беликов. Старинный рукопись в пределах Томского края, стр. 13, 18, 33, 34; Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков..., стр. 243—246.

[47] РАГОТ, в. Тобольской духовной консистории, д. 89, лл. 1—3 об.

[48] Там же, д. 59, лл. 1—3.

О распространении сатирической литературы свидетельствует рукописный сборник, принадлежавший якутскому купцу Ф. В. Макарову. В него входят лучшие произведения русской сатиры XVII—XVIII вв. — повести о Ерше Ершовиче, о Шемякине суде, о куре и лисице, Калязинская челобитная, «Гимн бороде» М. В. Ломоносова и весь цикл полемических сочинений, появившихся вслед за ним. Особенно любопытна находящаяся в сборнике «История о купце», главный герой которой тобольский купец, «президент гостиной сотни», приехавший в Петербург. Содержание этой повести позволяет говорить о ее сибирском происхождении.[56]

Несомненно сибиряками были написаны в начале 60-х годов XVIII в. сатирические стихи о Красноярске — «Эпиграммы о городе Красноярске» и «Стихи о плеши» (сатира на красноярского полицмейстера Лоренца Кристенсона). Они распространялись среди жителей Красноярска в списках и даже распевались как канты (стихи, положенные на музыку).[57] «Стихи о плеши» обнаруживают близость к сатирам М. В. Ломоносова, в частности к «Гимну бороде».

Однако в области литературного творчества сибирское общество значительно отставало от центра, а сочинения русских писателей XVIII в. медленно входили в круг чтения сибиряков. Только в конце 80—90-х годов XVIII в. в Иркутске, Тобольске и некоторых других городах Сибири можно было встретить среди купцов и чиновников довольно хорошо образованных людей, читавших современные газеты и журналы.[58] Несколько особое в этом отношении положение занимала техническая интеллигенция Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. Многие ее представители уже с середины XVIII в. внимательно следили не только за современной им научно-технической, но и художественной, исторической, географической литературой.

О непосредственных откликах сибиряков на современные события литературной и общественной жизни можно говорить лишь с конца 80-х годов XVIII в.

Указ о вольных типографиях (1783 г.), разделение Сибири на Колыванскую, Тобольскую и Иркутскую губернии (1781—1783 гг.) и школьная реформа 80-х годов послужили толчками к появлению в Сибири первых типографий. В 1783—1784 гг. в Иркутске в связи с открытием [illegible] была сделана попытка открыть казенную типографию, но достоверных данных о ее работе ранее начала XIX в. нет.[59]

Более значительный след в истории печатно-издательского дела в Сибири оставила открытая в 1789 г. Тобольская типография купца первой гильдии Василия Дмитриевича Корнильева.[60] В 1789 г. в ней была напечатана английская повесть «Училище любви» (переведенная с французского издания П. П. Сумароковым). Успех первой книги был так велик, что вскоре пришлось повторить издание. Затем были опубликованы То-

---

[56] Н. Н. Рязов. 1) Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 481—485; 2) «История о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 440—448.

[57] Е. К. Ромодановская. Новые материалы по истории сибирской литературы XVIII в. В сб.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв., Новосибирск, 1965, стр. 304—310.

[58] Г. Кунгуров. Ранние культурные и литературные интересы в старой Сибири (XVIII—XIX вв.). Уч. зап. Иркутск. пед. инст., вып. VII, 1941, стр. 102; Ф. А. Кудрявцев, Е. П. Силин. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947, стр. 156—157; Вл. Орлов. Пути и судьбы. М.—Л., 1963, стр. 189—190.

[59] ССЭ, т. II, стр. 211.

[60] З. Жуков. Ирыш, Ипокрена, Лета. Поэты-тоболяки XVIII столетия. Омский альманах, кн. 1, Омск, 1939, стр. 133.

больская летопись, «Словарь юридический», «Сельская экономия», книга П. Палласа «Описание растений Российского государства», «Ода на 1793 год» местного поэта И. Трунина и две книги штаб-лекаря И. Петерсона («Краткое наставление» о первой медицинской помощи и «Краткое описание» сибирской язвы).[61] Кроме того, в типографии Корнильева печатались журналы «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789—1791 гг.), «Журнал исторический...» (1790 г.) и «Библиотека ученая...» (1793—1794 гг.). Первым и наиболее интересным из них был «Иртыш» — один из ранних провинциальных литературных журналов России. До него издавался только в 1786 г. в Ярославле «Уединенный пошехонец».

«Иртыш» объединял вокруг себя все местные литературные силы. Издавался журнал на средства Тобольского Главного народного училища и под редакцией его учителей. Но фактическим руководителем «Иртыша» и кружка литераторов был поэт Панкратий Платонович Сумароков, сосланный в Тобольск в 1787 г. В конце XVIII в. Сумароков был самым крупным в Сибири и признанным в России поэтом, представителем просветительского классицизма. В журнале публиковались литературные произведения учителей и учеников Тобольского Главного народного училища и семинарии, местных и ссыльных интеллигентов, речи учителей народного училища на торжествах, рассуждения на различные темы, переводы иностранной литературы, перепечатки из центральных журналов. Оригинальных произведений печаталось мало. Большинство публикуемых материалов было познавательно-просветительскими, а переводы часто носили чисто учебный характер. Однако «Иртыш» принимал живое участие в обсуждении самого злободневного вопроса русской действительности XVIII в. — крепостничества. Сумароков, учитель В. Прудковский, прокурор И. И. Бахтин и некоторые другие участники литературного кружка в своих произведениях выступали с критикой крепостничества. Прудковский в статье «Нечто к состоянию людей относящееся», рассуждая о рабстве и вольности, пришел к выводу: «Что касается природы, то она всех произвела вольными», а героиня сказки Бахтина «Господин и крестьянка» говорит барину:

«Родимый мой!
Прости ты глупости моей!
У вас издавна так робят мы унимаем,
То мнимство твоей,
Иль волком их пужаем».[62]

Среди прочих участников тобольского литературного кружка следует отметить несомненно обладавшего литературным талантом Николая Смирнова, дворового человека князей Голицыных, за попытку бегства отданного в «состоящие в Тобольске воинские команды солдатом». В журнале «Иртыш» он опубликовал ряд стихотворений («Стихи на смерть», «Оскорбленная любовь», «Покинутое дитя» и др.).[63]

Будучи с декабря 1790 г. по июль 1791 г. в Тобольске, проездом в илимскую ссылку, А. Н. Радищев несомненно познакомился с Сумароковым и другими участниками тобольского литературного кружка и, вероятно, оказал на них влияние.[64]

---

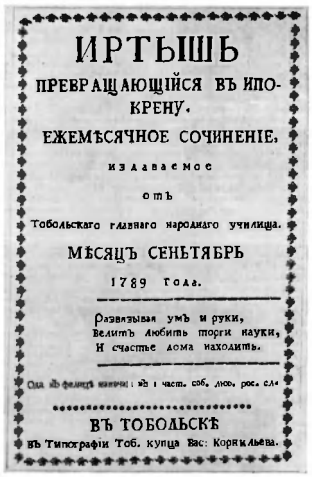
[61] Б. Н. Палкин. Русские госпитальные школы... стр. 162—164; С. М. Громбах. Русская медицинская литература в XVIII веке. М., 1953, стр. 277, 278.

[62] «Иртыш», 1789, сентябрь, стр. 43.

[63] К. В. Сивков. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 289, 290; Биография А. Н. Радищева, написанная его сыном. Лит. М.—Л., 1959, стр. 72.

[64] О Радищеве в Сибири см. стр. 449, 450.

«Иртыш» пользовался поддержкой местного общества и наместника Алябьева. Корнильев отпечатал бесплатно четыре первых номера журнала, а Алябьев активно содействовал его распространению. Однако



ИРТЫШЬ

ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ СЕНЬТЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Сда въ фелицѣ напечат: въ 1 част. соб. лис. рос. сл.

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

въ Типографіи Тоб. купца Вас: Корнильева.

Титульный лист журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

«Иртыш» просуществовал немногим более двух лет. Весь тираж не расходился. В 1790 г. из 300 экземпляров было продано 186, в 1791 г. — 106.[60] На судьбе журнала, видимо, сказалось также замечание, получен-

[60] З. Жуков. Иртыш, Ипокрена, Лета..., стр. 135, 136.

ное Алябьевым на чтение и прием Радищева в Тобольске, и общее наступление реакции. Параллельно с «Иртышом» Тобольское Главное народное училище в 1799 г. издало два выпуска «Журнала исторического, выбранного из разных книг». В нем публиковались различные переводы без указания источников и имен переводчиков.

После прекращения издания «Иртыша» Сумароков задумал энциклопедический журнал, который удовлетворял бы интересы самых разных читателей. Новый журнал издавался под названием «Ученая, Экономическая, Нравоучительная, Историческая и Увеселительная Библиотека, в пользу и удовольствие обоего пола и всякого звания читателей». Подавляющее количество опубликованных в нем материалов было переводным. Значительное место занимали хозяйственные рецепты. В числе оригинальных работ Сумароков опубликовал две статьи («О изящных художествах» и «О драматическом стихотворстве»), в которых изложил свои взгляды на литературу и искусство. Из бывших участников «Иртыша» в «Библиотеке ученой», кроме Сумарокова, сотрудничали Воскресенский, Трунин и Бахтин.

Несмотря на помощь наместника Алябьева, это издание продержалось еще меньше «Иртыша» и после 12 номеров в 1794 г. было прекращено, а в 1796 г. по указу о запрещении вольных типографий закрылась и типография Корнильева.[65]

С прекращением журнальных изданий замерла и деятельность кружка тобольских литераторов. Сумароков вскоре возвратился в Москву, Бахтин был переведен в Нижегород, но некоторые участники кружка, оставаясь в Сибири, продолжали писать и даже печатались в столичных журналах. Так, Трунин, произведенный после закрытия Тобольского Главного народного училища в сержанты артиллерии, в 1802 г. опубликовал в московском журнале «Новости русской литературы» два стихотворения и письмо под названием «Руины», в котором критиковал Н. М. Карамзина за употребление без надобности иностранных слов.[67] Н. Смирнов в 1794—1795 гг. поместил под псевдонимом «Даурец Номохон» более 10 стихотворений в журнале «Приятное и полезное препровождение времени».[68]

Несмотря на кратковременность работы, кружок тобольских литераторов сыграл известную роль в становлении местной сибирской литературы. Материалы, помещаемые тобольскими литераторами в «Иртыше» и других тобольских изданиях этого времени, знакомили с сибирской жизнью, но они знакомили читателя с общерусской и западноевропейской литературой, а в оригинальных произведениях тобольских литераторов находили отражение те острые общественные вопросы, которые ставила русская действительность XVIII в.

Живопись Сибири в 20—80-х годах XVIII в. по-прежнему была представлена преимущественно иконописью, которая обслуживала духовные потребности основной массы населения. Вместе с тем в домах чиновников и купцов, купцов и местных интеллигентов стали появляться портреты, пейзажи и другие произведения светской живописи. Искусными иконописцами и резчиками по дереву славился Тобольский архиерейский дом. Иконопись преподавалась здесь в архиерейской школе, затем в духовной семинарии. По мнению А. И. Сулоцкого, иконописи в XVIII в. обучали и в других духовных школах.[69]

[66] А. П. Щапов. Библиотеки ученая, экономическая и пр., издаваемая П. И. Сумароковым в 1793—1794 гг. в Тобольске. СПб., 1874, стр. 36.
[67] Новости русской литературы за 1802 год. М., 1802, стр. 200—206, 272.
[68] Биография А. П. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 72.
[69] А. И. Сулоцкий. Исторические сведения об иконописании в Сибири. Тобольск. губ. ведомости, Тобольск, 1871, № 17, стр. 50.

Заводчики Демидовы в первой половине XVIII в. открыли при Нижне-Тагильском заводе школу художественной росписи по металлу. Демидовские мастера расписывали железные столы, подносы, шкатулки. Иногда они выполняли и частные заказы. Под влиянием Нижне-Тагильской художественной школы мастерство росписи по железу и дереву скоро получило развитие в Туринске. Во второй половине XVIII в. туринские художественные изделия продавались в Тобольске, Перми и особенно на Ирбитской ярмарке.[70]

Имеются некоторые сведения о работе в 80—90-х годах XVIII в. художников станкового жанра (Ф. И. Флоринского в Иркутске, В. П. Петрова и К. Д. Фролова на Алтае).[71]

У [illegible] сибирского театра 20—80-е годы XVIII в. явились временем подготовки условий для развития профессионального театра. Тобольский театр, например, имел около 40 учеников школы и Софийской площади, давая спектакли в домах наиболее знатных горожан, и его репертуар расширялся и подвергался светскому влиянию.[72]

Большую популярность приобрели вертепы (кукольные представления). Их появление в Сибири в значительной мере было связано с усилением в XVIII в. южнорусского (украинского) культурного влияния. По внешнему виду (двухъярусный ящик) и по репертуару (традиционной была пьеса «Смерть царя Ирода») вертеп в Сибири был сильно схож со староукраинским бурсацким театром. С другой стороны, в нем нашло непосредственное продолжение традиции северорусского народного театра скоморохов с их тонким юмором и задорным весельем. Представление [illegible] хорошим концом, а заканчивалось оно тяжкими позорами царя Ирода и трауром его дочери. Однако сибиряки скоро вставали [illegible] и день царя в конце спектакля стала исполнять веселый танец с генералом. Вертепные представления устраивались на Енисейской и Ирбитской ярмарках, а также в домах богатых горожан во время святочных праздников в Тобольске, Иркутске и других городах.[73]

На ярмарках и базарных площадях городов и в крепостях сибирских линий выступали бродячие «потешники» и «комедианты» — прямые и непосредственные продолжатели народного искусства скоморохов. Одной из разновидностей изредка его театра был самодеятельный солдатский театр.[74]

Зарождение светского театра в Сибири относится ко времени самых первых [illegible] провинциальных театров в России.[75] Зимой 1764/65 г. в Омской крепости местные офицеры играли любительские спектакли. Руководителем Омского театра был автор «Домовой летописи» инженерный капитан Иван Андреев, образованный для своего времени человек. Ставили в Омском театре трагедии и комедии Сумарокова, Ломоносова, Хераскова; в 70-х годах в его репертуаре появились комические оперы. Представления первоначально давались на закрытых офицерских вечерах, но затем стали практиковаться спектакли для низших военных чинов и даже для широкой городской [illegible], как, например, мер во время платного общественного маскарада в 1774 г.[76] В 1787 г.

[illegible] Там же, стр. 101.

[illegible] СИЗ, т. I, стр. 933.

[illegible] П. Жегалов. Театр в старой Сибири (страница из истории русского провинциального театра, XVIII—XIX вв.). Зап. Гос. инст. театральных искусств им. А. В. Луначарского, М.—Л., 1940, стр. 120—150.

[illegible] Там же, стр. 121, 131, 132.

[illegible] С. Г. Ландау. Из истории драматического театра в Омске (1765—1946 гг.). Омск, 1946, стр. 6.

[illegible] Там же, стр. 5; П. Г. Мазаровский. Очерки из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957, стр. 21.

[illegible] С. Г. Ландау. Из истории драматического театра в Омске..., стр. 5—8.

был открыт любительский театр и в Иркутске. На его сцене, как и в Омске, шли главным образом трагедии и комедии Сумарокова. Режиссером и главной актрисой была Троепольская — жена местного чиновника. И. Сиверс, проезжавший через Иркутск в 1790 г., тепло отозвался в своих записках об этом театре.[77]

Самостоятельное значение в культурной жизни Сибири 20—80-х годов стала приобретать инструментальная музыка. Некоторые губернаторы привозили из России музыкантов и устраивали для изорванной публики музыкальные вечера. Кроме того, в каждом воинском гарнизоне существовали духовые оркестры, которые использовались на официальных торжествах и на балах-маскарадах. Исполнение таких оркестров, по свидетельству И. Сиверса, оставляло неплохое впечатление.[78]

Зодчество Сибири в 70—80-х годах XVIII в. отражало смену архитектурных стилей России. Вместе с тем стали складываться и местные [illegible]. Здесь сталкивались севернорусское, южнорусское и восточное влияния. При этом приемы строительства и художественно-архитектурные вкусы, принесенные русскими переселенцами в XVII в., под воздействием местных условий и особенностей жизни изменялись.[79]

В застройке и архитектуре городов происходили изменения в сторону типизации и регулярности. В Тобольске еще в начале XVIII в. были разработаны С. У. Ремезовым проекты образцовых домов,[80] но типизация и плановость застройки практически начали осуществляться в Сибири только во второй половине XVIII в. В 1767 г. в «Комиссию о строении С.-Петербурга и Москвы», руководившую регулярной застройкой городов России, поступили планы Тобольска, Тары и Тюмени, выполненные преподавателями и учениками Тобольской школы геодезии. Они предусматривали регулярную застройку с прямыми проспектами и улицами. В 1776 г. план Тобольска был утвержден в «Комиссии» и принят к исполнению. В 1784 г. для Тобольска, ставшего центром наместа-чества, был разработан и утвержден новый план застройки. Он стал энергично проводиться в жизнь. На нижнем посаде вокруг гостиного двора разрешалось строить только двухэтажные каменные дома. Поощрялось строительство каменных домов и в других частях города. В других центральных районах верхнего и нижнего посада разрешалось строительство типовых деревянных домов с каменным фундаментом, и лишь на окраинах можно было строить нетиповые дома. Руководство застройкой города впервые оказалось в руках специалистов — архитекторов Гучева и [illegible].[81]

В Иркутске в 60—70-х годах XVIII в. был впервые перепланирован центр: выправлены и расширены улицы, намечены основные площади, устроены деревянные тротуары, начаты работы по укреплению берегов Ангары. После пожара 1775 г. центр Иркутска был снова перепланирован и стал застраиваться крупными зданиями, а в их облике наметились уже новые черты, характерные для русской архитектуры конца XVIII в. Композиционным ядром обновленного центра стал новый кирпичный

---

[77] Э. П. Зиннер. Город Иркутск в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Зап. Иркутск. [illegible] музея, вып. 2, Иркутск, 1961, стр. 52—54.

[78] Там же, стр. 54.

[79] Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; стр. 11—18.

[80] В. В. Кириллов. Проекты образцовых домов, разработанные С. У. Ремезовым для Тобольска. Архитектурное наследство, т. 12, М., 1960, стр. 135, 136.

[81] В. И. Кочеткин. Тобольск. (Как рос и строился город). Тюмень, 1963, стр. 40, 41, 76—80, 152.

гостиный двор, выстроенный в 1782 г. по проекту Кваренги.[32] Особенно большое строительство в Иркутске развернулось в 80-е годы. В 1780—1792 гг. был составлен ряд вариантов генерального плана Иркутска на основе принципа регулярного планирования. В 1792 г. генеральный план был утвержден. Несколько упорядочив исторически сложившуюся опорную схему, он сохранил многие ее недостатки. Тем не менее это было важное градостроительное мероприятие. Генеральный план обеспечивал более регулярную и целостную в стилевом отношении застройку. К нему прилагались фасады «образцовых» домов для застройки. Некоторые положительные результаты от реализации генерального плана Иркутска сказались уже в конце XVIII в.[33]

Новые веяния в городском строительстве оказывали влияние и на застройку деревень. Наряду с наиболее древним типом деревень-«гнезд» со свободной застройкой у малых рек и ручьев чаще стали строиться деревни с ярко выраженной протяженной двухрядной или однорядной застройкой у дорог, трактов, больших рек, озер.[34] Большинство старых городов, возникших в XVI—XVII вв., в XVIII в. окончательно потеряло военное значение. Поэтому крепостная архитектура дальнейшего развития не получила. Острожные сооружения поддерживались и подновлялись лишь в пограничных крепостях или в близлежащих к ним городах, а также вокруг заводов.[35]

Строительство нового вида архитектурных сооружений — зав..... корпусов, начатое в Сибири в XVIII в., заставило архитекторов и строителей при разработке проектов учитывать местные климатические условия и технику строительного производства. Производственные цехи представляли собой обычно одноэтажные здания каркасной конструкции. Располагались они чаще всего в поймах рек, поэтому имели свайные фундаменты. Строители-сибиряки уже в XVIII в. выработали рациональные способы сооружения производственных помещений и в районах вечной мерзлоты, в основе которых лежал принцип сохранения мерзлоты.[36]

Основным материалом для заводского строительства в Сибири в XVIII в. служило дерево. При сооружении других казенных зданий все больше стал применяться новый строительный материал — кирпич. В Барнауле уже в 1752 г. было сооружено из кирпича специальное здание для аптеки, в Иркутске в 1780—1782 гг. выстроено двухэтажное здание для публичной библиотеки, «каменные» гостиные дворы были построены в Иркутске, Нерчинске, Енисейске и других городах. Наибольшее развитие «каменное строение» получило в культовом городском зодчестве, особенно в Западной Сибири и в Иркутске. Церкви в сельской местности и северных городах (Якутск, Илимск) по-прежнему строились из дерева.

Усилившееся в XVIII в. каменное строительство на смену старорусским стилям принесло барочную архитектуру. В стиле барокко было построено большое количество церквей и гражданских сооружений в Тобольске, Тюмени, Иркутске, Омске и других городах. При этом имело место сочетание различных стилей русского барокко (московского, укра-

---

[32] Б. И. Оглы. Архитектура города Иркутска XVIII—XIX столетий. Тр. Новосибирск. инж.-стр. инст., т. VIII, Новосибирск, 1958, стр. 9—11.

[33] Там же, стр. 12—15.

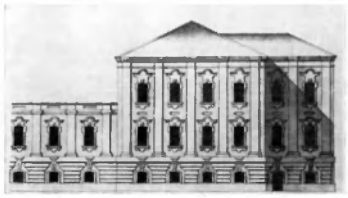
[34] Е. А. Анцепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири, стр. 22.

[35] А. М. Пугаченкова. Заметки о нам[illegible] архитектуры [illegible] и Архитектурное наследство т. 14, М. 1962, тр. 193—202; Б. И. Оглы. Архитектура города Иркутска..., стр. 4—6; А. П. Уманский. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959, стр. 160—161.

[36] М. А. Юдин. Некоторые материалы по истории строительной техники заводского строительства в Сибири XVIII—XIX вв. Тр. Новосибирск. инж.-стр. инст., т. VII, Новосибирск, 1958, стр. 27, 28.

инского, петербургского) в местной их трактовке, что дало основание ряду исследователей выделить особый стиль сибирского барокко.[87]

В культовом деревянном зодчестве Сибири клетские храмы в XVIII в. стали исчезать, а шатровая архитектура продолжала развиваться дальше, в основе сохраняя старую севернорусскую архитектурную традицию, но впитывая в себя некоторые элементы барокко (в резьбе иконостасов, орнаментальном убранстве). Такие церкви строились повсеместно, особенно в деревнях. В то же время и в деревянном церковном зодчестве получили довольно широкое распространение церкви, строившиеся по образцу каменных в стиле барокко.[88]



Дом купца Володимирова. Тобольск. Середина XVIII в. (чертеж XIX в.).

20—80-е годы XVIII в. принесли существенные перемены в области медицинского дела. Развитие горнозаводской промышленности и усиление движения населения в процессе роста товарного обмена при отсутствии надлежащей медицинской помощи, а также суровый климат и использование Сибири в качестве основного места ссылки благоприятствовали распространению болезней. Главным бичом оставалась оспа. Особенно свирепствовала она в 30—40-х годах XVIII в. в Забайкалье. Многие селения полностью вымерли, а поля запустели. В 1745 и 1752 гг. эпидемия оспы затронула Иркутск, а в 60-х годах охватила почти всю Восточную Сибирь и Камчатку. Не менее страшным бедствием была сибирская язва («ветроносная», «опасная»). В 20—30-х годах XVIII в. она наблюдалась в Южном Зауралье, а позднее ее вспышки регистрировались и в Восточной Сибири. Сибирская язва наносила большой урон прежде всего хозяйству, массами уничтожая скот. С 60-х годов в Забайкалье неоднократно вспыхивала эпидемия чумы, а в 1786—1789 гг. свирепствовал брюшной тиф. Тиф часто посещал и Якутию. Кроме того, в Якутии широко были распространены трахома, туберкулез, цинга, различные детские болезни. Социальным бедствием для народов Крайнего

---

[87] Д. А. Болдырев-Каверин. Народное искусство в Сибири (из очерков по истории русского искусства в Сибири). Иркутск, 1924, стр. 16; Б. И. Оглы. Архитектура города Иркутска..., стр. 8.

[88] И. В. П[illegible] И[illegible] и архитектурные памятники города Якутска. Сб. научн. статей Якутск. республ. краеведч. музея, вып. III, Якутск, 1960, стр. 63—73.

Севера и Забайкалья, а также для рабочих Нерчинских рудников бил сифилис.[58] Урон, наносимый населению и хозяйству массовыми болезнями, усугублялся невежественными представлениями о причинах появления и лечении болезней, пропагандировали всех церковниками, шаманами и лекарями.[59]

Однако наблюдательность и практический ум народа вырабатывали эффективные средства борьбы с инфекцией — окуривание скота и помещений, изоляцию больных и т. п.[60]

В административном порядке в 20—80-х годах XVIII в. проводились некоторые санитарно-гигиенические мероприятия. Стали устанавливать и строго контролировать карантины во время эпидемий, в городах строили деревянные тротуары, мостили улицы, следили за тем, чтобы мусор и навоз вывозились за городскую черту.[61]

Наконец, в этот период были сделаны первые шаги в области медицинского обслуживания населения. Гарнизонные лазареты и лекари, появившиеся в начале XVIII в. в отдельных полках, подразделениях, теперь имелись в каждом гарнизоне, полку, батальоне. Они осуществляли лечебную работу в своих частях, свидетельствовали пригодность к воинской службе, осуществляли санитарно-гигиеническое обследование окружающей местности. Высокая заболеваемость горнозаводских рабочих требовала принятия медико-санитарных мер. В 1736 г. заводчик А. Демидов открыл в Барнауле аптеку, а в 1741 г. — госпиталь. После перехода Колывано-Воскресенских заводов в ведение Кабинета (1747 г.) были открыты лазареты на Колыванском заводе и Змеевском руднике (1748 г.), а вся медицинская служба в округе объединена (1751 г.) под руководством главного лекаря, назначаемого Медицинской канцелярией.[62]

Первые главные лекари А. Эшке (1751—1757 гг.) и Н. Г. Ножевщиков (1758—1764 гг.) были выдающимися для своего времени врачами-учеными. Особенно много для организации медицинского дела на алтайских заводах сделал Ножевщиков. Его ближайшими сотрудниками были подлекарь Иван Попов (по Барнаульскому госпиталю), аптекарь Андрей Брандт и приехавший с Ножевщиковым из Петербурга Тимофей Андреев, который затем заведовал госпиталем Змеевского рудника и стал известен как пионер оспопрививания в Западной Сибири (в 1771 г. он успешно привил оспу 69 человекам).[63]

Барнаульская аптека долго была единственной казенной аптекой в Сибири. Только в 1763 г. казенные аптеки были открыты в Тобольске, затем в Селенгинске (1765 г.), Нерчинске (1767 г.), Иркутске (1767 г.).[64]

На Нерчинских рудниках первым врачом был подлекарь Петр Трумер, присланный в 1741 г. из Екатеринбургского госпиталя. Лечить больных Трумлеру приходилось непосредственно на дому. Только через два года ему было отведено помещение для госпиталя и в помощь назначен сторож из числа отставных мастеровых. В 1744 г. Трумлера сменил подлекарь Егор Темилов, списавший в Забайкалье большую популяр-

---

[58] Е. Д. Петраев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита, 1954, стр. 40—48; Библиотека Тобольск. гос. музея, ф. 2400, оп. 43, 48; ГАТОТ, ф. Тюменский воеводской канцелярии, № 3514, л. 3; № 3513, лл. 4, 5; В. Н. Чемизов. Здравоохранение в дореволюционной Якутии. Уч. зап. Якутск. фил. иист. ин., лит. и истории, вып. 4, Якутск, 1956, стр. 48—51.

[59] Е. Д. Петраев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья..., стр. 40—2, 56.

[60] Там же, стр. 56.

[61] В. Н. Пажин. 1) Краткий очерк истории возникновения медицинских учреждений..., стр. 33; 2) Русские госпитальные школы..., стр. 18, 184.

[62] А. Кадкин. Первое медицинское учебное заведение в Сибири, стр. 170.

[63] ЦГАДА, ф. Секретной экспедиции Сената, оп. 113, № 494, лл. 1—12; № 516, лл. 1—5

[illegible] Пи[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. В [illegible] 50—60-х годов XVIII в. госпитали были открыты в Селенгинске, на Петровском, Кутомарском и Дучерском заводах. В 1771 г. лекарь Кратче сделал в Иркутске, впервые в Восточной Сибири, прививку оспы, а в 1772 г. здесь был открыт «оспенный дом», в котором за 3 года привиты были сделаны 6450 человекам. Академик Паллас в 1788 г. писал, что оспопрививание в Восточной Сибири стало уже обычным делом.[85]

В 1737 г. был опубликован указ о введении должностей городовых лекарей (врачей) в губернских и некоторых провинциальных городах, в том числе в Тобольске и Иркутске.[86] Иоганн Вайсман, назначенный в феврале 1742 г. в Иркутск, был первым городовым лекарем в Сибири. Вскоре городовой лекарь появился и в Тобольске.[87] Но что могли сделать эти два врача единственные медики, призванные лечить многие свои населения? Практически они осуществляли санитарно-медицинский надзор в Тобольске и Иркутске и оказывали медицинскую помощь верхушке губернского общества. С учреждением в конце века городских врачебных управ городовые врачи фактически были превращены в медицинских чиновников.[88]

Появление в XVIII в. городовых врачей и лечебных учреждений в военных командах — на горных предприятиях было крупным событием в истории медицины Сибири и культуры края в целом. Но горстка военных и гражданских врачей не могла обеспечить обслуживание населения огромного края, во многие уголки которого нога врача в XVIII в. вообще не ступила.

Отсутствие благоустроенных больниц, медицинского оборудования и, необходимого штата вспомогательного медицинского персонала — все это ставило [illegible] также [illegible] [illegible] [illegible] и Сибири в XVIII в. Тем не менее многие из них добивались немалых результатов и оставили о себе в народе добрую славу. Среди них [illegible] русские самородки Е. Томилов, Т. Андреев, П. Лебедев, А. Малков, И. Попов и другие, а также отличные врачи из иностранцев, для которых Сибирь стала второй родиной (Михаил Робек, братья Андрей и Иван Реслейны и другие).[89]

Каким бы скромным ни был культурный прогресс сибирского общества в XVII—XVIII вв., он стал основой для формирования местных научных сил. В 20—80-х годах XVIII в. в области научных знаний на первый план выдвигаются уже не стихийные помощники науки — землепроходцы, а местные представители научной мысли. И снова с развитием горнодобывающей промышленности сложился сильный отряд местной научно-технической интеллигенции. С появлением и развитием медицинских и школьных учреждений росли ряды краеведов, расширялась тематика и география краеведения. Огромное влияние на развитие краеведческих интересов и идей научной мысли в крае оказали академические экспедиции первой половины XVIII в.

Местное летописание, основной источник о предшествующем периоде, вылилась «Сибирская история» С. У. Ремезова, получило свое продолжение в городских и «домовых» летописях XVIII в., а также в летописном труде И. Л. Черепанова. Городские летописи составлялись в Тобольске, Иркутске и ряде других мест людьми, принадлежавшими наиболее высокие

---

[85] Е. Д. Петрова. Исследователи и историки старого Забайкалья ... стр. 42—46, 53; А. И. Мазуркевич. Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск, 1961, стр. 17, 18.

[86] Н. Н. Шкляев. Русские генеральные инспекторы ... стр. 171.

[87] А. И. Мазуркевич. Из истории здравоохранения в Иркутской области, стр. 10.

[88] Там же, стр. 11.

[89] Е. Д. Петрова. Исследователи и историки старого Забайкалья ... стр. 52.

с их точки зрения местные и частично общесибирские и общегосударственные события в хронологической их последовательности.

Наиболее крупным памятником сибирского летописания XVIII в. является Черепановская летопись, составленная тобольским ямщиком Иваном Леонтьевичем Черепановым (1724—1795 гг.). Она представляет собой огромный компилятивный свод материалов по истории Сибири до 1760 г., а в некоторых списках — до 1782 г. включительно.[100]

В 20—80-х годах XVIII в. в Сибири появились любители-метеорологи, собиратели минералов, древностей. В Иркутской городской летописи велись систематические записи с 1722 по 1764 г. под названием «Краткое известие о вскрытии и замерзании против Иркутска реки Ангары».[101] С 1779 г. в Енисейске вел записи о вскрытии и замерзании р. Енисея местный житель Родюков.[102] Метеорологические наблюдения особенно интенсивно проводились во время работы Камчатской экспедиции. По заданию профессоров экспедиции такие работы в 30—40-х годах вели Яков Мирович в Тобольске, Василий Каберд в Ямышеве, Кузьма Чарошников в Енисейске, Петр Ковригин в Нерчинске, Никита Канаев в Иркутске.[103] В 1780—1782 гг. небольшая группа иркутских интеллигентов под руководством Э. Лаксмана организовала местный музей, куда собирались минералы и различные «диковинки» и «редкости».[104] Изучением флоры Сибири занимались С. И. Шангин на Алтае и врачи братья Реслейны в Восточной Сибири.[105]

Развитию краеведения в Сибири немало способствовали энтузиасты-ученые Э. Лаксман, А. Карамышев, И. Сиверс, И. Билингс и другие. Весьма показательна в этом отношении биография Кирилла Григорьевича (Эрика) Лаксмана, приехавшего в Россию из шведской Финляндии в возрасте 25 лет и затем до конца своих дней работавшего в Сибири. Попав в 1764 г. в Барнаул в качестве лютеранского пастора, он занимался сбором коллекций по флоре, фауне и минералогии Алтая. Одновременно Лаксман изучал горное дело, химию, разработал новый метод изготовления стекла, вел метеорологические наблюдения. Он регулярно переписывался с русскими и западноевропейскими учеными К. Линнеем, И. Бекманом, А. Шлецером и другими, благодаря чему постоянно находился в курсе передовых достижений мировой научной мысли. Лаксман стремился развить интерес к научным занятиям у местных жителей. Он сам делал термометры и барометры и рассылал их в другие города Сибири для метеорологических наблюдений.[106] Позднее, живя в Восточной Сибири, Лаксман осуществил подробное минералогическое обследование Прибайкалья и Забайкалья, открыв целый ряд месторождений цветных металлов.

Во второй половине XVIII в. важнейшим центром научно-технической мысли в Сибири стал Алтай. На рудниках и заводах Колывано-Воскресенского округа сформировался большой отряд русской технической интеллигенции, а имена многих изобретателей и новаторов техники Алтая XVIII в. прочно вошли в историю русской и мировой науки. Среди них

---

[100] В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII в.). Кемерово, 1963, стр. 51, 52.
[101] Библиотека Тобольск. гос. музея, № 2400, лл. 65, 66.
[102] ССЭ, т. II, стр. 977.
[103] АДН, ф. Г. Ф. Миллера, оп. 2, № 32, лл. 108, 109; № 132, л. 184.
[104] ССЭ, т. II, стр. 977.
[105] Н. Камбалов. Исследователи Алтая (XVIII и первая половина XIX в.). Барнаул, 1956, стр. 33, 34; Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья., стр. 51, 52.
[106] Э. Лаксман. Письма из Сибири. Рукопись перевода В. В. Завалишина, хранится в Рукописном отделе Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

первую очередь следует назвать творца первого в мире универсального ...ового двигателя (1763—1765 гг.) И. И. Ползунова. Царское прави-...льство предало забвению умершего в возрасте 37 лет Ползунова и его ...инальное творение, но передовые люди уже тогда оценивали по досто-...ству его выдающееся изобретение. Лаксман в 1765 г. называл Ползу-...ова «мужем, делающим истинную честь своему отечеству».[107] Высокую ...ценку изобретению Ползунова дали А. И. Порошин, управлявший в то ...емя горными заводами Алтая, и Шлаттер, автор книги «Обстоятель-...е наставление рудному делу», по которой обучались в свое время все ...рные строительства России.

В 60—90-х годах XVIII в. на Алтае работал другой выдающийся ...обретатель — Козьма Дмитриевич Фролов, воспитанник той же Екате-...инбургской горнозаводской школы, что и Ползунов. Фролов разработал ...ивел целый ряд новшеств на горных предприятиях Алтая и создал ...вый (каскадный) тип дефинационных установок, в которых один и ...т же водяной поток приводил в действие ряд водоналивных колес, что ...ешевило строительство и повысило коэффициент использования ...ергии.[108] В 70-х годах XVIII в. на Колывано-Воскресенских заводах ...ботал замечательный техник-строитель Дорофей Федорович Головин, ...ложивший начало каскадным гидроустановкам в заводском строитель-...ве.[109] В это же время работал талантливый конструктор заводских ...дросиловых установок и продолжатель творчества Фролова и Голо-...ина Федор Савельевич Ваганов, воспитанник Барнаульской горнозавод-...ой школы. Он автор гидроустановок на Салаирском руднике и строи-...ель Кутомарского и Екатерининского заводов Нерчинского горного ...круга.[110] Во второй половине XVIII в. на Алтае жил и работал выдаю-...ийся минералог и горняк Петр Иванович Шангин — один из первых ...ренных сибиряков, признанный в кругу ученых за свои исследования ...ибири. Медик по образованию, он своими научными трудами добился ...ревода в высокий горный чин маркшейдера, дававший право на ...равление заводами или рудниками.[111]

В целом, несмотря на то что новые веяния распространялись здесь ...редко с запозданием, Сибирь 20—80-х годов XVIII в. в культурном ...ношении в е же шла в фарватере общероссийской культуры.

2. НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ

В 20—80-х годах XVIII в. экспедиционные исследования в Сибири ...и омывающих ее водах (Северный Ледовитый и Тихий океаны) неизме-...римо возросли по сравнению с XVII и началом XVIII в. В это время ...были проведены наиболее крупные экспедиции и совершены великие ...ографические открытия. Значительно расширилось изучение природных ...словий и богатств Сибири, населения, его этнического состава, куль-...туры, быта и истории различными центральными и местными учреждс...ниями.

Важнейшее значение в истории русских открытий на северо-восток ...мела экспедиция 1725—1730 гг., осуществленная по инициативе Петра I ...известная в науке под названием Первой Камчатской экспедиции.

---

[107] Там же, стр. 34.
[108] Н. Я. Савельев. Козьма Дмитриевич Фролов...
[109] Н. Я. Савельев. 1) В старом Салаире. Из истории зарождения промышленности Кузбасса. Кемерово, 1957, стр. 17; 2) Алтай — родина выдающихся изобретателей. Барнаул, 1951, стр. 27.
[110] ГААК, ф. Канцелярия Колывано-Воскресенских горных начальств, оп. 1, 323, л. 257; Н. Я. Савельев. В старом Салаире..., стр. 25, 26.
[111] Н. Я. Савельев. В старом Салаире..., стр. 21, 22.

6 января 1725 г., за три недели до своей смерти, Петр I написал Берингу, назначенному начальником экспедиции, инструкцию из трех пунктов: «1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами. 2) На оных ботах возле земли, которая идет на норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. 3) И для того искать, где оная сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидит какой корабль европейской, проведать от него, как оной юкст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».[113]

14 июля 1728 г. бот «Св. Гавриил», построенный в Нижне-Камчатске, отплыл на северо-восток. Помощниками Беринга в плавании были А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. 11 августа был открыт остров, получивший название острова Св. Лаврентия. «Св. Гавриил» прошел через пролив, названный позже именем Беринга, в Ледовитый океан и достиг 67°18′ с. ш. и примерно 162° з. д.[113]

Хотя экспедиция не разрешила всех задач, поставленных перед ней, она сыграла крупную роль в исследовании Сибири и омывающих ее вод. Участниками экспедиции были открыты новые острова, составлены таблицы географических координат пунктов на пути экспедиции, собран интересный этнографический материал. В 1729 г. П. А. Чаплиным была составлена карта, на которой даны очертания и географические координаты восточных берегов Сибири от мыса Дежнева до мыса Ло[illegible].

Почти одновременно с Первой Камчатской экспедицией протекала деятельность экспедиции А. Ф. Шестакова—Д. И. Павлуцкого. Из Охотска, явившегося базой экспедиции, в 1729 г. и позже были отправлены три отряда, действовавшие самостоятельно. А. Ф. Шестаков на судне «Восточный Гавриил» осенью 1729 г. отправился к устью Пенжины. Отсюда путь его шел по суше на Анадырь и Чукотку. 14 марта 1730 г. в стычке с чукчами на р. Этаче Шестаков был убит. Остатки его отряда вернулись в Тауйский острог. Другой отряд под командой И. Шестакова в сентябре 1729 г. отправился из Охотска на судне «Св. Гавриил» на юг, достиг в 1730 г. Удского острога и прошел на восток до Шантарских островов. Судно заходило в устье Амура. Было составлено описание южной части Охотского побережья и, возможно, чертеж этой территории. Третий отряд В. А. Шестакова на судне «Фортуна» посетил четыре острова Курильской гряды. Наконец, в 1731 г. Д. И. Павлуцкий из Анадырского острога отправился на Чукотку. Итогом его похода, носившего в первую очередь военный характер, явились также новые данные о географии Чукотского полуострова.

Материалы экспедиции Шестакова—Павлуцкого нашли отражение в составленной в 1733 г. в Охотске карте Камчатки, Курильских островов и Пенжинского (Охотского) моря.[114]

В экспедицию Шестакова—Павлуцкого входил также отряд И. Федорова и М. С. Гвоздева, совершивший в 1732 г. историческое плавание к берегам северо-западной Америки на боте «Св. Гавриил». Путь был совершен из устья р. Камчатки к Анадырскому носу и далее к островам Ратманова, Крузенштерна и к берегам «Большой земли» (Америки).

---

[113] Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 83

[114] [illegible] Грекова «Очерки из истории русских географических исследований» и [illegible] ческих географических открытий в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 19—44; А. И. Андреев. Экспедиции Беринга. Изв. ВГО, т. 75, вып. 2, 1943.

[115] В. И. Грехов. Очерки из истории русских географических исследований..., стр. 45—54.

На обратном пути прошли мимо острова, который впоследствии (в конце XVIII в.) стал называться островом Кинга. Федоров и Гвоздев первыми среди русских и других европейцев достигли северо-западной Америки. В карте Г. Ф. Миллера, изданной в 1758 г. и посвященной русским исследованиям в Сибири и на Тихом океане, против американского берега справедливо была помещена надпись: «Этот открыт геодезистом Гвоздевым в 1730 г.».[115]

В 1733 г. была организована новая экспедиция в Сибирь и на северо-восток, имевшая официальное название Второй Камчатской экспедиции, вошедшая в науку также под именем Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.). Вместе с тем некоторые исследователи (А. В. Ефимов) рассматривают Первую и Вторую Камчатские экспедиции как два этапа одной и той же экспедиции, называя ее Сибирско-Тихоокеанской экспедицией.[116] Действительно, обе экспедиции руководились из одного центра (из Адмиралтейств-коллегии), подчинялись в Сибири одному начальнику (Берингу) и имели по многим общие важнейшие задачи.

Четыре северных отряда Второй Камчатской экспедиции осуществили плавание по океану на различных участках от Архангельска до мыса Большого Баранова.[117] Первый отряд (начальники — Муравьев и Павлов, позже — Малыгин и Скуратов) прошел из Архангельска к устью Оби в 1734—1737 гг. Второй отряд (начальник — Овцын) из устья Оби пришел к устью Енисея в 1734—1737 гг. Вспомогательный отряд (начальники — Прянишников, Выходцев) провел маршрутные съемки на Гыданском полуострове и в других районах нижнего течения р. Оби. Позже, в 1738—1742 гг., под начальством Минина отряд достиг мыса Стерлегова (75°26′ с. ш.), названного так в честь одного из участников экспедиции. Отряд собрал ценные сведения о побережье к востоку от Енисея, но достичь устья Лены не смог.[118] Третий отряд (начальники — Прончищев, Челюскин) совершил плавание в 1735—1736 гг. из устья Лены на запад с целью достигнуть устья Енисея. Отряд двигался вдоль восточных берегов полуострова Таймыр и достиг 77°29′ с. ш. В трудных условиях плавания умерли Прончищев и его жена. Летом 1737 г. экспедиция вернулась обратно. В 1739—1741 гг. отряд во главе с Лаптевым плавал у восточных берегов полуостровов Таймыр до мыса Св. Фаддея и совершил сухопутные экспедиции по полуострову. Зимой 1742 г. Челюскин обошел полуостров вдоль берега от устья р. Хатанги до р. Н. Таймыры, впервые побывав на мысе, названном впоследствии его именем. Четвертый отряд действовал на востоке от Лены. В 1735 г. отряд под командой Лассиниуса дошел до устья р. Хараулах. Вскоре Лассиниус умер. Под командой Лаптева отряд в 1736 г. достиг мыса Буорхая. В 1739—1741 гг. Лаптев предпринял плавание от устья Лены на восток до мыса Большого Баранова. Им же было обследовано с суши морское побережье от Индигирки на восток до Колымы и на запад до Яны, а также изучены течение р. Хромы и дельты рек Индигирки и Яны. В 1741—1742 гг. Лаптев из устья Колымы на нартах добрался до Анадырского острога и на лодках до Анадырского залива, описал р. Анадырь до устья,

[115] В надписи год указан не точно. Плавание происходило в 1732 г. См.: А. В. Ефимов. Из истории изучения русских географических открытий в Северном и Тихом океанах. М., 1950, стр. 195—197.

[116] Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. Под ред. и с вступ. ст. А. В. Ефимова. М., 1964, стр. X.

[117] Г. В. Ушаков и Н. Н. Зубов вслед за Г. А. Сарычевым предлагают называть Великой Северной экспедицией лишь эти северные отряды, однако эта точка зрения оспаривается Д. М. Лебедевым.

[118] В литературе иногда этот отряд Минина считается отдельным отрядом Великой Северной экспедиции, в силу чего количество северных отрядов увеличивается до пяти.

а также ее бассейн. Участник отряда Романов проделал путь от Анадырского острога до Пенжины.

Плавание к берегам Америки было осуществлено на кораблях «Св. Петр» и «Св. Павел» во главе с Берингом и Чириковым. Оба корабля вышли из Петропавловской гавани 4 июня 1741 г. 18 июня в сильном тумане суда потеряли друг друга и дальнейшее плавание совершали раздельно. 16 июля «Св. Петр» достиг юго-западной оконечности о. Каяк у берегов Америки. В трудных условиях обратного плавания (сильный шторм) экипаж судна вынужден был высадиться на острове, названном впоследствии именем Беринга, и провел на нем зиму. Здесь 8 декабря умер Беринг. 13 августа 1742 г. участники экспедиции выступили на судне, построенном из остатков «Св. Петра», и прибыли на Камчатку 27 августа. Чириков на «Св. Павле» подошел к берегам Америки (по-видимому, к островам Форрестер, Бейкер и Нейес) 15 июля 1741 г. 26 июля он отплыл обратно и 11 октября того же года вернулся в Петропавловскую гавань. В июне 1742 г. Чириков совершил второе плавание на «Св. Павле» к Алеутским островам.[19] Плавания к Японии были осуществлены Шпанбергом и Вальтоном в 1738—1741 гг. Оба они, независимо друг от друга, достигли Японии (о. Хонсю) и 1739 г. Два других плавания были неудачны. Участники экспедиции Шпанберга (Шельтинг, Гвоздев и др.) исследовали также берега Охотского моря. Итогом этих исследований явились описания западного и северного берегов Охотского моря, а также побережья Камчатки.

Изучение природы и естественных богатств Сибири, истории и этнографии народов Сибири было возложено на академический отряд Второй Камчатской экспедиции. В его составе были профессора Миллер, Гмелин, студенты Крашенинников, Горланов, Третьяков, Л. Иванов, Попов, геодезисты Красильников, А. Иванов, Чекин, Ушаков, переводчик Яхонтов, живописцы Барклай и Люрсениус. Позже участвовали в работе отряда адъюнкты Стеллер и Фишер, переводчик Линденау.

Отряд выехал из Петербурга в августе 1733 г. по следующему маршруту: Екатеринбург—Тобольск—Тара—Омск—Железинская крепость—Усть-Каменогорская крепость—Колывано-ские заводы—Кузнецк—Томск—Енисейск—Красноярск—Канск—Удинск—Иркутск—Селенгинск—Кяхта—Чита—Нерчинск—Иркутск—Илимск—Усть-Кута—Якутск. В Якутск Миллер и Гмелин прибыли в августе—сентябре 1736 г., а вернулись в Петербург в 1743 г.

Г. Ф. Миллер, обследовав до 20 архивов сибирских городов и острогов, собрал богатейший актовый материал XVII—XVIII вв. и ряд ценнейших русских (в том числе Ремезовскую летопись), тангутских, монгольских и других рукописей. Им же были собраны устные предания многих сибирских народов, описаны обряды и обычаи народов, зарисованы древние сооружения и надписи, обследованы древние городища и могильники, собрана коллекция из могильников, а также коллекция одежды и различных вещей.

Громадный материал, собранный Миллером в экспедиции, позже лег в основу ряда его трудов: «Общая география Сибири», «Особенная, или специальная, география Сибири», «Общее описание народов Сибири», «Описание путешествия по Сибири», «История Сибири», «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морям», «История о странах, при реке Амуре лежащих», «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями», «Описание торгов, про-

---

[19] Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951.

исходящих в Сибири» и др. Первые три работы Миллер не закончил (они не опубликованы до настоящего времени): многие его статьи и материалы были напечатаны в различных изданиях XVIII в. Особый интерес представляет первый том «Истории Сибири».[120]

Натуралист И. Г. Гмелин изучал природу и флору Сибири, вел путевой дневник. Материалы, собранные им, были обработаны в трудах «Сибирская флора» и «Путешествие по Сибири».[121] В первом труде Гмелин описал 1178 видов растений. Этот труд явился наиболее полным и фундаментальным для своего времени ботанико-географическим обзором Сибири. Содержание второго труда составляет описание путешествия академического отряда, зарисовки быта и культуры сибирских народов, материалы о торговле и промыслах Сибири, а также ряд ценных геологических и естественнонаучных наблюдений и археологический материал.

Значительный вклад в изучение Сибири и Камчатки внес студент С. П. Крашенинников. В Бурятии он изучал природу и жизнь народов (бурят и эвенков). В 1737 г. Крашенинников был отправлен на Камчатку и здесь пробыл до 1741 г., изучая природу Камчатки, ее естественные богатства, быт и культуру народов, их историю и языки. Итогом самоотверженной работы Крашенинникова в трудных условиях явились его рапорты Гмелину и Миллеру, а также многочисленные описания и исследования. Позже они были обобщены в двухтомном труде «Описание земли Камчатки», явившемся классическим образцом комплексной страноведческой монографии.[122]

Работу Крашенинникова на Камчатке продолжил Г. Стеллер. Он принимал участие в плавании Беринга на «Св. Петре» и провел ряд интересных наблюдений над флорой и фауной островов у побережья Америки. На Камчатке Стеллер изучал природу, а также быт и культуру населения.[123]

Значительную работу по изучению географии и этнографии северо-востока Сибири провел Я. Линденау в 1741—1743 гг. Им были составлены описания Чукотки и р. Анадыря, а также этнографические очерки о якутах, тунгусах, юкагирах, коряках и других народах. Большая часть работ Линденау, а также материалы, собранные И. Э. Фишером (описание путешествия по Якутии, этнографические заметки о якутах и др.), остаются неопубликованными.

Вторая Камчатская экспедиция совершила подлинный переворот в географии Сибири. Ею были сделаны великие географические открытия в районах «белых пятен» на севере Сибири и в восточной части Тихого океана. В итоге исследования Сибири и островов омывающих ее морей и последующей обработки данных были составлены описания отдельных районов Сибири, Камчатки, Курильских, Командорских и Алеутских островов. Исключительно богатый материал дали участники экспедиции для картографии. Ими были произведены съемка и картирование берегов Северного Ледовитого океана от Архангельска до мыса Большого Баранова. Были составлены 62 карты, давшие изображение многих труднодоступных

---

[120] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел... СПб., 1750. В 1937 и 1941 гг. вышли тт. I и II «Истории Сибири». Издание, одна[illegible]

[121] J. G. Gmelin. Flora sibirica, sive historia plantarum Sibiriae. T. 1—4. Petropoli, 1747—1769. 2) Reise durch Sibirien. Tr. 1—4. Göttingen, 1751—1752.

[122] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Рапорты Крашенинникова и некоторые другие его работы опубликованы только в 1949 г. [illegible]

[123] Итогом работ Стеллера был ряд капитальных трудов: G. W. Steller. 1) De beatis marinis. Nov. commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae, t. II. Petropoli, 1751; 2) Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt—Leipzig, 1774, и др.

и почти не исследованных районов. Материалы Второй Камчатской экспедиции опубликованы и введены в научный оборот лишь частично.[134]

Большое значение в истории географических открытий имели плавания промышленников в 40—60-х годах. За 1745—1764 гг. было совершено 42 экспедиции, в том числе экспедиция Глотова и Пономарева в 1758—1762 гг. (открытие Лисьих островов), плавание Пайкова, Полевого и Шешерина в 1758 г. (посещение группы Андреяновских островов), плавание Глотова на о. Кадьяк в 1762—1763 гг.

В своих отчетах участники экспедиции описывали природные условия островов Тихого океана и сообщали этнографические сведения. Особенно интересны известия А. Толстых об Андреяновских островах и рассказы казаков Васютинского и Лазарева об алеутах.

Значительная работа была проделана в эти годы по исследованию северо-востока Сибири. Несколько экспедиций осуществил в 1757—1763 гг. Шалауров (плавание из устья Яны до Чаунской губы), две экспедиции на Медвежьи острова в 1763—1764 гг. — С. Андреев. Туда же ходили Леонтьев, Лисов и Пушкарев в 1769—1771 гг. На Ляховские острова сделал в 1759 г. (1760?) якут Этерикан и в 1770 г. — купец Ляхов, который дал первое описание островов (в честь его острова и получили свое название). Следует отметить и экспедицию Куркина на Охотское побережье в 1765 г.[135]

Большое значение для географического изучения Сибири имели геодезические съемки и картографирование различных районов Сибири. Первые геодезические съемки были организованы еще в начале XVIII в. и к середине 40-х годов были проведены по всем сибирским уездам. Геодезические съемки производились и в 50—60-х годах при выполнении различных государственных работ (установление границ, строительство городов и т. д.), а также при строительстве Тобольо-Ишимской (1752—1754 гг.), Иртышской (1747—1760 гг.) и Кольванской (1747—1760 гг.) оборонительных линий. На основе геодезических съемок чуть Сибири было составлено несколько карт южной Сибири в начале 60-х годов Ф. И. Соймоновым, И. Веймарном и К. Фрауендорфом.

Значительные успехи в первой половине XVIII в. сделала картография. Уже в 30—40-х годах XVIII в. Сибирь получила отображение на общих картах Российского государства. Так, в 1731 г. была составлена «Новая генеральная карта Всероссийской империи и границы, в которой положение всех крепостей государства назначено». Карта охватывала всю территорию России, в том числе и Сибирь. В Сибири было показано до 140 населенных пунктов. Наряду с точными и правильными данными на карту были нанесены и неверные названия вроде «мыс Табин», «остров Тацата», «Аукоморье» и др.[136]

В 1734 г. И. К. Кириловым была составлена генеральная карта Российского государства, в которой были использованы данные Первой Камчатской экспедиции. В вышедшем в 1745 г. «Атласе Российском, состоящем из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю...» наряду с 13 картами Европейской России было 6 карт по Азиатской России, для которых также были использованы данные Второй Камчатской экспедиции. Большие работы по составлению карт берегов Сибири и морских плаваний Второй Камчатской экспедиции велись в Морской

---

[134] Обзор рукописных материалов участников экспедиции см. в кн.: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.—Л., 1940.

[135] В. И. Грехов. Очерки из истории русских географических исследований..., гл. V, VI. Архив адмирала П. В. Чичагова, вып. I. СПб., 1885.

[136] Ср. В. И. Грехов. Очерки из истории русских географических исследований..., стр. 254.

Академии в 40-х годах. В 1746 г. была создана «Карта генеральная Российской империи северных и восточных сибирских берегов». В работе принимали участие Чириков, Малыгин, Д. Лаптев, Х. Лаптев, Овцын и др. Эта сводная карта, отражавшая наиболее точно открытия, сделанные во время Второй Камчатской экспедиции, была секретной и опубликована только в наше время. В те же годы был выполнен ряд других чертежей и карт северо-востока Сибири. Из них следует назвать как наиболее важные чертежи и карты Чукотки Я. Линденау (1742 г.) и участника походов Павлуцкого — Т. Перевалова (1744 и 1754 гг.). Сводной была карта И. Шахонского 1749 г. Она охватывала всю территорию Сибири к востоку от р. Лены, включая Чукотку, Камчатку и Охотское побережье.

В 60-х годах в связи с новыми экспедициями на северо-восток были созданы карты плавания Шалаурова (1769 г.), карта Восточной Сибири Вертлюгова (1769 г.), карта Алеутских островов Шишкина и Пономарева и др. Большой интерес представляют карты Чукотского полуострова Дауркина, чукчи-казака на русской службе.

Сведения об открытиях, сделанных участниками Второй Камчатской экспедиции, становились известными и за границей. Они обогатили новыми данными западноевропейскую науку. Не всегда, однако, в Западной Европе добросовестно излагался материал о русских открытиях в Сибири и на Ледовитом и Тихом океанах. Так, на представленной во Французскую Академию карте И. Н. Делиля и в его статье об этой карте совершенно извращенно подавался материал, связанный с русскими открытиями. В центре «научных публикаций» Делиля находились вымышленные известия о плавании испанского адмирала де Фонта к берегам Северной Америки. С опровержением материалов Делиля выступил Миллер в брошюре «Письмо офицера Русского флота», опубликованной за границей.[127] В связи с этой брошюрой Миллер подготовил карту русских исследований в Сибири и на Тихом океане.

Большое значение для изучения Сибири в первой половине XVIII в. имели труды И. К. Кирилова, В. де Геннина и особенно В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова.

И. К. Кирилов в 1727 г. закончил свой труд «Цветущее состояние Всероссийского государства...», материалом для которого послужили анкетные сведения, запрошенные Сенатом еще при Петре I. В числе других губерний Кирилов описал и Сибирскую. В работе были статьи «О Сибирском царстве», «О царях сибирских», «Камчатка», «О камчатском народе» и др. В труде Кирилова имелось много данных о населении, городах, промышленности, административных учреждениях.[128]

В 30-х годах XVIII в. управляющий уральскими казенными заводами В. де Геннин создал фундаментальный труд «Описание уральских и сибирских заводов». Это был первый труд о заводах Урала и Сибири. В нем рассматривалась история заводов, их техника, экономическое состояние и т. д. Из сибирских заводов де Геннином были детально описаны Колывано-Воскресенский и Нерчинский.[129]

Много работал по вопросам географии Сибири В. Н. Татищев. В 1734 г. он разослал по сибирским городам анкету, содержавшую 92 вопроса. В ней ставились не только вопросы по географии, но и по другим отраслям знания — этнографии, археологии, истории.

Татищев готовил труд «Общее географическое описание всея Сибири» (до нас дошли 12 глав). В 1737 г. он подготовил вторую редакцию анкеты

---

[127] Lettre d'un oficier de la marine russienne. Paris, 1753 (имя автора не указывалось).

[128] Опубликована только в 1831 г.: И. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, 2, М., 1831.

[129] Труд де Геннина опубликован только в наше время: В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937 (с предисловием акад. М. А. Павлова).

«Предложение о сочинении истории и географии российской», содержа
шую уже 198 вопросов.[130] В итоге сбора данных по анкетам Татищев
составился обширный фонд описаний городов и уездов Западной и Вос
точной Сибири, а также Алтая, неопубликованный и почти неиспользова
ный исследователями до настоящего времени. Интересный материал по ге
графии и этнографии Сибири содержится и в «Лексиконе Российском...
Татищева.[131]

Большое значение для изучения Сибири имели исследования М. В. Л
моносова. В частности, он изучал явления подпочвенной мерзлоты на с
вере Сибири. В «Кратком описании разных путешествий по северным м
рям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточну
Индию» Ломоносов дал исторический очерк попыток пройти Северным Ле
довитым океаном в Тихий (в том числе русских плаваний) и обоснова
возможность этого. В той же работе он дал обоснование возможного расп
ложения Центрального полярного бассейна и сформулировал свою теори
происхождения льдов, посвятив этой теме специальный труд «Рассужд
ние о происхождении ледяных гор в северных морях».[132]

По проектам Ломоносова были организованы две морские экспедици
в северные воды (П. И. Креницына и М. Д. Левашова в 1764 г. для о
следования «неизвестных островов» и В. Я. Чичагова в 1765 г. для изы
скания «морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее».
Экспедиция Чичагова 1765—1766 гг., отправленная из Колы в направле
нии на Шпицберген, достигла 80°30′ с. ш. Дальнейший путь преградил
мощные льды.

В 1760 г. Ломоносов разработал анкету для изучения географии и эко
номики Российского государства, которая и была разослана Академие
наук. Одновременно Миллером была составлена анкета для тех же цел
(рассылалась Сухопутным шляхетским кадетским корпусом). Материал
присланные из Сибири в ответ на эти анкеты, не были изданы в
в XVIII в., ни позже. Вместе с тем их частично использовали в сво
трудах участники академических экспедиций 1768—1774 гг. Палла
Георги, Лепехин и др.

Успехи в исследовании и изучении Сибири к середине XVIII в. бы
настолько велики и очевидны, что они дали право Миллеру с гордость
заявить, что «сия отдаленная земля в рассуждении всех ее обстоятельс
учинилась известнее, нежели самая середина немецкой земли тамошн
жителям».[133]

Вторая половина XVIII в. не ознаменовалась организацией таких гра
диозных экспедиций, как Вторая Камчатская. Однако число экспедиц
неизменно росло, и изучение Сибири в это время делало новые успех
Энергичную работу по организации новых экспедиций развивает в э
время Академия наук.

В 1768—1774 гг. состоялась большая экспедиция академи
П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь. В 1770—1773 гг. Палла
путешествовал по Западной Сибири, был на Алтае, в Восточной Сиби
и Забайкалье. Он собирал материалы по географии, изучал природу, и
следовал быт, культуру и языки народов Сибири.[134]

---

[130] См.: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950.

[131] В. Н. Татищев. Лексикон Российской исторической, географической, пол
тической и гражданской..., тт. 1—3. СПб., 1793. (Лексикон доведен до буквы

[132] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, М., 1952. Краткое описание разн
путешествий по северным морям...; Там же, т. 3. Рассуждение о происхождении лед

[133] Материалы для истории Академии наук, т. VIII, СПб., 1895, стр. 186.

[134] Материалы, собранные Палласом, были опубликованы в трудах: П. С. Палла
Путешествие по разным провинциям Российской империи, чч. 1—3. СПб., 1773—17

Участник экспедиции Палласа студент В. Ф. Зуев совершил самостоятельную поездку к устью Оби и на побережье Ледовитого океана для изучения быта и культуры хантов и ненцев. Он подготовил работу «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов».[135]

В 1768—1773 гг. состоялась экспедиция И. И. Лепехина. В основном маршрут экспедиции охватил Европейский Север, но частично он был продолжен и в Западной Сибири. Материалы путешествия были изданы в четырех томах дневниковых записей.[136]

Большую работу по изучению Сибири провела экспедиция И. П. Фалька 1769—1773 гг., в составе которой были также Х. Барданес и И. И. Георги. Маршруты Фалька и Барданеса охватили Западную Сибирь и Алтай. Георги в 1772—1774 гг. путешествовал по Уралу, Алтаю, Прибайкалью. Особенно важно было изучение им оз. Байкал (строение берегов, фауна, флора), а также природы и полезных ископаемых Прибайкалья. Им была составлена карта Байкала. Материалы экспедиции были изложены в труде «Bemerkungen einer Reise im russischen Reiche in den Jahren 1772—1774» (2 тома, S.-Pb., 1775).

Большое значение для изучения этнографии Сибири имел труд Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». (чч. 1—3, СПб., 1776—1778). В этом труде был собран богатый материал по быту, социальным отношениям и культуре народов Сибири.

Академические экспедиции 60—70-х годов, так же как и академический отряд Второй Камчатской экспедиции 30—40-х годов, проводили комплексную работу по изучению Сибири. Участники экспедиций описывали минералы и полезные ископаемые, проводили географические наблюдения, изучали рудники и заводы, исследовали быт и культуру народов и собирали исторические материалы.

Большое значение в изучении Сибири сыграла Северо-Восточная экспедиция Биллингса 1785—1793 гг., организованная Сенатом. Экспедиция имела обширные задачи. Наряду с политическими целями защиты русских владений в северной части Тихого океана перед экспедицией были поставлены и важные научные цели по уточнению сведений о северо-востоке Сибири. В 1787 г. экспедиция отправилась на двух судах («Паллас» и «Ясашна») из устья Колымы на восток, но, миновав мыс Большой Баранов Камень, не смогла продвинуться дальше из-за льдов. В 1789—1790 гг. на корабле «Слава России» было совершено плавание из Охотска на Камчатку и позже к западным берегам Северной Америки. Экспедиция достигла островов Умнак, Уналашка и Кадьяк. Плавание в 1791 г. под руководством Г. А. Сарычева проходило вдоль гряды Алеутских островов. Экспедиция посетила острова Уналашку и Матвея, позже прошла Берингов пролив и бросила якорь в бухте Св. Лаврентия. Биллингс в это время провел сухопутное путешествие по Чукотке, с ним были доктор К. Мерк и художник Л. Воронин. В истории географического исследования Чукотки и этнографического изучения чукчей это путешествие имело выдающееся значение. Работа К. Мерка «Beschreibung der

---

и Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolische Völkerschaften, Bd. 1—2, S.-Pb. 1776—1806. Лингвистический материал, собранный Палласом и участниками его экспедиции по специально выработанной программе, опубликован в издании: Сравнительные словари всех языков и наречий, тт. 1—2, СПб., 1787—1789. Сюда вошел и материал, собранный путем получения ответов на разосланные Академией наук вопросы.

[135] Опубликована только в 1947 г. в кн.: В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). М.—Л., 1947.

[136] И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, чч. 1—4. СПб., 1771—1805.

Tschuctschie» явилась первым серьезным исследованием о чукчах (не опубликована до настоящего времени). Большой интерес представляют и этнографические рисунки Л. Воронина.

Экспедиция Биллингса—Сарычева дала много ценных сведений о северо-востоке Азии. Главный картограф экспедиции, выдающийся исследователь Г. А. Сарычев составил ряд карт на основе материалов экспедиции. Уже в 1802 г. была издана его карта, подводившая итоги картированию северо-востока Азии и северо-западной Америки в XVIII в.[137]

В 80-х годах в связи с разделением Сибири на наместничества началась работа по составлению топографических описаний наместничеств. В 1784 г. было составлено «Топографическое описание Тобольского наместничества» (осталось в рукописи), на основании которого И. Ф. Герман составил «Краткое описание Тобольского наместничества» (опубликовано в «Месяцеслове историческом и географическом на 1786 год»). В труде Германа даны сведения по географии (горы, равнины, реки, озера), природным богатствам (минералы), растительному и животному миру и экономике (земледелие, скотоводство, ремесла, торговля и т. д.). Работа по составлению топографического описания Иркутского наместничества, начатая в 80-х годах, была закончена только в 90-х годах. В 1789 г. один из членов комиссии по топографическому описанию Ланганс составил труд «Собрание известий о начале происхождения разных племен в Иркутской губернии, о преданиях их, главнейших событиях и обычаях» (не опубликован).

Материалы по Сибири (данные по географии, экономике, этнографии и др.) нашли отражение в 70—80-х годах и в общих картах Российского государства, и в общих трудах по географии, статистике, экономике России. Так, большая картографическая работа, проводившаяся по всем районам Российской империи, в том числе и по Сибири, была обобщена в двух генеральных картах, изданных в 80-е годы. В 1785 г. была издана генеральная карта Российской империи, подготовленная географическим департаментом Сената, а в 1786 г. — генеральная карта, подготовленная географическим департаментом Академии наук. Особенно важна последняя карта. Она дает итог картографических работ XVIII в. в части, касающейся Сибири. На этой карте впервые были отмечены пути северных отрядов Второй Камчатской экспедиции.

Подводя итог, следует сказать, что изучение Сибири в 20—80-х годах явилось качественно новым этапом. Великие географические открытия в Сибири и омывающих ее водах в XVII в. были совершены простыми русскими людьми — «землепроходцами» — казаками и служилыми людьми. В XVIII же веке ведущая роль в великих географических открытиях (изучение Северного морского пути, открытия в Тихом океане, освоение пути в Америку) принадлежит морским офицерам, прошедшим специальную подготовку, геодезистам, ученым. В организации экспедиций большую роль сыграли также государственные учреждения (Сенат, морское ведомство и др.) и Академия наук. В обследовании и изучении Сибири в XVIII в. огромное значение имели комплексные экспедиции (Вторая Камчатская экспедиция, академические экспедиции 60—80-х годов). По-своему размаху и результатам эти экспедиции входят в число наиболее выдающихся научных предприятий в истории мировой науки. Особенно это относится ко Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции. Уже современники признавали ее «самой дальней и трудной и никогда прежде

---

[137] Она вышла в виде приложения к классическому труду Г. А. Сарычева «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г.», чч. 1—2, СПб., 1802.

не бывшей».[138] А. Ф. Миддендорф писал о ней как о «величественной цепи экспедиций».[139]

Выдающихся успехов достигла в XVIII в. картография Сибири. Она заняла одно из первых мест в мировой картографической науке. К ней с полным правом можно отнести характеристику Эйлером «Атласа Российского...» 1745 г. Карты атласа, — отмечал Эйлер, — «не токмо гораздо исправнее всех прежних русских карт, но еще многие немецкие карты далеко превосходят». К этому он прибавлял, что «кроме Франции, почти ни одной земли нет, которая б лучшие карты имела».[140]

Широкую известность в мировой науке получили труды Крашенинникова, Миллера, Гмелина, Палласа и других исследователей Сибири. Работа Крашенинникова «Описание земли Камчатки» была переведена на французский, английский, немецкий и голландский языки. Труд Гмелина о растениях Сибири стал настольной книгой для ботаников всего мира. К. Линней писал, что Гмелин «один открыл столько растений, сколько все другие ботаники вместе». Высокую оценку в мировой науке получили труды Палласа, переведенные на французский и английский языки.

Изучение русскими учеными в XVIII в. географии и природы Сибири, быта, культуры и истории ее народов составило замечательную главу в истории мировой науки.

---

[138] ПСЗ. т. VIII. стр. 1011.

[139] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. СПб., 1860, стр. 50.

[140] В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 57.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

СИБИРЬ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ И РОСТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Экономическое развитие и социальные отношения

1. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

В конце XVIII—первой половине XIX в. в России шел процесс разложения феодально-крепостнического строя и роста в его недрах капиталистических отношений. Этот процесс охватил и сибирские окраины страны.

В Сибири разложение феодального строя в промышленности выразилось в постепенном упадке казенных и кабинетских предприятий, основанных на подневольном труде приписанных к заводам и рудникам крестьян, набираемых путем рекрутчины мастеровых и ссыльно-каторжных. В то же время росла, хотя и в ограниченных размерах, промышленность капиталистического типа (кожевенные, салотопные, мыловаренные, свечные, суконные, стеклоделательные, кирпичные, мукомольные, винокуренные и другие предприятия). Заводы и рудники, принадлежавшие феодальному государству, царскому Кабинету, уступали место капиталистическим предприятиям даже в таких отраслях, составлявших прежде казенную монополию, как золотопромышленность и железоделательное производство. Контингент наемных рабочих комплектовался из бывших мастеровых казенных заводов, ссыльно-поселенцев, городской и деревенской бедноты.

Возрастали экономические связи с центральными районами страны. Это стимулировало приток населения в города и села, расположенные на торговых путях, особенно на главном Московско-Сибирском тракте. Процесс внедрения товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве получил дальнейшее развитие. Возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию на золотых приисках и других предприятиях, городского населения, внешней торговли. В результате происходило расширение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции и продажи промышленных изделий. Расширением рыночных связей пользовались прежде всего купцы и зажиточные крестьяне, прибегавшие к эксплуатации наемного труда, ростовщическим и торговым операциям. Зарождалась сельская буржуазия — кулачество. Ссыльно-поселенцы и обедневшие крестьяне нанимались к купцам, золотопромышленникам, деревенским «мироедам» или брали у них ссуды под отработку долга из ростовщических процентов. В сибирской деревне совершался процесс расслоения крестьянства и развития капиталистических форм эксплуатации, но его тормозили существовавшие в стране феодальные отношения.

С развитием товарно-денежных отношений, переходом к денежной форме ренты феодальное государство было вынуждено до известной степени облегчить свободу передвижения государственных крестьян. В то же время дворянство Европейской России в целях расширения предпринимательского хозяйства стало захватывать и закреплять за собой казенные земли. Сокращение землепользования государственных крестьян и угроза

закрепощения побуждали их к переселению в Сибирь. Не прекращались также побеги крепостных крестьян, пробиравшихся в сибирские губернии.

Такова была обстановка, в которой совершались переселение в Сибирь и экономическое развитие этой обширной части России в конце XVIII и первой половине XIX в.

* * *

Переселение в Сибирь, как и раньше, шло в двух основных формах — принудительной колонизации по инициативе феодального государства и в виде стихийного народного переселения, которому по-прежнему принадлежала решающая роль.

В первой четверти XIX в. правительство уделяло значительное внимание земледельческой колонизации Сибири. В 1799 г. возник проект заселения «Сибирского края, прилежащего к границам китайским». Правительство надеялось, что рост населения на пограничных землях от Байкала до Нерчинска и Кяхты позволит увеличить доходы от русско-китайской торговли, обеспечить ее обслуживание, завести суконные и юфтевые мануфактуры «к наивящему споспешествованию китайского торга».[1] По указу Сената к переселению назначались отставные солдаты, крестьяне, отданные помещиками в зачет рекрутов, и уголовные преступники. И на этот раз переселение, проводимое принудительным способом, не оправдало расчетов феодального государства. Из переселенцев, направленных в Забайкалье, туда прибыла лишь небольшая часть. Таковы же были результаты переселения в Забайкальский край государственных крестьян. Администрация всячески рекламировала Забайкалье, сообщая, что это край, «одаренный от природы как плодородным кряжем, так и благодарственным климатом», что в нем «отменные удобства для земледелия и скотоводства» и на каждую душу будет отведено по 30 десятин земли. Однако, разорившись в пути, одни останавливались в Тобольской и Томской губерниях, другие добирались до Восточной Сибири и поселялись в Красноярском и Нижнеудинском уездах. Лишь немногие, терпя большие лишения в долгом пути, достигали Забайкалья.

В 1806 г. было составлено новое положение о переселении в Сибирь. «Водворение людей» должно было производиться по усмотрению губернаторов и под надзором генерал-губернатора. Учреждались должности смотрителей поселенцев, которые разделялись на «казенных» и «собственных». Первые водворялись в селениях, специально построенных за счет казны, вторые селились по своему усмотрению.

В Тобольскую и Томскую губернии направляли преимущественно государственных крестьян, прибывших по собственному желанию из внутренних губерний России. Они освобождались на 5 лет от платежа податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, и получали от казны денежную ссуду, подлежащую погашению. Только к 1813 г. в Томскую губернию, преимущественно в Красноярский уезд, прибыло и поселилось до 16 тыс. государственных крестьян. В Иркутской губернии прежде всего расселяли крестьян, принятых от помещиков, отставных солдат и ссыльнопоселенцев. Но такая принудительная колонизация давала очень незначительные результаты. За 1800—1819 гг. в Нижнеудинском округе, за Байкалом и вокруг него было водворено всего лишь около 8 тыс. человек.[2]

---

[1] ЦГИА СССР, ф. Сената, оп. 1, д. 216, л. 1.

[2] Ю. В. Кожухов. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. Научные доклады высшей школы, Ист. науки, 1958, № 3, стр. 56, 61.

На каждую переселенческую семью полагались лошадь, корова, две-три овцы, сельскохозяйственный инвентарь. До первой жатвы на месте поселения переселенцы получали семена на посев и хлеб или кормовые деньги. Все категории переселенцев получали временную податную льготу. По прошествии льготного срока они были обязаны выполнять все казенные подати наравне со старожилами и в течение 15 лет выплатить ссуду.

Наиболее эффективным и прочным было вольное переселение. Сибирь была не только «краем изгнания» — местом каторги и ссылки, но и широким полем приложения труда многих вольных переселенцев. Их вынуждали к переселению в далекие сибирские края феодально-крепостнический гнет, наступление помещиков на земли государственных крестьян, малоземелье и поиски средств к существованию. В сенатском положении о переселении в Сибирь (1806 г.) эта категория переселенцев называлась «поселенцами, по собственному их желанию за малоземельем из внутренних губерний туда приходящими».[3]

Преодолевая от 3 до 4 тыс. верст, переселенцы с ранней весны до глубокой осени находились в пути. В дождь и непогоду продолжали они путь, ночуя в поле под открытым небом, питаясь скудными подаяниями старожилов. Многих в пути заставали осень и зима. Значительные затраты по содержанию переселенцев несли сибирские старожилы. Н. Ядринцев писал, что «переселения предоставлены сами себе и силам народным. Они существуют без всякой поддержки... Целые караваны повозок в 100 и более семей, человек в 300 и 400 душ, за раз двигаются по сибирским дорогам. Переселенцы не имеют нигде крова, они останавливаются под открытым небом в поле».[4]

В Сибирь прибывали также цеховые ремесленники, торговцы, рабочие, бежавшие с казенных, вотчинных и посессионных предприятий. Одни из вольных переселенцев селились в старожильческих селах и деревнях, другие образовывали новые населенные пункты.

Иначе обстояло дело со ссыльно-поселенцами. В первой четверти XIX в. для них строились казенные селения. Дома состояли из двух половин (срубов), разделенных сенями. В каждой половине помещалось по два человека. Однако оседали на постоянное жительство в казенных селениях лишь немногие. В 30-х годах XIX в. устройство таких селений было прекращено. «Эти селения изменились: многие домы найдены пустыми, а надворныя строения совершенно разрушенными».[5] Сибирская администрация была вынуждена признать, что цель правительства по приведению казенных поселений «в хорошее состояние» при сложившемся положении «не может быть достигнута».[6] Их обитатели уходили на заработки в другие места. Оставшиеся на прежнем месте постепенно сливались с государственными крестьянами-старожилами. Соотношение между вольной народной колонизацией и правительственной деятельностью по принудительному заселению Сибири совершенно определенно характеризуется относящимися к Енисейскому краю цифрами о количестве основанных селений. К середине XIX в. там насчитывалось 674 селения, возникших в результате вольных переселений, и 104 селения, основанных в результате правительственной деятельности.[7] Ссыльно-поселенцы увеличивали население Сибири, но это был неустойчивый и мало эффективный для освоения края источник. Отбывшие каторгу и тюремное заключение нередко выходили на поселение престарелыми, больными, увечными, нетру-

---

[3] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, карт. 2096, д. 1, л. 37.
[4] Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 151.
[5] Л. Львов. Общее обозрение Забайкальского края. Русский вестник, 1842, № 9—10, стр. 18.
[6] ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 1, д. 1, л. 130.
[7] Ю. В. Кожухов. Крестьянская колонизация Восточной Сибири..., стр. 66.

доспособными. Таких ссыльных называли «пропитанными». Они существовали главным образом за счет незначительного казенного пособия и подаяния старожилов. Тюрьма и каторга подрывали силы ссыльных, деморализовали их. Из трудоспособных ссыльно-поселенцев одни нанимались в работники к зажиточным старожилам, другие обзаводились небольшим крестьянским хозяйством, третьи уходили на заработки на золотые прииски и частные заводы, занимались ремеслом. Наконец, многие ссыльные бежали и превращались в бродяг. В 1820 г. был издан указ Сената о принятии мер против беглецов из Сибири. В указе отмечалось, что в Пермской губернии, через которую пролегал главный Московско-Сибирский тракт, увеличивалось число беглых и бродяг, «между коими без сомнения находятся и бежавшие из самой Сибири». Большинство из них называло себя непомнящими родства, чтобы уклониться от новой ссылки в Сибирь. Сенат приказал отправлять их «в крепостные работы или на селение в отдаленные того края места».[8]

В крестьянском хозяйстве и устройстве поселенцев на новых местах крупная роль принадлежала женщинам. Между тем ссыльно-поселенцы прибывали на места поселения одинокими. Они жили в казенных селениях обособленно от крестьян-старожилов. «Новопоселенцы же, без женщин и семейного быта, разными случаями... исчезают, дома пустеют»,[9] — констатировалось в одном из официальных отчетов за 1833 г. В 1831 г. среди водворенных на жительство в Енисейскую губернию ссыльных мужчин было на 20 тыс. больше, чем женщин.[10]

Ссыльно-поселенцы, имевшие семьи, последовавшие за ними в Сибирь, или женившиеся на поселении, прочно водворялись в сибирских деревнях и через определенное время причислялись к государственным крестьянам. Их потомки считали себя коренными сибиряками.

Среди административно-ссыльных было много крестьян. Попадая в Сибирь, они и там принимались за хлебопашество.

По данным Тобольского, затем Тюменского приказа, в Сибирь за 40 лет, с 1823 по 1862 г., было сослано 350 тыс. человек. Ссыльных отправляли в Сибирь пешком. «Еще на нашей памяти, — писал Н. М. Ядринцев, — длинныя вереницы этих несчастных странников с громом кандалов, с обозом женщин и детей, сидящих на мешках походнаго имущества, окруженные конвоем, переваливали через Урал. Эти партии, входя в селения, затягивали известную „милосердную" песнь, и навстречу им выбегали сердобольные жители, преимущественно женщины, вынося несчастным подаяние».[11]

Несмотря на значительное количество ссыльных, в Сибири и в первой половине XIX в. преобладало вольное население. В 1840 г. в Тобольской и Томской губерниях на 1 294 730 жителей приходилось 67 453 ссыльных. В 1854 в Западной Сибири находилось 109 823 ссыльных, составлявших около 8% населения этого края. По отдельным округам процент ссыльных был выше; в Капском округе — 10%, в Томском — 13%, в Мариинском — 24%.

Царское правительство не могло справиться с задачами регулярного и планомерного заселения Сибири, рационального и широкого использования ее богатых природных ресурсов. Заселение и хозяйственное освоение Сибири осуществлял сам трудовой народ в той мере, в какой это было возможно в существовавших условиях.

---

[8] ГАТО, ф. Томского губериского правления, оп. 1, д. 1, л. 130.
[9] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 146, л. 18.
[10] Н. П. Павлов. Географическое размещение русского населения в Енисейском крае в эпоху феодализма (XVII—первая половина XIX в.). Красноярский край. (Материалы по географии). Красноярск, 1965, стр. 56.
[11] Живописная Россия, т. 12, ч. 1, СПб., 1895, стр. 214, 215.

Вольные и невольные переселенцы прибывали из разных частей страны. В «Выписке» Сената из рапортов губернских правлений о количестве отправленных в 1800 г. на поселение в Сибирь упоминается 39 губерний, в том числе прибалтийские и украинские.[12]

Несмотря на наличие свободных земель в Сибири, правительство по-прежнему ограничивало переселение частновладельческих крестьян. Помещики, усиливая эксплуатацию крестьян, боялись лишиться дешевой рабочей силы. Поэтому они препятствовали переселениям. Но по мере разложения феодальной формации и роста крестьянского движения правительство вынуждено было пойти на некоторые реформы, проведение которых возлагалось на созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым. Перестраивалось управление государственной деревней. В целях повышения платежеспособности крестьянства феодальное государство, не затрагивая основ крепостничества, пыталось ликвидировать малоземелье государственных крестьян; подушное обложение заменялось оброком в зависимости от земельной площади и дохода от промыслов; проводились и другие мероприятия в этом направлении. В результате усиленного наступления помещиков на казенные земли площади земель под крестьянскими хозяйствами в Центральной России сокращались. Это вызывало стремление у государственных крестьян к переселениям. Правительство вынуждено было облегчать переселение малоземельных государственных крестьян, «для которых в губерниях внутренних нет свободных земель».

С 1838 по 1855 г. с разрешения Министерства государственных имуществ в Западную Сибирь прибыло более 93 тыс. таких переселенцев. Кроме того, правительство выкупало у некоторых помещиков крепостных и переселяло их в Сибирь.

Самовольное переселение в Сибирь помещичьих крестьян, безусловно, запрещалось, но крепостные совершали побеги в сибирские земли. «Наряду с узаконенным переселением, производившимся с разрешения... правительства, продолжалась и усиливалась тяга „беглых", не поддающаяся какому-либо учету».[13] Официальные данные не дают четкого представления о числе крестьян, переселившихся в Сибирь без требуемого оформления. В одной только Томской губернии в 1826 г. было обнаружено 1102 самовольных переселенца. Комиссия государственных имуществ в 1841—1842 гг. «открыла» деревни крестьян, не внесенные в ревизские сказки.

Писатель Г. А. Мачтет, находившийся в 1879—1885 г. в ссылке в Тобольской губернии, отмечал, что «открытие неизвестных деревень в Сибири не редкость». В его рассказе «Мы победили» описано такое «открытие» деревни заседателем: «И вдруг деревня оказалась „открытой", точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!.. Оказалась открытою с домами, с обывателями, стадами и всеми прочими атрибутами деревни. В ней пекли и варили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человеческое без денег, без паспортов, без „управ", без законных властей, без „питейного". Это было возмутительно и тем не менее несомненно!».[14]

Отношение местной администрации к тем, кто бежал в Сибирь, было противоречивым. С одной стороны, сибирское начальство «чинило розыск» бежавших и отправляло их обратно по этапу, с другой — беглых использовали для заселения края, для работы на казенных заводах и частных золотых приисках. На сибирских просторах трудно было разыскать

[12] ЦГИА СССР, ф. Сената, оп. 1, д. 216, л. 28.
[13] Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. 2. Пгр., 1922, стр. 61.
[14] Г. А. Мачтет. Избранное, М., 1928, стр. 116.

беглецов, объявлявших себя «непомнящими родства», заменявших свои фамилии случайными прозвищами, которые, разумеется, отсутствовали в многочисленных реестрах о розыске бежавших помещичьих крестьян, солдат, колодников.

Переселение в Сибирь резко сократилось во время Крымской войны, а затем стало снова возрастать.

С 30—40-х годов XIX в. в Сибири стала развиваться частная золотопромышленность, потребовавшая значительного количества рабочей силы. В связи с этим, по сведениям Сибирского комитета, увеличилось «число рабочих из крестьян Великороссийских губерний».[15] Наиболее значительным центром золотопромышленности до 40-х годов XIX в. был Бирюсинский район, а в 40—50-х годах первенство перешло к Енисейскому району (в низовьях Подкаменной Тунгуски), где в это время добывалось до 90% всего восточносибирского золота. К 1854 г. на золотых приисках Енисейской губернии работало свыше 33 тыс. человек, почти половина из которых были выходцами из Западной Сибири и великорусских губерний. Однако расцвет золотопромышленности на Енисее был кратковременным и не оказал заметного влияния на численность и размещение населения.[16]

В первой половине XIX в. продолжался процесс сельскохозяйственного освоения южной полосы всей Сибири. Удобнейшими для хлебопашества были земли «в западной части Сибири от 57° и в восточной от 56° северной широты, т. е. пространство между нынешнею большой Сибирской дорогой и китайской границею»,[17] — к такому заключению пришел профессор Усов, обозревавший в 1852 г. Сибирь «в сельскохозяйственных видах». Практически же крестьяне уже давно убедились в этом, осваивая южную полосу края.

На размещение притекавшего в Сибирь из Центральной России населения большое влияние оказывали тракты, вдоль которых по преимуществу и происходило его оседание. Размещение населения по территории Сибири было неравномерным. В начале XIX в. более трети населения Томской губернии заселяло узкую полосу вдоль основного Московско-Сибирского тракта.[18] После перенесения в 1838 г. губернаторской резиденции из Тобольска в Омск основной Московско-Сибирский тракт стал проходить из Екатеринбурга через Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск и далее на восток через Барабинскую степь на Томск, Красноярск, Иркутск; за Байкалом дороги шли на Кяхту и на Читу и Нерчинск. Именно в этом направлении в конце XIX в. прокладывалась транссибирская железнодорожная магистраль. Этот тракт, по которому осуществлялось основное грузовое движение, имел ряд ответвлений на север (к Тобольску) и юг, к станицам оборонительных линий и горнозаводским поселениям Алтайского горного округа. Точно такая же картина наблюдалась и в Восточной Сибири. Даже в ее северной части с конца XVIII в. и на протяжении первой половины XIX в. якутами и русскими переселенцами из более южных районов заселялась дорога между Якутском и Охотском. В Западной Сибири наиболее населенными были Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тобольский, Тюменский округа Тобольской губернии. Первые три округа были известны как хлебородные, последние два — как промысловые. Большая заселенность этих округов объясняется непосредственным соседством с Центральной Россией и наличием плодородных земель и богатых промыслов. В Томской губернии наиболее населенными

---

[15] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 1, л. 185.

[16] Н. П. Павлов. Географическое размещение. . ., стр. 52; В. В. Воробьев. Города южной части Восточной Сибири. Иркутск, 1959, стр. 38, 39.

[17] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 1, л. 166.

[18] В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск, 1951, стр. 110, 111.

были округа Томский, Бийский, Барнаульский и Кузнецкий. Сравнительно большая плотность населения в них определялась развитием горнозаводской промышленности и плодородностью земель, особенно в районах степного Алтая.

На протяжении первой половины XIX в. по мере усиления сибирского казачьего войска довольно интенсивно росло население станиц на укрепленных линиях по южной границе Западной Сибири и Алтая. Помимо причисления крестьян в состав казачества, последнее росло за счет ссыльных и различных выходцев из Казахстана. Если в 1825 г. общее число жителей казачьего сословия составляло около 37 тыс. человек, то в 1856 г. оно достигло 84 тыс.[19]

После принятия русского подданства казахскими родами Северного Казахстана (Младшего, а затем Среднего жуза) в административный состав Сибири был включен так называемый Степной край, заселение которого, если не считать основания нескольких укрепленных форпостов в 20—40-х годах, относится уже к пореформенному времени.

По сравнению с губерниями центральной России плотность населения даже в южной части Сибири, не говоря уже о Крайнем Севере, оставалась незначительной. В наиболее населенных округах Тобольской губернии — Ишимском и Ялуторовском — в начале 40-х годов XIX в. на каждую квадратную версту приходилось не более 2—3 человек. В Восточной Сибири наиболее населенными были Ачинский, Красноярский и Минусинский округа Енисейской губернии, Иркутский, Верхнеудинский и Нерчинский округа Иркутской губернии. На севере Восточной Сибири на протяжении первой половины XIX в. не произошло сколько-нибудь заметных изменений в расселении местного населения. Только с 50-х годов XIX в. в связи с общим развитием предпринимательской деятельности увеличилось число русских переселенцев на север Якутии, да с конца XVIII в. вновь начал заселяться Анадырь, откуда русские ушли в 70-х годах XVIII в. после упразднения Анадырской крепости.[20]

За счет переселения и естественного прироста население Сибири заметно возрастало. Если к 1795 г. насчитывалось 595 тыс. ревизских душ (около 1200 тыс. человек), то в 1820 г. — 1 693 500 человек, а в 1852 г. — 2 712 000 человек;[21] из этого числа на долю аборигенного населения приходилось лишь 583 тыс. человек. Большая часть населения, как и раньше, проживала в сельскохозяйственных районах Западной Сибири.

Жители Сибири разделялись на два «состояния» — служилое (чиновники, духовенство, военные) и податное (крестьяне, ясашные, мещане, цеховые, купцы). Основную часть населения составляли государственные крестьяне; за ними следовали нерусские народы Сибири, крестьяне, приписанные к заводам, мещане и цеховые, ямщики, мастеровые при заводах. Количество помещичьих крестьян, как и прежде, было незначительно.

Сибирь по мере заселения и освоения русским народом и другими народами нашей страны превратилась в Закаменную (Зауральскую) Россию, одну из главных частей Русского государства, прямое продолжение российских земель на Восток. Народ, вложивший много труда в освоение новых земель, стал считать ее неотъемлемой частью своей родины. «Сибиряк на всем Востоке России чувствует себя как дома, знает все ее торговые пункты и деятельность свою стремится главнейше к ним направить.

---

[19] В. И. Петров. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII—первая половина XIX в.). Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 2. Новосибирск, 1965, стр. 214—216.

[20] И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, стр. 126, 195, 201—203.

[21] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 167, л. 26.

По обычаям, по домашней жизни сибирский крестьянин тот же, что крестьянин Восточной половины Европейской России».[22]

Приток переселенцев способствовал развитию производительных сил, росту старых и образованию новых населенных пунктов. Переселенцы оказали положительное влияние на хозяйство народов Сибири. Но более широкое заселение Сибири, интенсивное и рациональное использование ее богатых ресурсов в интересах народного хозяйства тормозилось феодально-крепостническим строем. Крепостное положение крестьян лишало их свободы передвижения и, следовательно, препятствовало легальному переселению на сибирские земли. Переселение же государственных крестьян было ограничено необходимостью получить разрешение начальства, «очиститься» от всех недоимок по казенным податям и повинностям, а также от частных долгов и взысканий. Крайне отрицательно отражалась на переселении бюрократически-полицейская опека над крестьянством, взяточничество и произвол чиновников, расхищавших даже скудные средства, ассигнованные на переселение. Во всем сказывалось бесправие народа, «ибо крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответственную политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, бесправие населения».[23]

Крестьянство в основной своей массе не обладало средствами, необходимыми для широкого хозяйственного использования новых земель, особенно на таких отдаленных окраинах России, как Сибирь. Феодально-крепостнический строй препятствовал свободному размещению населения по территории обширной страны в соответствии с потребностями развития производительных сил.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ. КРЕСТЬЯНСТВО

Земледельческое хозяйство Сибири, основы которого были заложены в конце XVI—XVII вв. и получили дальнейшее развитие в XVIII в., в рассматриваемый период приобретает более широкое распространение. Это было связано не только с успехами заселения Сибири, но и с улучшением снабжения земледельческого населения сельскохозяйственными орудиями. По мере усиления связей с европейской частью России, роста добычи железа в крае, развития железоделательного производства в Сибири все большее распространение и применение находили сошники, серпы, косы и вообще железо для разных хозяйственных поделок.

Дальнейшему развитию земледелия способствовал также возраставший на сибирском рынке спрос на хлеб со стороны новых переселенцев, городского, промыслового, заводского населения, охотников, рыбаков и оленеводов Севера, винокуренных заводов, воинских гарнизонов, а затем по мере роста добычи золота — и со стороны рабочих золотых приисков. Сибирский хлеб доставлялся в российские владения на Аляске и островах Тихого океана. Хлеб был также предметом меновой пограничной торговли.

Сибирские крестьяне, как и в XVIII в., высевали те же сельскохозяйственные культуры, которые известны были и в Центральной России. По-прежнему основу питания и товарной продукции составляла рожь (озимая и яровая). Посевы яровых хлебов, заметно возросшие уже во второй половине XVIII в., особенно увеличились в XIX в. Обозревая Тобольскую губернию в 1823 г., генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич

---

[22] Там же, оп. 1, д. 1, л. 20 (Записка Сибирского Комитета 1852 г.).
[23] В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 16, стр. 227.

отметил, что «крестьяне почти все оставили посевы ржи и сеют яровицу».[24] В течение 10—15 лет перешли к посевам яровых хлебов крестьяне большинства волостей Курганского, Ишимского и Ялуторовского округов. Табл. 9, составленная по данным губернаторских отчетов, дает сведения о соотношении яровых и озимых хлебов в крестьянских посевах по Западной Сибири.

Крестьяне отдавали предпочтение яровым, которые в Сибири реже, чем озимые, давали неурожай из-за климатических условий. Все более прочное положение завоевывает пшеница. В южных округах Западной Сибири только на протяжении первой четверти XIX в. ее посевы увеличиваются в 3 раза и более, на некоторых территориях даже в 10 раз.

Почти каждый крестьянин имел огород, засаженный капустой, свеклой, морковью, огурцами, репой, редькой, горохом, бобами, луком, чесноком.

ТАБЛИЦА 9

Соотношение яровых и озимых хлебов в крестьянских посевах по Западной Сибири (в четвертях) [25]

Год	Тобольская губерния		Томская губерния	
	озимые	яровые	озимые	яровые
1818	144592	412710	—	—
1825	99895	528954	68642	234309
1830	88579	548124	65604	250454
1835	95708	567659	104155	247690
1840	102258	602293	106536	279713
1847	104190	652776	129428	469450
1850	97942	749550	144677	507405
1858	126275	1049692	140484	548172

В некоторых сибирских селениях выращивали арбузы, дыни, хмель. Разведением бахчевых культур стал славиться Минусинский округ Енисейской губернии.

Заметное место в товарной продукции крестьянского хозяйства начинает занимать табак. По данным Сибирского комитета, «по селениям и округам гряды ломятся под табаком (тютюном)... Цена табаку возвышается весною до 20 рублей за пуд ассигнациями».[26] Наибольшее распространение посевы табака получили в Бийском округе, в меньшей степени — в Барнаульском округе Томской губернии. В 1857 г. по распоряжению горного начальства на Алтае стали разводить высшие сорта табака под руководством выписанного из Европейской России садовника. Табак возделывался также в Омском, Ишимском округах, в виде опыта его стали выращивать в Тюменском и Тобольском округах.[27] Табак скупался местными купцами и находил сбыт в Казахской степи.

В 50-х годах XIX в. были предприняты удачные опыты выращивания сахарной свеклы и сахароварения в Барнаульском округе.

Сравнительно новой для Сибири культурой был картофель. Первые опыты посадки картофеля производились в этом крае в 60-х годах XVIII в. В 1767 г. Медицинская коллегия рассылала сибирским губерна-

[24] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 265, лл. 11—18, 47, 50, 51.

[25] Там же, д. 547, лл. 27, 28; д. 333, лл. 44, 45; д. 979, лл. 16, 17; д. 1057, лл. 167, 168; д. 1540, лл. 205, 206, 554, 555; д. 1995, лл. 99, 100, 417; оп. 2, д. 2544, лл. 411, 631; д. 2579, лл. 92—95; д. 4291, лл. 109—113.

[26] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 24.

[27] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 3, д. 3962, лл. 24, 25; д. 4144, лл. 227, 228, 595, 596.

торам пакеты, содержавшие по нескольку «от земляных яблок семян» с предложением «раздать любопытным мещанам по приобщенному при том наставлении» для опытных посадок. В 1804 г. специальным правительственным указом было предложено разводить картофель в сибирских губерниях. Наставления и предписания о картофеле рассылались и позже. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Картофель, по мнению правительства, должен был заменить во время неурожая зерновые хлеба и составить «здоровую и питательную пищу для населения». Однако распространение новой культуры шло медленно. Пионерами его разведения были, по-видимому, занимавшиеся огородничеством мещане. Сиверс, проезжавший через Иркутск в 1790 г., сообщал, что многие иркутяне имеют огороды и разводят картофель, известный здесь уже около 25 лет. В сельских местностях эта культура распространяется позже. О существовании посевов картофеля в Иркутском наместничестве упоминается в «Топографическом описании» 1791 г. В ряде волостей его начали культивировать лишь в первой четверти XIX в.

Ранние сведения об урожае картофеля в Тобольской губернии относятся к 1813 г. Тогда было собрано всего 139 четвертей. С 40—50-х годов XIX в. урожаи картофеля в Сибири увеличиваются: в 1851 г. в предбайкальских и забайкальских уездах собрали 2 137 118 пудов картофеля; в Енисейской губернии в 1858 г. — 1 138 320 пудов; в Томской губернии в 1861 г. — 2 045 512 пудов.[28] Картофель становится не только огородной, но и полевой культурой.

В первой половине XIX в. в Западной Сибири существовали переложная (залежная) и трехпольная системы земледелия. В 20-х—30-х годах XIX в. переложная система имела еще довольно широкое распространение. Отмечая это, тобольский губернатор Ногин обращал внимание на то, что в силу обилия плодородных земель в Ялуторовском, Ишимском, Курганском, Тюменском и Тарском округах укоренился обычай не удобрять земли. Обычно крестьянин выпахивал ближние земли и переходил на новые, иногда верст за 20—30 от деревни, где устраивал заимку-хутор со всеми необходимыми постройками.[29] На вновь разработанных землях хлеб сеяли не более 8 лет подряд, после чего их забрасывали лет на 15.[30]

В Енисейской губернии преобладало трехполье, которое перемежалось с перелогом. «Земля выпахивается не прежде 7, 10, 12 лет, а с пособием пара бывает годною и до 18 лет. Оставленная выпаханная земля, отдохнув лет 20, опять поступает в пашню».[31] В отчете о состоянии Иркутской губернии за 1851 г. сообщалось: «Система хозяйства трехпольная и более переложная. Землевозделывание состоит только в расчистке лесов, землеудобрения нет, пахание везде мелкое, производится сохою, поверхность пашни сплошная, пропашка земли производится мелкими боронами».[32] В Забайкалье получило распространение двухполье, которое сочеталось с перелогом.

Крестьяне различали пашни с «жирными» почвами (черноземные), пашни среднего достоинства, старые «тощие» пашни и «моченки», орошаемые наводненными канавами. Русские и бурятские крестьяне Забайкалья применяли искусственное орошение пашен и покосов. Поливные нивы и покосы приносили устойчивые и хорошие урожаи. Забайкальские крестьяне расчищали под пашню леса, растущие на склонах гор, и на значительной иногда высоте распахивали поля. Нагорные поля не боялись засухи и раннего осеннего инея, поражавшего степные нивы. В приграничн-

[28] Данные о сборе картофеля приведены по отчетам губернаторов (ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета).
[29] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 1043, л. 52.
[30] С. Прутченко. Сибирские окраины. СПб., 1899, Приложения, стр. 296, 297.
[31] А. П. Степанов. Енисейская губернія, ч. I. СПб., 1835, стр. 233.
[32] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 86.

ных местностях Нерчинского уезда крестьяне принимали меры против выдувания семян сильными ветрами: поля после посева и бороньбы укатывали деревянными катками.

Сибирские крестьяне по-прежнему пользовались сохой с одним или двумя железными сошниками, бороной с деоевянными зубьями или бороной-плетенкой из прутьев, косой-горбушей, серпом, вилами и граблями. Сев производился вручную из лукошек. Молотили цепами на земляных или ледяных токах. Однако небольшие усовершенствования орудий сельского хозяйства все-таки происходили. Шире использовалось железо. Деревянные зубья у борон заменялись железными. В конце XVIII и начале XIX в. наряду со старинными косами-горбушами стали распространяться более удобные косы-литовки. При косовице хлебов к косе стали приделывать особые грабли и таким образом одновременно косили и гребли. Такой способ косьбы называли крюченьем, а косы с граблями — грабками.

Старообрядцы-семейские, переведенные во второй половине XVIII в. в Забайкалье из западных районов Европейской России, пахали плугом, запрягая в него по четыре лошади. В некоторых местностях применялся сабан, представляющий собой деревянный плуг примитивной конструкции на колесах, с железными режущими частями. Сабан имел плоский металлический лемех и широкий отвал — деревянную доску, укрепленную под углом к лемеху.

В некоторых местах ручная молотьба заменялась молотягами, состоявшими из лиственичного обрубка с вколоченными в него деревянными зубьями. К обрубку прикреплялись оглобли, в которые запрягали лошадь. Неудобство молотяг заключалось в том, что они молотили нечисто, а лошади мяли солому.

С развитием земледелия связано широкое распространение в первой половине XIX в. хлебозапасных магазинов. По официальным данным 1840 г. по Иркутской губернии, «в каждом мирском обществе есть экономический запасный магазин, откуда выдают крестьянам зерновой хлеб на посев... Теперь во всей губернии считается 564 магазина, в них хлеба 2 714 670 пудов 30 фунтов».[33] Крестьяне называли хлебные экономические магазины «мангазеями».

Целью экономических магазинов считалось «доставление пособий жителям в случае непредвиденных несчастий». Нуждающимся ежегодно выдавались ссуды на посев с обязательством возврата. Выдачи производились по общественным приговорам с поручительством и не должны были превышать двух третей запасов, имевшихся в экономических магазинах. Выданный хлеб возвращался ежегодно после сбора урожая, и таким образом хлебные запасы обновлялись. Они пополнялись, кроме того, за счет натуральных взносов крестьян. Из хлебных экономических магазинов выдавалась также руга духовенству.

Урожайность хлебов по сибирским губерниям характеризуется значительными колебаниями. Комиссия Министерства государственных имуществ по Западной Сибири приводит следующие данные о среднем урожае за 1830—1840 гг.: озимого — сам-6.5, ярового — сам-4.5. Число неурожайных лет, по ее данным, не превышало двух в десятилетие. По Тобольской губернии за период с 1825 по 1842 г. средний урожай озимого составлял сам-4 $^{2}/_{3}$, ярового — сам-4 $^{1}/_{3}$. Такой урожай можно считать посредственным. Вместе с тем в течение ряда лет средний урожай по губернии равняся сам-5—6 $^{1}/_{2}$, а по отдельным округам достигал сам-7—10.

В Томской губернии средний урожай за период 1825—1840 гг. был равен по озимым сам-5 $^{2}/_{3}$, по яровым — сам-4. Ряд лет урожаи были

[33] Там же, оп. 1 (55), д. 67, л. 37.

выше: сам-7, сам-8 3/4.[34] Приведенные данные об урожайности в Тобольской и Томской губерниях за пятнадцать лет показывают, что в Западной Сибири были в основном средние урожаи.

Урожайность хлебов в Восточной Сибири характеризуется следующими данными. Средний урожай хлебов в Енисейской губернии составлял сам-6, высший — сам-12. В Ачинском и Минусинском округах средний урожай был сам-10, высший — сам-15. Эти округа были наиболее плодородными. В Енисейской губернии, так же как и в других местах Сибири, бывали и неурожайные годы.[35]

В Иркутской губернии на протяжении первой половины XIX в. происходили колебания урожаев как по губернии в целом, так и по отдельным округам и районам. В 1834 г. урожай был «посредственный»; в 1835 г. по Иркутскому и Нижнеудинскому округам — «изобильный», по Верхнеудинскому — «умеренный». В Нерчинском округе «по недостаточным засевам и естественным причинам хлеб родился весьма худо», за исключением части волостей горного пограничного ведомства.[36] В 1836 г. был получен «изобильный урожай» во всей губернии. Даже в Нерчинском округе сбор его был значительно выше, чем в предыдущие годы.[37]

В 1811 г. в Тобольской губернии, где проживало 525 400 человек, урожай хлебов составлял 2 596 868 четвертей. В этом урожайном году за вычетом хлеба, необходимого для продовольствия хлебопащев и посева, остался «избыток» в 852 028 четвертей.[33] В 1840 г. посевная площадь в Тобольской губернии составляла 412 182 десятины. В этом году было собрано 2 788 006 четвертей ярового и 553 003 четверти озимого, всех хлебов — 3 341 009.[39] Урожай озимого в этом году был сам-5 (50 пудов с десятины), ярового — сам-4 (40 пудов). «В некоторых округах урожай был изобильнее прошлогоднего, в других напротив гораздо скуднее».[40] По сравнению с 1811 г. в 1840 г. сбор хлебов увеличился на 744 141 четверть.

Больше всего высевалось хлеба в Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Омском округах. Эти округа обладали плодородными и удобными землями, благоприятными климатическими условиями и большей плотностью населения.

Северные округа — Тобольский и Туринский — часто не могли обеспечить себя хлебом. Значительная часть населения здесь занималась различными промыслами. С 1825 по 1840 г. процент прироста крестьянского населения равнялся 27, а процент прироста высеваемого хлеба — 12. Увеличение посевных площадей шло более медленно, чем рост сельского населения.

В Томской губернии, в которую до 1823 г. входили Томский, Каннский, Бийский, Кузнецкий, Красноярский, Нарымский и Туруханский уезды, было посеяно в 1808 г. зерновых 110 235 четвертей озимых и 272 138 четвертей яровых; снято озимого 677 113, ярового — 1 438 055 четвертей.[41] В 1809 г. посеяно озимого 116 640 четвертей, ярового — 283 342 четверти; уродилось озимого 682 836, ярового — 1 543 762 четверти. Остаток озимого и ярового хлеба, за вычетом на продовольствие

---

[34] Сведения об урожайности хлебов по Тобольской и Томской губерниям составлены по ведомостям о посеве и урожае хлебов и материалам комиссии Министерства государственных имуществ (ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 197, лл. 44—45; д. 983, л. 2; д. 723, л. 8; оп. 2, д. 1927, лл. 385—390; д. 646, л. 11).

[35] А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1, стр. 226—237.

[36] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 146, л. 54.

[37] Там же, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1 (55), д. 64, л. 22.

[38] ГАОО, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 2, д. 123, л. 164.

[39] Там же, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, д. 1955, л. 23.

[40] Там же.

[41] Там же, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, д. 123, лл. 7, 8.

земледельцев и посев, составлял 883 281 четверть.[42] По сравнению с 1807 г. сбор хлебов увеличился на 111 430 четвертей.

С 1840 по 1860 г. посев хлебов в Томской губернии (в 1823 г. ее территория уменьшилась в связи с созданием Енисейской губернии) увеличился с 386 242 четвертей до 802 782, т. е. за 20 лет вырос более чем в два раза. Урожай 1861 г. составлял 3 154 727 четвертей яровых и озимых хлебов и 255 689 четвертей картофеля.[43]

Житницей Восточной Сибири называли Енисейскую губернию, которая состояла из Красноярского, Енисейского, Ачинского, Минусинского и Канского округов. По данным губернатора Степанова (1835 г.), в Енисейской губернии «по 6-летней сложности было посеяно 337 265 четвертей и собрано 2 108 284 четверти разных хлебов».[44] В 1858 г. в Енисейской губернии было собрано (в четвертях): яровых хлебов — 1 398 422, озимых — 309 161, картофеля — 142 290, льна — 34 060, конопли — 89 692, свекловицы — 27 175, табаку — 40.[45]

В Иркутской губернии сложилось устойчивое земледельческое хозяйство. Южные уезды не только удовлетворяли свои потребности в хлебе, но и снабжали им Якутскую и Охотскую области. На первом месте по земледелию стоял Иркутский уезд. Из него вывозился хлеб в соседние уезды и северные области. Второе место занимал Верхнеудинский уезд, доставлявший хлеб в Нерчинский округ и для кяхтинского пограничного торга. За Верхнеудинским по степени распространения хлебопашества следовали Нерчинский, Нижнеудинский и Киренский уезды. О развитии земледелия в Иркутской губернии свидетельствует и то, что за 50 лет (1801—1851 гг.) посев увеличился почти в три раза. Соответсвенно в три с лишним раза вырос сбор хлебов. В 1851 г. он составлял 1 146 617 четвертей.[46]

Как видно из изложенного, во многих районах Сибири производился избыточный хлеб. Как шел сбыт этого хлеба и кто был его потребителем в конце XVIII—первой половине XIX в.?

В Тобольской губернии хлеб закупался в казну для запасных магазинов Северного края, снабжения воинских частей и винокуренных заводов. В 40-х годах XIX в. для жителей Тобольского Севера ежегодно сплавлялось на судах до 60 тыс. пудов казенного хлеба и до 40 тыс. пудов от частных поставщиков.[47] Хлеб доставлялся также на почтовые станции и для жителей городов, его продавали в Казахскую степь. В 1850—1852 гг. через Петропавловскую и Семипалатинскую таможни было отпущено из Тобольской губернии 570 тыс. пудов хлеба.[48] Закупали в Западной Сибири хлеб и для Уральских заводов; иногда из Курганского округа хлеб отправляли в Оренбургскую губернию. По вычислению Ю. А. Гагемейстера, «количество хлеба, обращающегося ежегодно в торговле по Тобольской Губернии», доходило до 700 тыс. четвертей.

Цены на хлеб колебались в зависимости от урожая, места и времени продажи. Например, в 1840 г. цена ржаной муки в Тобольской губернии колебалась от 19 до 28 коп. за пуд; пшеничной — от 31 до 45 коп. за пуд. Сбыт хлеба возрастал, но емкость сибирского рынка была все же ограниченной. Характерно в этом отношении следующее замечание Ю. А. Гагемейстера: «Нет сомнения, что земледельцы Тобольской Губернии

[42] Там же, лл. 26, 27.
[43] Там же, оп. 3, д. 4953, л. 271.
[44] А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. I, стр. 225.
[45] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, д. 45, лл. 17, 154.
[46] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 154, лл. 46, 47.
[47] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, д. 204, л. 234.
[48] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II. СПб., 1854, стр. 323.

могли бы производить гораздо более хлеба и что усилению хлебопашества препятствует недостаток сбыта».

Хлеб, закупленный у крестьян Томской губернии, торговцы отправляли сухим путем на Иртышскую пограничную линию и во «внешние Киргизские округа», водным путем — в Нарым и северные места Тобольской губернии. Значительное по местным условиям количество хлеба закупалось для трех винокуренных заводов и для золотых приисков. В 1848—1851 гг. военным ведомством было закуплено 52 089 пудов муки, 3124 пуда круп, 31 932 пуда овса. В Киргизскую степь вывозилось до 230 тыс. пудов разного хлеба. Для снабжения рабочих Алтайских горных заводов ежегодно приобреталось около 800 тыс. пудов хлеба. Хлебом снабжали скотоводов Горного Алтая и жителей городов. До 80 тыс. пудов муки и круп и столько же овса требовалось для золотых приисков Томского округа.[49] На продажу поступало до 70 тыс. пудов льна и пеньки. Ее покупали для канатных заводов и для изготовления рыболовных снастей.

Хлебом Енисейской губернии снабжались сельские и городские жители, переселенцы, охотники, оленеводы и рыболовы Крайнего Севера, ямщики, винокуренные заводы, золотые прииски. Когда в Забайкалье был неурожай, хлеб туда доставляли из Енисейской губернии. Избыточный хлеб Иркутской губернии поступал в селения и города этой же территории. Значительная часть хлеба поставлялась также весною по Лене в Олекминск, Верхоянск, Якутск, Охотск, Нижнекамчатск и в русские поселения на Аляске. С 1815 по 1822 г. только по казенным закупкам было заготовлено провианта на 10 074 097 руб., в том числе муки ржаной и пшеничной — 4 592 190 пудов и крупы — 171 953 пуда.[50] Закупки производились для воинских команд, для винокуренных и солеваренных заводов, Охотского и Камчатского приморских управлений, казенных запасных магазинов, Тельминской суконной фабрики, Петровского железоделательного завода, для «заведений приказа общественного призрения» (больниц, богаделен, приютов). Значительное количество хлеба требовалось для заводского населения Нерчинского горного округа.

Отдельные очаги хлебопашества развиваются на северо-восточных окраинах Сибири. Здесь русские крестьяне селились в пяти обширных районах: бассейне Средней Лены, бассейне Вилюя, на побережье Ледовитого океана, на Охотском побережье и Камчатском полуострове. В силу отдаленности и суровости природно-климатических условий численность русского населения оставалась здесь незначительной, хотя и происходил некоторый рост крестьянского населения.

К 1850 г. число станков Иркутско-Якутского тракта по берегам Средней Лены, от Витима до Якутска доходит до 53. Разрастаются Олекминская и Амгинская деревни. Выходцы из ближних деревень и станций создают на пустошах ряд выселок. В районе Амгинской слободы появляются две новые деревни. В итоге в бассейне Средней Лены в середине XIX в. русских крестьянских деревень насчитывалось более 60 с населением около 5 тыс. человек.

В течение первой половины XIX в. земледелие постепенно становится развитой отраслью хозяйства крестьян бассейна Средней Лены. Если в Витимской, Пеледуйской, Олекминской, Амгинской деревнях и в Амгинской слободе земледелие утвердилось еще в XVII—XVIII вв., то с 1810 г. посевами занялись крестьяне станков Витимской волости, а с начала 40-х годов — крестьяне всех ленских станков. Здесь культивировали ячмень и яровую рожь. В незначительных размерах в некоторых местах сеяли озимую рожь, пшеницу и овес. Коноплю и лен в наибольшем коли-

[49] Там же, стр. 323, 324, 327, 328.
[50] ЦГИЛ СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, лл. 22—41.

честве выращивали в Витимской волости. Здесь же имели место неудачные опыты выращивания кукурузы и табака. Культура картофеля на Средней Лене распространилась с начала XIX в. и постепенно получила признание всех земледельцев. Одновременно крестьяне начали выращивать все основные виды овощей.

Урожаи были неустойчивы, так как засуха случалась иногда два-три года подряд. Обычный средний урожай составлял сам-3—6. В годы удовлетворительных урожаев крестьяне получали хлеба достаточно для личных потребностей; в годы хороших урожаев — со значительным излишком. Избыток продавали, но местный хлебный рынок был незначительным. В этом районе господствовало двухполье. Пар использовали однократно. Известен был и перелог. Навозное удобрение практиковалось не везде. Орудия обработки земли были примитивными: господствовали сохи с двумя сошниками, серпы, бороны. Земледелие русских крестьян постепенно усваивалось и якутами. В первой четверти XIX в. хлебопашеством занимались почти все якуты Олекминского округа; к середине века — многие якуты улусов центральной Якутии.[51]

На берегах Вилюя поселилось около 200 крестьян. Большая часть их жила рассеянно, в разных улусах, среди якутов, вступая в смешанные браки. Занимались эти крестьяне скотоводством и рыболовством. В 1848 г. администрация для удобства сбора податей и развития хлебопашества собрала значительную часть вилюйских русских крестьян в одно место и в районе урочища Нюрба, на левом берегу Среднего Вилюя, образовала две деревни: Аммосовскую и Александровскую. Другая часть вилюйских крестьян образовала деревню Сунтар на том же левом берегу Вилюя, но значительно выше Нюрбы. В середине XIX в. в этих деревнях проживало около 350 крестьян. Регулярные посевы хлеба начинаются здесь с конца 40-х годов XIX в.

На побережье Ледовитого океана русские крестьяне селились в устьях рек Анабары, Оленька, Яны, Индигирки и Колымы. В середине XIX в. на этих местах было около 30 населенных пунктов, в которых жило более 600 крестьян и мещан.

На Охотском побережье русские крестьяне жили в двух районах: в Удском остроге и в окрестностях Охотска. Численность их сокращалась (в начале XIX в. — около 500 человек, в середине XIX в. — около 250 чел.). Все они были потомками переведенцев XVIII в.

Делались настойчивые попытки внедрения хлебопашества и на Камчатке. В первом десятилетии XIX в. в различных местах посевы производили солдаты Камчатского полка, переведенные в военных поселян; во втором десятилетии — добровольные поселенцы из военнослужащих расформированного полка; в четвертом десятилетии — акционеры Камчатской земледельческой компании и чиновник из местных уроженцев Ефим Лазарев, окончивший Московскую сельскохозяйственную школу; и, наконец, в пятом десятилетии — прусский агроном Кегель, направленный специально из Петербурга. Но ни одна из этих попыток не дала положительных результатов: хлеб часто погибал на корню от заморозков. В таких условиях и русские крестьяне по-прежнему продолжали заниматься главным образом рыболовством и охотой. Хлебопашество утвердилось только в двух деревнях — Ключевской и Милькове.[52]

Но огородничество на Камчатке было освоено. К середине XIX в. огороды имелись во всех русских селениях, почти у каждого хозяина. Успешно выращивались картофель, репа, брюква, морковь, редька, свекла, капуста, огурцы, лук, причем картофель и овощи с успехом стали выра-

[51] Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX в.). Якутск, 1961, стр. 285—297, 311—315.

[52] Ф. Г. Сафронов. Охотско-Камчатский край, стр. 81—94.

щивать камчадалы и курилы. Численность русских крестьян на Камчатке была незначительной: в 20-х годах — около 400 человек, в 1850 г. — около 750 человек. Жили они маленькими поселениями по берегам рек Камчатки и Большой.

При всей неравномерности развития земледелия в Сибири по отдельным районам в целом оно на протяжении конца XVIII—первой половины XIX в. сделало заметные успехи. В 1818 г. в Сибири было собрано около 5 млн четвертей хлеба, а в середине XIX в. — уже около 11 млн.[53] Производство хлеба, таким образом, увеличилось более чем вдвое. Этот рост определялся расширением посевных площадей крестьянами-старожилами, новоселами-переселенцами и распространением хлебопашества среди народов Сибири, а не общей интенсификацией сельского хозяйства, техника и система ведения которого оставались рутинными.

* * *

В зависимости от преобладания той или иной отрасли крестьянские хозяйства Сибири могут быть разделены на земледельческие, земледельческо-скотоводческие, скотоводческо-земледельческие, скотоводческие и промыслово-оленеводческие. В каждом из этих типов хозяйств существовало животноводство. В Сибири разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, свиней, оленей, верблюдов.

По данным Комиссии Министерства государственных имуществ, в Западной Сибири числилось в 1841 г. 702 499 лошадей, 594 975 голов крупного рогатого скота, 952 362 головы мелкого скота, 173 верблюда. 156 281 олень.[54]

В Восточной Сибири, по официальным сведениям за 1858 г., насчитывалось 835 822 лошади, 1 112 930 голов крупного рогатого скота, 1 450 029 простых овец, 1841 тонкорунная овца, 122 103 козы, 2545 верблюдов, 109 557 оленей. По Якутской области указано еще 10 975 ездовых собак.[55]

Спрос на скот и продукцию скотоводства возрастал. Лошади были необходимы не только для земледельцев и ямщиков, но также для работ на Алтайских и Нерчинских рудниках и заводах, на золотых приисках. В 1852 г. на золотых промыслах находилось до 15 тыс. лошадей. На перевозку грузов по Московско-Сибирскому тракту требовалось до 50 тыс. лошадей. Продукция скотоводства была нужна городскому, приисковому и заводскому населению, кожевенным и салотопенным заводам, суконным мануфактурам.

С конца XVIII в. в горной части Алтая распространяется мараловодство. Первые маральники были устроены так называемыми «бухтарминскими каменщиками» — беглыми крестьянами и мастеровыми Алтайских заводов, добившимися прав «ясашных инородцев». Продажа маральих рогов-пантов являлась прибыльным делом: за лучшие рога «с гнездами» платили стоимость четырех лошадей. Разведение маралов в XIX в. распространяется из Алтая в горные районы Восточной Сибири.

Новой отраслью хозяйства для Сибири явилось пчеловодство. Первый малоудачный опыт был произведен в 1776—1777 гг. в Усть-Каменогорской крепости. Удачнее были опыты, производившиеся в 80—90-х годах XVIII в. в окрестностях Усть-Каменогорска. В 1810 г. географ Е. Зябловский писал: «Назад тому лет двадцать разведены здесь пчелы, и с на-

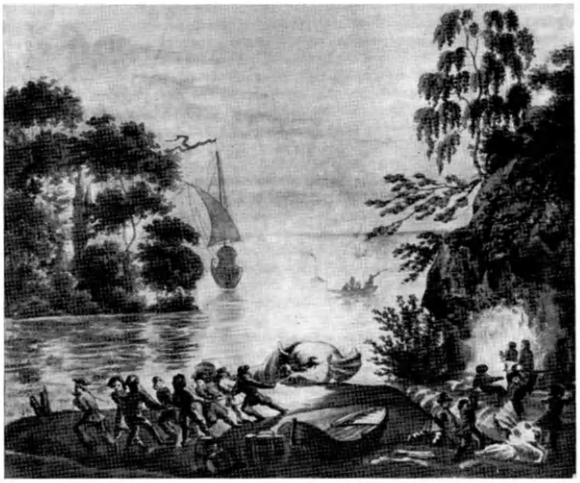
[53] Сведения о сборе хлебов составлены по ведомостям и отчетам по губерниям (ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета).

[54] ЦГИА СССР, ф. Совета министра, оп. 11, д. 151, л. 182; оп. 4, д. 109, л. 154.

[55] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, д. 41, 45, 50; карт. 1736, д. 75.

чала около Усть-Каменогорской крепости, а отсюда разплодились оныя до города Томска. Ныне пчеловодство составляет примечательную отрасль промышленности народной. Некоторые из крестьян содержат многие сотни ульев».[56] Распространению пчеловодства способствовали знакомые с ним переселенцы из западных губерний России и Царства Польского.

Пчеловодство особенно распространилось в Бийском и Кузнецком округах Томской губернии. Через 55 лет после Зябловского И. Завалишин



Лов китов в Охотском море. С акварели худ. Е. М. Корнеева.

отмечал, что в этой губернии «год от году усиливаются три совершенно неизвестных Тобольской губернии статьи доходу: мед с воском, табак и хмель. Пчеловодство в последние десять лет чрезвычайно усилилось. Теперь считается уже до 400 тыс. ульев».[57] По вычислению Завалишина, ежегодный сбор меда составлял до 200 тыс. пудов и воска — до 32 тыс. пудов. Кроме Бийского и Кузнецкого, пчеловодство распространялось в Колыванском, Барнаульском округах и в южной полосе Томского округа.

Пчеловодство проникало и в Енисейскую губернию. В 1858 г. здесь с 9713 ульев было собрано 2384 пуда меда и 248 пудов воска.[58] В Предбайкалье и Забайкалье в первой половине XIX в. делались только попытки пчеловодства, не давшие еще заметных результатов.

[56] Е. Зябловский. Землеописание Российской империи для всех состояний, ч. V. СПб., 1810, стр. 21.
[57] И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 2. М., 1865, стр. 33.
[58] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 9, карт. 1735, д. 49.

Как и в предыдущем периоде, широко были распространены в крестьянском хозяйстве домашние промыслы, составляющие «необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство».[59]

Крестьяне своими силами и средствами изготовляли сохи, бороны, колеса, телеги, сани, грабли, вилы, мебель, деревянную посуду, выделывали брусья, оселки, точила, жерновой камень (для мельниц), плели конопляные изделия (веревки, канаты, нитки). Из конопли после ее предварительной обработки ткали домашний холст, из которого шили холщовые рубахи, штаны, женскую одежду, делали портянки, мешки. Из шерсти изготовляли сукманину (грубошерстное сукно), кушаки, варежки, чулки, колпаки, валенки, войлоки, половики. Выделывались кожи и кожевенные изделия: чирки, ичиги (вид обуви), рукавицы, конская упряжь. Шили тулупы, дохи. Из конского волоса изготовляли веревки, вожжи, сита, тюфяки. Из бересты делали туески, лукошки, которые использовались при посеве хлеба. Крестьяне «гнали» смолу и деготь, умели делать сальные свечи.

Рост потребностей в древесных изделиях способствовал развитию издавна характерного для Сибири лесного промысла (заготовка дров и строевого леса, дранье лубков и лыка, жжение угля). Крестьяне доставляли в города бревна, тес и дрова.

Продолжалась добыча ценной пушнины. Крестьяне охотились на белку, соболя, горностая, речных бобров, выдру, рысь, росомаху, колонка, хорька, барсука, песца, лисицу, зайца, медведя, волка, тарбагана, оленя, лося, кабаргу, изюбра. Вдоль сибирских берегов Тихого океана, особенно в его северо-восточной части, добывали морских промысловых животных — моржей, китов, бобров и котиков. Основными орудиями охоты служили ружья (винтовки), капканы, глубокие ямы, закрытые сверху хворостом, петли и луки со стрелами (самострелы), плашки или ловушки.

По всей Сибири был распространен рыболовный промысел. По сведениям 1834 г., в низовьях Оби вылавливали 10 тыс. осетров, 2 тыс. стерлядей, 25 тыс. нельмы, 800 тыс. муксунов, 500 тыс. сырков, 300 тыс. язей, 700 тыс. шекура, 600 тыс. подъязков, 20 тыс. пудов щук.[60] С низовьев Енисея вывозилось в начале 50-х годов ежегодно до 50 тыс. пудов рыбы.[61] В Енисее и его притоках ловили осетров, стерлядей, тайменей, налимов, чиров, муксунов, семгу, щук и омулей. Значительное распространение получил рыбный промысел на Байкале и впадающих в него реках. В 1840 г. в этих местах было добыто 295 тыс. пудов рыбы на 20 295 руб. серебром.[62] Преобладала добыча омуля, доходившая в некоторые годы до 7 млн. штук и более.[63] Ловили также хайрюзов, осетров, ельцов, тайменей, сигов, ланков и другую рыбу. Промысловый лов рыбы велся на всем протяжении Иртыша и Оби и в озерах Западной Сибири. Большое количество ее давала казачья «бухтарминская рыбалка» на озере Зайсан.

Орудиями лова служили неводы, сети, вители, саки. Эти рыболовные снасти вязали из крепких конопляных ниток (мотауза), а сети, кроме того, из конского волоса. Большие неводы закидывали иногда версты на две от берега и притягивали воротом.

Лучшие рыболовные места привлекали внимание крупных рыбопромышленников из купцов. Они выступали одновременно в роли скупщиков рыбы и предпринимателей. Рыбопромышленники нанимали работников из ссыль-

---

[59] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.
[60] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 211.
[61] Там же, стр. 218.
[62] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 30.
[63] Н. С. Щукин. Очерк Забайкальской области. ЖМВД, 1852, ч. 37, стр. 33.

но-поселенцев, мещан и крестьян. Эксплуатация наемного труда давала возможность применять крупные неводы и вороты, в большом количестве добывать рыбу, очищать и солить ее, укладывать в бочки и вывозить на продажу. Одновременно, пользуясь нуждой рыболовов, их удаленностью от рынков сбыта, рыбопромышленники за бесценок скупали у них рыбу и закабаляли путем ростовщичества.

Среди крестьян, живших по трактовым дорогам, был распространен извоз. «Самые обширные селения в Сибири расположены по большой московской дороге, по которой извозом и сбытом припасов зарабатывается ежегодно несколько миллионов рублей».[64] В «Обозрении государственных имуществ» (1840 г.) сообщалось, что «селения, лежащие по Московскому тракту, получают от извоза большие выгоды». Но делились доходы неравномерно: большую часть получали хозяева-извозопромышленники, меньшая часть доставалась возчикам. То же «Обозрение» констатирует, что «извоз в руках немногих, прочие забирают у них деньги вперед, не пользуются такими выгодами, как хозяева». Хозяева извоза закабаляли возчиков путем задатков и ростовщического кредитования.

Людей, занимавшихся исключительно извозом, было сравнительно немного; но многие крестьяне занимались им в качестве подсобного промысла в свободное от сельскохозяйственных занятий время. Главный извоз производился зимою, поэтому крестьяне-возчики участвовали в нем, не отвлекаясь от земледельческих занятий.

* * *

Деление сибирского крестьянства на три основные категории — государственных, приписных и экономических (бывших монастырских) — переходит и в XIX столетие, хотя экономические крестьяне, сохранив прежнее сословное название, почти ничем не отличались от государственных. Состав же государственных крестьян продолжал пополняться. В него постепенно вливались экономические крестьяне, ямщики, вольные переселенцы из Европейской России, посельщики из отставных солдат и помещичьих крестьян, отправленных на поселение в счет рекрутов. К этому разряду приписывались крестьяне «из иноверцев», перешедших на оседлость и принявших православие. Они занимали одинаковое с государственными крестьянами социально-правовое положение, но освобождались от рекрутской повинности. Наконец, в сословие государственных крестьян зачислялись ссыльные, отбывшие срок, и их дети.

Повинности государственных крестьян Сибири были многочисленны и разнообразны: подушная и оброчная подати, сборы на земские (уездные) и губернские повинности, руга (натуральный сбор в пользу духовенства), отчисления в хлебные экономические магазины, разнообразные «темные поборы», отработочные повинности (поправка дорог, обывательская гоньба, перевозка казенных грузов). Кроме того, из крестьян набирали рекрутов, уходивших на 25 лет в армию, церковных трапезников, сотских и десятских в волостных и сельских управлениях.

Подати и сборы с государственных крестьян делились на государственные, земские и мирские. Государственные денежные сборы составляли подушная и оброчная подати. Денежный земский сбор предназначался на содержание почтовых станций, устройство и поправку трактовых дорог, мостов, гатей и перевозок, на жалованье письмоводителям и рекрутским старостам, на содержание уездной полиции, воинских и этапных помещений, «присутственных мест», учебных заведений, казенных зданий, тюрем.

[64] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 111.

Мирские сборы шли на исправление проселочных дорог, содержание перевозов, хлебных экономических магазинов, волостных и сельских управлений.

Официально все сборы с одной души не превышали 15 руб. ассигнациями, но фактически они увеличивались. В 1840 г. сборы достигали 30 руб. ассигнациями с души.[65] Поборы с крестьян возрастали в результате взяток и вымогательств со стороны чиновников, злоупотреблений волостных голов и сельских старшин. О тяжести сборов с крестьян свидетельствует рост недоимок. К 1839 г. только в Восточной Сибири сумма недоимок по всем платежам достигала 1 544 347 руб.[66]

Государственные подати уплачивались исключительно деньгами. Земские и мирские повинности стали в значительной степени заменяться денежными сборами. Сельская община заключала контракт с содержателями лошадей на почтовых станциях, нанимавшими ямщиков. Сумма, уплачиваемая по контрактам, раскладывалась среди крестьян по разрядам. Денежными сборами частично или полностью заменяли и дорожную повинность. По найму производилось устройство и ремонт мостов, гатей, надолбов, содержание перевозов через реки. Наем имел место не только при общественных сборах. Зажиточные крестьяне самостоятельно нанимали работников для выполнения своей доли повинностей. Перевод натуральных повинностей в денежные способствовал в свою очередь дальнейшему развитию в деревне товарно-денежных отношений.

В Сибири не получило распространения крепостное право в тех масштабах и формах, какие существовали в европейской части страны. Сибирские крестьяне в основной своей массе не знали помещиков, их вмешательства во внутреннюю хозяйственную и личную жизнь крестьянства вплоть до продажи крепостных. В. И. Ленин, отмечая отсутствие помещичьего землевладения в Сибири и попытки его насаждения здесь даже в первые годы XX в., писал: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее „российского" и к работе из-под палки мало приучен».[67]

По данным X ревизии, во всей Сибири числилось всего 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, имевших только дворовых. Всего в Сибири насчитывалось 3700 крепостных мужского пола. В Восточной Сибири было 2 помещика с имениями, 9 беспоместных дворян и 297 крепостных людей, в том числе 146 дворовых.[68]

В 30—40-х годах XIX в. не раз поднимался вопрос о насаждении в Сибири частной земельной собственности типа помещичьего землевладения, с переселением туда крепостных крестьян, хотя в Положении, принятом Кабинетом министров 12 августа 1830 г. и утвержденном царем, было «решительно воспрещено селить в Сибирь людей крепостного состояния».[69]

В 1839 г. министром внутренних дел было выдвинуто предложение «об отводе участков земли чиновникам в награду за службу в Сибирских губерниях». В том же году министр государственных имуществ испрашивал разрешение на съемку земель для поселения в Сибири владельческих крестьян на условном положении в виде обязанных, а также отвода земель частным лицам для хозяйственного заведения. Первое предложение было отвергнуто. На представлении министра Николай I наложил резолюцию: «Ни в коем случае поселение помещичьих крестьян допущено быть не может».[70]

---

[65] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 33.
[66] Там же, ф. Совета министра, оп. 4, д. 96, л. 77.
[67] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 89.
[68] К. П. Михайлов. Крепостничество в Сибири. (Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи). «Сибирский сборник», кн. I, СПб., 1886, стр. 130.
[69] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 1, л. 1.
[70] Там же, л. 186.

В 1843 г. в Министерстве финансов рассматривался проект отставного горного чиновника Порецкого «О колонизации обязанных крестьян в Сибирь для улучшения сельского хозяйства и золотопромышленности». Этот проект был отвергнут, а министерству указали, что «переселение крестьян в Сибирь под наименованием обязанных не соответствует видам правительства».[71]

Даже в последнее десятилетие существования крепостного права делались попытки насадить в Сибири помещичье землевладение и «высшее дворянское сословие». Такой проект был выдвинут генерал-адъютантом Анненковым, ревизовавшим Сибирь в 1852 г. Предполагалось «начать водворять там дворянство с предоставлением ему прав собственности на земли и по возможности облегчить переход туда крестьян из губерний внутренних».[72] Но и этот проект не осуществился.

В 1852—1853 гг. вопрос о распространении помещичьего землевладения в Сибири подробно обсуждался в Сибирском комитете, который пришел к заключению, что о переселении помещичьих крестьян в этот край «не может быть рассуждения».

Почему правительство феодально-крепостнической монархии, всячески поощрявшее и укреплявшее помещичье землевладение во внутренних губерниях России, не распространяло его в Сибири? Царское правительство опасалось, что насаждение помещичьего землевладения и крепостного состояния в Сибири встретит резкое сопротивление со стороны крестьян, приведет к народным волнениям. Между тем на окраинах царское правительство не располагало такими военными и полицейскими силами, как в центральных губерниях. Сибирь была еще мало и редко населенным краем по сравнению с центральными губерниями Европейской России. Перевод на сибирские земли крепостных крестьян, устройство здесь новых поместий, освоение владельческих земель требовали крупных материальных затрат, не выгодных для помещиков и казны. Помещики стремились к прибыльной продаже хлеба и другой продукции сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках. Между тем Сибирь была далеко от внешних рынков, а внутренний сибирский рынок был ограничен.

Наконец, проекты распространения помещичьего землевладения в Сибири выдвигались преимущественно в тот период, когда совершался процесс разложения крепостнического строя, обреченного на уничтожение всем ходом экономического развития и классовой борьбы.

Сибирская сельская община существовала в условиях феодальной зависимости крестьян от государства, а не от помещиков, и при наличии резерва свободных земель. Эти два обстоятельства определили ее особенности. В Сибири не было обязательных и «уравнительных» переделов земель, принудительных севооборотов. Общинные порядки выражались здесь в существовании общих выгонов для скота, устройстве общинных поскотин, в ежегодных переделах покосных угодий по паям, в нераздельном пользовании лесами и пастбищами. В общине существовала круговая порука при выполнении податей и повинностей, использовавшаяся феодальным государством при взыскании казенных сборов.

Что же касается пашни, то к ней обычно крестьянин относился как к собственной земле: «наименьшая часть селений владеет по наделу, а большею частью всякий пашет где вздумается... Потому и между односельцами не бывает повременного раздела земли, и всякий смотрит на распаханный им участок как на свою собственность».[73]

---

[71] Там же, л. 187.
[72] Там же, л. 26.
[73] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 317, 330, 331.

В Сибири преобладала захватная форма землепользования. Крестьянин пользовался участком, который был занят им или его предками, передавал эту землю по наследству. Он мог продать ее или отдать в аренду. Что касается покосных угодий, то они подлежали периодическим переделам. Избыток земли не исключал все же земельных споров. «Не смотря на избыток, споры о земле не редкость, потому что всякий дорожит разчищенною землею и неохотно принимается за новую».[74]

Сенокосные дачи, отведенные в пользование сельским общинам и подлежавшие ежегодному переделу между крестьянскими хозяйствами, разделяли на десятины, принимая во внимание не только покосную площадь, но и качество травы. Поэтому десятины были неравными. Затем их делили на мелкие части по количеству душ. Часть покосов выделялась для писаря и волостного головы.

Отсутствие помещичьего землевладения, наличие свободных земель, захватная форма землепользования — все это способствовало развитию процесса социального расслоения крестьянства.

Расширением рыночных связей воспользовалась прежде всего зажиточная верхушка деревни и улусов. Одним из показателей расслоения сибирского крестьянства было разделение в 1819 г. сельских и улусных жителей при раскладке податей и повинностей «на классы по состоянию на четыре разряда». По состоятельности крестьяне разделялись на «самых богатых», «достаточных», «посредственных» и «совершенно неимущих». К первому разряду, или «классу», причислялись «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве» и сверх того занимаются извозом и другими промыслами. Ко второму классу относились достаточные, которые имеют «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка». К третьему классу принадлежали те, «которые имеют только небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего обихода». Наконец, к четвертому классу причисляли «совершенно неимущих», у которых «небыло никакого состояния».[75]

Крестьяне первого класса составляли меньшинство сельского населения. Большинство принадлежало ко второму и третьему «классам». За ними по количеству следовал четвертый класс.

По существу «самые богатые» представляли собою зарождавшуюся сельскую буржуазию, известную под названием «мироедов»-кулаков. Эксплуатируя наемный труд ссыльно-поселенцев и деревенской бедноты, кулаки получали доходы от продажи хлеба, скота, кож, масла, сена, содержали извоз при найме ямщиков, скупали и перепродавали хлеб и пушнину, занимались торговлей привозными товарами и ростовщичеством. «Достаточные» и «посредственные» являлись зажиточными и средними крестьянами. «Совершенно неимущие» — беднота и батраки. Они нанимались к богатым крестьянам, купцам, извозопромышленникам, работали по речному сплаву, на судах и рыбалках, на золотых приисках и частных заводах.

Феодальное государство считало земли, находившиеся в пользовании казенных крестьян, своей собственностью и средством, которое обеспечивало выполнение земледельцами податей и повинностей. Правительственные указы запрещали продавать и закладывать земли из наделов казенных крестьян. На основании межевой инструкции и указа 31 января 1783 г. крестьяне, не имевшие возможности обрабатывать землю, обязаны были «обратить ее в распоряжение мирских обществ». Указ Сената от 19 декабря 1822 г. предписывал «иметь наблюдение, чтобы на землях поселян, данных им во владение, земель в заклад никому не отдавали».

[74] Там же, стр. 341.

[75] См.: Ф. А. Кудрявцев. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.—Л., 1940, стр. 168, 169.

Фактически эти запретительные указы нарушались. Комиссия Министерства государственных имуществ констатировала (1840 г.), что «каждый крестьянин считает пашню своей собственностью и продает ее другому. Пользуясь этим, богатые крестьяне скупают разработанные земли, так что у них есть до 300 десятин обработанной земли».[76] Об этом же писал краевед Н. Щукин: «у него (крестьянина, — *Авт.*) есть наследственная земля, доставшаяся его дедам по праву первоначального завладения. Он продает ее, закладывает, дарит, и никто ему не препятствует. У него нет ни актов, ни крепостей, ни права владения, но все знают, что земля принадлежит такому-то или такому-то».[77]

В распределении пахотных угодий внутри сельских обществ наблюдались контрасты. Среднее крестьянское хозяйство могло силами своей семьи обработать от 3 до 20 десятин. Но многие крестьяне обрабатывали 1—2 десятины или вовсе не имели земли. Наконец, в сибирских деревнях были хозяйства, имевшие от 50 до 300 и более десятин и до 1000 голов крупного и мелкого скота. Эти хозяйства применяли наемный труд.

Прибегая к эксплуатации наемного труда, богатые крестьяне занимали пустоши по праву «захвата» или «захватно-родового владения», расчищали земельные угодья из-под леса, скупали и арендовали пахотную землю. Необработанные земли в Сибири не являлись предметом купли-продажи.

Богатые мужики добивались отвода им сконцентрированных в одном месте и лучших по качеству покосных угодий. Они применяли подкуп, использовали экономическую зависимость своих должников, спаивали, запугивали, обманывали крестьян. Зажиточные получали также за определенную плату покосные угодья из казенных оброчных статей, скупали покосные паи у неимущих крестьян, покупали свободные участки, использовали «пустопорожние» земли.

Острая нужда в деньгах создавала почву для распространения ростовщической эксплуатации. О распространении ростовщичества свидетельствовали многочисленные жалобы, поданные крестьянами во время Сибирской ревизии 1819—1820 гг. В XIX в. сохраняются кабальные отработки. Богатые крестьяне, купцы, нанимая работников по устному договору и давая им денежные задатки, «оставляли их по нескольку лет у себя в неоплатных долгах и в бессрочной работе».[78] По-прежнему существовала отдача бедняками своих детей «в залог», т. е. для отработки долга.[79]

При денежных ссудах существовали высокие ростовщические проценты, кроме того, взыскания часто производились до срока. Через уездное и волостное начальство ростовщики силою забирали за долги крестьянское имущество. Чиновники и полицейские, по некоторым показаниям заимодавцев, «властью своею исторгали взыскания, без всякой пощады, невзирая на ограничения, самим законом положенные».[80] Представители местных властей сами выступали в роли ростовщиков.

Ростовщичество разоряло земледельцев, скотоводов и охотников, вызывало жалобы, протесты, отказы уплачивать непомерные проценты. Разорившиеся должники не могли выплачивать подати и отбывать повинности. Все это побудило правительство издать в 1822 г. «Положение о разборе исков по обязательствам, заключенным в Сибирских губерниях обывателями разных сословий». В «Положении» различалось три вида долговых исков: по найму в работу, по денежным и натуральным займам, по отдаче

---

[76] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 21.

[77] Н. С. Щукин. Быт крестьянина Восточной Сибири. ЖМВД, 1859, ч. 34, февраль, кн. 2, стр. 29.

[78] Обозрение главных оснований местного управления в Сибири. СПб., 1841, стр. 58.

[79] Там же, стр. 59.

[80] Там же, стр. 60.

в оброчное содержание разных промыслов. Это была попытка регламентировать условия кредита и найма. Наем должен был производиться на срок не более года. Запрещалось заключать условия найма в работу за других: родителям за сына, дяде за племянника. Доходы кредитора подлежали ограничению до 6 процентов. Практически, однако, условия кредита нарушались.

Богатые крестьяне брали крупные подряды на поставку хлеба, соли в казенные магазины и винокуренные заводы. Наиболее крупные подряды доходили до 20 и даже до 50 тыс. пудов.

И. Завалишин называл зажиточных крестьян, имевших от 70 до 100 десятин пашни и систематически применявших наемный труд, «сибирскими фермерами». «Все работы исправляют они наймом годовых работников, которых держат иногда до 20 и более. Обувь, харчи и одежда летняя и зимняя хозяйские. Плата от 1 до 2½ р. серебром в месяц, т. е. от 12 до 30 р. сер. в год. Жнут же бабы и девки посуточно, или подесятинно. В сутки 15 к. сер., харчи хозяйския; подесятинно и до 2½ р. сер., если хлеб густ и его много».[81]

Распределение скота между хозяйствами было далеко не равномерным. Когда в 1825 г. стал обсуждаться вопрос об отбывании земской гоньбы натурой, то выяснилось, что некоторая часть крестьянства не сможет отбывать ее, так как не имеет лошадей. В 1842 г. зажиточные крестьяне имели по 50—70 лошадей, до 40 коров и 100 голов мелкого скота, но было немало и таких, которые имели по 3—4 лошади, 2—3 коровы.

Результатом расслоения сибирской государственной деревни явилось увеличение полупролетарских элементов. Часть крестьян постепенно теряла возможность вести самостоятельное хозяйство, переходила в разряд сельских батраков или уходила на промыслы.

В официальных документах полупролетарские элементы деревни назывались «неспособными к хлебопашеству». В Каинском округе Томской губернии, по данным, относящимся к началу 20-х годов XIX в., они составляли 7%, в Томском — 24%.[82] Кроме крестьян, совершенно не имевших своего хозяйства, было немало и таких, которые сочетали работу в своем маленьком хозяйстве с работой по найму.

В Иркутском и Верхнеудинском округах средний размер посева определялся в 4—5 десятин. Между тем там были хозяева, засевавшие до 100—200 и более десятин. Они эксплуатировали труд наемных работников и закабаленных должников. Такая смешанная форма эксплуатации была вообще характерна для Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в.

Постоянным источником пополнения деревенской бедноты были ссыльно-поселенцы и переселенцы из Европейской России. В 30—40-х годах XIX в. и позже ссыльно-поселенцев приписывали к селениям старожилов. Обычно немногие из числа ссыльно-поселенцев могли в первые годы обзавестись собственным хозяйством. Так, в 1841 г. из 7435 ссыльно-поселенцев только 194 человека сумели в этом же году обзавестись собственным хозяйством. Остальные, лишенные каких-либо средств к существованию, вынуждены были обращаться к различным заработкам, в том числе к работе у зажиточных крестьян за самые низкие цены. В таком же положении оказывались неимущие или малоимущие переселенцы. Эти источники дешевой рабочей силы создавали благоприятные условия для зарождения сибирской деревенской буржуазии, которая богатела, эксплуатируя ссыльно-поселенцев и переселенцев.

---

[81] И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. 1, 1862, стр. 176.

[82] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 197, лл. 26, 27; П. Черняховский. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии. ЖМВД. 1843. № 2, ч. II.

Однако средства, добытые в сельскохозяйственном производстве зажиточными крестьянами, чаще всего направлялись не в земледелие и скотоводство, а в торговлю, ростовщичество, различного рода промыслы, где они приносили больше дохода. Наиболее состоятельные хозяева стремились перейти в сословие купцов или мещан. Разорившаяся беднота в свою очередь стремилась поправить дела на промыслах и лишь в случае крайней нужды обращалась к батрачеству на селе. В силу этого рынок рабочей силы для сельского хозяйства оставался узким.

С конца XVIII в. происходят дальнейшие качественные сдвиги в развитии такой своеобразной категории сельского населения Сибири, как приписное крестьянство.

В то время как повсеместно в России приписные крестьяне на казенных, частных и посессионных мануфактурах законом 15 марта 1807 г. были заменены «непременными работниками», в Алтайском и Нерчинском округах приписка к заводам сохранилась, и сибирские крестьяне вместе с группой олонецких остались последними представителями приписной системы в Российской империи вплоть до падения крепостного права.[83]

Условия хозяйственной жизни приписной деревни Западной Сибири (Алтайского округа) отличались значительными особенностями.

Ее население росло почти исключительно за счет естественного прироста: новой приписки к кабинетским заводам после 1798 г. не проводилось, а свободное переселение в Алтайский округ до 1865 г. было запрещено. С 1780 по 1860 г. численность ревизских душ мужского пола в кабинетской деревне возросла с 55 до 149 тыс. Образуя к реформе 1861 г. абсолютное большинство приписного крестьянства империи, алтайская деревня сосредоточивала около 20% всего населения Западной Сибири и около половины жителей Томской губернии.

Алтайские крестьяне значительно позднее стали испытывать относительную земельную тесноту. Занимая наиболее плодородные земли сибирского юго-запада, они были лучше других обеспечены пахотными и сенокосными угодьями как в качественном, так и в количественном отношении: здесь не было «утеснения» старожилого населения в силу отсутствия притока переселенцев, и к 60-м годам XIX в. на душу мужского пола приходилось в среднем от 60 до 100 десятин удобной земли. Это же обстоятельство приводило к консервации архаических форм землепользования. В Алтайском округе длительное время господствовала заимочно-захватная система землепользования и до конца феодальной эпохи преобладали различные варианты залежи, сопровождавшиеся спорадическими очагами парового земледелия. Застой в технике сельского хозяйства и аграрных отношениях предопределял экстенсивный характер развития земледелия: производство хлеба росло лишь за счет распашки новых площадей и увеличения размеров посева. Но это увеличение оказалось весьма значительным. С 1800 по 1850 г. площадь посева выросла со 105 до 340 тыс. десятин, т. е. почти в 3.5 раза. Подстать рутинному земледелию было и экстенсивное скотоводство с преимущественным разведением лошадей.

Наконец, необходимо отметить еще одну отличительную черту развития кабинетской деревни: замедленные темпы развития форм землепользования и земледелия обусловили здесь соответственное замедление эволюции территориальной общины; на Алтае медленнее, чем в других районах Сибири, совершался переход от индивидуально-подворного землепользования крестьян к общинному. Длительное время община сохраняла лишь административно-податные функции, не играя роли хозяйственного органа.

---

[83] Нерчинские приписные крестьяне в 1851 г. были переведены в казачье сословие (забайкальские казаки).

Тем самым обеспечивался больший простор индивидуальному действию хозяйства, двора, семьи.

Указанные особенности открывали простор для буржуазно-фермерского пути развития крестьянского хозяйства в кабинетской деревне. Но в противовес им действовали другие факторы.

Главным фактором, тормозившим экономический прогресс в кабинетской деревне, являлся рост ренты-налога. Приписные крестьяне несли все повинности государственных крестьян в тех же размерах, что и государственные крестьяне Западной Сибири: подушную и оброчную подати, земские натуральные и денежные, рекрутскую повинность, мирские расходы. Сверх того они исполняли заводскую повинность. Всего насчитывалось 49 различных повинностей кабинетской деревни. Абсолютные размеры крестьянского обложения непрерывно возрастали. С 1780 по 1860 г. подушный оклад вырос более чем в 4 раза; непрерывно вводились дополнительные денежные сборы. Если в 1780 г. подушная и оброчная подати с ревизской души мужского пола составляли вместе 2 руб. 70 коп. ассигнациями, то к 1861 г. их сумма составляла уже 3 руб. 44 коп. серебром.

Наиболее обременительная заводская повинность росла абсолютно и относительно: в начале XIX в. на работу назначалось около 80% душ мужского пола, а накануне реформы — 95—100%; поднимался удельный вес конной работы по сравнению с пешей. Практиковавшаяся крестьянством замена личного исполнения работы наймом приводила к повышению стоимости отработок. К 40-м годам XIX в., по неполным данным, около трети всех крестьян прибегала к замене натуральной повинности денежной, а к 60-м годам уже менее половины их исполняли заводскую работу лично.

Накануне крестьянской реформы структура крестьянского обложения в денежном выражении выглядела следующим образом: заводские повинности — 59%, подушная подать — 5%, оброчная — 12%, земские сборы — 4%, мирские денежные сборы — 1%, натуральные земские и мирские повинности — 19%. При этом на одного едока приходилось в среднем 8 руб. 92 коп., а на одно хозяйство — 53 руб. 72 коп. серебром платежей в год.

Рента-налог выступала во всех трех ее формах, но неуклонно совершался процесс вытеснения отработочной и продуктовой форм денежной феодальной рентой.

Абсолютный рост размеров ренты-налога сопровождался повышением ее доли в крестьянском продукте; увеличивалась интенсивность эксплуатации. При этом рост ренты-налога в предреформенный период обгонял рост экономических возможностей крестьянского хозяйства. По некоторым подсчетам, с 1818 по 1851 г. объем повинностей вырос на 107%, а хозяйственные возможности крестьянства расширились только на 62%.[84]

И тем не менее приписная деревня, взятая в целом, сохраняла еще возможности не только простого, но в благоприятные годы также и расширенного воспроизводства: к 1861 г. рента-налог составляла около трети в общем балансе хозяйства кабинетской деревни, расходы на продовольствие, фураж и семенной фонд — 45%, а остальная часть доходов образовывала свободные излишки. В отличие от частновладельческих имений России алтайская деревня предреформенной поры не испытывала деградации хозяйства.

Степень феодальной эксплуатации оказывалась неодинаковой для крестьян, проживавших на юге горнозаводского округа, в центральной части и на севере. Она повышалась по мере удаления местожительства от заво-

[84] Г. П. Жидков. Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780—1861). Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1964, стр. 19.

дов и рудников, размещавшихся в основном на юге. Личное исполнение заводской повинности крестьянами северных волостей приводило к отрыву их от собственного хозяйства, а при замене отработки наймом последний обходился в 2—3 раза дороже, чем на юге. В конечном счете простой факт различия в дальности жительства имел следствием разную направленность хозяйства, разницу в уровне благосостояния, разные темпы роста населения. Север специализировался на торговом земледелии, юг на скотоводстве; север выделял предпролетариат, юг — богачей-предпринимателей; южная деревня быстро восстанавливала хозяйство после неурожаев и эпизоотии; на севере был меньший процент «годных работников» и больший — «увечных» и «убылых»; за 20 лет — с 1831 по 1851 г. население приписной деревни севера увеличилось на одну треть, центра — наполовину, а юга — вдвое.

Процесс дифференциации приписной деревни на промысловую и земледельческую, начавшийся на рубеже XIX в., не только углублял хозяйственную специализацию, но и усиливал товарность земледельческого производства в Алтайском округе. Центром зернового производства становится северная часть округа (Томский уезд), хотя на юге природные условия земледелия были более благоприятными. В предреформенный период 6 волостей Томского уезда с населением, составлявшим 12% жителей приписной деревни, производили 40% всего хлеба.

С 30-х годов товарное производство получает дополнительный толчок в связи с возникновением частной золотопромышленности в Томской и Енисейской губерниях. Алтайский округ становится для золотых приисков настоящей житницей. Возросший спрос на алтайский хлеб со стороны приисков привел к сокращению удельного веса заводского провианта в массе товарного зерна: если в 1820 г. заводской провиант составлял 80% всего товарного зерна, то в 1858 г. — лишь 40%. Хотя на Алтае, как и в других районах страны, наблюдалось смешение товарного и нетоварного земледелия, уровень товарности хозяйства кабинетской деревни в целом и темпы ее роста оказывались более высокими, чем в сельском хозяйстве Европейской России.

Если в центре за полвека (1800—1850 гг.) товарность, исчисленная от чистого сбора, выросла с 10% до 17%, то за тот же период в Алтайско-Томской части Сибири товарность, исчисленная от валового сбора, выросла с 9% до 26%.

Рост товарности хозяйства приводил к изменениям в социальной структуре приписной деревни. Общее относительное благосостояние деревни, взятой в целом, скрывало резкие имущественные контрасты и экономические противоречия между отдельными группами крестьянства. Десятая часть дворов сосредоточивала в своих руках около половины всех рабочих лошадей и треть посевов; в то же время на юге 10%, а на севере еще большая часть крестьянских семей оторвались от собственного хозяйства.

Как правило, крупные кулацкие хозяйства основывались на семейной кооперации, но они же в широких размерах использовали постороннюю рабочую силу. Основными источниками наемной рабочей силы служили: бедняцкая часть приписной деревни, казахская беднота («джатаки» и «байгуши», т. е. бедняки, нищие), крепостные горнорабочие, «гулевые» и беглые. При этом для Алтайского округа было характерно соединение в одном лице бедняка, нанимающегося попеременно на заводскую работу и в батраки; пауперы начинали превращаться в пролетариев; происходило формирование рынка рабочей силы.

Диапазон условий найма батраков был весьма широким: от эксплуатации односельчан под видом соседской «помочи» и раздачи детей «в услужение по срокам» до договора за деньги. Кабала соседствовала и переплета-

лась с чисто капиталистическим наймом. Различались работники «из годовой платы», «временно проживающие в услужении», а также нанимавшиеся сезонно и поденно, особенно в страдную пору сенокошения, жатвы и молотьбы.

В предреформенный период в среднем оплата одного дня работника стоила 50 коп. серебром, но при этом наблюдались большие различия в размерах оплаты труда батраков в разных районах, что порождало движение их из одной местности в другую.

Цены на продукты земледелия и скотоводства в горном округе в значительной мере начинают определяться размерами оплаты «земледельческих работников».

Конечно, основной фигурой в приписной деревне по-прежнему оставался средний крестьянин. Более того, усиление феодальной эксплуатации, изъятие путем рекрутских наборов пауперизованного крестьянства на горную службу, переход наиболее зажиточных хозяев в купечество и мещанство дополнительно влияли на «осереднячивание» деревни.

Но уже в крепостную эпоху в кабинетской деревне вполне определенно прослеживается складывание предпосылок капиталистической эволюции фермерского типа. Подобные же предпосылки складывались в деревнях государственных крестьян.

* * *

Продолжавшийся процесс заселения и освоения Сибири, возрастание спроса на хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, усиление связи крестьянского хозяйства с рынком, наличие свободных земель и промысловых угодий, отсутствие, за небольшим исключением, помещичьего землевладения и крепостного права, рост капиталистических отношений и товарно-денежных связей, внедрявшихся в натуральное хозяйство, — все это стимулировало развитие земледелия, скотоводства, промыслов.

Хлебородные округа Сибири доставляли хлеб не только для местных потребностей. Земледельцы этих округов снабжали хлебом северные и северо-восточные окраины России, он попадал даже в земли российских владений на Аляске, Алеутских и Курильских островах, наконец, был одним из предметов приграничной торговли. Скотоводство и охота также доставляли продукцию как для внутреннего, так и для внешнего рынка.

Сибирь стала важной сельскохозяйственной базой на востоке России. Вековой опыт русских земледельцев усваивали народы Сибири. Русские переселенцы завели «домостроение, кораблестроение и хлебопашество» на островах северо-восточной части Тихого океана и на Аляске.

Наряду с факторами, стимулировавшими рост сельского хозяйства, в Сибири существовали причины, тормозившие его развитие. Закрепощение крестьян помещиками в Европейской России препятствовало более широкому приливу новых трудовых сил на сибирские окраины. Основу сельскохозяйственного производства составляло мелкое крестьянское хозяйство, располагавшее ограниченными материальными ресурсами и обремененное феодальным государством и Кабинетом податями и повинностями, поборами со стороны чиновников и «сельских начальников», ростовщической кабалой. Маломощные крестьянские хозяйства не обладали средствами для расширения земледельческого воспроизводства, не говоря уже о крайне отрицательном влиянии неурожаев, падежей скота.

Неблагоприятно сказывались на развитии сельского хозяйства отсутствие в Сибири промышленной базы для производства и распространения сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий, отсталость земледельческой техники, неграмотность большинства сельского населения. Крестьянское хозяйство вовлекалось в товарно-денежные отношения, но

товарность его была ограниченная, значительное место продолжали занимать натуральные хозяйственные ресурсы. Рост товарности крестьянского хозяйства сдерживался и недостаточной развитостью рынка.

3. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЕ КАДРЫ

В Сибири, богатой полезными ископаемыми, первое место среди отраслей промышленности по масштабам производства и количеству занятых в ней работников принадлежало горной промышленности. В конце XVIII и первой четверти XIX в. она, за некоторым исключением, оставалась в управлении императорского Кабинета.

В основе производства лежал труд феодально-зависимых категорий населения: мастеровых, набираемых в основном путем рекрутчины, и крестьян, приписанных к заводам. Существовали и различные формы наемного труда, применяемого в ограниченных размерах. На этих предприятиях работали также каторжане.

Кабинетские и казенные промышленные предприятия находились на мануфактурной стадии развития с характерным для мануфактуры техническим разделением ручного труда.

С 1804 г. территория Колывано-Воскресенского горного округа входила во вновь образованную Томскую губернию. Власть томского губернатора и начальника Колыванских заводов соединялась в одном лице. Он подчинялся, с одной стороны, императорскому Кабинету, с другой — западносибирскому генерал-губернатору. С 1831 г. Колывано-Воскресенский горный округ стал называться Алтайским. С 1830 по 1855 г. алтайскими рудниками и заводами управлял Департамент горных и соляных дел Министерства финансов, но характер собственности (со смешанными чертами личной императорской и казенной) оставался прежним.

Сохранение феодальных отношений в горной промышленности Сибири тормозило ее развитие. Во всей России росли капиталистические предприятия с вольнонаемным трудом, от которых все более отставали мануфактуры, применявшие подневольный труд. В первой четверти XIX в. резко сократилось, а во второй четверти вообще прекратилось строительство рудников и заводов на Алтае. Если в XVIII в. за 70 лет здесь было построено 8 заводов, то в XIX в. за 60 лет — только 2. Все крупные серебряные рудники (Змеиногорский, Салаирский, Риддерский, Зыряновский) возникли в XVIII в. Змеиногорский рудник дал драгоценных металлов больше любого другого рудника России. С 1744 по 1835 г. из Змеиногорского месторождения было добыто 36 942 пуда серебра и 1000 пудов золота или свыше половины всего серебра и золота, доставленного всеми рудниками России за эти 90 лет.[85] По мере выработки старейшего Змеиногорского рудника подземные работы на нем постепенно сокращались, а в 40-х годах были вообще прекращены. Продолжалась только переработка старых отвалов. Ширилась добыча салаирских руд. Однако невысокое содержание серебра в них тормозило в XIX в. освоение мощного полиметаллического Салаирского месторождения. В незначительных размерах разрабатывалась в первой половине XIX в. Риддерская группа рудников. Руды Зыряновского рудника были богаты серебром, золотом, свинцом и медью. В 50-х годах XIX в. из зыряновских руд ежегодно выплавлялось до 775 пудов золотистого серебра — $^3/_4$ всего серебра, получаемого на Алтае.

---

[85] Г. Е. Щ у р о в с к и й. Геологическое путешествие по Алтаю, с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах. М., 1846, стр. 25, 26.

Добыча руд на остальных рудниках Алтайского горного округа про
водилась в первой половине XIX в. в незначительных размерах. Тех
добычи руд оставалась на уровне XVIII в.: те же кайлы, ручные бу
тачки, ручные и конные водоотливные и рудоподъемные установки.

В 1800 г. был закрыт Колыванский завод, на территории кото
в 1802 г. разместилась шлифовальная фабрика для обработки алтай
яшм и порфира. Колыванские мастера искусно воплощали в камне
мыслы лучших петербургских архитекторов — Воронихина, Росси, I

Кузница в Сибири. С акварели худ. Е. М. Корнеева.

ренги, Камерона, по рисункам которых они работали. На Колыван
фабрике изготовлялись уникальные изделия, например большие чаш
вазы, украшающие и ныне залы Эрмитажа в Ленинграде, кол
(в частности, колонны из яшмы Исаакиевского собора).

В 1795 г. на р. Большой Талмовой, в 4—5 верстах от Салаир
рудников, был построен Гавриловский сереброплавильный завод. З
производил выплавку штейнов, из которых серебро извлекалось на Ба
ульском заводе. В 1804—1805 гг. в 2 верстах от Змеиногорского руд
был выстроен Змеевский сереброплавильный завод, на котором были
менены некоторые нововведения: вода к заводским колесам подводи
каналом из р. Корбалихи, дутье в печи осуществлялось усовершенств
ными цилиндрическими воздуходувными машинами, работавшими от
ливных колес. Змеевский завод выплавлял в 1830—1850 гг. 20% в
алтайского серебра — 200 пудов из 1000. Основными предприяти
цветной металлургии в XIX в. наряду с новым Змеевским заводом

вались построенные в XVIII в. Барнаульский, Павловский и Сузунский заводы.

Основная задача алтайских заводов сводилась к выплавке серебра. Ежегодно здесь выплавлялось в среднем серебра и золота (в пудах): [86]

Годы	Серебро	Золото [87]
1799—1806	По 1154	—
1817—1829	» 1000	—
1830—1835	» 1018	—
1841—1846	» 1001	По 31
1847—1850	» 1000	» 36

Кроме серебра и золота, на алтайских заводах выплавлялись свинец и медь. Так, в 1859 г. было выплавлено 1085 пудов серебра, 42 пуда золота, 4145 пудов свинца, 31 тыс. пудов меди.[88]

В 1816 г. на Салаире, на р. Бачат, был построен Гурьевский сереброплавильный завод. Поскольку Томский завод в это время уже не удовлетворял возросших потребностей кабинетских предприятий в черных металлах, в 1826 г. на Гурьевском заводе была поставлена небольшая домна. С 1844 г. завод полностью перевели на железоделательное производство. В 1846 г. на нем были поставлены новая домна больших размеров и каменный корпус с кричными горнами, а позже была оборудована «механическая фабрика», изготовлявшая инструменты, машины и части машин для заводов, рудников и золотых приисков Кабинета.

В цветной и черной металлургии Сибири плавильные печи работали на древесном угле и холодном дутье, железо вырабатывалось по старинке в небольших кричных горнах, хотя были уже известны и горячее дутье, и пудлинговое производство железа, и применение кокса в металлургических процессах.

К Нерчинскому горному округу относилось 7 сереброплавильных заводов, имевших 10 рудников. Кроме того, в особом управлении начальника заводов состояли Петровский железоделательный завод и Ононские оловянные прииски. Главным предметом деятельности Нерчинских заводов в 20-х годах XIX в. была выплавка золотистого серебра (до 300 пудов в год) и свинца (до 50 тыс. пудов в год), доставлявшегося на Колывано-Воскресенские заводы для использования при выплавке серебра.

Петровский завод, начавший действовать с 1790 г., рассматривался как вспомогательное предприятие для Нерчинских сереброплавильных заводов. Лишь небольшие избытки его продукции поступали на продажу. В 1804 г. по нарядам Нерчинской горной экспедиции Петровскому заводу надлежало изготовить 9108 пудов железных и чугунных изделий. В то время как построенный в Восточной Сибири в XVIII в. Езагашский завод был закрыт, а Ирбинский завод фактически перестал действовать в 1828 г., Петровский завод постепенно расширялся.

По Нерчинскому горному округу выплавка серебра в 20-х годах XIX в. сократилась по сравнению с последней четвертью XVIII в. почти вдвое и далее продолжала сокращаться. Так, в 1833—1836 гг. на Нерчинских заводах получали 182—202 пуда серебра,[89] с 1846 по 1854 г. средняя выплавка серебра составляла ежегодно 126 пудов, а в 1859 г. — всего 10 пудов 18 фунтов. Нерчинские сереброплавильные заводы стали приносить убытки. Лишь открытие и разработка золотоносных россыпей в Забай-

[86] Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890, стр. 382.
[87] Прочерк означает, что золото не выплавлялось.
[88] Алтай. . ., стр. 380.
[89] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, карт. 1740, д. 472, лл. 28, 93, 94.

калье дали возможность поддерживать существование этих заводов, перекрывать их убытки.

Техническое состояние этих предприятий требовало решительного улучшения. Прежде всего производству нужны были паровые двигатели. В 1803 г. на Петровском заводе была произведена попытка устройства «огнедействующей» паровой машины, сгоревшей во время пожара. Вторая машина, установленная в 1810 г. для воздуходувных цилиндров, также сгорела в 1827 г. Опыты талантливых механиков Ф. П. Борзова и С. В. Литвинова по устройству усовершенствованной паровой машины, производившиеся на том же заводе, встретили противодействие со стороны заводского начальства и не были завершены. С 1850 г. на Петровском заводе стали изготовляться небольшие паровые машины: для нужд самого завода была построена 8-сильная паровая машина, а в 1852 г. пущена в ход 136-сильная. Сооружена была также паровая машина для парохода «Аргунь». Мощность этих машин была незначительной. Используя принудительный ручной труд, заводское начальство не было заинтересовано в техническом переустройстве предприятий.

На сибирских горнозаводских предприятиях основным двигателем оставалось, как и в XVIII в., водяное колесо. Старые плотины в большинстве осели и обветшали, водонапорные каналы и сами установки, сделанные из дерева, приходили в негодность. Из-за засухи летом и от маловодья зимой заводы часто простаивали.

Все явственнее становилось уменьшение рентабельности предприятий, глубокая отсталость самой организации производства, основанного на подневольном труде. Если в первой четверти XIX в. горная промышленность Сибири переживала состояние застоя, то во второй четверти она пришла в состояние глубокого кризиса.

Кратковременный период подъема переживала лишь новая в Сибири отрасль горной промышленности — добыча олова. Первооткрывателями месторождения оловянной руды в районе р. Онона (Восточное Забайкалье) были агинские буряты (1811 г.). Это месторождение стало казенным. В 1811 г. под руководством горного инженера Ф. И. Бальдауфа здесь было добыто в порядке опыта 7 пудов олова. Наибольшее его количество было добыто в 1814 г. (478 пудов). В 20-х годах добыча олова колебалась от 9 до 45 пудов в год, в 1831—1839 гг. — от 90 до 313 пудов.[90] В дальнейшем добыча и выплавка олова стала уменьшаться и фактически прекратилась. В 1859 г. Ононский оловянный рудник был закрыт.

С развитием земледелия, золотопромышленности и других промышленных отраслей, с появлением пароходства возрастала потребность в железе и железных изделиях. В 50—60-х годах XIX в. в связи с перестройкой Гурьевского чугуноплавильного и железоделательного завода возросла выплавка чугуна, стали, железа, росло и изготовление железных и чугунных изделий в Алтайском горном округе. Железо производилось также на Троицком солеваренном заводе в Енисейской губернии. В Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях и Якутской области железо выделывалось кустарным способом.

В 1845 г. началась постройка казенного чугуноплавильного и железоделательного завода на берегу речки Долоновки, в 12 верстах от р. Оки, впадающей в Ангару. Строительство нового завода, названного Николаевским, было закончено лишь в 1854 г. Фактически же добыча железной руды, выплавка чугуна, производство железа и железных изделий начались еще до окончания постройки предприятия — в 1847 г. Завод

[90] Там же, ф. Горного отделения Главного управления Восточной Сибири, д. 43, лл. 414, 415.

снабжал своей продукцией сибирские солеваренные и винокуренные заводы, Тельминскую казенную фабрику, частные золотые прииски, а также выполнял заказы артиллерийского ведомства. Опыты по изготовлению здесь артиллерийских орудий и снарядов оказались удачными. На Николаевском заводе выделывалось ежегодно от 6 до 20 тыс. пудов железа. На этом предприятии изготовлялись брусковое и полосовое железо, кайлы, топоры, подковы, лопаты, ломы, клинья, гвозди, болты, сошники, сталь и стальные поделки, чугунное литье (дверцы, утюги), зубчатые колеса, вьюшки, чугунные подсвечники.

Население обширных горных округов на западе и востоке Сибири оставалось в конце XVIII—первой половине XIX в. в феодальной зависимости, выполняло различные повинности на кабинетских заводах и рудниках. Численность приписных крестьян Алтайского горного округа на протяжении второй половины XIX в. возрастала и ко времени падения крепостного права достигла приблизительно 300 тыс. человек (мужчин и женщин).[91]

	1796 г.	1810 г.	1825 г.	1851 г.	1861 г.
Ревизские души . .	55206	63542	86000	137071	145612

В первой половине XIX в. не произошло каких-либо существенных изменений в повинностях приписных крестьян. Указ 22 июля 1822 г. об управлении сибирских губерний устанавливал, что приписные крестьяне обязаны по-прежнему выполнять заводские повинности и подчиняться горному начальству. Кроме того, они платили подушную подать и другие казенные сборы.[92] В 1820-х годах приписные крестьяне Алтайского округа ежегодно перевозили в порядке повинности до 9 млн пудов руд, угля и флюсов, вырубали и перевозили 65 тыс. кубических сажен дров и 53 тыс. бревен для рудничных строек.[93]

В Нерчинском горном округе было меньше приписных крестьян, чем в Алтайском: в 1820 г. там числилось 17 770 ревизских душ. Их повинности не отличались от повинностей алтайских приписных крестьян.

Особенно изнурительной была перевозка дров, угля и руд по гористым местам, оплачивавшаяся наравне с перевозкой тяжестей на равнинах. Часть крестьян в Нерчинском округе была приписана к заводскому хлебопашеству. На каждую душу полагалось вспахать, засеять и убрать три десятины посева, обмолотить и перевезти хлеб в казенные магазины за установленную плату.

Рекрутские наборы через каждые два года, по-прежнему служившие источникам пополнения кадров постоянных работников заводов, тяжелым бременем лежали на приписном крестьянстве. Дети и внуки таких рекрутов тоже становились заводскими работниками. Помимо приписных крестьян, выполнявших для заводов вспомогательные работы, а большую часть года занятых в своем хозяйстве, на рудниках и заводах Алтайского и Нерчинского округов весь год трудились подневольные мастеровые. В Алтайском горном округе численность их росла следующим образом.[94]

	1798 г.	1825 г.	1832 г.	1850 г.	1853 г.	1860 г.
Число мастеровых	9311	17000	18000	19567	19906	21867

[91] ГААК, ф. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, оп. 2, св. 32, д. 58, лл. 439—579; ф. Барнаульской горной конторы, оп. 5, св. 58, д. 84, л. 41; ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 121, ч. 2, л. 236; ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 77, л. 18; Н. М. Зобнин. Приписные крестьяне на Алтае. Алтайский сборник, вып. 1. Томск, 1894, стр. 7.

[92] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 121, ч. 2, л. 238; ПСЗ, т. 38, № 29124.

[93] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 121, ч. 2, л. 236.

[94] Н. Зобнин. Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения. Сибирский сборник, кн. 2. СПб., 1892, стр. 11 (1798 и 1760 гг.); ЦГИА СССР, ф. Первого

По численности рабочих Алтайский горный округ в первой половине XIX в. был вторым центром горной и металлургической промышленности в России, уступая одному Уралу. Однако рост числа рабочих в первой четверти XIX в. замедлился по сравнению с XVIII в., а во второй четверти XIX в. еще более снизился. Если с 1798 по 1825 г. численность мастеровых выросла почти в два раза, то с 1825 по 1850 г. — лишь на 15%. Падение темпов роста численности рабочих отражало застой кабинетской промышленности Алтая. Кадры мастеровых по-прежнему пополнялись за счет рекрутов из приписных крестьян, мещан, солдат горного батальона, а также подрастающих «мастеровских сыновей».

Число приписных крестьян в несколько раз превышало численность мастеровых, но труд последних имел больший удельный вес, так как они работали в кабинетских предприятиях весь год, а крестьяне лишь 2—3 месяца. В 1796—1798 гг. мастеровые Алтайских заводов выработали 58%, в 1825 г. — 62%, в 1850—1851 гг. — 54% всех человеко-дней.[95]

Принудительный труд широко применялся во всей горной и металлургической промышленности России. Своеобразие порядков, сложившихся в Сибири, заключалось в том, что при формировании рабочих кадров использовалась государственная воинская повинность. Согласно Учреждению 1828 г., мастеровые составляли «особенное сословие людей, обязанных исправлять горныя заводския работы».[96] Они объединялись в команды, состоявшие под начальством горных офицеров (горных инженеров и техников), подчинялись воинскому уставу, за нарушение порядка и неповиновение судились военным судом.[97]

Кабинетские мастеровые не имели собственных средств производства и существовали за счет денежного жалования и хлебного пайка. Но в отличие от вольнонаемных рабочих они, как и в XVIII в., трудились по повинности и не могли уйти из кабинетского предприятия. До 1849 г. служба мастеровых не была ограничена никакими сроками. Увольнялись в отставку они лишь по инвалидности. При этом инвалидов широко использовали на вспомогательных работах. Мастеровые не были экономически заинтересованы в работе, так как их жалованье было в несколько раз меньше, чем у вольнонаемных рабочих.

По сенатскому указу 4 августа 1849 г. в отставку стали увольняться мастеровые, «беспорочно» прослужившие 35 лет.[98] Сыновьям мастеровых служба засчитывалась с 18 лет (с момента принятия присяги), хотя мальчики привлекались к работе с 7—12 лет. В 1852 г. срок службы тех мастеровых, которые рекрутировались из приписных крестьян, был приравнен к общему сроку солдатской службы — 25 годам. Засчитывалась лишь «беспорочная» служба,[99] поэтому и после 1849—1852 гг. отставку за выслугу лет получили немногие.

Нарядчики, мастера, уставщики, надзиравшие за работами, не расставались с палкой и избивали провинившихся мастеровых прямо в цеху. Мастеровых наказывали также по распоряжению управляющего или по

Сибирского комитета, оп. 1, д. 121, ч. 2, лл. 236 об. (1825 г.); ГААК, ф. Горного правления Колывано-Воскресенских заводов, оп. 1, св. 10, д. 38, лл. 118, 264, 309, 310, 627; ф. Главного управления Алтайского горного округа, оп. 1, св. 147, д. 1216, л. 7 (1832 г.); ГААК, ф. Горного правления Колывано-Воскресенских заводов, оп. 5, д. 480, лл. 326, 826—830, 902; ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 320/481, д. 9, л. 6 (1850 г.); ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 2, д. 583, лл. 132 об., 214 об. (1853 г.).

[95] См.: З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1963, стр. 158.

[96] Свод законов, т. 7, 1857, Горный устав, ст. 1698.

[97] ПСЗ, т. 3, изд. 2, № 1960, §§ 1, 2, 4, 6, 7, 8.

[98] ЦГИА СССР, ф. Кабинета Е. И. В., оп. 320/481, д. 9, л. 6.

[99] Там же, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 77, л. 15.

решению присутствия заводской конторы. Не только труд, но и личная жизнь мастерового была под контролем: мастеровой не мог жениться без разрешения начальства. Начальник Колыванских заводов Г. С. Качка в 1790 г. издал предписание: «Никто да не дерзает к бракосочетанию приступить без ведома командиры».[100] Угольщик Трофим Мозжерин в 1825 г. был наказан 25 ударами батогов «за неповзволительный увоз крестьянской девки Кунгуровой... и за неиспрошение от начальства на женитьбу позволения».[101] Рудовоз Прокопий Агеев за женитьбу без разрешения начальства в 1843 г. был наказан шпицрутенами и переведен с завода на рудник.[102] Отпуск для свидания с родными мог быть получен лишь по малости начальствие. Самовольные отлучки работников сурово карались.[103]

Эксплуатация кабинетских мастеровых была разновидностью феодальной эксплуатации, но с особенностями, вызванными применением труда на крупном промышленном предприятии: отсутствием своих орудий, заработной платой, специализацией.

Техническая интеллигенция Алтайского горного округа в первой половине XIX в. делилась на привилегированную группу горных инженеров и чиновников и группу техников, формировавшуюся преимущественно из подневольных мастеровых.

При Николае I, стремившемся все управление поставить на военную ногу, горным инженерам в 1834 г. были присвоены общие офицерские звания и право ношения мундира Корпуса путей сообщения. Кадры горных инженеров Западной Сибири в XIX в. комплектовались преимущественно из сыновей местного начальства, окончивших Петербургский кадетский корпус, а с 1834 г. — Институт корпуса горных инженеров. Горное начальство превратилось в замкнутую касту, организованно обиравшую подвластное население. Привилегированное, кастовое инженерство пользовалось монополией на высшее образование и командные посты, но, за редкими исключениями (П. П. Аносов), не занималось техническими преобразованиями, являлось оплотом крепостных порядков и технического застоя.

Мастера, техники, писаря и другие младшие служащие набирались из мастеровых и их сыновей, выпускников заводских и рудничных школ. Лучшие выпускники школ определялись «к письменным работам» в заводские конторы, становились чертежниками и писцами. Наиболее способным удавалось попасть в Барнаульское горное училище, дававшее среднее техническое образование. Его выпускники работали техниками (унтер-шихтмейстерами, унтер-штейгерами, унтер-гиттенфервальтерами). Если они были детьми мастеровых и солдат, то оставались в феодальной зависимости, даже будучи мастерами, писарями, учителями заводских школ. К 1 января 1852 г. в Алтайском горном округе было 516 таких «нижних чинов унтер-офицерского звания и мастеров». После долгих лет службы некоторым из них удавалось получить первый классный чин шихтмейстера или кабинетского регистратора, освобождавший от зависимости.

Из среды мастеровых, солдат, мастеров, и младших служащих вышел ряд талантливых механиков, изобретателей: Ф. С. Ваганов, Д. П. Аркашев, Ф. Н. Нечкин, Ф. П. Гусельников, П. Г. Ярославцев, Ф. П. Стряж-

---

[100] Н. М. Зобнин. Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения, стр. 11.
[101] ГАКО, ф. Салаирской горной конторы, оп. 1, д. 19, лл. 273 об., 274.
[102] Там же, д. 24, лл. 384, об., 385.
[103] ГААК, ф. Горного правления Колывано-Воскресенских заводов, оп. 5, д. 87, л. 30; д. 1453, лл. 314, 315.

ков, Н. Д. Скворцов, П. К. Фролов, Н. М. Зиланов, М. С. Лаухин, Н. Н. Шилягин, С. Б. Лютинин.

В Алтайском горном округе старшие рабочие из среды приписных крестьян имели в России относительно высокую квалификацию. Все они, за исключением литейщиков, которые принадлежали к **общественно-политической** элите России XIX в., были **вольнонаемными**, выходцами из зажиточных слоев. Были возведены стоимостью сделать дешевле и производительнее труд подневольных мастеровых. Они начали пользоваться для питания от рудников **заводов гидравлических двигателей и механизации производственных** процессов и стремились при этом полнее всего **использовать** группы, способствовавшие **техническому прогрессу**.

В **Нерчинском горном округе работные люди** на добывающих и заводских заводах и рудниках делились на **бывших** ссыльных рабочих и **поселенцев**. Первые назначались только **специалистами** в отношении **штатных** должностей. Они находились на **одинаковом положении** с **вольными** мастеровыми и **набирались путем рекрутских** из **крестьян, приписанных** к заводам. Дети **мастеровых** и **вольных** рассматривались **в** качестве **потенциальных** рекрутов и **должны** были **с** достижением 12 лет **мальчиков** зачисляться на работу по **разряду** отца.

Для **вольнонаемных** работ на заводах и рудниках были горный надзиратель из определенных **чинов** по **гражданским** должностям. В 1820 г. в Нерчинско-Заводском округе состояло 2449 человек в заводских служителях, 1814 лиц, находящихся на работе, и 1589 человек, **избежавших** каторги.

В зависимости от специальности, квалификации и опыта мастеровые получали денежное жалованье в **казенный** день (обычно это был праздник, и месяц на **конченых** и членов семьи мужского пола). Месячный работы не **полагалось**. **Большинство мастеровых** получало от 12 до 24 руб. в год.

Рабочий день на заводах и рудниках считался 12 часов. Подземные работы **были** особенно **вредны** для **здоровья людей**, **вызывали** **тяжелые** **недуги**.[1] В рудниках, как и в XVIII в., **главными орудиями** труда **оставались** кайла и **клинья**. Часто вся работа производилась **тем** и **вручную**, только **единицы** **штольни освещались** фонарями с **сальными** свечами. Отсутствие **постоянных** приспособлений к **накоплению** рудничных газов, **отравляющих** воздух. Стекавшие со **стен** **подземные** воды **заливали** забои. Особенно **тяжело** было в **забоях**, где рабочий день **менее** **половины** в **неудобной**, **скрюченной**, иногда **лежачем положении**, **работали** от **скопившихся** газов и **испарений** от **почвы**.

Рабочие подвергались штрафам и **жестоким телесным наказаниям** батогами, **кошками**, **шпицрутенами**. Плотный режим, **устрашавший** надсмотрщиков и рудничных, **неудобная** **обстановка** работы, **отсутствие** элементарных **техники безопасности**, крайне **опасное** для **здоровья** и **жизни** **производственной** среды **предприятия**, **полная** **зависимость** **рабочих** и **служащих** от **власти** **заводской** администрации **ставили** их **в** **положение** **бесправных** **рабов**.

В **первой** половине XIX в., как и в XVIII в., на **сибирских** заводах **широко эксплуатировался труд детей**.[2] В 20-х годах XIX в. количество **малолетних** на **тяжелых** работах **подземных** в Колывано-Воскресенском округе составляло 7 лет человек, т. е. почти **каждый** **пятый** **работник**. На Салаирских рудниках в 1822 г. 15 %, а в 1841 г. — 14,2 % **рабочих** были в возрасте от 7 до 15 лет.[3] На **заводах** четвертой XIX в. положение детского труда еще более **ухудшилось**. Дети в 7 до 12 лет были **обя-**

[1] ГПБ. ОРФ. Ф. Полное собрание законов. Т. 43. С. 116.
[2] М. Горячкин. Цит. Отчет Г. Гашфорт (Спб., 1850 стр. 96.
[3] ЦГИА СССР. Ф. Кабинет. Т. 15. Л. 2, 2об. — 3.
[4] АВК. Т. 12. С. 1. Устав горных заводов. Ч. 1. гл. 4. ст. 22.

заны, кроме посещения школы, участвовать в разборке руд, а дети с 12 до 14 лет, называвшиеся «рудоразборщиками», использовались уже на постоянных и более сложных работах.

Категории мастеровых и приписных крестьян просуществовали в Сибири до реформы 1861 г., когда на алтайских приписных крестьян и на мастеровых Алтайского и Нерчинского горных округов были распространены «права свободных сельских обывателей» — государственных крестьян. Крестьяне, приписанные к Нерчинским заводам, были освобождены на 10 лет раньше. Эта мера вызвана была тем, что добыча и выплавка серебра и свинца на Нерчинских заводах не окупала труда приписанных к заводам крестьян. Главное внимание горнозаводская администрация теперь уделяла добыче золота. Она происходила вдали от населенных пунктов, в местах, где не было уже возможности сочетать горнозаводской труд с земледельческим. На золотых приисках были необходимы работники, лишенные средств производства. Здесь еще применялся принудительный труд горных служителей и каторжан, но возрастала доля применения наемного труда. Кроме того, ощущалась нужда в людях для заселения и закрепления Приамурья, поэтому освобожденные от заводских повинностей в 1851 г. нерчинские крестьяне были пере[illegible]ны в казачье сословие».

Рудники и заводы сибирской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. переживали затяжной кризис. Возможности ее развития на основе подневольного труда и мануфактурной техники были исчерпаны. Императорская и казенная монополии искусственно задерживали развитие промышленности, связанной с «огненным действием» (применением паровых двигателей), т. е. переход от мануфактуры к фабрике. Для внедрения машинной техники, ее развития требовалась замена принудительного труда вольнонаемным. Необходимы были капиталовложения для расширенного воспроизводства, укрепление рыночных связей, ликвидация монопольного владельческого права, переход к новой форме производства.

Кабинетские и казенные предприятия разделили общую участь феодализированных мануфактур: после реформы 1861 г. они были закрыты, законсервированы или сданы в аренду.

* * *

Еще в первой половине XVII в., в ходе присоединения сибирских земель к России, русские люди начали поиски золота в Сибири. Старинные легенды, народная молва, находки золотых вещей в древних захоронениях — все это свидетельствовало о наличии драгоценного металла. Рудознатцы XVII—XVIII вв. не раз обнаруживали в разных местах края признаки золотой руды, но попытки разрабатывать ее не имели успеха. Правда, при выплавке серебра из алтайских и нерчинских полиметаллических руд уже в середине XVIII в. начали получать и по нескольку пудов золота, но оно здесь было побочным продуктом основной отрасли производства (серебропромышленности).

Российская золотопромышленность как самостоятельная отрасль горного дела возникла на Урале в середине XVIII в. До открытия сибирских золотых россыпей Урал был единственным золотопромышленным районом страны. Затем уральская золотопромышленность (казенная и частная), основанная на подневольном труде, пошла по пути упадка.

В этих условиях крепостническое государство было вынуждено отказаться от монополии на добычу драгоценных металлов. В 1812 г. была разрешена добыча рудного золота частным лицам, но первоначально этим смогли воспользоваться только горнозаводчики Урала. В 1826 г. были

выданы первые разрешения на поиски золота в Тобольской и близкой к Сибири Вятской губерниях.[108] С конца 20-х годов в Сибири стала развертываться деятельность поисковых партий.

Заслуга первого открытия россыпного золота в Сибири в литературе часто приписывается верхотурскому купцу первой гильдии Андрею Попову. Он в компании со своим племянником-купцом Федором Поповым действительно организовал в 20-х годах поиски золота. Но компаньоны не имели успеха до тех пор, пока не узнали о добыче россыпного золота на отрогах Кузнецкого Алатау [illegible] крестьянином Егором Лесным.[109] Идя по следам Егора Лесного и воспользовавшись его открытием, Поповы заложили основу своего золотопромышленного дела в Сибири.

Вся добыча золота за 1829 г., который считается начальной датой развития частной золотопромышленности в Сибири, составила только 1 пуд 10 фунтов.[110] Но в последующие годы она стала быстро расти. До конца 30-х годов главным золотопромышленным районом оставалась Мариинская тайга Томской губернии. С 1829 по 1860 г. в Мариинском округе было добыто около 1458 пудов золота.

Почти одновременно с началом частной золотопромышленности стали разрабатываться золотоносные россыпи на землях Кабинета. Начало кабинетской золотопромышленности положило открытие в 1830 г. богатой россыпи на р. Фомихе в Салаирском кряже, где был заложен прииск Егорьевский. Всего с начала разработки до 1861 г. Алтайский округ дал 2843 пуда золота.

В 1832 г. были открыты и стали разрабатываться первые россыпи в Нерчинском горном округе. Наиболее богатая россыпь была открыта в 1838 г. на р. Каре, впадающей в Шилку. С 1832 по 1860 г. Нерчинский округ дал 1147 пудов золота.[111]

Нерчинский и Алтайский горные округа являлись собственностью Кабинета и для частной золотопромышленности были закрыты. В техническом отношении прииски кабинета мало уступали купеческим. Но по экономическим показателям кабинетские золотые прииски, на которых трудились подневольные мастеровые и каторжане, значительно отставали от купеческих, где применялся более производительный наемный труд. Удельный вес кабинетских округов в золотопромышленности Сибири был невелик: за 1830—1860 гг. на долю Алтайского и Нерчинского округов пришлось только 8.8% золота, добытого за это время из россыпей в Сибири.

В Сибири преобладала капиталистическая золотопромышленность. Богатство сибирских недр золотом, наличие местных продовольственных ресурсов и рабочей силы в лице ссыльно-поселенцев, возраставший приток капиталов из Европейской России, наконец, огромные прибыли первых золотопромышленников — все это обусловило бурное распространение капиталистической золотопромышленности в крае. С 30-х годов началась настоящая «золотая лихорадка». Переход купцов от торговли к золотопромышленности представлял собою существенную черту развития капиталистических отношений в 30—50-х годах XIX в.

В 30-х годах XIX в. были открыты золотоносные россыпи в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии (1832 г.) и по

---

[108] Сведения о частном золотом приисках в России. Составлены Ф. Роскалем. СПб., 1869. Продолжение — Таблицы [illegible] золота в России.

[109] Ковалевский. Геогностическое и историческое обозрение частных золотых приисков Алтайского кряжа. Горный журнал. 1835, ч. III, кн. 8, стр. 375—377.

[110] Сведения о частном золотом промысле..., стр. 10.

[111] И. Боголюбский. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877, стр. 85, 106, 107.

системе р. Бирюсы (1836 г.) — на границе Енисейской и Иркутской губерний (в Канском и Нижнеудинском округах).[112] С Бирюсы золотоискатели в 1838 г. устремились на север — в Енисейский округ. Поисковые партии под руководством Г. Машарова и других открыли золотоносные россыпи по системе р. Удерея и ее притокам. Наконец, в 1839—1840 гг. к северу от Удерея были открыты богатые россыпи по речкам систем Пита и Подкаменной Тунгуски. Первые открытия были сделаны здесь в августе 1839 г. (прииски Георгиевский и Спасский) поисковой партией, которой руководил бывший уральский заводской человек киргиз Егор Жмаев. Этот первооткрыватель богатств северной тайги впоследствии умер в нищете и забвении. За Жмаевым в северную тайгу явились поисковые партии Голубкова, Малявинского, Соловьева и других, открывшие десятки богатых россыпей. В 1841 г. началась разработка первых приисков Северной, или Питской, системы Енисейского округа, россыпи которой оказались самыми богатыми из всех открытых до этого в Сибири. В 1860 г. на приисках Северной системы Енисейского округа было добыто золота почти в два раза больше, чем в Южной. Со всех же приисков Енисейского округа по 1860 г. включительно поступило 16 126 пудов золота, что составило 67.2% всей добычи золота в Сибири дореформенного периода. Одержимые жаждой наживы, дельцы-золотопромышленники гнали в тайгу все новые поисковые партии. Уже в начале 40-х годов они доходили на севере до Туруханска, а на северо-востоке проникали в Якутию.[113]

Первые опыты добычи золота на притоках Лены производились в 1840—1841 гг. в Верхнеленском районе. В 1842 г. мещанин Попов открыл золотую россыпь по речке Бухте, впадающей в р. Тунгир (приток Олекмы). В 1846 г. мещанином Николаем Окуловским и крестьянином Петром Корниловым было открыто золото в верховьях р. Хомолхо (Лено-Витимский район). Затем в 1853 г. были открыты золотоносные россыпи в северо-восточной части Ленского района, получившие название Дальней тайги.

В 40-х годах XIX в. зарождается золотопромышленность в Западном Забайкалье (Верхнеудинский и Баргузинский округа) — по системам рек Чикоя (на юге), Ципы и Ципикана (на севере). Первые прииски возникли здесь в 1844 г. В следующем году стали разрабатываться золотоносные россыпи в Витимо-Витимканском районе.

В конце 50-х годов поиски золота распространяются на Амурскую и Приморскую области. В 1857 г. поисковая партия под руководством горного инженера Н. П. Аносова открыла две золотоносные россыпи в Амурской области по речкам Модолокан и Ульдикит.

Так, в течение трех десятилетий золотопромышленность распространилась на огромной территории от Урала до Тихого океана. Если в 30-х годах XIX в. частная золотопромышленность наиболее значительное развитие получила в Западной Сибири, то уже с начала 40-х годов Восточная Сибирь, особенно Енисейская губерния, становится главным золотопромышленным районом страны. Прииски Восточной Сибири до 1860 г. включительно дали 89.5% всего добытого в Сибири золота.[114]

«Золотая горячка» в Сибири все возрастала. Число золотопромышленников увеличивалось. В 1841 г. их было 326, а в 1861 г. — 1125 (из

---

[112] Сведения о добыче золота по каждой системе даны в табл. 11 (стр. 399 настоящего тома).

[113] Н. В. Латкин. Очерк Северной и Южной систем золотых промыслов в Енисейском округе. СПб., 1869, стр. 35—36; ЦГИА СССР, ф. Горного департамента, оп. 73, д. 1, л. 65; ГАИО, ф. Горного отделения Главного управления Восточной Сибири, д. 236, лл. 354—357.

[114] Горнозаводская производительность России в 1869. СПб., 1862, стр. 17.

них 550 потомственных дворян, 71 личный дворянин, 87 потомственных почетных граждан, 417 купцов). В 1861 г. в Сибири насчитывалось 459 золотопромышленных компаний. Одни из них были с целью объединения капиталов, другие представляли собой форму своеобразного сотрудничества между дворянством и буржуазными элементами. Большинство дворян были фиктивными золотопромышленниками, действительный же владелец приисков поступался частью прибыли в обмен на поддержку и защиту со стороны компаньона, проживавшего в столице.

Основной производственной единицей золотопромышленности был прииск, который представлял собой предприятие, принадлежавшее компании или отдельному лицу (табл. 10).

ТАБЛИЦА 10

Добыча золота в Восточной Сибири в 40—50-х годах XIX в.[115]

Годы	Годовые такие работы		Средняя добыча на одном прииске		
	на всех приисках	в среднем на одном прииске	песков (пуд)	золота	
				пудов	фунтов
1841—1845	13477	139	828288	7	25 1/2
1846—1850	14500	140	1151975	10	33
1851—1855	20853	200	2893630	8	9 1/2
1856—1860	29506	136	2355000	5	22 1/2

В Западной Сибири средние показатели для приисков были менее значительны. В частности, в 40-е годы на один прииск в среднем приходилось в Томском округе 87 рабочих, в Казахской степи — 56. Самые крупные приисковые предприятия находились в Удерейской и Питской системах Енисейского округа. Здесь, как правило, даже на небольших приисках работало более 100 человек. Наряду с этим значительное число приисков имело от 500 до 1000 с лишним рабочих, а ежегодная золотодобыча на каждом таком прииске исчислялась десятками пудов.

Добыча золота из россыпей состояла из трех основных операций — добычи, перевозки и промывки песков. В первые годы золотодобыча производилась при помощи самых примитивных орудий труда. Кайла, лом, лопата, железные клинья, ручной вашгерд для промывки песков, ручная и конная откатка пустой породы и золотосодержащих песков — такова была «техника» 30-х годов XIX в. В 30—50-х годах добыча золота велась почти везде из открытых разрезов. Решающее значение имел ручной труд, несмотря на применение на некоторых работах вододействующих приспособлений и лошадиной тяги. Вручную велись такие трудоемкие работы, как удаление турфа, часто имевшего многометровую толщу; вручную добывались сами золотосодержащие пески, не говоря уже о полном господстве ручного труда на всех разведочных и вспомогательных работах.

Уменьшение содержания золота в песках, короткое лето и недостаток воды на некоторых приисках заставляли изыскивать новые средства ускоренной промывки песков. Кроме того, золотопромышленников подстегивали конкуренция, стремление сократить издержки производства и увеличить свои прибыли. В связи с этим в технике происходили некоторые изменения. Прежде всего усовершенствовались «снаряды», или машины, для промывки песков. Ручной вашгерд, позволявший рабочему за смену промыть только 80—100 пудов песков, вскоре был превращен

[115] И. Боголюбский. Золото..., стр. 90.

в бутару, пропускная способность которой составляла уже от 300 до 1000 пудов. Одновременно появились и так называемые станки, требовавшие значительно меньше силы и пропускавшие за смену 800—1000 пудов песка. Вслед за усовершенствованными ручными устройствами в конце 30-х годов XIX в. стали появляться первые золотопромывальные машины, приводившиеся в действие лошадьми или водой. Это были чаши, или чашечные устройства, бочки, или бочечные машины. Наиболее усовершенствованные из них (бочечные машины) промывали 20—30 тыс. пудов песка в сутки.

С 50 годов на некоторых крупных приисках появились железные дороги, по которым лошадьми или людьми передвигались вагоны, вмещавшие по 80—100 пудов песка или турфа. Предпринимались попытки найти замену лошадиной тяги, ибо содержание лошадей составляло иногда половину всех расходов. В 50-е годы на отдельных приисках в Енисейском округе для перевозки тяжестей стали использовать так называемую бесконечную ленту. В 1858 г. енисейский золотопромышленник Н. А. Лопатин изобрел транспортер, названный им песковозом. Но бесконечная лента песковоза часто портилась, и распространения он не получил. На некоторых приисках Енисейского округа при протирке песков во второй половине 40-х годов использовались паровые машины.

Отношение к золотопромышленности как к делу временному, где случай и счастье определяют более половины успеха, возможность эксплуатировать дешевую рабочую силу при полнейшем безразличии к участи самого производителя, сравнительная слабость конкуренции в среде ограниченного круга золотопромышленников, богатое содержание золота, позволяющее получать высокие прибыли и без механизации, — все это сдерживало технический прогресс. Владельцы избегали значительных затрат на механизацию. Вырабатывались самые богатые части россыпей, а их борта, почва и нижние площади обычно заваливались пустой породой, галькой, эфелями.

Всего в России с начала разработки россыпей и по 1860 г. включительно было добыто 35 597 пудов золота, из них на частных приисках Сибири — 21 462 пуда 6 фунтов, а вместе с кабинетскими округами — 23 506 пудов 7 фунтов.[116]

Золотопромышленность Сибири стала постоянной и растущей отраслью экономики. Если в 1829—1840 гг. на частных приисках было добыто только 925 пудов 24 фунта, то за 40-е годы XIX в. — 9727 пудов 38 фунтов, а за 50-е годы — уже 10 808 пудов 24 фунта золота. Соотношение между добычей золота во всей России и в Сибири характеризуется следующими данными (в пудах):[117]

	1830 г.	1835 г.	1840 г.	1845 г.	1850 г.
Добыто в России	383	393	458	1307	1454
В том числе в Сибири	45	72.5	216.5	959	1035

Таким образом, за 20 лет (с 1830 по 1850 г.) добыча золота в Сибири выросла почти в 250 раз.

Россия во второй четверти XIX в. благодаря сибирскому золоту становится лидером в мировой золотодобыче. Если в 1801—1810 гг. на долю России приходилось только 0.9% добытого в мире золота, то в 1831—1840 гг. — 35.2%, а в 1841—1850 гг. — 39.3%. Но крепостнические порядки, тормозившие развитие производительных сил России, сказались и

---

[116] Справочная книга для золотопромышленников, вып. 2. Иркутск, 1871. Таблица общей добычи лигатурного золота в России.

[117] Горнозаводская промышленность России. СПб., 1893, стр. 8, 9; Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. I. СПб., 1854, стр. 215, 216.

на сибирской золотопромышленности. Несмотря на громадные запасы дешевого металла в недрах края, Россия начиная с 30-х годов XIX в. занимала все в крупнейшее отличие за золотопромышленностью капиталистического строя. Открытие золота в Калифорнии (1848 г.), провозглашенной США, и в Австралии (1851 г.), вызвавшее мощный приток золота в страны Европы, не могло не отразиться на России. В 50-х годах России дала около шести 17% мировой золотодобычи, 1/4 после 5, итого золота было добыто в Сибири.

Удельный вес каждого из золотопромышленных округов в общей золотодобыче Сибири представлено в табл. 11, из которой видно, что частные прииски играли ведущую роль в золотодобыче на протяжении всей Сибири. Годовой из них были приняты Енисейского округа, которая в 1861 г. давала более половины всего добываемого золота.

Организация работы золота в Сибири была сходна с известным разделением труда. Рабочие каждого прииска подразделялись на забойщиков, промывальщиков, откатчиков, плотников, кузнецов, конюхов и др. Несмотря постоянного и переменного занятия, решающую роль играет труда при известном разделении его между рабочими каждого прииска — все это свидетельствует о том, что рассматриваемый Сибири в 30—50-х годах XIX в. находилась на капиталистической.

Золотопромышленность потребовала значительного по местам количества наемных рабочих. Если в 1830 г. на золотых приисках Томской губернии, где сосредоточивалась тогда частная золотопромышленность, было только 800 рабочих, то в конце 50-х годов в Сибири насчитывалось уже 23—33 тыс. человек. Максимальная численность рабочих в этот период на приисках была в 1848 г. — 24 393 человек, максимальная — в 1854 г. — 31 195 человек.

На приисках Енисейской губернии от 74 до 90% рабочих составляли жители Сибири.[116] Остальное пребывали из Европейской России.

Основные источники пополнения рабочей силы на сибирских золотых приисках, т. е. места откуда до разработки, были государственные. Так, в Томской губернии в 1841 г. рабочие из государственных крестьян составляли 83% от общего числа работников на золотых приисках. В Енисейской губернии в 1841 г. рабочие из указанной категории составляли 90% работников на приисках.

В 30-е годы большая часть рабочих на частных приисках Сибири поступала из числа государственных крестьян, которые в силу разных условий покидали земли, надел. Вопросы продают рабочие из крестьян и мещан. На приисках имеющихся городских беглых, имеющие крестьяне. На местные ресурсы оказались недостаточными для удовлетворения приисковых строев на рабочие руки. Золотопромышленники Сибири в 30—50-х годах XIX в. вынуждены были искать рабочих в количестве губерний (от предприятия и до самых отдаленных), поставляющих работников на сибирские золотые прииски, колебалось от 20 до 30.

по официальным данным официальной статистики, составлявшая 23—33 тыс.

---

[116] Справочная книга для золотопромышленников, вып. 2, стр. 267 и 271.

[117] В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 1. СПб., 1898, стр. 7, 8.

[118] Сведения о частном золотом промысле в России. Составлены Ф. Россыпь. СПб., 1869, стр. 223.

[119] А. С. Наталов. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30—50-е годы XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края. Уч. зап. Енисейск. пед. инст., т. 1, Енисейск, 1958, стр. 24.

ТАБЛИЦА II

Золотодобыча по золотопромышленным округам Сибири в 1829—1860 гг.[139]

Округа	Годы (с начала золотодобычи)	Прямые сборы (пудов)	Добыто золота: пудов	Добыто золота: фунтов	% по всей золотодобыче Сибири	В том числе добыто золота за 1860 г.: пудов	В том числе добыто золота за 1860 г.: фунтов	Добыто за 1860 г. в % по всей золотодобыче Сибири
Частные прииски								
Енисейский (Пятская и Удерейская системы)	1838—1860	4089043664	16126	16	67.2	614	9	32.9
Мариинский	1829—1860	79932086	1459	—	6	30	39	2.7
Киевский и Нижнеудинский	1835—1860	42070917	1381	25	5.8	31	6	2.7
Ачинский и Минусинский	1834—1860	107123795	1397	27	5.7	68	38	5.9
Олекминский	1849—1860	279896043	1073	23	4.5	199	19	17.2
Верхнеудинский	1849—1860	142707214	205	3	0.98	101	14	8.7
Баргузинский	1854—1860	49926113	150	24	0.6			
Кокбектинский и Кокчетавский	1854—1860	?	Около 105	—	0.42	7	20	0.7
Итого		679189606	21898	21		1053	23	
Кабинетские прииски								
Нерчинский	1833—1860	32788445	1147	12	4.8	106	31	9.2
Алтайский	1830—1860	54364637	961	16	4			
Итого		86543082	2108	28	8.8	106	31	
Всего по Сибири		7157323988	23996	9		1[illegible]	14	

[139] И. Евгеньевский, Золото... Справочная книга для золотопромышленников, вып. 2, Иркутск, 1871; Памятная книжка для русских горных людей, СПб., 1861. Итоговая цифра частной золотодобычи по округам приложена на 471 пуд 2 фунта приведенную выше, так как в последнем случае указано количество так называемого лигатурного золота, полученного после плавки шлихового, что было связано с известным уменьшением веса массы металла. Сведения о количестве ежегодно промывавших песков и добыв. [illegible] золота до 1859 г. с достаточной полнотой не собирались, они приблизительны, чем и объясняются расхождения в цифрах, приводимых в литературе и разных источниках. Данные по Алтайскому округу за 1860 г. отсутствуют.

Кабальные договоры, которые вынуждены были подписывать рабочие, уже в те годы вызывали справедливое негодование и осуждение передовых людей. Но приисковая действительность была страшнее этих документов. Уже при найме начинались поборы. Рабочий должен был платить писарю и его помощнику, «ставить вино» и давать деньги старшине. Трудность уплаты долга усугублялась тем, что работы продолжались не весь год: на зиму золотопромышленники оставляли лишь 15—20% летнего контингента рабочих, а остальные должны были возвращаться в свои селения.

Основной операционный сезон на приисках начинался в первых числах мая, когда вскрывались таежные речки, и заканчивался к 10 сентября. В этот период работы на приисках начинались при «самом появлении солнца» и заканчивались «по совершенном закате его».

Стремясь усилить интенсивность труда рабочего, золотопромышленники определяли продолжительность рабочего дня не только в часах, но и в «уроках» — нормах выработки, которые рабочие обязаны были выполнить под страхом вычетов, штрафов и нередко физического наказания. Размер «уроков» в 30—50-е годы XIX в. быстро возрастал, а плата за их выполнение для большинства рабочих оставалась неизменной; при «хозяйских харчах» она колебалась от 3 до 3 руб. 50 коп. серебром в месяц, «считая его за 30 рабочих дней». При таком заработке рабочий за весь промысловый сезон не мог отработать даже задатка. Это позволило золотопромышленникам широко насаждать старательские работы. Они были для рабочих суровой экономической необходимостью и вместе с тем подавали надежду на удачу, на «фарт» — изредка попадались самородки и богатые золотом пески.

Первоначально «старанье» было добровольным, производилось индивидуально или небольшими группами, оплачивалось сдельно или чаще по количеству добытого золота (от 60 коп. до 1 руб. серебром за золотник). Но с конца 40-х годов XIX в. хозяева стали переводить рабочих на систему обязательных артельных, а потом и общих в составе «всей рабочей команды» «стараний», чем обеспечивалось максимальное использование машин и всего приискового оборудования. «Старанья» превратились в простое продолжение «урочных» работ, но с несколько повышенной оплатой труда. «Старанья» доводили продолжительность рабочего дня до 16—18 часов. Это был сверхчеловеческий, убивающий рабочего труд, так как зачастую приходилось работать в разрезах стоя по колени в едва растаявшем снегу или в холодной грязи; работа не прекращалась и под проливным дождем, отчего у некоторых тут же начинался пароксизм лихорадки. Часть рабочих была занята на подземных (ортовых) работах, которые велись в сырости и духоте, а сальные свечи или плошки, освещавшие орты, увеличивали спертость воздуха.[33] Частыми были случаи увечья и гибели от обвалов.

«Хозяйские харчи», выдаваемые по норме, отличались недостатком жиров, однообразием и низким качеством продуктов (полугнилая солонина, хлеб плохой выпечки из прелой муки и пр.). Это вынуждало рабочих делать в приисковой лавке еще «продуктовый забор» за свой счет. Приисковый рабочий был лишен сколько-нибудь нормального отдыха. Как правило, он жил на приисках без семьи. В месяц давался только один выходной день. Рабочие помещались в курных избушках, имевших полы и нары, или в таких же избушках без полов, в сырых землянках. Здесь в полутьме и грязи ютилось до десятка человек. Строились также избы на 30—40 человек. На некоторых крупных приисках устраивались

[33] В. Б[illegible] О болезнях людей на золотых промыслах в Сибири. Золотое руно, 1858, №№ 32, 35.

казармы, в них помещалось до 100 и более рабочих. В тесных и сырых помещениях вместе жили взрослые, подростки и женщины, иногда с детьми. Следствием таких условий труда и быта было широкое распространение тяжелых заболеваний: цынги, водянки, перемежающейся лихорадки, кровавого поноса, грыжи. Часто на приисках распространялись эпидемии, особенно брюшной тиф.

Для предотвращения сопротивления рабочих на приисках содержались казаки, получавшие жалованье от золотопромышленников. За выражение недовольства приисковыми порядками, нарушение их, попытки бежать с прииска или другие формы протеста рабочих подвергали телесным наказаниям. Розги приносили прямо в разрез, и тут же производили порку по усмотрению не только управляющего, но и других служащих.

Золотопромышленники получали баснословные прибыли. П. А. Чихачев, посетивший в 40-е годы Енисейскую губернию, сообщает, что у золотопромышленников Голубкова, Малявинского и Кузнецова минимум прибыли определялся в 100%, а обычной ее нормой считалось 800—850%.[124] Чистая прибыль 10 золотопромышленных компаний Восточной Сибири за 1842—1845 гг. составила сумму в 11—12 млн рублей.[125]

Значительная часть огромных прибылей тратилась непроизводительно — на увеселения, прихоти, пьяные оргии. Золотопромышленникам сходило с рук все — дикий произвол, эксплуатация рабочих, «выходящая на всякого вероятия», и бытовое самодурство, переходившее в преступность. Ограничить, остановить их было некому. Чиновничья каста, чуждая и враждебная рабочим и простому народу вообще, была задарена, закуплена золотопромышленниками и «всячески поблажала этим людям, смотрела им в глаза, ходила на задних лапках почище Жужу, ухаживала за этими новыми богами, упиваясь и объедаясь на их истинно гомерический лад».[126]

К 50-м годам XIX в. на частных золотых приисках работало большинство наемных рабочих Сибири, занятых в промышленности. Из ссыльно-поселенцев, деревенской и городской бедноты формировались постоянные кадры приисковых рабочих, вступавших в борьбу с предпри[нимателями].

В первой половине XIX в. в Сибири продолжали добывать слюду. Ее добыча проводилась главным образом в районе Витимской слободы («мещанином Камышиным и промышленниками с работными людьми»), а также в других местах по Витиму, впадающим в него рекам [127] и в Саянских горах, между реками Удою и Бирюсою, однако в связи с развитием к середине XIX в. стекольной промышленности добыча слюды была заброшена.

Еще в XVIII в. были известны сибирские месторождения каменного [угля, но он долго не использовался в промышленных целях. В 20-х] годах XIX в. по инициативе выдающегося горного инженера начальника Алтайских заводов П. К. Фролова было обследовано несколько выходов каменноугольных пластов и предпринимались попытки использовать каменный уголь на металлургических заводах. В 40-х годах геологи установили, что давно известные кузнецкие угольные месторождения представляют собой отдельные выходы пластов обширного угольного бассейна. Инженер-капитан А. Соводовский впервые обобщил данные об угольных

---

[124] В. В. Ватин. Город Минусинск, ч. 1. Минусинск, 1916—1922, стр. 192.

[125] А. С. Нагаев. Из истории золотопромышленности и приисковых рабочих Сибири первой половины XIX в. Уч. зап. Енисейск. пед. инст., т. 7, Енисейск, 1964, стр. 43, 44.

[126] В. Д. Скарятин. Записки золотопромышленника, ч. 1. СПб., 1862, стр. 34, 35.

[127] ЦГИА СССР, ф. Сената, оп. 1, д. 459, л. 41.

месторождениях Кузнецкой котловины, определил границы «каменноугольной области» и предсказал, что наличие здесь угля и железных руд открывает возможности «для развития обширного заводского производства».[129]

Статья Соколовского не осталась незамеченной. Из Петербурга выехал «для предварительного обследования в геогностическом и вообще в ученом отношении юго-восточной части Алтайского края, доселе почти безвестного», чиновник по особым поручениям при штабе корпуса горных инженеров П. А. Чихачев.[130] Собрав на месте сведения об угольных месторождениях, Чихачев составил первую геологическую карту угольного бассейна и предложил назвать его Кузнецким «по имени города, находящегося в его южной части». Чихачев указал, что Кузнецкий бассейн является одним из крупнейших резервуаров каменного угля, известных в мире. Эти сокровища, по его мнению, смогут приобрести выдающееся значение, если будут найдены большие месторождения железных руд.[130]

Колоссальные запасы угля в Кузнецком бассейне в XIX в. почти не использовались. По сравнению с Донбассом добыча угля в Западной Сибири была ничтожной: в 1860 г. в Донбассе было добыто свыше 6 млн пудов, а в Кузбассе — 55 тыс. пудов каменного угля.[131] Металлургические заводы работали в основном на древесном угле. В 1829—1830 гг. производилась эпизодическая добыча угля близ дер. Березовой для Томского завода. С 1851 г. началась добыча угля на Бачатском месторождении для Гурьевского завода.[132]

В 50-х годах XIX в. велись поиски каменного угля в районе, прилегавшем к Иркутскому солеваренному заводу, расположенному в селе Усолье. В 1854 г. были произведены первые опыты выварки соли с использованием каменного угля. В 1856 г. в вершинах речки Мальтинки открыли каменноугольный пласт, содержавший, по произведенным тогда вычислениям, более миллиона пудов. Из пласта было добыто до 3 тыс. пудов угля, но дальнейшие разведки приостановились.

Управители заводов не стремились к добыче каменного угля, считая, что «обилие леса и отсутствие потребности избавляет в настоящее время от труда исследования каменноугольных месторождений».[133]

В начале 40-х годов XIX в. на склонах Ботогольского гольца (возвышенности одного из Восточных отрогов Саянского хребта) тункинскими охотниками-бурятами и мелким чиновником из казаков С. Черепановым было открыто графитное месторождение, получившее название Ботогольского. В 1842 г. производились первые опыты добычи и анализа графита, а в 1847 г. месторождение было отведено французскому купцу Алиберу, прибывшему в Сибирь по торговым делам.

С 1847 по 1861 г. на Алиберовско-Мариинском и Пермикинском графитных приисках было добыто 3553 пуда отборного графита лучших сортов и 6003 пуда так называемого отвального. Графит использовался тогда для устройства огнеупорных плавильных тиглей, изготовления ка-

---

[129] А. Соколовский 2-й. О каменном угле, найденном близ д. Афонтиной и в некоторых других местах Алтайского округа. Горный журнал, 1842, ч. IV, стр. 42, 43.

[130] ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 2, д. 328, л. 69.

[131] P. Tchichatcheff. Voyage scientifique dans l'Altai oriental. Paris, 1845, p. 348.

[132] А. Кеппен. Статистические таблицы по горной промышленности. СПб., 1879, стр. 50, 51.

[133] О месторождении каменного угля в Томской губернии в округе Алтайских заводов. Горный журнал, 1852, ч. III, кн. VII, № 9, стр. 490; Прокг 2-й и Ярославцев. Краткое описание горной промышленности в Алтайском горном округе. Горный журнал, 1861, № 5, стр. 351, 352.

[134] ГАИО, ф. Горного отделения Главного управления Восточной Сибири, д. 35, л. 14.

рандашей и красок. Ботогольский графит по контракту с Алибером доставлялся в Германию на карандашную фабрику Фабера в Штейне близ Нюрнберга. Название алиберовский, или сибирский, графит стало нарицательным для карандашного графита лучшего качества. Эти карандаши находили широкий сбыт в России и странах Западной Европы.

В 1859—1863 гг. купцом Сидоровым были открыты месторождения графита в Туруханском округе Енисейской губернии по рекам Нижней Тунгуске, Вахте и Курейке. Превосходные качества этого графита были признаны как на русских, так и на заграничных выставках. Из месторождения, открытого Сидоровым на реке Курейке, зимой 1863/64 г. было отправлено в Пермь, Петербург и зарубежные города (Лондон, Гамбург и Вюрцбург) 13 700 пудов графита лучшего качества.

Широкий спрос на соль при наличии соляных озер и источников способствовал развитию соляной промышленности. В Западной Сибири добывали преимущественно самосадочную соль из Коряковского (Тобольская губерния), Боровых и Алейских озер (Томская губерния). В Восточной Сибири действовали казенные солеваренные заводы: Троицкий (Енисейская губерния), Иркутский (в селе Усолье), Усть-Кутский (на Лене), Селенгинский, Охотский. Кроме того, соль добывалась из Вилюйских соляных ключей Якутской области и Борзинского соляного озера (Нерчинский округ). В 1823—1832 гг. в Сибири было продано 5907 тыс. пудов соли.

В казенной соляной промышленности использовался принудительный труд ссыльно-каторжных. Наемный труд применялся преимущественно в Западной Сибири, где самосадочная соль добывалась частными предпринимателями.

В 20-х годах XIX в. в Сибири было 10 винокуренных заводов. Казенная монополия в винокурении постоянно нарушалась. В глухих местах действовали тайные каштаки (мелкие винокурни). Со второй четверти XIX в. было разрешено устройство частных винокуренных заводов, а казенные заводы стали сдаваться в аренду.

В начале 50-х годов в коде ежегодно употреблялось 1 100 тыс. ведер вина. Из этого количества около 10% доставляли частные заводы, остальное выкуривалось на казенных предприятиях. Продажа казенного вина отдавалась на откуп купцам и отставным чиновникам. На казенных винокуренных заводах работали три категории работников: вольнонаемные, каторжные и люди, присланные для отработки «исков по неоплатным долгам». Преобладал труд каторжан.

С развитием земледелия скачены успехи мельничного дела в Сибири. Количество мельниц (главным образом водяных, но также и ветряных) быстро росло. Так, например, в Иркутской губернии в 1805 г. действовали 272 мукомольные мельницы, а в 1831 г. их количество возросло до 2202. В 30-х годах возникает новый тип мельниц — крупчатые или крупчатки. Их называли также «крупчатными заводами». На этих мельницах перерабатывали пшеницу в белую муку — крупчатку. До их открытия ее привозили из Европейской России и продавали по дорогой цене. По характеру владения мельницы разделялись на мирские, оброчные, частные и казенные (при заводах). Мирские мельницы принадлежали сельским обществам, оброчные сдавались ими в аренду.

В Сибири получили распространение и другие виды промышленности, в частности мелкие кожевенные, скорняжные, кирпичные, свечные, салотопенные, мыловаренные, маслобойные, пивоваренные заводы. По существу, это были мелкие предприятия кустарного типа, местами перераставшие в мануфактуры.

Рост бытовых потребностей населения, развитие винокурения, применение оконного стекла способствовали распространению стеклоделатель-

ного производства. В Тобольской губернии действовало 11 стекольных и несколько гончарных заводов. Один стекольный завод находился в Енисейской губернии.

В первой половине XIX в. в Западной Сибири находилось два предприятия текстильной промышленности: полотняная фабрика купца Куткина в 9 верстах от Тобольска и Омская суконная фабрика, принадлежавшая ушаковцам Сибирского линейного казачьего войска. На фабрике (мануфактуре) Куткина применялся труд ссыльных, назначенных от казны.

В Восточной Сибири действовала старейшая и наиболее крупная по количеству выпускаемой продукции Тельминская текстильная «фабрика» (мануфактура). В 1793 г. Тельминская фабрика была куплена в казну и названа Иркутской казенной суконной фабрикой. В первой половине XIX в. она стала комбинированным предприятием, имевшим суконное, полотняное, стеклянное и зеркальное производства. На этой фабрике применялся в основном принудительный труд каторжан и ссыльно-поселенцев. В 1823 г. на Тельминской, или Иркутской, суконной мануфактуре работало 1159 человек. К фабрике было приписано для ее обслуживания 3400 душ обоего пола крестьян и мастеровых. В 1860 г. было предписано упразднить Тельминскую казенную фабрику. В дальнейшем она перешла в частные руки.

* * *

История промышленности в Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. свидетельствует о многообразии природных богатств этого края и одновременно о слабом и неравномерном использовании их.

Упадок и неустойчивость одних видов промышленности, медленное развитие других определялись не истощением полезных ископаемых, а социально-экономическими условиями и хищническими способами разработки горных богатств.

В неудовлетворительном состоянии горного дела проявился общий кризис кабинетской и казенной промышленности, носившей ярко выраженный феодально-крепостнический характер. Малая производительность принудительного труда, незаинтересованность кабинетского и казенного управления в систематическом повышении техники производства, хищнические приемы добычи полезных ископаемых, неприспособленность к условиям рынка, высокие накладные расходы — все это отрицательно сказывалось на состоянии промышленности.

Вместе с тем сотни миллионов рублей, полученных от реализации золота и серебра, добытых в Сибири, сыграли значительную роль в процессе первоначального накопления капитала в России. Стоимость серебра и золота, поступивших из Сибири в XVIII—XIX вв., в десятки раз превышала стоимость сибирской пушнины.[124] Но доходы от добычи драгоценных металлов реализовались прежде всего в центре Российской империи.

---

[124] Сумма ясака с коренного населения всей Сибири, установленная в 1769 г., составляла 156 591 руб. (Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии. М., 1956, стр. 376). За 7 лет, с 1775 по 1781 г., в Китай было вывезено из Сибири мехов на 1176 тыс. руб., или в среднем на 168 тыс. руб. в год (В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 72). За 1838 г. в Иркутской губернии было продано пушнины на 171 675 руб. серебром (Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, стр. 423). Ясак с «инородцев» Западной Сибири в 1835 г. составлял 59 394 руб., в частности, алтайцы сдавали в виде ясака до 26% промысловой пушнины на 16 386 руб. (Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М., 1953, стр. 185).

В Сибири развивалась частная капиталистическая промышленность, основанная на эксплуатации наемного труда, но рост ее совершался замедленными темпами. Крепостнические отношения в центральных губерниях страны тормозили более широкое заселение и хозяйственное освоение сибирских окраин. Это ограничивало рынок сбыта для местной промышленной продукции, тем более что ей приходилось конкурировать с товарами, поступавшими из Европейской России. Сказывалось также существование натурального уклада в сельском хозяйстве, когда ряд потребностей в промышленных изделиях удовлетворялся своими средствами (домашняя промышленность). Плохие пути сообщения тормозили рост товарности хозяйства. Замедленно шел процесс отделения непосредственных производителей от средств производства.

Отношение царского правительства к развитию частной промышленности в Сибири было двойственным. С одной стороны, оно стало разрешать и поощрять добычу золота, считая необходимым «стараться всеми возможными способами извлекать возможно больший для казны доход от горной части Сибири, составляющей существенный и главный источник ее богатства», с другой же стороны, в интересах купцов, заводчиков и фабрикантов центра, опасавшихся конкуренции со стороны местных предпринимателей, развитие обрабатывающей промышленности на сибирских окраинах затормаживалось. Кроме того, царское правительство исходило из мысли, что «едва ли возможно сделать Сибирь страною мануфактурною, ее прямое назначение быть страною земледельческою».[185]

Иначе смотрели на будущее промышленности Сибири передовые люди России. Декабрист А. А. Бестужев, учитывая природные богатства Сибири, писал, что она должна стать «страною фабрик и заводов».[186] Географ и статистик, автор «Статистических очерков России» К. А. Арсеньев, говоря о будущем южной полосы Сибири, простирающейся от Урала до Приамурья, обращал внимание на то обстоятельство, что она обладает не только хлебопашенною землею, но и металлоносными горами «и может питать миллионы людей».

Период кризиса феодальной формации в России не мог принести Сибири осуществления этих надежд.

4. ТОРГОВЛЯ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ РОСТ ГОРОДОВ

Торговые пути из Европейской России в Сибирь, внутри Сибири, в Среднюю Азию, Китай и Монголию, а также ассортимент товаров и главные центры торговли — все это в основном определилось еще в XVII—первой половине XVIII в. В дальнейшем с ростом заселения и хозяйственного освоения Сибири, развитием производительных сил и формированием капиталистического уклада оборот товаров увеличился.

По мере роста мануфактур и фабрик в Европейской России оттуда во все возрастающем количестве вывозились текстильные и металлические изделия, а также другие товары. Кроме того, к старым товарам, вывозимым из Сибири (пушнине, мерлушке, коже, сноту, слюде, серебру и свинцу), с развитием золотопромышленности присоединилась и золото.

В первой половине XIX в. увеличился спрос на продукцию сельского хозяйства со стороны неземледельческого населения городов, заводских и промышленных поселков, приисков, районов Крайнего Севера, а также со

---

[185] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 132, л. 45.

[186] Ф. Г. Сергеев. Декабристы в якутской ссылке (к 130-летию со дня восстания декабристов). Якутск, 1955, стр. 30.

стороны армии. Наконец, увеличилось поступление на рынок изделий местных ремесленников, мануфактур и заводов.

В Сибирь из Европейской России вели три главные дороги — Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые затем в районе Тюмени сливались в один Московско-Сибирский тракт. Он шел от Тюмени на Тобольск, Омск, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Нижнеудинск, Иркутск. Наиболее трудным был Кругоморский (Кругобайкальский) участок тракта. Здесь приходилось преодолевать крутую горную дорогу. Отсюда шли два направления: на Верхнеудинск и Нерчинск — к востоку и на Якутск — к югу. Впоследствии появилось и северное ответвление — на Якутск, а затем в Охотску.

Нерчинский базар. С акварели худ. Е. М. Корнеева.

Торговое движение по Московско-Сибирскому тракту было круглогодичным. Южнее этого тракта по Западной Сибири проходил Линейный тракт: он тянулся от Оренбурга до Омска по Горькой, или Ишимской, линии, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск и Усть-Каменогорск до Бельшенорымского укрепления, с которого выходил на Бийск и Барнаул, соединенные дорогами с Томском.

Кроме сухопутного, имелся также и водный путь, который дополнял, а на отдельных участках и заменял Московско-Сибирский тракт.

Водный путь начинался от реки Ницы, на которой стоят Ирбит и слобода Красная. По Нице, а затем Туре суда с товарами шли до Тюмени. От Тюменской пристани они плыли до Тобола, затем до Иртыша. Водный путь от Тобольска шел вверх по Иртышу на г. Тару, Омск, крепости Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую, Бухтарминскую, а также и вниз по Иртышу на Демьянскую и Самаровскую пристани. От низовьев Иртыша водный путь продолжался по Оби и ее притоку Томи. На пристани г. Томска, ставшего важным торгово-транзитным пунктом, производилась погрузка на суда восточносибирских и китайских товаров, привезенных зимой по тракту из Иркутска и Кяхты. Затем их доставляли водой до Тобольска, Тюмени или Медянской пристани, а оттуда гужом до Макарьевской ярмарки. Товары же, поступившие сюда с запада, перегружали здесь на подводы и везли до Иркутска и Кяхты.

О размерах и направлении движения грузов можно судить по данным 1859 г. От Тюмени до Томска отправлялось водой 500 200 пудов груза, в обратном направлении — 201 300 пудов. Две трети этого грузопотока приходилось на уральские изделия из металла, 1/6 часть — на мануфактуру и колониальные товары, стальное — на [illegible], хлеб, сукно, рогожи, готовое платье. Из Томска шло 70 800 пудов чаю, 30 500 пудов меди и свинца с горных заводов. Одновременно на восток перевозилось гужом 359 900 пудов примерно тех же грузов, а на запад — 451 400 пудов главным образом чая, сала, масла, пушного товара, мамонтовой кости.[137]

До появления пароходов перевозка товарных грузов по сибирским рекам производилась на парусных и гребных судах, барках и плотах. Пароходы стали применяться на Иртыше (1837—1838 гг.) по инициативе купца Тюфина и на Байкале (1843 г.) по инициативе золотопромышленника Мясникова. Затем появились другие предприниматели, построившие пароходы: Поклевский—Козелл, фирма «Опыт» (1854 г.) в составе трех купцов и др. В 1846 г. пароходом «Основа» мощностью в 50 л. с. с баржами на буксире впервые был совершен рейс от Тюмени до Томска и обратно. В 1861 г. пароход впервые прошел по Иртышу от Тобольска до Павлодара.[138] В 1853 г. компания, состоящая из четырех купцов, приобрела в Бельгии стосильный пароход «Ермак», который привезли в Сибирь по частям. Он регулярно плавал от Тюмени до Томска и даже до Барнаула. В 1855 г. этот пароход затонул. Новые пароходы — «Иртыш», «Польза» (в дальнейшем «Опыт»), «Дружба» появились в 1858—1859 гг. Они перевозили грузы между Тюменью и Томском. С этого времени применение пароходов начало заметно возрастать. В 1860 г. в Обско-Иртышской водной системе их было уже 12. В 1856 г. прошел первый пароход по Лене. В 1863 г. началось торговое пароходство и на Енисее. В 1865 г. общая мощность пароходов в Сибири составила 875 л. с. В этом году они перевезли 1175 тыс. пудов грузов и 1500 арестантов.[139]

В первой половине XIX в. в Сибири происходили закупка местных товаров и сбыт их внутри края и пограничным жителям, а также обмен местных товаров на товары, привезенные из Европейской России и зарубежных стран. Купцы продавали со своих складов оптом большие партии товаров либо торговали в розницу в городских и сельских лавках, на ярмарках, а также «в развозку и разноску». Имели место также подряды и

---

[137] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, д. 2041, л. 141.

[138] С. В. Бернштейн-Коган. Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейнах Оби и Енисея. Вопросы географии. История географических знаний и историческая география СССР, сб. 31, М., 1953, стр. 239, 240.

[139] Там же, стр. 240.

поставки в казну. В 1852 г. по всей Сибири было выдано 1581 торговое свидетельство, из них 1171 (74.4%) — купцам и 410 (25.6%) — торгующим крестьянам, для которых торговля стала главным занятием.[140] Однако в это число не входили мещане и крестьяне, торговавшие без особых свидетельств.

Крупные купцы закупали товары на Ирбитской, Макарьевской (позже Нижегородской) ярмарках [141] и в Москве. Главные склады этих товаров находились в Тюмени, Тобольске, Томске, Красноярске, Енисейске, Иркутске. Розничных торговцев купцы-оптовики снабжали товарами большею частью в кредит под проценты. Долг с процентами выплачивался либо деньгами, либо вымененными во время торговли товарами. Полученные товары, особенно пушнину, оптовики сбывали в Европейскую Россию и зарубежные страны.

В XIX в. в Сибири продолжали действовать ярмарки, возникшие ранее. Среди них выделялись Ирбитская (с 1781 г. стояла к Пермской губернии), Тобольская, Енисейская, Иркутская, Верхнеудинская, Якутская, Анюйская (Чукотская ярмарка). В 1845 г. открылась Тюменская ярмарка. В первой половине XIX в. ярмарки возникали не только в городах, но и в крупных селениях. Функционировали они и на дальнем севере (Обдорская, Нарымская, Якутская). Часть ярмарок функционировала регулярно в определенные сроки, другие зависели от «съезда торгующих», третьи просуществовали недолго и вскоре прекратили свое существование.

Общероссийское значение имела Ирбитская ярмарка. Обороты ее непрерывно возрастали. В 1845 г. в Ирбит было привезено товаров на 20 222 326 руб. и продано на 17 426 355 руб. В 1851 г. привезено товаров на 35 530 600 руб. и продано на 29 101 400 руб.

В Тобольской губернии действовала 81 ярмарка. Наиболее значительными из них были Тобольская и Ишимская. Видное место на этих ярмарках занимали текстильные и бакалейные товары Европейской России. Основу же ярмарочных оборотов составляли закупка и последующая продажа скота и продуктов скотоводства — масла, сала, кож, а также пушнины. В 1851 г. на все ярмарки Тобольской губернии было привезено товаров на 4 150 416 руб. и продано на 2 052 416 руб.[142]

В Томской губернии функционировало 6 ярмарок. В 1851 г. на них было привезено товаров на 153 798 руб. и продано на 55 202 руб.

В Восточной Сибири, по данным 1852 г., состоялись 93 ярмарки, но на 41 из них «съезда торгующих не было». На ярмарки было привезено товаров на 2 135 180 руб., а продано на 940 024 руб. (табл. 12).

ТАБЛИЦА 12

Обороты ярмарочной торговли (в тыс. руб.) по губерниям и областям Восточной Сибири в 1852 г.[143]

	Привезено товаров	Продано товаров
Иркутская губерния	1034	192
Енисейская губерния	69	18
Забайкальская область	412	234
Якутская область	620	496
Итого	2135	940

[140] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 566.
[141] Ярмарка в уездном городе Макарьеве Нижегородской губернии была перевезена в Нижний Новгород в 1817 г.
[142] Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, ч. II, стр. 575—578.
[143] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 2, д. 147, л. 47.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что больше всего товаров было продано на ярмарках в наименее населенной Якутской области (9 крупных ярмарок), так как здесь, за исключением Якутска, не было более или менее значительных торговых пунктов. В Енисейской (17 крупных ярмарок), Иркутской (40 крупных ярмарок) губерниях и в Забайкальской области (10 крупных ярмарок) ярмарочная торговля занимала второстепенное место по сравнению с постоянной продажей товаров в городских и сельских лавках и на базарах. О степени распространенности

Прибытие харчевня на Тобольскую, на Ирбитскую ярмарку.
С акварели худ. Е. М. Кирилова.

такой торговли свидетельствует большое количество лавок. Например, в 1861 г. в городах Восточной Сибири насчитывалось 1516 лавок. Кроме того, существовали торговые лавки в селениях. В городских гостиных дворах были склады для оптовой торговли. Регулярно происходили базары.

Кроме того, большое распространение в Восточной Сибири получила разводная торговля. Купцы в летнее время отправлялись по округам, разъезжали «по крестьянам и татарам, с деньгами и в особенности с товаром, состоящим из дабы, китайки, бахты, чаю, сахару, шелковых платков, холста, холстинки, ситца, пестряди».[44] Скупленный или заменяемый крупной и мелкой скот продавали затем в Красноярске, Енисейске и других пунктах. Зимою — в ноябре и в первой половине декабря — производилась закупка пушного товара (шкур соболей, белок, лисиц, волков, медведей, горностаев, колонков). Пушной товар, закупленный в Красноярском, Канском, Минусинском, Ачинском округах, красноярские купцы отправляли на Ирбитскую ярмарку и в Москву.

[44] А. П. Степанов. Енисейская губерния, т. I, стр. 256.

Купцы, как сами, так и через своих приказчиков, развозили товары не только в близкие к городам деревни, села и улусы, но проникали на далекие северные окраины. Здесь купцы сбывали не только отечественные и иностранные промышленные товары, но и хлеб, закупленный в земледельческих районах Сибири, получая взамен пушнину. Ее вывозили в Европейскую Россию, сбывали на местных городских рынках, меняли в Кяхте на китайские товары.

Развитие торговли определялось ростом производительных сил, углублением общественного разделения труда, ростом товарного производства. Торговля вовлекала Сибирь в процесс развития всероссийского рынка, способствовала его расширению, усиливала меновые связи сибирских окраин с Европейской Россией, увеличивала оборот товаров и снабжение ими сибирского населения. Сибирские товары в свою очередь поступали как на внутренний, так и на внешний рынок. Доходы от сибирской пушнины, серебра, свинца, золота и других товаров способствовали процессу первоначального накопления капитала. В то же время торговля, подчиняя промышленное и сельскохозяйственное производство производству меновых стоимостей, способствовала разложению феодальных и росту капиталистических отношений.

Проникновение торгового капитала в Сибирь способствовало тому, что торговля становилась монополией крупных купцов. Мелкие купцы приобретали у них товары на деньги или в кредит под проценты, а затем перепродавали покупателям. Торговля, таким образом, сопровождалась ростовщичеством и кабалой.

В первой четверти XIX в. ростовщические операции приняли такие размеры, что стали затруднять уплату податей, выполнение повинностей русскими крестьянами и ясачных сборов народами Сибири. Поэтому в 1819 г. было издано «Положение о задолжении крестьян и инородцев торговым людям деньгами и товарами». В этом документе констатировалось, что торговые люди, разъезжая по русским и нерусским селениям, давали сибирским жителям в долг под проценты товары. В результате должники не могли выплатить долги и были вынуждены отдавать заимодавцу пушнину, скот, хлеб и даже свой промысел по чрезвычайно низкой цене. Должник тем самым превращался в работника заимодавца, чему способствовали местные сибирские начальники, принуждавшие должников отрабатывать долг. Попытки сибирской администрации ограничить этим «Положением» ростовщичество потерпели неудачу. Торгово-ростовщические операции купцов расширялись.

Через Сибирь совершалась торговля России со странами Средней Азии, Китаем и Монголией. Главными пунктами внешней торговли Западной Сибири были Петропавловск, Семипалатинск и Омск. Внешняя торговля велась также через Пресногорьковскую, Николаевскую, Коряковскую, Усть-Каменогорскую заставы. В совокупности эти пункты составляли Сибирский таможенный округ.

Из Киргизской степи и Средней Азии поступали в Сибирь и частично в Европейскую Россию крупный и мелкий рогатый скот, лошади, кожи, сало и соль, затем шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные изделия. Из России в эти страны вывозились пушнина, мерлушка, юфть и другие выделанные кожи, железо и железные изделия, холсты, тюменские ковры. Важным торговым пунктом был Петропавловск, расположенный на пути в Киргизскую степь. В Петропавловске местные, а также иногородние русские и татарские купцы вели меновой торг со степными киргизами и бухарцами. В 1840 г. через Петропавловскую таможню было вывезено товаров на сумму 806 772 руб.[148] Всего же по Сибирскому таможенному округу

[148] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 2, в. 1945, л. 33.

в этом году было привезено в Россию товаров на 1 227 643 руб. (сумма объявленных товаров) и вывезено на 1 390 326 руб.[16] В Сибири оставалась только небольшая часть товаров, поступивших из Киргизской степи и среднеазиатских земель. Большинство товарных грузов отправлялось в Европейскую Россию. Кроме торговли через Сибирский таможенный округ, значительную роль в хозяйственной жизни страны XVIII—первой половины XIX в. играла торговля с Китаем и Монголией через Восточную Сибирь (главным образом через Кяхту). В 1800 г. были изданы новые правила кяхтинской торговли. Оно установило ежегодную расценку товаров и установило порядок производства менового торга, строго запрещая покупку и продажу товаров за деньги, а также в кредит. Однако от этих правил бывали и отклонения. В 1842 г. в торговле стали фигурировать золото и серебро. Русские купцы, зная, что находившемуся в состоянии войны с Англией Китаю нужны эти металлы, стали тайно приобретать китайские товары за золотую монету. Это расширило возможность закупки китайских товаров на 1/3 по сравнению с закупками при меновой торговле.

Сокращение у сюжетов. С акварели худ. М. С. Знаменского

С 1824 по 1850 г. ввоз китайских текстильных изделий уменьшился в 6 раз. В то же время возрастал ввоз чая. Между тем ввоз русских текстильных изделий достигал половины экспорта в Китай, а в 1831—1848 гг. — 2/3 экспорта. Среди текстильных товаров особенно много возвозилось шерстяных изделий и сукна (до 1 млн аршин).[17] Хлопчатобумажных, льняных и шелковых товаров экспортировалось меньше. Русские

[16] Там же, л. 1904, л. 682.

[17] А. М. Самойлов. Историческая и статистическая исследования о Кяхтинской торговле. В кн.: Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением РГО, кн. II, СПб., 1854, стр. 30, 31, 34—38.

сукна, плисы, бельветы, превосходя по качеству английские, успешно конкурировали с ними в Китае. На севере Китая они стали предметом самого широкого потребления. Русские хлопчатобумажные ткани пользовались большим спросом в Монголии.

Одновременно сокращался вывоз в Китай пушных товаров (соболь, белка, речные бобры, камчатские бобры, корсаки, лисицы, песцы, украинские, забайкальские и бухарские мерлушки). Их экспорт занял в 40—50-е годы XIX в. второе место в общем экспорте из России в Китай.

Кроме текстильных товаров и пушнины, в Китай и Монголию вывозились также юфтевые кожи, железо, медь и другие металлы, металлические изделия, краски, зеркала, писчая бумага. Производился также обмен пшеницы на чай. Ее доставляли для приграничного китайского населения, занятого торговлей. Снабжение хлебом главного пункта пограничной торговли со стороны Китая — Маймачена было одним из основных условий нормального хода русско-китайских торговых сношений.

Из Китая привозили преимущественно чай, шелк, шелковые, полушелковые и бумажные ткани, фарфоровые изделия, сахар-леденец, корень жень-шень и разные мелкие товары.

Общая сумма товарооборота русско-китайской торговли через Кяхту возрастала (с колебаниями и спадами в отдельные годы): в 1792 г. она составила 4 924 558 руб.[148] а в 1852 г. — 8 638 811 руб.[148] Изменилась за это время и ее структура. В русском экспорте в Китай стали теперь господствовать промышленные товары, а не пушнина. В русском импорте из Китая, наоборот, промышленные изделия уступали первенство чаю. Связано это было с отставанием в промышленном развитии Китая от России.

В 1855 г. правила кяхтинского торга были вновь пересмотрены. Ограничения в обмене товаров по вольным ценам отменялись и одновременно разрешался отпуск в Китай некоторого количества золотой монеты. Количество это определялось для каждого торговца соотношением между стоимостью вывозимого золота и стоимостью остальных вывозимых в Китай товаров: стоимость золота не должна была превышать половины стоимости пушнины или третьей части стоимости мануфактурных товаров, ввозимых торговцем в Китай. Хотя новые правила не устраняли полностью менового характера кяхтинского торга, они все же несколько облегчили торговые операции.

В 50—60-х годах XIX в. общие обороты кяхтинской торговли с русской и китайской сторон достигали крупной суммы в 16 и более миллионов рублей в год.

Торговля между Россией и Китаем через Кяхту приобрела мировую известность. На кяхтинскую торговлю обратил внимание К. Маркс в своем труде «К критике политической экономии».[150]

Русские изделия проникали в глубь Китая и Монголии, успешно конкурируя с английскими и другими иностранными товарами. Усиление спроса на китайские товары со стороны России стимулировало расширение в Китае чайных плантаций, производство сахара, текстильных, фарфоровых и других изделий, рост ремесла и мануфактур. Оптовая торговля составляла монополию крупных китайских фирм (фуз), в розничную же торговлю вовлекались мелкие торговцы, крестьяне, ремесленники.

---

[148] А. Корсак. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857, стр. 97, 105, 135, 177—180.

[149] ЦИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 69, л. 19.

[150] К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1951, стр. 62—64.

С другой стороны, вывоз в Китай российских тканей, изделий, кожи, пушнины способствовал развитию в России производства этих товаров.

Торгово-экономические связи способствовали сближению между русским, монгольским и китайским народами. Кяхтинский градоначальник, говоря об отношении русских пограничных жителей к их соседям (китайцам и монголам), писал: «В помощи их можно сказать, что они гостеприимны, обходительны, дружелюбны со своими соседями»[151]. В другом сообщении говорилось о расположении и доверии китайцев к русским: «Расположение и доверие китайцев к русским высказывается и в выражении общего желания, чтобы мы, русские, ездили по торговым делам к ним в Китай, где мы будем приняты с самым дружеским гостеприимством»[152].

Развитие торговли и ремесла способствовало росту сибирских городов как товаро-распределительных и ремесленных пунктов. Однако они по своему экономическому развитию уступали еще городам Европейской России.

Движение городского населения Сибири характеризуется двумя явлениями: с одной стороны, имел место приток в города из сибирских деревень и губерний Европейской России, с другой — наблюдалось переселение части горожан в деревню для занятия сельским хозяйством. Для переселения во всех случаях требовалось разрешение мещанских, цеховых и купеческих сходов (в зависимости от сословия, к которому принадлежал желающий проживать в городе или выбыть из него). Приговоры сходов назывались «согласными». Крестьяне переселялись в город для работы по найму, занятий ремеслами, извозом, мелкой торговлей. Извоз получил такое широкое распространение, что возле некоторых городов возникали ямские слободы. В городах селились ремесленники и мастеровые. Городские ремесленники по характеру своей работы разделялись на цехи: кузнечный, медяный, серебряный, столярный, плотичный, кирпичный, прядильный, скорняжный, ширельный, сапожный, портновский, иконописно-малярный, маркитантский.

Кузнечный цех составляли кузнецы, слесари и экипажники; медяный — изготовители медной посуды и кровельщики; серебряный — ювелиры, золотых, серебряных и часовых дел мастера. К столярному цеху относились столяры, токари и обойщики; к плотничному — плотники и пильщики; к кирпичному — каменщики, кирпичники, печники и резчики по камню. Прядильщики занимались выделкой веревок; скорняжники выделывали кожи и окрашивали меха. В ширельный цех зачислялись мастера конской сбруи, чемоданов, чирков и ичигов (виды мягкой обуви) и других кожевенных изделий. Состав маркитантского цеха был самый разнообразный: булочники, колбасники, сбитенщики, папиросники, пирожники, переплетчики, свечники, стекольщики и трубочисты.

Кроме мастерских ремесленников, в сибирских городах действовали небольшие предприятия мануфактурного типа: мукомольные и пильные мельницы (лесопилки), кирпичные, кожевенные, лосиные, скорняжные, салотопенные, свечные (сальные свечи) и свечевосковые заводы, маслобойни, пивоварни, суконные, полотняные, шляпные мануфактуры. В 1825 г. в сибирских городах было 298 предприятий такого типа. 119 из них находились в Тюмени, далее следовали Иркутск (42), Туринск (31), Тобольск

---

[151] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири. Дипломатическая канцелярия, оп. 1, д. 9, л. 22.
[152] Там же.

(16), Тара и Красноярск (по 14), Енисейск (10) и др. Половина городов мануфактур не имела.

В купечество по сибирским городам зачислялись иногородние купцы, прибывшие из Европейской России для постоянной торговли, зажиточные мещане и цеховые, «торгующие крестьяне», предъявившие определенную сумму капиталов. Мелкой торговлей занимались мещане, не включенные в купеческие гильдии. В Тюмени, Тобольске, Таре, Томске, Омске про-

Тобольск. Бытовая сценка. С акварели худ. М. С. Знаменского (фрагмент).

живали также иноземные купцы и ремесленники-бухарцы. Возле Тюмени существовала торгово-ремесленная слобода, где жили только татары и бухарцы. С торговлей были связаны купеческие приказчики, рабочие на торговых складах, содержатели постоялых дворов.

В города доступ ссыльно-поселенцам был ограничен, но часть из них все же включалась в состав городского населения. Среди ссыльных было значительное количество ремесленников, которые работали в казенных ремесленных домах. По окончании срока ссылки оставались в городах, продолжая заниматься ремеслами, обучая им своих детей и местных жителей.

Население городов как административных центров увеличивалось также за счет чиновников и канцелярских служителей, военных, духовенства.

Часть горожан, занимавшихся сельским хозяйством, переселялась из городов в деревню. В то же время некоторые селения (Ачинск, Канск, Минусинск, Балаганск, Верхоленск, Чита) становились городами. Они считались «сельскими городами», так как значительная часть их жителей занималась хлебопашеством и скотоводством. Торговая [illegible] состояла главным образом в продаже продуктов этих отраслей хозяйства. От сел города подобного типа первоначально отличались пребыванием в них окружных административных учреждений. Однако постепенно и эти населенные пункты приобретали городской торгово-ремесленный [illegible].

О росте городского населения Сибири свидетельствуют следующие данные (в тыс. чел.):[153]

	1795 г.	1856 г.
В Западной Сибири	79	134,9
В Восточной Сибири	33,5	87
Итого	112,5	201,8

Таким образом, за 33 года население городов Сибири увеличилось на 89 300 человек. И все же рост городского населения совершался медленно и неравномерно. Сравнительно более населенными были города, расположенные на главных торговых путях и среди основных сельскохозяйственных районов.

В Западной Сибири в 1858 г. более 10 тыс. жителей имели города: Омск (18 437), Тобольск (15 894), Томск (14 071), Барнаул (11 681), Тюмень (10 284). За ними следовали Петропавловск (9926), Тара (8610), Туринск (3881), Бийск (3769), Мариинск (3347), Курган (3333), Каинск (2930), Ялуторовск (2789), Ишим (2298). Кольвань (2251). Менее 2000 человек проживали в Кузнецке (1655), Березове (1420), Тюкалинске (1371). Всего 891 житель был в Нарыме.[154]

В Восточной Сибири только Иркутск имел в 1863 г. свыше 10 тыс. жителей (28 009). За ним следовали Красноярск (9997), Енисейск (6830), Троицкосавск (5431), Якутск (5665), Верхнеудинск (4032), Минусинск (3872), Нерчинск (3774; 1858 г.), Ачинск (3177), Нижнеудинск (3046), Чита (3019), Канск (2231), Киренск (1561). Менее 1000 жителей имели Селенгинск (999), Баргузин (981), Балаганск (799), Верхоленск (724), Илимск (563). Меньше всего населения было в городах, расположенных на Крайнем Севере: в Средне-Колымске (458), Вилюйске (341), Олекминске (298), Охотске (236), Верхоянске (176).[155]

В 50-х годах XIX в. возникли города на дальневосточных окраинах России: Николаевск-на-Амуре (1852 г.) и Благовещенск (1856 г.). В 1860 г. основан Владивосток.

Жителями городов Сибири были духовенство, чиновники и канцелярские служители, военные, купцы, мещане, цеховые, мастеровые, дворовые люди, крестьяне. Мещане составляли отдельное сословие городских жителей, «мещанское общество» того или другого города. Внутренний состав этого общества не был однородным. Мещане, приписанные к городам, пла-

---

[153] Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. Очерк историко-экономической географии (XVIII—перв. пол. XIX в.). М., 1949, стр. 155; Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах, т. 1, СПб., 1875, табл. № 4. Данные по Восточной Сибири вычислены приблизительно.

[154] Р. М. Кабо. Города Западной Сибири..., стр. 156.

[155] Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах, т. 1, табл. № 4. Данные по городам Нерчинскому и Нерчинск взяты за 1858 г.

тили подушную подать, внутренние городские сборы, отбывали рекрутскую и другие повинности, имели специальный орган управления — мещанскую управу, заменившую прежнюю земскую избу, и мещанский суд по мелким гражданским делам. Принадлежность мещан к одному сословию не означала их социальной однородности: одни мещане входили в состав мелкой буржуазии, другие становились наемными рабочими. Мещане занимались мелкой торговлей, извозом, содержали постоялые дворы и харчевни, вели домашнее хозяйство (разводили скот, заготавливали сено, возделывали огороды), служили у купцов приказчиками, доверенными, работали по найму на торговых складах, мануфактурах, заводах, пушных и рыбных промыслах, в судоходстве. Если постоянным и основным занятием мещанина становилось ремесло, он записывался в цех как ремесленник. Мещане, постоянно работавшие на промышленных предприятиях, переходили в разряд мастеровых. Разбогатевший торговец-мещанин превращался в купца. Цехи сибирских городов не были замкнутой корпорацией: доступ и выход из них не представлял особых затруднений. Цеховые разделялись на мастеров, подмастерьев и учеников. Звание мастера получали ремесленники, выдержавшие специальное испытание при Ремесленной управе. Перед этим мастер обычно работал сначала учеником, а затем подмастерьем. Ремесленники работали либо только сами (и со своими домашними), либо владели мастерскими, эксплуатируя труд подмастерьев, учеников, наемных работников. Таких ремесленников называли «капиталистами». Разбогатевшие ремесленники записывались в гильдию и зачислялись в купечество.

Мастеровыми называли рабочих мануфактур и заводов, имевших какую-либо специальность. На предприятиях, кроме того, были чернорабочие, выполнявшие подсобные работы.

Часть крестьян, проживавших в городах, занималась сельским хозяйством, другая часть хотя и числилась в крестьянском сословии, но по своим занятиям приближалась к мещанам и ремесленникам.

Все группы городского населения, за исключением чиновников, военных и духовенства, платили податные сборы и отбывали повинности. Недоимщиков по казенным сборам отдавали в работу на заводы, принадлежавшие казне, и частным лицам — купцам.

Господствующий слой городского общества составляли купцы и чиновники. Купечество разделялось на три гильдии. Среди сибирских купцов выделялись «именитые», «первостатейные» коммерсанты, проживавшие в основных торговых пунктах — Тюмени, Петропавловске, Тобольске, Томске, Омске, Енисейске, Красноярске, Иркутске, Кяхте. Они были монополистами в области оптовой торговли, откупов крупных казенных подрядов и внешнего торга со странами Средней Азии, Китаем, Монголией. За ними следовало среднее купечество, затем мелкие купцы, торгующие мещане и крестьяне.

Господствуя в городском управлении, подкупая чиновников, «именитые» купцы для повышения цен добивались исключительного права торговли теми или другими товарами. Например, поставка соли по всему Забайкалью в 1818—1821 гг. находилась в руках иркутского купца Сибирякова. Торговля хлебом на Лене была отдана на откуп подрядчикам Малееву и Кузнецову. Пользуясь нуждой крестьян, мещан, ремесленников и мелких торговцев в деньгах для хозяйственных целей, уплаты податей, выполнения повинностей, а также в товарах для хозяйственного и домашнего обихода, купцы закабаляли их путем ростовщического кредитования под высокие проценты. Несостоятельные должники становились «банкротами», вынужденными выплачивать долг с нараставшими во времени процентами и отрабатывать его.

Сохранились «Реестр состоявшим по Иркутскому городовому магистрату по исполнительному листу несостоятельных банкрутов» (1795 г.)[156] и «Настольный реестр банкрутов по городу Томску за 1812 г.».[157] Эти документы свидетельствуют о распространенности ростовщического кредитования и закабаления несостоятельных должников кредиторами.

Из городов купцы-ростовщики проникали в глубь Сибири, достигали Крайнего Севера, эксплуатируя и закабаляя там охотников, рыболовов и оленеводов.

В «Обозрении государственных имущества» (1840 г.) отмечалось, что «монополисты, содержащие в руках своих крестьян и инородцев, давая им деньги вперед под хлеб и звериные шкуры, снабжая потребностями для жизни, господствуют над поселениями... Хотя закон запрещает верить в долг инородцу более 5 рублей ассигнациями и все иски, превышающие эту сумму, не принимаются в судах, но эта мера не произвела пользы. Задолжание продолжается по-прежнему и увеличивается год от году».[158]

Монопольный характер торговли товарами, доставляемыми из Европейской России, внешний торг со странами Средней Азии и Китаем, скупка по дешевым ценам пушнины и сельскохозяйственной продукции, ростовщичество, винный откуп, казенные подряды, наконец, в 30—40-х годах XIX в. золотопромышленность — все это обогащало сибирскую буржуазию, усиливало ее влияние как в области экономической жизни, так и в управлении краем.

5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СИБИРИ

В конце XVIII—первой половине XIX в. продолжалось еще более широкое заселение русскими сибирской территории. Русские поселения создавались, например, в долинах крупных сибирских рек для обеспечения транспортных путей. Складывались своеобразные группы затундрийских крестьян на Таймыре, в Якутии. Русские установили более тесные связи с народами Чукотки и Камчатки, продолжалось также расселение русских и на пограничных территориях — в верховьях Оби, Енисея, а также на Амуре. Процессы ненасильственной ассимиляции сибирских этнических групп русским населением становятся характерными в этот период не только для районов интенсивного земледельческого освоения.

Влияние русской земледельческой культуры на северо-западе Сибири сильнее всего сказывалось у западносибирских татар, манси и отдельных групп хантов и селькупов. Местами здесь даже складывались смешанные сельские общины, в которых народы Сибири жили оседло и в образе жизни следовали русским.

О манси Туринского уезда сообщалось: «инородцы вогульского племени, живущие сопредельно или лучше сказать смешанно с крестьянами ...по образу своей жизни и быту мало различествуют от первых; они занимаются частию земледелием и сближаются с оседлою жизнью, юрты у многих из них по удобству к жизни не уступают домам среднего состояния государственных крестьян этого края».[159]

О манси по Тавде и Пелыму Регули писал, что они «усвоили образ жизни чисто русский, говорит всегда по-русски, и о том, что они состав-

[156] ГАИО, ф. Иркутской земской избы, д. 4, л. 415.
[157] ГАТО, ф. Томского губернского правительства, оп. 2, д. 118.
[158] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 67, л. 11.
[159] А. И. М у р а ш е в. Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX века. Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 157, 1953, стр. 226.

ляли некогда один народ с вогулами, у них осталось одно ... воспоминание».[160] Об иртышских хантах Кастрен писал, что они «забыли свои древние установления и в настоящее время почти во всем следуют русскому судопроизводству».[161]

В земледельческих районах сельская община состояла из семей, уже не связанных между собою родовыми узами. Каждая семья владела своими угодьями, и прежде всего пахотными. Часть земель и угодий (луга, водоемы) оставалась в общинном владении. Пахотные угодья делились между дворами по числу душ. Душевые наделы были различны в отдельных районах и зависели от количества земли, которой располагала община. Периодически, как и в русской деревне, производились переделы.

Формы эксплуатации коренного населения здесь были однотипными с формами эксплуатации русского трудового крестьянства. Когда по Уставу 1822 г. западносибирские татары были отнесены к категории оседлых народов, на них в полной мере распространялась налоговая система, существовавшая у русских. В результате значительная часть татар была вынуждена уходить в города на заработки. Беднейшая часть манси и хантов работала в это время по найму у русских крестьян.

В первой половине XIX в. значительно усилилось имущественное расслоение среди оленеводов. У ненцев и нижнеобских хантов практиковалась не только отдача оленей на выпас бедняками, но и прямое использование бедноты в качестве рабочей силы в зажиточных хозяйствах. У кетов также более отчетливой была имущественная дифференциация среди [illegible]одов.

Широкое распространение в первой половине XIX в. получает сдача в аренду рыболовецких участков. Например, в 1848 г. березовские ханты отдавали в аренду 150 участков на сумму 6050 руб.; арендаторы получали на них рыбы на 99 500 руб.

Несмотря на все более значительную роль товарно-денежных отношений, чему способствовала организация крупных ярмарок специально для торговли с коренным населением (Обдорск, Сургут, Туруханск и др.), сохранялся и прямой товарообмен. В Березове «за лодку нужно заплатить столько мексунов, сколько в нем поместится оных; за котел платится чистого рыбьего жира столько, сколько в него можно налить; за простой ножик с деревянным черенком, облитым оловом, платилось от 30 до 50 мексунов; аршин простого, красного или желтого драдедаму стоит 4 песца или 120 мексунов; даже простое медное кольцо, стоящее едва ли $^1/_2$ коп. серебром, продается за 1—2 мексуна. Сами же березовцы получают за мексуна, сдаваемого на дощаники, не дешевле 10 коп. серебром».[162] Характерным явлением первой половины XIX в. был рост торговых посредников из среды зажиточного местного населения. На Обском севере эту роль чаще всего выполняли коми, на Енисейском — якуты.

Царское правительство охотно поддерживало представителей растущей местной знати и поощряло межнациональную розню. Так, по Уставу 1822 г. в состав хантыйских волостей были включены и обские ненцы. На хантыйских князцов возлагались обязанности собирать с ненцев ясак и «разбирать маловажные дела, как-то: споры, драки, кражи, разные споры».[163] Князцы весьма усердно помогали царской администрации

---

[160] Зап. РГО, кн. 1 I, СПб., 1849, стр. 162, 163.

[161] A. Castrén, Reiseberichte und Briefe a. den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg, 1856, S. 124.

[162] Д. Юрьев, Топографическая описка с Северного Урала. Зап. РГО, 1852, кн. VI, стр. 122.

[163] Д. Я. С[illegible]ников, Сборник областного права сибирских инородцев. Варшава, 1876, стр. 13.

эксплуатировать местное население и при этом извлекали немалую выгоду и для себя.

Особенно тяжелым стало положение трудящихся масс в 20-х годах XIX в., когда обложение ясаком по сравнению, например, с 1763 г. увеличилось почти на 300%. Чиновники Тобольской казенной палаты заявляли в 1828 г., что «инородцы тогда (в 1763 г., — *Лот.*) были гораздо зажиточнее, нежели в нынешнее время».[104] По расчетам С. С. Шашкова, население Западной Сибири отдавало в казну от 40 до 60% своего ежегодного дохода.[105] Неудачи на охотничьих и рыболовных промыслах приводили к голодовкам (например, в 1810, 1811, 1814 и 1817 гг.).

Социальные отношения у народов северо-западной Сибири не были однородными. У всех групп росло имущественное и социальное неравенство, обострялись внутренние противоречия. Распад родовых связей и оформление чисто территориальных отношений (в рамках общей феодальной системы) были наиболее ярко выражены у групп, занимавшихся под влиянием русских земледелием. У оленеводов процессы индивидуализации производства (хозяйство малых семей) и оформления зажиточной верхушки также имели место. Однако у них в большей мере, чем у земледельцев, сохранялись черты патриархально-родовой организации. Наименее ярко процессы роста имущественного неравенства были выражены у тех групп, у которых главная роль в хозяйстве оставалась за охотой и рыболовством.

Растущее русское влияние и частичная ассимиляция русской земледельческой средой отдельных этнических групп отмечались также в районах, примыкавших к Алтае-Саянскому нагорью — по Иртышу, Оби, Чулыму и Енисею. Этот процесс охватил, например, часть телеутов, кызыльцев и качинцев, а также остатки ранее тюркизированных южных самодийцев (камасинцев, карагасов и др.) и кетских племен (коттов и др.). Не подверглась обрусению лишь небольшая часть кетов, продвинувшихся на Таз и вниз по Енисею от Подкаменной Тунгуски до Курейки.

В то же время отмечались процессы консолидации у хакасов и алтайцев, завершивших ассимиляцию южносамодийских и кетских групп. Процесс консолидации и ассимиляции шел довольно активно и на территории степных тувинских племен. Наиболее четко этот процесс проходил у хакасов, чему в немалой степени способствовал Устав 1822 г., административно закрепивший и усиливший этническое сближение внутри хакасского общества. Так, в составе Минусинского уезда Енисейской губернии были образованы Степные думы качинцев и койбалов, а к Сагайской (позже Аскызской) думе[106] отнесены сагайцы и бельтиры; в составе Ачинского уезда той же губернии была образована Степная дума кызыльцев.

Процесс консолидации несколько своеобразно проходил у алтайцев. Южные их группы (собственно алтайцы, телеуты, теленгиты и др.) развивались несколько обособленно от северных (тубалары, кумандинцы и др.), к которым были весьма близки шорские племена.

Для социальных отношений хакасов и алтайцев характерно, с одной стороны, слияние с русским обществом в местах совместного проживания и интенсивного земледелия, с другой стороны, в зависимости от главного направления хозяйственного комплекса у них сохраняются определенные традиционные отличия от русских.

В степных районах у южных алтайцев и части хакасов преобладало скотоводство. Обширные пастбища, находившиеся в общем владении по

---

[104] Вауди Пиеттомяи. Из истории социальных движений хантэ и ненцев. Омск, 1940, стр. 5.

[105] С. С. Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии. Собр. соч., т. II. СПб., 1898.

[106] До 1823 г. она именовалась «Степной думой разнородных соединенных племен».

царскому законодательству, т. е. формально, фактически были в полном распоряжении отдельных богачей. Территория, отводимая во владение той или иной группе «инородцев», не подвергалась какому-либо межеванию. Это давало возможность распоряжаться ею по своему усмотрению (например, зайсанам у алтайцев). К этому надо добавить, что все южные алтайцы были прикреплены (или «приписаны») к своим дючинам (должностным лицам) и волостям не по территориальному, а по родовому принципу. Был нарушен родовой принцип землепользования у хакасских скотоводов, занявших свободные земли после ухода енисейских киргизов.

Царская власть сохранила за местной богатой скотоводческой верхушкой (зайсаны, баи) их социальные привилегии, но избавила трудящихся от официальных поборов в пользу местных князцов, заставив их вносить ясак в царскую казну. Однако натуральные поборы с бедноты в пользу местной верхушки практически сохранились. Зайсан по-прежнему был богатеем. Хотя у него не было военной дружины, но исполнительная власть и суд (передававшиеся ранее по наследству) находились в его руках, и он поэтому был по существу властелином судьбы и имущества каждого своего «подданного». Насколько хорошо алтайские зайсаны чувствовали прочность своего положения, говорит факты сдачи в аренду русским крестьянам земель, отведенных им «во владение» и в общее для всех алтайцев пользование.

Опираясь на местную эксплуататорскую верхушку, царские чиновники занимали жесткую позицию по отношению к трудовым массам. На Алтае, например, налогами облагались в одинаковом размере как богачи, владевшие стадами в тысячи голов скота, так и бедняки. Царское правительство смотрело также сквозь пальцы на земельные захваты зажиточных русских крестьян, стеснявших землепользование бедняков, но оно принимало меры по жалобам зайсанско-байской верхушки. Как правило, царские чиновники не реагировали и на многочисленные факты произвола местной знати по отношению к трудовому населению.

У племен, осваивавших горно-таежные пространства (шорцы, северные алтайцы, часть хакасов), охотничьи угодья были общими для всех, кто мог зайти сюда на промысел зверя. Однако в связи с консолидацией племен и более компактным расселением близкие охотничьи угодья охранялись от посещений «посторонних» охотников. Эти относительно близкие от местожительства или более удобные промысловые территории считались собственностью отдельных родов, больших патриархально-семейных и сельских общин. «Посторонние» для данной территории охотников, застигнутых на промысле, прогоняли, добычу у них отнимали и разрушали их охотничьи шалаши.

Охотились на своих территориях коллективно, небольшими группами, обычно состоявшими из родственников, а добычу делили уравнительно. Так же поступали и охотники сельских общин, где охотничьи артели на время промысла комплектовались по соседскому, а не родственному принципу. Коллективный труд на промысле, коллективная собственность на добычу и коллективное ее распределение являлись характерными для этих групп населения.

Однако и здесь в рассматриваемое время возникали новые общественные отношения. Полученная при разделе пушнина составляла личную собственность. Спрос на пушнину был очень велик, и вся она представляла собой товарную продукцию, реализуемую (за исключением отдаваемой в ясак) на рынке, обычно через скупщика. Посредством реализации полученной в долю пушнины охотники были втянуты в товарные отношения. В этих условиях возросла роль скупщика как из среды русского, так и аборигенного населения.

Торгово-ростовщическая эксплуатация сильно влияла на появление и развитие имущественного неравенства у скотоводов и охотников. Наряду с коллективной собственностью на промысловые угодья, пастбища и пахотные земли существовала личная собственность на жилье и домашнее имущество, орудия труда и средства транспорта. Особое место в системе собственности занимал скот. Владение небольшим количеством скота, ключая и чисто транспортное поголовье, было характерно и для охотничьего, и для скотоводческого типов хозяйства. При этом имущественное неравенство и различные формы эксплуатации, например отдача скота на выпас бедноте, были особенно характерны для типичного скотоводческого хозяйства с развитой личной собственностью на скот и продукцию труда. Эти же явления, хотя и в ослабленной форме, отмечаются и в хозяйстве охотничьих племен.

В целом процессы дальнейшей феодализации хакасского и алтайского общества были особенно характерны для типичных скотоводческих групп, хотя у них сохранялись и пережитки патриархально-родовых отношений. Наоборот, у охотничьих групп эти процессы были ослаблены, здесь в большей мере прослеживались черты первобытнообщинных отношений с постепенным вытеснением чисто родовых связей территориальными.

Важнейшим фактом в развитии хозяйства бурят в конце XVIII—первой половине XIX в. явились успехи земледелия. В 1824 г. среди бурят насчитывалось 14 543 оседлых и 129 447 кочевых хозяйств земледельцев. «Коренными земледельцами» назывались те хозяева, которые соединяли земледелие со скотоводством (их соотношение в отдельных районах было различным). Эти цифры становятся особенно показательными, если учесть, что исключительно скотоводством и промыслами в это время занималось только 32 944 хозяйства.

Земледелие стало одной из основ бурятского хозяйства, в особенности в Предбайкалье. Увеличивались посевы, улучшалась обработка земли, в некоторых районах применялось искусственное орошение. Все это способствовало превращению земледелия в товарную отрасль. Н. А. Бестужев в 1851 г. писал: «В Иркутской губернии, кроме здешнего Забайкалья, буряты настоящие кормильцы хлебом».[167]

В это время у бурят заметны успехи и в развитии скотоводства. Экстенсивное скотоводство, особенно в Западной Бурятии, вытесняется более высокими формами со стойловым содержанием скота, значительным развитием сенокошения.

Из домашней промышленности по-прежнему большое значение сохраняли кузнечное дело и скорняжество. В некоторых районах кузнечное дело обособилось в отдельную, самостоятельную отрасль хозяйства. Росла товарность хозяйств бурят. Крепла и связь их с рынком. Учитывая возросшие поставки бурят на рынок, русская администрация издала в 1812 г. специальное постановление об учреждении ярмарок в районах поселения бурят на трактовых дорогах. Буряты поставляли на рынок кожи, масло, жир, скот, мясо, сало, хлеб, сено и другие товары. В связи с крупными изменениями в хозяйстве усилился переход населения к оседлости, особенно заметно у западных бурят. Переходя на оседлость, буряты использовали опыт русских крестьян и строили избы по русскому образцу.

Социальные отношения бурятского общества конца XVIII—первой половины XIX в. характеризуют процессы дальнейшей феодализации при сохранении пережитков патриархально-родовых отношений.

---

[167] Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927, стр. 12.

Буряты делились на роды. Бурятский род этого времени представл
собой административно-территориальную единицу, в основе которой л
«из действительной род, исключения и отбы иные части других роди
Раздробление родов, расселение их отдельных частей в различны
районах приводило к смешению, а правительственная политика спосо
вала отдельные родовые группы вокруг наиболее значительных по чи
ленности.

Бурятская община в первой половине XIX в. раздиралась острым
классовыми противоречиями. Не случайно в 1819 г. администрация р
делила бурят на «классы по состоянию». Таких «классов» было устан
лено четыре: первый — «самые богатые, которые имеют превосходя
изобилие в скотоводстве, хлебопашестве, сверх всего занимаются извоз
тягостей и прочего»; второй — «достаточные», которые имеют «умерени
скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка»; тр
тий — те, кто «имеют только небольшое количество нашим сенокос
скота, необходимого для обработки оных и для домашнего обихода, и
торые неприсутственно могут исправлять государственные подати и
щественные повинности» и четвертый — «совершенно немущие... п
старелых лет, неизлечимые в болезни, маолетние и вместе не имеющ
ни родственников, ни состояния».

В землевладении у бурят существовало переплетение общинного
частновладельческого начал. При общинном землевладении земля зак
плялась за «родом» или его частью. Здесь сохранялось общее пользова
«кочевьем и скотским выпуском» и душевое наделение сенокосны
угодьями и пахотными землями. Периодически производился передел у
дий по количеству душ мужского пола или по числу голов скота. Эт
принцип создавал неравномерность землепользования, поскольку суще
ствовала личная собственность на скот и резкая дифференциация по в
дению скотом. Неравномерность усиливалась захватом нойонами общи
ной земли, зачастую оформлявшимся юридически.

Под давлением нойонов наделение угодий формально проводил
с согласия общества, по мирскому приговору. Лишаясь общинных угод
родовые буряты молчали, боясь гнева нойонов. «Хотя мы вправе бы
жаловаться по начальству, но боясь мщения за то Дымбылова, к
главного начальника нашего, и оставались в молчании».[168]

Богатые земле- и скотовладельцы — это в большинстве случаев и
министративная верхушка бурят. «Все старшины богаты скотом и де
гами и владеют обширнейшими и лучшими землями, простолюдины
напротив, более и более беднеют», — писал М. Геденштром.[169]

Хозяйство средних бурятских крестьян было неустойчивым: неу
жаи, падеж скота, податной гнет вызывали необходимость ссуды у богат
котором тогда видели «надежнейшего у состоятельных людей и просто
и прочую работу».[170]

Типичными формами эксплуатации богатой и зажиточной верхуш
бедноты являлись: кредитование под отработки или ростовщичес
проценты и отдача скота на выпас под те же отработки. Бурятская в
хушка узаконивала эти ранние формы эксплуатации, возникшие
в условиях распада патриархально-родового строя и ставшие теп
бодавшими, вновь соответствующие статьи в своде обычного пра
Так, одна из статей «обычаев братских Идинского, Тункинского, Ба
ганского и Кудинского ведомств» гласила: «Буде между собою братс
задолжаются и тем платить ему будет нечем, то таковой, не лишаясь

[168] См.: Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1
стр. 292.
[169] М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 68.
[170] История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, Улан-Удэ, 1954, стр. 213.

долг своего имения, чтобы не разориться, отдается заимодавцу или кому другому к работу».[171]

Во время сенокоса и уборки хлебов богатые буряты нанимали бедных «на вольному займу», платя либо за день, либо за весь сезон летних и осенних работ. По-видимому, в начале XIX в. можно говорить о за-

«Братские татары» (буряты). Рисунок и гравюра
худ. В. М. Корнеева.

рождении здесь элементов капиталистических отношений, однако они были еще слабы. Преобладали феодальные формы эксплуатации, соединившиеся часто с прямыми поборами и грабежом бурятской верхушкой своих сородичей.

Созданные у бурят по Уставу 1822 г. родовые управления, впоследствии управы и Степные думы (последних было создано 12) превратились в органы «степной аристократии», через которые шайоны помогали царской администрации угнетать родовую бурятскую массу и вместе с тем сами безжалостно грабили своих «родовичей».

[171] Д. Я. Самоквасов. Сборник обычного права..., стр. 99.

По ревизии М. М. Сперанского было обвинено в злоупотреблениях 255 бурятских нойонов. Царское правительство, отдавая под суд наиболее зарвавшихся «правителей», в целом поддерживало бурятскую верхушку. Часть нойонов получила чины и даже возведена была в дворянское сословие. Характерно также, что в замещении должностей в органах бурятского управления царская администрация решительно поддерживала наследственный принцип, который, как правило, и определял это замещение.

Первая половина XIX в. — время развертывания классовой борьбы в бурятском улусе, принимавшей различные формы. Открытая классовая борьба тормозилась наличием патриархально-родовых пережитков. «Степная аристократия» использовала в целях их сдерживания составление сводов обычного права, начавшееся проводиться в связи с Уставом 1822 г. по различным бурятским ведомствам. В эти своды был внесен ряд статей, направленных против «неповиновения начальникам», против «беглых» и «подозрительных», против «непослушных» и т. д.

Социальные отношения якутского, так же как и бурятского, общества конца XVIII—первой половины XIX в. также характеризуют процессы дальнейшей феодализации при сохранении пережитков патриархально-родовых отношений. Якутские наслеги делились на роды, представлявшие, однако, территориальные объединения родовых групп различного происхождения. Якутские «родоначальники», стоявшие во главе таких родов, всячески поддерживали фикцию единства «родовичей», используя это единство в своих классовых целях. Патриархально-родовые пережитки сильнее всего сказывались в семейной жизни, в быту, хотя они сохранялись и в социальных отношениях (например, традиции родовой взаимопомощи).

В административном отношении якуты делились на роды, волости (наслеги), улусы. Во главе улуса стояла голова и двое выборных, составлявшие «инородческую управу». В их обязанности входили раскладка и сбор налогов и податей, распределение нарядов на подводную повинность, наблюдение за распределением земель, разбирательство споров и ссор и т. д. Кроме ясака, якуты в это время платили ряд мелких податей, значительно увеличивавших тяжесть налогового обложения (сбор на содержание присутственных мест, на устройство водных сообщений, на земские нужды, на содержание дорог и т. д.).

В конце XVIII в. было закончено составление именных ведомостей и распределение сенных покосов, проводилось периодическое перераспределение покосов, находившихся в общинном землепользовании. В 1817 г. впервые стал употребляться термин «класс» для обозначения отдельных групп якутского населения в отношении податного обложения. С 1819 г. разбивка на «классы» стала проводиться не только в центральных скотоводческих, но и в северных промысловых районах. В различных районах якуты разбивались на 3, 4 и 5 «классов», отличавшихся друг от друга величиной налогов и земельного надела. При этом зависимость бедноты от тойонов усилилась.

Эксплуатация зажиточной верхушкой бедноты принимала различные формы. Наиболее типичным явлением была раздача скота на выпас, «в пользование». Тойоны обогащались на различного рода подрядах и ростовщических операциях. Ростовщическая форма эксплуатации принимала иногда столь жестокие формы, что должники закладывали своих детей.

Кроме того, источником обогащения якутской знати были торговые операции с инородцами. Якутские старшины и зажиточные якуты совершали систематические поездки в эвенкийские стойбища, выменивая и скупая за бесценок пушнину. Ученый-путешественник А. Ф. Миддеи-

дорф встретил в 1844 г. на северных склонах Станового хребта 25 якутских купцов с 80 приказчиками, которые доставляли товары на 700 оленях. Зажиточные якуты торговали также на северо-востоке с юкагирами, чукчами, эвенами и другими народами. Развитие товарно-денежных отношений усиливало зависимость бедных хозяйств от хозяйств якутской [illegible].

Во избежание недоимок якутские общества были связаны круговой порукой и для перехода из одного общества в другое нужно было получить разрешение от родоначальников. Эта мера укрепляла зависимость улусной массы от якутских тойонов.

Социальные противоречия в якутском улусе приобретали все более острую форму, но еще редко выливались в форму открытой классовой борьбы. Родовые пережитки, темнота, отсталость, полное бесправие и забитость тормозили и сдерживали протест народных масс. В связи с проведением Устава 1822 г. в Якутии был организован сбор материалов по обычному праву якутов. Сведения подавались тойонами. Они отразили картину повседневной классовой борьбы в якутском улусе, протекавшей в сфере быта и экономических отношений. Разделы VII и VIII материалов озаглавлены «Об ослушниках» и «Об якутах беспокойных и нетерпимых». В VII разделе имеются следующие статьи:

«1. Если якут по трем повесткам... родоначальников, имеющих над ним власть, не придет, без законных причин, из одного неповиновения и упрямства, то ...если не простой человек, наказывается почетным содержанием под караулом, с надетой на ноги колодой, а если простой — [illegible]

«2. Равномерному наказанию подвергаются те, кои не исполняют приказаний родоначальников по делам казенным и общественным тоже без законных причин».

Не менее выразителен и раздел VIII, где говорится: «Беспокойными и нетерпимыми в родах почитаются те из якутов... которые затейны, наглы, дерзки, не оказывают родоначальникам должного повиновения, входят в затейные и несправедливо „ябеднические жалобы...“».[172]

Протест трудящихся якутов против гнета тойонов зачастую выливался в бунтарские выступления, рассматривавшиеся тойонами и царской администрацией как «разбойные».

В тех же сведениях, поданных тойонами, горячо защищались формы эксплуатации, которые имели место в якутском улусе. В частности, «хасаас» преподносился в этих сведениях как «святая святых» якутской экономики, как необходимое условие существования якутского общества, как «„главнейшее“ общее и необходимое нужное как для богатых, так и для бедных».

Требуя обуздания «ослушников», «беспокойных» и «затейных, наглых и дерзких», не оказывающих «родоначальникам должного повиновения», якутские тойоны в то же время вновь выступили за расширение своих прав и привилегий. Они выдвинули требования о наименовании их князьями, а не князцами и об учреждении у них должности выборного областного головы. Эти пожелания, однако, не были удовлетворены. Впрочем, когда в 1827 г., согласно тому же Уставу 1822 г., у якутов была создана Степная дума, якутские тойоны использовали ее в своих классовых интересах.

Начало деятельности якутской Степной думы совпало с работой II ясачной Комиссии, увеличившей, несмотря на значительные недоимки, обложение в Якутии почти в три раза. Причина недоимок была ясна русской администрации. Неравномерное распределение земли приводило

[172] Д. Я. Самоквасов. Сборник обычного права..., стр. 207—209.

к обнищанию массы населения. Тяжелым бременем на плечах лежали и огромные внутренние сборы. Еще в 1824 г. иркутский губернатор потребовал сократить делопроизводство в наслегах, чтобы уменьшить внутренние расходы, запретить сборы на содержание родоначальников, упорядочить дела со сдачей сенокосов и сдавать свободные земли в аренду только с согласия всего общества, обращая полученные средства на его нужды.

В 1827 г. администрация Якутии потребовала от только что организованной Степной думы нового перераспределения земли с целью поднять платежеспособность основной массы якутов. Перераспределение земли осуществлялось теми же тойонами и было проведено так, что «первый класс и на этот раз ничем не поступился из своих земель и, в лучшем случае, отделался лишь небольшой прибавкой к своим платежам».[75]

Деятельность Степной думы имела откровенно выраженный классовый характер, ее представители безостановочно грабили и обманывали население, не гнушаясь и явно уголовными методами. Так, главный родоначальник думы был отрешен от должности за организацию незаконной продажи спирта охотским эвенкам. Руководители Степной думы устроили сбор средств по наслегам с целью посылки делегации в Петербург для подачи требований, которые были составлены в основном в интересах тойонской верхушки. Собранные деньги были растрачены. Следственная комиссия вынесла решение об отстранении от должности всех членов Степной думы.

Попытка тойоната укрепить и расширить свои юридические права через Степную думу не получила успеха. Докладные записки, составленные членами думы, в которых был выставлен ряд новых требований, в том числе требования признать Степную думу судебным органом вместо земского суда и утвердить «степные законы» в том виде, как они были выработаны якутскими тойонами, не получили одобрения. Сам орган якутской аристократии — Степная дума — был ликвидирован царским правительством в 1838 г.

Царизм, как и в XVIII в., не шел на удовлетворение политических требований якутских тойонов, заветной мечтой которых было уравнение в правах с русским дворянством. Зато экономические права и привилегии якутских тойонов укреплялись.

Яркие картины жизни якутского улуса запечатлел иркутский чиновник Н. Шухин в книге «Поездка в Якутск», изданной в 1833 г. «Плутни старшин, — писал он, — довели якутов до крайности. Бедных содержат в совершенном рабстве, не дают им возможности уходить в город на заработки и таким путем делают их вечными своими работниками. Беднота обслуживает тойонский скот: ...а как для прокормления телят зимою нужно много корму, то бедные за бездельную плату все лето занимаются приготовлением сена».[76] То же вынужден был отметить в 1835 г. и генерал-губернатор Восточной Сибири, указав якутским властям на неудовлетворительное распределение земельных угодий в Якутской области и подчеркнув, что только богатые владеют землею «под предлогом взноса ими ясака и повинностей за бедных, отчего сии последние остаются вечными рабами богатых и никак выйти из сего состояния не могут».[77]

По уровню социально-экономического развития в конце XVIII—первой половине XIX в. северные тунгусы не были однородны. Наиболее значительным в этническом плане оставалось влияние на них русских, бурят и якутов. В Приангарье, в верховьях Амура и на Охотском побережье особенно интенсивно шли процессы сближения с русскими различных групп

[75] Д. М. Павлинов, Н. А. Витошинский, А. Г. Леонтьев. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1928, стр. VI.
[76] Н. С. Шухин. Поездка в Якутск. Изд. 2-е. СПб., 1844, стр. 302.
[77] История Якутской АССР, т. II. М., 1957, стр. 189.

эвенков. Местами они переходили к скотоводству и земледелию, сохраняя в качестве подсобных промысловых занятий.

В Забайкалье и в центральной части Якутии эвенки продолжали заниматься разведением рогатого скота и коневодством. Здесь они подвергались сильному бурятскому или якутскому влиянию. Степные тунгусы «во

Тунгусский шаман. Рисунок и гравюра худ. Е. М. Корнеева.

всем своем хозяйстве, и житии, также в юртах и прочем, уподобляются бурятам». Стада рогатого скота и табуны лошадей у эвенков были меньше, нежели у бурят. «Однако они не столько заводны, как буряты. Между тунгусами не легко сыскать такого человека, который бы имел тысячу лошадей, пять сот рогатого скота, до двух тысяч овец, около ста коз и до пятидесяти верблюдов: между бурятами... был бы такой человек не в диковинку».[176]

---

[176] И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1776, стр. 42.

На Таймыре эвенки также испытывали якутское влияние и даже становились тюркоязычными, но при этом сохраняли свои оленеводческие занятия. Эти эвенки складывались в особую этническую группу долган.[177]

Продолжалось формирование крупной этнической группы эвенов, вступавших в тесные этнические контакты с народами северо-восточной Сибири. В 40-х годах XIX в. часть эвенов распространилась и на север Камчатки, установив здесь тесные связи с коряками и ительменами.

У эвенков и эвенов в начале XIX в. все резче выявлялась имущественная дифференциация. Наряду с малооленными и даже безоленными были владельцы крупных стад оленей. Представители зажиточной верхушки выступали в качестве торговцев. Зажиточные эвены, например, занимались грузоперевозками по Якутско-Аянскому тракту. У «конных» эвенков Забайкалья была такая же картина. «Скот и лошади разводятся у зажиточных людей табунами, а у бедных по одиночке». У большинства было по 1—3 лошади, в наряду с ними были [illegible] десятков и сотен голов скота. Были и «совершенно неимущие».[178] Неимущая беднота работала пастухами, косцами; появляются эвенки и на золотых приисках.

Богатые кредитовали бедноту скотом, хлебом, различными товарами, деньгами под пушнину, под отработки или проценты. Многие неимущие эвенки часто были не в состоянии платить ясак. «Оскудевший степной или конный тунгус служит своей братии или российским мужикам из-за хлеба и платежа за него полученного вкладу».[179] Часто за таких неимущих платили ясак и «по общественной раскладке».

Эвенкийские и эвенские роды состояли из отдельных групп, сохранявших [illegible] на [illegible] достаточно самостоятельными во всех областях жизни. Так, на Охотском побережье было 10 уяганских и 7 долганских родов. Раздробление рода на отдельные группы и семьи, передвижка этих групп и семей приводили к смешению родов, к образованию территориальных (соседских) общин, состоявших из представителей различных родов. Часто возникали и производственные объединения из представителей разных родов во время совместной охоты, рыбной ловли, пастьбы оленей. Такие производственные объединения охотников, рыболовов и оленевод в были, однако, непрочны и легко распадались. В то же время у эвенков все еще сохранялись и значительные элементы родовых связей и отношений — разделение на роды, родовая собственность на угодья (пастбища, покосы, промысловые угодья и т. д.), большое значение имели [illegible] взаимопомощи.

По Уставу 1822 г. эвенки и эвены в различных районах были отнесены к «бродячим» и «кочевым». Во главе родовых управлений были поставлены [illegible] и [illegible], у конных эвенков — [illegible] и [illegible]. Обычно их выбирали из имущей верхушки. Главными функциями родовых управлений стали сбор и доставка ясака, суд, проводившийся согласно нормам обычного права («по естественной справедливости»).

Ясак эвенки и эвены платили главным образом деньгами. Кроме ясака, в конце XVIII—начале XIX в. они платили еще ряд податей (подушный сбор, сбор на содержание дорог, «земельную повинность»). Общая сумма сборов превышала сумму ясака в 4—5 и более раз. Тяжестью обложения объясняется в это время массовый переход эвенков и эвенов в христианство: «новокрещены» на 3 года освобождались от уплаты ясака и податей. Для уплаты ясака и податей эвенки и эвены часто входили в долги (заимствуют от коммерческих людей») к зажиточным русским, якутам, бу-

---

[177] Б. О. Долгих. Происхождение долган. Сибирский этнографический сборник, т. V, М., 1963.

[178] История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, стр. 216.

[179] И. Георги. Описание всех обитающих..., ч. III, стр. 41.

ратам, которые кабалили их и присваивали пушнину своих должников. По Уставу 1822 г. ясачки и эвены стали платить ясак, значительно увеличенный.

На северо-востоке Сибири в конце XVIII—первой половине XIX в. отмечается более сильное влияние на аборигенов русской культуры. В это время шло дальнейшее продвижение якутов в сторону Чукотки и чукчей с Чукотки на запад и на юг. Чукотское продвижение, начавшееся раньше, было вызвано увеличением оленных стад у чукчей и необходимостью для их пастьбы более обширных территорий. Чукчи активно смешивались с местным юкагирским и, позже, эвенским населением.

В свою очередь юкагиры, испытывавшие сильное влияние со стороны соседей, оказали определенное воздействие на часть эвенов, осевших по соседству с ними на Колыме. В целом для этого периода характерно дальнейшее еще более значительное сокращение территории, занимаемой юкагирами. Главным же становится русское влияние.

Как отмечал Ф. П. Врангель, «от беспрерывных сношений с русскими» юкагиры «переняли у них образ жизни, одежды, устройства хижин». Он же писал: «Дома здешних юкагиров (на Колыме, — *Авт.*) построены довольно прочно, из бревен, и состоят по большей части из одной просторной комнаты... Одежда юкагиров совершенно сходна с одеждой живущих здесь русских... Господствующий язык у них ныне русский».

Численность юкагиров сократилась также и в связи с многочисленными эпидемиями (оспа, корь и др.). «Ныне омок (юкагирская группа, — *Авт.*) и почти все юкагиры совсем истребились, не столько от оружия русских их пало, сколько от болезней и поветрия».[180]

Основой хозяйства юкагиров являлись в это время рыболовство и охота. Оленеводство сохранилось только у части юкагиров (чуванцы и др.). Большое значение в экономике юкагиров сохранила охота на дикого оленя. По словам Ф. П. Врангеля, «время переправы оленей через Анюй составляет здесь важнейшую эпоху в году, и юкагиры с таким же болезненным нетерпением ожидают появления сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы или собирания винограда». Однако диких оленей в этих местах становилось все меньше. И тогда жестокий голод настигал юкагиров. «Трудно себе представить, до какой степени достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая. Часто с половины лета люди питаются уже древесной корой и шкурами, до того служившими им постелями и одеждой».[181] В 1838 г. голод разразился на Колыме: «... инородцы пришли до совершенной крайности... теперь не имеют решительно ни одного куска к спасению своей жизни», — доносили старшины Нижне-Колымска. Юкагиры вынуждены были покинуть родные места и переселиться в русские села, где и жили только благодаря «человеколюбию здешних жителей».[182]

Социальные отношения юкагиров в первой половине XIX в. существенно не изменились по сравнению с XVIII в. Господствовали патриархально-родовые отношения при наличии значительных пережитков материнского рода. Общий низкий уровень жизни юкагиров приводил к тому, что имущественная дифференциация не была резко выражена.

В Российском своде законов чукчи были отнесены к народам «не вполне покоренным». Ст. 1254 декларировала: «Они управляются и судятся по собственным законам и обычаям и русскому закону подлежат только при убийстве или грабеже, совершенных на русской территории». Ст. 1256 гла-

---

[180] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в. М., 1948, стр. 218, 219, 395.
[181] Там же, стр. 220, 227.
[182] История Якутской АССР, т. II, стр. 218.

силах: «Чукчи платят ясак, количеством и качеством, какой сами пожелают».[183]

Исходя из этих статей, местная администрация оформляла взаимоотношения с чукчами особыми договорами. Так, в 1837 г. между русскими властями и чукотским тойоном был заключен договор, согласно которому «русские не должны в нашей земле строить никаких крепостей и вообще поселений, какого бы они рода ни были». Кроме того, «вера, обычаи, нравы и одежда наши да останутся неприкосновенными».[184] С целью укрепления связи с чукчами правительство ассигновало на подарки чукчам определенные суммы, которые должны были поощрить их к взносу ясака. Однако и подарки и ясак поступали нерегулярно. Так, например, в 1835 г. было всего 27 плательщиков ясака, в 1837 г. — 20, в 1838 г. — 8.

Большое значение имели экономические связи, установившиеся между чукчами и русскими. Систематически торговля происходила на ярмарках, среди которых важнейшее значение сохраняла Анюйская. В 20-х годах XIX в. оборот Анюйской ярмарки достигал 200 тыс. руб. в год, она стала центром торговли для многих народов северо-востока.

К концу XVIII в. на Чукотке углубляется разделение труда. Хотя и раньше существовали «оленные» и «сидячие» (охотники на морского зверя) чукчи, но только к концу XVIII в. окончательно складываются оленеводческое и морское зверобойное типы хозяйства. Между ними развивается регулярный обмен продуктами морского промысла и оленеводства. Это приводило к накоплению излишков продуктов, что способствовало развитию частной собственности на оленьи стада и на орудия морского промысла.

Новый этап в истории чукчей связан с установлением мирных отношений с русским народом, прекращением чукотско-корякских и других военных столкновений. Следствием этого явилось исчезновение военной организации. В остальном же социальная организация у чукчей по сравнению с XVIII в. не претерпевает каких-либо существенных изменений.

Хозяйственной единицей у оленных чукчей оставалось стойбище. Большинство членов стойбища было связано родственными отношениями. Численность стойбища достигала 100 и более человек. Социальной единицей являлась семейная группа, состоявшая из кровных родственников, причисленных к ней и связанных между собой взаимопомощью, обычаем кровной мести, единством культовых обрядов. У приморских чукчей стойбищу «оленных» соответствовала поселка.

Эскимосы в конце XVIII—первой половине XIX в. в основном были известны под названием «сидячих» или «пеших» чукчей. Основной формой производственного объединения у эскимосов была байдарная артель, включавшая в свой состав несколько родственных семейств. Распределение коллективной добычи производилось между участниками промысла на равных началах. Характерными являлись коллективные зимние жилища.

Сибирские эскимосы вели регулярный обмен с эскимосами Америки. Ф. П. Врангель сообщал, что обмен проходил на островах Гвоздева (современные — Ратманова и Крузенштерна).[185] Летом сюда приплывали на байдарах, зимою приезжали по льду. Тесные обменные связи сохранялись также с чукчами. Установились и регулярные торговые связи между русскими и эскимосами. Посредниками в них были чукотские торговцы — «поворотчика». Эскимосы не платили ясак.

---

[183] Свод законов Российской империи, IX, ст. 1254, 1256.

[184] С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. А. 1935, стр. 114, 115.

[185] Ф. П. Врангель. О торговых сношениях народов северо-западной Америки между собою и с чукчами. Телескоп, ч. 26, 1835, стр. 608, 609.

На благосостоянии и самой численности коряков и ительменов тяжело отразились эпидемии оспы и других болезней, свирепствовавших на Камчатке. В 1792 г. администрация Акланского острога сообщала, что от «свирепствующего оспенного поветрия... целые селения вымерли, а в других хотя и остались, но в весьма малом количестве и из тех большею частью от того поветрия сделались увечными».[185] От эпидемий вымирали целые группы. Из 65 «родов» ительменов Нижнекамчатского округа (по данным 1761 г.) осталось к 1792 г. только 47.

Часть ительменов ассимилировалась русскими. Уже в конце XVIII в. и в особенности в XIX в. здесь довольно быстро росла этническая группа камчадалов, образовавшаяся в результате смешанных браков ительменов с русскими и славянами их хозяйственных укладов.

Несмотря на уменьшение численности аборигенного населения, налоги и повинности не были уменьшены. К 1792 г. недоимки на население Охотской области (куда входила и Камчатка) составляли 33 600 руб. при сумме годового налога в 8131 руб. Тяжелое материальное положение ительменов хорошо показал капитан В. М. Головнин, живший на Камчатке в 1809—1810 гг. По его словам, они «всякий год терпят по нескольку месяцев голод..., в которое время питаются они березовою толченою корою, примешивая к оной небольшое количество сушеной и толченой в порошок рыбы, заготовленной для собак».

Тяжелое положение населения усугублялось ростовщической кабалой, в особенности после образования Российско-Американской компании (1799 г.). Тот же Головнин писал, что «всякий камчадал имеет между купцами своего кредитора, у которого по всякое время берет он в долг разные безделицы, не спрашивая о цене их, почему купец записывает в свою книгу за всякую вещь десятеричную цену, так что иной камчадал по книгам купцов должен ему рублей тысячу и более, в самом же деле и на сто не будет».[187]

Хищническая деятельность Российско-Американской компании особенно тяжело отразилась на положении алеутов. Начав с освоения Алеутских островов, компания в 1825—1826 гг. заселила алеутами Командорские острова (Беринга и Медный) и в дальнейшем пополняла их население новыми партиями переселенцев, в том числе эскимосами, русскими и т. д. Все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет должны были работать на компанию; на вспомогательных работах широко использовался труд женщин, стариков и подростков.

Главным занятием алеутов теперь стал пушной промысел (бобры, хотики, песцы); остальные виды традиционного промысла — охота на птиц, морского зверя, рыболовство и собирательство — носили вспомогательный характер. На острова завозились лошади, крупный рогатый скот, свиньи, ковы и домашняя птица. По примеру русских алеуты стали также заниматься огородничеством.

Положительное влияние русской культуры сказалось в распространении новых орудий труда, огнестрельного оружия, срубных домов и т. д. Вместе с тем сохранялись традиционное жилище, знаменитая кожаная лодка (каяк), промысловая одежда. Родовая организация у переселившихся групп не сохранилась. Отношения между рабочими и компанией носили принудительно-предпринимательский характер.

В расселении и образе жизни народов южной части Дальнего Востока до середины XIX в. не происходило больших изменений.[188]

---

[186] С. Б. Окунь. Очерки по истории колониальной политики..., стр. 103.

[187] Материалы для истории русских поселений по берегам Восточного океана, вып. II. СПб., 1861, стр. 22, 207.

[188] Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Тр. Инст. этнографии, нов. сер., т. 55, М., 1960, стр. 597—602, 609, 610. Первое

Наиболее значительным в данном регионе было дальнейшее расселение тунгусоязычных групп. Примерно от Хабаровска[185] вниз по Амуру и его притокам жили нанайцы и ульчи, в Приморье — орочи и удэгейцы, на Сахалине — ороки, которые здесь появились на рубеже XVII—XVIII вв., и эвенки, перекочевавшие на остров в начале XIX в. В низовьях Амура и на северном Сахалине обитали нивхи; на южном Сахалине — айны.[186]

В хозяйстве дальневосточных народов преобладали в различном сочетании охота и рыболовство, у прибрежных групп — морской зверобойный промысел. Оленеводством занимались только ороки и эвенки, причем орокам это не мешало вести полуоседлый образ жизни. Земледелием занимались лишь немногие группы, известные под названием тазов. До начала русских в середине XIX в. эти народы не знали огнестрельного оружия.

Подобно другим сибирским народам, обитавшим в относительно изолированных районах, здесь сильнее сказывались черты первобытнообщинных отношений, хотя и на стадии разложения, перехода от родовых связей к территориальным, развития имущественного и социального неравенства. Даже у нивхов, в большей мере сохранявших патриархально-родовую организацию с пережитками материнского рода, существовало патриархальное рабство, а в поселениях сочетались и родовой, и территориальный принципы.

* * *

В конце XVIII—первой половине XIX в. все основные этнические и социально-экономические изменения у народов Сибири, отмеченные ранее, получили свое дальнейшее развитие.

Наиболее значительным оставалось повсеместно растущее русское влияние, распространившееся на наиболее отдаленные районы Сибири. Продолжались и стали более интенсивными процессы ассимиляции русскими большинства сибирских народов или их этнических групп. Продолжали складываться и этнические группы русского народа (например, камчадалы, русско-устьинцы, колымчане в низовьях рек Якутии и т. д.). Отношения трудовых масс русского и коренных народов продолжали оставаться дружественными.

Значительно усилились процессы ассимиляции и консолидации и в среде самих сибирских народов. Наиболее сильной ассимиляции со стороны бурят и якутов продолжали подвергаться различные группы эвенков. На северо-западе, помимо растущего русского влияния, усиливалось сближение ненцев с ассимилированными ими группами хантов и энцев; будущие хакасы и алтайцы, ставшие на путь формирования народностей, завершили тюркизацию северных аборигенов Алтае-Саянского нагорья.

Под влиянием русских значительно сблизился стал хозяйственный комплекс народов Сибири. По всей южной зоне (степной и таежной) распространилось земледелие, продолжало развиваться скотоводство — главная отрасль в хозяйстве большинства народов Сибири. Более совершенными под влиянием русской техники становились и традиционные способы охотничьего и рыболовного промыслов. У большинства народов Сибири к середине XIX в. распространилось, например, русское огнестрельное оружие.

---

[185] Более полное этнографическое описание предпринято Л. Шренком (см.: Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 1. СПб., 1883; т. 2. СПб., 1899; т. 3. СПб., 1903).

[186] Пост Хабаровск был основан в 1858 г. в центре нанайских поселений. [illegible] литературе. См. напр.: А. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сб. МАЭ. Л., 1929, т. 1, с. 1—[illegible]; его же. Относительно [illegible] этногенеза народов Дальнего Востока. Тр. Ин-та этнографии, нов. сер., т. 36, М., 1958.

Определенный сдвиг наметился и в специализации хозяйства. У ряда народов (буряты, якуты и т. д.) самостоятельной отраслью становилось ремесло. Значительно усилилась роль товарно-денежных отношений, чему способствовала дальнейший рост городов, а также открытие ярмарок в наиболее отдаленных районах.

Социальные отношения у народов Сибири не были одинаковыми даже в одной этнической среде. Они повсюду отражали растущее имущественное неравенство. От бывшего экономического и социального равенства периода, предшествующего русской колонизации, у большинства народов оставались лишь слабые пережитки.

Земля была объявлена собственностью Русского государства и передавалась нерусскому населению, так называемым «инородцам», только «во владение» (Устав 1822 г.). Часть земель Южной Сибири находилась на особом положении в связи с передачей Колывано-Воскресенских заводов в собственность императорского Кабинета.

Формы пользования земельными угодьями не регламентировались царским правительством. Они могли определяться местными обычаями, сложившимися в процессе исторического развития. Объявление верховным собственником земли Русского государства означало, что коренные народы должны были платить верховному собственнику земельную ренту, которая в этих условиях совпадала с налогом (ясак был натуральной формой налога). В остальном же провозглашение Русского государства собственником земель фактически не внесло существенных изменений в сложившиеся исторически формы земельных отношений.

Своеобразие земельной собственности у скотоводческих народов, достигших феодальной ступени развития, заключалось в том, что пастбища и другие земельные угодья не отчуждались путем купли и продажи. Земельная собственность проявлялась в полном распоряжении местной знати кочевьями. Своеобразной формой феодальной эксплуатации у этой группы народов являлась отдача скота на выпас бедноте. Зажиточные скотоводы были не в состоянии своими силами обеспечить выпас больших стад, а чисто наемный труд распространялся еще очень слабо.

Хотя в хозяйстве ряда народов Сибири в первой половине XIX в. и началось применение наемного труда, а также повсеместно возникала торгово-ростовщическая верхушка, элементы нарождающихся капиталистических отношений, как и пережитки первобытнообщинных отношений, не были главным фактором, определяющим социальные отношения.

Для многих народов Сибири в первой половине XIX в. было характерно становление феодальных отношений. Даже у тех народов, которые в большей мере сохранили черты традиционной первобытнообщинной организации, формировалась зажиточная верхушка, вступавшая в тесный контакт с русской администрацией и знатью. Укрепление господства местной феодальной знати соответствовало политике царизма по отношению к народам Сибири. Общность интересов местной феодальной знати и царизма в борьбе с трудящимися массами и наличие сложившегося политического союза между ними особенно ярко выявляли крупные социальные движения начала XIX в., в которых видное место заняли и народы Сибири.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Классовая борьба

В период разложения феодально-крепостнического строя в России в конце XVIII и первой половине XIX в. в Сибири протест против социального гнета выражался в выступлениях государственных и приписных крестьян, мастеровых на казенных и кабинетских заводах и рудниках против эксплуатации, произвола и насилий со стороны чиновников, горнозаводских управителей, купечества. На золотых приисках Сибири начинались первые волнения наемных рабочих. Значительное место в социальных движениях занимали выступления коренных народов Сибири.

Особенно острое недовольство проявлялось среди мастеровых и крестьян, приписанных к заводам и рудникам. Тяжелое материальное и социально-правовое положение зависимых категорий горнозаводского населения обостряло классовые противоречия. Их стихийная борьба была многообразной по форме. В ней участвовали горнорабочие, младшие горные служители и приписные крестьяне. Однако каждая из этих групп жила своей, обособленной жизнью. Поэтому выступление одной из них не всегда поддерживалось другой. Сплочению эксплуатируемых препятствовало военно-казарменное положение рабочих сибирских горных предприятий. Неусыпное наблюдение за их работой и жизнью не только заводских чиновников, но и военной команды затрудняло открытые выступления.

В 1789 г. приписанные к Нерчинским сереброплавильным заводам крестьяне подали жалобу иркутскому и колыванскому генерал-губернатору Пилю на притеснения их заводским начальством и отягощение разнообразными повинностями, «от коих пришли в крайнюю бедность и разорение».[1] Крестьяне жаловались на то, что их принуждают возить «сверх законного положения» в гористых и неудобных для езды местах руду и уголь, из-за чего они терпели «крайний убыток и лишались немалого числа лошадей». Крайне обременительным и «совершенно разорительным» крестьяне считали заводское хлебопашество, которое отрывало их от собственных земледельческих занятий. Кроме того, им приходилось выполнять заводские работы за малолетних, престарелых, увечных, отданных в рекруты и даже умерших, которые до новой ревизии числились в составе ревизских душ. В результате работы, числившиеся за 12 241 человеком, были переложены на 5032 человека.[2] Крестьяне протестовали против вотчинничества, поборов, притеснений со стороны земской полиции и заводских управителей. Они добивались отмены казенной пашни, уменьшения и равномерного распределения других повинностей, устранения административно-полицейского произвола со стороны чиновников.

---

[1] ЦГИА СССР, ф. Сената, Первый департамент, оп. 1, д. 314, л. 4.
[2] Там же, л. 6.

В 1790 г. было назначено следствие, подтвердившее правильность жалоб приписных крестьян Нерчинских сереброплавильных заводов. Генерал-губернатор доносил Сенату, что «изнурение сил крестьян приходит до совершенной крайности, которая порождает опасность, дабы при нестерпимости они, обремененные крестьяне, не покусились на какое-либо отчаянное предприятие».[3]

В июне 1792 г. Сенат предложил генерал-губернатору не оставить без «удовлетворения обиженных крестьян, а с виновными поступить по законам».[4] Решение вопроса о том, «каким образом содержать крестьян без отягощения в работах и иметь в должном порядке», было представлено на усмотрение сибирского генерал-губернатора, но какие он принял к тому меры, осталось неизвестно. Чиновники, обвиняемые в том, что они «нерчинские заводских крестьян довели до крайнего разорения и оказались в злоупотреблениях», были отстранены от должностей, преданы суду, но не понесли «наказания».[5]

В конце 80—начале 90-х годов XVIII в. работные люди и «нижние служащие» Нерчинских заводов и рудников жаловались на недостаток выдаваемых им продуктов питания. Рабочие заявляли, что они «терпят крайний недостаток и просят, чтоб им на детей провианта из казны в выдачу по пристойной пропорции прибавить». Заводская администрация была вынуждена пойти на некоторые уступки, так как опасалась, что «бедность и недостаточество, в паче голод» вынудят отчаявшихся людей «на все худые деяния».[6] Нередко ненависть рабочих выливалась в расправы с наиболее ненавистными лицами из заводской администрации. Имеется сообщение о том, что в 1828 г. произошло выступление рабочих Петровского железоделательного завода.[7]

В 30-х годах XIX в. среди крестьян, приписанных к сибирским заводам, стали распространяться слухи о переводе их в разряд государственных с освобождением от заводских повинностей. Поводом к этому послужила передача в 1830 г. управления Колывано-Воскресенскими (Алтайскими) заводами из императорского Кабинета в ведомство Министерства финансов, но с оставлением крестьян в личной собственности императора. Центром волнения стала деревня Варюхина Ояшинской волости, приписанная к Колывано-Воскресенским заводам, крестьяне которой отказывались выполнять заводские работы. Их поддержали крестьяне других деревень Ояшинской и даже соседних волостей. Воинской команде понадобилось несколько дней, чтобы сломить сопротивление крестьян.[8]

В 20-х годах XIX в. происходили волнения среди государственных крестьян Западной Сибири. Они были вызваны резким увеличением денежных сборов на земские повинности, увеличением натуральных повинностей, усилившимся произволом чиновников. Все это привело к падению платежеспособности сибирской деревни и росту недоимок.

Волнения приняли наиболее острые формы в 1825—1826 гг., когда в них, по приблизительным подсчетам, принимало участие около 11 тыс. крестьян в 13 волостях. Волнения прошли широкой полосой почти по всей Тобольской губернии; в Томской губернии имели место четыре случая крестьянских волнений, в Омской области — один случай. В [illegible] приняли участие все категории крестьянства — от его беднейшей части

---

[3] Там же, л. [illegible]

[4] Там же, лл. 132, 133.

[5] Там же, л. 147.

[6] ГАЧО, ф. Нерчинского горного управления, д. 1684, лл. 18, 152.

[7] С. Максимов. Сибирь и каторга, ч. III. СПб., 1871, стр. 363.

[8] Т. И. Агапова. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII—60-е годы XIX в.). Уч. зап. Кабарди [illegible] инст., вып. VII, Нальчик, 1955, стр. 89—106.

до зажиточной верхушки, так как феодальный гнет, хотя и не в одинаковой степени, давил на все крестьянство.

Одной из распространенных форм протеста сибирского крестьянства против феодальной эксплуатации и произвола администрации была массовая подача жалоб-протестов, в которых проявлялась вера крестьянства в «справедливость» высшей администрации и царя.

Недовольство крестьян находило выражение также в самовольных переселениях. Генерал-губернатор Западной Сибири в отчете за 1823 г. сообщал о них, как об обычных явлениях. Например, на берега богатых рыбой Чановских озер самовольно переселилось из разных округов Западной Сибири около трех тысяч ревизских душ.[8]

Сибирское крестьянство прибегало и к отказам от выполнения того или иного распоряжения. Характерны события, происшедшие в Каинском округе Томской губернии. В 1824 г. Чановские озера были объявлены казенными оброчными статьями. Свободный лов рыбы там запрещался. Между тем рыболовство было серьезным подспорьем для крестьянского хозяйства. Крестьяне близлежащих к озерам деревень категорически отказались взять озера в оброчное содержание. Их упорное сопротивление заставило правительство в апреле 1826 г. вновь объявить озера свободными для общего пользования.

Массовое волнение крестьян в 1825—1826 гг. правительству пришлось подавлять военной силой.

Наиболее крупные выступления начались в Туринском и Тюменском округах. Недороды и сильный падеж скота поставили крестьян Туринского округа в тяжелое положение. В этих условиях им были предъявлены требования об уплате на земские повинности сверх сметы по 7 руб. 26 коп. с ревизской души. Крестьяне Туринской волости объявили новые сборы незаконными и в августе 1825 г. составили общественный приговор, согласно которому они отказывались от уплаты повышенных земских повинностей. Не доверяя своему писарю, крестьяне пригласили из соседней Куминовской волости грамотного крестьянина Ф. Я. Асанова, который при большом стечении народа прочел указ о повинностях и растолковал его по-своему. Он объяснил, что никаких повинностей, кроме ранее существовавших, указом выполнять не разрешено.

Попытки чиновников земской полиции принудить крестьян к уплате новых сборов потерпели неудачу. Как доносил туринский земский исправник, 8 августа 1825 г. крестьяне Туринской волости «оказали совершенное неповиновение земскому начальству в платеже денег» и «сверх прочих поступков произвели буйство против земского исправника и окружного стряпчего».[10]

По распоряжению тобольского губернатора в Туринскую и Куминскую волости были отправлены земский исправник с чиновниками и воинской командой в 50 человек. Им было приказано схватить главных «зачинщиков», «водворить спокойствие» и взыскать с крестьян деньги на земские повинности. Когда до крестьян этих волостей дошли слухи о приближении военной команды, они стали собираться из всех деревень в селах Туринском и Куминовском и решили отстаивать свои требования. Военная команда с оружием в руках разогнала толпы крестьян. В селе Куминском 14 задержанных крестьян были отправлены в тюремный замок. В селе Туринском военной команде удалось захватить главных «бунтовщиков» — волостного голову Кайгородова, старосту Абросова и около 50 крестьян.[11]

Волнением были охвачены также крестьяне Кошутской волости Туринского округа, причем не только русское, но и нерусское население.

[8] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 228, л. 10.
[9] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, д. 398, л. 13.
[10] Там же, оп. 1, д. 527, лл. 32, 33.

В июле—августе 1825 г. крупные волнения произошли в Тавдинской волости Тюменского округа. Крестьяне здесь также отказывались платить сборы «за земские повинности», не подчинялись волостному голове и писарю. Волнение крестьян Тавдинской волости было подавлено лишь в результате применения вооруженной силы.[12]

Волнения государственных крестьян, развернувшиеся в Туринском и Тюменском округах в 1825 г., отличались массовостью, сплоченностью крестьян, единством выдвигаемых требований. В волнениях приняло участие все слои крестьянства, в том числе и нерусского населения Туринского округа,—от бедноты до зажиточной верхушки.

В Тобольском округе в 1825 г. [illegible] в деревнях, населенных татарами. Крестьяне Алимер Кельметов и Абдыбак Уразметов агитировали татар Тобольского округа отказаться от платежа податей.[13]

Тобольский и томский губернаторы в отчетах сообщал... что накопившееся недоимок накопившихся с 1824 г., привело в 1826 г. к неповиновению крестьян и даже убийствам.

Крестьяне деревни Мироновой Черемшанской волости Ишимского округа «проявили буйство против волостного [illegible] и полицейского служителя» от уплаты [illegible] их сборов. В Ишимский округ было отправлено 100 человек военной команды, которая подавила волнение крестьян.[14]

В [illegible] 1826 г. при взыскании недоимок в деревнях Заводоуковской и Суерской Ялуторовского округа «возникли споры и ропот, потом неповиновение, наконец, и самое буйство». В Суерской волости крестьяне Медведев и Пьянков «уговаривали товарищей не платить одну сотую подать», не уплачивать недоимки и сборы по земским [illegible] нностям. Даже прибывший к крестьянам губернатор Н. Н. Бантыш-Каменский лишь «с большим трудом» [illegible] крестьян повиноваться начальству. Руководители крестьян Артемий Медведев и Семен Пьянков были наказаны плетьми и сосланы на поселение в другую губернию. Шестерых участников, обвиняемых в «неповиновении и буйстве», также подвергли телесному наказанию. Суд намеревался взыскать с крестьян 925 руб. «на продовольствие и прогоны» чиновникам и войсковой команде.

Массовое движение крестьян заставило правительство действовать не только силой оружия, но и пойти на некоторые уступки. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири денежные сборы с крестьян были уменьшены за счет перевода их в натуральную. В объяснении генерал-губернатора говорилось также, что крестьяне будут ограждены «от неправедливостей местных и волостных начальств».[15] Меры, предпринятые сибирской администрацией и продиктованные страхом перед революционными крестьянскими волнениями, не привели к существенному облегчению положения крестьян.

Некоторый спад массового движения сибирских крестьян в 30-х годах XIX в. был временным. Рост денежных сборов на земские (уездные) и волостные повинности, увеличение натуральных повинностей, произвол чиновничества создали предпосылки для подъема движения сибирских крестьян. В начале 40-х годов усилились протесты крестьян-старожилов в связи с отмежеванием земель для переселенцев из центральных районов России.

[illegible] 1825, [illegible] 1.

[13] Там же, д. 842, л. 169.

[14] ЦГИА СССР, ф. Ревизии сенаторов В. К. Безродного и Б. А. Куракина Западной Сибири, оп. 1, д. 79, л. 17.

[15] Там же, ф. Совета министра внутренних дел, д. 151, оп. 11, лл. 275, 276.

[16] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, д. 292, лл. 390, 394.

Деятельность нового Министерства государственных имуществ, направленная на увеличение опеки над государственными крестьянами, увеличивала напряженность положения в сибирской деревне, так как его мероприятия ограничивали свободу крестьянства в землепользовании, нарушали свободу его хозяйственной деятельности. Вызывали тревогу среди крестьян слухи о том, что их хотят сделать удельными и помещичьими. Сказывалось также влияние крестьянских волнений, происходивших в соседних с Сибирью Пермской и Оренбургской губерниях.

Волнения государственных крестьян в начале 40-х годов захватили наиболее населенную часть Сибири — Тобольскую губернию. В августе 1842 г. в Саламаиовской волости Ялуторовского округа крестьяне избили и изгнали чертежника и рабочих, производивших межевание, чтобы они «не смели впредь ходить и межевать эти земли». Протесты крестьян против действий землемеров имели место также в Тарском, Тюменском, Ишимском и Тобольском округах.

Наиболее значительным было движение государственных крестьян в 1843 г. Среди крестьян Курганского округа распространились слухи о том, что где-то имеется указ, отпечатанный золотыми буквами, о передаче государственных крестьян в крепостное владение и что сельское начальство скрывает его, желая угодить помещику.[17] Этот слух послужил толчком к началу массовых волнений. Наиболее ранние выступления начались в Утятской волости Курганского округа. Собравшись толпой, крестьяне решили разыскать указ и стали его требовать от волостных властей. Крестьяне верили, что уничтожение указа может предотвратить опасность.

Крестьяне Утятской волости общались с крестьянами Челябинского округа, посылали туда своих доверенных, которые привезли с собой «возмутительные бумаги» — листовки. В одной из листовок описывалось, какая тяжкая участь ожидает государственных крестьян, если они попадут во владение помещикам. Вслед за Утятской волнения распространились на 12 волостей Курганского округа.

Везде борьба протекала в одних и тех же формах: крестьяне, добиваясь указа, расправлялись с волостным начальством, а в некоторых волостях и с духовенством, собирали сходы для согласования действий, связывались с волновавшимися в соседних волостях крестьянами. Мерой, которая могла, по мнению крестьян, предотвратить передачу их в крепостное состояние, был категорический отказ от подписи любых документов, предлагаемых волостным начальством или чиновниками. С этой целью крестьяне на мирских съездах составляли общественные приговоры об отказе давать какие-либо подписи. Это была своеобразная круговая порука, при которой каждому крестьянину вменялось следить за выполнением решений схода.

Все усилия чиновничества и духовенства достигнуть успокоения путем внушения и разъяснения терпели крах. На место крестьянских волнении выезжал генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков, который, обращаясь к крестьянам, пытался успокоить их и обещал «не преследовать за бывшие между ними недоразумения». Одновременно он принимал меры к увеличению военных сил для подавления движения: в различных округах Тобольской губернии было собрано около семи сотен казаков с орудиями. Однако волнении продолжались. Среди курганских крестьян ходили слухи, что если они и остаются свободными от помещиков, то только потому, что «бунтуют». Волнения имели место в Ишимском и Тобольском округах, усилились они и в Ялуторовском округе. Лишь в результате ввода воинских команд в места крестьянских волнений они были подав-

[17] Там же, оп. 13, д. 2а, лл. 43—47.

лены. Только по одному Курганскому округу были привлечены к следствию и наказанию как зачинщики и активные участники волнений 90 крестьян, в основном бедняки и середняки. Из участников волнений особенно выделялись своей энергией и стойкостью крестьянин-бедняк Иван Асимолов и отставной казак Гавриил Новокрещенов. Оба они были грамотными и пользовались влиянием среди крестьян.

Массовые волнения государственных крестьян Западной Сибири имели явно выраженный антикрепостнический характер. Указ о передаче крестьян под власть помещиков не существовал, но проекты насаждения помещичьего землевладения в сибирских землях не раз выдвигались крепостниками. Поэтому выступления крестьян способствовали предотвращению попыток их закрепощения. Правительственные ревизоры указывали на опасность повторения в Сибири выступлений, подобных восстанию под предводительством Степана Разина, причем разъясняли, что под этим они имеют в виду «не шайки разбойников для грабежа по дорогам бродящие, но осуществление мятежных скопищ Степана Разина, проникавших до Нижнего Новгорода и угрожавших столице».[18]

Правительство было вынуждено отступить. Новый порядок управления государственными крестьянами, по которому усиливалась опека чиновников над деревней и увеличивались сборы на содержание административного аппарата (палат государственных имуществ), не был распространен на Сибирь,[19] о чем генерал-губернатор Горчаков был извещен в июне 1843 г. Характерно, что сам Горчаков предостерегал Николая I: «Введение нового управления может привести к тому, что неудовольствие может распространиться с неимоверной быстротой, возрастая на пути. Что касается средств к тушению пожара... то они ничтожны, удалены и даже не совсем наделены».[20]

Отказ правительства от введения нового управления в Западной Сибири является объективным доказательством силы движения сибирских крестьян. Оно сыграло ту же роль, что и крупные волнения в центральных и восточных районах Европейской России, а именно, способствовало ослаблению устоев феодально-крепостнической системы.

Классовая борьба проявилась и внутри сибирской деревни, где широкие слои крестьян стремились противодействовать закабалению их купцами-ростовщиками и деревенскими «мироедами». Во время сибирской ревизии М. М. Сперанского в 1819—1820 гг. было подано много жалоб на злоупотребления и беспорядки при разборе исков по долговым обязательствам. Крестьяне жаловались, что «мироеды» вводили своих наемных работников в неоплатные долги и удерживали должников в бессрочной работе. В жалобах выражались протесты против отдачи ростовщиками детей «в залог» за деньги, занятые родителями, и против непомерного роста процентов по денежным ссудам. Крестьяне жаловались и на «волостные, земские и городские начальства», при посредстве которых ростовщики «силою забирали за долги последнее крестьянское имущество».[21]

Правительство было вынуждено принять в законодательном порядке некоторые меры к ограничению ростовщичества. В 1822 г. было издано «Положение о разборе исков по обязательствам, заключенным между сибирскими обывателями разных сословий».

На кабинетских заводах и рудниках Алтайского и Нерчинского горных округов среди работных людей, потомственно принадлежащих заво-

---

[18] Там же, оп. 2, д. 1927, л. 359.

[19] С. Прутченко. Сибирские окраины. СПб., 1899, стр. 468.

[20] [illegible] имуществ, оп. 43, д. 26420, лл. 4—6.

[21] «Обозрение главных основат...», местного управления Сибири. СПб., 1841, стр. 129, 130.

дам, получила распространение такая форма социального протеста, как побеги. Задавленные нуждой и суровым военным режимом люди искали спасения в бегстве. Крестьяне, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам, чтобы скрыться от феодального гнета, бежали в «необитаемые места», лежащие за южными границами Алтайского горного округа. В 1826 г. в урочище Ханас поселилось 41 семейство таких беглых крестьян.

Рабочий Иван Чадов на протяжении 1830—1840 гг. пять раз совершал побеги с Кушвинского Гороблагодатского завода. За первый побег Чадов был проведен сквозь строй в 200 человек, за второй — в 400, за третий — в 500, за четвертый и пятый — по 800. Чадова перевели на Нерчинские заводы. Отсюда он снова бежал, за что был «наказан шпицрутенами через пятьсот человек три раза».[23] Это жестокое наказание не устрашило Чадова. В июне 1847 г. он совершил новый, седьмой побег с Верхнекарийского золотого промысла. На следствии Чадов показал, что он «хотел водвориться где-либо на поселении и при побеге никаких казенных и частных вещей не унес». Так же поступали и многие другие рабочие.[24] В 1858 г. с золотых промыслов Нерчинского округа убежало 579 рабочих.[25]

Война рабочих с заводской администрацией тянулась «без уступок и перемирий».[26] Селения, где жили рабочие, начальство делило на кварталы и учреждало там дневные и ночные караулы. При въездах в селения были устроены рогатки. Следили за каждым прибывшим и выбывшим из селения. На тайных тропах и переправах повсюду устанавливались секретные пикеты. Все главные тракты находились под неослабным контролем специальных конных команд. Несмотря на все эти меры, побеги не прекращались.

Волнения и побеги приписных крестьян и рабочих на кабинетских и казенных заводах и рудниках, основанных на принудительно-обязательном труде, имели по существу антифеодальный характер.

Другое направление принимала борьба наемных рабочих на частных золотых приисках. Она выражалась в волнениях и побегах рабочих, начавшихся с первых лет существования частной золотопромышленности в Сибири. У приисковых рабочих было много причин и поводов для недовольства: завлабаление задатками и долговыми обязательствами, тяжелые условия жизни и работы на приисках, притеснения со стороны золотопромышленников, приисковой администрации и полиции.

Большая часть приисков находилась за сотни верст от жилых мест, в глухих таежных дебрях. Два раза в год рабочие должны были проделывать тяжелое «путешествие» пешком через тайгу; оно занимало обычно не менее двух недель. Случалось, что рабочие сбивались с пути, гибли в тайге при переправах, от голода, холода и хищных зверей. Между тем золотопромышленники старались продлить время промывки золота: они затягивали работы до поздней осени, когда путь из тайги становился особенно опасным.

Одно из первых выступлений золотопромышленных рабочих произошло в 1831 г. на прииске Рязанова в Томском округе. Из 180 рабочих сначала «самовольно» с прииска ушли 62 человека. Остальные «по наступлению осеннего времени, — как сообщал Рязанов, — оставив работы прежде назначенного в контракте срока, с величайшим буйством разо-

---

[22] ГАНО, ф. Нерчинского горного правления, д. 206, л. 15.
[23] Там же, лл. 15, 25.
[24] В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I. СПб., 1898, стр. 321.
[25] С. Максимов. Сибирь и каторга, ч. III, стр. 289.

шались», многие «унесли на себе» значительную сумму долгов, не взяв расчета и не оставив никаких обязательств.[26]

В 1833 г. в связи с запрещением правительственными ревизорами старательских работ, доставляющих дополнительный заработок, произошли волнения на Бурлевском и Богородице-Рождественском приисках Томской губернии, принадлежавших золотопромышленникам Поповым. Кроме того, рабочие опасались, что с установлением казенного надзора на промысле их зачислят в казенные мастеровые и закрепостят за императорским Кабинетом. Всего с приисков ушло около 700 человек. Это событие вызвало большую тревогу у властей. В специальном предписании министра финансов, опасавшегося влияния этого события на рабочих других приисков, предлагалось принять все меры к возвращению на прииски рабочих, чтобы разработка Рождественского и Бурлевского приисков «была представлена собственному распоряжению Поповых». Таким образом, своим уходом с приисков рабочие добились некоторых уступок — отмены запрещения старательских работ и гарантии от закрепощения их императорским Кабинетом.

В том же 1833 г. 78 рабочих Большеникольского прииска «взбунтовались» и ушли с промыслов из-за сурового обращения с ними надзирателей, сокращения выдачи пайков говядины и несправедливого отвода мест для старательских работ. Рабочих вернули с помощью воинской команды, но через полтора месяца они вновь отказались от работы. Волнения рабочих в 1833 г. происходили также на Воскресенском прииске Баландина и на ряде других приисков. Не прекращались они и в последующие годы.

Новая волна рабочих выступлений прокатилась по приискам Сибири летом 1837 г. На Митрофановских промыслах (Алтайский округ) Мясникова по реке Кундати поводом к выступлению послужило столкновение одного из рабочих с чиновником Гребенщиковым. Выступление 230 рабочих заставило чиновников бежать «в безопасное место». Всего в 1837 г. в волнениях, происходивших на приисках Томской и Енисейской губерний, участвовало до 1500 рабочих.

В целях устрашения и быстрой расправы с протестующими рабочими в 1838 г. были созданы военно-судные комиссии (одна в Томске, другая в Красноярске). На приисках размещались специальные казачьи отряды. Но борьба рабочих не прекращалась.

Начало 40-х годов ознаменовалось рядом крупных выступлений приисковых рабочих. Конфликты между рабочими и золотопромышленниками часто происходили из-за времени окончания приисковых работ. Так, в частности, случилось в 1841 г. на приисках Удерейской системы Енисейского округа, где было тогда более 2 тыс. рабочих. Выступление рабочих не только превосходило по своим масштабам все предыдущие, но и приняло форму стачки. При этом проявились согласованность и единодушие в требованиях и действиях рабочих почти всех удерейских приисков, разбросанных по тайге. Видимо, между рабочими разных приисков поддерживалась связь и была достигнута договоренность о времени выступления и единстве требований. Это вынудило заседателя золотого прииска сделать «распоряжение о расчете людей».[27] Рабочие Удерейской системы, оставив прииски 1 сентября, благополучно добрались до жилых мест. С рабочими же приисков Бирюсинской системы произошли трагические события. Они также 1 сентября отправились через тайгу. Только с Великониколаевского прииска компании Асташева и купцов Коробкова и Толкачева вышло 1500 человек. Полураздетые люди со скуд-

---

[26] ЦГИА СССР, ф. Горного департамента, оп. 39, д. 59, л. 2.

[27] К — — — «влияния рабочих» золота в приисках Восточной Сибири в первой половине XIX в. Документальная публикация и вводная статья А. С. Нагаева. Исторический архив, 1959, № 5, стр. 218, 219.

ным запасом сухарей заблудились в тайге. Сотни людей были найдены полумертвыми от голода и мороза, а часть рабочих так и не удалось отыскать.[28] Следствие установило, что не менее 122 человек «погибли при таковом несчастном с ними случае».[29] Ни хозяева, ни управляющие приисков, преступно допустившие эту трагедию, никакой ответственности за случившееся не понесли.

Наибольшей силы движение приисковых рабочих достигло в 1842 г. События начались на том же Великониколаевском прииске, самом крупном в Сибири, где в это время работало свыше 2 тыс. человек. С начала приискового сезона среди рабочих царило возбуждение, вызванное недавней гибелью товарищей, интенсификацией труда, ухудшением условий старательских работ и недостаточно качественным питанием.[30] Из донесения генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта министру финансов видно, что 10 мая рабочие прииска «сделали первый беспорядок», требуя улучшения пищи. 27 мая возник новый конфликт рабочих с администрацией из-за распределения участков для старательских работ. Не добившись справедливого решения этого вопроса, рабочие потребовали выдачи им денежного аванса. Но и в этом им было отказано. После этого рабочие объявили, что работать не будут, а администрация в ответ на это предложила им получить расчет и оставить прииск. Рабочие решительно отказались. Тогда им было объявлено, что выдача пищи будет прекращена до тех пор, пока они не пойдут на работу, но и это не подействовало. Захватив в магазине провиант, рабочие три дня не приступали к работе на прииске. В связи с этими событиями среди рабочих других приисков Бирюсинской системы царило большое возбуждение, которое местами перерастало в открытые выступления против приисковых порядков.

На Бирюсинские прииски выехал чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Сильвергельм. Собрав команду в 30 казаков, он двинулся на прииск Рязановых. Здесь Сильвергельм приказал схватить 6 участников выступления и публично наказать их для устрашения остальных. Затем, прибыв на Великониколаевский прииск, он открыл сессию военного суда. Рабочие, признанные зачинщиками, были подвергнуты жестокому наказанию и сосланы в каторжную работу на Нерчинские заводы.[31]

Еще более бурные и массовые выступления рабочих происходили в 1842 г. в Енисейском округе, на приисках которого было занято около 8 тыс. человек. Из отчетов отдельных заседателей частных золотых промыслов видно, что в Удерейской[32] системе в это время выступило более 4 тыс. рабочих восьми приисков.[33] Попытки управляющих и заседателей уговорить рабочих продолжать работу не имели успеха: многие рабочие ушли с промыслов до 1 сентября «самовольно», не получив даже расчета.[34] На ряде других промыслов заседатели, ввиду многочисленности «сопротивляющихся власти людей» и малочисленности казачьей команды, вынуждены были приказать управляющим рассчитать рабочих.[35] Против рабочих, отказавшихся повиноваться приисковой администрации и местному начальству, был отправлен воинский отряд под командой жандармского офицера.[36] Отряд окружил возвращающихся

---

[28] ЦГИА СССР, ф. Совета министра внутренних дел, оп. 4, д. 112, лл. 30, 31.
[29] Там же, д. 107, л. 15.
[30] К истории движения рабочих золотых приисков..., стр. 221.
[31] Там же, стр. 221—223.
[32] Горный журнал, 1842, № 12, стр. IV—X.
[33] К истории движения рабочих золотых приисков..., стр. 219.
[34] ЦГИА СССР, ф. Совета министра внутренних дел, оп. 4, д. 107, лл. 15—17.
[35] В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I, стр. 140.

с приисков рабочих и под угрозой расстрела арестовал «главных зачинщиков». По приговору военного суда они были беспощадно наказаны, некоторых отправили на каторжные работы.

События 1841—1842 гг. в одном официальном документе определялись как «непрочновение рабочих на золотых промыслах целыми массами». Это крайне встревожило не только золотопромышленников, но и власти. На прииски Западной и Восточной Сибири начальниками полиции были назначены жандармские штаб-офицеры, имевшие в своем распоряжении жандармов. Рабочих, обвиняемых в нарушении приисковых порядков, привлекали к военному суду и жестоко наказывали.

Однако, несмотря на обстановку полицейского террора, созданную на приисках, борьба рабочих не прекращалась. В 1843 и 1846 гг. на приисках Енисейского округа вновь происходили «беспорядки».[14] В 1847 г. на промыслах купцов Рязанова, Баландина, Казанцева события приобрели особенно большой размах. Поводом к выступлению послужил отказ одного из золотопромышленников удовлетворить просьбу рабочего Захара Неборокова о выделении для старательских работ золотосодержащих песков. Небороков выразил возмущение этим отказом. Приисковая администрация попыталась арестовать Неборокова, но его поддержали товарищи. Волнения перекинулись и на другие прииски. Тогда был вызван отряд в 28 казаков. Рабочие отказались выдать зачинщиков (Неборокова и Малявина). До 1400 человек собралось на откидные пески. Рабочие стали бросать в чиновников камни и обратили их в бегство. Казаки открыли огонь по безоружным рабочим и лишь после этого волнение удалось подавить.

В 1850 г. произошла забастовка на Ленских золотых приисках. Рабочие Вознесенского прииска, принадлежащего купцу Трапезникову, «устроили между собою стачку».

Выступления приисковых рабочих имели форму стихийных стачек, свойственных ранней стадии рабочего движения. Это выразилось в избиении отдельных членов приисковой администрации, неорганизованном захвате хлеба и пр. Но одновременное прекращение, а затем начало работ, выборность некоторых вожаков, связь между рабочими разных станов свидетельствовали о попытках внести в движение рабочих некоторые элементы организованности.

Выступления приисковых рабочих не всегда достигали конкретных положительных результатов. Но их борьба вливалась в общий поток народного движения, нараставшего против господствовавших в стране крепостнических порядков.

Заметное место в социальных движениях первой половины XIX в. занимали и выступления коренных народностей Сибири.

В конце 20-х годов среди тазовских ненцев организовалась группа бедняков под руководством Ваули Ненянга (Пиеттомина). Она нападала на богатых родовичей, отбирала у них оленей и делила между бедняками. В 1839 г. старшинам удалось схватить Ваули Ненянга и передать его в руки царской администрации. По решению суда Ваули Ненянг был отправлен на поселение в Сургут. Однако ему удалось бежать и уже осенью 1840 г. он возглавил новое движение ненецкой бедноты в низовьях Таза и Пура с довольно четкой программой: сокращение ясака наполовину, снижение цен на муку и другие товары при повышении цен на пушнину. Эта программа выражала чаяния широких масс ненецкой и хантыйской бедноты. К Ваули Ненянгу присоединились надымские и ямальские ненцы, нижнеобские ханты. Первоначально сам Ваули Ненянг, подобно руководителям более ранних крестьянских выступлений в Рос-

[14] ЦГИА СССР, ф. Совета министра внутренних дел, оп. 4, д. 124, лл. 292, 293.

сии, называл себя «великим старшиной» — царем кочующих племен. Он надеялся договориться с царской администрацией об улучшении положения своего народа. Однако впредь до удовлетворения предъявленных претензий Ваули Ненянг призывал не платить в государственную казну ясак, а старейшин, не выполнявших это требование и притеснявших бедняков, он смещал.

В конце 1840 г. Ваули Ненянг отправился к Обдорску. Русская администрация обратилась за помощью в Березов и Тобольск. Однако сам Ваули Ненянг, стремясь избежать кровопролития, вступил в переговоры с представителями властей и был вероломно схвачен. Ваули Ненянга осудили на каторжные работы. В 1842—1843 гг. были захвачены сподвижники Ваули — Мыери Худи и Содома Ненянг. Имя Ваули Ненянга — борца против зажиточной верхушки и царской администрации — стало легендарным.

Против захвата лучших земель патриархально-феодальными элементами — тойонами выступало якутское трудовое население. В конце 20-х и в 30-х годах XIX в. жители Третьего Межадинского наслега Мегинского улуса вели длительную борьбу против главного родоначальника якутской Степной думы Пономарева и его наследников, которые захватили многие угодья из общинных земель. Якутские скотоводы требовали уравнительного распределения земли, особенно сенных покосов.

Формами стихийного протеста якутских крестьян против их закабаления тойонами были побеги с целью избавиться от непомерных долговых процентов и изнурительного труда в тойонских хозяйствах по отработке долга, а также налеты «простых родовичей» на усадьбы тойонов. Вооруженные винтовками и пальмами,[37] они захватывали имущество тойонов, угоняли их скот. Добычу участники налетов делили между собой и улусными бедняками.

Грозою тойонов был якут Василий Слободчиков, по прозвищу Манчары, действовавший в 30—40-х годах XIX в. Он со своими сподвижниками нападал на усадьбы тойонов, забирал у них скот, захватывал деньги и ценные вещи. Василия Слободчикова несколько раз арестовывали, но он совершал побеги из тюрем и с каторжных работ. В народе распространялись рассказы о смелости, ловкости и находчивости Манчары, о его помощи бедным. В октябре 1843 г. Манчары был пойман и брошен со своими товарищами в Якутский тюремный острог, а в августе 1847 г. ему был вынесен приговор — приковать цепью к стене на 10 лет.[38]

Имя Манчары получило широкую известность в Якутии. О нем передавались многочисленные рассказы, предания, легенды. Его современник поэт Матвей Александров, служивший некоторое время областным стряпчим (прокурором) в Якутске, написал поэму «Якут Манчары».

В бурятских степях шла то скрытая, то явная борьба против полуфеодальной верхушки — нойонов. Араты добивались ограничения власти и смены ненавистных им тайшей, родовых старшин и других начальников. Улусные суглаы (сходы) выносили приговоры, направленные против закабаления народа нойонами и купцами-ростовщиками. В 1800 г. «подданные 11 Хоринских родов» постановили: запретить куплю и продажу товаров в кредит, не отдавать в кабалу сыновей за отцовские долги, установить норму взыскания процентов. Противодействие ростовщичеству выражалось в отказах от уплаты и отработки ростовщических долгов, в побегах должников от своих кредиторов.

---

[37] Пальма — широкий нож с длинной рукояткой.
[38] О. В. Иванова. Василий Манчары. Якутск, 1946.

В материалах Степных дум встречаются многие жалобы аратов на захват их земельных угодий нойонами. Пользуясь покровительством царской администрации, нойоны огораживали [illegible] покосные угодья «отдельно от народа». Так, например, буряты, жившие по р. Хонгололи (Забайкалье), жаловались, что «богачи, чиновные и зажиточные люди, огородив способные хорошие земли, владеют ими, а нам уже лучшего ничего не видать, и так мы угнетенные, бедные люди, на милосердие надеемся».[45]

В 1803—1807 гг. в 5 родах Ольхонского ведомства четыре года длились «споры и тяжбы» между «простыми родовичами» и шуленгами Алдаровым и Калвком. Их обвиняли в «неумеренных расходах собираемых ими с общества денег на предмет повинностей». Подчиненные им буряты требовали устранении их от должности.

В 1816 г. в Шентейском улусе Верхоленского ведомства большинство местных крестьян, несмотря на противодействия богатеев, устранили местного богача Мандархана Банаева, занимавшего должность улусного старшины, и выбрали старшиной бедняка Именея Бахеева.

В первой четверти XIX в. происходила борьба хоринских бурят против тайши Дымбыла Галсанова, который растрачивал общественные деньги, брал взятки, вымогал у аратов деньги под угрозой ареста и телесных наказаний, отбирал у них скот. В 1818 г. уполномоченные трех хоринских родов постановили отрешить его от [illegible] и [illegible] с него половину растраченных денег. Сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель, опасаясь волнений среди хоринских бурят, санкционировал устранение Галсанова от тайшинства и решил предать его суду, но хитрый тайша принял христианство и тем самым нашел себе покровителей в Петербурге. Он был снова «возведен в должности», но народ отказывался повиноваться ему.

Опасаясь волнений в Хоринской и Агинской степях, царское правительство было вынуждено принять меры против слишком зарвавшегося тайши. В 1821 г. в числе других старшин и чиновников он был обвинен «в разных непозволительных денежных оборотах с подчиненными их управлению людьми» и умер под следствием.

В 40-х годах XIX в. в Хоринской степи произошли события, получившие название «дымбыловщины». Тайша Дымбылов, добиваясь покровительства высших властей и наград, крестился в петербургской дворцовой церкви. В роли «крестного» выступил Николай I. Правительство и духовенство надеялись через Дымбылова распространить православие среди забайкальских бурят, но хоринские буряты ненавидели тайшу и его приближенных и стали добиваться назначения следствия в связи с его злоупотреблениями и устранения его. На основании их жалоб несколько раз назначались следствия, но хоринские буряты «не получали удовлетворения». Недовольство Дымбыловым росло. Иркутский губернатор был вынужден «признать совершенно необходимым удалить Дымбылова не только от настоящей должности, но . . . и вообще из Хоринского ведомства во избежание смут и беспокойств».[46] Однако и на этот раз покровители «царского крестника» замяли возбужденное о нем дело. 27 декабря 1846 г. пожар уничтожил помещение Степной думы со всем ее имуществом и в Хоринской степи стали распространяться слухи о виновности в пожаре тайши и его приближенных. Участники сугланов обвиняли тайшу в похищении казенных и общественных денег и поджоге думы и резко выступали против его покровителя миссионера Стукова.

---

[45] В. Гиренко. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII—XIX вв. Жизнь Бурятии, №№ 3, 4, 1929, стр. 61, 62.

[46] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, стр. 243.

На суглаиах раздавались угрозы, что через месяц у хоринцев «не будет ни тайши Дымбылова, ни миссионера».

В такой обстановке уже нельзя было обелить «царского крестника». Следствие доказало, что тайша Дымбылов похитил казенных и общественных денег на сумму около 12 тыс. руб. и с целью скрыть преступление сжег Степную думу. Тайшу и его сообщников приговорили к каторжным работам.

«Хорошее начало» — такова была резолюция Николая I по докладу Синода о мерах распространения христианства среди бурят после крещения Дымбылова, но удачно начатая карьера «царского крестника» имела конец, скандальный для всех покровителей тайши. Устранение и наказание его было вызвано народными волнениями, происшедшими в Хоринской степи. Хоринские события произвели большое впечатление на забайкальских бурят.

Выступления против тайшей и других бурятских начальников происходили также в Селенгинском ведомстве. Протестующие отказывались им повиноваться, добивались на суглаиах устранения излишних поборов и повинностей, уличали воёнов в растратах, взяточничестве, произволе, призывали добиваться их смены и разоблачения их преступлений.

В 20-х годах XIX в. усилилось и стало открыто проявляться недовольство урульгинских эвеиков (Восточное Забайкалье) действиями их главного начальника князя Гантимурова. Эвенки Сортоцкого, Маникерского и Чильчагирского родов жаловались, что Гантимуров отпускал им порох не по казенной цене, а втридорога. Князь ежегодно требовал людей для собственных работ и казаков для рассылки по родам, а эвенки по принуждению князя снабжали их скотом, одеждой и «всеминутными потребностями, стоющими значительные суммы». Возмущенные эвенки отказались в 1824 г. «от представления в думу ясака и повинностей» и подали жалобу иркутскому губернатору «о разных притеснениях, чинимых Гантимуровым, тунгусам Сортоцкого, Маникерского и Чильчагирского родов».[1] Следствие по этому делу, затянувшееся на три года, подтвердило справедливость жалобы. Суглаи доверенных эвенкийских родов «освободил» от управления Урульгинским ведомством старого князя под предлогом его болезненного состояния и преклонного возраста (должность считалась пожизненной), но выбор нового главного родоначальника был ограничен: его могли выбирать только из семьи Гантимуровых. Главным родоначальником стал сын старого князя.

Эвенкийские родовые начальники жаловались на «подстрекателей», которые подговаривали «родовичей» к неповиновению. В 1817 г. шуленга Старобогатырского рода жаловался на ясачного Николая Тюкавкина, который «не только сам ослушается, но и других к этому злу подговаривает».[2]

Эвенкийские и бурятские араты не раз добивались устранения ненавистных им чиновных лиц, но это не затрагивало самой системы управления, которая опиралась на местные патриархально-феодальные элементы. Вместо устраненных начальников приходили другие, злоупотребления продолжались. Важное своеобразие антифеодальной борьбы в Сибири заключалось в том, что государственным и горнозаводским крестьянам и рабочим на казенных и кабинетских заводах и рудниках противостояло феодально-крепостническое государство в лице своего административного аппарата.

Феодальная эксплуатация выражалась в Сибири во взыскании с государственных, горнозаводских крестьян, ясачных плательщиков податей:

[1] ГАЧО, ф. Урульгинской степной думы, д. 57, лл. 280, 291.
[2] Там же.

и повинностей, тяжесть которых увеличивалась поборами со стороны чиновников и ростовщической кабалой, в применении рекрутчины и принудительного труда рабочих на казенных и кабинетских предприятиях. Против этих форм эксплуатации, против административно-полицейского произвола и велась борьба сибирского трудового населения. По существу она носила антифеодальный характер и составляла часть общей борьбы крепостных, государственных и удельных крестьян, рабочих, военных поселян, солдат и матросов России против феодально-крепостнического режима. Народные выступления были еще стихийными и разрозненными. В общий поток классовой борьбы вливалось и движение угнетенных народов Сибири.

На ход и формы классовой борьбы в Сибири накладывали отпечаток также и формирующиеся капиталистические отношения. На сибирских золотых приисках происходили первые волнения и забастовки наемных рабочих. Рост социального расслоения нарушал былую патриархальность сибирской деревни.

«Между собою крестьяне живут вообще дружно, — писал М. В. Загоскин, хорошо знавший сибирскую деревню. — Но сообразно историческим законам, повторяющимся у всех народов, есть в каждом селе враждующие партии — партия аристократов, кулаков, богатых мужиков, т. е. мироедов, которым за вино и за горло достаются лучшие покосы и лучшие земли, — партия голытьбы, многочисленная, но ничего не значащая по причине бедности».[45]

Происходили конфликты между хозяевами и работниками, кредиторами и должниками, попадавшими в кабалу к ростовщикам. Интересы большинства крестьян вступали в противоречие с интересами «мироедов» из зарождавшейся сельской буржуазии — кулачества.

[45] М. В. Загоскин, Заметки о быте поселян Иркутского уезда. Иркутские губернские ведомости, 1858, № 31.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Управление, политическая ссылка и развитие общественной мысли в Сибири

1. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

Еще в середине XVIII столетия в Сибири своей интеллигенции, кроме заезжей, было очень мало. К концу века в Тобольске, Иркутске и других город х появилась необходимая для ее формирования социальная среда. Кроме того, велика была роль лучших представителей приезжего чиновного люда, а также многих ссыльных, причем не только политических. В местном обществе, среди коренного сибирского служилого люда, духовенства, этнографов, даже наводнений части мещанства, пробуждалась стихийная тяга к знаниям. Люди хватались за случайно попадавшие в руки книги, жадно впитывали все, что только можно было почерпнуть из них, делали всевозможные выписки из прочитанного, вели записи пережитого и передуманного. Так, капитан И. Андреев в 1789—1801 гг. вел «Домовую летопись», в которой излагал историю своего рода, фиксировал мелкие факты своей личной и окружавшей его жизни, в том числе погоду, болезни, цены на товары, прохождение службы, даже сны.[1]

Известны также записки — рукописные сборники, составленные на рубеже XVIII и XIX в. иркутянами (купцами, представителями духовенства, чиновниками). В них можно встретить примитивные определения различных отраслей науки (например, «зоология учит о одушевленных существах, ботаника — о неодушевленных и нечувствительных») и калейдоскоп биографических справок (в прочих записях об Анакреоне, который «в жизни разделял время между любовью и зином и воспевал стихами то и другое»), а также бессистемные выписки из Василия Великого и Вольтера, Руссо житий соловецких чудотворцев.[2] Хотя все эти записки, наверно, по все же в них обнаруживается стремление к познанию. Участник Семилетней войны отставной прапорщик Степан Батеньков, доживавший век в Тобольске, не продвинулся в своих интересах дальше житий святых, в его младшем сыне Гаврила, двадцатый ребенок, впоследствии видный декабрист, подростком вместе со своими тобольскими сверстниками зачитывался произведениями Державина, Богдановича, Карамзина.[3]

Замечательна была семья Черепановых: Иван Черепанов писал Сибирскую летопись, брат его Кузьма занимался математикой, механикой,

---

[1] Домовая летопись Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым. ЧОИДР, 1870, кн. 4, разд. V, стр. 1—174.

[2] А. П. Щапов. Сибирское общество до Сперанского. Соч., т. III, СПб., 1908, стр. 681, 682.

[3] Г. С. Батеньков. Дневные. Повесть собственной жизни. В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. II. М., 1933, стр. 99.

архитектурой, собрал библиотеку в 400 томов, сын Кузьмы самоучкой стал живописцем — расписывал церкви, писал портреты. И все они занимались ямщицким промыслом.[4]

В Сибири стали известны произведения передовых мыслителей предреволюционной Франции. Когда начались гонения на сатирические и другие издания Н. И. Новикова, у иркутских книгопродавцев полицией было отобрано 40 новиковских книг.[5]

Как уже говорилось выше (стр. 332), в 1789 г. В. Д. Корнильев открыл в Тобольске частную типографию (первую в Сибири); в ней в том же году начал выходить первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».[6] Этот журнал, один из первенцев русской периферийной журналистики, решавшийся на протест против существовавших порядков, но стоявший при этом на позициях просвещенного абсолютизма, по-видимому, не мог пройти мимо внимания А. Н. Радищева. И не выход ли в свет «Иртыша» побудил революционера опубликовать в начале 1790 г. в своей вольной типографии «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», содержащее ряд смелых антимонархических идей. В заключение «Письма» подчеркивалось, что не следует «излагать надежды на царей, ибо «не будет, чтобы царь уступил добровольно что-либо из своея власти, сидя на престоле». А в примечании автор обращает внимание своего «тобольского друга» на революцию во Франции. Можно предположить, что при помощи этого «Письма» Радищев стремился идейно воздействовать на близких ему по духу издателей журнала. Печатая «Письмо», Радищев не мог, конечно, предполагать, что не пройдет и нескольких месяцев, как после суда над ним он сам окажется среди тобольских друзей, по пути в ссылку.

В декабре 1790 г. Радищев, направляясь в илимскую ссылку, прибыл в Тобольск. Здесь о нем были достаточно наслышаны. Его ждали, им интересовались: каков он? сломила ли его царская расправа? Облик Радищева при проезде через Тобольск любопытствующему узнать о нем внушал так:

Ты хочешь знать: кто я? — что я? — зачем я еду? —
Я тот, кто, сев с Филаретом и Ломоносовым, воспел Вольность, Радость, Любовь, Сострадание, Человеколюбие, Природу, Добродетель, Свободу, Истину, Правду, Закон, Власть, Царя, Отечество, Войну, Мир, Богатство, Бедность, Роскошь, Воздержание, Пороки, Добродетели, Рабство, Тиранство, Смерть, Бессмертие, Ад, Рай, Бога, Ангелов, Человека, Душу, Тело, Жизнь, Время, Вечность, Пространство, Бесконечность, Тьму, Свет, Огонь, Воду, Воздух, Землю, Растения, Животных, Металлы, Камни, Стихии, Планеты, Солнце, Луну, Звезды, Комету, Вселенную, Творение, Разрушение, Сотворение, Любовь, Ненависть, Дружество, Вражду, Мщение, Прощение, Кротость, Гнев, Милосердие, Жестокость, Веселость, Печаль, Сладость, Горесть, Удовольствие, Страдание, Сон, Пробуждение, Сновидение, Мечтание, Воображение, Память, Разум, Рассудок, Понятие, Мнение, Знание, Истину, Ложь, Добро, Зло, Красоту, Безобразие, Порядок, Смешение, Стройность, Нестройность, Согласие, Несогласие, Гармонию, Дисгармонию, Сладкозвучие, Сладкогласие, Благозвучие, Благогласие, Сладкопение, Благопение, Песнь, Песнопение, Песнотворство, Песнопевца, Песнопевицу, Песнопевство, Песнопевствовать, Песнопевствующий, Песнопевствующая, Песнопевствующее, Песнопевствующие, Песнопевствующих, Песнопевствующим, Песнопевствующими, Песнопевствующих, Песнопевствующим, Песнопевствующими, Песнопевствующих, Песнопевствующим, Песнопевствующими

нального гнета, возбуждающего «ненависти народные, которые и по совершенном покорении слабейшего не исчезают». Властям, совершавшим насилия, купцам, «корыстолюбием вождаемых», Радищев противопоставил русский народ, «к величию и славе рожденный», способный «на соискание всего того, что сделать может блаженство общественное».[9]

Автор «Путешествия из Петербурга в Москву», наблюдая жизнь русского трудового люда в Сибири, с горечью отмечал его тяжелую долю. Правда, в отличие от жителей центральных областей сибирское население имеет земли «более, нежели ему нужно», но живет бедно и земли «обрабатывает недовольно». Причины народной бедности не в лености, как утверждают иные, говорит Радищев, но «происходят от образа управления». И острый взгляд революционера подмечает среди сибиряков пробуждение недовольства — «огорчение против дворян и начальства».[10]

Радищев пробыл в ссылке около семи лет. «О оставил неизгладимый след в развитии местной общественной мысли. Рукописные копии «Путешествия из Петербурга в Москву» ходили по рукам, подчас проникая в самые глухие углы Сибири.[11] Идеи Радищева оказывали влияние на сибиряков, в частности на П. А. Словцова.

Петр Андреевич Словцов учился в Тобольской, а затем Петербургской семинариях. В начале 1792 г., т. е. почти сразу после отъезда Радищева в Илимск, Словцов вернулся в Тобольск в качестве преподавателя семинарии. В эту пору он отдает дань увлечению передовыми идеями своего времени, чутко прислушивается к отзвукам французской революции, несомненно испытывает на себе прямое влияние взглядов Радищева.[12]

Наступил 1793 г. — год наивысшего напряжения революционных событий на Западе. Выступая в тобольском соборе, Словцов произнес «крамольные» проповеди. В первой из них (21 апреля), как бы перекликаясь со словами Радищева в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске», Словцов задает вопрос, кто имеет право «на стяжение имени Великий», и отвечает: тот, кто «вдохновенный страстью... вырывает скипетр из рук насилия», имя его «будут благословлять из рода в род с благородным энтузиазмом». Вторая речь (10 ноября) поражает смелостью: «Тишина народная есть молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оного, — говорил Словцов. — Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах: если в руках одной части заключены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труд, тяжесть законов, или одни несчастья, то тем спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий надлом, данный народу тяжким ударом. Правда, что спокойствие следует за повиновением; но от повиновения до согласия столь же расстояния, сколько от невольника до гражданина».

Голос Словцова звучал прямым обвинением самодержавно-крепостнической империи: «Итак, когда тишина служит чаще знаком притеснения, что значат таковые монархии? Это — великие гробницы, замыкающие

---

[9] А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о присоединении Сибири. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1941, стр. 146, 147.

[10] А. Н. Радищев. 1) Описание Тобольского наместничества. Публикация А. И. Андреева. Советская этнография, 1947, №№ 6, 7, стр. 228; 2) Записки путешествия в Сибирь. Полн. собр. соч., т. 3, М.—Л., 1952, стр. 134; 3) Дневник путешествия из Сибири. Там же, стр. 260, 277, 279.

[11] А. Шмаков. Радищев в Сибири. Иркутск, 1952, стр. 14.

[12] П. А. Словцов прожил долгую жизнь, с 1767 по 1843 г.; мировоззрение его существенно менялось за это время. Свой наиболее известный труд «Историческое обозрение Сибири» он написал уже в зрелые годы.

в себе несчастные стеняющие трупы, и троны их — это пышные надгробия, тяжко гнетущие оные гробницы». Как бы вглядываясь в будущее, Словцов вдохновенно произносит слова: «Могущество монархии есть коварное оружие, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нее эпоха всегда бывает роковой годиною... Рим, гордый Рим, воспитанный кровью целых народов, готовился уже разделить почти вселенную, но что же?.. Оплачем надменную его политику: он ниспал под собственною тягостью в то время, как наиболее дышал силою и страхом».[13]

Эта проповедь Словцова всполошила город. Ее списки ходили по рукам. По распоряжению из Петербурга Словцов был арестован, отправлен в столицу и по окончании следствия заточен в Валаамов монастырь. Отсюда узник писал своему другу по совместному учению в Александро-Невской семинарии М. М. Сперанскому:

Сижу в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча.
Я болен, весь опух и силы ослабели;
Сказал бы более, но слезы одолели.
Я часто жалуюсь, почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?
Почто он вымыслил гражданские законы
И утвердил почто правительство и троны?
Для счастья, говорят; для счастья только тех,
Которы рвут с нас дань для балов и потех...

Ряд приведенных высказываний Словцова говорит о близости его общественно-политических позиций этого времени взглядам Радищева.[14] В ту пору Словцов не чужд был также материалистической философии. Подобно Гольбаху и другим французским материалистам, он рассматривал материю в вечном движении.

После смерти Екатерины II Словцов, как и Радищев, был освобожден из заточения.

В царствование Павла I четко прослеживается тенденция к централизации власти и усилению роли бюрократии в России. Самовластье прибывшего в это время в Иркутск военного губернатора Б. Б. Леццано вызвало отпор со стороны иркутского населения, преимущественно буржуазии. Общественное мнение возбуждали ходившие по рукам памфлеты. В Петербург потекли жалобы на злоупотребления, произвол и казнокрадство сибирских чиновников. Эти выступления являлись частными проявлениями намечавшегося общего недовольства правлением Павла I. Рассказы об убийстве Павла I и о реформаторских прожектах молодого царя Александра I возбуждали в Сибири надежды. И действительно, в сложившихся условиях поток сибирских жалоб возымел действие. Для расследования злоупотреблений местных властей царь послал в Сибирь И. О. Селифонтова. Леццано попал под следствие. В 1803 г. генерал-губернатором всей Сибири стал Селифонтов. Он приехал с широкими полномочиями: казалось, «все пало ниц и безмолствовало».[15] Но вскоре в столицу пошли новые жалобы, и Селифонтова постигла судьба предшественников. Возникали разговоры о готовящемся реформировании управления Сибири, особенно после выделения в 1804 г. новой губернии — Томской.

---

[13] Три проповеди П. А. Словцова. ЧОИДР, М., 1873, кн. 3, стр. 145, 150—153.
[14] Ср.: Л. Б. Светлов. Радищев и политические процессы конца XVIII в. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. VI, № 5, 1949, стр. 448—450.
[15] С. Шашков. Сибирское общество в начале XIX в. «Дело», 1879, № 1, стр. 86.

Либеральные веяния начала александровского царствования принесли с собой не только смену Лещенко и Селифонтова, но и проекты преобразований, исходившие из среды самих сибиряков. Представители наиболее прогрессивных демократических кругов общества боролись за высвобождение трудовой инициативы масс, за свободу производственной деятельности и торговли. Этого требовал еще Радищев.[16] Словцов, выступая против системы казенных монополий, высмеивал саму мысль о том, будто «казна властна богатеть без обогащения государства», т. е. народа.[17]

В 1801 г. в связи с намечавшимся выделением Якутской области чиновники И. Энерс и С. Гарновский обратились в правительство с предложением, «собрав по несколько доверенных от главных сословий людей», возложить на них разработку реформы, способной в соответствии «с статистическими и политическими видами» и «общественными нуждами» организовать местное управление, согласующее интересы «тамошних жителей с пользами и предметами государственными». Конечно, проект был отклонен, хотя авторы в течение нескольких лет настойчиво боролись за его принятие.[18]

В защиту интересов народов Сибири в 1805 г. выступил Г. И. Спасский, в ту пору молодой красноярский чиновник, впоследствии издатель «Сибирского вестника». Его «Предложения для ясачных орд..., кочующих по берегам реки Енисея», интересны как своеобразная утопия, созданная «на в духе просветителей XVIII в., мечтавших о несбыточном царстве разума. Проект сводился главным образом к созданию среди кочевников хакасских степей «класса лучших людей», члены которого выбирались бы всем населением из лиц (независимо от их состояния), имевших «направление своего сердца к пользе ближнего». Добрые дела этих людей,— предлагал Спасский,— должны записываться в особых книгах. Этими записями надлежало руководствоваться при выборе старшин. Лицо, совершившее порочное деяние, исключалось из «класса лучших людей». Считая просвещение народа залогом его нравственного совершенствования, Спасский уделил большое внимание организации школы, где бы дети ясачных росли, учились и воспитывались вместе с детьми русских крестьян. Проект этот был проникнут духом глубокого гуманизма, но крайне далек от реальной жизни.[19]

Столпом феодально-охранительных позиций в Сибири в начале XIX в. стал иркутский губернатор Н. И. Трескин. Он был неукоснительным поборником бюрократической регламентации всей экономической жизни Сибири: мелочного наблюдения за трудом и бытом податного населения, решительного ограничения свободы торговли, укрепления системы откупов и монополий. Эти тенденции в противовес прогрессивным проектам преобразования нашли яркое проявление в «Положении», разработанном Трескиным, «в подтверждение и восстановление действия указов и правил по предметам винокуренного и сельского управлений».[20] К его поэзии близок Барташевич, березовский городничий, автор другого проекта организации быта ясачного населения.[21] Оба они объясняли нищету масс развитием свободной торговли, тем, что купцы и промышленники скупают у крестьян хлеб, а у ясачных — пушнину и рыбу; снабжая же людей необходимыми товарами, купцы кабалят народ долговыми

---

[16] Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 97.

[17] П. А. Словцов. Письма из Сибири [illegible] от 7е июня 1815 г. Московский телеграф, 1828, стр. 268.

[18] АОИИ, ф. Н. Н. Новосильцева, д. 220.

[19] В. Г. Карцов. Организация управления на окраинах Сибири и декабристы. Уч. зап. [illegible]. — 26. Кафедра истории, 1962, стр. 119, 120.

[20] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 283, лл. 1—7.

[21] Там же, д. 477.

обязательствами. Исходя из сказанного, авторы феодально-охранительных проектов требовали правительственной регламентации торговли, вплоть до постановки казачьих пикетов на путях в ясачные стойбища, «чтобы ни в какое время купцы и торгаши не въезжали в улусы и юрты». Таким образом, они, преследуя интересы фиска, готовы были изолировать ведущее население от внешних, обрекая его тем самым на застой в социально-экономическом и культурном развитии.

Попытки воспрепятствовать вторжению капиталистического уклада в жизнь как русского, так и нерусского населения являлись объективно реакционными, так как сводились к консервации старого. В среде же самих сибирских народов реакционные правители искали опору в укреплении наследственной власти национальной феодально-родовой знати.

Два направления в развитии общественной мысли Сибири: прогрессивное, либеральное, с одной стороны, и феодально-охранительное, с другой, были антиподами. В их столкновении развивалась общественная мысль Сибири на рубеже двух столетий.

2. УПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СИБИРИ В ПЕРИОД ВОЙН 1804—1815 гг.

«Свободолюбие» Александра I, вступившего на престол после убийства отца, было призрачно и длилось недолго. Силы реакции то и дело проявляли себя. Они свели в могилу Радищева. Вскоре сибирская ссылка приняла радищевца В. В. Пассека. Борьба против произвола царских властей, вылившаяся в начале XIX в. в поток прошений, жалоб, проектов, была вскоре решительно пресечена.

В период либеральных колебаний правительства Александра I победа в борьбе между сибирской буржуазией и местной администрацией, казалось, склонялась на сторону первой; с наступлением реакции восторжествовало полицейско-бюрократическое направление.

С начала войны с буржуазной Францией, в 1806 г., генерал-губернатором Сибири был назначен И. Б. Пестель. Сам он жил почти все время в Петербурге, передоверив управление Сибирью ее гражданским губернаторам. Проводником крепостнической политики в Восточной Сибири стал иркутский губернатор Н. И. Трескин. Буржуазная оппозиция была решительно сломлена, а любые поиски законности объявлялись «кабедой». «Трескин и законы были синонимы, более: был только Трескин, а законы были далеко, далеко! — вспоминает современник.—По праздникам Николай Иваныч дозволял дамам целовать свою руку; из мужчин допускались к руке только старшие чины и первогильдейцы. Все дамы целовали ручки у его супруги и дочери. Рассказов о деспотической власти Трескина множество и едва вероятных, но верных. Жалобы не доходили до Питера, а если редкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторять ее»[22].

Толчком к новому подъему общественной жизни Сибири явилась Отечественная война 1812 г. Вторжение полчищ Наполеона, занятие им Москвы, угроза самой независимости России пробудили в народе чувства патриотизма, готовность к самоотверженной борьбе за родину. Из Сибири были выведены семь регулярных полков и две артиллерийские роты.[23] Из них пять полков стояли неувядаемую славу в Бородинском сражении. Тобольский пехотный полк, построившись в каре, выдержал и

---

[22] Э. Стогов. (Псих. Э. . . .В). Сперанский и Трескин в Иркутске. Русская старина, 1878, ноябрь, стр. 503.

[23] ГАОО, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, вер. 44, д. 195, л. 3—6.

отбил шесть атак неприятельской кавалерии, задержав на флаге до ночи продвижение французской конницы.[25] Сибирский и Иркутский драгунские полки принимали участие в кавалерийской схватке, развернувшейся за ключевую позицию Бородинского поля — Курганную батарею. Это была, по словам Барклая де Толли, «кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся».[26] В Сибирском драгунском полку осталось лишь 125 рядовых и три офицера.[27] Томский пехотный полк выдержал наиболее ожесточенные атаки противника, так как был располо-

Военный парад в г. Тобольске. С акварели неизвестного художника нач. XIX в.

жен непосредственно на батарее Раевского.[28] В итоге, в бою 26 августа 1812 г. Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава.

Многие сибиряки, помимо собственно сибирских частей, служили в других гвардейских и армейских подразделениях, участвуя в многочисленных боях 1812 г. и в заграничной кампании.

Тяжелые вести, шедшие с театра военных действий, проникли в самые глухие углы далекой окраины России. Повсеместно начались сборы средств на военные нужды. Мещане, крестьяне, даже «пропитанные», т. е. пристарелые и больные из ссыльных, живущие подаянием, люди, сами во всем нуждающиеся, отрывали от себя самое необходимое, отдавая его на оборону отечества.

---

[25] Бородино. Документы, письма, воспоминания. Сб. под ред. А. Г. Бескровного и Г. П. Мещерякова. М., 1962, стр. 229—231.
[26] Там же, стр. 331.
[27] Там же, стр. 197, 300.
[28] Бородино. Путеводитель по местам боев. М., 1938, стр. 112.

Однако война вместе с тем и обостряла внутренние противоречия в стране. Экономика России в эти годы пошатнулась. Не прошла бесследно война и для Сибири. Подневольным переселенцам на обзаведение хозяйством по закону полагалась ссуда, но добрая половина переселенных не получила. Так, в 1806 г. в поселениях Томской губернии, считавшихся наиболее благополучными, ссуду получили лишь 2023 человека. Без ссуды было водворено 1106 человек; кроме того, 675 человек оказались неспособными к труду по возрасту и здоровью — их пустили «на вольное пропитание». В Забайкалье, находившемся в еще более тяжелом положении, в том же 1806 г. вспыхнули массовые волнения. На их подавление были брошены вооруженные силы. По дорогам ставились многочисленные пикеты из бурят и тунгусов. Беглых и подозрительных людей хватали, заковывали в кандалы, направляли на каторжные работы, предавали суду. «Действие приватных мер, — доносил губернатор Трескин, — произвело в некоторых посельщиках раскаяние и уменьшило число побегов».[28]

Во время вторжения наполеоновских полчищ в Россию и в последующие годы массы людей бежали из центральных губерний в Сибирь. С 1811 по 1815 г. население Сибири возросло почти на 30%.[29] Соответственно увеличивалась потребность в продовольствии. В особо катастрофическом положении оказались северные районы, зависевшие от доставки хлеба из степной полосы Сибири. В низовьях Енисея чиновники отпускали из казенных магазинов населению хлеб по цене от 3 руб. 50 коп. до 7 руб. за пуд, в то время как казне он стоил 1 руб. 67 коп. Здесь в 1810—1816 гг. известны были случаи голодной смерти среди тунгусов, остяков и русских.[30]

Положение в Сибири обострялось проводившимися один за другим рекрутскими наборами. Они тяжелым бременем ложились на старожильческое население, которое главным образом и обеспечивало народ и казну хлебом. «Я видел, — доносил царю И. Б. Пестель, — сколько разорительна была повинность сия для жителей», многие из которых «теряли последних своих работников». «В итоге всех жертв, — признавал генерал-губернатор, — многие жители доведены до последней крайности изнурения».[31]

В этих условиях вспыхнули новые волнения: в 1812 г. — в Ишимском округе[32] и в 1813 г. — на Колывано-Воскресенских заводах.[33]

Весной 1814 г. в Томске был раскрыт заговор, в котором вместе с военнопленными поляками участвовали 23 местных ссыльных, преимущественно из крестьян и мещан. Среди них — сосланный в зачет рекрутов крепостной Бубнов, высланный за неповиновение помещице Сергеев, бывший унтер-офицер Должиков, часовой мастер Воисович. Заговорщики готовились захватить власть в Томске и, провозгласив подготовленный ими манифест, двинуться из Сибири в центральные губернии России. Вероятно, под влиянием идей французской революции, проникновению которых способствовали и военнопленные, манифест получил социальное звучание. В нем провозглашались: отмена крепостного права, с правом пользования рабочей силой исключительно посредством найма; равенство

---

[28] РО ГБД, ф. Г. С. Батенькова, кор. 1, ед. 21, 26.

[29] В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, стр. 161.

[30] В. И. Ватин. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского, т. I. СПб., 1872, стр. 39, 40, 381—383.

[31] ГАОО, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, кер. 44, л. 195.

[32] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. док. Под ред. С. Н. Валка. М., 1961, стр. 860.

[33] Рабочее движение в России в XIX в., т. I, ч. 1. 1800—1825. Под ред. А. М. Пикратовой. Изд. 2-е, дополненное. М., 1955, стр. 345—348.

всех перед законом; выборность суда, с обязательным рассмотрением дел в трехдневный срок и с последующим представлением их на утверждение губернатору; полная свобода торговли, без пошлин, с уничтожением гильдейских прав и монополий; отмена подушной подати и установление духовного собирательского платежа со всякого звания и с дому по 2 руб. 50 коп.; свобода вероисповедания; свобода театральных постановок и разного рода сборищ.[34]

Итак, в манифесте излагалась программа социальных преобразований явно буржуазно-демократического характера, а вопрос об организации политической власти в ней никак не ставился. Упоминание о губернаторе позволяет полагать, что над вопросом административных преобразований авторы проекта или не задумывались, или обходили этот спорный вопрос.

Чтобы укрепить свое финансовое положение на далекой окраине, правительство создало специальный комитет по сибирским делам.[35] Особенно остро встал вопрос о положении в Восточной Сибири: в 1813 г. там пришлось отменить набор рекрутов[36] и принять ряд других мер, направленных к налаживанию хозяйства.[37]

3. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В 20—30-х ГОДАХ И МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

Война кончилась. Совершив патриотический подвиг в борьбе за отечество народ ждал освобождения, но царизм обманул его ожидания. В стране росло недовольство. Вернувшийся из заграничного похода на родину, в Тобольск, будущий декабрист Г. С. Батеньков, ставший инженером путей сообщения в Сибири, писал столичным друзьям: «Привязанность к той стране, где, кажется, сама природа бросает только крошки безмерного своего достояния, где живут в казне за преступление и имя которой, как свист бича, устрашает; привязанность к этой стране — вам не понятна... но ... родимая сторона образует наши привычки, склонности и образ мыслей... Ищи счастье, говорят мне, но счастье на чужой земле — не свое счастье».[38]

В передовых кругах общества пробуждались свободолюбие и даже революционные мысли. Начали складываться первые тайные общества дворян-революционеров. Союз Благоденствия, возникший в 1818 г., широко развернул свою деятельность. Им создавался, или находился под его прямым воздействием, ряд побочных организаций: Вольное общество любителей российской словесности, Вольное общество учреждений училищ взаимного обучения, масонская ложа «Избранного Михаила». Через них зарождались связи будущих декабристов с передовыми кругами Сибири. В Тобольске вокруг «Неизвестного» сложился кружок «неугомонных сворщиков», которые, несмотря на косые взгляды «четырех важных особ», затевали споры «о литературной материи», горячо критикуя застой и косность. Они прямо говорили, что «умственное рабство хуже всякого на свете».[39]

---

[34] К. К-шов. Томский заговор. Исторический вестник, 1912, № 8, стр. 622—644.
[35] С. Г. Сватиков. Россия и Сибирь. Прага, 1929, стр. 9.
[36] ГАОО. ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, кор. 44, д. 195.
[37] РО ГБЛ, ф. Г. С. Батеньков, кор. 1, д. 21.
[38] Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, стр. 83.
[39] Неизвестный. Письмо из Сибири. Тр. Общ. любителей российской словесности, ч. XI. М., 1818, стр. 52—70. В описываемое время в тобольскому кружку, видимо, принадлежал Г. С. Батеньков, приняв, вскоре переехавший в Томск, затем в Иркутск, и И. П. Менделеев, с 1821 г. ставший официальным членом-корреспондентом Общества любителей российской словесности.

В 1818 г. в Томске создалась масонская ложа «Восточного Светила на востоке», организационно связанная с петербургской ложей «Избранного Михаила», в которой состояли Ф. Н. Глинка, братья М. и В. Кюхельбекеры, Н. А. Бестужев. Ее членом уже в то время был Г. С. Батеньков, являвшийся одним из основателей томской ложи.[39]

Наконец, в Иркутске в 1819 г. развернулась работа «Вольного общества учреждений училищ взаимного обучения», в деятельности которого самое горячее участие принимал все тот же неутомимый Батеньков.

Страх перед революционным движением толкал Александра I к аракчеевщине, но тот же страх вызывал у царя реформаторские потуги. Императору оказывались одновременно нужными Аракчеев как оплот реакции и Сперанский как маска либерализма. Аракчеев поднимался к всевластию в столице, а Сперанский, возвращенный из ссылки и вновь обласканный Александром I, направлялся в качестве генерал-губернатора в Сибирь для реформирования управления далекой окраины. Ему предписывалось «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание».[41]

В мае 1819 г. началась большая ревизия. Одна за другой раскрывались страшные картины злоупотреблений и произвола чиновников. Наиболее ярко они проявились в деятельности нижнеудинского исправника Лоскутова — одного из поборников феодально-охранительной системы бюрократической «опеки» населения, установленной Трескиным. Лоскутов разъезжал в сопровождении казаков по деревням и за малейшие упущения в крестьянских хозяйствах расточал наказания: плохо вспахана земля — порка; нечисто во дворе или избе — порка; прорехи на рубахе или сарафане — порка.[42] Он тщательно «оберегал» карагасов от общения с русскими торговцами и сам отправлялся в карагасские стойбища «осматривать» ясак. Он обходил все юрты, в каждой садился на разостланные шкуры и подавал хозяевам по чарке водки, всем, не исключая детей, давал дешевые бумажные платочки. За это каждый получивший «подарок» клал к его ногам по ценной собольей шкурке. Исправник забирал их вместе с медвежьими и оленьими шкурами, на которых сидел, после чего отправлялся дальше. Между тем его помощники собирали долги. Чиновники установили свою монополию и торговле с ясачными людьми: снабжали их табаком, ценою в рубль за фунт, а получали за него по соболю — в 10—15 руб. С неимущих задолженность взимали при помощи побоев; несостоятельных побуждали к кабальным займам недостающей пушнины у богатых сородичей.[43]

Лоскутов стал одиозной фигурой, но малых и больших лоскутовых в Сибири был легион. Надо было менять не отдельных чиновников, а ломать всю бюрократическую систему управления. Под Красноярском кто-то из крестьян признался Сперанскому, что к его приезду в деревне были заготовлены просьбы о смещении местного исправника, но в народе после рассудили, что новый может оказаться еще хуже, так как негде взять хорошего, к тому же и от нового за просьбу крепко достанется; наконец, старый уже сыт, а новый приедет — еще голодный.[44]

Ревизия могла только вскрыть пороки, но не устранить их. В итоге ревизии два губернатора и 48 чиновников пошли под суд, 681 человек оказались замешанными в раскрытых злоупотреблениях, сумма взыска-

---

[39] А. Н. Пыпин. Русское масонство. Пгр., 1916, стр. 468—472.

[41] Н. М. Ядринцев. Сперанский и его реформы в Сибири. Вестник Европы, 1876, № 5, стр. 94.

[42] И. Т. Калашников. Записки иркутского жителя. Русская старина, 1905, № 7, стр. 237—244.

[43] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 265, лл. 208—210.

[44] М. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. 2. СПб., 1861, стр. 19.

ний, наложенных на администрацию, достигла почти трех миллионов рублей. Но даже отстраненные от должности не очень горевали: они заблаговременно перевели большую часть своих средств на имя жен,[45] а сами переехали в Москву или Петербург. «Хотя жестокое, но оригинальное наказание — ссылка из Сибири в столицы», — иронизировал современник.[46] Ревизия лишь на время припугнула чиновников. На смену одним попадурам явились другие.

В этих условиях Сперанский приступил к подготовке реформы управления Сибирью. Она была призвана послужить одной из многочисленных подпорок самодержавию. К разработке реформы Сперанский привлек местные силы. Ближайшим его помощником стал Г. С. Батеньков. Он еще в юности, в канун Отечественной войны, учась в корпусе вместе с В. Ф. Раевским (впоследствии «первым декабристом»), вел с ним противоправительственные разговоры, а затем дал другу слово, возмужав, «стараться провести идеи наши в действо».[47]

Сибирская реформа, как и все реформы в ту пору, готовилась в строжайшей тайне. Прогрессивные круги связывали с нею большие надежды. «Сибирь должна возродиться... у нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра», — писал поначалу о Сперанском Батеньков.[48] Но эти восторги были преждевременны. Сперанский прежде всего был хорошо вышколенным царедворцем. Смелыми действиями он боялся спугнуть Александра I и вместе с тем снискать его немилость. Между Батеньковым и Сперанским возникли серьезные расхождения. Первичный проект Батенькова, который сам автор характеризует как «недостижимый идеал, совершенное добро», Сперанский резко осудил, назвав «непрактичным» и «мелодраматическим».[49] Наконец, в 1822 г. реформа в итоге длительной работы и борьбы вылилась в ряд законодательных актов: учреждения для управления Сибирских губерний; уставы об управлении сибирских народов и киргизов; уставы о ссыльных и об этапах; устав о сибирских городовых казаках; положения и правила о земских повинностях, о хлебных запасах, о соляном управлении, о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь (до того запрещенном) и другие.

Неоспоримо положительным являлось стремление авторов если не привести в соответствие, то во всяком случае, по возможности, приблизить организацию управления к требованиям жизни.

Сперанский еще в первых своих преобразовательских проектах окраины России рассматривал как «гетерогенные» части империи, требующие своеобразной организации управления.[50] Батеньков, как и многие декабристы, поборник федеративной организации государства, в этом направлении шел дальше своего наставника, утверждая, что всякое законодательство должно базироваться на народных правах, учитывать историю, этнографию, климат страны, так как «местные различия всего важнее в таком обширном государстве, как Россия».[51] Авторы Сибирской реформы старались проводить в жизнь указанные принципы. Так, анализ экономического развития Сибири, сделанный Батеньковым, помог наметить и осуществить наиболее рациональное районирование огромного

---

[45] Д. Г. Кардон. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1966, стр. 50.
[46] Я. Стогов. (Поди. Э... ...Ш. Сперанский в Тюмени и Иркутске, ст. 174—175.
[47] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 107.
[48] Письма Г. С. Батенькова..., стр. 104.
[49] Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, стр. 94, 95.
[50] М. М. Сперанский. Проекты и записки. М.—Л., 1961, стр. 112.
[51] Т. Г. Снытко. Г. С. Батеньков — литератор. Литературное наследство, т. 60, кн. 1, М., 1956, стр. 299.

края, с тем чтобы в каждой основной административной области — губернии — существовала своя земледельческая база, гармонически сочетающаяся с неземледельческими районами, и были созданы благоприятные условия для развития местной внутрисибирской торговли. Разделение Сибири на Западную и Восточную, с выделением Енисейской губернии, почти полностью совпадавшей по территории с современным Красноярским краем, говорит о жизненности проводившегося районирования, основанного на правильно понятых географо-экономических данных.

Развитие общественного разделения труда требовало свободы торговли. Для облегчения частной предпринимательской деятельности Сперанский как генерал-губернатор издал в 1819 г. «Предварительные правила о свободе внутренней торговли» для всех слоев сибирского населения. Казенная торговля допускалась лишь в исключительных случаях и регулировалась особым «Положением о хлебных магазинах». Велась борьба с соляными и винными откупами. В 1820 г. были изданы «Правила о свободе внутренней торговли солью».[52]

«Устав об управлении инородцев Сибири» пресекал попытки местных властей изолировать коренное население Сибири от русского. Он утверждал право ясачных людей на свободный и беспошлинный сбыт своей продукции, открывал въезд в их кочевья всем торгующим людям, требовал, чтобы казенные продажи ни в коем случае не стесняли «промышленности» частных лиц.[53]

Развитию товарного хозяйства содействовало также стремление к замене натуральных податей и повинностей денежными.

Собственно административная сторона реформы выглядит значительно консервативнее. Стремление авторов оградить население от произвола властей не могло получить разрешения в условиях самодержавия.

Реформой 1822 г. генерал-губернаторская власть сохранилась, а Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западносибирское и Восточносибирское с административными центрами в Тобольске (с 1839 г. Омск) и Иркутске. Генерал-губернаторы по-прежнему обладали обширнейшими правами и полномочиями во всех областях жизнедеятельности управляемого края — экономической, административной, судебной. С целью хотя бы некоторого ограничения возможного злоупотребления личной властью при генерал-губернаторах создавались советы из назначенных царем чиновников.

В Петербурге дела Сибири сосредоточивались в ведении специально созданного Сибирского комитета под председательством Сперанского, вскоре заменённого Аракчеевым, при которых пост правителя дел комитета вплоть до конца 1825 г. занимал Батеньков. Впоследствии, с 1838 г., Сибирский комитет был закрыт, а дела, связанные с сибирским управлением, стали выноситься на рассмотрение непосредственно в Государственный совет и Комитет министров. Однако эта система себя не оправдала, и в 1852 г. Сибирский комитет был восстановлен.

В состав Западносибирского генерал-губернаторства вошли Тобольская, Томская губернии и Омская область; в Восточной Сибири были Иркутская и вновь образованная Енисейская губернии, а также Якутская область и три особых управления: Охотское, Камчатско-Приморское и Троицко-Савское (пограничное).

При гражданских губернаторах, возглавивших местную администрацию, действовали совещательные советы, состоявшие из чиновников, подчиненных начальнику губернии. По этому поводу Сперанский замечал: «Правильнее было бы составить такой совет из лиц, местному управлению по-

[52] Л. И. Светличная. Преобразовательные планы и административная деятельность М. М. Сперанского в Сибири. Автореф. дисс. М., 1952, стр. 7.
[53] ПСЗ, т. XXXVIII, № 29126, §§ 270, 271, 277, 278 и др.

сторонних. Но, во-первых, составить его из дворянства или купечества невозможно потому, что там, в Сибири нет дворянства и весьма мало купечества, во-вторых, составить совет из чиновников посторонних было бы противно экономии в людях». Он выражал вместе с тем надежду, что этот дефект реформы выправится в будущем, «когда Сибирь более будет иметь населения, когда богатства ее придут в большее движение и доходы умножатся».[34]

Начальники областей, в отличие от гражданских губернаторов, сосредоточивали в своих руках гражданское и военное управление, что имело существенное значение для наиболее отдаленных и пограничных местностей.

Губернии подразделялись на округа, во главе которых стояли окружные начальники с действовавшими при них в качестве совещательного органа советами. Они составлялись из чиновников округа. Окружная полиция и земский суд находились в ведении земских исправников. В городах административная власть сосредоточивалась в руках городничих. Хозяйственная деятельность населения в городах более крупных направлялась сословной думой в составе выборных головы и заседателей, а в малолюдных — выборным старостой. В Сибири, подобно европейской части России, административно-полицейскими и налоговыми органами для крестьян являлись волостные правления, имевшие в своем составе выборного старшину, сельских старост, сборщиков податей и писаря. Практически они всецело зависели от окружного начальства и полиции.

Существенную часть Сибирской реформы 1822 г. составили уставы о ссылке и этапах. Принужденный работать над их составлением Батеньков в своих неофициальных бумагах резко выступал против царившей в России системы борьбы с преступностью, основы которой «лежат в неограниченной силе правительства и в шестивековой покорности всем его действиям».[35] Единственно возможной политикой улучшить положение ссылаемых явилось учреждение этапов. На 61 этап был разбит путь следования арестантских партий в Сибирь. На каждом этапе ставились тюрьмы. Они служили для ночевок и дневок ссыльных и каторжан, измученных подневольным путем. Также уставом делались попытки в какой-то степени облегчить налаживание трудовой и хозяйственной деятельности ссыльно-поселенцев — упорядочить их положение и быт.[36]

Из всех актов Сибирской реформы несомненно выделяется разработанный в основном тем же Батеньковым «Устав об управлении инородцев Сибири». В противовес тенденциям феодально-охранительного направления Устав предоставлял широкие возможности для общения коренных народов Сибири с русским населением. В Уставе сибирские народности по уровню социально-экономического развития делились на три группы — бродячие, кочевые и оседлые. Устав предусматривал постепенный переход отсталых народов к оседлости, в итоге чего бывшие кочевники «сравняются в правах и обязанностях», а вместе с тем и в организации управления с русскими.[37]

Интересно, что сходные положения в отношении устройства и развития народов Сибири были сформулированы в «Русской правде» П. И. Пестеля — этом важнейшем законодательном проекте декабризма. По мнению П. И. Пестеля, когда кочующие народы «преобразуются в земледельные, тогда должны они полости составить на общих правилах и в общий состав

---

[34] Н. М. Ядринцев. Сперанский и его реформа в Сибири. Вестник Европы, 1876, № 6, стр. 489.

[35] Г. С. Батеньков. Записки об уставе для ссыльных. РО ГБЛ, ф. 20, кор. 5, д. 10; Заметка без заглавия, там же, д. 4; Заметки об упорядочении внутреннего управления [illegible] по [illegible] год — о преступности и наказании, там же, д. 2.

[36] ПСЗ, т. XXXVIII, №№ 29128 29129.

[37] Там же. № 29126. § 71.

государственного устройства на общих же правилах поступить».[58] В «Русской правде» предусматривалось «каждому кочевью особое пространство назначить, взирая на него как на волость», а Устав Батенькова практически закреплял земли за создаваемыми у кочевых народов степными родоначалиями, заменяющими собою волости.[59]

В области развития народного просвещения Устав предоставлял права ясачным людям отдавать своих детей учиться в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Для своего времени эта мера была прогрессивной.

В отношении религии Устав стоял на позициях полной веротерпимости.[60]

Реформаторы уделяли большое внимание организации управления народов Сибири, стремясь ослабить опеку над ними со стороны царских чиновников и полиции. У кочевников создавались Родовые управы и Степные думы, объединяющие группы родов. За «родовичами» утверждалось право общественных собраний. На них избирались должностные лица родового и степного управления. Никаких ограничений к участию в общих собраниях и выборах не предусматривалось. Общество и его выборные должны были сами решать все вопросы своей внутренней жизни, раскладывать подати и повинности, выполнять судебные функции на основе своего обычного права.[61] Среди кочевников Сибири уже давно выделялась феодальная знать, пользовавшаяся укоренившимися за нею правами, привилегиями и властью. Эти «почетные инородцы» перед лицом закона не имели особых прав и были уравнены с сородичами юридически в качестве ясачных людей. Устав допускал при наличии соответствующих традиций наследственное начало в родоплеменном управлении, но лишь там, где оно было заведено ранее. При составлении же новой инородческой управы из стойбищ, прежде не бывших в общей зависимости, наследственное начало не допускалось.[62]

Авторы смотрели на Устав как на первый шаг по пути преобразования всей жизни народов Сибири. Исходя из стремлений к федеративной форме государственного управления, Батеньков считал необходимым разработать для каждого кочевого народа свои особые «Степные законы», соответствующие условиям народной жизни. Это удалось оговорить в Уставе.[63]

«Сибирское учреждение» было утверждено в 1822 г. Непосредственное руководство проведением его в жизнь ложилось на Батенькова как правителя дел Сибирского комитета. Он стал его фактическим главой, так как председатель комитета Аракчеев в дела Сибири вникал мало.

Батеньков долгое время не видел реальных путей революционного переустройства России. В ожидании возможностей этого, считал он, надо действовать исподволь: «взяв в руки тяжелый будничный камень, строить мух с казенного строения», «в сердце с надеждой, с Регнедой в душе».[64] Им разрабатывается план организации тайного «атакующего» общества, члены которого бы, «занимая явно гражданские должности, по данным наказам тайно отправляли и те обязанности, кои будут на них лежать в новом порядке».[65] Правитель дел Сибирского комитета приданая искаю-

[58] Восстание декабристов. Документы, т. VII, М., 1958, стр. 142, 143.
[59] ПСЗ, т. XXXVIII, № 29126, §§ 28—32.
[60] Там же, § 286.
[61] Там же, № 29125 (Учреждение для управления сибирских губерний), §§ 155, 156 и № 29126 («Устав об управлении инородцев»), §§ 36, 37, 97, 98, 107.
[62] Там же, № 29126, §§ 63, 66, 67, № 29125, § 157.
[63] Там же, № 29126, §§ 70, 71.
[64] Письма Г. С. Батенькова..., стр. 143, 144. (Регнеда — символ борьбы, вымышлен
[65] ЦГАОР, ф. Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов, д. 359, л. 112.

чительное значение подобной деятельности на местах.[68] Декабрист-сибиряк хотел «написать целое сочинение в поучение тем, кои занимать будут низшие места»; в то же время он задавался целью «замечать и сближаться с лицами, кои могут быть употреблены, открывая (им) сначала одну токмо цель — утверждение гражданской свободы, что можно было говорить гадючья.[69]

Сразу же после 1822 г. Батеньков как правитель дел Сибирского комитета энергично взялся за разработку Степных законов на местах. В своих замыслах декабрист нашел активную поддержку в кругу прогрессивно настроенных чиновников, подбором которых начал заниматься еще с 1819 г., составляя для Сперанского списки лиц, пригодных для замещения административных должностей.[58] В связи с выделением Енисейской губернии кадры ее чиновников комплектовались почти заново. Батенькову удалось провести на пост гражданского губернатора А. П. Степанова,[62] человека прогрессивных взглядов, члена Вольного общества любителей российской словесности. В качестве губернатора последний развернул кипучую деятельность. Он выступал против обременения крестьян податями, видя в податном гнете «важный общественный вред». Распространенное в Сибири закабаление русской и инородческой бедноты долговыми обязательствами — ростовщичество — он считал «едва ли не одною из главнейших причин в свете к зарождению рабства».[70] Он боролся против экономического всесилия купечества, теснившего вольную крестьянскую торговлю, пытаясь организовать закупки хлеба без подрядчиков, так, чтобы «деньги разбегались по всему сословию поселян».[71] Губернатор принимал меры к утверждению свободы торговли в улусах, чтобы избавить ясачных от притеснений со стороны местных купцов-монополистов,[72] и вообще уделял исключительное внимание организации самоуправления и быта коренного населения края — боролся за максимальное его высвобождение из-под власти царских чиновников и полиции. Обращаясь непосредственно к кочевникам хакасских степей, он внушал им: «...чем свободнее люди действуют, тем удобнее могут приобретать для себя и выгоды и спокойствие».[73]

А. П. Степанов окружал себя либералами. Сын губернатора — Н. А. Степанов стал впоследствии активным участником революционно-демократического движения — сотрудничал в «Искре», редактировал «Будильник»; его друг красноярский чиновник В. И. Соколовский — автор известного стихотворения на смерть Александра I («Русский император в вечность отошел; ему оператор брюхо распорол...») — в 1834 г. был арестован в Москве вместе с А. И. Герценом. Понятно, что в этой среде стремление Батенькова разработать местные Степные законы нашло живой отклик.

А. П. Степанов без промедления создал для этого специальный комитет под своим руководством. Видимо, ведущим членом комитета являлся инженер А. И. Мартос, сын известного скульптора, автор записок об Отечественной войне и военных поселениях. Вторым членом комитета был выдвинутый Степановым губернский чиновник Галкин, который, по свиде-

---

[68] Письма Г. С. Батенькова..., стр. 126.
[69] Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. Сост. Н. Дубровин. СПб., 1883, стр. 468.
[58] В. Г. Карцов. Декабрист Г. С. Батеньков, стр. 40.
[62] Там же, стр. 110—112.
[70] А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 1, СПб., 1835, стр. 265, 266.
[71] Там же, ч. 2, стр. 22.
[72] ГАХАО, ф. Кембалыской степной думы, оп. 1, д. 38, л. 34.
[73] Н. П. Кузнецов-Краснопёрский. Архив Аскызской степной думы. Томск, 1892, стр. 16—19.

тельству жандармского донесения, «выслужился из простых казаков».[74] К участию в разработке Степных законов были привлечены представители племен. Переводчиком в комитете стал А. К. Кузьмин, по отзыву жандармерии, «чиновник не совсем благонамеренный»[75] — знаток жизни обитателей хакасских степей, поэт, впоследствии связавший свою судьбу с бывшими в ссылке декабристами.[76]

Разработанный в Красноярске проект был с некоторыми разночтениями и дополнениями принят также в Иркутской губернии, куда именно в это время ездил Мартос.[77] В конце 1824 г. «Проекты Степных законов для кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний» были присланы Батенькову.[78] Оба проекта были заметным шагом вперед по сравнению с утвержденным правительством Уставом. Выборное начало здесь решительно выдвигается на первый план: «Инородцы управляются своими начальниками, избираемыми из среды их»,— провозглашается в проекте, подготовленном в Енисейской губернии, при наличии же наследственной власти «никто не может воспользоваться правом преемничества дотоле, пока не изъявят на то согласие родовичи» (§ 7).

Проект ограничивал возможность захвата старшинами общинных земель и устанавливал строгую ответственность старшин за свою деятельность. Родовой суд получал гласный характер. Большое внимание уделялось поднятию народного благосостояния путем создания в руках обществ постоянных фондов; расходовать общественные суммы разрешалось лишь с ведома и согласия наличных «родовичей», а отчет о доходах и расходах ежегодно должен был обсуждаться на собрании всего общества. Проект пытался урегулировать аграрный вопрос, устанавливал раздел угодий, пашен и сенокосов между «родовичами» «по числу душ мужского пола, состоящих в каждом семействе». Расчистка же новых земель под пашню давала право получать землю в полное владение. В этом проявилось стремление провести в жизнь прогрессивную для своего времени буржуазную идею узаконения частной крестьянской земельной собственности.

В противовес Восточной Сибири, где попытка Батенькова провести в жизнь новые идеи путем разработки степных законов встретила поддержку, генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич, «человек... суровый, аракчеевской закалки»,[79] явно стал в оппозицию, утверждая, что «все инородцы Томской губернии... не сохранили никаких родовых законов и обычаев».[80]

Между Батеньковым и Капцевичем шла борьба. Батеньков разоблачал обременявшие население действия западносибирского чиновничества. Капцевич жаловался на Батенькова самому столпу реакции Аракчееву, обвиняя его в пристрастии к Сибири.[81]

Для рассмотрения восточносибирских проектов летом 1825 г. была назначена междуведомственная комиссия. Батеньков в нее не входил. С первых же заседаний члены комиссии отнеслись отрицательно к представленным проектам. Их возмутило, почему Енисейский вариант не говорит о «разных почетных знаках или классах инородцев и об их особых правах».[82] В это время на Батенькова поступил донос: его обвиняли в выска-

---

[74] ГАИО, ф. Канцелярии Иркутского генерал-губернатора, оп. 3, вор. 8, д. 203, л. 13.
[75] Там же, л. 15.
[76] См.: А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882.
[77] Алексей Мартос. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
[78] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 273.
[79] Д. Т. Калашников. Записки иркутского жителя. Русская старина, 1905, IX, стр. 630.
[80] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 269, лл. 8, 9.
[81] Письма главнейших деятелей..., стр. 433.
[82] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 280, л. 80.

змышлениях, направленных против Аракчеева, и в том, что в сибирских губерниях он «устроил с некоторыми тамошними своими приятелями связи весьма искусно, которые уверяют там кого нужно, что в Сибирском комитете действует решительно он, Батеньков, будучи силен у гр. Алексея Андреевича (Аракчеева), которому Сибирь неизвестна обстоятельно, а с Сперанским находится в теснейших связях» При этом делались прямые намеки, что и Сперанский «по потворству» Батенькову «не без греха».[83] Батеньков немедленно был отстранен от работы как в Сибирском комитете, так и в военных поселениях. Декабрист опасался возможного разоблачения своей деятельности и стал готовиться к эмиграции.[84] Это было за месяц до восстания декабристов. После событий 14 декабря все планы реформаторов Сибири рухнули окончательно; Батеньков оказался в положении «государственного преступника», судьба самого Сперанского повисла на волоске; Степанов, поддерживавший связи с декабристами, просил их «ни в какой переписке с Россией не упоминать его имени».[85]

А. И. Мартос поспешил опубликовать «Письма о Восточной Сибири», которые своей нарочитой благонамеренностью резко отличаются от всего написанного им ранее. На предложениях о государственных преобразованиях, изложенных Батеньковым в крепости по требованию следователей, Николай I самолично написал: «Все сие виды и система Н. Муравьева о федеративном управлении; с сим поздравляю тунгузцев». Приведя этот факт, В. И. Семевский недоумевал: «Последняя острота совсем не вызывалась конституцией Н. Муравьева, т. к. кочующим народам не представлялось в ней права гражданства».[86] Плоская острота царя действительно не вызывалась ни конституцией Н. Муравьева, ни даже написанным Батеньковым в тюремном тексте, но она свидетельствует, что Николай I знал о предшествовавшей сибирской деятельности Батенькова — автора «Устава об управлении инородцев» и правителя дел Сибирского комитета. Понятно, что комиссия, созданная для рассмотрения представленных проектов Степных законов, отвергла их. Занявший место Батенькова в Сибирском комитете А. Величко заявил о необходимости отмены всех отступлений от высочайше утвержденного Устава, допущенных в проектах Восточной Сибири, и потребовал от ее управителей «основать свой свод на подлинных показаниях почетнейших родовичей» (разрядка наша, — *Авт.*).[87] Это требование полностью соответствовало реакционному курсу царизма, опиравшегося на местную феодальную и полуфеодальную знать.

В период проведения реформы и в последовавшие за ним годы во всех областях жизни Сибири наблюдалось заметное оживление.

Прогрессивные круги высоко оценили проведенные преобразования, но сразу не заметили их слабые стороны. «Сибирский вестник», издававшийся в это время (1818—1824 гг.) первым автором «Предложений для ясачных орд» Г. И. Спасским, особо отмечал тот факт, что новые законы «не лишили сибирских инородцев драгоценнейшей свободы, не обременили их цепями подобно как некогда испанцы поступали с несчастными американцами», а предоставили возможность народам, населяющим пространную Сибирь, управляться своими собственными законами.[88]

---

[83] В. Г. Карцев. Декабрист Г. С. Батеньков, стр. 155.
[84] ЦГАОР, ф. Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов, д. 359, лл. 114, 115.
[85] ИРЛИ, ф. Бестужевых, д. 6, л. 205.
[86] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 483.
[87] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 280, лл. 114, 115, 129.
[88] «О законах некоторых восточных сибирских инородцев. Сибирский вестник, 1823, ч. 1, стр. 2.

А между тем становилось все яснее, что лучшие побуждения авторов «Сибирского учреждения» не могли получить практической реализации. Бессилие реформаторов в условиях бюрократической царской монархии отметил уже А. И. Герцен: «Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа», но «года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым».[89] Стремление «дать самодержавному правлению логическое... устройство и, сколько возможно..., оградить его (т. е. самодержавия) действие, требующее свыше человеческих сил», оказалось утопией.

4. ДЕКАБРИСТЫ НА КАТОРГЕ И ПОСЕЛЕНИИ

История Сибири первой половины XIX в. тесно связана с историей декабризма. Декабристы явились зачинателями открытой революционной борьбы против феодально-крепостнического строя.

Г. С. Батеньков в одном из своих показаний назвал 14 декабря «первым в России опытом революции политической, опытом почтенным в бытописании и в глазах других просвещенных народов».[90]

Правящие круги увидели опасность, которой им грозили последствия этого «опыта», и поспешили расправиться с его участниками. Пять человек были казнены, остальные 105 декабристов, разделенные на 11 разрядов, приговорены к ссылке в каторжные работы сроком от 2 до 20 лет, с последующим поселением в Сибири, или к бессрочной ссылке на поселение, к разжалованию в солдаты и матросы, а иные к отправке на работы в крепостях, что было хуже каторги.

В ночь на 21 и 23 июля 1826 г. две первые партии декабристов (8 человек), приговоренных к отправке в Сибирь, были увезены из Петропавловской крепости. Почти весь 37-дневный путь до Иркутска они проделали закованными в «полные железа». В поволжье с каждым [illegible] жандаром.

В Иркутске их принял томский вице-губернатор Н. П. Горлов, замещавший генерал-губернатора Восточной Сибири. Приятель Батенькова по масонской ложе, откуда вышло немало декабристов, Горлов распорядился расковать присланных декабристов и даже снять военный караул вокруг дома, где их поместили. Доступ к узникам фактически был свободным. Декабристов за два дня посетили несколько человек (учитель иркутской гимназии Жульяни, чиновник П. Здора, сын Горлова и др.), вероятно, представлявшие в городе тот слой общества, который видел в декабристах не «государственных преступников», а борцов за свободу или же жертв самодержавного деспотизма.

30 августа прибывшим было объявлено о назначении к местам каторжных работ. Они направлялись на расположенные сравнительно недалеко от Иркутска солеваренный завод в Усолье (Е. П. Оболенский и А. И. Якубович) и винокуренные заводы Александровский и Николаевский (А. З. Муравьев, В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, С. П. Трубецкой и оратор Бориенко). Здесь декабристам не пришлось испытывать тяжесть подневольного труда. Местное начальство относилось к ним с симпатией: например, Оболенский и Якубович вместо изнурительных работ в соляных варницах были поставлены дровосеками, причем весь «урок» выполнялся за них рабочими-каторжанами.[91] Но пребывание декабристов на Иркутских заводах длилось недолго. Горлов за допущенные послабления указанием царя был предан суду, а декабристов перевели в Нерчинский край.

[89] А. И. Герцен. Былое и думы, ч. 2. Л., 1949, стр. 177.
[90] В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 677.
[91] Общественные движения в России в первой половине XIX в., т. 1. СПб., 1905, стр. 202.

Незадолго до их отправки в Иркутск прибыла первая из жен декабристов — Е. И. Трубецкая. Готовность женщин-дворянок, избалованных жизнью, отказаться от всех доступных им благ и следовать за близкими людьми в ссылку, на каторгу рассматривалась общественностью не только как подвиг любви, но и как акт огромного общественного звучания. Понятно, что Николай I всячески стремился воспрепятствовать этому. Иркутский губернатор Цейдлер после тщетных попыток отговорить Трубецкую от намерения следовать за мужем потребовал от нее подписку о согласии на самые тяжелые условия: переход на положение жены ссыльно-каторжного и запись детей, рожденных в Сибири, в разряд заводских крестьян.

В октябре 1826 г. декабристов привезли на Благодатский рудник Нерчинских заводов и заключили в тюрьму — «темную, грязную и вонючую каморку, на съедение всех видов насекомых».[82] Ежедневно их опускали в подземные шахты, глубина которых достигала 70 саженей. Работали «государственные преступники» в цепях с 5 часов утра до 11 дня. Каждый должен был выработать не менее 3 пудов руды и перенести ее на носилках к месту подъема. Тяжелый труд при скудном питании сказывался на здоровье декабристов.[83]

На каторге в Благодатском руднике декабристы пробыли почти год (до 13 сентября 1827 г.). Тюремщики отличались грубостью и жестокостью. Начальник Нерчинских рудников Бурнашев открыто сожалел, что в присланной ему инструкции содержался пункт о наблюдении за здоровьем декабристов. «Без этой закорючки я бы их в два месяца всех вывел *в расход*».[84] Протестуя против насилий и произвола, декабристы отказались принимать пищу. Это была первая в истории революционной борьбы в России голодовка.[85]

Несколько облегчилось положение декабристов после приезда в Благодатск М. Н. Волконской и Е. И. Трубецкой.

В то время когда первые партии сосланных уже отбывали каторгу, около 70 осужденных их товарищей оставались в Петропавловской крепости и других тюрьмах. Для содержания «государственных преступников» в едином месте было начато строительство каторжной тюрьмы на Ахатуйском серебряном руднике. В ожидании ее готовности приговоренных к каторге декабристов с начала 1827 г. стали стягивать в Читинский острог, представлявший собой небольшое село из двух десятков изб и нескольких казенных домов. Помещения острога были заполнены до отказа: «Мы были набиты как сельди в бочке», — вспоминал М. А. Бестужев.[86]

В начале заключения был установлен строгий тюремно-каторжный режим. Все были закованы в кандалы, которые расковывали только в бане и в церкви. Запрещалось иметь перья, бумагу.

Так как в окрестностях Читы не было рудников, декабристов, по указанию коменданта Лепарского, использовали главным образом на земляных работах: они копали ров под фундамент возводимой для них тюрьмы и ямы для частокола вокруг нее, засыпали глубокий ров, который тянулся вдоль Московско-Сибирского тракта. Декабристы называли этот овраг «Чертовой могилой». В зимнее время работали в помещении: на ручных жерновах мололи рожь.

Острог объединил декабристов, многие из которых раньше не знали друг друга. Вскоре приехавшие к мужьям жены связали узников с внеш-

---

[82] Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, стр. 310; Записки М. Н. Волконской. Чита, 1956, стр. 64, 65.
[83] Записки М. Н. Волконской. СПб., 1904. Приложение XIII, стр. 144, 146.
[84] Воспоминания Бестужевых, стр. 310.
[85] Записки М. Н. Волконской. Чита, 1956, стр. 73—78.
[86] Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, стр. 107.

лим миром. Первой прибыла в Читу А. Г. Муравьева. Пренебрегая опасностью, она привезла стихи А. С. Пушкина «Послание в Сибирь» и «Мой первый друг...», посвященное И. И. Пущину. Ей грозила тюрьма, если бы эти стихи были найдены при обыске. Муравьева передала стихи Пушкина Пущину через бревенчатый частокол Читинского острога. «Послание» Пушкина имело огромное моральное значение для читинских узников. Ответ на стихи Пушкина, написанный поэтом-декабристом А. Одоевским, отразил настроение большинства его товарищей по каземату:

Мечь сбудет нас на цепей
И явимся мы вновь свободны
И с нас цепями мы цепей,
И радостно вздохнут народы.

Вскоре возникла мысль о подготовке побега на Амур. В замысел был посвящен кое-кто из местных ссыльно-поселенцев. Но осуществлению замысла было предупреждено событиями на Зерентуйском руднике, куда 28 февраля 1828 г. вместе с партией уголовных преступников были присланы участники восстания Черниговского полка декабристы И. И. Сухинов, В. Н. Соловьев и А. Е. Мозалевский. По дороге у Сухинова возникли смелые мечты о побеге и освобождении читинских узников путем восстания. В Зерентуе Сухинов, втайне от товарищей, через ссыльных солдат — участников «возмущения» Семеновского полка — вступил в тесные сношения с каторжниками. Разработали план восстания, согласно которому начать надо было с освобождения томившихся на Зерентуйском и соседнем Кличкинском рудниках. Затем намеревались идти на Благодатский рудник, обезоружить там военные команды, освободить остальных, оттуда двинуться на Нерчинск и, захватив там артиллерию, выступить на Читу для освобождения декабристов. Уже заготавливали оружие, лили пули, изготовили до тысячи патронов. Планы заговорщиков были выданы начальнику рудника одним из участников заговора ссыльным А. Казаковым. Восстание рабочих-каторжан успело начаться лишь в Кличкинском руднике. Николай I, узнав об этих событиях, приказал участников заговора предать военному суду. Сухинова и других активных участников восстания приговорили к расстрелу. Сухинов в ночь перед казнью отвязал ремень, поддерживавший его кандалы, и повесился на нем.

Происшедшие события показали правительству, что оставлять «государственных преступников» среди массы ссыльных было опасно. Поэтому для поселения декабристов был намечен Петровский железоделательный завод, удаленный от Нерчинских рудников на 1000 км и расположенный за грядой Яблонового хребта.

Пока на Петровском заводе шло строительство специального здания каторжной тюрьмы, декабристы до 1830 г. оставались в Читинском остроге. 7 августа 1830 г. начался переход на новое место. Читинские жители, собравшись толпой у каземата, сердечно прощались с декабристами. Путь от Читы до Петровского завода предстояло проделать пешком, в сопровождении усиленного конвоя. На одной из дневок узнали из газет, привезенных Лепарским, о новой революции во Франции. Известие всех воодушевило. Всю ночь, несмотря на усталость, провели в оживленных разговорах, хором пели «Марсельезу».

23 сентября декабристы вступили в Петровский завод. Новая тюрьма была построена с расчетом на одиночное заключение. Одноэтажное деревянное здание, камеры без окон, свет проникал только из коридора через прорубленные в дверях маленькие оконца с железной решеткой. К тому же было сыро — здание стояло на болоте.

Жены декабристов добивались улучшения жизни заключенных. Их письма к знатной столичной родне явились своеобразным протестом

против унылого тюремного быта. В игровых кругах каторжане нашли только о беседовечном обращении с «сибирскими изгнанниками». По и-зором общественного мнения Николай I дал распоряжение проруб**и**ть окна в камерах Петровской тюрьмы. Более 11 декабристов провели шлиссельбургском каземате с сентября 1826 г. семейным осыльным разрешили жить в домах, выстроенных недалеко от острога. Из этих домов вскоре образовалась целая улица, названная декабристами «Дальняя».

1832 г. принес декабристской колонии первые невозвратимые утраты. После продолжительной болезни умерла А. Г. Муравьева. Вскоре скончался А. С. Пет**р**ов.

С 1832 г. число узников Петровского каземата стало заметно уменьшаться в связи с окончанием у многих из них сроков каторжных работ и переводом на поселение. К 1840 г. декабристская тюрьма опустела, а в 1865 г. закрыли.

Вне**ш**ь Чите у декабристов стала создаваться тюремная община, их спецмикрос**о**ц «Артель», которая смогла развитие получила за Петровским заводом. Материальное положение заключенных было далеко неодинаковым: наряду с обеспеченными представителями первого дворянского общества, получавшими большие «пособия» от своих родственников, многие из тех, которые приехали в Сибирь без средств от казны получали значительную помощь как сосед**я**ми, так и местным населением. (В том и состоит и 2 (реже муки в месяц) могло обеспечить лишь полуголодное существование. Поэтому десятая часть общей суммы, содержание которого обеспечивалось за счет взносов более богатых ссыльных.[1] Для управления делами «Артели» была создана выборная «внутренняя администрация».

Систематическая помощь необеспеченным декабристам не раз оказывалась родными их из тяжелой материальной нужды и лишений, которые приходилось испытывать многим из них после выхода на поселение.

Неоценимую для всех декабристов была моральная поддержка передовых русских женщин, добровольно разделивших с мужьями политическое заточение. Через одних из них удавалось связь с внешним миром, переписывались с родными и друзьями.[2]

В. Чистяков, в числе Петербургом многих был сосредоточен цвет семьдесят русской интеллигенции эпохи. Высокообразованные люди стремились поделиться друг с другом специальными познаниями. И результате — Читинский заменитая «Каторжная Академия», где читались лекции и проводились по самым различным отраслям знаний. Сравнительно скромно в «Академии» был представлен исторический факультет (Н. А. Бестужев, Н. М. Муравьев, П. А. Муханов, М. М. Спиридов). А. Н. Оленин-Давыдов читал лекции по истории русской литературы, К. П. Торсон рисовал и давал уроки рисования, увлекался О. В. Вольф преподавал физику, химию, анатомию, физиологию, П. С. Бобрищев-Пушкин — римскому праву, Д. Завалишин и Ф. Вадковский — астрономии. Многие изучали иностранные языки, а также ремесла. Значительного числа в коллекции сувенирных вещей узников занимали литературные труды, чтения, диспут

В стенах каторжных казематов сложилось несколько кружков, где живо и горячо обсуждались философские и общественно-политические вопросы.

---

[1] См. 3000 руб. взносов внесли Е. П. Нарышкина — 9000—Н. Д. Мусина-Пушкина и С. П. Трубецкой, по 9000 — В. П. Ивашев, М. М. Нарышкин, М. и Н. Волконские (Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917, стр. 174, 176—178). С. Максимова. Сибирь в каторге и ссылке. Т. СПб., 1871, стр. 330.

[2] Здесь были М. Н. Волконская, Р. Н. Трубецкая, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, А. В. Розен, Е. И. Фаленберг, А. Н. Бенкендорф, П. Гейсмар — невеста В. Ф. Раевского. Три женщины-декабристки не были в Сибири: Е. И. Якушкина, А. Е. Ентальцева, М. К. Кюхельбекер, К. Ивашева — невеста И. Г. Шведе

«Часто речь склонялась к общему нашему делу»,— вспоминал об этой поре своей жизни И. Д. Якушкин.[98] На каторге декабристы стремились осмыслить опыт своей борьбы с феодально-крепостническим строем, причины, приведшие их к неудаче на Сенатской площади.

«Каторжная Академия» и созданные в казематах кружки не получили правильной оценки в буржуазно-либеральной историографии декабристов. С. Максимов, А. Дмитриев-Мамонов, П. Головачев рассматривали эти факты лишь как новое своеобразное проявление тюремного быта. Советские историки отвергли этот взгляд. В самом возникновении «Академии» и кружков М. В. Нечкина видит прежде всего явление общественное, характерное для идейной жизни России 30-х годов.[100]

Г. П. Шатрова, анализируя содержание споров, развернувшихся в Читинско-Петровский период, связывает их с эволюцией политических взглядов декабристов, которая началась именно в Сибири и привела их к размежеванию на два лагеря. Некоторые декабристы, будучи не в состоянии правильно понять главной причины своего поражения, превратились в «заурядных либералов» (С. П. Трубецкой, А. П. Беляев и др.), но многие подошли к пониманию роли народных масс в исторических событиях. Свою неудачу на Сенатской площади они связывали с тем, что не привлекли народ к восстанию.[101] О том, что этот взгляд был широко распространен среди декабристов, свидетельствуют, в частности, «Записки М. Н. Волконской», заканчивающиеся словами: «Нельзя поднимать знамени свободы, не имея за собой сочувствия ни войска, ни народа».[102] Несомненно, что это убеждение сложилось у М. Н. Волконской под влиянием декабристов.

К каторге были приговорены наиболее видные деятели декабристского движения, выделенные в первые пять разрядов «государственных преступников». Иная участь постигла декабристов 6—8-го разрядов — рядовых участников освободительной борьбы с самодержавием. Они подлежали ссылке прямо на крепости или вышли на поселение после двух-трех лет каторги. Два поселения им были подобраны самые глухие отдаленные углы в Западной и Восточной Сибири (Березов, Сургут, Нарым, Туруханск, Витим, Якутск и др.) с суровым, малоблагоприятным для земледелия климатом. Большинство сосланных жили в крайней нужде, испытывая голод, нищету. Эта часть участников событий 14 декабря представляла самый демократический слой декабристского движения. Почти никто из них не имел богатой родни, а если кто-нибудь получал денежную помощь в ссылке, то в незначительных размерах. Это вынуждало их просить от «казны пропитания». Такие прошения подали А. Шахирев, В. И. Враницкий, И. Ф. Фохт, А. Ф. Фурман, Н. О. Мозгалевский и др. Им выделили пособия в размере «солдатского пайка» или взамен его по 4 руб. 35 коп. серебром в месяц.[103] Это мизерное пособие обеспечивало только нищенское существование ссыльных, да и выдавалось нерегулярно. Неудивительно, что после смерти Н. Мозгалевского его вдова была вынуждена «отдать детей своих на пропитание и в услужение к людям, желающим их взять к себе».[104]

---

[98] Записки... И. Д. Якушкина, стр. 109.

[100] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 443, 444.

[101] Г. П. Шатрова. 1) Эволюция взглядов декабристов в сибирский период их жизни. В сб.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 199—206; 2) Декабристы в Сибири. Томск, 1962, гл. 1, § 3.

[102] Записки М. Н. Волконской. Чита, 1956, стр. 113, 114.

[103] А. М. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. Изд. 2-е. СПб., 1905, стр. 39, 42, 47, 65, 111, 112.

[104] Б. Г. Кубалов. Архив декабристов (д. 44, св. 34). В сб.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, стр. 206.

Annex в 1833 г. **указом** Царствующего распорядителя Николая I **об** исключении казенных пособий семьям декабристов и назначении высылаемым **о поселение** пахотной землей в размере 15 десятин.

Не все семьяне смогли вынести такую гнетущую обстановку. Не раз**ушло** именно первое десятилетие ссылки было отмечено **преждевременной** смертью ряда декабристов.[1]

В таких условиях прошла ссыльная жизнь «государственных преступников». Это рассказы. Местом для поселения им были назначены сибирские города и деревни, **расположенные недалеко от городских центров**. При выборе ссылки семьи принимались во внимание личные желания декабриста – их родственные и дружеские связи, сложившиеся за долгие **годы совместного пребывания в** каторжных тюрьмах. Например, А. М. Муравьев, окончив свой срок каторги, три года «ждал» брата, чтобы поселиться вместе с ним. К. П. Торсон и братья М. и Н. Бестужевы поселялись затем вместе в Селенгинске. М. Н. Волконская и ее муж, прошли с совместном поселении с Ф. Б. Вольфом, **чтобы иметь постоянную** врачебную помощь для своих маленьких и часто**мленных** детей.

Страшно далеки от народа еще 14 декабря 1825 г. **декабристы только** в Сибири начинающему писать увидели народ, сблизились с ним, знакомились с его нуждами и мыслями. Многие женились на сибирячках простых, **женщин, похожих** (например, Фаленберг, Кропоткин, Бечасный, В. Ф. Раевский, Кюхельбекер и др.). В **последовательной борьбе** за экономическое и культурное подъем Сибири декабристы немалую пользу делу внесли, **свое** мышление, свой привлекший, интересный **дело**. В предельно сжатых и четких **словах** выразил это М. С. Лунин: «Настоящее **житейское** положение наше **напоминает** со вступлением нашим в Сибирь. Где мы **поражены** словно в пространно **лишить** дел, которому себя посвятили».[2]

Сам Лунин даже в ссылке не прекращал борьбу с самодержавием. Живя в с. Урике на поселении, он **написал** для **острых политических** памфлетов и исторических статей, в которых смело обличал деспотизм и **деспотичество** в России. Выходящие в **публицистическом** произведениях Лунина были его знаменитые «Письма из Сибири», **адресованные** сестре Е. С. Уваровой. **Для распространения своих революционных** сочинений в Сибири Лунин привлек учителя Иркутской гимназии А. Муравьева, которой последнее передал написанное «Письма» не только своим знакомым иркутским **декабристам**, но и отправил его **родным** в Казань и Петербург. В 1838 г. о «Письмах» Лунина стало известно Бенкендорфу. Утром 27 марта Лунин со всеми захваченными у него бумагами был доставлен в Иркутск, а затем **препровожден** в Акатуй. Здесь он находился вместе с **декабристами**, **осужденными** за самые тяжкие преступления. Заключение Лунина в Акатуйскую **тюрьму** — одна из самых **мрачных** страниц **в истории декабристской каторги в** России. Декабрист **скончался** в тюрьме в 1845 г. и **погребен** в Акатуе. Причины смерти **в официальных документах** не указаны.

---

[1] Умерли в **ссылке** умерли: А. П. Шимков — 37 л., в Сургуте; П. Ф. Выгодовский — 41 г., в Якутске; Н. Ф. Шишков — 36 г., в с. Бельском; Н. И. Лорер — 39 л., в Вилюйске; Осипович, А. Ф. Фролов — 40 л., в с. Кыкламаи; Л. М. Аннен**ков** — 46 л., в Нерчинском; И. Ф. Фохт — 46 л., в Курске; П. В. Аврамов — 40 л., в Якутске и многие 15 лет погибли на долгие годы в Якутске; Н. Г. Репин и А. Н. **Андреев** (**Нет списка «убитых жизнью» дворянских революционеров будет** дополнен, если не ошибусь, что их 17 человек) умерли в первые годы ссылки в Сибири. А. Е. Розен, В. Н. Лихачев, А. В. Ентальцев, П. С. Бобрищев-Пушкин, Ф. П. Шаховской.

[2] М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 6. Эти мысли были позднее Л. Спиридову, которой он **признался** в своих **воспоминаниях** о Лунине. Отечественные записки. 1871, № 3, стр. 146, 380.

В условиях ссылки декабристы не надеялись подготовить новое революционное выступление. Они считали, что эта задача будет под силу лишь новому поколению борцов против самодержавия. Вместе с тем свою культурно-просветительную деятельность в Сибири они рассматривали как продолжение прежней борьбы с феодально-абсолютистским строем. В результате этой деятельности, полагали декабристы, станет возможным и участие «просвещенного» народа в будущих революционных преобразованиях. Участие же «непросвещенного» народа в восстании декабристы по-прежнему считали опасным. В этом проявилась дворянская ограниченность их взглядов, несмотря на [illegible] в сторону демократизма.[107]

За долгие годы пребывания в Сибири многие из декабристов стремились распространять агрономические знания среди местного населения, развивать народное образование и изучать природные богатства обширного края, ставшего для них второй родиной. Трудно найти такую отрасль знаний, которой они не занимались бы, причем в самых неблагоприятных условиях. Так, братья А. и П. Борисовы, образованные ботаники, энтомологи и орнитологи, начали свою научную работу по исследованию сибирской флоры и фауны еще на каторге в Благодатске, где в свободное время, закованные в цепи, собирали травы и составляли коллекцию насекомых и бабочек.

Живя среди народа, дворяне-революционеры стремились возможно глубже узнать его, всесторонне изучая народный быт. Одним из первых этнографов Бурятии был Н. А. Бестужев. Особый интерес представляют его наблюдения в области социального расслоения бурят. Декабрист пытался вскрыть источники экономического и правового порабощения бурятской бедноты, видя их в господстве ламаизма и обычаях калыма. «Ламское сословие — есть дань бурятского племени», — пишет он.[108]

Многие декабристы собирали материалы по истории Сибири (о г. Селенгинске — М. А. Бестужев, об Анадырском остроге — М. С. Лунин). В. И. Штейнгель еще в Петровском каземате написал статью обличительного характера («Сибирские сатрапы»).

Декабристы всячески помогали народу, в меру своих сил и возможностей они оказывали лечебную помощь населению. Еще в Чите, по предложению А. Г. Муравьевой, на средства жен декабристов была устроена небольшая больница, которой пользовались не только [illegible], но и местные жители.[109] Известным врачом-гуманистом был Ф. Б. Вольф. В Петровском каземате Вольф добился разрешения коменданта Лепарского лечить рабочих железоделательного завода и каторжан. На поселении в с. Урике, а затем в Тобольске он оказывал медицинскую помощь, отказываясь брать какие-либо вознаграждение, хотя основным источником его существования являлись скромное ежегодное «пособие», получаемое регулярно от Е. Ф. Муравьевой.

Декабристы придавали исключительное значение народному образованию, многие из них занимались им еще до восстания 14 декабря. В. Ф. Раевский, например, был одним из зачинателей создания в России школ взаимного обучения, так называемых ланкастерских. За использование их для пропаганды среди солдат он был арестован задолго до выступления декабристов. Г. С. Батеньков в 1818—1819 г. [illegible] ланкастерские школы в Иркутске, где даже издал для них учебник. Оказавшись в каторжных казематах, декабристы наметили следующие программные требования в борьбе за подъем культуры и просвещения Сибири: 1) создание широкой сети начальных школ за счет добровольных пожертвований мест-

[107] Г. П. Шатрова. Декабристы и Сибирь, стр. 6.
[108] А. Чуковская. Декабрист Н. Бестужев — следователь Бурятии. М., 1950, стр. 22.
[109] С. Максимов. Сибирь и каторга, т. 3. СПб., 1871, стр. 208.

ного населения, 2) официальное предоставление ссыльным права на обучение детей, 3) увеличение числа средних учебных заведений, 4) предоставление казенного содержания в высших учебных заведениях столицы для выпускников сибирских гимназий, 5) создание при Иркутской гимназии специального класса по подготовке людей для службы в Сибири, 6) открытие сибирского университета.[110]

С выполнением этой программы была тесно связана энергичная деятельность декабристов по обучению и воспитанию молодого поколения сибиряков, начатая еще на Петровском заводе и продолжавшаяся в самых отдаленных углах Сибири. Так, М. И. Муравьев-Апостол, сосланный в Вилюйск, начал учить местных детей в юрте, где он жил.[111] Занятия, временно прервавшиеся в связи с переводом Муравьева-Апостола в Бухтарминскую крепость, затем возобновил П. Ф. Выгодовский. А. Юшневский, А. Поджио, П. Борисов занимались обучением детей в Иркутске и его окрестностях, братья Беляевы — в Минусинске. В. Ф. Раевский открыл в с. Олонки (Иркутской губернии) две школы для обучения детей и взрослых.

В более широких масштабах декабристы развернули педагогическую деятельность в Западной Сибири — в Ялуторовске и Тобольске. Ее характеристика дана в исследовании академика Н. М. Дружинина.[112] Еще в досибирский период М. И. Муравьев-Апостол размышлял над системой воспитания дворянских юношей, видел и осуждал ее пороки.[113] На Петровском заводе И. Д. Якушкин занялся изучением различных отраслей знания, необходимых будущему педагогу. Позже он составил учебники географии и русской истории. Успехи в воспитании Якушкин ставил в прямую зависимость от нравственных качеств воспитателя. Поэтому он всегда стремился служить примером для учеников. Оказавшись на поселении в Ялуторовске, декабрист принялся энергично и последовательно осуществлять план развития народных школ в Сибири. Он выступил пламенным пропагандистом ланкастерской системы взаимного обучения как «самой дешевой и потому самой удобной для образования народа». При поддержке местной общественности были найдены кое-какие средства и сооружены школы для мальчиков и даже для девочек.

Сибирские чиновники, видевшие в лице декабристов лишь сосланных «государственных преступников», относились к ним с нескрываемой враждебностью. В самом существовании школ, созданных Якушкиным и другими декабристами, они усматривали стремление подорвать существующий порядок. На декабристов-учителей поступали доносы. В итоге была закрыта школа в Минусинске. Подобная угроза нависла над ялуторовскими школами. Только благодаря усилиям М. А. Фонвизина, близкого к генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову, оставлялись без внимания доносы, поступавшие в тобольскую канцелярию.

Содействуя подъему культурного уровня народных масс, декабристы надеялись воспитать новое поколение русской молодежи, способной в будущем развернуть активную борьбу с самодержавно-крепостническим строем.

Еще до восстания 14 декабря декабристы уделяли внимание Сибири. О судьбах ее народов ставился вопрос в «Русской правде» Пестеля. Сибирь и ее нужды волновали Батенькова и Штейнгеля. Корнилович интере-

---

[110] Г. П. Шатрова. Декабристы и Сибирь. Автореф. Томск, 1958, стр. 10.
[111] М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пгр., 1922, стр. 63, 64.
[112] Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа. Уч. зап. Московск. городск. пед. инст., т. 2. Кафедра истории СССР, вып. 1, 1941, стр. 33—56.
[113] Записки... И. Д. Якушкина, стр. 246.

совался историей исследования Сибири. Окидывая широким взглядом Россию в целом, декабристы считали подъем ее окраин одним из условий быстрого роста производительных сил страны. Главное препятствие этому росту они видели в господстве крепостнических отношений. В экономическом трактате «О свободе торговли и вообще промышленности» Н. А. Бестужев, считая земледелие основным источником народного богатства и внешней торговли, доказывал, что оно не может «процветать в России под ярмом рабства».[114]

М. А. Фонвизин в «Записке по крестьянскому вопросу», составленной в Сибири, говорил о крепостном состоянии земледельцев в России как об одной из «самых мрачных нравственных истин».[115] С этих позиций декабристы рассматривали и будущность Сибири. Многих из них горячо волновали вопросы, связанные с путями и перспективами развития отдаленного края, в котором им пришлось провести долгие годы каторги и ссылки.[116]

В разрешении наболевших вопросов местной жизни декабристы стояли на голову выше государственных деятелей и публицистов либерального направления, стремясь словом и делом выявить имеющиеся возможности для экономического и культурного подъема Сибири.

Г. С. Батеньков и другие декабристы выступали в своих статьях (1840—1850 гг.) за «вторичное присоединение» Сибири, утверждая, что в будущем Сибирь должна войти в состав России как «равноправная и неотделимая спутница русского народа».[117] Коренные же сибирские народности, отставшие в своем развитии, должны быть приобщены к высокой русской культуре.

Прогрессивный характер взглядов декабристов на Сибирь состоит в том, что, выдвигая требование об уничтожении колониального гнета, они вместе с тем не ставили вопрос об отделении Сибири от России. Наоборот, многие декабристы связывали окончательное уничтожение эксплуатации в Сибири с свержением самодержавного режима в стране. Но они полагали, что и до этого возможно готовить условия для грядущего освобождения Сибири путем подъема ее производительных сил и культурного уровня населения. Пламенные патриоты, охваченные стремлением улучшить положение народных масс, декабристы в суровых условиях каторги и ссылки разработали обширную программу подъема производительных сил и культурного уровня Сибири.

Для подъема главной отрасли тогдашней сибирской экономики — сельского хозяйства — декабристы считали необходимым и возможным: 1) изменить систему взимания налогов с сибирских крестьян, переложить тяжесть ее с беднейших слоев на зажиточные; 2) распродать казенные земли и частные руки, уничтожив тем самым монополию казны, наличие которой Батеньков считал главной причиной отсталости сельского хозяйства; он предлагал, например, распродать пустующие земли Алтайского горного ведомства; 3) организовать образцовые хозяйства; 4) в главных городах Сибири открыть сельскохозяйственные школы, призванные распространять агрономические знания среди сибирского крестьянства (предложение А. О. Корниловича); 5) оказывать экономическую помощь крестьянам в обзаведении хозяйством, привлекать переселенцев из Европейской России в Сибирь; открыть крестьянские банки в каждой волости.

Для подъема промышленности декабристы считали необходимым: 1) знакомить русское общество и сибиряков с огромными естественными богатствами края, привлекать капиталы российских и сибирских купцов

---

[114] Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М., 1939, стр. 239.
[115] ЦГАОР, ф. Якушкиных, № 295, л. 1 (без даты).
[116] Г. П. Шатрова. Декабристы в Сибирь, стр. 78.
[117] Там же, стр. 94, 128.

для разработки этих богатств; 2) разрешать и поощрять образование торгово-промышленных компаний (Н. В. Басаргин); 3) готовить и привлекать к разработке богатств края людей практических и образованных, способных применять и распространять достижения науки и техники.

Интересны также предложения декабристов, которые должны были способствовать развитию торговли в Сибири: 1) завести торговый флот на Тихом океане, открыть новые пути сообщения по системе сибирских и российских рек; 2) построить железную дорогу от Перми до Тюмени и проселочные дороги, соединяющие города Западной и Восточной Сибири; 3) открыть коммерческое училище.

Помимо отмеченных пунктов, декабристы выдвинули в своей программе политические требования: 1) уничтожение колониального гнета; 2) предоставление Сибири свободы и самоуправления; 3) преобразование административного аппарата управления; 4) реорганизация суда.

Оценивая декабристскую программу всестороннего подъема Сибири, необходимо прежде всего отметить, что она носила ярко выраженный просветительский характер.

Реализацию своей программы декабристы не связывали с быстрым ростом сознания народных масс, их борьбой против самодержавно-крепостнического строя в ближайшем будущем. По их мнению, лишь развитие просвещения приведет к появлению в Сибири нового поколения людей. Они возглавят управление краем и поведут борьбу с колониальным гнетом.

Декабристы видели нужды Сибири, но не могли понять, что низкий уровень развития всех отраслей ее экономики обусловлен не только колониальным гнетом, но и господством «государственного феодализма». При этом условии было невозможно добиться той цели, которую ставили перед собой декабристы — подъема материального уровня народа. Но для своего времени декабристская программа была в известной мере прогрессивной.

При отсутствии в Сибири помещичьего землевладения реализация этой программы способствовала бы распаду феодальной системы производства и развитию капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве.

5. СИБИРЬ В ГОДЫ НИКОЛАЕВСКОЙ РЕАКЦИИ. ПОЛЬСКИЕ ПОВСТАНЦЫ В СИБИРИ

Обстоятельства сложились так, что восстание дворян-революционеров, проходившее на рубеже 1825—1826 гг., не временно представлял собой новый большой подъем массового антифеодального и национально-освободительного движения, охватившего Россию в 1830—1831 гг. Восстание в Новгородских военных поселениях, так называемые «холерные» и другие «бунты» и восстание в Польше, происходившие в условиях развертывания революции в Западной Европе, были направлены против устоев царизма и вызывали с его стороны жестокие репрессии.

В Сибирь потекли новые потоки ссыльных — участников народных движений, в том числе польские повстанцы. Среди них многие солдаты и разжалованные офицеры направлялись для службы в сибирские военные команды.

Среди польских повстанцев, нашедших в казачьи войска Омского округа, сложилось тайное общество во главе с Сероцинским и Шокальским. В Омске и его окрестностях собралось до двух тысяч поляков. 15 июля 1833 г. намечалось восстание в Омске. Имелось в виду освободить из острога арестантов, овладеть оружием и боеприпасами; в случае удачи, подняв каторжан и поселенцев по всей Сибири, оторвать ее от России; при

неудаче выступления — отор ти с оружием через Среднюю Азию в Индию. Но напрасно т ,...атели. Организаторы заговора были арестованы. Хватали всех подозрительных: поляков и русских солдат, поселенцев, крестьян. Было арестовано до 1000 человек. Следствие длилось 3 года. Активных участников заговора прогоняли сквозь строй с последующей ссылкой в каторжные работы.[117]

Трудно сказать, была ли установлена какая-нибудь связь между омскими заговорщиками и польскими ссыльными в других областях, но волнения среди польских ссыльных в ряде мест Сибири в 1833—1836 гг. были. Так, солдаты бывшей польской армии, присланные на службу в инвалидную команду г. Енисейска, осенью 1833 г. протестовали против казарменного положения.[118] В Красноярске, по данным полицейской агентуры, польские солдаты местного батальона старались привлечь на свою сторону русских солдат. В донесении отмечалось, что «более полубатальона ... готовы им на пособие», что восстание намечается на весну 1834 г. и заговорщики «к началу возмущения ... ожидают государственного преступника Якубовича, находящегося в каторжной работе за Байкалом».[120] Память о декабристах была жива среди польских повстанцев и рождала у них надежды на организационную помощь. Солдаты-поляки вел: связались и в Ачинске.[121]

Наиболее прочные связи польских повстанцев с русскими ссыльными возникали в тяжелых условиях подневольного заводского труда, как например на Иргинском винокуренном заводе. Здесь в 1836 г. полячка группа по подготовке восстания во ... - солдатом из повстанцев М. Соколовским, политическим арестантом М. Старжинским и ссыльным М. Мистровским. Они привлекали русских ссыльных. По словам М. Григорьева, отправленного на завод за участие в «холерном бунте», Соколовский убеждал его «делать свободу», ... как «за ...кой есть много старателей и будет общее восстание». Повстанцы с Иргинского завода поддерживали связи с заговорщиками в Иркутске, видимо в целях конспирации, через заводского рабочего Глухова и некую Анну, дочь рабочего иркутского ремесленного дома.[122]

Разговоры о подготовке восстания поляками волновали трудовой люд Сибири. В Томском округе шли слухи между поселенцами, что мятеж начнется на золотых приисках, где скопилось около 3 тыс. ссыльных.[123]

Стремясь привлечь на свою сторону сибирских крестьян и поселенцев, повстанцы использовали издавна еще с 1825 г. разговоры и кривотолки о цесаревиче Константине. В 1831 г. было сообщено о его смерти, но поляки распространили слух в Омске, в казенных поселениях Енисейской губернии и, видимо, в других местах, что цесаревич жив, скрывается в Иркутске под чужим именем и вскоре начнет там с поляками восстание; всех примкнувших к восстанию ожидают «деньги, вольность и свобода». Поселенцы, толкуя эти слухи по-своему, говорили: «... пришедшие полки в Иркутск возвратятся в Россию — отберут от помещиков крестьян».[124]

Стали появляться самозванцы. Уже в 1833 г. проезжавшая из Красноярска в Иркутск некая Мария Павловна выдавала себя за дочь Павла I и «за истину сказывала», что цесаревич Константин уже «находится скрытно в Сибири» и «будет перемена в правлении».[125] В 1835 г. в Крас-

[117] С. Матесимов. Сибирь и каторга, стр. 63—66; А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири, стр. 134—137.
[118] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кор. 7, д. 128, л. 258.
[119] Там же, лл. 209—215.
[120] Там же, лл. 316—324.
[121] Там же, кор. 13, д. 325.
[122] Там же, кор. 7, д. 128, л. 323.
[123] Там же, лл. 157, 158, 186—196.
[124] Там же; см. также: ГАИО, ф. Коллекций документов о декабристах, оп. 1, д. 17.

ноярском округе объявился «цесаревич». Самозванный Константин вскоре был арестован, но в пути освобожден приставленными в конвой крестьянами. Власти его разыскали и схватили вновь уже в Енисейском округе. Самозванцем оказался Н. Прокопьев — бродяга, в прошлом солдат, бежавший из заграничного похода 1814 г.[126]

Положение обострилось летом 1834 г. В Западной Сибири войска были приведены в боевую готовность и сосредоточены в районах Томска и Красноярска.[127] Власти не на шутку встревожились. Допросы и аресты, начатые среди населения, не столько парализовали движение, сколько взволновали массы, возбуждая в них всевозможные толки и надежды. Опасаясь этого, власти повели расправу без особой огласки, прибегая преимущественно к переводу неблагонадежных на работу и службу в более отдаленные места.[128] Вместе с тем сибирским генерал-губернаторам давалось право «за возмущение и бунт селением или артелью не менее 10 человек ... ссыльно-каторжных предавать суду по половому уголовному положению, а ссыльно-поселенцев — военному суду, по общим уголовным законам».[129]

Волнения и заговоры сосланных в Сибирь польских повстанцев падали на благодатную почву, они находили сочувствие и поддержку сибиряков, особенно поселенцев и каторжан. Однако разрозненные, не имевшие радикальной программы борьбы заговоры не могли иметь успеха.

После разгрома декабристов и подавления общественных движений начала 30-х годов в стране установилась неприкрытая реакция. Всемерно укреплялся бюрократический аппарат управления, на руководящие посты выдвигались наиболее консервативно настроенные чиновники. В 1829 г. был убран из Томска И. И. Соколовский, председатель губернского правления;[130] в 1831 г. по доносу жандармского полковника Маслова, присланного Бенкендорфом в Сибирь для наведения «порядков», был снят с должности енисейского губернатора А. П. Степанов без права занятия руководящих постов в других губерниях.[131] Н. П. Горлов за «потворство» декабристам был убран еще ранее. Даже иркутский губернатор Цейдлер был признан «излишне слабым» к «государственным преступникам».[132] На высшие административные должности Николай I предпочитал вместо гражданских лиц назначить военных. Генерал-губернаторские посты заняли в Западной Сибири — будущий горе-герой Крымской войны князь П. Д. Горчаков (1836 г.), а в Восточной — С. Б. Броневский (1834 г.), долгие годы командовавший сибирскими войсками. Последнего на посту генерал-губернатора вскоре сменил генерал из жандармов В. Я. Руперт (1837—1847 гг.). Сибирский комитет был расформирован (1838 г.), но впоследствии восстановлен (1852 г.). Жандармы рыскали по Сибири. Всюду мерещилась крамола. Когда в 1835 г. на торжественном собрании в Иркутской гимназии выступил учитель Поликсеньев с речью «о влиянии вкуса на словесность и нравы», текст которой предварительно не был согласован с начальством, генерал-губернатор Броневский остановил его и, отобрав написанный текст, отослал как «неблагонадежный» на просмотр в Петербург министру просвещения. Но иркутские обскуранты перестара-

---

[126] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кор. 9, д. 217.
[127] Там же, кор. 7, д. 128, лл. 391, 392, 420.
[128] Там же, лл. 355, 356.
[129] Вопрос о смертной казни в Сибири. Древняя и новая Россия, 1876, № 8 стр. 317.
[130] ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 11, д. 96.
[131] А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. Красный архив, 1930, т. 38 стр. 146; ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кор. 8, д. 184.
[132] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кор. 20, д. 8.

лись. Даже сам Уваров, этот столп реакции, ничего «вредного для общества» в рукописи не обнаружил.[133]

Между тем в Сибирь ежегодно поступали тысячи новых ссыльных. Среди них, кроме так называемых «политических преступников», было немало разного рода бунтарей. Из 8208 осужденных, поступивших в Сибирь в 1835 г., семеялось за участие в освободительном движении и в возмущениях против властей 79 человек; за неповиновение властям и помещикам, а также убийства последних и поджоги — 405; за преступления против веры (богохульство, святотатство, раскол) — 85; за прочие виды проявления социального протеста (подача жалоб, попытка к самоубийству и пр.) — 71 человек.[134]

Царизм умел расправляться со своими врагами. Тяжелой оказалась судьба декабриста Г. С. Батенькова. Николай I после разгрома восставших не хотел ссылать сибиряка на родину, боясь его авторитета и влияния в этом далеком крае. Бывшего правителя дел Сибирского комитета продержали в каземате Петропавловской крепости в полном одиночестве 20 лет (в заточении он едва не лишился рассудка) и лишь в 1846 г. выслали в Томск.

Темная ночь николаевского царствования не только угнетала, она отравляла сознание, развлагала самые души лю[illegible] ...ала разнаго-чением. «Однажды... наказывали шпицрутенами на смерть какого-то убийц, — пишет С. С. Шашков, — на эту ужасную сцену любовались даже многие дамы, между прочим актриса Николаева. Да и как было не огрубеть чувству, не отупеть нервам, когда, бывало, только и видишь, что кого-нибудь порют, слышишь дробь барабана».[135] В этих условиях гибли таланты: погибал в расцвете сил одаренный сибирский поэт Ершов и талантливый исследователь Сибири друг Батенькова Гедеонтром.

Между тем жизнь не стояла. В стране все заметнее назревал кризис феодально-крепостнической системы. Исподволь, незаметно, год от года поднимался уровень общественных интересов сибирской интеллигенции. Ее общественная жизнь протекала, конечно, не в шумных раутах, которые устраивали у себя Руперт или Горчаков, а струилась вдали от них тесным, подчас готовыми пересохнуть струйками, в неофициальных кружках, преимущественно литературного направления, причем не только в губернских центрах, но теперь и на периферии, вне поля зрения начальственного глаза. В Иркутске Н. И. Виноградский издавал рукописную газету «Домашний собеседник, будучи в ней и редактором, и переписчиком. «Издание» находилось под постоянной цензурой самого Руперта. «Газета была довольно пустая», — вероятно не без основания замечает о ней В. И. Вагин — в юности один из ее авторов.[136] Иначе выглядели «Кяхтинский литературный вестник» и «Кяхтинская стрекоза» — рукописные журналы, издание чуть ли не литературного кружка, если не сатирическая. Их учредил местный штаб-лекарь А. И. Орлов, философ и поэт, по отзыву декабриста В. Кюхельбекера. «Стрекоза» переписывалась в 60 экземплярах, выходила листками в течение четырех лет. Орлов как-то поддерживал связи с декабристами, бывшими еще в Петровском каземате. «Стрекоза» им высылалась, причем некоторые декабристы писали в нее. В баснях В. Л. Давыдова, несмотря на правку, «намеков было много». Из беглых заметок М. И. Семевского, сделанных со слов М. А. Бестужева о «Стрекозе»,

---

[133] Там же, ксер. 20, д. 7, лл. 1—5.
[134] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 46, лл. 3, 4.
[135] С. С. Шашков. Автобиография. Восточное обозрение, 1882, № 28, стр. 12, 13.
[136] ГАИО, Личный фонд В. И. Вагина, оп. 1, ксер. 2, д. 15.

можно вспомнить, что в ней также была помещена шутка на Новый 1 (Николаевск, с 20 или 30 строк:

Он находится среди чинов
И служит в числе коллегии.
Но где — я не выдаю,
Точно промышляет в монополии.

Сатирическая рукописная газета, подобная каторжной, выпускалась и в Туринске. Ее создателем С. Черепанов также был сослан в декабристами. Экземпляры газеты посылались как в Иркутск, так и в Вохтомскую и Усть — Уду «столицу декабристов».[18]

Группа местной интеллигенции, объединенная преимущественно врачебскими интересами, сближалась с Черепановым. Некоторые из представителей А. А. Медокинов, М. А. Знаменов и др., поддерживали связи с декабристами.[19]

Вообще нельзя переоценить ту исключительную роль, которую играли декабристы в развитии общественной и культурной жизни Сибири. В любом месте, где бы они ни были, в Туринске или Мариинске, Киренском или Якутском, рождались ростки новой мысли. Общественные интересы передовой сибирской интеллигенции подтверждает на полях нашему [illegible] «Записки декабриста» Н. И. Лорера, в Иркутске более детально изучался быт и нравы сибирской «Библиотека для чтения» Сенковского, но в 40-х годах эти устарели места «Отечественных записок». С 1847 г. акт «Отечественными записками» взял решительный перевес преобразованный «Современник».[20] По крайней мере в том же 1847 г. в Сибири начинают привлекать к себе внимание социалистические идеи учеников. Этим годом датированы сделанные в Красноярске Ф. А. Черносвитовым переводы из Фурье.[21]

В 1840—1850 гг. из которых были направлены наиболее активные участники социалистического кружка М. В. Петрашевского: Сам Петрашевский, Н. А. Спешнев, Ф. Н. Львов, Н. А. Момбелли и П. П. Филиппов отбывали каторгу в Нерчинских заводах (Шемелинском, Алексеевском, Акатуе). Манифест 26 августа 1856 г. освободил их. Петрашевский, Спешнев и Львов были поселены в Иркутске. Ф. М. Достоевский и С. Ф. Дуров первые года ссылки провели в Омском остроге, после чего Достоевский был начислен рядовым в гарнизон Семипалатинска; из Сибири не вернулся в 1859 г. Ф. Г. Толль и Н. А. Исторжимский были отправлены на каторжные работы на заводах Западной Сибири.

В 1849 г. потрясенное до предательства дна царизма такой опасности, как декабристы в 1825 г. Поэтому на сами возможности не полагаясь в отдельную тюрьму и рассеять поодиночке, разбросав среди уголовных отъявленных преступников, не желая, чтобы петрашевцы использовали

[17] Воспоминания Бестужевых. стр. 394, 396; М. К. Азадовский. Очерки истории … литературы. Иркутск, 1947, стр. 110. [18] Исторические взгляды в Сибири. Ее статья в сборнике учёной деятельности академика А. С. Орлова. А., 1948, стр. 241—243.

[19] М. К. Азадовский. Указанные материалы, … стр. 282—284.

[20] Б. Сорокин. Начало Чтения. 1889, стр. 87, 43 и пр.

[21] В. И. Бутов. Сосланные сюда в Мариинск (рукописный ГАИО. Личный архив В. И. Бутова, оп. 1, инв. 2, д. 23, л. 31.

[22] Ф. А. Черносвитов — великий сибирский золотопромышленник. Сосланный также в Петербург по окончании Петрашевского, увлекся идеей о частном прииске золотых. Размывал много с помощью начать восстание в Сибири, разбогатевший снес с плеча и дворце. Черносвитов был крестником по сути петрашевцев строя, является в Восточной Сибири. В Сибири провел всю свою жизнь и в 1858 г. Цит. по: [illegible] т. 30—А. 1912, стр. 413—20. [23] В. Ф. Дудин. Записки о деятельности Литературного кружка М. В. Петрашевского. М.—Л., 1928, стр. 175. [24] Г. Кеппен. Дополнительные материалы Ф. А. Черносвитова. в Сибири. В кн.: Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма, вып. 3. Новосибирск, 1967).

теми же льготами в Сибири, как декабристы, специально дало указание, чтобы их считали каторжниками «в полном смысле слова». В Западной Сибири это распоряжение было выполнено почти буквально, в Восточной же Сибири благодаря более либеральной администрации петрашевцы были почти полностью свободны от каторжных работ и могли жить на собственных квартирах. В Сибири петрашевцы находились сравнительно недолго (в среднем по 5—6 лет на каторге и 5 — на поселении).

Годы ссылки отразились на мировоззрении петрашевцев. Хотя почти все они остались верными прежним антикрепостническим и социалистическим убеждениям, часть петрашевцев порвала с материализмом. Усилились и их либеральные колебания; некоторые из петрашевцев отказались от методов революционной борьбы.

Находясь в Сибири, петрашевцы вели активную общественно-политическую деятельность. Особенное значение имеет самоотверженная борьба Петрашевского за революцию и социализм. Он избрал здесь своеобразный путь к достижению социализма. Петрашевский пришел к выводу, что главным способом подготовки революции и затем перехода к социалистическому строю должно стать противодействие властям, основанное на принципах естественного права и направленное на то, чтобы и правительство вынуждено было принять этот принцип. Сам он с редким упорством и стойкостью старался показать на деле, как нужно добиваться проведения этого принципа, резко критикуя беззаконные и несправедливые действия властей, разоблачая их, стремясь привлечь к этой борьбе возможно более широкие массы. Эту борьбу он не прекращал до последних дней жизни, несмотря на непрерывные преследования правительства и тяжелые условия жизни. Умер он в 1866 г. в селе Бельском, недалеко от Енисейска.

В противодействии произволу, которое для Петрашевского было лишь частью борьбы за социализм, ему удалось достичь некоторых успехов. Возглавив в 1859 г. массовое движение в Иркутске против местной администрации, Петрашевский и Львов объединили широкие круги населения и фактически парализовали на некоторое время чиновничий аппарат города.

Важной заслугой петрашевцев следует признать также организацию и руководство печатью Восточной Сибири, носившей демократический характер. Спешнев был первым редактором «Иркутских губернских ведомостей», а Петрашевский и Львов играли виднейшую роль в редакции газеты «Амур». Сами они тоже проявили себя как активные публицисты, написав в Сибири не менее 41 статьи (Львов — 23, Петрашевский — 11, Спешнев — 7). Петрашевцы резко критиковали порядки и обычаи феодализма, настойчиво требовали замены их новыми, более прогрессивными буржуазными принципами и институтами. В отдельных статьях Петрашевский и Львов проводили социалистические идеи. Все эти черты произведений петрашевцев обращали на себя внимание цензуры, которая нередко ставила препятствия к их опубликованию или классифицировала их как слишком резкие. Хотя в произведениях петрашевцев выдвигались мысли о необходимости изменения политического строя России, коренного улучшения жизни низших классов, но нередко они ставили на первое место частные реформы, которых иной раз надеялись добиться в рамках существующего строя. Для Сибири журналистская деятельность петрашевцев имела огромное значение, способствуя росту прогрессивных и отчасти даже революционных настроений.

Ф. М. Достоевский написал в ссылке повести «Маленький герой», «Село Степанчиково и его обитатели», «Дядюшкин сон». В ссылке же писатель выполнил основную часть работы по созданию знаменитых «Записок из мертвого дома», в которых ярко были показаны бесправие и тя-

жесть положения не только каторжан, но и трудящихся масс вообще. К критическому направлению русской литературы примыкают и очерки Ф. Г. Толля «Два года в К-ском заводе», напечатанные вскоре после возвращения его из Сибири.

Многие петрашевцы занимались и педагогической деятельностью. В Александровском заводе они открыли школу, сразу же завоевавшую авторитет жителей. Львов первым в Сибири прочел курс публичных лекций (в Иркутске в 1859 г.). Он также успешно занимался здесь химией, был одним из пионеров бальнеологии в Сибири. Совместно с доктором Вейрихом Львов исследовал минеральные источники Забайкалья, дал химический анализ минеральных вод. Он обследовал Усольский солеваренный завод, Алибердовские графитные прииски, изучал месторождения каменного угля на Аргуни. В отчете по обследованию Усольского солеваренного завода Львов писал о взаимоотношениях между трудом и капиталом. Он отмечал, что «всякая промышленность может процветать только при условии свободного труда».

Петрашевцы глубоко интересовались Сибирью, ее проблемами и нуждами. Коренное улучшение жизни угнетенных классов они связывали с большими политическими переменами в центре страны. Петрашевский еще в 1841 г. мечтал о «правлении республиканском» в Сибири, а в годы ссылки предсказывал, что Сибирь может стать проводником социалистических идей для народов Азии.

Разнообразная общественная деятельность петрашевцев вызвала интерес у передовых кругов России. За ней внимательно следили такие известные революционеры-демократы, как А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. В. Берви-Флеровский, шестидесятники. Большой размах волнений в Иркутске и роль в них Петрашевского были отмечены К. Марксом и Ф. Энгельсом,[12] получившими сведения о них через Н. И. Утина.

Широкая общественная деятельность петрашевцев в Сибири позволила им, с одной стороны, повести за собой демократические слои сибирского населения на решительную борьбу с институтами и традициями крепостничества, а с другой — вызвала ненависть к ним реакционной части сибиряков, прежде всего крупного чиновничества.

---

[12] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество рабочих. Соч., изд. 2-е, т. 18, стр. 428.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Культура Сибири

В конце XVIII—первой половине XIX в. расширяются и углубляются экономические связи между самыми отдаленными друг от друга районами России. Развитие культуры в это время также характеризуется важными процессами. Прогрессивные явления прокладывали себе путь в жестокой борьбе с рутиной, порождавшейся и всемерно поддерживаемой консервативными силами во главе с царизмом и церковью. При этом передовая культура не только все больше и больше овладевала сознанием широких слоев русского народа, но оказывала возраставшее влияние на все другие народы России. Эти общие процессы историко-культурного развития протекали как в центре, так и на окраинах страны, проявляясь во всех областях просвещения, науки, литературы, искусства.

1. НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ[1]

До открытия в 60-х годах XVIII в. Главных и Малых народных училищ в Сибири были лишь духовные, военные и профессионально-технические учебные заведения. Сословные школы развивались и в последующее время. Церковь располагала тремя семинариями (Тобольская, Иркутская и с 1858 г. Томская) и рядом духовных училищ. В них набирались преимущественно дети церковнослужителей. В семинариях учились по 10—15 лет. Бурсы отличались развратом и жестокостью нравов.

В специальных школах готовились кадры для горной промышленности. К началу 60-х годов XIX в. на Алтайских заводах и в Нерчинском горном округе насчитывалось 19 горнозаводских школ. Кроме того, в Барнауле работало Горное училище, готовившее казны горных мастеров. В нем изучались основы металлургии, минералогии, маркшейдерское дело и другие специальные дисциплины. Растущая потребность в грамотных рабочих кадрах побудила также открыть школы для детей рабочих при некоторых винокуренных заводах, где учителями были семыльно-поселенцы.

Значительное внимание царское правительство уделяло подготовке военных кадров. В конце XVIII в. прошла реорганизация гарнизонных школ, завершившаяся переименованием их в военно-сиротские отделения, развернутые в Тобольске, Омске, Петропавловске и других городах.[2] В них поступали дети солдат. До семилетнего возраста их оставляли при родственниках, а затем забирали как феодальную собственность военного

[1] Данные о народном просвещении, которые не имеют в тексте ссылок, взяты из книги: Н. С. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923.

[2] В. К. Андриевич. Сибирь в XIX столетии, чч. 1—2. СПб., 1889, стр. 103.

ведомства для обучения и воспитания.[3] Военно-сиротские отделения Сибири к 1820 г. насчитывали более 7 тыс. человек. Здесь детей учили грамоте, арифметике, геометрии, игре на флейте, барабанному бою и военному делу.[4] Для казацких детей в станицах создавали особые школы типа сельских. В 1813 г. в Омске открылось войсковое училище Сибирского казачьего войска, преобразованное в 1846 г. в кадетский корпус.

Развитие общеобразовательной школы в Сибири, начавшееся с создания трех Главных и десяти Малых народных училищ в соответствии со школьной реформой 1786 г., в период усиления реакции в 90-х годах затормозилось, некоторые училища были закрыты. Несмотря на эт., известный прогресс, достигнутый в XVIII в. в области народного просвещения в Сибири, неизбежно должен был получить дальнейшее развитие в XIX в.

Изменения внутриполитического курса царизма в начале XIX в. (вынужденная игра Александра I в либерализм) породили новую школьную реформу 1803—1804 гг. Россия была разделена на 6 учебных округов, возглавляемых университетами. Сибирь вошла в состав Казанского учебного округа.

Главные народные училища в Тобольске и Иркутске были реорганизованы в губернские гимназии. Было решено открыть третью гимназию в г. Томске, но открыли ее только в 1838 г. Создание гимназии в Красноярске было утверждено в 1828 г., а осуществлено ровно через 40 лет. В ведении директоров гимназий находились уездные училища, создаваемые вместо бывших Малых училищ. Низшей ступенью обучения должна была стать сеть приходских училищ, которые намечалось открыть [illegible] городах, так и в сельской местности. Содержание гимназий и уездных училищ государство принимало на себя, местное же население обязывалось предоставлять для них здания и обеспечивать оборудованием. Приходские школы, наиболее доступные широким кругам народа, передавались целиком и полностью на содержание местному обществу.

Тяжелое положение, в котором оказалось население России во время войн 1805—1815 гг., неблагоприятно сказалось на проведении только что начатого реформирования просвещения. Вместо 32 уездных училищ, запланированных в Сибири, к 1815 г. фактически было организовано только 7 (Тобольское, Томское, Иркутское, Верхнеудинское, Енисейское, Якутское, Троицкосавское). Вместе с тем Отечественная война послужила толчком к подъему общественной мысли в Сибири, как и во всей России. Некоторое оживление в области просвещения связано также с проведенной М. М. Сперанским ревизией и реформой местного управления. С 1817 по 1826 г. было создано еще 13 уездных училищ (в Нерчинске, Нижнеудинске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Кузнецке, Якуторовске, Ишиме, Кургане, Таре, Туринске, Березове).

С наступлением реакции во второй четверти XIX в. дело просвещения вновь заметно затормозилось. В 1828 г. был издан новый школьный устав, усиливавший наблюдение царских чиновников за школами; сибирские учебные заведения ставились под генерал-губернаторский надзор. В них укреплялась система муштры и зубрежки, в учебном процессе возрастала роль православного духовенства.

Во второй четверти XIX в. происходят важные изменения в социальном составе учащихся учебных заведений Сибири. Ранее, с конца XVIII в., в сибирских Главных народных училищах было приблизительно равное количество учащихся от каждой из трех социальных групп (дворяне и чиновники; купцы и мещане; солдаты, крестьяне, казаки). И хотя в это же время в Малых народных училищах удельный вес второй из этих групп

[3] ПСЗ, т. XXXIII, № 26376.
[4] РО ГБА, ф. Г. С. Батенькова, кор. 4, д. 7.

(выходцы из городских сословий) достигал 65%, сибирское образование в целом не носило еще тогда сколько-нибудь четкого сословного характера.[5]

Эта картина решительно изменилась во второй четверти XIX в. В 1860 г. в Западной Сибири представители привилегированных и имущих слоев (дети дворян, чиновников, духовенства и купцов) составляли 85% всех учащихся гимназий, 32% — учащихся уездных училищ и только 13% учащихся приходских училищ. В то же время доля детей крестьян, казаков, мещан и других городских обывателей составляла в гимназиях лишь 15%, в уездных училищах — 68%, а в приходских училищах — 87%. Сословный характер школы выступает здесь весьма отчетливо.[6]

Расходы крепостнического государства на народное образование были минимальными. В Западной Сибири, например, в 1831 г. они составляли 0.7% всей расходной части бюджетов западносибирских губерний,[7] а к 1851 г. «возросли» до 1.7%.[8] Примерно той же долей обеспечивались нужды школ и городскими бюджетами. Так, в Каинске, по данным 1842 г., ратуша расходовала на содержание одной только гражданской полиции 3136 руб., отпуская в то же время училищу 150 руб. (1.8% в общей сумме городских расходов).[9] Все же благодаря общественной помощи некоторые школы оказывались сравнительно хорошо снабженными пособиями, имели библиотеки, а при Иркутской гимназии был даже музей, содержавший разнообразные коллекции, в значительной степени краеведческого характера.

Среди сибирских учителей были замечательные педагоги, энтузиасты своего дела: И. П. Менделеев (отец великого химика), поэт П. П. Ершов, натуралист С. С. Щукин, географ Р. К. Маак и другие. Такие учителя творчески работали с учащимися, отдавая их воспитанию не только часы занятий, но и свое свободное время. В целом же Сибирь испытывала серьезные трудности в подборе квалифицированных учительских кадров. В школах процветали тупая муштра, зубрежка, наказания: пороли и сторожке, ставили на коленях в коридоре, заставляли провинившихся держать друг друга за волосы и т. д.

Число учеников всех классов обеих сибирских гимназий до середины 30-х годов не превышало 130 человек. Лишь в 40-х годов их контингент стал заметно возрастать, достигнув к 1860 г. (теперь уже в трех гимназиях) 600 человек. Большинство учащихся бросало гимназию до окончания курса, поступая на службу в разные канцелярии. В первой половине XIX в. в каждой из гимназий выпуски бывали от 2 до 10 человек в год — бесконечно мало по отношению к полуторамиллионному населению Сибири.

Основная масса населения Сибири была неграмотна. Особенно отставали в культурном отношении народы Севера. Свою письменность имели лишь буряты и сибирские татары. Да и то ею владело ламаистское и мусульманское духовенство. Сибирские народы довольно широко пользовались пиктографией. Родовые и личные знаки в виде схематизированных рисунков животных, птиц, людей заменяли собою подписи. Они имели широкое практическое значение. Например, охотник в тайге, нанося их на деревья, обозначал пройденный путь и указывал дорогу другим.[10] В Якутии даже в более позднее время известны случаи, когда неграмотные

[5] Н. С. Юрцовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 47; ГАИО, ф. Иркутской городской управы, оп. 1, д. 1198, лл. 6—7.

[6] По материалам отчета инсп. училищ Зап. Сибири. ГАТО, ф. Главного инспектора училищ Западной Сибири, оп. 1, д. 97, лл. 13—18.

[7] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 38, лл. 13—18.

[8] Там же, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 13, д. 32-а, л. 170 и сл.

[9] А. Якимовский. Краткое статистическое описание г. Каинска за 1842 г. (рукопись). АСИИ, ф. Археографической комиссии, д. 72, лл. 16—17.

[10] Н. Сорокин. Путешествие к вогулам. Казань, 1873, стр. 45, 46.

купцы при помощи пиктографии, применяя самые разнообразные рисунки и условные знаки, вели долговые книги.[11]

Распространение грамотности не только среди национального, но также и русского населения шло крайне медленно. Формально оно должно было начаться через приходские училища с введением школьных уставов конца XVIII—первой половины XIX в. В городах хотя и медленно, с большими трудностями из-за недостатка средств, училища начали возникать, особенно в период наметившегося общественного и культурного подъема в Сибири в конце второго десятилетия XIX в. В это время в области школьного строительства выделяется Восточная Сибирь. Здесь по Иркутской училищной дирекции, которой руководил П. А. Словцов, в 1820 г. насчитывалось (правда, на огромной территории до Приморья и Камчатки включительно) 23 училищ разного рода (приходские училища, сельские и церковно-приходские школы, казачьи школы и др.).[12]

В Западной Сибири в 1817 г. было 4 городских приходских училища, в 1830 г. их число возросло до 7, к 1840 г.— до 9, а к 1855 г. — до 15. Что касается сельских школ, то те немногие, которые возникли в первой четверти столетия, с наступлением николаевской реакции закрылись. С точки зрения царских властей грамота народу была не нужна, а для подготовки волостных писарей в 1827 г. было разрешено открывать особые школы, куда в порядке повинности набирались по деревням мальчики в возрасте 10—12 лет. На их содержание и обучение вводился дополнительный земский сбор.[13] Естественно, что среди крестьян утрачивалось какое-либо доверие к правительственным мероприятиям в области народного просвещения.

Не ладилось и с созданием церковно-приходских школ, к организации которых побуждалось духовенство. Обучение детей «инородцев» православные миссионеры часто обращали в доходное для себя предприятие. Инспектор училищ Западной Сибири так описывает посещенную им в 1852 г. школу для остяцких детей в Кондинском монастыре: школьный дом чрезвычайно ветх, холоден и содержится неопрятно. В свободное от занятий время игумен посылает детей на промысел. Дети заражены сифилисом.[14] Учили детей закону божьему, русской грамоте и элементарному счету. Нередко обучение велось формально. Известны курьезы, когда окончившие школу почти не знали разговорного русского языка, но читать печатный или написанный текст могли, не понимая читаемого.[15]

Конечно, так было далеко не всегда. И среди миссионеров встречались люди просвещенные, искренне стремившиеся принести пользу народу. Таким был работавший на Алтае миссионер Макарий Глухарев. Для алтайских тюрков он создал особую национальную письменность, основанную на русском алфавите. Глухарев придерживался либерально-буржуазных взглядов и был связан с отдельными декабристами.[16]

По сравнению с другими народами образование в большей степени распространялось среди бурят. Уже в 1804 г. было открыто Балаганское бурятское Малое народное училище, правда, вскоре ликвидированное. Так же спорадически до 60-х годов XIX в. то возникали, то закрывались в разных местах бурятские приходские училища (Окинское, Аларское, Баргузинское и др.).[17] Организация и содержание школ целиком ложи-

[11] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М.—Л., 1954, стр. 568—569.
[12] История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. Улан-Удэ, 1954, стр. 250.
[13] Н. С. Юдовский. Очерки по истории просвещения в Сибири, стр. 134.
[14] ГАТО, ф. Главного инспектора училищ Западной Сибири, оп. 1, д. 2.
[15] В. Г. Богораз. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, стр. 69.
[16] А. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 199—201.
[17] История Бурят-Монгольской АССР, т. 1, стр. 250—251.

вись на местное население, что часто для него оказывалось непосильным, обходилось чрезвычайно дорого, давая незначительный эффект. К тому же жизнь детей при школах, удаленных от родных селений, была тяжела и для самих учащихся, и для родителей.

Именно поэтому русское, бурятское, якутское и другое крестьянское население подчас противилось созданию школ, отговариваясь бедностью, соглашаясь на их открытие лишь под давлением властей. Например, в 1854 г. хоринские буряты готовы были расширить ранее созданную школу, но при условии сохранения за ними права распоряжаться собранными на ее содержание средствами; а баргузинские буряты требовали, чтобы отправляемые в школы на общественные средства ученики впоследствии отрабатывали затраченные на них деньги службой в Степной думе или родовых управах.[18] Крестьяне вместо отправки детей в приходские училища предпочитали создавать у себя на месте мелкие школы с наемным учителем. «К заведению таких училищ, — пишет губернатор Забайкальской области, — не представляется для родителей затруднения, как относительно денежных средств... так и учителей». Наем учителя и покупка учебных пособий обходились в 5 руб. серебром в год на ученика. Так как учение идет на месте, отпадают расходы на квартиру и стол. К тому же «преимущества этого способа обучения в том, что родители имеют детей у себя дома».[19] Учителя без особого труда находились среди ссыльных. Подобная система обучения уже в 30-х годах получила широкое распространение также в Минусинском округе, где, по воспоминаниям А. К. Кузьмина (окружной начальник), «в каждой порядочной деревне есть род школы для обучения детей».[20] Подобное положение было, видимо, характерным для всей Сибири. Губернатор Степанов, знаток приенисейского края, утверждал, что официальные данные о числе грамотных крестьян по Енисейской губернии в начале 30-х годов (1221 человек) преуменьшены. «Их несравненно более; даже многие из женского пола между крестьян умеют читать и писать».[21] Среди народов Сибири распространялось знание русского языка, а многие овладевали уже и русской грамотой. Так, например, было у бурят, хакасов, алтайцев и др.[22] Запросы самой жизни возбудили в народе потребность к знаниям, сближая вместе с тем коренные народы Сибири с русским народом. Рост этой потребности, усилия отдельных учителей-энтузиастов способствовали постепенному распространению образованности в Сибири.

В конце XVIII—первой половине XIX в. здравоохранение в Сибири сделало новые успехи, хотя в целом они по-прежнему были ничтожно малыми по сравнению с нуждами огромного края. Если в первой половине XVIII в. в Сибири медицинская помощь оказывалась в воинских частях и при многих заводах, то в 1783 и 1784 гг. открываются первые гражданские больницы в Тобольске и Иркутске.[23] С начала XIX в. количество больниц увеличивается. Развертывается деятельность иркутской больницы, в 1807 г. созданной на средства купца Чупалова, открываются больницы в Томске, Верхнеудинске и ряде других мест. Ко времени проведения Сибирской реформы 1822 г. по городам Тобольской губернии насчитывалось 7 больниц, в Томской (включая территорию еще не выделившейся Ени-

---

[18] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, пор. 1023, д. 15.
[19] Там же, оп. 9, пор. 1750, д. 132, лл. 41, 42.
[20] Из подготовительных записок А. Кузьмина. «Алтынъ», 1838, ч. 2, стр. 334.
[21] А. П. Степанов. Енисейская губерния, ч. 2. СПб., 1835, стр. 28—30.
[22] Ф. А. Кудрявцев. Роль русской культуры в развитии бурятоязычного народа в XVIII—XX вв. Вопросы истории, 1946, № 10, стр. 90; А. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев.
[23] Сведения о больницах за 1828 г. РО ГБЛ, ф. Г. С. Батенькова, пор. 4, д. 21.

сейской губернии) — 6, в Иркутской губернии — 7.[24] Кроме того, создавались госпитали при некоторых заводах.[25] В ведении военного ведомства было несколько лазаретов. На 1851 г. в сибирских городах насчитывалось 30 больниц (не считая 2—3 домов для умалишенных), из них в Западной Сибири — 18 и в Восточной — 12.[26] К середине XIX в. сеть общегражданских лечебных заведений стационарного типа более или менее сформировалась и в дальнейшем на протяжении по крайней мере 50-х годов в основном оставалась той же; пропускная же способность больниц заметно возрастала, в Восточной Сибири она поднялась за 50-е годы XIX в. на 25—30%.[27]

Народное здравоохранение мало интересовало царские власти. Казенные расходы на содержание медицинских учреждений даже в середине XIX в. по Иркутской губернии не достигали 0.2% расходной части губернского бюджета.[28] Подобное положение было повсеместным в Сибири. Содержались больницы на городские средства, собираемые с населения. Больницы, даже при наличии врачей (а они были далеко не везде), находились в ужасном состоянии. Так, в Ачинской больнице сенаторская ревизия 1843 г. отметила: «строения ветхи», полы «худо проконопачены», печи «дурны»; даже кухня так холодна, что «зимою квашня замерзает». Больничный же смотритель — не врач, а казачий урядник, совмещающий работу в больнице с должностью квартального надзирателя, которой «занят преимущественно».[29]

Даже в больницах губернских центров смертность была весьма высока: по Томской городской больнице она за 1839—1849 гг. колебалась от 12 до 25%.[30]

С больных за лечение взималась высокая плата, достигавшая 38 руб ассигнациями с человека за месяц (по данным больниц Енисейской губернии, 1842 г.), что ставило выходящих из больницы в крайне тяжелое положение.[31]

Врачей в Сибири недоставало. Часто их заменяли лекарские ученики и оспопрививатели, подготовленные из местной молодежи. Даже в 1857 г. на всю Восточную Сибирь вместе с вновь присоединенными Приамурьем и Приморьем приходилось всего 62 врача (из них состояло на службе только 54).[32] Бичом сибирского населения по-прежнему являлись эпидемии. Тиф, холера, сибирская язва, корь и другие эпидемические заболевания охватывали те или иные районы Сибири почти ежегодно. Смертность была огромна. Так, в эпидемию оспы 1850—1851 гг. на Енисейском севере заболели 951 русский и 965 коренных жителей. Из них умерли соответственно 189 и 545 человек. При общем отсутствии медицинской помощи эти цифры отражают различия в условиях быта.[33] В эпидемию холеры,

---

[24] Н. Семинский. Новейшие известия о Восточной Сибири. СПб., 1817, стр. 19; РО ГБЛ, ф. Г. С. Батенькова, кор. 4, ед. хр. 13, 20, 21.

[25] ГАИО, ф. И. С. Романова, оп. 1, кор. 7, д. 322.

[26] ЦГИА СССР, ф. Первого Сибирского комитета, оп. 1, д. 38, лл. 126—142; ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 86, л. 113; д. 90, л. 117; ч. 1, д. 13, д. 52-а, лл. 87, 198 и сл.

[27] Там же, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 86, л. 113; д. 90, л. 117; ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кн. 1855, д. 34, л. 71; кор. 1738, д. 111, л. 85.

[28] ЦГИА СССР, ф. Второго Сибирского комитета, оп. 1, д. 86, л. 126 и сл.

[29] В. А. Ватин. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX в. Сибирский архив, 1915, № 2, стр. 65—66.

[30] ГАТО, ф. Томского губернского правления, оп. 2, д. 501.

[31] ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 3, кор. 19, д. 585, л. 4; ф. Иркутской городской управы, оп. 1, д. 393, лл. 22, 55.

[32] Там же, оп. 3, кор. 1735, д. 34, лл. 66, 67.

[33] Н. В. Латкин. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее. СПб., 1892, стр. 449.

занесенную партиями переселенцев в Омский округ в 1853 г., из 519 зарегистрированных заболевших умерли 164 человека. Широкое распространение эпидемий объясняется не только недостаточностью медицинской помощи, но, главное, бескультурьем и нищетой населения. Еще П. С. Паллас, описывая Ачинск, говорил о множестве тараканов в избах: ими были облеплены все стены; никакие продукты не могли от них уцелеть, спящих на печах они разъедали в кровь. Известно, что М. В. Петрашевский был помещен в подобную избу в минусинской ссылке в 60-х годах XIX в. Крестьяне, чтобы спастись от насекомых, в сильные морозы временно переходили к соседям, а дома вымораживали, насыпая в них груды снега.[34]

В наихудших санитарно-гигиенических условиях быта находилось коренное нерусское население Сибири. Здесь грязь была даже в домах богачей. О крупнейшем сибирском скотовладельце Картине, человеке, который «не знает счета [illegible] и табунам, считает большую часть качинцев своими должниками», Н. Костров писал, что под его доме русского типа «покрыт пылью и грязью чуть ли не на вершок; там разбросаны овчинные тулупы, тут печеный хлеб, здесь кошмы и арканы. У Картина для почетного гостя подадут самовар и станут угощать чаем в фаянсовых чашках; но эти чашки едва ли хоть раз мыли со времени их покупки».[35] Во многих районах Сибири бани были редкостью среди коренного населения (например, среди койбалов, на Абакане, баня впервые была построена в 1831 г.).[36] Подобные условия быта способствовали распространению болезней.

В Сибири были врачи, искренне стремившиеся служить народу. Некоторые из них не только лечили, но и старались распространить элементарные медицинские познания в массах. Еще в начале 90-х годов XVIII в. тобольским типографом Корнильевым была издана книга штаб-лекаря Петерсона о первой помощи лицам, потерявшим сознание; она распространялась по городским и сельским обществам.[37] Тобольский врач Пабст в 1805 г. написал книгу «Краткое описание ... причины, почему по Сибири так много младенцев умирает», в которой дал наставления об уходе за новорожденными.[38] В 30-х годах XIX в. началась подготовка оспопрививателей, набираемых из среды молодежи на местах. Это дало некоторые результаты в борьбе со страшной болезнью, хотя оспопрививание и наталкивалось на известное сопротивление со стороны невежественных масс, особенно раскольников, которые объявляли прививку «печатью антихристовой».[39]

Лучшие врачи Сибири работали и над усовершенствованием методов лечения. В этом плане можно указать на применение семипалатинским лекарем Яроцким своего способа консервирования оспенной вакцины (1829 г.).[40] Енисейский врач М. Кривошапкин начал вслед за нерчинским врачом М. Робеком применять электротерапию, достигая серьезных успехов в излечении больных при параличах, ревматизме, артритах и других случаях.[41] Петрашевец Ф. Н. Львов исследовал енисейские минеральные воды.[42]

---

[34] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. II, кн. 2. СПб., 1788, стр. 444; Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сб. материалов под ред. П. Е. Щеголева, т. 1. М.—Л., 1926, стр. 233.

[35] Н. Костров. Качинские татары. Казань, 1852, стр. 34.

[36] ГАХАО, ф. Коибальской степной думы, оп. 1, д. 68, л. 6.

[37] ЛОИИ, колл. Н. П. Лихачева, оп. 11, д. 293, лл. 5—7.

[38] ГАОО, ф. Сибирского генерал-губернатора, оп. 1, кор. 25, д. 121, лл. 43—47.

[39] Томские губернские ведомости, 1860, № 17.

[40] ГАОО, ф. Главного управления Западной Сибири, оп. 1, кор. 114, д. 809, лл. 1—3.

[41] Иркутские губернские ведомости, 1860, № 9.

[42] Там же, 1858, № 15.

2. ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ В РАЗВИТИИ ЕЕ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Огромное значение для цивилизованного и культурного развития Сибири имело изучение ее природных богатств, географии, этнических особенностей, истории. В этом плане XIX столетие открыло новую страницу в исследовании.

Правительственные экспедиции XVIII в., помимо исследования самой Сибири и ее побережий, продолжая пути в северо-западные берега Америки. Ими воспользовались предприимчивые купцы и звероромышленники. С 1776 г. Г. И. Шелихов и компания с другими предпринимателями снаряжали суда и отправляли их за промыслом на Алеутские острова. Знаменитый «Славороссийский» маршрут через два года, покрывал расстояние на 71 тыс. км. Шелихов развернул широкую деятельность. Напомним, что имена «Российского Колумба», знаменитого русского мореплавателя Григория Шелихова и «Сибирского» (1816—1895 гг.) принадлежат одно и тому же человеку. Наследник дела создал богатство. И его потекли капиталы. В 1799 г. (уже после смерти Шелихова) правление восточных его поселений выкормышем Российско-Американской компании. Он получил в монопольное пользование все промыслы и природные богатства в русских владениях за Аляской, а также на Алеутских, Курильских и других островах. Российско-американская компания. Компания при содействии правительства организовала многочисленные экспедиции, в том числе кругосветные, из которых наиболее крупной явилась экспедиция Ю. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803—1806 гг.), исследовавшая, в частности, берега Камчатки и Сахалина.

В 20-х годах XIX в. возобновились крупные исследования побережий Ледовитого океана. В 1820—1824 гг. Ф. П. Врангель снаряжается новым главным правителем русских владений в Америке и директором Российско-Американской компании, совершил вместе с Ф. Ф. Матюшкиным четырехлетнее путешествие по северо-восточным берегам Сибири. Исследования принесли ценные наблюдения и исследовали вопросы земного магнетизма. По основании своих полученных указаний Ф. П. Врангель пришел к выводу о наличии материкового острова в океане к северу от Чукотки.[1] Действительно, этот остров, много лет спустя, в 1867 г., был открыт американским китобоем Лонгом и назван именем русского первооткрывателя. В то время как Врангель начал работы в Восточном океане, совершенствуя северо-морские пути, лейтенант Ф. П. Литке (с 1826 г. — К. Завалишин, Л. К. Циволько) в течение четырех лет (1821—1824 гг.), исследуя и картографируя Новую Землю, безуспешно пытался пройти в Карское море через узкую «горловину» — пролив Маточкин Шар. Пожалуй в плане не менее важное время закрепилось представление о Карском море как западном подходе, через которое морской сообщение с Сибирью приближается к числу вещей невозможных.[2]

---

[1] Н. Чичагов. Исторический обзор образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1, 2. СПб. 1861—1863; С. Б. Окунь. Российско-американская компания. М—Л., 1939.

[2] Ф. Ф. Матюшкин. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на корвете «Надежда» и шлюпе «Нева». М., 1950.

[3] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. Ч. 1—2. 1948.

[4] Ф. П. Литке. Четвертое путешествие вокруг света, совершенное по приказу Его Величества в 1821—1824 гг. СПб., 1826; М., 1948; К. Завалишин. Заметки на первое издание путешествия. — «М», 1947, стр. 161—210; Е. А. Поспелов. Географ первого кругосветного плавания Ф. П. Литке. Труды Института истории естествознания и техники. Т. 29. Сер. истории географии. Вып. 1. 1959, стр. 29.

Эпоха героических мореплавателей на деревянных парусниках в арктических широтах пришла к концу. Техника судостроения феодальной поры полностью исчерпала свои возможности. Прекращение исследований на Северном морском пути в 20—30-х годах XIX в. было закономерным порождением технической отсталости царской России, характерной для периода кризиса феодально-крепостнической системы.

Между тем серьезные социально-экономические сдвиги в России и в Сибири, в частности, особенно после Отечественной войны 1812 г., стимулировали изучение производительных сил. В среде сибирской интеллигенции усиливается стремление познать свой далекий край, его природу, богатства, быт [illegible]. Краеведческие статьи и заметки с [illegible] г. появляются на страницах «Казанских известий» — печатного органа Казанского университета, в учебный округ которого входила Сибирь.[47]

С 1818 г. основным рупором научной жизни Сибири становится «Сибирский вестник» — научный журнал, издававшийся Г. И. Спасским в Петербурге. Спасский в молодости служил в Сибири, путешествовал по Алтаю и Хакассии, знал страну и нужды населения, изучал ее быт и древности. В журнале помещались отчеты об экспедициях и поездках по Сибири (Гедеништрома, Кибера и др.), описания ее природных богатств, рудников и горных заводов (Засобина, Черниговцева); была опубликована Сибирская летопись Саввы Есипова и напечатано много других важных и интересных работ. В связи с территориальным расширением объектов изучения за пределы Сибири с 1825 г. Спасский реорганизовал «Сибирский вестник» в «Азиатский вестник». Однако последний издавался недолго и прекратил существование в 1827 г. вместе с наступлением реакции, последовавшей вслед за разгромом восстания декабристов.

В 30—40-х годах Сибирь не имела своей не только научной, но и художественной периодики. Отдельные сибиреведческие статьи печатались в столичных журналах, а некоторые крупные работы выходили отдельными изданиями.[48] Семидесятидетний П. А. Словцов подготовил двухтомное «Историческое обозрение Сибири» и в 1838 г. начал его издание. Второй том вышел в 1844 г., через год после смерти автора.

С. В. Бахрушин, специально занимавшийся проблемами историографии Сибири, отмечал: «У Словцова есть своя философия истории... Историю колонизации Сибири он рассматривает с точки зрения распространения культуры... Унаследовав от XVIII в. рационалистическое мировоззрение, он в этом прогрессе культуры видит проявление в первую очередь организованных социальных сил: государства и церкви. Но он был слишком тонкий наблюдатель, чтобы не отметить и роли масс («толпы») и сложности исторических факторов». В своем «Обозрении» Словцов особо выделяет вопросы экономики, просвещения и народного быта.[49]

Тесное общение с русским населением приобщало коренные народы Сибири к просвещению. Издавна среди привилегированных слоев бурятского населения распространялась своеобразная образованность феодально-теологического характера. С начала XIX в. консерватизм культуры дацанов и медресе столкнулся с прогрессивной русской культурой. Под влиянием русской культуры среди народов Сибири стала зарождаться национальная интеллигенция. Появились первые национальные ученые. Так, воспитанник бурятских дам Галсан Гомбоев (1822—1863 гг.), окон-

---

[47] В. С. Манассеин. Сибирь в казанской периодической печати в первой половине XIX столетия. Иркутск, 1927.

[48] А. П. Степанов. Енисейская губерния; Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, чч. I—II. СПб., 1854.

[49] С. В. Бахрушин. Основное течение сибирской историографии XVIII в. Сибирь и Азия. 1925, кн. 1, 2, стр. 104—113.

чив Казанский университет, стал [illegible] востоковедом. Знаменательно появление таких людей, как бурят Доржи Банзаров (1823—1855 гг.), этнограф, исследователь шаманизма в Сибири, и казах Чокан Валиханов (1835—1865 гг.), географ, т. е. крупных ученых, посвятивших жизнь не только науке, но и служению родным народам, их просвещению.[50]

Рассматриваемое время, особенно 30—40-е годы, характеризуется усиленными поисками ценных ископаемых в Сибири. Большую работу по открытию рудных залежей вели на Алтае постоянно высылавшиеся геологоразведывательные партии. Правительство объявило свободу частной поисковой деятельности и добычи золота. На поиски драгоценного металла бросились алчные предприниматели. В 30-х годах началась «золотая горячка». В 1837 г. в Восточной Сибири насчитывалось несколько сотен мелких компаний. Партии золотоискателей, обычно человек в десять, продвигались по самым глухим местам тайги, часто даже без [illegible] было географических карт, терпели лишения, иногда гибли. В итоге были открыты и обследованы золотоносные районы Кузнецкого Алатау, Енисейской и Бирюсинской тайги, а также у оз. Байкал. Частные открытия побудили горное ведомство повести поиск на Алтае, в Восточных Саянах и в Нерчинском крае. Данные о сделанных открытиях обычно помещались в «Горном журнале». В 30—40-х годах делаются попытки обобщить накопленные научные геологические материалы (Г. Е. Щуровский, Е. П. Ковалевский, П. А. Чихачев, А. Ф. Миддендорф и др.).[51]

Разработка ценных ископаемых Сибири велась экстенсивно, хищнически, способами, отстававшими от требований нового времени. Между тем творческая научно-техническая мысль никогда не затухала на сибирских заводах. В начале XIX в. алтайский горный мастер П. М. Залесов разработал проект первой русской турбины (1806 г.), построил ее модель, но проект не удалось осуществить. На Барнаульском заводе С. В. Литвинов сконструировал воздуходувную машину — прообраз современных центробежных насосов, но и это изобретение не было применено, так же как и более поздние проекты введения паровой техники на заводах Восточной Сибири, предложенные тем же инженером.

Рутинность крепостнической системы в организации производства, тормозившая развитие промышленности, особенно ярко проявилась в связи с деятельностью П. К. Фролова. Талантливый инженер, сын известного гидротехника, он вырос на Алтайских заводах и отдал им всю свою жизнь и творческую деятельность. В начале XIX в. Фролов проложил «чугунку» с конной тягой на Змеиногорских заводах и представил проект создания на Алтае, в заводском районе, целой системы рабочих путей сообщения в виде сочетания рек и каналов с рельсовыми дорогами. Горный совет хотя и понимал практическую значимость выдвинутого предложения, но отклонил его из-за невозможности выделить для его осуществления необходимое число крепостных рабочих. Вольнонаемный же труд в крепостнической стране оказывался неприменимым: он не только считался чрезмерно дорогостоящим, но и невозможно было найти достаточное количество вольных работников. В 1817 г. П. К. Фролов был назначен на пост начальника Колыванско-Воскресенских заводов, а затем стал томским губернатором, но все равно в условиях крепостнической России он ничего не мог сделать для реализации своего проекта.

---

[50] Л. А. Петров. Доржи Банзаров. Улан-Удэ, 1943; Х. Г. Айдарова. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945; Чокан Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964.

[51] В. А. Обручев. История геологического исследования Сибири, период 2-й. (1801—1850 годы). Л., 1933; И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

3. ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР

После прекращения издания тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» к началу XIX в. в Сибири существовала только рукописная литература. Среди образцов ее следует назвать юношескую оду сибирского беллетриста И. Калашникова «Торжество России» — один из поэтических откликов на победу русской армии над Наполеоном.

В условиях неограниченного деспотизма сибирских сатрапов возмущение народа находило выход в сочинении памфлетов, сатирических стихов, анекдотов, широко распространявшихся в списках. О борьбе против произвола губернаторов Восточной Сибири Пестеля и Трескина писали в своих мемуарах летописцы из купеческой среды. Но особенно характерными для Сибири были «доносы». Жалобы в Петербург посылали купцы, чиновники, духовенство, крестьяне. Нередко эти жалобы были написаны с такой страстью и мастерством, что перерастали свое конкретное назначение и превращались в произведения литературы. Таким было «Обличение» Горновского — один из наиболее ярких памятников сибирской литературы начала прошлого века.

После Отечественной войны, когда надежды на реформы Александра I рухнули и аракчеевский режим сковал духовную жизнь страны, во всех слоях русского народа назревал протест. Во главе освободительного движения встали декабристы — «лучшие люди из дворян».[89] Под их идейным влиянием формировалась прогрессивная русская литература, складывался революционный романтизм.

В этих условиях крайне обострилась борьба литературных направлений. Классицизм упорно сопротивлялся новым веяниям в литературе и общественной мысли. Сентиментализм также не отвечал потребностям передовой общественности. Вместе с ним утрачивали значение и «сентиментальные путешествия», среди которых, между прочим, были также путешествия по Сибири («Путешествие по Сибири господина Трунина. Письма, писанные к другу в Москве», 1802 г.; неоконченные записки В. Дмитриева, 1809 г.). Разумеется, старые направления исчезали не сразу. Следы сентиментализма нередко встречались и позднее в произведениях, авторы которых далеко отстояли от него («Письма из Сибири» П. А. Словцова, 1825—1827 гг.; «Путевые заметки Вадима Пассека», 1834 г.).

Романтизм особенно остро поставил проблему народности и национального своеобразия литературы. Поэты-романтики обращались к истории и фольклору, уделяли внимание этнографическим описаниям, стремились к отражению местного колорита. Но представители революционного романтизма не довольствовались этим. Они понимали народность в неразрывной связи с гражданственностью. Проявившийся у них интерес к Сибири был вызван не только экзотикой неизведанного края, но прежде всего героикой его освоения. Неудивительно поэтому, что Сибирь нашла своих певцов среди декабристов. Образ покорителя Сибири Ермака захватил К. Ф. Рылеева. Поэт-революционер создал также замечательную поэму «Войнаровский» (1823 г.), где действие происходило в условиях сибирской ссылки, «в стране пустынной и чужой». В этом произведении раскрывалась гражданская, общественная драма, и главный герой изображался как выразитель интересов своего народа. Здесь были выведены подлинно исторические лица (сам Войнаровский, историк Миллер), а в описании местной природы и якутского быта поэт, преодолевая условности романтизма, стремился к достоверности и точности. Поэма, явившаяся первым в русской поэзии произведением о политическом ссыльном, оказалась по-своему пророческой: она по существу пред-

[89] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 398.

сказала судьбу декабристов, их «гордое терпенье» «во глубине сибирских руд».

Оказавшись в Сибири после разгрома восстания 1825 г., поэты и писатели-декабристы не оставили творчества. Они включали в круг волнующих их тем новые мотивы, навеянные сибирской действительностью. Как истинные романтики они проявляли интерес к фольклору местных народностей, заимствовали из него сюжеты и образы (баллады «Савтыря» А. Бестужева-Марлинского, «Нучча» и «Воздушная дева» Н. Чижова). Перу А. Бестужева принадлежал также ряд очерков о быте и нравах местного населения («Отрывки из рассказов о Сибири», «Сибирские нравы. Исых», «Письмо к доктору Эрману»). Эти глубоко правдивые очерки, проникнутые уважением к местным народностям и сочувствием к их тяжелой судьбе, представляли собой первые серьезные опыты в создании жанра очерковой прозы. Их высоко оценил В. Г. Белинский.[63]

Поэтическое творчество декабристов развивалось по-прежнему в русле революционного романтизма. Хотя в отдельных стихах А. Бестужева-Марлинского, В. Кюхельбекера, А. Одоевского звучали настроения уныния, а порой и отчаяния, тем не менее поэты-декабристы и в самых трудных условиях сохраняли силу духа, жажду деятельности. В. Кюхельбекер, живший в особенно тяжелой обстановке, воспринимал Сибирь сквозь призму страдальца-изгнанника (стихотворения «Аргунь», «19 октября 1836 г.», «Три тени» и др.). Но вместе с тем он был верен идеалам юности, которые в свое время позволили А. С. Пушкину считать его родным братом «по музе, по судьбам» («Элегия», «Тень Рылеева» и др.). А. Одоевский, начавший писать уже после 1825 г., вырос в Сибири в большого, своеобразного поэта. «Именно Одоевский подхватил лиру, выпавшую из рук Рылеева, и мужественно ее пронес все годы декабристской каторги и ссылки».[64] В своих стихах «М. Н. Волконской», «Куда несетесь вы, крылатые станицы», «Стихи на переход из Читы в Петропавловский завод» он передал отношение декабристов к Сибири («край, слезам и скорби посвященный»). Его не покидала уверенность, что дело декабристов не пропало, — «мечи скуем мы из цепей и вновь зажжем огонь свободы». Эту мысль поэт выразил в своем знаменитом ответе Пушкину на послание в Сибирь.

Декабристы не чуждались и сатиры. Едкие письма, басни, сатирические статьи распространялись в списках не только между ссыльными, но и среди местного населения («Брага», «Шахматы» П. Бобрищева-Пушкина, статьи А. Тютчева и др.). Поэт В. Давыдов в сатирическом стихотворении «Николосор» уподобил Николая I жестокому вавилонскому тирану Навуходоносору. Ему хотелось хотя бы словом «истребить царскую фамилию».

Восстание 1825 г. и его разгром совпали со временем заметных сдвигов в социально-экономическом развитии Сибири. 20-е годы были, в частности, периодом пробуждения краеведческих и литературных интересов сибирской общественности, чему во многом способствовало влияние политических ссыльных. В сибирских городах складывались кружки любителей словесности. В 1828 г. красноярцами издан «Енисейский альманах, содержавший произведения ряда местных поэтов, прозаиков и краеведов. В Иркутске была предпринята неудавшаяся попытка издания литературной газеты «Ангарский вестник».

Произведения ранних сибирских литераторов-романтиков отражали экзотику суровой неизведанной страны. Проблема народности в них обычно

[63] В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1, 1948, стр. 549, 550.
[64] Н. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.—Л., 1961, стр. 350.

сводилась к передаче этнографического колорита. Особенно ярко экзотический элемент проявлялся в жанре романтических поэм, создававшихся под влиянием А. С. Пушкина. Вслед за «Кавказским пленником» здесь появились пленники уральские и киргизские. Столь же разочарованные в светском обществе, они стремились на простор степей или в горы, где встречались с прекрасными дочерьми природы, киргизками, бурятками или тунгусками — бледными копиями пушкинской черкешенки. Однако в лучших произведениях этого жанра («Татарская песня» И. Петрова, 1830 г.; «Бурятская песня» А. Таскина, 1828 г. и др.) находили место правдивые черточки народного быта, конкретные детали сибирской природы. Нельзя не оценить и сам факт обращения поэтов к местному фольклору, их симпатию к угнетенным народам Сибири. Немаловажно появление в литературе о Сибири и образов ссыльных с их безрадостной судьбой (поэма П. Иноземцева «Ссыльный», 1833 г. и др.), несмотря на очевидное подражание пушкинским «Братьям-разбойникам».

Из числа романтиков следует выделить нерчинского поэта Ф. Бальдауфа, в лучшей поэме которого «Аянам и Гайро» (1834 г.), в большей степени, чем у других, проявляется стремление к правдивому отражению современности. Бальдауфу было присуще чувство недовольства действительностью. Горный инженер, наблюдавший тяжелую жизнь на нерчинских рудниках, он намеревался написать поэму, в которой хотел «изобразить наши подземелья, внутренность рудников, этот полусвет у забоев и смесь синевы с бледностью на лицах рудокопов ... и мрак вдали от забоев, и звон цепей на ногах ссыльных, работающих у насосов».[55] Однако преждевременная смерть помешала ему осуществить этот реалистический замысел.

Среди романтиков приметно и дарование И. Петрова. Уроженец Иркутска, он на ряд лет связал свою жизненную и поэтическую судьбу с Красноярском. Именно он способствовал объединению красноярских литераторов и с помощью енисейского губернатора А. П. Степанова издал «Енисейский альманах на 1828 г.». Многие свои стихи о Сибири он опубликовал в столичных журналах. Несмотря на романтическую условность образов, Петрову удалось прочувствованно воспеть свой родной край, запечатлеть характерные черты местной природы и быта.

Развитие литературы Сибири 30-х годов происходило в условиях борьбы крепнущей буржуазии с феодально-крепостническими порядками. В Сибирь устремляются капиталы. Начинается бурное развитие золотых приисков. Крепнет капиталистический уклад. Естественно, Сибирь вызывает обостренный интерес у самых различных слоев русской общественности.

Литературным органом, активно пропагандирующим Сибирь, становится журнал Н. Полевого «Московский телеграф» (1825—1834 гг.). Выходец из среды иркутского купечества, автор ряда произведений о Сибири, Полевой отстаивает на страницах журнала идею свободного капиталистического развития России, требует самых широких прав для буржуазии, в том числе и для сибирской. Воспоминания о Сибири воодушевляют Полевого и тогда, когда он создавал свою повесть «Сохатый» (1830 г.), полную романтического пафоса и громкого восхваления Сибири — «золотого дна». Повесть произвела сильное впечатление на читателей. Разбивая традиционные представления о Сибири как стране мрака и безлюдья, Полевой показал ее в светлых, радостных тонах, воспел ее природу, сумел раскрыть в повседневном быту сибиряков высокие человеческие чувства и благородные отношения.

---

[55] Сб. «Воспоминания бывших питомцев Горного института», СПб., 1873, стр. 6.

Повесть «Сохатый» явилась своего рода знаменем всей литературы Сибири 30-х годов. Вслед за ней вышли в свет повесть И. Савинова под тем же названием, повести Н. Щукина «Посельщик» (1834 г.) и «Ангарские пороги» (1835 г.), рассказы и очерки Н. Бобылева, сборник «Прозаические сочинения учеников иркутской гимназии» (1836 г.) и др. В ряду сибирских беллетристов этого времени наиболее видное место занимал И. Калашников, основоположник краеведческого исторического романа. Его лучшие произведения «Дочь купца Жолобова» (1831 г.), «Камчадалка» (1832 г.), «Изгнанники» (1834 г.) пользовались в 30-х годах довольно большим успехом. С глубоким волнением рассказал писатель в романе «Дочь купца Жолобова» о преследованиях в середине XVIII в. лучших представителей иркутского купечества и служилой интеллигенции. Он правдиво описывал тяжелую жизнь местных народностей, сатирически изображал сибирских помпадуров и помпадурш, сочувствовал сельским. Однако кругозор Калашникова был ограничен лишь местными интересами. Нередко характеры его героев оказывались упрощенными, а сюжетные перипетии — надуманными. За это его справедливо критиковал В. Г. Белинский.[56]

Более одобрительно передовая критика тех лет относилась к автору очерков из жизни бурят Н. Бобылеву («Чингисов столб», 1838 г.; «Джарго аега», 1839 г.; «Белый месяц», 1840 г.; «Сибирские сюиты», 1841 г.). Бобылев испытал на себе влияние А. Бестужева-Марлинского и, подобно ему, сочетал в очерках реальность изображения с романтически приподнятым тоном.

Крупнейшим представителем плеяды сибирских романтиков явился тобольский поэт П. П. Ершов, сумевший на определенном этапе подняться над уровнем местных потребностей и стать художником общероссийского значения. Во время пребывания в Петербурге он написал свою знаменитую сказку «Конек-горбунок» (1834 г.). Построенная на материале сказаний, слышанных Ершовым еще в Сибири, она послужила ответом на полемику романтиков о народности, которая заполнила тогдашние столичные журналы. Вслед за А. С. Пушкиным Ершов блестяще овладел духом и стилем народного рассказа, самим методом русских сказочников. Поэт создал ряд произведений и на материале собственно сибирском: сонет «Смерть Ермака», балладу «Сибирский казак», поэму «Суэге» (1837 г.) и другие, однако он уже не смог подняться до уровня своего лучшего произведения. Вернувшись в Тобольск, Ершов стал учителем, а затем директором гимназии. И здесь сумрак николаевской поры, помноженный на затхлость провинциальной обстановки того времени, постепенно загубили поэта. Не сбылись его юношеские мечты преобразовать Сибирь — «пустыни, степи лучом гражданства озарить».

В то время как 40-е годы XIX в. ознаменовались в русской литературе расцветом «натуральной школы», Сибирь значительно отставала от Центральной России. Отсутствие местной издательской деятельности, неразвитость критики и журналистики, одиночество талантов, затерянных в глуши, сковывали развитие сибирской литературы. В условиях наступления реакции некоторые литераторы претерпевали эволюцию в сторону примирения с существующей действительностью (Н. Щукин, Н. Бобылев, И. Калашников и др.). Даже Н. Полевой постепенно изменил своим убеждениям, скатился на позиции «Северной пчелы» и создавал на сибирском материале произведения, пронизанные духом монархизма («Ермак», «Параша-сибирячка»).

Но, несмотря на застойный характер литературной жизни Сибири 40-х годов, оппозиционность отдельных кружков так или иначе давала

[56] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1904, стр. 452, 453.

себя знать, находила отражение в рукописных журналах и частично проникала в печать. В сборнике «Сибирские мелодии» А. Штукенберга среди романтичных восхвалений сибирской природы встречались отдельные стихи с нотками общественного протеста. Критические тенденции проявлялись и в некоторых произведениях одаренного нерчинудинского поэта Д. П. Давыдова. Его шуточная поэма «Волшебная скамеечка», несмотря на сказочный сюжет, представляла собой реалистический и в общем-то невеселый рассказ о жизни бедняка-учителя. С большой эмоциональной силой поэт осудил царскую каторгу и выразил стремление к свободе в своем лучшем стихотворении «Дума беглеца на Байкале», ставшем народной песней.

Влияние А. Бестужева-Марлинского и К. Рылеева испытывал на своем творчестве поэт М. Александров. Он был другом Бестужева и посвятил ему одно из наиболее сильных своих стихотворений «Элегия», в котором откликнулся на гибель декабриста. Образ Бестужева вдохновлял поэта и при создании поэмы «Жертвы рока». С большим сочувствием Александров отнесся к бунту якутского повстанца Манчары и написал поэму об этом народном герое, который действовал, подобно шиллеровскому Карлу Моору, грабя богатых и тем самым стремясь восстановить поправную справедливость. Стихи Александрова 40-х и последующих годов были полны тоски и разочарования. Ушли в прошлое 20-е годы, когда Александров еще верил в великое будущее сибирского купечества (что отразилось в составленной им программе «Ангарского вестника» и в автобиографическом произведении «Воздушный тарантас»), и он на опыте убедился, как далека сибирская буржуазия от мысли о всеобщем благе и демократии. Вот почему поздняя лирика и проза Александрова были полны желчи, насмешки, сатирической остроты (пьеса «Таежный карнавал» и др.). К сожалению, многие из его стихов не сохранились, и Александров был забыт.

До середины столетия Сибирь не имела своей периодической печати. Только в 1857 г. начали издаваться местные газеты в губернских городах.

С культурным пробуждением Сибири в конце XVIII в. связано дальнейшее становление не только местной литературы, но также и театра.

Как уже отмечалось, в 60-х годах XVIII в. появился любительский театр в Омске, а в 80—90-х годах — в Иркутске. В начале XIX в. в Иркутске создается театр полупрофессионального типа: труппа набирается из гарнизонных солдат и ссыльных женщин. На грани двух столетий происходит становление профессионального театра и в Тобольске. Его развитие в начале XIX в. связано с именем ссыльного радищевца В. В. Пассека.

Репертуар первых театров отличался бедностью. Лучшими произведениями считались комические оперы «Сбитенщик» Я. Б. Княжнина и «Мельник — колдун, обманщик и сват» А. А. Аблесимова наряду с комической оперой М. И. Попова «Анюта» и «слезной комедией» М. И. Верёвкина «Так и должно». Наличие в этих пьесах реалистических и демократических тенденций в какой-то степени отличало их от большинства постановок тех лет — бездумных, чисто развлекательных, рассчитанных на дешевый эффект. Как и во многих театрах России того времени, особенно часто играли крайне сентиментальные и реакционные по духу пьесы немецкого драматурга Коцебу (по этому поводу острили, что на русской сцене царит «коцебятина»).

Оживление сибирского театра в начале XIX в. оказалось недолгим. Деспотическое правление Трескина и других царских сатрапов заглушило его. Публичный театр в Иркутске был ликвидирован, и на его месте вы-

рос дом председателя гражданской палаты. «И там, где жили музы и грации, водворилась юстиция. Это было именно в духе времени!»[37]
В Иркутске при Тресвине было поставлено только несколько любитель-

В 1828 г. в Тобольск был выслан близкий к кругу декабристов видный композитор А. А. Алябьев — сын бывшего тобольского губернатора. Композитор и в ссылке не оставлял творческой деятельности. Его музыка была созвучна настроениям широкой русской общественности последекабристского периода. В ней выражалось сочувствие обездоленным, звучали мотивы тоски по родине, находила отражение романтическая тема изгнания (романс «Иртыш» и др.). В организуемых Алябьевым концертах участвовало несколько хоров, а также созданный композитором казачий оркестр, насчитывавший до 100 музыкантов.

20—30-е годы XIX в. — время известного спада в театральной жизни Сибири, вызванного наступлением реакции после разгрома декабристского восстания. На сценах Иркутска, Омска, Красноярска ставятся лишь отдельные любительские спектакли, по преимуществу водевили. К числу немногих попыток противостоять удушающей атмосфере этих лет относятся постановки, осуществляемые в тобольской гимназии П. П. Ершовым («Недоросль» и др.), а также театральные и музыкальные представления, организуемые на дому декабристами (А. М. Муравьевым, С. Г. Волконским, П. Н. Свистуновым и др.).

Некоторое оживление театральной деятельности в Сибири наблюдается в 40-е годы. В Иркутске создаются сильные любительские труппы И. Гудкова, обладающего большим комическим талантом, а затем его преемника — А. Сухорукова. Переломным же этапом в истории сибирского театра становятся 50-е годы — время заметной общественной активности. В Иркутске и Томске строятся специальные театральные здания. В Иркутске начинает выступать постоянно действующая труппа. Среди актеров в ней выделяется несколько заметных дарований. В частности, «Иркутские губернские ведомости» (1858 г.) отмечают драматический талант Анаевой-Прянхиной, воспитанницы петербургской театральной «сцены. Петербургская пресса высоко оценивала исполнение роли Чацкого Лебедевым.

Иркутский театр ставит наряду со многими водевилями пьесы Н. В. Гоголя и А. Н. Островского. В 1852 г. осуществляется постановка комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», которая, однако, была снята со сцены по требованию III отделения. Выдающимся событием этих лет становится постановка запрещенной цензурой комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся», осуществленная в Иркутске на пять лет раньше, чем в Петербурге и Москве (1857 г.).

Заезжие труппы, чаще всего возглавляемые антрепренером Маркевичем, уже более или менее регулярно посещают в 50-х годах не только Иркутск и Томск, но также и Барнаул, Омск, Красноярск и особенно Енисейск, куда в декабре стекаются с приисков золотопромышленники со своей свитой. Здесь влачащие жалкое существование актеры кое-как поправляют свои дела, а антрепренеры сводят концы с концами.

Первая половина XIX в. явилась периодом зарождения профессионального театра в Сибири. Его формирование происходило в труднейших условиях, и на первых порах сибирский театр не представлял значительного культурного явления. Только во второй половине столетия он получил дальнейшее развитие и не уступал уже провинциальному театру других областей России.

[37] И. Калашников. Записки иркутского жителя. *Русская старина*, 1905, кн. 7, стр. 207.

4. ПРИКЛАДНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА

Искусство народов Сибири, уходя корнями в далекое прошлое, сохраняло прикладной характер. Им занимались не художники-профессионалы, а рядовые охотники, рыболовы и скотоводы. Отделение ремесла от сельского хозяйства если и имело место, то лишь в некоторых случаях, причем среди наиболее развитых в социально-экономическом отношении народов, таких как буряты и якуты.

С древности женщины занимались шитьем одежды, мужчины изготовляли орудия производства, развивая свои навыки в обработке дерева, кости, камня, металла. Народное искусство совершенствовалось в труде. Едва ли не самым ярким свидетельством этого являлось шитье по меху, так широко распространенное на Севере. Одежды народов Сибири декорировались, подчас лаконично, подчас богато, преимущественно геометрическим орнаментом. Пожалуй, особенно строго последний выдержан у народов крайнего северо-востока. Полосы, ряды кружков, квадраты, прямоугольники, параллельные линии — вот излюбленные мотивы. Орнаментация меховой одежды у обских угров также геометрична, но сложнее. В ней мы видим меандры, крестообразные узоры, шахматное чередование светлых и темных квадратов и т. п. Элементы растительного орнамента в сочетании с геометрическим получили распространение преимущественно среди южной группы народов.

Геометрический орнамент в шитье возникал из самой техники работы с мехом — шитья шва, его косой или крестообразной обмоткой жилой, нитью, белым оленьим или иным волосом. Все это дополнялось переплетением кожаных ремешков, продеванием тонкого и узкого ремешка сквозь ряд прорезей и т. п.

В большинстве случаев геометрические мотивы преобладали и в орнаментике многообразных деревянных и костяных изделий. В резьбе по дереву, в изделиях из бересты большого совершенства достигали исконные обитатели тайги — ханты, манси, эвенки, якуты и др. Алеуты плели разнообразные циновки, мешки из травы, корзинки; ительмены искусно оплетали нарты и некоторые другие предметы кожаными ремешками. Широко распространялась резьба по кости. Изготовлялись металлические изделия — накладки и бляшки для седел, для конской упряжи, различные украшения, разнообразные предметы культа. Изделия из металла достигали наибольшего совершенства у народов южной Сибири, Забайкалья и Якутии. На костюмы сибирских шаманов навешивались бубенцы и изображения божеств, в то время как кожа на бубнах покрывалась изображениями духов, представляемых в образах людей, животных, змей. Изделия бурятских ювелиров уже в конце XVIII в., по словам Георги, были известны по всей Сибири.

Самобытные черты искусства народов Сибири имеют свои прототипы в далеком прошлом. Например, орнаментальные мотивы обских угров прямо перекликаются с орнаментальными мотивами андроновской культуры II тысячелетия до н. э.[58] В манере хакасских рисунков XIX в. прослеживается сходство с древними писаницами на курганных камнях и скалах той же Хакассии. Только подчас в древний мотив изображения вливаются черты нового, проявляющегося в народном быту. Интересна, например, сцена охоты на оленя, вырезанная хакасским мастером XIX в. на деревянном ящичке. Она ничем, кроме замены старого лука ружьем,

[58] С. В. Иванов. Орнаменты народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, стр. 168, рис. 100.

не отличается от аналогичных сюжетов и манеры древнехакасских художников.[59]

Стилизованные растительные орнаменты южносибирских народов также генетически связаны со средневековым искусством кочевников центральноазиатских, а вместе с тем и восточноевропейских степей.

Одновременно необходимо отметить наличие взаимовлияния в развитии искусства различных сибирских народов. Так, например, эвенкийские орнаменты в одних районах сближаются с якутскими, в других — с бурятскими. А. Ф. Миддендорф прямо отмечает, что среди эвенков Станового хребта «якутские торговцы распространили свои узоры».[60]

Присоединение к России повлекло за собой самые существенные сдвиги во всей жизни, а вместе с тем в культуре и искусстве народов Сибири. Новое проявлялось буквально во всем. Скажем, до прихода русских у народов сибирского севера применялись для украшения одежды хотя и разнообразные, но местные материалы: кожа, олений и нерпичий мех, нитки из сухожилий, береста, дерево, кость. С приходом же русских и с развитием торговли стали все шире употребляться привозные цветные нитки, яркие ткани, бисер. Шитье бисером начало вытеснять древние виды декоративного искусства — раскраску коми, накладку из оленьего волоса и др.; входила в быт цветная материя, налагаемая в виде аппликаций на одежду из меха.

В повседневном общении с русскими на протяжении XVIII—первой половины XIX в. обогащалась культура местного населения. Например, художественное ремесло якутов испытало на себе благотворное влияние со стороны русских умельцев в обработке металла, в резьбе по дереву. Талантливые якутские мастера начали выполнять работы по украшению резьбой городских построек, даже получали заказы от церквей и монастырей на изготовление резных иконостасов и киотов, высекали из камня скульптурные надгробия.[61]

Искусство народов Сибири находит в изменяющейся жизни новые для себя образы, новые мотивы. В этом плане замечательна деревянная шкатулка, сделанная резчиком-якутом, сумевшим почувствовать всю прелесть русского классицизма и передать ее в изображенной на коробке постройке.[62] Реализм русского искусства XIX в., видимо, оказался созвучным реалистическому в своей основе искусству народов Сибири. Только этим можно объяснить в работах ханты-мансийских, хакасских, якутских художников появление бытовых сценок,[63] вырванных из окружающей новой жизни. Так, безвестный якутский мастер-серебряник в изображенных им жанровых сценах русской провинциальной действительности[64] подчеркнул свое саркастическое отношение к изображаемому военно-чиновничьему быту включением в композицию летящей фигуры Славы. Она несет венец — типичный декоративный мотив русской классики, как бы спеша увенчать им чиновных «героев».

Таким образом, общение с русским народом приносило в местное народное творчество новые мотивы, вкусы, запечатлевало плодотворное влияние передовой русской культуры. Вместе с тем русский народный

---

[59] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству ..., стр. 584, рис. 34.

[60] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1861, стр. 716; С. В. Иванов. Орнаменты народов Сибири..., стр. 249.

[61] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству..., стр. 551.

[62] Там же, стр. 538, рис. 4.

[63] Там же, стр. 41, рис. 21, фиг. 4; стр. 584, рис. 33, фиг. 1.

[64] Там же, стр. 558, рис. 16.

художник-переселенец, сохраняя свое лицо, творчески преломлял в своем искусстве художественные достижения аборигенов.[64]

С конца XVIII в. правительство развернуло большие строительные работы в Петербурге и его окрестностях, стремясь превратить столицу в подлинную «Северную Пальмиру». Изумительные горные породы сибирских недр привлекли к себе внимание. Они являлись незаменимым строительно-декоративным материалом. В связи с этим развитие художественного камнерезания в Сибири приобретало промышленное значение. Правительственным указом на Алтае были созданы Локтевский и Колывановский камнерезные заводы. Зачинателем гранильного дела на них стал мастер П. Бакланов. Вскоре здесь выросли поколения потомственных камнерезов. В работу шли порфиры, яшмы, мраморы и другие «отменные и полировку принимающие камни», из которых изготовлялись декоративные поделки для царского двора и столичной знати. Монументальные изделия, поражавшие своим великолепием, требовали колоссальной затраты народных сил и средств.[65] Например, в течение 8 лет колывановские камнерезы и шлифовальщики трудились над созданием грандиозной яшмовой вазы весом около 15 тонн. Ее транспортировали в столицу на особых платформах по 180 лошадей.[67]

Русское изобразительное искусство в Сибири представляли преимущественно художники-самоучки,[68] писавшие иконы и парадные портреты чиновной и купеческой знати, тщеславно стремившейся увековечить себя в памяти потомства. Гостиные и залы заказчиков, превращенные в «прелестные пантеоны сибирского бессмертия», вызывали негодование П. А. Словцова, который восклицал: как люди «с душою не всегда белою смеют желать пережить свою ничтожность на холсте?» и отвечал: «Даже желать надобно, чтобы эти ивановы червячки светились долее», чтобы кисть и холст «напоминали о себе для негодования».[69]

Ряд талантливых художников-любителей известен среди декабристов, поселенных в Сибири (Я. М. Андриевич, И. А. Анненков, П. И. Борисов, В. П. Ивашев, Н. П. Репин и др.).[70] Из них несомненно выделяется Н. А. Бестужев. Его живописное наследие стало одним из замечательных памятников изобразительного искусства Сибири. Еще до восстания 14 декабря Бестужев изучал историю и технику живописи, пробовал свои силы в этой области; в полной мере его художественное дарование развернулось в Сибири. Здесь им было написано 78 акварельных портретов участников восстания на Сенатской площади и других сосланных революционеров и их жен. Но Бестужев — не только портретист. Его увлекала суровая красота сибирской природы, которую он отобразил в многочисленных пейзажах, написанных с натуры. Среди них — виды Читы, Петровского завода и их окрестностей. Раньше его живописное наследие по существу не изучалось. В советское время оно получило высокую оценку в монографических исследованиях М. Ю. Барановской и И. С. Зильберштейна. Бестужев сумел осуществить свой грандиозный замысел — создание портретной галереи декабристов, считая это своим гражданским долгом.[71]

---

[64] Д. А. Болдырев-Казарин. Народное искусство в Сибири. Сибирская живая старина, вып. 2, Иркутск, 1924, стр. 8—13.

[65] Н. Я. Савельев. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956.

[67] ЛОИИ, ф. Археографической комиссии, д. 12, л. 33.

[68] [illegible] по роду их, [illegible] Ивановъ Анд[illegible] ЧОИДР 1870, кн. 4, разд. V, стр. 126; В. И. Вагина. 40-е годы в Иркутск[illegible] ГАИК ф. В. И. Вагина, оп. 1, пор. 2, л. 23; Иркутские губернские ведомости, 1857, № [illegible]

[69] П. А. Словцов. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М., 1834, стр. 177, 17[illegible]

[70] М. Ю. Барановская. Художники-декабристы. В сб. Декабристы в Сибири. Нов[illegible] 1955.

[71] М. Ю. Барановская. Декабрист Н. Бестужев. М., 1954.

Воспитанницы декабристки М. Д. Нарышкиной — учениц его школы взаимного обучения, основанной в г. Якутске, был известный сибирский художник-карикатурист М. С. Знаменский.[1] В 60-х годах он сотрудничал в сатирическом журнале «Искра» — органе русской демократической эмиграции. Организатором и руководителем этого журнала совместно с поэтом В. С. Курочкиным, зятем Н. А. Степанова — томского губернатора. Молодой Степанов уже в 30—40-х годах проявил интерес к карикатуре, он был мастер острой сатирической гравюры. Ему принадлежит ряд карикатур на сибирскую тему.[2]

Социально-экономические сдвиги, наметившиеся в Сибири в конце XVIII в., вызвали рост городов, что, в свою очередь, потребовало упорядочения их планировки и благоустройства. Соответствующие мероприятия, проведенные в конце XVIII в. (создание и реализация первого генерального плана Иркутска и др.), принесли ряду городов положительные плоды, но требовали дальнейшего развития. Указы о планировке и благоустройстве сибирских городов повторялись в 1802 и 1816 гг. Последние почти реализовались лишь своеобразно, ввиду административно-бюрократических методов. Так, губернатор Трескин, наметив выпрямление иркутских улиц, приказал начинать их строить сразу, обязательно всю расположенную улицу, а обывателям предписывалось в течение года перенести или перестроить в соответствии с этим свои дома. Многие не смогли выполнить это распоряжение. Тогда начальство приступило к разрушению жилищ, лишая людей крова.[3]

Работы по благоустройству Томска в 1816—1818 гг., начавшиеся под руководством находившегося в ссылке инженера Г. С. Батенькова, В. Ф. Тимковского, вернувшийся эфемерное оживление в связи с общей эпидемией, была обнаружена перепланировка его центральной части, особенно на каменной площади у Ушайки на Юрточную гору.[4] Маленькие улицы Тобольска, уступая свое былое величие молодому военизированному Омску, а наиболее застроен которого к 1820 г. по приказу командира отдельного сибирского корпуса генерала Кайсарова были выданы специальные книги «Разные виды заборам, решеткам деревянным и воротам» и для других также каменным и деревянным домам с правилами внешних украшений фасов и инструкции для руководства архитекторам строителям.[5]

Несмотря на требуемую стандартизацию и застройке городских зданий, большинство обывательских домов в сибирских городах мало чем отличалось от деревенских построек с их гипичной планировкой сложенных из сосновых. Дома тех, относящихся по конца XVIII—начала XIX в. периодов, сложены из крупных бревен, врубленными четырехстенными срубами. На их стенах не было никаких украшений, кроме полукружий в наличниках (два кружка), на подзорниках, на воротах и ставнях.[6] В Иркутске за особую форму коовди подобные дома называют «горбатыми». В зависимости от типа постройки различались конструктивные, объемные и планировочные решения: одинокие флигелечками, выходящие в основном создавая впечатление интимности. Необычный уличный фасад земли обычно был глухим, лишь иногда встречались и,

---

[1] См. статью М. С. Знаменского «Наша Дмитриевич Нечушин. (Из воспоминаний)». [Сибирский сборник. 1900, кн. 3, стр. 80—100].

[2] С. С. Трубецкой. Карикатуры Н. А. Степанов. Исторический вестник 1901, № 3, стр. 957—967.

[3] Ф. А. Кузнецов, Т. А. Пилипчук. Иркутск. Очерк по истории города. Иркутск, 1958, стр. 66.

[4] Д. И. Исаев. Томск XX. 1959.

[5] Томские губернские ведомости. 1860, № 26.

[6] А. М. Прокопьев. Народное. Памятники архитектуры XVIII и XIX вв. г. Томск. Ты. Томск. краевое изд-во, г. П., 1960, стр. 34.

ких правил, довольно интересных. Знание этих [illegible]

В русском народном зодчестве Сибири сохранялись древние черты «теремов» и «боевых» домов, уже исчезнувшие в то время в Европейской России. Суровый климат способствовал созданию интересных пространственных решений крытого двора (за счет удобства и отапливаемости) и его внутренних переходов, помещений в перекрытиях, связывающие с домом. Это обстоятельство привлекло архитекторов к изучению от зимовки опыт — ныне исчезнувших учебных заведений.[1] Великая местной традиции деревянного зодчества широко проявилась в камне. Так, по типу «двор-дойник» была построена церковь **Томской Благовещенской церкви** (1783—1807 гг.).[2]

Отдаленность Сибири **способствовала сохранению** в ее архитектуре **многих достоинств**. Местные архитекторы-самоучки Лавр и Ксенофонт Черепановы **сооружением** выполнили **Воскресенского собора** в Ачинске до 70-х годов XVIII в. традиции **древнего шатрового зодчества**. Черты русского барокко держатся до начала XIX в., они **прослеживаются в здании** омской гауптвахты,[3] в «Московских воротах Иркутска, построенных по проекту губернского архитектора Корганова,[4] в церкви расположенных восьмериках томских церквей того времени с богатой композиции пирамидально устремленных вверх пятиуровневых глав. Вышедшая-сосланы время (1789—1807 гг.) в том же Томске.

Своеобразие классицизма в сибирской архитектуре в полной мере [illegible] века XIX в. Одна из первых в данном направлении — так называемый «Белый дом» в Иркутске, построенный в 1804 г. купцами Сибиряковыми; впоследствии [illegible] Сибирские архитекторы П. В. Равинский, А. П. Дмитриев, А. А. Кафтырев, Я. Н. Попов и другие были учениками и последователями русской классической школы. В своей практике они широко [illegible] чертежей и проектов [illegible] своих книгах издавали.[5] Не [illegible] монументальные и [illegible] дома каменные здания. Бывший Магистрат и Верхней полиции. Последний предназначался для склада, сортировки, просушки и [illegible] — для его отправки вглубь на Сибирь и восточноевропейские губернии (Архитектор А. А. Кафтырев).

Большие строительные работы развернулись в центре алтайского края Алтая — Барнауле. Здесь Я. Т. Попов, ученик К. Росси, подобно этому, стремился к созданию целостных архитектурных комплексов, **объединяющих** воедино различные архитектурные ансамбли. Отличительной чертой зодчества Попова умело сочетал построение что предшествующими зданиями и [illegible], которые пришлось возводить ему самому. Для творчества Попова характерна простота, стройность, [illegible] фасады и [illegible].[6]

Широкое внедрение классицизма в **массовое строительство** жилых зданий, не отказа в наказаний, но и в [illegible], наиболее ярко**й** архитектуре, [illegible] не только в городах, но и в селах Сибири, [illegible] специфический характер — **национальном характере** этого архитектурного стиля, **полюбившегося самым широким слоям народа**. Вместе с тем с [illegible]

---

[1] А. Э. Орловский. Об архитектурной школе и архитектурных взглядах [illegible] Сибири. Архитектура Сибири. Новосибирск, 1921, стр. 31.

[2] А. Э. Пятков. Томск, стр. 80.

[3] Д. Н. Кобелятский. Омск. Кн. 2-е и старшие годы. 1960, стр. 15.

[4] Э. Экземплярский. Московские ворота города Иркутска. Иркутск, 1924.

[5] Запись конструкции мест в Томске родилась на основе высокопоставленного стиля [illegible] А. Э. Экземпляр. [illegible] Николаевский казенный собор создавался по [illegible] Д. И. Фомина (см.: А. Н. Шубин. Томск, стр. 45—46; Д. Н. Кобелятский. Омск, стр. 30).

[6] Э. Э. Улановский. Памятники архитектуры Алтая. Барнаул, 1959, стр. 121—149.

ном домостроении продолжают сохраняться и не менее живучие мотивы барокко, особенно частые в декоре наличников. При этом следует отметить, что классические формы в восточносибирской архитектуре не получили такого распространения и выдержанности, как в западносибирской.

В середине XIX в. в архитектуре Сибири, как и в центральных районах страны, намечаются поиски новых форм, в плане эклектических сочетаний различных стилей. В этом направлении проявилась деятельность Г. С. Батенькова в период его томской ссылки после 20-летнего заточения в Петропавловской крепости. По проектам декабриста в конце 40-х—начале 50-х годов в Томске был воздвигнут ряд зданий, сочетавших декоративные черты модернизированных старорусского и готического стилей.[34]

---

[34] Н. А. Ш. Пожбыткова-Фролова. Архитектор-декабрист. Архитектура СССР, 1934, № 9, с. 66, 67.

Заключение

В настоящем томе рассмотрены основные проблемы истории Сибири почти за три столетия: с конца XVI в. по 50-е годы XIX в. В это время развитие Сибири шло по новым путям. Решающее влияние на ее историю оказало присоединение к Русскому государству.

Термин «присоединение» избран не случайно, так как он наиболее широк по смыслу. Фактически имели место принудительное (например, завоевание Сибирского ханства), пассивное (например, кеты) и добровольное присоединение (присоединение бурят, хакасов и др.). В этих особенностях присоединения мы усматриваем одну из основных причин необычно быстрого и с применением весьма малых сил включения в состав Русского государства огромной территории, по своим размерам намного превышающей территорию коренной России. Другой причиной было непосредственное соседство Руси и Сибири, давнее знание русскими людьми путей в Сибирь. Недаром русские люди XVII в. называли Сибирь «Украйной» Руси. За несколько десятков лет русские поселения продвинулись от Урала до берегов Тихого океана, с тем чтобы позднее появиться на его островах и выйти на восточные берега Северной Америки.

Сибирь стала частью России, когда та уже прошла многовековый путь феодального развития и превратилась в единое феодальное государство с высоким уровнем производительных сил, сложной социальной организацией и блестящей для того времени культурой. В состав России был включен огромный край, народы которого еще не вышли из состояния родовых отношений. Лишь некоторые из них переживали период разложения родового строя и начальных этапов классообразования.

С конца XVI и до второй половины XIX в. русскому народу совместно с народами Сибири пришлось пройти большой и замечательный путь. Конец этого периода для страны в целом характеризуется отменой крепостного права и активным развитием капиталистических отношений. Эти процессы не могли не захватить и Сибирь. Начав трехсоковой путь с господства родовых отношений, Сибирь к завершению его переживала формирование капиталистических отношений при сохранении многоукладности.

Характерной чертой присоединения Сибири к России являлось сочетание политического подчинения с хозяйственным освоением ее действенных просторов. Поэтому было бы неправильно рассматривать процесс присоединения, начиная с первых походов новгородцев в Югру (XI в.) или с походов отрядов среднерусских князей (XV в.), хотя они и сопровождались иногда вассальной (правда, весьма эфемерной и временной) подчиненностью отдельных групп сибирского населения. Даже включение в титулатуру московских князей слова «сибирский» отражает

скорее политическую тенденцию, нежели фактическое положение вещей. И не только потому, что в результате этих акций был захвачен лишь небольшой, самый западный край огромных сибирских просторов, но и потому, что они никогда не отмечались сколько-нибудь длительным характером и не походили на процесс, развернувшийся позже.

С конца же XVI в. политическое проникновение Русского государства в Сибирь уже постоянно сочетается с ее освоением и с расселением в Сибири русского населения, приходящего часто вне контроля или даже вопреки влиянию государственной власти. Выталкиваемое из коренной Руси растущим феодально-крепостническим гнетом, трудовое население составляло основную часть переселяющихся в Сибирь. Причем с течением времени эта струя переселения приобретала все больший удельный вес по сравнению с другими элементами переселенческого потока (воинскими частями, государственной бюрократией, торговыми людьми и промысловыми предпринимателями).

Размещение этого потока в Сибири чрезвычайно облегчилось наличием громадного запаса неиспользуемых земель. На них в основном и размещалась масса переселяющихся. Так, наряду с коренным населением в Сибири образовалось русское население, постепенно составившее основную массу непосредственных производителей материальных благ Сибири. К началу XVIII в. оно уже превысило количественно коренное население, а к концу рассматриваемого периода превосходило его. Таким образом, уже в XVIII в. Сибирь и по составу своего населения, а не только по политической принадлежности стала русским краем. Вместе с тем продолжался [illegible] рядом и местное население.

В XVII—XIX вв. происходили миграционные и ассимиляционные процессы. Часть этих процессов уходила своими корнями в дорусское время. Постепенно к середине XIX в. складывалось размещение населения, приближающееся к современному.

Развитие Сибири с конца XVII до середины XIX в. было противоречивым, как и развитие любого классового общества. Включение Сибири в состав феодального государства отдавало ее народы во власть господствующего класса этого государства. Следствием этого было ограбление народов Сибири посредством взимания ясака и других повинностей, а также посредством неэквивалентного обмена. Таким образом, к изъятию части прибавочного продукта у местного трудового населения местной выделяющейся верхушкой прибавилось изъятие другой части этого продукта в пользу господствующего класса русского феодального общества. Это не могло не ухудшить положения местного населения, не могло не способствовать консервации и без того закостенелых форм его хозяйствования.

Вместе с тем то обстоятельство, что в среде русского населения Сибири подавляющую часть составляли непосредственные производители материальных благ, с их многовековыми трудовыми навыками, значительно более совершенными, чем у местного населения, приводило к резкому и общему подъему производительных сил Сибири.

Прежде всего это сказалось в создании сибирского [illegible] земледелия. К началу XIX в. русские крестьяне составляли 82% русского населения Сибири и 57% — всего населения края. Если учесть, что земледелием занимались другие слои русского населения и часть коренного населения, то процент земледельцев должен еще увеличиться. Таким образом, Сибирь быстро становилась крестьянским краем.

При всей пестроте систем (от перелога и подсеки до двухполья, трехполья и трехполья с применением удобрений или в сочетании с перелогом) земледелие по уровню своему постепенно подтягивалось к крестьянскому земледелию коренной России и к середине XIX в. мало от него отлича-

лось. Быстрый рост возделываемых площадей и сборов урожая постепенно превращал Сибирь охотничью, рыболовецкую и скотоводческую в Сибирь земледельческую. Уже к концу XVIII в. в Сибири собиралось достаточное для удовлетворения внутрисибирских потребностей количество хлеба. Таким образом, уже один этот факт говорит о том, что вместе или наряду с хозяйством потребительским выросло мощное хозяйство производящее. Русский земледелец — беглец из крепостной Руси — с успехом вступил в единоборство с сибирской природой и заставил служить ее человеку.

К этому же времени относится создание русскими переселенцами сибирского ремесла и кустарных промыслов, а со второй половины XVII в. и особенно в XVIII в. в Сибири появляются мануфактуры. Развитие промышленности с начавшимся отделением ее от сельского хозяйства наряду с развитием торговли превращало возникавшие с конца XVI в. сибирские города, по крайней мере часть их, из административных и военно-административных центров в торговые и торгово-ремесленные центры. Особые успехи в развитии промышленности в XVIII в. были достигнуты в деле создания горнорудной и металлургической промышленности мануфактурного типа, основанной преимущественно на принудительном труде, с которой связано и начало формирования первых сибирских рабочих кадров.

В первой половине XIX в. бурно расцветает золотодобывающая промышленность. По разнообразию производимых продуктов, по их количеству и качеству, по техническому уровню производства сибирская промышленность этого периода резко отличалась от существовавшей в Сибири промышленности дорусского периода, которая не выходила за рамки домашней промышленности. Однако в этот период, как и в последующий, Сибирь находилась в сильной зависимости от промышленности центра и служила резервуаром для сбыта производимых им товаров.

Отмеченный скачок в развитии производительных сил, совершенный трудовым русским населением, не мог не сказаться и на хозяйственной деятельности коренного населения. Влияние это было двояким. Развитие земледелия и русского пушного промысла дало к дореформенному пушным районов, уменьшало добычу охотничьих хозяйств коренного населения. Это усугублялось изъятием прибавочного продукта в форме феодальной ренты, неэквивалентной торговли или прямого грабежа. Рост недоимок ясака, особенно заметный в последней четверти XVII и в XVIII в., может быть расценен не только как результат переобложения населения, но и как показатель понижения хозяйственной мощности. Противоречия, проистекающие из сосуществования различных типов хозяйств, впрочем, не имели катастрофических последствий. Об этом ярко свидетельствует рост численности коренного населения, который мог иметь место только в условиях жизнеспособности хозяйств.

Вместе с тем уже в XVII в. можно отметить отдельные случаи, а в XVIII и в первой половине XIX в. уже довольно многочисленные факты внедрения в хозяйство коренного населения новых, более высоких трудовых навыков — обращение к земледелию (что особенно ощутимо наблюдается в первой половине XIX в.), более широкое внедрение сенокошения и стойлового содержания скота, улучшение орудий лова и охоты. В то же время запасы рыбы, пушного зверя (за исключением наиболее ценных пород соболя), пастбищ для скота позволяли сохранить традиционные формы хозяйства.

Присоединение Сибири к России имело своим следствием распространение русского феодализма вширь. Такое расширение не означало простого подчинения феодальному государству новой территории, насс-

ление которой сохраняло бы нетронутым прежний характер социальных отношений. Пестрота социальных отношений в Сибири еще более увеличивалась. Наряду с коренным населением, переживавшим этапы родовых отношений вплоть до их разложения и появления зачатков феодальной системы, сложилось многочисленное русское население, характер социального строя которого следует определить как феодальный. Наличие феодальной собственности, которую сконцентрировало в своих руках само государство, несвобода непосредственного производителя материальных благ и господство феодальной ренты — все это характеризовало феодальные отношения, установившиеся у русского населения Сибири. Население это, бежавшее от феодального гнета, царившего в коренной Руси, оказалось и в Сибири в плену по существу тех же отношений. Правда, отсутствие частного феодального землевладения (при наличии лишь монастырского, кабинетского и немногих дворянских владений), недостаточная сила и быстрота воздействия центральной феодальной власти и представителей на местах, наличие сильной внутренней миграции русского населения, огромные земельные резервы, зарождение в тот период в стране уже новых явлений — все это привело к тому, что феодализм в Сибири не приобрел тех грубых форм, которыми он отличался в центральной Руси. Все это облегчало переход к новым общественным отношениям, признаки которых явно обнаруживаются с конца XVIII в., и предопределило характер аграрного развития Сибири в период капитализма.

В то же время феодальный характер общественных отношений сковывал развитие производительных сил, в [illegible] хозяйстве [illegible] сказывалось в рутинности системы его ведения. Достаточно быстрый рост производства хлеба вызывался расширением посевных площадей, а не интенсификацией хозяйства. В промышленности это выразилось в кризисе горнорудной и металлургической промышленности, основанной на принудительном труде.

Включение Сибири в состав феодального государства и развитие феодальных отношений в самой Сибири оказывало влияние и на социальное развитие коренных народов. Вовлечение последних в товарно-денежные отношения, поддержка русским феодальным государством верхушки местного населения, тяжесть ясачного гнета для рядового населения способствовали усилению неравенства в местных обществах и ускоряли в ряде их вызревание феодальных отношений. В области социального развития, как и в сфере производительных сил, мощный толчок, данный совместной жизнью русского народа и коренных народов Сибири, парализовался в значительной мере колониальной политикой царизма. Социальное развитие коренных народов Сибири в рассматриваемый период характеризуется крайней замедленностью.

В известной мере это должно быть отмечено и в отношении русского населения. Изъятие прибавочного продукта путем тяжелой феодальной ренты, таможенная политика с созданными ею искусственными барьерами и подобные этим другие явления тормозили социально-экономическое развитие русского населения.

Значительным явлением в жизни Сибири в данный период было установление в ней государственности. Само коренное население Сибири не создало предпосылок для ее формирования (за исключением Сибирского ханства). Эту функцию выполнило Русское феодальное государство, подчиняя население Сибири, и коренное и пришлое, установлением в нем государственным порядкам. При всех переменах в управлении Сибирью, происходивших с конца XVI по первую половину XIX в. включительно, в основном оно следовало за переменами управления в стране в целом при наличии лишь отдельных частных отступлений. Выполняя свою основную функцию — обеспечение интересов господствующего класса, — эта

государственная власть осуществляла угнетение трудовых масс независимо от их национальной принадлежности. В этом отношении весьма показательна фискальная политика феодального государства. Сравнение обложения русского и коренного населения свидетельствует о приблизительно одинаковой его тяжести. Даже формы обложения постепенно сближались в сторону перехода на денежное. Развитие социальных отношений шло в рассматриваемый период таким образом, что на одной стороне оказался господствующий класс русского феодального общества, создавший в Сибири достаточно мощный государственный аппарат, и сближающаяся с ним родоплеменная и феодализирующаяся верхушка коренного населения, а на другой — трудовые массы как русского, так и нерусского населения.

По этой линии развертывалась и классовая борьба. Она носила различные формы: от пассивного уклонения от взноса ренты и бегства до открытых антиправительственных выступлений. Все эти формы были характерны для борьбы и русского, и коренного населения. Иногда эти два потока выступлений сливались вместе, объединенные единством классовых интересов. Размах классовой борьбы здесь в этот период не достигал такого уровня, как в центре страны, ибо сама острота классовых противоречий в Сибири была меньшей. Огромность просторов при наличии гигантских резервов земель, сравнительная слабость еще только налаживающегося государственного аппарата, своеобразие феодализма, сила родовых отношений у большинства местного населения — все это если не смягчало, то притупляло остроту противоречий.

Выполняя функции угнетения трудовых масс, государственная власть в то же время и содействовала развитию Сибири. В частности, сельскохозяйственное и промышленное освоение лесостепной плодородной и богатой рудными запасами полосы стало возможным лишь благодаря организованным государством укрепленным линиям, укрывшим земледельцев и горнорабочих от набегов южных кочевников. От этого выигрывало не только русское, но и коренное население.

Важным следствием отмеченных явлений было развитие культуры Сибири. Этот процесс происходил под мощным влиянием общерусской культуры, отражением которой и была культура сибирской окраины. С некоторым опозданием и в более слабо выраженных формах культура Сибири переживает те же этапы, что и культура центра России. При весьма слабом распространении в народе грамотности развивается техническая (Ползунов) и общественная мысль (Словцов, Батеньков). Немалым был вклад ссыльных в развитие этой культуры (Радищев, декабристы). Особую, хотя и не очень яркую, окраску в эту культуру вносило взаимодействие культур русского и коренных народов. Сильнее всего это сказывалось в развитии материальной культуры (одежда, жилище, орудия производства). В то же время в рождавшейся сибирской литературе находили отражение местные события, волнующие местное общество вопросы, влияние фольклора коренных народов. Из коренного населения в это время выдвинулись крупные представители общественной мысли (Галсан Гомбоев, Доржи Банзаров, Чокан Валиханов).

В последней трети изучаемого периода наряду с отношениями патриархальными (родовыми), патриархально-феодальными и феодальными в Сибири формируются и отношения буржуазные. Отдельные элементы их отмечаются и в более ранний период. В сельском хозяйстве это сказалось в расслоении крестьянства, выделявшего, с одной стороны, бедноту, а с другой — зажиточную верхушку. Характерной фигурой в сибирской деревне становится крестьянин с значительной запашкой, большим количеством скота, использующий в своем хозяйстве бедняка в качестве наемного работника (чаще всего временного) и часто сочетающий

земледелие с хлебной торговлей и промыслами. Впрочем, размывание середняка происходит в Сибири медленно. С этим связано то обстоятельство, что рынок рабочей силы в Сибири в середине XIX в. был еще крайне узким.

В промышленности на смену мануфактуре с принудительным трудом приходят предприятия капиталистического типа. Наиболее бурно они создавались в первой половине XIX в. в период золотой лихорадки в среде золотопромышленников. Характерной чертой сибирской промышленности было слабое развитие предприятий по выработке предметов потребления, за исключением промышленности по переработке зерна (мукомольная, винокуренная). Почти не получила развития текстильная промышленность. Это обстоятельство, свидетельствующее об отставании промышленного развития Сибири, частично находит объяснение в сравнительно слабом накоплении капиталов в самой Сибири. При баснословных природных богатствах (пушнина, металлы, плодородная земля) образовавшиеся при их эксплуатации доходы в большей степени уходили за пределы Сибири, обогащая феодальные, торговые, промышленные и бюрократические круги центра. Несомненно, что наряду с этим вырастали и местные сибирские капиталисты, которые вкладывали образовавшиеся главным образом в сфере торговли капиталы в промышленность и создавали иногда достаточно крупные дела. Большинство этих капиталов не были устойчивы, как не были устойчивы и созданные на них предприятия. Причиной такого положения была недостаточная мощность капиталов, недостаток кредитов, непрочность положения капиталистов в условиях господства феодальных порядков. В соединении с отмеченной узостью рынка рабочей силы эти обстоятельства тормозили развитие капиталистической промышленности Сибири. Если хлебом Сибирь себя обеспечила полностью и начала выбрасывать его излишки на свои рубежи, то в отношении промышленных товаров она находилась в сильной зависимости от центра. И не только в силу специализации промышленного развития в зависимости от характера природных условий и богатств, но и в силу отставания уровня промышленного развития.

При всей сложности и противоречивости развития Сибири нельзя не оценить того героического подвига, который был совершен русским трудовым народом, открывшим ее для человечества и сделавшим ее ареной упорного и плодотворного труда.

Присоединение части азиатского материка не сделало Россию по тенденции развития азиатской страной, а, напротив, превратило Сибирь в неотъемлемую часть России примерно с тем же уровнем производительных сил и производственных отношений. Это позволило Сибири сыграть существенную роль в развитии России в целом и через нее, в иногда и самостоятельно, в мировом историческом процессе. Появление сибирских товаров на мировом рынке изменило его структуру, вызвало известное смещение направления мировых торговых путей. Сельскохозяйственный и промышленный опыт сибирского населения явился заметным вкладом в развитие трудовых навыков всего человечества и в ряде случаев послужил основой прогресса технической мысли и науки. Особенно большое значение для формирования передовой мировой науки имели географические открытия русских к востоку от Урала. Три века совместной жизни русского народа и аборигенного населения позволили Сибири включиться в общий ход мировой истории и в развитие мировой культуры.

Список сокращений

ААН	— Архив Академии наук
АИ	— Акты исторические
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКО	— Государственный архив Курганской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАТОТ	— Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске
ГАХАО	— Государственный архив Хакасской автономной области
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
ЛО ААН	— Ленинградское отделение архива Академии наук
ЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РГО	— Русское географическое общество
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИО	— Русское историческое общество
РО ГБЛ	— Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
РО ГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
СП	— Сибирский приказ
ССЭ	— Сибирская советская энциклопедия
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

Абалгирим, [illegible] 92.
Аблай, султан, хан Среднего Жуза 213.
Аблесимов А. А., писатель 495.
Абросов, староста с. Туринского 436.
Авваум, протопоп 143, 169.
Авраамий, расколоучитель 331.
Аврамов П. В., декабрист 470.
Аврорин В. А., живописец 4.
Агапова Т. И., историк 7, 20, 242, 313, 321, 435.
Агеев М., крестьянин 119.
Агеев Прокопий, рудовоз 391.
Агинея Петрович, маньчжурский мурза 27.
Адрианов М. К., литературовед 183, 478.
Айдарова Х. Г., [illegible] к 490.
Акинфов И. П., енисейский [illegible] 155.
Алачев Дмитрий, [illegible] 142.
[illegible] 142.
Алдарун, бурятский [illegible] 445.
Алей, сын сибирского хана Кучума 31.
Александр, [illegible] житель 331.
Александр I, [illegible] 451, 453, 457, 458, 462, 482, 491.
Алексе[illegible] 6, 7, 2[illegible] 42—46, 48, 76—79, 86, 89, 140, 143—146, 149—151, 156, 172.
Александров Матвей, поэт 444, 495.
Алексеев А. И., историк 281.
Алексеев Василий, атаман 140, 141.
Алексеев М. П., литературовед 21, 74, 159.
Алексинский Н. В., историк 186, 187.
Аленин (Оленин)-Иванлыкий В. Т., ведавший человек 27.
Алексеев, французский купец 402, 403.
Алтын-хан, монгольский хан 44, 45.
Алтын-ханы, монгольская династия 36, 106.
Алтунхаев М. Т., литературовед 7.
Алябьев А. А., композитор 496.
Аманжолов Т. Б., казахский писатель 201, 210, 329, 334, 335.
Аманжолов[illegible], историк 476.
Аманжолов, [illegible] ...
Андреев А. И., историк 21, 22, 47, 160, 168, 176, 286, 287, 344, 490.
Андреев А. Н., декабрист 470.
Андреев В. И., историк 323, 325, 329.
Андреев Иван, автор «Домовой хроники» 325, 336, 448, 499.
Андреев Марты[illegible], сподвижник Пугачева 321.
Андреев С., геодезист и картограф 348.
Андреев Тимофей, медик 340, 341.
Андреевич Я. М. (Андриевич Я. М.), декабрист 470, 499.
Андриевич В. К., историк 16, 163, 183, 191, 192, 271, 274, 275, 277, 316, 461.
Андриевич Я. М. см. Андреевич Я. М.
Андрущенко А. И., историк [illegible].
Аничков Б., инсп[illegible] ...ных земельных отношений 30, 34.
Анна, дочь енисейского рабочего 475.
Ан[illegible] Ивановна, императрица 230, 307, 312.
Аникиков, ген[illegible] 377.
Аничков И. А., декабрист 468, 499.
Аносов Н. П., горный инженер 395.
Аносов П. П., горный инженер 391.
Антоний Сийский, основатель и игумен Антониев-Сийского м[illegible] 166.
Анучин Д. Н., историк 153.
[illegible] историк 483.
Аракчеев А. А., министр 457, 459, 461, 463, 464.
Арефьев А. А., архитектор 501.
[illegible] декоратор театр 366.
Аркадиев Д. П., механик-изобретатель 391.
Арсеньев К. А., географ 405.
Арсеньев Ю. В., издатель дневника Н. Спафария 158.
Аршинский Б., сын боярский 141.
Асанов Ф. Я., крестьянин 436.
Асташев, владелец прииска 441.
Асимолов Иван, крестьянин 439.
Аспиазитов, казацкий [illegible] 28.
Ахлестов В. Н., начальник экспедиционного отряда 50, 104, 151, 161.
Ачинцев Е. А., искусствовед 337, 338, 501.

Бабасин, [illegible] ч 28.
Бабинов Арт[illegible]ий, пермский [illegible] 37.
Баграев Л. С., [illegible] 100.
Базанов А. Г., историк 165, 324—326.
Базанов В. Г., литературовед 492.
Базилевич К. В., историк 81.
Байкай Н. Н., историк 102, 328—330.
Баженович М. Н., статистик 272, 276.
Баженов Т., гравильный мастер 499.

Балагуров А. Я., историк 239.
Баландин, владелец прииска 441, 443.
Бальдауф Ф. И., горный инженер, поэт 92, 93
Банзаев М., дархан, старшина Шонтойского улуса 445.
Банзаров Доржи, бурятский ученый-этнограф 490, 507.
Бантыш-Каменский Н. Н., тобольский губернатор 437.
Барабой А. З., историк 112.
Барамзин Александр, варгольский купец 226.
Барамзинская М. Ю., искусствовед 499.
[illegible] 34.
Бардашет Х., участник экспедиции И. П. Фалька 351.
Барлин, живописец 346.
Барклай де Толли М. Б., полководец 454.
Барсуков А., историк [illegible]
Бартоломей, [illegible] городничий 452.
Барятинский Ф. П., военно-[illegible] 146.
Барятинский Ф. П., военно-[illegible] 30, 34.
Бастрыгин Н. В., декабрист 468, 474.
Баскаков А., воевода 141.
Баскин В. Н., историк 297.
Басов Емелька, крестьянин 196.
Батеньков Г. С., декабрист 13, 148, 415—[illegible] 473, 477, 482, 485, 500, 502, 507.
Батур-Хунтайджи, джунгарский правитель 76.
Бахайн, бурятский [illegible] Шонтойского [illegible] старшина улуса 445.
Бахрушин С. В., историк 17—19, 21, 22, 27, 7, 42, 45 — 76, 77, 81, 89, 94, 95, 100, 103, 126, 130, 131, 140, 142, 146, 149, 168, 181, 196, 255, 257, 489.
Бахтеяров Е., землепроходец 52.
Бахтин Н. И., тобольский прокурор, сотрудник журнала «Литературный архив» в Императорск 333, 335.
Башарин Г. П., историк 280, 404.
Башковский А., красноярский воевода 188.
Башковский М., красноярский воевода 148, 149.
Бебутат, сибирский хан 25, 29.
Бекетов П., сотник 44, 47, 50, 53.
Бекман И., ученый 342.
Белецкий Д. Н., историк 182, 183, 186, 193, 220, 330, 331.
Белинский В. Г. 492, 494.
Беллинсгаузен Ф. Ф., мореплаватель 468.
Белобородов, начальник карательного отряда 3.
Белов М. И., историк 21, 42, 154.
Беляев А. П., декабрист 463, 469.
Беляевы, декабристы 472.
Беннигсдорф Л. Х., шеф корпуса жандармов 470, 476.
Берви-Флеровский В. В., демократ-просветитель 480.
Берг Л. С., географ 21, 293, 344.
Берестов Д. А., дьяк 132.
Беринг Витус, начальник Первой и Второй Камчатских экспедиций 162, 252, 281, 293, 326, 344—347.
Бермецкая, сын бекерский 111.
Бернштейн-Коган С. В., историк 407.
Бескровный Л. Г., историк 454
Бестужев М. А., декабрист 466, 470, 471, 472.
Бестужев Н. А., декабрист 13, 405, 421, 457, 468, 470—473, 499.
Бестужев-Марлинский А. А., писатель-декабрист 405, 492, 494, 495
Бестужевы, декабристы 464, 466, 476.
Бечасный В. А., декабрист 470.
Бибр Андрей, начальник Колывано-Воскресенских заводов 188, 232, 240.
Биллингс И., исследователь Сибири 342, 344, 345.
Бирон, курляндский герцог, регент 231.
Бичени, иркутский купец 306.
Бобрищев-Пушкин П. С., декабрист 468, 470, 492.
Бобровский Яков, устюжский купец 253, 256.
Бобылев Н., литератор 494.
Богданов В., медик 400.
Богданович И. Ф., поэт 448
Богословский И., историк 394, 396, 399
Богоров В. Г., этнограф 281, 289, 464.
Богословский М. М., историк 135.
Богуславский Г. А., географ 158.
Водкирский М. С., историк 488.
Болдырев Каверин Д. А., искусствовед 499.
Болховский С. Д., воевода 29, 30.
Бонами Ф. П., механик Петровского завода 388.
Борисов А. И., декабрист 471.
Борисов П. И., декабрист 471, 472, 499.
Борисовы, декабристы 463.
Боровской, крестьянин 119.
Босой К., купец 145.
Босин, купец 78, 81.
Ботев Петр, предводитель мангазейской толпы 140.
Бочарникова В. И., историк 7.
Бошокту-хан (Галдан), джунгарский владетель 46.
Бояр[illegible] хантайский князец 28.
Г[illegible]ринов [illegible] 1, 6, 19, 73, 89, 142, 268, 269, 2[illegible], 275.
Бояшев Ф., тобольский воевода 120.
Брандт Андрей, аптекарь 346.
Броневский С. Б., генерал-губернатор Восточной Сибири 476.
[illegible] крепостной 455.
Бутов В., начальник отряда служилых людей 47.
Бухгольц [illegible] С. [illegible] 40, 41, 188.
Бумлечев И., автор «Путешествия по Восточной Сибири» 319.
Бутаков П., казачий воевода 122, 143.
Бурнашев, начальник Нерчинских рудников 466.
Бухгольц И. Д., подполковник, начальник экспедиции 40.
Бушнакин Н. П., историк 16, 34, 65, 163, 257, 258.
Вагапов Ф. С., [illegible] ник-изобретатель 343, 391.
Вагин В. И., исто[illegible]к 15, 455, 477, 478, 499.

Голубецкий Ф. Ф., дьякон 465.
Данилов Игнатий, протопоп, депутат 141.
Дворянский бунт, историк 406, 417.
Дойе С. Н., историк 552.
Долгово-Сабурова семья 446.
Донской войсковой Петропавловского Иоанно-Предтеченского монастыря 114.
Дорошин Николай Гаврилович 310, военный историк 112, 113.
Дорошин Христофор Гаврилович, богатый купец и строитель Успенского монастыря 346.
Дружинин Г., историк памятников архитектуры 168.
Дьяконов Матвей Ефимович, купец 466.
Евстафьев А., депутат от купцов Орловской губ. 93.
Елисавет Ал., великая княгиня, дочь императора Петра I 46.
Ельчанский Б., историк 340.
Ельчин, любитель древностей 89.
Епископский, князь 395.
Ершов П. П., историк 46, 273, 277, 401, 466.
Есипович А. А., историк 372, 47, 62.
Ефимов Н. Н., генерал 7, 99, 290, 291.
Забелин И., историк-этнограф, автор сочинения «Домашний быт русских царей и цариц», 2-е изд. 240, 250, 253, 260, 261, 267, 268.
Забелло, врач 480.
Завалишин Д., один из Сибирских историков 166.
Загоскин Г. П., историк 107, 274—276, 284, 286, 303, 322, 360.
Зайцев Г. П., историк 78.
Зайцевы М. Н., купцы 460.
Заозерская, скульптор 349.
Зарецкая Н., купеческая дочь 94.
Засецкие О. Н., историк 9, 8, 9, 26, 62, 80, 81, 84, 90, 91, 263, 279.
Зелинский Н., историк 330.
Земцов Х. А., судья Сибирского приказа 52, 164.
Земцовский, Ст. Н., владелец цветного завода в Замоскворечье 477.
Зерцалов Н. Н., историк 332.
Зиновьевский Ю. А., историк 425.
Зотов В. Р., генеральный геолог 9, 101, 130, 172.
Зотовы М., основатели крестильного дома 145.
Иванчинский А., Ш., мануфактурный генерал-лейтенант 251, 256, 257.
Иванов, Харлам, владелец типографии для малых людей 35.
Иванов, приказчик двухэтажного каменного 513.
Иезуиты М., историк 328.
Ижболдин Н. Н., один из авторов «Г. Калининград» 466, 469—470, 492.
Великанские авиационные 406.
Ижевский С. Н., инженер 465—465, 470, 496.
Измайловы Ант., мануфактурные 42.
Измайловцы, артель 536.
Индийский, монах 181.
Инженер Ф.М.К., **французский** путешественник 948.
Ионин Ф. Е., историк 469, 470, 471.
Ипполит, церковный мастер 457.
Ирина, сказочный владелец 54.
Исаченко В. В., историк, историк 251—253, 255, 257.
Ишимов А., историк 231, 452.
Кадыгроб А. Н., депутат 508.
Каратыгин Н., известный купец 480.
Карповичи, поступили купцы 210.
Катастрофа 1869 года 525.
Кашкаров Ф. Н., одноклассник Пушкина, Сашка 12, 280, 281, 423—430, 466.
Кашинский В. М., депутат 469, 470.
Кедрин, писатель, один из авторов 305.
Кисельников Н. Ф., художник 475.
Кичанова, 100-лет. Жительница из Сибири 547.

Гончаров Ал. Н., историк, публицист 90, 123, 181, 318, 471, 531—534.
Горчаковские, Ал. Ал., историки 5, 280, 874, 875, 877, 907, 908, 958.
Гофмейстер В., историк 105.
Грамотин, Владимир, Гаврилов Дорн, хан, завоеватель, крепость 182.
Грязнов, скульптор Шувалов 402.
Гуляев Дмитрий, основатель Сев. Ростовской 17.
Гуляев Петр, основатель Петровского завода 46, 57.
Гуляев Христофор, знаменитое торговое дело, основатель 47.
Гуляев Петр, основатель одного из самых богатых 448.
Гуляевы, династия, владельцы заводов 443.
Гуляевский завод 443.
Гуляйгород II, князь 149.
Гуляйгородок, основатель 46.
Гуляйгород С., знаменит 452.
Гуляев Ал. Н., знаменитый 331, 346.
Гусев Н., адрес-календарь Н. А. Маковского 365.
Гусятников, Ив., основатель Сибири 492, 482 477, 489.
Гущин, Ал., основатель Сибирской промышленной компании 336, 349.
Гусев Н. Н., генерал, основатель Сев. Кедр. 228, 237, 440, 511, 427, 428, 492.
Гущин, Ал. Ф., исследователь Сибири 241, 246, 251.
Гущин А., Н. Н., 402, 465, 488.
Гущинский, историк 29а, 413.
Гущинский, купеческий клуб 425.
Гюбнер, К. Н., инженер-путеец Сибири 280—306.
Гюбнер М. Е., ученый деятель 144, 167
Гюлина Ф. Н., историк 437.
Гюнтер, инженер-путеец 45.
Гюнтер, Мария, писатель 454
Гюнтер, купеческий родовой 475.
Гюнтер, Юрий, основатель первого страхового 39, 40.
Гюнтер Н. Г., станционный смотритель, основатель Сибири 162, 345, 349, 505.

Гедеон Алексей, церковный историк-священник 115.
Гейнеман В. Ф., доктор 346, 353.
Гейнцель Э. В., инженер 7, 45.
Гейнц Н. В. 496.
Гелиос, бывш. пр. 86.
Гедеонов П. М., тульский вице-губ. 92, 110, 127, 140, 155.
Гелиос, руководитель восстания уральских 148.
Геннингсен Констан. Ив. (Балтика), военный историк 112.
Генрихсен, пивовар 191.
Георгиевский Т. Ив., историк 16, 272, 300, 467.
Гераська А., **тобольский посадск** 120.
Гераська Ал. Ф. подрядчик 303.
Гербель Н. Ив., издатель поэтов 97, 85, 113, 143, 154, 165.
Гермогор Мартин, тобольский городской голова 52, 1.
Гернгросс Ив. Ив., главный инспектор заводов 261.
Гернгросс, техник-строитель уральских заводов 262.
Гернгросс Ив. Ив., архитектор 47.
Гертнер, архитектор 225, 401.
Гесслер Петр, уральский заводч. 349.
Гейбель Н. Ал., **шацкий** винокур-подрядчик 461.
Гиллельсон Ал. Ал., историк 7, 21, 56, 94, 134, 168.
Гиляй Н. Б., политический ссыльный 102.
Гиляров Гиляй, писатель 102, 307.
Гиляров Н. В. историк 217, 222, 315, 321.
Гильдеев Ф. А., археолог 129.
Гильдеев, учитель Вятск. Кад. корп. историограф 340.
Гильде Н. Н., **томский** вице-губернатор 46, 470.
Гимназический штат-отец 203.
Гимназист, см. также 154.
Гиппиус А. Ив., генерал-губернатор Зап. Сибири 448, 449, 472, 475, 497.
Гирсович П. Н., историк 9, 93.
Гиссе (Gisse) Р., инженер 308, 309.
Гиссен В. Г., историк 251.
Гребельщиков, московский купец 277.
Гребельщиков чадолюб 141.
Гребов Алексей, московский купец 276.
Гревес Б. А., историк 117.
Гревес Н. М., историк 7, 71, 161, 162, 164, 340.
Гревенс и С. 494.
Гредингер М., участник экспедиции Ангерна 173.
Гредингер Н. Н., предприним. 478.
Гредингер Ф., пивовар 192.
Гредингер Э. Ф., пивовар 333.
Гребенщиков, Ив. Ив., историк 3, 6, 7, 19, 20, 122, 164, 177, 199, 202, 203, 217, 310, 321, 323, 325, 335.
Гребнев И., **тобольский** воевода 496.
Гребнев Г. М., писатель 185, 231, 239.
Гребенщиков Ф., уральский промыш. 15.
Гребнев И. Г., минерал 77, 78, 85, 91, 242, 277, 279, 563.
Гресьманов А., штаб 446.
Гредингер Ф. Ф., **механик-изобретатель** 301.
Гречь Константин 337.

Гризенко В. А., **тобольский** 463, 477, 492.
Гримальди Д. П., поэт-поляк 465.
Гримальди Ф. Ф., отец Альбины В. А. Гримальди 486.
Гримм, историк 496.
Гринберг Ф. В., историк 340.
Гринвей Юрий, писатель 360.
Гриневский К. М., историк 323.
Гриневский, протопоп 340.
Гринцевич, уральский зав 20.
Гроза А. П., инженер 70-1.
Гроссе С. Ив., этнограф 49, 154, 156, 177.
Гроссе Эд. Ив., **французский географ**, писатель 345.
Гроссет А. Ив., горный инженер 338, 350, 358, 540.
Гроссгейм И. Ф., историк 153.
Гроссман, путешественник 82, 228, 230, 242, 250, 311, 314, 336.
Гроссе, инженер 10.
Гроссман, историк статистических сведений 321.
Гроссе Н., историк 270.
Гроссман, зав. А. Ив. литературы 108.
Гроссман Г. Р., поэт 465.
Гроссе Э. А., историк 21.
Гроссман, художник 465.
Гроссман, Ив. литератор 421.
Гроссман Л. С., историк 1.
Гроссман-Минский, И. Ал., генерал-майор 172.
Гроссе Русский типовый детский 171.
Гроссман, Ив. Ив., историк города Ишима № 47.
Гроссман, первый исследователь гипсов в Гороблагодатской 220.
Гроссман Г. Ф., историк 1.
Гроссе Н. Ф., историк 5, 6, 7, 17, 21, 42—44, 48, 50, 72, 73, 75, 77, 78, 98, 100, 101, 108, 120, 133, 141.
Гроссман, заведующий губернским 118.
Гроссман, типографщик 433.
Гроссе, купец, Дмитрий 43.
Гроссман Ф. Ф. 474, 475.
Гроссман Н. М., историк 216, 304, 472.
Гроссман Н. Ив., историк 462.
Гроссе А. Ив. историк 1.
Гроссе В. П., историк 4.
Гроссе С., **таможенный** воевода 149.
Гроссе С. Ив. историк 472.
Гроссман, Сергей, **чайн** 422, 445, 516.

Гроссе В. П., историк 80.
Гроссе Н. М., историк 191.
Гроссе Г. Н., историк 7, 225.
Гроссе С. Ив., историк 226.
Гроссе Ф. Ал., историк 161.
Гроссе, Тимофей, **чайник** 33.

Гончаров Н. Н., историк 32.
Горький М. (Пешков А. М.), писатель 166, 183, 190, 198, 200, 210, 219, 221, 237, 244, 256, 264, 271, 333, 370, 373, 511, 528, 547.
Гоцлан Г. Г., писатель-историк 547.
Грабарь И. Э., историк искусства 231, 515.
Грибоедов А. С., русский писатель 467.
Гуго Виктор 445.
Гумилев Н. С., поэт 370.
Гуревич А. В., историк, профессор 518.
Гусева, русская поэтесса 55, 73.
Гусман Михаил, писатель 110, 111.
Гюнтер, композитор 9.
Давыдов В. Н., актер 87, 88, 93, 103, 163, 165, 169, 194, 195, 204, 205.
Данилов Г. Н., поэт 479, 485, 511, 526.
Данилов Н., поэт, составитель альманаха 9, 93, 168, 440.
Данилов Ю. Н., историк 27, 515.
Данилов Н., художник 132.
Дарский Г., писатель, автор «Занятия нашей ор...
Дейнеко Г., русский 170, 220.
Делаже Н. Н., художник 182.
Дельвиг А., известный полиграфический ... 71.
Демидов, российский предприниматель ... 90, 91.
Демьян Бедный (Придворов Е. А.), советский поэт 165.
Денисов А., протоиерей, член-учредитель ... 511, 512.
Дживелегов А. К., историк 244, 328, 329.
Дидро Д., французский ... 532, 535.
Дитмарс, путешественник ... 465.
Добролюбов А., писатель-символист 470.
Жаклинов В. В., писатель, переводчик 342.
Жданович А. И., псевдоним 168.
Жемчужин Н. Ивлин 393, 550.
Животов М. Д., писатель, общественный деятель 447.
Жилин Н. Ф., декабрь 470.
Жуковский В., поэт, переводчик ... 162, 166.
Заварзин Е. М., печатник 48, 52, 54, 103, 150, 555.
Задонский, писатель-историк 265.
Замятин С. Н., историк 323, 325.
Зарецкая, писатель, редактор, член учреждения ... 250.
Зарудный Н. Н., писатель, 84, 98, 99, 272.
Захаров А. Д., археолог 501.
Захарьин Павел, писатель 463.
Звездарь, русский актер 196.
Зелинский, издатель 469.
Зимин, издатель, типограф 475, 575.
Зольников Ф. А., московский книгоиз... 575.
Золотарев Ф. Г., издатель 499.
Зонин С. И., историк 532.
Зубатов Н. Ф., историк 36, 46, 184.
Зуйков, секретарь «Сибирского вестника» 449.
Зыков Д., издатель 144.
Ивановский М. С., художник-гравер ... 411, 414, 508.
Иванов Н. М., историк 218, 244, 315, 384, 551.
Иванов-Классик, псевдоним писателя 165.
Иванов П. П., писатель, участник 411.
Иванов М. И., историк 467.
Иван В. Ив., историк 29, 280, 287, 451.
Ив...ов Г., русский 456.
Ивановский Вл., писатель 471, 477, 506, 572, 573.
Ивин, писатель 449.
Ивин Ив., поэт 29—32, 29.
Ивлев А., ученый, ученик Бунина 545.
Ивлиев, писатель 545.
Иванов Евгений (ур. Ивлиев) 163.
Иванов П. Н., член 470.
Иванов Владимир, писатель-историк 73.
Иванов-Разумник, публицист, литературный критик 51, 152.
Иванов, издатель, деятель Каинского ... 146.
Иванчин Н., издатель 64.
Иванов Н., историк 169, 199, 205.
Иванов В. Н., архивист 168, 199.
Иванович, московский писатель 72.
Иванчин-Писарев, московский издатель 116, 164, 166.
Ивлиев Иван, деятель, ученый писатель 8 Якутии 10, 13, 74, 92, 139.
Ивлиев В. Г., историк 9.
Иванов Ал. (Иванович Ал. П.), литературный критик 166, 181.
Иванович В. С., историк 169.
Иванович Г., поэт 492.
Иванов, художественный издательский 166.
Ивлиев Н. В., историк 82, 144, 445.
Ивлиев, машинописный издатель 317.
Ивлиев Н., историк 333.
Ивлиевич В. Ив., историк 162, 163.
Ивлиев Ив., издатель, типограф 43.
Ивлиев Ив., поэт 28.
Ивлиев, издатель 45.
Ивлиев Р. Ив., историк 261, 263, 265, 419.
Ивлиев Д. Ив., историк 55, 61, 165, 184, 199, 200, 202, 500, 530, 533, 537.
Ивлиев К. Д., историк 13.
Ивлиев А. Ивлиев 165.
Ивлиев, литературоведческий псевдоним 442.
Ивлиевич, издатель журнала 446.
Ивлиев, издатель 135.
Ивлиев Ив. Ив., поэт, литературный критик 107, 163, 483, 494, 496.
Ивлиев Владимир, издатель, историк-любитель 342.
Ивлиев Н., историк 342.
Ивлиевский Федор, писатель 12.
Ивлиевич А., литературовед 586.
Ивлиевич, писатель 491.
Ивлиев Николай, советский литературовед 512.
Ивлиевич Н. Ив., историк, публицист 515, 448.

Калашников А., исследователь Сибири 442.
Калина земля 28, 29, 31.
Калина Дикая, костыльник 141.
Калинин Д. Т., историк 6, 7, 21, 150, 239, 252, 253, 313, 314, 321, 360.
Калитка, заводская слободка 497.
Калуга 6, 7, 8, историк 7, 210, 230, 251, 253, 275, 288, 310, 392, 406, 462, 465, 476.
Калугин М.А., заводчик, путешественник 518.
Калушин Г. Е., историк 325.
Калязин-Ростовский 14, 81, таможенный конвой 168.
Камалов Б. Р., историк 228, 230, 256, 267, 269, 313, 314.
Камчатка 8, туземцы Крашенинникова 424.
Канашин Ф., начальник конвоя 121, 442.
Канаш 14, 81, сын полковой 121, 191.
Канев Г. С., **начальник Колмаковских заводов** 371.
Каннабих, библиограф 350, 386.
Канск, острожок 521.
Капитон Лукич, крестьянин 455.
Капцов А., экономист 402.
Капцов, исследователь Сибири 389.
Карамзин А. А., историк 271, 274, 284.
Карлгоф, литератор-библ. 382, 397.
Карпов, адмиральский тобольский 80, 192, 318, 396.
Карпов В. Е., искусствовед 397.
Карпухин Мирон, тобольский миллионер 171.
Карцева М. К., картограф, историк 11, 348, 349.
Касимов, дворцовый конвой 282.
Касимов П. Д., инженер 376, 383, 404.
Каспий, пираты 27.
Катырев Спиид, крестьянин 84.
Катырин А., лучший стрелок заставы 45.
Катырин А. П. земельный 33.
Кашкин М. В., историк 58.
Кашкинский В. О., историк 14.
Кавказцев Е. А., историк 363.
Кавелин Н. Б., драматург 493.
Кавелинский Е. П., историк текстильной промышленности 498.
Кавтарин Петр, метеоролог-любитель 102.
Кадлец А., историк 328, 446.
Кадочин Ю. В., историк 158, 399.
Кажай, предполагаемая 405.
Кадыштовский Н. П., медальер 50, 161.
Кайбы, потерянный конвой 98.
Кайгород Г. И., медальерный конвой 140.
Кайгородов Н. Д., историк 7.
Кайгородов А. Д., историк 7, 39, 181, 192, 330, 525.
Кайгородов В., конвой 12, 52.
Калмогоров Василий, владелец винокуренного завода 261.
Калмогоров Евлл, старости тюменских пошлин 261.
Калмогоров Н. В., писатель 281.
Калмогоровы, основатели конно-пильного заводства 261, 262.
Калуга 14, 16, конвой 106.
Калинский С., доказывает скорость падения лавин 245.
Калинский, энергичный губернатор 209, 210.
Калуга Иван, основатель города пашни 28, 29.
Камарда М., основатель первого сталелитейного завода 45.
Камышлов Н. И., историк 7, 291—233, 273, 313.
Канавалов Е. М., **енисейский винокуренный** 123.
Канделинский А. А., историк 71, 206, 259, 313—315.
Капиталов Осип, переторговый купец 239.
Константин, цесаревич 472.
Оттенштейн Павел, сибирский миллионер 324, 341.
Капцевич П., промышленник 77.
Карасев А. Н., историк 4, 6, 7, 9, 20, 32, 51, 64, 89, 124, 141, 153, 156, 160, 171, 175.
Карамзин Д., школьник города Тюменский 45–47.
Карпова Т., **семейный крестьянин** 107.
Карпов В., историк 326, 525.
Карцев Е. М., купчина, 319, 386, 404, 409, 425, 427.
Карпилов Петр, крестьянин 395.
Карпинский А. О., геолог 472, 473.
Карпинский В. Д., тобольский купец, владелец типографии 283, 432—435, 469, 497.
Клушинская, тобольская купчиха-благотворительница 435.
Карабейников Тимофей, основатель старообрядческого толка 166.
Карийков, отец-золотопромышленник 481.
Карпов А., историк 412.
Карр М. А., историк 447.
Карпов М. О., историк 21.
Картавцев В. П., историк 110—112.
Карл Сергеевич, **промышленный человек** 11.
Картузов Н., **конвой** 457.
Картузов С., **конвоец** 220.
Карпов, **северный** конвоец 149.
Карпов В. М., историк 286, 289.
Карпухин В. И., историк 172, 175, 177, 187, 503.
Карпов Я. Р., **литературовед** 28.
Красильников, геодезист, участник Второй Камчатской экспедиции 346.
Красс, римский **конвой** 341.
Квашнин-Самарин С. П., исследователь Тобольского Севера 17, 151, 190, 291, 292, 302, 320, 347, 375.
Квашнин П. И., **земельный** 450.
Кривошеев В. В., историк 240.
Кривошеины Зл., **земельный** конвой 497.
Кожевин В.Г., **винокур, инженер**— 10, 13, 15, 19, 139, 509.
Кристенсен Аксель, **французский** специалист 332.
Кончевский Осип, верхотурский купец 328.
Кононов В. А., **конторский** писатель, автор **конвоев** 262, 441.
Корнилов Александр 503.
Корнилович М. Ф., **медальерный** 12, 466.
Корсаков А. Д., историк 4.
Красноперов Ю., **архивист** 447.
Кошкин Г. Д., **земельный** 496.

Кюхельбекер, декабрист 470.
Ксенофонтов И., историк 324.
Кубалов В. Г., историк 469.
Кубасов С. И., тобольский служилый человек
Кудрявцев Ф. С., историк 8, 9, 18, 21, 154, 246, 250, 295, 354—356, 362—384, 505, 510, 522, 532, 534, 486, 500.
Кузнецов, казак 290.
Кузнецов, исследователь-этнограф 401.
Кузнецов, торговец 416.
Кузнецов-Красноярский, историк 462.
Кузнецов С. К., чиновник 163, 332.
Кулаков Я., участник экспедиционного отряда 32.
Кулаков Т., историк 732.
Кулачков, крестьянин 391.
Кулешевский, С. Н., собиратель 58.
Кулешов И. А., ученый 417.
Кулков, винокур из Якутска 346.
Кулюпин В. С., врач 500.
Кумочкин Иван, успенский купец 276.
Купецкий, поселок (современное название 404.
Купцы, обворовали казну 26—30, 96, 107.
Куприн К., историк 33п.
Курбановский Н. К., историк 437, 477, 482.
Курбатовский Ф. К., историк 437.
Кустаревские декабристы 479.

Лаптев Дмитрий, сын Семена 111.
Лаптев, начальник 398.
Лаптев Семен, сибирский 375.
Лаптева Прасковья (Кожина, Суворова), жена Дмитрия Лаптева 228п, 362, 545.
Лаптевы, род 172.
Лаптев Х. Д., историк 416.
Лаптев Шелин, писатель-краеведческий деятель 230.
Лаптев Г., участник Второй Камчатской экспедиции 345, 34
Латкин Х., мореплаватель, капитан 500.
Лаптинский, участник Второй Камчатской экспедиции 343.
Латкина Л. Д., книгоиз 271, 272, 397, 486.
Лаптинский Г. механик-изобретатель 302.
Лебедев, актер 496.
Лебедев Д. М., историк 158, 345, 346.
Лебедев Петр, семинарский врач 328, 341.
Лебединский Б. И., искусствовед 501.
Левашов М. Д., начальник морской экспедиции 341.
Левицкий З. Г., историк 426.
Левин М. Г., историк 12, 18, 32.
Левинсон К., ученый-исследователь 8, 9, 18, 21, 30, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75,

Мелецкий Евгений, [Ст.] Алтын-хан [материал] выписал 411, 455
Мелик-Пашаев, генерал-лейт. 457
Мелитель, интерпретат. 446
Мельх Йозеф 31, 107, 121, 440, 448
Мельхиор Ф. Ф., историк 277
Мельхиседек, [Ст.], епископ 274, 276, 282, 402—404
Мельтцер, А. М., врач 110
Мельхиседек Пичкет, спасавший Пушкина 521
Мемлинг, Ган, историк 107
Менгли-Гирей, царь 376
Меншиков, Ев. 12, [генерал] 4
Мерный пободальский протопоп 171
Мерославский, А. П., полковой священник фрегата «Паллада» 253
Мерцалов, М., [Ст.], полковой священник в Тобольске 265, 266
Месмахер, Ф. Ф., медик-врач 488
Месс, Е. Х., писатель 461
Мещерский, [Ст.], [князь], полковой священник 195
Мессершмидт, [Даниил Готлиб], путешественник 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146,

Новицкий Гаврила, капитан, заседатель 52, 96, 162.
Новикова М. Г., историк 102, 163.
Новосильцев, Гаврила, судовой мастер 459.
Новосильский Н. Я. историк 156.
Нуца, тобольский губернатор 506.
Нумерацкий И. Г., главный мастер Ильинско-Воскресенских заводов 527, 580.

Обласевский Е. П., декабрист 461.
Обручев В. А., геолог 490.
Обухов А., якутский казак 146.
Общие участники Второй Камчатской экспедиции 343, 349.
Огородов И. Н., историк 13, 16, 132, 142, 146, 149, 164—166, 175, 177, 178, 185.
Одинг Б. И., географ 338, 349.
Окладников В., историк 330, 331.
Окладников Н. Ф., историк 98, 288.
Оксанов С. А., географ 406.
Оленкина М. В., историк 7, 142, 379.
Оленский А. Н., декабрист 467, 468, 493.
Оленский Н. Н., герой Семилетней войны 123.
Оленя, березовский казак, 84, 85, 87.
Оленьегров А. П., дьякон 4, 17, 18, 21, 42, 44—46, 53, 100, 141, 145, 150.
Оленьницкий, Наталий, механик 500.
Оглоу С. Ш., историк 317, 319, 430, 431, 486.
Ольгович Б., казацкий десятник 149.
Ольденбург-Ольденбургский В. Т. см. Ольденбург В. Т.
Ольдоп, Алексей, судовой мастер 53.
Ольденбург А. В. управляющий Кабинетом 247.
Ольский герой якутского эпоса 102.
Ольхин Федор, казак 327.
Ольхина, Авдотья, одинокий скотовод 310.
Орлов, крестьянин 123.
Орлов А. И., ялтинский штаб-лекарь, создатель дуплонских музеолов 477.
Орлов В. П., историк 332.
Орлов В. С., географ 144.
Орлецов Я., географ 121.
Орлянская А. Н. 496.
Орлянов Ф., географ 491.
Ошанин Андрей, енисейский воевода 140, 141.

Павел, тобольский врач 467.
Павел, священный мученик 112.
Павел I, император, 241, 451, 471.
Павленко Н. И., историк 227, 231, 233, 236, 237.
Павлинов Л. М., историк 426.
Павлов, участник Второй Камчатской экспедиции 343.
Павлов Н. П., историк 7, 360, 362.
Павлуцкий Д. И., начальник колонизационного отдела 265, 318, 344, 345.
Пайков, мореплаватель 388.
Пастухов П. К., мореплаватель 488.
Пахомов А. Ф., енисейский атаман 46, 47, 100.
Пахомов Т. П., историк 197, 327, 328, 333, 340, 341.
Пекарский П. П., историк-книговед 11, 162, 272, 273, 277—279, 286, 287, 315, 340, 350, 391, 471, 487.
Пелешенко И., историк 329.
Пенек И. И., географ-ботанический институт 320.
Перевалов А. М., историк 433.
Перетц В. Н., германист 433, 493.
Перов Павел, казачий 491.
Петрашев С. Н., историк 96.
Петрович А., якутский купец 382.
Пешков А. Ф., енисейский воевода 132, 143.
Пилецкий П. П., депутат экспедиций, автор хроники 282, 511.
Плещеев Д. Л., историк 165, 384.
Погодаев Григорий, грамотный человек, владелец замечательного текста 261.
Полетаев Петр, тюменский купец, торговец 263.
Полевой Е., участник экспедиции Прокудина 349.
Полевой, историк-краеведческий 286.
Полетаев Н., якутский купец 382.
Полетаева М., якутский купец 382.
Полетика М., якутский купец, 382.
Полетика П. Т., енисейский губернатор 46, 49, 50, 52.
Полетика П. Т., енисейский генерал-губернатор 445, 451, 452, 493.
Полетика П. Н., енисейский 468, 472.
Полетика А. Г., декабрист 468.
Полетов Н., историк 272, 273, 277.
Полетов Н., сибирский историк 319, 487.
Полиев Иван, енисейский казак, поход в Красноярск 133.
Полонский, географ 58, 61, 69, 95, 107, 111, 161, 162, 164, 166, 172, 173, 179, 341, 343, 350.
Попов Н., географ 221, 313.
Потемкинский М. В. 51, 428, 443, 447.
Потапов Я. Б., ученый, историк 330.
Потапов П. Н., историк 223, 313.
Потапов В. П., историк 336.
Потапов Н. С., историк 404.
Потапов Г. А., историк 490.
Потапов Г. Н., географ 490.
Потапов Иван, енисейский казак, поход в Красноярск 133.
Потапов, географ 58, 61, 69, 95, 107, 111, 161, 162, 164, 166, 172, 173, 179, 341, 343, 350.
Потап

Полевой, мореплаватель 348.
Полевой К. П. историк 6, 155—57, 158, 160.
Полевой П. А., писатель, издатель исторического журнала «Московский телеграф» 493, 494.
Полозков И. Я., экспедиционер-картограф 235, 245, 249, 343, 387.
Полубояров, служилый человек 110.
Полянский крестьянский учитель 476.
Попов С., купеческий человек, помощник купцов в Якутске 136.
Поповский Д. А., купец, депут. 132, 169.
Почекаев, картограф 345, 346.
Почекаев, картограф 1699 444.
Пояркова, экспедиция 393.
Пояркова, экспедиция, посланцы Тобольской дипломатической 462.
Прокл А. Ц., историк-краевед 500, 503.
Прокл Андрей, предпринимательский капитал, промышленник 394.
Прокл А. [illegible] 252.
[illegible]
Протов Иван, подьячий Барнаульского госпиталя 340, 341.
Попов М. И., писатель и издатель 237.
Попов Ф. А., землепроходец 41.
Попов Федор, иркутский купец-золотопромышленник 394.
Попов Я. П., барнаульский архитектор 281.
Попова, золотопромышленница 441.
Поповский, крестьянин 392.
Поспелов А. И., уездный начальник, историк 222, 242.
Поспелов А. М., купец 112, 120.
Почтовая Мануфактура, дом 112.
[illegible]
Потанин Г. Н., историк, деятель областнического движения 15, 185, 210, 261, 269, 314, 316.
Потапов А. П., типограф 4, 6, 7, 17, 18, 43, 46, 106, 155, 404, 484, 485.
Потехин, красноярский солеепромышленник 428.
Потехин Ф., купеческий помощник 12, 121, 125, 145.
Потехин Ф.[illegible], купеческий человек 51.
Поцелуева Ул. Ив., купеческая помощница 336, 357, 370, 371.
Пущалов В. А., землемер-геодезист 33, 76, 104, 156.
Пущин Ал., горный инженер 402.
Пчельниковский А. А., историк 7.
Пчельники, переселенцы 396.
Пчельников-Шишкин А. М., писатель 308, 309, 312.
Пушкарев, историк-краевед 166.
Пушкарева Матрена, писатель, школьный деятель 321.
Пушкарев Н. [illegible] 474.
Пушников Сидор, крестьянин-ходатай, предпринимательница 472.
Пушкинское участие Второй Камчатской экспедиции 342.
Пущинин А. С., историк 314.
Пущинский Г. А., типограф 4.
Пущинский Н., писатель, участник литературных кружков Москвы, литературных кружков в Иркутске 310.

Пятчанин С., историк 310, 366—369.
Пушкинский, писатель, Василий Константинович 345.
Пушкин А. Р., историк 186.
Пятков Е. Г., землеустроитель кочевников 1771—1775 гг. 370, 371—321.
Пушкарев, начальник экспедиционного отряда 345.
Пушкин А. С. 107, 402—404.
Пушкин Л. Н., участник похода 85, 144.
Пушкин Р. Н., писатель 456, 461, 462.
Пушкин Христин, живущ. близ Кяхтинской таможни 197.
Пушкин А. Н., историк 36—452.
Пушкин Семен, переселенец-ходатай и организатор 442.

Радлинский Г. В., начальник Тюменской типографии 297, 310.
Радлов А. [illegible] 12, 21, 243, 273, 278, 299, 356, 359—15, 449—453.
Разумовский Г., земельные споры таможенных людей 9.
Разумовский Н. Ф., землемер 438, 470—472.
Ратаевский Г. В., типограф 39.
Ремезов Ф. М., историк 6.
Ремезов С. У., картограф, историк 6, 10, 15, 29, 35, 83, 85, 87, 94, 160—62, 164, 166—168, 171, 175, 176, 337, 341, 346.
Ремезовы, картографы 161, 177.
Ремпел Н. П., декабрист 470, 499.
Ренненкампф Г. Э., судья Сибирской линии, атаманский сподвиж 125, 155, 156.
Ренненкампф Густав, атам 341.
Ренненкампф Павел, атам 328, 341.
Ренненкампф, атам 392.
Ренненкампф Ф., писатель, атаманский атаман 225.
Ренненкампф-Кузнецова М. П., писатель, историк 148, 171.
Ребиндер Матвей, горнозаводчик 391, 397.
Ремезовский Г., землемер 171.
Ремезов П., писатель 229.
Ремезовы, купцы Енисейска 342.
Ремезов В. Ал., историк 331.
Ремезов Ф. Ф., член экспедиции А. Е. Ресанта 465.
Ремезов Н. Ив., литературовед 332.
Ремезовские участники экспедиции Лаптева 346.
Ремезов Н. Ст., историк 151, 253, 349, 486.
Ремезовская В. Н., литературовед В. Г. 165, 195, 168, 331, 332.
Ремезовский Н., горный инженер 142.
Ремезовский Ф. Ф., писатель Сибирской типовой 122.
Ремезов Ф., земледел 398.

Иванов К., алтарник 300, 301.
Иоаннитов Н. Т., историк 203, 205.
Кунгур Э. Б., член-корреспондент Академии Наук СССР 9, 426, 427.
Кургузов А. И., историк 7.
Кучин Ян-Чень, археолог, историк 7, 448.
Лавров И. Ф., археолого-этнограф 397.
Рылеев К. Ф., поэт, декабрист 31, 491, 492, 6, 7.
Рыпинский Ф. Г., историк 3.
Рыков Прохор, одноземец 329.
Рязанцев, купец-золотопромышленник 445, 446.
Пятницкие, купцы-золотопромышленники 442.

Сандерс, Самюэлл, историк Салтыковского монастыря 186.
Сапожников, Алексей, писатель-историк 199.
Сарычев, Дмитрий, протоиерей, историк 299.
Сафонов Ал. Ал., немецкий этнограф-путешественник 230, 415.
Сафонов П. Л., историк 7, 231, 316, 319, 457.
Сафонов Г., историк 494.
Сахаров Д. Ал., немецкий историк 421.
Сахаров Г., немецкий историк 427.
Сахаров Ал. М. Г., 460.
Сахаров Аркадий, советский историк-экономист 511.
Сахаров Жан, советский художник-график 511.
Сахаров Л. М., историк 277, 279, 411.
Сахаровский А. Н., историк 419, 425, 427.
Сахаровы Г., купеческая семья горнозаводчиков 46.
Сарычев Г. А., историк-врач 291, 290, 301, 305, 322.
Сафронов Ф. Г., историк 7, 19, 47, 48, 50, 156, 195, 211, 251, 305, 371, 402.
Сахаров С. Г., историк 406.
Сахаровы, купеческая династия 45.
Сахаров **ва А. И.** историк 419.
Сахаров А. Б., историк 454.
Сахаров **в П. Н.** историк 478, 496.
Сафонов О., историк 312, 345.
Сахаровский Эдуард, ученый-химик 33.
Сборник, собрание, изданное обществом хлама Редькина 29, 31, 32.
Свердлов М. Б., советский историк-археолог 451, 462.
Свешников В. Ф., историк 219, 222, 414, 496, 498, 502, 505.
Свинтицкий Ф. Н., историк 422.
Сегедин А., историк 278—280.
Семенов П., историк 526, 456.
Семин, двунадесятой тайши 45.
Семинский С., писатель 470.
Сербов К. Н., историк 153.
Сибирь — великая культурная 455.
Сергеев Г. И., историк 37, 78, 89, 90.
Сибирякова Авдотья, московская купеческая династия 196, 291.
Сибирякова А. В., придворная купчиха-путешественница 282, 306.
Сибирский Вестник, газета, издаваемая купцом предпринимателем 262.
Сибирский Ал. Д., иркутский купец-путешественник 307, 283.
Сибирцевы, династия горнозаводчиков 282, 305, 307.
Сивков Н., исследователь Северо-Запада 292, 309.
Сивков К. В., историк 111.
Сидоров, горный начальник, интересовался Аляской 483.
Сидов Н., иркутский купец 19, 254.
Сидов К. Н., историк 201, 279, 282, 284, 307, 335.
Сидоровы-купцы, генерал-губернатор Восточной Сибири 412.
Симбирск, архитектура 500, 501.
Симонов, Вероятно ли, герой с книгой 18.
Симонов Ю. Н., историк 21.
Синявин Д., капитан Лондона 43.
Синицкая, военное училище 474.
Синицын С. А., историк 234.
Сказин А., горнозаводчик 430.
Скобцов В. Н., историк 21.
Скобелев Н. Д., автор сочинения географического 401.
Скорлупова Г., писатель, автор книги 33.
Скрипов, писатель Василий Васильевич 142.
Скуратов Сергей, ученый, историк 115.
Слободзинин Виссарионович Матвей Васильевич 1.
Словцов П. А., историк 17, 187, 272, 274, 276, 303, 310, 191—(2), 454, —39, 501 492—502.
Смирнов В. А., историк 293, 295.
Смирнов Н. А., механик-изобретатель 333.
Смирнов, Евгений, писатель, историк 351, 354.
Смолин А. В., историк 326—328.
Сметко Т. Г., литературовед 153.
Соймонов Ф. И., собиратель рукописей 159, 191, 199—20, 206, 207, 210, [illegible] 247, [illegible]
Соколовский Л., географ-краевед 401, 402.
Соколовский Я. П., церковный историк 465.
Сокольницкий И. П., исследователь томского губернского правления 476.
Сокольницкий Ф., военный инженер, строитель 477.
Соколов, художник 494.
Соколов В. Н., историк 469.
Соколов С. М., историк 14.
Соколов М., военный историк-писатель 1849 144.
Соколов М. Е., историк 421.
Соколов П., географ 485.
Соколов Вас., основатель одной династии 142.
Соколов В. А., историк 4.
Сон земляных, из западной книги в России 155.
Соколов Г. И., историк, Свердловск, частная 12, 67, 233, 672, 464, 467.
Соколов Николай, купец-писатель, в России 19, 55, 75, 115, 116.

Сперанский М. М., литературный критик 15, 150–154, 439–448, 451, 473–475, 479–480, 482, 484, 487.
Спиридонов М. П., литератор 368, 383.
Спицын Н. А., историк 479, 479.
Сталькая Э. М., писатель 468.
Сталькая, учительница 468.
Старцев Лука, пензенский следователь 282.
Старостина М., историк 93, 169.
Статкевич В. Я., литературный критик 9, 114, 157.
Стахеевский Н., писатель-историк 173.
Стахов Д. П., архитектор 504.
Стахов Г. Р., капитан-лейтенант, в плавании 15, 142, 346, 547.
Стеллер С. П., врач-ботаник, натуралист 212, 306, 308, 309, 463–464, 526, 453, 459–463.
Степанов Н. Э., историк и педагог; директор Читинск. 462, 503.
Степанов П. П., историк 6, 7, 17, 92, 103, 156.
Стерлигов Гаврила Петрович, Казанский губернатор 435.
Ст— Э. (Э.— —ов), историк 453, 456.
Стогов Ф. П., историк 2.
Столыпин (Столыпин) Н. И., московский губернатор 106.
Строгановский А. И., коллекционер 171.
Струйская К., уездная 280, 284.
Струйский В. Н., первый Симбирский губернатор 133.
Струйский Ф. П., историк и археолог 397.
Струйские, Мария, жена-предпринимательница 27, 33.
Струйская Елена, купец-предпринимательница 27.
Струйская Дарья, купец-предпринимательница 26.
Струйские, купцы-предприниматели 19, 26–29, 42, 169.
Струйское Алексей, таможенный купец-предприниматель 26.
Струйский Матвей, таможенный купец-предприниматель 26, 26.
Струйский Н. А., таможенный купец-предприниматель 202.
Струйские, семья известных купцов-предпринимателей 27.
Струйские, таможенные купцы-предприниматели 202.
Стуков, миссионер 445
Ступин, полковник 40.
Сукачев В. П., иркутский городской голова 284.
Сухих Е., писатель 4.
Сухово-Кобылин, писатель 28
Сухово Ю. Д., писатель-историк 127.
Сухтелен А. И., историк 171, 171, 329, 335
Сумароков А. П., поэт и драматург 336, 371.
Сыромятников И. И., поэт 402, 453, 463.
Сычков К. О., историк музыки 144
Сычугов Н. И., декабрист 497.
Сычугова А., декабристка, сибирская героиня 498.
Сюзоров, городской голова 162.
Сюзоров, купеческий 240.
Сюзоровский, купчик 240.

Табберт Ю. Н., см. Орловский
Тагильский (Тальго Тагильский), шведский дипломат в России 198.
Таиф, поэтическое имение 42, 140
Талеев Ал. литератор 491.
Талеарова, руководитель Иркутской канцелярии цензуры 326.
Таптыкова Пелагея Молоствадская 50.
Татищев В. Н., историк 1, 21, 203, 215, 231, 271, 275, 278, 349, 396.
Тауска, глав делопроизв. канцелярии Абхазии 52.
Тахтамышев Тахтамыш
Тацит Ал., историк 7
Тацит К., историк 17, 153, 157, 159
Тацит К. Н., историк народности 113.
Тевкелев И., историк 485.
Тевяшова Д. В., писатель 146.
Тейлов Ал., историк 7
Тейлов Г. Э., историк медицины 17, 98, 100, 105.
Телеки — государственный деятель 444.
Тельтау Ф. Г., путешественник 476, 480.
Темлянцев, участник морской экспедиции 518.
Темников Егор, церковный подьячий 288, 340, 516.
Темлюк К. Л., декабрист 466, 479
Темяшовский, купец-золотопромышленник 441.
Тенишевы, купцы-золотопромышленники 441.
Теплоухов Н., историк медицины 12, 15, 53, 54.
Терещенко Н., историк 233.
Тернавский Н. Н., историк медицины 142, 455, 492, 493, 498, 503, 495, 500
Терлецкий, таможенный Елец 8, таможенный писатель 36.
Терновский Семен, таможенный купец-предприниматель 26.
Тимофеевские, купцы, имена неизв. 192.
Тимофеев Г. М., историк 7, 57, 61, 63, 86, 195, 200, 202, 209, 210, 222, 223.
Тихонов С. Г., историк 500.
Тихонов К. И., поэт, декабрист 1, 11, Трубецкой 466, 468, Якубович А. И., член Северного тайного 468.

Трубецкой С. П., декабрист 465, 468, 469
Тумлер Петр, церковный подьячий 340.
Тургенев И., тобольский поэт 333, 335, 491.
Турсевич Х., писатель 479.
Тутолмин Ф., писатель 145.
Тынянов Ю., историк и литературовед 7, 9.
Тэйлов, см. Тейлов
Тэйлов И. Н., историк 15, 147.
Тырков В. Ф., начальник экспедиционного отряда 36.
Тюлькин, купеческий, писатель 440
Тюлькин В., исследователь 20.
Тюменцев Г., заведующий музеем восточных языков 45.

Тютчев А. Н., декабрист 492.
Тюфяк-Кушарев 407.

Уварова Е. С., мемуарист, переводчица 422.
Уваров С. С., историк, академик М.-С. Дегрэ 420.
Ульянов А. П., нижегородский 501.
Ульянов И., врач в Двинграде 41.
Уразметов Абдимоин, крестьянин 432.
Урусов, основатель Неручинского острога 83.
Усов, археолог 165.
Усов Кирилл, прапорщик корпелегадского гарнизона 320.
Успенский Н. В., историк 26.
Сын Н. Ф., судебно-медицинский эксперт 462.
Успенский, губернский архитектор 337.
Успенский Э. В., историк 219, 265.
Усов, член дипломатического комитета 12.
Устименков Т. С., географ 151.
Устинов, писатель, участник Второй Камчатской экспедиции 346.
Ушаков Алексей, дворянский выборный посольских 111.
Ушаков П., енисейский предводитель-помещик 86, 92.
Ушаковы, енисейские помещики-бытописатели 86, 90, 91.

Фабер, немецкий натуралист 405.
Фалленберг Е. Н., декабрист 470.
Фалеев И. П., ученый, академик Санкт-Петербургской академии наук 19, 205—207, 212, 214, 223, 233, 238, 248, 249, 265, 269, 280, 290, 311, 391.
Фаддеев М., дворянин, первооткрыватель острова 344, 345.
Фаддеевский, купеческий, купец 98, 91.
Фалеев Е., купеческий сын 144.
Фалеева О., купец 143.
Фальк, московский митрополит 166.
Фальков, мореплаватель 58.
Фарлаф Л., священник Енисейского острога 87.
Фаминцын В. В., географ Второй Камчатской экспедиции 346, 347.
Фаминцын Ф. М., художник 336.
Фаминцына М. А., декабрист 468, 472, 473.
Фаминцын М. А., жена декабриста М. А. Фаминцына 468.
Сын декабриста 349.
Фаст Ф. Ф., декабрист 456, 470.
Фаддеев Д., купеческий сынок 93.
Фаддеев Ф. Д., типограф 345.
Фалеев К. А., натуралист-любитель 293, 344, 349, 370, 376, 381.
Фальк Л. К., механик-любитель, городской инженер 392, 401, 490.
Фаминцын А. В., декабрист 469, 470.
Фуэле Шарль, французский философ 478.

Хабаров А. В., поэт 136.
Жанна-Сантиной Е. П., землемер-инженер 45, 55, 111, 144, 156.
Хандрий Р., прапорщик Бородинской [illegible] 146.
Хапилов Н. [illegible], историк 4, 10.
Хапилов С., инженер-поручик 49.
Харлов Федор, купеческий [illegible] 115, 116.
Харитон М. М., писатель 330.
Хитрово Г. Г., губернский врач 177.
Хитрово А., писатель 237, 238.
Хитрово Иван, дворянский выборный 112.
Хлынский А., тобольский житель 192.
Хотунцевский Иосиф, иеромонах, миссионер 324.
Христиани Г., поэтесса 43, 140.
Христинин Игнатий крестьянин 31.
Христинин Я., начальник экспедиционного отряда 51.
Хуны Мишо, участник восстания индейцев в Перуне 444.

Цветков Г. А., историк 325, 326.
Цебриков, тобольский губернатор 466, 476.
Цебрикова, тобольский житель 92.
Цветков, А. К., землемер-инженер 480.
Цеп мореходного предприятия 53, 54.
Цивер-Рыков, натуралист-любитель 40, 41, 46.

Чабаевский Афанасий, купец 196.
Чалая Нина, работник 440.
Чалков Н. А., мастеровой, участник Первой Камчатской экспедиции 344.
Чарнолуский Устинья, тобольский житель-историограф 342.
Чекин, геодезист, участник Второй Камчатской экспедиции 346.
Чемарев П., полярный исследователь 151.
Чемезов, участник Второй Камчатской экспедиции 345.
Семенов, прикащик Белогорского острога 123.
Чернышев И. Л., тобольский житель, автор летописи 10, 341, 342, 440, 449, 501.
Чернышев К. А., губернский инженер, архитектор 350, 448, 449, 501.
Чернышев С., священник, владелец газеты в Туле 402, 475.
Черемисинов, тобольский житель 440.
Черепанов А. М., енисейский городничий 118, 199.
Черепанов М. Я., тобольский купец 115, 172.
Черепанова Н., купчиха 54, 146.
Черепанова, священник Спасского монастыря 450.
Черепанов Р. А., музей палеонтологии имени 478.
Черепанова П. семейство 393.
Чернов Н. А., декабрист 452.
Чернов Э. Н., участник Первой Камчатской экспедиции 344, 345, 349.
Чернов Цезь сын Евгений 195.
Чернов П. А., писатель 401, 402, 490.
Чернов Ф. Я., медицинский инспектор-исследователь 350.
Чернов П. В. адмирал 346.
Чернов Петр, писатель 161.
Чернов Э. Н., сибирский губернатор 14, 190, 192, 196, 201, 242, 294, 362, 366.

Шабалов Трофим, посыльный с Кунгура 26, 27.
Шабалов А. К., историк 47.
Шабель Эмиль, начальник отдела изыскательских работ 11, 12.
Шабров М. Д., историк 351, 389, 506.
Шабровский кедровый штамп 495.
Шабров Иван, штурм 396.

Шадрины Никита, самовольщик 190, 588, 589.
Шадринск (Ф. Ф.), историк 555, 558.
Шадрин П. И., механик-изобретатель 511, 982.
Шадрин Г. Т., большевик 342.
Шадрин, палач начальных полномочий 195.
Шадринск, шпунтовый завод 197, 282.
Шадрин, заседатель заштатного отряда 196.
Шадрина Г. Ив., женщина 469, 471, 473.
Шадрина А. Ст., свидетель 469, 470.
Шадр. Ф.-пр., частновладелец города Ирбита 47, 145.
Шадринский Ф. Ас., инженер 62, 140.
Шадринский Ар. Ив., городской голова города 66, 171, 465.
Шадринский Ф. П., писарь 470.
Шадринцев П., заточник 269.
Шадрин К. Г., историк инженерных работ 419, 451, 497.

Шадринск медеплавильный 340.
Шадринск Г. Ю., **основатель** минералогической коллекционированный кабинет 196, 199, 283, 484.

Шальтинг, переплавщик 146.
Шанявский Н. Ст., историк 219, 316.
Шарапов В. Н., **чертежник** 39, 51, 69, 70, 72, 180, 191, 205—208, 212, 217, 253, 275, 280, 282, 354, 504—506.
Шатилов А. Ф., **начальник** **исследования** **шестидесятых** 289, 512, 544.
Шатилов Н. А., **начальник** **исследования** **шестидесятых** 544.
Шатилов П. Ф., **начальник** **исследования** **шестидесятых** 544.

Шаховской Н. Ф., генерал 420.
Шаховской, **начальник** 240.
Шаховской, **начальник** **горного** **управления** 344.
Шаховской А. А., историк 283, 542.
Шаховской, историк 556.
Шаховской, историк 215.
Шаховской, **генерал-лейтенант** 474.
Шаховской, **генерал** 145.
Шаховской Ал. Е., **генерал** **Первой** **Кавказской** **кавалерийской** 544, 545.
Шаховской, **начальник** **заводского** **управления** 491, 492.
Шаховской, **историк** 442.
Шаховской Д. Ив., **историк** 511, 971, 972.
Шаховской А. Б., **историк** 492.

Шаховской, начальник 118.
Шаховской А., **историк** 503.
Шаховской, **генерал** 552, 565.
Шаховской Д. И., **историк** 4, 6, 7, 9—36, 39, 52, 54, 62—66, 68—70, 72, 75, 77, 93, 110, 180, 191, 195, 197, 323, 359, 268, 269, 271.
Шаховской А. Н., **историк** 18, 446.
Шаховской Ф. Ф., **историк** 511, 512.
Шаховской Е., **историк** 489.
Шаховской А. Ю., **историк** **заводов** 211—223, 275, 279, 280.
Шаховской Ф., **генерал** **генерал** 112, 113.
Шаховской, **начальник** 510, 511.
Шаховской Н. Ф., **историк** 274, 373, 426, 515.
Шаховской Г. Г., **историк** **заводов** 188.
Шаховской Г. Б., **генерал** 232, 260, 490.

Шаров Н., **историк** 132.
Шаров, **крестьянин** 533.
Шаховской Н. Ф., **историк** 169.
Шаховской, **горный** **инженер-механик** 102.
Шаховской Шаховской Ф., 109, 468.
Шаховской Г. Ф., **историк** 102.
Шаховской, **горный** 349.

Шаховской Г. Д., **библиограф** 75.
Шаховской А. А., **историк** 558.
Шаховской Ф., **начальник** **горных** **заводов** **на** **заводах** 42.
Шаховской Н. А., **историк** 164, 325, 331, 526, 625, 840, 851, 885, 889.
Шаховской Василий, **горный** **инженер** 58.
Шаховской А., **историк** 478.
Шаховской Ал. Ф., **инженер** **заводов** **на** Ирбитской 488.
Шаховской А. Н., **историк** 485.

Шаховской Петр, **начальник** **заводов** 235.
Шаховской Н. Ф., **генерал** 107.
Шаховской Н. Ф., **историк** **заводов** **области** **заводов** 15, 116, 195, 390, 457, 465.
Шаховской А., **генерал** 485.
Шаховской, **адъютант** **генерал-губернатора** 326.
Шаховской Дмитрий, **семейный** **служивый** **человек** 91.
Шаховской Н. Ф., **историк** 271, 276, 279, 598, 604.
Шаховской Ал. Н., **историк** 465, 475.
Шаховской Г. Н., **инженер** 466, 469, 472, 502.
Шаховской, **инженер** 475.
Шаховской Г. В., **историк** 345.
Шаховской, **заводской** **инженер** 17.
Шаховской, **начальник** **горного** **завода** 402.
Шаховской Н. Ф., **механик-изобретатель** 984.
Шаховской, **начальник** **горного** **завода** 287.
Шаховской М. А., **инженер** 476.
Шаховской, **генерал** **Второй** **Кавказской** **кавалерии** 546.

Географический указатель

Абакан, р. 46, 57, 250, 298, 487.
Абаканская степь 46.
Абаканский острог 46, 250, 272.
[illegible]
Абацкая слобода 316.
Авача, р. 151, 318.
Австралия 398.
Аганская степь 58, 445.
Адбашская застава, Адбашский острог 267.
Аейская слобода 39.
Азия, Азиатский материк 12, 25, 49, 55, 59, 80, 130, 144, 154, 155, 158, 161—163, 181, 352, 486.
Азиш-Уфимский завод 314.
Акатуй, дер. 470, 478.
Акатуйский рудник, острог 406, 470.
Аклавский остров 194, 318, 431.
Акша, г. 470.
[illegible]
Аласея, р. 12.
[illegible]
Алаэт, г. 49.
Алгачинский острог, Алазея, г. 54, 66, 74, 148.
Алдавинский у-д 126.
Алдан, р. 46, 47, 52, 53, 143.
[illegible]
Алей, р. 188, 189, 228, 234.
[illegible]
[illegible] 238, 243.
Александровская, дер. 371.
Александровский винокуренный завод 465, 478, 480.
Алеутские о-ва 196, 275, 293, 346, 347, 349, 351, 384, 431, 488.
Алибердовские прииски 480.
Алибердовско-Мариинский поиск 402.
Алтае-Саянское нагорье 57, 419, 432.
Алтай, Алтайский край 18, 36, 40, 41, 57, 62, 177, 181, 182, 184—189, 193, 198, 211, 214, 215, 223, 230—233, 243, 247—250, 269, 299, 313, 321, 326—328, 330, 336, 338, 342, 343, 350, 351, 363, 365, 370, 372, 381, 383, 385, 387, 389, 390, 394, 402, 420, 484, 489, 490, 499, 501, 509.
Алтайские заводы, рудники 245, 277, 321, 370, 401, 481. См. также Колывано-Воскресенские заводы, Сибирские за[illegible].
Алтайский горн. окр. 228, 231, 362, 381, 383, 385, 386, 388—394, 399, 402, 439—441.
Алтына (Серебрянка), р. 251.
Алтынь, оз. 155, 162, 196, 275, 280, 281, 364, 370, 384, 488.
Амга, р. 74, 75.
Амгинская, дер. слобода, Амгинские деревни 75, 370.
Амгунь, р. 58, 480.
Амгуэм, р. 290.
Амдерма 21, 49, 154, 155, 159, 161, 162, 196, 276, 281, 344—347, 352, 430, 486.
Амосовская, дер. 371.
Амур, р. 52—54, 56, 58, 59, 62, 72, 74, 76, 103, 145, 146, 149, 154—156, 158, 159, 193, 312, 344, 346, 417, 426, 432, 457.
Амурская слобода 74, 75.
Амурский край 395, 432.
Анабарь, р. 56, 58, 294, 371.
Анадырск, г., Анадырская крепость, Анадырский острог 59, 152, 289, 290, 317, 318, 344—346, 363, 471.
Анадырский залив 345.
Анадырский нос, мыс 344.
Анадырь, р. 49, 59, 102, 144, 154, 157, 290, 344, 345, 347, 363.
Анга, р. 253.
Ангара, р. 44, 46, 47, 50, 51, 58, 73, 141, 156, 194, 198, 252, 276, 277, 337, 342, 388.
Ангинский (Лайнинский) металлургический завод 253.
Англия 249, 398, 411.
Андреяновские [illegible] 48
[illegible] 74.
Антоновский форпост 182.
Анузйская крепость 182, 187.
Аной, г. 157, 290, 429.
Анюйская (Чукотская) ярмарка, Анюйские ярмарки 281, 289, 290, 408, 430.
Ар[illegible] 9.
А[illegible] 331.
Арагуль, р. 53, 155, 194, 251.
Арка (Ирка), р. 252.
Аркарка, р. 35.
Арктика 591, 157.
[illegible]
Архангельск, г. 92, 266, 345, 347.
Архангельская (Архангелогородская) губ. [illegible] 7.

- страхань, г. 25, 115, 271.
- тебинское, селение 30.
- тта, о-в 196.
- фонино, дер. 402.
- чаево, г., Алтайский острог 36, 209, 406, 415, 475, 482, 487.
Чаинский окр., у-д 192, 202, 209, 363, 368, 369, 394, 399, 409, 419.

Чебоксарский акчеп 28.
Чебулинская дол. 237.
Чебулы, заимка 51, 52, 54, 58, 74, 73, 149, 154, 159, 163, 171, 173, 174, 181, 184, 296, 312, 351, 358, 362, 374, 407, 473, 490.
Чебулинск, г., Бахлагайский острог 51, 52, 145, 308, 415.
Чебулинский у-д 194, 309.
Чебулинское ведомство 422.
Чебулинская слобода 74.
Чебулинский [illegible] 36, 39—41, 90, 91, 93, 95, 184, 185, 189—191, 193, 198, 269, 312, 319, 321, 362.
Чергузин, г., Баргузинский острог 53, 54, 150, 308, 415.
Чергузин, р. 52, 53.
Чергузинский у-д 308, 309, 395, 399.
Чернь, д. 186, 189, 232, 234, 248, 249, 273, 326, 327, 329, 338, 339, 340, 342, 406, 407, 413, 481, 496.
Чибитское, д. 230.
Чиндальский [illegible] метеорологический пост 228, 230—232, 235, 236, 238, 239, 245, 249, 270, 272, 321, 327, 386, 387, 490. См. также Алтайские заводы.
Чирчульский окр., у-д 192, 193, 362, 365, 377.
Чистопольская [illegible] 313, 314.
Чистяковское, с. 470.
Чиратский острог 53, 147.
Чита, р. 405.
Чичер, р. 249.
Чобе, р. 346.
Чока, р. 44, 120, 228, 230.
Чоколовье, горн. р-н Алтая, место в [illegible] 186.
Чонда, река и слобода 187, 240.
Чульский острог 44, 45.
Чумай Пан, с. 47.
Чумаково, с. 479.
Чустомицкая слобода 39, 214.
Чусовой, острог 40, 187, 237, 240, 242.
Чусовая, р. 40.

Шердаки, г. 32, 34, 37, 92, 115, 133, 212, 259, 265, 267, 270, 271, 388, 415, 418, 443, 469, 482.
Шердакская, пол. 416.
Шердакты, д. 186, 189.
Шерстобитные [illegible] 452.
Шестаковский [illegible] окр., у-д 126, 213, 216, 270, 306, 365, 372.
Шестое [illegible] 59, 196, 344, 351.
Шилинский [illegible] 64.
Шийский, г., Бийская (Бикатунская) крепость 39, 40, 182, 188, 192, 211—213, 240, 325, 406, 415.
Шийский [illegible] 348.
Шийский окр., у-д 202, 209, 240, 362, 365, 366, 374.

Широкий, с. 394.
Широкинская пол. 92, 123.
Широкинская станица 24, 148, 149.
Шишка, д. 393, 401.
Шубинская [illegible] 498.
Шубинские прииски 441, 442.
Шуй, р. 59, 185, 292.
Шумаковская, г. 412.
Шумаковка, с. 466, 471.
Шумайтинская [illegible] 466, 468.
Шуйско-Преображенский прииск 441.
Шульгинский [illegible] 273.
Шульгин, д. 184, 325.
Шульгина Кудинская дер. 181.
Шульгина Курья, д. 189.
Шульгина Таловка, с. 386.
Шульгинские [illegible] 486.
Шульгинский прииск 441.
Шульгинск, г., Волчихинский острог, Предгорная крепость 171, 183, 194, 319.
Шульгинский Алтай, с. 281.
Шульгин Цаплин Камень, нас. 345, 347, 351.
Шульгинское [illegible] 385.
Шульгин озеро 403.
Шульгинский [illegible] 296.
Шульгинская [illegible] 454.
Шульгинский [illegible] 444.
Шунга (Москва), р. 57, 106, 299.
Шунгит — [illegible] пустынь 220, 221.
Шуйский острог 51, 52, 123, 145, 149, 172.
Шуйский [illegible] 79.
Шульца, р. 52.
Штейнгель, [illegible] 53.
Штырлов, нас. 345.
Бурлатский прииск 441.
Бурлинский у-д 192, 193.
Бурятия, Бурятская [illegible] область 44, 50—52, 347, 421, 471.
Бутальская вол. 49.
Бухта, р. 395.
Бутыльи, р. 185, 186, 189, 242.
Бутюшинская [illegible] 485, 487, 492.

Вагиль, д. 89.
Вагай, р. 19, 30, 72, 75, 182.
Вагинский у-д 280.
Вагинский [illegible] 451.
Вагинские дол. 435.
Ваг, р. 56.
Вал-Балтай, [illegible] 56.
Великая Китайская стена 46.
Великокняжеский прииск 441, 442.
Вешний 96.
Вершие-Ларгинский 8 остров 53.
Вершие-Нижнее [illegible] 51, 52.
Вершие-Нижнее [illegible] 191.
Вершие Камышенское [illegible] 191, 194, 196.
Вершие-Кокшинское [illegible] 49.
Вершие-Нижнее [illegible] 237.
Вершие-Осташково, с. 470.
Вершие-Сидоров [illegible] 191.
Вершинино, г. 279, 328, 406, 415, 421, 470, 485.
Верхнеуральская (Уйская) [illegible] 509.
Верхнеудинская крепость 270, 408.

Перекупщики ин окр., у-к 363, 368, 369, 380, 395.
Перекуп Мо[illegible]сная (Чумлицкая) слобода 39, 75.
Перская Тун[illegible]сева, р. 73.
Переволоки, — Верхолеженский острог 51, 52, 144, 38, 415, 470.
Переволокский у-д 280, 308.
Переволокская слобода 214.
Переторгское таможенное 133, 255, 257.
Переяславский пол. в-ва 80, 82, 120, 126, 198, 202, 209, 237, [illegible], 226, 257, 308, 309, 314, 320.
[illegible] 186.
Перетуртский Николаевский м-рь 116, 220, 221, 324.
Перетуртское плотбище 82.
Перетурье, г. 37, 66, 72, 73, 82, 88, 89, 91, 92, 112, 116, 119, 133, 135, 164, 175, 191, 212, 226, 255—258, 308.
Перковичи, с. 370, 415.
Перковичский хребет 49.
Перковичское зим. 49.
Петва. См. Польская Петва.
Пилой, р. 47, 84, 370, 371.
Пилойск, г. 415, 472.
Пятин, г. 469, 470.
Пятин, р. 50, 52, 53, 370, 401.
Пятинская вол. 370, 371.
Пятинская вол., слобода 370, 401.
Пиперь, р. 32.
Владивосток, г. 415.
Плотка, р. 54.
Погульский городок 287.
Полковничий привоз 443.
Полоцк, г. 271.
Поромская, р. 318.
Воскресенский рудник, прииск 228, 441.
Воскресенское, с. 39, 313.
Восточно-Казахстанская обл. 249.
Восточносибирское генерал-губернаторство 459.
Пошь, р. 34.
Пашь-Ижемская, г. 63.
Пашинск[illegible]
Пятка, г. 33, 55, 63, 64, 80.
Пятк, в губ. 394.
Пятская провинция 137, 189, 308.
Пятский у-д 33.

Гавриловский сереброплавильный завод 98.
Газимур, р. 252.
Галич, г. 80.
Гамбург, г. 403.
Гарнизонная слобода 75.
Геологический привоз 395.
Германия 403.
Гимнра, р. 194.
Гимнгинск, г., Гимнгинская крепость 194.
Гимнгинская губа, залив 50.
Глубокая, р. 185.
Голландия 249.
Голицынский уединенный 228.
Гонам, р. 53.
Горькая (Пресногорьковская) укр. линия 181, 184, 191, 406.
Гурьевский металлургический завод 387, 388, 402.
Гусиноозерский дацан, ламаистский м-рь 297.
Гыдынский пов 345.

Далайнор, озеро 162.
Далматов Успенский м-рь 117, 220, 221, 315.
Далматовский окр. 202, 205, 209.
Дальний Восток 154, 161, 320, 431, 452, 469.
[illegible] Даурск[illegible] [illegible] Полицейск[illegible] 145. См. [illegible] Полицейск.
Даурские остроги 92.
[illegible]ментац. изыс 344.
[illegible]ведение, п. 28.
Демьянская вол. 95.
Демьянская пристань 28, 407.
[illegible]ьянский ям 191.
Джунгария, Джунгарское ханство 37, 38, 40, 41, 46, 58, 181, 182, 268, 269, 297.
«Дикое поле», южнорусские земли 3.
Долгий яр 28.
Долговка, р. 388.
Донбасс 402.
Донская земля 3.
Дротиков, дер. 147.
Дубчесс, р. 58.
Дубческая слобода 42, 86.
Дучерский сереброплавильный завод 252, 4[illegible].

Европейский Север 351.
Егорьевский привоз 394.
Екатеринбург, г. 11, 340, 362.
Екатеринбургская дор. 406.
Екатеринбургский казенный завод 231.
Екатеринбургский окр. суд 237, 314.
Екатеринбургский металлургический завод 343.
Екатерин. дер. 111.
[illegible]
Енисей, р. 19, 34, 41—48, 56—58, 62, 70, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 82, 89, 126, 140, 156, 158, 162, 171, 181, 198, 205, 235, 250, 271, 272, 281, 284, 286, 297, 298, 324, 342, 345, 362, 374, 407, 417, 419, 452, 455.
Енисейск, г., Енисейский острог [illegible] 2, 70, 73, 7[illegible] 8, 88—92, 111, 119, 120, 132, 137, 140, 141, 143, 147, 149, 152, 154, 156, 160, 164, 165, 168, 171, 175, 177, 266—269, 271, 273, 274, 282, 305, 308, 328, 339, 342, 346, 398, 401, 409, 414, 415, 416, 475, 479, 496.
Енисейская губ. 110, 112, 271—273, 275, 360, 362, 363, 365, 366, 368—370, 373, 383, 388, 394, 395, 401, 403, 404, 409, 419, 441, 458, 459, 462, 463, 475, 485, 486, 489.
Енисейская провинция 137, 212, 308, 309.
Енисейская тайга 490.
Енисейская ярмарка 336, 408.
[illegible]
Енисейский край, р-н 20, 42, 44—46, 55, 67, 85, 146, 359, 360, 362.

Енисейский окр., уд 44, 52, 69, 70, 81, 82, 85, 86, 113, 115, 118—120, 126, 130, 131, 146, 147, 156, 191, 209, 216, 271, 284, 308, 309, 369, 395—399, 441—443.
Енисейский разряд 126.
Енисейский Рождественский м-рь 220.
Енисейский Семео 418, 486.
Енисейский Спасский м-рь 85, 86, 220, 324.
Енисейский Троицкий м-рь 85.
Енисейское зим. 147.
Епанчинские юрты 27.
Еравнинское озеро 52, 53.
Ерекит (Яркенд), г. 40.
Есей, озеро 36.
Есь, р. 239.

Железинская крепость 40, 308, 346.
Житавское зим. 49, 132.
<illegible>, р. 41.

Забайкалье, Забайкальский край, Забайкальская обл. 52—54, 58, 74, 98, 103, 106, 149, 152, 156, 169, 177, 193, 198, 204, 214, 251, 252, 273, 275, 288, 296, 297, 339—342, 351, 358, 359, 366, 367, 370, 373, 374, 388, 395, 409, 416, 421, 427, 428, 445, 446, 480, 485, 497.
Завархинская, дер., слобода 74, 75.
Заводоуковская, дер. 437.
Заозерье, дер. 437.
Зайсан, озеро 40, 374.
Западная Европа 248, 249, 278, 279, 349, 403, 474.
Западносибирское генерал-губернаторство 459.
Зауралье 14, 20, 25—27, 30, 31, 33, 37, 39, [illegible], 169, 206, 219, 258, 313—315, 339.
Зашиверск, [illegible]ление 174.
Зашиверский край 467.
Зея, р. 53, 54, 74, 75.
Змеиная гора 232.
Змеевская крепость 228.
Змеевский завод, рудник 228, 340, 386.
Змеиногорск, г. 232, 249.
Змеиногорский завод, Змеиногорские рудники 182, 232, 233, 327, 330, 385, 386, 390.
Золотая Орда, держава 57.
Зубаловский острог 187.
Зырянский рудник 186, 385.
Зырянская (Русский тес) дор. 32, 34.

Ивашкинский острожек 318.
Игнашина, дер. 74.
Игнатьевские недоимки 422.
Идикут-ба и т. 150.
Идикюс, [illegible]
Илимек, р. Илимский острог 51, 52, 68, 69, 132, 144, 145, 150, 151, 172, 173, 279, 280, 282, 308, 339, 346, 415, 449. См. также Ленский острог.
Илимский (Киренский, Усть-Кренский) у. д 52, 54, 70, 72, 115, 119, 126, 145, 187, 193, 194, 203—206, 208, 214, 216, 223, 280, 308, 309, 369.
Ильинская, дер., слобода 34, 74, 89.
Ильинский острог 150, 308.
[illegible]ское 43.
Ингода, р. 53.
Индигирка, р. 49, 102, 103, 196, 294, 345, 371.
Индия 11, 155, 181, 267, 350, 475.
Инн, р. 235.
Ирба, р. 235.
[illegible]ный знак 235, 250, 251, 327, 387.
Ирбит, г. 257, 258, 320, 407.
Ирбит, р. 257.
Ирбитская дор. 406.
Ирбитская слобода 66, 141, 257, 320.
Ирбитская ярмарка 257, 274, 336, 405, 459.
Ирбитский у-д 309.
Иргенский острог 53.
Иргень, озеро 53.
Ирка, р. См. Ария, р.
Иркинский железоделательный завод 252.
Иркутск, г. Иркутский острог 22, 52, 120, 126, 134, 136, 150, 160, 172, 189, 194, 250, 267, 269, 271—277, 282—284, 296, 302—308, 311, 319, 323—326, 328—330, 332, 336—342, 346, 362, 366, 406, 407, 413, 415, 416, 451, 456, 459, 465, 466, 469—472, 475, 477—480, 482, 485, 492, 493, 495, 496, 500, 501.
Иркутская губ. 184, 193, 203, 204, 274, [illegible]9, 312, 352, 358, 363, 366—370, 388, 395, 398, 403, 409, 421, 459, 463, 472, 486.
Иркутская епархия 296, 323.
Иркутская казенная суконная мануфактура 253, 276, 282, 370, 389, 404.
Иркутская провинция 137, 191, 203, 253, 280, 308, 309, 311.
Иркутская ярмарка 274, 275, 408.
Иркутский окр., у-д 52, 69, 111, 120, 126, 160, 194, 204, 277, 280, 308, 309, 363, 368, 369, 380, 447.
Иркутский (Усольский) соляной завод 277, 402, 403, 465, 488.
Иркутский Вознесенский м-рь 220, 329.
Иркутский Знаменский м-рь 220.
Иркутско-Якутский тракт 194, 281, 370.
Иркутское наместничество 276, 279, 283, 309, 352, 366.
Ирменская, дер. 41.
Ирмень, р. 35.
Иртыш, р. 11, 26—28, 30, 31, 34—37, 39—41, 57, 75, 95, 158, 162, 181, 182, 184, 185, 189, 191, 198, 228, 266—268, 374, 407, 419, 449.
Иртышская укр. линия 177, 184, 186—188, 191, 321, 348, 370, 406.
Исетская провинция 206, 217, 218, 308, 316.
Исетская слобода, Исетский острог 112, 116.
Исетский д-кт 199, 214.
Исеть, р. 39, 72.
Ишим, г. (Коркина, Коркинская слобода) 39, 181, 362, 415, 482.
Ишим, р. 39, 72, 182, 198, 268.
Ишимская у. р. линия 181, 182, 406.

Ишимской линии 408.
Ишимский край, геогр. очерк 182, 194, 197, 198, 205, 207, 209, 210, 213, 217, 222—224, 227, 276, 302, 363, 365, 366, 368, 380, 397, 426, 455.
Ишь, р. 97.

Кабинет, занятия 492
Кабинетский остров 54, 140.
Кабинеты, описать 152
Кабыкс 66, 106, 346
Кадочная гора 71, 333, 400
Кадыков, доктор 315.
Казань, г. 21, 37, 80, 169, 266, 271, 278, 412, 483, 497.
Казачьи, Казачьи слова 182, 231, 328, 363, 369, 396.
Казанский округ 86
Казанцев, с. 86.
Казарская кол. 92.
Казаш, п., Камский типог. 379, 386, 415.
Каменная, р. 25.
Каменорта 388.
Камо, д. 70.
Камень (Каменный пояс, Каменные горы, хребет, Каменный пояс) 9, 10, 12, 13, 30, 39, 72, 75, 103, 105, 110, 114, 115, 124, 126, 176, 204, 213, 249, 281, 286, 291, 293, 308, 312, 315, 324—326, 329, 344, 346, 347, 362—371, 375, 379, 382, 417, 428, 450, 471, 474, 485.
Каменка, с. 151, 348, 364, 372.
Каменская кость 274.
Каменская волость 308.
Каменская, р. 151, 182.
Каменщиков, у-а 314.
Кам, р. 45.
Камор, п. деревня 25.
Камск, г., Камский острог 45, 270, 272, 340, 414.
Камская дача, Камень, стан 44, 46.
Камский край 22, 11, 367, 393, 397, 400.
Кань, р. 394.
Канальный остров 272.
Канобиль, г. 53.
Кандрин (Одинцовские), с. 26, 28
Канин-Нос, п. 182.
Карская экспедиция 438.
Карташ, п. 225.
Каспийское море 343.
Катайский округ 91.
Кашка, с. 273.
Кашин (Кашин), с. 26, 28—32.
Кашлык 346
Квасцовская волость 373.
Кемдыкан, с. 326, 342, 343.
Кемпендяй, оз. 249.
Кемпендяйский солевой источник 86.
Кенигов остров 54.
Кенц, р. 92.
Керчь, г. 351, 353 (отдел 12, 44, 57, 63, 78, 98, 226
Кижский з-д 108, 126
Кизел, с. 36, 37, 43, 58, 73, 75, 110.
Кизил, п. 164, 167.
Кизильск, гор. 203.
Кирт, пр. 343.
Кизлярские ворты 215

Кипчакские степи 370, 411.
Кирилловская слобода 282.
Кирилов, п. 74—78.
Кирпичи, с. Кирпичные (горы) 37, 71, 151, 175, 204, 280, 413, 462
Кирьяков, кн. см. Мамстров, кн.
Кисловский Григорьевский 220
Кисловодск, гор. 43.
Китай 56, 78, 80, 81, 124, 144, 153, 155, 159, 170, 196, 207, 266, 273, 275—279, 286, 302, 303, 309, 431—433, 436, 447.
Кистинский, озеро 337.
Кишлы, п. 157.
Кишкинский острог 467
Кама-Бисерянской железнодорожной ветви 211.
Клинцовск, гор. 333.
Клочкова пещ. 196.
Ключ, селение 217.
Ключи, р. 93.
Ключевской, р. 318
Ключищенский, оз. 399.
Ключи, р. 266.
Ключичковский пос. 399.
Клюк, п. 300.
Ключевской остров 83.
Кожевенно-Выездинские заводы, отделения 185, 188, 198, 211, 216, 218, 222—224, 231, 238, 239, 240, 242, 243, 245, 249, 252, 270, 315, 316, 317, 330, 331, 340, 343, 349, 365, 390, 392, 434, 435, 440, 452, 460. См. также Алтайские заводы, Сибирские заводы.
Кожевенно-Выездинский пост. см. См. Алтайский горн. пер.
Кожевенно-Кунгурские (Кунгурские, Кунгурские) зав. заводы 182, 185, 188, 191, 448.
Кожевенных з-в. 202, 203, 205, 207, 337, 522.
Кожевенный обз. 193, 194, 246, 248
Кожевенный производственный район, завод 222, 228, 231—233, 245, 385, 396, 430, 499.
Кожевенный з-д 202, 240.
Кожевенное производство 241.
Кожевниково местечество 210, 455.
Кожевино, с. Вознесенский (Верхний) погост 39, 40, 107, 161, 206, 273, 405, 415.
Кожим, р. 49, 85, 102, 134—136, 281, 292, 343, 351, 377 и 450.
Кожевенный зав. 95.
Кожевенный Успенский завод 320, 454
Кожевенное, с. 97, 400.
Кожевня, п. 79, 295.
Кожевня, с. 105.
Кожевня, п. 386.
Кожевня, Кожевская слобода См. Пятка с.
Кожевенный завод 311
Кожевенное озеро 366
«Кожевенный завод» 391.
Кожуховка, с. 50
Кожух, с. 54
Кожуховка зав. 400.
Кожевый Спасо, 294, 324, 330, 365, 370, 375, 413, 416.
Кожевня слобода 121, 400
Кожевенный водокуренный завод 337.

Кременьдворский завод 182, 190, 202, 210, 214, 217, 228, 229, 319, 320
Ковжелобедский острог 259.
Ковжелобедское воеводство 169.
Ковжелобеда, с. Калужский уезд 22, 44—46, 57, 70, 93, 95, 98, 141, 143, 144, 147—150, 156, 181, 191, 254, 271—277, 282, 304, 320, 329, 332, 360, 400, 405, 414, 415, 419, 443, 452, 463, 473, 475, 476, 482, 483, 486.
Кожанский лес 151.
Кожанский пруд 525, 529, 530, 598.
Кострецкий лес, с. 45, 46, 111, 140, 142, 149, 191, 195, 198, 258, 363, 365, 366, 439.
Крапивенский форпост 162.
Крапивенские колодцы 82.
Красный Холм 59, 154.
Кременской (Кутобойкавский) город 406.
Кременторский лес 59.
Кунавинский Городецкий завод 431.
Кунавинская слобода 379.
Кунавинская слобода 29.
Кунавинская комарка 397.
Кунавинские гедеоны 425.
Кунавинские рыбаки 150, 151.
Кунгурский полкъ 214.
Кунгурская слобода 74.
Кунгурь, г. Кунгурские заводы 30—33, 40, 70, 83, 105, 152, 226, 228, 269, 270, 283, 308, 338, 339, 340, 413.
Кунгурские кожевники 405.
Кунгурский уезд 269.
Кунгурская тех. школа. См. Камышловская горная тех. школа.
Кунгурские солевары 272.
Кунгурский тракт 93, 98.
Кунавинский завод, с. 30, 73, 98, 112, 120, 167, 192, 193, 196, 203, 205, 206, 209, 213, 214, 215, 227, 230, 231, 236, 241, 293, 308, 324—326, 327, 328, 329, 330, 402.
Кунгурский уездный Земель Исполком 528, 536, 545, 602.
Кунгурские вогулята 215, 228, 314.
Кунгуры, с. 272.
Кунгурские кожевни 430.
Кунгурцевы, с. 496.
Кунгуры, с. 53, 357.
Купальщицы, с. 241.
Купальщицы лес. 95.
Куракъ, с. 73, 76, 417, 420, 482.
Курганская слобода 98.
Курганский завод 156, 192, 204, 227, 229, 362, 363, 366, 368, 369, 438, 439.
Курганы, с. 263.
Курефа, с. 418, 434.
Курочкины, с. 265.
Курочкинский сереброплавильный завод 232.
Курский (Шадринский) завод 29, 161, 163, 196, 339, 344, 345, 384, 498.
Куты, с. 54, 134.
Кутомары, с. 352.
Кутомарский сереброплавильный завод 252, 341, 343.
Кушаевский форпост 33.
Кушнурская слобода 315.
Кыштымский (Верх.-Уфим.) з. 267.
Кыштым, с. 199, 267, 275, 276, 277—279, 292, 356, 432, 502, 508, 509, 510—512, 516, 520.
Кыштымская таможня 277.
Кыштымский форпост 277.

Лавров, с. 60, 206.
Ланинский завод. См. Ланинский металлургический завод.
Ларинская Америка 232.
Лебяжий ключ 163.
Легостаевская слобода 314.
Ленчинская, с. 237.
Ленчинский завод. Ленчинский завод. См. Троицкий Ленчинский завод.
Лесь, р. 19, 46—49, 51, 52, 55, 65, 66, 69, 70, 72, 74, 76, 78, 82, 90, 142, 143, 144, 145, 150, 162, 165, 206, 225, 345, 349, 370, 375, 395, 404, 507, 510.
Лесная площадь пожара 521.
Лесное тавро 443.
Лесной полк 51, 126.
Лесной форпост. См. Исаков, с. и Лесной.
Лесной район 126.
Линейный тракт 406.
Липовская застава 267.
Липовский погост 267.
Липчанская вол. 227.
Лисьи очы 347.
Лозьва, р. 32.
Лозьвинский городок **32, 87.**
Лозьвинский сереброплавильный завод 234, 245, 330, 499.
Лойно, г. 405.
Лопухов, с. 244.
Лубяной, с. 240.
Луганский (Луганский) медеплавильный завод 250.
Лудяна, с. 54.
Лукояновы, с. 196, 446.

Мельки, с. 291.
Мальцевы, заводы 4, 12.
Мальцевский рудник 250.
Мариинский (Троицкий-Сар) завод 586, 524, 467, 468.
Маяковский погост 44, 95.
Медная (Вашинская) дер. 181.
Медный Холм. См. Сухой Лесъ.
Медянский хребет 240.
Медянский, с. 405.
Медянск, с. 513.
Мелет, с. 53.
Мендерин, дер. 311.
Мингалеевы, станция 133.
Минусинский уез. 16, 42—44, 73, 77, 78, 135, 137.
Мир, завод см. Троицкий-Мир, зав.
Миасская, с. Златоустовский острог 42, 45, 46, 47, 76, 77, 89, 91, 92, 102, 112, 140, 161.
Мишкя, с. 85, 86, 116.
Мишкинские, 39.
Мирабиты, с. 315.
Мирабитская гавань 200, 314.
Мирабитский завод 168, 304, 399.
Мирабитская линейка 267.

Мясленский окр. 313, 314.
[illegible] 134.
Матвея, о-ва 351.
Маточкин Шар, пролив 488.
Машурин остров 318.
Мая, р. 49.
Меганский улус 444.
Медвежий рудник 228.
Медвежьи о-ва 196, 348.
Медведская, дер. 237.
Медвежьая пристань 401.
Мелесская вол. 107.
Мелесский острожек 36.
Мелжалинский Третий пиелет 444
Мяс (Мяяс), р. 39, 72, 75.
Мялетина, дер. 181.
Мялкова, дер. 196, 371.
Минусинск, г. 40, 415, 472, 478.
Минусинская котловина 46, 62, 193, 272.
Минусинские степи, Минусинский кр-д 40, 198, 273, 275.
Минусинский окр., у-д 363, 365, 368, 369, 394, 399, 409, 485, 419.
Мололовка, р. 395.
Монголия 44, 46, 58, 106, 145, 155, 273, 323, 405, 411, 412, 416.
Моравлиха, р. 182.
Москва, г. 26, 29, 32, 34, 36, 37, 40, 46, 80, 86, 120, 125—127, 132, 133, 141, 142, 145, 147—149, 151, 152, 154—[illegible], 165, 170, 174—178, 266, 269, 271, 274, 277, 307, 337, 409, 453, 491, 496.
Московская губ. 277.
Московский тракт. См. Московско-Сибирский [illegible].
Московско-Иркутский тракт. См. Московско-Сибирский [illegible].
Московско-Сибирский тракт 190, 216, 268, 269, 272, 273, 285, 315, 357, 360, 362, 365, 372, 375, 406, 407, 466.
Мостовая дер. 237.
Мрасса, р. См. [illegible].
Мука, р. 82.
Мымаков улус 47.

Нарым, г., Нарымский острог 32, 34, 37, [illegible], 74, 75, 143, 185, 212, 226, 270, 308, 328, 370, 415, 469.
Нарымская ярмарка 408.
Нарымский у-д 126, 130, 213, 216, 308, [illegible].
Невья, р. 86, 120.
Невьянская слобода 38, 81, 141.
Невьянские металлургические заводы 231, 258.
Невьянский Богоявленский м-рь 112, 116, 117, 200, 221.
Нерча, р. 53, 54.
Нерчинск, г., Нерчинский острог 53, 54, [illegible], 69, 73, 92, 120, 134, 135, 145, 149, 1[illegible]8, 162, 169, 251, 272, 279, 342, 346, [illegible], 366, 380, [illegible], 397, 398, 327, [illegible], 340, 408, 415, 462, 478, 482.
Нерчинские заводы, рудники 188, 251, 252, [illegible], 282, 311, 321, 332, 340, 349, 372, 387, 393, 435, 442, 466, 467, 478. См. также Сибирские заводы.
Нерчинский край 490.
Нерчинский окр., у-д 73, 126, 218, 250—252, 279, 282, 308, 309, 326—328, 343, 363, 367—370, 381, 387, 389, 392—394, 399, 403, 439, 440, 481.
Нижегородская ярмарка. См. Макарьевская ярмарка.
Нижне-Ишимская в. [illegible], 51, 52.
Нижне-Камчатский окр. 431.
Нижне-Камчатский острог 151, 194, 19[illegible], 317, 344, 370.
Нижне-Колымский острог, Нижне-Колымское зим. 49, 59, 281, 429.
Нижне-Омская дер. 41.
Нижне-Сузунский завод. См. Сузунский металлургический завод.
Нижне-Тагильский железоделательный завод 236.
Нижнеудинск, г. 406, 415, 482.
Нижнеудинский окр., у-д 277, 358, 368, 369, 395, 399.
[illegible] зим. 49.
Нижний Новгород, г. 439.
Нижняя Бирза, р. 252.
Нижняя Таймыра, р. 345.
Нижняя Тунгуска, р. 42, 43, 46, 143, 162, 403.
Николаевск-на-Амуре, г. 415.
[illegible] застава, крепость 182, 411.
Николаевский [illegible] завод 385, [illegible].
Ниця, г. 72, 86, 407.
[illegible] см. [illegible] 141, 267.
Ницынские юр-ы 267.
Новая Земля, о-ва 42, 488.
[illegible], г. 166, 355.
Новгородские [illegible] 474.
Ново-Ишимская [illegible] 200, 268.
Новопавловский металлургический завод 239, 245.
[illegible].
Новосибирская обл. 249.
Ногайская земля 35, 36.
[illegible] 246.
Нюрба, урочище 371.
Нюрнберг, г. 403.

Обдорск, г. 418, 443.
Обдорская вол. 95.
Обдорская ярмарка 408.
Обская губа, залив 37, 41, 42, 76, 154.
Обско-Иртышская водная система 407.
Обской городок 30, 32, 34, 259.
Обской Север 271, 272, 418.
Обь, р. 9, 27, 30, 32, 34, 36, 39—42, 56, 57, 72—76, 82, 95, 158, 162, 188, 190, 191, 198, 212, 228, 230, 234, 257, 267, 270, 286, 287, 297, 299, 345, 351, 373, 374, 407, 417, 419.
Обь, р. 120.
Овгрняк, дер. 74.
Ока, р. 45, 51, 75, 388.
Октябрьская слобода 39.
Олекма, р. 47, 50, 53, 393.
Олекминск, г., Олекминский острог 370, 415.
Олекминская, дер. 370.
Олекминский окр., [illegible] 309, 371, 399.
Олекск, р. 49, 58, 371.
Олонецкие металлургические заводы 236, 239.

Омыки, с. 482.
Омыцкие земли, 95.
Омыцкий зал. 45.
Он-ин-ура, гора 439.
Онэзеро, р. 290.
Оно, г., Онежский острог 187, 191, 325, 332, 336, 337, 339, 346, 362, 406, 407, 411, 414—416, 419, 459, 474, 475, 478, 481, 482, 488, 495, 496, 500, 501.
Онежская губ. 435.
Онежское поморье, 63, 177, 183, 188, 153, 182, 214, 268, 308, 328, 334.
Онежское оз., 40, 440, 439.
Онежские заливы 183.
Онежские ледовые наблюдения 438.
Онежские усть-цевья 116.
Онежский погост, 190, 192, 207, 209, 227, 553, 558, 602.
Онтогенез проекты 181.
Оно, р. 95, 40, 41, 269.
Опись, с. 552.
Описные книги, должные 387, 555.
Описи-переписи, см. Переписи г.
Опольцы, с., 320, 476.
Оренбургский край 369, 438.
Оригинальные книги Оригинальной книги 321, 330.
Орлецкая вол., 11.
Орлецкий погост 14.
Орлец, п. 153.
Орлов, с., п.о., Орловский острог, Орловское дело 140, 165, 180, 324, 329, 293, 318, 326, 344—351, 362, 370, 371, 406, 445.
Орлецкая губ., Орловский край 242, 369, 551.
Орловский таможенный округ 372, 402.
Орловский таможенный округ 280, 282.
Орловский уезд 269, 286.
Орлово-Казанский край 193, 281, 371.
Орлецкое (Печорское) море 68, 80, 86, 157, 95, 159, 544, 545.
Орлецкое побережье 40, 53, 98, 104, 156, 157, 164, 557, 569, 588, 544, 568, 546, 570, 426, 428.
Орел, г., 39.
Орлецкая вол. 316, 243.

Пакгаузный металлургический завод, 233, 235, 245, 586, 321, 579, 587.
Палеолит г. 407.
Палеоз, пос. 76.
Палеографический памятник 34.
Палеоз, г. 153.
Палеоз, п. 90.
Палеозавры, 46, 576.
Палеоз, г. 52, 53, 57, 74, 205, 255, 270, 308.
Палеоз, п. 35, 537.
Палеозой оз. 326, 196, 244, 308.
Палеозой медицина 247.
Палеозой, п. 80.
Палеозой, п. 154, 305, 314, 316.
Палеозойская губ. Земли 50, 151, 191.
Палеозойское море. См. Онежское море.
Палеозойский погост 482.
Палеозой гор. 560, 438.
Палеозой земля 26.
Палеозой генерал-губернаторство 243.
Палеоз г. 52, 54, 336, 405, 472.
Петербург, п. 40, 41, 162, 232, 284, 289, 325, 232, 311, 327, 360, 346, 371, 403, 426, 443, 459, 461, 555, 559, 476, 486, 537, 571, 586, 588.
Петровский железоделательный завод. Петровский оружейн. 232, 252, 341, 371, 387, 388, 455, 467, 468, 472, 499.
Петропавловск, г., Петропавловская (Св. Петра), крепость 182, 213, 268.
Петропавловская таможня 369, 411.
Петропавловский порт. Петропавловская гавань 194, 195, 346.
Печора, р. 75, 270.
Печ. р. 111.
Печорский (Онежский) волоковый система 194, 199.
Печатный станок 228.
Пешеходный (судно) 258.
Поповцы, с. 25, 31, 50, 149, 165, 217.
Подводное дно 74.
Поездовский архипелаг 231.
Поездовский оз. 199.
Поездовский, п. 438.
Поездовский Оригинал, п. 33, 43, 73, 141, 504, 545, 470.
Поездка (Объездной), оно 38.
Поездовское оно 92.
Поездовские оно 74.
Поездовские острова 183.
Поездовское озеро 116.
Поездовская выпуска 163.
Поездка Петра, цесаря, посещение северных заводов 185, 191.
Поездки Петра I, см. по 323, 17.
Поездки 31, 70, 118, 132.
Поездка, п. 59.
Поездовские (на Онежское) море 220.
Поездовское 102, 203, 205, 208, 304, 295, 299, 455.
Поездовская крепость 153.
Поездовская крепость 143.
Поездовская (на Онежское) море. См. Онежское море.
Поездовские 92, 94, 112, 161, 392, 400, 406.
Поездовье 117, 285, 470.
Поездовское, Поездовский залив 65, 111, 71, 75, 141, 114—26, 149, 175, 204, 214, 542, 575.
Поездовский 643 196.
Поездовский край 275.
Поездовские (Поездовские) озера 58, 59, 97, 175, 151, 185, 190, 193, 219, 323.
Поездовье 52—53.
Поездовские оно 395.
Поездовье 29, 33, 34, 40, 41, 100, 184, 187, 193.
Поездовье 36, 39, 40.
Поездовье 23, 27, 32, 136, 318, 316.
Поездовье 58.
Поездовье, п. 448.
Поездовье, п. 75, 132.
Поездовье, 2—42, 53, 56.

Разведки оз. 89.
Разрядов Тверской муз. 23.
Разрядные листовки 115, 116.
Разрядный приказ 272, 287.

Новый Уренгой, г. 114.
Ростов (Ярославский), г. 184.
РСФСР 293.
Рыбинский водоем 398.
Рыбный пр. См. Яшкинский залив.
Рыпуси, о. 94.

Сайгачьи ущелье 233, 279, 293, 365-367, 392, 394.
Сальяновка, дер. 294.
Самаркандская цивилизация 402.
Самаркандское плато 402.
Самарское пр. 193, 196, 207.
Самара, г. и 195, 204, 212, 488.
Самаркандский залив 154.
Самотлорский залив 110.
Сапожный ледник 16, 208, 272.
Сарай Батыев город, Золотой город 166, 37, 401, 402, 498.
См. Астрахань, город 951.
См. Хаджитар, ам 241.
См. Ветхая крепость. См. Петропавловская крепость.
См. Вологда, ам. 155, 385.
Сарепта 288, 364, 369. См. также Каспийское Поволжье, Волжско-Ахтубинская пойма, Волжский Самар.
Северная приводная система. См. Пятиугольная система.
Северная Ахтуба 450.
Северная Ахтуба 450.
Северная Двина 177, 349, 391.
Северный полюс 72, 2.
Северная Ахтуба, ам 251, 290, 346, 347, 504—523, 570, 515, 529, 600.
Сервиз, г. 53, 54, 73, 86.
Сердобск, г. Пензенский, город 29, 31, 75, 158, 275, 295, 322, 330, 344, 390, 411, 470, 471.
Сибирский соляной залив 403.
Сибирский ам 368, 389.
Сибирский Тянь-Шань 220.
Сибирское водохр 110.
Сибирский рудник 202.
Сибирь, г. См. Сибирская область, 77, 128, 260—268, 405, 407, 411, 478.
Сибирская таможня 398.
Сибирский ам. 28, 202, 280.
Сибирская губ. 18, 122, 125, 146, 192, 301, 308, 309, 368, 386, 389, 411, 540, 551.
Сибирская область 371. См. также Алтайский край, Кемеровская область.
Сибирский Соляной зал 111.
Сибирский ам. См. Восточно-Сибирский ам.
Сибирский тракт 25—27, 30, 47, 57, 95, 107, 239.
Сибирь, г. См. Кольцо.
Сибирская область 182.
Сибирь, о. 20.
Сибирский (Ново-Кавказ), г. 27, 47, 55, 80, 271.
Сибирская пристань 177, 388.
Сиваш-Биюкский, г. 65, 80.
Сивашский, г. 64.
Сибирский остров 39, 40, 281.
Сибирь, г. 94.
Сибирский Митрополичий дом, в г. Тобольске 112, 113, 164, 165, 175, 220.
Сибирский тракт 305.
Сибирь-Кавказ, г. См. Сибирь-Кавказский ам. 49, 415.
Сибирь, озеро 29, 31, 237, 267, 368, 412, 465, 411, 417, 473.
Сидорова Балка, г. 292.
Сидоровка, пос. 7.
Сизовская волость 197.
Сизовский залив 228, 498.
Синдрение, место поселения стариннорельефа 185.
Синий край 365.
Синий хутор 419, 423, 435, 426, 514, 445.
Синицына ам. 345.
Синельник, г. 156, 169.
Синицына ам. 457.
Сирийск, дер. 437.
Сызрань (Новая Сызрань) железнодорожный завод 233, 234, 290, 228, 239, 264, 345, 346, 527, 563.
Сызрань (Новая Сызрань) Минский пос. 294, 233, 336, 339. См. также **Сызранский металлургический завод.**
Сингиль, г. 154.
Синтон, дер. 371.
Сингиль, г. 84, 26, 32, 33, 131—135, 342, 395, 396, 466, 478, 495, 496, 497.
Синичка, г. 34.
Синичкин овраг 333.
Синичкино, г. 34, 128, 248, 308.
Кутьяр, дер. 437.
Сызрь (ныне (Малый), г. 361.
Сызь 398.
Сызь, г. 32.
Сызь, г. 26.
Сим, г. 44, 58.
Синяя гора, дер. 41.

Таборинский период 287.
Табор, г. 38, 31—33, 37, 62, 39, 417.
Таганрогский зал. 477.
Тагильск, г. 23, 190.
Тагильский период 141.
Тагил, г. 91, 42, 56, 57, 76—80, 151, 256, 310, 342.
Тагильская культура 76.
Тайгин, пос. 32, 96, 236, 388, 417, 428.
Таллинская фаянсовая фабрика 276.
Таллинский стеклодувательный завод 276.
Тамань, г. 252.
Таманский автомобилестроительный завод 333, 335.
Таманский п-ов 65, 76, 91, 94, 135, 165, 172, 187, 196, 274, 275, 292, 295, 308, 328, 377, 446, 495, 514, 515, 552.
Тамань, г. 30, 37, 73, 192.
Тамбов, губерния 122.
Тамбов, губ. 19, 23, 31, 36, 38, 52, 120, 157, 190, 198, 199, 222, 230, 269, 310, 314, 417, 222, 268, 308, 309, 581, 580.
Тамбов, город 262.
Тамбов, г. 35, 53, 196, 197.
Тамбовская область 15.
Тамбовские земли 39, 210.
Тарасов, дер. 124.
Тарасов, остров 193, 344.

Тимошкин, рис 27.
Тимпан, р. 229
Тимошинский острог 83
Тимофеев мыс 189, 199.
Тимошка, р. 202.
Типография типичный штукатурка. См. Типичная кирпичная стена (кладка)
Типичный [illegible]
279, 276.
Тиа, с. 284.
Типография кирпич Типичный завод 194, 348
Типичный водопад 182
Типичная кирпичная стена (кладка) 18, 42, 21, 69, 73, 85, 105, 108, 104, 113, 135, 161, 167, 321, 500, 533, 545, 547—572, 584, 378, 384, 396, 421, 437.
Типичная, 228, 17.
Типичный, с. 28, 30, 33, 34, 37, 72, 75, 92, 102, 105, 206, 269, 405
Типично-Ишимская низменность 448
Типичный, с. Типичный острог 19, 12, 26, 32, 33, 40, 55, 57, 67, 70, 73, 74, 79—82, 86, 88—91, 93, 98, 113, 119, 120, 125, 133, 136, 137, 143, 145, 152—160, 162, 164, 166, 169, 171, 175— [illegible] 182, 187, 189, [illegible] 2, 8, 230, 232, 234, 239, 243—251, 273, 279, 282, 284, 302, 303, 305, 306, 316, 320, 324, 325, 326, 328, 330, 332—342, 345, 363, 405, 406, 407, 409, [illegible] 416, 445, 447, 450, 454, 456, 459, 471, 472, 481, 483, 485, 495—496, 498, 500, 502.
Типичный бумажная фабрика 203.
Типичный уезд 113, 151, 200, 226, 270, 305, 324, 328, 332, 370, 390, 393, 521, 580, 589, 594, 605, 606, 453, 456, 482.
Типичный завод 113, 433, 524.
Типичные [illegible] конфессиональная школа Кузнец 418
Типичный полуостров 117, 189, 191, 268, 364
Типичная кампания 333
Типичная комиссия 505.
Типичный уезд 28, 29, 33, 36, 74, 120, 126, 182, 183, 190, 202, 205, 210, 217, 222, 227, 233, 237, 259, 308, 309, 362, 365, 366, 477, 536
Типичный вокзал 116
Тобольский стеклянный завод 203.
Тобольский Литературный м-р 117, 119, 120, 423.
Тобольский Преображенский м-р 203
Тобольский Рождественский м-р 203
Тобольская область 288, 331, 369.
Тобольское [illegible] губернаторство 241.
Тобольская [illegible] 193, 195, 198, 202, 204, 207, 209, 211, 259, 287, 309, 312.
Томск, г. Томский уезд 12, 36, 48, 67, 87, 96, 23, 85, 88, 90, 94, 117, 120, 135, 145, 153, 208, 250, 261, 271, 226, 288, 273, 277, 297, 299, 302, 326, 329, 345, 364, 373, 406, 409, 416, 417, 441, 455—472, 492, 496, 477, 482, 485, 490, 500—502.
Томская губ. 111, 164, 218, 360, 363, 364—369, 375, 376, 384, 385, 389, 395, 402, 403, 439, 456, 461, 491, 495, 498, 499, 503, 681.
Томская обл., Томский край 182, 220, 270, 331.
Томский археологический [illegible] 225, 229, 239, 250, 251, 257.
Томский 260, 27, 36, 38, 40, 42, 49, 58, 110, 113, 116, 136, 138, 142, 144, 147, 167, 180, 192, 193, 198, 200, 205, 210, 214, 219, 222, 229, 237, 240, 243, 247, 260, 264, 269, 280, 289, 321, 360, 362, 368, 370, 374, 380, 382, 396, 400, 477.
Томский район 270, 320.
Томский Алексеевский [illegible] 299, 231, 234.
Томск с. геомет 218, 220, 44
Томь, р 36, 37, 39, 57, 62, 79 228, 235, 494.
Тонгусское [illegible] 117.
Тонгусы, р 295.
Тоболяки, мыс 211.
Тоцкинская [illegible] 120.
Тоцкий солеваренный завод 222, 355, 405.
Тоцкинский, с. 315, 420.
Тоть, р. 57
Тоцкая [illegible] 11.
Тоцкое, с. 191.
Тоцкая [illegible] 290.
Тоцкие, р. 305.
Тоцкое, [illegible] 378.
Тоцкий, [illegible] 423.
Тоцкий, р. 27, 30, 31, 37, 52, 62, 63, 74, 78, 83, 215, 265, 480.
Туринск, с. Туринский острог 47, 73, 82, 86, 91, 211, 255, 286, 290, 292, 308, 332, 334, 336, 412, 417, 462.
Тур [illegible] бум [illegible] 290.
Туринская вол. 116
Туринский окр. 74, 126, 184, 196, 202, [illegible] 211, 255, 259, 345, 351, 353, 365, 417, 420, 437.
Туринск, р. 496.
Туринск, с. 78, 350.
Туринский [illegible] острог, [illegible] 43, 79, 91, 92, 0, 162, 272, 308, 395, 419 [illegible]
Туртасская волость 272.
Туртасские [illegible] 286, 366, 369, 380, 403.
Турнир, 26.
Турунтаевка, д. 81, 82, 420
Тыва, р. 25, 26.
Тыгишинка, р. 165.
Тюмень, с. 363, 415.
Тюменский [illegible] 137, 197, 261, 262.
Тюменский зимний 380.
Тюменский, [illegible] 4, 55, 126, 147, 151, 153, 158, 199, 233, 263, 265, 267, 280, 281, 298, 322, 323, 325, 329, 333, 420, 563, 565, 566, 569, 586.
Тюменский тракт 267
Тюменский Тюменский м-р 220, 521.
Тюменское водохр. 224
Тюмень, г. Тюменский острог 30, 33, 35, 42, 54, 55, 82, 85, 91, 123, 125, 130, 149, 164, 168, 170, 173, 175, 182, 189, 212, 226, 255—257, 259—264, 270, 290, 292, 308, 328,

337—339, 362, 406, 407, 413—416, 471.

Уба, р. 182, 185.
Убинский форпост 182.
Усинские, с. гор.
Усецкая слобода 313.
Углич, г. 168.
Уда, р. 73, 189, 401.
Удерей, р. 395.
Удерейские приписки 396, 441, 442.
Удинск, г., Удинский острог 51, 53, 69, 92, 137, 150, 308, 346.
Удинская провинция. См. Верхнеудинская провинция.
Удинский у-д 308, 309.
Удский острог 194, 344, 371.
Удская дистанция 213.
Удская укр. линия 213.
Ульба, р. 40, 41, 185, 189, 228.
Ульдикит, р. 395.
Улья, р. 49, 53, 154.
Умпах, о-в 351.
Умрева, р. 39.
Умревинский острог 39, 40.
Умалашка, о-в 351.
Унга, р. 51.
Урал, Уральские горы, Уральский хребет 26, 27, 32, 37, 39, 42, 51, 56, 57, 61, 72, 79, 108, 119, 153, 155, 169, 181, 196, 205, 211, 213, 220, 226—228, 231, 233, 235, 236, 240, 242, 248, 254, 255, 257, 263, 266, 267, 282, 286, 313, 321, 349, 351, 360, 393, 395, 404.
Уральские горы, у 369.
Урик, с. 470, 471, 478.
Уртам, р. 39.
Уртамская слобода, Уртамский острог 39, 40.
Уральское ведомство 446.
Усахи, р. 85.
Усмань, с. 156, 402, 403, 465.
Усольский соляноваренный завод. См. Иркутский соляноваренный завод.
Уссури, р. 155.
Усть-Каменогорск, г., Усть-Каменогорская застава, крепость 40, 177, 182, 185, 187, 189, 191, 228, 268, 308, 346, 372, 373, 406, 407, 411.
Усть-Каменогорское ведомство 191.
Усть-Кирейская вол. 51.
Усть-Кирейская ярмарка 146.
Усть-Кирейский у-д. См. Илимский у-д.
Усть-Кутская вол. 51.
Усть-Кутская ярмарка 145, 146.
Усть-Кутский острог 52, 346.
Усть-Кутский соляноваренный завод 86, 403.
Усть-Кутское плотбище 82.
Усть-Ламская крепость 181.
Усть-Ламинская слобода 75.
Усть-Мясская слобода 39.
Усть-Ницинская слобода 257.
Усть-Суерская слобода 316.
Усть-Чарышская, дер. 314.
Устюг, Устюг Великий, г. 63, 76, 80, 170, 271
Устюжская провинция 189.
Устюженский у-д 63.
Устюжский Архангельский м-рь 116.
Утеколка, р. 318.
Утицкая слобода 75, 316.
Уфимская губ. 205.
Учур, р. 53.
Ушайка, р. 36, 500.
Ушединское зим. 49.

Финляндия 96, 342.
Фомиха, р. 394.
Форрестер, о-в 346.
Франция 353, 449, 453, 467.

Хабаровск, г. 432.
Хакасия 272, 489, 497.
Хапас, урочище 440.
Халтайская слобода 42.
Харауллх, р. 345.
Харьковская губ. 205.
Хатанга, р. 43, 36, 294, 345.
Хета, р. 43.
Хилка, р. 53.
Хоккайдо, о-в 155.
Холмогорье, село 160.
Холмогоры, г. 80.
Хомолхо, р. 395.
Хонсю, о-в 346.
Хонхолон, р. 445.
Хорпинская степь 445, 446.
Хорошее, поместье 445.
Хрома, р. 345.

Цаган, р. 52, 395.
Цаганхек, р. 395.
Цивильский дацан, ламаистический м-рь 297.
Цнтрайдет, торговый путь т 277.

Чалбуча, р. 252.
Чаванские сидни 436.
Чарыш, р. 188, 189.
Чарышская слобода 214.
Чарышский форпост 182.
Чаук, р. 59, 290
Чаунская губа 348.
Чаус, р. 59.
Чаусская вол. 314.
Чаусский острог. См. Колывань г.
Челябинск, г. 320.
Челябинский окр. 438.
Чердынский у-д 63.
Чердынь, г. 32, 33, 55, 63.
Черемшанская вол. 437.
Черноуцкая слобода 181, 214.
Черноуцкий острог 181.
Чечуйская вол. 204.
Чекуйские деревни 75.
Чикой, р. 395.
Чинга-Тура, укрепление 31.
Чинчина, дер. 41.
Чита, г., Читинский острог 346, 415, 467, 468, 471, 499.
Читинский завод 468
Чубаровская слобода 257, 313.
Чуванский мыс. См. Подчевэш, мыс.
Чукотка, Чукотский н-ов 59, 103, 104, 154, 290, 291, 317, 318, 344, 347, 349, 351, 352, 417, 429, 430, 488.
Чукотская ярмарка. См. Анюйская ярмарка.

Чукотский Северный морск 230.
Чульман, р. 36, 45, 57, 107, 419.
Чумацкий тракт. См. Якутский тракт Московская дорога.
Чуонан, р. 285.
Чуронна, оз. 96, 97.

Шадринское село 405.
Шадринская провинция 217.
Шадринский окр., уез 202, 205, 209, 219, 414.
Шамские порожи 30.
Шантарские осва 30.
Шантарские острова 29.
Шаманск, м. 348.
Шарыпа, р. 59.
Шелагский мыс 39.
Шемахинка, р. 432.
Шиланский, корпус 182.
Шилка, р. 32, 34, 232, 312, 394.
Шилкинский укрепительный замок 234, 479.
Шипицына, дер. 76.
Шипицыно, дер. 237.
Шипуново, дер. 237.
Шиш, р. 30.
Шишковка, заим. 30.
Шишковский улус 443.
Шилка 57.
Штурманск, р-к 350.
Шугур, р. 405.
Шульбинский завод 231.

Эгина, р. 344.
Эконом аул 47.

Юдинская заимка 31, 34.
Юдинский Шиш, тункт 42.
Южная архивная система 503.
Юлтурское село 45.
Юрюнгская слобода 375.
Юрюнгск в госс 380.

Юсковский поселок 467.
Юшк, р. 319.
Якутия, Якутская земля, Якутский край 13, 46, 47, 50—53, 57, 78, 86, 99—101, 104, 131, 142—144, 147, 174, 194, 212, 223, 286, 289, 364—366, 385, 389, 340, 343, 363, 370, 371, 395, 404, 417, 423—427, 432, 444, 465, 497.
Якутск, г., Якутский (Ленский) острог 22, 47—50, 55, 60, 68, 74, 76, 84, 92, 102, 126, 131, 132, 165, 168, 186, 147, 151, 161, 172, 175, 194, 204, 212, 214, 221, 224, 253, 256—262, 284, 285, 288, 317, 321, 326, 346, 362, 370, 406, 408, 413, 426, 444, 469.
Якутская обл., 196, 288, 294, 360, 372, 388, 408, 409, 426, 432, 479.
Якутская провинция, 295, 309.
Якутская земля 373—405.
Якутский в-д., Якутское наместничество 68, 73, 93, 96, 119, 126, 190, 308, 309.
Якутский Северный мыс 324.
Якутское Усинский заимк 428.
Якутоярск, г. 208, 346, 415, 473, 478, 487, 500.
Нагорнский дат. зоо., ук., 187, 192, 193, 196, 202, 207, 209, 210, 212, 213, 217, 222, 227, 237, 360, 318, 320, 323, 362, 363, 365, 366, 468, 437, 438.
Якутское воинство 217.
Ямск селение 194.
Ямской-город, Якутское село 40, 84, 85, 94, 158, 266.
Ямская, станция 342.
Ямщицкая крепость 40, 85, 268, 325.
Ямь, р. 49, 295, 345, 345, 371.
Янгиар 340.
Яренга, р. 57, 60.
Ярославский зав 280.
Ярославль, г. См. Кинеть.
Ярославцы, г. 80, 133.
Ясашбашкие волости 28.

Перечень сокращений

воев.	— воевода
г.	— город
горн. окр.	— горный округ
горн. рай.	— горный район
губ.	— губернатор
дер.	— деревня
дист.	— дистрикт
двор.	— дворец
зим.	— зимовье
золот.	— золотопром
к-т	— комитет
кам.	— камень
окр.	— округ
пров.	— провинция
п.	— пункт
рек.	— река
с.	— село
ук.	— указ
Ук. Ленин	— указанная линия

Список иллюстраций

Стр.

Губ. Сибирь. Из писцовой книги 1699 г. Тетеомерологическое собрание ОПИИВ СО АН СССР 24–25

Ермак. Из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова 29

Чертеж деревень за границе Енисейского и Нижнего уездов XVII в. . . 71

Дощаник типа озер Якимовского острога. Рис. С. У. Ремезова 83

Летописательный свиток. Из «Хронографа частного» С. У. Ремезова . . 85

Список известных имен. Из «Скрижали летописной» С. У. Ремезова . . 89

Списковая территориальная о Сибири. Гравюра из кн.: N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692 97

Предварительная карта России. Гравюра из кн.: N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692 101

Автограф С. У. Ремезова «Начала на Хутыни реке» 167

Схема и планы Якутского острога. Фотография 70-х годов XIX в. . . . 173

Деловая планка русского плотника Зырянского (Вологда). XVII в. . . . 174

Спасский собор в г. Тобольске. 1680 г. Современный вид 175

Геометрический знак 1800 г. и современный знак Гуляевского погоста в г. Енисейске 178

План Петропавловской гавани. 1786 г. 195

План Кольмано-Воскресенского завода. XVIII в. 229

Сибирские деловые заметки Сургутского межевого штаба. Из коллекции Н. Ф. Реклинского 234

Тюмень. С гравюры XVIII в. 265–269

Тобольск. С гравюры XVIII в. 265–269

Иркутск. С гравюры XVIII в. 272–273

Калитка двух из сибирск. С рисунка начала XVIII в. 288

Гербы сибирских городов 295–305

Гагульный лист якутских «Книг, переписанных в Якутске» 330

Лик сосуда Волынщинской Спасской XVIII в. (вторая XIX в.) 339

Лик плиты в Охотском море. Гравюра худ. Е. М. Корнеева 373

Кухарка и Сибирка. С миниатюр худ. Е. М. Корнеева 396

Церковный сосуд. С гравюры худ. Е. М. Корнеева 416

Прибытие народных из Тобольска на Нижегородскую ярмарку. С гравюры худ. Р. М. Кирсанова 308

Сибирячки и сибиряки. С гравюры худ. М. С. Знаменского 411

Тобольск. Каменный кремль. С гравюры худ. М. С. Знаменского 414

«Русский сундучок (Якутск). Рисунок и гравюра худ. Е. М. Корнеева . . . 429

Тонтинский пушкарь. Эскизы и гравюра худ. Е. М. Корнеева 437

Весенний перед в г. Тобольске. С гравюры неизвестного художника нач. XIX в. 454

Карта. Вотчинные земли монастырщины в научные монастыри и Сибири конца XVII—XVIII вв. (вклейка).

Карта распространения этнических групп, составлявших основу в разное время Сибири в XVII в. (вклейка).

Список иллюстраций

Стр.

Герб Сибири. На московской гравюре 1690 г. Типографское воспроизведение ГИПХЛ СО АН СССР. . . . . 24—25

Ермак. Из «Истории Сибирской» С. У. Ремезова 29

Зерцало детинец на плане Енисейска и Енисейску начала XVII в. . . . 71

Дубовая основа башни **Ишимского острога.** Рис. С. У. Ремезова 85

Мотовилихинский цех. Из «Служебной минеральной книги» С. У. Ремезова 85

Проект известковых печей. Из «Служебной минеральной книги» С. У. Ремезова 97

Способы переправления в Сибирь. Граница на кн.: N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692 97

Предполагаемая карта Северо-Западной Монголии по кн.: N. Witsen. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692 101

Автограф С. У. Ремезова «Повести на Кучума царя» 167

Сотня и башня Якутского острога. Фотография 70-х годов XIX в. 173

Деревянная церковь русского поселения Зашиверска. Вид нач. XVII в. . . 174

Соляклеть (амбар) в г. Тюкалинске 1686 г. Гуревичский лист 175

Первоначальный план (или проект) каменных или деревянных двухэтажных строений 196

План Петропавловской гавани 1798 г. 198

План Колмаково-Воскресенского завода. XVIII в. 229

Сибирская медная монета Сузунского монетного двора. На лицевой стороне — Ермак 284

Тобольск. С гравюры XVIII в. . . . . 208—209

Тюмень. С гравюры XVIII в. . . . . 209—210

Иркутск. С гравюры XVIII в. . . . . 272—273

Колышная сажа на тойлоках. С карты начала XVIII в. 303

Горбы сибирского типажа . . . . . 304—305

Тотемный знак якутских князцов, происходящих от Нюгуяра 334

Дом купца Колмакова. Середина XVIII в. (вторая пол. XIX в.) 369

Зов лисиц в Охотском море. С гравюры кон. II. М. Корнилова 371

Кольцов и Синцов. По оригиналу худ. С. М. Корнилова 398

Прощенная книга. С оригинала худ. Ф. М. Корнилова 406

Прощенная челобитная на Тобольском на Нефтяном промысле. По оригиналу худ. Е. М. Корнилова 409

Служилый с пищалью. С оригинала худ. М. С. Знаменского 431

Тобольск. Вознесенская церковь. С оригинала худ. М. С. Знаменского . . . 434

Ландыш чешуйчатый (Фрагмент). Рисунок и гравюра худ. Е. М. Корнилова . . 521

Таежный пейзаж. Рисунок и гравюра худ. Е. М. Корнилова 422

Русский народ и т. Тобольске. С оригинала неизвестного художника кон. XIX в. 451

Карта Баскаковых походов, экспедиционных и научных маршрутов в Сибирь конца XVII—XVIII вв. (вклейка).

Карта распространения этнических групп, населявших Западную Сибирь в XVII в. (вклейка).

Оглавление

Стр.

Предисловие 5

Введение 9

Раздел первый

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СОСТАВЕ РОССИИ В XVI—НАЧАЛЕ XVIII в.

Глава первая. *Присоединение Сибири к Русскому государству* 25

1. Присоединение Западной Сибири к Русскому государству и ее заселение 25
2. Присоединение Восточной Сибири к Русскому государству и ее заселение 41
3. Миграция населения и этнические процессы 55

Глава вторая. *Хозяйственное освоение Сибири русским населением и народом Сибири* 61

1. Земледелие, промыслы 61
2. Ремесло, торговля 80
3. Хозяйство и общественный строй народов Сибири 93

Глава третья. *Социальные отношения, управление и классовая борьба* 109

1. Развитие феодальных отношений 109
2. Управление 124
3. Классовая борьба 138

Глава четвертая. *Начало научных Сибири. Культура края* 153

1. Накопление научных сведений о Сибири 153
2. Культура 163

Раздел второй

СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 20—30-е ГОДЫ XVIII в.

Глава пятая. *Производительные силы и социально-экономическое развитие* . . . 181

1. Дальнейшее заселение Сибири 181
2. Сельское хозяйство и промыслы. Крестьянство 198
3. Горнорудная и металлургическая промышленность. Начало формирования рабочих кадров 227
4. Города. Промышленность, торговля и пути сообщения 253
5. Социально-экономическое развитие народов Сибири 285

Глава шестая. *Управление и классовая борьба* 300

1. Управление 300
2. Классовая борьба 312

Глава седьмая. *Культура края и исследование Сибири* 323
1. Культура 323
2. Научные экспедиции и изучение Сибири 343

Раздел третий

СИБИРЬ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ И РОСТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Глава восьмая. *Экономическое развитие и социальные отношения* 357
1. Дальнейшее заселение Сибири 357
2. Сельское хозяйство и промыслы. Крестьянство 364
3. Промышленность и рабочие кадры 385
4. Торговля и пути сообщения. Рост городов 405
5. Социально-экономическое развитие народов Сибири 417

Глава девятая. *Классовая борьба* 434

Глава десятая. *Управление, политическая ссылка и развитие общественной мысли в Сибири* 448
1. Развитие общественной мысли на рубеже XVIII—XIX вв. 448
2. Управление и общественная жизнь Сибири в период войн 1804—1815 гг. 453
3. Организация управления в 20—30-е годы и местное общество 456
4. Декабристы на каторге и поселении 465
5. Сибирь в годы николаевской реакции. Польские ссыльные и Сибирь 474

Глава одиннадцатая. *Культура Сибири* 487
1. Народное просвещение и здравоохранение 487
2. Изучение Сибири и развитие ее научной мысли 488
3. Литература и театр 491
4. Прикладное и изобразительное искусство, архитектура 497

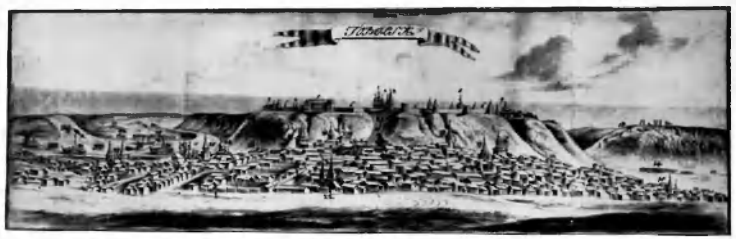
Заключение 503

Список сокращений 509

Именной указатель 510

Географический указатель 524

Список иллюстраций 536



Тобольск. С гравюры XVIII в.

Тверь. С гравюры XVIII в.

ГЕРБЫ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Ирбит 1776

Нижне-Удинск 1790

Ачинск 1785

Бергамо 1785

Енисейск 1785

Кузнецк 1785

Тара 1785

Тобольск 1785

ГЕРБЫ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Якутск 1730

Омск 1730

Нерчинск 1730

Иркутск 1730

Олонецкая 1730

Красноярск 1804

Кузнецк 1804

Томск 1804